

Журнал по юриспруденции

Вопросы российского и международного права

Том 15, № 2А, 2025.

С. 1-630.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

February 2025, Volume 15, Issue 2A.

Pages 1-630.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»

Том 15, № 2А, 2025

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник *Института государства и права Российской академии наук* – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна – доктор юридических наук (5.1.3), профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующая кафедрой гражданского процесса, *Саратовская государственная юридическая академия* – заместитель главного редактора журнала.

Журкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук (5.1.4), заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, *Оренбургский государственный университет* – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4).

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права. Освещаются дискуссионные вопросы теоретико-исторических, государственно-правовых, цивилистических, уголовно-правовых и международно-правовых наук. Предлагаются к обсуждению оригинальные концепции и современные трактовки правовых теорий, проводится анализ нормативно-правовых актов и практики их применения. Формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области публичного и частного права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.Д. Керимов, доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5)
Заместитель главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук (5.1.3)
Заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4)	О.В. Журкина, кандидат юридических наук (5.1.4)
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43670 от 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».
Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»: 42934 «Вопросы российского и международного права».

Цена договорная. Печ. л. 80,75. Формат 60х90/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2025.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 5117.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию».

127918, Москва, Суцевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"

February 2025, Volume 15, Issue 2A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5), Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the **Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences** (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Doctor of Law (5.1.3), Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, **Saratov State Law Academy** (Russia) – deputy editor-in-chief.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – PhD in Law (5.1.4), Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, **Orenburg State University** (Russia) – deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences".

The journal publishes articles on topical problems of the theory and practice of Russian, foreign and international law. The articles deal with controversial issues of theoretical and historical, state legal, civilistic, criminal legal and international legal sciences. The authors propose original concepts and modern interpretations of legal theories for discussion, carry out an analysis of normative legal acts and the practice of their application and formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of public and private law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scholars working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("*Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.D. Kerimov, Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5)
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law (5.1.3)
Deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences"	O.V. Zhurkina, PhD in Law (5.1.4)
Science editor and translator	A.A. Markova
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43670 of 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press": **42934** "Matters of Russian and International Law".

Contract price. 80.75 printed sheets. Format 60x90/8.

Date of release: 30.12.2025.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 5117.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, кандидат философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов, Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, Иностранный член Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности, ФГКОУ ВО Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Клименко Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Начальник кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник президента Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР».

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, председатель московской коллегии адвокатов "Межрегион", профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Российская академия адвокатуры и нотариата.

по направлению: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), Университет прокуратуры Российской Федерации.

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Уральский юридический институт МВД России.

Рождественская Татьяна Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Садовникова Галина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Университет им. О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

по направлению: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Батрова Татьяна Александровна – доктор юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права.

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Вершило Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия.

Головина Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный университет им. В.Ф. Яковлева, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Землякова Галина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Исаенкова Оксана Владимировна – заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Прасолов Борис Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин., Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина.

Соловьева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Хныкин Геннадий Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права, МГУ им. М.В. Ломоносова.

по направлению 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности, Республиканский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания России».

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, Профессор кафедры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ «Тольяттинский государственный университет».

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Журкина Ольга Вячеславовна – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4), кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет.

Захарцев Сергей Иванович – доктор юридических наук, доцент, советник генерального директора, рейтинговое агентство «Эксперт-РА».

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Кардашевская Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент.

Моисеева Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

Нестеров Анатолий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский федеральный центр судебной экспертизы.

по направлению: 5.1.5. Международно-правовые науки

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Павлов Павел Владимирович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Садыкова Эльмира Ленаровна – кандидат юридических наук («Международное право; Европейское право»), доктор политических наук («Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»), профессор, исполнительный директор, Фонд содействия стратегическому диалогу и партнерству.

Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Editorial Board

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, PhD in Philosophy, Professor, Professor at the Department of the theory and history of state and law, Russian Customs Academy, Professor at the All-Russian State University of Justice (Russia).

Baburin Sergei Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, foreign member of the Academy of Sciences of Abkhazia, Professor at Moscow Witte University, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Assistant to the Rector for Innovative Development of Scientific Activities, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Klimenko Aleksei Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the theory of state and law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Stankevich Sigmund Antonovich – Doctor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences, Full State Councilor of the Russian Federation (the 3rd class), Advisor to the President of the Moscow Bar Association "TAMIR" (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor, President of the Moscow Bar Association "Mezhregion", Professor at the Department of international law and public law disciplines, Russian Academy of Lawyers and Notaries (Russia).

5.1.2. Public legal (state legal) sciences

Vinokurov Aleksandr Yur'evich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of international cooperation in the field of public prosecutors' activities, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and international courts of arbitration (commercial courts), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Osintsev Dmitrii Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of administrative law and administrative activities of internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Rozhdestvenskaya Tat'yana Eduardovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of financial law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Sadovnikova Galina Dmitrievna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of constitutional and administrative law, All-Russian State University of Justice (Russia).

5.1.3. Private legal (civilistic) sciences

Batrova Tat'yana Aleksandrovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil and business law, All-Russian State University of Justice (Russia).

Bogolyubov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of environmental and agrarian legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia).

Vershilo Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of land and environmental law, Russian State University of Justice (Russia).

Golovina Svetlana Yur'yevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of labor law, Ural State Law University (Russia).

Zemlyakova Galina Leonidovna – Doctor of Law, Docent, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Isenkova Oksana Vladimirovna – Deputy Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Prasolov Boris Vladimirovich – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of civil law disciplines, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Russia).

Solov'eva Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of civil law, Bashkir State University (Russia).

Khnykin Gennadii Valentinovich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of labor law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.1.4. Criminal legal sciences

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of legislation and comparative intellectual property law, Republican Scientific Research Institute of Intellectual Property (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

Grigor'ev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Togliatti State University (Russia).

Egorov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – Deputy Chief Editor at the area of "5.1.4. Criminal legal sciences", PhD in Law, Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, Orenburg State University (Russia).

Zakhartsev Sergei Ivanovich – Doctor of Law, Docent, Advisor to the CEO, Expert RA rating agency (Russia).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of public prosecutors' supervision and participation of public prosecutors in criminal, civil and commercial proceedings, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kardashevskaya Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent (Russia).

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of forensic examinations and forensic science, Russian State University of Justice (Russia).

Nesterov Anatolii Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Russian Federal Center of Forensic Science (Russia).

5.1.5. International legal sciences

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Pavlov Pavel Vladimirovich – Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of enterprise economics, Southern Federal University (Russia).

Sadykova El'mira Lenarovna – PhD in Law ("International Law; European Law"), Doctor of Political Science ("Political Problems of International Relations, Global and Regional Development"), Professor, Executive Director, Foundation for the Promotion of Strategic Dialogue and Partnership (Russia).

Shumilov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of international law, Russian Foreign Trade Academy (Russia).

Entin Mark L'vovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of European law, MGIMO University (Russia).

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

Азангулова Зарифа Хамитовна Особенности федеративного устройства Российской Федерации.....	11
Щербаков Михаил Владимирович Анализ эффективности принципа минимального вмешательства государства в предпринимательскую деятельность в условиях кризисных явлений экономики России.....	18
Щербаков Михаил Владимирович Корпоративное управление как механизм реализации принципа добросовестности в отношениях между акционерами и менеджментом компаний.....	33
Волокитин Илья Игоревич Конкуренция естественно-правового и позитивистского типов правопонимания	50
Демирчян Лусине Степановна Предпосылки принятия Бургосских законов	56
Бальжиев Борис Александрович Цыбикова Марина Дамбаевна Русско-Византийские договоры как источники права	63
Лазаренкова Ирина Юрьевна Международно-правовые механизмы противодействия транснациональной киберпреступности: вызовы унификации и проблемы имплементации в национальные правовые системы.....	69
Павлов Олег Витальевич Правовая концепция застройки новых городов: юридический вектор архитектурной устойчивости Древнего Рима как образ современного пути развития архитектурного права	84

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Калоева Марина Олеговна Жизненный цикл объекта в подходе комплексного управления государственным имуществом	94
Борлаков Роберт Напалеонович Историческое развитие охраны аудиовизуальных произведений: сравнительный анализ РФ и США.....	102
Борлаков Роберт Напалеонович Перспективы совершенствования правового регулирования защиты авторских прав на аудиовизуальные произведения	115
Буслаева Оксана Борисовна Правовой статус регулярного донора крови в контексте защиты прав работника на равный доступ к гарантиям и компенсациям.....	128
Дашкина Юлия Ринатовна Защита прав ребенка в конституционном праве Российской Федерации и Китайской Народной Республики	135
Первышов Евгений Анатольевич Деникаева Разела Несюровна Селиверстов Данила Михайлович Олейник Ангелина Николаевна Трансформация финансовой системы России под воздействием криптовалют: текущие тренды и стратегические приоритеты	142

Коносов Дионис Канарисович Особенности правового регулирования таможенных процедур в особых экономических зонах	149
Новикова Дарья Анатольевна Проблемы правового регулирования диагностики и редактирования генома эмбриона	158
Симонян Альберт Арамович Генеративный искусственный интеллект и DeepFake-технологии как угроза информационной безопасности граждан.....	165
Первышов Евгений Анатольевич Деникаева Разела Несюровна Тимченко Александра Михайловна Токарева Ксения Александровна Правовые механизмы и финансовые инструменты для стимулирования самозанятости: перспективы и вызовы	173
Гуреева Ольга Андреевна Булгакова Луиза Сираджеддиновна Процессуальные аспекты реализации полномочий прокурора в административном судопроизводстве и процессе	180
Рысев Генрих Сергеевич Роль государственных органов в регулировании экономических отношений в Республике Узбекистан.....	191
Савраскин Сергей Николаевич Правовая основа института административного надзора	200
Киселев Игорь Николаевич Мишина Наталья Николаевна Проблемы становления и развития законодательства о социальной защите членов семей участников специальной военной операции	207
Алексеева Анастасия Сергеевна Административная ответственность лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях в иностранных государствах.....	217
Иваненко Татьяна Александровна Некоторые аспекты реализации принципа права народов на самоопределение в условиях новой геополитической реальности.....	226
Зубова Оксана Сергеевна Совершенствование правового регулирования стратегического планирования государственной молодежной политики в целях реализации национальных целей развития Российской Федерации.....	232
Керимов Александр Джангирович Плутократия как власть меньшинства.....	247
Варламов Дмитрий Владимирович Чечулина Алла Анатольевна Теоретико-правовая квалификация правового инструментария определения таможенной стоимости товаров.....	255
Тасуева Хава Зейнал-Абдиевна Тасуев Адам Магомедович Регулирование проектирования беспроводных сетей в университетах	262

Частно-правовые (цивилистические) науки

Санджиева Цаган Валерьевна Судебное примирение в арбитражном процессе: баланс активности суда и эффективности деятельности судебного примирителя	270
--	-----

Евпрынцева Виктория Андреевна Реабилитационные процедуры в отношениях несостоятельности граждан в правовой системе Российской Федерации и за рубежом.....	280
Калинчук Павел Дмитриевич Идентификация цифрового имущества должника (способы выявления цифрового имущества).....	293
Купцов Иван Михайлович Эволюция права на имя и псевдоним в условиях межкультурной коммуникации и глобализации информационного пространства.....	308
Полищук Владислав Александрович Анализ эволюции института банкротства физических лиц в российском законодательстве и его правовые коллизии в современной практике	322
Полищук Владислав Александрович Реабилитационные процедуры для должников в системе банкротства физических лиц как инструмент восстановления платежеспособности.....	337
Пудовкин Дмитрий Сергеевич Сделки с участием ИИ: вопросы действительности и оспаривания	352
Данильченко Данэлла Денисовна Межгосударственная интеграция Российской Федерации как фактор влияния на развитие и совершенствование частноправового регулирования	360
Раздобудько Владимир Олегович Особенности расторжения по требованию арендодателя договора аренды лесного участка.....	367
Ермакова Виктория Андреевна Правовая природа и значение определений судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации	375
Батуева Эржена Цыденжаповна Лю Цзытун Сравнительный анализ правовой системы России и Китая в области государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним	383
Аламова Светлана Мухаметовна Исторический аспект правового регулирования интеллектуальной собственности	391
Роженцева Арина Павловна Пугина Варвара Ивановна Гайдук Вячеслав Александрович Юркевич Эвелина Александровна Носик Дмитрий Евгеньевич Корчагин Анатолий Георгиевич Криптовалюта, цифровая валюта и цифровые активы: проблемы соотношения и правового регулирования	401
Роженцева Арина Павловна Пугина Варвара Ивановна Гайдук Вячеслав Александрович Юркевич Эвелина Александровна Носик Дмитрий Евгеньевич Корчагин Анатолий Георгиевич Цифровые права как объекты гражданских прав.....	411
Сафин Талгат Ильнарвич Некоторые вопросы применения подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».....	419
Грицук Александр Андреевич Материальные аспекты исковой давности.....	429

Будылина Алеся Олеговна Особенности концессионных соглашений в контексте мировой юридической практики.....	442
Васкес Гуанучи Сабрина Натали Шаэль Правовые проблемы и гарантии защиты прав членов семьи в условиях международной миграции на примере Российской Федерации и Республики Перу	448
Буслаева Оксана Борисовна Переквалификация гражданско-правовых договоров с самозанятыми в трудовые по инициативе налоговых органов	460
Ястремский Иван Анатольевич Дефекты оказания медицинских услуг по профилю «пластическая хирургия»: виды и причинно-следственная связь с качеством проведенной пластической операции	470
Карданова Диана Мухамедовна О некоторых особенностях мировых систем исполнительного производства и их сравнительно-правовой анализ	476

Уголовно-правовые науки

Неклюдов Даниил Александрович Анализ предмета преступного посягательства как элемента криминалистической характеристики присвоения и растраты в бюджетной организации	481
Неклюдов Даниил Александрович Определение ключевых структурных элементов криминалистической характеристики присвоения и растраты, основанные на корреляционных связях.....	489
Попова Татьяна Николаевна Основные причинные комплексы совершения преступлений сексуальной направленности.....	497
Сиракянн Аркадий Рашимович Использование цифровых технологий с искусственным интеллектом в борьбе с киберпреступностью в России и зарубежом.....	506
Храпенкова Евгения Юрьевна Бертовский Лев Владимирович Информационные технологии и специальные компетенции следователя при производстве процессуальных действий	516
Ховатов Антон Анатольевич Криминологический анализ личности жертвы мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет	526
Кряжева Светлана Геннадьевна Москвитина Мария Михайловна Слабкая Диана Николаевна Риски и профилактика профессиональной деформации сотрудников оперативного отдела уголовно-исполнительной системы	534
Макевнин Александр Иванович Криминалистические аспекты процесса доказывания адвоката-защитника	543
Наумов Вячеслав Викторович Щепотьев Александр Викторович Сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, предусматривающего ответственность за незаконное обращение отходов и(или) опасных веществ	553
Павлычев Михаил Михайлович Законодательные парадигмы в механизме уголовной политики России первой четверти XXI века	563

Новиков Алексей Валерьевич	
Галушкин Владимир Викторович	
Проблема исполнения приговоров международных трибуналов в отношении осужденных за военные преступления	576

Новиков Алексей Валерьевич	
Галушкин Владимир Викторович	
Правовое регулирования доступа осужденных к высшему образованию в контексте эволюции пенитенциарной системы США.....	584

Слабкая Диана Николаевна	
Реализация международных стандартов содержания матерей с детьми в пенитенциарных учреждениях: систематизация международного опыта	594

Международно-правовые науки

Мусаева Хава Минатулаевна	
Абдулхаликова Шуайнат Шамильевна	
Использование электронных доказательств в международном коммерческом арбитраже	601

Абгарян Джульетта Рубеновна	
Дело судна «Волга» и дело «Хошинмару» в контексте исследования вопроса задержания иностранных судов в исключительной экономической зоне	607

Романов Андрей Александрович	
Корнева Кристина Алексеевна	
Использование упрощенных процедур как одна из тенденций развития международного коммерческого арбитража.....	614

Нуцалханов Гамзат Нуцалханович	
Международно-правовой анализ некоторых обязательств государств-участников Договора Пелиндаба	621

Contents

Theoretical and historical legal sciences

Zarifa Kh. Azangulova Features of the federal structure of the Russian Federation	11
Mikhail V. Shcherbakov Analysis of the effectiveness of the principle of minimal state intervention in entrepreneurial activity under conditions of crisis phenomena in the Russian economy	18
Mikhail V. Shcherbakov Corporate governance as a mechanism for implementing the principle of good faith in the relationships between shareholders and company management.....	33
Il'ya I. Volokitin The Competition Between Natural Law and Positivist Types of Legal Understanding.....	50
Lusine S. Demirchyan The Preconditions for the Adoption of the Laws of Burgos	56
Boris A. Bal'zhiev Marina D. Tsybikova Rus'-Byzantine Treaties as Sources of Law	63
Irina Yu. Lazarenkova International Legal Mechanisms for Combating Transnational Cybercrime: Challenges of Harmonization and Implementation into National Legal Systems	69
Oleg V. Pavlov The legal concept of building new cities: the legal vector of architectural stability of Ancient Rome as an image of the modern path of development of architectural law	84

Public law (state and law) sciences

Marina O. Kaloeva The Lifecycle of an Object in the Integrated State Property Management Approach	94
Robert N. Borlakov Historical development of the protection of audiovisual works: a comparative analysis of the Russian Federation and the USA.....	102
Robert N. Borlakov Prospects for improving the legal regulation of copyright protection for audiovisual works.....	115
Oksana B. Buslaeva Legal status of a regular blood donor in the context of protecting the employee's rights to equal access to guarantees and compensation	128
Yuliya R. Dashkina Protection of the rights of the child in the constitutional law of the Russian Federation and the People's Republic of China	135
Evgenii A. Pervyshov Razela N. Denikaeva Danila M. Seliverstov Angelina N. Oleinik Transformation of the Russian financial system under the influence of cryptocurrencies: current trends and strategic priorities	142
Dionis K. Konosov Features of Legal Regulation of Customs Procedures in Special Economic Zones	149
Dar'ya A. Novikova Problems of legal regulation of embryo genome diagnosis and editing.....	158

Al'bert A. Simonyan Generative artificial intelligence and DeepFake technologies as a threat to citizens' information security.....	165
Evgenii A. Pervyshov Razela N. Denikaeva Aleksandra M. Timchenko Kseniya A. Tokareva Legal mechanisms and financial instruments to stimulate self-employment: prospects and challenges.....	173
Ol'ga A. Gureeva Luiza S. Bulgakova Procedural Aspects of Prosecutor's Authority Implementation in Administrative Judicial Proceedings	180
Genrikh S. Rysev The role of government agencies in regulating economic relations in the Republic of Uzbekistan.....	191
Sergei N. Savraskin Legal Framework of the Administrative Supervision Institute	200
Igor' N. Kiselev Natal'ya N. Mishina Challenges in the Formation and Development of Legislation on Social Protection for Family Members of Participants in the Special Military Operation.....	207
Anastasiya S. Alekseeva Administrative liability of persons serving sentences in correctional institutions in foreign countries.....	217
Tat'yana A. Ivanenko Certain Aspects of Implementing the Right of Peoples to Self-Determination in the New Geopolitical Reality	226
Oksana S. Zubova Improvement of legal regulation of strategic planning of state youth policy in order to implement the national development goals of the Russian Federation	232
Aleksandr D. Kerimov Plutocracy as the rule of the minority.....	247
Dmitrii V. Varlamov Alla A. Chechulina Theoretical and legal qualification of the legal framework for determining customs value of goods	255
Khava Z.-A. Tasueva Adam M. Tasuev Regulation of Wireless Network Design in Universities.....	262

Private law (civilistic) sciences

Tsagan V. Sandzhieva Judicial Reconciliation in Arbitration Proceedings: Balancing Court Activity and the Effectiveness of Judicial Conciliators	270
Viktoriya A. Evpryntseva Rehabilitation procedures in the relations of insolvency of citizens in the legal system of the Russian Federation and in foreign countries	280
Pavel D. Kalinchuk Identification of the debtor's digital assets (methods for detecting digital property)	293

Ivan M. Kuptsov The Evolution of the Right to a Name and Pseudonym in the Context of Intercultural Communication and Globalization of Information Space	308
Vladislav A. Polishchuk Analysis of the evolution of the institution of individual bankruptcy in Russian legislation and its legal collisions in contemporary practice	322
Vladislav A. Polishchuk Rehabilitation procedures for debtors in the personal bankruptcy system as a tool for restoring solvency	337
Dmitrii S. Pudovkin AI-involved transactions: issues of validity and challengeability	352
Danella D. Danil'chenko Interstate integration of the Russian Federation as a factor influencing the development and improvement of private law regulation	360
Vladimir O. Razdobud'ko Termination of Forest Land Lease Agreements at the Lessor's Request: Key Features	367
Viktoriya A. Ermakova Legal Nature and Significance of Rulings by the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation	375
Erzhena Ts. Batueva Liu Zitong Comparative Analysis of the Legal Systems of Russia and China in the Field of State Registration of Real Estate Rights and Transactions	383
Svetlana M. Alamova Historical Aspect of Legal Regulation of Intellectual Property	391
Arina P. Rozhentseva Varvara I. Pugina Vyacheslav A. Gaiduk Evelina A. Yurkevich Dmitrii E. Nosik Anatolii G. Korchagin Cryptocurrency, digital currency and digital assets: problems of correlation and legal regulation	401
Arina P. Rozhentseva Varvara I. Pugina Vyacheslav A. Gaiduk Evelina A. Yurkevich Dmitrii E. Nosik Anatolii G. Korchagin Digital rights as objects of civil rights	411
Talgat I. Safin Some issues of application of subparagraph 3 of paragraph 4 of the Article 61.10 of the Federal Law "On insolvency (bankruptcy)"	419
Aleksandr A. Gritsuk Material Aspects of Limitation Periods	429
Alesya O. Budylna Features of Concession Agreements in the Context of Global Legal Practice.....	442
Vasquez Guanuchi Sabrina Natali Shael Legal problems and guarantees for the protection of family members' rights in the context of international migration: the example of the Russian Federation and the Republic of Peru.....	448

Oksana B. Buslaeva	
Retraining of civil law contracts with the self-employed into labor contracts initiated by tax authorities.....	460
Ivan A. Yastremskii	
Defects in Plastic Surgery Medical Services: Types and Causal Relationships with Surgical Outcomes	470
Diana M. Kardanova	
On some features of the world's enforcement systems and their comparative legal analysis	476

Criminal law sciences

Daniil A. Neklyudov	
Analysis of the subject of a crime offense as an element of criminalistic characteristics of embedding and waste in a budgetary organization	481
Daniil A. Neklyudov	
Identification of basic structural elements of the criminalistic characteristics of embezzlement based on correlations	489
Tat'yana N. Popova	
The main causal complexes of sexual crimes.....	497
Arkadii R. Sirakanyan	
Using digital technologies with artificial intelligence in the fight against cybercrime in Russia and abroad.....	506
Evgeniya Yu. Khrapenkova	
Lev V. Bertovskii	
Information technologies and special competencies of the investigator in the production of procedural actions	516
Anton A. Khovатов	
Criminological analysis of the identity of the victim of fraud committed using the Internet.....	526
Svetlana G. Kryazheva	
Mariya M. Moskvitina	
Diana N. Slabkaya	
Risks and Prevention of Professional Deformation Among Operational Department Staff in the Penal System.....	534
Aleksandr I. Makevnin	
Criminalistic aspects of the defense attorney's proof process	543
Vyacheslav V. Naumov	
Aleksandr V. Shchepot'ev	
Comparative analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China, providing for liability for illegal handling of waste and/or hazardous substances	553
Mikhail M. Pavlychev	
Legislative Paradigms in the Mechanism of Russia's Criminal Policy in the First Quarter of the 21st Century	563
Aleksei V. Novikov	
Vladimir V. Galushkin	
The Problem of Enforcement of International Tribunal Judgments Regarding War Crimes Convicts	576
Aleksei V. Novikov	
Vladimir V. Galushkin	
Legal Regulation of Inmates' Access to Higher Education in the Context of US Penitentiary System Evolution	584

Diana N. Slabkaya

Implementation of International Standards for the Detention of Mothers with Children in
Penitentiary Institutions: Systematization of International Experience.....594

International legal sciences

Khava M. Musaeva

Shuainat Sh. Abdulkhalikova

Use of electronic evidence in international commercial arbitration601

Dzhul'etta R. Abgaryan

The Case of the "Volga" and the "Hoshinmaru" Case in the Context of Studying the Detention
of Foreign Vessels in the Exclusive Economic Zone607

Andrei A. Romanov

Kristina A. Korneva

The Use of Simplified Procedures as a Trend in International Commercial Arbitration
Development614

Gamzat N. Nutsalkhanov

International Legal Analysis of Certain Obligations of States Parties to the Pelindaba Treaty621

УДК 34

Особенности федеративного устройства Российской Федерации

Азангулова Зарифа Хамитовна

Преподаватель высшей квалификационной категории,
Уфимский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
450015, Российская Федерация, Уфа, ул. Мустая Карима, 69/1;
e-mail: ZHAzangulova@fa.ru

Аннотация

В статье рассмотрены процессы развития федеративных отношений России в XXI в. Фундаментальные изменения коснулись многих сторон политической жизни страны: законодательства, политических институтов, взаимоотношений субъектов и федерального центра. Без сомнения, этот сложный поэтапный процесс был неотрывно связан с социально-экономическими и духовными сферами общественной жизни. В статье с проблемной точки зрения рассматривается тема развития федерализма как модели общественного прогресса и развития государственности. Авторы подчеркивают, что уникальность каждой федеративной системы, созданной в истории человечества, позволяет рассматривать современный российский федерализм как развивающийся в том числе и в связи с появлением новых субъектов, новой конфигурации, нового состава. В политической науке принято считать, что федерализм строится в разной степени на децентрализации отношений в пользу субъектов. Однако на современном этапе российская политическая практика демонстрирует новый опыт построения одновременно федеративного и централизованного государства, в котором политические элиты сохраняют консенсус в отношении распределения полномочий, решения национального вопроса и пр. Этот уникальный политический опыт попытались представить авторы данной статьи.

Для цитирования в научных исследованиях

Азангулова З.Х. Особенности федеративного устройства Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 11-17.

Ключевые слова

Конституция Российской Федерации, новые субъекты, федеральный конституционный закон, федеральный закон, правовая интеграция, принятие нового субъекта.

Введение

Рассматривая становление и эволюцию федерализма в России следует различать фактическую и юридическую сторону этого вопроса. Элементы (зачатки) федерализма можно найти в истории российского государства в период его становления, который получил наименование в научной литературе как «протофедерализм», означающий организацию государственной власти, которая в «целом соответствует представлениям о федеративных (полицентрических) системах, однако не может быть названа федеративной в силу неразвитости государственно-правовых институций». Юридически началом развития отечественной федеративной формы государственного устройства в России следует считать Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа 1918 г., которая провозгласила Россию федерацией. С этого момента следует рассматривать юридическую природу становления федеративного государственного устройства в России.

Материалы и методы исследований

При проведении исследования применялся комплексный методологический инструментарий, включающий теоретико-философские подходы (диалектический, системный анализ, синтетический метод, метод аналогий, эмпирическое наблюдение и концептуальное моделирование). Формирование итоговых заключений базировалось на юридических методах исследования, прежде всего формально-логическом, в сочетании с социологическим инструментарием, охватывающим статистическую обработку данных и экспертное оценивание. Центральное место в работе занимает анализ эволюции и содержательного наполнения концептов «принятие нового субъекта» и «образование нового субъекта». При рассмотрении феномена федерализма использовался аналитический подход, учитывающий когнитивные и социально-экономические аспекты федеративных отношений, которые зачастую подвергаются необоснованной дифференциации или даже противопоставлению.

Результаты и обсуждение

Россия – обширное многонациональное государство, имеющее богатую историю взаимодействия различных культур, идеологий, религий и правовых доктрин. Истоки российской государственности обусловили складывание сложной геоправовой действительности. Федеративный договор 1992 г. и положения Конституции России сконструировали постсоветскую федеративную систему субъектов, в которую теперь входят: 24 республики, 3 города федерального значения, 9 краев, 1 автономная область, 48 областей, 4 автономных округа.

Федерация является «сложной многомерной социальной системой, представляющей собой, с одной стороны, совокупность составляющих ее элементов (государств, государственно-территориальных и территориальных образований), а с другой – определенную целостность, государственное единство» [Шигапова, 2020, с. 209]. В своем развитии российский федерализм прошел три основных этапа:

1) создание основ социалистического федерализма (1918–1936). Федерализм в России возник и развивался по идеологическим схемам большевизма, положившего в основу

федерации не реальную демократизацию власти, а преодоление «национального гнета». В федерации, кроме того, виделся государственно-правовой базис мировой социалистической революции, которую проповедовали большевики. В.И. Ленин прямо называл советскую федерацию переходной формой к полному единству трудящихся разных наций.

2) утверждение фактического унитаризма в государственном устройстве России (1937–1985). Ко времени принятия Конституций СССР (1936 г.) и РСФСР (1937 г.) государство стало уже по существу унитарным. В Конституции РСФСР были поименно перечислены 16 автономных республик и 5 автономных областей (10 имевшихся национальных округов не были названы).

3) реформы государственного устройства перед принятием Конституции 1993 года. Мощная демократическая волна, вызванная перестройкой и последующими реформами, обострила процессы государственно-правового развития страны в целом и России в частности [Баглай, 2024, с. 263].

Согласно ч. 1 ст. 5 Конституции РФ, эти субъекты равноправны, однако при этом сама же Конституция фактически создает и асимметрию республик по сравнению с другими субъектами. Так, именно республика в ч. 2 той же статьи названа государством, только она вправе иметь собственную конституцию и государственный язык [Конституция Российской Федерации, www]. Подобные правовые особенности вполне закономерно отражают проявление сложной геоправовой специфики формы государственного устройства, унаследованного от РСФСР. Например, проблемы в установлении автономий РСФСР отмечал еще в 1966 г. профессор О. И. Чистяков, говоря об образовавшемся смещении, «диффузии народов», несовпадении территории расселения с экономическими районами [Чистяков, 1966, с. 145].

Начиная с 2014 г. в состав России вошли новые субъекты: Республика Крым, ГФЗ (город федерального значения) Севастополь, а в 2022 г. – Херсон, Запорожье, Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика. Также стоит упомянуть и историю «объединения субъектов» России: в момент вступления в силу Конституции 1993 года в составе Российской Федерации находились 89 регионов: 21 республика, 6 краев, 49 областей, два города федерального значения, одна автономная область и 10 автономных округов. Начиная с 2003 года, в стране происходило пять слияний регионов: объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого АО, Красноярского края с Таймырским, Эвенкийский АО, Камчатской области и Корякского АО, Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского АО, Читинской области и Агинского Бурятского АО.

В первые сроки своего президентства Владимир Владимирович провел колоссальные реформы по изменению федеративного устройства России, которые после 1990-х гг. выглядел как «хаотичный» синтез советского федерализма и западного федерализма с постсоветской российской спецификой. Его реформы привели к упорядочиванию института федерализма, но также его централизации, ведь реформы были направлены на перебрасывание полномочий субъектов на «плечи» федерального центра. Была выстроена нынешняя вертикаль власти от Кремля до местных органов самоуправления [Глушко, 2023, с. 38].

После этого был процесс стагнации до 2014 г., когда институт федерализма никак не затрагивался. Все изменилось в конце 2013 г., когда на Украине произошел государственный переворот, где к власти пришли группа лиц, агрессивно настроенных против России, однако население Юго-Востока Украины и Крымского полуострова не признали новую власть, из-за чего произошел вооруженный конфликт на Донбассе. В Крыму весной 2014 г. был проведен

всенародный референдум по поводу присоединения к России, где большая часть населения проголосовало за вхождение в состав Российской Федерации. Тогда и увеличилось количество субъектов РФ с 83 до 85, начался долгий процесс интеграции полуострова в Россию, Крым вошел в состав как республика, а город Севастополь стал городом федерального значения.

Правовой основой для вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации стала Конституция Российской Федерации от 17 декабря 2001 г., Федеральный закон «О порядке вхождения в Российскую Федерацию и о создании нового субъекта Российской Федерации» [федер. конституц. закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ, 2001]. Этот нормативный акт допускает присоединение иностранного государства или его части к Российской Федерации. Из текста закона видно, что новые субъекты создаются на основе принципов, общих для всех субъектов Российской Федерации: наличие единой системы государственных органов, единого региона, единого гражданства и единой системы нормативных актов во главе с Федеральной Конституцией. В частности, статья 23 Закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [федер. конституц. закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ, 2014]. В его статье указывается, что нормативные правовые акты, действовавшие ранее на территории Крыма, не применяются в случаях, противоречащих Конституции Российской Федерации, нигде не упоминается, что они имеют гражданство Крымской республики. Таким образом, структура Российской Федерации изменилась за последние десятилетия не только в количественном отношении, но и в качественном, новые субъекты дали новые возможности для развития России в международном пространстве, но это привело к обострению отношений со странами Западной Европы и Северной Америки. В социально-экономическом плане изменения ведут к образованию новых отношений между жителями новых субъектов и остальных субъектов РФ и их экономической интеграции в экономику страны и открытия новых возможностей: новые внутренние рынки, появление рабочих мест, новых кадров [Киселева, 2022, с. 53].

Таким образом, к концу переходного периода можно сделать вывод, что новые субъекты ничем не отличаются от всех других регионов страны. Ни в соглашении о присоединении и в других документах не упоминается о перераспределении полномочий между властями Российской Федерации и Крымом по сравнению с другими субъектами. Данные разграничения появились лишь с принятием Конституции Республики Крым 11 апреля 2014 г. Интеграция Республики Крым была завершена полностью, как и планировалось 2015 г.

Огромные перемены произошли в 2022 г., когда началась специальная военная операция (СВО) на Украине, одним из явных успехов спецоперации является решение о принятии в состав России четырех новых субъектов: Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область. ДНР и ЛНР были приняты в состав Федерации в статусе – республик, а Запорожская и Херсонская области в статусе – областей. Интеграционный период должен завершиться по нормативно-правовым документам 1 января 2026 г. Стоит заметить одну особенность в Конституциях ДНР и ЛНР написано, что они являются равноправными субъектами РФ, а не государствами как написано в других конституциях республик в составе России [Дружинин, 2022, с. 63].

Таким образом, структура Российской Федерации изменилась за последние десятилетия не только в количественном отношении, но и в качественном, новые субъекты дали новые возможности для развития России в международном пространстве, но это привело к обострению

отношений со странами Западной Европы и Северной Америки. В социально-экономическом плане изменения ведут к образованию новых отношений между жителями новых субъектов и остальных субъектов РФ и их экономической интеграции в экономику страны и открытия новых возможностей: новые внутренние рынки, появление рабочих мест, новых кадров.

Заключение

На основании вышеизложенного, следует вывод о том, что современный российский федерализм был сформирован в период, когда государственность находилась в глубоком кризисе. Государство столкнулось с экономическими и политическими проблемами, столкновениями в регионах, ростом сепаратизма и национализма. Существовала угроза распада самой России, для избежания этого руководство России пошло на смелый шаг «децентрализации» страны, что имело как положительные моменты – сохранение государства в прежних границах, создание почвы для дальнейшего развития российского федерализма, так и негативные – рост национализма, сепаратизма, что привели к вооруженным столкновениям на Северном Кавказе. После преодоления кризисов и трудностей, руководство страны начинает процесс «закручивания гаек» по отношению к регионам, идет политика «централизации». Это привело к усмирению региональных элит, унификацию нормативно-правовых актов, созданием единой системы налогов, четкое разграничение полномочий центра и регионов, заключение новых договоров, которые привели к порядку. Начался процесс укрупнения регионов, что привело к росту благосостояния населения, но и стабилизировало политическое пространство страны. Также вхождение новых субъектов сулит изменению института федерализма. Все эти процессы влекут за собой в будущем новые перспективы развития государственного устройства государства ее модернизации [Бухвальд, 2023, с. 35].

Библиография

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2024. 704 с.
2. Бухвальд Е.М. Федеративная реформа: возможен ли новый этап? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 2. С. 34-48.
3. Глушко Ю.В. Основные направления интеграции Республики Крым в государственную и экономическую систему РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2023. № 68. С. 37-44.
4. Дружинин А.Г. Новые субъекты Российской Федерации: специфика, тренды, потенциал развития // Научная мысль Кавказа. 2022. № 112. С. 62-73.
5. Киселева А.В. Изменило ли присоединение Крыма Конституционную природу федерации в России (теоретико-правовой анализ) // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. № 2. С. 50-58.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.
7. О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации: федер. конституц. закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4916.
8. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: федер. конституц. закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 12. Ст. 1201.
9. Чистяков О. И. Становление Российской Федерации. М., 1966.
10. Шигапова Д.И. Федеративное устройство России: общая характеристика и конституционные принципы // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 6-3 (45). С. 209-211.

Features of the federal structure of the Russian Federation

Zarifa Kh. Azangulova

Lecturer of the highest qualification category,
Ufa branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
450015, 69/1, Mustaya Karima str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: ZHAzangulova@fa.ru

Abstract

This article examines the development of federal relations in Russia in the 21st century. These fundamental changes have affected many aspects of the country's political life: legislation, political institutions, and the relationship between the subjects and the federal center. Without a doubt, this complex step-by-step process was inextricably linked to the socio-economic and spiritual spheres of public life. The article examines the topic of the development of federalism as a model of social progress and the development of statehood from a problematic point of view. The authors emphasize that the uniqueness of each federal system created in the history of mankind allows us to consider modern Russian federalism as developing, including in connection with the emergence of new subjects, a new configuration, and a new composition. In political science, it is generally believed that federalism is based on varying degrees of decentralization of relations in favor of subjects. However, at the present stage, Russian political practice demonstrates a new experience in building both a federal and a centralized state, in which political elites maintain consensus on the distribution of powers, solving the national issue, etc. The authors of this article tried to present this unique political experience.

For citation

Azangulova Z.Kh. (2025) Features of the federal structure of the Russian Federation [Features of the federal structure of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 11-17.

Keywords

Constitution of the Russian Federation, new subjects, federal constitutional law, federal law, legal integration, adoption of a new subject.

References

1. Baglai M.V. (2024) *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow.
2. Bukhval'd E.M. (2023) *Federativnaia reforma: vozmozhen li novyi etap?* [Federal Reform: Is a New Stage Possible?]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2, pp. 34-48.
3. Chistiakov O.I. (1966) *Stanovlenie Rossiiskoi Federatsii* [The Formation of the Russian Federation]. Moscow.
4. Druzhinin A.G. (2022) *Novye sub"ekty Rossiiskoi Federatsii: spetsifika, trendy, potentsial razvitiia* [New Subjects of the Russian Federation: Specificity, Trends, Development Potential]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 112, pp. 62-73.
5. Glushko Iu.V. (2023) *Osnovnye napravleniia integratsii Respubliki Krym v gosudarstvennuiu i ekonomicheskuiu sistemu RF* [Main Directions of Integration of the Republic of Crimea into the State and Economic System of the Russian Federation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i*

- upravlenie [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management], 68, pp. 37-44.
6. Kiseleva A.V. (2022) Izmenilo li prisoedinenie Kryma Konstitutsionnuiu prirodu federatsii v Rossii (teoretiko-pravovoi analiz) [Did the Accession of Crimea Change the Constitutional Nature of the Federation in Russia? (Theoretical and Legal Analysis)]. Vestnik iuridicheskogo fakul'teta Iuzhnogo federal'nogo universiteta [Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University], 2, pp. 50-58.
 7. Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii (priniata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabria 1993 g.). (1993). Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii [Official Internet portal of legal information]. URL: www.pravo.gov.ru/
 8. O poriadke priniatii v Rossiiskuiu Federatsiiu i obrazovaniia v ee sostave novogo sub"ekta Rossiiskoi Federatsii: feder. konstituts. zakon ot 17.12.2001 № 6-FKZ. (2001). Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation], 52 (part I), Art.. 4916.
 9. O priniatii v Rossiiskuiu Federatsiiu Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossiiskoi Federatsii novykh sub"ektov – Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniiia Sevastopolia: feder. konstituts. zakon ot 21 marta 2014 g. № 6-FKZ [On the principles of the Russian Federation Republic of Crimea and the formation of new sub-divisions in the Russian Federation – the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol: Federal Constitutional Law of 21 March 2014, No. 6-FKZ] (2014). Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation], 12, st. 1201.
 10. Shigapova D.I. (2020) Federativnoe ustroistvo Rossii: obshchaia kharakteristika i konstitutsionnye printsipy [The Federal Structure of Russia: General Characteristics and Constitutional Principles]. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 6-3 (45), pp. 209-211.

УДК 34**Анализ эффективности принципа минимального вмешательства государства в предпринимательскую деятельность в условиях кризисных явлений экономики России****Щербаков Михаил Владимирович**

Аспирант,
Волгоградский государственный университет,
400062, Российская Федерация, Волгоград, просп. Университетский, 100;
e-mail: scherbakovmikhail4work@gmail.com

Аннотация

В статье проведен анализ эффективности принципа минимального вмешательства государства в предпринимательскую деятельность в условиях кризисных явлений российской экономики. Автор рассматривает исторические кейсы кризисов 2008–2009 и 2014–2015 годов, а также актуальные вызовы, связанные с санкционным давлением и структурными дисбалансами. Теоретической основой исследования выступают классические концепции свободного рынка, адаптированные к специфике российской институциональной среды, где плановая экономика оставила глубокий след. Методология включает сравнительный анализ регуляторных мер, оценку их влияния на малый, средний и крупный бизнес, а также изучение взаимодействия государственных и рыночных механизмов. Результаты исследования демонстрируют двойственную роль минимального вмешательства: с одной стороны, оно стимулирует адаптацию бизнеса через снижение административных барьеров, с другой – провоцирует рост теневых практик и региональной асимметрии. Особое внимание уделено противоречиям между декларируемой либерализацией и реальным усилением контроля в критических секторах, таких как продовольственная безопасность и инфраструктура. Выявлено, что эффективность принципа напрямую зависит от качества институтов: прозрачности правоприменения, доступности цифровых сервисов и уровня доверия между бизнесом и властью. Подчеркивается необходимость баланса между краткосрочной стабилизацией и долгосрочными реформами. Санкции и изоляция усиливают зависимость бизнеса от господдержки, что противоречит идее свободного рынка. Автор делает вывод о неоднозначности применения принципа минимального вмешательства в России, где исторические, социальные и политические факторы требуют гибридного подхода. Ключевыми условиями успеха названы унификация регуляторных норм, борьба с коррупцией и развитие саморегулируемых организаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Щербаков М.В. Анализ эффективности принципа минимального вмешательства государства в предпринимательскую деятельность в условиях кризисных явлений экономики России // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 18-32.

Ключевые слова

Государственное вмешательство, экономические кризисы, предпринимательство, институциональные реформы, регуляторная политика.

Введение

Современная экономическая ситуация в России неоднократно подвергалась испытаниям кризисного характера, что побудило специалистов в сфере госрегулирования и управления бизнесом задуматься о том, насколько эффективно государство вмешивается в деятельность предпринимателей. Принцип минимального вмешательства, который нередко упоминается как основополагающий в рыночной экономике, обычно подразумевает, что бизнес должен развиваться свободно, при этом сохраняется базовый надзор со стороны госорганов. Однако на практике данное правило может работать неоднозначно, особенно если учесть разнообразие отраслей и неодинаковые стартовые условия для предприятий разного масштаба. Казалось бы, чем меньше контроля, тем быстрее развивается инициатива, однако реалии кризисных явлений часто диктуют необходимость усиления надзора. Некоторые эксперты полагают, что без вмешательства государства экономика может перейти в неустойчивое состояние. Другие же придерживаются мнения, что в условиях кризиса, наоборот, необходимо как можно скорее освобождать предпринимателей от избыточной регуляции, позволяя им быстрее перестраивать бизнес-модели. Принцип минимального вмешательства в таких условиях переосмысливается и приобретает нестандартные черты, что и служит поводом для глубинного анализа.

Суть минимального вмешательства, если обратиться к теоретическим источникам, уходит корнями в классическую экономическую теорию, развивавшуюся со времен Адама Смита, когда считалось, что «невидимая рука рынка» способна направлять экономику к оптимальному состоянию без масштабных госпрограмм [Королева, Усманов, Осипов, 2024]. Однако российская реальность, исторически прошедшая путь от плановой системы к рыночной, при всех своих особенностях не может быть прямо сопоставлена с теми экономиками, где принципы свободной конкуренции применяются уже многие десятилетия. В периоды кризисов появляется соблазн увеличить контроль: государство стремится стабилизировать инфляцию, поддержать отдельные социально значимые отрасли, ограничить монополизм. В то же время, предприниматели часто выдвигают тезис, что именно чрезмерная регуляция ограничивает их возможности для маневра и развития, а значит, тормозит восстановление экономики [Харакоз, 2024]. Таким образом, основной вопрос заключается в том, где найти оптимальный баланс между необходимым контролем и сохранением предпринимательского потенциала, особенно в эпоху кризисных явлений.

Материалы и методы исследования

Россия переживала как внутренние, так и внешние экономические шоки, и в каждый из таких периодов принцип минимального вмешательства переосмысливался. Одним из важных примеров можно считать кризис 2008–2009 годов, когда национальная экономика столкнулась с последствиями мирового финансового коллапса. Государство тогда отчасти усилило поддержку крупных предприятий, оказавшихся перед угрозой банкротства, и одновременно предложило ряд мер по стимулированию малого и среднего бизнеса. Последний нуждался в детальной регуляторной поддержке, однако приток административных барьеров для него

существенно возрос, что вызвало волну критики. Отдельные эксперты утверждали, что государственные механизмы защиты, в первую очередь, срабатывали в пользу тех, кто имел связи с бюрократическим аппаратом, а остальные вынужденно сталкивались с повышенной проверочной нагрузкой и сложностями доступа к льготным кредитам [Смотрицкая, Фролова, 2024]. В результате возникла парадоксальная ситуация, когда декларировались идеи свободного рынка, но на практике предпринимательская деятельность сопряжена была с множеством ограничений и рисков попасть под жесткий контроль надзорных органов.

Результаты и обсуждение

Говоря о последующих кризисных явлениях, нельзя не упомянуть экономическую турбулентность 2014–2015 годов, когда ключевым внешним фактором стали санкции, наложенные рядом стран на Россию. Помимо снижения доступа к иностранным инвестициям и технологиям, бизнес столкнулся с резкой девальвацией рубля. В целом, государство объявляло о намерении создавать более комфортные условия для развития отечественного производства, чтобы заместить импорт, однако реальная картина была сложнее. С одной стороны, многие предприниматели получили возможность занять те ниши, из которых ушли иностранные компании, а с другой – столкнулись с непредсказуемостью налоговой и административной политики [Гарбузов., Пчёлкин, 2024]. Принцип минимального вмешательства в этот период преобладал скорее в риторике, чем в фактических действиях, потому что кризис толкал власти к более активному контролю над некоторыми секторами, например, в области продовольственной безопасности или критической инфраструктуры. Как следствие, возникла неоднородная система, где в одних отраслях бизнес был отчасти предоставлен сам себе, а в других – оказался под массой специфических регулятивных норм.

Теоретические модели показывают, что во время кризиса минимальное вмешательство государства способно сыграть двоякую роль. Первая заключается в том, что, давая предпринимателям свободу действий, можно стимулировать инновационную активность и конкурентную борьбу, поскольку активные игроки рынка будут искать способы адаптации. Вторая роль тесно связана с рисками, возникающими при слишком «вольной» обстановке: высока вероятность роста теневого сектора и мошеннических схем [Бабина, Бондаренко, Мармоза, Томайлы, 2024]. Экономика в упадке и нестабильность финансовых рынков провоцируют некоторые компании сокращать социальные обязательства, уходить от официального оформления работников, что негативно влияет на уровень занятости и госбюджет. Поэтому, если государство ослабляет контроль, то может стимулировать деловую активность в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной рискует столкнуться с зонами хаотичного развития без четких правил. Кризис, таким образом, – это момент, когда каждый шаг по снижению или повышению вмешательства может обернуться далеко идущими последствиями для структуры экономики.

Вместе с тем немаловажным остается вопрос квалификации предпринимателей и прозрачности деловой среды. Теоретики управления указывают на то, что минимизация вмешательства государства возможна лишь там, где созданы понятные и четкие правила игры, где судебная система работает прозрачно, а контрольно-надзорные функции имеют границы [Мединцева, 2024]. Если же отсутствует институциональная основа, предприниматели рискуют столкнуться с коррупцией, бюрократией и незащищенностью своих прав в судебных спорах. Это особенно критично для периода кризиса, ведь в такие моменты компании уязвимы, многие

из них находятся на грани выживания. И если вмешательство государства сводится только к наращиванию надзора, но не сопровождается развитием инфраструктуры, которая помогает бизнесу ориентироваться в правовом поле, то говорить о продуктивности подобной модели трудно. Наоборот, может наблюдаться отток капитала и уход самой инициативной части предпринимателей в более предсказуемые юрисдикции.

Сложность российского экономического пространства усугубляется высокой асимметрией регионов: в одних субъектах федерации есть реальная поддержка малого и среднего бизнеса, развита инфраструктура, тогда как в других регионах предприниматели вынуждены испытывать давление местных чиновников и оглядываться на часто меняющиеся правила [Буймов, 2024]. Принцип минимального вмешательства в таких условиях формально может быть прописан в нормативных документах, но на деле восприятие этих норм предпринимателями сильно различается. Малый бизнес, как правило, более уязвим к любым дополнительным барьерам, поэтому при кризисе именно он может настаивать на том, чтобы госорганы «не мешали работать». Крупные структуры, напротив, заинтересованы в сохранении лоббистских возможностей и могут рассчитывать на прямые государственные субсидии и более мягкий режим проверок. Таким образом, эффективность принципа минимального вмешательства приобретает еще и социально-экономический аспект, связанный с размером предприятия и уровнем его взаимодействия с властью.

Несмотря на все разговоры о необходимости освобождения бизнеса от излишних барьеров, российская практика в кризисные периоды нередко демонстрировала тенденцию к усилению регулятивных мер. Это может выражаться в дополнительных требованиях к отчетности, введении новых лицензий, корректировке налоговой политики или ужесточении валютного контроля. Некоторой оправданностью подобных шагов служит стремление государства контролировать финансовые потоки, чтобы не допустить критической утечки капитала или спекулятивного давления на рубль [Стефанова, Бактыгалиев, 2024]. Однако когда подобные меры вводятся в условиях отсутствия стабильных «правил игры» и прозрачных процедур, они зачастую приводят к обратному результату: бизнес, обеспокоенный будущими ограничениями, стремится вывести средства из страны или свернуть активность. В результате частные компании начинают перекладывать риски на потребителей, сокращают производство, что усугубляет кризис.

Есть и другая грань вопроса, касающаяся моральной составляющей. В периоды кризиса общество может ожидать от государства более активных шагов по перераспределению ресурсов, поддержке наиболее пострадавших слоев и регионов [Вовченко, Куринова, Жолудева, 2024]. Предпринимательское сообщество, с одной стороны, заинтересовано в помощи, особенно в доступе к финансовым ресурсам, а с другой – опасается, что вместе с финансовыми вливаниями придут и новые обязательства, нормы и проверки. Поэтому формулировка принципа минимального вмешательства в контексте кризиса требует учета общественных ожиданий, социальных последствий и социальной ответственности бизнеса. Если государство ограничивается нейтральной позицией, предоставляя предпринимателям полную свободу, то возможна критика за недостаточную поддержку социальных слоев. Если же вмешательство становится чрезмерным, то предприниматели обвиняют власти в подавлении инициативы и в разрушении рыночной среды.

Опыт международных исследований также заслуживает внимания. В некоторых странах, например, в США и ряде государств Западной Европы, в периоды сильных рецессий государство направляет значительные средства на поддержку банковского сектора, проявляя

вмешательство в таких объемах, которые в обычных условиях могли бы показаться чрезмерными [Валов, 2024]. При этом деловой климат в этих странах уже имеет длительную традицию правоприменения и стабильные институты. В России же, особенно при возникновении санкционных ограничений, ситуация усложняется отсутствием той самой устойчивой правовой базы и властью административного ресурса. Отказ от масштабных госпрограмм поддержки может выглядеть как следование принципу минимального вмешательства, но граничит с риском системного падения целых отраслей, неспособных конкурировать в новых условиях. Парадоксально, но возникновение острых кризисных явлений нередко приводит к тому, что в одних секторах вмешательство усиливается, а в других полностью отсутствует, формируя крайне неравномерное поле для бизнеса.

В числе ключевых вызовов для российского предпринимательства выступает непрозрачность правоприменительной практики, когда региональные власти и надзорные органы могут действовать произвольно, ссылаясь на кризисную обстановку. Предприниматели при этом сталкиваются с непредсказуемыми задержками и согласованиями, которые тормозят инновационную деятельность. Принцип упрощения административных процедур часто остается на бумаге, а в действительности проверки и бюрократического контроля становится лишь больше [Драненко, 2024]. В кризис моменты гибкой перестройки бизнес-модели требуют оперативных решений, а затягивание регламентов ведет к упущенным возможностям. Государственный аппарат, ориентируясь на кратковременные цели – например, сбор налогов или сохранение внутренней стабильности, – рискует не замечать долгосрочной потери конкурентоспособности национальных компаний.

В то же время важно отметить, что государство обязано обеспечивать юридическую защиту участников рынка, и здесь минимальное вмешательство заключается не только в отказе от жесткого контроля, но и в наращивании возможностей по охране прав собственности, по обеспечению прозрачной судебной системы. Эффективность этого принципа во многом связана с развитием институтов, которые гарантируют свободную конкуренцию и равенство перед законом. Если институты слабые, то даже при декларируемом сокращении надзора ситуации будут возникать, когда бизнес вынужден тратить ресурсы не на развитие, а на взаимодействие с неэффективными бюрократическими процедурами [Неопуло, 2024]. Поэтому критически важно, чтобы государство не просто снизило вмешательство, но и обеспечило качественное правоприменение. Без этой составляющей «минимальное вмешательство» может привести лишь к тому, что сильные игроки станут еще сильнее, используя свои ресурсы и связи, а слабые обанкротятся.

Российская экономика характеризуется значительной долей сырьевого комплекса, который зависит от мировых цен и геополитической конъюнктуры. В период кризиса, вызванного падением цен на нефть или газ, бюджет может столкнуться с дефицитом, что корректирует приоритеты госрасходов и инвестиций. В подобные моменты у авторов экономической политики нередко возникает дилемма: либо повышать налоги и ужесточать контроль, чтобы компенсировать бюджетные потери, либо же попытаться стимулировать бизнес через снижение фискального бремени, уповая на то, что это приведет к росту деловой активности [Хончев, 2024]. Вопрос в том, в какой мере подобный стимул сработает, если общая обстановка сохраняется напряженной. Опыт показывает, что без системного подхода, включающего не только налоговые послабления, но и последовательную работу по сокращению административных барьеров, эффект от минимизации вмешательства может оказаться незначительным или даже отрицательным.

Отдельного внимания заслуживает феномен «точечной» поддержки, когда государство под лозунгами борьбы с кризисом отбирает несколько наиболее значимых отраслей для их прицельного финансирования или смягчения нормативов. В автомобилестроении, сельском хозяйстве, оборонном комплексе или в IT-госсекторе иногда применяются особо льготные условия, в том числе снижение процентных ставок по кредитам, налоговые каникулы или прямое субсидирование [Баранов, Анисимов, 2024]. Сами по себе такие меры могут быть оправданы при наличии четкой стратегии импортозамещения или технологического рывка, но они противоречат принципу минимального вмешательства, так как создают диспропорцию на рынке. Одним предприятиям везет получать господдержку, другим приходится жить в обычных условиях, отдельно утяжеленных кризисом. Отсюда возникает среда с неравными возможностями. К тому же, когда выбор отраслей кажется субъективным, это вызывает сомнения в прозрачности принятия решений. Предприниматели обращают внимание на то, что, возможно, именно коррупционные факторы влияют на распределение государственной помощи, что снова приводит к недоверию и массовому оттоку инвестиций.

Действенность принципа минимального вмешательства в условиях кризиса связана не только с экономическими, но и с политическими моментами. Население, ощущая общее напряжение, может требовать более заметной роли государства, ожидая госгарантий занятости и сохранения уровня жизни [Харакоз, 2024]. Политическое руководство, реагируя на эти запросы, усиливает механизмы контроля и перераспределения, что социально может быть оправдано, но при этом с точки зрения предпринимательского климата может вести к ухудшению условий. Возникновение бюрократического давления, рост коррупционных рисков и снижение уверенности бизнеса в будущем являются типичными последствиями избыточного вмешательства. С другой стороны, если власть не предпримет заметных шагов, кризис может усугубиться, и следствием станет и экономическая, и политическая дестабилизация. Следовательно, вера в «минимальное вмешательство» часто натывается на жесткие социальные требования, особенно в тех случаях, когда кризис имеет резонанс в обществе.

В мировой практике известны примеры, когда в кризис государство фактически сводит свое вмешательство к минимуму, давая экономике «самовосстановиться». Однако подобные эксперименты удавались лишь в экономически и институционально развитых странах с хорошим уровнем социальной поддержки извне рыночных механизмов [Королева, Усманов, Осипов, 2024]. В российском случае, при более уязвимом гражданском обществе и менее развитых структурах поддержки, эксперимент по резкому снижению контроля может привести к коллапсу отдельных регионов, росту безработицы, углублению экономического неравенства. Поэтому ужесточение вмешательства часто оправдывается интересами национальной безопасности и социальной стабильности. При этом это делается без учета последствий для деловой среды, что рождает конфликты между государственными структурами и бизнесом. В идеальной модели нужно сочетать гибкое регулирование для стабильности и сохранения занятости и одновременно стимулировать частную инициативу.

Одним из инструментов, позволяющих сочетать эти подходы, становится развитие цифровых сервисов, облегчающих взаимодействие между предпринимателями и государственными органами. Внедрение электронных площадок для отчетности, автоматизация налогового контроля, использование электронных подписей и госуслуг на онлайн-порталах делают надзор более прозрачным и менее затратным [Мединцева, 2024]. Однако в кризисное время темпы цифровизации могут замедляться из-за сокращения госбюджетов и приоритета иных задач. Между тем именно цифровизация могла бы стать способом минимизировать

вмешательство: вместо многочисленных визитов к чиновникам бизнес мог бы получать разрешения и согласовывать документы в электронной форме, что сокращает коррупционные риски. Такой подход помог бы выстроить систему минимально необходимого контроля при сохранении достаточной прозрачности. Однако в реальности осуществление подобных проектов требует долгосрочного планирования и существенных инвестиций в инфраструктуру.

Говоря о социально-экономических последствиях минимизации вмешательства, стоит учитывать, что бизнес при свободе действий иногда пренебрегает экологическими нормами и социальными обязательствами, особенно в кризис. Это может приводить к ухудшению качества жизни населения, загрязнению окружающей среды, росту количества нелегально занятых работников. Сторонники вмешательства утверждают, что государство должно жестко отслеживать соблюдение стандартов, дабы предотвратить стремление экономических агентов сэкономить на экологии и безопасности. Но при этом, если государство слишком активно вводит новое регулирование без четкого мониторинга, предприятия могут не выдержать возросшей нагрузки. Именно поэтому требуется уравновешенный механизм: неформальные консультации, партнерские площадки, меморандумы о взаимопонимании, которые позволят бизнесу адаптироваться к изменениям [Гарбузов, Пчёлкин, 2024]. Ведь основной целью является не полное устранение госучастия, а установление таких правил, которые сохраняют условия для конкурентной борьбы и инноваций, но при этом не наносят ущерба обществу.

Принцип минимального вмешательства зачастую неверно понимают как тотальный «либерализм», тогда как в более точном определении речь идет о том, что государству следует ограничиваться исключительно функциями, которые рынок сам по себе не может эффективно осуществлять. Это предполагает создание и поддержание правовой базы, инфраструктуры, систему образования, здравоохранения и прочие общественные блага, нужные для базовой стабильности [Смотрицкая, Фролова, 2024]. В условиях кризиса необходимость этих функций только возрастает, так как рыночные механизмы могут временно давать сбои, не обеспечивая аккумуляцию капитала и перераспределение ресурсов. Но вместе с тем государство не должно «влезать» во все предпринимательские процессы, устанавливая чрезмерные нормы. Важно понимать и культурно-исторический контекст: в России после долгих лет плановой экономики сформировалась привычка к опеке «сверху», поэтому радикальный уход государства из большинства процессов может восприниматься обществом негативно или вовсе маловероятен.

Кризисные явления открывают и другую сторону: в обществе растет запрос на социальную справедливость, предприниматели часто критикуются за монопольное ценообразование или невыполнение обязательств. Если в таких условиях государство будет занимать исключительно «наблюдательную» позицию, могут усилиться социальные протесты [Харакоз, 2024]. Поэтому, помимо чисто экономической логики, вмешательство обусловлено политической необходимостью удерживать социальное равновесие. Государство предлагает различные инструменты, вроде временного регулирования цен на социально значимые товары, что противоречит принципу свободного ценообразования, но получает поддержку среди населения. С точки зрения долгосрочного развития бизнеса, подобные меры воспринимаются неоднозначно, ведь при отсутствии гибкого управления и четкого плана выход из кризиса может затянуться.

На волне кризисов в России нередко возникают инициативы по «регуляторной гильотине», упрощению нормативов и снятию устаревших административных барьеров [Гусейнова, Гаджиева, 2024]. Теоретически такие инициативы направлены на то, чтобы уменьшить

вмешательство государства, сократить избыточное дублирование функций ведомств, ускорить согласования. На практике же периодические объявления подобных реформ не всегда завершаются конкретными результатами, будучи либо замороженными на стадии обсуждения, либо существенно ослабленными на этапе принятия. Предприниматели, следя за этим процессом, становятся скептическими и продолжают работать в среде, где нередко главенствует бюрократия и непредсказуемость. При этом в кризис время — ключевой ресурс, и отсутствие реального упрощения процедур вредит тем, кто пытается внедрять инновации.

Не стоит забывать о важности макроэкономической стабильности. Центральный банк, регулируя процентные ставки и курс валюты, фактически вмешивается в экономику, пусть и в финансовом секторе [Бабина, Бондаренко, Мармоза, Томайлы, 2024]. При этом минимальность вмешательства государства в сферы бизнеса при кризисе может быть уравновешена продуманной монетарной политикой. Если государственные институты способны эффективно удерживать инфляцию, то предприниматели получают более предсказуемые условия для планирования. Но в российских условиях центральные решения по ключевой ставке нередко имеют прямое влияние на доступность кредитов, а значит, малому бизнесу бывает сложно финансировать свой рост. Последующее государственное вмешательство в виде программ поддержки приобретает амбивалентный характер: с одной стороны, хочется дать «свободу рынку», а с другой — приходится компенсировать жесткую монетарную политику точечными послаблениями.

Мировой опыт показывает, что в периоды глубоких рецессий многие страны переходят к политике активного вмешательства: расширяют госзаказы, стимулируют покупательский спрос льготными программами, субсидируют ипотеку. Подобное происходит, когда самостоятельный выход из кризиса затруднителен для большинства предприятий. Российский выбор в этом вопросе часто становится заложником бюджетных ограничений, санкционных факторов и общей специфики государственного управления. Поэтому схемы антикризисной поддержки могут обретать форму жесткого контроля за расходами бюджета, наряду с точечным финансированием «выбранных» отраслей. Все это ставит под сомнение универсальность принципа минимального вмешательства, который в идеале призван создавать равные условия для всех предприятий. В результате стратегические решения принимаются с определенной долей волюнтаризма, ориентируясь не столько на рыночную логику, сколько на политическую целесообразность [Буймов, 2024].

Традиционная российская модель управления предполагает, что в периоды нестабильности возрастает роль государственных корпораций и крупных компаний с госучастием. Эти структуры получают привилегированные условия при размещении финансовых ресурсов, что позволяет им переживать кризисы легче, чем малый и средний бизнес [Стефанова, Бактыгалиев, 2024]. Принцип минимального вмешательства при таких условиях нивелируется, потому что рыночная конкуренция становится неравной. Более того, видимое сокращение надзорных функций может происходить только по отношению к этим крупным игрокам, в то время как к средней и малой предпринимательской среде прилагаются иные (часто более жесткие) меры контроля. Это формирует искаженную структуру рынка, где сильнейшие получают еще больше преимуществ, а слабые либо не выживают, либо уходят в тень.

С другой стороны, эффективное госучастие в экономике требует высокого уровня менеджмента и прозрачности принятия решений. Если же внутри госаппарата сохраняются малоподконтрольные механизмы распределения бюджетных средств, тогда любое вмешательство может оборачиваться только ростом коррупции [Вовченко, Куринова, Жолудева, 2024]. Именно поэтому сторонники более строгого понимания принципа

минимального вмешательства утверждают, что в условиях отечественной действительности критически важно сократить не просто формальный объём вмешательства, но и число точек контакта бизнеса с чиновниками. По их мнению, лучше минимизировать регуляцию и дать возможность рынку грамотно саморегулироваться, при условии, что существуют сильные институты судебной защиты и соблюдения закона. В противном случае менеджеры госкомпаний и чиновники, стремящиеся к личному обогащению, будут злоупотреблять административным ресурсом.

Можно также рассмотреть вопрос инновационных кластеров и индустриальных парков, которые государство создает как драйверы роста. Идея состоит в том, чтобы свести воедино бизнес, науку, образовательные учреждения и предоставить им преференции: инфраструктура, налоговые льготы, субсидии на исследования. Сторонники таких мер считают, что без господдержки инновации в кризис буксуют [Гарбузов, Пчёлкин, 2024]. Противники указывают, что принцип минимального вмешательства противоречит тому, что государство избирательно стимулирует лишь часть рынка, а это создает неравные условия. Практика же показывает, что эффективность подобных проектов во многом зависит от уровня управления и реального спроса на инновации. Если все сводится к формальному отчету о новых «технопарках», без качественной стыковки с реальным сектором экономики, эффект будет низким, а ресурсы — потраченными впустую. При этом подобные проекты могут служить инструментом локализации передовых производств и снижать зависимость от импортных технологий, что особенно важно в санкционных условиях.

Важна и культурная составляющая: российские предприниматели не всегда готовы к быстрому маневрированию, у многих из них нет привычки устойчивого развития и планирования, поскольку слишком долго они ориентировались на быструю прибыль. В условиях кризиса такая модель поведения становится рискованной [Королева, Усманов, Осипов, 2024]. Если государство не устанавливает четких правил, бизнес может действовать импульсивно, сворачивая социальные программы, игнорируя будущие инвестиции для краткосрочного выигрыша. Между тем, стратегическое развитие требует не только «невмешательства», но и формирования устойчивой среды, где предпринимательские инициативы могут найти долгосрочную опору. В противном случае каждое очередное кризисное событие будет приводить к массовым банкротствам предприятий, не сумевших подготовиться к новым вызовам.

Нельзя забывать о проблемах с доступом к финансированию, которые в период кризиса особенно остро ощущаются в регионах. Вроде бы принцип минимального вмешательства говорит об отказе от жестких субсидий или госгарантий, но коммерческие банки в условиях повышенных рисков отказываются кредитовать малый и средний бизнес, предпочитая более надежных заемщиков. Государство же, стремясь поддержать предпринимателей, вынуждено расширять программы льготного кредитования [Смотрицкая, Фролова, 2024]. Таким образом, сама логика кризиса вынуждает применять инструменты, выходящие за рамки «минимального вмешательства». Получается противоречие: если государство не окажет поддержку, многие продуктивные проекты окажутся замороженными. Если же помощь оказывается широко и бесконтрольно, увеличивается нагрузка на бюджет, а механизм селекции прибыльных и неприбыльных проектов становится неэффективен.

Актуальным остается вопрос, может ли вообще принцип минимального вмешательства рассматриваться как безусловное благо для экономики, особенно находящейся под волнениями. Одни экономисты утверждают, что лишь свободные рынки способствуют динамичному развитию, но при этом признают, что кризис — время особой нестабильности, требующей

временных государственных мер [Мединцева, 2024]. Другие исследователи указывают, что российская экономика не создаст самоорганизующиеся структуры при столь низком уровне доверия к институтам, поэтому необходим иногда и прямой госменеджмент. В конечном итоге важна гармонизация: умелое использование инструментов вмешательства и при этом поддержка предпринимателей в их стремлении к самостоятельности. То есть принцип минимального вмешательства не должен пониматься буквально, как полное самоусунуться государства, а скорее как рациональный поиск баланса.

Если бы в России существовала развитая система саморегулируемых организаций (СРО), способных устанавливать профессиональные стандарты и контролировать участников рынка, государство могло бы делегировать им значительную часть надзорных функций [Буймов, 2024]. Но пока такие СРО не повсеместны и нередко они сами попадают под влияние административных или коммерческих интересов. Переход к саморегулированию требует времени и доверия, а в кризис общество и бизнес зачастую требуют более явной господдержки. Отсюда и возникает двойственность: государству трудно полностью уйти из регулирования, ведь нет сильного механизма, способного его заменить.

С социологической точки зрения, низкий уровень межфирменной кооперации и сильная ориентированность на краткосрочные выгоды создают атмосферу, в которой принцип невмешательства легко ведет к нарушениям и спекуляциям [Гусейнова, Гаджиева, 2024]. Если в обществе невысокий уровень правовой культуры, а системы внутренней этики в бизнесе недостаточны, то малейшее облегчение надзора порождает повышение незаконных методов ведения дел. В результате падает доверие к рынку, что в условиях кризиса может быть особенно болезненным. Госорганы пытаются бороться с этим ростом серого сектора, ужесточая контроль, тем самым формируя замкнутый круг. Успешное минимальное вмешательство возможно лишь при сформировавшемся институте добросовестных деловых практик.

Можно отметить, что в ряде случаев точечные ограничения и запреты эффективнее, нежели полный запрет на вмешательство. Например, государство может строго контролировать экологические нормы, защиту прав потребителей, качество товаров и услуг, но при этом не вмешиваться в вопрос цен, ассортимент и частные условия сделок [Бабина, Бондаренко, Мармоза, Томайлы, 2024]. Такой подход соблюдает интересы общества и одновременно не душит предпринимательскую инициативу. Но для этого необходимы работающие механизмы контроля именно в узкоспециализированных сферах, а не расплывчатый общий надзор, который инспектирует все подряд. Незрелая надзорная система, свойственная периоду кризиса, чаще склоняется к «тотальным проверкам», поскольку методическая работа с системами качества требует компетенций и времени.

Эффективность принципа минимального вмешательства в условиях российской экономики во многом зависит и от глобальной интеграции страны. При изоляции и санкционном давлении внешние ресурсы для бизнеса оказываются ограниченными, что повышает важность господдержки [Мединцева, 2024]. Если компания не может получить иностранные инвестиции или заграничные кредиты, помощь государства становится фактически единственным доступным источником. Тем самым барьеры свободы в экономической сфере сокращаются, предприниматели вынуждены искать государственные гарантии и субсидии, невольно усиливая влияние госорганов. В результате уровень вмешательства возрастает, а минимальное вмешательство в чистом виде остается скорее доктринальным принципом, нежели практическим.

Учитывая все эти противоречия, можно заключить, что российская модель госуправления в кризисах в большинстве случаев не достигает оптимального сочетания между необходимым

контролем и свободой предпринимательства. С одной стороны, власть декларирует желание ослабить давление, с другой – не готова отпустить бизнес в «свободное плавание» из-за страха перед социальными последствиями и риском экономического хаоса [Гусейнова, Гаджиева, 2024]. Эта двойственность сказывается и на уровне доверия между бизнесом и властью. Принцип минимального вмешательства, если рассматривать его как идею, можно назвать перспективным, но его реализация требует серьезной перестройки институциональной среды, чего трудно добиться в условиях одновременной борьбы с многочисленными вызовами.

Соответственно, в долгосрочной перспективе, если стремиться к более высокому уровню экономической эффективности, российскому государству необходимо менять систему приоритетов: с контроля на сервис и поддержку, с репрессивных методов на обеспечение конкурентной среды [Харакоз, 2024]. Это подразумевает реформирование судебной системы, унификацию нормативов, развитие цифровых платформ, а также формирование культуры добросовестного предпринимательства. Лишь тогда принцип минимального вмешательства может работать не формально, а на деле, создавая благоприятный климат, где бизнес не боится рисковать и инвестировать, а общество защищено от негативных проявлений рыночной стихии.

Само понимание «кризисных явлений» включает не только резкое сокращение спроса или падение цен на сырье, но и изменение международных отношений, колебания курса валют, политические факторы. Воздействовать на все эти составляющие напрямую государство не может, поэтому его вмешательство часто ограничивается бюджетно-налоговой и кредитно-денежной политикой, а также репрессивными или стимулирующими мерами в отношении отдельных секторов. На эффективность подобных мер накладывается фактор доверия, и если бизнес не верит в стабильность и последовательность власти, то любые антикризисные шаги рискуют пойти впустую [Гарбузов, Пчёлкин, 2024]. Именно поэтому параллельно с декларированием минимального вмешательства необходимо укреплять принципы транспарентности и диалог с предпринимательским сообществом.

Отсюда же возникает вопрос о роли органов государственной власти в разработке стратегий развития: в идеальной ситуации государство задает общую траекторию (направленные на инновации, диверсификацию и т.д.), но не вмешивается в конкретные бизнес-процессы, позволяя рынку выработать оптимальные решения. В кризис эта модель работает хуже, ибо критические условия требуют ручной корректировки, быстрого принятия решений, включая точечное финансирование. Однако если такие решения не систематизированы, то они дезориентируют участников рынка, вместо того чтобы стабилизировать обстановку [Гусейнова, Гаджиева, 2024]. В результате предприниматели порой не понимают, как надолго вводятся те или иные меры, что еще больше усложняет планирование.

При анализе зарубежных кейсов можно видеть примеры, когда государство шло на временную национализацию проблемных компаний, чтобы сохранить рабочие места и не допустить коллапса отрасли, а затем после стабилизации возвращало их в частные руки [Бабина, Бондаренко, Мармоза, Томайлы, 2024]. В России такие действия оцениваются по-разному: одни называют их спасением стратегических активов, а другие считают способом перераспределения собственности и усиления позиций лояльных к власти фигур. В любом случае, это пример масштабного вмешательства, необходимого для преодоления краткосрочных провалов рынка, но противоречащего идее минимального участия государства.

Таким образом, проблема в том, что в периодических кризисах государство каждый раз отчасти «изобретает велосипед», опираясь на временные приказы, постановления и инициативы, а системные Institutional механизмы остаются недостаточно развитыми [Смотрицкая, Фролова, 2024]. В итоге любое вмешательство становится громоздким, а его

снижение – риском для устойчивости. К тому же, кризис может повторяться и приобретать различные формы, и без устойчивой институциональной базы даже самый тщательно проработанный принцип минимального вмешательства может быть нивелирован.

Высокий уровень централизации в политической системе России приводит к тому, что многие решения зависят от вертикали власти, а реальные возможности регионального самоуправления остаются ограниченными. При кризисных явлениях это может приводить к задержкам и неэффективной передаче информации, когда на местах уже поселились проблемы, а центр еще не успел среагировать. Предприниматели, ориентируясь на принцип минимального вмешательства, нередко надеются на региональное упрощение административных процедур, но сталкиваются с тем, что в каждом регионе свои правила и отсутствует целостная система [Мединцева, 2024]. В результате экономическая эффективность падает, так как бизнес вынужден тратить ресурсы на адаптацию к меняющимся и порой дублирующимся нормам.

Не меньшее значение имеют и культурные особенности ведения дел в России, подразумевающие, что личные связи и неформальные договоренности часто оказываются важнее формальных регламентов. Это затрудняет реализацию принципа прозрачного и минимального вмешательства, ведь значение «телефонного права» в кризис лишь усиливается [Буймов, 2024]. В таких условиях часть предпринимателей может получать неофициальные льготы или освобождаться от проверок, в то время как остальные живут по обычным правилам. Эффективная рыночная среда предполагает равенство участников, но на практике эта цель остается трудно достижимой без масштабных институциональных реформ.

Проблему углубляет и то, что российские предприниматели широко рассредоточены по масштабу: есть и транснациональные корпорации, и мелкие семейные предприятия, и индивидуальные предприниматели. Единые меры регулирования, даже если они направлены на сокращение вмешательства, воспринимаются по-разному в зависимости от уровня зрелости компании. Крупные структуры обладают ресурсами, позволяющими адаптироваться к сложным условиям, тогда как малый бизнес может нуждаться в специальном сопровождении [Драненко, 2024]. Следовательно, универсальность принципа минимального вмешательства тоже оказывается под вопросом, ведь без учета специфики разных секторов можно получить в итоге рост монополизации, а не здоровую конкуренцию.

Однако при всем скепсисе важно подчеркнуть, что идея минимального вмешательства государства сама по себе является привлекательным ориентиром для предпринимательского сообщества. Многие бизнесмены, особенно те, кто работает в инновационных и несырьевых секторах, хотели бы видеть стабильные и прозрачные правила, отсутствие внезапных инспекций и барьеров, возможность быстро принимать решения. С их точки зрения, именно так можно раскрыть потенциал российской экономики. Они указывают, что чем меньше бюрократии – тем больше времени остается на создание добавленной стоимости [Гарбузов, Пчёлкин, 2024]. Поэтому дискуссия о снижении вмешательства государства имеет не только экономическое, но и идеологическое значение, задавая вектор реформ.

Заключение

В итоге можно сделать вывод, что эффективность принципа минимального вмешательства государства в предпринимательскую деятельность в условиях кризисных явлений российской экономики остается неоднозначной. С одной стороны, в теории и в некоторых практических кейсах такой подход предусматривает больше возможностей для бизнеса адаптироваться и развиваться. С другой – исторические, институциональные и социальные особенности России

нередко вынуждают власть усиливать контроль, чтобы справляться с проявлениями нестабильности и защищать общественный интерес. В результате получается смешанная модель, в которой декларируется стремление к снижению барьеров, но на практике чрезмерное давление зачастую сохраняется. Очевидно, что для реальной работы принципа минимального вмешательства нужно качественное реформирование институтов, последовательность управленческих решений, прозрачная правовая среда и отсутствие коррупции. Без этих компонентов сложная российская действительность будет по-прежнему накладывать многочисленные ограничения на применение либеральных политик. Идущие реформы в сфере регуляторной гильотины, цифровизации и повышения прозрачности госорганов могут в перспективе смягчить проблему, однако до достижения устойчивого положения вряд ли стоит ждать, что минимальное вмешательство станет воистину определяющим принципом экономической политики.

Библиография

1. Бабина Е.Н., Бондаренко Г.В., Мармоза А.В., Томайлы А.Е. Предпринимательство как часть развитой рыночной экономики // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. 2024. № 1 (69). С. 6-14.
2. Баранов А.В., Анисимов А.Ю. Государственная политика стратегического планирования в сфере развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Экономическое развитие России. 2024. Т. 31. № 6. С. 70-78.
3. Буймов А.А. Аналитическое исследование состояния предпринимательства в Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 4. С. 121-144.
4. Валов К.Д. К вопросу о государственном регулировании предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Закон. Право. Государство. 2024. № 2 (42). С. 101-104.
5. Вовченко Н.Г., Куринова Я.И., Жолудева А.Г. Эффекты от господдержки для предпринимателя // Учет и статистика. 2024. Т. 21. № 1. С. 50-61.
6. Гарбузов И.С., Пчёлкин К.А. Роль и влияние государственной поддержки предпринимательства на развитие малого и среднего бизнеса: анализ правовых механизмов и их эффективность // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-6. С. 87-90.
7. Гусейнова М.С., Гаджиева З.Э. Роль малого и среднего бизнеса в развитии национальной экономики // Экономика и предпринимательство. 2024. № 10 (171). С. 855-858.
8. Драненко В.А. Регулирование предпринимательских отношений в 1918–1928 годах: ретроспективный взгляд // Национальный вестник Республики Крым. 2024. № 8. С. 179-184.
9. Королева Н.Ш., Усманов Э.Р., Осипов А.Л. Государственные инициативы по помощи малому бизнесу: опыт России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 8. № 3 (144). С. 19-24.
10. Мединцева С.Г. Экономические механизмы поддержки малого и среднего предпринимательства // Экономическое развитие России. 2024. Т. 31. № 2. С. 60-70.
11. Неопуло К.Л. О необходимости ревизии мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Путеводитель предпринимателя. 2024. Т. 17. № 3. С. 26-32.
12. Смотрицкая И., Фролова Н. К вопросу развития предпринимательской деятельности государства // Общество и экономика. 2024. № 4. С. 5-16.
13. Стефанова Н.А., Бактыгалиев А.Е. Экономика и малый бизнес, как следствие современного предпринимательства 2021 года // Актуальные вопросы современной экономики. 2024. № 4. С. 282-287.
14. Харакоз Ю.К. Перспективы развития системы государственной поддержки деятельности малого и среднего бизнеса в мировой практике // Экономические исследования и разработки. 2024. № 1. С. 78-84.
15. Хончев М.А. Влияние предпринимательства на реализацию экономической политики России // Финансовые рынки и банки. 2024. № 3. С. 332-337.

Analysis of the effectiveness of the principle of minimal state intervention in entrepreneurial activity under conditions of crisis phenomena in the Russian economy

Mikhail V. Shcherbakov

Postgraduate Student,
Volgograd State University,
400062, 100 Universitetskii ave., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: scherbakovmikhail4work@gmail.com

Abstract

The article conducts an analysis of the effectiveness of the principle of minimal state intervention in entrepreneurial activity under the crisis phenomena conditions of the Russian economy. The author examines historical cases of the crises of 2008–2009 and 2014–2015, as well as current challenges associated with sanction pressures and structural imbalances. The theoretical basis of the study is provided by classical free market concepts adapted to the specifics of the Russian institutional environment, where the planned economy has left a deep imprint. The methodology includes a comparative analysis of regulatory measures, an assessment of their impact on small, medium, and large businesses, as well as a study of the interaction between state and market mechanisms. The results demonstrate a dual role of minimal intervention: on one hand, it stimulates business adaptation by reducing administrative barriers, while on the other, it provokes the growth of shadow practices and regional asymmetry. Special attention is given to the contradictions between the declared liberalization and the actual strengthening of control in critical sectors such as food security and infrastructure. It is revealed that the effectiveness of the principle directly depends on the quality of institutions: the transparency of law enforcement, the availability of digital services, and the level of trust between business and government. The discussion emphasizes the need for a balance between short-term stabilization and long-term reforms. Sanctions and isolation increase business dependency on state support, which contradicts the idea of a free market. The author concludes that the application of the minimal intervention principle in Russia is ambiguous, where historical, social, and political factors necessitate a hybrid approach. The key conditions for success are identified as the unification of regulatory norms, combating corruption, and the development of self-regulatory organizations.

For citation

Shcherbakov M.V. (2025) Analiz effektivnosti printsipa minimal'nogo vmeshatel'stva gosudarstva v predprinimatel'skuyu deyatel'nost' v usloviyakh krizisnykh yavlenii ekonomiki Rossii [Analysis of the effectiveness of the principle of minimal state intervention in entrepreneurial activity under conditions of crisis phenomena in the Russian economy]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 18-32.

Keywords

State intervention, economic crises, entrepreneurship, institutional reforms, regulatory policy.

References

1. Babina E.N., Bondarenko G.V., Marmoza A.V., Tomailo A.E. (2024) Predprinimatel'stvo kak chast' razvitoi rynochnoi ekonomiki [Entrepreneurship as Part of a Developed Market Economy]. Vestnik Instituta družby narodov Kavkaza (Teoriia ekonomiki i upravleniia narodnym khoziaistvom). Ekonomicheskie nauki [Bulletin of the Institute of Caucasus Peoples Friendship (Theory of Economics and National Economy Management). Economic Sciences], 1(69), pp. 6-14.
2. Baranov A.V., Anisimov A.Yu. (2024) Gosudarstvennaia politika strategicheskogo planirovaniia v sfere razvitiia malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii [State Policy of Strategic Planning in the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in the Russian Federation]. Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic Development of Russia], 31(6), pp. 70-78.
3. Buimov A.A. (2024) Analiticheskoe issledovanie sostoiianiia predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii [Analytical Study of the State of Entrepreneurship in the Russian Federation]. Vestnik universiteta [University Bulletin], 4, pp. 121-144.
4. Dranenko V.A. (2024) Regulirovanie predprinimatel'skikh otnoshenii v 1918–1928 godakh: retrospektivnyi vzgliad [Regulation of Entrepreneurial Relations in 1918-1928: A Retrospective View]. Natsional'nyi vestnik Respubliki Krym [National Bulletin of the Republic of Crimea], 8, pp. 179-184.
5. Garbuzov I.S., Pchelkin K.A. (2024) Rol' i vliianie gosudarstvennoi podderzhki predprinimatel'stva na razvitie malogo i srednego biznesa: analiz pravovykh mekhanizmov i ikh effektivnost' [The Role and Impact of State Support for Entrepreneurship on the Development of Small and Medium-Sized Businesses: Analysis of Legal Mechanisms and Their Effectiveness]. Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia [Trends in the Development of Science and Education], 105-6, pp. 87-90.
6. Guseinova M.S., Gadzhieva Z.E. (2024) Rol' malogo i srednego biznesa v razvitii natsional'noi ekonomiki [The Role of Small and Medium-Sized Businesses in the Development of the National Economy]. Ekonomika i predprinimatel'stvo [Economics and Entrepreneurship], 10(171), pp. 855-858.
7. Kharakoz Yu.K. (2024) Perspektivy razvitiia sistemy gosudarstvennoi podderzhki deiatel'nosti malogo i srednego biznesa v mirovoi praktike [Prospects for the Development of the System of State Support for Small and Medium-Sized Businesses in World Practice]. Ekonomicheskie issledovaniia i razrabotki [Economic Research and Development], 1, pp. 78-84.
8. Khonchev M.A. (2024) Vliianie predprinimatel'stva na realizatsiiu ekonomicheskoi politiki Rossii [The Influence of Entrepreneurship on the Implementation of Russia's Economic Policy]. Finansovyie rynki i banki [Financial Markets and Banks], 3, pp. 332-337.
9. Koroleva N.Sh., Usmanov E.R., Osipov A.L. (2024) Gosudarstvennye initsiativy po pomoshchi malomu biznesu: opyt Rossii [State Initiatives to Help Small Business: The Experience of Russia]. Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniia [Economics and Management: Problems, Solutions], 8(3)(144), pp. 19-24.
10. Medintseva S.G. (2024) Ekonomicheskie mekhanizmy podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva [Economic Mechanisms for Supporting Small and Medium-Sized Entrepreneurship]. Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic Development of Russia], 31(2), pp. 60-70.
11. Neopulo K.L. (2024) O neobkhodimosti revizii mer gosudarstvennoi podderzhki sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva [On the Need to Revise Measures of State Support for Small and Medium-Sized Enterprises]. Putevoditel' predprinimatelia [Entrepreneur's Guide], 17(3), pp. 26-32.
12. Smotritskaia I., Frolova N. (2024) K voprosu razvitiia predprinimatel'skoi deiatel'nosti gosudarstva [On the Issue of Developing the Entrepreneurial Activity of the State]. Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics], 4, pp. 5-16.
13. Stefanova N.A., Baktygaliev A.E. (2024) Ekonomika i maliy biznes, kak sledstvie sovremennogo predprinimatel'stva 2021 goda [Economy and Small Business as a Consequence of Modern Entrepreneurship of 2021]. Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki [Current Issues of the Modern Economy], 4, pp. 282-287.
14. Valov K.D. (2024) K voprosu o gosudarstvennom regulirovanii predprinimatel'skoi deiatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii [On the Issue of State Regulation of Entrepreneurial Activity in the Russian Federation]. Zakon. Pravo. Gosudarstvo [Law. Right. State], 2(42), pp. 101-104.
15. Vovchenko N.G., Kurinova Ya.I., Zholudeva A.G. (2024) Effekty ot gospodderzhki dlia predprinimatelia [Effects of State Support for the Entrepreneur]. Uchet i statistika [Accounting and Statistics], 21(1), pp. 50-61.

УДК 338.483.2:338.487.4

Корпоративное управление как механизм реализации принципа добросовестности в отношениях между акционерами и менеджментом компаний

Щербаков Михаил Владимирович

Аспирант,
Волгоградский государственный университет,
400062, Российская Федерация, Волгоград, просп. Университетский, 100;
e-mail: scherbakovmikhail4work@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию роли корпоративного управления как механизма реализации принципа добросовестности в отношениях между акционерами и менеджментом компаний. Обоснована актуальность темы, связанная с необходимостью баланса интересов стейкхолдеров, соблюдения правовых и этических норм, а также формирования устойчивой корпоративной культуры. Цель работы – анализ инструментов и практик, обеспечивающих прозрачность, подотчетность и справедливость в корпоративных отношениях. Рассмотрены механизмы контроля, включая независимые аудиторские комитеты, советы директоров, внутренние регламенты и этические кодексы. Исследование опирается на анализ международного опыта, нормативно-правовых актов и кейсов, иллюстрирующих последствия нарушения добросовестности. Особое внимание уделено роли IT-технологий в обеспечении прозрачности и предотвращении злоупотреблений. Результаты демонстрируют, что эффективное корпоративное управление снижает риски конфликтов интересов, повышает доверие акционеров и укрепляет репутацию компании. Ключевыми факторами успеха выступают внедрение сбалансированных систем показателей, открытая информационная политика, а также интеграция ESG-принципов (экологических, социальных и управленческих) в стратегию развития. Подчеркивается необходимость сочетания формальных регуляторных норм с внутренней этической культурой. Отмечено, что добросовестность трансформируется из морального императива в экономический фактор, влияющий на конкурентоспособность и доступ к глобальным рынкам. Уделено внимание роли национальных деловых традиций, цифровизации и гендерного разнообразия в советах директоров. Выводы статьи подтверждают, что корпоративное управление, основанное на принципе добросовестности, способствует долгосрочной стабильности компаний, минимизирует репутационные риски и создает основу для устойчивого роста в условиях глобальных вызовов.

Для цитирования в научных исследованиях

Щербаков М.В. Корпоративное управление как механизм реализации принципа добросовестности в отношениях между акционерами и менеджментом компаний // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 33-49.

Ключевые слова

Корпоративное управление, добросовестность, акционеры, менеджмент, прозрачность.

Введение

Корпоративное управление в современных условиях становится все более востребованным инструментом, который обеспечивает баланс интересов акционеров, топ-менеджмента и прочих стейкхолдеров. Механизмы этого управления направлены на то, чтобы согласовать деятельность всей организации с установившимися правовыми и этическими нормами, а также удовлетворять ожидания инвесторов и общества. Большое внимание при этом уделяется принципу добросовестности, без следования которому богатый опыт деловой практики не может быть эффективно применен. Под добросовестностью в отношении акционеров и менеджмента обычно понимается не только формальное следование юридическим нормам, но и комплексное осознание социальной ответственности бизнеса. В силу этого принцип добросовестности рассматривается как фундамент корпоративной культуры, где главными ценностями становятся прозрачность процедур, справедливое распределение полномочий и полноценное участие всех заинтересованных сторон в процессе принятия решений. Все это предполагает, что руководители компании, принимая решения, должны учитывать не только краткосрочную выгоду, но и долгосрочные последствия для всех участников корпоративного взаимодействия.

Система корпоративного управления во многом опирается на законодательные и нормативно-правовые акты, но в то же время предполагает целый ряд дополнительных механизмов, формирующихся внутри компании. Погмы этики, внутренние регламенты, корпоративные кодексы поведения — все это создает основу для практической реализации принципа добросовестности [Zhornokui, 2024]. Но вместе с тем без соответствующего менталитета и понимания менеджментом важности этих инструментов формальные документы нередко превращаются в простой набор правил без реального применения. Значимым аспектом является и постоянная проверка соблюдения данных правил со стороны независимых органов или комитетов, которые устанавливаются советом директоров. Когда корпоративное управление выстраивается последовательно и добросовестно, оно минимизирует вероятность злоупотреблений со стороны руководства, повышает доверие акционеров и способствует устойчивому развитию. Ведь именно доверие становится мощным нематериальным активом, который влияет на стоимость компании, расширяет ее возможности и облегчает привлечение новых инвестиций.

Материалы и методы исследования

Вопрос добросовестности в отношениях между акционерами и менеджментом часто поднимается в связи с обсуждением принципов распределения прибыли и принятия стратегических решений. Например, некоторые топ-менеджеры могут действовать в своих собственных интересах, когда речь заходит о вознаграждении или выборе рискованных проектов, тогда как акционеры могут преследовать цель максимизации своей прибыли за относительно короткий срок [Кушнарев, 2024]. В таких случаях важно выстроить механизмы взаимного контроля, которые предотвратят возникновение конфликта интересов и позволят защитить долгосрочные интересы бизнеса. Существенная часть этих механизмов — комитеты по аудиту,

независимые директора, прозрачное раскрытие финансовой отчетности и выстраивание четкой вертикали ответственности. Если эти инструменты работают слаженно, управленцы не могут использовать свое положение во вред компании, а акционеры получают адекватное представление о реальном положении дел в организации. Таким образом, корпоративное управление становится средством обеспечения баланса между желанием акционеров получить отдачу на вложенные средства и потребностью менеджмента в определенной свободе действий.

Результаты и обсуждение

Говоря о принципе добросовестности, следует отметить его морально-этическую составляющую, которая особенно важна в международных компаниях, задействованных в трансграничной торговле и инвестициях. Национальные законодательства могут отличаться друг от друга, однако общие требования к корпоративной прозрачности и порядочности обычно схожи [Серебренников, 2024]. Включение добросовестности в стратегические приоритеты делает компанию более устойчивой на внешних рынках, повышает ее репутацию и снижает сопутствующие политические риски. Если менеджмент придерживается принципов честного ведения дел, компания с большей вероятностью будет заключать выгодные партнерства, а инвесторы со всего мира проявят к ней больший интерес. Но для поддержания такого уровня добросовестности требуется не только формальное декларирование духа прозрачности, но и реальные действия: обучение персонала, создание механизмов «горячих линий» для сообщения о нарушениях, формирование внутренней среды, в которой любой сотрудник, включая топ-менеджмент, будет заинтересован в выборе честной и ответственной модели поведения. Чем выше уровень добросовестности, тем больше инноваций и креативных решений может быть сгенерировано в компании: сотрудники не боятся высказывать предложения, понимая, что их идеи рассматриваются справедливо и беспристрастно.

Добросовестность тесно связана и с концепцией подотчетности. Когда менеджмент знает, что его действия проверяются акционерами и регулирующими органами, возрастает мотивация принимать решения, соответствующие интересам компании в целом. Подотчетность проявляется и в открытом обсуждении стратегий, бюджетов, больших и малых инвестиционных проектов. Такой процесс требует не только отчетности, но и вовлеченности акционеров в управленческие процессы [Луценко, 2024]. Руководящие органы, включая совет директоров, должны формировать открытые площадки для коммуникации между менеджментом, рядовыми сотрудниками и инвесторами. В идеале каждая заинтересованная сторона должна осознавать вектор развития организации, понимать, какие ценности лежат в основе принимаемых решений, и быть уверенной, что ее права и интересы защищены. В этом проявляется гармоничная синергия между формальными правилами и человеческим фактором, ориентированным на справедливость. Организация, обладающая такой культурой управления, способна более гибко реагировать на рыночные изменения, вовремя корректировать свою стратегию и при этом не утрачивать репутацию надежного и ответственного игрока.

Чрезмерная концентрация власти в руках топ-менеджмента или, наоборот, слишком прямое вмешательство акционеров в оперативную деятельность может негативно отразиться на корпоративной культуре. В первом случае менеджмент получает возможность проводить решения, не учитывающие очерченные акционерами ожидания, а во втором — компания оказывается заложником краткосрочных колебаний рынка, поскольку акционеры могут диктовать стратегию, игнорируя долгосрочные цели. Именно поэтому важна взвешенность

подхода и наличие независимой оценки действий руководства со стороны совета директоров или специализированных комитетов [Луценко, 2024]. Сложность же заключается в том, чтобы найти оптимальный баланс: обеспечить прозрачность внутрикорпоративных процедур, и при этом дать менеджменту достаточно свободы для маневра, необходимого для быстрого реагирования на внешние вызовы. Эта дилемма усугубляется в условиях глобальных кризисных явлений, когда компаниям нужно действовать оперативно, не имея возможности детально согласовывать решения с акционерами. Корпоративное управление, опирающееся на принцип добросовестности, помогает смягчить подобные противоречия: у менеджмента есть четкие этические и правовые рамки, позволяющие действовать без опасения потерять доверие инвесторов, а акционеры уверены, что их капитал не окажется в руках недобросовестного управления.

Следует учесть и роль государственных органов, которые задают общую регуляторную среду. Во многих правовых системах закрепляются обязанности директоров действовать в интересах компании, а также предусмотрена ответственность за недолжное исполнение руководящих функций [Кулешов, Кудряшов, Рогова, Лутовинова, 2024]. Государство, таким образом, побуждает менеджмент и акционеров придерживаться ясных правил игры, обеспечивая при этом возможность судебной защиты прав. Однако государственное регулирование не всегда в состоянии оперативно реагировать на быстро меняющиеся бизнес-реалии, особенно если речь идет об инновационных или цифровых секторах экономики. Здесь на первый план выходит внутренняя корпоративная этика, осознанное соблюдение принципов добросовестности и превентивные меры, которые компании сами внедряют, чтобы защитить свою репутацию и капитал. Наличие четко прописанных внутрикорпоративных норм о конфликте интересов, инсайдерской торговле, использовании конфиденциальной информации – все это помогает компаниям не только соответствовать формальным требованиям закона, но и формировать культуру этического поведения на каждом уровне организации.

Среди объективных предпосылок внедрения принципа добросовестности в корпоративное управление существенную роль играет рост глобальной конкуренции. Компании, которые не уделяют должного внимания вопросам корпоративной ответственности, рискуют потерять свое положение на рынке вследствие падения репутации или дефицита доверия со стороны ключевых стейкхолдеров [Герасименко, 2024]. В частности, в эпоху цифровой трансформации потребители и инвесторы могут оперативно получить информацию о проблемах, связанных с нарушениями этических норм или законов, и это может послужить ударом по ценовым показателям и стоимости бренда. Осознание данного фактора побуждает многие компании внедрять глобальные стандарты прозрачности, разрабатывать детальные руководства по поведению для сотрудников, а также обеспечивать систематический аудит и мониторинг внутренних процессов. Через эти инструменты реализуется механизм корпоративного управления, нацеленный на честное и ответственное ведение дел, а принцип добросовестности при этом становится не просто этическим идеалом, а практикой, укрепляющей конкурентоспособность.

Сегодня все чаще в научных исследованиях подчеркивается важность корпоративного управления в создании долгосрочной ценности. Инвесторы, особенно институциональные, при выборе вложений обращают внимание не только на финансовые показатели, но и на качество систем управления, учитывающее принятые в компании нормы этики и прозрачности. Чем более комплексной и устойчивой выглядит модель корпоративного управления, тем выше шансы привлечь капитал по более низкой ставке и с более продолжительным сроком

финансирования. В результате наблюдается своеобразная позитивная обратная связь: честность руководства и защищенность акционеров повышают доверие, а растущее доверие приводит к увеличению объема инвестиций и, соответственно, к укреплению конкурентных позиций. Данный процесс особенно нагляден в публичных компаниях, где акционеры теснее связаны с динамикой котировок ценных бумаг, а менеджмент более подвержен оценкам со стороны аналитиков и рейтинговых агентств. Дополнительная прозрачность позволяет третьим сторонам составлять адекватную картину о перспективах развития, что, в свою очередь, формирует позитивные ожидания на рынке.

Не менее актуально осмыслить и значение корпоративной культуры, в которой закреплён принцип добросовестности. Если в компании преобладают ценности меритократии, открытости к новшествам и внимательности к социальным последствиям своей деятельности, то и взаимодействие между акционерами и менеджментом будет строиться на более доверительной основе [Ивахно, Саенко, 2024]. Такая культура побуждает топ-менеджмент вовлекать акционеров в диалог, предварять важные решения прозрачными обсуждениями и доказывать их соответствие интересам организации. Регулярная практика стратегических сессий, где менеджмент отчитывается не только о финансовых, но и о нефинансовых показателях, свидетельствует о стремлении компании учитывать различные аспекты своей активности. В итоге формируется прочный фундамент для многолетнего сотрудничества, поскольку акционеры, особенно крупные институциональные инвесторы, видят, что их участие ценится, а их средства вкладываются в развитие, подчиненное не только механизмам прибыли, но и принципам социальной ответственности.

Следует понимать, что сам по себе механизм корпоративного управления не способен гарантировать абсолютную честность менеджмента, если в компании отсутствует система внутренних и внешних сдержек и противовесов. Независимые члены совета директоров, аудиторские комитеты и другие группы контроля должны функционировать на регулярной основе, проверять правильность отчетности, выявлять возможные конфликты интересов и принимать своевременные меры [Зотов, 2024]. В противном случае формирование корпоративного управления рискует выродиться в формальность. Добросовестность пронизывает все уровни организации, начиная с низовых подразделений и заканчивая верхним эшелонem управления. Когда культура компании одобряет этические стандарты, сотрудникам проще сообщать о нарушениях, а руководителям — корректировать свою политику. Иными словами, система корпоративного управления во взаимосвязи с добросовестностью формирует некую саморегулирующуюся среду, в которой нехватка этики приводит к санкциям или отстранению от руководящих позиций. При эффективной работе такого механизма все заинтересованные стороны получают уверенность в том, что управленческие решения принимаются не в пользу отдельных личностей, а в общем интересе.

В истории корпоративного управления есть примеры, когда компании, даже будучи очень крупными и влиятельными, сталкивались с тяжелейшими кризисами из-за утраты доверия. Репутационные скандалы, махинации с бухгалтерской отчетностью, злоупотребление инсайдерской информацией — все это подрывает авторитет и приводит к обвалу стоимости акций. Часто в таких ситуациях выясняется, что отсутствовала прозрачная система корпоративного управления, а принцип добросовестности существовал лишь на бумаге [Адаменко, Парахина, Золотарев, 2024]. В результате пострадавшими оказываются не только акционеры, потерявшие значительную часть своих инвестиций, но и рядовые сотрудники, вынужденные пожертвовать рабочими местами, и общество в целом, получающее негативный

сигнал о состоянии бизнес-среды. Эти примеры подчеркивают важность встраивать добросовестность не только в политику, но и в повседневную практику. Открытые каналы коммуникации, понятные для всех процедуры и реальные санкции за нарушения должны быть неотъемлемой частью управленческого процесса.

На фоне вышесказанного становится очевидным, что корпоративное управление как механизм реализации принципа добросовестности — это комплекс взаимосвязанных инструментов и процессов. Нельзя ограничиваться только правовым регулированием или только этическими кодексами, поскольку реальная картина складывается из множества элементов. Да, законы и стандарты играют важную роль, но без вовлечения акционеров в принятие решений не удастся добиться полного соответствия добросовестности [Кодзасова, 2024]. А без надлежащего контроля со стороны совета директоров менеджеры могут пытаться злоупотреблять своими полномочиями в угоду личным интересам. Поэтому комплексная модель корпоративного управления не только регламентирует формальные процедуры, но и стремится воспитывать в участниках процесса осознанное отношение к общему благу. К этому добавляется и постоянная оценка эффективности, которая позволяет компаниям корректировать структуру управления по мере увеличения масштаба деятельности или изменения стратегических приоритетов.

В некоторых случаях значимым фактором выступает и национальная деловая культура. В ряде стран исторически сильны патерналистские традиции, когда акционеры не вмешиваются в решения менеджмента, полагаясь на неформальные договоренности. В других культурах, напротив, преобладает дух договорных отношений и прозрачных отчетных механизмов, которые воспитывают у менеджеров привычку отчитываться за каждый шаг [Пушкарев, 2024]. Добросовестность в этих условиях может трактоваться по-разному: где-то она сродни этикету и обязательству перед сообществом, а где-то подразумевает сугубо правовой аспект и жесткие требования к публичной отчетности. В глобальном контексте, где многие компании действуют сразу на нескольких рынках, возникает необходимость унифицировать правила и устанавливать единые стандарты. Это трудно, но в долгосрочной перспективе только укрепляет репутацию и расширяет потенциал развития. Понимание этой социокультурной специфики дает менеджменту инструменты для выстраивания более глубокого уровня доверия с инвесторами разных стран, а акционерам — уверенность в том, что их вложения защищены независимо от региональных особенностей.

Огромное влияние на формирование принципов добросовестности в корпоративном управлении оказывает научно-технический прогресс. Современные информационные технологии позволяют автоматизировать ряд функций, включая бухгалтерский учет, мониторинг транзакций, управление цепочками поставок. Это снижает возможность манипуляций с цифрами, но одновременно создает новые риски, например, кибератаки или несанкционированное использование данных [Лукичев, 2024]. Менеджмент, который осознает уязвимость цифровых систем, будет уделять повышенное внимание их защите, ведь любое хищение конфиденциальной информации может привести к серьезному репутационному ущербу. Для акционеров такая ситуация становится индикатором зрелости корпоративного управления: если компания внедрила надежные средства защиты данных, регулярно проводит аудиты IT-систем и обучает персонал основам кибербезопасности, это говорит о комплексном подходе к ведению бизнеса. В этом случае добросовестность проявляется не только в финансовой сфере, но и в области технологических решений, которые выбирает компания для своей деятельности. Таким образом, IT-среда все больше влияет на корпоративное управление,

формируя новую повестку, где особое место занимает киберэтика и цифровая ответственность.

Еще одним аспектом, который тесно связан с добросовестностью, является экологическая и социальная ответственность компаний. Современные акционеры все чаще задают вопросы о том, каким образом бизнес влияет на окружающую среду и общество, насколько внедрены принципы устойчивого развития в корпоративную стратегию. Добросовестность в этом контексте предполагает прозрачность экологической отчетности, жесткую политику в отношении соблюдения трудовых прав и участие в местных социальных проектах [Шелкова, Панчук, 2024]. При этом менеджмент не может игнорировать такие ожидания, ведь репутационные риски становятся более значимыми, чем раньше, а ценности устойчивого развития открывают новые рыночные возможности. Долгосрочная ориентация на экологические стандарты и социальную инклюзивность усиливает привлекательность компании для инвесторов, особенно тех, кто ориентирован на ответственное инвестирование. В итоге принцип добросовестности объединяет экономическую, социальную и экологическую составляющие, формируя многоуровневую модель корпоративного управления, которая лежит в основе современного понимания устойчивого бизнеса.

Стоит отметить, что одним из центральных элементов системы корпоративного управления является совет директоров, на который возложена обязанность защищать интересы акционеров и следить за работой менеджмента. Совет директоров формирует стратегию, утверждает ключевые решения, назначает или увольняет высшее руководство. Однако, чтобы эта работа действительно соответствовала принципам добросовестности, в составе совета должны присутствовать независимые директора, не связанные с менеджментом или крупными акционерами. Такие директора способны приносить объективную точку зрения, особенно если они обладают разнообразным профессиональным опытом или представляют разные сферы деятельности [Казаков, 2024]. Они могут выступать в роли сдерживающего фактора для топ-менеджмента, вносят конструктивную критику и принимают решения, основываясь на данных, а не на личных симпатиях. В результате повышается надежность всей системы управления, а у акционеров меньше поводов для беспокойства о возможных злоупотреблениях со стороны руководства.

Помимо совета директоров, во многих компаниях формируются специальные комитеты: комитет по вознаграждениям, комитет по аудиту, комитет по номинациям. Их задача – исследовать узкие направления деятельности и представлять рекомендации. Комитет по вознаграждениям контролирует политику заработной платы и бонусов, что позволяет выравнивать интересы менеджмента и акционеров, стремящихся к устойчивому росту. Комитет по аудиту занимается проверкой финансовой отчетности и систем внутреннего контроля [Кушнарев, 2024]. Комитет по номинациям отбирает кандидатов на ключевые должности, исходя из принципов прозрачности и компетентности. Все эти структуры создают слоистую систему контроля, в которой сложнее скрыть конфликты интересов или подтасовку данных. Они же обеспечивают обратную связь для топ-менеджмента и совета директоров, позволяя вовремя вносить изменения в управленческие практики, если те не соответствуют принципу добросовестности или не приносят должного результата. Таким образом, взаимодополняющие органы внутрикорпоративного управления становятся гарантом прозрачности процедур, а значит, прямым выражением добросовестного отношения к акционерам.

В реализации принципа добросовестности большое значение имеет сбалансированная система показателей эффективности. Топ-менеджмент часто фокусируется на краткосрочных финансовых метриках, которые отражают немедленную прибыль или динамику акций, однако

акционерам важно и долгосрочное здоровье компании. Именно поэтому многие организации внедряют систему сбалансированных показателей (balanced scorecard), учитывающих как финансовые, так и нефинансовые аспекты: удовлетворенность клиентов, инновационный потенциал, внутренние бизнес-процессы. Такое расширение фокуса помогает топ-менеджерам принимать решения, исходя не только из немедленной выгоды, но и из перспективы устойчивого роста [Герасименко, 2024]. Для акционеров это свидетельствует о более зрелом и добросовестном подходе к управлению, что повышает их уверенность в будущих доходах. При этом важно, чтобы менеджмент корректно и открыто комментировал динамику данных показателей, признавая как успехи, так и проблемы. Тогда акционеры видят реальную картину, а не приукрашенную версию, и могут принять более взвешенное решение о том, продолжать ли инвестировать.

Значимым инструментом реализации принципа добросовестности остается информационная политика. Раскрытие информации о деятельности компании, будь то периодическая финансовая отчетность или сообщения о существенных событиях, должно происходить своевременно и достоверно. Это включает в себя не только обязательное раскрытие, предписанное законом, но и добровольное предоставление дополнительных данных, которые могут заинтересовать акционеров. Приведение отчетов в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности повышает прозрачность и облегчает сопоставление показателей между разными компаниями. Если менеджмент намеренно искажает данные или скрывает риски, это ставит под сомнение его добросовестность и ведет к снижению доверия. В свою очередь, честная и открытая информационная политика создает основу для более эффективного взаимодействия с инвесторами. Акционеры, имея полную информацию, могут лучше оценивать перспективы и принимать решения, соответствующие их инвестиционным стратегиям. При таком подходе становится легче устранять недопонимания, возникающие из-за недостаточного освещения тех или иных аспектов деятельности. Таким образом, прозрачность, будучи важной составляющей добросовестности, снижает вероятность конфликтов и укрепляет связь между менеджментом и собственниками компании.

При этом важную роль играет и личная ответственность руководителей. Даже самая совершенная система корпоративного управления бесполезна, если люди, находящиеся во главе компании, не разделяют ценности добросовестности. Часто это вопрос индивидуальной этики: уметь не только стремиться к личной выгоде, но и помнить об интересах тех, чьи средства вложены в бизнес. Способность управлять рисками в интересах всей компании, умение находить баланс между стремлением к прибыли и необходимостью соблюдать социальные и экологические обязательства — это проявление высокого уровня профессионализма и гражданской зрелости. Когда в компании поощряют именно такие качества, создаются предпосылки, чтобы топ-менеджеры и рядовые сотрудники вели себя последовательно и в духе добросовестности [Казаков, 2024]. Следовательно, корпоративное управление должно уделять внимание критериям отбора руководителей, системе KPI и моральным нормам, которые подкрепляются как внутренними документами, так и общественным мнением. Зачастую компания может отклонить финансово выгодное решение, если оно идет вразрез с этическими нормами или философией фирмы, и в долгосрочной перспективе это оказывается верным шагом, поскольку сохраняется доверие ключевых партнеров и инвесторов.

Нередко дискуссии о добросовестности выходят на уровень правоприменительной практики. Если выявляются серьезные нарушения, акционеры могут обратиться в суд или к регулирующим органам. На фоне этого многие страны совершенствуют законодательство о

банкротстве, о защите миноритарных акционеров и о прозрачности сделок. К примеру, в некоторых юрисдикциях закрепляется право акционеров предъявлять иски к менеджерам, если те действовали недобросовестно или превысили полномочия. Такие правовые механизмы вынуждают топ-менеджмент более ответственно подходить к своим обязанностям, а акционеров – осознавать свои права и пользоваться ими при необходимости. Однако эффективная правовая защита никогда не заменит дружелюбного, прозрачного корпоративного климата, где подобные конфликтные ситуации можно решить до суда. В идеале корпорация сама стремится не допустить возникновения проблем, ограничивая возможность для злоупотреблений и систематически напоминая сотрудникам о ценностях компании. Когда акционеры не боятся защищать свои права, а менеджмент осознает высокую вероятность ответственности, возрастает обоюдное стремление действовать в правовом поле и учитывать интересы друг друга.

Если посмотреть на глобальную практику, можно заметить, что принципы добросовестного корпоративного управления становятся стандартом де-факто для ведущих транснациональных корпораций. Международные организации, такие как ОЭСР, публикуют рекомендации и руководства по корпоративному управлению, где детально расписываются аспекты прозрачности, отчетности, соблюдения прав акционеров [Ивахно, Саенко, 2024]. Деловой мир внимательно следит за этими документами, поскольку несоблюдение международных стандартов грозит потерей репутации и доступа к capital markets. Для компаний, желающих привлечь иностранные инвестиции или выйти на IPO в глобальных финансовых центрах, следование данным рекомендациям становится необходимым условием. По этой причине растет количество международных рейтингов, которые оценивают качество корпоративного управления. Компании, получившие высокие оценки, привлекают к себе более выгодные финансовые ресурсы и в целом воспринимаются как надежные партнеры. Таким образом, принцип добросовестности перестает быть чем-то факультативным или идеалистическим; он становится одним из решающих факторов конкурентоспособности в глобализированной экономике.

При этом не стоит забывать о том, что корпоративное управление включает комплекс институциональных отношений. Помимо акционеров и менеджмента, есть и другие заинтересованные стороны: работники, клиенты, поставщики, общественные организации. Принцип добросовестности побуждает менеджмент и совет директоров учитывать все эти голоса, особенно если их деятельность способна повлиять на экономическое благополучие или репутацию компании [Зотов, 2024]. Разумеется, акционеры остаются центральными фигурами в принятии решений, но современная модель управления выходит за пределы упрощенной схемы «собственник–исполнитель». Компания сегодня рассматривается как сложная экосистема, где люди и институты взаимосвязаны. Осознанное участие в этой экосистеме отражает степень зрелости корпоративного управления и открывает новые пути для инноваций. Когда сотрудники и подрядчики ощущают, что их мнение учитывается, а менеджмент следует принципам этики и справедливости, это повышает лояльность и стимулирует профессиональный рост. В итоге акционеры выигрывают, получая более крепкую и конкурентоспособную организацию, где динамичное развитие сочетается с ответственностью за результаты деятельности.

Интересен тот факт, что в некоторых случаях процедуру внедрения принципа добросовестности в корпоративное управление инициируют сами миноритарные акционеры. Объединившись, они могут обратиться к топ-менеджменту потребовать изменений, объясняя,

что долгосрочная стоимость компании выше, когда процессы прозрачны и решения принимаются в интересах всех вкладчиков. Такая активность миноритариев часто воспринимается как позитивный знак: означает, что инвесторы не безразличны к судьбе компании и готовы влиять на ее политику. При этом сам менеджмент порой заинтересован в поддержке со стороны миноритарных акционеров, чтобы противостоять чрезмерному давлению со стороны мажоритарных владельцев, если те требуют рискованных решений [Адаменко, Парахина, Золотарев, 2024]. В итоге формируется более равновесная структура корпоративного управления, где каждая группа акционеров имеет свое слово, а менеджмент видит, что несогласованность позиций может негативно сказаться на плавном функционировании бизнеса. Добросовестность в такой ситуации становится катализатором конструктивного диалога, способного привести к компромиссам, выгодным всем сторонам.

Роль менеджмента в значительной мере состоит в том, чтобы соединить разнообразные запросы акционеров в единую стратегию, выдерживая ее на протяжении длительного времени и адаптируя к внешним вызовам. Эффективность этого процесса можно оценить по тому, насколько устойчиво компания растет, какие инновации внедряет, какова динамика ее отношений с партнерами и клиентами. Если в основе политики лежит добросовестность, значит, и мотивационные системы, и распределение ресурсов, и выбор поставщиков будут подчиняться не только сиюминутной выгоде, но и логике ответственного сотрудничества [Луценко, 2024]. С другой стороны, чрезмерная ориентация на формальные аспекты добросовестности, невнимательность к реальным интересам стейкхолдеров может привести к бюрократизации и снижению конкурентоспособности. Найти золотую середину – задача, которая требует от менеджмента глубокого понимания корпоративной философии и умения объяснять акционерам, почему долгосрочные выгоды иногда важнее мгновенных результатов. Когда такой подход приживется в компании, он начинает работать как самоорганизующаяся система, где добросовестность становится встроенным механизмом принятия решений.

Многие исследователи указывают, что саморегуляция на корпоративном уровне зачастую оказывается эффективнее и гибче, чем жесткий государственный контроль. Добросовестность внутри компании может обеспечиваться развитыми традициями, корпоративными «легендами», которые передаются из поколения в поколение управляющих и сотрудников. Такая преемственность ценностей создает особую предрасположенность к честному ведению дел, к открытости и способности выходить на «прямой разговор» при возникновении разногласий [Луценко, 2024]. Однако слишком полагаться только на моральные нормы рискованно, поскольку всегда есть вероятность прихода в руководство людей, не разделяющих прежние стандарты. Поэтому важна дополнительная институционализация – четкие, формализованные правила, которые тяжело сломать одному человеку или группе интересов. Эти правила охватывают все от регламента совета директоров до механизма найма новых сотрудников и внедрения IT-систем. Общее действие моральных и формальных компонентов обеспечивает надежную защиту для акционеров, а также стимулирует компанию развиваться в рамках устоявшихся принципов.

Практика показывает, что чем крупнее и сложнее структура компании, тем больше внимания приходится уделять вопросам корпоративного управления. Многочисленные филиалы, дивизионы, дочерние общества создают сети распределенной ответственности, где могут появиться «серые зоны» принятия решений. Менеджмент материнской структуры не всегда успевает оперативно отследить все действия, происходящие на нижних уровнях. Добросовестность предусматривает, что созданы не только каналы контроля сверху вниз, но и

прозрачные механизмы отчетности снизу вверх [Кулешов, Кудряшов, Рогова, Лутовинова, 2024]. На каждом уровне должны быть люди или подразделения, осознающие ответственность перед высшим руководством и акционерами, и имеющие возможность вовремя сообщить о выявленных проблемах или злоупотреблениях. Соответственно, если в крупной многоуровневой организации не будут внедрены такие инструменты, принципы корпоративного управления могут остаться только на бумаге. В противовес этому хорошо выстроенная система мониторинга, отчетности и обратной связи формирует мощную сеть, которая помогает поддерживать единый стандарт добросовестности и не дает ситуации выйти из-под контроля.

Современный рынок труда также вносит свою лепту в формирование механизмов корпоративного управления. Высококвалифицированные специалисты желают работать в компаниях с прозрачной политикой и четкими принципами. Если репутация фирмы страдает из-за недобросовестного поведения менеджмента, лучший персонал может уходить к конкурентам. Акционеры, понимая этот риск, пытаются влиять на корпоративную культуру, чтобы удерживать талантливых людей и создать им комфортные условия для реализации своих способностей. Таким образом, благоприятная рабочая атмосфера и принципы справедливости становятся одним из конкурентных преимуществ, за которое борются передовые компании. Добросовестность здесь играет ключевую роль, поскольку качественный персонал ценит безопасность, предсказуемость и справедливые практики вознаграждения [Кушнарев, 2024]. В сочетании с возможностями карьерного роста и условиями для профессионального развития это привлекает кадры, способные работать на благо компании не только из-за заработной платы, но и из-за ощущения причастности к значимому делу. А сильная команда — это залог стабильности и инновационного мышления, что в конечном счете сказывается на удовлетворении интересов акционеров.

Критики корпоративного управления иногда отмечают, что пресловутая добросовестность может использоваться как рекламный лозунг, прикрывающий реальную картину дел. Действительно, некоторые компании публикуют красочные отчеты о своей социальной ответственности и выпячивают этические ценности, но при этом не спешат вносить изменения во внутренние процессы. Такая несостыковка часто вскрывается в периоды кризисов, когда компании сталкиваются с финансовыми или репутационными потрясениями и реагируют на них неэтично. Поэтому простое декларирование принципа добросовестности не дает автоматических гарантий [Зотов, 2024]. Настоящие результаты достигаются тогда, когда принцип пронизывает корпоративную культуру и превращается в критерий для всех управленческих решений. Инвесторы и акционеры долгое время могут обманываться «зеленым макияжем» или иллюзорной прозрачностью, но рынок в конечном счете наказывает недобросовестных игроков. Репутация, которую строили годами, может рухнуть в считанные недели, выводя компанию из поля внимания крупных фондов и партнерских организаций. Именно поэтому важно не только декларировать, но и реально выполнять этические обязательства, используя корпоративное управление как механизм контроля и развития.

Отношения между акционерами и менеджментом во многом зависят от личностного фактора: уровень подготовки, мировоззрение, профессиональные навыки, умение договариваться и вести переговоры. Но благодаря корпоративному управлению эти отношения могут перейти на новый уровень, где все водоразделы регулируются выработанными правилами и регламентами [Кодзасова, 2024]. Это снижает риск того, что топ-менеджеры будут игнорировать права акционеров; с другой стороны, акционеры тоже ограничены в своем

влиянии, не могут требовать от менеджмента противоречивых или вредных шагов. В итоге стороны действуют в контексте понятных процедур, которые защищают общий интерес – развитие компании. Добросовестность в таком формате становится не только моральным императивом, но и прагматическим решением, способным обезопасить корпоративные структуры от непредсказуемых решений и конфликтов. В крепком союзе акционеров, менеджеров и сотрудников, объединенных такой системой ценностей, рождается долгосрочная стабильность, которая переходит в различные аспекты деятельности, включая финансовые результаты, инновационную активность и социальную вовлеченность.

В последние годы заметна тенденция к усилению роли женщин и представителей различных национальностей в составах советов директоров и топ-менеджмента. Этот процесс часто увязывают с совершенствованием системы корпоративного управления. Разнообразие мнений и *backgrounds* способствует более комплексной экспертизе принимаемых решений, а также формирует инклюзивную культуру, импонирующую принципу добросовестности. Исследования показывают, что компании с более высоким уровнем гендерного и культурного разнообразия в руководстве, как правило, демонстрируют более высокие показатели устойчивости и лучше реагируют на внешние шоки. Акционеры, замечая положительное влияние разнообразия на эффективность, могут поощрять инициативы по расширению представительности в органах управления. Для менеджмента это означает необходимость обучаться работе в многонациональных командах, развивать навыки коммуникации и толерантности. Добросовестность, таким образом, структурно связывается с идеей равенства возможностей и уважения к разным культурам. Когда это взаимное уважение проникает в резко конкурентную среду бизнеса, общий климат улучшается, и компания становится более привлекательной для самых разных групп инвесторов и клиентов.

Для лучшего понимания масштабов влияния корпоративного управления на принципы добросовестности стоит затронуть и тему владельческих структур. В компаниях, где есть один крупный акционер, часто дополнительно вводятся меры, направленные на сохранение баланса интересов. Если такой акционер одновременно является и топ-менеджером, то существует риск злоупотреблений. В ответ на это иногда устанавливают внешние советы, а компания стремится получить листинг на международных биржах, что обязывает ее придерживаться повышенных стандартов раскрытия информации [Пушкарев, 2024]. В компаниях же с раздробленной акционерной структурой может возникать проблема «безразличия» или «распыления ответственности», когда никто из владельцев не заинтересован достаточно сильно, чтобы контролировать менеджмент. Тогда добросовестность поддерживается зачастую за счет механизма независимых директоров и требовательных институциональных инвесторов, которые регулярно оценивают деятельность компании. В любом случае корпоративное управление направлено на то, чтобы учесть конфигурацию прав собственности и найти такие инструменты, которые будут нейтрализовать дисбаланс интересов. Итогом становится более прозрачная и гармоничная среда, способная эффективно распределять ресурсы и управлять ими с пользой для всех сторон.

Нельзя обойти стороной и роль СМИ, которые в условиях свободного рынка могут усиливать или ослаблять доверие к компании. С одной стороны, журналистские расследования или публикации могут запустить волны негатива, если обнаружатся факты нечестного ведения дел. С другой стороны, открытая и последовательная информационная стратегия компании способна сформировать позитивное общественное мнение. Важно, чтобы менеджмент использовал средства массовой информации не для сокрытия проблем, а для прозрачного диалога, объясняя, почему принимаются те или иные решения [Луценко, 2024]. Акционеры,

читая подробную прессу или специализированные исследования, получают дополнительный канал информации, отличающийся от официальных отчетов. Если заметно, что компания не боится публичности, не уходит от неудобных вопросов и готова к критике, это укрепляет ее имидж как добросовестного игрока на рынке. Однако следует учитывать, что негативная информация может распространяться стремительно, особенно через социальные сети. Поэтому задача корпоративного управления — быть на шаг впереди, создавая условия, при которых риск репутационных потерь минимизируется благодаря превентивным действиям и ясной политике.

Сегодня уже трудно представить себе успешную компанию, которая игнорирует значение корпоративного управления и принципа добросовестности в отношениях между акционерами и менеджментом. Конкурентная борьба, востребованность на рынке труда, заинтересованность в устойчивом развитии заставляют бизнес меняться и стремиться к лучшим практикам. Вместе с тем добросовестность не должна рассматриваться как ограничитель предпринимательской свободы: наоборот, она освобождает от постоянных подозрений и внутренних конфликтов, направляя усилия на созидание. Когда топ-менеджмент и акционеры разделяют общие ценности, компания способна концентрироваться на поиске новых возможностей, расширении глобальных связей и внедрении инноваций [Серебренников, 2024]. Именно так достигается синергия, где прозрачность, подотчетность и справедливость становятся фундаментом, позволяющим строить долгосрочные стратегии роста. И хотя реализация такого подхода требует систематического труда, финансовых инвестиций в инфраструктуру корпоративного управления и культуры ответственности, итоговые выгоды многократно окупаются в виде стабильного развития, прочной репутации и благоприятных условий для привлечения капитала.

В сущности, корпоративное управление как механизм реализации принципа добросовестности объединяет в себе правовые, организационные и поведенческие аспекты. Оно помогает структурировать отношения между основными стейкхолдерами, закрепляя за каждым определенные права и обязанности, а также обеспечивая прозрачный процесс принятия решений [Луценко, 2024]. При этом с ростом уровня глобализации и совершенствованием технологий потребность в таких механизмах только продолжает усиливаться. Мы видим, как крупные компании расширяют присутствие на международных рынках, формируют глобальные цепочки поставок и вступают в партнерства с организациями из самых разных культурных сред. Все это предъявляет повышенные требования к надежности и добросовестности механизмов управления. Если в таких условиях принципы честности и открытости не будут соблюдаться, возникнут репутационные потери и снижение инвестиционной привлекательности. В итоге само существование бизнеса может быть поставлено под угрозу. Именно поэтому системы корпоративного управления, опирающиеся не только на букву закона, но и на дух справедливости, становятся ключом к благополучию крупных организационных структур во всем мире.

Практический опыт говорит о том, что сколько бы рекомендаций ни было написано, конечный успех зависит от реального поведения управленческих команд и их умения следовать высшим стандартам в каждом конкретном шаге, будь то заключение выгодного, но потенциально рискованного контракта или разработка внутренней политики в отношении прав на интеллектуальную собственность. От своевременности этих решений и их соответствия принципу добросовестности зачастую зависят не только финансовые результаты, но и жизнь сотен сотрудников, развитие целых регионов, поставки продукции и услуг на критически важные рынки [Герасименко, 2024]. Поэтому корпоративное управление должно восприниматься как динамическая система, эволюционирующая согласно меняющимся требованиям времени и общества. Механизмы, которые казались эффективными десять лет

назад, могут утратить актуальность на фоне нынешних технологических преобразований либо смены приоритетов инвесторов. Но главным остается неизменное ядро: стремление к гармоничному сочетанию интересов, прозрачности процедур и ответственности за последствия принимаемых решений. Здесь принцип добросовестности проявляется как неотъемлемый элемент успешного долгосрочного развития любой организации, претендующей на лидерские позиции.

Наблюдая за трансформацией рынков и моделей ведения бизнеса, можно смело утверждать, что корпоративное управление в целом и принцип добросовестности в частности будут играть еще более важную роль в последующие годы. Усиление тенденций к цифровой экономике, рост значимости нематериальных активов, глобальные экологические вызовы — все это требует от компаний системного подхода к управлению и честной коммуникации со стейкхолдерами [Ивахно, Саенко, 2024]. Не имея прозрачных механизмов и не учитывая растущие ожидания общества и инвесторов, компаниям будет трудно сохранять конкурентоспособность и доверие рынков. Акционеры, в свою очередь, становятся более требовательными и осведомленными, они ждут не просто финансовых отчетов, но и ясных подтверждений ответственной позиции. Все больше крупных фондов формулируют собственную политику в области ESG (Environmental, Social, Governance), и соответствие этим критериям напрямую влияет на размер инвестиций. Поэтому реализация принципа добросовестности через корпоративное управление уже не только вопрос этики, но и экономической рациональности.

Важно, что данная эволюция продолжится на фоне стремительного развития транзакционных технологий, таких как блокчейн, облачные вычисления и искусственный интеллект. Эти инструменты могут повысить уровень прозрачности, например, за счет неоспоримого учета каждой операции и автоматизированной сопоставимости данных [Кодзасова, 2024]. Однако сами технологии не обеспечат добросовестности, если человеческий фактор останется на недостаточном уровне этической осознанности. Чтобы использовать технологические новшества на благо, а не во вред, корпоративное управление должно адаптироваться к этим переменам, вырабатывая новые регламенты и обеспечивая специалистов необходимыми навыками. Баланс между инновационностью и безопасностью становится одним из центральных вопросов, и здесь принцип добросовестности выступает связующим звеном. Он помогает расставлять приоритеты, когда речь идет о принятии решений в условиях неполной определенности. Такой подход особенно востребован в эпоху быстрых технологических изменений, когда компании ищут способы сохранить стабильность управления и при этом не потерять динамичный характер развития.

Заключение

Исходя из всего сказанного, можно утверждать, что корпоративное управление в комплексе с принципом добросовестности обеспечивает базу для стабильных и долгосрочных отношений между акционерами и топ-менеджментом. Оно регулирует распределение власти, гарантирует прозрачность процедур, формирует механизмы контроля и, что не менее важно, задает эτικο-нормативный ориентир для всех участников корпоративного процесса [Зотов, 2024]. Добросовестность выступает здесь не только этическим императивом, но и важным экономическим фактором, определяющим способность организации сохранять конкурентоспособность и привлекать инвестиции в условиях глобальной неопределенности. И хотя воплощение этих принципов на практике требует постоянной работы, материальных затрат

и готовности к изменениям, результатом становится укрепление репутации, более справедливое распределение прибыли и повышение уровня доверия со стороны внутренних и внешних стейкхолдеров. В условиях, когда бизнес вынужден реагировать на множественные вызовы мировой экономики, качественная система корпоративного управления позволяет компаниям оставаться на плаву и эволюционировать, не уступая в выполнении моральных и юридических обязательств.

Библиография

1. Адаменко А.А., Парахина Л.В., Золотарев П.С. Концепция корпоративного управления современными бизнес-структурами // Естественнo-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (52). С. 386-391.
2. Герасименко К.С. К вопросу о дифференциации правоотношений участия и управления в корпоративных организациях // Гражданское право. 2024. № 4. С. 33-37.
3. Зотов А. Д. О некоторых подходах к соотношению корпоративного договора и устава хозяйственного общества // Образование и право. 2024. № 6. С. 396–399.
4. Ивахно В.В., Сасенко И.И. Корпоративный менеджмент как способ повышения эффективности финансового состояния предприятий // Еромеп. Global. 2024. № 50. С. 105-111.
5. Казаков А.С. Влияние экономических факторов на корпоративное управление в современных политико-экономических условиях // Дельта науки. 2024. № 1. С. 72-74.
6. Кодзасова О.М. Корпоративное управление: понятие, сущность и признаки // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 107-4. С. 85-87.
7. Кулешов Г.Н., Кудряшов А.А., Рогова Т.М., Лутовинова Н.В. Сущность корпоративного контроля в акционерных обществах // Образование и право. 2024. № 3. С. 118-121.
8. Кушнарeв А.С. К вопросу о правовой природе корпоративного контроля, способах его приобретения // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. С. 151-160.
9. Лукичев В.М. Внутрикорпоративный финансовый контроль как эффективный способ минимизации финансовых, налоговых и других рисков корпорации, противодействия злоупотреблений, мошенничества и коррупции // Агентство «Слияния и Поглощения». 2024. № 5 (30). С. 29-33.
10. Луценко С.И. Корпоративное управление в агентском ракурсе и приоритет собственника // Вестник арбитражной практики. 2024. № 2 (111). С. 26-35.
11. Луценко С.И. Правовая конструкция компании и конвергенция имущественных интересов // Вестник арбитражной практики. 2024. № 3 (112). С. 42-51.
12. Пушкарев И.П. Место совета директоров в современной модели корпоративного управления российских акционерных обществ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 24. № 3. С. 63-68.
13. Серебrenников А.А. Роль корпоративных договоров в процессе слияний и поглощений корпораций // Advances in Law Studies. 2024. Т. 12. № 2. С. 61-65.
14. Шелкова Н.Ю., Панчук Е.Ю. Агентская теория корпоративного управления и разнообразие советов директоров // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2024. № 11. С. 391-392.
15. Zhornokui Yu.M. Recognition of the "membership" criterion as the only one for qualification of corporate relations: problematic aspects // Право і Безпека. 2024. Т. 93. № 2. С. 33-43.

Corporate governance as a mechanism for implementing the principle of good faith in the relationships between shareholders and company management

Mikhail V. Shcherbakov

Postgraduate Student,
Volgograd State University,
400062, 100 Universitetskii ave., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: scherbakovmikhail4work@gmail.com

Abstract

The article is devoted to studying the role of corporate governance as a mechanism for implementing the principle of good faith in the relationships between shareholders and company management. The introduction substantiates the relevance of the topic, which is connected with the need to balance stakeholders' interests, comply with legal and ethical standards, and form a sustainable corporate culture. The purpose of the work is to analyze the instruments and practices that ensure transparency, accountability, and fairness in corporate relationships. The "Materials and Methods" section examines control mechanisms, including independent audit committees, boards of directors, internal regulations, and ethical codes. The study relies on an analysis of international experience, regulatory legal acts, and case studies illustrating the consequences of breaching good faith. Special attention is paid to the role of IT technologies in ensuring transparency and preventing abuses. The results demonstrate that effective corporate governance reduces the risks of conflicts of interest, increases shareholder trust, and enhances the company's reputation. The key success factors include the implementation of balanced performance indicator systems, open information policies, and the integration of ESG principles (environmental, social, and governance) into the development strategy. The discussion underlines the necessity of combining formal regulatory norms with an internal ethical culture. It is noted that good faith is transforming from a moral imperative into an economic factor that influences competitiveness and access to global markets. Attention is given to the role of national business traditions, digitalization, and gender diversity in boards of directors. The conclusions of the article confirm that corporate governance based on the principle of good faith contributes to the long-term stability of companies, minimizes reputational risks, and creates a basis for sustainable growth in the context of global challenges.

For citation

Shcherbakov M.V. (2025) Korporativnoe upravlenie kak mekhanizm realizatsii printsipa dobrosovestnosti v otnosheniyakh mezhdru aktsionerami i menedzhmentom kompanii [Corporate governance as a mechanism for implementing the principle of good faith in the relationships between shareholders and company management]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 33-49.

Keywords

Corporate governance, good faith, shareholders, management, transparency.

References

1. Adamenko A.A., Parakhina L.V., Zolotarev P.S. (2024) Kontseptsiya korporativnogo upravleniya sovremennymi biznes-strukturami [The concept of corporate governance of modern business structures]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural Sciences and Humanities Research], 2 (52), pp. 386-391.
2. Gerasimenko K.S. (2024) K voprosu o differentsiatsii pravootnoshenii uchastiya i upravleniya v korporativnykh organizatsiyakh [On the issue of differentiation of legal relations of participation and management in corporate organizations]. *Grazhdanskoe parvo* [Civil Law], 4, pp. 33-37.
3. Ivakhno V.V., Saenko I.I. (2024) Korporativnyi menedzhment kak sposob povysheniya effektivnosti finansovogo sostoyaniya predpriyatii [Corporate management as a way to improve the efficiency of the financial condition of enterprises]. *Epomen. Global* [Epomen. Global], 50, pp. 105-111.
4. Kazakov A.S. (2024) Vliyaniye ekonomicheskikh faktorov na korporativnoe upravlenie v sovremennykh politiko-ekonomicheskikh usloviyakh [The influence of economic factors on corporate governance in modern political and economic conditions]. *Del'ta nauki* [Delta of Science], 1, pp. 72-74.
5. Kodzasova O.M. (2024) Korporativnoe upravlenie: ponyatie, sushchnost' i priznaki [Corporate governance: concept, essence and features]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education].

№ 107-4. pp. 85-87.

6. Kuleshov G.N., Kudryashov A.A., Rogova T.M., Lutovinova N.V. (2024) Sushchnost' korporativnogo kontrolya v aktsionernykh obshchestvakh [The essence of corporate control in joint-stock companies]. *Obrazovanie i parvo* [Education and Law], 3, pp. 118-121.
7. Kushnarev A.S. (2024) K voprosu o pravovoi prirode korporativnogo kontrolya, sposobakh ego priobreteniya [On the Legal Nature of Corporate Control and Methods of Acquiring It]. *Voprosy rossiiskoi yustitsii* [Issues of Russian Justice], 31, pp. 151-160.
8. Lukichev V.M. (2024) Vnutrikorporativnyi finansovyi kontrol' kak effektivnyi sposob minimizatsii finansovykh, nalogovykh i drugikh riskov korporatsii, protivodeistviya zloupotreblenii, moshennichestva i korruptsii [Internal Corporate Financial Control as an Effective Way to Minimize Financial, Tax and Other Risks of a Corporation, Combat Abuse, Fraud and Corruption]. *Agentstvo «Sliyaniya i Pogloshcheniya»* [Mergers and Acquisitions Agency], 5 (30), pp. 29-33.
9. Lutsenko S.I. (2024) Korporativnoe upravlenie v agentskom rakurse i prioritet sobstvennika [Corporate Governance from an Agency Perspective and the Priority of the Owner]. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki* [Bulletin of Arbitration Practice], 2 (111), pp. 26-35.
10. Lutsenko S.I. (2024) Pravovaya konstruktsiya kompanii i konvergentsiya imushchestvennykh interesov [Legal Structure of a Company and Convergence of Property Interests]. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki* [Bulletin of Arbitration Practice], 3 (112), pp. 42-51.
11. Pushkarev I.P. (2024) Mesto soveta direktorov v sovremennoi modeli korporativnogo upravleniya rossiiskikh aktsionernykh obshchestv [The place of the board of directors in the modern model of corporate governance of Russian joint-stock companies]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Law], 24 (3), pp. 63-68.
12. Serebrennikov A.A. (2024) Rol' korporativnykh dogovorov v protsesse sliyanii i pogloshchenii korporatsii [The role of corporate agreements in the process of mergers and acquisitions of corporations]. *Advances in Law Studies*, 12 (2), pp. 61-65.
13. Shelkova N.Yu., Panchuk E.Yu. (2024) Agentskaya teoriya korporativnogo upravleniya i raznoobrazie sovetov direktorov [Agency theory of corporate governance and the diversity of boards of directors]. *Sovremennye tekhnologii i nauchno-tekhnicheskii progress* [Modern technologies and scientific and technical progress]. № 11. pp. 391-392.
14. Zhornokui Yu.M. (2024) Recognition of the "membership" criterion as the only one for qualification of corporate relations: problematic aspects. *Pravo i Bezpeka* [Law and Security], 93 (2), pp. 33-43.
15. Zotov A.D. (2024) O nekotorykh podkhodakh k sootnosheniyu korporativnogo dogovora i ustava khozyaistvennogo obshchestva [On some approaches to the relationship between a corporate agreement and the charter of a business company]. *Obrazovanie i parvo* [Education and Law], 6, pp. 396–399.

УДК 34**Конкуренция естественно-правового и позитивистского типов
правопонимания****Волокитин Илья Игоревич**

Аспирант,
кафедра теории государства и права,
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: volokitin.ilya.l@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена теоретической проблеме – конкуренции различных типов правопонимания. Тема статьи является актуальной, поскольку раскрытие сущности, природы и содержания различных типов правопонимания развивает методологию правоприменения и судебного правотворчества. Естественно-правовой тип правопонимания на протяжении своей долгой испытывал «взлеты» и «падения». Естественно-правовое учение представлено великими учеными, внесшими существенный вклад в развитие представления о человеке, его природе и ценности человеческой жизни. Естественно-правовое учение во многом сформировало современное представление о природе прав человека и гражданина. Позитивистская школа правопонимания не отрицает исторических заслуг естественно-правовой школы, но при этом критикует онтологические основания естественно-правовой идеи. Позитивизм отрицает метафизические основания права, развивает учение о природе и значении юридической силы объективного права. Моральные и нравственные категории в свете классического позитивизма относятся к неправовым категориям, в связи с этим является обоснованным повышенное внимание представителей юридической науки к проблемам правопонимания.

Для цитирования в научных исследованиях

Волокитин И.И. Конкуренция естественно-правового и позитивистского типов правопонимания // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 50-55.

Ключевые слова

Естественно-правовое право, позитивизм, ценности, конфликт, конкуренция.

Введение

Раскрытие проблемных вопросов конкуренции естественно-правового и позитивистского типов правопонимания требует обращения к причине возникновения конкуренции. Автор статьи считает, что в основе конкуренции различных типов правопонимания лежит конфликт, выраженный в несогласии с догматическими представлениями о должном и сущем праве.

Конфликт – это противоборство взаимосвязанных, но преследующих свои цели двух и более сторон. Конфликты могут возникнуть везде, где имеется развитие, как в живой, так и в неживой природе, и соответственно термин «конфликт» применяется при анализе биологических, физических и социальных явлений [Шарков, Сперанский, 2015].

Конкуренция – это следующий этап конфликта. Проблема научной конкуренции также выражаются в том, что «точки зрения высказываются порой непримиримо остро, однако мало кто старается понять своих противников, почти никогда не объясняются мотивы расхождений во мнениях, мало кто задается вопросами: как та или иная концепция будет воспринята на практике, будет ли вообще воспринята и если да, то какие результаты может она повлечь?» [Лазарев, Липень, Саидов, 2022].

В рамках настоящей статьи мы обратимся к конкуренции естественно-правового и позитивистского типов правопонимания. Конкуренция данных типов правопонимания проявляется в формировании различных ценностных ориентиров, которые влияют как на методологию законодательства, так и на процессы правоприменения.

Основное содержание

Позитивистский тип правосознания основывается на позитивизме (от лат. «positivus» – положительный) направление философского идеализма, отстаивающем то, что единственным источником истинного, действительного («положительного») значения может быть только что-то конкретное: конкретная, т. е. естественная, наука (математика, физика, биология, химия и т. д.), конкретное право (в указах, постановлениях, судебных решениях) [Матузова, Малько, 2022].

Ж. Л. Бержель определяет, что позитивизм правовой (юридический) состоит в том, чтобы признавать в качестве ценностей только нормы позитивного права и сводить любое право к нормам, действующим в данную эпоху и в данном государстве, не обращая внимания на то, справедливо это право или нет [Бержель, 2000].

Представители естественно-правовой школы правопонимания не отрицают факт существования объективного права. Поскольку отрицание существования объективного права и оснований его действительности ставило бы в неловкое положение представителей данной школы правопонимания.

В. А. Четвернин строго разграничивает представление о природе права, формируемого школой юридического позитивизма, и учением естественно-правовой школы. В. А. Четвернин настаивает на том, что позитивизм неверно называть позитивизмом юридическим. Название «юридический» происходит от латинского *iūs – iuris* (право). Позитивисты же в своей интерпретации ограничиваются законом, отождествляют право и закон. Следовательно, это позитивизм не юридический, а легистский, законнический [Четвернин, 2003].

Конкуренция естественно-правового и позитивистского типов правопонимания наиболее ярко выражается в идеологическом понимании природы права.

Естественно-правовая школа убеждает, что право метафизично по своей природе, а следовательно, стоит над несовершенным правом, созданным человеком.

Т. Ю. Мухина справедливо отмечает, что «сторонники естественно-правового направления полагают, что если право имеется в наличии до его установления властью, то оно может при определенных обстоятельствах стать правом против государства, которое узаконивает возможность отдельного лица избежать действия в отношении силы государственного принуждения» [Мухина, 2005].

Важно отметить, что естественно-правовая школа не однообразна. Естественно-правовое учение представлено как радикальными представителями, утверждающими примат высшего права над несовершенным земным, так и умеренными представителями, полагающими, что между естественным и позитивным правом нет «пропасти».

Представители позитивистского типа правопонимания являются сторонниками наличия объективного критерия, отвечающего за действительность правовой нормы.

Ярким сторонником идеи позитивного права является Г. Кельзен. Научное наследие Г. Кельзена остается актуальным, поскольку проблема поиска оснований действительности как естественного, так и позитивного права является одной из ключевых проблем теоретической и практической юриспруденции.

Г. Кельзен утверждает, что «с точки зрения научно-рационального познания невозможно принять действительность естественного права. Действительность нормы есть ее специфическое, а именно идеальное существование, ее наличное бытие; норма, которая не действует, не имеет наличного бытия; она – не норма» [Очерки по философии права и морали, 2024].

Таким образом, отсутствие объективного источника, способного наделять норму естественного права юридической силой, по мнению представителей позитивистской школы права, не дает возможности претендовать естественно-правовой норме на статус нормы, обладающей юридической силой.

На основании представленных позиций возникает закономерный вопрос: Возможен ли поиск «точек соприкосновения» между позитивизмом во все его «видовых» проявлениях и юснатурализмом? Если придерживаться строго консервативной позиции относительно безусловного разграничения между «совершенной нормой/идеей естественного и права и несовершенного/стремящегося к совершенству позитивного права, то можно однозначно ответить, что поиск «точек соприкосновения» является бессмысленной задачей. Отвечает ли данный подход требованиям современного правопорядка?

И. В. Упоров считает неправильным проводить резкую грань между естественным и позитивным правом, поскольку эти понятия взаимодействуют: «Например, естественное право на жизнь находит закрепление в позитивных нормах (в нормах конституции, где провозглашается это право, в нормах уголовного, где это право охраняется, и т.д.). В этом контексте можно говорить и о том, что естественное право может быть основой для позитивного права» [Упоров, 2016].

М. И. Байтин приходит к следующему выводу: «Естественное право практически неосуществимо без позитивного, а духовная основа, нравственная сила и стабильность позитивного права коренятся в праве естественном. Поэтому, на наш взгляд, признание их общности и органической взаимосвязи может стать критерием ограничения демократического правопонимания от недемократического» [Байтин, 2001].

В. С. Нерсисянц, автор фундаментальных трудов, посвященных проблемам философии права и проблемам правопонимания отмечает: «Естественное право, приобретая посредством конституционного признания позитивно-правовую силу, продолжает оставаться естественным правом, которое имеет исходное и приоритетное правовое значение. Конституционно признанное и закрепленное естественное право действует как приоритетный источник позитивного права» [Нерсисянц, 2004].

В. С. Нерсисянц обозначил «классическое» учение юснатуралистской школы права, которое заключается в обособлении естественно-правовой идеи от нормы позитивного права, несмотря на их частую конвергенцию в рамках нормы формального права.

Т. Ю Мухина, рассуждая о соотношении естественного и позитивного права, приходит к выводу, что естественные права человека, начиная с установления в обществе буржуазных отношений, получают все более подробное закрепление в нормах позитивного права [Мухина, 2005].

Мы полагаем, что позитивация естественно-правовых идей является примером положительной конкуренции двух типов правопонимания. Положительной в том смысле, что в рамках позитивации естественного права происходит синергия высокого гуманистического начала естественно-правовых идей и формальной определенности нормы объективного права.

Заключение

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу, что конкуренция естественно-правового и позитивного типов правопонимания является неизбежной, поскольку две классические школы правопонимания основаны на различных онтологических началах. Конкуренция двух типов правопонимания в научной сфере может выражаться как в создании «искусственной дистанции», не позволяющей учитывать высокие достижения двух школ правопонимания, так и в развитии методологической базы, позволяющей создавать основы для эффективного правового регулирования.

Библиография

1. Шарков Ф. И. Общая конфликтология: Учебник для бакалавров/ Ф. И. Шарков, В. И. Сперанский; под общ. ред. засл. деят. науки РФ Ф. И. Шаркова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – С. 240
2. В. В. Лазарев, С. В. Липень, А. Х. Саидов; отв. ред. В. В. Лазарев. / Проблемы общей теории jus: учебник для магистрантов юридических вузов– Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. - С. 656
3. Н. И. Матузова и А. В. Малько Теория государства и права: курс лекций / – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022, С. – 640
4. Бертельс Ж.-Л. Общая теория права/Под. Общ. ред. В. И. Даниленко/Пер. с фр. – М.: Издательский дом NOTA BENE 200 – С. 575.
5. Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. Учебное пособие. – М.: Институт государства и права РАН, 2003.– С. 204
6. Мухина Т. А. «Проблема соотношения естественного и позитивного права: дис. канд. юрид. наук Уфа 2005 С. 169
7. Очерки по философии права и морали/Пер. с англ. и нем. СПб.: Алеф-Пресс, 2024 С. 291
8. Упоров И. В. Источники и понятие естественных прав человека// Теория и практика современной науки. 2016. № 3 (9). С. 903
9. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов: СГАП, 2001. – С. 416
10. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. Учеб. М., 2004. С. 560

The Competition Between Natural Law and Positivist Types of Legal Understanding

Il'ya I. Volokitin

Postgraduate Student,
Department of Theory of State and Law,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: volokitin.ilya.l@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the theoretical problem – competition of different types of legal understanding. The topic of the article is relevant, since the disclosure of the essence, nature and content of different types of legal understanding develops the methodology of law enforcement and judicial lawmaking. The natural-legal type of legal understanding has experienced “ups” and “falls” throughout its long history. Natural-legal doctrine is represented by great scientists who have made a significant contribution to the development of the concept of man, his nature and the value of human life. Natural-legal doctrine has largely shaped the modern concept of the nature of human and civil rights. The positivistic school of legal understanding does not deny the historical merits of the natural-legal school, but at the same time criticizes the ontological foundations of the natural-legal idea. Positivism denies the metaphysical foundations of law, develops the doctrine of the nature and significance of the legal force of objective law. Moral and ethical categories in the light of classical positivism belong to non-legal categories, in this regard, the increased attention of representatives of legal science to the problems of legal understanding is justified.

For citation

Volokitin, I.I. (2025) Konkurenciya estestvenno-pravovogo i pozitivistskogo tipov pravoponimaniya [The Competition Between Natural Law and Positivist Types of Legal Understanding]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 50-55.

Keywords

Natural law, positivism, values, conflict, competition.

References

1. Sharkov F. I. General conflictology: Textbook for bachelors / F. I. Sharkov, V. I. Speransky; under the general editorship of Honored Worker of Science of the Russian Federation F. I. Sharkov. - M.: Publishing and Trading Corporation "Dashkov i K", 2015. - P. 240
2. V. V. Lazarev, S. V. Lipen, A. Kh. Saidov; responsible. ed. V. V. Lazarev. / Problems of the general theory of jus: textbook for master's students of law schools - Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. - P. 656
3. N. I. Matuzova and A. V. Malko Theory of state and law: course of lectures / - 3rd ed., revised. and add. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2022, p. – 640
4. Bergel J.-L. General Theory of Law/Under. General Ed. V. I. Danilenko/Translated from French. – Moscow: NOTA BENE 200 Publishing House – p. 575.
5. Chetvermin V. A. Introduction to the Course of General Theory of Law and State. Textbook. – Moscow: Institute of State

-
- and Law of the Russian Academy of Sciences, 2003.– p. 204
6. Mukhina T. A. “The Problem of the Relationship between Natural and Positive Law: Dis. Cand. of Law. Sciences Ufa 2005 p. 169
7. Essays on the Philosophy of Law and Morality/Translated from English and German. SPb.: Alef-Press, 2024 S. 291
8. Uporov I. V. Sources and concept of natural human rights// Theory and practice of modern science. 2016. No. 3 (9). S. 903
9. Baitin M. I. The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). - Saratov: SGAP, 2001. - S. 416
10. Nersesyants V. S. General theory of law and state. Textbook. M., 2004. S. 560

УДК 34**Предпосылки принятия Бургосских законов****Демирчян Лусине Степановна**

Старший преподаватель,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный пер., 36
e-mail: demirchian.ls@gmail.com

Аннотация

Принятие Бургосских законов 1512 года стало знаковым событием в истории колониальной политики Испании в Новом Свете, отразившим сложный процесс формирования правовых норм в условиях колонизации. Данное исследование рассматривает комплекс социально-политических, экономических и религиозных факторов, обусловивших появление этого законодательного акта. Особое внимание уделяется роли доминиканского монаха Антонио де Монтесиноса, чьи проповеди против жестокого обращения с индейцами стали катализатором реформ. Анализируется влияние Тордесильяского договора 1494 года и позиции католических монархов - Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. В работе прослеживается эволюция системы энкомьенды, ставшей основным объектом регулирования Бургосских законов. Рассматривается противоречивый характер этих правовых норм, которые, с одной стороны, пытались защитить права коренного населения, а с другой - легитимизировали его эксплуатацию. Особый акцент делается на историческом значении законов как первого в истории примера попытки европейцев регламентировать отношения с колонизированными народами на правовой основе. Исследование базируется на анализе первоисточников и современных историографических подходов к оценке данного правового памятника.

Для цитирования в научных исследованиях

Демирчян Л.С. Предпосылки принятия Бургосских законов // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 56-62.

Ключевые слова

Бургосские законы 1512 года, колониальное право, Новый Свет, система энкомьенды, конкистадоры, права коренного населения, Фердинанд Арагонский, Изабелла Кастильская, Антонио де Монтесинос, Тордесильяский договор.

Введение

С начала 16-го в. в Испании возникла критическая позиция по отношению к положению коренных народов на территориях, завоеванных испанцами в Индии, то есть в современной Америке. Так, например, Бартоломе де лас Касас - испанский священник-доминиканец, первый постоянный епископ Чьяпаса и историк Нового Света, автор «Истории Индий», «Апологетической истории» и ряда других трудов пытался довести до сведения испанских королей о тех зверствах, которые вытворяли испанские конкистадоры в отношении коренного населения Америки. Освоение испанцами новых американских территорий было выразительно описано Лас Касасом. Он писал, что зверства по отношению к индейцам творились «для того, чтобы посеять ужас в их сердцах и заставить при одном слове "христиане" дрожать, как при виде дьявола» или «...испанцы стремились совершить как можно больше зверств и жестокостей, дабы нагнать смертельный страх на всю ту землю, и это им вполне удалось» [Лас Касас, www].

Однако, были и те, кто вообще не считал туземцев людьми. Так, например, богослов Хуан Гинес де Сепульведа, основываясь на возникшей в античном мире концепции о том, что некоторые люди самой природой предназначены быть рабами, считал, что этот принцип применим и к населению Нового Света¹. Дело в том, что в течение долгого времени после открытия Колумбом Нового Света считалось, что все нехристиане были врагами Христа. Это в первую очередь было связано с долгой борьбой против Ислама в самой Испании [Cuevas, 1921].

Основная часть

Во время второго путешествия Христофор Колумб установил для индейцев натуральные подати, однако эта мера вызвала недовольство не только коренного населения, но и испанских поселенцев.

Согласно указу королей Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской от 22 июля 1497 г., Христофору Колумбу предоставлялось право распределять земли между поселенцами «в зависимости от их службы и личных качеств» [Тарле, 1965]. Репартимьенто (исп. repartimiento - распределение) представлял собой систему подчинения коренного населения, заключавшуюся в распределении между испанскими поселенцами индейцев, обязанных работать на них. Другой институт, который вызывал крайнее недовольство у местного населения, была энкомьенда, которая была впервые введена Испанией во время Реконкисты, затем во время колонизации Америки и Филиппин. Изначально энкомьенда предполагала ряд мер, которые должны были проводиться колонистами, по обращению индейцев в христианство и приобщению их к европейской культуре. Однако в ходе воплощения в жизнь она почти повсеместно выродилась в крепостное право, так как местное население стало считаться вассалами испанской Короны [The Early History of Greater Mexico, Ida Altman, Pearson, 2003, 143].

И все же, между испанской колонизацией и английской колонизацией в Америке было большое различие. Официальная английская политика заключалась в уничтожении индейцев, а испанская - в их защите и спасении, хотя Короне было очень трудно контролировать энкомендерос. Даже в своем завещании, а именно, в соответствии с главой XII, королева

¹ Diferencias Juan Gines de Sepulveda y Bartolome de Las Casas en Valladolid en 1550-1551 anos // Sepulveda J.G. de. Obras Completas. 4 vols. Pozoblanco, 1995-2000

Изабелла требовала от своих потомков (принцессы Хуаны и ее мужа принца Фелипе) продолжить процесс христианизации индейцев и обеспечить хорошее и справедливое обращение с ними. Однако, на местах дела обстояли далеко не так.

21 декабря 1511 г. монах-доминиканец Антонио де Монтесинос прочел страстную проповедь, в которой раскритиковал практику испанской колониальной системы энкомьенды и осудил жестокое обращение с индейцами. Реакция на проповедь не заставила себя ждать. Возмущенные энкомендерос и высокопоставленные представители короля доложили Фердинанду II об этом, а он, в свою очередь, приказал выслать Монтесиноса обратно в Испанию.

Однако, монах смог убедить короля в правдивости своих слов, в результате чего был создан совет теологов и юристов, получивший название Бургосская Хунта (по месту проведения), на заседаниях которой был принят комплекс законов, именуемый «Бургосские законы». Эти законы носили прогрессивный характер и были направлены на гуманизацию отношений между испанскими колонизаторами и индейцами. Весьма интересным представляется, что в Бургосских законах 1512 г. впервые были упомянуты отдельные трудовые и социальные права, причем наделялись ими индейцы, работающие на энкомендеро (испанских колонизаторов).

Для того, чтобы понять значимость Бургосских законов, их новаторский характер, нужно понимать каким было кастильское и европейское общество в XV-XVI веках, когда рабство считалось нормой, а рабы были лишены какого-либо юридического статуса.

«Ни один из работников европейских стран в XVI в. не пользовался такими правами, которые были предоставлены индейцам Бургосскими законами. Регулирование рабочего времени и времени отдыха, проживание, питание, защита несовершеннолетних и беременных женщин — вот некоторые из завоеваний индейцев в социальной сфере. С течением времени к ним прибавились и другие» [Mahecha, Mazuera, 2017]. Сразу стоит отметить, что оригинал текста, к сожалению, не сохранился, однако было напечатано 50 копий, которые и дошли до наших дней.

В общей сложности было принято 35 законов, которые регулировали статус индейцев, их гражданское состояние, их права и обязанности. Бургосские законы имеют особое историко-правовое значение, так как это был первый и по-настоящему новый для своего времени акт, правовой акт, отражающий такие фундаментальные вопросы в Новом Свете.

При анализе сразу бросается в глаза 1 закон, в соответствии с которым, индейцы должны были вернуться в свои энкомьендас для возделывания земли под руководством энкомендерос. Дело в том, что многие индейцы убегали в сельвы и отказывались работать, а некоторых насильственно перевезли в Испанию, из-за чего стала наблюдаться нехватка рабочей силы на самой Эспаньоле. Так, например, к моменту прибытия Колумба население Эспаньолы было 100.000, в то время как к 1510 г. оно сократилось до 33.000 [García-Gallo, www]. Такому сокращению населения также поспособствовали разные болезни, занесенные конкистадорами и, к которым у индейцев не было иммунитета. Однако, индейцы были необходимы не только конкистадорам, но и королям, получающим огромные преимущества от эксплуатации земель, поэтому короли решили на законодательном уровне закрепить положения, улучшающие состояние индейцев. Однако, при более детальном рассмотрении этих законов, становится ясно, что по сути они не освобождали индейцев от энкомьенды, против которой боролись монахи-доминиканцы, а наоборот, приковывали их к ним. Первые десять законов посвящены обязательствам энкомендеро по христианизации индейцев, что являлось основной целью испанских монархов. Так, например, энкомендеро должны были возвести церкви, куда должны

были приводить индейцев для проведения молебней. Энкомендеро отвечал за освоение индейцами десяти заповедей, семи смертных грехов и символа веры. Каждые две недели раз проводилась проверка знаний. В случае незнания ими всех этих законов, на энкомендеро налагался штраф в шесть золотых песо. Эти положения отражают стремление испанских монархов распространить христианскую веру.

Далее, законы регулировали рабочие отношения индейцев и энкомендеро, поэтому, совершенно обосновано некоторые авторы и историки считают их предшественниками декларации прав человека и международного права [Sánchez-Arcilla Bernal, www], а также первым сводом трудового права, регулирующего отношения индейцев и энкомендеро. Так, энкомендеро должны были обеспечить индейцу спальное место (гамак) и питание. Индейцам предоставлялось по одному золотому песо в год на покупку одежды, они не имели права переходить от одного энкомендеро к другому, запрещалось применять физическое и моральное насилие в отношении индейцев. В случае смерти энкомендеро, обязательства в отношении индейцев переходили к его потомкам. Индейцы должны были заниматься поиском золота в течение пяти месяцев, затем им давалось право на отдых на протяжении сорока дней, в течение которых они должны были совершенствовать свои знания в вере. В случае смерти индейца, энкомендеро должен был похоронить его в соответствии с христианскими обычаями, с установлением креста, недалеко от церкви, иначе, (если энкомендеро не захоронит индейца), на него налагался штраф в размере четырех золотых песо. Энкомендеро должны были крестить всех детей в течение недели с момента их рождения. У одного и того же лица не могло быть более ста пятидесяти и менее сорока индейцев.

Законы предусматривали должность официального инспектора, избираемого из числа судей и других официальных лиц. В обязанности инспектора входило ведение регистра деятельности энкомендерос, индейцев, а также количества добываемого золота. У всех инспекторов должны были быть копии Бургосских законов, подписанные губернатором. Инспекции должны были проводиться два раза в год: в начале года и летом. Наиболее передовым можно считать положение, запрещающее работать женщинам, находящимся на четвертом месяце беременности, а после рождения ребенка – вплоть до трех лет. Стоит отметить, что законы также запрещали привлекать к работам детей, не достигших четырнадцати лет. Как только индейцы подтверждали свою приверженность к христианской вере и становились цивилизованными людьми, они считались вассалами испанской Короны.

Несомненно, сам факт принятия Бургосских законов стоит считать знаковым событием не только в истории, но и в юриспруденции. Учитывая времена и отношение к иноверцам и рабам, становится понятно, почему Бургосские законы имели такой революционный характер. Однако, надо понимать, что испанские короли пошли на этот шаг, преследуя свои цели. Не стоит забывать, что по сути, католические короли получили законные права на открытые земли только благодаря папе Александру VI, а именно в соответствии с буллой от мая 1493 года, изданной папой Александром VI, по которой католическим королям Фердинанду Арагонскому и Изабелле Кастильской предоставлялась полная власть как над уже открытыми землями, так и теми, которые будут открыты западнее меридиана, проходящего в 100 лигах западнее островов Зеленого Мыса по Тордесильясскому договору [Тордесильясский договор, 1494]. Папа Александр VI, уроженец арагонской Валенсии, 3 мая 1493 объявил, что все земли, которые Кастилия открывала или откроет западнее меридиана, должны принадлежать ей, а новые земли, которые будут открыты в районах восточнее этой линии — Португалии. Взамен, католические короли обязывались обратить местное население в христианство, в обратном случае, булла

должна была быть отозвана. Поэтому, некоторые специалисты считают, что Бургосские законы не привнесли ничего нового, и что их можно считать кодификацией практики, которой придерживались колонизаторы [The Laws of Burgos, 1512-1513]. Навязывание новой религии, отнятие земли, потеря свободы, вот чем обернулось раскрытие Нового Света для индейцев, а принятие Бургосских законов, стало лишь закреплением нарушений прав человека. К такому выводу приходит профессор истории права Университета Комплутенсе Хосе Санчес Арсийя Берналь [Sánchez-Arcilla Bernal, 2021]. Более того, по его мнению, принятие этих законов было ошибкой.

Заключение

На самом деле, как можно говорить об улучшении условий жизни индейцев, если сам факт вторжения конкистадоров нарушил их *modus vivendi*? Как говорить о механизмах защиты их прав, если конечной целью принятия законов было не что иное, как закрепление гарантий энкомендерос, а в конечном счете католических королей.

Как бы то ни было, принятие Бургосских законов с юридической точки зрения можно считать переломным моментом в восприятии прав индейцев и отношении к ним.

Библиография

1. Бауман В.Ю. Проблема социально-правового статуса индейского населения в первые десятилетия конкисы // Латиноамериканский исторический альманах. 2005. № 6. С. 157-183.
2. Григулевич И.Р. Бартоломе де Лас Касас. М.: Наука, 1966. 228 с.
3. Кофман А. Рыцари Нового Света: Как покорялась Америка. М.: Пан Пресс, 2007. 200 с.
4. Кофман А.Ф. Конкистадоры. Три хроники завоевания Америки. М.: Эрвез, 2009. 606 с.
5. Лас Касас, Бартоломе де. История Индии. Л.: Наука, 1968. 471 с.
6. Писарро А. Энкомьенда в Мексике в XVI веке. Курсовая работа. Кафедра истории средних веков. Исторический факультет. Воронежский государственный университет. Воронеж, 1983.
7. Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV - начало XIX вв.). М., Л.: Наука, 1965. 427 с.
8. Cuevas, M.: Historia de la Iglesia en México, t. I, Imprenta del Asilo «Patricio Sanz», Tlalpan, D.F. (México), 1921,
9. De las Casas, Bartolomé. (1875) Historia de las Indias. T. III. Imprenta de Miguel Ginesta. Madrid. De las Casas, Bartolomé. (1996) Brevísima Relación de la Destrucción de las Indias. Edición de André Saint-Lu. 10ª edición. Ediciones Cátedra, s.a. Madrid.
10. Domingo, R. S. Las leyes de Burgos de 1512 y la doctrina jurídica de la conquista // Revista jurídica de Castilla y León. 2012. V. 28. P. 1-55
11. A. García-Gallo, "El encomendero indiano. Estudio sociológico", en su vol. Estudios de Historia del Derecho Indiano, ya citado, pp. 513-536; Mira Caballos, El indio antillano: repartimientos, encomienda y esclavitud, pp. 94
12. Hanke, Lewis (1974) La actualidad de Bartolomé de las Casas. Prólogo a los Tratados de fray Bartolomé de las Casas. T. I. FCE. México, pp. XI-XIX.
13. Ida Altman, Pearson, 2003, The Early History of Greater Mexico
14. Mahecha, A. & Mazuera, P. (2017) Las Leyes de los Reinos de las Indias. Revista Diálogos de Saberes
15. Meléndez M., Raúl (2005) Orígenes del derecho indiano hasta las Leyes Nuevas. En: Mañongo, No 24, pp. 111-120. <http://servicio.bc.uc.edu.ve/postgrado/manongo24/24-7.pdf> Consultado: lunes, 21 de mayo de 2012.
16. Monje Santillana, J. C. Las Leyes de Burgos de 1512, precedente del derecho internacional y del reconocimiento de los derechos humanos. En: Trabajos académicos de la Universidad de Burgos.
17. Sánchez-Arcilla Bernal, José "Las Leyes de Burgos de 1512: una falacia de los Derchos Humanos. Revisión historiográfica". Cuadernos de Historia del Derecho (28): 41-90.

The Preconditions for the Adoption of the Laws of Burgos

Lusine S. Demirchyan

Senior Lecturer,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: demirchian.ls@gmail.com

Abstract

The adoption of the Laws of Burgos in 1512 marked a pivotal moment in the history of Spain's colonial policy in the New World, reflecting the complex process of legal norm formation during colonization. This study examines the socio-political, economic, and religious factors that led to this legislative act, with particular focus on the role of Dominican friar Antonio de Montesinos, whose sermons against the mistreatment of indigenous peoples served as a catalyst for reform. The analysis includes the influence of the Treaty of Tordesillas (1494) and the stance of the Catholic Monarchs, Ferdinand of Aragon and Isabella of Castile. The paper traces the evolution of the *encomienda* system, which became the primary focus of the Laws of Burgos' regulations. These legal norms are shown to have a contradictory nature—while attempting to protect indigenous rights, they simultaneously legitimized their exploitation. Special emphasis is placed on the laws' historical significance as the first European attempt to legally regulate relations with colonized peoples. The research draws on primary source analysis and contemporary historiographical approaches to assess this legal landmark.

For citation

Demirchyan L.S. (2025) *Predposylki prinyatiya Burgoskikh zakonov* [The Preconditions for the Adoption of the Laws of Burgos]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 56-62.

Keywords

Laws of Burgos 1512, colonial law, New World, *encomienda* system, conquistadors, indigenous rights, Ferdinand of Aragon, Isabella of Castile, Antonio de Montesinos, Treaty of Tordesillas

References

1. Bauman V.Y. The problem of the socio-legal status of the Indian population in the first decades of the Conquest // *Latin American Historical Almanac*. 2005. No. 6. pp. 157-183.
2. Grigulevich I.R. *Bartolome de Las Casas*. Moscow: Nauka, 1966. 228 p.
3. Kofman A. *Knights of the New World: How America was conquered*. Moscow: Pan Press, 2007. 200 p.
4. Kofman A.F. *Conquistadors. Three chronicles of the conquest of America*. Moscow: Ervez, 2009. 606 p.
5. Las Casas, Bartolome de. *History of the Indies*. L.: Nauka, 1968. 471 p.
6. Pizarro A. *La Encomienda en México en el siglo XVI*. Course paper. Department of History of the Middle Ages. Faculty of History. Voronezh State University. Voronezh, 1983.
7. Tarle E.V. *Ensayos sobre la historia de la política colonial de los Estados de Europa occidental (finales del siglo XV - principios del siglo XIX.)*. Moscow, L.: Nauka, 1965. 427 p.
8. Cuevas, M.: *Historia de la Iglesia en México*, t. I, Imprenta del Asilo "Patricio Sanz", Tlalpan, D. F. (México), 1921,
9. De las Casas, Bartolomé. (1875) *Historia de las Indias*. T. III. Impreso por Miguel Ginesta. Madrid. De las Casas, Bartolomé. (1996) *Un relato muy breve de la Destrucción de las Indias*. Editado por André Saint-Lu. décima edición.

Ediciones Cátedra, s. a. Madrid.

10. Domingo, R. S. Las leyes de Burgos de 1512 y la doctrina jurídica de la conquista // Revista jurídica de Castilla y León. 2012. V. 28. Q. 1-55
11. A. García-Gallo " El encomendero indiano. Estudio sociológico", en su vol. Estudios de Historia del Derecho Indiano, ya citado, págs. 513-536; Mira Caballos, El Indio Antillano: repartimientos, encomienda y esclavitud, págs. 94
12. Hanke, Lewis (1974) La actualidad de Bartolomé de las Casas. Prólogo a los Tratados de Fray Bartolomé de Las Casas. T. I. FCE. México, págs. XI-XIX.
13. Ida Altman, Pearson, 2003, La Historia temprana del Gran México
14. Mahecha, A. & Mazuera, P. (2017) Las leyes de los Reinos de Indias. Revista Diálogos del Conocimiento
15. Meléndez M., Raúl (2005) Orígenes del derecho indiano hasta las Leyes Nuevas. En: Mañongo, núm. 24, págs. 111-120. <http://servicio.bc.uc.edu.ve/postgrado/manongo24/24-7.pdf> Consultado el lunes 21 de mayo de 2012.
16. Monje Santillana, J.C. Las Leyes de Burgos de 1512, precedente del derecho internacional y del reconocimiento de los derechos humanos. En: Trabajos académicos de la Universidad de Burgos.
17. Sánchez-Arcilla Bernal, José " Las Leyes de Burgos de 1512: una falacia de los Derechos Humanos. Revisión historiográfica". Cuadernos de Historia del Derecho (28): 41-90.

УДК 34**Русско-Византийские договоры как источники права****Бальжиев Борис Александрович**

Старший преподаватель,
кафедра теории и истории права и государства,
Институт права и экономики,
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
670000, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а;
e-mail: Balzhiev@mail.ru

Цыбикова Марина Дамбаевна

Старший преподаватель,
кафедра теории и истории права и государства,
Институт права и экономики,
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
670000, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а;
e-mail: info@publishing-vak.ru

Аннотация

Статья посвящена глубокому анализу Русско-Византийских договоров, заключенных между Русью и Византийской империей в период с X по XV век. В этом контексте рассматриваются не только условия и сущность самих соглашений, но и их многогранное значение для обеих сторон. Автор акцентирует внимание на том, как эти договоры способствовали укреплению политических, экономических и культурных связей между Русью и Византией. Показано, что благодаря этим соглашениям происходил обмен товарами, технологиями и культурными достижениями, что способствовало развитию торговли и ремесел на Руси. Было выявлено влияние Византии на формирование русской государственности и культуры, включая принятие христианства и заимствование византийских традиций в архитектуре и искусстве. Подчеркнута важность этих договоров для понимания истории Восточной Европы, указывая на то, что они стали основой для дальнейшего развития международных отношений в регионе. Исследование исторических документов открывает новые горизонты для изучения взаимодействия двух великих цивилизаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Бальжиев Б.А., Цыбикова М.Д. Русско-Византийские договоры как источники права // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 63-68.

Ключевые слова

Русско-Византийские договоры, политическое сотрудничество, экономические связи, культурное влияние, развитие русской культуры, государственность.

Введение

Русско-Византийские договоры представляют собой серию соглашений, заключенных между Русским государством и Византийской империей в период с X по XV век. Эти договоры играли важную роль в развитии политических, экономических и культурных связей между двумя странами и имели значительное влияние на историю Восточной Европы [Огорелков, 2024, с. 102].

Основное содержание

Одним из первых Русско-Византийских договоров был договор 911 года, заключенный между князем Игорем Рюриковичем и византийским императором Феофаном. В этом договоре Византия признавала Русь самостоятельным государством и обязалась не вмешиваться во внутренние дела Руси. Взамен Русь обязалась платить дань Византии и поставлять ей меха, воск и другие товары. Однако это условие не всегда соблюдалось, и Византия продолжала пытаться установить контроль над Русью [Рождественский, 1974, с. 65].

В 944 году был заключен новый договор между Русью и Византией, в котором Византия обязалась прекратить вмешательство во внутренние дела Руси и признать независимость Руси. Взамен Русь обязалась платить дань Византии и поставлять ей товары. Также в этом договоре было установлено равноправное сотрудничество между двумя странами в области торговли и культуры.

В 988 году был заключен еще один важный договор между Русью и Византией, в котором Русь обязалась принять христианство в византийской форме и использовать греческий язык в богослужении. Взамен Византия обязалась оказать помощь Руси в строительстве церквей и поставке книг и икон. Этот договор сыграл решающую роль в христианизации Руси и в развитии русской культуры [Горский, 2012].

В XIII-XIV веках, в период монгольского нашествия, Русско-Византийские отношения ослабли. Однако после падения Константинополя в 1453 году, когда Византия перестала существовать, Русь стала главным наследником византийской культуры и традиций. Многие византийские ученые, художники и ремесленники переехали в Москву, где они внесли значительный вклад в развитие русской культуры [Лихачев, 1974].

В целом, Русско-Византийские договоры представляют собой сложный комплекс политических, экономических и культурных связей между двумя странами. Несмотря на противоречия и неравноправные отношения, эти договоры имели значительное влияние на историю Восточной Европы и способствовали развитию политической, экономической и культурной жизни Руси. Важнейшими аспектами этих договоров были признание независимости Руси, установление торговых и экономических связей, а также культурное влияние Византии на Русь.

Кроме уже упомянутых договоров, существовало еще несколько Русско-Византийских соглашений, которые также играли важную роль в развитии отношений между двумя странами [Греков, 1959, с. 201].

Одним из таких договоров был договор 1043 года, заключенный между великим князем Ярославом Мудрым и византийским императором Михаилом IV. В этом договоре были установлены равноправные отношения между Русью и Византией, а также были определены торговые и экономические условия сотрудничества. В частности, Русь получила право

свободной торговли в Византийской империи, а также право на строительство своих торговых представительств в Константинополе [Минакова, 2012].

Договор 1190 года, заключенный между великим князем Рюриком Ростиславичем и византийским императором Исааком II Ангелом. В этом договоре были установлены равноправные отношения между Русью и Византией, а также были определены торговые и экономические условия сотрудничества. В частности, Русь получила право на свободную торговлю в Византийской империи, а также право на использование византийских портов для торговли с другими странами. Кроме того, в этом договоре было установлено военное сотрудничество между Русью и Византией против общего врага – половцев [Бибииков, 2024].

Другой важный договор был заключен в 1223 году между великим князем Мстиславом III и византийским императором Феодором I Ласкары. В этом договоре Русь получила право на свободную торговлю в Византийской империи, а также право на использование византийских портов для торговли с другими странами. Кроме того, в этом договоре было установлено военное сотрудничество между Русью и Византией против общего врага - монголов.

В 1261 году заключён договор между великим князем Александром Невским и византийским императором Михаилом VIII Палеологом. В этом договоре были установлены равноправные отношения между Русью и Византией, а также были определены торговые и экономические условия сотрудничества. В частности, Русь получила право на свободную торговлю в Византийской империи, а также право на использование византийских портов для торговли с другими странами. Кроме того, в этом договоре было установлено политическое сотрудничество между Русью и Византией против общего врага – монголов [Хорошкевич, 1971, с.45].

Также стоит отметить договор 1389 года, заключенный между великим князем Московским Дмитрием Донским и византийским императором Иоанном V Палеологом. В этом договоре были установлены равноправные отношения между Русью и Византией, а также было определено культурное сотрудничество между двумя странами. В частности, Русь получила право на использование византийского обряда в богослужении, а также право на обучение русских студентов в византийских университетах [История государства и права России, 2025].

Также стоит отметить договор 1392 года, заключенный между великим князем Московским Василием I и византийским императором Мануилом II Палеологом. В этом договоре были установлены равноправные отношения между Русью и Византией, а также было определено культурное сотрудничество между двумя странами. В частности, Русь получила право на использование византийского обряда в богослужении, а также право на обучение русских студентов в византийских университетах. Кроме того, в этом договоре было установлено военное сотрудничество между Русью и Византией против общего врага - османских турок [Атанов, 2004].

В целом, Русско-Византийские договоры представляют собой богатую и сложную историю взаимоотношений между двумя великими цивилизациями. Несмотря на периодические конфликты и противоречия, эти договоры способствовали развитию политических, экономических и культурных связей между Русью и Византией. Важнейшими аспектами этих договоров были признание независимости Руси, установление торговых и экономических связей, а также культурное влияние Византии на Русь, которое имело решающее значение для развития русской культуры и государственности. Кроме того, эти договоры способствовали укреплению обороноспособности обеих стран и их сотрудничества в борьбе против общих врагов [Флоровский, 1935, с. 124].

Одним из наиболее значительных аспектов Русско-Византийских договоров было их

влияние на правовую систему Руси. Византийское право имело большое значение для развития русского права, так как оно было одной из самых развитых правовых систем того времени. Многие византийские правовые институты и нормы были заимствованы и адаптированы в русских законах, таких как Рюриковичи и Судебники. Византийское право также оказало влияние на развитие таких институтов, как судопроизводство, административное право и международное право. Кроме того, договоры способствовали установлению единых правовых норм в торговых отношениях между Русью и Византией, что способствовало развитию торговли и экономических связей между двумя странами.

Культурное влияние Византии на Русь также было одним из важнейших аспектов Русско-Византийских договоров. Византийская культура имела решающее значение для развития русской культуры и государственности. Византийское искусство, архитектура, литература и философия оказали значительное влияние на развитие русской культуры. Многие русские князья и княгини были воспитаны в византийской культуре и принесли ее с собой на Русь. Кроме того, многие русские князья и бояре отправлялись в Константинополь для получения образования и знакомства с византийской культурой. В результате, византийская культура стала одним из основных источников развития русской культуры.

Заключение

В заключение, Русско-Византийские договоры сыграли важную роль в развитии политических, экономических и культурных связей между Русью и Византией. Они способствовали признанию независимости Руси, установлению торговых и экономических связей, а также культурному развитию Руси. Кроме того, они способствовали укреплению обороноспособности обеих стран и их сотрудничества в борьбе против общих врагов.

Библиография

1. Атанов П. А. Византия и народ «Рос» в 860-х годах // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2004. №3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizantiya-i-narod-ros-v-860-h-godah> (дата обращения: 25.04.2025).
2. Бибииков Михаил Вадимович Современные исследования договоров Руси и Византии X века // Христианство на Ближнем Востоке. 2024. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-issledovaniya-dogovorov-rusi-i-vizantii-h-veka> (дата обращения: 24.04.2025).
3. Горский Антон Анатольевич Зарождение русской государственности: ключевые проблемы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-russkoy-gosudarstvennosti-klyuchevye-problemy> (дата обращения: 25.04.2025).
4. Греков Б. А. История византийской культуры. М.: Наука, 1959. 432 с.
5. Дмитрий Алексеевич Огорелков НАКАЗАНИЯ В РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ДОГОВОРАХ 911 Г. И 944 Г. // Вестник УЮИ. 2024. №1 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nakazaniya-v-russko-vizantiyskih-dogovorah-911-gi-944-g> (дата обращения: 24.04.2025).
6. История государства и права России : учебник для вузов — 2-е изд., испр. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 180 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-9788-0192-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/559556> (дата обращения: 24.04.2025).
7. Лихачев Д. С. Византия и древнерусская культура. Л.: Лениздат, 1974. 288 с.
8. Минакова Э. А. О «Клятвенном договоре» князя Игоря Старого с Византией // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-klyatvennom-dogovore-knyazya-igorya-starogo-s-vizantiey> (дата обращения: 25.04.2025).
9. Платонова Надежда Игоревна Договоры Руси и Византии и социальные верхи русского общества х века (к постановке проблемы) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovory-rusi-i-vizantii-i-sotsialnye-verhi-russkogo-obschestva-h-veka-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 24.04.2025).

10. Рождественский П. В. Византийская империя и Русь. М.: Наука, 1974. 368 с.
11. Сахаров Андрей Николаевич 860 год: начало Руси // Исторический формат. 2019. №1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/860-god-nachalo-rusi> (дата обращения: 25.04.2025).
12. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. М.: Academia, 1962-1964. Т. 1-3.
13. Флоровский Г. В. Византийское богословие. Париж: YMCA-Press, 1935. 384 с.
14. Хорошкевич А. Л. Восточные связи Древней Руси. М.: Наука, 1971. 240 с.
15. Янин В. Л. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Наука, 1989. 320 с.

Rus'-Byzantine Treaties as Sources of Law

Boris A. Bal'zhiev

Senior Lecturer,
Department of Theory and History of Law and State,
Institute of Law and Economics,
Dorzhi Banzarov Buryat State University,
670000, 24a, Smolina str., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: Balzhiev@mail.ru

Marina D. Tsybikova

Senior Lecturer,
Department of Theory and History of Law and State,
Institute of Law and Economics,
Dorzhi Banzarov Buryat State University,
670000, 24a, Smolina str., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: info@publishing-vak.ru

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of Rus'-Byzantine treaties concluded between Rus' and the Byzantine Empire from the 10th to 15th centuries. The study examines not only the terms and essence of these agreements but also their multifaceted significance for both parties. The authors emphasize how these treaties contributed to strengthening political, economic, and cultural ties between Rus' and Byzantium. The research demonstrates that these agreements facilitated the exchange of goods, technologies, and cultural achievements, thereby promoting the development of trade and crafts in Rus'. The Byzantine influence on the formation of Russian statehood and culture is revealed, including the adoption of Christianity and the borrowing of Byzantine traditions in architecture and art. The importance of these treaties for understanding Eastern European history is highlighted, as they laid the foundation for the further development of international relations in the region. The examination of historical documents opens new perspectives for studying the interaction between these two great civilizations.

For citation

Bal'zhiev B.A., Tsybikova M.D. (2025) Russko-Vizantiyskie dogovory kak istochniki prava [Rus'-Byzantine Treaties as Sources of Law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 63-68.

Keywords

Rus'-Byzantine treaties, political cooperation, economic ties, cultural influence, development of Russian culture, statehood

References

1. Atanov P. A. Byzantium and the people "Grew up" in the 860s // Bulletin of the Saint Petersburg University. History. 2004. No.3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizantiya-i-narod-ros-v-860-h-godah> (date of reference: 04/25/2025).
2. Bibikov Mikhail Vadimovich Modern studies of the treaties of Russia and Byzantium of the tenth century // Christianity in the Middle East. 2024. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-issledovaniya-dogovorov-rusi-i-vizantii-h-veka> (date of request: 04/24/2025).
3. Gorsky Anton Anatolyevich The origin of Russian statehood: key problems // Bulletin of the Moscow University. Episode 12. Political sciences. 2012. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-russkoy-gosudarstvennosti-klyuchevye-problemy> (date of reference: 04/25/2025).
4. Grekov B. A. History of Byzantine culture. Moscow: Nauka, 1959. 432 p.
5. Dmitry Alekseevich Ogorelov PUNISHMENTS IN THE RUSSIAN-BYZANTINE TREATIES OF 911 AND 944 // Bulletin Of The UYI. 2024. №1 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nakazaniya-v-russko-vizantiyskih-dogovorah-911-gi-944-g> (date of reference: 04/24/2025).
6. History of the state and Law of Russia : textbook for universities — 2nd ed., ispr. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 180 p. (Higher education). — ISBN 978-5-9788-0192-7. — Text : electronic // Educational platform Yurayt [website]. — URL: <https://urait.ru/bcode/559556> (date of request: 04/24/2025).
7. Likhachev D. S. Byzantium and Ancient Russian culture. L.: Lenizdat, 1974. 288 p.
8. Minakova E. A. On the "Oath contract" of Prince Igor the Old with Byzantium // OSU Scientific Notes. Series: Humanities and Social Sciences. 2012. No.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-klyatvennom-dogovore-knyazya-igorya-starogo-s-vizantiei> (date of request: 04/25/2025).
9. Platonova Nadezhda I. Treaties of Russia and Byzantium and the social elite of Russian society of the tenth century (towards a problem statement) // Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology. 1999. No.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovory-rusi-i-vizantii-i-sotsialnye-verhi-russkogo-obschestva-h-veka-k-postanovke-problemy> (date of reference: 04/24/2025).
10. Rozhdestvensky P. V. The Byzantine Empire and Russia. Moscow: Nauka, 1974. 368 p.
11. Sakharov Andrey Nikolaevich 860: the beginning of Russia // Historical format. 2019. No. 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/860-god-nachalo-rusi> (date of reference: 04/25/2025).
12. Tatishchev V. N. Russian history from the earliest times. Moscow: Academia, 1962-1964. Vol. 1-3.
13. Florovsky G. V. Byzantine Theology. Paris: YMCA-Press, 1935. 384 p.
14. Khoroshkevich A. L. Eastern relations of Ancient Russia. Moscow: Nauka, 1971. 240 p.
15. Yanin V. L. Ancient Russia and the Great Steppe. Moscow: Nauka Publ., 1989. 320 p.

УДК 34**Международно-правовые механизмы противодействия транснациональной киберпреступности: вызовы унификации и проблемы имплементации в национальные правовые системы****Лазаренкова Ирина Юрьевна**

Кандидат юридических наук,
Университет прокуратуры Российской Федерации,
123022, Российская Федерация, Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15;
e-mail: lazarenkova99@list.ru

Аннотация

В статье представлен комплексный анализ современных международно-правовых механизмов противодействия транснациональной киберпреступности. Автор детально исследует ключевые вызовы, препятствующие эффективной унификации подходов к регулированию цифровых правонарушений на глобальном уровне. Особое внимание уделено критическому анализу Будапештской конвенции как основного инструмента международного сотрудничества, выявлению политических и юридических барьеров ее реализации, включая вопросы государственного суверенитета и различия правовых культур. Методологическую основу исследования составляет сравнительно-правовой анализ международных договоров, национального законодательства различных государств и практики правоприменения. Автор систематизирует основные проблемы правового регулирования: отсутствие единого понимания термина "киберпреступность", сложности трансграничного сбора и обмена электронными доказательствами, противоречия в вопросах экстерриториальной юрисдикции. В работе особо подчеркивается, что процесс имплементации международных норм в национальные правовые системы осложняется коллизиями законодательства, различиями правовых традиций (континентальное и общее право), а также неравномерным распределением технических ресурсов. Автор приходит к выводу, что, несмотря на осознание необходимости глобального ответа на киберугрозы, процесс унификации остается медленным из-за геополитических разногласий и различий в подходах к безопасности и защите прав человека.

Для цитирования в научных исследованиях

Лазаренкова И.Ю. Международно-правовые механизмы противодействия транснациональной киберпреступности: вызовы унификации и проблемы имплементации в национальные правовые системы // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 69-83.

Ключевые слова

Киберпреступность, Будапештская конвенция, международное право, транснациональные преступления, унификация законодательства, цифровая безопасность, трансграничные доказательства, кибербезопасность, международное сотрудничество.

Введение

Киберпреступность, выходящая за национальные границы, представляет серьезную угрозу не только для отдельных государств, но и для всей системы международных отношений. Стремительное развитие информационных технологий позволяет злоумышленникам использовать глобальную сеть как инструмент незаконной деятельности, что усложняет процесс противодействия цифровым правонарушениям, имеющим транснациональный характер. Многие государства осознают, что одиночные усилия в этой сфере недостаточны, поэтому все более актуальным становится поиск эффективных международно-правовых механизмов, направленных на унификацию подходов и гармонизацию законодательства. Однако процесс согласования норм и практик сталкивается с многочисленными вызовами, прямо связанными с особенностями функционирования глобальной телекоммуникационной инфраструктуры и неоднородностью национальных правовых систем [Kambarov, Baigundinov, 2023]. При этом ни одно государство не может оставаться в стороне, поскольку киберпреступность, связанная с использованием вредоносного программного обеспечения, мошенничеством или неправомерным доступом к информационным ресурсам, угрожает как национальной безопасности, так и частным экономическим интересам.

Современные методы совершения киберпреступлений становятся все более изощренными. Если первоначально основной упор делался на получение несанкционированного доступа к отдельным информационным системам, то сегодня мы наблюдаем комплексные и скоординированные атаки, основанные на использовании ботнетов, массовой дезинформации, а также сочетании технических и социальных методов воздействия на пользователя. Применение криптотехнологий и сервисов в даркнете усложняет идентификацию преступников, позволяя им скрывать свое местоположение, истинную личность, а также получать нелегальные доходы. Данные факторы вынуждают международное сообщество формировать новые подходы к правовому регулированию, предусматривая расширение сотрудничества в сфере раскрытия, преследования и предотвращения транснациональных киберпреступлений [Костенко, Аксенова, 2020]. При этом невероятно важно обеспечить защиту основных прав и свобод человека, поскольку чрезмерное ужесточение контроля в цифровой сфере может вести к нарушениям принципов пропорциональности и необходимости.

Материалы и методы исследования

Важной вехой в формировании международно-правовых механизмов противодействия киберпреступности стала Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция). Несмотря на то что изначально этот документ разрабатывался в формате регионального соглашения, его нормы стали де-факто универсальным стандартом для государств, стремящихся совершенствовать законодательство в сфере киберправа. Раздел о международном сотрудничестве включает ключевые положения, помогающие наладить оперативный обмен данными между компетентными органами разных стран, а также координировать действия по обнаружению и ликвидации сетевых угроз [Запорожец, Крайнова, 2023]. Однако ратификация и имплементация данного документа сталкивается с рядом политических и юридических препятствий. Некоторые страны критикуют положения Будапештской конвенции, считая их отражением интересов определенной группы государств, или указывают на потенциальное противоречие национальным конституционным принципам.

Возникает вопрос о том, насколько возможно создать по-настоящему глобальный формат соглашения, учитывающий разнообразие правовых культур и не ущемляющий суверенитет государств.

Одним из главных вызовов в сфере международно-правовой унификации остается проблема определения самого понятия «киберпреступление». В ряде юрисдикций даже терминология, связанная с цифровыми правонарушениями, может различаться, что создает трудности при расследовании и квалификации деяний. Некоторые государства предпочитают использовать термин «компьютерные преступления», тогда как другие — «преступления, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [Тетюхин, 2023]. В результате возникает фрагментарность в правовом регулировании, что, в свою очередь, осложняет последующее трансграничное взаимодействие правоохранительных органов. Нередко возникает несовпадение уровней наказания или отсутствует прямая эквивалентность составов преступления, что приводит к сложностям при выдаче подозреваемых или совместном расследовании. Международное сообщество стремится преодолеть эту проблему путем принятия руководящих документов ООН и других организаций, но на практике национальные законодательные различия сохраняют свою актуальность.

Результаты и обсуждение

Еще одним важным аспектом является обеспечение доказательной базы при расследовании транснациональных киберпреступлений. Информация очень часто хранится в облачных сервисах или на серверах, располагающихся на территории сразу нескольких государств, что требует упрощенных механизмов получения электронных доказательств. Международные договоры, предусматривающие оперативный обмен данными и взаимную правовую помощь, далеко не всегда учитывают технические особенности функционирования современных дата-центров. В некоторых случаях требуется сложная процедура запроса информации, что позволяет киберпреступникам уничтожить или изменить необходимые доказательства [Алиев, Борбат, 2020]. Такая ситуация ставит перед правоприменителями задачу ускорения взаимодействия и внедрения новых протоколов передачи данных, которые были бы признаны всеми сторонами. Однако при этом нельзя забывать о защите персональных данных, ведь передача такого рода сведений между различными юрисдикциями может приводить к злоупотреблениям и утечкам.

Одним из дискуссионных вопросов остается полномочие государственных органов в отношении проведения трансграничных оперативно-розыскных мероприятий в киберпространстве. Традиционные представления о суверенитете и территориальной юрисдикции сталкиваются с новой реальностью, в которой информация и вредоносная активность перемещаются между государствами за доли секунды [Лепешкина, 2023]. В условиях отсутствия четко регламентированных механизмов правоприменители вынуждены искать решения, иногда действуя полуофициально или выходя за рамки формальных процедур. Это порождает конфликты компетенций и недоверие между государствами. Для преодоления подобных разногласий необходимо дальнейшее развитие многосторонних соглашений, которые бы устанавливали прозрачные и универсальные нормы по проведению следственных действий в сети при соблюдении основных прав человека и национального суверенитета.

Параллельно с регулирующими документами в сфере киберпреступности набирают обороты инициативы, направленные на создание международного договора под эгидой ООН,

отражающего интересы глобального сообщества в киберпространстве [Горелик, 2021]. Этот возможный документ мог бы заложить универсальные подходы к определению киберпреступлений, закрепить принципы сотрудничества и разграничить компетенции. Тем не менее, пока что остаются существенные разногласия, связанные не только с различным видением приоритетов в сфере международной информационной безопасности, но и с политической конфронтацией, когда крупные геополитические игроки предпочитают продвигать собственные стандарты. В условиях такой сложности глобальные форматы сотрудничества формируются медленно. Странам приходится держать баланс между национальными интересами и необходимостью согласованных решений для эффективного преследования киберпреступников.

Во многих случаях решение проблем унификации осложняется вопросом правозащитных стандартов. Не все государства готовы линейно внедрять жесткие модели цифрового контроля вслед за признанными конвенциями, поскольку существуют серьезные опасения относительно возможных злоупотреблений в области электронного надзора. Если в одних правовых системах ставится превыше всего защита личных данных граждан и свободное выражение мнений, то в других — приоритет отдается государственной безопасности и недопущению экстремистской деятельности, в том числе и в интернете [Перебейносов, 2020]. Это создает риск двойных стандартов, а также затрудняет формирование единых правовых норм, которые были бы признаны всеми без исключения. Важно подчеркнуть, что международное право в сфере киберпреступности развивается на перекрестке таких принципов, как уважение к национальному суверенитету, защита основных прав человека и необходимость коллективного ответа на транснациональные угрозы.

Практическая имплементация международных норм в национальные правовые системы может идти по нескольким путям. Часть государств, желая продемонстрировать свое стремление к партнерству, первыми ратифицируют соответствующие соглашения и вносят изменения в криминальное, уголовно-процессуальное и административное законодательство. Но этот процесс далеко не всегда протекает гладко. При пересмотре норм возникают ситуации коллизий, когда, с одной стороны, нужно учесть международные требования, а с другой — не противоречить конституционным принципам и сложившимся правовым традициям [Урусова, 2024]. Кроме того, важно обеспечить достаточный уровень подготовки сотрудников правоохранительных органов, судейского корпуса и экспертов в области информационной безопасности, чтобы новые механизмы не оставались только на бумаге. Недостаток профессиональных кадров и отсутствие необходимых технических способов расследования киберпреступлений могут свести на нет все преимущества от принятия международных норм.

Информационные технологии в большинстве государств регулируются комплексом правовых актов, охватывающих разные сферы — от защиты персональных данных до регулирования электронной коммерции. Любые изменения в этих областях должны учитывать риск возникновения правовых противоречий. Допустим, государство внедряет норму о блокировке интернет-ресурсов, подозреваемых в причастности к киберпреступлениям, однако получает критику со стороны правозащитных организаций за «непропорциональные меры» [Шестак, Адигамов, 2020]. Подобные конфликты могут сдерживать процесс унификации на уровне международных конвенций, так как каждая страна старается избежать компромисса, который ей кажется слишком рискованным для собственных правовых ценностей. Несмотря на это, растущее число международных киберпреступлений стимулирует поиск баланса между принципами свободы интернета и необходимостью обеспечения общественной безопасности.

Важным фактором является и то, что различные отраслевые организации, такие как IT-компании, поставщики телекоммуникационных услуг, разработчики программного обеспечения, активно вовлечены в процессы регулирования. Их позиция может оказывать серьезное влияние на формируемые международные стандарты, так как именно в их компетенции находится обеспечение технических решений, необходимых для противодействия кибератакам. Компании, предоставляющие услуги хостинга или облачной инфраструктуры, часто имеют большую рыночную силу и могут определять собственные условия предоставления данных для правоохранительных органов [Горелик, 2023]. Отсутствие четко прописанных международно-правовых норм и разный уровень корпоративной ответственности в разных юрисдикциях играют важную роль в том, насколько эффективно государствам удастся добиваться правосудия. Иногда у частного сектора есть интерес к сохранению узкого определения киберпреступлений, чтобы избежать дополнительной регулятивной нагрузки, а в иных случаях, наоборот, крупные игроки инициируют разработку единых правил, понимая, что фрагментарность законодательства усложняет ведение бизнеса.

Отсутствие четкой, согласованной на глобальном уровне политической воли также ведет к проблемам в процессе международного взаимодействия. Некоторые страны могут не спешить с присоединением к многосторонним соглашениям, опасаясь, что это ограничит их суверенное право на регулирование интернета и проведение собственных киберопераций. В то же время другие государства настаивают на том, что в условиях глобализации именно сотрудничество является наиболее рациональным путем решения киберугроз [Горелик, 2022]. Все эти расхождения затрудняют унификацию правовых норм и создают серьезные испытания для международного права, которое призвано обеспечивать стабильность и прогнозируемость в межгосударственных отношениях. В настоящее время идет активное обсуждение необходимости реформирования систем взаимодействия, особенно в области обмена электронными доказательствами и экстрадиции обвиняемых, чтобы процесс следствия и суда по делам о киберпреступлениях проходил оперативно и с соблюдением прав человека.

Отдельного внимания заслуживают инициативы privately-публичного партнерства в сфере борьбы с киберпреступностью. Государства не всегда обладают достаточной технической экспертизой для выяснения обстоятельств сложных компьютерных атак, а потому сотрудничают с частными компаниями, которые берут на себя аналитику инцидентов, проведение киберрасследований и разработку мер по противодействию новым угрозам [Ивлишкин, 2023]. Такое партнерство позволяет объединить ресурсы и знания обеих сторон, однако возрастает риск того, что важная процессуальная информация станет достоянием сторонних организаций или что коммерческие интересы возобладают над принципом публичности уголовного преследования. В международно-правовых механизмах вопрос о допустимости соответствующего сотрудничества пока не получил однозначного решения, так как каждая юрисдикция самостоятельно распоряжается тем, каким образом следует регулировать доступ частных структур к материалам уголовных дел и персональным данным подозреваемых. Результатом этого является фрагментарность регулирования и дополнительные проблемы на этапе судебного рассмотрения дел о киберпреступлениях, где доказательства, собранные частными организациями, могут вызывать сомнения в допустимости.

Не менее острой проблемой становится растущее число преступлений, связанных со шпионажем, саботажем и вмешательством во внутренние дела государств через киберпространство. Широкое использование методов социальной инженерии и целенаправленных вредоносных программ, проникающих на объекты критической

инфраструктуры, приобретает значительный размах [Карпович, Ногмова, 2022]. В таких ситуациях зачастую трудно провести четкую грань между деятельностью хакеров-одиночек, организованных преступных групп и даже государственных структур, которые могут действовать через посредников, прикрываясь нелегальными формированиями. Международно-правовые механизмы, призванные преследовать преступников, не всегда учитывают геополитический контекст и сложность задач, связанных с атрибуцией атак. В результате государства пытаются продвигать идею «ответственного поведения» в киберпространстве на площадках ООН, создавая свод добровольных, но политически значимых норм. Однако это не заменяет полноценного юридического регулирования и не снимает вопроса о том, как классифицировать и карать деяния, которые направлены на подрыв критических систем безопасности.

Хотя постепенно формируется комплексный подход к регулированию, национальные особенности остаются существенным препятствием к скорейшей унификации. Каждое государство рассматривает вопросы гармонизации закона о киберпреступлениях сквозь призму собственной правовой системы, которая может основываться на континентальном праве, общей правовой традиции или исламском праве. Различия в криминализации конкретных форм поведения, а также в структурах санкций приводят к отсутствию универсального, всем понятного механизма реагирования. В результате при наличии соглашений о выдаче (экстрадиции) нередко возникают сомнения в симметричности правовых процедур, особенно если в одном государстве за конкретное киберпреступление предусмотрено серьезное наказание, а в другом — более мягкое. Правозащитные организации поднимают вопрос о соблюдении прав человека и невозможности выдачи лиц в страны, где им может грозить несоразмерно жесткое наказание или нарушение основных судебных гарантий [Давлатзода, 2023]. Подобные обстоятельства создают состояние постоянного поиска баланса, которое делает процесс унификации достаточно инертным.

Отдельное направление дискуссии связано с формальными и неформальными сетями сотрудничества правоохранителей. К формальным можно отнести такие структуры, как Интерпол, Европол и прочие региональные или международные организации, обладающие определенным мандатом на координацию усилий в сфере борьбы с киберпреступностью. Они призваны обеспечивать консолидацию усилий государств, обмен лучшими практиками и создание баз данных, включающих сведения о киберпреступной активности [Горелик, 2021]. В то же время существуют и неформальные группы экспертов, в которых представители разных стран обсуждают чувствительные проблемы, связанные с проведением оперативных операций, тайным онлайн-наблюдением и технологиями отслеживания криптовалют. Эти группы могут более гибко реагировать на новые вызовы, но их решения не имеют обязательной юридической силы, что делает процесс унификации зависимым от доброй воли участников. Такое совмещение формальных и неформальных механизмов может быть продуктивным, однако требует четких рамок ответственности, чтобы не допускать произвольных интервенций в цифровое пространство.

Правительство многих стран пытается найти оптимальную стратегию для реформирования своего правового поля, учитывая глобальные тенденции и необходимость локальной адаптации. Возникает вопрос о том, какая модель имплементации является более эффективной: жесткий автоматический перенос международных норм в национальное законодательство или же постепенное, гибкое встраивание с учетом локальных обстоятельств [Тетюхин, 2023]. Первый вариант позволяет ускорить процесс гармонизации и продемонстрировать лояльность

международному сообществу, тогда как второй предоставляет возможность выработки более сбалансированных решений, соответствующих реальной ситуации в стране. Однако и риски при этом велики. Если законодательство слишком быстро приводится к единым стандартам, может возникнуть несоответствие с уже существующими механизмами и практиками, что приведет к путанице и неопределенности. А чрезмерно медленная имплементация делает сообщество уязвимым для транснациональных киберпреступников, которые пользуются пробелами в законодательстве и отсутствии скоординированных действий между юрисдикциями.

Важную роль в развитии международно-правовых механизмов призваны играть судебные прецеденты и практика привлечения к ответственности киберпреступников в разных странах. По мере накопления опыта суды формулируют подходы к интерпретации норм, связанных со сбором электронных доказательств, а также определяют границы ответственности провайдеров и посредников в сети. Юристы и эксперты по кибербезопасности стремятся обобщать и систематизировать эту практику, чтобы сформировать единообразие. Но трудность в том, что в правовых системах, основанных на прецедентах, каждое решение суда может вносить новые оттенки в понимание правовых норм, тогда как кодексные системы нуждаются в формальных поправках законодательства [Шестак, Адигамов, 2020]. Таким образом, образуется дополнительный барьер для унификации, ведь одно государство может ссылаться на судебную практику, а другое — исключительно на букву закона. Эта разница подходов вызывает споры не только у юристов, но и у политиков, принимающих решение о том, насколько глубоко следует интегрировать международные установки в национальное право.

Комитеты, рабочие группы и экспертные сообщества, занимающиеся киберпреступностью в рамках ООН и других международных организаций, обсуждают новые проекты конвенций или протоколов к уже существующим соглашениям [Запорожец, Крайнова, 2023]. Эти дискуссии учитывают многообразие правовых культур, пытаются найти общий знаменатель в базовых определениях и принципах. Однако раскрытие деталей, связанных с процессуальными нормами, часто вызывает противоречия. Где-то считается приемлемым использование специального программного обеспечения для удаленного обыска компьютерных систем, а в иных юрисдикциях подобные действия маркируются как противоречащие принципам неприкосновенности частной жизни граждан. Юристы пытаются найти компромиссные формулировки, но даже при их согласовании остаются вопросы о том, как именно трактовать эти нормы на практике. Многие аналитики говорят о необходимости наращивания международного диалога и формирования культуры ответственного поведения в киберпространстве, чтобы восполнять пробелы, которые пока не могут устранить конвенционные механизмы.

Особенность цифровой эпохи в том, что преступник может действовать из любой точки мира, находясь в юрисдикции, которая не желает или не может эффективно сотрудничать с другими странами. Поэтому одним из главных препятствий к устранению киберпреступности является так называемая «безпечные гавани» — государства, предоставляющие возможность безопасно компактировать инфраструктуру для атак. Такое положение дел вызывает напряженность на международной арене, ведь заинтересованные стороны готовы применять санкции и прочие меры воздействия, чтобы склонить несговорчивые страны к сотрудничеству [Карпович, Ногмова, 2022]. Но с точки зрения международного права подобные односторонние меры вызывают вопросы о правомерности и принципах невмешательства во внутренние дела государства. Дилемма усугубляется тем, что киберпреступность часто переплетается с различными формами коррупции, когда местные чиновники могут закрывать глаза на

неугодные действия хакеров. Следовательно, механизм эффективного преследования сложен и требует комплексного политико-правового решения.

Эксперты подчеркивают, что одним из перспективных направлений может стать активное применение принципов экстерриториальной юрисдикции, однако такой подход несет риск подрыва международной стабильности. С одной стороны, государства хотели бы иметь возможность преследовать киберпреступников, совершивших вредоносные деяния против их граждан или инфраструктуры, даже если сами преступники находятся за границей. С другой стороны, бесконтрольное расширение юрисдикции может привести к политическим конфликтам и коллизиям, поскольку оно затрагивает суверенитет других стран [Алиев, Борбат, 2020]. Только многосторонние соглашения, детализирующие условия и порядок реализации экстерриториальных прав, могут снизить вероятность злоупотреблений. Однако достижение консенсуса в этом вопросе пока находится на начальной стадии, и многие государства выступают против подобных нововведений, опасаясь вмешательства в их внутреннюю политику.

Возникновение различных альянсов и группировок государств, объединяющихся по региональному или политическому признаку, также сказывается на темпе и качестве унификации. Внутри каждого блока могут формироваться собственные правила и стандарты борьбы с киберпреступностью, которые не всегда совместимы с уже существующими нормами, закрепленными в других регионах. Например, в одном интеграционном объединении могут делать упор на защиту прав человека и прозрачность государственных действий, а в другом — прежде всего стремиться к обеспечению кибербезопасности, даже если это предполагает дополнительные ограничения свободы выражения [Костенко, Аксенова, 2020]. Этот процесс еще сильнее фрагментирует международно-правовое поле, делая необходимым создание универсальных инструментов, которые признавались бы всеми участниками международного сообщества. Но пока такие инструменты формируются, мир сталкивается с реальными угрозами, требующими оперативного ответа. Отсюда возникает диссонанс между скоростью развития информационных технологий и темпами формирования правовых норм, что негативно сказывается на эффективности глобальной борьбы с транснациональной киберпреступностью.

Наряду с политическими и юридическими факторами следует учитывать и вопросы этического характера. В сфере противодействия киберпреступности часто затрагиваются личные права и свободы людей, особенно когда речь идет о массовом сборе данных, прослушивании коммуникаций или ограничении доступа к интернет-ресурсам. В ряде случаев государства могут оправдывать такие меры интересами национальной безопасности или борьбы с экстремистскими проявлениями, однако правозащитные организации и часть международного сообщества обвиняют их в несоблюдении принципа пропорциональности и избирательном применении норм [Лепешкина, 2023]. Налицо дилемма: чем более жесткими становятся инструменты противодействия киберпреступности, тем выше вероятность злоупотреблений и отступления от правовых стандартов. Ситуация осложняется отсутствием прозрачных механизмов надзора за деятельностью спецслужб, которые, под предлогом кибербезопасности, могут вторгаться в частную жизнь граждан.

Проблема имплементации международно-правовых механизмов затрагивает и аспект правовой культуры в целом. В странах с развитой правовой традицией и высоким доверием к институтам власти внедрение международных соглашений проходит легче, поскольку общество больше ориентировано на верховенство права. Там, где процветает правовой нигилизм, а законы не обеспечиваются должной властью судебных органов, киберпреступники чувствуют себя

более уверенно, поскольку вероятность реального наказания ниже [Горелик, 2022]. В результате образуется порочный круг: слабая правовая система делает страну «магнитом» для онлайн-преступников, а рост киберпреступности дополнительно подрывает доверие к государственным институтам и приводит к еще большему правовому хаосу. Международные организации и развитые государства помогают в формировании партнерств для укрепления правовой системы через образовательные программы и техническую поддержку, но это требует времени и значительных ресурсов.

В то же время на уровне национальных правовых систем могут возникать позитивные прецеденты, вызывающие интерес и у зарубежных партнеров. Например, государство может выработать комплексные механизмы государственно-частного взаимодействия в области противодействия кибератакам, грамотно разделить обязанности между правоохранительными органами, регулирующими органами в сфере связи и интернет-провайдерами. Если система окажется эффективной, другие страны могут заимствовать опыт, адаптируя его к собственной правовой среде. Подобный путь «локальной апробации» и последующего распространения практик позволяет продвигать идею международной гармонизации даже без формализованных соглашений [Ивлюшкин, 2023]. Тем не менее, из-за неоднородности судебных практик и политических приоритетов этот процесс продвигается фрагментарно, что затрудняет формирование единой архитектуры международного права в сфере борьбы с киберпреступностью.

Большое значение в противодействии транснациональной киберпреступности приобретает работа специализированных образовательных центров и международных программ подготовки кадров. Их цель — предоставить следователям, прокурорам, судьям и техническим экспертам современный инструментарий для выявления, документирования и преследования компьютерных преступлений [Перебейносов, 2020]. Кроме того, обмен опытом и регулярная переподготовка сотрудников правоохранительных органов помогают в унификации процессуальных подходов. Однако, несмотря на все усилия, в большинстве государств сохраняются существенные пробелы в плане технической оснащенности и финансирования. Специфика киберпреступлений такова, что они меняются и эволюционируют куда быстрее, чем традиционные формы правонарушений, поэтому образовательные программы должны находиться в состоянии постоянного обновления, что требует сотрудничества с научными организациями и высокотехнологичным бизнесом.

Также стоит отметить роль, которую играет кибердипломатия — новое направление внешней политики, фокусирующееся на решении вопросов, связанных с безопасностью и стабильностью в цифровом пространстве. Дипломаты, разбирающиеся в технических аспектах, могут способствовать формированию международных соглашений, учитывающих не только интересы безопасности, но и вопросы экономического развития, уважения прав человека и культурной специфики [Тетюхин, 2023]. Поддержка такого направления со стороны руководства стран создает предпосылки для более системного и комплексного подхода к вопросам унификации правовых норм в киберпространстве. Параллельно с этим одна из ключевых задач кибердипломатов — разъяснение своей национальной политики в области кибербезопасности, смягчение противоречий и достижение компромиссных решений на переговорах. Весьма вероятно, что по мере усложнения цифровых угроз значение кибердипломатии будет только возрастать, а следовательно, участие компетентных специалистов станет важным фактором для успешного продвижения международно-правовых механизмов борьбы с киберпреступностью.

Если рассматривать перспективу на ближайшие годы, то можно предположить дальнейшую активизацию работы над универсальными конвенциями или соглашениями, призванными заменить или дополнить Будапештскую конвенцию. Ускорять этот процесс будет продолжающийся рост количества киберпреступлений и ущерба, наносимого экономике и безопасности. Возможно, одним из факторов, который склонит государства к более тесной кооперации, станет масштабная кибератака, которая нанесет ущерб сразу нескольким крупным экономикам и продемонстрирует неприспособленность отдельных национальных систем. Однако и политические разногласия, и конкуренция между государствами никуда не исчезнут, поэтому нельзя рассчитывать на быстрое достижение консенсуса. Скорее, нас ожидает череда региональных инициатив, двусторонних соглашений, а также постепенная эволюция существующих международных институтов, которые в совокупности станут формировать все более плотный регулятивный каркас.

Отмечая сложности унификации на глобальном уровне, нельзя недооценивать прогресс в региональных форматах. Например, в рамках Европейского союза, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии или Организации американских государств постепенно внедряются документы, направленные на сближение требований по кибербезопасности, обмену информацией и привлечению к ответственности правонарушителей [Урусова, 2024]. Хотя эти документы не всегда имеют прямое экстерриториальное действие, они создают мощную базу для последующего формирования единых международных правил. Региональные институты могут также функционировать как платформы для диалога и выработки механизмов быстрой реакции на киберугрозы. При этом успешные модели, опробованные в одной части мира, часто переносятся в другую, адаптируясь к локальным реалиям.

Не следует забывать и о влиянии развития квантовых вычислений, искусственного интеллекта и других передовых технологических решений на характер киберпреступности и, следовательно, на особенности правового регулирования. В ближайшем будущем может оказаться, что многие привычные методы криптографии станут уязвимы, а это значит, что концепция безопасности информационных систем должна будет перестраиваться [Kambarov, Baigundinov, 2023]. На международном уровне такая трансформация потребует согласования новых технических стандартов, обновления порядков сбора и хранения доказательств, а также пересмотра ряда юридических определений, связанных с инструментарием преступных действий в сети. Государства, обладающие финансовыми и научными ресурсами, смогут первыми адаптироваться к этим изменениям. В то же время в развивающихся странах с ограниченными ресурсами процесс будет проходить медленнее, создавая еще больший разрыв, который злоумышленники могут использовать.

Чтобы все эти вызовы не окончились для мировой системы крахом правового порядка в киберпространстве, необходима долгосрочная стратегия, в основе которой лежат принципы уважения к правам человека, международного сотрудничества и диалога культур. Повышение уровня взаимного доверия между государствами — одна из сложнейших задач, учитывая растущую геополитическую напряженность [Костенко, Аксенова, 2020]. Тем не менее, именно доверие является фундаментом, без которого любые правовые механизмы, даже самые проработанные, могут остаться на бумаге. Важнейшим элементом в этой работе станет формирование международного правосознания, ориентированного на осознание общности цифрового пространства и значимости совместного ответа на киберугрозы. И хотя до полноценной универсализации норм в сфере киберпреступности еще далеко, существующие

тенденции и создаваемые международные форматы дают основание для сдержанного оптимизма.

Серьезным стимулом для совершенствования международно-правовых механизмов становится активная позиция гражданского общества, институтов развития и научных кругов. Проводимые исследования и мониторинги ситуации в сфере киберпреступности подталкивают парламентариев к обновлению законодательства, а судебная практика расставляет акценты на пробелах правового регулирования. Различные фонды и некоммерческие организации выступают в качестве посредников между властью, бизнесом и сообществом специалистов в области информационной безопасности [Шестак, Адигамов, 2020]. Их деятельность направлена на разъяснение общественности сути международных инициатив, а также на контроль над прозрачностью принимаемых решений. Подобные механизмы обратной связи помогают корректировать политические меры, выявлять и исправлять ошибки на этапе формирования и имплементации норм. В ситуации, когда технологии развиваются стремительно, а национальные интересы часто вступают в клинч с принципами глобальной безопасности, подобный подход может оказаться спасительным.

В ходе дальнейшей эволюции международных институтов уже не будет достаточно полагаться на традиционные дипломатические каналы. Интерактивный диалог с привлечением международных экспертных сообществ, публичных форумов и платформ для обмена опытом станет неотъемлемой частью процесса. Такой формат позволит учитывать мнения всех заинтересованных сторон, включая частный сектор и профессиональные ассоциации, которые обладают уникальными знаниями о тенденциях в мире информационных технологий. Хотя это усложнит и затянет процесс принятия решений, только открытость и многосторонний подход способны обеспечить достаточный уровень легитимности и поддержки новых правил [Алиев, Борбат, 2020]. Сегодня уже очевидно, что силовое давление или односторонние требования не сработают в цифровой сфере, где все страны взаимосвязаны и любая попытка «автаркии в интернете» обречена на провал.

Многие инициативы предлагают расширить компетенции существующих международных организаций, таких как Интерпол, предоставив им более широкий мандат на координацию глобального взаимодействия при расследовании дел о киберпреступлениях. Другие эксперты считают, что следует создавать специализированные структуры со своими полномочиями и сетями взаимодействия. Но формат, при котором несколько организаций с пересекающимися сферами деятельности пытаются выработать общую повестку, тоже не всегда эффективен. Существует риск дублирования функций, конкуренции за ресурсы и политического влияния, что не ведет к реальной консолидации усилий [Горелик, 2021]. Поэтому многие аналитики указывают, что выработка единых правил возможно лишь при четкой институциональной архитектуре, которая должна учитывать опыт как глобального сотрудничества, так и региональных объединений.

Отдельно стоит упомянуть развитие научных исследований, посвященных проблемам социологических и психологических аспектов киберпреступности. Понимание мотивации злоумышленников, социальных факторов, способствующих вовлечению в преступную деятельность, и возможных путей ресоциализации является важным компонентом комплексного подхода. Международно-правовые механизмы не могут ограничиваться одними лишь карательными мерами, поскольку превенция и просвещение общества в области цифровой гигиены дают неизмеримо больший долгосрочный эффект [Ивлюшкин, 2023]. Усиление

ответственности интернет-компаний и провайдеров за пропаганду безопасного поведения в сети, а также сотрудничество с образовательными учреждениями поможет снизить риски вовлечения молодежи в онлайн-преступность.

Заключение

Таким образом, противодействие транснациональной киберпреступности — это многогранная задача, для решения которой необходимо взаимодействие на разных уровнях: от локального правоохранительного и законодательного до международного дипломатического. Сложность цифрового пространства, скорость технологических изменений и разный уровень экономического развития государств делают процесс унификации правовых норм чрезвычайно трудоемким [Карпович, Ногмова, 2022]. Более того, наличие специфических политических интересов и идеологических разногласий способно затормозить любой многосторонний диалог. Однако, несмотря на все противоречия, международное сообщество постепенно движется к осознанию безальтернативности сотрудничества. Расширение договорной базы, создание новых форматов экспертизы и обмена информацией, укрепление региональных институтов — все это в совокупности формирует предпосылки для появления более согласованного и эффективного механизма борьбы с киберпреступностью на глобальном уровне.

Дальнейшее развитие международно-правовых механизмов будет зависеть от того, насколько государства сумеют преодолеть барьеры недоверия и разделить общую ответственность за состояние цифровой среды. Речь идет не только о криминальном преследовании, но и о создании открытосетевых инфраструктур, где каждая сторона занята поиском совместных решений [Урусова, 2024]. Достичь же полной гармонизации в обозримом будущем вряд ли удастся, однако последовательное внедрение согласованных правил и обмен практическим опытом уже сейчас существенно снижает риски, связанные с киберпреступностью. В итоге можем заключить, что формирование единых правовых стандартов — длительный процесс, который постепенно набирает обороты, опираясь на растущую потребность в глобальном партнерстве и осмысление того, что трансграничные угрозы невозможно эффективно сдерживать в одностороннем порядке.

Библиография

1. Горелик И. Б. Формирование международно-правовой системы противодействия киберпреступности: от терминологии до проекта универсальной конвенции // Международное право. 2022. № 4. С. 60-71.
2. Горелик И. Б. Международно-правовое противодействие киберпреступности: процесс формирования и проблемы управления // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. № 1 (12). С. 87-104.
3. Урусова Л. Х. Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // Право и управление. 2024. № 7. С. 325-329.
4. Карпович О. Г., Ногмова А. Ш. Международно-правовые проблемы противодействия киберпреступности // Международное публичное и частное право. 2022. № 1. С. 21-26.
5. Шестак В. А., Адигамов А. И. Современные походы в законодательстве стран-членов ЕС к уголовной ответственности за преступления в киберпространстве // Образование и право. 2020. № 8. С. 277-282.
6. Костенко М. А., Аксенова Е. А. Глобальное и национальное регулирование киберпреступлений и кибертерроризма как угроз международной безопасности // Управление в экономических и социальных системах. 2020. № 3 (5). С. 27-34.
7. Алиев Н. Т. О., Борбат А. В. Транснациональная организованная преступная деятельность в эпоху глобализации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 431-440.
8. Перебейносов М. С. Борьба с киберпреступностью как новым проявлением транснациональной организованной преступности // Дневник науки. 2020. № 6 (42). С. 55.

9. Запорожец С. А., Крайнова Н. А. К вопросу о противодействии киберпреступности в условиях новой геополитической реальности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 3. С. 448-456.
10. Kambarov A. K., Baigundinov E. N. International cooperation in combating criminal offences in the field of informatization and communications // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2023. № 2 (28). С. 74-80.
11. Горелик И. Б. Возможные направления развития международно-правовых институтов в области обеспечения глобальной кибербезопасности // Международное право. 2023. № 2. С. 33-44.
12. Ивлюшкин А. С. Применимость норм международного публичного права к обеспечению безопасности в киберпространстве: позиция НАТО // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2023. № 4. С. 32-39.
13. Лепешкина О. И. Международное сотрудничество государств СНГ по противодействию киберпреступности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 4 (46). С. 82-91.
14. Тетюхин В. В. Оценка эффективности мер Российской Федерации по нейтрализации угроз транснациональной преступности // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 152-156.
15. Давлатзода К. Д. Аҳамияти санадҳои байналмилалӣ дар муқовимат ба киберҷиноятҳо // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Баҳши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. 2023. № 2. С. 221-229. [Давлатзода К.Д. Значение международных документов в борьбе с киберпреступностью // Вестник Таджикского национального университета. Кафедра социально-экономических и общественных наук. 2023. № 2. С. 221-229.]

International Legal Mechanisms for Combating Transnational Cybercrime: Challenges of Harmonization and Implementation into National Legal Systems

Irina Yu. Lazarenkova

PhD in Law,
Prosecutor General's Office University of the Russian Federation,
123022, 15, 2-ya Zvenigorodskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lazarenkova99@list.ru

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of contemporary international legal mechanisms for combating transnational cybercrime. The author examines key challenges hindering effective harmonization of approaches to regulating digital offenses at the global level, with particular focus on a critical analysis of the Budapest Convention as the primary instrument of international cooperation. The study identifies political and legal barriers to its implementation, including issues of state sovereignty and differences in legal cultures. The methodological framework combines comparative legal analysis of international treaties, national legislation of various states, and law enforcement practices. The author systematizes core problems in legal regulation: lack of a unified definition of "cybercrime," difficulties in cross-border collection and exchange of electronic evidence, and contradictions regarding extraterritorial jurisdiction. The research emphasizes that implementing international norms into national legal systems is complicated by legislative conflicts, differences between legal traditions (civil law vs. common law), and uneven distribution of technical resources. The study concludes that despite recognizing the need for a global response to cyber threats, harmonization progresses slowly due to geopolitical disagreements and divergent approaches to security and human rights protection.

For citation

Lazarenkova I.Yu. (2025) *Mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy protivodeystviya transnatsionalnoy kiberprestupnosti: vyzovy unifikatsii i problemy implementatsii v natsionalnye pravovye sistemy* [International Legal Mechanisms for Combating Transnational Cybercrime: Challenges of Harmonization and Implementation into National Legal Systems]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 69-83.

Keywords

Cybercrime, Budapest Convention, international law, transnational crimes, legal harmonization, digital security, cross-border evidence, cybersecurity, international cooperation

References

1. Gorelik I.B. (2022) "Formirovanie mezhdunarodno-pravovoy sistemy protivodeystviya kiberprestupnosti: ot terminologii do proekta universalnoy konventsii" [Formation of the international legal system for combating cybercrime: from terminology to the draft universal convention]. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], no. 4, pp. 60-71.
2. Gorelik I.B. (2021) "Mezhdunarodno-pravovoe protivodeystvie kiberprestupnosti: protsess formirovaniya i problemy upravleniya" [International legal counteraction to cybercrime: formation process and management problems]. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Mezhdunarodnoe pravo* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. International Law], no. 1(12), pp. 87-104.
3. Urusova L.Kh. (2024) "Protivodeystvie ispolzovaniyu informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v prestupnykh tselyakh" [Countering the use of information and communication technologies for criminal purposes]. *Pravo i upravlenie* [Law and Governance], no. 7, pp. 325-329.
4. Karpovich O.G., Nogmova A.Sh. (2022) "Mezhdunarodno-pravovye problemy protivodeystviya kiberprestupnosti" [International legal problems of combating cybercrime]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [International Public and Private Law], no. 1, pp. 21-26.
5. Shestak V.A., Adigamov A.I. (2020) "Sovremennye podkhody v zakonodatelstve stran-chlenov ES k ugovnoy otvetstvennosti za prestupleniya v kiberprostranstve" [Modern approaches in the legislation of EU member states to criminal liability for crimes in cyberspace]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], no. 8, pp. 277-282.
6. Kostenko M.A., Aksenova E.A. (2020) "Globalnoe i natsionalnoe regulirovanie kiberprestupleniy i kiberterrorizma kak ugroz mezhdunarodnoy bezopasnosti" [Global and national regulation of cybercrimes and cyberterrorism as threats to international security]. *Upravlenie v ekonomicheskikh i sotsialnykh sistemakh* [Management in Economic and Social Systems], no. 3(5), pp. 27-34.
7. Aliev N.T.O., Borbat A.V. (2020) "Transnatsionalnaya organizovannaya prestupnaya deyatel'nost' v epokhu globalizatsii" [Transnational organized criminal activity in the era of globalization]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal* [All-Russian Criminological Journal], vol. 14, no. 3, pp. 431-440.
8. Perebeinosov M.S. (2020) "Borba s kiberprestupnostyu kak novym proyavleniem transnatsionalnoy organizovannoy prestupnosti" [Combating cybercrime as a new manifestation of transnational organized crime]. *Dnevnik nauki* [Science Diary], no. 6(42), p. 55.
9. Zaporozhets S.A., Krainova N.A. (2023) "K voprosu o protivodeystvii kiberprestupnosti v usloviyakh novoy geopoliticheskoy realnosti" [On the issue of countering cybercrime in the context of the new geopolitical reality]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences], vol. 9(75), no. 3, pp. 448-456.
10. Kambarov A.K., Baigundinov E.N. (2023) "International cooperation in combating criminal offences in the field of informatization and communications". *Vestnik Akademii pravookhranitel'nykh organov pri General'noy prokurature Respubliki Kazakhstan* [Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan], no. 2(28), pp. 74-80.
11. Gorelik I.B. (2023) "Vozmozhnye napravleniya razvitiya mezhdunarodno-pravovykh institutov v oblasti obespecheniya globalnoy kiberbezopasnosti" [Possible directions for the development of international legal institutions in the field of global cybersecurity]. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], no. 2, pp. 33-44.
12. Ivlyushkin A.S. (2023) "Primenimost' norm mezhdunarodnogo publichnogo prava k obespecheniyu bezopasnosti v kiberprostranstve: pozitsiya NATO" [Applicability of international public law norms to ensuring security in cyberspace: NATO's position]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziyskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo* [International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law], no. 4, pp. 32-39.

13. Lepeshkina O.I. (2023) "Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo gosudarstv SNG po protivodeystviyu kiberprestupnosti" [International cooperation of CIS states in combating cybercrime]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics], vol. 17, no. 4(46), pp. 82-91.
14. Tetyukhin V.V. (2023) "Otsenka effektivnosti mer Rossiyskoy Federatsii po neytralizatsii ugroz transnatsionalnoy prestupnosti" [Assessment of the effectiveness of measures of the Russian Federation to neutralize threats of transnational crime]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], no. 3, pp. 152-156.
15. Davlatzoda K.D. (2023) "Аҳамияти санадҳои байналмилалӣ дар муқовимат бо киберҷиноятҳо" [The importance of international documents in combating cybercrime]. *Payomi Donishgohi millii Tojikiston. Bakhshi ilmhoi ijtimoi-iqtisodi va jam'iyati* [Bulletin of the Tajik National University. Department of Socio-Economic and Social Sciences], no. 2, pp. 221-229. [In Tajik with parallel Russian title: "Znachenie mezhdunarodnykh dokumentov v borbe s kiberprestupnostyu" [The importance of international documents in combating cybercrime]. *Vestnik Tadzhijskogo natsionalnogo universiteta. Kafedra sotsialno-ekonomicheskikh i obshchestvennykh nauk* [Bulletin of the Tajik National University. Department of Socio-Economic and Social Sciences], no. 2, pp. 221-229.]

УДК 347.2./3

Правовая концепция застройки новых городов: юридический вектор архитектурной устойчивости Древнего Рима как образ современного пути развития архитектурного права**Павлов Олег Витальевич**

Аспирант,
кафедра теории и истории государства и права,
Таганрогский институт управления и экономики,
347900, Российская Федерация, Таганрог, ул. Петровская, 45;
e-mail: Kapitalstroy007@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются градостроительные практики Древнего Рима, их влияние на развитие строительной отрасли и важность для современных подходов к созданию новых городов. Древнеримские законы, такие как ограничения на высотность зданий и регулирование транспортных потоков, способствовали поддержанию баланса между плотностью застройки и функциональностью городской инфраструктуры. Современные вызовы требуют аналогичной правовой базы, которая будет регулировать строительство новых городов, с акцентом на использование технологий, устойчивое развитие и создание благоприятных условий для жизни. Предлагается разработка «архитектурного права» – новой правовой отрасли, интегрирующей принципы древнеримского законодательства и современных инновационных подходов. Такая система обеспечит прозрачные процедуры, гибкость в регулировании и развитие территорий с учетом экологических стандартов. Основное внимание уделяется необходимости создания новых городов по комплексным генеральным планам, ориентированным на устойчивое развитие и повышение качества жизни, что будет способствовать улучшению городской среды и привлечению инвестиций.

Для цитирования в научных исследованиях

Павлов О.В. Правовая концепция застройки новых городов: юридический вектор архитектурной устойчивости Древнего Рима как образ современного пути развития архитектурного права // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 84-93.

Ключевые слова

Древний Рим, устойчивое развитие, город будущего, правовая система, замкнутый цикл, правовое градостроительство.

Введение

Градостроительные практики Древнего Рима представляют собой уникальный исторический опыт, оказавший значительное влияние на развитие строительной отрасли и управление городскими территориями в последующие эпохи. Законы, введенные древнеримскими правителями, такие как ограничения на высоту зданий и регулирование транспортных потоков, позволяли поддерживать баланс между плотностью застройки и эффективностью городской инфраструктуры. Эти меры способствовали решению проблем, связанных с безопасностью, логистикой и качеством жизни в древнеримских городах, что было особенно важно для растущего населения Римской империи.

Современные вызовы, связанные с урбанизацией и ростом численности населения в городах, требуют аналогичного подхода к регулированию строительства и планированию городских территорий. В условиях стремительного развития технологий и необходимости перехода к устойчивому развитию возникает потребность в создании новой правовой базы, которая учитывала бы как успешный опыт прошлого, так и инновационные решения настоящего.

Основная часть

Многоэтажные здания в Древнем Риме достигали до 30 метров в высоту, сегодня это девятиэтажное здание. Император Август ограничивал их высоту 20 метрами, а император Траян ограничивал высоту застройки 18 метрами. Императоры преследовали своей целью не слишком застраивать ввысь здания, чтобы не допустить чрезмерной нагрузки на инфраструктуру города. Гай Юлий Цезарь принял закон, запрещающий телегам передвигаться с товарами днем, и вся логистическая составляющая жизни большого города осуществлялась в ночное время. Это было сделано, чтобы не допустить коллапса транспортной инфраструктуры. Градостроители Древнего Рима понимали, что этажность многоквартирных зданий и организация цепочек логистики и перевозок влияют на уровень жизни в этом городе. Шум от телег в Древнем Риме при каменных дорогах и при низкой изоляции в инсулах делал жизнь в городе невыносимой в отсутствие перенаправления потоков.

Градостроительные меры по ограничению застройки как по этажности, так и при отставании количества дорог от вновь введенного в эксплуатацию многоквартирного жилья, ограничения на разрешения на строительство новых многоквартирных объектов необходимы любому городу, где нет грамотного управления транспортными потоками, порождаемыми вслед за строительством нового жилья. Правовые структуры, регулирующие плотность и интенсивность застройки, обязаны устанавливать корреляцию с строительством одновременно с новым многоквартирным домом соответствующей транспортной и пешеходной развязки и строительством всей необходимой сопутствующей инфраструктуры для вновь возводимых зданий. При существующей сегодня плотности больших городов необходимо отказаться от уплотнения через продолжающиеся проекты, которые лишь ухудшают архитектурный облик городов и делают жизнь их обитателей невыносимой. Необходимо, по аналогии с правом Древнего Рима, сосредоточиться на строительстве и возведении новых городов с нуля с полным проектированием заранее по генеральному плану. Не следует использовать генеральный план для уничтожения существующих зданий и сооружений, которые в него не вписываются, а в местах с достаточным количеством земли в туристических знаковых видовых местах – где

имеются преимущества природного ландшафта (горы, океаны, моря, леса) – те места, которые имеют добавленную стоимость из-за природных свойств, просто нуждаются в антропогенном вмешательстве для развития новых городов, ориентированных на удобство и максимизацию коэффициента полезного действия от приложенных усилий как застройщиков, так и правоприменителей, прописывающих через создание нормативных актов процесс создания новых городов.

Необходимо отказаться от застройки уже существующих городов практически полностью с целью сосредоточения застройки на новых территориальных зонах, которые будут создаваться государством и через частную инициативу неравнодушных людей, желающих создать города устойчивого развития. Для этого изучение правового опыта древнеримских законодателей имеет первостепенное значение.

С ростом населения городов, обусловленным расширением Римской империи, возникла необходимость размещения большого числа людей. Для этого требовалось возводить здания, которые одновременно удовлетворяли бы потребности граждан и были экономичными в строительстве. Именно тогда впервые стал актуален вопрос многоэтажного строительства и вертикальной застройки городов.

Архитекторы и строители Древнего Рима демонстрировали высокий уровень мастерства и глубоко понимали свойства строительных материалов, таких как обожженный глиняный кирпич и туф. Они активно разрабатывали новые строительные материалы, включая изобретение «римского бетона», состав которого уже изучен, и «римской мальты», точный химический состав которой до сих пор остается неизвестным для ученых. Известно лишь, что древние римляне добавляли в раствор гидравлические добавки, включая глину из окрестностей Неаполя и кирпичную муку. Несмотря на прошедшие века, кирпичи древнеримских построек постепенно разрушаются, хотя и выветриваются значительно медленнее, чем современные (что можно увидеть на примере античных акведуков в Риме), однако и они не вечны. В то же время раствор, использованный для их соединения, до сих пор остается в превосходном состоянии, создавая впечатление новизны. Современные цементные смеси не могут достичь такой удивительной прочности и долговечности. Тайна древнеримского строительного раствора утрачена. Сохранились, правда, рецепты других прочных растворов, в состав которых входили яйца и сахар, но этот способ оказался бы слишком дорогостоящим для современного применения [Breton Jean Francois, 1985, 6-8]. Однако стало понятно, что использование таких добавок способствовало полимеризации раствора, которая в настоящее время достигается иными методами.

Примеры мастерства римских строителей сохранились до наших дней. Римляне одними из первых стали уделять особое внимание строительству общественных зданий, таких как театры, библиотеки, термы, цирки и амфитеатры. Жилые здания также занимали значительную долю строительства, особенно инсулы и домусы. Первоначально слово *insula* в латинском языке означало «остров», а затем стало обозначать земельный участок, ограниченный улицами, с построенным на нем домом. Позднее, когда дома стали строить вплотную друг к другу, *insula* стала означать участок с несколькими зданиями. В европейской археологии термин *insula* до сих пор используется для описания прямоугольных кварталов провинциальных римских городов, таких как Помпеи, Геркуланум, Августа-Раурика, а также поселений ветеранов, например, Тимгад и Ксантен [Вайль, 2008].

Реконструкцией остийских и римских инсул на макете императорского Рима занимался Итало Гизмонди. Макеты, созданные им, находятся в Музее римской цивилизации. В первых

работах Гизмонди (около 1916 года) остийские инсулы изображены двух- и трехэтажными, а на более поздних рисунках 1922 года – уже четырехэтажными, хотя для таких изменений не было достаточных археологических доказательств [Voëthius, 1935].

Для предотвращения обрушений император Август ограничил высоту зданий до 20,6 м, а после пожара 64 года в Риме Нерон запретил строительство домов вплотную друг к другу. Император Траян ввел еще более строгие ограничения, установив максимальную высоту в 17,7 м. Опасность пожаров была значительной, поскольку огонь мог быстро охватить все многоэтажное здание и перекинуться на соседние дома. Тушение огня, особенно на верхних этажах, было крайне затруднительным, хотя существовали законы, предписывающие хранить в каждом помещении сосуды с водой.

Несмотря на все трудности, аренда жилья в инсулах была чрезвычайно дорогой. При среднем заработке ремесленника в 1000 сестерциев арендная плата за жилье могла достигать 2500 сестерциев в месяц. Тем не менее, таких зданий не хватало, что позволяет утверждать, что строительство многоэтажных доходных домов в Риме периода Империи стало первым примером программы городских властей по созданию многоквартирного арендуемого жилья. Этот пример также указывает на то, что в Древнем Риме уделялось большое внимание градостроительному анализу плотности населения, поскольку высотное строительство было тесно связано с анализом и управлением плотности городской застройки [Соловьев, Драгушин, 2014; Соловьев, Лебедев, 2016, 1-2, 4].

Рисунок 1 - Правильная организация строительства (инсула)

Ключ к правильной организационно-правовой трансформации лежит в изменении правовой основы создания новых зданий и сооружений: от единичных объектов к созданию ансамблей зданий в рамках правовой концепции застройки новых городов.

Анализируя современное многоэтажное строительство крупных городов, часто возникает мысль о том, что застройщик не воспринимает себя как мастера своего дела. Застройщик через строительный объект (многоэтажное, многоквартирное, «многочеловечное» сооружение) передает послание: либо он не рад тому, чем вынужден заниматься, либо не умеет этого делать, или, что еще хуже, сознательно причиняет неудобства конечным клиентам – покупателям его квартир, а также всем жителям города, создавая транспортный коллапс в крупных городах.

Застройка осуществляется без учета базовых принципов красоты – как визуальной, так и функциональной, что отражается на качестве жизни как коренных жителей мегаполиса, так и туристов.

Аврелианова стена является примером инфраструктурного проекта, который выступал драйвером общественно-делового развития и одновременно выполнял функции защитного сооружения Древнего Рима. Она также удовлетворяла эстетические запросы тех, кто на нее смотрел, и служила доминантным элементом района, привлекавшим туристов в Древний Рим. Необходимо законодательное закрепление обязанности застройщиков учитывать эстетику и этику при осуществлении застройки новых городов. Уже застроенные города следует развивать исключительно через ландшафтные проекты, такие как парки и высадка деревьев, для улучшения экологической составляющей жизни в крупных городах.

Чтобы компенсировать застройщикам потери от отсутствия новых проектов в существующих городах, следует предоставлять рассрочки на застройку новых городов за счет бюджета на безвозмездной основе, с применением института репутации застройщиков. Это позволит привлекать к таким проектам только тех, кто сознательно стремится создавать города будущего и оставить след в истории градостроительства. Эти примеры будут изучаться как образцы освоения новых территорий, новаторские и смелые проекты, где царит инклюзивность и продуманность городских процессов как экосистемы. Добиться этого можно благодаря грамотной правовой работе по созданию прочной нормативной базы для застройки таких территорий.

В условиях ограниченного выбора инвестиционных продуктов для предприятий и населения застройка таких городов будущего может вызвать новую «золотую лихорадку», ведь ключевым фактором в золотой лихорадке было предоставление земель желающим работать либо бесплатно, либо за символическую стоимость. Практику «дальневосточного гектара» и приватизации предлагается расширить на всех жителей страны, желающих осваивать территории и, что немаловажно, обладающих необходимыми для этого компетенциями и опытом.

Для организации правовой доктринальной проработки вопроса освоения незастроенных территорий под города будущего предлагается сократить бюрократическую составляющую и осуществлять до 90% всех сделок и законодательных изменений с использованием технологий смарт-контрактов и блокчейна, что существенно ускорит процессы и повысит их прозрачность. Строительный сектор является одним из основных факторов формирования внутреннего ВВП, поэтому его правовое регулирование должно быть в приоритете у законодателей.

Современные тенденции градостроительства, представленные на выставках Экспо, демонстрируют развитие горизонтальных городов – бесконечных горизонтальных небоскребов, полностью зеленых, экологически чистых, самообеспечивающих свое развитие. Также создаются архитектурные доминанты, привлекающие туристические потоки со всего мира, как в Саудовской Аравии и ОАЭ. Сегодня создание новой отрасли права – Архитектурного права – имеет первостепенное значение для внедрения в отрасль градостроительства новых трендов XXI века: это эстетичность сооружений, гуманность в каждом процессе – от проектирования до возведения зданий. Кроме того, от каждого нового проекта, одобренного в рамках Архитектурного права, должно ожидатьсся создание «вау-эффекта» как для собственников, так и для туристов, взаимодействующих с новыми городами и зданиями.

Сейчас важно через создание Архитектурного права (опираясь на опыт древнеримских законодателей) достигать прогресса в ускоренном режиме. Для туристов и жителей новых

городов гостеприимство становится одной из ключевых задач, требующих внимания и законодательных новаций.

Индустрия гостеприимства находится на пороге масштабных изменений. Чтобы возглавить эти перемены, нужны креативный подход, воображение и смелость. Благодаря новому мышлению, передовым бизнес-моделям и уникальному опыту мы способны повлиять на мир.

Вместе мы создадим будущее, в котором возможности человека будут безграничны. Мы разработаем более эффективные способы взаимодействия и оптимизируем пространства для жизни, работы и общения. Давайте заново представим будущее мировой индустрии гостеприимства!

Концепции наших новых городов (городов будущего) потрясут воображение и позволят гостям и жителям получить принципиально иной опыт восприятия мира. Необходимо создавать новые города, разрабатывая в первую очередь правовую основу для систематизации и структурирования опыта древних римлян, адаптируя его к современным условиям. В концепции «житель или гость нового города будущего – это клиент» все подчинено исключительно созданию для него ценностей. Мы строим ведущий правовой и туристический центр в нашем регионе – берем передовой международный опыт и добавляем в него свежие идеи.

Устойчивое развитие

Нужно привлекать новаторов для создания принципиально новых моделей гостеприимства – будущих эталонов в сфере устойчивого развития, подготовки персонала, социальной жизни и экологической ответственности. Индустрия гостеприимства и правового градостроительства стремительно меняется вместе с миром, и нам важно соответствовать этому темпу, чтобы стать лидерами в бизнес-инновациях, улучшении условий жизни и обеспечении экологической устойчивости. Вместе с мировыми брендами мы будем разрабатывать и воплощать в жизнь уникальные креативные проекты. Мы станем лидерами в области правового градостроительства и гостеприимства, пересмотрим устоявшиеся нормы отрасли и установим новые стандарты. Смелые и дальновидные инвесторы смогут поддержать наши усилия по трансформации застройки, гостиничного бизнеса и правового инжиниринга в рамках развития архитектурного права. В сотрудничестве с новаторами в градостроительстве и мировыми лидерами, лауреатами Притцкеровской премии, мы будем способствовать изменению парадигмы в подходах к архитектуре, дизайну, продуктам и впечатлениям. Наша задача – переосмыслить взаимодействие гостей с пространствами в рамках амбициозного сообщества будущего. Архитекторы, такие как Рикэн Ямамото (2024), Дэвид Чипперфилд (2023), Дьебедо Фрэнсис Кере (2022), Жан-Филипп Вассаль и Анн Лакатон (2021), Ивонн Фаррелл и Шелли Макнамара (2020), а также Арата Исодзаки (2019), и их архитектурные бюро должны быть привлечены к разработке проектов городов будущего.

В рамках разработки правовой системы архитектурного права необходимо создать основу для претворения в жизнь промышленной экосистемы с нулевым выбросом углерода, полностью поддерживаемую за счет недорогих возобновляемых источников энергии. Также необходимо построить первое в истории когнитивное сообщество с огромными возможностями для связи с миром за счет использования передовых технологий. В свою очередь, необходимо упростить ведение бизнеса, установить новые законодательные стандарты, способствующие динамичному развитию экономики и общества через правовую трансформацию. Наша цель – изменить будущее проектирования и строительства городов, учитывая, что мы живем в эпоху четвертой

промышленной революции. Мы стремимся к тому, чтобы архитектурное право, как наследник древнеримского права, определяло стандарты в отрасли. Для этого мы объединяем метод сквозного проектирования на основе IT-технологий с принципами устойчивого строительства. Мы создаем новую правовую и экономическую модель, основанную на передовых технологиях, профессионализме, заботе о работниках и максимальной эффективности. Эта модель обеспечит высокий уровень жизни и установит новые стандарты качества в сфере капитального строительства, которые впоследствии будут распространены за пределы городов будущего. Мы интегрируем экономику замкнутого цикла с прогрессивной социальной структурой, используя технологии цифровых прототипов, что приведет к настоящей революции. Это позволит нам развиваться с беспрецедентной скоростью и в небывалых масштабах. Наша экосистема станет основой для умных, прибыльных и более этических производств. Меняется мир – строится будущее.

У архитектурного права должны быть следующие подразделы:

- Law of Infrastructure and Capital Objects – объекты, отвечающие вызовам будущего.
- Law of Robotics Tech – экономика замкнутого цикла, Интернет вещей и роботизация.
- Law of Vehicles in Cognitive Cities – умные города, беспилотный транспорт и технология цифровых двойников.
- Law of City Livability and Welfare – забота о трудящихся, обучение и доступное комфортное жилье.
- Law of Sustainable Construction – устойчивое строительство с низким углеродным следом.
- Law of Industry Investment – содействие инвестициям в промышленность, бизнес-инкубация и сертификация.
- Law of 3D Printing – модульное строительство и 3D-печать.
- Law of Design Prototyping – быстрое прототипирование, трансформационное мышление и ориентация на потребности людей.

Таким образом, за 10 лет можно будет добиться того, что города будущего, построенные на принципах архитектурного права, станут углеродно нейтральными. Эффективность строительства увеличится с 25% до 100%, а выбросы от строительной техники сократятся минимум на 25%. Углеродный след создаваемых объектов уменьшится до 60%, а 90% строительных конструкций будут сборными, что снизит потери. Реализация принципов экономики замкнутого цикла станет возможной благодаря безотходным технологиям, которые будут внедряться в строительной отрасли. Эта модель, основанная на переработке материалов и снижении отходов, будет работать так же гармонично и устойчиво, как и природные процессы. Эти принципы необходимо интегрировать в архитектурное право.

Кроме того, важно внедрять передовые технологии в строительстве. Более трети проектов, регулируемых архитектурным правом в рамках создания новых городов, будут использовать модульные конструкции. После завершения начальной фазы проекта ожидается, что города будущего начнут инвестировать свыше 1 миллиарда долларов в продукты, основанные на этой технологии. Также необходимо разработать инновационный трудовой кодекс, который улучшит условия труда, одновременно совершенствуя архитектурное право. Будут приняты прорывные законы, ставящие приоритет на права работников. С применением технологий, автоматизирующих рутинные процессы и повышающих стандарты условий труда, можно будет уделить больше внимания эстетике новых архитектурных проектов, для чего будут привлечены ведущие мировые архитектурные бюро.

Создание передовой правовой основы для архитектурно-строительной отрасли позволит организовать строительство новых городов по заранее разработанным планам, используя неосвоенные территории. Это даст возможность выполнять значительную часть работ за пределами строительных площадок. Для эффективной реализации такого подхода мы разработаем правовую систему с упрощенными процедурами лицензирования и прозрачным регулированием. Как во времена развития Древнего Рима требовалась гибкая структура права, способная не только узаконивать уже существующие практики, но и создавать условия для опережающего развития, так и сегодня необходима рецепция римского права в создании архитектурного права как неотъемлемой части инновационного развития всей правовой системы.

Анализ градостроительных практик Древнего Рима показывает, что многие из принципов, заложенных в древнеримских законах, остаются актуальными и в современном градостроительстве. Их опыт по регулированию высотности зданий, управлению транспортными потоками и поддержанию баланса между плотностью застройки и функциональностью городской инфраструктуры демонстрирует, что создание эффективной и устойчивой городской среды требует комплексного подхода и продуманной правовой базы. Эти аспекты представляют ценное наследие, которое может быть интегрировано в современные практики развития городов.

Современные города сталкиваются с новыми вызовами, такими как рост численности населения, потребность в устойчивом развитии и внедрение инновационных технологий. В этих условиях возникает необходимость создания правовой системы, аналогичной древнеримскому подходу, но адаптированной к современным реалиям. Предложенная концепция «архитектурного права» направлена на объединение исторического опыта с инновационными решениями, что позволит эффективно регулировать градостроительные процессы и обеспечивать развитие территорий с учетом экологических стандартов и потребностей общества.

Заключение

Таким образом, разработка «архитектурного права» как новой правовой отрасли позволит улучшить качество городской среды и создать благоприятные условия для жизни. Комплексное планирование территорий, основанное на этих принципах, будет способствовать созданию современных городов, ориентированных на устойчивое развитие и привлечение инвестиций, что, в свою очередь, обеспечит устойчивое развитие городов и их долгосрочную привлекательность для жителей и бизнеса.

Библиография

1. Вайль П. Гений места. М., 2008. 488 с.
2. Соловьев К.А., Драгушин Н.С. Развитие и реконструкция современных городов, актуальные вопросы градостроительной политики // Архитектура и современные информационные технологии. 2014. № 2 (27). URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2014/2kvart14/index.php>.
3. Соловьев К.А., Лебедев А.С. Многоэтажное строительство в древнем Риме и Йемене // Architecture and Modern Information Technologies. 2016. №1(34). С. 1-11.
4. Boëthius A. Das Stadtbild im spätrepublikanischen Rom. Opuscula Archeologica, 1935. P. 164-195.
5. Breton Jean Francois. MIMAR 18: Architecture in Development. Singapore: Concept Media Ltd, 1985. 9 с.

The legal concept of building new cities: the legal vector of architectural stability of Ancient Rome as an image of the modern path of development of architectural law

Oleg V. Pavlov

Postgraduate Student,
Department of theory and history of state and law,
Taganrog Institute of Management and Economics,
347900, 45 Petrovskaya str., Taganrog, Russian Federation;
e-mail: Kapitalstroy007@yandex.ru

Abstract

The paper analyzes the urban planning practices of Ancient Rome, their impact on the development of the construction industry and the importance for modern approaches to the creation of new cities. Ancient Roman laws, such as restrictions on the height of buildings and the regulation of traffic flows, helped to maintain a balance between the density of buildings and the functionality of urban infrastructure. Modern challenges require a similar legal framework that will regulate the construction of new cities, with an emphasis on the use of technology, sustainable development and the creation of favorable living conditions. It is proposed to develop "architectural law", a new legal branch integrating the principles of ancient Roman legislation and modern innovative approaches. Such a system will ensure transparent procedures, flexibility in regulation and the development of territories taking into account environmental standards. The main focus is on the need to create new cities based on comprehensive master plans focused on sustainable development and improving the quality of life, which will contribute to improving the urban environment and attracting investment.

For citation

Pavlov O.V. (2025) *Pravovaya kontseptsiya zastroiki novykh gorodov: yuridicheskii vektor arkhitekturnoi ustoychivosti Drevnego Rima kak obraz sovremenno go puti razvitiya arkhitekturno go prava* [The legal concept of building new cities: the legal vector of architectural stability of Ancient Rome as an image of the modern path of development of architectural law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 84-93.

Keywords

Ancient Rome, sustainable development, city of the future, legal system, closed cycle, legal urban planning.

References

1. Boëthius A. (1935) *Das Stadtbild im spätrepublikanischen Rom*. Opuscula Archeologica, pp. 164-195.
2. Breton Jean Francois (1985) *MIMAR 18: Architecture in Development*. Singapore: Concept Media Ltd.
3. Solov'ev K.A., Dragushin N.S. (2014) *Razvitie i rekonstruktsiya sovremennykh gorodov, aktual'nye voprosy gradostroitel'noi politiki* [Development and reconstruction of modern cities, current issues of urban planning policy]. *Arkhitectura i sovremennye informatsionnye tekhnologii* [Architecture and modern information technologies], 2 (27). URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2014/2kvart14/index.php>.
4. Solov'ev K.A., Lebedev A.S. (2016) *Mnogoetazhnoe stroitel'stvo v drevnem Rime i Iemene* [Multi-storey construction

-
- in ancient Rome and Yemen]/. *Architecture and Modern Information Technologies*, 1(34), pp. 1-11.
5. Weil P. (2008) *Genii mesta* [Genius of the Place]. Moscow.

УДК 34**Жизненный цикл объекта в подходе комплексного управления
государственным имуществом****Калоева Марина Олеговна**

Аспирант,
Институт государственной службы и управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
119606, Россия, Москва, проспект Вернадского, 84, стр. 1;
e-mail: marina.kaloeva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу и специфике управления и распоряжения государственным и муниципальным имуществом при осуществлении комплексного управления объектом на различных стадиях его жизненного цикла. В работе обоснована важность всестороннего анализа комплексной жизненной ситуации объекта с учетом этапов его вовлечения, итогов реализации и экономической составляющей в целях определения наиболее оптимального решения, направленного на эффективное распоряжение государственным имуществом. В рамках комплексного подхода к рассмотрению вопроса управления и распоряжения государственным имуществом представляется возможность определить цели функционирования и назначения объекта, сформировать варианты его вовлечения, в том числе возможный инвестиционный потенциал. Эффективность управления заключается в своевременном выявлении не только уже возникших, но и прогнозируемых потенциальных проблем, выбирая наиболее рациональный способ распоряжения объектом с точки зрения экономической выгоды и имеющихся потребностей. В статье описаны этапы жизненного цикла объектов недвижимого и движимого имущества, исследованы основные особенности управления объектом, раскрыто понятие объектного управления. В соответствии с обеспечением полномочий ориентированными структурным подразделениями соответствующих органов власти при осуществлении наделенных функций необходимо применять комплексный подход рассмотрения жизненного цикла объекта в совокупности со всеми имеющимися процессами и во взаимодействии с иными заинтересованными субъектами.

Для цитирования в научных исследованиях

Калоева М.О. Жизненный цикл объекта в подходе комплексного управления государственным имуществом // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 94-101.

Ключевые слова

Объекты недвижимости, управление имуществом, недвижимое имущество, движимое имущество, жизненный цикл, эффективное управление, комплексное управление.

Введение

Управление государственным и муниципальным имуществом должно иметь комплексный характер, рассматривая в совокупной картине все этапы жизненного цикла объекта (далее – ЖЦО) и используя различные инструменты по его распоряжению.

Присущим свойством управлению и распоряжению объектом является то, что данный процесс деятельности обеспечивает существование определенного отрезка жизнедеятельности объекта, начиная с момента его создания и заканчивая ликвидацией, с учетом условий его эксплуатации, проходящий различные стадии жизненного цикла своего существования при участии множества различных участников и с применением регулятивной техники нормативно-правового характера.

В современных реалиях важной задачей является необходимость постоянного совершенствования механизма и инструментов управления ЖЦО в целях повышения эффективности его функционирования на всех этапах.

Результат подобной работы выполнения измеряется в показателях, методах, способах, критериях и методик с точки зрения эффективного функционирования и достижения как запланированных результатов, так и развития перспективных вариантов.

Основное содержание

Именно в рамках аналитической деятельности при рассмотрении комплексного ЖЦО на различных стадиях существования определяются цели его функционирования, формируется инвестиционный потенциал, рассматриваются альтернативные варианты вовлечения, и из их множества выбирается самый приемлемый для достижения показателей эффективности.

Заинтересованными лицами (государством, инвесторами, правообладателями, пользователями) должно быть обеспечено его полноценное функционирование, поддержание в исправном состоянии и развитие. При этом, важнейшей целью управления государственным имуществом должно быть обоснованное выполнение субъектами всей совокупности управленческих воздействий на объект в процессе его функционирования на определенном этапе жизненного цикла, в том числе решение о его ликвидации. Необходимым показателем управленческих решений в отношении имущества является соблюдение интересов всех участников указанного процесса, в том числе населения и его потребностей.

Посредством применения комплексного рассмотрения ЖЦО субъектам управления предоставляется возможность через своевременное выявление существующих проблем и возможных рисков на любом отрезке жизненного цикла скорректировать управленческие решения, оказать влияние на его настоящее функционирование и предупредить возможные негативные последствия. Подобный подход позволяет увязать воедино использование ряда различных средств и методов, осуществлять анализ их воздействий, а также прогнозировать достижение поставленных целей, полученные результаты.

Достижение стратегической цели – максимально эффективное управление государственным и муниципальным имуществом в процессе его создания, функционирования и развития на протяжении всего жизненного цикла, включающего совокупность последовательных мероприятий субъектами управления для решения возникших и прогнозируемых проблем.

Эффективность заключается не только в своевременном выявлении уже возникающих, но

и, самое главное, в прогнозировании потенциальных проблем, путем выявления слабых мест и их успешное решение с помощью различных мероприятий.

В отношении государственного имущества функции по управлению и распоряжению осуществляют уполномоченные соответствующими нормативными актами органы государственной власти в рамках наделенных компетенций.

Соответствующие органы государственной власти и их структурные подразделения реализуют закрепленные за ними функции, осуществляя взаимодействие для наиболее эффективного решения задач реализации ЖЦО.

В число осуществляемых уполномоченными государственными органами власти функций, которые также составляют ЖЦО входят:

- постановка на государственный кадастровый учет;
- регистрация прав собственности и иных вещных прав;
- принятие решения о списании (уничтожении, ликвидации) объекта;
- проведение мероприятий по передаче имущества на иной уровень собственности;
- оформление земельно-правовых и договорных отношений (аренда, безвозмездное пользование, постоянное (бессрочное) пользование);
- отчуждение имущества (приватизация, продажа на торгах и без проведения торгов, демонтаж, снос);
- проведение капитального ремонта, переоснащения, перепланировки под конкретные цели.

Зачастую, при реализации уполномоченными органами власти компетенций по управлению имуществом, соответствующими структурными подразделениями при рассмотрении поступивших вопросов, принимается решение исходя из конкретной функции объекта поставленной задачи. Вместе с тем такой подход не несет всестороннего анализа комплексной жизненной ситуации объекта, без учета иных стадий данного объекта, как предыдущих, так и запланированных, отсюда невозможно отследить вариативную составляющую и возможные последствия принимаемого решения.

Поэтому, крайне важно узко ориентированным структурным подразделениям осуществлять управление и распоряжение имуществом в комплексе с иными функциональными направлениями деятельности органа власти, обеспечивая целостную картину жизнедеятельности объекта.

В соответствии с имеющимися полномочиями выбирается наиболее приемлемый и эффективный способ распоряжения объектом, опираясь на стадии развития, итоги реализации, этапы вовлечения и т.д. в целях определения дальнейшей судьбы объекта.

Под объектом государственного имущества мы понимаем:

- недвижимое имущество, в том числе земельные участки: здания (жилые и нежилые), сооружения, объекты незавершенного строительства, жилые и нежилые помещения, машино-места, воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания;
- движимое имущество (не относящееся к недвижимому имуществу и не подлежащее государственной регистрации: деньги, акции, ценные бумаги, транспортные средства, элементы благоустройства и озеленения, мебель, техника, инвентарь и т.д.).

Объектное управление – это некое сущностное состояние, на которое направлено управляющее (субъектное) воздействие. Объект управления – это управляемая суть путем воздействий на нее этапов развития, внешних обстоятельств и субъектного состава управления.

Объектное управление – это функция, которая направлена на объект, учитывающая каждый момент времени его предшествующих состояний, характеристик и субъектов управления.

На основании ЖЦО строится его ролевая модель в процессе жизнедеятельности.

Таким образом, управление и распоряжение имуществом должно строиться на основе ЖЦО, комплексно взаимодействуя между всеми его стадиями.

При этом, обязанность по обеспечению взаимодействия ложится на субъектный состав – органы власти и их структурные подразделения непосредственно.

В процесс ЖЦО управления фиксируются все действия по управлению им, строится структура с момента возникновения объекта до его выбытия от конкретного субъекта и факт перехода к новому собственнику. Формирование ЖЦО дает возможность отслеживания процессов управления по каждому объекту, которые и являются этапами ЖЦО, т.е. совокупностью всех действий по управлению им.

Также необходимым в ЖЦО является описание субъекта управления, его роли и зоны ответственности, а также контроля реализуемых им действий по отношению к объекту.

Взаимосвязь всех действий по отношению к объекту управления предполагает состояния объектов во времени, в пространстве, в событии, т.е. создает возможность знать статус объекта, отслеживать факт перехода от субъекта к субъекту и процесс распоряжения им в любой текущий момент времени.

Таким образом, в зависимости от стадии ЖЦО мы можем определить:

- субъекта управления, непосредственно ответственного за управление объектом;
- обязательства субъекта по отношению к объекту с указанием всех данных о сроке, правовой форме, ответственности и содержании прав на объект;
- ограничения на объект управления, которые необходимо учитывать при принятии решения о его распоряжении.

Картина ЖЦО дает возможность понимать его актуальное состояние в настоящее время, провести анализ возможных способов его вовлечения и оценивать эффективность этого вовлечения.

Основные этапы ЖЦО у одного субъекта выделяются следующие:

Земельный участок:

1. Появление земельного участка и его постановка на учет (перераспределение, изъятие, покупка).

2. Вовлечение земельного участка в использование (инвестиционный контракт/долевое строительство, оформление земельно-правовых отношений, изменение характеристик).

3. Вывод земельного участка (продажа, передача).

Объект капитального строительства (здание (жилого и нежилого назначения), объект незавершенного строительства), сооружение.

1. Появление (покупка, дар, пожертвование, строительство).

2. Вовлечение в использование (оформление договорных отношений, использование под определенные цели, торги)

3. Вывод (продажа, передача, демонтаж).

Движимого имущества:

1. Появление и его постановка на баланс (покупка или дар).

2. Вовлечение в использование.

3. Вывод имущества (продажа, списание, передача).

Акции (ценные бумаги) и находящиеся в управлении хозяйственные общества являются частным случаем движимого имущества и имеют следующие этапы:

1. Появление имущества и его постановка на учет (покупка пакета акций).
2. Участие в управлении.
3. Вывод имущества (приватизация акций, ликвидация общества).

На основе анализа комплексной жизненной ситуации конкретного объекта позволит осуществлять взаимодействие субъектов управления при единообразном подходе с учетом имеющихся этапов существования объекта, обеспечивая эффективное и рациональное управление и распоряжение государственным имуществом.

Кроме того, в ходе функционирования объекта необходимо его обслуживание и своевременный ремонт:

- поддержание в исправном состоянии;
- обеспечение безопасности;
- поддержание чистоты и порядка (сбор и утилизация мусора);
- предотвращение аварий и ликвидация их последствий;
- текущий и капитальный ремонт.

Крайне важным при эксплуатации объекта является обеспечение его безопасного функционирования, в том числе при переходе из одной стадии в другую, для исключения несчастных случаев, в том числе пострадавших граждан, и предотвращения аварийных ситуаций и ликвидация их последствий. Возникновение непредвиденных ситуаций (пожары, затопления, сбои в работе систем жизнеобеспечения, природных катаклизмов и т.п.) возможны при любых обстоятельствах существующей реальности, поэтому столь важно надлежащее обслуживание объекта и принятие мер на недопущение возникновения рискованных явлений учётом действующих нормативных требований.

Если рассматривать эффективность применения комплексного подхода при управлении имуществом используя его жизненный цикл в существующей направленности цифровой трансформации государственного управления, то стоит учесть, что стратегия цифровой трансформации строится как раз на базе объектов управления, находящихся в ведении и их жизненных циклов, которые объединяются в единое информационное пространство.

Объектная модель управления учитывает взаимосвязь процессов, субъектов, объектов и данных о них, затрагивая все функции взаимодействия в рамках их исполнения.

Посредством управления ЖЦО анализ данных строится в разрезе: объект, субъект, права, ограничения, этапы распоряжения, вывод имущества.

Если опираться на клиентоцентричный подход, то ЖЦО в рамках цифровой трансформации через объекты управления определяет статусную модель, обеспечивает единообразие по данным, и разбивает субъектов по функциональной принадлежности: физические и юридические лица - покупатели и арендаторы имущества, в том числе органы государственной власти и учреждения, получающие имущество в собственность или безвозмездное использование, граждане, переселяемые по программе реновации или получающие жилье по социальному найму, а также прочие лица, заинтересованные в получении сведений.

Взаимодействие субъектов управления и субъектов, получающих государственную услугу должно строиться на основе комплексной жизненной ситуации с целью ее анализа и разрешения, а не на оказании отдельных услуг.

Таким образом, состав сущностей объектного управления:

1. ЖЦО управления – это фиксирующий все действия по управлению и распоряжению им с момента создания до возможного его выбытия из состава имущественного комплекса. Формирование ЖЦО дает возможность отслеживания целостности этапов управления и процессов деятельности по каждому объекту.

2. Этапы жизненного цикла – совокупность функций по управлению ЖЦО с определением каждого отдельного этапа, требований к результату и последующим разграничением ответственности за достижения результата с прикреплением соответствующего статусного состояния объекту управления.

3. Субъектный состав ЖЦО – это описание участников, роли и зоны ответственности участников для организации управления и контроля реализации функции.

4. Статусная модель – состояние объекта во времени и в событии с возможностью отслеживания перехода от статуса к статусу и результатов при осуществлении на него управленческого решения, порождая изменение статуса при переходе к следующему статусу в ходе ЖЦО.

В целях определения эффективности управления государственным имуществом, применяя подход комплексного управления ЖЦО предлагаются следующие критерии оценки эффективного использования:

1. Доля объектов из общего объема, вовлеченных в оборот:
 - повышение скорости вовлечения объектов в казну.
 - максимальное вовлечение объектов путем выявления возможных, появление передачи.
2. Удовлетворенность клиентов по жизненным ситуациям, доля решенных вопросов по заявленным проблемам.
3. Экономическая эффективность:
 - поступление дохода в казну за счет вовлечения в хозяйственный оборот объектов управления.

Заключение

Деятельность по управлению и распоряжению государственным имуществом всегда должна строиться комплексно, с учётом специфики различных стадий ЖЦО. Только комплексный подход позволит обеспечить принятие правильного управленческого решения о выборе наиболее эффективной, рациональной формы использования объекта с извлечением из него всех полезных свойств и перспектив вовлечения.

Государство по отношению к наделенному правом собственности имущество несет функцию эффективного собственника, принимая в отношении государственной собственности наиболее экономически эффективные управленческие решения.

Эффективное управление может быть реализовано только при комплексном подходе рассмотрения ЖЦО, принимая во внимание, анализируя, прогнозируя все возможные этапы жизнедеятельности объекта, и обеспечивая органами государственной власти рассмотрение вопроса по распоряжению государственным имуществом в комплексе всех имеющихся процессов со всеми заинтересованными субъектами.

Библиография

1. Асаул А.Н. Экономика недвижимости: учебник для вузов. СПб., 2020.
2. Балабанов И.Т. Экономика недвижимости. СПб., 2021.
3. Баронин С.А., Янков А.Г. Управление совокупной стоимостью владения в контрактах жизненных циклов недвижимости как перспективный инструмент развития энергоэффективности в жилищной отрасли // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 2.
4. Грабовый П.Г. Сервейинг и профессиональный девелопмент недвижимости: теория, практика. М., 2019.
5. Крутик А.Б. Экономика недвижимости. СПб., 2020.
6. Лосев, К.Ю. Информационные особенности жизненного цикла зданий и сооружений / К.Ю. Лосев // Вестник

- Евразийской науки. — 2021. — № 1. — Т. 13.
7. Максимов С.Н. Управление недвижимым имуществом: учебник. СПб., 2009.
8. Озеров Е.С. Экономический анализ и оценка недвижимости. СПб., 2019.
9. Степанов Д.В. Специфика комплексного управления объектами недвижимости на различных стадиях их жизненного цикла // Вестник МФЮА. 2023. № 3.
10. Фридман Дж. Оценка и анализ приносящей доход недвижимой собственности. М., 2016.
11. Никулина, Ю. А. Повышение эффективности управления жизненным циклом объекта капитального строительства / Ю. А. Никулина // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16. — № 6.
12. Никулина, Ю.А. Факторы, оказывающие влияние на эффективность системы управления объектом капитального строительства на всех этапах его жизненного цикла / Ю.А. Никулина // Наука и инновации в строительстве. Сборник VII Международной научно-практической конференции. — Белгород: Изд-во БГТУ имени В.Г. Шухова. — 2023. — С. 237–240.
13. Шеина, С.Г. Методы принятия управленческих решений на различных этапах жизненного цикла зданий / С.Г. Шеина, Н.П. Умнякова, Л.В. Гиря, А.Е. Швец // Жилищное строительство. — 2023. — № 6. — С. 3–8.

The Lifecycle of an Object in the Integrated State Property Management Approach

Marina O. Kaloeva

PhD Student,
Institute of Public Administration and Governance,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
119606, 84/1, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: marina.kaloeva@mail.ru

Abstract

This article analyzes the specifics of managing and administering state and municipal property through integrated object management at various stages of its lifecycle. The study emphasizes the importance of a comprehensive analysis of an object's lifecycle situation, considering its engagement stages, implementation outcomes, and economic factors to determine optimal solutions for effective state property management. The integrated approach to state property management enables the identification of an object's functional purposes and operational goals, while developing various engagement strategies, including its investment potential. Effective management involves not only addressing existing issues but also anticipating potential challenges, selecting the most rational administration method based on economic benefits and current needs. The article outlines the lifecycle stages of both immovable and movable property objects, examines key management features, and clarifies the concept of object-based management. To ensure proper execution of authority by relevant government structural units, an integrated approach is required—one that considers the object's lifecycle in conjunction with all related processes and in collaboration with other stakeholders.

For citation

Kaloeva M.O. (2025) Zhiznennyy tsikl ob'yekta v podkhode kompleksnogo upravleniya gosudarstvennym imushchestvom [The Lifecycle of an Object in the Integrated State Property Management Approach]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 94-101.

Keywords

Real estate objects, property management, immovable property, movable property, lifecycle, effective management, integrated management.

References

1. Asaul, A. N. (2020). *Ekonomika nedvizhimosti* [Real estate economics]. Saint Petersburg.
2. Balabanov, I. T. (2021). *Ekonomika nedvizhimosti* [Real estate economics]. Saint Petersburg.
3. Baronin, S. A., & Yankov, A. G. (2014). Upravlenie sovokupnoi stoimost'yu vladeniya v kontraktakh zhiznennykh tsiklov nedvizhimosti kak perspektivnyi instrument razvitiya energoeffektivnosti v zhilishchnoi otrasli [Total cost of ownership management in real estate life cycle contracts as a promising tool for energy efficiency development in the housing sector]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Southwest State University], 2.
4. Grabovyi, P. G. (2019). *Serveiing i professional'nyi developmont nedvizhimosti: teoriya, praktika* [Surveying and professional real estate development: Theory and practice]. Moscow.
5. Krutik, A. B. (2020). *Ekonomika nedvizhimosti* [Real estate economics]. Saint Petersburg.
6. Losev, K. Yu. (2021). Informatsionnye osobennosti zhiznennogo tsikla zdaniy i sooruzhenii [Information features of buildings and structures life cycle]. *Vestnik Evraziiskoi nauki* [Eurasian Scientific Bulletin], 13(1).
7. Maksimov, S. N. (2009). *Upravlenie nedvizhimym imushchestvom* [Real estate management]. Saint Petersburg.
8. Ozerov, E. S. (2019). *Ekonomicheskii analiz i otsenka nedvizhimosti* [Economic analysis and real estate valuation]. Saint Petersburg.
9. Stepanov, D. V. (2023). Spetsifika kompleksnogo upravleniya ob"ektami nedvizhimosti na razlichnykh stadiyakh ikh zhiznennogo tsikla [Specifics of integrated real estate management at various stages of its life cycle]. *Vestnik MFYuA* [MFUA Bulletin], 3.
10. Fridman, Dzh. (2016). *Otsenka i analiz prinosyashchei dokhod nedvizhimoi sobstvennosti* [Income property valuation and analysis]. Moscow.
11. Nikulina, Yu. A. (2024). Povyshenie effektivnosti upravleniya zhiznennym tsiklom ob"ekta kapital'nogo stroitel'stva [Improving the efficiency of capital construction object life cycle management]. *Vestnik evraziiskoi nauki* [Eurasian Scientific Bulletin], 16(6).
12. Nikulina, Yu. A. (2023). Faktory, okazyvayushchie vliyanie na effektivnost' sistemy upravleniya ob"ektom kapital'nogo stroitel'stva na vseh etapakh ego zhiznennogo tsikla [Factors affecting the efficiency of capital construction object management system at all stages of its life cycle]. In *Nauka i innovatsii v stroitel'stve* [Science and innovations in construction] (pp. 237-240). Belgorod State Technological University.
13. Sheina, S. G., Umnyakova, N. P., Giry, L. V., & Shvets, A. E. (2023). Metody prinyatiya upravlencheskikh reshenii na razlichnykh etapakh zhiznennogo tsikla zdaniy [Methods of making management decisions at various stages of buildings life cycle]. *Zhilishchnoe stroitel'stvo* [Housing Construction], 6, 3-8.

УДК 345.257.3:791.437.5

**Историческое развитие охраны аудиовизуальных произведений:
сравнительный анализ РФ и США****Борлаков Роберт Напалеонович**

Аспирант,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Черёмушкинская, 34;
e-mail: borlakov.robert@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена историческому развитию охраны аудиовизуальных произведений с проведением сравнительного анализа законодательных и практических аспектов в Российской Федерации и США. Обосновывается актуальность исследования в условиях стремительного развития технологий, массового распространения цифровых медиа и глобализации культуры. Анализируется, как исторические предпосылки, национальные правовые традиции и внешнеполитические факторы влияют на формирование механизмов охраны аудиовизуальных произведений в двух странах. Методологическая часть работы опирается на сравнительный анализ нормативно-правовых актов, судебной практики и исторических документов, позволяющих проследить эволюцию охранительных мер от ранних этапов развития кинематографа до современных цифровых технологий. В исследовании использованы методы анализа источников, синтеза данных, а также кейс-стади для демонстрации специфики правового регулирования в России и США. Полученные результаты демонстрируют, что в США охрана аудиовизуальных произведений формировалась под влиянием рыночной экономики и сильной судебной практики, что привело к созданию гибких механизмов защиты авторских прав. В то же время российская практика органически связана с государственной идеологией, при этом наблюдается постепенное внедрение современных тенденций в законодательство. Сравнительный анализ выявил как сходства в цели защиты интеллектуальной собственности, так и существенные различия в подходах к правоприменению и регулированию правовых отношений в сфере аудиовизуального искусства. Обсуждаются последствия этих различий для международного сотрудничества, а также перспективы гармонизации отечественных и зарубежных норм в условиях цифровизации культурного пространства. Статья подчеркивает, что глубокое понимание исторического контекста и национальных особенностей правового регулирования является необходимым условием для совершенствования механизмов охраны авторских прав и формирования единых стандартов в глобальном масштабе. Выводы исследования имеют практическое значение для законодателей, представителей судебной системы и специалистов в области интеллектуальной собственности, позволяя адаптировать инновационные подходы к регулированию аудиовизуальной индустрии в условиях изменяющейся правовой и технологической среды.

Для цитирования в научных исследованиях

Борлаков Р.Н. Историческое развитие охраны аудиовизуальных произведений: сравнительный анализ РФ и США // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 102-114.

Ключевые слова

Охрана, аудиовизуальные произведения, историческое развитие, сравнительный анализ, законодательство.

Введение

Аудиовизуальные произведения давно заняли особое место в системе объектов интеллектуальной собственности, поскольку они объединяют творческое выражение в визуальной и аудиоформах, отражающих сложный синтез идей, сюжетов и технических решений. Еще в конце XIX века, когда кинематограф только зарождался, законодательство разных стран по-разному реагировало на появление новых форм искусства, однако общая тенденция заключалась в постепенном признании фильмов и подобных материалов в качестве самостоятельных объектов авторского права. В Соединенных Штатах Америки первые шаги в этом направлении были связаны с судебными прецедентами и появлением поправок к существующим законам, а в Российской империи и последующем советском государстве правовая охрана отображала сложную историю формализации прав на произведения искусства и литературы. В этот период авторы и сопродюсеры часто сталкивались с нехваткой четкой регламентации своих прав, что приводило к запутанным спорам и отсутствию единообразной практики. Несмотря на технические новшества той эпохи, правовая база постоянно отставала от технологических достижений и лишь постепенно адаптировалась к переменам [Магидов, 1995]. По мере развития кинематографа и его превращения в полноценную индустрию вопросы использования и защиты возникали все чаще, стимулируя государственные органы к поиску механизмов, способных учитывать интересы производителей, авторов сценариев, режиссеров и актеров. В США это проявилось в введении специальных норм об авторском праве на движущиеся изображения, тогда как в России сложность ситуации усугублялась особенностями переходного периода и отсутствием преемственности между дореволюционным и советским законодательством. Подобная неоднородность создавала дополнительную путаницу, и лишь с течением времени начала устанавливаться законодательная практика, направленная на всестороннюю охрану прав создателей аудиовизуальных произведений. В конце концов как российское, так и американское право признали, что аудиовизуальные объекты должны охраняться комплексно, учитывая вклад множества участников процесса. Исторические предпосылки здесь играют не последнюю роль, так как именно развитие кино и телевидения подтолкнуло государства к созданию специальных правовых норм для регламентации отношений, связанных с таким контентом. Сегодня мы можем наблюдать сложное, но стройное здание правовых институтов, охватывающее такие аспекты, как вопросы авторства, право на название, права на изображение и многое другое. Таким образом, предпосылки современной системы охраны сложились еще до середины XX века, хотя само совершенствование норм идет по сей день и сопровождается постоянными дискуссиями и правками законодательных актов.

Правовая база охраны аудиовизуальных произведений в США берет свое начало от

американского конституционного принципа поощрения науки и искусства, закрепленного в статье I раздела 8 Конституции США, который впоследствии послужил фундаментом для развития авторского права во многих отраслях, в том числе и в киноиндустрии. Еще на заре становления Голливуда студии стремились найти эффективные способы закрепления всех прав на создаваемые фильмы и защитить их от несанкционированного копирования и показа. С формированием института авторского права на "moving pictures" и расширением его на звуковые компоненты суды регулярно сталкивались с новыми кейсами, требующими дифференцированного анализа. Правовая практика освещала сложные вопросы о соавторстве, когда режиссеры, композиторы, сценаристы и продюсеры выступали участниками единого процесса [Дворянкин, 2024]. Развитие крупных киностудий, таких как Metro-Goldwyn-Mayer, Paramount и других, заставляло правовые механизмы постоянно совершенствоваться, а суды – вырабатывать системные подходы в интеллектуально-правовой сфере. При этом в Соединенных Штатах стали широко применяться договоры, предусматривающие передачу имущественных прав продюсеру или киностудии, и это формировало основу для дальнейшего регулирования отношений в отрасли. Американская система, будучи основанной на прецедентном праве, формировала долговременные правовые последствия через отдельные решения, и каждое значимое дело могло оказывать воздействие на будущее нормативное развитие. В то же время российский путь не был столь непрерывным и преемственным, и это различие исторически отразилось на современном состоянии правовой охраны аудиовизуальных произведений. Одним из ключевых отличий в американском подходе стала большая гибкость в вопросах исключений и ограничений, а также выстраивание устойчивой системы коллективного управления авторскими правами, что сделало правоприменение достаточно стабильным. Применительно к аудиовизуальному контенту в Соединенных Штатах также активно развились механизмы денежной компенсации за нарушение прав, и эти механизмы до сих пор часто служат внушительным барьером на пути к неправомерному копированию и распространению фильмов.

Материалы и методы исследования

В дореволюционной России нормы об авторском праве содержались в основных законодательных актах, но сами по себе не были столь подробными и четко ориентированными на фильмопроизводство, поскольку тогдашняя индустрия находилась в зачаточном состоянии [Магидов, Иванова, 2003]. Кинематограф был новой формой творчества, и отношение к нему со стороны законодателей не имело устоявшихся традиций. Поскольку основной массив российского авторского права того периода ориентировался преимущественно на литературные и музыкальные произведения, фильмы оставались в серой зоне, где их охрана зависела от расширительного толкования законов и доброй воли правоохранительных органов. В начале XX века, когда стали появляться первые российские фильмы, многие правовые конфликты разрешались через адаптацию и аналогии с нормами, предназначенными для письменных работ, что было далеко не всегда эффективно. Однако в этот же период начали формироваться предпосылки для более системной защиты, особенно с учетом коммерческой привлекательности кино и интереса публики к новому жанру. Еще до революционных преобразований появились мнения о необходимости выделения фильмов в самостоятельную категорию, но серьезные политические перемены и Первая мировая война помешали завершить это начинание. В результате российская система охраны прав на фильмы до 1917 года не успела

сформироваться до полноценного уровня. После этого грянуло время, когда в стране радикально изменилась сама конструкция собственности, что, естественно, затронуло и сферу авторских прав.

С наступлением советского периода любые вопросы интеллекта имели специфику, связанную с тем, что государство объявило курс на социализацию большинства форм собственности. Право существенным образом переориентировалось на публично-правовую регламентацию, а институт авторского права в классическом понимании во многом вступал в противоречие с новой идеологией. В то время существовало представление, что творчество должно служить интересам всего народа, а не отдельного человека или компании [Андрианова, 2013]. При этом кинематограф рассматривался как мощный идеологический инструмент, который мог пропагандировать идеи социализма и новую жизнь, и государство стремилось тщательно контролировать производственный процесс, а также распространение и показ фильмов. Авторские права на фильм зачастую переходили к государству по умолчанию, поскольку продюсерами и владельцами материальных носителей выступали именно государственные структуры, что соответствовало коллективному подходу к результатам творческой деятельности. Тем не менее в нормотворческой практике Союза постепенно обозначалось стремление охватить комплекс вопросов, связанных с защитой прав режиссеров, сценаристов, звукорежиссеров и других участников. Формировались внутренние инструкции и положения об ответственности за нарушение норм, но по сравнению с Западом это было заметно отстающим направлением. В результате советский период заложил специфический взгляд на принципы правовой охраны, который в дальнейшем потребовал кардинального пересмотра после распада СССР.

Результаты и обсуждение

Когда Советский Союз перестал существовать, новообразованная Российская Федерация встала перед задачей пересмотра всей системы авторского права, включая вопрос охраны аудиовизуальных произведений. С изменением государственной идеологии и переходом к рыночным отношениям возникла потребность в более точной регламентации прав и обязанностей авторов, продюсеров и других участников кинопроизводства. Первыми шагами на этом пути стало принятие ряда законов начала 90-х годов, в которых впервые отражалась потребность учитывать международные стандарты и практики, а также соответствовать положениям международных конвенций [Ромашин, 2016]. Новая правовая политика предполагала присоединение к Бернской конвенции, Женевской и другим международным соглашениям, чтобы обеспечить полноценную охрану российских произведений за рубежом и, соответственно, зарубежных на территории РФ. Это означало, что национальные законодатели должны были разработать механизмы, учитывающие сложность взаимоотношений между создателями, инвесторами, прокатчиками и потребителями фильмов и другого аудиовизуального контента. Во многом это было вызвано стремлением вывести российскую киноиндустрию на мировой уровень, обеспечить доступ к зарубежным рынкам, а также утвердить собственные стандарты. Однако процесс реформирования затрудняли экономический кризис и недостаток квалифицированных специалистов в сфере авторского права, поэтому окончательное формирование необходимой базы заняло не одно десятилетие. При этом постоянные доработки законодательных актов и постепенное накопление судебной практики позволили создать современную основу для защиты аудиовизуальных произведений.

В США история правовой охраны аудиовизуального контента продолжала развиваться по пути расширения категорий, подпадающих под авторскую защиту, а также уточнения статутных норм. В 1976 году был принят важнейший акт, фактически переформатировавший всю систему американского законодательства в сфере авторского права, и затем в последующие десятилетия к нему вносились дополнительные поправки [Биленко, 2021]. Закрепление правовых гарантий охраны кинопроизведений тесно переплелось с вопросами смежных прав, учитывая интересы актеров и других участников съемочного процесса. Одним из характерных отличий американской системы стало более четкое распределение прав между отдельными субъектами. Студии, как правило, получали имущественные права на весь фильм, в то время как сценаристы и композиторы могли сохранять определенные компоненты творческого вклада или получать соответствующие вознаграждения через систему роялти. В то же время трудовые контракты нередко предусматривали полный переход прав к работодателю, если иное прямо не оговорено. Подобный подход упростил процесс создания и распространения фильмов, поскольку большая часть решений относительно кинопроката и дальнейшего использования принималась централизованно одной компанией. Можно также отметить, что США уделяли значительное внимание международному сотрудничеству и в 1988 году присоединились к Бернской конвенции, что подтолкнуло гармонизацию норм. Позднее технологическое развитие, включая появление цифровых форматов и интернет-технологий, внесло еще более существенные коррективы в правовую охрану аудиовизуального контента, заставив систему концентрироваться на вопросах пиратства, нелегального скачивания и потоковых платформ.

В России переход к более либеральной авторско-правовой модели в 90-е годы означал также переориентацию нормативных актов на международные принципы. Одним из ключевых шагов стало принятие части четвертой Гражданского кодекса РФ, консолидировавшей в себе нормы, регулирующие авторское право и смежные права, в том числе относительно аудиовизуальных произведений [Ланской, 2016]. В этом документе законодатели постарались учесть многосубъектный характер фильмов, определяя, кто считается автором, а кто производителем, и какие права закрепляются за каждой из сторон. Важным моментом еще до ГК РФ было вовлечение новых институтов коллективного управления, как это уже существовало в зарубежных правовых системах. В итоге появилась возможность для более эффективного сбора вознаграждения и его распределения между правообладателями, однако на практике такой механизм сталкивался с препятствиями, связанными с недоверием к подобным структурам и недостатком опыта. Кроме того, недофинансирование российских организаций по коллективному управлению и сложность административных процедур приводили к тому, что не все авторы могли оперативно получать причитающиеся им суммы. Несмотря на все трудности, внедрение международных норм и постепенное совершенствование отечественного законодательства заложили основу для более последовательной защиты интересов правообладателей. На сегодняшний день можно констатировать, что российское право по многим параметрам уже приближается к западным образцам, хотя определенные нюансы и пробелы еще остаются.

В сравнении с американской системой в России порядок определения принадлежности исключительных прав несколько сложнее, поскольку российские законы предусматривают более детальную регламентацию процесса создания аудиовизуального произведения и часто обращают внимание на договорные аспекты между заказчиком, режиссером и иными участниками. При этом в США преобладает принцип "work made for hire", когда большинство служебных произведений изначально принадлежат работодателю, если стороны не

договорились иначе [Семеновкер, 1973]. Однако и в новейшем российском законодательстве присутствуют положения о служебных произведениях, позволяющие работе, созданной в рамках трудовых отношений, автоматически обслуживать интересы работодателя. Тем не менее российские суды иногда уделяют больше внимания правам отдельных авторов, особенно при наличии нетиповых ситуаций и пробелов в договоре. Подобный подход объясняется традицией российского права глубже анализировать волеизъявление субъектов, что может добавлять правовой неопределенности для кинокомпаний. Серьезной сложностью для российских правообладателей остается проблема доказательств нарушения и определения убытков, поскольку инфраструктура, позволяющая быстро пресекать пиратство онлайн, сформировалась недостаточно гармонично, пусть и сделаны некоторые серьезные шаги вперед. Что касается исторических предпосылок, то именно недостаток плавной эволюции авторского права и прерывистый характер российского законодательства сказываются на современном состоянии дел. Тем не менее, при анализе источников видно, что постепенная гармонизация с международной практикой в целом продолжает позитивно влиять на правоприменение.

США, напротив, давно живут в эпоху, когда инструменты борьбы с нарушениям прав интеллектуальной собственности постоянно совершенствуются в ответ на новые вызовы. Применительно к аудиовизуальному контенту особое значение имеет роль американских ассоциаций правообладателей, которые активно взаимодействуют с правительством и органами правосудия, формируя эффективный лоббизм на законодательном уровне [Ланской, 2022]. К примеру, ассоциация кинокомпаний (МРАА) и другие компетентные структуры добиваются принятия законов и правил, позволяющих быстро блокировать пиратские сайты, закрывать каналы распространения нелегального контента и взыскивать значительные суммы компенсаций. Такой подход обуславливается и сильно коммерциализированной природой американского кинобизнеса, где обороты могут исчисляться миллиардами долларов. В Соединенных Штатах судебные тяжбы по вопросам нарушения авторских прав на фильмы могут достигать значительных размеров и нередко заканчиваются крупными штрафами. Таким образом, суровость санкций должна выступать в качестве предупредительной меры, которая удерживает потенциальных нарушителей от пиратской деятельности. Естественно, эта система не является абсолютно идеальной: времена от времени возникают дебаты о чрезмерности наказаний и о балансе свободного использования, однако в целом американские правила диктуют строгий тон всему миру.

В России важным рубежом в борьбе с интернет-пиратством стало введение так называемого “антипиратского закона”, позволившего правообладателям требовать от провайдеров ограничивать доступ к нелегальным сайтам, распространяющим контрафактную продукцию. С течением времени этот закон неоднократно подвергался доработкам, расширяя его сферу применения и совершенствуя процедуру блокировки. Однако до сих пор одной из проблем остается вопрос оперативного исполнения блокировок и их обхода новыми зеркалами пиратских ресурсов. Многие юридические фирмы и правообладатели учатся действовать более эффективно, используя уведомления и прямые переговоры с владельцами платформ, чтобы не доводить дело до суда [1]. Но судебная практика тоже растет, и возмещение ущерба постепенно выходит на более высокий уровень, хотя все еще не сравнимо по масштабам с тем, что происходит в США. В сравнении со Штатами, где размер компенсации может носить наказующий характер, в России больше склонны исходить из реальной оценки ущерба, возможно с коэффициентами, но не столь колоссальными штрафами. На фоне исторической эволюции авторского права подобное противоречие выглядит логичным, учитывая более

поздний переход России к рынку и особый путь развития.

Вместе с тем, если посмотреть на международные соглашения и конвенции, в которых участвуют и Россия, и США, можно заметить, что обе страны берут на себя схожие обязательства по охране аудиовизуальных произведений. Бернская конвенция, ВТО, и иные договоры ВОИС устанавливают общие принципы, включая защиту прав автора, срок действия авторских прав и особенности национального режима. Нормы, закрепленные в этих документах, гармонизируют законодательство двух государств на достаточно высоком уровне и обеспечивают определенную совместимость систем, позволяющую кинопроизводителям чувствовать себя относительно защищенными на международном поле [Ланской, 2011]. В то же время каждое государство сохраняет право вводить собственные дополнительные меры и определять порядок их применения. Россия и США иногда критикуют друг друга за недостаточные усилия по пресечению пиратства, поскольку тема интернета и трансграничного обмена контентом продолжает оставаться одним из самых серьезных вызовов, нарастающих по мере развития цифровых технологий. Эта проблема демонстрирует, насколько быстрыми темпами должно изменяться законодательство, чтобы поспевать за реальностью.

С точки зрения теоретических обоснований и научного анализа, охрана аудиовизуальных произведений в России и США базируется на одинаковом понимании важности стимулирования творчества и поддержки бизнеса, генерирующего значительные доходы от кинопроизводства. Оба правового порядка подразумевают исключительный характер прав, возможность их передачи и необходимость получения согласия правообладателей на воспроизведение, распространение и другие способы использования фильма. При этом отличия в деталях часто обуславливаются историческими корнями, разной ролью судебной практики и степенью участия государства в кинобизнесе. Соединенные Штаты изначально ставили акцент на рыночные механизмы и суды, способные урегулировать конфликты, а Россия долгое время знала только государственное монополия, поэтому и традиции коллективного подхода здесь сильнее. Однако по мере интеграции в международное поле и усиления коммерческой составляющей отечественного кино, российские режиссеры, продюсеры и инвесторы стали ставить вопрос о повышении надежности правовой защиты, чтобы стимулировать развитие индустрии. Сопоставление с США стало одним из ориентиров в законодательных реформах, хотя проводится оно с учетом местных особенностей и не предполагает копирования абсолютно всех механизмов [Андрианова, 2014].

Цифровая эпоха сделала охрану аудиовизуальных произведений еще более актуальной и в России, и в США, поскольку возникли новые методы воспроизведения, распространения и публичного показа. Появление интернет-платформ вроде YouTube, Netflix и отечественных аналогов, а также социальных сетей, где пользователи могут легко загружать и делиться видеоматериалами, привело к тому, что законодательство вынуждено отвечать на вопрос: где заканчивается правомерное использование и начинается нарушение исключительных прав? В Соединенных Штатах действует принцип *fair use*, позволяющий ограниченно использовать защищенные произведения в целях критики, комментариев и обзора без разрешения правообладателя при соблюдении ряда факторов [Магидов, Еремченко, 2003]. В России аналогичная концепция частично отражена в категориях цитирования и свободного использования, однако ее применение на практике вызывает больше споров и требует детальной юридической оценки. В любом случае обе страны стремятся балансировать между защитой законных интересов правообладателей и свободой творчества, мнений и выражения, избирая пути, которые не всегда совпадают, но преследуют общую цель.

Еще одним перспективным направлением правовой охраны становится интеграция технологий блокчейн и NFT-платформ. Эти инновации могут затронуть аудиовизуальный контент, помогая правообладателям подтверждать подлинность произведения и отслеживать все случаи его использования. Несмотря на интерес к современным технологиям, правовые системы обеих стран пока находятся в стадии экспериментов, и создать надежную правовую базу еще не удалось [Ланской, 2009]. Сложность в том, что многие аспекты NFT и токенизации содержат элементы, нечетко вписывающиеся в традиционные каноны авторского права, а судебная практика в этой сфере только формируется. Что касается блокчейн-реестров, то их использование может упростить процесс регистрации прав и поможет мгновенно фиксировать все изменения статуса произведения, включая переход прав от одного владельца к другому, но полноценные юридические механизмы все еще требуют детального согласования. Станет ли такая технология массовой и повлияет ли она кардинально на рынок аудиовизуального контента, покажет время. Очевидно, что США опять находятся в более благоприятных условиях, поскольку их судебная система более гибкая и хорошо воспринимает инновационные кейсы, тогда как в России приходится не только адаптировать законы, но и преодолевать определенный скептицизм участников рынка.

Между тем, помимо юридических особенностей, важно учитывать и культурно-экономические факторы. В США мощная киноиндустрия давно сформировала среду, где защита авторских прав полностью интегрирована в бизнес-модель: от контрактов с актерами до лицензионных соглашений на мерчендайзинг. Российский рынок, пережив тяжелые 90-е, только в последние десятилетия начинает догонять западные стандарты, создавая крупные продюсерские центры и студии с возможностями глобального уровня [Орлов, 2009]. Естественно, это сопровождается необходимостью развитых правовых инструментов – договоров, страхования, гарантий и т.д. Однако переход от относительно малобюджетного производства к масштабным проектам высвечивает пробелы в правовой базе, особенно когда речь идет о международных копродукциях. В таких случаях стороны прибегают к праву некоторых третьих юрисдикций, например английскому, которое считается более гибким и надежным при разрешении сложных споров. Это все говорит о том, что в современном мире правовая охрана аудиовизуальных произведений тесно связана с экономической и культурной динамикой, и правовые институты должны соизмерять свои нормы с реальными практиками и требовать эффективного контроля.

Особая роль права в сфере аудиовизуальных произведений заключается и в том, чтобы обеспечивать стимулы для дальнейшего творчества и инноваций, не подавляя их бюрократией и чрезмерными запретами. В Соединенных Штатах это хорошо проявляется через систему частных и федеральных грантов, налоговых льгот для киностудий и программ, поощряющих съемки в определенных штатах. На этом фоне работает устойчивый механизм авторского права, позволяющий студиям извлекать прибыль и реинвестировать ее в новые проекты [Ланской, 2016]. В России за последние годы также появились виды государственной поддержки, фонды, выдающие субсидии на съемки, но полноценная модель все еще формируется. Государство регулирует производство через выделение квот и субсидий, но при этом сохраняется острая потребность в прозрачном и легком механизме правовой защиты всего процесса создания и распространения фильмов. Только при таком комплексном подходе возможно формировать конкурентную среду. В противном случае возникают ситуации, когда даже государственная поддержка не гарантирует соблюдения всей совокупности интересов участников, и повышается риск злоупотреблений или недобросовестного распределения прав.

С развитием стриминговых сервисов и онлайн-кинотеатров обострились споры, касающиеся прав на публичный показ, аренду и трансляцию. Раньше кинопрокат осуществлялся преимущественно через кинотеатры и телевизионные лицензии, сейчас же существует множество каналов распространения, в том числе мобильные приложения и смарт-телевизоры. В США, где рынок быстро реагирует на технологические изменения, крупные студии организуют собственные потоковые платформы, чтобы контролировать всю цепочку производства и распространения. В результате правовое регулирование должно все четче определять вопросы, связанные с лицензированием контента для разных платформ, учесть смешанные модели подписки и рекламной монетизации [Ланской, 2011]. В России аналогичные процессы только интенсивно разворачиваются, и национальные онлайн-кинотеатры приобретают все большее значение. Здесь еще предстоит урегулировать спорные моменты, связанные с ограничением доступа к пиратскому контенту, особенностями демонстрации за рубежом и выплатой роялти актерам, режиссерам и другим участникам проектов. Немалая часть этой работы уже проделана, но поскольку рынок интенсивно растет, любая задержка в обновлении правовых норм может приводить к коллизиям и негативным последствиям для индустрии.

Одновременно важным элементом остается проблема защиты смежных прав исполнителей, операторов, монтажеров и иных специалистов, без которых невозможно создание аудиовизуального произведения. Исторически в США профессии, вовлеченные в процесс съемок, получили более четкое разграничение прав и обязанностей, не в последнюю очередь из-за влияния профсоюзов, таких как Гильдия актеров (SAG-AFTRA) и Гильдия режиссеров (DGA). Эти организации заключают коллективные договоры со студиями и продюсерами, что гарантирует участникам проекта определенные стандарты оплаты труда, медицинскую страховку и отчисления от проката. В России профсоюзы в сфере киноиндустрии развиты слабее, и вопросы выплаты вознаграждений, непрерывного медицинского страхования и пенсионных накоплений зачастую решаются на уровне отдельных договоров [Семеновкер, 1973]. Такими соглашениями могут пренебрегать, особенно в низкобюджетных или независимых проектах, где создатели стремятся сэкономить на всем. Поэтому российские авторы и исполнители порой остаются более уязвимыми. Однако положение меняется, поскольку на рынке формируется понимание, что без цивилизованного регулирования прав и гарантий нельзя построить эффективную отрасль. С принятием улучшенного законодательства и ростом числа киноорганизаций, активно продвигающих интересы работников сферы, ситуация постепенно улучшается.

В отношении судебной практики можно заметить, что и в России, и в США именно уголовные и гражданские дела, связанные с несанкционированным копированием, становятся поводом для правоприменительных новаций. В США, где объемы индустрии огромны, дела могут доходить до Верховного суда, и впоследствии через механизм прецедента менять не только законы, но и комплекс доктринальных положений, связанных с толкованием авторского права [Биленко, 2021]. В России прецедентное право не имеет такой же силы, поэтому апелляционные и кассационные решения не столь универсальны. Тем не менее их роль постоянно возрастает, так как они формируют направление правовой политики и дают примеры того, как суды интерпретируют спорные моменты. Так, вокруг пиратских сайтов или вопросов использования музыки и фрагментов фильмов в рекламных роликах уже сформировалась важная судебная практика, показывающая: если в одних делах суды готовы защищать интересы правообладателей и взыскивать крупные суммы, то в других они стараются соотнести эти иски с принципами соразмерности и справедливости. Как результат, картина складывается достаточно противоречивая, но в целом указывает на эволюцию правоприменения.

Заключение

История охраны аудиовизуальных произведений в США намного более плавная и непрерывная, чем в России, где политические переустройства, смена экономического строя и идеологии создавали разрывы между различными временами. Однако и американское право, и российское фактически пришли к признанию того, что фильмы и иные аудиовизуальные продукты представляют собой сложные объекты, требующие многоаспектной защиты. Сегодня обе страны в равной степени заинтересованы в эффективном функционировании этой сферы, хотя пути достижения целей нередко различаются [Андрианова, 2013]. В США доминируют рыночные механизмы, сильные профсоюзы и судебная практика, привыкшая к сложным делам. В России основная надежда возлагается на государство, активно регулирующее киноиндустрию, а также на формирование культуры правовой защиты, позволяющей узаконить и структурировать весь процесс создания и распространения контента.

Когда речь заходит о том, какими могут быть перспективы дальнейшего развития, следует отметить, что в обеих странах ведутся активные реформы законодательства с целью более точной редакции определений, выделения прав на новые форматы контента и совершенствования инструментов борьбы с нарушениями. В США дискуссии часто вращаются вокруг сохранения баланса между *fair use* и интересами правообладателей, особенно в свете глобальной цифровизации [Алексеева., Тютрюмов, 2017]. Некоторые американские специалисты опасаются, что чрезмерное расширение прав правообладателей может подавить инновации, тогда как другие, напротив, призывают ужесточить меры, чтобы остановить волну онлайн-пиратства. В России, кроме вопросов борьбы с пиратством, серьезное внимание уделяется расширению возможностей для легального онлайн-проката, привлечению международных инвестиций и развитию внутреннего рынка. Регулирование стриминговых платформ и соцсетей, а также совершенствование норм о договорном праве в кинематографе остаются на повестке. Со временем можно ожидать дальнейшую гармонизацию с международными стандартами, усиление гарантий авторам и ужесточение мер ответственности для нарушителей. В итоге обе системы скорее будут покрывать одни и те же аспекты, но продолжат различаться в деталях и акцентах, так как правовая традиция США основана на прецеденте и сильном лобби, а российская – на кодификации и государственном регулировании.

Все это указывает на то, что исторический путь и текущее состояние правовой охраны аудиовизуальных произведений в России и США не могут быть поняты без комплексного анализа множества факторов. Политическая и экономическая среда, технический прогресс, характер судебной системы и масштаб индустрии – все это формирует уникальный национальный ландшафт, где царят свои правила игры и подходы к защите творений. И хотя изначально развитие американской кинопромышленности шло более быстрыми темпами, а законодательство относительно аудиовизуальных произведений вовремя адаптировалось, Россия начинает наверстывать упущенное, опираясь на международный опыт, собственные традиции и потребности бурно растущего рынка [Семеновкер, 1973]. По мере дигитализации контента, появления новых технологий распространения и изменения потребительских предпочтений задачи авторского права остаются неизменными в своей сути: стимулировать творчество, гарантировать справедливое вознаграждение и защищать от несанкционированного использования. Исторический путь ясно показывает, что данная сфера никогда не стоит на месте и реагирует на все вызовы времени – в этом и заключается главная гарантия ее дальнейшего развития.

Библиография

1. Алексеева П.А., Тютрюмов А.А. Актуальные проблемы и перспективы развития продюсирования аудиовизуальных произведений в России // Менеджмент в сфере культуры и медиакоммуникаций: инновационные подходы и технологии : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 47-53.
2. Андрианова М. С. Правовая охрана аудиовизуального искусства (кинематографа): этапы развития // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. № 15 (137). С. 82-92.
3. Андрианова М.С. Аудиовизуальное произведение – объект авторского права: к истории вопроса // Платон. 2013. № 4. С. 38-41.
4. Биленко С. Эволюция правовой охраны аудиовизуального произведения // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. IX Междунар. юрид. форума (IP Форум). 2021. С. 24-26.
5. Дворянкин Г.В. Сравнительный анализ доктринальных подходов к возникновению соавторства при создании аудиовизуальных произведений // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы Междунар. конгресса молодых ученых. В 3 т. М., 2024. Т. 1. С. 270-271.
6. Ланской Г.Н. Актуальные проблемы источниковедческого и архивоведческого изучения аудиовизуальных документов по истории России // Аудиовизуальные документы: 90 лет служения Отечеству: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию РГАКФД. М.: РГАКФД, 2016. С. 81-84.
7. Ланской Г.Н. Аудиовизуальные документы и историографические источники по российской истории: особенности сравнительного исследования // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе : докл. и сообщ. на Шестой Всерос. науч. конф. М.: ВНИИДАД, 2009. С. 312-318.
8. Ланской Г.Н. Актуальные проблемы источниковедческого и архивоведческого изучения аудиовизуальных документов по истории России // Золотые соты: сб. ст. в честь Е. В. Пчелова. М.; СПб., 2022. С. 191-196.
9. Ланской Г.Н. Аудиовизуальные документы и историографические источники в контексте компаративного исследования // Технотронные документы – информационная база источниковедения и архивоведения : сб. науч. ст.: посвящается проф. В. М. Магидову в связи с 70-летием со дня рождения. М.: РГГУ, 2011. С. 104–111.
10. Магидов В.М. О проблемах взаимосвязи архивоведения и источниковедения аудиовизуальных документов // Исторические записки. 1995. № 1 (119). С. 264-299.
11. Магидов В.М., Еремченко В.А. Состояние аудиовизуальных архивов России и перспектива их развития // Магидов В.М., Иванова Е.Л. Аудиовизуальные архивы на рубеже XX-XXI веков: отечественный и зарубежный опыт. М.: Нац. ассоц. аудиовизуал. архивов, 2003. С. 7-45.
12. Магидов В.М., Иванова Е.Л. Национальная АССРоциация аудиовизуальных архивов и аудиовизуальные архивы России // Аудиовизуальные архивы на рубеже XX–XXI веков: отечественный и зарубежный опыт. М.: Нац. ассоц. аудиовизуал. архивов, 2003. С. 146-151.
13. Орлов Д.М. Исторические этапы возникновения и развития авторского права в аудиовизуальной сфере // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 1. С. 121-124.
14. Ромашин Э.С. Особенности правовой охраны аудиовизуального произведения как сложного комплексного объекта интеллектуальной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: РГАИС, 2016. 24 с.
15. Семеновкер Б.А. Государственная регистрация и архивное хранение аудиовизуальных материалов в СССР // Советское библиотековедение. 1973. № 2. С. 93-102.

Historical development of the protection of audiovisual works: a comparative analysis of the Russian Federation and the USA

Robert N. Borlakov

Postgraduate Student,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
117218, 34 Bol'shaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian federation;
e-mail: borlakov.robert@mail.ru

Abstract

The article is dedicated to the historical development of the protection of audiovisual works, conducting a comparative analysis of the legislative and practical aspects in the Russian Federation and the USA. The introduction outlines the relevance of the study in the context of rapid technological development, the widespread distribution of digital media, and the globalization of culture. It analyzes how historical prerequisites, national legal traditions, and foreign policy factors influence the formation of mechanisms for protecting audiovisual works in the two countries. The methodological section of the study is based on a comparative analysis of normative legal acts, judicial practice, and historical documents that allow tracing the evolution of protective measures from the early stages of cinema development to modern digital technologies. The study employs methods of source analysis, data synthesis, and case study to demonstrate the specifics of legal regulation in Russia and the USA. The obtained results show that in the USA, the protection of audiovisual works was formed under the influence of a market economy and strong judicial practice, leading to the creation of flexible copyright protection mechanisms. At the same time, the development of the Russian practice is organically linked to state ideology, with a gradual incorporation of modern trends into the legislation. The comparative analysis revealed both similarities in the goal of protecting intellectual property and significant differences in approaches to law enforcement and the regulation of legal relations in the field of audiovisual art. The discussion addresses the consequences of these differences for international cooperation, as well as prospects for harmonizing domestic and foreign standards in the context of the digitalization of the cultural space. The article emphasizes that a deep understanding of the historical context and national peculiarities of legal regulation is a necessary condition for improving copyright protection mechanisms and forming unified standards on a global scale. The conclusions of the study have practical significance for lawmakers, representatives of the judicial system, and intellectual property specialists, enabling them to adapt innovative approaches to regulating the audiovisual industry in a changing legal and technological environment.

For citation

Borlakov R.N. (2025) Istoricheskoe razvitie okhrany audiovizual'nykh proizvedenii: sravnitel'nyi analiz RF i SShA [Historical development of the protection of audiovisual works: a comparative analysis of the Russian Federation and the USA]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 102-114.

Keywords

Protection, audiovisual works, historical development, comparative analysis, legislation.

References

1. Alekseeva P.A., Tiutriumov A.A. (2017) Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiia prodiuserstva audiovizual'nykh proizvedenii v Rossii [Current problems and prospects for the development of audiovisual production in Russia]. *Menedzhment v sfere kul'tury i mediakommunikatsii: innovatsionnye podkhody i tekhnologii: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Management in the Sphere of Culture and Media Communications: Innovative Approaches and Technologies: Proc. Int. Conf.], pp. 47-53.
2. Andrianova M.S. (2013) Audiovizual'noe proizvedenie – ob"ekt avtorskogo prava: k istorii voprosa [Audiovisual work as an object of copyright: to the history of the issue]. *Platon* [Plato], 4, pp. 38-41.
3. Andrianova M.S. (2014) Pravovaia okhrana audiovizual'nogo iskusstva (kinematografa): etapy razvitiia [Legal protection of audiovisual art (cinematography): stages of development]. *Vestnik RGGU. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series Economics. Management. Law], 15 (137),

- pp. 82-92.
4. Bilenko S. (2021) Evoliutsiia pravovoi okhrany audiovizual'nogo proizvedeniia [Evolution of legal protection of audiovisual works]. *Pravovaia zashchita intellektual'noi sobstvennosti: problemy teorii i praktiki: sb. nauch. tr. IX Mezhdunar. iurid. foruma (IP Forum) [Legal Protection of Intellectual Property: Problems of Theory and Practice: Proc. Int. Forum (IP Forum)]*, pp. 24-26.
 5. Dvoriankin G.V. (2024) Sravnitel'nyi analiz doktrinal'nykh podkhodov k vznikeniiu soavtorstva pri sozdanii audiovizual'nykh proizvedenii [Comparative analysis of doctrinal approaches to the emergence of co-authorship in the creation of audiovisual works]. *Traditsii i novatsii v sisteme sovremennogo rossiiskogo prava: materialy Mezhdunar. kongressa molodykh uchenykh. V 3 t. [Traditions and Innovations in the System of Modern Russian Law: Proceedings of the International Congress of Young Scientists. In 3 vols.]*, Vol. 1, Moscow, pp. 270-271.
 6. Lanskoï G.N. (2016) Aktual'nye problemy istochnikovedcheskogo i arkhieograficheskogo izucheniia audiovizual'nykh dokumentov po istorii Rossii [Current problems of source studies and archival studies research of audiovisual documents on Russian history]. *Audiovizual'nye dokumenty: 90 let sluzheniia Otechestvu: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posviashch. 90-letiiu RGAKFD [Audiovisual Documents: 90 Years of Service to the Fatherland: Proc. Int. Conf.]*, Moscow: RGAKFD, pp. 81-84.
 7. Lanskoï G.N. (2022) Aktual'nye problemy istochnikovedcheskogo i arkhieograficheskogo izucheniia audiovizual'nykh dokumentov po istorii Rossii [Current problems of source studies and archival studies research of audiovisual documents on Russian history]. *Zolotyie soty: sb. st. v chest' E.V. Pchelova [Golden Honeycombs: Collection of Articles in Honor of E.V. Pchelov]*. Moscow; St. Petersburg, pp. 191-196.
 8. Lanskoï G.N. (2009) Audiovizual'nye dokumenty i istoriograficheskie istochniki po rossiiskoi istorii: osobennosti sravnitel'nogo issledovaniia [Audiovisual documents and historiographical sources on Russian history: features of comparative research]. *Arkhivovedenie i istochnikovedenie otechestvennoi istorii. Problemy vzaimodeistviia na sovremennom etape: dokl. i soobshch. na Shestoi Vseros. nauch. konf. [Archival Studies and Source Studies of Russian History. Problems of Interaction at the Present Stage: Proc. All-Russian Conf.]*. Moscow: VNIIDAD, pp. 312-318.
 9. Lanskoï G.N. (2011) Audiovizual'nye dokumenty i istoriograficheskie istochniki v kontekste komparativnogo issledovaniia [Audiovisual documents and historiographical sources in the context of comparative research]. *Tekhnotronnye dokumenty – informatsionnaia baza istochnikovedeniia i arkhivovedeniia: sb. nauch. st.: posviashchaetsia prof. V. M. Magidovu v sviazi s 70-letiem so dnia rozhdeniia [Technotronic Documents – The Information Base of Source Studies and Archival Studies: Collection of Scientific Articles]*. Moscow: RGGU, pp. 104–111.
 10. Magidov V.M., Ivanova E.L. (2003) Natsional'naia ASSRotsiatsiia audiovizual'nykh arkhivov i audiovizual'nye arkhivy Rossii [National Association of Audiovisual Archives and Audiovisual Archives of Russia] i Audiovizual'nye arkhivy na rubezhe XX–XXI vekov: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [Audiovisual Archives at the Turn of the 20th–21st Centuries: Domestic and Foreign Experience]. Moscow: Nats. asots. audiovizual. Arkhivov Publ., pp. 146-151
 11. Magidov V.M. (1995) O problemakh vzaimosviasi arkhivovedeniia i istochnikovedeniia audiovizual'nykh dokumentov [On the problems of the interrelation of archival studies and source studies of audiovisual documents]. *Istoricheskie zapiski [Historical Notes]*, 1 (119), pp. 264-299.
 12. Magidov V.M., Eremchenko V.A. (2003) Sostoianie audiovizual'nykh arkhivov Rossii i perspektiva ikh razvitiia [The state of audiovisual archives in Russia and prospects for their development]. In: Magidov V.M., Ivanova E.L. *Audiovizual'nye arkhivy na rubezhe XX–XXI vekov: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [Audiovisual Archives at the Turn of the 20th–21st Centuries: Domestic and Foreign Experience]*. Moscow, pp. 7-45.
 13. Orlov D.M. (2009) Istoricheskie etapy vznikenii i razvitiia avtorskogo prava v audiovizual'noi sfere [Historical stages of the emergence and development of copyright in the audiovisual sphere]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 1, pp. 121-124.
 14. Romashin E.S. (2016) Osobennosti pravovoi okhrany audiovizual'nogo proizvedeniia kak slozhnogo kompleksnogo ob"ekta intellektual'noi sobstvennosti. Dokt. Diss. Abstract [Features of the legal protection of an audiovisual work as a complex composite object of intellectual property. Doct. Diss. Abstract]. Moscow: RGAIS Publ.
 15. Semenovker B.A. (1973) Gosudarstvennaia registratsiia i arkhivnoe khranenie audiovizual'nykh materialov v SSSR [State registration and archival storage of audiovisual materials in the USSR]. *Sovetskoe bibliotekovedenie [Soviet Library Science]*, 2, pp. 93-102.

УДК 347.44:781.66

**Перспективы совершенствования правового регулирования
защиты авторских прав на аудиовизуальные произведения****Борлаков Роберт Напалеонович**

Аспирант,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Черёмушкинская, 34;
e-mail: borlakov.robert@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию перспектив совершенствования правового регулирования защиты авторских прав на аудиовизуальные произведения в условиях стремительного развития современных технологий. Проблематика защиты авторских прав становится все более актуальной ввиду активного использования цифровых средств распространения контента и роста числа нарушений интеллектуальной собственности в сфере аудиовизуальных материалов. Цель исследования заключается в анализе существующих пробелов законодательства и разработке рекомендаций по его модернизации с учетом международных тенденций и национальных особенностей. В работе применялась комплексная методология, включающая сравнительный анализ национальных и зарубежных нормативных актов, изучение судебной практики, а также методику экспертных оценок в рамках интервью с практиками и специалистами в области авторского права. Особое внимание уделялось анализу правоприменительной практики в цифровой среде, что позволило выявить ключевые проблемы в реализации законодательных норм. Исследование показало, что существующее законодательство содержит недостаточно гибкие механизмы адаптации к динамично меняющемуся аудиовизуальному рынку, что приводит к злоупотреблениям и нарушениям прав создателей. Выявлены конкретные проблемные зоны, связанные с цифровой трансформацией, включая отсутствие единых стандартов по защите цифровых копий и недостаточную гармонизацию национальных правовых систем с международными нормами. Выработаны рекомендации, направленные на внедрение новых процедур регистрации и лицензирования, разработку специализированных юридических инструментов, а также повышение информированности пользователей о своих правах и обязанностях в цифровой среде. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости пересмотра правовых механизмов в аудиовизуальной сфере, особенно в свете глобализации и активного развития Интернета. Предложенные стратегические меры предполагают не только законодательное обновление, но и активное взаимодействие между государственными органами, представителями индустрии и международными организациями. Таким образом, данное исследование имеет прикладное значение для формирования эффективной системы защиты авторских прав, способствующей устойчивому развитию культурно-творческой экономики и соблюдению принципов справедливости в цифровую эпоху.

Для цитирования в научных исследованиях

Борлаков Р.Н. Перспективы совершенствования правового регулирования защиты авторских прав на аудиовизуальные произведения // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 115-127.

Ключевые слова

Перспективы, совершенствование, правовое регулирование, авторские права, аудиовизуальные произведения.

Введение

Современное развитие аудиовизуальных произведений в цифровую эпоху подчеркивает особую важность авторско-правовой защиты, поскольку глобальный обмен данными привел к существенному увеличению случаев нарушения прав создателей контента. Распространение видеоплатформ, социальных сетей и многочисленных интернет-сервисов упростило копирование фильмов, сериалов, музыкальных клипов, рекламных роликов и других аудиовизуальных материалов, что влечет за собой убытки для правообладателей и вызывает трудности при привлечении нарушителей к ответственности. Именно поэтому правовое регулирование в данной сфере нуждается в постоянном совершенствовании, чтобы соответствовать масштабам развития технологий и динамике информационного обмена. Усиления требует контроль за использованием чужих работ без согласия правообладателей, поскольку нарушение часто происходит скрыто и тщательно маскируется пользователями сети. Важно помнить, что авторское право выступает охранным инструментом, препятствующим неправомерному воспроизведению произведений, и отвечает за стимулирование культурного прогресса. Чтобы успешно отстаивать интересы авторов, необходимо учитывать как технические, так и правоприменительные аспекты. При этом государственные органы и правообладатели пытаются находить баланс между строгими мерами фиксации прав и свободой информации. Вместе с тем, большое значение приобретает и вопрос о национальных и международных стандартах, соответствие которым способно упростить трансграничное преследование нарушителей [Киракосян, 2024]. Понимание данных вопросов требует комплексного анализа действующих норм, их соотношения с реальными практиками и выявления возможных пробелов, препятствующих эффективному правоприменению в сфере аудиовизуального контента. Усиление роли специализированных органов и создание единой информационной базы о правонарушениях могут способствовать более быстрому и точному выявлению нарушений и привлечению виновных к ответственности, что поднимает вопрос о ресурсах и компетенциях правоохранительных структур. При этом любая инициатива должна соответствовать принципам справедливости и пропорциональности, чтобы не допустить чрезмерных ограничений прав пользователей. Появляются дискуссии, связанные с допустимыми пределами цитирования и правомерного использования отрывков аудиовизуальных произведений в научных или образовательных целях [Синчинов, 2023].

Развитие технологий позволяет нарушителям применять все более изощренные способы обхода защиты авторских прав. Использование обезличенных доменов, анонимных серверов и специальных плагинов для загрузки контента дает нарушителям значительные преимущества, усложняя установление их личности и пресечение незаконной деятельности. Одновременно с

этим законы многих стран часто оказываются недостаточно гибкими, чтобы учитывать новые формы дистрибуции цифрового контента. Для решения этих проблем необходима более тесная координация между юрисдикциями, включая обмен информацией о нарушителях на международном уровне. Деятельность правообладателей и работа нескольких организаций, занимающихся защитой интересов авторов, могут существенно облегчить процесс локализации источников незаконно размещенного контента. Однако борьба с пиратством требует высокой степени скоординированности, так как угроза нарушения авторских прав в цифровую эпоху мало зависит от государственных границ [Вартанов, 2024]. Наблюдается усиление роли коллекторов авторского права, которые представляют интересы сразу нескольких правообладателей и часто обладают обширными полномочиями по мониторингу сети, осуществлению претензионной работы и инициированию судебных споров с нарушителями. При этом некоторые пользователи высказывают опасения, что коллекторы могут злоупотреблять своим положением и предъявлять необоснованные претензии к контентмейкерам, использующим материалы в допустимых законодательно пределах. Усиление регулирования неизбежно ставит вопрос о прозрачности деятельности данных организаций, поскольку в условиях цифровой среды необходимо избегать необоснованного блокирования легитимного контента и непропорционального давления на рядовых пользователей [Абдиримов, Озмаян, 2022]. Такой подход требует реформирования существующих принципов регулирования, издания новых нормативно-правовых актов или переработки действующих законов с учетом специфики аудиовизуальных произведений. Инициативы в этом направлении выдвигаются уже не первый год, однако законодательный процесс часто сталкивается с сопротивлением либо со стороны крупных медиакорпораций, которые стремятся сохранить рыночные преимущества, либо со стороны общественных групп, выступающих за либерализацию и упрощение доступа к культурным благам. Нередко именно компромиссы между различными стейкхолдерами позволяют развивать правовую базу, не ущемляя при этом интересы ни одной из сторон в чрезмерном объеме.

Материалы и методы исследования

Важным элементом совершенствования правового регулирования защиты авторских прав на аудиовизуальные произведения мыслится обновление системы вознаграждения и лицензирования, позволяющее авторам получать справедливую компенсацию за использование их работ в цифровом пространстве. В этой связи все более актуальной становится концепция расширенной коллективной лицензии, дающая правообладателям возможность передать полномочия по выдаче разрешений профессиональным объединениям. Контроль за распределением собранных средств и ведение детальной отчетности помогают сохранить баланс между интересами авторов и пользователей. Кроме того, внедрение современных технологий блокчейна рассматривается некоторыми экспертами как способ более точного учета фактов использования аудиовизуальных произведений [Сосорин, 2024]. Цифровая система регистрации и фиксации всех транзакций с контентом способна повысить прозрачность и уменьшить вероятность мошенничества с распределением роялти. Впрочем, такая модель требует высоких затрат на инфраструктуру и пищу для размышлений относительно того, как блокчейн сочетается с уже существующими правовыми механизмами. Не стоит забывать и о необходимости учета интересов самих пользователей, особенно когда речь идет о коротких некоммерческих роликах. Поэтому важно законодательно разграничивать коммерческое и

некоммерческое использование произведений, чтобы не создавать препятствий для творческих инициатив граждан.

Стоит обратить особое внимание на формирование судебной практики, поскольку суды играют ключевую роль в толковании норм об авторском праве и формировании правовых позиций. От решений верховных или конституционных судебных инстанций напрямую зависит, как именно будут применяться законодательные новеллы. Суды становятся площадкой, где выявляются коллизии между новыми технологиями и устоявшимися нормами, а также формируются прецеденты, влияющие на дальнейшее развитие защиты прав на аудиовизуальные произведения [Климова, Никитина, 2024]. Обезличенность интерактивной среды позволяет нарушителям утверждать, что они не несут ответственность за свои действия, а в некоторых случаях суды не обладают необходимым техническим инструментарием для правильной идентификации злоумышленников. Однако тенденция к повышению уровня компьютерной грамотности судебной системы, к привлечению экспертов и цифровых специалистов помогает постепенному разрешению такого рода проблем. При этом важно, чтобы судебные решения были предельно ясными, логически последовательными и учитывали интересы всех сторон, в том числе и, например, технических посредников. Ведь интернет-провайдеры часто оказываются между молотом и наковальней, вынужденные в случае подозрения о нарушении блокировать или ограничивать доступ к ресурсам. Избыточное давление на данную категорию участников интернет-инфраструктуры может приводить к неоправданной цензуре и снижению свободы выражения мнений в сети [Юсифов, 2024].

Еще один аспект, о котором нельзя забывать, – это образовательная и просветительская работа среди граждан и представителей индустрии. Понимание стоимости и важности интеллектуального труда способствует снижению уровня пиратства больше, чем любое самое детально прописанное законодательство. Информирование широких масс о том, что скачивание фильмов и сериалов с нелегальных источников лишает авторов заслуженного дохода, формирует ответственное поведение и способствует развитию культуры уважения к чужому творчеству. Подобные просветительские программы включают проведение семинаров, лекций, дискуссий, а также создание интерактивных онлайн-платформ, где пользователи могут узнавать об авторских правах и правилах использования аудиовизуального контента [Богданов, Кавецкая, 2022]. Для детей и подростков важно интегрировать соответствующие знания в образовательные программы, что позволит с раннего возраста воспитывать уважительное отношение к чужому интеллектуальному труду. Наряду с этим необходимо активно сотрудничать с представителями индустрии, чтобы они более прозрачным образом предоставляли пользователям легальные способы доступа к контенту. Когда люди видят, что легальные платформы удобны, доступны по цене и обеспечивают высокий уровень обслуживания, они реже прибегают к пиратским вариантам. Такое сотрудничество между государственным и частным секторами может дать весомый вклад в общее дело защиты авторских прав и совместного повышения уровня культуры пользования цифровыми ресурсами.

Результаты и обсуждение

Трансграничная специфика аудиовизуального контента порождает серьезные вызовы для национальных правовых систем. Многие платформы ведут свою деятельность в нескольких странах одновременно, подчиняясь различным юрисдикциям и сталкиваясь с их несовпадающими нормами. Поскольку цифровая среда не ограничена географическими

границами, возникает потребность в разработке единых международных принципов, которые позволяли бы правообладателям и пользователям действовать в предсказуемом правовом поле. Договорно-правовые механизмы, такие как Бернская конвенция или ВТО-TRIPS, устанавливают общие признаки и стандарты, но в быстро меняющемся мире этого оказывается недостаточно [Кроливец, 2024]. Новые биржи контента, социальные сети и медиаплатформы порождают формы использования произведений, которые не всегда были предусмотрены договорными актами предыдущих десятилетий. Именно поэтому актуален вопрос об унификации норм и согласованных мерах ответственности, чтобы правообладатели могли в равной мере защищать свои права во всех юрисдикциях, а пользователи могли быть уверены, что их деятельность будет оцениваться по устойчивым критериям. Реализация подобных подходов требует серьезной дипломатической работы, привлечения международных организаций, а также учета позиций крупнейших держав, чьи экономические и политические интересы серьезно влияют на мировую повестку в сфере интеллектуальной собственности.

Национальные правительства, осознавая риски и выгоды, связанные с защитой авторских прав, иногда вводят особые меры поддержки собственного медиасектора. Такие меры могут включать налоговые льготы, субсидирование кинокомпаний, а также упрощенные процедуры получения разрешений на коммерческое использование контента. С одной стороны, это стимулирует развитие национальной культуры и поддерживает локальных талантливых авторов, позволяя им конкурировать с крупными зарубежными корпорациями. С другой стороны, встает вопрос, не подрывает ли такая политика сложившиеся международные договоренности, не создает ли дискриминационных барьеров для иностранных продюсерских центров. Но даже при снижении барьеров необходимо обеспечить четкие правила, исключающие возможность обхода авторских прав или искусственного удорожания доступа к легальной продукции ради поддержки одной стороны рынка [Шанихина, Заворохина, Тищина, 2023]. Конкурентные условия для производителей и правообладателей должны быть справедливыми и прозрачными, причем важна не только законодательная база, но и эффективная правоприменительная практика. Иногда даже самое подробное законодательство оказывается беспомощным без надлежащей реализации, контрольных механизмов и соответствующих учреждений, обладающих реальными полномочиями. Создание специальных судов по делам интеллектуальной собственности в некоторых странах уже доказало свою эффективность: накопленный судебный опыт и экспертиза специалистов идет на пользу оперативному рассмотрению дел и вынесению взвешенных решений. При этом возникает необходимость обмена опытом между юрисдикциями, что может привести к более глобальному пониманию методов борьбы с онлайн-пиратством и развитию унифицированных подходов в правоприменении.

В последнее время все чаще поднимается вопрос об ответственности интернет-платформ и посредников за размещение контента, нарушающего авторские права. Одни считают, что платформы должны активно мониторить загружаемые материалы и блокировать их еще до появления в открытом доступе. Другие, напротив, считают такие меры чрезмерными и угрожающими свободе выражения мнений. С одной стороны, введение технологий фильтрации контента, основанных на алгоритмах распознавания, может избавить правообладателей от необходимости постфактум выявлять нарушения и обращаться в суд. С другой стороны, возможны ошибки в работе таких систем, когда даже легитимный контент случайно блокируется, а его авторы испытывают неудобства [Воробьев, 2022]. Нередко проявляется проблема «ложных срабатываний»: например, алгоритм может неверно определить, что в видео

используется защищенная урывками музыка, и удалить ролик. Это вызывает недовольство пользователей и приводит к дискуссиям о необходимости введения механизма апелляции, позволяющего авторам быстро оспорить блокировку. Также стоит учитывать, что не все платформы обладают достаточными техническими и финансовыми ресурсами для масштабной фильтрации. Крупные компании могут позволить разработку и поддержание сложных фильтрационных систем, тогда как небольшие сервисы рискуют не выдержать нагрузки по внедрению дорогостоящих решений. Таким образом, законодательство должно быть гибким, стимулировать платформы к внедрению мер, соразмерных их возможностям, и одновременно оберегать пользователей от необоснованных ограничений.

Ключевым вопросом остается совершенствование мер ответственности для нарушителей, включая возможность альтернативных способов урегулирования споров. Не всегда целесообразно доводить дело до суда, особенно если нарушение носит разовый характер и не привело к крупным убыткам. В некоторых правовых системах существуют механизмы уведомления и удаления контента, когда после поступления жалобы о нарушении материал блокируется до выяснения обстоятельств. Но подобный механизм неизбежно вызывает дискуссии о «виновности» пользователя до доказательства факта нарушения [Солдатенко, Алимова, 2024]. Другая крайность – увольнение сотрудников организаций, допустивших случайное воспроизведение фрагментов чужих произведений в корпоративных презентациях. Здесь важно понимать, что новый уровень ответственности в цифровую эпоху требует дифференцированного подхода: сознательное массовое распространение пиратского контента должно наказываться жестче, чем единичное и неумышленное копирование защищенного материала. Дополнительным инструментом может стать регулирование на уровне договоров, когда лицензионные соглашения детально регламентируют все аспекты использования аудиовизуальных произведений и указывают на формы внесудебного разрешения споров. Такая практика снижает нагрузку на судебную систему и помогает быстрее восстанавливать нарушенные права. Однако, чтобы подобные меры сработали, необходимо, чтобы у сторон действительно было доверие друг к другу, а также правовая ясность и предсказуемость последствий невыполнения условий лицензии.

Правовое регулирование в сфере аудиовизуального контента сегодня формируется на стыке интересов авторов, продюсеров, дистрибьюторов, платформ и конечных пользователей. Каждая из этих сторон обладает своими интересами, которые часто пересекаются и порождают конфликты. Авторы стремятся к сохранению полного контроля над своими произведениями и справедливому вознаграждению. Продюсеры ищут возможности максимизации прибыли и расширения своей рыночной доли. Дистрибьюторы заинтересованы в свободе распространения и снижении транзакционных издержек. Платформы стремятся привлечь как можно больше пользователей, одновременно избегая громких судебных споров. Пользователи, в свою очередь, хотят свободного и удобного доступа к культуре, желательно с минимальным финансовым или организационным бременем [Епифанов, 2022]. Найти золотую середину помогает правоприменительная практика и соответствующая деятельность регуляторов, однако стремительное развитие цифровых технологий диктует необходимость постоянного пересмотра норм и правил, поскольку то, что вчера казалось фантастикой, сегодня становится обыденной реальностью.

Одним из ключевых направлений совершенствования правового регулирования продолжает оставаться углубление взаимодействия между национальными органами власти, образовательными учреждениями, бизнес-сообществом и международными организациями.

Создание рабочих групп, проведение консультаций и организация круглых столов между всеми стейкхолдерами открывают путь к разработке сбалансированных законопроектов, которые будут учитывать взаимные интересы и нести меньше конфликтного потенциала [Федоров, Янчурина, 2022]. Государство, используя различные регулятивные инструменты, способно организовывать специальные программы поддержки лабораторий и стартапов, разрабатывающих технологические решения, призванные автоматизировать процесс отслеживания пиратства. Также полезен обмен экспертами, позволяющий находить оптимальные рецепты борьбы с пиратством, не ограничиваясь правовой риторикой. Важно также, чтобы каждое нововведение проходило этап широкого общественного обсуждения, ведь защита авторских прав касается очень многих людей, от сценаристов и операторов до зрителей и интернет-пользователей, создающих собственные каналы на видеоплатформах. При этом консенсус не всегда достижим, но попытка его найти позволяет выявить узкие места и скорректировать законодательные инициативы до их окончательного принятия. В результате повышается легитимность новых норм, а значит, добровольная готовность им следовать также усиливается.

Сегодня невозможно игнорировать и проблему «свободной культуры», когда многие пользователи отстаивают право на свободное копирование, распространение и модификацию аудиовизуальных произведений. Аргументы защитников такой позиции основаны на том, что творческий процесс должен быть максимально либерализован, а культурные объекты принадлежать всему обществу, особенно если речь идет об образовании, науке и искусстве [Дворянкин, 2023]. Однако полная свобода без учета авторских прав способна лишить мотивации создателей контента, так как они не будут получать адекватного вознаграждения за свой труд. Поиск компромисса состоит в том, чтобы сохранять возможности для свободного некоммерческого использования и в то же время обеспечивать финансовую поддержку авторам и продюсерам. Некоторые видят решение в широкой интерпретации «добросовестного использования», другие — в создании гибких лицензионных моделей, предполагающих льготные условия для образовательных или научных целей. Любая попытка поставить вопрос о полном отказе от авторских прав встречает серьезную критику, ведь результаты творческой деятельности станут просто товаром без каких-либо гарантий защиты, и тогда не только крупные корпорации, но и независимые авторы могут пострадать от отсутствия механизмов признания их вклада в культуру.

Тесно связана с правовой охраной и проблема моральных прав автора, которая особенно актуальна в сфере аудиовизуальной продукции. Дело в том, что аудиовизуальное произведение часто является результатом коллективных усилий: режиссер, сценарист, оператор, актеры и другие участники, внесшие вклад в создание конечного продукта. Иногда в погоне за рекламными выгодами продюсеры могут осуществлять модификации исходного видеоряда, монтировать сцены, менять музыкальное сопровождение. Правовые системы ряда стран позволяют авторам ключевых элементов (режиссер, композитор) блокировать подобные действия, если они нарушают целостность произведения [Абдиримов, Озмаян, 2022]. Однако при массовом производстве сериалов или рекламных роликов не всегда можно защитить моральные права каждого участника творческого процесса. В результате страдает творческая свобода, а оригинальное авторское видение оказывается размытым. Чтобы уменьшить конфликты, в договорах все чаще прописывают точные условия использования будущего произведения. И все же, учитывая, что цифровая среда допускает практически неограниченные варианты трансформации контента, существует риск массового нарушения моральных прав

авторов, тем более если речь идет о мемах или других сетевых феноменах, когда фрагменты работ вырываются из контекста и теряют первоначальный смысл.

Комплексное улучшение правового регулирования в сфере защиты авторских прав на аудиовизуальные произведения неизбежно требует активного диалога между странами и гармонизации локальных норм. Важно, чтобы в этом процессе не забывалась необходимость технологических инноваций, которые способны повысить прозрачность и упростить правоприменение. Использование современных способов идентификации контента и отслеживания его распространения может быть эффективным инструментом борьбы с пиратством. Однако внедрение таких технологий должно сопровождаться правовыми и этическими рамками, исключающими тотальный контроль над пользователями и их творческой деятельностью, а также гарантировать, что система будет учитывать специфику правомерного использования произведений [Епифанов, 2022]. На этом пути намечается ряд трудностей, связанных с обучением персонала, операционными затратами и развитием нормативной базы. Нельзя забывать о том, что даже самая совершенная система контроля не способна заменить собой продуманное законодательство и ясные правила общественного взаимодействия.

Очевидно, что одной из основных тенденций права становится расширение понятия объективной стороны нарушения: теперь не только прямое копирование, но и косвенное размещение (к примеру, посредством гиперссылок) может подвести человека под ответственность. На практике это означает, что пользователи должны еще более тщательно анализировать, имеет ли ресурс, на который они ссылаются, соответствующие права на размещенный контент. Для законодателя это сложная задача, поскольку необходимо избежать чрезмерного расширения круга возможных нарушений и одновременно стимулировать ответственных участников рынка к легальному использованию аудиовизуальных произведений [Синчинов, 2023]. Особая роль отводится судебной системе, интерпретирующей новые правила и проверяющей их на соответствие конституционным нормам. Параллельно развиваются институты медиации и другие альтернативные процедуры урегулирования, способные разгружать суды и позволять сторонам быстрее приходить к соглашению. Между тем, решающее влияние на соблюдение авторских прав оказывает сам пользователь, который может проявлять добросовестность и разумные пределы, загружая или репостя чужой контент. Чем выше уровень общественного понимания важности авторско-правовой защиты, тем меньше остается лазеек для нарушений.

Переход на цифровые форматы дистрибуции фильмов, сериалов и других аудиовизуальных проектов ставит вопрос о необходимости обновления системы договорных отношений, в которую вовлечены авторы. Традиционные контракты, ориентированные на кинопрокат или DVD-релизы, уже не отражают всей сложности современных каналов распространения. Авторы, продюсеры и дистрибьюторы заключают сделки, предусматривающие трансляцию на стриминговых сервисах, платформах «видео по запросу», а также в социальных сетях. В этих условиях важно четко прописывать объем прав, компенсацию и сроки действия разрешений на использование произведения [Кроливец, 2024]. Зачастую споры возникают, когда контент набирает популярность и приносит значительно большие доходы, чем изначально ожидалось. Автор может почувствовать, что его гонорар не отражает реальную успешность проекта, тогда как продюсер или платформа ссылаются на уже подписанные договоры. Обновленная правовая база, ориентированная на прозрачность и гибкость, способна снизить конфликтный потенциал. При этом необходимо помнить, что многолетние контракты с преждевременной передачей всех прав зачастую приводят к тому, что авторы остаются за бортом, если в будущем их созданное

произведение получит вторую жизнь или переработку. Именно поэтому грамотное консультирование и повышение правовой грамотности самого автора может защитить его интересы в долгосрочной перспективе.

Вопрос цифровизации правоприменения привлекает к себе пристальное внимание не только специалистов-юристов, но и технологических энтузиастов, предлагающих различные решения вроде автоматизированных систем отслеживания копий видеоматериалов, «водяных знаков» и других способов метаданных, вшитых в кадры, которые позволяют быстро идентифицировать источник утечки. Эти инструменты дают правообладателям аргументы в возможном судебном разбирательстве или в рамках внесудебных претензий [Шанихина, Заворохина, Тищина, 2023]. Но на каждый шаг вперед со стороны защитных технологий появляется множество обходных методик, которыми быстро учатся пользоваться пиратские сообщества. В результате правоприменение превращается в постоянное «соревнование» между разработчиками систем защиты и нарушителями, способными оперировать технологиями распространения в равной степени эффективно. Вот почему многие эксперты уверены, что без основательных правовых механизмов и межгосударственного сотрудничества даже самые передовые инструменты цифровой защиты не принесут желаемого результата.

Общество продолжает активно обсуждать вопрос соразмерности наказаний за нарушения авторских прав. В одних случаях в качестве санкции предлагаются крупные штрафы, в других – уголовная ответственность вплоть до лишения свободы, а где-то практикуется блокировка всего сайта, если на нем обнаружен пиратский контент. Однако столь жесткие меры могут вызывать скепсис: нередко пользователя, разместившего небольшой фрагмент кинофильма, это ставит в один ряд с крупными интернет-пиратами, тиражирующими нелегальный контент в особо крупных размерах. Законодатели и суды пытаются выработать позицию, согласно которой наказание должно соответствовать тяжести совершенного проступка, учитывать мотивы нарушителя, а также наносимый ущерб. В некоторых юрисдикциях есть попытки ввести прогрессивные санкции: первичное нарушение – предупреждение, повторное – штраф, систематическое и злонамеренное – жесткое преследование [Воробьев, 2022]. Таким образом, начинает формироваться более дифференцированная система, пропагандирующая принцип «от предупреждения к наказанию», который ориентирован скорее на воспитание и привитие уважения к авторскому праву, чем на карательную практику.

В свете быстрого развития технологий виртуальной и дополненной реальности, а также таких направлений, как интерактивные фильмы или геймификация контента, вопросы защиты прав на аудиовизуальные произведения становятся еще более многогранными. К примеру, пользователь может войти в виртуальное пространство, где в качестве основных объектов используются популярные персонажи и сцены, взятые из фильмов без разрешения правообладателей [Климова, Никитина, 2024]. Аналогично, музыка, сопровождающая интерактивный процесс, может нарушать права иностранных авторов, что превращает традиционные споры об авторстве в гораздо более сложные дела, требующие экспертиз не только в сфере права, но и в области IT. Поэтому юристы, специализирующиеся на интеллектуальной собственности, все активнее осваивают цифровую тематику, предлагая новые концепции договора, которые учитывают необычные формы реализации произведений. Научное и правовое сообщество стремится к тому, чтобы правовое регулирование не отставало от технологического развития, ведь иначе возникнут белые пятна, позволяющие нарушителям использовать несовершенство законодательства и отсутствующие практики в свою пользу.

Развитие правового регулирования неизбежно предусматривает анализ лучших мировых

практик и стремление адаптировать их на национальном уровне. К примеру, некоторые страны активно практикуют сотрудничество между правоохранительными органами и крупными интернет-провайдерами, заключая соглашения о досудебной блокировке ресурсов, систематически размещающих пиратский контент. Подобная модель иногда получает критику, поскольку любая блокировка слабо поддается проверке в режиме реального времени, создавая риск злоупотреблений. Сложным остается и вопрос об ответственности «зеркальных» сайтов, копирующих базу оригинальных нарушителей, но ведущих свою деятельность из другой юрисдикции [Богданов, Кавецкая, 2022]. Решение возможно лишь при скоординированном международном преследовании, поддержанном едиными правовыми нормами и механизмами обмена информацией. Здесь важны не только усилия правообладателей, но и политическая воля государств, осознающих, что от уровня защиты авторских прав во многом зависит и культурное развитие, и инвестиции в творческие индустрии.

Необходима также прозрачная система отчетности для организаций, собирающих и распределяющих авторское вознаграждение. Когда речь заходит о коллективном управлении правами, есть риск непрозрачных схем начисления и распределения, что, в конечном итоге, снижает доверие авторов к данной системе. Кроме того, нужно не забывать и о потребителях, которые могут испытывать затруднения в понимании того, какие именно права они получают, приобретают ли они ту или иную лицензию. Сфера аудиовизуальных произведений особенно чувствительна к такого рода оплошностям, так как без четкой и понятной схемы распределения доходов может возникнуть социальная напряженность и неравномерное вознаграждение авторов [Юсифов, 2023]. В результате само призвание авторского права — поощрение нового творчества — оказывается под угрозой, если авторы не уверены, что получают честное вознаграждение и юридическую защиту. С другой стороны, избыточное усложнение этой системы может вызвать недоумение у пользователей и сформировать у них негативное отношение к любым лицензионным ограничениям, что лишь поощряет использование пиратских копий и обход правовых норм.

Заключение

Недооценка роли правоприменения в сфере аудиовизуальных произведений способна привести к массовому тиражированию пиратства, а в перспективе — к падению качества продукции. Без гарантии справедливой компенсации авторам будет сложно оставаться на рынке и инвестировать средства в создание новых проектов, а зрители, слушатели или игроки рискуют со временем столкнуться с нехваткой оригинального и вдохновляющего контента [Епифанов, 2022]. Поэтому государствам важно поддерживать разнообразие форм культурной деятельности и оказывать содействие не только крупным студиям, но и независимым режиссерам и продюсерам, давая им равные правовые возможности для защиты и монетизации собственной продукции. Инициативы по созданию общественных фондов поддержки кино и телевидения, грантовых конкурсов и творческих резиденций связываются с параллельной разработкой эффективных технологий, позволяющих быстро реагировать на факты пиратского использования [Сосорин, 2024].

Авторы аудиовизуальных произведений оказываются в фокусе конкурирующих потребностей общества: оно ждет от них ярких фильмов и сериалов, популярных музыкальных клипов и качественного рекламного контента, но при этом многие зрители и слушатели не готовы тратить средства на лицензионные копии или платные подписки. Правовое регулирование пытается найти золотую середину, стимулировать развитие легальных каналов

дистрибуции и обеспечить авторам достойное вознаграждение, не скатываясь в драконовские меры контроля за каждым пользователем [Вартанов, 2024]. Совершенствование законодательства предполагает создание гибких моделей – например, когда базовый доступ к контенту остается бесплатным, но дальнейшее использование или коммерческие трансформации подлежат оплате. Кроме того, правовая наука сейчас уделяет много внимания вопросам морального вреда для авторов, чьи работы нелегально распространяются, ведь речь идет не только об экономическом ущербе, но и о потере репутации, психологических последствиях и подрыве доверия к индустрии.

Если рассматривать перспективы совершенствования правового регулирования защиты авторских прав на аудиовизуальные произведения в целом, то можно сделать вывод о необходимости комплексного подхода. Он должен включать в себя не только ужесточение санкций и международное сотрудничество, но и развитие механизмов коллективного управления правами, адаптацию договорных норм под реалии цифровой среды, а также масштабную просветительскую работу с вовлечением широкого круга заинтересованных лиц [Кроливец, 2024]. Кроме того, требуется постоянное обновление судейского корпуса и повышение уровня квалификации юристов, занимающихся сопровождением сделок и споров в сфере интеллектуальной собственности, что позволит более точно применять существующие нормы к сложным случаям, связанным с инновационными форматами контента. По мере изменения технологий, появления новых способов распространения и потребления аудиовизуальных произведений, правовая система должна демонстрировать гибкость и способность к преобразованию. Только так возможно обеспечить справедливую защиту интересов авторов и всех участников цепочки создания и распространения культурных ценностей.

Библиография

1. Абдиримов А.Ф., Озманиян Ю.З. Особенности реализации судебного порядка защиты авторских прав на музыкальные произведения // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 5-2 (68). С. 162–165.
2. Богданов В.Е., Кавецкая А.В. Современные проблемы защиты авторских прав на музыкальные произведения // *Научные записки НГУЭУ*. 2022. № 1. С. 35–37.
3. Вартанов А.С. Защита авторских прав на формат онлайн-шоу // *Труды по интеллектуальной собственности*. 2024. Т. 49. № 2. С. 109-117.
4. Воробьев Н.Н. Актуальные проблемы и способы защиты объектов авторских прав // *Тенденции развития науки и образования*. 2022. № 91-3. С. 39-41.
5. Дворянкин Г.В. Искусственное построение авторства на примере аудиовизуальных произведений // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2023. № 3 (41). С. 87-94.
6. Епифанов А.Е. Аудиовизуальные произведения как объект интеллектуальной собственности, подлежащий защите судом по интеллектуальным правам // *Вестник Евразийской академии административных наук*. 2022. № 4 (61). С. 23-26.
7. Киракосян А.Э. Международно-правовые основы охраны аудиовизуального произведения как комплексного объекта права интеллектуальной собственности // *Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки*. 2024. № 1 (48). С. 81-100.
8. Климова А.Н., Никитина О.А. Защита прав на музыкальные произведения // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 2 (230). С. 135-137.
9. Кроливец В.А. Сюжет как охраняемый объект в составе аудиовизуального произведения // *Вопросы российской юстиции*. 2024. № 32. С. 130-137.
10. Синчинов Н.Н. К вопросу о защите авторских прав в современной России // *Ерopen. Global*. 2023. № 38. С. 114-119.
11. Солдатенко Е.А., Алимова О.В. Актуальные проблемы защиты авторского права на литературные произведения // *Человек. Социум. Общество*. 2024. № 3. С. 143-147.
12. Сосорин К.Д. Регулирование авторских прав на аудиовизуальное произведение, созданное в цифровой среде //

- Юридическая наука. 2024. № 4. С. 178-182.
13. Федоров С.М., Янчурина А.А. Авторское право как механизм угнетения автора // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 266-273.
14. Шанихина Н.Н., Заворохина Н.С., Тищина Е.С. К вопросу о гражданско-правовой защите авторских прав: история и современность // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15. № 1-2. С. 43-52.
15. Юсифов Т.И. Некоторые аспекты осуществления и защиты прав авторов на произведения в цифровой форме // Право и экономика. 2023. № 8 (426). С. 73-77.

Prospects for improving the legal regulation of copyright protection for audiovisual works

Robert N. Borlakov

Postgraduate Student,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
117218, 34 Bol'shaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: borlakov.robert@mail.ru

Abstract

This article is dedicated to exploring the prospects for improving the legal regulation of copyright protection for audiovisual works amidst the rapid development of modern technologies. Introduction. The issue of copyright protection is becoming increasingly relevant due to the active use of digital content distribution methods and the growing number of intellectual property rights violations in the field of audiovisual materials. The objective of the research is to analyze the existing gaps in legislation and develop recommendations for its modernization, taking into account international trends and national specifics. The study employed a comprehensive methodology, which included a comparative analysis of national and international legal acts, the examination of judicial practice, as well as the use of expert evaluation techniques through interviews with practitioners and specialists in the field of copyright law. Special attention was given to the analysis of law enforcement in the digital environment, which made it possible to identify key problems in the implementation of legislative norms. The research showed that the existing legislation contains mechanisms that are not flexible enough to adapt to the rapidly changing audiovisual market, leading to abuses and violations of creators' rights. Specific problematic areas related to digital transformation were identified, including the absence of unified standards for the protection of digital copies and insufficient harmonization of national legal systems with international norms. Recommendations have been formulated aimed at introducing new registration and licensing procedures, developing specialized legal instruments, and increasing users' awareness of their rights and obligations in the digital environment. The results obtained indicate the need to revise the legal mechanisms in the audiovisual sphere, especially in light of globalization and the rapid development of the Internet. The proposed strategic measures entail not only legislative updates but also active cooperation among government bodies, industry representatives, and international organizations. Thus, this research has practical significance for the formation of an effective copyright protection system that promotes the sustainable development of the cultural and creative economy and upholds the principles of fairness in the digital era.

For citation

Borlakov R.N. (2025) Perspektivy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya zashchity avtorskikh prav na audiovizual'nye proizvedeniya [Prospects for improving the legal regulation of copyright protection for audiovisual works]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 115-127.

Keywords

Prospects, improvement, legal regulation, copyright, audiovisual works.

References

1. Abdirimova A.F., Ozmanian Iu.Z. (2022) Osobennosti realizatsii sudebnogo poriadka zashchity avtorskikh prav na muzykal'nye proizvedeniia [Features of the judicial protection of copyright in musical works]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 5-2 (68), pp. 162-165.
2. Bogdanov V.E., Kavetskaia A.V. (2022) Sovremennye problemy zashchity avtorskikh prav na muzykal'nye proizvedeniia [Modern problems of copyright protection in musical works]. *Nauchnye zapiski NGUEU* [Scientific Notes of NSUEM], 1, pp. 35-37.
3. Vartanov A.S. (2024) Zashchita avtorskikh prav na format onlain-shou [Protection of copyright in online show formats]. *Trudy po intellektual'noi sobstvennosti* [Works on Intellectual Property], 49 (2), pp. 109-117.
4. Vorob'ev N.N. (2022) Aktual'nye problemy i sposoby zashchity ob"ektov avtorskikh prav [Current problems and methods of protection of copyright objects]. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia* [Trends in the Development of Science and Education], 91-3, pp. 39-41.
5. Dvoriankin G.V. (2023) Iskusstvennoe postroenie avtorstva na primere audiovizual'nykh proizvedenii [Artificial construction of authorship using the example of audiovisual works]. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam* [Journal of the Court for Intellectual Property Rights], 3 (41), pp. 87-94.
6. Epifanov A.E. (2022) Audiovizual'nye proizvedeniia kak ob"ekt intellektual'noi sobstvennosti, podlezhashchii zashchite sudom po intellektual'nym pravam [Audiovisual works as intellectual property objects protected by the court for intellectual property rights]. *Vestnik Evraziiskoi akademii administrativnykh nauk* [Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences], 4 (61), pp. 23-26.
7. Kirakosian A.È. (2024) Mezhdunarodno-pravovye osnovy okhrany audiovizual'nogo proizvedeniia kak kompleksnogo ob"ekta prava intellektual'noi sobstvennosti [International legal foundations for the protection of audiovisual works as complex objects of intellectual property law]. *Vestnik Rossiisko-Armianskogo (Slavianskogo) universiteta: gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Russian-Armenian (Slavonic) University: Humanities and Social Sciences], 1 (48), pp. 81-100.
8. Klimova A.N., Nikitina O.A. (2024) Zashchita prav na muzykal'nye proizvedeniia [Protection of rights to musical works]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and Land Law], 2 (230), pp. 135-137.
9. Krolivets V.A. (2024) Siuzhet kak okhraniyaemyi ob"ekt v sostave audiovizual'nogo proizvedeniia [The plot as a protected object within an audiovisual work]. *Voprosy rossiiskoi iustitsii* [Issues of Russian Justice], 32, pp. 130-137.
10. Sinchinov N.N. (2023) K voprosu o zashchite avtorskikh prav v sovremennoi Rossii [On the issue of copyright protection in modern Russia]. *Epomen. Global*, 38, pp. 114-119.
11. Soldatenko E.A., Alimova O.V. (2024) Aktual'nye problemy zashchity avtorskogo prava na literaturnye proizvedeniia [Current problems of copyright protection for literary works]. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo* [Man. Society. Community], 3, pp. 143-147.
12. Sosorin K.D. (2024) Regulirovanie avtorskikh prav na audiovizual'noe proizvedenie, sozdannoe v tsifrovoi srede [Regulation of copyright in audiovisual works created in the digital environment]. *Iuridicheskai nauka* [Legal Science], 4, pp. 178-182.
13. Fedorov S.M., Ianchurina A.A. (2022) Avtorskoe pravo kak mekhanizm ugnetenii avtora [Copyright as a mechanism for the oppression of the author]. *Voprosy rossiiskoi iustitsii* [Issues of Russian Justice], 21, pp. 266-273.
14. Shanikhina N.N., Zavorokhina N.S., Tishchina E.S. (2023) K voprosu o grazhdansko-pravovoi zashchite avtorskikh prav: istoriia i sovremennost' [On the issue of civil law protection of copyright: history and modernity]. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Problems], 15 (1-2), pp. 43-52.
15. Iusifov T.I. (2023) Nekotorye aspekty osushchestvleniia i zashchity prav avtorov na proizvedeniia v tsifrovoi forme [Some aspects of the exercise and protection of authors' rights in digital works]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 8 (426), pp. 73-77.

УДК 34**Правовой статус регулярного донора крови в контексте защиты прав работника на равный доступ к гарантиям и компенсациям****Буслаева Оксана Борисовна**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Институт правоведения
Российского государственного гуманитарного университета,
125047, Российская Федерация, Москва, пл. Миусская, 6;
e-mail: Buslaeva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу системы правовых гарантий для доноров крови и ее компонентов, а также доноров костного мозга, и ее значимости для развития донорства в России и за рубежом. Особенное внимание уделяется морально-юридическим аспектам донорства, а также факторам, влияющим на готовность людей становиться донорами. В статье также обсуждаются примеры успешных практик из других стран, где система гарантий для доноров активно внедряется и способствует увеличению числа донаций. Исследование подчеркивает важность формирования позитивного общественного мнения о донорстве и необходимость разработки комплексного подхода к его правовому регулированию.

Для цитирования в научных исследованиях

Буслаева О.Б. Правовой статус регулярного донора крови в контексте защиты прав работника на равный доступ к гарантиям и компенсациям // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 128-134.

Ключевые слова

Гарантии доноров, статус донора, компенсации за донорские дни, донорские отгулы, регулярное донорство, меры поддержки доноров.

Введение

Трудовые и социальные гарантии для доноров крови и ее компонентов играют важную роль в поддержании уровня донорства и уважительного отношения к этой альтруистической деятельности. Государство должно поддерживать донорство как важный элемент здравоохранения, в связи с этим институт гарантий и компенсаций в трудовом праве призван обеспечить доступность сдачи крови для работника. Необходимо особенно разъяснять и поощрять регулярное донорство, дающее возможность стабильного пополнения банка крови и ее компонентов. Поскольку процесс донорства может требовать времени для восстановления, важно, чтобы доноры могли чувствовать себя защищенно и имели возможность взять отгул без негативных последствий либо получить компенсацию за неиспользованный отгул. В свою очередь, компании, которые поддерживают своих сотрудников в донорстве, могут укрепить свой имидж социально-ответственных организаций. Поддержка со стороны работодателей позволяет более широкому кругу людей принимать участие в донорстве, включая тех, кто может колебаться из-за опасений потерять доход.

Основная часть

В апреле 2024 года Министр здравоохранения Российской Федерации М.А. Мурашко сообщил, что ежегодно увеличивается как число доноров, так и объемы заготовки донорской крови. Так, в 2023 году число безвозмездных доноров составило более 1,3 миллиона человек, более 330 тысяч стали донорами впервые. Количество доноров плазмы увеличилось на 9,7%. Заготовка донорской крови выросла почти на 11%. ВОЗ устанавливает достаточный порог в 40 доноров на 1000 человек ежегодно [Безопасность крови и ее наличие, [www](#)]. 1,3 миллиона доноров – это около 9 человек на 1000, то есть примерно в 4 раза ниже, чем уровень, установленный ВОЗ.

13 июня 2024 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил результаты мониторингового опроса, приуроченного ко Всемирному дню донора крови. Из десяти россиян опыт донорства крови в общей сложности имеется у четвертых (40 %): каждый девятый сдавал кровь лишь однажды (11 %), еще 11% – 2-3 раза, в то время как опытных доноров (сдавали более трех раз) среди россиян насчитывается 18%. ВЦИОМ не выделяет отдельно граждан, которые сдают кровь 3-4 раза в год, очевидно, что процент в этой категории еще ниже [Донорство в России: мониторинг, [www](#)].

При этом именно регулярные доноры необходимы системе здравоохранения, поскольку данная категория граждан представляет большую потенциальную безопасность. Кровь, сданная один раз, отправляется на карантин, в случае отсутствия повторной явки через три месяца она утилизируется, в связи с существованием серонегативного периода у некоторых заболеваний (ВИЧ, гепатит и пр.). Регулярное же донорство обеспечивает надежный и здоровый потенциал для пополнения банка крови.

Удержание новых доноров имеет решающее значение для центров забора крови. В США было проведено масштабное исследование стимулирования регулярного донорства среди граждан, пришедших сдавать кровь впервые. Информационные письма были разосланы большой выборке доноров цельной крови, которые впервые сдавали кровь через несколько недель после их первой сдачи. Письма были составлены таким образом, чтобы путем включения информации о группе крови и ее востребованности подчеркнуть значимость идентичности

донора [Moussaoui et al., 2022].

Авторы исследования пришли к выводам, что эффективность коммуникационных стратегий, направленных на увеличение числа регулярных доноров зависит от персонального информирования с предоставлением сведений о том, насколько необходима в настоящий момент именно та группа, носителем которой является получатель адресного письма. Такие простые и недорогостоящие мероприятия могут быть реализованы для укрепления идентичности доноров и увеличения числа возвращений. Отправка почтовых отправлений или электронных писем по электронной почте является стандартной практикой во многих центрах сбора крови, но простой обмен информацией без персонализации иногда оказывается недостаточным. Проведенное исследование показало, что простое включение сведений, например, о том, у скольких людей общая группа крови, может повлиять на привлечение доноров, которые впервые становятся опытными донорами, и включить практику донорства в их привычки. Пробуждение чувства социальной идентификации с другими людьми с той же группой крови может открыть многообещающий путь. Информирование личным письмом продемонстрировало примерно 50% возвращаемость первичных доноров, что в настоящее время для РФ является недостижимым показателем. Отечественные центры забора крови в большинстве не практикуют персональное приглашение донора для повторной донации, лишь ограничиваются объявлением в самом медицинском учреждении, что повторный визит важен.

Отечественные центры забора крови могли бы применить аналогичную стратегию, используемую для взаимодействия с новыми донорами, с целью улучшения удержания доноров.

Стоит согласиться с мнением проф. Н.А. Рагозиной относительно необходимости пропаганды здорового образа жизни «для всех, кто способен включиться в системное донорское движение и понимание своей гуманитарной миссии на этом векторе общественного развития. Донорство крови выступает важным компонентом системы национальных донорских проектов в глобальной стратегии оздоровления нации» [Рагозина, 2022]. Указание на системность полностью совпадает с видением автора настоящего исследования относительно потребности российского донорского движения в регулярных донорах.

На наш взгляд, в Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» следует ввести понятие «регулярный донор», определив его как лицо, добровольно сдавшее кровь и (или) ее компоненты в объеме, равном трем максимально допустимым дозам крови и (или) ее компонентов за календарный год и более в соответствии с персональными медицинскими рекомендациями.

Не ограничившись развитием понятийного аппарата, установить дополнительные социальные гарантии для регулярных доноров, побуждающие граждан пополнять их ряды. В частности, дополнить ст. 22 Федерального закона «О донорстве крови и ее компонентов» ч. 4 следующего содержания: регулярному донору помимо права, предусмотренного ч. 3 настоящей статьи, предоставляется право на дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительностью 5 календарных дней.

Представляется, что наличие гарантий прав донора должно являться стимулом для увеличения количества регулярных доноров в РФ. Исходя из статьи 186 ТК РФ, донор крови и ее компонентов имеет право на освобождение от работы в день, когда он сдает кровь, а также на дополнительный выходной после этого. Если рассмотреть ситуацию, когда работник сдает кровь максимальное количество разрешенных раз – 4 или 5 в год в зависимости от пола работника, то он может накопить 4-5 дней отдыха или, если он выходит на работу в день сдачи крови, то 8-10 дней отдыха. Учитывая, что некоторым категориям граждан в связи с

определенными дифференцированными основаниями полагается увеличенный ежегодный оплачиваемый отпуск 30 дней (инвалиды), 31 день (несовершеннолетние), увеличение отпуска до 33 дней является существенной мерой поддержки.

В соответствии с Руководством по соблюдению обязательных требований трудового законодательства, утвержденным Приказом Роструда от 11.11.2022 № 353, если работник по соглашению с работодателем вышел на работу в день сдачи крови и ее компонентов, ему по его желанию предоставляется другой день отдыха. Однако это не освобождает работодателя от обязанности предоставить работнику дополнительный день отдыха. В случае освобождения от работы в день сдачи крови, а также использовании другого и дополнительного дней отдыха за работником сохраняется средний заработок. Если работник выходит на работу в день сдачи крови, то средний заработок за другой предоставленный позже день отдыха будет перерасчитан с учетом заработной платы за работу в день сдачи крови. В Руководстве указано, что дополнительные дни отдыха, которые предоставляются за сдачу крови и ее компонентов, не могут быть заменены денежной компенсацией, даже в случае увольнения работника.

Судебная практика судов общей юрисдикции разнится по рассматриваемому вопросу. Работники, которые не воспользовались донорскими днями отдыха на момент своего увольнения, хотели получить от работодателя компенсацию в размере среднего заработка за эти дни. Например, в решении Белгородского районного суда Белгородской области от 7 августа 2023 года № 2-1796/2023 было указано, что заявленное требование о выплате 20160,64 руб. за донорские дни не может быть удовлетворено. Аргументация суда сводилась к тому, что закон рассматривает эти дни как дополнительные дни отдыха с сохранением среднего заработка, но они не считаются дополнительным отпуском, и отмена этих дней не предполагает денежной компенсации. В связи с этим нет оснований для взыскания с ответчика запрашиваемой истцом суммы. Похожие выводы содержатся в определении Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21 января 2021 года по делу № 88-319/2021 и в апелляционном определении Иркутского областного суда от 2 октября 2023 года по делу № 33-8596/2023.

Другой подход отражен в определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 сентября 2023 года по делу № 8Г-21676/2023 [88-21228/2023], где было установлено, что при увольнении работника не была выплачена сумма среднего заработка за один день сдачи крови в размере 3196 руб. 01 коп. Суд, основываясь на положениях статьи 186 Трудового кодекса Российской Федерации, взыскал с ответчика в пользу истца указанную сумму среднего заработка, при этом решение нижестоящего суда в этой части осталось без изменений.

На наш взгляд, имеет смысл обратить внимание на то, что в 2023 году Конституционный суд РФ выработал новый подход, согласно которому работодатель обязан при увольнении заменить работнику неиспользованные дни отдыха за работу в выходной и нерабочий праздничный день повышенной оплатой, несмотря на то, что это прямо не было предусмотрено трудовым законодательством на момент вынесения решения КС РФ (Постановление от 06.12.2023 № 56-П).

В качестве одного из обоснований Конституционный суд РФ указал, что лица, работающие сверхурочно, подвергаются дополнительной физиологической и психоэмоциональной нагрузке и несут повышенные трудовые затраты, обусловленные увеличением рабочего времени и сокращением времени отдыха, необходимого в первую очередь для восстановления сил и работоспособности. Законодатель прямо определяет работу в выходные и нерабочие праздничные дни как разновидность работы в условиях, отклоняющихся от нормальных. Дополнительный день отдыха для доноров также установлен в связи с повышенной нагрузкой

на организм работника, который совершил донацию, этот факт подтверждается в том числе и тем, что промежуток между донациями крови не может быть меньше двух месяцев, а общее количество донаций за один год не может превышать четыре для женщин и пять для мужчин. Часть первая статьи 127 Трудового кодекса Российской Федерации свидетельствует о наличии в трудовом законодательстве правового инструментария, позволяющего трансформировать нереализованное право на отдых в денежные выплаты.

При этом правовой смысл нормы 186 статьи в части сохранения заработка и возможности присоединения неиспользованных «донорских дней» к ежегодному оплачиваемому отпуску во многом аналогичен смыслу выплаты компенсации за неиспользованные дни, предоставленные лицам за сверхурочную работу в порядке 153 статьи ТК РФ. В связи с этим, опираясь на позицию Конституционного суда РФ, предлагается внести изменения в 4 часть статьи 186 ТК РФ, дополнив ее следующим положением: в случае увольнения работника, не использовавшего дополнительный день отдыха либо работавшего в день сдачи крови и ее компонентов, работнику выплачивается денежная компенсация, установленная статьей 127 ТК РФ.

Для устранения возможных подобных коллизий при предоставлении компенсации за дополнительные дни отдыха при увольнении можно рассмотреть вариант внесения изменений в 127 статью ТК РФ, изложив часть 1 ст. 127 в следующей редакции: при увольнении работнику выплачивается денежная компенсация за все неиспользованные дни отпуска и неиспользованные дополнительные дни отдыха, предусмотренные ТК РФ и иными федеральными законами.

Несмотря на потребность в увеличении численности потенциальных доноров костного мозга, гарантии, аналогичные тем, что предоставляются донорам крови, в Трудовом кодексе РФ по-прежнему отсутствуют.

22 сентября 2023 года в Госдуму был внесен соответствующий законопроект № 8-452 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и Закон Российской Федерации "О трансплантации органов и (или) тканей человека"» депутатами законодательного собрания г. Санкт-Петербурга. Предлагалось установить гарантии в ТК РФ для доноров костного мозга, однако законопроект находится в архиве в связи с отправкой его на доработку. В заключении комиссии по упомянутому законопроекту отмечена необходимость поиска дополнительных источников финансирования данной законодательной инициативы. Учитывая, что ежегодно в России проводится всего около 2000 трансплантаций костного мозга, а донаций крови и ее компонентов 1 300 000, очевидно, что вопрос финансового обеспечения решить достаточно просто.

Заключение

Подводя итог, отметим основные выводы и рекомендации:

- 1) В целях повышения вовлеченности потенциальных регулярных доноров крови и ее компонентов внедрить механизм информирования по электронной почте или в мессенджерах лиц, сдавших кровь впервые, о необходимости прийти снова, акцентируя внимание на значимости именно персонального вклада донора в спасение чьей-то жизни.
- 2) В законодательство о донорстве ввести понятие регулярного донора с предоставлением новых социальных гарантий.
- 3) Предусмотреть в ТК РФ механизм получения денежной компенсации за «донорские дни»

в случае увольнения работника, не успевшего взять отгулы.

4) Распространить гарантии, установленные в ст. 186 ТК РФ, на доноров костного мозга.

Высокий уровень донорства крови помогает поддерживать запасы крови в медицинских учреждениях, что, в свою очередь, спасает жизни и способствует улучшению общей ситуации в здравоохранении. Таким образом, трудовые гарантии для доноров не только способствуют развитию культуры донорства, но и играют значительную роль в обеспечении здоровья и благополучия общества в целом.

Библиография

1. Безопасность крови и ее наличие. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/blood-safety-and-availability> (дата обращения: 13.04.2025).
2. Донорство в России: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/donorstvo-v-rossii-monitoring?ysclid=m9fudglbq951442928> (дата обращения: 13.04.2025).
3. Рагозина Н.А. Об институте донорства в Российской Федерации // Медицина и право в XXI веке: сборник трудов XIII ежегодной научно-практической конференции. СПб., 2022.
4. Рагозина Н. А. Об институте донорства в Российской Федерации // XIII ежегодная научно-практическая конференция «Медицина и право в XXI веке», 24-25 декабря 2021 года. – 2022. – С. 55.
5. Гапонова Т. В. и др. Доноры крови: социально-демографические и психологические характеристики (по данным исследования доноров ФГБУ "Национальный медицинский исследовательский центр гематологии" Минздрава России) // Гематология и трансфузиология. – 2018. – Т. 63. – №. 4. – С. 325-333.
6. Moussaoui L.S. et al. How to increase first-time donors' returns? The postdonation letter's content can make a difference // Transfusion. 2022. No. 62(7). P. 1377-1387. URL: https://www.researchgate.net/publication/361193836_How_to_increase_first-time_donors_returns_The_postdonation_letter's_content_can_make_a_difference.
7. Chamla J. H., Leland L. S., Walsh K. Eliciting repeat blood donations: tell early career donors why their blood type is special and more will give again // Vox sanguinis. – 2006. – Т. 90. – №. 4. – С. 302-307.
8. Hashemi S. et al. Effective ways to retain first-time blood donors: a field-trial study // Transfusion. – 2019. – Т. 59. – №. 9. – С. 2893-2898.
9. Wevers A. et al. Increasing first-time blood donation of newly registered donors using implementation intentions and explicit commitment techniques // Vox sanguinis. – 2015. – Т. 108. – №. 1. – С. 18-26.
10. Gemelli C. N., Hayman J., Waller D. Frequent whole blood donors: understanding this population and predictors of lapse // Transfusion. – 2017. – Т. 57. – №. 1. – С. 108-114.

Legal status of a regular blood donor in the context of protecting the employee's rights to equal access to guarantees and compensation

Oksana B. Buslaeva

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
Institute of Law of the Russian State Humanitarian University,
125047, 6 Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Buslaeva@mail.ru

Abstract

The article analyzes the system of legal guarantees for donors of blood and its components, as well as bone marrow donors, and its significance for the development of donation in Russia and abroad. Particular attention is paid to the moral and legal aspects of donation, as well as factors

influencing people's willingness to become donors. The article also discusses examples of successful practices from other countries where the system of guarantees for donors is actively implemented and contributes to an increase in the number of donations. The study emphasizes the importance of forming a positive public opinion about donation and the need to develop a comprehensive approach to its legal regulation.

For citation

Buslaeva O.B. (2025) Pravovoi status regul'yarnogo donora krovi v kontekste zashchity prav rabotnika na ravnyi dostup k garantiyam i kompensatsiyam [Legal status of a regular blood donor in the context of protecting the employee's rights to equal access to guarantees and compensation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 128-134.

Keywords

Donor guarantees, donor status, compensation for donor days, donor time off, regular donation, donor support measures.

References

1. Bezopasnost' krovi i ee nalichie. URL: "<https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/blood-safety-and-availability>" (data obratshcheniya: 13.04.2025) [Blood safety and availability].
2. Donorstvo v Rossii: monitoring. URL: "<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/donorstvo-v-rossii-monitoring?ysclid=m9fudglbq951442928>" (data obratshcheniya: 13.04.2025) [Donorship in Russia: monitoring].
3. Ragozina N.A. (2022). Ob institute donorstva v Rossiyskoy Federatsii [On the institute of donation in the Russian Federation]. In *Meditsina i pravo v XXI veke: sbornik trudov XIII ezhegodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Medicine and law in the 21st century: Proceedings of the XIII Annual Scientific and Practical Conference]. SPb.
4. Ragozina N.A. (2022). Ob institute donorstva v Rossiyskoy Federatsii [On the institute of donation in the Russian Federation]. In *XIII ezhegodnaya nauchno prakticheskaya konferentsiya «Meditsina i pravo v XXI veke»*, 24-25 dekabrya 2021 goda [XIII Annual Scientific and Practical Conference "Medicine and Law in the 21st Century", December 24-25, 2021]. – pp. 55.
5. Gaponova T.V. et al. (2018). Donory krovi: sotsial'no-demograficheskie i psikhologicheskie kharakteristiki (po dannym issledovaniya donorov FGBU "Natsional'nyy meditsinskiy issledovatel'skiy tsentr gematologii" Minzdrava Rossii) [Blood donors: socio-demographic and psychological characteristics (based on research data from donors of the Federal State Budgetary Institution "National Medical Research Center of Hematology" of the Ministry of Health of Russia)]. *Gematologiya i transfuziologiya* [Hematology and Transfusion], 63(4), pp. 325-333.
6. Moussaoui L.S. et al. (2022). How to increase first-time donors' returns? The postdonation letter's content can make a difference. *Transfusion*, 62(7), pp. 1377-1387. URL: "<https://www.researchgate.net/publication/361193836Howtoincreasefirst-timedonors'returnsThepostdonationletter'scontentcanmakeadifference>" [How to increase first-time donors' returns? The post-donation letter's content can make a difference].
7. Chamla J.H., Leland L.S., Walsh K.E. (2006). Eliciting repeat blood donations: tell early career donors why their blood type is special and more will give again. *Vox sanguinis*, 90(4), pp. 302-307.
8. Hashemi S. et al. (2019). Effective ways to retain first-time blood donors: a field-trial study. *Transfusion*, 59(9), pp. 2893-2898.
9. Wevers A. et al. (2015). Increasing first-time blood donation of newly registered donors using implementation intentions and explicit commitment techniques. *Vox sanguinis*, 108(1), pp. 18-26.
10. Gemelli C.N., Hayman J., Waller D. (2017). Frequent whole blood donors: understanding this population and predictors of lapse. *Transfusion*, 57(1), pp. 108-114.

УДК 34**Защита прав ребенка в конституционном праве Российской Федерации и Китайской Народной Республике****Дашкина Юлия Ринатовна**

Преподаватель

Пензенский государственный университет,
440026, Российская Федерация, Пенза, ул. Красная, 40;
e-mail: yu.rinatovna@bk.ru

Аннотация

Защита прав и свобод человека и гражданина является основным принципом конституций Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Указанными правами человек наделяется от рождения. Защита конституционных прав детей представляет собой одну из важнейших задач современного общества, именно поэтому следует особое внимание уделять вопросу сохранения прав и свобод несовершеннолетних лиц. Актуальность охраны прав несовершеннолетних детей в рассматриваемых нами странах достаточно легко можно объяснить масштабами населения и социально-экономическим контекстом. С правовой точки зрения обеспечение прав ребенка – это не только гарантия его свободы, но и залог будущего и качественного развития общества в целом. В России и Китае конституцией и рядом других законодательных актов закреплены основные права ребенка. Однако, несмотря на законодательное закрепление прав, существует ряд определенных проблем, связанных с их практической реализацией. В данной статье проводится сравнительный анализ в рамках конституционного законодательства прав ребенка в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Основной задачей является установление проблем реализации конституционных прав детей. Предложены возможные пути решения указанных проблем. В качестве основного аспекта рассмотрена возможность создания эффективной системы защиты прав ребенка, а также значимость международного сотрудничества в этой области в целях решения возникающих вопросов.

Для цитирования в научных исследованиях

Дашкина Ю.Р. Защита прав ребенка в конституционном праве Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 135-141.

Ключевые слова

Российская Федерация, Китайская Народная Республика, органы внутренних дел, конституционные права и свободы ребенка, несовершеннолетние.

Введение

Защита конституционных прав ребенка является одним из важнейших аспектов развития любого общества. Дети – это будущее нации, и их благополучие и защита основных прав и свобод представляют собой приоритетные задачи. Конституции Российской Федерации и Китайской Народной Республики признают важность и неприкосновенность прав каждого ребенка независимо от его национальности, пола, веры и социального статуса.

Государственная политика России одним из своих приоритетных направлений рассматривает возможности совершенствования института защиты прав ребенка. Конституционные нормы Российской Федерации гарантируют основные права и свободы ребенка, включая право на жизнь, здоровье, личное достоинство, образование и социальную защиту. Законы России также предусматривают специальные меры по защите интересов и прав детей, в том числе создание системы опеки и попечительства, налаживание социального сопровождения и реабилитации, а также запрет на их эксплуатацию и насилие.

Основная часть

Китайская Конституция признает ребенка как субъекта прав и свобод. Статья 25 Конституции КНР устанавливает, что государство обязано защищать права и интересы детей, обеспечивать условия для их здорового роста и развития. Китайская система законодательства по детским правам включает в себя множество нормативных актов, регулирующих вопросы образования, здравоохранения, защиты от насилия и эксплуатации детей.

В Конституции Российской Федерации прописаны следующие положения, касающиеся защиты прав ребенка:

1. Статья 36 Конституции РФ гласит, что дети пользуются особой заботой со стороны государства и общества. Государство обеспечивает условия для полноценного физического, духовного и социального развития детей.

2. Статья 63 Конституции РФ относится к правам и обязанностям родителей в отношении детей. Родители имеют право и обязанность воспитывать детей, обеспечивать их права и интересы.

3. Статья 68 Конституции РФ подразумевает защиту прав и интересов детей со стороны государства. Государство обеспечивает защиту детей от насилия, жестокости и иных форм плохого обращения.

Защита прав ребенка является важной областью и в Китайской Народной Республике. Оба государства признают важность обеспечения прав и интересов детей и предпринимают меры для их защиты.

Конституция и законодательство Китая также содержат ряд положений о защите прав ребенка:

1. Статья 23 Конституции Китайской Народной Республики указывает на создание благоприятных условий, направленных на защиту прав и интересов детей, к которым относится создание условий для получения образования, повышения благосостояния семей с детьми и поддержание здоровья детей.

2. Закон о защите прав ребенка, принятый в Китае в 2016 году, предусматривает ряд положений, которые закрепляют и охраняют права детей, а также направленные на защиту их интересов. Данный закон определяет обязанности государства, семьи, общества и других

институций в вопросах, возникающих при защите прав ребенка.

3. Китай также принимает различные меры для обеспечения безопасности детей, таких как создание «красных линий» в школах, чтобы предотвратить насилие над детьми.

В целом, законодательством Российской Федерации и Китайской Народной Республики уделяются особое внимание защите прав ребенка в своем конституционном праве, которые не только обязывают государство и семью защищать права и интересы детей, а также принимают законы и меры для обеспечения их выполнения.

В России и Китае законодательство и политика играют важную роль в вопросах обеспечения конституционных прав ребенка. В обеих странах существуют законы, которые призваны гарантировать права и интересы детей, однако подход и механизмы защиты этих прав имеют свои особенности.

В России защита прав ребенка основывается на Конституции РФ, а также на Федеральном законе «О защите прав несовершеннолетних». Этот закон определяет основные принципы государственной политики, которые направлены на охрану и защиту прав детей. Кроме того, данным законом предусмотрена ответственность государства, родителей и других лиц за обеспечение этих прав. Также в России создан федеральный орган исполнительной власти – Уполномоченный по правам ребенка, который занимается контролем за соблюдением прав детей.

Кроме того, в России действует система институтов социального патронажа, которая направлена на предотвращение нарушений прав детей. Суть этой системы заключается в том, что семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, предоставляется помощь социальными работниками, которые осуществляют постоянный контроль за условиями жизни и воспитания детей. Такая система позволяет оперативно реагировать на возможные угрозы для правопорядка ребенка.

В Китае положение дел с защитой прав ребенка также имеет свои особенности. В стране действует Закон о защите прав ребенка, который определяет основные принципы государственной политики по обеспечению благополучия и развития детей. Этот закон устанавливает ответственность государства, родителей и других лиц за защиту прав детей.

Китайская система защиты прав детей основана на принципе «лучших интересов ребенка». Это означает, что во всех вопросах, касающихся детей, приоритет должен отдаваться их благополучию и развитию. В Китае также существует правоприменительный орган, главной задачей которого является координация политики по защите прав ребенка – национальный комитет по делам семьи и детей.

Таким образом, законодательство и политика играют ключевую роль в обеспечении защиты конституционных прав ребенка как в России, так и в Китае. Обе страны приняли ряд мер для гарантирования этих прав, однако существуют некоторые проблемы и вызовы, которые необходимо решить. Непрерывное совершенствование законодательства и усиление контроля за его исполнением помогут обеспечить эффективную защиту прав детей в обеих странах.

Защита конституционных прав ребенка является одной из важнейших задач государства. В России и Китае существуют законы и механизмы, направленные на защиту детей от насилия и дискриминации. Однако, несмотря на принятые нормативно-правовые акты, практика их реализации сталкивается с определенными сложностями.

В России право на защиту от насилия и дискриминации закреплено в Конституции, Федеральном законе «О защите прав детей» и других нормативных актах. Для обеспечения этого права созданы специальные институты – органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, органы полиции и прокуратуры. Однако на практике часто

возникают трудности при расследовании случаев насилия над детьми или проявления дискриминации по различным признакам [Свердлова, 2015].

Несмотря на активную работу, которая ведется на правовом поле, все равно существует ряд проблем и вопросов, касающихся защиты конституционных прав несовершеннолетних. В России сталкиваются с такими проблемами, как недостаточная информированность общества о правах ребенка, слабость механизмов контроля и надзора за выполнением законодательства о защите интересов детей. Также выявлены случаи коррупции в сфере защиты прав ребенка.

В Китае также есть некоторые проблемы с защитой прав ребенка. К ним можно отнести высокий уровень дискриминации в отношении девочек. Имеется большое количество случаев абортов женского плода из-за предпочтения мальчиков. Кроме того, не всегда гарантируется доступ к образованию для всех детей, особенно для тех, которые находятся в трудных условиях.

Проблемы также существуют в области защиты прав ребенка от насилия в Китае. В частности, система защиты детей от насилия не всегда функционирует должным образом. Одной из причин этого является недостаточная осведомленность родителей и общественности о правах и законах в области защиты детей.

В обоих странах также возникают проблемы с практикой защиты детей от дискриминации. В России, например, не всегда эффективно работает система противодействия школьному буллингу и другим формам дискриминации в учебных заведениях. Китай также сталкивается с проблемами в области защиты прав детей мигрантов или детей-сирот.

Проблема недостаточной информированности также негативно сказывается на защите прав детей и приводит к их нарушениям. Одной из основных причин появления указанной проблемы является отсутствие широкого распространения актуальной информации о правах ребенка. Всплески интереса к этой теме чаще всего связаны с отдельными случаями нарушения прав детей, но отсутствует систематическое информирование граждан о правах детей в целом.

Кроме того, имеет место проблема с донесением информации о правах ребенка до населения в регионах. Часто информация о правах ребенка распространяется только в крупных городах, в то время как в регионах она может быть недоступна или недостаточно известна.

Недостаточная информированность общества о правах ребенка может приводить к тому, что родители не знают о возможных способах защиты прав своих детей или не знают, куда обратиться за помощью, если права детей нарушены, что, в свою очередь, создает ряд трудностей в вопросах борьбы в отстаивании прав детей и предотвращении их нарушений [Матюшева, 2012].

Для того, чтобы искоренить данную проблему, следует проводить информационные кампании, образовательные программы и обучения, направленные на повышение информированности общества о правах ребенка. Важно также создать доступные источники информации.

Одной из основных проблем при обеспечении конституционных прав детей в Китае является различие в условиях жизни и доступе к образованию между городскими и сельскими регионами. Кроме того, существует проблема заключения ранних-детских браков, которые являются нарушением прав несовершеннолетних.

В обоих государствах еще есть проблемы, связанные с защитой конституционных прав ребенка. В России, например, остается актуальной проблема детского труда и социального приюта. В Китае же продолжает существовать проблема ограничения свободы слова и медиавзглядов.

Вместе с тем, несмотря на указанные сложности, Россия и Китай прилагают значительные усилия для улучшения системы защиты конституционных прав ребенка. Важным шагом

является проведение образовательных программ, направленных на повышение осведомленности о правах детей. Также активно развивается система социального партнерства и гражданского контроля за выполнением законодательства.

Таким образом, защита конституционных прав ребенка в России и Китае имеет большое значение для обеспечения их благополучия и развития. Несмотря на некоторые трудности в реализации этой задачи, оба государства прилагают усилия для повышения эффективности механизмов защиты прав детей.

Однако, несмотря на эти трудности, последние годы характеризуются постепенным улучшением практики защиты конституционных прав ребенка, как в России, так и в Китае. Ведется активная работа над улучшением защиты конституционных прав ребенка. Оба государства осознают важность обеспечения полного и всестороннего развития детей, а также необходимость создания благоприятных условий для их защиты.

В России были приняты изменения в законодательство, направленные на усиление ответственности за насилие над детьми и улучшение условий их содержания в детских учреждениях. В Китае также проводятся меры по повышению осведомленности общественности о правах ребенка и совершенствованию системы защиты.

Защита конституционных прав ребенка является актуальной темой как для России, так и для Китая. Несмотря на определенные проблемы, обе страны предпринимают шаги для улучшения практики защиты прав детей от насилия и дискриминации. Это свидетельствует о стремлении государства создать безопасную и благоприятную среду для развития каждого ребенка. Необходимо продолжать работу, направленную на совершенствование законодательства и практики его реализации с целью достижения полной защиты конституционных прав ребенка в обеих странах.

Одной из перспектив развития в России является укрепление законодательства, направленного на защиту прав ребенка. В 2018 году были приняты изменения к Федеральному закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», которые предусматривают более жесткий контроль за содержанием информационных материалов, предназначенных для детей. Также были введены новые механизмы по предотвращению насилия над детьми, включая создание единой базы данных о преступлениях против несовершеннолетних.

Кроме того, в России активно разрабатывается программа по формированию комфортной среды для развития ребенка. Эта программа направлена на повышение качества образования, здравоохранения и социальной защищенности детей. В рамках программы предусмотрено создание сети детских садов и школ высокого качества, а также развитие системы медицинской помощи для детей.

В Китае также проводятся активные работы по улучшению защиты конституционных прав ребенка. В 2019 году была принята новая версия Закона о защите несовершеннолетних, которая включает в себя ряд важных изменений. Например, были ужесточены наказания за насилие над детьми, а также введены новые нормы по предотвращению дискриминации детей.

Кроме того, Китай активно работает над развитием системы социального обеспечения для детей. Было создано множество программ поддержки семей с детьми, включая материнский капитал и льготы на жилье. Такие меры помогают улучшить условия жизни детей и способствуют их полноценному развитию.

В рамках данной статьи были рассмотрены проблемы, которые стоят перед Россией и Китаем при реализации прав детей. К ним в России, как уже говорилось, можно отнести: недостаточную информированность общества о правах ребенка, слабость механизмов контроля

и надзора за выполнением законодательства о защите интересов детей; отсутствие широкого распространения актуальной информации о правах ребенка; проблема с донесением информации о правах ребенка до населения в регионах; коррупция; недостаточная практика защиты детей от дискриминации, не всегда эффективно работает система противодействия школьному буллингу и другим формам дискриминации в учебных заведениях; проблема детского труда и социального приюта. К проблемам, выявленным в Китайском законодательстве, можно отнести высокий уровень дискриминации в отношении девочек; проблемы в области защиты прав детей мигрантов или детей-сирот; различный доступ к образованию для всех детей, особенно для тех, которые находятся в трудных условиях; информация о правах ребенка распространяется только в крупных городах, в то время как в регионах она может быть недоступна или недостаточно известна; проблема заключения ранних-детских браков; проблема ограничения свободы слова и медиавзглядов.

Заключение

Таким образом, несмотря на принятие законов и нормативных актов, реализация прав детей в России и Китае все еще остается актуальной проблемой. Недостаточное финансирование, ограниченный доступ к образованию и здравоохранению, нарушение прав детей иногда сталкиваются с низким уровнем осведомленности и содействия со стороны самого общества. Поэтому дальнейшая работа в области защиты прав ребенка требует комплексных мер, направленных на устранение существующих проблем и повышение осведомленности среди населения о важности защиты прав детей.

Защита прав ребенка в конституционном праве Российской Федерации и Китайской Народной Республики является приоритетом для обоих государств. Несмотря на некоторые сложности, введение и соблюдение нормативных актов и законов в сфере защиты прав детей является важным шагом в направлении создания справедливого и безопасного окружения для каждого ребенка в обеих странах.

Библиография

1. Матюшева Т.Н. Конституционное право на образование и гарантии его реализации детьми со специальным социальным статусом в Российской Федерации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 46 с.
2. Свердлов В.Р. Защита прав детей как конституционная ценность // Конституция Российской Федерации и защита прав человека и гражданина: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Краснодар, 11 декабря 2013 года). Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2015. С. 143-146

Protection of the rights of the child in the constitutional law of the Russian Federation and the People's Republic of China

Yuliya R. Dashkina

Lecturer,
Penza State University,
440026, 40 Krasnaya str., Penza, Russian Federation;
e-mail: yu.rinatovna@bk.ru

Abstract

The protection of human and civil rights and freedoms is the main principle of the constitutions of the Russian Federation and the People's Republic of China. A person is endowed with these rights from birth. The protection of the constitutional rights of children is one of the most important tasks of modern society, which is why special attention should be paid to the issue of preserving the rights and freedoms of minors. The relevance of protecting the rights of minors in the countries under consideration can be easily explained by the size of the population and the socio-economic context. From a legal point of view, ensuring the rights of a child is not only a guarantee of his or her freedom, but also a guarantee of the future and high-quality development of society as a whole. In Russia and China, the constitution and a number of other legislative acts enshrine the fundamental rights of the child. However, despite the legislative enshrinement of rights, there are a number of specific problems associated with their practical implementation. This article provides a comparative analysis of the rights of the child in the Russian Federation and the People's Republic of China within the framework of constitutional legislation. The main objective is to identify the problems of implementing the constitutional rights of children. Possible solutions to these problems are proposed. The main aspect considered is the possibility of creating an effective system for protecting children's rights, as well as the importance of international cooperation in this area in order to resolve emerging issues.

For citation

Dashkina Yu.R. (2025) Zashchita prav rebenka v konstitutsionnom prave Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respublike [Protection of the rights of the child in the constitutional law of the Russian Federation and the People's Republic of China]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 135-141.

Keywords

Russian Federation, People's Republic of China, internal affairs agencies, constitutional rights and freedoms of the child, minors.

References

1. Matyusheva T.N. (2012) Konstitutsionnoe pravo na obrazovanie i garantii ego realizatsii det'mi so spetsial'nym sotsial'nym statusom v Rossiiskoi Federatsii. Dokt. Diss. Abstract [Constitutional right to education and guarantees of its implementation by children with special social status in the Russian Federation. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
2. Sverdlova V.R. (2015) Zashchita prav detei kak konstitutsionnaya tsennost' [Protection of children's rights as a constitutional value]. In: Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii i zashchita prav cheloveka i grazhdanina: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (Krasnodar, 11 dekabrya 2013 goda) [The Constitution of the Russian Federation and the protection of human and civil rights: Proc. Int. Conf.]. Krasnodar: Izdatel'skii Dom – Yug Publ., pp. 143-146

УДК 34**Трансформация финансовой системы России под воздействием криптовалют: текущие тренды и стратегические приоритеты****Первышов Евгений Анатольевич**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного и финансового права,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: epervyshov@ncfu.ru

Деникаева Разела Несюровна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры административного и финансового права,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: rdenikaeva@ncfu.ru

Селиверстов Данила Михайлович

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: SkipertDS@ya.ru

Олейник Ангелина Николаевна

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: angelinaolejnik3936@gmail.com

Аннотация

В условиях глобальной цифровизации и ускоренного развития блокчейн-технологий криптовалюты представляют собой перспективный инструмент для модернизации финансовой системы страны, повышения ее эффективности и прозрачности. Создание четкой нормативной базы для криптовалютных операций будет способствовать снижению рисков мошенничества, отмывания денег и финансирования терроризма, делая рынок более защищенным. Актуальность данной темы обусловлена прежде всего динамичностью и гибкостью финансовых механизмов в современных условиях. Важно также учитывать, что на данный момент многие зарубежные страны активно ищут применение данной технологии не только для повышения уровня жизни своего населения, но и для сотрудничества между собой.

Для цитирования в научных исследованиях

Первышов Е.А., Деникаева Р.Н., Селиверстов Д.М., Олейник А.Н. Трансформация финансовой системы России под воздействием криптовалют: текущие тренды и стратегические приоритеты // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 142-148.

Ключевые слова

Криптовалюта, мошенничество, отмывание денег, уровень жизни, нормативная база, финансовая система, цифровой рубль, контроль.

Введение

Из теории финансового права следует, что финансовая система – это совокупность финансовых учреждений, рынков и иных институтов, которые функционируют для эффективного поддержания экономики страны и уровня жизни граждан. Финансовая система РФ делится на централизованную и децентрализованную. К централизованной системе могут относиться государственные финансы и муниципальные, бюджетная система, включающая в себя федеральные бюджеты, бюджеты субъектов, местные, муниципальных районов, городские и сельские поселки. Децентрализованные делятся на домохозяйства и организации, которые бывают коммерческими и некоммерческими, и финансовые посредники [Карасева, 2007]

Взаимосвязь криптовалюты и финансовой системы РФ в современном мире является главным катализатором множества споров и дискуссий. Внедрение и использование криптовалют является новой альтернативой в международной экономике, позволяющей совершенствовать и упрощать глобальную финансовую систему. Для людей, не имеющих банковских счетов в другой стране, криптовалюта может стать инструментом повышения финансовой доступности. Криптовалюта и финансы находятся в состоянии постоянного взаимодействия, где инновации стимулируют развитие традиционной системы.

Основная часть

Криптовалюта, по нашему мнению, является основой будущей финансовой системы, которую могут активно использовать не только физические лица как собственный актив, но и государство для обеспечения собственного федерального бюджета, путем регулирования собственного законодательства и внедрения в него цифровой валюты и развития с ее помощью внешнеэкономического сотрудничества с другими странами.

Работа криптовалюты – это технологическая система по обеспечению безопасной, децентрализованной, анонимной транзакции между участниками обмена цифровой или виртуальной валюты. Данная технология использует криптографию для контроля создания новых единиц и защиты ее от подделки. В практическом плане это производится путем отправки криптовалюты от одного лица второму. Сама отправка сопровождается электронным сообщением, в котором указывается, сколько и кому нужно отправить. Это сообщение подписывается особым уникальным кодом, что создает уникальность транзакции, которая и обеспечивает ее полную безопасность от взлома и перехвата средств. Стоит обратить внимание на то, что без поддержания данной системы в рабочем состоянии транзакция не будет

осуществима, и для ее стабильного и качественного обеспечения работают сами пользователи этой сети – майнеры. Суть их работы заключается в том, чтобы создать наиболее защищенный и уникальный код, который будет сопровождать транзакцию, за что впоследствии они и получают вознаграждение в качестве процента от операций [Семенова, 2017]

Одной из преимуществ криптовалюты является децентрализация, подразумевающая под собой, что нет единого контролирующего органа власти. Децентрализация позволяет отправлять платежи напрямую от одного человека к другому без посредников и комиссий за переводы. Операции становятся более быстрыми и экономически выгодными по сравнению с традиционными платежными системами.

Отсутствие централизованного контроля над криптовалютными сетями позволяет обеспечить более повышенный уровень конфиденциальности. В отличие от других методов, где необходимо предоставлять личную информацию при совершении онлайн-покупок.

Государство не может оставить данную технологию без внимания, и, естественно, на популяризацию данной технологии последовала соответствующая реакция от правительств разных стран. Изначально к факту возникновения криптовалют относились достаточно отрицательно, поскольку данное новшество не было подконтрольно властям и недостаточно освоено, вследствие чего большая часть государств стали их запрещать и вводить ответственность за расчеты в криптовалюте. Однако после того, как стало ясно, что эмиссия криптовалюты не поддается контролю, государства предприняли попытки регулирования их оборота и налогообложения. В настоящее время зарубежные страны приходят к выводу, что криптовалюта становится новым перспективным направлением в экономике [Середа, 2020]

Первой страной в мире, которая выпустила собственную национальную криптовалюту, является Венесуэла. При этом она рассматривается как собственность, а не валюта. С февраля 2018 г. в Венесуэле началась продажа национальной криптовалюты с целью обхода санкций США и привлечения инвестиций для преодоления экономического кризиса [там же].

Что касается практики США, то криптовалюты в этой стране регулируются как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов. На федеральном уровне наиболее значимым законом является принятый Палатой представителей Закон о криптовалюте от 2020 года (HR 6154). В нем сформулировано легальное определение криптовалюты и других не менее важных терминов. Таким образом, закон США гласит, что криптовалюта – это «представления валюты Соединенных Штатов или синтетических деривативов, хранящихся в блокчейне или децентрализованном криптографическом реестре, включая такие представления или синтетические деривативы, которые являются цифровыми активами, обеспеченными резервами, которые полностью обеспечены на корреспондентском банковском счете, такие как стабильные монеты; и синтетические деривативы, которые определяются децентрализованными оракулами или смарт-контрактами и обеспечиваются криптоматериалами, другими криптовалютами или криптоценными ценными бумагами» [Закон о криптовалюте от 2020 года (H.R.6154), www] Также данный нормативно-правовой акт вводит термин «криптовалюты», представляющие собой экономические товары или услуги, включая производные инструменты, которые обладают полной или существенной взаимозаменяемостью.

Как можно заметить, иностранные государства активно используют данную технологию, стремятся ее вводить в разные сферы жизни общества и использовать во благо своих стран. Россия на текущий момент только начинает осваивать эту технологию. Российская Федерация

готова запустить свою цифровую валюту, однако она расходится с основными признаками и принципами криптовалюты. Проект ЦБ РФ представляет собой особую платформу, где будет производиться выпуск нового вида национальной валюты – «цифровых рублей» [Цифровой рубль, www]. Там же он будет открывать пользователям и банкам цифровые кошельки. Каждый человек сможет иметь только один такой цифровой кошелек – его можно будет открыть через мобильное приложение того банка, в котором есть карта или счет. После открытия цифрового кошелька на платформе Центробанка можно будет [там же]:

- Пополнять его с любого из своих текущих банковских счетов. Когда пользователь переведет на свой цифровой кошелек нужную сумму, такое же количество рублей спишется с банковского счета. Лимит таких переводов в месяц – 300 000 рублей.
- Переводить рубли на цифровые кошельки своих родственников и друзей. Для этого нужно только ввести номер телефона, указать сумму и подтвердить операцию через мобильное приложение банка. Деньги поступят на цифровой кошелек получателя мгновенно.
- Оплачивать товары и услуги в магазинах. Нужно будет только отсканировать QR-код и подтвердить оплату цифровыми рублями. Они спишутся с кошелька и поступят на кошелек продавца.
- Конвертировать цифровые рубли обратно в безналичные. Можно будет пополнить свой банковский счет с помощью цифровых рублей. Нужная сумма поступит на счет, а такое же количество цифровых рублей спишется с цифрового кошелька. Лимитов на такие операции не будет.

Основная особенность цифрового рубля заключается в том, что он эмитируется Центральным банком РФ, что сближает его по характеристикам с наличными денежными средствами, которые также подлежат эмиссии Банком России. Цифровой рубль предназначен для повышения эффективности внутренней платежной системы, обеспечения скорости и безопасности транзакций внутри страны. Он не является инструментом для уклонения от соблюдения законодательства [Такина, 2024].

Как можно заметить из основных положений цифрового рубля, он не является, по существу, криптовалютой, хотя это довольно большой прорыв для национального экономического сектора. По нашему мнению, Россия способна организовать программу по созданию собственной национальной криптовалюты, которая будет ориентирована на свои национальные особенности финансовой системы. Предлагаемый проект новой модели экономической системы Российской Федерации сосредоточен на использовании потенциала современных финансовых технологий, в частности, путем внедрения регулируемой государством криптовалюты. Ключевая идея заключается в том, чтобы аккумулировать преимущества цифровых активов для стимулирования экономического роста, повышения финансовой стабильности и расширения прав граждан.

Проект криптовалюты должен включать в себя несколько этапов подготовки к его реализации.

Во-первых, стоит обратить внимание на то, что придерживаться чистых принципов работы криптовалюты при сопряжении данной технологии с государственным сектором будет невозможно, поскольку некоторые принципы могут вредить государственной безопасности. К примеру, принцип анонимности транзакций между пользователями криптовалюты должен быть полностью либо частично упразднен, поскольку такие операции могут спонсировать экстремистские или террористические организации.

Во-вторых, должна быть создана группа специалистов, задачами которых будет являться постоянное поддержание данной сети в рабочем состоянии. Данный отдел будет заверять каждую транзакцию в системе, присваивать уникальный код. При этом любой другой субъект, который не является сотрудником данного отдела, не будет иметь доступа к кодам и транзакциям.

При осуществлении данного проекта на практике и адаптации его под национальное законодательство можно ожидать положительные последствия для финансовой системы РФ.

Прежде всего, речь идет о пополнении государственного бюджета, где криптовалюта может стать дополнительным источником доходов за счет комиссий за транзакции, налогов на прибыль от операций с криптовалютой, а также эмиссионного дохода.

Также, поскольку технология блокчейн является основой для работы криптовалюты, это служит дополнительным гарантом безопасности для проведения транзакций, за счет чего она и является неприступной для тех, кто хочет ее взломать. Стоит отметить, что для блокчейна может быть не обязательно наличие децентрализации, данная технология может быть привязана к единому центру без потери надежности хранящихся данных.

Кроме того, криптовалюта может быть более устойчива к инфляции, чем традиционные валюты, особенно если ее эмиссия ограничена.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, стоит подчеркнуть, что криптовалюта представляет собой не просто технологическое развитие, а мощный инструмент, способный коренным образом изменить финансовую систему. Благодаря своей децентрализованной структуре, способности осуществлять транзакции напрямую и защите с помощью криптографии, она создает ранее недоступные возможности для экономических связей, касающиеся как частных лиц, так и правительств разных стран.

Россия, только начинающая внедрять цифровые активы, обладает уникальной возможностью создать собственную криптовалюту, соответствующую ее экономическим условиям. Создание регулируемой государственной криптовалюты, сочетающей в себе инновационные технологии и гарантии безопасности, может стать ключевым фактором экономического роста и укрепления финансовой стабильности.

Криптовалюта способна не только пополнить государственный бюджет и повысить безопасность транзакций, но и открыть пространство для внешнеэкономического сотрудничества и инновационного развития страны.

Библиография

1. Закон о криптовалюте от 2020 года (H.R.6154). URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6154/text>.
2. Карасева М.В. Финансовое право Российской Федерации. М., 2007. 592 с.
3. Семенова Е.В. Анализ правового регулирования криптовалюты в отдельных странах // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 8 (26).
4. Середа И.М. Особенности правового регулирования криптовалюты: зарубежный ответ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-kriptovalyuty-zarubezhnyy-otvet>
5. Такина Е.В. Правовая природа цифрового рубля в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 3-1 (90). С. 155-158 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-tsifrovogo-rublya-v-rossii>

6. Цифровой рубль // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: <https://www.cbr.ru/fintech/dr/>

Transformation of the Russian financial system under the influence of cryptocurrencies: current trends and strategic priorities

Evgenii A. Pervyshov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law,
North Caucasus Federal University,
355017, 1 Pushkina str., Stavropol', Russian Federation;
e-mail: epervyshov@ncfu.ru

Razela N. Denikaeva

PhD in Economics,
Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law,
North Caucasus Federal University,
355017, 1 Pushkina str., Stavropol', Russian Federation;
e-mail: rdenikaeva@ncfu.ru

Danila M. Seliverstov

Student,
North Caucasus Federal University,
355017, 1 Pushkina str., Stavropol', Russian Federation;
e-mail: SkipertDS@ya.ru

Angelina N. Oleinik

Student,
North Caucasus Federal University,
355017, 1 Pushkina str., Stavropol', Russian Federation;
e-mail: angelinaolejnik3936@gmail.com

Abstract

In the context of global digitalization and accelerated development of blockchain technologies, cryptocurrencies are a promising tool for modernizing the country's financial system, increasing its efficiency and transparency. The creation of a clear regulatory framework for cryptocurrency transactions will help reduce the risks of fraud, money laundering and terrorist financing, making the market more secure. The relevance of this topic is primarily due to the dynamism and flexibility of financial mechanisms in modern conditions. It is also important to take into account that at the moment many foreign countries are actively looking for the use of this technology not only to improve the standard of living of their population, but also for cooperation with each other.

For citation

Pervyshov E.A., Denikaeva R.N., Seliverstov D.M., Oleinik A.N. (2025) Transformatsiya finansovoi sistemy Rossii pod vozdviem kriptovalyut: tekushchie trendy i strategicheskie priority [Transformation of the Russian financial system under the influence of cryptocurrencies: current trends and strategic priorities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 142-148.

Keywords

Cryptocurrency, fraud, money laundering, standard of living, regulatory framework, financial system, digital ruble, control.

References

1. Karaseva M.V. (2007) *Finansovoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Financial Law of the Russian Federation]. Moscow, 592 p.
2. Semenova E.V. (2017) Analiz pravovogo regulirovaniia kriptovaluty v ot del'nykh stranakh [Analysis of legal regulation of cryptocurrency in selected countries]. *Innovatsionnaia ekonomika: perspektivy razvitiia i sovershenstvovaniia* [Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement], 8 (26).
3. Sereda I.M. (2020) Osobennosti pravovogo regulirovaniia kriptovaluty: zarubezhnyi otvet [Features of legal regulation of cryptocurrency: foreign response]. *Vestnik Sibirskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-kriptovaluty-zarubezhnyy-otvet> [Accessed 24 April 2025].
4. Takina E.V. (2024) Pravovaia priroda tsifrovogo rubliia v Rossii [Legal nature of the digital ruble in Russia]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 3-1 (90), pp. 155-158. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-tsifrovogo-rublya-v-rossii> [Accessed 24 April 2025].
5. Tsifrovoy rubl' [Digital Ruble]. Ofitsial'nyi sait Tsentral'nogo banka Rossiiskoi Federatsii [Official website of the Central Bank of the Russian Federation]. URL: <https://www.cbr.ru/fintech/dr/> [Accessed 24 April 2025].
6. Zakon o kriptovaliute ot 2020 goda (H.R.6154) [Cryptocurrency Act of 2020 (H.R.6154)]. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6154/text> [Accessed 24 April 2025].

УДК 339.543**Особенности правового регулирования таможенных процедур в
особых экономических зонах****Коносов Дионис Канарисович**

Аспирант,
Московский гуманитарный университет,
111395, Российская Федерация, Москва, ул. Юности, 5;
e-mail: konosov.dionis@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей правового регулирования таможенных процедур в особых экономических зонах (ОЭЗ) Российской Федерации. Рассматриваются ключевые нормативно-правовые акты, регламентирующие применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны на территории ОЭЗ. Особое внимание уделяется специфике таможенного контроля, порядку совершения таможенных операций и ведения учета товаров в ОЭЗ. Цель исследования - выявить основные особенности и проблемные аспекты правового регулирования таможенных процедур в ОЭЗ, а также определить перспективные направления совершенствования законодательства в данной сфере. В работе применяются формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования. Проводится анализ положений Таможенного кодекса ЕАЭС, федеральных законов и подзаконных актов, регулирующих вопросы функционирования ОЭЗ и применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны. Результаты исследования показали, что правовое регулирование таможенных процедур в ОЭЗ имеет ряд существенных особенностей, обусловленных необходимостью создания благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности на данных территориях. К таким особенностям относятся: освобождение от уплаты таможенных пошлин и налогов при ввозе иностранных товаров, возможность применения процедуры свободной таможенной зоны в отношении товаров ЕАЭС, особый порядок завершения таможенной процедуры и определения статуса произведенных товаров, специфика таможенного контроля и ведения учета товаров. Вместе с тем выявлен ряд проблемных аспектов, требующих дальнейшего совершенствования законодательства, в том числе: сложность определения статуса товаров, произведенных с использованием иностранных компонентов, недостаточный учет специфики отдельных видов ОЭЗ, необходимость дальнейшей гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС. На основе проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования таможенных процедур в ОЭЗ, направленные на упрощение административных процедур, повышение эффективности таможенного контроля и создание более благоприятных условий для резидентов ОЭЗ.

Для цитирования в научных исследованиях

Коносов Д.К. Особенности правового регулирования таможенных процедур в особых экономических зонах// Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 149-157.

Ключевые слова

Особые экономические зоны, таможенные процедуры, свободная таможенная зона, таможенный контроль, таможенное регулирование, ЕАЭС, резиденты ОЭЗ, таможенное законодательство.

Введение

Особые экономические зоны (ОЭЗ) представляют собой специфические территории с льготными экономическими условиями для национальных и иностранных предпринимателей. Одним из ключевых элементов функционирования ОЭЗ является особый порядок таможенного регулирования, который призван стимулировать развитие определенных видов экономической деятельности. Правовое регулирование таможенных процедур в ОЭЗ имеет ряд особенностей, обусловленных спецификой данных территорий и целями их создания.

Материалы и методы

В работе использованы следующие методы научного исследования:

1. Формально-юридический метод - для анализа содержания нормативно-правовых актов, регулирующих таможенные процедуры в ОЭЗ, выявления особенностей правовых норм.
2. Сравнительно-правовой метод - для сопоставления норм таможенного законодательства ЕАЭС и Российской Федерации, регулирующих общий порядок таможенных процедур и специальные нормы для ОЭЗ.
3. Системный подход - для комплексного рассмотрения правового регулирования таможенных процедур в ОЭЗ как целостной системы взаимосвязанных элементов.
4. Метод правового моделирования - для разработки предложений по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере.
5. Формально-логический метод - для формулирования выводов исследования на основе анализа нормативных актов и научной литературы.

Литературный обзор

Правовую основу функционирования ОЭЗ в России составляет Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ "Об особых экономических зонах в Российской Федерации" [Гаджиев, Коваленко, 2010]. Данный закон определяет ОЭЗ как часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны.

Таможенное регулирование в ОЭЗ осуществляется в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза ЕАЭС и законодательством Российской Федерации о таможенном деле с учетом особенностей, установленных Федеральным законом № 116-ФЗ. Ключевым элементом таможенного регулирования в ОЭЗ является применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны.

Таможенная процедура свободной таможенной зоны регламентируется главой 27 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [Арбитражный процессуальный

кодекс Российской Федерации, www]. Согласно ст. 201 ТК ЕАЭС, таможенная процедура свободной таможенной зоны - таможенная процедура, применяемая в отношении иностранных товаров и товаров Союза, в соответствии с которой такие товары размещаются и используются в пределах территории СЭЗ или ее части без уплаты таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин при соблюдении условий помещения товаров под эту таможенную процедуру и их использования в соответствии с такой таможенной процедурой.

Особенности применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны на территории ОЭЗ в Российской Федерации определяются Соглашением по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны от 18 июня 2010 года [Нешатаева, 2023].

Одной из ключевых особенностей правового регулирования таможенных процедур в ОЭЗ является освобождение от уплаты таможенных пошлин и налогов при ввозе иностранных товаров на территорию ОЭЗ. Данная льгота позволяет резидентам ОЭЗ существенно снизить издержки при импорте сырья, оборудования и комплектующих для производства продукции. При этом важно отметить, что освобождение от уплаты таможенных платежей носит условный характер и действует только в период нахождения товаров под таможенной процедурой свободной таможенной зоны.

Еще одной важной особенностью является возможность применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны в отношении товаров Евразийского экономического союза. Это позволяет резидентам ОЭЗ использовать как импортные, так и отечественные товары в рамках единого производственного цикла, что способствует развитию кооперационных связей и повышению локализации производства.

Правовое регулирование таможенных процедур в ОЭЗ предусматривает особый порядок завершения таможенной процедуры свободной таможенной зоны. Согласно ст. 207 ТК ЕАЭС, действие таможенной процедуры свободной таможенной зоны завершается помещением товаров под таможенные процедуры, предусмотренные Таможенным кодексом ЕАЭС, за исключением таможенной процедуры таможенного транзита, либо выводом товаров с территории СЭЗ без завершения действия таможенной процедуры свободной таможенной зоны в случаях, установленных пунктом 3 указанной статьи.

При этом особое значение имеет определение статуса товаров, изготовленных (полученных) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны. В соответствии со ст. 210 ТК ЕАЭС, товары, изготовленные (полученные) из иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, для целей вывоза с территории СЭЗ могут признаваться товарами Союза при условии, что такие товары признаны товарами Союза в соответствии со статьей 210 ТК ЕАЭС.

Важной особенностью правового регулирования таможенных процедур в ОЭЗ является установление особого порядка совершения таможенных операций. Так, в соответствии с п. 4 ст. 205 ТК ЕАЭС, в отношении товаров, помещаемых под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, таможенные операции, связанные с таможенным декларированием и выпуском товаров, совершаются в местах, определяемых в соответствии с законодательством государств-членов о таможенном регулировании.

В Российской Федерации порядок совершения таможенных операций в отношении товаров, помещаемых под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, определяется Федеральной таможенной службой. Так, приказом ФТС России от 13.10.2015 № 2034 утвержден

Порядок совершения таможенных операций при помещении товаров под таможенную процедуру свободной таможенной зоны и при завершении действия таможенной процедуры свободной таможенной зоны [Определение ВС РФ № 308-ЭС19-18779, [www](#)].

Данный порядок предусматривает ряд особенностей совершения таможенных операций в ОЭЗ, в том числе:

- возможность подачи декларации на товары до их ввоза на территорию ОЭЗ;
- особенности декларирования товаров, ввозимых в несобранном или разобранном виде;
- порядок идентификации товаров, помещаемых под таможенную процедуру свободной таможенной зоны;
- особенности завершения действия таможенной процедуры свободной таможенной зоны.

Особое внимание в правовом регулировании таможенных процедур в ОЭЗ уделяется вопросам таможенного контроля. В соответствии со ст. 214 ТК ЕАЭС, таможенный контроль в СЭЗ осуществляется таможенными органами в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза и законодательством государств-членов.

При этом законодательством государств-членов могут устанавливаться особенности проведения таможенного контроля и совершения таможенных операций на территориях СЭЗ с учетом особенностей функционирования СЭЗ, установленных законодательством государств-членов.

В Российской Федерации особенности таможенного контроля на территории ОЭЗ определяются Федеральным законом от 03.08.2018 № 289-ФЗ "О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [Определение ВС РФ № 305-ЭС20-16179, [www](#)]. Так, в соответствии со ст. 264 указанного закона, таможенный контроль в ОЭЗ осуществляется таможенными органами в соответствии с правом ЕАЭС и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании.

Важной особенностью таможенного контроля в ОЭЗ является возможность его осуществления в форме таможенного наблюдения за территорией ОЭЗ. Данная форма контроля позволяет таможенным органам оперативно выявлять нарушения таможенного законодательства и пресекать незаконное перемещение товаров через границы ОЭЗ.

Еще одной особенностью правового регулирования таможенных процедур в ОЭЗ является установление особого порядка ведения учета товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, и товаров, изготовленных (полученных) с использованием таких товаров. В соответствии со ст. 213 ТК ЕАЭС, резиденты (участники, субъекты) СЭЗ ведут учет товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, и товаров, изготовленных (полученных) с использованием товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, и представляют отчетность о таких товарах таможенному органу.

Порядок ведения учета товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, и товаров, изготовленных (полученных) с использованием товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, формы отчетности о таких товарах, порядок заполнения этих форм и порядок и сроки представления в таможенный орган такой отчетности определяются законодательством государств-членов.

В Российской Федерации данный порядок установлен приказом ФТС России от 13.10.2015 № 2035 "Об утверждении Порядка ведения учета товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, и товаров, изготовленных (полученных) с использованием товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной

зоны, на территории особой экономической зоны или логистической особой экономической зоны, форм отчетности о таких товарах, Порядка заполнения этих форм и Порядка и сроков представления в таможенный орган отчетности о таких товарах" [Определение ВС РФ № 305-ЭС20-5112, [www](http://www.rosarbitr.ru)].

Результаты

Анализ правового регулирования таможенных процедур в ОЭЗ позволяет выделить ряд проблемных аспектов, требующих дальнейшего совершенствования законодательства. Одной из таких проблем является сложность определения статуса товаров, изготовленных с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны [Определение ВС РФ № 305-ЭС20-16127, [www](http://www.rosarbitr.ru), с. 25]. Существующий порядок признания таких товаров товарами Союза требует проведения экспертизы и представления значительного объема документов, что может создавать дополнительные административные барьеры для резидентов ОЭЗ.

Другой проблемой является недостаточная гибкость правового регулирования в отношении отдельных видов ОЭЗ [8, с. 27]. Так, действующее законодательство не в полной мере учитывает специфику функционирования портовых и туристско-рекреационных ОЭЗ, что может снижать эффективность применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны на их территории [Определение ВС РФ № 305-ЭС20-4607, [www](http://www.rosarbitr.ru), с. 113].

Кроме того, актуальной остается проблема гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере регулирования таможенных процедур в ОЭЗ [10, с. 9]. Несмотря на наличие единой нормативной базы на уровне ЕАЭС, национальные законодательства государств-членов содержат ряд различий, что может создавать неравные условия для резидентов ОЭЗ в разных странах.

Обсуждение

В целях совершенствования правового регулирования таможенных процедур в ОЭЗ представляется целесообразным:

1. Упростить порядок определения статуса товаров, изготовленных с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, в том числе путем внедрения автоматизированных систем учета и контроля движения товаров.
2. Разработать специальные нормы, учитывающие особенности функционирования отдельных видов ОЭЗ, в частности портовых и туристско-рекреационных.
3. Продолжить работу по гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере регулирования таможенных процедур в ОЭЗ, в том числе путем принятия единых подзаконных актов на уровне ЕАЭС.
4. Расширить применение цифровых технологий в таможенном администрировании в ОЭЗ, в том числе путем внедрения технологий блокчейн для обеспечения прозрачности и безопасности операций.

Таким образом, правовое регулирование таможенных процедур в особых экономических зонах характеризуется рядом специфических особенностей, обусловленных необходимостью создания благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности на данных территориях. Ключевым элементом такого регулирования является применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны, которая позволяет резидентам ОЭЗ получать

существенные таможенные льготы.

Вместе с тем, анализ действующего законодательства и практики его применения выявляет ряд проблемных аспектов, требующих дальнейшего совершенствования правового регулирования. Решение этих проблем позволит повысить эффективность функционирования ОЭЗ и усилить их роль в развитии экономики Российской Федерации и Евразийского экономического союза в целом.

Заключение

Проведенное исследование особенностей правового регулирования таможенных процедур в особых экономических зонах позволяет сделать следующие выводы:

Правовое регулирование таможенных процедур в ОЭЗ характеризуется рядом существенных особенностей, обусловленных необходимостью создания благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности на данных территориях. Ключевым элементом такого регулирования является применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны, которая позволяет резидентам ОЭЗ получать значительные таможенные льготы.

Основу правового регулирования составляют нормы Таможенного кодекса ЕАЭС, федеральных законов и подзаконных актов, устанавливающие особый порядок совершения таможенных операций, проведения таможенного контроля и ведения учета товаров в ОЭЗ. При этом важную роль играют международные соглашения в рамках ЕАЭС, направленные на унификацию подходов к регулированию ОЭЗ.

Анализ действующего законодательства и практики его применения выявляет ряд проблемных аспектов, требующих дальнейшего совершенствования правового регулирования. К ним относятся: сложность определения статуса товаров, произведенных с использованием иностранных компонентов, недостаточный учет специфики отдельных видов ОЭЗ, необходимость дальнейшей гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС.

Перспективными направлениями совершенствования правового регулирования таможенных процедур в ОЭЗ представляются:

- упрощение порядка определения статуса товаров, произведенных в ОЭЗ;
- разработка специальных норм для отдельных видов ОЭЗ (портовых, туристско-рекреационных);
- дальнейшая гармонизация законодательства государств-членов ЕАЭС;
- расширение применения цифровых технологий в таможенном администрировании.

Развитие правового регулирования таможенных процедур в ОЭЗ должно осуществляться с учетом баланса интересов государства и бизнеса, а также международных обязательств Российской Федерации. Только такой подход позволит создать действительно эффективный механизм стимулирования экономического развития через институт особых экономических зон.

Важным направлением совершенствования законодательства является повышение прозрачности и предсказуемости правового регулирования для резидентов ОЭЗ. Это может быть достигнуто путем более четкой регламентации процедур таможенного контроля, упрощения порядка ведения учета товаров, расширения возможностей электронного взаимодействия с таможенными органами.

Необходимо продолжить работу по созданию единой цифровой среды функционирования ОЭЗ, интегрированной с информационными системами таможенных и налоговых органов. Это позволит повысить эффективность контроля за соблюдением резидентами ОЭЗ установленных

требований при одновременном снижении административной нагрузки.

Таким образом, дальнейшее совершенствование правового регулирования таможенных процедур в особых экономических зонах должно быть направлено на создание максимально благоприятных условий для резидентов при обеспечении эффективного государственного контроля. Это будет способствовать повышению инвестиционной привлекательности ОЭЗ и усилению их роли в развитии экономики Российской Федерации.

Библиография

1. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ "Об особых экономических зонах в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017.
3. Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны (заключено в г. Санкт-Петербурге 18.06.2010) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 35. Ст. 4811.
4. Приказ ФТС России от 13.10.2015 № 2034 "Об утверждении Порядка совершения таможенных операций при помещении товаров под таможенную процедуру свободной таможенной зоны и при завершении действия таможенной процедуры свободной таможенной зоны" // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 8.
5. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ "О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5082.
6. Приказ ФТС России от 13.10.2015 № 2035 "Об утверждении Порядка ведения учета товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, и товаров, изготовленных (полученных) с использованием товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, на территории особой экономической зоны или логистической особой экономической зоны, форм отчетности о таких товарах, Порядка заполнения этих форм и Порядка и сроков представления в таможенный орган отчетности о таких товарах" // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 5.
7. Агагомедова С.А. Административно-правовое регулирование таможенных отношений в условиях новых вызовов // Таможенное дело. 2023. N 2. С. 25 - 28.
8. Бакаева О. Ю. Основные направления применения цифровых методов и технологий в таможенной сфере: правовые вопросы // Вопросы экономики и права. 2019. № 2.-С.27-39.
9. Овчинникова Л. С. Особенности применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны / Л. С. Овчинникова // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы : сборник статей Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, Иркутск, 22 мая 2021 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "ОМЕГА САЙНС", 2021. – С. 113-116.
10. Кожанков А. Ю. Развитие административно-правового института таможенных операций, связанных с помещением товаров под таможенную процедуру : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кожанков Антон Юрьевич. – Люберцы, 2012. – 31 с.

Features of Legal Regulation of Customs Procedures in Special Economic Zones

Dionis K. Konosov

Postgraduate Student,
Moscow University for the Humanities,
111395, 5, Yunosti str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: konosov.dionis@mail.ru

Abstract

The article analyzes the features of legal regulation of customs procedures in special economic zones (SEZs) of the Russian Federation, examining key regulatory legal acts governing the application of the free customs zone procedure in SEZs. Special attention is paid to the specifics of customs control, the procedure for performing customs operations, and maintaining records of goods in SEZs. The study aims to identify the main characteristics and problematic aspects of legal regulation of customs procedures in SEZs, as well as to determine promising directions for improving legislation in this area. Using formal-legal and comparative legal research methods, the author analyzes provisions of the EAEU Customs Code, federal laws, and by-laws regulating SEZ operations and the application of the free customs zone procedure. The results reveal that the legal regulation of customs procedures in SEZs has several significant features, including exemption from customs duties and taxes on imported foreign goods, the possibility of applying the free customs zone procedure to EAEU goods, special procedures for completing customs processes and determining the status of manufactured goods, and specific customs control and record-keeping requirements. However, the study also identifies problematic aspects requiring legislative improvements, such as difficulties in determining the status of goods produced using foreign components, insufficient consideration of the specifics of certain types of SEZs, and the need for further harmonization of EAEU member states' legislation. Based on the analysis, the author proposes measures to enhance the legal regulation of customs procedures in SEZs, aimed at simplifying administrative processes, improving the efficiency of customs control, and creating more favorable conditions for SEZ residents.

For citation

Konosov D.K. (2025) *Osobennosti pravovogo regulirovaniya tamozhennykh protsedur v osobykh ekonomicheskikh zonakh* [Features of Legal Regulation of Customs Procedures in Special Economic Zones]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 149-157.

Keywords

Special economic zones, customs procedures, free customs zone, customs control, customs regulation, EAEU, SEZ residents, customs legislation

Referents

1. Federal Law No. 116-FZ of 07/22/2005 "On Special Economic Zones in the Russian Federation" // Collection of Legislators of the Russian Federation. 2005. No. 30 (part II). 3127.2.
2. Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union) // Official Website of the Eurasian Economic Union <http://www.eaeunion.org/>, 04/12/2017.
3. Agreement on free (special, special) economic zones in the customs territory of the Customs Union and the customs procedure of the free customs zone (concluded in St. Petersburg on 18.06.2010) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2012. No. 35. Art. 4811.
4. Order of the Federal Customs Service of Russia dated 13.10.2015 No. 2034 "On Approval of the Procedure for Customs operations when Goods are placed under the Customs procedure of a free customs zone and upon Completion of the Customs procedure of a free customs zone" // Bulletin of Regulatory acts of Federal executive authorities. 2016. № 8.
5. Federal Law No. 289-FZ dated 08/03/2018 "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 32 (part I). Art. 5082.
6. Order of the Federal Customs Service of Russia dated 13.10.2015 No. 2035 "On Approval of the Accounting Procedure for Goods Placed under the Customs Procedure of a Free Customs Zone and Goods Manufactured (Received) using

-
- Goods Placed under the Customs Procedure of a Free Customs Zone on the Territory of a Special Economic zone or a Logistics special Economic zone, and Reporting Forms for Such Goods, The procedure for filling out these forms and the Procedure and deadlines for submitting reports on such goods to the customs authority" // Bulletin of Regulatory acts of federal executive authorities. 2016. № 5.
7. Agamagomedova S.A. Administrative and legal regulation of customs relations in the context of new challenges // Customs business. 2023. N 2. pp. 25-28.
 8. Bakayeva O. Y. The main directions of application of digital methods and technologies in the customs sphere: legal issues // Issues of economics and law. 2019. No. 2, pp. 27-39.
 9. Ovchinnikova L. S. Features of the application of the customs procedure of the free customs zone / L. S. Ovchinnikova // Traditional and innovative science: history, current state, prospects: collection of articles of the National (All-Russian) Scientific and Practical Conference, Irkutsk, May 22, 2021. Ufa: OMEGA SCIENCES Limited Liability Company, 2021, pp. 113-116.
 10. Kozhenkov A. Y. Development of the administrative and legal institute of customs operations related to the placement of goods under the customs procedure : specialty 12.00.14 "Administrative law; administrative process" : abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law / Kozhenkov Anton Yuryevich. Lyubertsy, 2012. – 31 p.
-

УКД 34

Проблемы правового регулирования диагностики и редактирования генома эмбриона

Новикова Дарья Анатольевна

Аспирант,
Югорский государственный университет,
628012, Российская Федерация, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16;
e-mail: darya.08.98@mail.ru

Аннотация

В последнее время тематика диагностики и редактирования генома эмбриона стала одной из самых обсуждаемых и вызвавших многочисленное количество дискуссий не только в правовой сфере, но и в медицине, науке и религии. Одновременно с перспективами лечения репродуктивных и генетических заболеваний, технологии диагностики и редактирования генома открывают двери весомым моральным, этическим и правовым вопросам. И если наука и медицина готовы к внедрению данных технологий в современную жизнь, то правовое регулирование не отвечает техническому прогрессу. В настоящее время законодательное регулирование рассматриваемой области фактически отсутствует. Актуальность избранной темы обоснована необходимостью создания действенной правовой базы, учитывающей текущее состояние и развитие технологий редактирования генома и соответствующих этических вопросов.

Для цитирования в научных исследованиях

Новикова Д.А. Проблемы правового регулирования диагностики и редактирования генома эмбриона // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 158-164.

Ключевые слова

Геном, право, проблемы правового регулирования, эмбрион.

Введение

История геномного редактирования в нашей стране начинается приблизительно с двухтысячных годов (период, когда начались активные исследования в указанной области) однако несмотря на то, что эта история продолжается уже более двадцати лет, законодательство на развитие технологий в сфере редактирования генома не реагирует, нормативная база остается неизменной уже на протяжении длительного периода времени. Следует признать, что и те отдельные нормы, существующие в отечественном законодательстве, направленные на регулирование правоотношений, складывающихся в сфере применения технологий редактирования генома, крайне недостаточны и не соответствуют современному состоянию данных технологий и возможностям их применения.

Основное содержание

Обращаясь к анализу исторического опыта правового регулирования репродуктивных прав в Российской Федерации, необходимо отметить, что, несомненно, важной вехой в признании этих прав женщин стало принятие 29 июля 1971 года Закона «О здравоохранении» Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. В статье 66 указанного закона установили, что для обеспечения охраны здоровья женщины ей предоставляется право самой решать вопрос о материнстве.

Закон Российской Федерации, утвержденный Постановлением Верховного Совета 22 июля 1993 года под номером 5487-1 и названный «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан», в статье 22 содержит весьма прогрессивные для рассматриваемого периода времени положения, в части прав граждан на бесплатные консультации по вопросам брачно-семейных отношений, в том числе планирования семьи, рождения детей, также в статье 23 данного закона отдельно прописаны права беременных женщин и матерей.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в девятнадцатом - двадцатом веках получили свое развитие концепции контроля рождаемости и необходимости государственного вмешательства в интимную сферу репродуктивных прав граждан. И если поначалу эти идеи зрели в умах отдельных личностей, то с течением времени на данную проблему обратили внимание на государственном уровне. В 1960-х годах обсуждения о необходимости правового регулирования репродуктивной сферы и вмешательства государства в данную область стала обсуждаться на мировом уровне, так как именно в данный период работу в соответствующем направлении возглавил Фонд народонаселения ООН.

Двадцатое столетие ознаменовалось беспрецедентными изменениями в сфере воспроизводства человеческого рода, изменениями, масштабы которых не имеют аналогов в истории. Технологический прогресс сыграл решающую роль в массовом распространении методов контроля рождаемости среди женщин, позволив им не просто активно участвовать, но и самостоятельно принимать решения в планировании семьи. Параллельно с этим, развитие медицинских технологий и генетики обеспечило доступ к высококачественным и ранее неизвестным услугам в сфере репродуктивного здоровья и реализации репродуктивных прав как для женщин, так и для мужчин. Однако последствия этих перемен выходят далеко за пределы чисто биологических аспектов воспроизводства. Их влияние проникает в моральные, правовые, политические, культурные и психосоциальные сферы жизнедеятельности общества,

порождая многочисленные и многоаспектные дискуссии. В целом, изменения в сфере воспроизводства человеческого рода в XX веке являются сложным и многогранным феноменом, затрагивающим различные аспекты жизни общества. Технический прогресс, расширение и облегчение доступа к медицинским технологиям и трансформации в социальных нормах привели к революционным переменам, которые продолжают оказывать глубокое влияние на демографические процессы, социальные нормы и культурные ценности. Анализ этих перемен требует междисциплинарного подхода, объединяющего знания из области медицины, социологии, политологии, этики и философии. Более глубокое понимание этих процессов необходимо для разработки эффективных стратегий, направленных на обеспечение репродуктивного здоровья населения и социального благополучия.

Репродуктивные права за последние пятьдесят-шестьдесят лет неоднократно становились поводом для обсуждения на различных международных конференциях, однако единого подхода к пониманию и регламентированию данного института у различных государств не выработано, да и едва ли возможно отыскать универсальный способ правовой регламентации для совершенно различных по своей природе правовых систем.

Предполагаем, что в каждом государстве должен вырабатываться свой, уникальный порядок охраны и регулирования репродуктивных прав исходя из индивидуальных характеристик законодательной системы государства, менталитета населения, а также с учетом иных социальных регуляторов сложившихся у населения внутри страны (традиции, обычаи, религиозные нормы и так далее).

Законодательство в этой области, безусловно, должно обеспечить гармонию между общественными и частными интересами, интересами государства, медицинских учреждений, индивидуумов и общества в целом.

Для создания правовых норм, регулирующих реализацию репродуктивных прав граждан и людей, а также любые вмешательства со стороны государства, медицинских учреждений или других сторон в этот процесс, требуется всесторонняя научная дискуссия. В частности, необходимо провести междисциплинарное исследование указанных вопросов, охватывающее этические, философские, медицинские, биологические и правовые аспекты.

Однако, не вызывает сомнений, что национальное законодательство все же должно развиваться в ключе общепризнанных международными актами принципов и гарантий.

Среди существующей на сегодняшний день отечественной нормативной базы следует выделить федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Данный закон содержит общие принципы и основы охраны здоровья граждан. Какое-либо специальное законодательство в сфере репродуктивных прав, и тем более, диагностики и редактирования генома человеческого эмбриона отсутствует.

Вместе с тем, указанная сфера требует детального регулирования прав человека (пациента), человеческого эмбриона, ответственности учреждений, применяющих данные технологии и их работников, ответственности генетических родителей в том числе с учетом этических и моральных аспектов.

Следует также выделить проблему неопределенности правового статуса эмбриона в Российской Федерации.

Незатронутым законодателем остается вопрос об охране прав индивидов, которые будут рождены в результате применения технологий генетического редактирования.

Сложной остается проблема прав человека на геном, который рассматривается как

неотъемлемая часть индивидуальной идентификации и правового статуса. На сегодняшний день международное право, касающееся редактирования генома, ограничивается в основном принципами, и наблюдается необходимость создания более четких правовых рамок. При этом понимание права на геном варьируется в различных правовых системах, культурах и даже религии, что порождается множество дискуссий и споров.

Нет однозначного ответа и на многогранный вопрос о необходимости патентования методик редактирования генома эмбриона, что вызывает в научном сообществе обсуждения и разногласий. С одной стороны, это привычный способ защиты своих открытий учеными, с другой стороны, подобный подход может помешать самой главной цели внедрения данных технологий – лечению наследственных и генетических заболеваний.

Различные сложные многоаспектные этические и правовые проблемы редактирования генома эмбрионов, такие как возможность применения технологий не для лечения, а для евгенических практик создания «дизайнерских детей», потенциальные, неизученные и сложнопрогнозируемые риски для здоровья будущих поколений и вопросы справедливости в доступе к таким технологиям, требуют тщательного анализа и междисциплинарного обсуждения. Данные проблемы не могут оставаться без внимания, поскольку они затрагивают не только права отдельных граждан, но и интересы общества и государства в целом.

Вместе с тем, гибкость и некоторая неопределённость, существующая в правовых нормах отечественного законодательства, создает привлекательную среду для развития научных технологий в этой области.

Одной из наиболее обсуждаемых тем является цель генетической терапии. Этические рекомендации подчеркивают, что генетические изменения должны быть направлены исключительно на лечение заболеваний с недопустимостью стремления к «изменению» человека как такового [Редактирование генома человека: управление технологическими рисками, [www](#)]. Подобный подход обусловлен опасением общественности в вопросах необходимости сохранения естественного генофонда, а также недопустимостью проведения опасных экспериментов над человеком.

Исследования в указанной области подтверждают, что обозначенные проблемные вопросы лежат не только в правовой плоскости, но также в медицинской, моральной, этической.

Полагаем, что при разработке мер правового регулирования сферы диагностики и редактирования генома эмбрионов следует обратить внимание на различные аспекты, в том числе перечисленные и предложенные далее.

Во-первых, первой задачей, стоящей перед законодателем, является задача определения четких и однозначных пределов, в которых допустимо использование технологий диагностики и редактирования генома эмбриона. Полагаем, что к допустимым целям редактирования генома, можно отнести диагностику, предупреждение и лечение наследственных и генетических заболеваний. При этом полагаем противоправным и недопустимым возможность использования технологий для изменения физических или когнитивных характеристик эмбрионов, то есть евгенических практик.

Во-вторых, крайне важным представляется задача жесткого государственного контроля над учреждениями оказывающим услуги по диагностике и редактированию генома эмбриона. Деятельность данных учреждений должна быть лицензируемой, прозрачной и строго подконтрольной, во избежание произвольных практик и выходов за допустимые пределы технологий редактирования генома, обозначенные выше. Вместе с тем, при решении данной

задачи следует соблюсти баланс между прозрачностью в деятельности учреждений и конфиденциальностью сведений о пациентах, во избежание общественного порицания или дискриминации людей по признаку генетического редактирования.

Просвещение населения и диалог с ним также являются необходимым условием при разработке мер законодательного регулирования в столь неоднозначной сфере. Разработка и внедрение просветительских и образовательных программ, посвященных вопросам диагностики и редактирования генома эмбриона, не только поможет общественности лучше изучить возможности и риски применения генетических технологий, но и создаст основу для активного диалога между представителями общественности, учеными и законодателями. Такие мероприятия должны способствовать развитию осознанного отношения к вопросам генетической модификации и редактирования [Васильев, 2022].

Безусловно, еще одним необходимым условием для разработки эффективных мер правового регулирования является межгосударственный обмен опытом и сотрудничество в разработке эффективных мер.

На международном уровне активно развиваются транснациональные научные платформы, способствующие обмену знаниями и выработке согласованных подходов к правовому регулированию. Например, на международном саммите по вопросам редактирования генов человека, организованным совместно Национальными академиями наук и медицины США, Британским королевским обществом и Академией наук КНР, состоявшемся в 2015 году, ученые и правозащитники обсудили, что клиническое применение наследуемого редактирования в данный момент было бы безответственным, поскольку ещё не решены вопросы безопасности и эффективности, а также не достигнут широкий общественный консенсус относительно приемлемости данной процедуры [Учаев, www]. Участие в таких дискуссиях может помочь выработать действенные методы регулирования и избежать вероятных рисков, вызванных применением генных технологий.

Представляется, что разработка законодательства с учетом вышеизложенных рекомендаций может поспособствовать созданию правовой основы для безопасного редактирования генома, обеспечивая защиту прав отдельных граждан и населения в целом.

Заключение

В целом, как внутригосударственное, так и международное право еще не готово ответить на все вопросы генетического редактирования эмбрионов. Вместе с тем, регламентация указанной сферы крайне необходима и вызвана развитием науки, а также продиктована необходимостью защиты прав человека и гражданина, являющихся в нашем государстве высшей ценностью, в частности его правом на охрану здоровья и на получение необходимого лечения, в том числе и генетических заболеваний.

Законодательство должно определить пределы, в которых допустимо использование технологий диагностики и редактирования генома эмбриона исходя из возможностей науки, мнения населения и с учетом требований этики. Только междисциплинарный, комплексный подход к правовой регламентации технологий редактирования генома эмбриона поможет выработать эффективные и справедливые меры законодательного регулирования. При этом, первой целью при разработке данных мер должна оставаться цель защиты прав и свобод человека, населения в целом и будущих поколений.

Библиография

1. Редактирование генома человека: управление технологическими... [Электронный ресурс] // www.pgplaw.ru - Режим доступа: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/redaktirovanie-genoma-cheloveka-upravlenie-tekhnologicheskimi-riskami-pravovymi-sredstvami>
2. Васильев С. А. Новеллы современного отечественного законодательства в сфере геномной терапии и перспективы их внедрения в повседневную жизнь / С. А. Васильев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 4 (32). С. 82-96. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-4-82-96
3. Учаев Е. Ученые на страже генома [Электронный ресурс] / russiancouncil.ru/ - Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uchyeniye-na-strazhe-genoma/>
4. Zaami S. et al. Ethical, legal and social issues (ELSI) associated with non-invasive prenatal testing: reflections on the evolution of prenatal diagnosis and procreative choices // *Genes*. – 2021. – Т. 12. – №. 2. – С. 204.
5. Practice Committee of the American Society for Reproductive Medicine et al. Guidance regarding gamete and embryo donation // *Fertility and sterility*. – 2021. – Т. 115. – №. 6. – С. 1395-1410.
6. Zhang S. et al. A comprehensive and universal approach for embryo testing in patients with different genetic disorders // *Clinical and translational medicine*. – 2021. – Т. 11. – №. 7. – С. e490.
7. Capalbo A. et al. Screening embryos for polygenic disease risk: a review of epidemiological, clinical, and ethical considerations // *Human reproduction update*. – 2024. – Т. 30. – №. 5. – С. 529-557.
8. Chen L. et al. Non-invasive embryo selection strategy for clinical IVF to avoid wastage of potentially competent embryos // *Reproductive biomedicine online*. – 2022. – Т. 45. – №. 1. – С. 26-34.
9. Kumar A. et al. Whole-genome risk prediction of common diseases in human preimplantation embryos // *Nature medicine*. – 2022. – Т. 28. – №. 3. – С. 513-516.
10. Evans D., Pickering N. (ed.). *Conceiving the embryo: ethics, law and practice in human embryology*. – Martinus Nijhoff Publishers, 2023.

Problems of legal regulation of embryo genome diagnosis and editing

Dar'ya A. Novikova

Postgraduate student,
Yugra State University,
628012, 16 Chekhova str., Khanty-Mansiysk, Russian Federation;
e-mail: darya.08.98@mail.ru

Abstract

The issues surrounding embryo genome diagnostics and editing have recently become one of the most debated topics, sparking numerous discussions not only in legal spheres but also in medicine, science, and religion. While these technologies offer promising solutions for treating reproductive and genetic disorders, they simultaneously raise significant moral, ethical, and legal concerns. Whereas science and medicine appear ready to integrate these technologies into modern practice, legal frameworks lag behind technological progress. Currently, there is virtually no comprehensive legislation governing this field. The relevance of this research stems from the urgent need to develop an effective legal framework that accounts for both current advancements in genome editing technologies and their accompanying ethical implications.

For citation

Novikova D.A. (2025) Problemy pravovogo regulirovaniya diagnostiki i redaktirovaniya genoma embriona [Legal regulation challenges in embryo genome diagnostics and editing]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 158-164.

Keywords

Genome, law, legal regulation challenges, embryo, bioethics.

References

1. Redaktirovanie genoma cheloveka: upravlenie tekhnologicheskimi... [Human genome editing: managing technological...] [Electronic resource]. (n.d.). www.pgplaw.ru. Available at: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/redaktirovanie-genoma-cheloveka-upravlenie-tekhnologicheskimi-riskami-pravovymi-sredstvami> (Accessed: DD.MM.YYYY).
2. Vasiliev S.A. (2022) Novelly sovremennogo otechestvennogo zakonodatelstva v sfere genomnoy terapii i perspektivy ikh vnedreniya v povsednevnyuyu zhizn [Novelties of modern domestic legislation in the field of genomic therapy and prospects for their implementation in everyday life]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research], 8(4), pp. 82-96. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-4-82-96.
3. Uchaev E. Uchenye na strazhe genoma [Scientists guarding the genome] [Electronic resource]. (n.d.). russiancouncil.ru. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uchyenyie-na-strazhe-genoma/> (Accessed: DD.MM.YYYY).
4. Zaami, S., et al. (2021). Ethical, legal and social issues (ELSI) associated with non-invasive prenatal testing: reflections on the evolution of prenatal diagnosis and procreative choices. *Genes*, 12(2), 204.
5. Practice Committee of the American Society for Reproductive Medicine, et al. (2021). Guidance regarding gamete and embryo donation. *Fertility and Sterility*, 115(6), 1395-1410.
6. Zhang, S., et al. (2021). A comprehensive and universal approach for embryo testing in patients with different genetic disorders. *Clinical and Translational Medicine*, 11(7), e490.
7. Capalbo, A., et al. (2024). Screening embryos for polygenic disease risk: a review of epidemiological, clinical, and ethical considerations. *Human Reproduction Update*, 30(5), 529-557.
8. Chen, L., et al. (2022). Non-invasive embryo selection strategy for clinical IVF to avoid wastage of potentially competent embryos. *Reproductive Biomedicine Online*, 45(1), 26-34.
9. Kumar, A., et al. (2022). Whole-genome risk prediction of common diseases in human preimplantation embryos. *Nature Medicine*, 28(3), 513-516.
10. Evans, D. & Pickering, N. (Eds.). (2023). *Conceiving the embryo: ethics, law and practice in human embryology*. Martinus Nijhoff Publishers.

УДК 34**Генеративный искусственный интеллект и DeepFake-технологии
как угроза информационной безопасности граждан****Симонян Альберт Арамович**

Аспирант,
кафедра информационного права и цифровых технологий,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. им. Н.Г. Чернышевского, 104;
e-mail: deewer25092000@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные угрозы применения систем генеративного искусственного интеллекта. Проанализировано существующее определение терминов «DeepFake» («дипфейк»), «синтетический контент» как в рамках российского законодательства, так и в работах ученых. Представлен авторский вариант определения термина «дипфейк» для закрепления его в законодательстве РФ. Предложены правовые и технические методы противодействия угрозам от применения дипфейк-технологий. Подчеркивается необходимость продолжения исследований в сфере правового регулирования ИИ.

Для цитирования в научных исследованиях

Симонян А.А. Генеративный искусственный интеллект и DeepFake-технологии как угроза информационной безопасности граждан // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 165-172.

Ключевые слова

Дипфейк, искусственный интеллект, синтетический контент.

Введение

Стремительное развитие систем искусственного интеллекта привело к большим успехам в таких сферах жизни как бизнес, маркетинг, коммуникация, образование. Однако эти системы могут использоваться и как инструменты для создания различных угроз безопасности граждан. Отдельным видом систем искусственного интеллекта выделяют генеративные системы ИИ, способные синтезировать фотографии, видео и аудио, неотличимые от реальных. Такие системы с невероятной точностью способны создавать лица как существующих людей, например политиков или актеров, так и людей, которых не существует в мире. Также большое развитие получили системы синтеза речи, способные воссоздать голос и интонацию любого человека, опираясь только на несколько минут существующих аудиозаписей голоса этого человека. Данные технологии и продукты их применения называются DeepFake или «дипфейк». Так ярким примером применения таких технологий стало воссоздание голоса умершего родственника. Пока вопрос этичности использования таких технологий остается открытым, однако их применение уже доступно каждому пользователю. Опасность такой технологии заключается в психологическом давлении на различные группы лиц с целью манипуляции общественным мнением граждан, шантажа, мошенничества или клеветы.

Основное содержание

На данный момент известно множество угроз от применения DeepFake технологий. Основными являются:

- Распространение дезинформации и манипуляция общественным мнением. Создание фальшивых новостей, видеообращений политиков или публичных лиц, которые могут провоцировать социальные волнения, политические кризисы или международные конфликты. Например, поддельное видео с экс-президентом США Бараком Обамой, выпущенное в 2018 году, в котором экс-президент высказывается про президента Дональда Трампа. Данное видео было сделано для демонстрации продвинутой DeepFake технологий и призывало общество обратить внимание на такого вида угрозы. Подобные видео используются для предвыборных кампаний с целью подрыва доверия населения к кандидатам. Также известны случаи, когда жертвами дипфейков становились звезды шоу-бизнеса, что является серьезной угрозой их репутации, и что позволяет манипулировать мнением их фанатов.
- Финансовые мошенничества. Сейчас активно развивается применение дипфейков мошенниками, когда с аккаунта руководителя компании в мессенджерах сотрудникам присылают аудиозаписи с голосом руководителя с просьбой о переводе денег. Подобные случаи происходят и с аккаунтов родственников граждан. Также мошенники используют звонки по телефону, имитируя голоса и видео близких людей, коллег и знакомых.
- Нарушение приватности граждан. Огромной проблемой последних лет стало распространение материалов порнографического характера в виде дипфейков существующих людей, как обычных граждан, так и знаменитостей. На основе обычных фотографий из соцсетей чат-боты, оснащенные генеративным искусственным интеллектом, способны создавать синтетический контент порнографического характера, что является нарушением прав граждан на неприкосновенность частной жизни. Также это влечет и серьезные репутационные угрозы.

- Подрыв доверия к цифровым доказательствам. Дипфейки могут усложнять судебные процессы, так как видео- и аудиоматериалы теряют доказательную силу. Сюда включены как фальсификация видео- и аудиоматериалов с места преступления, так и сложность подтверждения, что такие доказательства не являются дипфейками. Важность этой проблемы подчеркивает Лаптев В.А. в своей работе [Лаптев, 2021].

Это лишь неполный список всех известных угроз и вызовов, с которыми сталкивается человечество из-за применения DeepFake технологий.

Важным ограничением в регулировании таких технологий является отсутствие в Российской Федерации законодательства в сфере искусственного интеллекта. Анализируя состояние российского законодательства, можно выделить следующие аспекты. Во-первых, отсутствуют определения понятий «дипфейк» и «синтетический контент», что сильно затрудняет разработку законопроектов в данной сфере. Хочется отметить, что несмотря на введение Федерального закон от 24 апреля 2020 г. N 123-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" (с изменениями и дополнениями), в данном законе также отсутствует определение понятия «дипфейк», хоть и присутствует определение искусственного интеллекта. Данная проблема не позволяет не только определить виноватого в правонарушении, но и часто не позволяет утверждать о факте преступления с точки зрения закона.

Во-вторых, 207.1, 207.2, 207.3 статьи УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации...» или 128.1 статьи УК РФ «Клевета» могут применяться к дипфейкам, однако умысел доказать крайне сложно из-за отсутствие какого-либо регулирования дипфейк технологий.

В-третьих, в рамках «Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта» можно выделить такие общие принципы для систем ИИ, как маркировка контента, оценка рисков, ограничения в применении ИИ в деструктивных целях. Такие рекомендательные документы вносят важный вклад не только в развитие технологий искусственного интеллекта, но и объединяют крупные компании на разработку регламентов использования ИИ для будущих законодательств.

Рассмотрим, как российские ученые подходят к определению понятия «дипфейк». Добробаба рассматривает дипфейк как технологию изготовления поддельных фото и видео, которая, используя методику компьютерного синтеза изображения, основанную на искусственном интеллекте, переносит черты лица с изображения человека на целевое фото (видеозапись) с высокой степенью правдоподобия [Добробаба, 2022]. В работе автор отмечает, что дипфейк-технология создает синтетический контент, который может нарушать права человека, включая неприкосновенность частной жизни, честь и достоинство. Она подчеркивает двойственность технологии: с одной стороны, её позитивное применение в образовании и медиа, с другой — риски криминализации. Автор акцентирует необходимость законодательного регулирования, включая обязательную маркировку дипфейк контента и разработку автоматизированных инструментов для его обнаружения. Однако данное определение в какой-то степени теряет актуальность, так как с развитием технологий форм дипфейка стало гораздо больше (аудио, текст).

Бодров и Лебедева отмечают отсутствие закрепленного определения дипфейка в российском законодательстве и предлагают собственную дефиницию, учитывающую

технические и правовые аспекты [Бодров Н.Ф., Лебедева, 2023]. «Дипфейк — цифровой продукт в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированный полностью или частично при помощи нейросетевых технологий с целью введения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом». Ключевой акцент сделан на классификацию дипфейков по типу контента (видео, аудио, текст) и их криминогенный потенциал. Авторы подчеркивают, что существующие научные определения часто сужают понятие, игнорируя, например, звуковые дипфейки или замену не только лиц, но и объектов.

Если рассматривать иностранный опыт в определении и регулировании дипфейков, то можно обратиться к новым правилам по регулированию искусственного интеллекта в Китае [Новые правила в области искусственного интеллекта в Китае, [www](#)]. В данном документе дано определение глубокому синтезу как технологиям, использующим генеративные и синтетические алгоритмы, такие как глубокое обучение и виртуальная реальность, для генерации текста, изображений, аудио, видео, виртуальных сцен и другой интернет-информации (technologies that utilize generative and synthetic algorithms, such as deep learning and virtual reality, to generate text, image, audio, video, virtual scenes, and other internet information.). Данное определение шире, чем те, что рассматривались выше. Более того в данном акте отдельно выделены виды генерируемого или модифицируемого контента — текст, голос, музыка, биометрический и не биометрический, а также 3D реконструкция объектов и цифровые модели.

Обратимся также к определению понятия дипфейк в Австрии [Aktionsplan Deepfake Wien, 2022]. «Дипфейки — это полностью поддельные видео, изображения или аудио, в которых людей заставляют говорить что-то или которые совершают действия, которых на самом деле никогда не было. Используя мощные методы искусственного интеллекта, видео можно манипулировать таким образом, что уже невозможно будет определить, по крайней мере невооруженным глазом, являются ли они настоящими или были смонтированы». В данном определении акцент сделан на вредоносном характере воздействия таких технологий, и оно больше сфокусировано на нормативно-правовой сущности дипфейков.

Важно отметить, что сложно подобрать наиболее общее определение, способное полностью описать одним предложением многогранность дипфейков. В качестве основных моментов считаем важным выделить общий характер дипфейков, а не только касательно подмены лиц и голоса людей, так как видео, например, с искусственно синтезированным взрывом здания также может считаться дипфейком. Кроме того, к дипфейкам можно отнести и генерацию искусственной музыки или мультипликационных фильмов, что само по себе может и не нести никаких правонарушений. Также стоит подчеркнуть, что в последние годы стали популярны цифровые аватары, которые могут проявлять активность в социальных сетях, общаться с аудиторией, однако они не являются реальными людьми, а полностью созданы с помощью искусственного интеллекта. Такие аватары могут и не являться угрозой обществу, однако без явных пометок их часто сложно отличить от реальных людей, что может вводить в заблуждение.

Предложим авторское определение: «Дипфейк — вид реалистичного цифрового контента, искусственно синтезированного с помощью технологий искусственного интеллекта, представимый в виде текста, звука, голоса, фото, видео и/или их комбинаций, а также в любых других возможных формах интернет информации, целью которого является подражание реальности и введение в заблуждение». Данное определение подчеркивает следующие основные особенности дипфейков:

- технологическая основа: цифровой контент создан с помощью ИИ
- разнообразие форм цифрового контента: фото, видео, звук и т.д.

– нормативный характер: подражание реальности и введение в заблуждение.

Эти составляющие позволят не только в общем смысле слова описать понятие «дипфейк», учитывая современное развитие технологий, но и позволит оттолкнуться от него с правовой точки зрения. Важным этапом правового регулирования дипфейков станет дальнейшая классификация дипфейк-технологий по целям его применения для определения конкретных правонарушений и введения ответственности за них. Стоит подчеркнуть, что сами по себе дипфейки не несут опасности, и существуют множество абсолютно легальных способов их применения. Однако в рамках законодательства необходимо разработать допустимые цели применения дипфейк-технологий. Важным пунктом в будущем законодательстве может быть классификация дипфейков по виду генерируемого контента и запрет некоторых из них для распространения (например, контент порнографического характера), разделение дипфейков на «разрешенные» и «запрещенные».

Важным пунктом в будущем регулировании дипфейков является разработка технических способов выявления синтетического контента. О важности таких мер пишут многие российские и зарубежные ученые. Однако технические автоматизированные решения на основе искусственного интеллекта, направленные на противодействие угрозам от дипфейков, пока являются малоэффективными. Если рассмотреть методы обучения ИИ для генерации синтетического контента, то такие технологии изначально нацелены на обман как людей, так и систем ИИ, призванных их обнаруживать. Иными словами, DeepFake-технологии разрабатываются с учётом обхода существующих механизмов их выявления. Это позволяет злоумышленникам оперативно модернизировать свои инструменты, в то время как методы противодействия остаются в положении «догоняющих». Однако активно разрабатываются альтернативные методы на основе статистики и частотного анализа [Frank J. et al., 2020]. Несмотря на слабости систем для выявления дипфейков, считаем необходимым не только их разработку и регулярное совершенствование, но и создания на их основе общедоступного бесплатного приложения с понятным интерфейсом. Такое приложение, разработанное на государственном уровне, позволило бы не только гражданам проверить различный контент на дипфейк, но и могло бы быть внедрено в различные интернет-ресурсы, как социальные сети, электронные почты и т.д. Данный сервис мог бы высылать предупреждения пользователям при детектировании подозрительного контента, что позволило бы существенно снизить эффективность интернет-мошенничества. Подобные разработки уже внедряются в систему «Антиплагиат» при проверке текстов.

Также на основе проведенного анализа для регулирования DeepFake технологий и предотвращения преступлений в данной сфере считаем необходимым разработку административных и уголовных мер наказаний для всех участников процесса распространения запрещенных видов дипфейков, а не только для разработчиков. Важно, что основной ущерб обществу наносит не просто сгенерированное изображение или видео, а его массовое распространение в сети интернет без должного контроля. Так, например, возможно рассмотреть необходимость введения обязательств для новостных ресурсы в интернете проверять достоверность публикуемых новостей, что позволит заметно сократить массовое распространение фейков и дезинформации. Проверка должна осуществляться с помощью разработанных государственных автоматизированных систем выявления дипфейков. Конечно, как было указано выше, нет гарантий, что данные системы смогут выявить любой синтетический контент. В таком случае новостной ресурс не несет ответственности за публикацию, если она окажется дипфейком. Однако важно обязать СМИ проводить подобный

контроль за публикуемым контентом и хранить отчетность о проверках. В противном случае накладывать штрафы и другие меры наказания. Даже эти меры позволят замедлить распространение вредоносных дипфейков.

Еще одним важным пунктом предотвращения угроз от дипфейков может стать введение обязательств для операторов ИИ по маркировке дипфейк контента. Важно, чтобы новостные ресурсы, соцсети и любые другие организации добавляли к синтетическим данным уведомление в явной недвусмысленной форме для пользователей. Это позволит лучше проинформировать граждан о применении дипфейк технологий. Важность данного подхода отмечают множество российских ученых, а также подобные меры уже закреплены в правовых актах Китая и ЕС.

Часто опасность от дипфейков кроется в приложениях, разработанных для всеобщего пользования. Такие приложения часто не имеют серьезных форм контроля генерируемого контента, что позволяет гражданам использовать их не только для творчества и развлечений, но и для различных правонарушений. В рамках регулирования деятельности разработчиков систем искусственного интеллекта предлагаем создание национального реестра систем искусственного интеллекта (в частности, для систем генерации дипфейков), где каждый разработчик (включая дистрибьюторов иностранного ПО) обязан будет зарегистрировать используемые в публикуемом приложении дипфейк технологии. Данная регистрация может включать в себя информацию по используемым моделям ИИ, общее описание набора данных, который использовался при обучении, описание ограничений, наложенных на генерируемый контент и др. Без такой регистрации (или лицензирования) системы генерации дипфейков, разработчик не должен иметь право на размещение подобного приложения в общее пользование. Важно разработать механизмы и органы контроля по лицензированию дипфейк технологий. Таким образом любые системы ИИ, не зарегистрированные в данном реестре, будут запрещены к использованию. Подобный опыт уже был введен в рамках законодательства Китая и ЕС.

С технической точки зрения у разработчиков систем генеративного искусственного интеллекта есть еще одна возможность для предотвращения угроз – на любой вид цифрового контента, будь то звук, изображение или текст добавлять невидимые «маски» (невидимые специальные символы в текст, скрытые частоты в звук или шум в изображения). Такие «маски» невозможно определить человеческим глазом. Такой индивидуальный подчёрк для каждой системы ИИ будет работать как штрихкод, который позволит с помощью специальной программы легко определить происхождение изображения. Такая технология уже давно разработана и практикуется в исследовательских целях. Последние версии известной ChatGPT уже интегрировали этот подход при генерации текстов. Предлагаем для усиления вышеуказанных мер обязать разработчиков интегрировать данную технологию при генерации дипфейков. Кроме того, такой подход позволит отделять лицензированные системы ИИ от нелицензированных. Данная мера может быть достаточно эффективна, так как большинство злоумышленников не обладают возможностями разработать собственные системы ИИ и пользуются доступными решениями, разработанными большими корпорациями.

Заключение

Таким образом, системы искусственного интеллекта для генерации дипфейков развиваются с невероятной скоростью. Сейчас каждый пользователь интернета уже способен самостоятельно опробовать различные достижения прогресса в этой сфере. Однако для того чтобы добиться органичного развития и применения дипфейк технологий, важно с такими же темпами развивать

и правовое регулирование для этой сферы. Не ограничить развитие технологий, а направить и обезопасить. Так в данной статье были предложены авторское определение термина «дипфейк», а также меры по правовому и технологическому регулированию дипфейк технологий для предотвращения и сокращения угроз информационной безопасности граждан.

Библиография

1. Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Понятие дипфейка (deepfake) в российском праве, его классификация и проблемы правового регулирования // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 48. № 4(68). С. 173-181.
2. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex russica. 2022. Т. 75. № 11 (192). С. 112-119.
3. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. М.: Альянс в сфере ИИ, 2023. URL: <https://ethics.a-ai.ru> (дата обращения: 13.05.2025).
4. Лаптев В.А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11 (132). С. 180-186.
5. Новые правила в области искусственного интеллекта в Китае // Latham & Watkins. 2023. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/normativnoe-regulirovanie-ii/2023_novye_pravila_v_oblasti_iskusstvennogo_intellekta_v_kitae_china_s_new_ai_regulations_latham_watkins/ (дата обращения: 13.05.2025).
6. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2728.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. Aktionsplan Deepfake Wien, 2022 2 von 30 III-740 der Beilagen XXVII. GP - Bericht - 02 Hauptdokument.
9. European Union Artificial Intelligence Act. 2024. URL: <https://artificialintelligenceact.eu> (дата обращения: 13.05.2025).
10. Frank J. et al. Leveraging frequency analysis for deep fake image recognition // International conference on machine learning. PMLR, 2020. С. 3247-3258.

Generative artificial intelligence and DeepFake technologies as a threat to citizens' information security

Al'bert A. Simonyan

Postgraduate Student,
Department of Information Law and Digital Technologies,
Saratov State Law Academy,
410056, 104 N.G. Chernyshevskogo str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: Deewer25092000@yandex.ru

Abstract

This article analyzes the main threats posed by the use of generative artificial intelligence systems. The existing definitions of the terms "DeepFake" and "synthetic content" within both Russian legislation and academic research are examined. The author proposes a definition of the term "deepfake" for its incorporation into Russian legislation. Legal and technical countermeasures to address threats arising from deepfake technologies are suggested. The article also emphasizes the need for continued research in the field of AI legal regulation.

For citation

Simonyan A.A. (2025) Generativnyi iskusstvennyi intellekt i DeepFake-tehnologii kak ugroza informatsionnoi bezopasnosti grazhdan [Generative artificial intelligence and DeepFake technologies as a threat to citizens' information security]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 165-172.

Keywords

Deepfake, artificial intelligence, synthetic content.

References

1. Aktionsplan Deepfake Vienna, 2022 2 of 30 III-740 of the XXVII. GP - Bericht - 02 Hauptdokument.
2. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. (2023) The concept of deepfake in Russian law, its classification and problems of legal regulation. *Legal Bulletin of DSU*, 48: 4 (68), pp. 173-181.
3. Code of Ethics in the Sphere of Artificial Intelligence. Moscow: Alliance in the Sphere of AI, 2023. Available at: <https://ethics.a-ai.ru> [Accessed 13.05.2025].
4. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on 05.04.2024) (1996). Collected Legislation of the Russian Federation, 25. Art. 2954.
5. Dobrobaba M.B. (2022) Deepfakes as a threat to human rights. *Lex russica*, 75: 11 (192), pp. 112-119.
6. European Union Artificial Intelligence Act. (2024). Available at: <https://artificialintelligenceact.eu> [Accessed 13.05.2025].
7. Frank J. et al. (2020) Leveraging frequency analysis for deep fake image recognition. International conference on machine learning. PMLR, pp. 3247-3258.
8. Laptev V.A. D(2021) Deepfake and other products of artificial intelligence on the way to the development of online justice. *Actual problems of Russian law*, 16: 11 (132), pp. 180-186.
9. New rules in the field of artificial intelligence in China. Latham & Watkins. (2023). Available at: https://ai.gov.ru/knowledgebase/normativnoe-regulirovanie-ii/2023_novye_pravila_v_oblasti_iskusstvennogo_intellekta_v_kitae_china_s_new_ai_regulations_latham_watkins/ [Accessed 13.05.2025].
10. On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in a constituent entity of the Russian Federation - the federal city of Moscow and on amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data": Federal Law of April 24, 2020 No. 123-FZ (2020). Collected Legislation of the Russian Federation, 17. Art. 2728.

УДК 34**Правовые механизмы и финансовые инструменты для стимулирования самозанятости: перспективы и вызовы****Первышов Евгений Анатольевич**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного и финансового права,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: epervyshov@ncfu.ru

Деникаева Разела Несюровна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры административного и финансового права,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: rdenikaeva@ncfu.ru

Тимченко Александра Михайловна

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: aleksasha.timchenko5@mail.ru

Токарева Ксения Александровна

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: kssenia.tokareva@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются правовые механизмы и финансовые инструменты, направленные на стимулирование самозанятости как важного элемента современной экономики. Работа включает в себя анализ действующего законодательства в сфере финансового права, регулирующего статус самозанятых, налоговые льготы и государственные программы поддержки. Объект исследования – правовые механизмы и финансовые инструменты для стимулирования самозанятости. Предмет исследования – перспективы и вызовы правовых механизмов и финансовых инструментов для стимулирования самозанятости. Цель исследования – проанализировать правовые механизмы и финансовые инструменты для стимулирования самозанятости, выявить некоторые перспективы и вызовы, которые связаны с их применением в современных экономико-правовых условиях. На основе

анализа предлагаются рекомендации по расширению финансовых возможностей для самозанятых граждан. Предложенные рекомендации могут поспособствовать созданию более благоприятной среды для развития самозанятости. Исследование направлено на привлечение внимания государственных органов и научного сообщества к ключевым вопросам, касающимся стимулирования самозанятости.

Для цитирования в научных исследованиях

Первышов Е.А., Деникаева Р.Н, Тимченко А.М., Токарева К.А. Правовые механизмы и финансовые инструменты для стимулирования самозанятости: перспективы и вызовы // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 173-179.

Ключевые слова

Самозанятость, цифровизация, труд, государственная поддержка, правовое регулирование.

Введение

В современном мире, в условиях роста цифровизации, трансформации рынка труда и самозанятость становятся более значимым сегментом экономики. Однако самозанятость не назвать новым явлением, она существовала во все времена как естественная форма экономической деятельности и эволюционировала по мере развития человека и общества. Так, самозанятость появилась еще в древности в виде ремесленников, работающих самостоятельно в небольших мастерских, в виде торговцев, учителей, которые взамен за свои товары и услуги брали деньги. Позже начали создаваться цехи, где рабочие объединялись, но все равно оставались экономически самостоятельны. Через несколько столетий появились фабрики. Для рабочих они были привлекательны более стабильной заработной платой, в связи с чем самозанятость стала сокращаться. Но полностью самозанятость не исчезла, поскольку оставались портные, ювелиры и другие ремесленники, которые продолжали работать в маленьких мастерских.

Стоит отметить, что в основном наемный труд был очень тяжелым, не все были готовы к такому, поэтому предпочитали оставаться самостоятельными. В Советском Союзе самозанятость совсем не поощрялась, а скорее преследовалась. Экономика СССР была построена на плановом и централизованном труде, частная предпринимательская деятельность запрещалась [Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. Ст. 153, [www](#)]. Так, Конституция РСФСР 1936 года устанавливала право граждан на такую деятельность, но это не было полной легализацией самозанятости в современном понимании [Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, [www](#)]. Можно было заниматься только деятельностью из списка разрешенных государством промыслов, устанавливались высокие налоги, нельзя было нанимать себе помощника. На практике это происходило следующим образом: портной не мог шить из любой ткани, он покупал ее только у государства, а если бы он нанял себе помощника, то это бы уже определилось как «частное предпринимательство» с последующим уголовным преследованием. Позже в период перестройки руководство постепенно стало ослаблять контроль над частным трудом. Власти, вероятно, осознали, что борьба с самозанятостью больше усугубляет ситуацию, чем помогает достигнуть поставленных целей. Ключевым моментом становится принятие Закона «Об индивидуальной трудовой

деятельности» 1986 г. и Закона «О кооперации» 1988 г., в положениях которых отражается послабление требований и ограничений, но в то же время и сохраняется их немалая часть. Люди перестали массово уходить в теневую работу, появились первые легальные частные кафе, мастерские. Партия пришла к выводу: «Труд на благо общества может быть и индивидуальным!». Но вскоре случился распад СССР, переход к рынку, массово закрывались государственные предприятия, задерживались зарплаты, появилась необходимость искать варианты дополнительного заработка. В 1991 году приняли Закон «О предпринимательской деятельности», что привело к легализации частного труда. Однако четкое регулирование деятельности отсутствовало, официально регистрироваться было не выгодно, в связи с чем большинство самозанятых граждан все еще находилось в тени. В дальнейшем институт самозанятости начали постепенно приводить в порядок, сформировался полноценный класс мелких предпринимателей, а государство признало экономическую ценность самозанятости. 27 ноября 2018 года принимается Закон № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"», впервые появляются официальные самозанятые. В 2019 году начинается эксперимент по запуску режима в 4 регионах РФ (Москва, Московская и Калужская область, Республика Татарстан) [Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ. Ст. 1, [www](http://www.fedlaw.ru)]. В течение года подводятся итоги, результаты для власти и граждан очевидно позитивные, о чем свидетельствует продолжающийся прирост самозанятых граждан, а также принятие решения о расширении списка участвующих в эксперименте регионов. Несколькими месяцами позже режим распространился на все регионы России.

Когда случился период пандемии COVID-19 все осознали, насколько уязвим наемный труд: много рабочих потеряли свои места в связи с массовыми сокращениями на предприятиях, не было возможности выходить из дома. В силу того, что гражданам было необходимо обеспечивать себя и свои семьи, многие начали поиск альтернативного заработка. Так, по данным ФНС, за 2020 год число самозанятых граждан выросло на 1,5 млн. В настоящее время создается множество цифровых торговых платформ, растет спрос на персональные услуги, где самозанятые играют ключевую роль. На 2025 год в России уже 12 374 825 человек зарегистрированы как самозанятые [Федеральная налоговая служба, [www](http://www.fns.ru)].

За прошедшие пять лет, из статистических данных Федеральной налоговой службы, самозанятые заработали около 3,6 трлн руб. и сформировали более 1,6 млрд чеков. В 2024 году, по подсчетам налоговиков, доход самозанятых достиг 2,2 трлн руб., что в 1,6 раза больше, чем годом ранее, когда они заработали 1,4 трлн руб. На сегодняшний день из данных ФНС следует, что сумма среднего чека на сегодня составляет 1904 руб., с 2019 года показатель вырос на 70%. Средний доход самозанятого в прошлом году оценивался в 35 тыс. руб. в месяц.

На 14 января 2025 г. сумма налоговых отчислений самозанятых за 2024 год составила 99,8 млрд руб., по данным ФНС. Специалисты отмечают, что ранее более 50% самозанятых не декларировали свои доходы. Теперь же эти налогоплательщики находятся в правовом поле.

Основное содержание

Развитие индивидуального предпринимательства и платформенной занятости требует эффективных механизмов поддержки и правового регулирования. Однако зачастую действующая нормативно-правовая база не успевает за экономическими реалиями, которые динамично меняются, что влечет за собой ограничение развития самозанятости как важного

фактора экономического роста.

Актуальность данного научного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа правовых и финансовых инструментов стимулирования самозанятости в РФ. Так, в условиях растущей конкуренции на рынке труда, а также сокращения рабочих мест самозанятость становится ключевым инструментом адаптации граждан к новым экономическим условиям. Самозанятость становится альтернативным путем для специалистов, которые не смогли найти работу по найму, для граждан предпенсионного возраста, желающих работать, но вынужденных сталкиваться с отказами работодателей на рынке труда. Благодаря самозанятости данные категории граждан получают возможность реализоваться как работник самостоятельно, что приводит к снижению уровня безработицы в стране, повышению экономической активности населения.

В настоящее время самозанятые граждане определяются как физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и оказывающие без привлечения наемных работников услуги физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд [Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. Ст. 153, [www](#)].

Важнейшим шагом освещения самозанятого населения стало принятие Федерального закона № 422-ФЗ от 27 ноября 2018 г. В указанном нормативно-правовом акте вводится режим самозанятости и правила работы. Данный закон вступил в силу с 01.01.2019 г. Однако, по нашему мнению, статус самозанятых трудно определить, как четкий и полноценный. Так, самозанятый определяется как физлицо, которое получает доход от самостоятельной деятельности, при этом они не признаются индивидуальными предпринимателями и в то же время не попадают под защиту Трудового кодекса: у них нет гарантий МРОТ, больничных и оплачиваемых отпусков. Следовательно, самозанятые не являются ни наемными работниками, ни полноценными предпринимателями, что влечет создание многочисленных правовых коллизий.

Плательщиками НПД являются физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, которые перешли на специальный налоговый режим и осуществляют нормативно определенные виды работ без работодателя и наемных работников. Данный режим включает в себя ограничения по видам осуществляемой деятельности, устанавливает предельную величину дохода. Если доход был получен от физических лиц, то налоговая ставка составляет 4%, если же денежные средства поступают от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, то налоговая ставка равняется 6%.

Однако, хотим заметить, что самозанятые, уплачивая налог, не имеют права на получение налоговых вычетов, в отличие, например, от ИП. Налоговый вычет – это уменьшение налогооблагаемого дохода при исчислении НДФЛ в установленных законодательством РФ о налогах и сборах случаях [Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, [www](#)]. Это может стать немаловажной причиной для роста теневой деятельности самозанятых.

Преимуществом для самозанятых является возможность совмещения данного режима с основной работой. Это создает гарантию финансовой стабильности в случае, если бизнес не принесет ожидаемой прибыли, не будет работы, заказов. Также самозанятый сможет претендовать на оплачиваемый отпуск и больничный, что для «чистого» самозанятого, к сожалению, не предусмотрено. Стоит упомянуть и о таком недостатке НПД как отсутствие страховых взносов, в связи с чем пенсионный стаж приостанавливается. А если самозанятый решит совершать страховые отчисления, то оплачивать он их будет самостоятельно.

К сожалению, налоговый режим для самозанятых нередко применяется с целью легализации теневой заработной платы. Недобросовестные работодатели регистрируют новые организации и продолжают работать без оформления трудового договора с бывшими сотрудниками, использующими налоговый режим для самозанятых. Чтобы не допускать таких злоупотреблений, ФНС анализирует все организации, привлекающие самозанятых, и выявляет те фирмы, которые нанимают вместо штатных сотрудников самозанятых. ФНС самостоятельно начислит нарушителям неуплаченные налоги и страховые взносы, штрафы и пени. ФНС России для вычисления нарушений, разработала специальную систему, анализирующую источники поступления самозанятых, их количество и связь с предыдущими работодателями.

Важным преимуществом специального налогового режима для самозанятых является введение официальных договорных отношений, право на участие в программах поддержки малого бизнеса и возможность получения грантов. Благодаря цифровизации характерен упрощенный порядок регистрации. Так, с помощью цифровых технологий стала доступна облегченная процедура регистрации с помощью мобильного приложения, которое также используется для создания чеков, что, в свою очередь, дает возможность отказаться от использования контрольно-кассовой техники. Также в приложении разработаны функции по автоматическому исчислению суммы налога.

С каждым днем количество самозанятых граждан только растет, поскольку данный режим предоставляет определенный комплекс преимуществ для самозанятых. Однако имеющиеся недостатки свидетельствуют о необходимости доработки системы мер государственной поддержки, направленной на обеспечение социальных гарантий, правовой защиты, на проведение образовательной работы с гражданами, что позволит предоставить основные знания о деятельности самозанятых.

Чтобы устранить сложности в договорных отношениях и судебной защите, считаем нужным ввести в Гражданский кодекс РФ статью о деятельности самозанятого гражданина, в которой утвердятся их правовой статус.

Для того, чтобы не допускать рост теневой деятельности самозанятых, можно постепенно внедрять налоговые вычеты для самозанятых. Например, можно установить фиксированный вычет. В таком случае из дохода самозанятого вычитается фиксированный процент и умножается на Ставку НДС без подтверждения расходов, что сохранит простоту специального налогового режима. Для того, чтобы не нанести ущерба экономике нужно постепенно опробовать данную идею. Например, оставить лимит дохода до 2,4 млн руб./ год, ограничить процент вычета 20-30%, установить категории расходов, на которые вычет будет распространяться. Поскольку самозанятые нередко ограничены в ресурсах, внедрение возможности налогового вычета для самозанятых откроет путь к их более комфортному развитию, так как. вычеты помогут больше обучаться, приобретать специальные курсы, оборудование.

Заключение

В процессе исследования правовых механизмов мы выявили серьезные вызовы, требующие полноценного анализа и пересмотра. Но благодаря обнаруженным вызовам мы смогли обозначить перспективы развития данного направления, которые приведут к снижению уровня безработицы, к легализации теневой части самозанятых, к увеличению налоговых поступлений. Так, благодаря комплексу мероприятий, направленных на усовершенствование условий для

самозанятых граждан, легальный рынок труда самозанятых будет расширяться. Это, в свою очередь, положительно отразится на уровне занятости населения и благоприятно повлияет на темпы экономического роста в стране.

Библиография

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). Глава 1. Ст. 9 // СПС «КонсультантПлюс».
2. О постановке на учет (снятии с учета) физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем и оказывающего без привлечения наемных работников услуги физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд: письмо ФНС России от 02 февраля 2017 г. № ГД-4-14/1786@ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214086/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961.
3. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федер. закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ. Ст. 1 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. Ст. 153 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/m77/taxation/taxes/ndfl/nalog_vichet.
6. Федеральная налоговая служба. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>.

Legal mechanisms and financial instruments to stimulate self-employment: prospects and challenges

Evgenii A. Pervyshov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department
of Administrative and Financial Law,
North Caucasus Federal University,
355017, 1 Pushkina str., Stavropol', Russian Federation;
e-mail: epervyshov@ncfu.ru

Razela N. Denikaeva

PhD in Economics,
Associate Professor of the Department
of Administrative and Financial Law,
North Caucasus Federal University,
355017, 1 Pushkina str., Stavropol', Russian Federation;
e-mail: rdenikaeva@ncfu.ru

Aleksandra M. Timchenko

Student,
North Caucasus Federal University,
355017, 1 Pushkina str., Stavropol', Russian Federation;
e-mail: aleksasha.timchenko5@mail.ru

Kseniya A. Tokareva

Student,
North Caucasus Federal University,
355017, 1 Pushkina str., Stavropol', Russian Federation;
e-mail: kssenia.tokareva@yandex.ru

Abstract

The article examines legal mechanisms and financial instruments aimed at stimulating self-employment as an important element of the modern economy. The work includes an analysis of the current legislation in the field of financial law regulating the status of the self-employed, tax benefits and state support programs. The object of the study is legal mechanisms and financial instruments for stimulating self-employment. The subject of the study is the prospects and challenges of legal mechanisms and financial instruments for stimulating self-employment. The purpose of the study is to analyze legal mechanisms and financial instruments for stimulating self-employment, to identify some prospects and challenges associated with their application in modern economic and legal conditions. Based on the analysis, recommendations are proposed for expanding financial opportunities for self-employed citizens. The proposed recommendations can contribute to the creation of a more favorable environment for the development of self-employment. The study is aimed at attracting the attention of government agencies and the scientific community to key issues related to stimulating self-employment.

For citation

Pervyshov E.A., Denikaeva R.N., Timchenko A.M., Tokareva K.A. (2025) *Pravovye mekhanizmy i finansovye instrumenty dlya stimulirovaniya samozanyatosti: perspektivy i vyzovy* [Legal mechanisms and financial instruments to stimulate self-employment: prospects and challenges]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 173-179.

Keywords

Self-employment, digitalization, labor, state support, legal regulation.

References

1. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the Resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the Union of Soviet Socialist Republics of December 5, 1936). Chapter 1. Art. 9. *SPS Consultant*.
2. On the registration (deregistration) of an individual who is not an individual entrepreneur and provides services to an individual for personal, household and (or) other similar needs without the involvement of hired workers: Letter of the Federal Tax Service of Russia dated February 2, 2017 No. GD-4-14/1786@. *SPS Consultant*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214086/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961.
3. Criminal Code of the RSFSR of October 27, 1960. Art. 153. *SPS Consultant*.
4. Federal Tax Service. *Unified register of small and medium-sized businesses*. Available at: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>.
5. Federal Tax Service. Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/ndfl/nalog_vichet.
6. On conducting an experiment to establish a special tax regime "Tax on professional income": federal law of November 27, 2018 No. 422-FZ. Art. 1. *SPS Consultant*.

УДК 34**Процессуальные аспекты реализации полномочий прокурора в административном судопроизводстве и процессе****Гуреева Ольга Андреевна**

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра государственно-правовых дисциплин,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
191104, Российская Федерация, Санкт-Петербург, просп. Литейный, 44;
e-mail: olga-gur@yandex.ru

Булгакова Луиза Сираджединовна

Старший преподаватель
кафедра государственно-правовых дисциплин,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
191104, Российская Федерация, Санкт-Петербург, просп. Литейный, 44;
e-mail: 6luiza@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы реализации полномочий прокурора по защите прав и свобод человека и гражданина в рамках публичных правоотношений. Анализируются правовые основания привлечения виновных лиц к административной ответственности за неисполнение требований прокурора, а также возможность обращения прокурора в суд в порядке административного судопроизводства. В заключении показано, что неисполнение или ненадлежащее исполнение законных требований прокурора влечет за собой негативные последствия не только для общества, но и государства в целом. Кроме того, указанные действия ведут к распространению правового нигилизма, часто выражающегося в снижении авторитета органов прокуратуры. Вместе с тем, деятельность органов прокуратуры, основанная на законе и подкрепленная практикой по реализации полномочий, способствует повышению эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина в области публичных правоотношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Гуреева О.А., Булгакова Л.С. Процессуальные аспекты реализации полномочий прокурора в административном судопроизводстве и процессе // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 180-190.

Ключевые слова

Прокурор, представление, акт прокурорского реагирования, административное исковое заявление, постановление о привлечении к административной ответственности.

Введение

Механизмом реализации правовых средств в прокурорском надзоре принято понимать совокупность методов, приемов и способов осуществления полномочий прокурора и вынесения актов прокурорского реагирования.

Прокурорская деятельность на современном этапе характеризуется применением правовых инструментов, одним из которых является акт прокурорского реагирования, целью применения последнего выступает обеспечение законности и правопорядка на всей территории Российской Федерации.

Основное содержание

Такое понятие как «акт прокурорского реагирования» в настоящее время нормативно не закреплён, однако, исходя из анализа научных разработок в области прокурорского надзора и многолетней прокурорской практики, акт прокурорского реагирования можно определить как официальный документ органов прокуратуры, вынесенный в адрес должностного лица, органа власти, юридического лица и направленный на устранение выявленных прокурором нарушений в ходе реализации полномочий.

В Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (далее - Закон о прокуратуре) закреплены следующие акты (меры) прокурорского реагирования:

- протест на правовой акт, противоречащий закону, нарушающий права и свободы человека и гражданина (ст. ст. 23, 28 Закона о прокуратуре);
- представление об устранении нарушения закона, прав и свобод человека и гражданина (п. 3 ст. 22, ст. ст. 24, 28 Закона о прокуратуре);
- постановление о возбуждении производства об административном правонарушении (ст. 25 Закона о прокуратуре).
- предостережение о недопустимости нарушения закона (ст. 25.1 Закона о прокуратуре).

Вышеназванные акты прокурорского реагирования содержат в себе требование об обязанности лиц, в адрес которых вынесен акт, его исполнить, то есть присутствуют признаки императивности, которые проявляются в том, что главным средством публично-правовой ответственности за неисполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, безусловно, является возможность привлечения лица к административной ответственности, предусмотренной статьей 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) «Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении».

Исследуя опыт прокурорской практики, можно сделать вывод, что для рассмотрения вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении по ст. 17.7 КоАП РФ могут послужить следующие случаи невыполнения законных требований прокурора:

1. По результатам рассмотрения акта прокурорского реагирования виновным лицом не применяются надлежащие меры по устранению выявленных нарушений;
2. Неявка лиц, вызванных в органы прокуратуры для дачи объяснений по фактам нарушения законов;

3. Неисполнения требований прокурора, в рамках предоставления соответствующей информации или документов, необходимость в которых возникла в процессе осуществления

надзорной деятельности, либо ее представление с нарушением установленного срока и иное.

Рассмотрим на примере: районной прокуратурой Санкт-Петербурга проведена проверка по обращению гражданина Г. о нарушении ООО «Н.Л.» (далее - Общество) прав дольщиков, вложивших денежные средства в строительство многоквартирного жилого дома в Санкт-Петербурге.

В ходе проведения проверки и установления возможного факта двойных продаж квартир, 10.02.2023 прокуратурой района в адрес генерального директора Общества направлено требование о предоставлении документов, в том числе полный реестр дольщиков.

Указанное требование было исполнено не в полном объеме, указанный реестр дольщиков в установленный срок представлен не был, при этом генеральный директор Общества пояснил, что указанный реестр будет представлен 21.02.2023. В связи с неисполнением требования 21.02.2023 генеральному директору Общества было вручено новое требование о представлении документов, согласно которому реестр заключенных договоров (действующих и расторгнутых) должен быть представлен в адрес прокуратуры района 26.02.2023. Представленный 26.02.2023 перечень договоров долевого строительства так же не содержал в себе сведения о договорах, которые были расторгнуты.

В связи с неисполнением Обществом требований прокурора, вытекающих из его полномочий, а также уклонение от явки по его вызову, заместителем прокурором района в отношении Общества возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ст.17.7 КоАП РФ, которое направлено в районный суд для рассмотрения по существу.

23.03.2023 согласно решению суда, Общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ, и назначен штраф в размере 50 000 руб.

Прокурору при вынесении решения о привлечении виновного лица к административной ответственности, необходимо установить наличие в деянии виновного лица состава административного правонарушения (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), что в совокупности свидетельствует о противоправности совершенных действий.

Объектом данного административного правонарушения является институт государственной власти в виде реализации полномочий прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, действующего от имени государства и представляющего его интересы, вытекающие из норм закона.

Затрагивая вопрос субъекта административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ, необходимо сказать, что согласно санкции статьи к ответственности могут привлекаться граждане, должностные и юридические лица. Рассматривая вопрос о субъекте административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ, следует отметить, что в соответствии со ст. 1 Закона о прокуратуре в компетенцию органов прокуратуры непосредственно не входит надзор за гражданами.

Вместе с тем, исходя из анализа положений КоАП РФ, Закона о прокуратуре, в том числе в редакции Федерального закона от 21.11.2011 № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции», органы прокуратуры в целях реализации возложенных на них полномочий осуществляют возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования в соответствии с

полномочиями, установленными КоАП РФ и другими федеральными законами.

Таким образом, реализация прокурором полномочий, в части возбуждения дел об административных правонарушениях по статьям, санкции которых предусматривают ответственность не только должностных и юридических лиц, но и граждан, урегулирована нормами как КоАП РФ, так и Закона о прокуратуре.

Объективная сторона выражается в бездействии лица, совершившего правонарушение. Согласно требованиям статьи правонарушение может также выражаться в воспрепятствовании прокурору в проходе на территорию организации, либо запрете в выдаче определенных документов или материалов при проверке и иное.

Местом совершения административного правонарушения следует считать то место, где должно быть совершено действие или выполнена возложенная на лицо обязанность. Например, в случае непредставления сведений по запросу прокурора местом совершения указанного проступка следует считать место нахождения лица и как следствие, дело об административном правонарушении должно рассматриваться по месту нахождения данного лица.

С субъективной стороны невыполнение законных требований прокурора характеризуется умыслом (осознает противоправный характер своего деяния; предвидит вредные последствия своего деяния; желает наступления данных вредных последствий). Установление умысла, является существенным элементом для всестороннего, полного и объективного рассмотрения административного дела, возбужденного по ст. 17.7 КоАП РФ, поскольку привлечение к административной ответственности по указанной статье возможно лишь при наличии умышленного невыполнения требования прокурора.

Временем совершения административного правонарушения является конкретный момент, когда лицо должно было выполнить требования прокурора, но не выполнило, так согласно Закону о прокуратуре, представление прокурора рассматривается в течение месяца со дня внесения представления, также виновными лицами должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих; о результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме (ст. 24 Закона о прокуратуре).

Согласно ч. 2 ст. 28.4 КоАП РФ любое постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении должно содержать сведения, предусмотренные ст. 28.2 КоАП РФ (протокол об административном правонарушении), исходя из чего можно сделать вывод, что в постановление вносятся следующие данные:

- дата и место его вынесения;
- должность, классный чин, фамилия и инициалы прокурора, вынесшего постановление;
- сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении;
- фамилии, имена, отчества, адреса места жительства свидетелей и потерпевших, если имеются свидетели и потерпевшие;
- место, время совершения и событие административного правонарушения;
- статья КоАП РФ, предусматривающая административную ответственность за административное правонарушение;
- объяснение физического лица или законного представителя юридического лица, в отношении которых возбуждено дело;
- иные сведения, необходимые для разрешения дела.

Согласно судебной практике, можно выявить ряд определённых ошибок, допускаемых сотрудниками органов прокуратуры, приводящие в дальнейшем к отмене судебных постановлений о привлечении лиц к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ, так к типичным ошибкам можно отнести:

- предоставление лицам неразумного срока на устранение указанных в актах прокурорского реагирования нарушений;
- истребование документов, которые не могут быть представлены по запросу прокурора;
- неправильное исчисление срока давности привлечения к административной ответственности;
- направление произвольного, не основанного на законе прокурорского требования;
- направление прокурорского требования ненадлежащим способом, в частности факсимильной связью, что не позволяет подтвердить факт получения требований прокуратуры, недостаточно полно проводится проверка всех обстоятельств дела и иное.

Вместе с тем, исходя из анализа судебной и прокурорской практики, актуальным остается вопрос, в части надлежащего исполнения требований прокурора, и наличие положительного решения со стороны судебного корпуса по постановлениям прокурора о возбуждении дел об административных правонарушениях не является гарантом исполнения требований, указанных в актах прокурорского реагирования. В связи с чем, возникает необходимость применения иных правовых средств прокурорского реагирования, одним из которых является обращение прокурора в суд общей юрисдикции по правилам, предусмотренным Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ).

Правильное и основанное на законе использование права на обращение в суд и квалифицированное поддержание заявленных требований в суде представляют собой исключительно эффективное средство восстановления и защиты охраняемым законом прав, свобод и интересов граждан, общества и государства со стороны органов прокуратуры Российской Федерации.

Обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства в соответствии со ст. 1 Закона о прокуратуре является основной целью прокурорского надзора. Для реализации указанной цели прокурор в силу ст. 35 Закона о прокуратуре участвует в рассмотрении административных дел судами в случаях, предусмотренных законодательством об административном судопроизводстве.

В силу п. 2 ч. 2 ст. 1 КАС РФ суды рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, должностных лиц, порядок производства по которым предусмотрен гл. 22 названного кодекса.

Положения ч. 4 ст. 218 КАС РФ предоставляют прокурору право обратиться в суд с требованиями о признании незаконными решений, действий (бездействия) органов, организаций, лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, в защиту прав, свобод и законных интересов иных лиц, если полагают, что оспариваемые решения, действия (бездействие) не соответствуют нормативному правовому акту, нарушают права, свободы и законные интересы граждан, организаций, иных лиц, создают препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно

возложены какие-либо обязанности.

Обращаясь в суд, прокурор тем самым реализует полномочия по реагированию на то правонарушение, которое было установлено в процессе реализации его функций, предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации. Деятельность прокурора, связанная с подготовкой административного искового заявления в суд, является многоаспектной, как с точки зрения технической подготовки, так и с точки зрения законности предъявляемых требований и зависит от наличия соответствующей информации.

При обращении прокурора с административным исковым заявлением в суд должен быть соблюден соответствующий порядок предъявления заявления, предусмотренный действующим законодательством. Процессуально-правовыми последствиями его несоблюдения могут быть оставление заявления без движения (ст. 130 КАС РФ) и возвращение заявления (ст. 129 КАС РФ).

Процессуальное законодательство помимо общих требований к содержанию административного искового заявления предусматривает для прокурора и дополнительные.

По общему правилу административное исковое заявление прокурора должно соответствовать требованиям, предусмотренным ст.ст. 125 и 126 КАС РФ. В частности ч. 1 ст. 125 КАС РФ предусматривает письменную форму административного искового заявления, которое подписывается с указанием даты внесения подписей административным истцом и (или) его представителем при наличии у последнего полномочий на подписание такого заявления и предъявление его в суд.

Обязательные содержательные требования к административному исковому заявлению включают указание:

- наименование суда, в который подается административное исковое заявление согласно правилам подсудности, установленным ст.ст. 17.1 - 21 КАС РФ. Административное исковое заявление к органу государственной власти, иному государственному органу, организации, наделенной отдельными государственными или иными публичными полномочиями, подается в суд по месту их нахождения, к должностному лицу, государственному или муниципальному служащему - по месту нахождения органа, в котором указанные лица исполняют свои обязанности. В случае, если место нахождения органа государственной власти, иного государственного органа, органа местного самоуправления, организации, наделенной отдельными государственными или иными публичными полномочиями, не совпадает с территорией, на которую распространяются их полномочия или на которой исполняет свои обязанности должностное лицо, государственный или муниципальный служащий, административное исковое заявление подается в суд того района, на территорию которого распространяются полномочия указанных органов, организации или на территории которого исполняет свои обязанности соответствующее должностное лицо, государственный или муниципальный служащий.
- наименование административного истца, адрес нахождения, номера телефонов, факсов, адресов электронной почты.
- наименование административного ответчика, если административным ответчиком является орган, организация или должностное лицо, место их нахождения, для организации и индивидуального предпринимателя также сведения об их государственной регистрации, номера телефонов, факсов, адреса электронной почты административного ответчика. Если в качестве ответчика указывается должностное

лицо, необходимо указать ФИО должностного лица и полное правильное наименование его должности. Поскольку к участию в таких делах суд привлекает в качестве второго административного ответчика и орган власти, в котором исполняет свои обязанности должностное лицо, желательно сразу указать этот орган в административном иске (наименование и адрес).

- наименование, номер, дата принятия оспариваемого решения, даты и места совершения оспариваемого действия (бездействия).
- сведения о том, в чем заключается оспариваемое бездействие органа, организации или должностного лица, которые в силу обязанностей, возложенных в установленном законом порядке, уклоняются от их исполнения.
- сведения о правах, свободах и законных интересах неопределенного круга лиц, публичных интересах.
- нормативные правовые акты и их положения, на соответствие которым надлежит проверить оспариваемые решение, действие (бездействие).
- требования о признании незаконными решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями.
- сведения о принятии мер прокурорского реагирования с указанием даты внесения соответствующего акта и результатов рассмотрения последнего. Например, с целью устранения выявленных нарушений в ходе осуществления надзорной деятельности прокуратурой района (дата) внесено представление, однако, указанные нарушения требований законодательства до настоящего времени не устранены. Указанное бездействие администрации нарушает права неопределенного круга лиц на получение достоверной информации о деятельности органа местного самоуправления в части исполнения бюджета муниципального образования.
- иные сведения, определяющие особенности производства по рассматриваемой категории административных дел.

По правилам ст. 126 КАС РФ к административному заявлению прокурора прилагаются:

1. Уведомления о вручении или иные документы, подтверждающие вручение другим лицам, участвующим в деле копий административного искового заявления и приложенных к нему документов, которые у них отсутствуют. Административный истец, обладающий государственными или иными публичными полномочиями, обязан направить другим лицам, участвующим в деле, копии административного искового заявления и приложенных к нему документов, которые у них отсутствуют, заказным письмом с уведомлением о вручении или обеспечить передачу указанным лицам копий этих заявления и документов иным способом, позволяющим суду убедиться в получении их адресатом.

2. Документы, подтверждающие обстоятельства, на которых административный истец основывает свои требования. Поскольку на прокурора, предъявившего административный иск, в силу ст. 62 КАС РФ, возложено бремя доказывания, прокурор перед предъявлением административного искового заявления в ходе проведения проверки должен собрать необходимый доказательственный материал. Таким образом, при подготовке административных исковых заявлений прокурор должен обеспечить их полноту и аргументацию, представить в суд необходимые и исчерпывающие доказательства.

При рассмотрении административного дела об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными

публичными полномочиями, суд выясняет: 1) нарушены ли права, свободы и законные интересы административного истца или лиц, в защиту прав, свобод и законных интересов которых подано соответствующее административное исковое заявление; 2) соблюдены ли сроки обращения в суд; 3) соблюдены ли требования нормативных правовых актов, устанавливающих: а) полномочия органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, на принятие оспариваемого решения, совершение оспариваемого действия (бездействия); б) порядок принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия) в случае, если такой порядок установлен; в) основания для принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия), если такие основания предусмотрены нормативными правовыми актами; 4) соответствует ли содержание оспариваемого решения, совершенного оспариваемого действия (бездействия) нормативным правовым актам, регулирующим спорные отношения.

3. Документы, подтверждающие соблюдение административным истцом досудебного порядка урегулирования административного спора. В рассматриваемом случае необходимо приложить копии акта прокурорского реагирования, а также ответ, полученный по результатам рассмотрения последнего.

В административном исковом заявлении должен быть представлен перечень прилагаемых к нему документов. При этом в случае невозможности приложения к заявлению каких-либо документов и соответствующих ходатайств об этом обязательно указывается в тексте заявления.

Тщательно проведенная прокурором подготовка к судебному разбирательству позволяет суду разрешить дело по существу в установленные процессуальным законом сроки и вынести законное и обоснованное решение. При подготовке и оформлении обращений в суд прокурор обязан обеспечить их полноту и аргументацию, представлять все необходимые и исчерпывающие доказательства. При определении круга доказательств прокурор может использовать предусмотренные КАС РФ средства доказывания, учитывая правила о допустимости и относимости доказательств. При этом прокурор должен отразить в административном исковом заявлении не только фактические, но и правовые основания, то есть сослаться на конкретные нормы материального и процессуального права.

Проанализировав судебную практику и подводя итог, можно заметить, что судебная практика по оспариванию действия (бездействия) государственных органов, должностных лиц гражданами и юридическими лицами довольно обширна. Но следует отметить, что при увеличении дел об оспаривании действия (бездействия) государственных органов, практика мало закреплена решениями высших судов. В некоторых случаях суды отказывают в рассмотрении заявлений об оспаривании действия (бездействия) государственного органа или прекращают дело по некоторым основаниям. В частности, в случае неподсудности или не подведомственности иск, истечении срока оспаривания действия или бездействия государственного органа, не представлении доказательств, подтверждающих бездействие государственного органа или должностного лица.

Заключение

В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод, что неисполнение или ненадлежащее исполнение законных требований прокурора влечет за собой негативные последствия не только для общества, но и государства в целом. Кроме того, указанные действия ведут к распространению правового нигилизма, часто выражающегося в снижении авторитета органов

прокуратуры. Вместе с тем, деятельность органов прокуратуры, основанная на законе и подкрепленная практикой по реализации полномочий, способствует повышению эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина в области публичных правоотношений.

Библиография

1. Афанасьева Т. И. О некоторых проблемах правового обеспечения участия прокурора в административном судопроизводстве // Российский судья. – 2021. – № 8. – С. 43–48.
2. Винокуров А. Ю. О некоторых вопросах участия прокурора в административном судопроизводстве // Административное и муниципальное право. – 2016. – № 2 (98). – С. 178–182.
3. Гречкина О. В. Полномочия прокурора в административном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 11. – С. 73–74.
4. Женетль С. З. Прокурор в административном судопроизводстве: нормативное регулирование // Актуальные проблемы внесудебного и судебного административного процесса. – 2024. – С. 42.
5. Кошелев Д. А. О проблемных аспектах реализации полномочий прокурора в производстве по делу об административном правонарушении // Административное право и процесс. – 2024. – № 1. – С. 73–76.
6. Менькова О. И. К вопросу о процессуальном статусе прокурора в административном судопроизводстве // Юридическая наука. – 2019. – № 10. – С. 85–88.
7. Мотрович И. Д., Васильева Н. Л. Обращения в процессуальном законодательстве Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2023. – № 9. – С. 15–24.
8. Насонов Ю. Г., Выскуб В. С. О недостатках правового регулирования участия прокурора в административном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 5. – С. 60–66.
9. Насонов Ю. Г. Правовой статус прокурора в гражданском и административном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 6. – С. 43–48.
10. Рогачева О. С. Участие прокурора при рассмотрении отдельных категорий административных дел: формы участия и особенности процессуального положения // Журнал административного судопроизводства. – 2018. – № 2. – С. 14–22.

Procedural Aspects of Prosecutor's Authority Implementation in Administrative Judicial Proceedings

Ol'ga A. Gureeva

PhD in Law, Associate Professor,
Department of State-Legal Disciplines,
Saint Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
191104, 44, Liteyny ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: olga-gur@yandex.ru

Luiza S. Bulgakova

Senior Lecturer,
Department of State-Legal Disciplines,
Saint Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
191104, 44, Liteyny ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: 6luiza@mail.ru

Abstract

The article examines the implementation of the prosecutor's authority to protect human and civil rights and freedoms within public legal relations. It analyzes the legal grounds for holding guilty parties administratively liable for non-compliance with prosecutor's demands, as well as the prosecutor's right to file claims in administrative judicial proceedings. The study demonstrates that failure to properly execute lawful prosecutor's demands leads to negative consequences for both society and the state, while also contributing to the spread of legal nihilism, which often manifests in diminished authority of prosecutorial bodies. At the same time, the legally-grounded activities of prosecutorial bodies, supported by practical implementation of their powers, enhance the effectiveness of protecting human and civil rights in the sphere of public legal relations.

For citation

Gureeva O.A., Bulgakova L.S. (2025) *Protsessual'nye aspekty realizatsii polnomochiy prokurora v administrativnom sudoproizvodstve i protsesse* [Procedural Aspects of Prosecutor's Authority Implementation in Administrative Judicial Proceedings]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 180-190.

Keywords

Prosecutor, prosecutor's proposal, prosecutorial response act, administrative claim, ruling on administrative liability

References

1. Afanasyeva T.I. (2021) O nekotorykh problemakh pravovogo obespecheniya uchastiya prokurora v administrativnom sudoproizvodstve [On some problems of legal support of prosecutor's participation in administrative proceedings]. *Rossiyskiy sudya* [Russian Judge], 8, pp. 43-48.
2. Vinokurov A.Yu. (2016) O nekotorykh voprosakh uchastiya prokurora v administrativnom sudoproizvodstve [On some issues of prosecutor's participation in administrative proceedings]. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo* [Administrative and Municipal Law], 2(98), pp. 178-182.
3. Grechkina O.V. (2018) Polnomochiya prokurora v administrativnom sudoproizvodstve [Powers of the prosecutor in administrative proceedings]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 11, pp. 73-74.
4. Zhenetl S.Z. (2024) Prokuror v administrativnom sudoproizvodstve: normativnoe regulirovanie [Prosecutor in administrative proceedings: regulatory framework]. *Aktualnye problemy vnesudebnogo i sudebnogo administrativnogo protsessa* [Current Problems of Non-Judicial and Judicial Administrative Process], pp. 42.
5. Koshelev D.A. (2024) O problemnykh aspektakh realizatsii polnomochiy prokurora v proizvodstve po delu ob administrativnom pravonarushenii [On problematic aspects of prosecutor's powers implementation in administrative offense cases]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], 1, pp. 73-76.
6. Menkova O.I. (2019) K voprosu o protsessualnom statuse prokurora v administrativnom sudoproizvodstve [On the procedural status of the prosecutor in administrative proceedings]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 10, pp. 85-88.
7. Motrovich I.D., Vasileva N.L. (2023) Obrashcheniya v protsessualnom zakonodatelstve Rossiyskoy Federatsii [Appeals in the procedural legislation of the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], 9, pp. 15-24.
8. Nasonov Yu.G., Vyskub V.S. (2015) O nedostatkakh pravovogo regulirovaniya uchastiya prokurora v administrativnom sudoproizvodstve [On shortcomings of legal regulation of prosecutor's participation in administrative proceedings]. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation], 5, pp. 60-66.
9. Nasonov Yu.G. (2017) Pravovoy status prokurora v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve [Legal status of the prosecutor in civil and administrative proceedings]. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation], 6, pp. 43-48.
10. Rogacheva O.S. (2018) Uchastie prokurora pri rassmotrenii otdelnykh kategoriy administrativnykh del: formy uchastiya i osobennosti protsessualnogo polozheniya [Prosecutor's participation in certain categories of administrative cases: forms and features of procedural position].

forms of participation and procedural status features]. Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva [Journal of Administrative Proceedings], 2, pp. 14-22.

УДК 342.41**Роль государственных органов в регулировании экономических отношений в Республике Узбекистан****Рысев Генрих Сергеевич**

Аспирант,
кафедра конституционного права
им. профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Вольская, 1;
e-mail: rg552@vk.com

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ конституционно-правовых основ государственного регулирования экономических отношений в Республике Узбекистан. Автор рассматривает эволюцию нормативно-правовой базы, регулирующей экономическую деятельность, начиная с момента принятия Конституции Республики Узбекистан. Особое внимание уделяется анализу компетенции и полномочий государственных органов в сфере экономического регулирования. Исследование выявляет как достижения, так и проблемные аспекты действующей системы государственного регулирования экономики. Автор отмечает необходимость модернизации законодательной базы в соответствии с современными экономическими реалиями и вызовами цифровой эпохи. Подчеркивается возрастающая роль цифровых технологий и искусственного интеллекта, которые требуют переосмысления традиционных конституционно-правовых механизмов регулирования экономических отношений. На основе анализа конституционно-правовой доктрины предлагаются направления совершенствования государственного регулирования экономики. Особый акцент делается на необходимости разработки новых моделей регулирования, соответствующих современным экономическим реалиям Республики Узбекистан.

Для цитирования в научных исследованиях

Рысев Г.С. Роль государственных органов в регулировании экономических отношений в Республике Узбекистан // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 191-199.

Ключевые слова

Экономические отношения, государственное регулирование, конституционно-правовые механизмы, Республика Узбекистан, компетенция государственных органов, цифровая экономика, искусственный интеллект, экономическая политика.

Введение

Регулирование основ экономических отношений является традиционным для конституционного законодательства. Оно основывается на системе конституционных норм, определяющих вектор развития конституционной экономики. Конституция Республики Узбекистан является важнейшим нормативно-правовым актом, который заложил основы для государственного регулирования экономических отношений.

Основное содержание

По мнению Ю.А. Тихомирова, Э.В. Талапиной правовые аспекты экономического регулирования способствуют как совершенствованию законодательной базы, так и могут выступать стать причиной затормаживания экономического развития [Тихомиров, Талапина, 2020, 15].

Здесь стоит согласиться с мнением профессоров Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, поскольку текущие потребности государства заключаются в том, чтобы создать систематизированное правовое регулирования экономических отношений, основанное на проведении преобразований, направленных на обеспечение экономической свободы субъектов экономических отношений, эффективное перераспределение ресурсов для выполнения социальных функций, посредством налогового и социального законодательства.

Прежде чем перейти к рассмотрению проведенных Республикой Узбекистан реформ, ориентированных на укрепление экономического потенциала страны на международной арене, логичным представляется проанализировать полномочия государственных органов в экономической сфере, которые содержатся в Конституции.

Согласно положениям статьи 53 Конституции Республики Узбекистан, государство гарантирует свободу экономической деятельности, предпринимательства и труда с учетом приоритетности прав потребителя, равноправие и правовую защиту всех форм собственности. В ст. 93-95, 109 и 115 отражена прерогатива законодательной власти, в разрешении и реализации экономических и социальных программ, направленных на законодательное регулирование таможенного, валютного и кредитного дела принятие постановлений по тем или иным вопросам в области политической, социально-экономической жизни, а также вопросам внутренней и внешней политики государства. Президент Республики Узбекистан выступает гарантом соблюдения прав и свобод граждан, принимает необходимые меры по реализации решений по вопросам национально-государственного устройства [Конституция Республики Узбекистан, 2023].

Кабинет Министров Республики Узбекистан несет ответственность за осуществление эффективной экономической, социальной, налоговой и бюджетной политики, разработку и реализацию программ по развитию науки, культуры, образования, здравоохранения и других отраслей экономики и социальной сферы, принимает меры по обеспечению устойчивого экономического роста, макроэкономической стабильности, сокращению бедности, созданию достойных условий жизни для населения, обеспечению продовольственной безопасности, созданию благоприятного инвестиционного климата, комплексного и устойчивого развития территорий, обеспечивает эффективное функционирование системы социальной защиты населения, в том числе лиц с инвалидностью, осуществляет меры по защите экономических, социальных и других прав и законных интересов граждан, принимает меры по обеспечению

открытости и прозрачности, законности и эффективности в работе органов исполнительной власти, противодействию коррупционным проявлениям в их деятельности, повышению качества и доступности государственных услуг.

Исходя из приведенных положений, содержащих полномочия и компетенции органов государственной власти, следует отметить следующую особенность, которая заключается в том, что законодательная ветвь власти в лице законодательной палаты и сената Олий Мажлиса определяют вектор развития экономики Узбекистана. Осуществление контроля над кабинетом министров по проведению и разработке национальных проектов социально-экономического развития страны, позволяет констатировать о комплексном подходе при регламентировании экономической деятельности в Республике Узбекистан.

Экономические реформы 2017-2021 гг. и 2022-2026 гг. утвержденные Указом Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 года №УП-4947 была утверждена Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах, [Указ Президента РУз № 4947, 2017] и Указом Президента Республики Узбекистан, от 28.01.2022 г. № УП-60 Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022-2026 годы позволили продолжению курса на укрепление макроэкономической стабильности и сохранение высоких темпов роста экономики [Указ Президента РУз № УП-6079, 2020]. За 9 месяцев 2024 года реальный рост валового внутреннего продукта к соответствующему периоду предыдущего года составил 5,8%. При этом объем производства промышленной продукции вырос на 5,3%, объем оказанных услуг - на 15,4%, сельского хозяйства – на 3,6%, строительной отрасли на 6,3%. Несмотря на высокой уровень неопределенности и напряженности в мировой экономике, глобальных инфляционных рисков, ужесточения денежно-кредитной политики в мире объем оборота розничной торговли увеличился на 10,8% в номинальном выражении по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и достиг 214,1 трлн сумов. За этот период реальный рост инвестиций в основной капитал составил 5,0%. При этом объем инвестиций, осуществленных за счет средств предприятий, увеличился на 31,4%, инвестиции за счет банковских кредитов - на 30,2% по сравнению с соответствующим периодом 2022 года, а объем прямых иностранных инвестиций уменьшился на 1,8%. Данные показатели говорят об активном привлечении иностранных инвестиций в отрасли экономики и регионы страны путем улучшения инвестиционного климата. Безусловно, эта составляющая является необходимым условием для осуществления стабильно высокого развития экономики. Потенциальные инвесторы постоянно отслеживают, изучают данные различных аналитических, исследовательских компаний и агентств. Так Всемирным банком «Doing Business» Узбекистан занял 69-е место в ежегодном рейтинге группы Всемирного банка «Doing Business 2024» среди 190 государств, набрав 69,9 балла из 100 по итогам 2019 года. Таким образом, по сравнению с предыдущим рейтингом страна поднялась с 76-го места на 7 позиций. Узбекистан уделяет особое внимание формированию положительного имиджа страны. Узбекистан улучшил показатели почти по всем индикаторам рейтинга:

- регистрация предприятий — 96,2 балла, +0,2% (8-е место в глобальном рейтинге);
- получение разрешений на строительство — 61,7, +0,3% (132-е);
- подключение к системе электроснабжения — 86,9, +0,9% (36-е);
- регистрация собственности — 67,9, +0,9% (72-е);
- получение кредитов — 65, без изменений (67-е);
- защита миноритарных инвесторов — 70, +8% (37-е);
- налогообложение — 77,5%, +0,6% (69-е);

- международная торговля — 58,2, +8,4% (152-е);
- обеспечение исполнения контрактов — 71,9, +3,7% (22-е);
- разрешение неплатежеспособности — 43,5, -1,7% (100-е).

По мнению М. С. Ашурова благодаря проведенным реформам в 2017-2021 годах сегодня в Узбекистане действуют 23 свободные экономические зоны. В них реализовано 453 проекта на общую сумму 2,6 млрд. долларов, создано около 36 тысяч рабочих мест. Это позволило создать благоприятные условия для привлечения иностранных инвесторов в свободные экономические зоны были предоставлены соответствующие льготы и преференции [Ашуров, 2021, 224-225].

Действительно, стоит частично согласиться с мнением профессора, так как за 4 года была проделана серьезная работа по совершенствованию регулирования экономической системы. Однако, этого недостаточно для того, чтобы государство могло успешно противостоять внешним угрозам на международной арене. Введение санкций в отношении Российской Федерации и тяжелая или следует даже сказать непредсказуемая ситуация в мировой экономике поспособствовали укреплению межгосударственных экономических связей между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан. Исходя из этого, многие авторитетные ученые утверждают об необходимости продолжения реформирования в конституционно-правовом регулировании

В рамках выполнения Концепции административных реформ в сферах, где не было четко отлажено государственное управление, создано 12 новых государственных органов, кардинально преобразована деятельность 20 министерств и ведомств и принято свыше 30 концепций и стратегий по ускоренному развитию приоритетных направлений социально-экономической сферы на среднесрочную и долгосрочную перспективу. На предстоящие пять лет поставлены важные задачи по обеспечению высокого экономического роста, совершенствованию налогово-бюджетной политики, развитию отраслей промышленности, энергетики, транспорта, сельского хозяйства, жилищно-коммунального обслуживания [Указ Президента РУз № УП-5185, 2017].

Г.Н. Комкова в своем выступлении в рамках подчеркивала о важности трансформации публичной власти в Республике Узбекистане. Конституционная реформа 2023 г. внесла существенные корректировки в парадигму регламентирования экономических отношений. Полномочия и компетенции органов публичной власти подверглись значительным изменениям. Так, в соответствии с пунктом 8 статьи 78 Конституции, консолидированный бюджет принимается в виде закона Законодательной палатой Олий Мажлиса Республики Узбекистан, а затем одобряется Сенатом и подписывается Президентом Республики Узбекистан. Срок полномочий Президента Республики Узбекистан увеличен с 5 до 7 лет. Данные новеллы представляются не совсем свойственны для российской конституционно-правовой действительности. Также, в пункте 9 этой же статьи закрепляется, что к полномочиям Сената Олий Мажлиса (высшей палаты парламента) теперь относится не только содействие представительным органам государственной власти на местах в осуществлении ими своей деятельности, но и отмена решений данных органов в случае их несоответствия нормам законодательства.

Д.С. Велиева в подтверждении позиции заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского отмечает следующее: опыт Российской Федерации и зарубежных стран в модернизации конституционных положений в сфере экономики показывает, что деятельность органов публичной власти по реализации экономических реформ

должна основываться согласно социально-экономическим задачам развития государства. В этой связи подчеркивает заведующий кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина обязательно важно соблюдение баланса публичных и частных интересов. Этим предопределяются возложение на государство в лице его органов соответствующих координирующих, контрольных и нормативно-регулятивных функций, а также конституционно-правовая ответственность за их выполнение [Соколов, Астахова, 2024, 365].

Следует согласиться с мнениями авторитетных ученых, несмотря на проделанные множество реформ не удалось государству в должной мере добиться установления стабильного развития экономической системы и грамотного регулирования экономических отношений, так как имеется проблема реализации связи органов публичной власти с населением диалога по поводу разрешения экономических и социальных проблем.

Новая Стратегия развития Узбекистана состоит из семи приоритетных направлений. Среди других приоритетов, определенных в Стратегии развития на 2022-2026 годы можно выделить сферу дальнейшего развития экономики, включающая ее дальнейшую либерализацию, совершенствование конкуренции, ликвидацию монополии, привлечение большего объема иностранных инвестиций, стабилизацию цен и децентрализацию, которая даст больше полномочий регионам. При этом, ключевой целью для страны является увеличение ВВП на душу населения в 1,6 раза в ближайшие пять лет, а дохода на душу населения к 2030 году до 4000 долларов США за счет обеспечения стабильно высоких темпов роста во всех отраслях экономики, что должно создать предпосылки для вхождения Узбекистана в категорию «государств с доходом выше среднего» [Указ Президента РУз № УП-60, 2022].

Еще одной важной целью является обеспечение макроэкономической стабильности и постепенное снижение годового уровня инфляции до 5% к 2023 году. В свою очередь, только в текущем году государство намерено снизить уровень инфляции до 9%.

В связи с этим Национальная команда экспертов HEREs совместно с Национальным офисом NEO Erasmus+ в Узбекистане провела статистический анализ и отметила положительную динамику в результате проведенных реформ. В 2024 году среднемесячная заработная плата в республике увеличилась на 24,9% по сравнению с соответствующим периодом 2017 года составила 3,7 млн сумов. За данный период доходы населения выросли на 10,7% в реальном выражении по сравнению с соответствующим периодом 2017 года. Производство потребительских товаров увеличилось на 27,0%, производство продовольственных товаров - на 21,4% и производство непродовольственных товаров - на 30,3%. На основе этих показателей формируется Индекс человеческого развития. Узбекистан относится к государствам с высоким уровнем человеческого развития. [Абдурахманова, Астанакулов, Рихсиева, Рахматуллаев, Ахоров, Бахадилов. 2021, 115-116.]

Директор Агентства по противодействию коррупции Акмаль Бурханов в своем ежегодном выступлении об итогах работы по противодействию коррупции в Республике Узбекистан отметил, что благодаря принятой Новой Стратегии развития экономики до 2030 года и внесенным поправкам в закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и их проектов», а именно, добавление пункта о чеклисте, в котором дается определение понятия, указываются субъекты, ответственные за проведение антикоррупционной экспертизы установлен порядок мониторинга исполнения требований законодательства об антикоррупционной экспертизе, а также обозначены коррупциогенные факторы по каждому их них прописаны целевые индикаторы и установки, способствующие эффективному применению мер по устранению коррупциогенных факторов созданию правовой культуры направленной на

формирование в обществе нетерпимого отношения к коррупции удалось добиваться ошеломительных результатов [Политика противодействия коррупции в Узбекистане, [www](#)]. За 2024 год Узбекистан в новом рейтинге Open Data Inventory по восприятию коррупции организации занял 30-е место среди 195 стран, улучшив свой результат на 15 позиций, среди государств Центральной Азии наша страна занимает лидирующее положение. Предотвращено незаконное расходование около 1 триллиона сумов [Рейтинг «Ведение бизнеса 2020», [www](#)].

Центральный банк Узбекистана за последние 7 лет предпринял множество мер направленных на снижение волатильности финансовых активов, тем самым это положительно сказывается на условиях ведения бизнеса и доходах населения. 1 января 2017 года начали предприниматься попытки по сокращению транзакционных издержек. Окончательно этого удалось добиться только в результате утверждения Постановления Правления Центрального банка Республики Узбекистан № 27/5 от 19 ноября 2022 года об Основных направлениях денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024-2025 годов [Постановление ЦБ РУз № 27/5, 2022]. В данном документе содержатся основные программные установки по урегулированию денежно-кредитной политики и внедряется режим инфляционного таргетирования. Эта мера позволила путем при регулярном анализе развития экономики и широкого освещения планов государственной политики обеспечить достижение установленной количественной цели по инфляции. Таким образом на основе данных Центрального Банка Республики Узбекистан уровень инфляции по данным на ноябрь 2024 года составил рекордного минимума 0,93%, годовая достигла 10% [Инфляция в Узбекистане, [www](#)].

Исходя из этого следует констатировать, что несмотря на геополитический конфликт между Российской Федерацией и Украиной, которые начался 24 февраля 2022 года ставший предвестником резкого роста цен на продукты питания и энергоносители в мире и приведший к повышению инфляции в большинстве стран мира Республике Узбекистан удалось пусть не в полной мере, но добиться значимых успехов регулировании экономических отношений.

Заключение

Подводя предварительные итоги важно подчеркнуть, что проведенные за 7 лет реформы в конституционно-правовом регулировании экономических отношений, позволили обеспечить стабильность на финансовом рынке, увеличить темпы экономического роста и снизить волатильность на валютном рынке путем введения режима таргетирования. Снижение инфляции позволило созданию более перспективных возможностей для развития малого бизнеса и частного предпринимательства. Вместе с тем, следует утверждать от том, что Российской Федерации необходимо перенять опыт коллег из Узбекистана по поводу стабилизации конституционно-правовой регламентации экономической и денежно-кредитной политики. Проведение Специальной Военной Операции внесли серьезные коррективы в макроэкономическую конъюнктуру. В условиях глобализации и постоянной конкуренции важно заниматься выработкой новых программных установок для успешного преодоления новых вызовов.

В связи с этим представляется возможным утверждать, что применение похожей модели реформирования экономической политики позволят обеспечить экономическую безопасность субъектов экономической деятельности, станут основой для закрепления системного подхода при конституционно-правовой регламентации направленной на укрепление устойчивости экономической системы государства на международной арене и готовность финансовой системы максимально незаметно пережить кризисные моменты.

Библиография

1. Ашуров М. С. Особенности и приоритетные направления развития инновационных процессов в Республике Узбекистан // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. №12. С. 221-229.
2. Абдурахманова А.К., Астанакулов О.Т, Рихсиева Г.Ш., Рахматуллаев М.А., Ахроров Ф.Б. и Бахадиров К.Г., Вихров И.П. Актуальная тематика будущих проектов ERASMUS+ по повышению потенциала высшего образования (СВНЕ) в контексте социально-экономических модернизации Республики Узбекистан 2017-2020 годов // Перспективы развития высшего образования. 2021. С. 101-152.
3. Соколов А.Ю. Астахова Е.А. Обзор круглого стола «Влияние академических традиций и конституционных инноваций на трансформацию публичной власти в России и странах ближнего зарубежья» // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 2. С. 360-371.
4. Тихомиров Ю.А., Талапина Э.В. Право как эффективный фактор экономического развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 4–26.
5. Конституция Республики Узбекистан ред. от 30 апреля 2023 г. <https://constitution.uz/ru>. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.uz/ru> (дата обращения: 09.02.2025).
6. Указ Президента Республики Узбекистан № 4947 «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» от 7 февраля 2017 года // Собрание законодательства Республики Узбекистан. Ст. 982 от 16.10.2017 г.
7. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-6079 «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан 2030» и мерах по ее эффективной реализации» от 5 октября 2020 года // Национальная база данных законодательства. 23.08.2022 г., № 06/22/194/0766.
8. Простота ведения бизнеса в Узбекистане [Электронный ресурс]. URL: <https://take-profit.org/en/statistics/ease-of-doing-business/uzbekistan/> (дата обращения: 20.12.2024).
9. Указ Президента Республики Узбекистан, от 08.09.2017 г. № УП-5185 Об утверждении Концепции административной реформы в Республике Узбекистан // Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2017 г. № 37. ст. 979.
10. Указ Президента Республики Узбекистан, от 28.01.2022 г. № УП-60 Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022-2026 годы // Национальная база данных законодательства. 29.01.2022 г., № 06/22/60/0082.
11. Политика противодействия коррупции в Узбекистане: проводимые реформы и задачи на перспективу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trend.az/casia/uzbekistan/3425333.html> (дата обращения: 20.12.2024).
12. Узбекистан поднялся в рейтинге «Ведение бизнеса 2020» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/10/24/doing-business-2020/> (дата обращения: 02.02.2025).
13. Постановлением Правления Центрального банка Республики Узбекистан № 27/5 от 19 ноября 2022 года утверждены Основные направления денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024-2025 годов [Электронный ресурс]. URL: https://cbu.uz/upload/medialibrary/830/4wv2athkpepmniaoe13610fzio3d1nz42/Osnovnye_napравleniya_2022.pdf (дата обращения: 02.02.2025).
14. Ноябрьская инфляция в Узбекистане бьёт рекорды — самый низкий показатель за годы [Электронный ресурс]. URL: <https://daryo.uz/ru/2024/12/02/noabrskaa-inflacia-v-uzbekistane-bet-rekordy-samyj-nizkij-pokazatel-za-gody?ysclid=m4vrk21b51l16533190> (дата обращения: 02.02.2025).

The role of government agencies in regulating economic relations in the Republic of Uzbekistan

Genrikh S. Rysev

Postgraduate Student,
Department of Constitutional Law
named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev,
Saratov State Law Academy,
410056, 1, Volskaya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: rg552@vk.com

Abstract

The article presents a comprehensive analysis of the constitutional and legal foundations of state regulation of economic relations in the Republic of Uzbekistan. The author examines the evolution of the regulatory framework governing economic activity since the adoption of the Constitution of the Republic of Uzbekistan, with particular attention to the jurisdiction and powers of state authorities in economic regulation. The study identifies both achievements and problematic aspects of the current system of state economic regulation. The author emphasizes the need to modernize the legislative framework in accordance with contemporary economic realities and the challenges of the digital era. The growing role of digital technologies and artificial intelligence is highlighted as requiring a rethinking of traditional constitutional and legal mechanisms for regulating economic relations. Based on an analysis of constitutional and legal doctrine, the article proposes directions for improving state economic regulation, with particular emphasis on developing new regulatory models that align with current economic realities in the Republic of Uzbekistan.

For citation

Rysev G.S. (2025) Rol gosudarstvennykh organov v regulirovanii ekonomicheskikh otnosheniy v Respublike Uzbekistan [The Role of State Authorities in Regulating Economic Relations in the Republic of Uzbekistan]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 191-199.

Keywords

Economic relations, state regulation, constitutional and legal mechanisms, Republic of Uzbekistan, jurisdiction of state authorities, digital economy, artificial intelligence, economic policy.

References

1. Ashurov M. S. Features and priority directions of development of innovation processes in the Republic of Uzbekistan // Bulletin of Science and practice. 2021. Vol. 7. No. 12. pp. 221-229.
2. Abdurakhmanova A.K., Astanakulov O.T., Rikhsieva G.Sh., Rakhmatullaev M.A., Akhrorov F.B. and Bakhadirov K.G., Vikhrov I.P. Current topics of future ERASMUS+ projects to enhance the potential of higher education (CBHE) in the context of socio-economic modernization Republic of Uzbekistan 2017-2020 // Prospects for the development of higher education. 2021. pp. 101-152.
3. Sokolov A.Y. Astakhova E.A. Review of the round table "The influence of academic traditions and constitutional innovations on the transformation of public power in Russia and neighboring countries" // Legal policy and legal life. 2024. No. 2. pp. 360-371.
4. Tikhomirov Yu.A., Talapina E.V. Law as an effective factor of economic development // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 1. pp. 4-26.
5. Constitution of the Republic of Uzbekistan ed. dated April 30, 2023 <https://constitution.uz/ru> . [electronic resource]. URL: <https://constitution.uz/ru> (date of request: 02/09/2025).
6. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. 4947 "On the Strategy of Actions for the further development of the Republic of Uzbekistan" dated February 7, 2017 // Collection of Legislation of the Republic of Uzbekistan, art. 982 dated 10/16/2017.
7. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-6079 "On approval of the Strategy "Digital Uzbekistan 2030" and measures for its effective implementation" dated October 5, 2020 // National Database of Legislation. 08/23/2022, No. 06/22/194/0766.
8. Ease of doing business in Uzbekistan [Electronic resource]. URL: <https://take-profit.org/en/statistics/ease-of-doing-business/uzbekistan/> (date of appeal: 12/20/2024).
9. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan, dated 09/08/2017, No. UP-5185 On approval of the Concept of Administrative Reform in the Republic of Uzbekistan // Collection of Legislation of the Republic of Uzbekistan, 2017, No. 37, art. 979.

10. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan, dated 01/28/2022, No. UP-60 Development strategy of New Uzbekistan for 2022-2026 // National database of legislation. 29.01.2022, No. 06/22/60/0082.
11. Anti-corruption policy in Uzbekistan: ongoing reforms and tasks for the future [Electronic resource]. URL: <https://www.trend.az/casia/uzbekistan/3425333.html> (accessed: 12/20/2024).
12. Uzbekistan has risen in the Doing Business 2020 ranking [Electronic resource]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/10/24/doing-business-2020/> (date of access: 02.02.2025).
13. Resolution of the Board of the Central Bank of the Republic of Uzbekistan No. 27/5 dated November 19, 2022 approved the Main Directions of monetary policy for 2023 and the period 2024-2025 [Electronic resource]. URL: https://cbu.uz/upload/medialibrary/830/4wv2athkpe mniao e13610fzio3d1n z42/Osnovnye_napravleniya_2022.pdf (date of request: 02.02.2025).
14. November inflation in Uzbekistan breaks records — the lowest rate in years [Electronic resource]. URL: <https://daryo.uz/ru/2024/12/02/noabrskaa-inflacia-v-uzbekistane-bet-rekordy-samyj-nizkij-pokazatel-za-gody?ysclid=m4vrk21b5l116533190> (accessed 02.02.2025).

УДК 340**Правовая основа института административного надзора****Савраскин Сергей Николаевич**

Преподаватель кафедры административного права и
административной деятельности органов внутренних дел
Уральский юридический институт МВД России,
620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, 66;
e-mail: savraskinsn@ yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правовых основ института административного надзора в Российской Федерации. Автор рассматривает законодательную базу, регулирующую данный институт, включая нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), федеральные законы и подзаконные акты. Особое внимание уделяется целям, задачам и механизмам реализации административного надзора, а также его роли в обеспечении правопорядка и профилактике правонарушений. В работе исследуются полномочия органов государственной власти и должностных лиц, осуществляющих административный надзор, а также правовой статус поднадзорных лиц. Анализируются проблемные аспекты правоприменительной практики, такие как возможные злоупотребления со стороны контролирующих органов и недостаточная регламентация процедур надзора. Напрашивается вывод о необходимости совершенствования законодательства в данной сфере, предлагая меры по повышению эффективности административного надзора при соблюдении баланса между государственным контролем и защитой прав граждан. Статья представляет интерес для юристов, сотрудников правоохранительных органов, а также исследователей в области административного права.

Для цитирования в научных исследованиях

Савраскин С.Н. Правовая основа института административного надзора // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 200-206.

Ключевые слова

Надзор, закон, ограничения, наказание, регламент, контроль.

Введение

С начала 2025 года органами внутренних дел выявлено 161,4 тыс. лиц, совершивших преступления (-12,0%), удельный вес лиц без постоянного источника дохода снизился с 62,2% до 58,1%, а также снизился удельный вес ранее судимых лиц с 29,9% до 26,5%, что составило 58% от общего числа совершивших преступления [Краткая характеристика преступности в РФ, www]. Вопрос предупреждения рецидива всегда стоял на первом месте в системе органов внутренних дел.

Законодательные изменения в сфере контроля за бывшими заключенными произошли в 1994-1998 годах. Эти поправки затронули систему административного надзора за гражданами, освободившимися из исправительных учреждений [Вивенцов, 2021]. Интересно взглянуть на статистику предшествующего периода: исследования показывают, что в эпоху СССР повторные преступления среди поднадзорных лиц составляли не более 20% [Дадашева, 2022]. Эта цифра включала два равных компонента: половина случаев представляла собой собственно криминальные деяния, совершенные находящимися под наблюдением лицами, а вторая половина относилась к намеренным нарушениям режима надзора или попыткам избежать контроля со стороны уполномоченных органов.

Основная часть

Регулирование института административного надзора глубоко укоренилось в правовой системе России – от основополагающих положений Конституции РФ до детализированных ведомственных актов. Социальная значимость этого механизма наглядно подтверждается постепенным снижением уровня рецидивной преступности в обществе [Семихатская, 2024]. Детальная нормативная база четко определяет не только целевые установки и законные основания осуществления надзорной деятельности, но и регламентирует процедурные аспекты, а также четко устанавливает правовой статус как должностных лиц, так и поднадзорных граждан.

Согласно ст. 55 Конституции РФ, которая полностью соответствует международным правовым документам, ограничение прав и свобод граждан в России допустимо лишь в определённых случаях [Конституция РФ, 1993]. Такие ограничения возможны исключительно в той степени, какая требуется для обеспечения общественного порядка и безопасности, защиты здоровья населения, прав других людей, нравственных ценностей и конституционного строя государства. Именно эту норму закрепляет главный правовой документ Российской Федерации.

На основании вышеизложенного положения 6 апреля 2011 года был издан Федеральный закон № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» [Федеральный закон № 64-ФЗ, 2011]. Этот законодательный документ отражал в своем содержании толкование сущности процедуры административного надзора, порядок его применения и основания для юридических фактов, а также компетенцию должностных лиц и правовой статус поднадзорных лиц.

В дополнение этого Федерального закона в 2019 году издался Федеральный закон № 331, который внес изменения в вышеуказанный Федеральный закон [Федеральный закон № 331-ФЗ, 2019]. Изменения затронули список оснований для ведения административного надзора, связанных с назначением поднадзорному лицу наказания, не связанного с лишением свободы. Рассмотрим произошедшие ключевые изменения. В частности, расширения оснований для

надзора, если раньше административный надзор чаще применялся к лицам, освобождаемым из мест лишения свободы. Теперь он может устанавливаться и за теми, кто получил наказание, не связанное с лишением свободы (например, исправительные работы, ограничение свободы, условный срок). Это означает, что даже если человек не был в местах лишения свободы, но совершил повторное преступление или правонарушение, надзор может быть назначен. Кроме того, поднадзорные теперь обязаны заранее сообщать в органы МВД о планах сменить место жительства или временного пребывания (включая поездки в другой город).

Если раньше можно было уведомить постфактум, то теперь требуется предварительное уведомление, иначе это может расцениваться как нарушение режима надзора. Ужесточение контроля, т.е. увеличена периодичность явки для отметки (вплоть до 4 раз в месяц для некоторых категорий). Расширены возможности электронного мониторинга (например, с помощью браслетов).

Если поднадзорный не соблюдает требования (не сообщает о переезде, не является на отметку), это может привести: к административному аресту, к направлению в СИЗО (если надзор был альтернативой заключению), к уголовной ответственности (по ст. 314.1 УК РФ – «Уклонение от административного надзора»).

Эти изменения направлены на усиление контроля полиции за лицами, склонными к рецидиву, но отдельные правоведы указывают на возможные злоупотребления и избыточное давление на поднадзорных.

Правовая регламентация обязанностей полицейских в сфере административного контроля требует особого внимания. Профилактика новых преступлений со стороны лиц, имеющих судимость, реализуется через систему административного надзора и представляет собой одну из ключевых функций правоохранительных органов. Федеральный закон «О полиции» в п. 2 ч. 1 ст. 2 устанавливает приоритетные направления полицейской деятельности, среди которых превентивные меры в отношении как уголовных преступлений, так и административных правонарушений [Федеральный закон №3-ФЗ, 2011]. Административный надзор, таким образом, выступает важнейшим инструментом в реализации превентивной функции полиции.

Подчеркнем, что надзор за бывшими заключенными, которые вышли из мест лишения свободы, входит в обязанности полицейских, что закреплено в федеральном законодательстве. Согласно п. 26 ч.1 ст. 12 Федерального закона «О полиции», правоохранительные органы обязаны следить за тем, соблюдают ли освобожденные лица наложенные на них законные ограничения и запреты.

Для всесторонней реализации Федерального закона об административном надзоре сотрудниками полиции был издан ведомственный приказ от 8 июля 2011 г. №818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», отражающий порядок реализации административного надзора за лицами, которые отбыли наказание в виде лишения свободы [Приказ МВД РФ №818, 2011].

Данный приказ определяет перечень субъектов, уполномоченных осуществлять мероприятия по административному надзору. Среди них ключевая роль отводится участковому уполномоченному полиции, что подчеркивает его центральное значение в системе профилактики правонарушений среди поднадзорных лиц.

Кроме того, приказ регламентирует:

- организацию административного надзора, включая порядок проведения профилактических мероприятий;
- взаимодействие между службами, в первую очередь с ФСИН России, что обеспечивает

- преемственность контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы;
- унифицированные формы процессуальных документов, необходимых для ведения административного надзора, что способствует единообразию правоприменительной практики.

Таким образом, нормативный акт не только закрепляет полномочия участковых уполномоченных, но и детализирует механизм их реализации, включая межведомственную координацию и документальное сопровождение надзорной деятельности [Сангаджиев, 2020].

В рамках рассмотрения проблемы правовой регламентации административного надзора справедливо рассмотреть положения Инструкции участкового уполномоченного полиции по реализации служебных обязанностей (Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»)[Приказ МВД России №205, 2019]. Инструкция отражает всю деятельность УУП, в содержание которой входит обязанность по проведению индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими под административным надзором.

Кроме указанных выше законов и нормативно правовых актов при рассмотрении правовой регламентации нельзя обойти стороной Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации. В данных законодательных актах отражена ответственность лиц, находящихся под надзором в случае нарушения ими предусмотренных запретов и ограничений, установленных для них. В уголовном законодательстве ответственность предусмотрена ст. 314.1 УК РФ [Уголовный кодекс РФ, 1996], в административном законодательстве ответственность наступает в рамках ст. 19.24 КоАП РФ [КоАП РФ, 2001].

Не менее важным кодифицированным документом выступает Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. Он в своем содержании раскрывает порядок производства по делам об установлении административного надзора (ст. 29 КАС РФ) [КАС РФ, 2015].

Раскрывают вопрос правовой регламентации административного надзора также судебные разъяснения, к примеру, Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [Постановление Пленума ВС РФ, 2017].

Рассмотренные законы и нормативно-правовые акты демонстрируют сложность и многогранность института административного надзора, регулируемого нормами различных отраслей права: уголовного, административного, конституционного и других. Несмотря на межотраслевой характер регулирования, сущность этого института остается преимущественно административно-правовой.

Особое внимание в правовой основе административного надзора уделяется обязанностям сотрудников полиции. Так, в Федеральном законе «О полиции» закреплены ключевые направления их деятельности, включая предупреждение преступлений и административных правонарушений (п. 2 ч. 1 ст. 2). По своей сути, административный надзор за ранее судимыми лицами служит мерой профилактики рецидивной преступности, что делает его одним из приоритетов в работе полиции.

Кроме того, п. 26 ч. 1 ст. 12 того же закона прямо обязывает полицию контролировать соблюдение установленных законом ограничений лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Это подчеркивает значимость административного надзора как инструмента обеспечения общественной безопасности и правопорядка.

Заключение

Институт административного надзора, четко регулируемый законодательно в организационной и правовой областях, становится все более важным в наши дни. Перевоспитание поднадзорных лиц и формирование у них законопослушного поведения является ключевой функцией этого института. Причем воспитательное влияние распространяется как на тех, кто стремится вернуть себе место в обществе, так и на лиц, сопротивляющихся процессу ресоциализации. Главное предназначение данной системы – эффективная организация воспитательной работы с подопечными для их успешной интеграции в социум.

Повышение эффективности административного надзора требует комплексного подхода, включающего усиление материально-технического оснащения участковых уполномоченных, улучшение доступа к информации и разработку общих стандартов и процедур. Также необходимо активизировать взаимодействие с другими службами и инструментами социальной поддержки для обеспечения более эффективной реинтеграции освобожденных лиц в общество.

Библиография

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - март 2025 года <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/64450541/>
2. Вивенцов, Д. Е. К вопросу об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в советский период / Д. Е. Вивенцов // Молодой ученый. 2021. № 44(386). С. 98.
3. Дадашева, Р. А. Административный надзор полиции: историко-правовой аспект / Р. А. Дадашева // Административное право и процесс. 2022. № 4. С. 65.
4. Семихатская, А. В. Административный надзор как инструмент профилактики рецидивной преступности / А. В. Семихатская // Актуальные вопросы совершенствования деятельности участковых уполномоченных полиции (к 100-летию службы участковых уполномоченных полиции): Сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции (в режиме видео-конференц-связи), Ростов-на-Дону, 19 октября 2023 года. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД РФ, 2024. С. 57.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г. (дата обращения: 11.03.2025)
6. Федеральный закон № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СЗ РФ. 2011 г. № 15. Ст. 2037
7. Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 331-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СЗ РФ. 2019 г. № 40. Ст. 5491
8. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011 г. № 7. Ст. 900
9. Приказ МВД РФ от 8 июля 2011 г. № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Российская газета. 2011 г. № 189
10. Сангаджиев Е.В. Проблемы, затрудняющие индивидуально-профилактическую работу участковых уполномоченных полиции с лицами, имеющими опыт совершения противоправных деяний, предложения по их минимизации // В сборнике: Проблемные вопросы экономической безопасности России 2020. С. 149
11. Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» // СПС КонсультантПлюс
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996 г. № 25. Ст. 2954
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002 г. № 1 (часть I). Ст. 1
14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015 г. № 10. Ст. 1391
15. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Рос. газ. 2017. 5 мая.

Legal Framework of the Administrative Supervision Institute

Sergei N. Savraskin

Lecturer,
Department of Administrative Law
and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
620057, 66, Korepina str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: savraskinsn@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the legal framework of the administrative supervision institute in the Russian Federation, examining the legislative basis regulating this institution, including provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (CAO RF), federal laws, and by-laws. Special attention is given to the objectives, tasks, and implementation mechanisms of administrative supervision, as well as its role in maintaining public order and preventing offenses. The study explores the powers of state authorities and officials exercising administrative supervision, along with the legal status of supervised individuals. Problematic aspects of law enforcement practice are analyzed, including potential abuses by supervisory authorities and insufficient regulation of supervision procedures. The author concludes that improvements to the legislation in this area are necessary, proposing measures to enhance the effectiveness of administrative supervision while maintaining a balance between state control and protection of citizens' rights.

For citation

Savraskin S.N. (2025) *Pravovaya osnova instituta administrativnogo nadzora* [Legal Framework of the Administrative Supervision Institute]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 200-206.

Keywords

Supervision, law, restrictions, punishment, regulations, control

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January - March 2025 <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/64450541/>
2. Vivotsov, D. E. On the issue of administrative supervision of persons released from prison during the Soviet period / D. E. Vivotsov // *Young Scientist*. 2021. No. 44(386). p. 98.
3. Dadasheva, R. A. Administrative supervision of the police: a historical and legal aspect / R. A. Dadasheva // *Administrative law and process*. 2022. No. 4. P. 65.
4. Semikhatskaya, A.V. Administrative supervision as a tool for the prevention of recidivism / A.V. Semikhatskaya // *Current issues of improving the activities of district police officers (to the 100th anniversary of the service of district police officers): A collection of scientific papers based on the results of the All-Russian scientific and practical conference (in video conferencing mode), Rostov-on-Don- Don, October 19, 2023. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. p. 57.*
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru), October 6, 2022 (accessed: 03/11/2025)

6. Federal Law No. 64-FZ "On Administrative Supervision of Persons Released from prison" // Federal Law of the Russian Federation. 2011 No. 15. St. 2037
7. Federal Law No. 331-FZ of October 1, 2019 "On Amendments to the Federal Law "On Administrative Supervision of Persons Released from Places of Deprivation of Liberty" // Federal Law of the Russian Federation. 2019 No. 40. St. 5491
8. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 "On the Police" // Federal Law of the Russian Federation. 2011 No. 7. Art. 900
9. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated July 8, 2011 No. 818 "On the Procedure for Administrative supervision of persons released from prison" // Rossiyskaya Gazeta. 2011 No. 189
10. Sangadzhiev E.V. Problems that complicate the individual preventive work of district police officers with persons with experience in committing illegal acts, proposals for their minimization // In the collection: Problematic issues of Russia's economic Security 2020. p. 149
11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 29, 2019 No. 205 "On the service of district police officers in the serviced administrative area and the organization of this activity" // SPS ConsultantPlus
12. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // Federal Law of the Russian Federation, 1996, No. 25, art. 2954
13. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 // Federal Law of the Russian Federation. 2002 No. 1 (Part I). Article 1
14. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FZ dated March 8, 2015 // Federal Law of the Russian Federation. 2015 No. 10. St. 1391
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On some issues that arise when courts consider cases of administrative supervision of persons released from prison" // Russian Gas. 2017. May 5th.

УДК 349.3.**Проблемы становления и развития законодательства о социальной защите членов семей участников специальной военной операции****Киселев Игорь Николаевич**

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин,
Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
241036, Российская Федерация, Брянск, ул. Бежицкая, 14;
e-mail: kiselevigor.kiselev2016@yandex.ru

Мишина Наталья Николаевна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин,
Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
241036, Российская Федерация, Брянск, ул. Бежицкая, 14;
e-mail: nn-mi@yandex.ru

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ законодательства о социальной защите членов семей участников специальной военной операции. Авторы исследуют процесс становления нормативно-правовой базы, регулирующей предоставление мер социальной поддержки как на федеральном уровне, так и на региональном (на примере Брянской области). Особое внимание уделено правовому регулированию социальных гарантий для военнослужащих Вооруженных Сил РФ и иных военизированных формирований, а также специальных мер поддержки их семей. В работе рассматриваются различные формы социальной защиты, включая пенсионное обеспечение, пособия, компенсационные выплаты, страхование и поддержку в случаях потери кормильца или военной травмы. На основе проведенного исследования авторы выявляют проблемные аспекты действующего законодательства и правоприменительной практики, предлагая конкретные пути совершенствования нормативной базы в данной сфере.

Для цитирования в научных исследованиях

Киселев И.Н., Мишина Н.Н. Проблемы становления и развития законодательства о социальной защите членов семей участников специальной военной операции // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 207-216.

Ключевые слова

Специальная военная операция, социальная защита, меры социальной поддержки, члены семей военнослужащих, пенсионное обеспечение, компенсационные выплаты, страхование военнослужащих, потеря кормильца, военная травма.

Введение

Военная служба традиционно во все времена и во всех социумах представляла собой особый вид деятельности, представляющей особую значимость для государства и общества вследствие ее специфики. Защита от внешней агрессии выступает в качестве основной функции любого государственного образования, также как обеспечение внутренней стабильности и правопорядка. Военная служба проходит как правило в условиях повышенной физической и психоэмоциональной нагрузки, а в период вооруженных конфликтов - в условиях повышенного риска гибели и инвалидизации военнослужащего. Необходимым условием эффективного выполнения военнослужащими своих функциональных обязанностей выступает их мотивация, в том числе материальная, важнейшей составляющей которой является предоставление социальных гарантий членам их семей. Только при условии надлежащей поддержки детей и иных близких родственников, в первую очередь нетрудоспособных, возможно рассчитывать на обеспечение надлежащего исполнения взаимных обязательств государства и его защитников.

Специальная военная операция, которая проводится на территории Украины и ряда российских регионов с 24 февраля 2022г., стала самым масштабным вооруженным конфликтом в новейшей истории России после Великой Отечественной войны. Количество граждан, принимающих в ней участие в различном качестве, исчисляется сотнями тысяч. Также беспрецедентным за последние восемьдесят лет является количество погибших военнослужащих и приравненных к ним по статусу граждан, точное число которых по понятным причинам пока не оглашается. Сложившаяся ситуация потребовала коренного преобразования механизма социальной поддержки как самих военнослужащих, так и членов их семей. В настоящей публикации авторами рассмотрены некоторые аспекты указанного процесса.

Характеристика законодательства о социальной защите членов семей военнослужащих

Система социальной защиты в ее современном понимании по существу формировалась в советский период. В работах В.С.Андреева [Андреев, 1987,12-15, [www](#)], а также А.М. и М.В.Лушниковых [Лушникова, Лушников, 2008, 213-214, [www](#)] выделялись такие формы социального обеспечения в СССР, как: 1) государственное социальное страхование рабочих и служащих и некоторых других лиц за счет средств фонда государственного социального страхования; 2) социальное страхование колхозников; 3) социальное обеспечение колхозников и членов их семей за счет централизованного фонда социального обеспечения колхозников; 4) социальное обеспечение за счет прямых ассигнований государственного бюджета. Социальная поддержка военнослужащих и членов их семей относилась к четвертой категории, хотя в первые годы советской власти применялось сочетание государственных и негосударственных форм поддержки. Так, согласно Положению о крестьянских обществах взаимопомощи от 28 сентября 1924г. такие общества должны были предоставлять обеспечение в числе прочего семьям военнослужащих. Пенсии по случаю потери кормильца членам семей военнослужащих РККА были введены декретом СНК от 7 августа 1918г. Впоследствии законодательство о мерах социальной поддержки рассматриваемой категории лиц развивалось главным образом с учетом внешних факторов, связанных с обострением международной обстановки или ведением боевых действий. В качестве примера можно привести принятые в предвоенный период постановления

СНК СССР от 16 июля 1940г. [Постановление СНК СССР от 16.07.1940 № 1269, www] и от 5 июня 1941г. [Постановление СНК СССР от 05.06.1941 № 1474, www], а также изданное в связи с началом Великой Отечественной войны указ Президиума Верховного Совета СССР 26 июня 1941 г. [Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1941, www]. Согласно последнему из упомянутых документов, к числу нетрудоспособных членов семьи военнослужащего, состоявших на его иждивении, относились дети моложе 16 лет (учащиеся – до 18 лет), братья и сестры указанного возраста, не имеющие трудоспособных родителей, отец старше 60 и мать старше 55 лет, а также жена и родители – инвалиды первой и второй групп независимо от возраста.

Глава IV принятого на излете советского периода закона о пенсионном обеспечении военнослужащих [Закон СССР от 28.04.1990, www] регламентировала порядок назначения и выплаты семьям военнослужащих, которые предоставлялись при условии, если кормилец умер в период прохождения службы или не позднее трех месяцев после увольнения со службы, либо позднее этого срока вследствие ранения, контузии, увечья либо заболевания, имевших место в период прохождения службы, а также семьям пенсионеров из числа военнослужащих, умерших в период получения пенсии или не позднее пяти лет после прекращения выплаты пенсии. Право на пенсию согласно закону имели нетрудоспособные члены умерших военнослужащих, состоявшие на их иждивении, т.е. получавшие от умершего помощь, которая была для них постоянным и единственным источником средств к существованию. Независимо от нахождения на иждивении кормильца пенсия назначалась нетрудоспособным детям, а также нетрудоспособным родителям и супругу, если они после смерти кормильца утратили источник средств к существованию, нетрудоспособным родителям и женам военнослужащих, погибших на фронте либо при выполнении интернационального долга в странах, ведущих боевые действия. Сформулированные подходы были сохранены и развиты в действующем законе о пенсионном обеспечении военнослужащих [Закон РФ от 12.02.1993 №4468-I, www].

Постсоветский период характеризуется в первую очередь расширением номенклатуры форм социальной поддержки военнослужащих и членов их семей. Так, федеральным законом от 28 марта 1998г. [Федеральный закон от 28.03.1998 №52-ФЗ, www] было введено обязательное государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих и сотрудников военизированных формирований. Согласно ст.4 закона к числу страховых случаев отнесены гибель или смерть застрахованного в период прохождения военной службы, а также смерть застрахованного до истечения одного года после увольнения со службы вследствие ранения, травмы, контузии или заболевания, полученных в период прохождения службы. К числу выгодоприобретателей в случае гибели или смерти военнослужащего отнесены супруга или супруг, состоявшие на день смерти военнослужащего в зарегистрированном браке с ним, родители и усыновители, дедушка или бабушка застрахованного при условии, если они воспитывали или содержали его не менее трех лет в связи с отсутствием у него родителей, отчим и мачеха застрахованного при условии, если они воспитывали или содержали его не менее пяти лет, несовершеннолетние дети застрахованного лица, а также дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения совершеннолетия и дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях на день гибели или смерти военнослужащего либо прекратившие образовательные отношения с такой организацией и поступившие в другую образовательную организацию при условии, если гибель или смерть наступили в период между прекращением образовательных отношений и поступлением на учебу, подопечные застрахованного лица, а также лицо, признанное на основании решения суда фактически

воспитывавшим и содержавшим застрахованного в течение не менее пяти лет до достижения им совершеннолетия. Размер страховой выплаты в случае гибели или смерти военнослужащего на 2024г. составил 3 272 657,39 руб.

Практически одновременно 27 мая 1998г. в свет вышел федеральный закон о статусе военнослужащих [Федеральный закон от 27.05.1998 №76-ФЗ, [www](#)], ст. 24 и 25 которого закрепили ряд социальных гарантий членам семей указанных лиц, потерявших кормильца. Так, на членов семей военнослужащих, погибших при выполнении задач в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, были распространены социальные гарантии и компенсации, предусмотренные для членов семей, погибших в Великой Отечественной войне федеральным законом о ветеранах [Федеральный закон от 12.01.1995 №5-ФЗ, [www](#)], а также предусмотрен широкий перечень льгот в жилищно – коммунальной сфере. Закон предусмотрел также ряд гарантий для членов семей военнослужащих в иных правоотношениях. Например, п.11 ст.11 закона закрепил право супругов военнослужащих использовать отпуск одновременно с отпуском военнослужащих по их желанию, а в соответствии с п.6 ст.10 закона супруги военнослужащих имеют преимущественное право на поступление на работу в государственные организации, воинские части и на оставление на работу в указанных структурах при сокращении численности или штата.

Перечисленные нами меры социальной поддержки распространяются на членов семей лиц, проходящих или проходивших военную службу на контрактной основе. Помимо этого, законодателем был выработан ряд мер, направленных на поддержку членов семей военнослужащих-призывников. Так, в соответствии с Законом РФ от 25 мая 1993г. [Закон РФ от 21.05.1993 №5001-1, [www](#)] были введены пенсии по случаю потери кормильца для родителей граждан, проходивших военную службу по призыву, погибших или умерших в период прохождения военной службы или умерших вследствие военной травмы после увольнения со службы независимо от факта состояния на иждивении. Впоследствии законом от 15 декабря 2001г. [Федеральный закон от 15.12.2001г. №166-ФЗ, [www](#)] были закреплены пенсионные права как родителей, так и супругов военнослужащих – призывников.

В связи с отменой отсрочек от призыва на военную службу для граждан, имеющих детей, федеральный закон о государственных пособиях гражданам, имеющим детей [федеральный закон от 19.05.1995 №81-ФЗ, [www](#)] 25 октября 2007г. был дополнен ст.12.1-12.7, регламентировавшими порядок назначения и выплаты единовременного пособия беременной жене военнослужащего – призывника и ежемесячного пособия на ребенка военнослужащего, проходившего военную службу по призыву.

Таким образом, к началу специальной военной операции в России была сформирована достаточно развитая система социальной поддержки членов семей военнослужащих, включающая пенсионные выплаты, социальные пособия и иные меры государственной поддержки. Тем не менее, в связи с началом СВО встал вопрос о разработке дополнительных гарантий как для военнослужащих, принимающих участие в боевые действия, так и для членов их семей.

Меры социальной поддержки членов семей участников специальной военной операции

Одной из характерных черт процесса проведения специальной военной операции следует считать особый порядок комплектования состава ее участников на основе сочетания

сложившейся к тому времени контрактной системы поступления на военную и приравненную к ней службу и зачисления в добровольческие формирования, создаваемые в соответствии с федеральным и региональным законодательством. Так, еще 3 сентября 2015г. в соответствии со специальным постановлением Правительства РФ [Постановление Правительства РФ от 03.09.2015 №933, [www](#)] была запущена программа БАРС (боевой армейский резерв страны), предусматривающая поступление граждан, пребывающих в запасе Вооруженных Сил, ФСБ и СВР РФ, в мобилизационный людской резерв в мирное время на основании контракта, заключаемого с командиром или начальником соответствующей воинской части. Уже в процессе проведения СВО был принят акт [Федеральный закон от 04.11.2022 №419-ФЗ, [www](#)], определяющий статус и порядок комплектования добровольческих формирований, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил РФ за пределами территории РФ.

Указом Президента РФ от 5 марта 2022г. №98 [Указ Президента РФ от 05.03.2022 №98, [www](#)] в случае гибели военнослужащего при проведении СВО членам его семьи предусмотрено предоставление единовременной денежной выплаты в размере 5 млн. рублей, а указом Президента РФ от 18 апреля 2022г. [Указ Президента РФ от 18.04.2022 №209, [www](#)] право на получение такой компенсации было распространено на членов семей сотрудников ФСБ, погибших при выполнении задач по охране государственной границы на участках, примыкающих к районам проведения СВО. В соответствии с указом Президента РФ от 31 декабря 2022г. [Указ Президента РФ от 31.12.2022 №996, [www](#)] право на указанную выплату получили члены семей лиц, проходивших службу в войсках национальной гвардии, погибших при охране границы. 30 апреля 2022г. был издан впоследствии отмененный указ Президента РФ № 248 [Указ Президента РФ от 30.04.2022 №248, [www](#)], установивший право на получение мер социальной поддержки (единовременных выплат при увечье или смерти) на лиц, замещающих государственные или муниципальные должности, должности государственных гражданских или муниципальных служащих и иных работников органов публичной власти или подведомственных им организаций, а также на работников иных организаций, принимавших непосредственное участие в выполнении работ или оказании услуг по обеспечению жизнедеятельности населения и восстановлению объектов социальной инфраструктуры на территории ДНР и ЛНР. Согласно документу, в случае гибели или смерти таких граждан в период командировки, а также до истечения года после возвращения вследствие увечья, ранения, травмы, контузии или заболевания, полученных ими при выполнении задач, работ или оказании услуг, членам их семей предусматривалась единовременная выплата в размере 5 млн. рублей, выплачиваемая в равных долях. Аналогичная выплата была предусмотрена указом Президента РФ от 24 мая 2023г. [Указ Президента РФ от 24.05.2023 №382, [www](#)] в случае гибели военнослужащих спасательных воинских формирований, федеральной противопожарной службы и работников МЧС РФ, направленных для выполнения работ на территорию Украины и новых российских регионов. И, наконец, указом Президента РФ от 30 апреля 2022г. [Указ Президента РФ от 30.04.2024 №247, [www](#)] такая единовременная выплата предусмотрена в случае гибели волонтеров в зоне СВО. Согласно вышеприведенным документам при отсутствии членов семей единовременная выплата предоставляется в равных долях совершеннолетним детям военнослужащих, а в случае отсутствия таковых – полнородным и неполнородным братьям и сестрам погибших или умерших граждан. Соответствующие компенсационные

выплаты предусмотрены также для членов семей участников добровольческих формирований.

Следует отметить, что меры социальной поддержки членов семей участников СВО не ограничиваются выплатами погибшим военнослужащим и сотрудникам военизированных формирований. Так, федеральным законом 6 апреля 2024г. №70-З ТК РФ [Трудовой Кодекс РФ от 30.12.2001, [www](#)] был дополнен ст.264.1, установившей запрет расторжения трудового договора с супругами погибших или умерших ветеранов боевых действий, не вступивших в повторный брак, в течение года со дня гибели или смерти ветерана по инициативе работодателя за исключением случаев ликвидации организации или совершения некоторых дисциплинарных проступков, что порождает ряд вопросов. Например, супруг или супруга погибшего участника СВО могут быть уволены по п.2 ст.336 ТК РФ за применение методов воспитания, связанных с физическим или психическим насилием над личностью обучающегося или воспитанника, но не могут быть уволены по п.1 указанной статьи за повторное в течение года грубое нарушение устава образовательной организации.

Организационное обеспечение предоставления мер социальной поддержки членам семей участников СВО относится к компетенции уполномоченных органов государственной власти и управления, а также Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества», который функционирует на основании устава, утвержденного распоряжением Правительства РФ от 6 мая 2023г. №1168-р[распоряжение Правительства РФ от 06.05.2023 №1168-р, [www](#)]. Фонд осуществляет в отношении членов семей погибших или умерших участников СВО реализацию дополнительных финансовых механизмов обеспечения лекарственными препаратами медицинскими изделиями и техническими средствами, не входящими в федеральный перечень реабилитационных мероприятий, содействие в получении услуг по медицинской реабилитации, паллиативной медицинской помощи, санаторно – курортного лечения и домашнего ухода, оказание помощи в получении образования, профессиональной подготовки и переподготовки, трудоустройстве и занятости, организация и содействие в проведении культурных мероприятий и пр. Региональные подразделения фонда показывают высокую эффективность в своей деятельности по поддержке участников СВО и членов их семей.

Помимо гарантий для членов семей участников СВО, предусмотренных федеральным законодательством, актами субъектов РФ также предусмотрены меры поддержки таким гражданам. Так, в Брянской области 4 апреля 2022г. был принят областной закон №17-З [Закон Брянской области от 04.04.2022 №17-З, [www](#)], а 2 октября 2023г. были приняты законы №69-З [Закон Брянской области от 02.10.2023 №69-З, [www](#)] и 70-З [Закон Брянской области от 02.10.2023 №70-З, [www](#)]. Для членов семей погибших или умерших военнослужащих, участников добровольческого формирования «БАРС-Брянск» и лиц из иных категорий участников СВО предусмотрено предоставление единовременной денежной выплаты в размере 2 млн. рублей, а также предоставление бесплатно земельных участков в общую долевую собственность всех членов семьи погибшего или умершего участника СВО в равных долях в зависимости от количества лиц, которым предоставляется участок, или в индивидуальную собственность единственного члена семьи площадью от 0,06 до 0,2 га в зависимости от целевого назначения выделяемой земли. В качестве альтернативы выделения земельного участка упомянутым гражданам с их согласия может быть предоставлена денежная выплата в размере 200 тыс. рублей. Кроме этого, для детей участников СВО предусмотрено предоставление льготных путевок в региональные организации отдыха и оздоровления, предоставление новогодних подарков и иные меры поддержки.

Заключение

Нами были рассмотрены далеко не все меры социальной поддержки членов семей участников специальной военной операции, но даже исходя из изложенного представляется возможным сделать ряд выводов. За неполные три года проведения СВО в России была сформирована не имеющая аналогов в истории система государственной защиты участников боевых действий из числа воинских формирований, образованных на уровне Федерации и ее субъектов, а также различных категорий членов семей таковых. Отношения по защите указанных категорий граждан регулируются множеством нормативно – правовых актов разного уровня, что объективно выводит на повестку дня вопрос об их консолидации. Принятие единого федерального закона о мерах социальной поддержки ветеранов боевых действий и членов их семей объективно обеспечит стабилизацию соответствующих правоотношений в условиях не прерывающихся в последние десятилетия крупномасштабных вооруженных конфликтов с участием российских граждан начиная с событий в Афганистане и заканчивая ситуациями на Северном Кавказе, в Сирии и СВО.

Важным вопросом остается региональное регулирование социальной защиты участников СВО и членов их семей. Реализуя полномочия, вытекающие из п.«ж» ст.72 Конституции, субъекты РФ приняли выработали широкий перечень мер такой поддержки. При этом следует отметить существенную дифференциацию размера выплат и иных гарантий социальной защиты в различных регионах, что порождает ряд негативных тенденций. К таковым следует отнести, в частности, миграцию граждан, желающих поступить на службу в добровольческие формирования, формируемые на региональном уровне, что отнюдь не содействует повышению их боеспособности. Указанное обстоятельство также следует отнести к числу предпосылок унификации законодательства в рассмотренной нами сфере.

Библиография

1. Андреев В.С. Право социального обеспечения в СССР. М.: 1987, 349с.
2. Лушников М.В., Лушников А.М. Курс права социального обеспечения. М.: 2008, 600с.
3. О ветеранах: федеральный закон от 12.01.1995 №5-ФЗ (ред.от 13.12.2024).
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 04.11.2022 №419-ФЗ.
5. О государственном пенсионном обеспечении: федеральный закон от 15.12.2001г. №166-ФЗ (ред. от 08.08.2024)
6. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: федеральный закон от 19.05.1995 №81-ФЗ (ред. от 29.11.2024).
7. О дополнительной мере социальной поддержки военнослужащих, лиц, заключивших контракт о пребывании в добровольческом формировании, содействующем выполнению задач, возложенных на вооруженные силы Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членов их семей: закон Брянской области от 02.10.2023 №70-З (ред.от 28.10.2024).
8. О дополнительной мере социальной поддержки членов семей отдельных категорий военнослужащих, погибших (умерших) при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей): закон Брянской области от 04.04.2022 №17-З (утратил силу).
9. О дополнительных мерах социальной поддержки отдельных категорий военнослужащих, сотрудников федеральных государственных органов, лиц, поступивших в добровольческие формирования, работников специализированного государственного унитарного предприятия, а также членов их семей: закон Брянской области от 02.10.2023 №69-З (ред. от 04.12.2024).
10. О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим и лицам, имеющим специальные звания полиции, проходящим военную службу (службу) в войсках национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2022 №996 (ред.от 09.12.2024).
11. О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках

- национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей: указ Президента РФ от 05.03.2022 №98 (ред. от 09.12.2024).
12. О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим органов федеральной службы безопасности и членам их семей: указ Президента РФ от 18.04.2022 №209 (ред.от 09.12.2024).
 13. О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим спасательных воинских формирований, сотрудникам федеральной противопожарной службы, работникам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий: указ Президента РФ от 24.05.2023 №382 (ред. от 09.12.2024).
 14. О дополнительных социальных гарантиях лицам, направленным (командированным) на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, и членам их семей: указ Президента РФ от 30.04.2022 № 248 (утратил силу).
 15. О пенсионном обеспечении военнослужащих: закон СССР от 28.04.1990 (утратил силу).
 16. О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно – исполнительной системы, войсках национальной гвардии, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей: закон РФ от 12.02.1993 №4468-I (ред.от 26.11.2024).
 17. О пенсионном обеспечении родителей погибших военнослужащих, проходивших военную службу по призыву: закон РФ от 21.05.1993 №5001-I (утратил силу).
 18. О пенсиях военнослужащим рядового и младшего состава срочной службы и их семьям: постановление СНК СССР от 16.07.1940 № 1269 (утратило силу).
 19. О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям»: постановление СНК СССР от 05.06.1941 № 1474 (утратило силу).
 20. О поддержке волонтерской деятельности на территории Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики: указ Президента РФ от 30.04.2024 №247 (ред. от 09.12.2024).
 21. О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время: указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1941 (утратил силу).
 22. О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27.05.1998 №76-ФЗ (ред. от 13.12.2024).
 23. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно – исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации: федеральный закон от 28.03.1998 №52-ФЗ (ред. от 13.07.2024).
 24. Об утверждении Положения о порядке пребывания граждан Российской Федерации в мобилизационном людском резерве постановление Правительства РФ от 03.09.2015 №933 (ред.от 23.09.2021).
 25. Трудовой кодекс РФ: федеральный закон от 30.12.2001 №197-3 (ред. от 08.08.2024).
 26. Устав Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества»: распоряжение Правительства РФ от 06.05.2023 №1168-р. (ред. от 25.04.2024).

Challenges in the Formation and Development of Legislation on Social Protection for Family Members of Participants in the Special Military Operation

Igor' N. Kiselev

PhD in Law, Associate Professor,
Department of State-Legal and Civil-Legal Disciplines,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
241036, 14, Bezhitskaya str., Bryansk, Russian Federation;
e-mail: kiselevigor.kiselev2016@yandex.ru

Natal'ya N. Mishina

PhD in Law, Associate Professor,
Department of State-Legal and Civil-Legal Disciplines,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
241036, 14, Bezhitskaya str., Bryansk, Russian Federation;
e-mail: nn-mi@yandex.ru

Abstract

The article presents a comprehensive analysis of legislation concerning social protection for family members of participants in the special military operation. The authors examine the development of the regulatory framework governing social support measures at both federal and regional levels (using Bryansk Oblast as a case study). Particular attention is given to legal regulations establishing social guarantees for servicemen of the Russian Armed Forces and other militarized formations, as well as special support measures for their families. The study investigates various forms of social protection, including pension benefits, allowances, compensation payments, insurance, and support in cases of loss of breadwinner or military trauma. Based on their analysis, the authors identify problematic aspects in current legislation and enforcement practices, proposing specific improvements to the regulatory framework in this sphere.

For citation

Kiselev I.N., Mishina N.N. (2025) Problemy stanovleniya i razvitiya zakonodatelstva o sotsialnoy zashchite chlenov semey uchastnikov spetsialnoy voennoy operatsii [Challenges in the Formation and Development of Legislation on Social Protection for Family Members of Participants in the Special Military Operation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 207-216.

Keywords

Special military operation, social protection, social support measures, servicemen's family members, pension benefits, compensation payments, military insurance, loss of breadwinner, military trauma.

References

1. Andreev V.S. (1987) *Pravo sotsialnogo obespecheniya v SSSR* [Social Security Law in the USSR]. Moscow: [Publisher not specified], 349 p.
2. Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. (2008) *Kurs prava sotsialnogo obespecheniya* [Course of Social Security Law]. Moscow: [Publisher not specified], 600 p.
3. O dopolnitelnoy mere sotsialnoy podderzhki chlenov semey otdelnykh kategoriy voennosluzhashchikh...: zakon Bryanskoy oblasti ot 04.04.2022 №17-Z (utratil silu) [On Additional Social Support Measures for Family Members of Certain Categories of Military Personnel...: Law of Bryansk Region No. 17-Z of April 4, 2022 (no longer in force)].
4. O dopolnitelnoy mere sotsialnoy podderzhki voennosluzhashchikh...: zakon Bryanskoy oblasti ot 02.10.2023 №70-Z (red. ot 28.10.2024) [On Additional Social Support Measures for Military Personnel...: Law of Bryansk Region No. 70-Z of October 2, 2023 (as amended on October 28, 2024)].
5. O dopolnitelnykh merakh sotsialnoy podderzhki otdelnykh kategoriy voennosluzhashchikh...: zakon Bryanskoy oblasti ot 02.10.2023 №69-Z (red. ot 04.12.2024) [On Additional Social Support Measures for Certain Categories of Military Personnel...: Law of Bryansk Region No. 69-Z of October 2, 2023 (as amended on December 4, 2024)].
6. O dopolnitelnykh sotsialnykh garantiyakh litsam, napravlennym (komandirovannym) na territorii Donetskoy Narodnoy Respubliki...: ukaz Prezidenta RF ot 30.04.2022 №248 (utratil silu) [On Additional Social Guarantees for Persons Sent (Seconded) to the Territories of Donetsk People's Republic...: Decree of the President of the Russian Federation No. 248 of April 30, 2022 (no longer in force)].

7. O dopolnitelnykh sotsialnykh garantiyakh voennosluzhashchim organov federalnoy sluzhby bezopasnosti...: ukaz Prezidenta RF ot 18.04.2022 №209 (red. ot 09.12.2024) [On Additional Social Guarantees for Military Personnel of Federal Security Service...: Decree of the President of the Russian Federation No. 209 of April 18, 2022 (as amended on December 9, 2024)].
8. O dopolnitelnykh sotsialnykh garantiyakh voennosluzhashchims pasetelnykh voinskikh formirovaniy...: ukaz Prezidenta RF ot 24.05.2023 №382 (red. ot 09.12.2024) [On Additional Social Guarantees for Military Personnel of Rescue Formations...: Decree of the President of the Russian Federation No. 382 of May 24, 2023 (as amended on December 9, 2024)].
9. O dopolnitelnykh sotsialnykh garantiyakh voennosluzhashchim...: ukaz Prezidenta RF ot 05.03.2022 №98 (red. ot 09.12.2024) [On Additional Social Guarantees for Military Personnel...: Decree of the President of the Russian Federation No. 98 of March 5, 2022 (as amended on December 9, 2024)].
10. O dopolnitelnykh sotsialnykh garantiyakh voennosluzhashchim...: ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2022 №996 (red. ot 09.12.2024) [On Additional Social Guarantees for Military Personnel...: Decree of the President of the Russian Federation No. 996 of December 31, 2022 (as amended on December 9, 2024)].
11. O gosudarstvennom pensionnom obespechenii: federalnyy zakon ot 15.12.2001 №166-FZ (red. ot 08.08.2024) [On State Pension Provision: Federal Law No. 166-FZ of December 15, 2001 (as amended on August 8, 2024)].
12. O gosudarstvennykh posobiyyakh grazhdanam, imeyushchim detey: federalnyy zakon ot 19.05.1995 №81-FZ (red. ot 29.11.2024) [On State Benefits for Citizens with Children: Federal Law No. 81-FZ of May 19, 1995 (as amended on November 29, 2024)].
13. O pensionnom obespechenii lits, prokhodivshikh voennuyu sluzhbu...: zakon RF ot 12.02.1993 №4468-I (red. ot 26.11.2024) [On Pension Provision for Persons Who Served in Military Service...: Law of the Russian Federation No. 4468-I of February 12, 1993 (as amended on November 26, 2024)].
14. O pensionnom obespechenii roditeley pogibshikh voennosluzhashchikh...: zakon RF ot 21.05.1993 №5001-I (utratil silu) [On Pension Provision for Parents of Deceased Military Personnel...: Law of the Russian Federation No. 5001-I of May 21, 1993 (no longer in force)].
15. O pensionnom obespechenii voennosluzhashchikh: zakon SSSR ot 28.04.1990 (utratil silu) [On Pension Provision for Military Personnel: USSR Law of April 28, 1990 (no longer in force)].
16. O pensiyakh i posobiyyakh litsam vysshego, starshego i srednego nachalstvuyushchego sostava...: postanovlenie SNK SSSR ot 05.06.1941 №1474 (utratilo silu) [On Pensions and Benefits for Senior and Middle Command Staff...: Decree of the USSR Council of People's Commissars No. 1474 of June 5, 1941 (no longer in force)].
17. O pensiyakh voennosluzhashchim ryadovogo i mladshhego sostava srochnoy sluzhby...: postanovlenie SNK SSSR ot 16.07.1940 №1269 (utratilo silu) [On Pensions for Military Personnel of Junior Ranks...: Decree of the USSR Council of People's Commissars No. 1269 of July 16, 1940 (no longer in force)].
18. O podderzhke volonterskoy deyatel'nosti na territorii Donetskoy Narodnoy Respubliki...: ukaz Prezidenta RF ot 30.04.2024 №247 (red. ot 09.12.2024) [On Support of Volunteer Activities in Donetsk People's Republic...: Decree of the President of the Russian Federation No. 247 of April 30, 2024 (as amended on December 9, 2024)].
19. O poryadke naznacheniya i vyplaty posobiya semyam voennosluzhashchikh...: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 26.06.1941 (utratil silu) [On Procedure for Assigning and Paying Benefits to Military Families...: Decree of the Presidium of the USSR Supreme Soviet of June 26, 1941 (no longer in force)].
20. O statuse voennosluzhashchikh: federalnyy zakon ot 27.05.1998 №76-FZ (red. ot 13.12.2024) [On Status of Military Personnel: Federal Law No. 76-FZ of May 27, 1998 (as amended on December 13, 2024)].
21. O veteranakh: federalnyy zakon ot 12.01.1995 №5-FZ (red. ot 13.12.2024) [On Veterans: Federal Law No. 5-FZ of January 12, 1995 (as amended on December 13, 2024)].
22. O vnesenii izmeneniy v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy Federatsii: federalnyy zakon ot 04.11.2022 №419-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 419-FZ of November 4, 2022].
23. Ob obyazatel'nom gosudarstvennom strakhovanii zhizni i zdorov'ya voennosluzhashchikh...: federalnyy zakon ot 28.03.1998 №52-FZ (red. ot 13.07.2024) [On Mandatory State Insurance of Life and Health of Military Personnel...: Federal Law No. 52-FZ of March 28, 1998 (as amended on July 13, 2024)].
24. Ob utverzhdenii Polozheniya o poryadke prebyvaniya grazhdan Rossiyskoy Federatsii v mobilizatsionnom lyudskom rezerve: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 03.09.2015 №933 (red. ot 23.09.2021) [On Approval of Regulations on Procedure for Stay of Russian Citizens in Mobilization Human Reserve: Decree of the Russian Government No. 933 of September 3, 2015 (as amended on September 23, 2021)].
25. Trudovoy kodeks RF: federalnyy zakon ot 30.12.2001 №197-FZ (red. ot 08.08.2024) [Labor Code of the Russian Federation: Federal Law No. 197-FZ of December 30, 2001 (as amended on August 8, 2024)].
26. Ustav Gosudarstvennogo fonda podderzhki uchastnikov spetsialnoy voennoy operatsii «Zashchitniki Otechestva»: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 06.05.2023 №1168-r (red. ot 25.04.2024) [Charter of the State Fund for Support of Participants of the Special Military Operation "Defenders of the Fatherland": Order of the Russian Government No. 1168-r of May 6, 2023 (as amended on April 25, 2024)].

УДК 342.951**Административная ответственность лиц, отбывающих наказание
в исправительных учреждениях в иностранных государствах****Алексеева Анастасия Сергеевна**

Адъюнкт,
факультет подготовки научно-педагогических кадров,
Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказания,
390000, Российская Федерация, Рязань, ул. Сенная, 1;
e-mail: nastya.gulina.98@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется административная ответственность лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях в иностранных государствах. Автором анализируются особенности административной ответственности указанной категории лиц в России, Соединенных Штатах Америки, Франции, Германии, Республике Беларусь, Саудовской Аравии и Китае, акцентируя внимание на проблемах, связанных с двойным регулированием правонарушений и конкуренцией норм различных отраслей права. Актуальность проводимого исследования продиктована необходимостью разграничения предметов регулирования отечественного административного и уголовно-исполнительного законодательства в связи с проблемами, возникающими в правоприменительной практике, что подчеркивает необходимость гармонизации законодательных норм в России для более эффективного регулирования привлечения к административной ответственности лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

Для цитирования в научных исследованиях

Алексеева А.С. Административная ответственность лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях в иностранных государствах // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 217-225.

Ключевые слова

Административная ответственность, двойное регулирование, соотношение норм, зарубежный опыт, иностранные государства.

Введение

Административная ответственность в Российской Федерации представляет собой одну из центральных составляющих института юридической ответственности, направленную на регламентацию и охрану общественных отношений от посягательств, нарушающих нормы административного права. Действующее административно-деликтное законодательство России не выделяет лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) в качестве особых субъектов административной ответственности, и предписывает привлекать их к административной ответственности на общих основаниях.

Существующее положение дел видится не совсем верным, так как отсутствие внимания законодателя к особенностям, присущим данной категории лиц, приводит к определенным проблемам в процессе привлечения их к административной ответственности, так как нормы административного и уголовно-исполнительного законодательства содержат большое количество схожих между собой запрещенных деяний, за которые предусмотрено наложение того или иного вида ответственности. В некоторых составах таких правонарушений отличия настолько неочевидны, что должностные лица учреждений и органов УИС, зачастую испытывают сложности при привлечении к административной ответственности лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, чем обусловлен интерес к изучению зарубежного опыта.

Стоит отметить, что во многих зарубежных странах кодифицированное административное законодательство отсутствует, так же как отсутствует и большинство административных наказаний в «чистом» виде, не трансформируясь в наказания уголовные. Некоторые деяния признаются противоправными не одной отраслью права, так как выражаются в виде дисциплинарных проступков, а какая-то их часть и вовсе содержится в нормах уголовного законодательства [Поникаров, 2010].

Административная ответственность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в Соединенных Штатах Америки

Особенность административного права Соединенных Штатов Америки (далее – США) и его отличие от отечественного емко объяснил американский ученый Э. Фройнд, который определил административное право как «право, контролирующее администрацию, а не право, созданное администрацией» [Freund, 1928], а его главная цель заключается в защите частных лиц от произвола чиновников и государственного аппарата. Важно подчеркнуть, что понимание административного права в США принципиально отличается от отечественного, так как в России административное право, в первую очередь, понимается как право, регулирующее общественные отношения в сфере государственного управления. В связи с этим, деяние, которое в России подпадает под регулирование норм административного права, в США будет регулироваться нормами уголовного кодекса, так как в американском уголовном праве существуют различные классификации уголовных преступлений.

В свою очередь осужденные к лишению свободы, отбывающие наказание в пенитенциарных учреждениях США, в случае совершения правонарушения несут дисциплинарную ответственность, налагаемую сотрудниками учреждения. Данное положение закрепляется в Дисциплинарной программе заключенных (Inmate Discipline Program) [Inmate Discipline Program. www...].

В соответствии с § 4042(a)(3) раздела 18 Кодекса США, в целях обеспечения безопасной и упорядоченной среды для заключенных и персонала, дисциплинарным процессом в отношении заключенных управляет Федеральное бюро тюрем.

Административная ответственность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы во Франции

Схожим по содержанию является административное право Франции, регулирующее организацию и деятельность административных органов и их отношения с обычными гражданами, а категория «административная ответственность» во французском праве непосредственно связана с ответственностью государства перед частными лицами.

В свою очередь, за правонарушения, совершаемые осужденными к лишению свободы в процессе отбывания наказания, предусмотрено привлечение к дисциплинарной ответственности. Порядок и основания привлечения заключенных к дисциплинарной ответственности закрепляются нормами Пенитенциарного кодекса Франции от 30.03.2022 № 2022-478 [Code pénitentiaire. [www...](#)]. При этом указанный вопрос регламентирован обстоятельнее, нежели в России.

В Пенитенциарном кодексе также содержится указание на то, что любое нарушение положений Правил внутреннего распорядка, остальной части Пенитенциарного Кодекса или служебных инструкций, может повлечь за собой как дисциплинарное, так и уголовное преследование. Данная норма порождает закономерный вопрос об уголовной, либо дисциплинарной ответственности нарушителя, их конкуренции или допустимости одновременного привлечения к двум видам ответственности [Сиряков, 2022]. Общеизвестный принцип *Non bis in idem* (с латинского — «Не дважды за одно и то же»), нашедший свое выражение в Международном пакте о гражданских и политических правах [Международный пакт о гражданских и политических правах. [www...](#)], прямо указывает на невозможность двух взысканий за одну провинность. Однако, в правовых системах западноевропейских стран, в исключительных случаях, допускается нарушение такого принципа.

Административная ответственность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в Федеративной Республике Германия

Законодательство Федеративной Республики Германия (далее – ФРГ) также допускает применение дисциплинарных мер в случае возбуждения за правонарушение уголовного или административного производства [Gesetz über Ordnungswidrigkeiten. [www...](#)]. Но, в отличие от Франции, по законодательству ФРГ субъектом административной ответственности может быть обычный гражданин, в том числе и осужденный к лишению свободы.

Основным законом ФРГ в области административного регулирования является Закон о нарушениях порядка (Gesetz über Ordnungswidrigkeiten (OWiG)), регулирующий привлечение к административной ответственности на федеральном уровне, нормы которого определяют административное правонарушение как противоправное деяние, подлежащее судебному преследованию, которое влечет за собой наложение наказания в виде штрафа. Иные нормативные акты, регулирующие привлечение к административной ответственности и издаваемые на территории ФРГ, должны не противоречить настоящему закону. Такое положение закрепляет административный штраф основным видом наказания, а также фактически разграничивает административное правонарушение от других видов нарушения

норм права: если деяние наказывается административным штрафом – то это административное правонарушение. Однако, вопрос о существовании в праве ФРГ административной ответственности в отрыве от уголовной является в юридической науке дискуссионным. Некоторые авторы относят все противоправные деяния в Германии к предмету уголовного права. Другие же полагают, что в Германии существует как административная, так и уголовная ответственность [Миняева, Серебренникова, 2017].

Деятельность пенитенциарной системы Германии базируется на Уголовно-исполнительном законе ФРГ [Gesetz über den Vollzug der Freiheitsstrafe. [www...](#)] и региональных нормативных актах. Особенностью при привлечении к ответственности осужденных является положение о допустимости применения мер дисциплинарного воздействия и в том случае, если за одно и то же нарушение уже возбуждено уголовное дело или дело о возмещении материального ущерба, таким образом виновный может быть наказан за один проступок повторно нормами разных отраслей права. Также, отличным от российского уголовно-исполнительного законодательства выступает наличие собственных законодательств федеральных земель, в которых Министерствами юстиции субъектов регулируются конкретные структурные и содержательные аспекты, а также полномочия органов уголовно-исполнительной системы, исходя из особенностей субъектов и учреждений.

Административная ответственность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в Республике Беларусь

Административная ответственность в Республике Беларусь не имеет таких кардинальных отличий от ее отечественного понимания, и определяется Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП РБ) [Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. [www...](#)]. Функции в сфере исполнения наказания возложены на структурную единицу Министерства внутренних дел Республики Беларусь – Департамент исполнения наказаний (далее – ДИН), а правовая регламентация отбывания наказания основана на Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь [Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь. [www...](#)] (далее – УИК РБ) и Постановлении Министерства внутренних дел Республики Беларусь № 174 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» (далее – Правила) [Постановление Министерства внутренних дел РБ № 174. [www...](#)].

В законодательстве Республики Беларусь имеются аналогичные проблемы как и в законодательстве России, в том числе связанные с привлечением осужденных к ответственности за нарушения норм, имеющих двойное регулирование правом административным и уголовно-исполнительным, в связи с отсутствием закрепления осужденных в качестве специального или особого субъекта административной ответственности, что может быть обусловлено исторической общностью данных территорий и правообразующих норм.

Административная ответственность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в Королевстве Саудовская Аравия

Правовая система Саудовской Аравии основана на шариате, исламском праве, вытекающем из Корана и сунны (преданий) исламского пророка Мухаммеда. Большинство отраслей права в европейском ее понимании в Королевстве Саудовская Аравия отсутствует, а привлечение к тому или иному виду юридической ответственности (за исключением гражданско-правовой)

регулируется священными писаниями, иджмами (скоординированными мнениями авторитетных знатоков ислама), киясами (суждениями по сходству) и судебным прецедентом.

В законодательстве отсутствуют законы, регулирующие порядок отбывания лишения свободы, выделяющие конкретные виды административной или уголовной ответственности, тем самым и выделения заключенных как специфических субъектов юридической ответственности не происходит.

О пенитенциарной системе Саудовской Аравии мало что известно. Заключенные в тюрьмах находятся, по сути, в бесправном положении. К ним применяются различные виды наказаний от избиений до пыток без процедур рассмотрения обстоятельств совершения правонарушения и доказывания вины. Так, например бывший осужденный Саудовской тюрьмы рассказал, что бывают два вида пыток: психические и физические. Психические пытки: принуждение заключенных, особенно во время допросов, слушать звуки избиений, стрельбы, криков, лая полицейских собак, угрозы в отношении родителей и родных и другие. К физическим он отнес избиение, пережимание кровеносных сосудов, поливание холодной водой, тушение сигарет о тело и т.д. [Бывший заключенный рассказал о пытках в саудовских тюрьмах. [www...](#)].

Административная ответственность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в Китайской Народной Республике

Действующее административное законодательство Китайской Народной Республики (Далее – КНР), в настоящее время, образуют более 90 законов и более тысячи подзаконных актов и актов органов местного самоуправления [Косихина, Швец, 2022], а Административный кодекс (единый кодифицированный акт) отсутствует.

Основным законодательным актом административного права в стране является Закон КНР об административных наказаниях, принятый на 4-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (Далее – ПК ВСНП) 8-го созыва 17.03.1996 [Administrative Penalty Law of the People's Republic of China. [www...](#)], который, в отличие от КоАП РФ, не содержит составов административных правонарушений. Большинство составов административных правонарушений содержатся в отдельных нормативно-правовых актах КНР, например: Закон КНР о наказаниях за нарушение общественного порядка (принят на 17-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 28.08.2005), Правила наказания и наложения взысканий за противоправные действия в финансовой сфере от 05.11.2004 и т.д.

В административном законодательстве Китая нет упоминания об осужденных, отбывающих лишение свободы, как специфических субъектах административной ответственности, из чего следует, что таких лиц предписано привлекать к обозначенному виду ответственности на общих основаниях. Как нет подобного указания и в уголовно-исполнительном законодательстве. Вместе с тем, Законом КНР о тюрьмах (принят на 11-й сессии ПК ВСНП 8-го созыва 20.12.1994) [Prison Law of the People's Republic of China. [www...](#)] для заключенных установлена дисциплинарная ответственность.

Уголовный кодекс КНР (принят на 5-й сессии ПК ВСНП шестого созыва 14.03.1997) [Criminal Law of the People's Republic of China. [www...](#)], в свою очередь, также выделяет нормальную деятельность исправительных учреждений непосредственным объектом уголовно-правовой охраны и закрепляет в статьях 315, 316, 317 наиболее общественно опасные деяния. Примечательно, что схожие по объективной стороне составы правонарушений, содержатся во всех трех отраслях права.

В законодательстве Китая «обстоятельства совершения преступления» являются

квалифицирующими и определяют степень общественной опасности, а понятие «отягчающие обстоятельства» используется для разграничения преступления от правонарушения [Трофимова, 2020]. Собственно обстоятельства совершения деяния в каждом конкретном случае рассматриваются судьями и устанавливаются судебным толкованием. В связи с этим можно сделать вывод о большой роли судебного и административного усмотрения в вопросах выбора санкции той или иной отрасли права, что представляется не совсем верным, так как все больше уводит процесс назначения наказания в плоскость субъективного восприятия. Тем самым в законодательстве КНР наблюдается наличие схожих с Россией проблемных вопросов, когда одни и те же деяния составляют объективную сторону разных видов правонарушений, ответственность за которые предусмотрена разными отраслями права. Ситуация усугубляется еще и тем, то в КНР не всегда легко разграничить преступление и правонарушение, а это значит, что к конкуренции норм административного и уголовно-исполнительного права добавляется еще и право уголовное.

Заключение

Анализ законодательства зарубежных стран позволяет сделать вывод о том, что во многих зарубежных странах совершенно иной взгляд на административное право, далекий от отечественного представления, кодифицированное административное законодательство отсутствует, как отсутствуют и административные наказания, которые чаще всего трансформируются в уголовные или дисциплинарные. С этим связано то, что зарубежные страны не выделяют осужденных как особых субъектов административной ответственности, однако им уделяется особое место в субъектном составе юридической ответственности в целом.

В иностранных государствах также имеются проблемы с привлечением осужденных к ответственности за нарушения норм, имеющих двойное регулирование. В Китае данная проблема усугубляется сложностями в разграничении административных правонарушений и уголовных преступлений, а во Франции – уголовных преступлений и дисциплинарных проступков.

В США данную проблему решили привлечением заключенных к дисциплинарной ответственности сотрудниками МЮ США и пенитенциарных учреждений. Во Франции и Германии предусмотрели возможность наложения двойной ответственности за одно правонарушение. В Саудовской Аравии избежали данной проблемы наделяя администрации исправительных учреждений большей самостоятельностью в вопросах привлечения заключенных к ответственности.

Административная ответственность осужденных является важным и необходимым институтом правового регулирования, который должен быть гармонично интегрирован в систему исполнения уголовных наказаний. Проблемы, связанные с административной ответственностью лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях УИС России, требуют комплексного подхода, включающего как теоретические разработки, так и практическое совершенствование правоприменительной практики. Разработка четких и последовательных норм, касающихся административной ответственности осужденных, в том числе разграничение предметов регулирования административного и уголовно-исполнительного права и привлечение их к административной или дисциплинарной ответственности за то или иное деяние, будет способствовать улучшению правопорядка в исправительных учреждениях, усилению превенции правонарушений и повышению эффективности правового регулирования в данной сфере.

Библиография

1. Поникаров, В. А. Применение административной ответственности в пенитенциарных учреждениях иностранных государств / В. А. Поникаров // Административное право и процесс. 2010. № 3. С. 41-43.
2. Freund E. Cases on Administration Law. St. Paul, 1928. P. I.
3. Inmate Discipline Program // Federal Bureau of Prisons. URL: https://www.bop.gov/policy/progstat/5270_009.pdf.
4. Code pénitentiaire // Légifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/download/pdf/legiOrKali?id=LEGITEXT000045476241.pdf&size=917,6%20Ko&pathToFile=/LEGI/TEXT/00/00/45/47/62/41/LEGITEXT000045476241/LEGITEXT000045476241.pdf&title=Code%20pénitentiaire>.
5. Сиряков, А. Н. Дисциплинарные проступки осужденных по законодательству Испании / А. Н. Сиряков // Вестник ЮГУ. 2022. №2 (65). С. 170-179.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах URL: <https://base.garant.ru/2540295>.
7. Gesetz über Ordnungswidrigkeiten // Bundesministerium der Justiz URL: https://www.gesetze-im-internet.de/owig_1968.
8. Миняева, Т. Ф. Уголовная ответственность юридических лиц в России и Германии: к постановке проблемы / Т. Ф. Миняева, А. В. Серебrenникова // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 2(123). С. 147-154.
9. Gesetz über den Vollzug der Freiheitsstrafe und der freiheitsentziehenden Maßnahmen der Besserung und Sicherung (Strafvollzugsgesetz - StVollzG) // Bundesministerium der Justiz – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stvollzg/BJNR005810976.html>.
10. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 №91-3 (ред. от 17.02.2025) // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38043824&doc_id2=38043824#activate_doc=2&pos=0;0&pos2=608;-98.19999694824219.
11. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11.01.2000 № 365-3 (ред. от 17.02.2025) // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414827.
12. Постановление Министерства внутренних дел РБ № 174 от 20.10.2000. «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // Кодексы и законы Республики Беларусь - Белзакон.net. URL: https://belzakon.net/Законодательство/Постановление_Министерства_внутренних_дел_РБ/2000/88612.
13. Бывший заключенный рассказал о пытках в саудовских тюрьмах // Welcome to democrazy. URL: <https://antizoomby.livejournal.com/600537.html>.
14. Правовая система КНР: учебное пособие / С. С. Косихина, А. В. Швец. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2022. 90 с.
15. Administrative Penalty Law of the People's Republic of China // Congressional – executive commission on China. URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/peoples-republic-of-china-administrative-punishment-law-english-and>.
16. Prison Law of the People's Republic of China (Chinese Text) // Congressional – executive commission on China. URL: <https://www.cecc.gov/publications/commission-analysis/prison-law-of-the-peoples-republic-of-china-chinese-text>.
17. Criminal Law of the People's Republic of China // Congressional – executive commission on China. URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china#2%20Chapter%20IX>.
18. Трофимова, Т. С. Особенности понятия «отягчающих обстоятельств» в квалификации преступлений, направленных против избирательных прав, в КНР и РФ / Т. С. Трофимова // Современный ученый. 2020. № 3. С. 260-263.

Administrative liability of persons serving sentences in correctional institutions in foreign countries

Anastasiya S. Alekseeva

Postgraduate Researcher,
Faculty of Scientific-Pedagogical Staff Training,
Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service,
390000, 1 Sennaya str., Ryazan, Russian Federation;
e-mail: nastya.gulina.98@mail.ru

<https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/peoples-republic-of-china-administrative-punishment-law-english-and>.

16. Prison Law of the People's Republic of China (Chinese Text) // Congressional – executive commission on China. URL: <https://www.cecc.gov/publications/commission-analysis/prison-law-of-the-peoples-republic-of-china-chinese-text>.
17. Criminal Law of the People's Republic of China // Congressional – executive commission on China. URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china#2%20Chapter%20IX>.
18. Trofimova, T. S. Features of the concept of "aggravating circumstances" in the qualification of crimes directed against electoral rights in the PRC and the Russian Federation / T.S. Trofimova // Modern scientist. 2020. No. 3. P. 260-263.

УДК 34**Некоторые аспекты реализации принципа права народов на самоопределение в условиях новой геополитической реальности****Иваненко Татьяна Александровна**

Аспирант,
кафедра конституционного и муниципального права,
Пятигорский государственный университет,
357532, Российская Федерация, Пятигорск, пр. Калинина, 9;
e-mail: Ivanenko@mail.ru

Выражаю благодарность моему научному руководителю доктору юридических наук, профессору Пятигорского государственного университета Тхабисимовой Людмиле Аслановне за помощь в подготовке текста.

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ трансформации принципа права народов на самоопределение в условиях современной геополитической реальности. Автор исследует диалектическое противоречие между международно-правовыми принципами территориальной целостности государств и права наций на самоопределение, которое приобрело особую актуальность в контексте последних геополитических изменений. Особое внимание уделяется анализу эволюции содержания и форм реализации данного принципа в практике ООН и региональных международных организаций. В работе рассматриваются современные кейсы применения принципа самоопределения, выявляются проблемные аспекты его интерпретации и реализации. Автор анализирует влияние факторов глобализации, цифровизации и новых форм международного сотрудничества на процесс переосмысления традиционных подходов к самоопределению народов. Исследование базируется на сравнительно-правовом анализе международных документов, решений международных судов и арбитражей, а также национального законодательства различных государств. Особый акцент делается на поиске баланса между принципом самоопределения и необходимостью поддержания международного мира и безопасности. В заключении формулируются предложения по совершенствованию правовых механизмов реализации данного принципа с учетом современных вызовов.

Для цитирования в научных исследованиях

Иваненко Т.А. Некоторые аспекты реализации принципа права народов на самоопределение в условиях новой геополитической реальности // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 226-231.

Ключевые слова

Право на самоопределение, территориальная целостность, международное право, геополитика, суверенитет, международные конфликты, права человека, международные организации.

Введение

В соответствии с получившей достаточно широкое распространение в научной литературе точкой зрения, между принципом права народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств не существует непримиримого противоречия. В качестве главного аргумента здесь приводится то, что все основные принципы современного международного права, включая вышеназванные, представляют собой единую систему и могут применяться только согласованно. Это положение отражено в Уставе ООН и закреплено в последующих декларациях и пактах: подчеркивается равная «первостепенная важность» основных принципов, и, следовательно, они должны одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других» [Хельсинский Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. [www...](#), с. 12–16].

Основная часть

Приведенная позиция при всей своей логичности и взвешенности не учитывает одного очевидного, казалось бы, обстоятельства: одновременное существование в системе современного международного права обоих рассматриваемых принципов создает политическую и правовую неопределенность и делает возможным проведения политики двойных стандартов. Движения и группировки, выступающие за отделение от суверенного государства определенного участка территории, могут с одинаковым успехом в зависимости от политической конъюнктуры рассматриваться либо как борцы за законные права соответствующего народа или нации, либо как сепаратисты и террористы. Весьма показательным примером в данной связи может служить ситуация, сложившаяся в прошлом вокруг Косово. Как справедливо отмечают И. П. Блищенко и А. Х. Абашидзе, истинной целью постановки проблемы самоопределения в ряде случаев может являться исключительно «стремление ослабить противника и овладеть средствами для достижения политического и экономического господства на международной арене» [Блищенко, Абашидзе, 1993, с. 71]. Многие государства хорошо понимали опасность такой трактовки и при разработке документов ООН требовали исключить право на отделение из права на самоопределение [Решетов, 1994, с. 11].

Как справедливо отмечается в учебной литературе по международному праву, «Самоопределение не должно осуществляться с сепаратистских позиций в ущерб территориальной целостности и политическому единству суверенных государств. С другой стороны, если народ создает орган, который его официально представляет и выполняет публично-правовые функции, то всякие насильственные действия, препятствующие извне процессу самоопределения, могут рассматриваться как нарушающие принципы невмешательства и суверенного равенства государств» [Колосов, Кузнецов, 1996], с. 50]. На наш взгляд формулировка, допускающая неоднозначную трактовку международно-правовых норм, носящих характер *jus cogens* совершенно недопустима.

Таким образом, между правовыми категориями территориальной целостности государства и национального самоопределения существует очевидное доктринальное и нормативное противоречие. Без решения вопроса о иерархическом соотношении указанных категорий их эффективное применение во внутригосударственной и международной повестке попросту невозможно, поскольку один принцип блокирует другой.

Здесь необходимо отметить, что по справедливому мнению ряда авторов, в решении проблемы соотношения категорий территориальной целостности и права наций и народов на самоопределение следует исходить из неоспоримого приоритета прав человека. Только этот подход может и должен выступать в качестве единственного и окончательного критерия, позволяющего объективно оценить значимость принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение. Иными словами, в каждом конкретном случае предлагается выяснить, приоритетность какого из вышеназванных принципов способна гарантировать возможность максимальной защиты прав человека [Валяровский, 2003, с. 128].

Отметим также, что между принципами всеобщего уважения прав человека и права народов на самоопределение существует тесная генетическая и нормативная связь. Так, в ст. I Декларации Генеральной Ассамблеи ООН «О праве на развитие» (1986) отмечается: «Право человека на развитие предполагает также осуществление в полной мере права народов на самоопределение, которое отвечает соответствующим положениям обоих международных пактов о правах человека...». В Африканской хартии прав человека, вступившей в силу в 1986 г., указывается, что все народы имеют неоспоримое и неотъемлемое право на самоопределение своего политического статуса «путем любых средств, признанных международным сообществом». Безусловная взаимосвязь гарантий прав человека с реализацией права его народа нашла подтверждение в «Парижской хартии для народов Европы» (1990), в которой записано: «Права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, должны полностью уважаться как часть всеобщих прав человека». Данное положение нашло отражение также в итоговом документе Московского совещания Конференции по человеческому измерению (1991), документах Всемирной конференции по правам человека (1993) и ряде других международных документов. В частности, Всемирная конференция заявила, что считает «отказ в праве на самоопределение нарушением прав человека и подчеркивает важность эффективного осуществления этого права» [Валяровский, 2003, с. 306].

Несомненно, само по себе самоопределение народа не должно являться самоцелью. Как отмечает Г. Б. Старушенко, «если та или иная форма самоопределения попирает права человека, она должна быть заменена на более приемлемую или же самоопределение не должно состояться в иной форме» [Старушенко, 1997, с. 37].

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что решение проблемы территориальной целостности и национального самоопределения, связанного с территориальным отделением, следует искать в сфере доктринального и нормативного бытия принципа всеобщего уважения прав человека. Речь идет о том, что принцип права наций и народов на самоопределение в форме территориального отделения следует применять только в тех случаях, когда соответствующая нация или народ в силу сложившихся исключительных обстоятельств не могут нормально существовать и развиваться в составе определенного государства по причине системного нарушения их прав и свобод со стороны этого государства.

Во всех остальных случаях приоритет следует отдавать принципу территориальной целостности. Принцип национального самоопределения в форме территориального отделения должен применяться только в исключительных случаях.

При таком подходе данный принцип фактически теряет свое самостоятельное регулятивное значение, поэтому представляется логичным вывести его из системы основных принципов международного права и включить его в состав принципа всеобщего уважения прав человека в качестве элемента его нормативного состава.

По нашему мнению именно такой подход способен ликвидировать нормативное противоречие, существующее в системе основных принципов международного права уже в

течение многих десятилетий.

Наиболее полно нормативное содержание принципа всеобщего уважения прав человека сформулировано в Заключительном Акте СБСЕ 1975 года [Хельсинский Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. www...].

Предлагается дополнить перечень элементов, составляющих нормативное содержание принципа всеобщего уважения прав человека, приведенный в указанном документе, следующей формулировкой: «Любое действие или бездействие государства, приведшее к существенному нарушению перечисленных обязательств в отношении нации или народа, составляющих часть населения данного государства, должна рассматриваться в качестве основания для реализации такой нацией или таким народом права на национальное самоопределение в форме территориального отделения в целях создания собственного независимого государства или вхождения в состав уже существующего суверенного государства». Существующий ныне принцип права наций и народов на самоопределение, предлагается исключить из системы основных принципов международного права, и, соответственно, из всех основных международно-правовых актов, в которых он отражен: Устава Организации Объединенных Наций, Декларации об основных принципах международного права 1970 г. и Заключительного Акта СБСЕ 1975 г.

Заключение

Очевидно, что сформулированное выше предложение предполагает возможность решения исследуемой в рамках данной научной статьи проблемы только и исключительно в концептуально-теоретической плоскости. Практическое же воплощение указанного предложения лежит уже в сфере реальной внешней политики государств, анализ которой не входит в предмет данного исследования.

При этом предложение о внесении изменений в систему основных принципов международного права не должно восприниматься как нечто «крамольное». Как отмечает В. С. Хижняк, при глобальных изменениях в международных отношениях могут модифицироваться и содержание, и сущность этих принципов [Хижняк, 2003, с. 69]. А тот факт, что основные принципы нуждаются в серьезной модификации, уже не подвергается сомнению ни политиками, ни представителями научной общественности.

Библиография

1. Хельсинский Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Хельсинский заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — Редакция от 01.08.1975 — Контур. Норматив (kontur.ru).
2. Блищенко И. П., Абашидзе А. Х. Международная защита прав национальных меньшинств. – М.: Международные отношения, 1993. – 289 с.
3. Решетов Ю. А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права. – 1994. - № 1. – С. 5–22.
4. Международное право: Учебник / Под ред. Ю. М. Колосова, В. И. Кузнецова. – М.: Международные отношения, 1996. – 608 с.
5. Валяровский Ф. И. Суверенитет в конституционном строе Российской Федерации: Диссертация на соискание ученой степени канд. юр. наук. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2003. – 149 с.
6. Старушенко Г. Б. Не только тушить, но и предупреждать конфликты // Московский журнал международного права. – 1997. - № 1 – С. 35–48.
7. Хижняк В. С. Закономерности, особенности и тенденции развития процесса взаимодействия национального права России и международного права. – Саратов: СГЮА, 2003. – 356 с.

Certain Aspects of Implementing the Right of Peoples to Self-Determination in the New Geopolitical Reality

Tat'yana A. Ivanenko

Postgraduate Student,
Department of Constitutional and Municipal Law,
Pyatigorsk State University,
357532, 9, Kalinina ave., Pyatigorsk, Russian Federation
e-mail: Ivanenko@mail.ru

Abstract

The article presents a comprehensive analysis of the transformation of the right of peoples to self-determination principle in the contemporary geopolitical reality. The author examines the dialectical contradiction between international legal principles of territorial integrity and nations' right to self-determination, which has gained particular relevance amid recent geopolitical changes. Special attention is paid to the evolution of content and implementation forms of this principle in UN practice and regional international organizations. The study investigates contemporary cases of self-determination application, identifying problematic aspects of its interpretation and implementation. The author analyzes how globalization, digitalization and new forms of international cooperation influence the rethinking of traditional approaches to peoples' self-determination. The research employs comparative legal analysis of international documents, decisions of international courts and arbitrations, as well as national legislation of various states. Particular emphasis is placed on finding a balance between self-determination principle and the need to maintain international peace and security. The conclusion offers proposals for improving legal mechanisms of implementing this principle considering modern challenges.

For citation

Ivanenko T.A. (2025) Nekotorye aspekty realizatsii printsipa prava narodov na samoopredelenie v usloviyakh novoy geopoliticheskoy real'nosti [Certain Aspects of Implementing the Right of Peoples to Self-Determination in the New Geopolitical Reality]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 226-231.

Keywords

Right to self-determination, territorial integrity, international law, geopolitics, sovereignty, international conflicts, human rights, international organizations

References

1. Helsinki Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe of August 1, 1975 - [Electronic resource]. – Access mode: Helsinki Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe — Revision dated 08/01/1975 — Outline. The standard (kontur.ru)
2. Blishchenko I. P., Abashidze A. H. International protection of the rights of national minorities. Moscow: International Relations, 1993. 289 p.
3. Reshetov Yu. A. The right to self-determination and secession // Moscow Journal of International Law. - 1994. - No. 1. – pp. 5-22.
4. International Law: Textbook / Edited by Yu. M. Kolosov, V. I. Kuznetsov, Moscow: International Relations, 1996– 608

-
- p.
5. Valyarovsky F. I. Sovereignty in the constitutional system of the Russian Federation: Dissertation for the degree of Candidate of Law. Moscow: MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2003. – 149 p.
 6. Starushenko G. B. Not only to extinguish, but also to prevent conflicts // Moscow Journal of International Law. - 1997. - No. 1 – pp. 35-48.
 7. Khizhnyak V. S. Patterns, features and trends in the development of the process of interaction between Russian national law and international law. Saratov: SGUA, 2003. 356 p.

УДК 65.61:342.93

Совершенствование правового регулирования стратегического планирования государственной молодежной политики в целях реализации национальных целей развития Российской Федерации

Зубова Оксана Сергеевна

Аспирант,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82;
e-mail: xiuzubova@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается совершенствование правового регулирования стратегического планирования государственной молодежной политики в рамках реализации национальных целей развития Российской Федерации. Проводится анализ актуальности юридического обеспечения молодежной политики, представлено обоснование необходимости адаптации правовой базы в условиях современного социально-экономического развития страны. Автор указывает на наличие пробелов в нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы стратегического планирования, что негативно сказывается на эффективности государственной молодежной политики. Методология исследования основана на комплексном анализе законодательства, сравнительном методе и документов планирования государственной политики. Применяя фактические данные, автор проводит оценку существующих механизмов правового регулирования и выявляет их недостатки. Эмпирический анализ дополняется синтезом теоретических концепций, что позволяет предложить новые пути совершенствования правового регулирования в интересах молодежи. Использованы методы правового анализа, сравнительно-правового исследования, а также принцип системности и комплексности. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости внесения изменений в действующие законодательные акты путем гармонизации национальных интересов с международными практиками, создания новых нормативных основ для стратегического планирования. Обнаружено, что недостаточная интеграция межведомственных усилий, а также дефицит инновационных механизмов правовой поддержки стали препятствием для реализации молодежной политики на должном уровне. Предложенные меры направлены на повышение прозрачности и эффективности планирования, что позитивно скажется на достижении национальных целей развития Российской Федерации. В заключение автор резюмирует основные проблемы в области правового регулирования государственной молодежной политики и формулирует рекомендации для их устранения. Представленная работа обладает практической значимостью для органов государственной власти, специалистов в области права и социально-экономического развития, а также для научных работников, изучающих вопросы государственной политики в отношении молодежи. Статья расширяет

представление о современных тенденциях в области правового обеспечения стратегического планирования и формирует базу для дальнейших исследований в данной области. Таким образом, проведенное исследование демонстрирует важность комплексного подхода к реформированию правового обеспечения молодежной политики. Практическая значимость работы подтверждается предлагаемыми инновационными решениями, направленными на создание эффективной системы стратегического планирования, что способствует всестороннему развитию молодежного потенциала и устойчивому социально-экономическому прогрессу Российской Федерации. Результаты могут стать отправной точкой для дальнейших междисциплинарных исследований в правовой сфере.

Для цитирования в научных исследованиях

Зубова О.С. Совершенствование правового регулирования стратегического планирования государственной молодежной политики в целях реализации национальных целей развития Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 232-246.

Ключевые слова

Правовое регулирование, стратегическое планирование, молодежная политика, национальные цели, развитие Российской Федерации.

Введение

Государственная молодежная политика в современной России переживает период активного развития и реформирования. Отечественное законодательство в сфере регулирования молодежных инициатив изобилует нормами, которые, тем не менее, нуждаются в уточнении и совершенствовании, чтобы эффективно соответствовать динамичным процессам формирования приоритетов национального роста. В последние годы особое внимание уделяется стратегическому планированию, так как именно этот инструментарий позволяет комплексно подойти к поддержке молодежи, учитывая многообразие целей и задач социально-экономического характера. Доступ к качественному образованию, развитию инноваций и повышению конкурентоспособности – все это напрямую влияет на молодежь, чья роль в реализации общегосударственных проектов крайне значима. Однако, существует потребность гармонизации правовых норм на федеральном и региональном уровнях, ведь без слаженной системы правового регулирования невозможно обеспечить долгосрочный и устойчивый эффект от реализуемых мер. Правовая база, включающая в себя законы, указы и подзаконные акты, должна быть руководством для практики, но в ряде аспектов остается неоптимальной. Отсутствие единой концептуальной рамки, в которой пересекаются интересы разных ведомств, порождает дублирование функций и неэффективное расходование ресурсов. Именно поэтому совершенствование правовых механизмов, а также внедрение современных методов планирования становятся важнейшими задачами. Оно включает усиление контроля за целевым использованием бюджетных средств, развитие межведомственного сотрудничества и адаптацию лучшего мирового опыта [Захарова, 2023]. Параллельно важно учитывать новые вызовы, связанные с цифровизацией, информационной безопасностью и международными тенденциями в работе с молодежью. В результате возникает многомерный комплекс задач,

который требует выработки системной, научно обоснованной правовой модели стратегического планирования.

Законодательная конструкция государственной молодежной политики представляет собой совокупность разнообразных актов различного уровня. В России сформировался базовый каркас, где, с одной стороны, закрепляются общие принципы государственной поддержки молодежи, а с другой стороны, предлагаются инструменты реализации этих принципов. В то же время, существует проблема фрагментированности, когда дискретные нормы не всегда выстраиваются в единую систему, что ослабляет эффективность применения законодательных предписаний на практике. Для решения данной проблемы важно учитывать разноплановые интересы молодежи, разделяя их по категориям: студенты, молодые специалисты, жители сельских территорий, представители уязвимых групп и т.д. Цены на жилье, проблемы безработицы, нехватка мест в дошкольных учреждениях – все эти вопросы требуют комплексного подхода и должны учитываться в стратегических документах, перекликаясь с федеральными целевыми программами. Поскольку молодое поколение – это социально-демографическая группа с особым потенциалом, именно на нем лежит ответственность за инновационное развитие страны. Без четкой правовой регламентации основных направлений стратегического планирования нет возможности обеспечить преемственность и реализацию долгосрочных проектов в социальной, экономической и научно-технической сферах [Воронин, Мурзагалина, Воронина, 2022]. Правовая база нуждается в корректировке механизмов мониторинга, повышении эффективности межведомственной координации и более гибком инструментарии исполнения. Остается актуальным вопрос о том, как оптимально распределить полномочия между федеральными органами исполнительной власти, органами субъектов Федерации и местным самоуправлением, чтобы свести к минимуму риски размывания ответственности.

Материалы и методы исследования

Современная практика показывает, что эффективной реализации государственной молодежной политики способствует не только формирование четких стратегических приоритетов, но и создание системы постоянной обратной связи. Молодежь уже не рассматривается лишь как объект воздействия, она становится полноправным участником процесса стратегического планирования. Активное вовлечение молодых людей в разработку проектов и общественных инициатив позволяет точнее определить приоритеты и возможные пути решения насущных проблем. К примеру, организации студенческого самоуправления, молодые парламентарии при законодательных органах власти, молодежные советы при органах исполнительной власти – все это создает площадки для обсуждения и выработки идей снизу вверх [Муртазалиев, Мусалова, 2023]. В условиях цифровых технологий и социальных сетей государственные структуры имеют возможность значительно упростить процесс взаимодействия с молодежью путем онлайн-консультаций, голосований и краудсорсинговых проектов. Однако правовые аспекты такого взаимодействия пока требуют совершенствования, особенно в части защиты персональных данных, верификации участников электронных дискуссий и прозрачности принимаемых решений. При этом необходимо учитывать специфику российского молодого поколения, которое вбирает в себя многообразие этнокультурных, региональных и образовательных факторов.

В стратегическом планировании важную роль играет вопрос ресурсов, необходимых для

реализации крупных проектов и программ в интересах молодежи. Бюджетные ассигнования, которые выделяются на молодежную политику, должны быть целевыми, а их использование – подвергаться строгому контролю. Необходима нормативно правовая основа, устанавливающая четкие критерии эффективности расходования средств на различные направления: поддержка талантливой молодежи, содействие занятости и предпринимательству, формирование навыков технологического лидерства и многое другое. Кроме того, каналами финансирования могут выступать не только федеральные и региональные бюджеты, но и внебюджетные фонды, грантовая поддержка, а также государственно-частное партнерство, которое в последние годы набирает обороты [Еремина, Хромова, 2023]. Однако без грамотно выстроенной системы нормативного регулирования велик риск пересечения финансовых потоков и возникновения коррупционных схем, что подрывает доверие к деятельности госорганов и ставит под сомнение возможность достижения заявленных целей. В условиях рыночной экономики важно сочетать государственную поддержку с механизмами конкуренции и стимулирования частных инвестиций, чтобы создавать благоприятные условия для самореализации молодежи в разных сферах. При этом нужно учитывать специфику конкретных отраслей: от IT до сельского хозяйства, чтобы добиться максимальной эффективности использования средств.

Результаты и обсуждение

Внедрение инновационных подходов к оценке результатов стратегического планирования – еще один аспект, требующий правового закрепления. Нередко документы стратегического характера формально утверждаются, но механизмы регулярного мониторинга и оценки их итогов остаются декларативными. При этом именно систематический анализ и корректировка планов позволяют своевременно реагировать на новые вызовы и тенденции. Для этого нужны четкие законодательные предписания о необходимости регулярной отчетности, общественных слушаний, экспертных панелей, которые проверяют соответствие достигнутых индикаторов целям и задачам [Максимова, Анасийчук, 2023]. Молодежная политика, будучи межведомственной сферой, требует координации усилий образовательных, культурных, спортивных, экономических и других ведомств, поэтому в законах и подзаконных актах следует закреплять обязательность комплексного подхода. Но пока национальные цели развития не всегда имеют достаточное отражение в конкретных нормативных актах, призванных регулировать деятельность молодежных организаций, особенно на региональном уровне, что порождает дублирование, а порой и противоречие в полномочиях местных органов.

Интеграция молодежи в международные процессы также важна для формирования глобально конкурентоспособной структуры российской экономики и социальной сферы. Международный опыт демонстрирует, что многие страны уже давно включили долгосрочное планирование в политику работы с молодежью, делая упор на инновации, предпринимательство и взаимное сотрудничество. Россия не может оставаться в стороне, тем более что ей необходимо продвигать собственные инициативы и защищать свои интересы на международной арене. Правовое закрепление участия в международных программах молодежных обменов, научно-образовательных проектах, волонтерских и культурных мероприятиях должно гармонично вплетаться в общий стратегический курс, четко коррелируя с задачами национального развития [Пенионжек, Колесников, Бельмесова, 2023]. Однако в действующих правовых актах пока что недостаточно учтены риски, связанные с возможным утечением квалифицированных кадров, а также требования к юридической поддержке молодых специалистов за рубежом. Возникает

необходимость закрепить механизмы стимулирования обратной миграции – приглашения талантливых молодых россиян, которые получают опыт за границей, вернуться на родину и внедрять полученные знания и навыки на отечественном рынке.

Информационная среда, окружающая современную молодежь, становится все более сложной и многоуровневой. Перед правовыми документами стоит задача регламентировать аспекты информационной безопасности, интеллектуальной собственности, использования сетевых технологий и социальных сетей в ходе стратегического планирования. Молодежь в значительной степени находится в цифровом пространстве, где формирование гражданской активности, профессиональных навыков и общественных инициатив идет через онлайн-инструменты. При этом крайне важно защитить молодежь от деструктивных информационных воздействий, экстремистских проявлений и других угроз. Совершенствование правового регулирования предполагает четкое разделение компетенций между разными государственными органами: от органов внутренних дел до ведомств, отвечающих за информационную политику [Меркулов, 2022]. Нормативная база должна устанавливать принципы взаимодействия IT-компаний, образовательных структур и силовых ведомств для комплексного обеспечения цифровой безопасности. Только так можно сохранить баланс между свободой информации и необходимостью защищать молодежь от негативного влияния.

Особое внимание в рамках молодежной политики уделяется вопросам патриотического воспитания и формирования гражданской идентичности. В текущем социально-политическом климате государство стремится создать условия для укрепления национальной солидарности и позитивного образа страны в глазах молодых граждан. Это требует правового закрепления форм и методов патриотического воспитания, а также усиления роли образовательных учреждений, культурных центров и общественных институтов. При этом необходимо избежать формализма и излишней идеологизации, сделать акцент на работе с реальными историями, примерами героизма, достижения в области науки, культуры и спорта [Зайцева, Хатаян, 2023]. Правовые нормы, регулирующие деятельность молодежных общественных объединений, должны стимулировать гражданскую активность, поддерживать волонтерские проекты и социальные акции, одновременно сохраняя принципы свободы объединений. В современных условиях формирование у молодежи устойчивости к внешним пропагандистским воздействиям также требует законодательного внимания, чтобы обеспечить приоритет национальных интересов и ценностей.

Федеральный закон о стратегическом планировании является одним из ключевых документов, определяющих рамки взаимодействия разных органов государственной власти при разработке и реализации программ развития. Однако на практике остается много аспектов, которые не учтены или внедрены поверхностно. В том числе, важным является уточнение роли экспертных сообществ и научных организаций при формировании долгосрочных прогнозов и сценариев. Эти прогнозы необходимы, чтобы предугадать социально-экономические тенденции и вызовы, которые отразятся на перспективах молодежи. Вовлечение научных кадров и профильных аналитических центров в государственную молодежную политику может помочь оптимизировать механизмы принятия решений и повысить качество подготовленных программ [Щеглов, Волконская, 2023]. Правовое обеспечение таких форм взаимодействия с научным сообществом нуждается в развитии, в том числе через совершенствование конкурсных процедур, грантовой поддержки и системы публичной отчетности о результатах научно-исследовательских работ.

Большое значение имеет формирование новых форм партнерства между государством,

бизнесом и общественными институтами, ориентированных на реализацию стратегических задач молодежной политики. Часто важные инициативы уходят в тень из-за отсутствия понятной юридической модели такого партнерства. Государственно-частное партнерство способно расширить спектр возможностей для молодых людей, предоставить им доступ к современным технологиям, менторской поддержке и стажировкам. Без юридически выверенных механизмов инвестирования и распределения рисков такие проекты либо не стартуют, либо не доходят до логического завершения [Горбунов, 2023]. В рамках совершенствования правового регулирования требуется ввести в законы нормы, поощряющие малый и средний бизнес к участию в социальных программах для молодежи, создавая систему налоговых преференций, субсидий и льготных условий доступа к объектам инфраструктуры.

Дополнительным стимулом развития правового поля в сфере молодежного планирования служит ориентация на глобальные тенденции в области устойчивого развития. В рамках реализации целей, заданных ООН, многие страны уже перестроили свои внутренние нормативные базы, чтобы сочетать национальные интересы с глобальной повесткой. Россия, стремясь укрепить свои позиции на международной арене, должна учитывать лучшие практики, интегрируя принципы устойчивого развития в отечественный контекст. Для этого нужны правовые механизмы, которые позволят совершенствовать экологическую культуру молодежи, стимулировать «зеленую» экономику и поддержку социальных инноваций [Меркулов, 2023]. Важно расширять горизонт планирования за счет междисциплинарных подходов, объединяя экологию, экономику и социологию в единой концепции, чтобы молодежь видела не просто формальные поручения, а реальную стратегию, которую можно поддержать и развить. Применение таких инструментов требует цифрового сопровождения, чтобы обеспечивать прозрачность и отслеживаемость результатов, что также должно найти отражение в правовых нормах.

Одним из важнейших препятствий на пути совершенствования правового регулирования является синдром «всеобъемлющей бумажной волокиты». Это когда нормативная база становится громоздкой и сложной, а системная координация затрудняется множеством формальных процедур. Молодежные инициативы зачастую сталкиваются с бюрократическими барьерами, которые снижают мотивацию к участию в государственных программах. Стратегическое планирование призвано уменьшить этот эффект, но пока оно не всегда приводит к нужным результатам. Правовая регламентация должна быть понятной и гибкой, обеспечивать прозрачную процедуру взаимодействия всех заинтересованных сторон. Когда нормативные акты избыточно детализированы, исполнители могут трактовать их по-разному, теряя время на согласования и уточнения [Князькова, Власова, 2023]. Это ведет к дублированию функций и конфликтам полномочий между учреждениями и ведомствами. Чтобы избежать подобных коллизий, необходимо стремиться к кодификации отдельных сфер молодежной политики или хотя бы систематизации положений в четкие блоки (рис. 1).

Особое место отводится цифровым платформам, которые позволяют координировать работу государственных структур, общественных организаций и самих молодых граждан в режиме онлайн. Это могут быть порталы, где публикуются стратегические документы, планы и результаты мониторинга, там же осуществляется сбор предложений и обратная связь. Такая практика усиливает прозрачность, дает понятный инструмент контроля за ходом реализации программ. Однако правовой статус подобных платформ пока остается недостаточно определенным. Нужно закреплять их функции и обязательность использования, чтобы государственные органы не могли игнорировать новые цифровые форматы [Попкова, 2024].

При этом немаловажным является вопрос кибербезопасности и защиты персональных данных, так как активное участие молодежи в онлайн-инициативах требует особого внимания к аутентификации и конфиденциальности. Если эти аспекты проигнорировать, можно столкнуться с массовыми злоупотреблениями и снижением доверия со стороны граждан.

Охват национальных целей в молодежной политике

Рисунок 1 - Радарная диаграмма: Охват национальных целей

С точки зрения региональной специфики, стратегическое планирование должно учитывать разницу в социально-экономических условиях субъектов Федерации. В одних регионах молодежь уходит в крупные города, что порождает проблему оттока кадров, в других – наблюдается миграционный приток, что ведет к росту демографической нагрузки на инфраструктуру. Правовое регулирование должно обеспечивать баланс между унифицированными федеральными стандартами и гибкой корректировкой с учетом местных особенностей. Позитивным примером здесь могут служить региональные программы поддержки молодых специалистов в сфере здравоохранения, образования и культуры, где предусмотрены дополнительные меры материального стимулирования и предоставление жилья. Но без четкой нормативной основы существует риск, что региональные особенности будут игнорированы, а принципы адресности мер утратят свою силу [Пенионжек, Колесников, Бельмесова, 2023]. Поэтому необходима более тесная координация между федеральными и региональными законодателями, чтобы документы стратегического планирования не оставались лишь формальными декларациями.

Неотъемлемым элементом правового регулирования является взаимодействие с общественными молодежными объединениями, которые представляют своеобразный мост между государством и молодежью. Эти объединения могут быть разнопрофильными: экологическими, культурными, научными, спортивными, но все они формируют уникальную среду самореализации молодых людей. В стратегическом планировании должны учитываться интересы и потенциал этих объединений, ведь именно они часто лучше всего понимают локальные потребности и располагают возможностями для быстрой реакции на социальные запросы. Нормативное закрепление статуса общественных организаций, механизмов их финансирования и отчетности – одна из важнейших задач совершенствования правового поля

[Воронин, Мурзагалина, Воронина, 2022]. При этом фундаментальным принципом остается свобода деятельности и самоуправления, чтобы они не превращались в формальные придатки органов власти, а сохраняли свою инициативность и креативный потенциал.

Нельзя не отметить роль науки и инноваций в развитии государственной молодежной политики. Отечественные вузы и научные учреждения готовят специалистов, которые впоследствии работают в разных секторах экономики, формируют интеллектуальную элиту и обеспечивают технологический прорыв. Однако закрепление механизмов поддержки молодых ученых, инноваторов и предпринимателей в правовых актах пока недостаточно. Важно предусмотреть льготные условия для стартапов, облегченный доступ к научному оборудованию, возможность получения грантов на исследования, а также налоговые преференции для компаний, приглашающих молодых сотрудников. Кроме того, требуется правовое урегулирование вопросов интеллектуальной собственности, возникающих при коммерциализации научных разработок [Чичканов, Сухарев, 2022]. От этого во многом зависит, смогут ли талантливые выпускники российских университетов реализовывать себя в стране, а не уезжать за рубеж в поисках лучших условий и возможностей.

Стратегическое планирование молодежной политики тесно связано с формированием социальной инфраструктуры, куда входят учреждения культуры, спорта, системы дополнительного образования. Именно в этой среде молодежь развивает творческие и лидерские качества, укрепляет социальные связи. Современные правовые акты должны отражать необходимость современной инфраструктуры, доступной для широких слоев населения, включая маломобильную молодежь. Например, нормы о доступности культурных мероприятий и объектов спортивной инфраструктуры для молодых людей позволяют выравнивать шансы сельской и городской молодежи на полноценное развитие [Горбунов, 2023]. Здесь важно взаимодействие с муниципальным уровнем, где, как правило, и обеспечивается непосредственное функционирование многих объектов. Но без систематического включения данных вопросов в стратегические документы эти проекты могут оставаться точечными и не привести к кардинальным изменениям.

В реализации национальных целей развития важную роль играет демографический фактор, и молодежь в этом контексте рассматривается не только как будущие родители, но и как социально-активная группа, формирующая новую повестку дня. Законодательные инициативы, направленные на повышение рождаемости, нельзя рассматривать в отрыве от стратегии социально-экономического развития. Молодые семьи зачастую сталкиваются с проблемами доступности жилья, нехватки мест в детских садах и отсутствии стабильной работы. Все это сказывается на их желании планировать будущее и расширять семью [Захарова, 2023]. Поэтому правовое регулирование должно затрагивать комплекс мер, включая ипотечные программы с льготными ставками, субсидирование детских дошкольных учреждений и меры по поддержке занятости для молодых специалистов. Стратегическое планирование должно быть в состоянии предложить долгосрочные решения, а не только точечные акции и временные льготы (рис. 2).

Проблемы трудоустройства и профессиональной адаптации молодых людей остаются одними из приоритетных направлений в государственной молодежной политике. Кандидаты без опыта работы часто оказываются в затруднительном положении, где сложно найти достойную вакансию. Правовая регламентация деятельности центров занятости, программ обучения и переквалификации должна учитывать особенности современной экономики, где растут ИТ-сфера и инновационные сектора, но одновременно сокращаются рабочие места в традиционных отраслях. Нужно стимулировать частный бизнес к приему молодых сотрудников через

налоговые льготы и гранты на создание рабочих мест [Максимова, Анасийчук, 2023]. При этом не менее важно упрощать процедуры стажировок и практик в государственных структурах и компаниях с госучастием, чтобы студенты и выпускники вузов могли получать первый опыт работы. Все эти меры должны найти отражение в правовых актах, формируя систему, которая помогает молодежи плавно переходить из образовательной среды в профессиональную.

Динамика реализации молодежной политики по федеральным округам

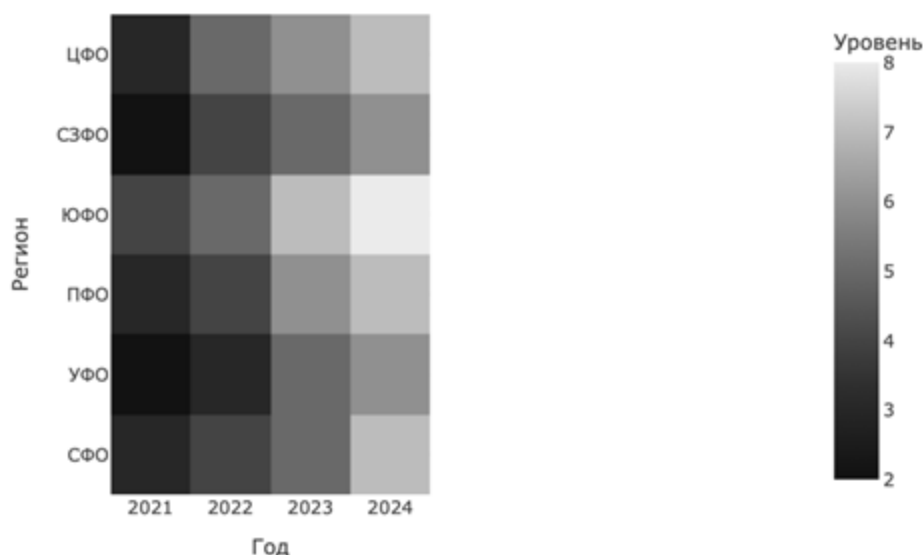

Рисунок 2 - Тепловая карта: Региональная реализация

Контроль и аудит реализации молодежных программ – ещё одна сфера, где стратегическое планирование требует четкого правового обеспечения. Без механизмов общественной и парламентской оценки результативности проектов деньги могут расходоваться неэффективно. В итоге не достигаются заявленные показатели, а проблемы молодежи не решаются в должном объеме. Поэтому важно узаконить методы регулярного публичного отчета по итогам работы. Комиссии, состоящие из экспертов в области экономики, социологии, права, должны получать доступ к полной информации о ходе реализации программ. На этой основе формируются рекомендации для корректировки планов и преломления стратегии в соответствии с новой реальностью [Меркулов, 2023]. При выявлении нарушений важны четкие санкции и механизмы устранения выявленных проблем, чтобы улучшение правового регулирования не оставалось декларацией.

Опыт зарубежных государств, сумевших успешно встроить молодежную политику в общенациональную стратегию развития, подтверждает, что главным условием становится системность законодательства. В некоторых странах создана единая кодифицированная база, где детально прописаны все аспекты от финансирования до мониторинга. Это упрощает деятельность органов власти и защищает молодежь от правовой неясности. Российская практика пока только движется к подобным стандартам. Подготовка единого Молодежного кодекса могла бы стать важным шагом, позволяющим преодолеть разобщенность регулятивных норм. В нем можно отразить ключевые аспекты: обязанности государства, права молодежи, механизмы реализации стратегического планирования и др. Конечно, разработка такого

документа требует согласованных усилий всех заинтересованных сторон, но выгоды от его принятия могут быть существенными [Еремина, Хромова, 2023]. Это позволит избежать повторений и противоречий, создаст удобную основу для дальнейшей детализации на подзаконном уровне.

Ключевым вопросом остается координация. Даже при наличии самого совершенного закона и прописанных процедур исполнение может «буксовать» из-за различий в ведомственных интересах. Каждый орган власти, отвечающий за свою сферу, может сосредоточиться на локальных задачах, игнорируя общий вектор развития. В результате молодежная политика расслаивается на нелиנקованные направления. Стратегическое планирование должно преодолевать эту разобщенность, а законодательство – обеспечивать инструменты межведомственного взаимодействия. Для этого можно ввести нормы об обязательном согласовании программ, о формировании рабочих групп при органах власти, где участвуют представители смежных ведомств и экспертного сообщества [Муртазалиев, Мусалова, 2023]. Также стоит активно использовать цифровые платформы, упрощая логику и документооборот при совместной выработке решений. Тогда у каждого участника процесса будет понимание общей цели и своей роли в ее достижении.

Принципы прозрачности и подотчетности крайне важны при использовании бюджетных средств, направленных на реализацию государственной молодежной политики. Без адаптированных правовых норм сложно обеспечивать постоянную публикацию отчетов и их удобную для восприятия форму. Молодежь, которой адресованы эти программы, должна видеть результаты собственной вовлеченности и участия. Нормы о доступе граждан к информации, о механизмах запроса копий документов, о публичном рассмотрении бюджетных вопросов на местном уровне вносят вклад в стратегическую открытость. При этом государство получает социальную легитимность своих инициатив, видя отклик целевой аудитории. В законах стоит закрепить требования к формату представления данных о расходовании средств, чтобы они были понятны молодой аудитории, разбирающейся в современных цифровых интерфейсах [Максимова, Анасийчук, 2023]. В итоге возрастает доверие, и появляется обратная связь, которая является фундаментом непрерывного улучшения.

Одним из инновационных направлений, где правовое регулирование может сыграть ключевую роль, является создание молодежных технологических парков и кластеров. Такие структуры могут предоставлять молодым ученым, предпринимателям и изобретателям площадки для разработки своих проектов, позволяя тестировать идеи и выводить их на рынок. Это требует правовых норм, определяющих порядок функционирования подобных парков, налоговые льготы и особенности аренды помещений, доступ к экспериментальной базе университетов и научных институтов. В рамках стратегического планирования такая инфраструктура становится точкой роста, которая может формировать целые экосистемы высокотехнологичных стартапов [Князькова, Власова, 2023]. Чтобы подобные проекты не оставались в подвешенном состоянии, необходимо ясное описание в законодательстве порядка привлечения инвестиций, защиты интеллектуальной собственности и критериев эффективности, которым должны соответствовать технопарки.

Важным направлением остается работа по формированию правосознания самой молодежи. Без понимания своих прав и возможностей молодые люди не могут эффективно участвовать в разработке и реализации стратегических решений. Правовое воспитание должно начинаться в школе, продолжаться в вузе и через механизмы неформального образования. Государство и общественные организации могут проводить обучающие семинары, курсы и мастер-классы по

основам законодательства, встречаться со студентами и рассказывать о том, как работают государственные институты. Важно, чтобы это было не формальность, а практически ориентированное знание, раскрывающее молодежи преимущества участия в публичной политике. В итоге повышается правовая культура, и появляется больше инициатив, рождающихся именно на молодежном уровне [Воронин, Мурзагалина, Воронина, 2022]. Такой подход позволяет быстрее находить новые кадры для управленческих структур и развивать институт молодых специалистов в органах власти и крупных организациях.

В контексте цифровизации важно упомянуть развитие новых форм дистанционного участия в законодательно закрепленных процедурах. Молодежь, часто мобильная и живущая в динамичном ритме, испытывает потребность в гибких механизмах выражения своей гражданской позиции. Электронные петиции, онлайн-референдумы и другие инструменты э-демократии способны облегчить доступ к принятию решений и повысить ответственность власти перед молодыми гражданами. Но без четкой правовой регламентации такого рода формы участия могут остаться лишь факультативом. Нужно установить юридическую силу электронных обращений, определить порядок учета их результатов в работе государственных органов. Это означает, что стратегическое планирование в молодежной сфере должно включать разделы, посвященные современной электронной демократии [Еремина, Хромова, 2023]. Тогда усилия государства, направленные на вовлечение граждан, не будут бессистемными, а станут частью долгосрочной стратегии.

Еще одним аспектом, заслуживающим внимания, является формирование правовых условий для здорового образа жизни молодежи. Государство стремится снижать уровень вредных привычек, таких как курение, употребление алкоголя и наркотических веществ, и стимулировать занятия спортом, активный отдых. В стратегических документах по молодежной политике уже отражены эти вопросы, но их нормативное обеспечение зачастую разбросано по разным законам и подзаконным актам. Вместо этого необходим системный подход, предусматривающий профилактические программы, доступность спортивных сооружений, курирование здоровьесберегающих технологий в учебных заведениях. Правовая регламентация могла бы закрепить стандарты по времени проведения занятий физической культурой, условиям финансирования спортивных секций и стимулирующим механизмам для образовательных учреждений, которые активно развивают спортивную инфраструктуру [Муртазалиев, Мусалова, 2023]. Только так удастся создать среду, способствующую полноценному росту здорового молодого поколения.

Важную роль в улучшении правовых механизмов планирования государственной молодежной политики играет подготовка квалифицированных кадров, которые могут осуществлять юридическую экспертизу и внедрение новых норм на практике. Без профессионалов, понимающих как специфику молодежной среды, так и тонкости законодательства, трудно добиться реальных перемен. В этой связи целесообразно развивать программы дополнительного профессионального образования, курсы повышения квалификации для сотрудников государственных органов, общественных организаций и образовательных учреждений. В них должны учитываться не только буква закона, но и новейшие методы проектного управления, социального проектирования, анализа данных [Пенионжек, Колесников, 2023]. Это сделает процесс стратегического планирования более грамотным, а результаты – более ощутимыми и полезными для молодых людей. Государство в партнерстве с ведущими вузами и экспертными центрами способно наладить такую подготовку, одновременно формируя кадровый резерв управленцев новой формации.

Немаловажное значение имеют вопросы социальной справедливости и равенства возможностей. Молодежь очень чувствительно относится к ситуациям, когда меры поддержки распределяются не объективно, а в силу личных связей или административного ресурса. Чтобы исключить подобные злоупотребления, правовые нормы должны четко прописывать критерии отбора участников в грантовых программах, конкурсах, при распределении субсидий и иных преференций. Должна быть предусмотрена возможность обжалования решений конкурсных комиссий, а также прозрачность всех этапов принятия решений [Меркулов, 2022]. Только при наличии таких механизмов сформируется доверие молодых людей к госпрограммам, что, в свою очередь, повысит их готовность участвовать в общественной жизни и развивать инициативы, соответствующие национальным целям.

Регулярное обновление правовой базы с учетом научных исследований и рекомендаций международных организаций способно обеспечить долгосрочную эффективность государственной молодежной политики. Право не может застыть в определенной точке, ведь социальные реалии постоянно меняются. Появляются новые сферы занятости, формируются иные модели досуга и общения среди молодежи. Все это требует от законодателя способности к гибкому реагированию, что должно быть заложено в стратегическом подходе. В рамках этого подхода важно учитывать механизмы общественного обсуждения, в ходе которого студенты, молодые ученые, активисты и представители бизнеса смогут высказать свои предложения и критику [Максимова С.Н., Анасийчук, 2023]. Тогда правовые акты будут максимально приближены к реальной жизни, а их исполнение – более продуктивным.

Заключение

Опираясь на вышеизложенные идеи, можно заключить, что совершенствование правового регулирования стратегического планирования государственной молодежной политики играет ключевую роль в достижении национальных целей развития Российской Федерации. Внедрение системного подхода, укрепление межведомственной координации, учет региональных особенностей и международного опыта, а также обеспечение прозрачности и эффективности в реализации программ – все это должно найти отражение в современных нормативных актах. Ориентация на долгосрочный результат позволяет формировать активное, ответственное и компетентное молодое поколение, которое в состоянии не только реагировать на текущие социально-экономические вызовы, но и стать инициатором позитивных перемен в будущем. Комплексная корректировка законодательства поможет создать институциональную основу, которая гарантирует преемственность поколений и поддержку уникального потенциала российской молодежи.

Библиография

1. Воронин Д.М., Мурзагалина Г.М., Воронина Е.Г. Стратегия развития молодежной политики в Российской Федерации // *Современные здоровьесберегающие технологии*. 2022. № 1. С. 31-45.
2. Горбунов И.О. Нормативно-правовая основа молодежной политики на государственном и муниципальном уровне // *Вестник Академии управления и производства*. 2023. № 5. С. 243-250.
3. Еремина О.Ю., Хромова Н.М. Молодежная политика как новое направление законодательного регулирования // *Черные дыры в Российском законодательстве*. 2023. № 2. С. 42-50.
4. Зайцева М.В., Хатаян А.А. Государственное регулирование молодежной политики // *Журнал У. Экономика. Управление. Финансы*. 2023. № 2 (32). С. 253-258.
5. Захарова Д.Е. Этапы разработки стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации (конец XX – начало XXI века) // *Клио*. 2023. № 10 (202). С. 176-182.

6. Князькова Е.В., Власова Т.Е. Институционализация новых приоритетов государственной молодёжной политики в России: условия, вызовы, решения // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 1. С. 59-71.
7. Максимова С.Н., Анасийчук Н.А. Молодежная политика в новом конституционном цикле Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2 (177). С. 114-116.
8. Меркулов П.А. Государственная молодёжная политика и её концептуальные направления для социально-экономического и культурного развития страны // Экономическая среда. 2023. № 3 (45). С. 4-13.
9. Меркулов П.А. Иерархия приоритетов государственной молодёжной политики РФ: новации и традиции // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 3. С. 17-41.
10. Муртазалиев А.М., Мусалова П.Б. Понятие и нормативно-правовая основа молодёжной политики в современной России // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 45. № 1. С. 9-14.
11. Пенионжек Е.В., Колесников Г.В., Бельмесова Е.Д. Особенности развития молодёжной политики в целях совершенствования патриотического воспитания // Материалы Афанасьевских чтений. 2023. № 4 (47). С. 22-26.
12. Пенионжек Е.В., Колесников Г.В., Бельмесова Е.Д. Особенности развития молодёжной политики в целях совершенствования патриотического воспитания // Образование от «А» до «Я». 2023. № 5. С. 82-85.
13. Попкова Т.С. Стратегическое планирование в области государственной молодёжной политики // Административное право и процесс. 2024. № 8. С. 48-50.
14. Чичканов В.П., Сухарев О.С. Перспективы стратегического государственного управления в России // Экономист. 2022. № 1. С. 23-31.
15. Щеглов В.С., Волконская А.Г. Принципы стратегии государственной молодёжной политики в Российской Федерации // Самара АгроВектор. 2023. Т. 3. № 4. С. 28-34.

Improvement of legal regulation of strategic planning of state youth policy in order to implement the national development goals of the Russian Federation

Oksana S. Zubova

Postgraduate Student,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
119571, 82 Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: xiuzubova@yandex.ru

Abstract

The article examines the improvement of legal regulation of strategic planning of state youth policy within the framework of implementing the national development goals of the Russian Federation. The introduction includes an analysis of the relevance of legal support for youth policy and a justification for the necessity to adapt the legal framework in the conditions of the country's modern socio-economic development. The author points out gaps in the normative legal acts regulating issues of strategic planning, which negatively affect the efficiency of state youth policy. The research methodology is based on a comprehensive analysis of legislation, a comparative method, and planning documents of state policy. By applying factual data, the author assesses the existing mechanisms of legal regulation and identifies their shortcomings. The empirical analysis is supplemented by a synthesis of theoretical concepts, which makes it possible to propose new ways to improve legal regulation in the interests of youth. The methods of legal analysis, comparative legal research, as well as the principles of systematization and comprehensiveness, have been employed. The research results indicate the necessity of amending current legislative acts by harmonizing national interests with international practices and creating new normative foundations for strategic planning. It was found that the insufficient integration of interdepartmental efforts and

Oksana S. Zubova

a deficit of innovative mechanisms of legal support have become obstacles to the proper implementation of youth policy. The proposed measures are aimed at increasing the transparency and effectiveness of planning, which will positively affect the achievement of the national development goals of the Russian Federation. In conclusion, the author summarizes the main problems in the legal regulation of state youth policy and formulates recommendations for their elimination. The presented work is of practical significance for state authorities, legal professionals, and socio-economic development specialists, as well as for researchers studying issues of state policy towards youth. The article expands the understanding of modern trends in the legal support of strategic planning and establishes a basis for further research in this field. Thus, the conducted research demonstrates the importance of a comprehensive approach to reforming the legal support of youth policy. The practical significance of the work is confirmed by the innovative solutions proposed, aimed at creating an effective system of strategic planning, which contributes to the comprehensive development of youth potential and sustainable socio-economic progress of the Russian Federation. The results may serve as a starting point for further interdisciplinary research in the legal sphere.

For citation

Zubova O.S. (2025) Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya strategicheskogo planirovaniya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v tselyakh realizatsii natsional'nykh tselei razvitiya Rossiiskoi Federatsii [Improvement of legal regulation of strategic planning of state youth policy in order to implement the national development goals of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 232-246.

Keywords

Legal regulation, strategic planning, youth policy, national goals, development of the Russian Federation.

References

1. Chichkanov V.P., Sukharev O.S. (2022) Perspektivy strategicheskogo gosudarstvennogo upravleniya v Rossii [Prospects for strategic public administration in Russia]. *Ekonomist* [The Economist], (1), 23–31.
2. Eremina O.Yu., Khromova N.M. (2023) Molodezhnaya politika kak novoe napravlenie zakonodatel'nogo regulirovaniya [Youth policy as a new direction of legislative regulation]. *Chernye dyry v Rossiiskom zakonodatel'stve* [Black Holes in Russian Legislation], (2), 42–50.
3. Gorbunov I.O. (2023) Normativno-pravovaya osnova molodezhnoi politiki na gosudarstvennom i munitsipal'nom urovne [Regulatory framework of youth policy at the state and municipal level]. *Vestnik Akademii upravleniya i proizvodstva* [Bulletin of the Academy of Management and Production], (5), 243–250.
4. Knyazkova E.V., Vlasova T.E. (2023) Institucionalizatsiya novykh prioritetov gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii: usloviya, vyzovy, resheniya [Institutionalization of new priorities of state youth policy in Russia: conditions, challenges, solutions]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], Vol. 18 No. 1, 59–71.
5. Maksimova S.N., Anasiichuk N.A. (2023) Molodezhnaya politika v novom konstitutsionnom tsikle Rossiiskoi Federatsii [Youth policy in the new constitutional cycle of the Russian Federation]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], (2 (177)), 114–116.
6. Merkulov P.A. (2022) Ierarkhiya prioritetov gosudarstvennoi molodezhnoi politiki RF: novatsii i traditsii [Hierarchy of priorities of the state youth policy of the Russian Federation: innovations and traditions]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], Vol. 17 No. 3, 17–41.
7. Merkulov P.A. (2023) Gosudarstvennaya molodezhnaya politika i ee kontseptual'nye napravleniya dlya sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya strany [State youth policy and its conceptual directions for the socio-economic and cultural development of the country].

- and cultural development of the country]. *Ekonomicheskaya sreda* [Economic Environment], (3 (45)), 4–13.
8. Murtazaliev A.M., Musalova P.B. (2023) *Ponyatie i normativno-pravovaya osnova molodezhnoi politiki v sovremennoi Rossii* [Concept and regulatory framework of youth policy in modern Russia]. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Juridical Bulletin of Dagestan State University], Vol. 45 No. 1, 9–14.
 9. Penionzhik E.V., Kolesnikov G.V., Bel'mesova E.D. (2023) *Osobennosti razvitiya molodezhnoi politiki v tselyakh sovershenstvovaniya patrioticheskogo vospitaniya* [Features of youth policy development for improving patriotic education]. *Materialy Afanas'evskikh chtenii* [Materials of Afanasiev Readings], (4 (47)), 22–26.
 10. Penionzhik E.V., Kolesnikov G.V., Bel'mesova E.D. (2023) *Osobennosti razvitiya molodezhnoi politiki v tselyakh sovershenstvovaniya patrioticheskogo vospitaniya* [Features of youth policy development for improving patriotic education]. *Obrazovanie ot «A» do «Ya»* [Education from A to Z], (5), 82–85.
 11. Popkova T.S. (2024) *Strategicheskoe planirovanie v oblasti gosudarstvennoi molodezhnoi politiki* [Strategic planning in the field of state youth policy]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Procedure], (8), 48–50.
 12. Shcheglov V.S., Volkonskaya A.G. (2023) *Printsipy strategii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii* [Principles of the state youth policy strategy in the Russian Federation]. *Samara AgroVektor* [Samara AgroVector], Vol. 3 No. 4, 28–34.
 13. Voronin D.M., Murzagalina G.M., Voronina E.G. (2022) *Strategiya razvitiya molodezhnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii* [Development strategy of youth policy in the Russian Federation]. *Sovremennye zdorovesberegayushchie tekhnologii* [Modern Health-Saving Technologies], (1), 31–45.
 14. Zaitseva M.V., Khatayan A.A. (2023) *Gosudarstvennoe regulirovanie molodezhnoi politiki* [State regulation of youth policy]. *Zhurnal U. Ekonomika. Upravlenie. Finansy* [Journal U. Economics. Management. Finance], (2 (32)), 253–258.
 15. Zakharova D.E. (2023) *Etapy razrabotki strategii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii (konets XX – nachalo XXI veka)* [Stages of developing the strategy of state youth policy in the Russian Federation (late 20th – early 21st century)]. *Klio* [Clio], (10 (202)), 176–182.

УДК 34**Плутократия как власть меньшинства****Керимов Александр Джангирович**Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,Сектор конституционного права и конституционной юстиции,
Институт государства и права Российской академии наук,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10;
e-mail: 8017498@mail.ru**Аннотация**

В статье исследуется феномен концентрации власти в руках экономически доминирующего меньшинства как устойчивой модели политической организации современных обществ. На основе историко-социологического анализа раскрываются механизмы воспроизводства плутократической системы, ее адаптации к изменяющимся условиям и кризисные тенденции в современных западных демократиях. Особое внимание уделяется диалектике взаимного превращения экономического и политического капитала, а также роли государственного аппарата в легитимации существующего порядка. Рассматриваются противоречия современного капитализма, проявляющиеся в деградации политических элит, маргинализации классового анализа в научном дискурсе и новых формах социального протеста. Делается вывод о системном характере кризиса властных отношений и необходимости фундаментальной трансформации социальной организации.

Для цитирования в научных исследованиях

Керимов А.Д. Плутократия как власть меньшинства // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 247-254.

Ключевые слова

Властные элиты, плутократия, политическое господство, классовые отношения, экономическое принуждение, кризис элит, капитализм, социальное неравенство, институциональное насилие, цивилизационный кризис.

Введение

Феномен концентрации власти в руках привилегированного меньшинства представляет собой устойчивую характеристику политической организации современных государств. Историко-политический анализ свидетельствует, что подобная модель управления нередко сопровождается использованием репрессивных механизмов и институционального насилия, направленных на сохранение существующего порядка. Эти практики, приобретая порой крайние формы, демонстрируют фундаментальное противоречие между декларируемыми демократическими принципами и реальными механизмами осуществления власти.

Эмпирические данные подтверждают устойчивую тенденцию к снижению качественного уровня правящих элит в странах западного мира. Когнитивный анализ публичной деятельности ключевых политических фигур (включая 46-го президента США Дж. Р. Байдена, вице-президента К. Харрис, бывших британских премьеров Б. Джонсона и Л. Трасс, а также министра иностранных дел Германии А. Бербок) выявляет системные признаки профессиональной деградации: непоследовательность в принятии решений, противоречивость публичных заявлений, снижение уровня политической ответственности. Особенно рельефно эти тенденции проявились в контексте украинского кризиса, где стратегические просчеты западных элит привели к эскалации регионального конфликта.

Основное содержание

Концепция цивилизационного кризиса, разработанная А. С. Панариным [Панарин, 1999], предоставляет методологическую основу для интерпретации наблюдаемых процессов. Согласно данной парадигме, современный кризис элит представляет собой не изолированное явление, а симптом системной трансформации западной цивилизационной модели. Прослеживается четкая корреляция между прогрессирующей депрофессионализацией правящего класса, его отрывом от базовых социальных интересов и общим снижением эффективности управленческих институтов.

Наблюдаемый системный кризис механизмов воспроизводства политических элит в западных демократиях требует глубокого теоретического осмысления в контексте более широких цивилизационных процессов. Как справедливо отмечает Панарин [Панарин, 1999], современная деградация управленческого класса отражает фундаментальное исчерпание пятивековой парадигмы западного доминирования, что свидетельствует о закономерном характере происходящей глобальной трансформации.

Данный кризис необходимо рассматривать через призму феномена политического доминирования узких социальных групп, который, несмотря на свою историческую устойчивость, сегодня проявляет признаки системной дисфункции. Этот феномен, будучи продуктом действия объективных социально-исторических факторов, демонстрирует удивительную живучесть в различных общественных формациях, что объясняется комплексом взаимосвязанных детерминант.

Особую актуальность этот анализ приобретает применительно к современным сложноорганизованным обществам, для которых характерны высокая степень социальной дифференциации и развитая институциональная структура. Историко-социологические исследования однозначно подтверждают существование прямой корреляции между усложнением социальной системы и профессионализацией управленческого аппарата. При этом

важно подчеркнуть, что принципиальная невозможность спонтанной самоорганизации крупных социальных образований создает объективную основу для возникновения и воспроизводства институционализированных структур власти, которые в современных условиях и переживают кризис легитимности.

Функциональное обоснование элитарного правления вытекает из базовой потребности социума в осуществлении управленческих функций. В отличие от волевых концепций власти, данный подход акцентирует внимание на объективной необходимости существования управляющей подсистемы. Историческая практика демонстрирует устойчивую воспроизводимость механизмов делегирования властных полномочий, которые реализуются как через добровольное признание авторитета, так и через институциональные формы принуждения.

Генезис властной иерархии следует рассматривать как естественный продукт эволюционного развития социальных систем. Этот процесс отражает действие универсальных закономерностей социальной организации, где функциональная дифференциация выступает необходимым условием поддержания системной целостности. Многообразие конкретно-исторических форм реализации властных отношений не отменяет принципиальной устойчивости самой модели элитарного управления.

Доминирование управляющего меньшинства в современных обществах действительно представляет собой объективно обусловленный механизм поддержания социального порядка, однако эта модель требует тщательного анализа своих структурных оснований. Как показывает исследование властных отношений, структурное превосходство правящего меньшинства над управляемой массой не является случайным феноменом, а отражает глубинные закономерности политической организации общества.

В этой связи особую значимость приобретает классический тезис Г. Моски [Моска, 1994, с. 189] о ключевой роли количественной ограниченности элиты как фактора её организационного превосходства. Однако современные исследования позволяют углубить это положение, выявляя более сложные механизмы элитной консолидации.

Фундаментальной основой такой консолидации, как демонстрирует исторический анализ, выступает не просто организационное преимущество, но глубинная целевая ориентация правящих групп на сохранение и расширение властных полномочий. Примечательно, что даже при наличии серьезных идеологических разногласий и конфликтов интересов, представители политического истеблишмента демонстрируют удивительную способность находить компромиссные решения. Эта поведенческая модель объясняется прежде всего осознанием системных рисков, связанных с эскалацией внутриэлитных противоречий, которые могут привести к дестабилизации всей социальной системы и, как следствие, к утрате самих оснований элитного статуса.

Механизм элитной консолидации основывается на рациональном расчете: потенциальные издержки открытого конфликта существенно превышают выгоды от временного тактического преимущества. Эта закономерность особенно ярко проявляется в кризисных ситуациях, когда угроза утраты властных позиций мобилизует элитные группы на преодоление внутренних разногласий. Таким образом, властная мотивация выступает как системообразующий фактор, обеспечивающий устойчивость политического порядка даже в условиях существенных внутренних противоречий правящего класса.

Феномен политической пассивности большинства населения представляет собой сложный социально-психологический феномен, корни которого уходят в глубинные механизмы

человеческого поведения и социальной организации. Как отмечал Ф. де Ларошфуко, естественная склонность человеческой психики избегать когнитивных усилий формирует устойчивую тенденцию к минимизации участия в сложных политических процессах. Однако этот психологический фактор составляет лишь один аспект многослойной проблемы, требующей комплексного анализа.

Современные исследования выявляют три взаимосвязанных фактора, определяющих политическую апатию населения. Во-первых, значительная часть общества демонстрирует выраженную психологическую интровертированность, проявляя сосредоточенность на личностных проблемах и ограниченную мотивацию к общественной деятельности. Эта характеристика соответствует современным концепциям социальной активности, где существенный сегмент населения занимает позицию сознательного неучастия в политической жизни.

Во-вторых, важную роль играет институциональный фактор - широко распространённое среди граждан убеждение в ограниченной эффективности политического участия. Данное представление подкрепляется эмпирическими наблюдениями, свидетельствующими о недостаточной прозрачности и эффективности механизмов обратной связи между электоральной активностью и реальными политическими решениями.

В-третьих, сохраняющаяся социально-экономическая дифференциация продолжает оставаться существенным барьером для политической вовлечённости. Несмотря на глобальный технологический прогресс, около 9,2% мирового населения (по данным Всемирного банка за 2023 год) продолжает жить в условиях крайней нищеты. Как справедливо отмечал Б.Н. Чичерин, постоянная борьба за удовлетворение базовых потребностей существенно ограничивает возможности политического участия наименее обеспеченных слоёв населения.

Парадоксальным образом, именно этот дисбаланс между активным политическим меньшинством и пассивным большинством обеспечивает устойчивость современных политических систем. Однако подобная модель содержит в себе серьёзные риски, связанные с нарастающим разрывом между управляющими и управляемыми, что требует глубокого теоретического осмысления и выработки эффективных механизмов повышения политической вовлечённости граждан.

Политическая элита как социальная группа обладает специфическими характеристиками, которые обеспечивают ее доминирующее положение в системе властных отношений. Эти качества следует рассматривать не как абсолютные достоинства, а как социально обусловленные компетенции, соответствующие требованиям конкретной исторической эпохи и социально-экономической формации. В условиях капиталистической системы наблюдается парадоксальная ситуация: к числу востребованных качеств политического класса относятся как позитивные характеристики (инициативность, предприимчивость, креативность), так и негативные черты (гипертрофированный индивидуализм, беспринципность, чрезмерная ориентация на личную выгоду).

Современный капитализм с его слабо регулируемыми рыночными механизмами, редуцированными формами демократии и доминированием потребительских ценностей создает специфическую среду для формирования политической элиты. Эта среда селективно поощряет такие качества, как агрессивная конкурентность, инструментальная рациональность и адаптивная гибкость, которые в своей совокупности часто противоречат традиционным моральным нормам. При этом нельзя отрицать, что капиталистическая система одновременно стимулирует развитие и позитивных характеристик - инновационного мышления,

ответственности и стратегического видения.

Данное противоречие отражает фундаментальную двойственность капитализма как социально-экономической системы, которая одновременно и деформирует, и развивает человеческий потенциал. Именно эта амбивалентность во многом объясняет устойчивость власти политического меньшинства - его представители оказываются наиболее адаптированными к требованиям существующей системы, независимо от моральной оценки их личных качеств. Таким образом, феномен элитарного правления предстает как сложный результат взаимодействия индивидуальных характеристик и системных требований социально-экономической организации общества.

Анализ властных структур в исторической перспективе позволяет выявить устойчивую закономерность: политическое господство неизменно принадлежит экономически доминирующему меньшинству. Этот феномен, известный как плутократия, представляет собой систему, при которой власть концентрируется в руках наиболее состоятельных социальных групп. Исторический материализм, основываясь на работах В.И. Ленина [Ленин, 1970, с. 15], трактует данное явление через призму классовых отношений, где экономически господствующий класс одновременно осуществляет и политическое доминирование.

Современный капитализм довел эту систему до логического завершения, заменив прежние формы эксплуатации, прикрытые идеологическими оболочками, на открытую экономическую зависимость. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс [Маркс, Энгельс, 1970, с. 27-28], буржуазная эпоха радикально трансформировала социальные отношения, сведя их к "чистогане" - денежному эквиваленту. Эта трансформация, несмотря на кажущуюся прогрессивность, сохранила сущностное неравенство: концентрацию богатства и власти в руках узкой социальной группы.

Особенность современного этапа заключается в том, что экономическое принуждение приобрело институционализированные формы, создавая видимость справедливости и законности. Однако, как показывает анализ классовой структуры, фундаментальные отношения эксплуатации сохраняются, лишь меняя свои внешние формы. Плутократическая система продолжает воспроизводиться благодаря механизмам экономического доминирования, которые обеспечивают политическое влияние собственников капитала.

Актуальность классического марксистского анализа, представленного в "Манифесте Коммунистической партии", находит свое подтверждение в устойчивости фундаментальных механизмов капиталистической системы. Несмотря на произошедшие за два столетия трансформации, такие базовые характеристики как концентрация богатства и власти, экономическое принуждение и эксплуатация труда не только сохранились, но и приобрели новые формы реализации. Эта устойчивость плутократической модели власти особенно рельефно проявляется при анализе властных отношений в классовом обществе, которые представляют собой сложную систему взаимного воспроизводства экономического и политического господства.

Исторический анализ убедительно демонстрирует, что устойчивая концентрация материальных ресурсов в руках узкой социальной группы возможна исключительно благодаря наличию институциональных гарантий, обеспечиваемых государственным аппаратом. При этом государство, включая его репрессивные механизмы, выполняет ключевую функцию защиты и воспроизводства существующих отношений собственности. Данный процесс раскрывает диалектическую природу взаимосвязи политической власти и экономического господства: с одной стороны, властные полномочия обеспечивают доступ к контролю над средствами

производства и финансовыми потоками, с другой - концентрация экономических ресурсов создает необходимые условия для приобретения и удержания политического влияния.

Этот самовоспроизводящийся цикл взаимной конвертации экономического и политического капитала достиг в современных условиях небывалой степени институционализации. Особенность современной капиталистической системы заключается именно в том, что механизм взаимного превращения власти и богатства не просто сохранился, но и получил полную легитимацию в рамках существующего правового порядка. Однако за фасадом формальной законности скрывается неизменная сущность этих отношений: государственный аппарат продолжает выполнять свою историческую функцию защиты интересов экономически доминирующего класса, что находит подтверждение как в исторических аналогиях, так и в современных реалиях, где уровень экономического неравенства прямо пропорционален степени политического влияния.

Подобная системная устойчивость плутократического устройства современных обществ, сохраняющего вопреки всем историческим трансформациям свой фундаментальный принцип - взаимное обеспечение экономического и политического господства привилегированного меньшинства, - объясняет наблюдаемый сегодня парадокс научного дискурса. С одной стороны, мы видим сознательную маргинализацию ключевых категорий социально-экономического анализа ("капитализм", "империализм", "антагонистические классы", "эксплуатация"), особенно усилившуюся после геополитических изменений конца XX века. С другой стороны, эвристическая ценность этих понятий не только не уменьшилась, но и возросла в условиях отсутствия социалистической альтернативы, когда описываемые ими социальные явления стали проявляться с невиданной ранее отчетливостью и универсальностью. Этот концептуальный сдвиг отнюдь не случаен - он отражает целенаправленную стратегию господствующих групп по депроблематизации структурного неравенства и натурализации существующего порядка вещей.

Глобальное доминирование капиталистической модели привело не к исчезновению классовых противоречий, а к их качественной трансформации. В современных условиях социальные конфликты редко принимают форму открытого классового противостояния, что объясняется комплексом взаимосвязанных факторов. Во-первых, существенную роль играют механизмы символического насилия (в терминологии П. Бурдьё), обеспечивающие добровольное подчинение доминируемым классом. Во-вторых, фрагментация рабочего движения в условиях постиндустриальной экономики существенно ослабила потенциал организованного сопротивления. В-третьих, развитие системы "социального партнерства" создало эффективный инструмент маскировки глубинной асимметрии властных отношений.

Тем не менее, латентное сопротивление капиталистической системе продолжает существовать, принимая новые, зачастую неожиданные формы - от локальных социальных движений до глобальных антисистемных протестов. Характерно, что это сопротивление, как правило, лишено четкой идеологической программы, что, однако, не отменяет его принципиальной значимости как индикатора сохранения фундаментальных социальных противоречий. Именно эти противоречия классическая марксистская теория идентифицировала как антагонистические. В этом контексте сознательный отказ от использования адекватного концептуального аппарата предстает не просто как методологическая проблема, но и как существенное препятствие для критического осмысления современных социальных отношений, что в конечном счете работает на сохранение существующей системы господства.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд фундаментальных выводов о природе и механизмах функционирования современной системы властных отношений. Феномен концентрации власти в руках экономически доминирующего меньшинства, исторически сложившийся как плутократическая модель управления, демонстрирует удивительную устойчивость, несмотря на глобальные социально-политические трансформации.

Современный капитализм, достигший высшей стадии своей институционализации, сохранил сущностные характеристики эксплуататорской системы, лишь модернизировав их внешние формы. Диалектика взаимного превращения экономического и политического капитала создала самовоспроизводящийся механизм, где государственный аппарат выполняет функцию защиты интересов правящего класса, обеспечивая легитимность сложившегося порядка.

Однако наблюдаемый кризис элит в западных демократиях свидетельствует о глубинных противоречиях этой системы. С одной стороны, сохраняется классическая модель элитарного господства, с другой - нарастают признаки ее системной дисфункции: депрофессионализация управленческого класса, его отрыв от социальных реалий, снижение эффективности институтов власти. Эти процессы, рассматриваемые в парадигме цивилизационного кризиса (А.С. Панарин), отражают исчерпание пятивековой парадигмы западного доминирования.

Парадоксальным образом, маргинализация в научном дискурсе ключевых категорий классового анализа ("эксплуатация", "антагонистические противоречия") не отменяет их эвристической ценности, а скорее подчеркивает актуальность классического марксистского подхода. Современные формы социального протеста, хотя и лишены четкой идеологической программы, подтверждают сохранение фундаментальных противоречий капиталистической системы.

Таким образом, анализ властных отношений в исторической перспективе позволяет говорить о системном кризисе сложившейся модели управления, который требует глубокого теоретического осмысления и поиска новых форм социальной организации. Перспективы преодоления этого кризиса связаны не с косметическими реформами, а с фундаментальной трансформацией всей системы общественных отношений, направленной на преодоление антагонистических противоречий и установление подлинно справедливого социального порядка.

Библиография

1. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999.
2. Моска Г. Правящий класс. (Печатается по: Mosca G. The Ruling Class. New York. 1939). Социологические исследования. 1994. № 10.
3. Афоризмы: По иностранным изысканиям. Сост. П.П. Петров, Я.В. Берлин. Предисл. Н.М. Грибачева. 3-е изд. перераб., доп. М.: Прогресс, 1985.
4. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб.: Издательство РХГА, 2005.
5. Ленин В.И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников»). Полн. собр. соч. Издание пятое. Издательство политической литературы. М., 1970. Том 39. Июнь – декабрь 1919.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., Политиздат, 1970.

Plutocracy as the rule of the minority

Aleksandr D. Kerimov

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Chief Research Fellow,
Constitutional Law and Constitutional Justice Sector,
Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,
119019, 10 Znamenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 8017498@mail.ru

Abstract

The article examines the phenomenon of concentration of power in the hands of an economically dominant minority as a stable model of political organization of modern societies. Based on historical and sociological analysis, the mechanisms of reproduction of the plutocratic system, its adaptation to changing conditions and crisis tendencies in modern Western democracies are revealed. Particular attention is paid to the dialectic of mutual transformation of economic and political capital, as well as the role of the state apparatus in legitimizing the existing order. The contradictions of modern capitalism are considered, manifested in the degradation of political elites, the marginalization of class analysis in scientific discourse and new forms of social protest. A conclusion is made about the systemic nature of the crisis of power relations and the need for a fundamental transformation of social organization.

For citation

Kerimov A.D. (2025) Plutokratiya kak vlast' men'shinstva [Plutocracy as the rule of the minority]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 247-254.

Keywords

Power elites, plutocracy, political domination, class relations, economic coercion, elite crisis, capitalism, social inequality, institutional violence, civilizational crisis.

References

1. Panarin A.S. (1999) *Rossiya v tsiklakh mirovoy istorii* [Russia in the Cycles of World History]. Moscow: Izd-vo MGU, 1999.
2. Mosca G. (1994) "Pravyashchiy klass" [The Ruling Class]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 10. (Printed from: Mosca G. *The Ruling Class*. New York, 1939).
3. Aforizmy: Po inostrannym istochnikam [Aphorisms: From Foreign Sources]. (1985). Comp. by P.P. Petrov, Ya.V. Berlin. Preface by N.M. Gribachev. 3rd ed., revised and expanded. Moscow: Progress.
4. Chicherin B.N. (2005) *Sobstvennost i gosudarstvo* [Property and State]. Saint Petersburg: Izd-vo RKhGA.
5. Lenin V.I. (1970) *Velikiy pochinit* [The Great Initiative]. In: *Poln. sobr. soch.* [Complete Works], 5th edition. Moscow: Politicheskaya literatura, vol. 39 (June-December 1919).
6. Marx K., Engels F. (1970) *Manifest Kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. Moscow: Politizdat.

УДК 339.543**Теоретико-правовая квалификация правового инструментария
определения таможенной стоимости товаров****Варламов Дмитрий Владимирович**

Аспирант,
Московский инновационный университет,
125190, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 80/Г;
e-mail: dv_varlamov@mail.ru

Чечулина Алла Анатольевна

Кандидат юридических наук, доцент,
Московский инновационный университет,
125190, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 80/Г;
e-mail: cha11@yandex.ru

Аннотация

Цель статьи – сделать обзор доктринальных определений таможенной политики относительно определения таможенной стоимости товаров. Для достижения указанной темы решены задачи по раскрытию содержания таможенной политики, способствующей обеспечению и реализации внешнеэкономических задач и интересов государства. Гипотеза статьи заключается в том, что «таможенная политика» является политико-правовой категорией, которая формализуется в конкретных правовых нормах и реализуется в процессе деятельности органов государственной власти и других субъектов. При подготовке статьи использовались методы наблюдения, сравнения, анализа и синтеза. Выявлены признаки таможенной политики, а также то, что сопоставляя таможенную политику с таможенным делом можно уверенно утверждать, что они соотносятся как цели и средства, а также как первичное и производное. Сделан вывод о том, что таможенной политике свойственно подчинение государственной экономической политике; многомерности; устойчивый характер, обеспечивающий соблюдение основы верховенства закона и надлежащего администрирования, с одновременной гибкостью и чувствительностью к изменениям в экономической конъюнктуре, социально-политической обстановке и других факторов; выражение в концептуальных основах (рамочных стандартах).

Для цитирования в научных исследованиях

Варламов Д.В., Чечулина А.А. Теоретико-правовая квалификация правового инструментария определения таможенной стоимости товаров // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 255-261.

Ключевые слова

Таможенная стоимость, товары, таможенная политика, таможенное дело, правовое регулирование.

Введение

Правовая и институциональная основа таможенно-тарифного регулирования и таможенного администрирования реализуются и развиваются с учетом системы эволюционных приоритетов и ценностных ориентиров основополагающего значения.

Актуальность темы обусловлена ведением, дальнейшим совершенствованием и прекращением действия положений таможенного законодательства, лежащих в основе правового инструментария, который устанавливает условия и порядок трансграничного перемещения товаров, в том числе склад таможенных формальностей и порядок их выполнения, а также организационные и организационно-технические модели, обеспечивающие институциональную состоятельность таможенных органов, всегда основываются на специальном наборе концептуальных принципов и функциональных моделей, охватываемых таможенной политикой государства. Учитывая особое значение избранного государственной политической курса в таможенной сфере, теоретико-правовая проработка этой категории в сочетании со смежной частью терминологического аппарата доктрины таможенного права и таможенного законодательства, равно как и получения общего представления о средствах реализации таможенной политики имеет значительный научный интерес с учетом исследовательских задач.

Оптимальной исходной точкой исследования в указанных направлениях издается обзор законодательного и доктринальных определений таможенной политики.

Основное содержание

Для сравнения и охвата спектра научных взглядов на эту категорию, обратимся к ее определениям, к которым пришли авторы научных трудов теоретического направления.

Начнем с освещения научных положений и выводов, изложенных в докторской диссертации Д.В. Протасова, посвященной административной деятельности таможенных органов в сфере реализации таможенной политики государства. Заметим, что ученый исходит из концепции, согласно которой политика может определяться как совокупность специфических, неординарных действий, мероприятий и институтов, с помощью которых происходит удовлетворение разнообразных интересов дифференцированного общества и их согласования с целью установления и сохранения политического общественного порядка, достижение согласия и политической интегрированности общества. Обосновывается и то, что наиболее важные черты, характеризующие государственную политику как политическую деятельность, следующие:

- это не бессистемное поведение субъектов политического процесса, а целенаправленное действие или бездействие, формируемое для достижения поставленной цели как в целом, так и в отношении конкретно определенной сферы общественных отношений, например в сфере таможенной деятельности;

- охватывает не отдельные абстрактные решения, а целенаправленные направления или модели поведения государственных институтов и содержит как разработку политики, так и ее введение, которые формулируются в виде концепций или стратегий развития отдельных отраслей и механизмов их реализации;

- формируется, преимущественно, государственными институтами, но с учетом разнообразных интересов и потребностей всего общества и отдельных групп;

- вводится в повседневной жизни не только государственными институтами, но и с использованием возможностей отдельных организаций или лиц и субъектов, деятельность которых опосредованно связана с реализацией таможенной политики - деятельность таможенных посредников;
- появляется в ответ на политические требования или требования деятельности, которые поступают от других субъектов политики: политических партий, групп интересов, отраслевых ассоциаций субъектов хозяйствования, отдельных граждан;
- государственные институты действительно работают, а не намерены или только планируют работать, именно это анализируется и оценивается;
- может быть или отрицательной при условии, что деятельность не достигла поставленной цели, или положительной, если решена определенная проблема;
- требует законодательного обеспечения, принятия правовых актов, посредством которых становится нормой общественной жизни, например регулятивные, фискальные и охранные функции таможенной политики воспринимаются как легитимные, хотя эта легитимность - необходимое, но недостаточное условие эффективности;
- основывается, в отличие от политики других субъектов, на возможности применение средств государственного принуждения, то есть те же таможенные органы наделены правом применения административно-принудительных мер с целью предупреждения, прекращения таможенных правонарушений или наказания лиц, виновных в их совершении;
- следует различать просто решения и политику, например, решения правительства относительно повышения таможенных тарифов на отдельные группы товаров не является свидетельством политики протекционизма, скорее всего его можно считать реакцией на экономические условия, сложившиеся в определенной сфере хозяйственной деятельности [Гаранин, Касьяненко, 2024].

Для характеристики составляющей государственной экономической политики, которой определяется содержание деятельности государства по регулированию таможенных отношений внутри страны и сотрудничества по таможенным вопросам с другими государствами, как справедливо заметил Б. А. Косов, российское таможенное законодательство использует термин «государственная таможенная политика», несмотря на то, что этот термин не является гармонизированным и используется, кроме Российской Федерации, в достаточно незначительном количестве стран, в частности, в странах СНГ и т.д. [Каплунов, 2021]. Таможенная политика способствует обеспечению и реализации внешнеэкономических задач и интересов государства.

Обратившись к наработкам А. П. Федотова, отметим, что в его трудах государственную таможенную политику предлагается определять как правительственные концепции, планы по их реализации с указанными мерами и другой правовой инструментарий, который разрабатывается, внедряется и воплощается в сферу государственного таможенного дела по ее концептуальным направлениям [Миронов, 2023]. Это определение в некоторой степени совпадает с тем, к которому пришли С.В. Кивалов и Б.А. Косарев, отметив, что таможенная политика неразрывно связана с порядком перемещения товаров и транспортных средств через государственную границу, поскольку она, исходя из конкретных целей и задач, что стоят перед нашим государством, определяет главные цели и функции деятельности таможенных органов [Соколов, 2022].

Выделяя признаки политики государства в таможенной сфере и развивая вышеизложенные теоретические положения, С.В. Иванов считает, что ее признаками являются то, что: ее ядром

являются таможенные интересы государства; она направлена на реализацию и защиту таможенных интересов как отдельного гражданина, группы лиц, общества, так и государства в целом; она закрепляется в стратегических документах, в которых определяется длительный срок выполнения запланированных результатов (концепциях, стратегиях, планах и т.д.); имеет легитимный правовой инструментарий, который необходим для охраны и защиты таможенных интересов; четко определен круг государственных институтов с распределением полномочий, которые задействованы в реализации целей и задач государственной таможенной политики; является обязательной для всех субъектов соответствующих правоотношений; одновременно является частью как внешней, так и внутренней экономической политики государства [Демидов, 2023].

Для сравнения широкий круг ученых, в том числе И.А. Гарин, Л. И. Киреев, а также И.П. Павлов, Г.Б. Гришин склоняются к мысли о том, что таможенная политика включает в себя: правовые основания перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу; осуществляют правовую регламентацию таможенных правоотношений между субъектами внешнеэкономической деятельности в направлении защиты их прав и законных интересов в части соблюдения таможенных режимов, определения правового статуса товаров, подлежащих оформлению; совершение таможенных формальностей; порядка осуществления тарифного и нетарифного регулирования [Акулинин, Баязитов, 2022].

Осознавая приведенное, ученый придерживается мнения о том, что «таможенная политика» является политико-правовой категорией, которая формализуется в конкретных правовых нормах и реализуется в процессе деятельности органов государственной власти и других субъектов. Зато, понятие «таможенное дело» является организационно-правовой категорией, поскольку она отражает правовое регулирование общественных отношений, связанных с перемещением товаров, предметов и транспортных средств через таможенную границу. Вместе с тем, отмечается, что закрепление характеристик таможенной политики в законодательстве Российской Федерации не имеет непосредственного регулятивного значения, из-за чего надо отказаться от законодательного закрепления термина «таможенная политика». М.В. Парфенов считает, что понятие «таможенная политика», принципы формирования и реализации, стратегические направления развития, содержание и другие не менее важные ее аспекты должны быть закреплены в таком нормативном акте программного характера, как концепция [Гаранин, Касьяненко, 2024]. Более того, верными являются и замечания ученого, подкрепленные ссылкой на монографию Г.А. Комина «Государственно-правовой механизм таможенной политики» [Фиалковская, 2023], относительно дискуссионности использования самого термина «таможенное дело» и обоснованности позиции ученых о его искусственности и целесообразности использования в научном обращении понятия «таможенная деятельность» [Орловский, Бабенков, 2024].

А.М. Шереметьев, для сравнения, придерживается позиции, согласно которой таможенное дело составляет совокупность юридических, экономических и организационных средств, обеспечивающих экономическую охрану таможенных границ Российской Федерации и является одним из действенных методов воплощения в жизнь таможенной политики Российской Федерации [Лазарев, 2023].

Таможенное дело предлагается считать специфической сферой деятельности государства, в рамках которой обеспечивается реализация и защита таможенными органами публичных интересов в сфере внешнеэкономической политики, национальной и экономической безопасности государства [Демидов, 2023].

Высказываясь же относительно значения оптимального состава и высокого уровня качества нормативно-правового оформления охватываемого инструментария таможенным делом, А.П. Федотов в его диссертации, посвященной административно-правовой концепции осуществления государственного таможенного дела, отметил, что административно-правовая концепция осуществления государственного таможенного дела являются одним из определяющих факторов обеспечения глубокой модернизации и подъема национальной экономики, содействия росту конкурентоспособности российского государства.

Подобных взглядов придерживаются и А.А. Кулибин и Ю.А. Кахонович [Зубарев, 2022].

Заключение

Обобщив научные представления о составе сущностных элементов правового характера понятия «государственная таможенная политика», отметим, что ими предлагается считать: 1) правительственные концепции, планы по их реализации с указанными мерами и другой правовой инструментарий, который разрабатывается, внедряется и воплощается в сферу государственного таможенного дела по ее концептуальным направлениям; 2) совокупность специфических, неординарных действий, мер и институтов, а также процесс их формирования и практического воплощения в жизнь, посредством которых происходит удовлетворение государственных таможенных интересов; 3) принципы, закладывающие правовые основания для компонентов системы таможенного администрирования.

Таможенной политике свойственны следующие признаки: 1) подчиняется государственной экономической политике; 2) является многомерной, включая, помимо экономического и политического измерения, еще и правовое измерение и являясь системой ориентиров и направлений таможенно-тарифного регулирования и таможенного администрирования; 3) имеет устойчивый характер, особенно в ее правовой части, обеспечивающей соблюдение основы верховенства закона и надлежащего администрирования, с одновременной гибкостью и чувствительностью к изменениям в экономической конъюнктуре, социально-политической обстановке и других факторов; 4) выражается в концептуальных основах (рамочных стандартах) и очерчивает правовой инструментарий, обеспечивающий институциональную и функциональную способность таможенных органов. Сопоставляя таможенную политику с таможенным делом, констатируем, что они соотносятся как цели и средства, а также как первичное и производное.

Библиография

1. Акулинин Ю.Д., Баязитов Л.Р. Определение сущности и содержания основных таможенно - правовых понятий: «таможенные формальности». Вестник Академии таможенной службы. Серия: Право. 2022. № 1. С. 7-19.
2. Гаранин Е.А., Касьяненко М.П. Понятие и классификация административных процедур в деятельности таможенных органов. Российское правовое измерение: поиск ответов на глобальные международные вызовы: материалы III Международной научно-практической конференции. Смоленск: Университет таможенного дела и финансов, 2024. С. 74-76.
3. Демидов Д.В. Таможенная политика государства и его реализация таможенными органами: монография. М.: Академия таможенной службы. 2023. 332 с.
4. Зубарев А.И. Формирование института таможенной стоимости в таможенном законодательстве. Таможенное дело. 2022. № 2. С. 75-82.
5. Каплунов О.В. Теоретические положения и роль таможенной стоимости в системе таможенного регулирования. Мир финансов. 2021. № 1. С. 55-61.
6. Лазарев В.В. Таможенная стоимость в механизме тарифного регулирования ВЭД. Научный вестник Смоленского университета. Серия: Право. 2023. вып.27 (2). С. 25-29.

7. Миронов И.М. Проблемы контроля определения таможенной стоимости в национальном законодательстве: суждение экспертов. Актуальные проблемы государственного управления. 2023. Вып. 3. С. 42-46.
8. Орловский В.К., Бабенков В.В. Таможенное регулирование внешнеэкономической деятельности в России: история и современность. Ученые записки университета. Серия: Экономика. 2024. вып. 4. С. 34- 40.
9. Соколов О.Г. Таможенная стоимость товара: проблемные аспекты и пути их решения. Вестник экономики. 2022. вып. 2. С. 171-185.
10. Фиалковская В.О. Декларируем таможенную стоимость товара. Все о бухгалтерском учете. 2023. № 34. С. 14-19.

Theoretical and legal qualification of the legal framework for determining customs value of goods

Dmitrii V. Varlamov

Postgraduate student,
Moscow Innovative University,
125190, 80G Leningradsky prospect, Moscow, Russian Federation;
e-mail: dv_varlamov@mail.ru

Alla A. Chechulina

PhD in Law, Associate Professor,
Moscow Innovative University,
125190, 80G Leningradsky prospect, Moscow, Russian Federation;
e-mail: cha11@yandex.ru

Abstract

The purpose of the article is to review the doctrinal definitions of customs policy regarding determination of the customs value of goods. To achieve the specified topic, the tasks of disclosing the content of customs policy that contributes to ensuring and implementing foreign economic objectives and interests of the state were solved. The hypothesis of the article is that "customs policy" is a political and legal category that is formalized in specific legal norms and implemented in the process of activities of government bodies and other entities. In preparing the article, the methods of observation, comparison, analysis and synthesis were used. The signs of customs policy were revealed, as well as the fact that comparing customs policy with customs affairs, we can confidently assert that they are related as goals and means, as well as primary and derivative. It is concluded that customs policy is characterized by subordination to state economic policy; multidimensionality; sustainable nature, ensuring compliance with the basis of the rule of law and proper administration, with simultaneous flexibility and sensitivity to changes in the economic situation, socio-political situation and other factors; expression in conceptual foundations (framework standards).

For citation

Varlamov D.V., Chechulina A.A. (2025) Teoretiko-pravovaya kvalifikatsiya pravovogo instrumentariya opredeleniya tamozhennoy stoimosti tovarov [Theoretical and legal qualification of the legal framework for determining customs value of goods]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 255-261.

Keywords

Customs value, goods, customs policy, customs affairs, legal regulation.

References

1. Akulinin Yu.D., Bayazitov L.R. Definition of the essence and content of the main customs and legal concepts: "customs formalities". Bulletin of the Academy of Customs Service. Series: Law. 2022. No. 1. P. 7-19.
2. Garanin E.A., Kasyanenko M.P. Concept and classification of administrative procedures in the activities of customs authorities. Russian legal dimension: search for answers to global international challenges: materials of the III International scientific and practical conference. Smolensk: University of Customs and Finance, 2024. P. 74-76.
3. Demidov D.V. Customs policy of the state and its implementation by customs authorities: monograph. Moscow: Academy of Customs Service. 2023. 332 p.
4. Zubarev A.I. Formation of the institution of customs value in customs legislation. Customs Affairs. 2022. No. 2. P. 75-82.
5. Kaplunov O. V. Theoretical Provisions and the Role of Customs Value in the Customs Regulation System. World of Finance. 2021. No. 1. P. 55-61.
6. Lazarev V. V. Customs Value in the Mechanism of Tariff Regulation of Foreign Economic Activity. Scientific Bulletin of Smolensk University. Series: Law. 2023. Issue 27 (2). P. 25-29.
7. Mironov I. M. Problems of Control over Determining Customs Value in National Legislation: Expert Opinion. Actual Problems of Public Administration. 2023. Issue 3. P. 42-46.
8. Orlovsky V. K., Babenkov V. V. Customs Regulation of Foreign Economic Activity in Russia: History and Modernity. Scientific Notes of the University. Series: Economy. 2024. Issue 4. Pp. 34-40.
9. Sokolov O.G. Customs value of goods: problematic aspects and ways to solve them. Bulletin of Economy. 2022. Issue 2. Pp. 171-185.
10. Fialkovskaya V.O. Declaring the customs value of goods. All about accounting. 2023. No. 34. Pp. 14-19.

УДК 37

Регулирование проектирования беспроводных сетей в университетах

Тасуева Хава Зейнал-Абдиевна

Старший преподаватель,
кафедра "Информатика и вычислительная техника",
Грозненский государственный нефтяной технический
университет им. академика М.Д. Миллионщикова,
364051, Российская Федерация, Грозный, пр. Исаева, 100;
e-mail: 94tasueva@mail.ru

Тасуев Адам Магомедович

Студент,
Грозненский государственный нефтяной технический
университет им. академика М.Д. Миллионщикова,
364051, Российская Федерация, Грозный, пр. Исаева, 100;
e-mail: 94tasueva@mail.ru

Аннотация

В условиях активного развития цифровых технологий и перехода образовательных учреждений на современные стандарты информационного обеспечения особую актуальность приобретает правовой анализ внедрения и эксплуатации беспроводных сетевых технологий. Беспроводные сети как технологическая основа информационного обмена требуют комплексного правового регулирования, охватывающего аспекты лицензирования связи, защиты персональных данных и соблюдения образовательных стандартов. Настоящее исследование направлено на системный анализ правовых условий функционирования беспроводных сетей в университетской среде с учетом действующих нормативных требований. Применение формально-юридического метода позволяет выявить существующие правовые коллизии и пробелы в регулировании данной сферы. Практическое значение исследования обусловлено ключевой ролью беспроводных технологий в обеспечении конституционного права на доступ к информации и реализации положений законодательства об образовании в части использования современных информационных технологий. Одновременно беспроводные сети создают новые правовые риски, связанные с обеспечением информационной безопасности и защитой персональных данных участников образовательного процесса. Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к определению правового статуса беспроводных сетей как объекта особого регулирования, сочетающего технологические и правовые характеристики. Исследование раскрывает правовые механизмы интеграции беспроводных технологий в существующую информационную инфраструктуру образовательных учреждений без нарушения установленных нормативных требований. Особое внимание уделяется анализу юридических аспектов расширения функциональных возможностей сетевой инфраструктуры через внедрение беспроводных решений при обеспечении необходимого

уровня защиты информации. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования нормативной базы и разработки методических рекомендаций по правовому сопровождению цифровой трансформации образовательных учреждений.

Для цитирования в научных исследованиях

Тасуева Х.З.-А., Тасуев А.М. Регулирование проектирования беспроводных сетей в университетах // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 262-269.

Ключевые слова

Правовое регулирование, защита персональных данных, проектирование, беспроводные сети, образовательные учреждения.

Введение

Несмотря на значительный прогресс в области развертывания беспроводных сетевых инфраструктур в образовательных учреждениях, сохраняется ряд системных проблем, требующих правового и технологического решения. В первую очередь отмечается неполнота зон покрытия, сопровождающаяся нестабильностью сигнала и низкой скоростью передачи данных, что создает препятствия для реализации прав пользователей на беспрепятственный доступ к информационным ресурсам в соответствии с положениями Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации".

Особую правовую проблематику представляет недостаточная эффективность механизмов беспроводного роуминга, что проявляется в частых инцидентах при эксплуатации сетей в условиях высокой учебной нагрузки. Данная ситуация свидетельствует о необходимости совершенствования нормативной базы, регулирующей вопросы качества предоставления услуг беспроводного доступа в образовательных организациях.

Существенным правовым пробелом является отсутствие унифицированных стандартов управления и регламентов технического обслуживания беспроводных сетевых инфраструктур. Это обуславливает потребность в разработке ведомственных нормативных актов, устанавливающих единые требования к организации и эксплуатации беспроводных сетей в учреждениях образования.

Перспективным направлением модернизации представляется внедрение технологий SDN (программно-конфигурируемых сетей) в сочетании с протоколом VXLAN, что позволяет реализовать виртуальные сетевые инфраструктуры поверх физической сетевой архитектуры университета. С правовой точки зрения, такая конфигурация требует особого внимания к вопросам:

- обеспечения безопасности передачи данных в соответствии с требованиями Федерального закона «О персональных данных»;
- регламентации процессов аутентификации и авторизации пользователей;
- установления четких параметров ответственности за качество предоставляемых сетевых услуг.

Реализация указанных технологических решений должна сопровождаться разработкой соответствующей нормативной базы, регулирующей все аспекты функционирования виртуальных сетевых инфраструктур в образовательных учреждениях, включая вопросы

прозрачности передачи пакетов данных и обеспечения необходимого уровня информационной безопасности.

Основное содержание

В рамках правового регулирования проектирования беспроводных сетей университетов следует учитывать комплекс технических и организационных аспектов. Применение унифицированной архитектуры AC+Fit AP с размещением контроллера беспроводного доступа на агрегирующем коммутаторе здания обеспечивает соответствие требованиям нормативных документов в части централизованного управления сетевым оборудованием. Особого внимания заслуживает вопрос передачи данных, где необходимо различать управляющие сообщения, передаваемые через туннель CAPWAP, и пользовательский трафик, который в крупных университетских кампусах целесообразно передавать напрямую для снижения нагрузки на контроллер и повышения скорости передачи [Халов, 2019].

Правовые аспекты аутентификации пользователей требуют дифференцированного подхода в зависимости от типа услуг. Для неоперативных служб (учебные помещения, офисы, IoT-сети) аутентификация должна осуществляться через агрегирующие коммутаторы, в то время как для оперативных служб (общедоступные) необходимо предусмотреть интеграцию с оборудованием BRAS. Такой подход соответствует принципам обеспечения информационной безопасности, установленным Федеральным законом "О связи" и подзаконными актами [Пролетарский, Баскаков, Чирков, 2019].

Анализ потребностей университетов в беспроводных сетях выявляет их ключевую роль в создании "умного кампуса" как современной модели образовательной инфраструктуры. Правовое регулирование должно учитывать необходимость обеспечения бесперебойного доступа в различных зонах университета, включая аудитории, библиотеки и открытые пространства. При проектировании сетевой инфраструктуры важно предусмотреть использование как автономных точек доступа (толстых AP), так и управляемых решений (тонких AP), обеспечивающих делегирование функций аутентификации серверам верхнего уровня в соответствии со стандартом 802.1X. Данный подход позволяет реализовать требования по защите информации и криптографической безопасности передаваемых данных [Зелетдинова, Петрякова, 2015].

Анализ спроса на беспроводную сеть в университете:

1) Создание интеллектуального университета стало новой моделью и направлением развития информационного строительства технических учебных заведений. Чтобы адаптироваться к потребностям будущего образования, беспроводные сети стали центром внимания всех учреждений.

2) Интернет можно использовать удобно, быстро и на ходу в конференц-залах, классах, учебных центрах, библиотеках, на стадионах, на открытых площадках и в других местах. Это проблема, которую необходимо решать для учреждений с большим количеством пользователей смартфонов и ноутбуков.

В процессе построения интеллектуальной беспроводной сети университета требуются два типа устройств: толстая точка доступа и тонкая точка доступа. Толстая точка доступа относится к любой независимой точке доступа, тогда как тонкая точка доступа относится к беспроводным маршрутизаторам, которые могут автоматически передавать выбранные сетевые задачи на серверы верхнего уровня. Типичным примером является связь с сервером аутентификации 802.X. Этот режим будет формировать ключи шифрования в процессе связи [Зелетдинова,

Петрякова, 2015].

В этом режиме работы возникает ряд проблем в схеме беспроводной сети университетов.

1. Пользователи не осведомлены о безопасности

Прежде всего, с точки зрения общей безопасности, сталкиваются с проблемами сетевой безопасности, вызванными физическими условиями передачи. Беспроводная локальная сеть использует общедоступные электромагнитные волны в качестве физического метода передачи. Недостатком этого метода является то, что диапазон передачи сигнала трудно контролировать. Если контрольное оборудование не идеально, будет иметь место несанкционированный доступ и подслушивание. Эти недостатки трудно эффективно устранить рабочей силой.

Во-вторых, наблюдается недостаточная осведомленность о безопасности среди пользователей внутренних сетей. Преподаватели и студенты колледжей и университетов не осведомлены о безопасности данных. При использовании беспроводной локальной сети для передачи данных они редко задумываются о последствиях потери и утечки конфиденциальных данных. Чтобы облегчить свою работу, многие преподаватели и сотрудники колледжей и университетов предоставляют доступ к учетным данным неоперационному персоналу, что создает ряд рисков для безопасности. [Курылёв, Куликов, 2017]

2. Внешняя среда сети вызывает беспокойство.

В процессе фактического развития локальной сети, из-за удобства самой интеллектуальной беспроводной сети, если локальная сеть не устанавливает пароль или разрабатывает только публичный пароль, будет сложно ограничить количество людей, имеющих доступ к региональной сети. Данная операция приведет к проникновению в сеть незнакомых пользователей, что приведет к снижению безопасности локальной вычислительной сети университета.

Многие нелегальные пользователи, вторгаясь в локальную сеть, втайне устанавливают беспроводные устройства, чтобы расширить сеть для собственного удобства, и злонамеренно занимают сетевые ресурсы, что приводит к снижению скорости доступа к сети и эффективности работы законных пользователей, таких как преподаватели и учащиеся учреждения [Педжман, Лиэри, 2014]. Некоторые преступники даже используют методы взлома, чтобы незаконно проникнуть в сетевую часть, в результате чего вся локальная сеть подвергается угрозам безопасности.

3. Технология сети имеет дефекты.

В процессе создания интеллектуальной сети многие колледжи и университеты предпочитают не шифровать устройства или не добавлять базовое шифровальное оборудование, чтобы сэкономить затраты на строительство сети, а также игнорируют шифрование беспроводных устройств более высокого уровня, что приводит к недостаточности возможностей предотвращения безопасности всей системы сетевой архитектуры, которая чрезвычайно уязвима для внешних атак и разрушений.

После вирусной атаки весь университетский Интернет будет парализован. На самом деле в настоящее время существует множество хакерских программ, которые могут перехватывать сигналы точек доступа для получения слабых ключей в ключах WEP (Wired Equivalent Privacy), тем самым разблокируя метод подключения к Интернету, вторгаясь в фон работы Интернета и подвергая риску всю сеть университета. Видно, что дефекты в технологии сетей также являются одной из важных причин скрытых опасностей интеллектуальных беспроводных сетей.

Ключевые моменты проектирования беспроводной сети.

1. Интеллектуальная беспроводная сеть должна обеспечивать покрытие сигнала.

В процессе построения интеллектуальной сети проектировщики должны объединить

характеристики здания с затуханием сигнала локальной сети для компоновки и планирования локальной сети [Курылев, Куликов, 2017]. В процессе выполнения этой работы наиболее важным является проектирование расположения оборудования AP, которое заключается в том, чтобы избежать затухания сигнала AP, принимая во внимание покрытие сети, тем самым уменьшая проникающее излучение сетевого сигнала.

В процессе проектирования мощность тонкой точки доступа должна быть зафиксирована на уровне 70 МВт, чтобы обеспечить покрытие сети в 100 Мбит/с в идеальной среде. В то же время, для областей с большим экранированием сигнала, проектировщики должны сосредоточиться на использовании направленных антенн усиления и усовершенствованных беспроводных моделей. В помещениях со слишком большим количеством мобильных людей, закрытых средах и высоким спросом на мобильность, конструкция должна быть настенной или потолочной [Марков, Рауткин, Фадин, 2012].

Сигнал Wi-Fi в общественных местах, таких как общежития, классы или столовые, где собираются студенты, должен быть выше 60 дБм и выше -65 дБм в слепых зонах или на краях зданий. В реальной жизни одна точка доступа должна быть доступна для использования 20-30 пользователями [Курылёв, 2017].

2. Интеллектуальные беспроводные сети должны обеспечивать сетевую безопасность.

В процессе построения интеллектуальной беспроводной локальной сети следует использовать IEEE 802.11 для регулирования передачи электромагнитных сигналов в сетевой информации и в то же время облегчить пользователям доступ к беспроводной сети. Однако для решения проблемы уязвимости этого метода к хакерским или вирусным атакам проектировщики могут использовать в этом процессе технологию защиты наружной беспроводной сети с помощью шифрования (APLK) посредством фильтрации физических адресов, шифрования защищенного доступа WIFI WPA, аутентификации WEP и других технологий конфиденциальности, а также SSID (идентификатор набора услуг) и т. д. для обеспечения безопасности беспроводной сети.

Заключение

Проведенный анализ правовых и технических аспектов регулирования проектирования беспроводных сетей в университетах демонстрирует необходимость комплексного подхода к созданию эффективной нормативной базы. Беспроводные сети перестали быть просто технологическим дополнением, превратившись в критическую инфраструктуру, обеспечивающую реализацию образовательных стандартов и цифровых прав участников учебного процесса.

Исследование выявило три ключевых направления совершенствования правового регулирования: разработку специализированных технических регламентов для университетских сетей с учетом их специфики; создание механизмов гарантированного качества услуг беспроводного доступа; установление четких стандартов информационной безопасности при использовании современных сетевых технологий.

Особое значение приобретает гармонизация технологических решений (таких как SDN и VXLAN) с требованиями законодательства о защите данных и связи. Перспективным направлением представляется разработка типовых нормативных актов для образовательных учреждений, которые бы учитывали как технологические инновации, так и правовые ограничения.

Реализация предложенных мер позволит создать устойчивую правовую основу для развития

университетских сетевых инфраструктур, обеспечивающую баланс между технологической эффективностью, доступностью услуг и соблюдением требований информационной безопасности. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку конкретных механизмов правового сопровождения внедрения перспективных сетевых технологий в образовательной среде.

Библиография

1. Григорьев В. А., Лагутенко О. И., Распаев Ю. А. Сети и системы радиодоступа. - М.: Эко-Трендз, 2015. - 384 с.
2. Зелетдинова Э. А., Петрякова Е. А. Роль АГТУ в формировании регионального образовательного поля Прикаспия // Геополитика Прикаспийского региона: Взгляд в XXI. - Астраполис. - 2015. - № 4-5 (7-8). - С. 202-204.
3. Курылёв А. С., Куликов М. О. / Организация оперативного доступа к образовательным ресурсам и услугам в беспроводных локальных вычислительных сетях вузов // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. - 2017. - № 1 (36). - С. 240-246.
4. Курылёв А. С. / Отраслевая информационно-образовательная среда - Виртуальный университет рыболовства // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. - 2017. - № 3 (32). - С. 328-334.
5. Курылев А. С., Куликов М. О. Организация оперативного доступа к образовательным ресурсам и услугам в беспроводных локальных вычислительных сетях вузов // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. - 2017. - № 1 (36). - С. 240-246.
6. Курылев А. С., Куликов М. О. Внедрение беспроводных сетей для развития образовательных услуг высшего профессионального образования // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. - 2018. - № 2 (37). - С. 296-301.
7. Марков А. С., Рауткин Ю. В., Фадин А. А. Состояние и перспективы анализа защищенности Wi-Fi сетей // Тр. Научно-исследовательского института радио. 2012. № 1. С. 85-90.
8. Педжман Р., Лиэри Д., Основы построения беспроводных локальных сетей стандарта 802.11/Пер. с англ. -М.: Изд. дом «Вильямс», 2014. С.41.
9. Пролетарский А.В., Баскаков И.В., Чирков Д.Н. Беспроводные сети Wi-Fi: учеб. пособие. М.: БИНОМ. Лаборатория знания, 2019. 215 с.
10. Халов, Е.А. Систематический обзор четких одномерных функций принадлежности интеллектуальных систем / Е.А. Халов // Информационные технологии и вычислительные системы. - 2019. - №3. - С. 60-74.
11. Юркин Д. В., Никитин В. Н. Улучшение способов аутентификации для каналов связи с ошибками // Информационно-управляющие системы. 2015. № 6. С. 24-29.

Regulation of Wireless Network Design in Universities

Khava Z.-A. Tasueva

Senior Lecturer,
Department of "Computer Science and Computing",
Grozny State Oil Technical University
named after Academician M.D. Millionshchikov,
364051, 100, Isaev ave., Grozny, Chechen Republic, Russian Federation;
e-mail: 94tasueva@mail.ru

Adam M. Tasuev

Student,
Grozny State Oil Technical University
named after Academician M.D. Millionshchikov,
364051, 100, Isaev ave., Grozny, Chechen Republic, Russian Federation;
e-mail: 94tasueva@mail.ru

Abstract

In the context of active development of digital technologies and the transition of educational institutions to modern information standards, legal analysis of the implementation and operation of wireless network technologies becomes particularly relevant. Wireless networks as a technological basis for information exchange require comprehensive legal regulation covering aspects of communication licensing, personal data protection, and compliance with educational standards. This study aims to systematically analyze the legal conditions for the functioning of wireless networks in university environments, taking into account current regulatory requirements. The application of the formal legal method allows identifying existing legal conflicts and gaps in the regulation of this area.

The practical significance of the study is determined by the key role of wireless technologies in ensuring the constitutional right to access information and implementing the provisions of education legislation regarding the use of modern information technologies. At the same time, wireless networks create new legal risks related to ensuring information security and protecting personal data of participants in the educational process. The scientific novelty of the work lies in a comprehensive approach to defining the legal status of wireless networks as an object of special regulation that combines technological and legal characteristics. The study reveals legal mechanisms for integrating wireless technologies into the existing information infrastructure of educational institutions without violating established regulatory requirements. Special attention is paid to the analysis of legal aspects of expanding the functional capabilities of network infrastructure through the implementation of wireless solutions while ensuring the necessary level of information protection. The results of the study can be used to improve the regulatory framework and develop methodological recommendations for legal support of the digital transformation of educational institutions.

For citation

Tasueva Kh.Z.-A., Tasuev A.M. (2025) Regulirovanie proektirovaniya besprovodnykh setey v universitetakh [Regulation of Wireless Network Design in Universities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 262-269.

Keywords

legal regulation, personal data protection, design, wireless networks, educational institutions

References

1. Grigoriev, V. A., Lagutenko, O. I., & Raspaev, Yu. A. (2015). Seti i sistemy radiodostupa [Networks and radio access systems]. Eko-Trendz. (Original work published 2015, 384 pp.)
2. Zeletdinova, E. A., & Petryakova, E. A. (2015). Rol' AGTU v formirovanii regional'nogo obrazovatel'nogo polya Prikaspiya [The role of ASTU in forming the regional educational field of the Caspian region]. *Geopolitika Prikaspijskogo regiona: Vzgl'yad v XXI vek* [Geopolitics of the Caspian Region: A View into the 21st Century], 4-5(7-8), 202-204.
3. Kurylev, A. S., & Kulikov, M. O. (2017). Organizatsiya operativnogo dostupa k obrazovatel'nym resursam i uslugam v besprovodnykh lokal'nykh vychislitel'nykh setyakh vuzov [Organization of operational access to educational resources and services in wireless local area networks of universities]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Astrakhan State Technical University], 1(36), 240-246.
4. Kurylev, A. S. (2017). Otrazlevaya informatsionno-obrazovatel'naya sreda - Virtual'nyi universitet rybolovstva [Sectoral information and educational environment - Virtual University of Fisheries]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Astrakhan State Technical University], 3(32), 328-334.
5. Kurylev, A. S., & Kulikov, M. O. (2018). Vnedrenie besprovodnykh setei dlya razvitiya obrazovatel'nykh uslug vysshego professional'nogo obrazovaniya [Implementation of wireless networks for developing higher professional education]

-
- services]. Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of Astrakhan State Technical University], 2(37), 296-301.
6. Markov, A. S., Rautkin, Yu. V., & Fadin, A. A. (2012). Sostoyanie i perspektivy analiza zashchishchennosti Wi-Fi setei [State and prospects of Wi-Fi network security analysis]. Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta radio [Proceedings of the Radio Research Institute], 1, 85-90.
7. Pejman, R., & Leary, D. (2014). Osnovy postroeniya besprovodnykh lokal'nykh setei standarta 802.11 [Fundamentals of building wireless local area networks of the 802.11 standard] (Trans. from English). Vil'yams. (Original work published 2014, p. 41)
8. Proletarsky, A. V., Baskakov, I. V., & Chirkov, D. N. (2019). Besprovodnye seti Wi-Fi [Wi-Fi wireless networks]: Uchebnoe posobie [Textbook]. BINOM. Laboratoriya znaniy. (Original work published 2019, 215 pp.)
9. Khalov, E. A. (2019). Sistematicheskii obzor chetkikh odnomernykh funktsii prinadlezhnosti intellektual'nykh sistem [Systematic review of clear one-dimensional membership functions of intelligent systems]. Informatsionnye tekhnologii i vychislitel'nye sistemy [Information Technologies and Computing Systems], 3, 60-74.
10. Yurkin, D. V., & Nikitin, V. N. (2015). Uluchshenie sposobov autentifikatsii dlya kanalov svyazi s oshibkami [Improving authentication methods for error-prone communication channels]. Informatsionno-upravlyayushchie sistemy [Information and Control Systems], 6, 24-29.

УДК 34**Судебное примирение в арбитражном процессе: баланс активности суда и эффективности деятельности судебного примирителя****Санджиева Цаган Валерьевна**

Аспирант,
кафедра предпринимательского и корпоративного права,
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: stsagana2015@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию института судебного примирения в арбитражном процессе с акцентом на проблеме оптимального баланса между активностью суда и эффективностью деятельности судебного примирителя. Проанализированы нормативно-правовые основы судебного примирения, выявлены существующие модели взаимодействия арбитражного суда и судебного примирителя, а также территориальные диспропорции в распределении судебных примирителей по субъектам Российской Федерации. Автором исследована специфика процессуального статуса судебного примирителя в сравнении с медиатором, выделены основные формы процессуальной активности арбитражного суда при инициировании и проведении примирительных процедур. На основе анализа статистических данных и практики применения судебного примирения в арбитражном процессе выявлены организационные и правовые проблемы реализации данного института. Предложен комплекс мер по совершенствованию института судебного примирения, включающий оптимизацию территориального распределения судебных примирителей, внедрение дистанционного формата примирительных процедур и расширение категорий лиц, имеющих право выступать в качестве судебных примирителей. Сформулированы рекомендации по созданию баланса между активностью суда и автономностью судебного примирителя, обеспечивающего эффективную защиту прав субъектов предпринимательской деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Санджиева Ц.В. Судебное примирение в арбитражном процессе: баланс активности суда и эффективности деятельности судебного примирителя // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 270-279.

Ключевые слова

Судебное примирение, арбитражный процесс, судебный примиритель, медиация, мировое соглашение, примирительные процедуры, диспозитивность, судебная нагрузка, процессуальная активность, коммерческие споры.

Введение

Актуальность исследования института судебного примирения в арбитражном процессе обусловлена объективной необходимостью оптимизации судебной нагрузки, повышения эффективности защиты прав субъектов предпринимательской деятельности и поиска наиболее эффективных механизмов урегулирования экономических споров. Динамика судебной статистики свидетельствует о неуклонном росте количества рассматриваемых арбитражными судами дел и увеличении нагрузки на суды: в 2022 году арбитражными судами было рассмотрено 1,7 млн дел, что на 62,5 тыс. больше, чем в 2021 году, в 2023 году общее количество дел составило также 1,7 млн., что свидетельствует о сохранении объема работы судов. При этом отчетность за первое полугодие 2024 году показывает, что увеличение нагрузки продолжилось, так, в сравнении с первым полугодием 2023 года, когда было рассмотрено 0,87 млн. арбитражных дел, в первое полугодие 2024 года эта цифра составила 0,89 млн. дел [Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Ирины Леонидовны Подносовой по итогам 2024 года, www...].

Основное содержание

Институт судебного примирения, введенный в российское процессуальное законодательство в 2019 году, представляет собой новый вид примирительных процедур, направленный на урегулирование споров при участии судей в отставке. Особое значение данный институт приобретает в арбитражном процессе, где субъекты предпринимательских отношений заинтересованы в эффективной защите своих прав, сохранении деловых связей и минимизации издержек.

Проблема исследования заключается в необходимости определения оптимального баланса между активностью арбитражного суда, наделенного правом инициировать и организующего примирительные процедуры, и эффективностью деятельности судебного примирителя при сохранении принципов диспозитивности и состязательности.

Целью настоящего исследования является формирование научно-обоснованных предложений по оптимизации баланса активности арбитражного суда и эффективности деятельности судебного примирителя при разрешении предпринимательских споров.

Порядок проведения судебного примирения в арбитражном процессе урегулирован Регламентом проведения судебного примирения, утвержденным Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 [Постановление Пленума Верховного Суда РФ, 2019].

Активность арбитражного суда в инициировании судебного примирения закреплена в п. 2 ст. 138.2 АПК РФ [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, 2002], согласно которому суд может предложить сторонам использовать примирительные процедуры для урегулирования спора. Данное положение конкретизируется в ст. 135 АПК РФ, определяющей действия судьи при подготовке дела к судебному разбирательству, и ст. 158 АПК РФ, регламентирующей отложение судебного разбирательства для проведения примирительных процедур.

Инициативность арбитражного суда в сфере судебного примирения может проявляться в следующих процессуальных формах: разъяснение сторонам преимуществ примирительных процедур; предложение использовать судебное примирение для урегулирования спора; отложение судебного разбирательства для проведения судебного примирения; содействие в

выборе кандидатуры судебного примирителя; организация коммуникации между сторонами и судебным примирителем; обеспечение доступа судебного примирителя к материалам дела с согласия сторон; контроль за соблюдением сроков судебного примирения [Камбер, 2023].

Несмотря на широкие полномочия суда, анализ судебной практики свидетельствует о неравномерной активности арбитражных судей в инициировании судебного примирения. Так, если в 2023 году было рассмотрено 1,7 млн арбитражных дел, тогда как всего посредством системы судебного примирения в этом году удалось заключить 32739 мировых соглашений (1,9%) [Глава Совета судей, [www](#)]. Справедливости ради отметим, что процент заключения мировых соглашений вырос, так, в 2022 году при общем количестве дел 1,7 млн. было заключено 163 мировых соглашения, т.е. 0,0025% [Данные судебной статистики, [www](#)].

Примечателен рекордный случай в практике судебного примирения: судья в отставке из Ивановской области Е.Л. Бельшева провела процедуру судебного примирения более чем по 200 делам, из которых в более чем половине случаев спор был урегулирован по взаимному согласию сторон [В России поставили рекорд по примирению в суде, [www](#)].

Что касается вида спора, в отношении которого применяется судебное примирение, то наиболее активно судебное примирение применяется в спорах, связанных с исполнением договорных обязательств, корпоративных спорах, спорах о защите интеллектуальной собственности.

Судебное примирение проводится в форме переговоров и включает следующие стадии: открытие судебного примирения, изложение обстоятельств спора, определение интересов сторон, формулирование вопросов для обсуждения, индивидуальные беседы, выработка предложений по урегулированию спора, оформление результатов примирения и завершение процедуры [Постановление Пленума Верховного Суда РФ, 2019].

Для реализации института примирения в отношении всех желающих участников процесса особое значение имеет организационное обеспечение судебного примирения, которое выражается в создании специальных комнат примирения в зданиях арбитражных судов. Такие комнаты функционируют в ряде арбитражных судов, обеспечивая надлежащие условия для проведения переговоров и медиации. Порядок работы комнаты примирения устанавливается локальными актами суда и предусматривает возможность ее использования как лицами, обратившимися за консультацией к судебному примирителю, так и сторонами, желающими провести переговоры без участия посредника.

Судебный примиритель в арбитражном процессе обладает особым процессуальным статусом. Согласно ст. 138.5 АПК РФ, судебным примирителем может выступать только судья в отставке, что отличает его от медиатора, требования к которому установлены Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Федеральный закон, 2010].

Важное отличие судебного примирителя от медиатора заключается также в объеме полномочий. Согласно ст. 11 Закона о медиации, медиатор не вправе вносить предложения об урегулировании спора, если стороны не договорились об ином. В противоположность этому, судебный примиритель, согласно ст. 14 Регламента проведения судебного примирения, вправе давать сторонам рекомендации по урегулированию спора, предлагать варианты решения конфликта, разъяснять законодательство и практику его применения [Там же, [www](#)].

Процедура назначения судебного примирителя регламентирована ст. 138.5 АПК РФ и предполагает, что кандидатура судебного примирителя определяется по взаимному согласию сторон из списка судебных примирителей, утвержденного Пленумом Верховного Суда РФ, и

утверждается определением суда. В настоящее время список судебных примирителей включает 352 судей в отставке [ВС пополнил список судебных примирителей, [www](#)]. За 5 лет существования данный список несколько раз корректировался, 11 июня 2020 года был исключен 1 примиритель в Республике Башкортостан, 14 мая 2024 года из списка был исключен примиритель по Алтайскому краю; самые большие изменения произошли 22 октября 2024 года, когда были исключены 5 примирителей и назначены 29 новых [Постановление Пленума ВС РФ, [www](#)].

Анализ списка судебных примирителей, утвержденного Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2020г. № 1, свидетельствует о существенной диспропорции в территориальном распределении примирителей по субъектам Российской Федерации. Наибольшая концентрация судебных примирителей наблюдается в Республике Карелия (13 примирителей), Тамбовской области (10 примирителей), Республике Башкортостан и Новосибирской области (по 9 примирителей). В то же время в таких субъектах как Чукотский автономный округ имеется лишь один судебный примиритель. Даже в таких экономически активных субъектах как город Москва представлено всего 3 судебных примирителя, что явно недостаточно для удовлетворения потребностей бизнес-сообщества мегаполиса.

Существующая территориальная неравномерность распределения судебных примирителей создает объективные препятствия для реализации права сторон на судебное примирение. В условиях значительной удаленности населенных пунктов друг от друга, особенно в крупных по территории субъектах РФ, отсутствие достаточного количества судебных примирителей существенно снижает доступность данной примирительной процедуры. Нормативно не решены вопросы возмещения расходов на проезд до места судебного примирения и проживание судебного примирителя, что особенно актуально для труднодоступных и отдаленных местностей [Трезубов, 2023].

Обращаясь к формам взаимодействия суда и судебного примирителя, отметим, что анализ практики судебного примирения и теоретических разработок в данной области позволил выделить несколько моделей взаимодействия арбитражного суда и судебного примирителя, которые фактически сложились в современной правоприменительной практике.

Первая модель включает последовательное взаимодействие с разграничением функций. Данная модель предполагает активную роль суда на начальном этапе в инициировании примирительных процедур с последующей передачей дела судебному примирителю, который самостоятельно организует и проводит процедуру примирения. Суд в данной модели сосредотачивается на разъяснении сторонам преимуществ судебного примирения; приостановлении производства по делу для проведения судебного примирения; утверждении кандидатуры судебного примирителя; утверждении результатов примирения (мирового соглашения, отказа от иска и т.д.) [Михайлова, Новиков, 2023].

Судебный примиритель, в свою очередь, действует автономно в рамках предоставленных ему полномочий, самостоятельно определяя порядок проведения переговоров, использование конкретных примирительных техник, и не отчитывается перед судом о ходе примирительной процедуры до её завершения. Данная модель наиболее полно соответствует принципу независимости судебного примирителя и позволяет избежать предвзятости суда в случае недостижения примирения.

Вторая модель – интегративное взаимодействие – характеризуется более тесным взаимодействием суда и судебного примирителя на всех этапах примирительной процедуры. В рамках данной модели суд не только иницирует примирительную процедуру, но и проводит

предварительный анализ перспектив примирения; совместно с судебным примирителем участвует в определении стратегии примирительной процедуры; получает от судебного примирителя промежуточные отчеты о ходе примирения; при необходимости корректирует направление примирительной процедуры.

Интегративная модель позволяет сочетать процессуальную компетенцию суда с медиативными навыками судебного примирителя, что особенно эффективно в сложных многоэпизодных спорах. Данная модель нашла практическое применение преимущественно в арбитражных судах крупных экономических центров, где часто рассматриваются комплексные коммерческие споры.

Третью модель характеризует минимальное процессуальное взаимодействие. В третьей модели вмешательство суда в деятельность судебного примирителя после его назначения минимально. Роль суда в данной модели ограничивается формальным утверждением кандидатуры судебного примирителя; контролем за соблюдением процессуальных сроков; утверждением результатов примирения или возобновлением производства по делу в случае неудачи примирительной процедуры.

И.В. Решетникова отмечает, что данная модель максимально соответствует принципу диспозитивности арбитражного процесса и создает условия для наиболее полной реализации потенциала судебного примирения как автономной процедуры [Решетникова, 2020]. В то же время существует риск, что при недостаточном контроле со стороны суда примирительная процедура может быть использована недобросовестной стороной для затягивания процесса.

Каждая из указанных моделей имеет свои преимущества и недостатки, а выбор конкретной модели зависит от характера спора, позиций сторон, личных качеств судьи и судебного примирителя, организационных возможностей конкретного арбитражного суда. В то же время, оптимальной представляется модель, сочетающая активную роль суда в инициировании примирительных процедур с предоставлением судебному примирителю достаточной автономии в организации и проведении процедуры примирения при сохранении общего контроля суда за соблюдением процессуальных норм.

Анализ Регламента проведения судебного примирения, утвержденного Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019г. № 41, позволяет сделать вывод о том, что данный нормативный акт в большей степени соответствует первой модели взаимодействия суда и судебного примирителя – последовательному взаимодействию с разграничением функций., что подтверждается ст. 7 и 14 Регламента.

Следует признать, что выбранная в Регламенте модель является оптимальной, поскольку она в наибольшей степени соответствует принципу независимости судебного примирителя, создает условия для формирования доверительных отношений между примирителем и сторонами, а также исключает возможную предвзятость суда при недостижении примирения.

Важным аспектом взаимодействия арбитражного суда и судебного примирителя является четкое разграничение их компетенции. Суд сохраняет полномочия по рассмотрению дела по существу, контролю за соблюдением процессуальных норм, утверждению мирового соглашения или принятию отказа от иска, признанию иска. Судебный примиритель отвечает за организацию переговоров между сторонами, выявление их интересов, поиск возможных вариантов урегулирования спора, содействие в заключении мирового соглашения [Чернышева, 2023].

Проблемой в разграничении компетенции может стать двойная проверка достигнутого сторонами соглашения: сначала судебным примирителем, а затем судом, рассматривающим

дело. Результаты их заключений могут не совпадать и порождать проблемы этического и репутационного характера [Михайлова, Новиков, 2023].

Также эффективность деятельности судебного примирителя во многом зависит от уровня его информированности об обстоятельствах дела, позициях сторон, имеющихся доказательствах [Там же]. В соответствии с ч. 3 ст. 14 Регламента проведения судебного примирения, судебный примиритель вправе знакомиться с материалами дела с согласия суда. Для обеспечения данного права суд должен создать необходимые организационные условия, включая доступ к материалам дела, возможность получения копий документов.

Для повышения эффективности института судебного примирения в арбитражном процессе необходимо внедрение следующих мер.

Введение нормы об обязательном рассмотрении возможности примирения по определенным категориям предпринимательских споров (например, по договорным спорам с небольшой ценой иска, корпоративным спорам между участниками хозяйственных обществ).

Расширение категорий лиц, имеющих право выступать в качестве судебных примирителей. В частности, существенным резервом пополнения корпуса судебных примирителей является привлечение к данной деятельности работников аппарата суда, имеющих значительный опыт работы в судебной системе (10 лет и более). Данная мера позволит повысить территориальную доступность института судебного примирения, особенно в регионах с ограниченным количеством судей в отставке, и обеспечит более равномерное распределение судебных примирителей по субъектам Российской Федерации.

Законодательное закрепление возможности проведения судебного примирения в дистанционном формате с использованием систем видеоконференц-связи.

Разработка детальных методических рекомендаций по организации взаимодействия суда и судебного примирителя, включающих алгоритмы действий суда при инициировании примирительных процедур, порядок обмена информацией между судом и судебным примирителем, механизмы контроля за соблюдением процессуальных сроков.

Разработка единых критериев оценки медиабельности споров, которые могли бы использоваться судами при решении вопроса о целесообразности предложения сторонам обратиться к судебному примирению.

Расширение системы материальных и процессуальных стимулов: увеличение процента возврата государственной пошлины при заключении мирового соглашения; возможность возмещения части расходов, понесенных сторонами в связи с участием в примирительной процедуре; упрощенный порядок утверждения судом мирового соглашения; гарантии конфиденциальности примирительной процедуры.

Правовое информирование субъектов предпринимательской деятельности о возможностях и преимуществах судебного примирения.

Разработка и внедрение специальных программ подготовки судебных примирителей, включающих изучение современных методик ведения переговоров, техник медиации, психологии конфликта, особенностей предпринимательских отношений.

Также целесообразно осуществление системного правового информирования как субъектов предпринимательской деятельности, так и представителей судебной системы о возможностях и преимуществах судебного примирения. Данная мера представляется особенно актуальной, учитывая, что институт судебного примирения выступает действенным механизмом снижения судебной нагрузки, оптимизации процессуальных ресурсов и повышения эффективности правосудия в целом. В контексте предпринимательских споров необходимо акцентировать

внимание бизнес-сообщества не только на процедурных аспектах примирения, но и на экономических преимуществах данного института – сокращении временных и финансовых издержек, сохранении деловой репутации и возможности продолжения партнерских отношений. Параллельно требуется организация методологических семинаров и тренингов для судей и работников аппарата судов, направленных на формирование навыков выявления дел, перспективных для примирения, разъяснения сторонам преимуществ примирительных процедур и эффективного взаимодействия с судебными примирителями. Такой двунаправленный подход к правовому информированию будет способствовать более широкому внедрению института судебного примирения в практику разрешения предпринимательских споров и достижению баланса интересов участников экономического оборота и судебной системы.

Разработка и внедрение специальных программ подготовки судебных примирителей, включающих изучение современных методик ведения переговоров, техник медиации, психологии конфликта, особенностей предпринимательских отношений.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование института судебного примирения в арбитражном процессе позволяет сделать ряд выводов относительно баланса активности суда и эффективности деятельности судебного примирителя.

Анализ территориального распределения судебных примирителей выявил существенные диспропорции, создающие объективные препятствия для реализации права сторон на судебное примирение в ряде регионов. Особую обеспокоенность вызывает ситуация в крупных по территории субъектах РФ с малым количеством судебных примирителей, а также в экономически активных регионах с высокой нагрузкой на арбитражные суды при недостаточном кадровом обеспечении примирительных процедур. Нерешенными остаются вопросы логистики и компенсации расходов, связанных с территориальной удаленностью судебных примирителей от места рассмотрения спора.

Оптимальный баланс между активностью арбитражного суда и эффективностью деятельности судебного примирителя должен основываться на четком разграничении их компетенции при сохранении необходимого уровня взаимодействия. Судебная система в целом и инициативная активность судей должна выражаться не только в отношении запуска процесса примирения, координации выбора примирителя и легитимации достигнутых договоренностей, но и обеспечивать соответствующую инфраструктуру для полноценной реализации примирительных процедур. Это предполагает формирование и оснащение специализированных локаций (помещений примирения) внутри судебных учреждений, а также внедрение информационно-технологических решений для проведения удаленных сессий примирения с использованием современных коммуникационных технологий.

Совершенствование института судебного примирения в арбитражном процессе требует комплексного подхода, включающего оптимизацию территориального распределения судебных примирителей, совершенствование законодательства в части компенсации расходов на логистическое обеспечение примирительных процедур, развитие материально-технической базы судов для создания надлежащих условий проведения примирения, оптимизацию процессуальных механизмов взаимодействия суда и судебного примирителя, расширение системы стимулов для сторон, повышение профессиональной подготовки судебных

примирителей.

Реализация данных мер позволит повысить эффективность судебного примирения как способа защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, снизить нагрузку на арбитражные суды и сократить расходы на осуществление правосудия.

Библиография

1. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // "Собрание законодательства РФ", 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // "Собрание законодательства РФ", 02.08.2010, N 31, ст. 4162.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 "Об утверждении Регламента проведения судебного примирения" // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 1, январь, 2020
4. Постановление Пленума ВС РФ от 22 октября 2024 г. № 30 «Об изменении списка судебных примирителей» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.vsrif.ru/documents/own/33966/> (дата обращения 10.04.2025)
5. В России поставили рекорд по примирению в суде [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ria.ru/20231205/rekord-1913875108.html>
6. ВС пополнил список судебных примирителей [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://pravo.ru/news/253422/>
7. Глава Совета судей предложил развивать систему судебного примирения [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://pravo.ru/news/250256/> (дата обращения: 10.04.2025)
8. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.04.2025)
9. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Ирины Леонидовны Подносковой по итогам 2024 года [Электронный источник] Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.vsrif.ru/files/34239/> (дата обращения 10.04.2025).
10. Камбер Д. Р. Классификация примирительных процедур // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2023. №5. – С. 833–840.
11. Михайлова Е.В., Новиков Н.А. Процессуальная форма судебной примирительной процедуры: понятие, правовая природа и принципы // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2023. №4. – С. 969–986.
12. Решетникова И.В. Некоторые тенденции развития примирительных процедур в российском процессе // Судебные и несудебные формы защиты гражданских прав: сб. ст. к юбилею доктора юридических наук, профессора Елены Ивановны Носыревой / отв. ред. Д.Г. Фильченко. - М.: Инфотропик Медиа, 2020. - С. 267–271.
13. Трезубов Е.С. Проблемы эффективности судебного примирения в российском цивилистическом процессе // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 59–71.
14. Чернышева А.С. К вопросу об эффективности института судебного примирения // Вопросы российской юстиции. 2023. №28. – С. 527–532.

Judicial Reconciliation in Arbitration Proceedings: Balancing Court Activity and the Effectiveness of Judicial Conciliators

Tsagan V. Sandzhieva

PhD Student,
Department of Entrepreneurial and Corporate Law,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: stsagana2015@yandex.ru

Abstract

This article examines the institution of judicial reconciliation in arbitration proceedings, focusing on the optimal balance between court activity and the effectiveness of judicial conciliators. The study analyzes the legal framework for judicial reconciliation, identifies existing models of interaction between arbitration courts and judicial conciliators, and highlights territorial disparities in the distribution of conciliators across Russian regions. The author explores the procedural status of judicial conciliators in comparison to mediators and outlines the main forms of procedural activity by arbitration courts in initiating and conducting reconciliation procedures. Based on statistical data and practical applications of judicial reconciliation in arbitration, the study reveals organizational and legal challenges in implementing this mechanism. A set of measures to improve judicial reconciliation is proposed, including optimizing the territorial distribution of conciliators, introducing remote reconciliation formats, and expanding the categories of individuals eligible to serve as judicial conciliators. Recommendations are provided to balance court involvement with conciliator autonomy while ensuring effective protection of business entities' rights.

For citation

Sandzhieva Ts.V. (2025) Sudenoe primirenie v arbitrazhnom protsesse: balans aktivnosti suda i effektivnosti deyatelnosti sudebnogo primiratelya [Judicial Reconciliation in Arbitration Proceedings: Balancing Court Activity and the Effectiveness of Judicial Conciliators]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 270-279.

Keywords

Judicial reconciliation, arbitration proceedings, judicial conciliator, mediation, settlement agreement, conciliation procedures, dispositive principle, court workload, procedural activity, commercial disputes.

References

1. *Arbitrazhnyi protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii* [Arbitration Procedural Code of the Russian Federation] No. 95-FZ of July 24, 2002 (as amended on April 1, 2025). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], July 29, 2002, No. 30, Art. 3012.
2. *Federal'nyi zakon "Ob al'ternativnoi protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)"* [Federal Law "On Alternative Procedure for Dispute Resolution with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)"] No. 193-FZ of July 27, 2010 (as amended on July 26, 2019). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, August 2, 2010, No. 31, Art. 4162.
3. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF "Ob utverzhdenii Reglamenta provedeniya sudebnogo primireniya"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On Approval of the Regulations on Judicial Reconciliation"] No. 41 of October 31, 2019. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], No. 1, January 2020.
4. *Postanovlenie Plenuma VS RF "Ob izmenenii spiska sudebnykh primiritelei"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On Amending the List of Judicial Conciliators"] No. 30 of October 22, 2024. <https://www.vsr.ru/documents/own/33966/> (accessed April 10, 2025)
5. RIA Novosti. (2023, December 5). *V Rossii postavili rekord po primireniyu v sude* [Russia sets record for court reconciliation]. <https://ria.ru/20231205/rekord-1913875108.html>
6. Pravo.ru. (n.d.). *VS popolnil spisok sudebnykh primiritelei* [The Supreme Court has supplemented the list of judicial conciliators]. <https://pravo.ru/news/253422/>
7. Pravo.ru. (n.d.). *Glava Soveta sudei predlozhit razvivat' sistemu sudebnogo primireniya* [Chairman of the Judicial Council proposed to develop the judicial reconciliation system]. <https://pravo.ru/news/250256/> (accessed April 10, 2025)
8. *Dannye sudebnoi statistiki* [Judicial statistics data]. (n.d.). <https://cdep.ru/?id=79> (accessed April 10, 2025)

9. Podnosova, I. L. (2025). *Doklad Predsedatelya Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po itogam 2024 goda* [Report of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation on the results of 2024]. Verkhovnyi Sud RF. <https://www.vsrfr.ru/files/34239/> (accessed April 10, 2025)
10. Kamber, D. R. (2023). Klassifikatsiya primirel'nykh protsedur [Classification of conciliation procedures]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], 5, 833-840.
11. Mikhailova, E. V., & Novikov, N. A. (2023). Protsessual'naya forma sudebnoi primirel'noi protsedury: ponyatie, pravovaya priroda i printsipy [Procedural form of judicial conciliation procedure: Concept, legal nature and principles]. *Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo* [St. Petersburg University Journal of Law], 4, 969-986.
12. Reshetnikova, I. V. (2020). Nekotorye tendentsii razvitiya primirel'nykh protsedur v rossiiskom protsesse [Some trends in the development of conciliation procedures in Russian legal process]. In D. G. Fil'chenko (Ed.), *Sudebnye i nesudebnye formy zashchity grazhdanskikh prav* [Judicial and non-judicial forms of civil rights protection] (pp. 267-271). Infotropik Media.
13. Trezubov, E. S. (2023). Problemy effektivnosti sudebnogo primireniya v rossiiskom tsivilisticheskom protsesse [Problems of effectiveness of judicial reconciliation in Russian civil procedure]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 4, 59-71.
14. Chernysheva, A. S. (2023). K voprosu ob effektivnosti instituta sudebnogo primireniya [On the effectiveness of the judicial reconciliation institute]. *Voprosy rossiiskoi yustitsii* [Issues of Russian Justice], 28, 527-532.

УДК 34**Реабилитационные процедуры в отношении несостоятельности граждан в правовой системе Российской Федерации и за рубежом****Евпрынцева Виктория Андреевна**

Аспирант,
Самарский государственный экономический университет,
443090, Российская Федерация, Самара, ул. Советской Армии, 141;
e-mail: viktoriyapatrakova@yandex.ru

Аннотация

Популярность и востребованность процедуры несостоятельности (банкротства) физических лиц в Российской Федерации неукоснительно растет на текущий момент. Лояльность процедуры к должнику, короткие сроки прохождения, возможность самостоятельно выбрать процедуру, возможность полного освобождения от долгов – все это критерии, которые привлекают граждан воспользоваться процедурой банкротства, зачастую не в целях избавления себя от долгов в затруднительной ситуации. В этой связи Российская Федерация стоит перед необходимостью мониторинга эффективности реализации процедуры банкротства граждан в зарубежных странах. Так, анализ и заимствования зарубежного опыта ведения процедуры несостоятельности, перенимание наиболее позитивных аспектов позволят российскому законодателю создать уникальную квинтэссенцию законодательно закреплённого институционального процесса по освобождению должников от бремени непосильных кредитных обязательств с учетом установленного баланса самих граждан-должников и их кредиторов. Интересен в таком случае опыт США, где институт банкротства граждан имеет свою уникальную форму, действующую не одно десятилетие и пропускающую через себя более 70 млн граждан в год. Нельзя также недооценивать опыт стран, бывших республик СССР, так как он совмещает в себе наследие еще советских времен и новеллы, продиктованные современными реалиями. В настоящей статье мы проанализировали и выделили наиболее прогрессивные и интересные для российской экономической обстановки положения законов о несостоятельности ряда зарубежных стран, необходимые, на наш взгляд, для синтеза прогрессивной и всеобъемлющей системы банкротства физических лиц, сформировав при этом положения по усовершенствованию законодательства Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве) физических лиц.

Для цитирования в научных исследованиях

Евпрынцева В.А. Реабилитационные процедуры в отношении несостоятельности граждан в правовой системе Российской Федерации и за рубежом // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 280-292.

Ключевые слова

Банкротство граждан, банкротство физических лиц, процедура реструктуризации долгов, процедура реабилитации Германии, процедура наблюдения Латвии, Fresh start, процедура освобождения от остатка долга, недобросовестности гражданина, неспписание долгов, упрощенная система банкротства Новой Зеландии, внесудебное банкротство.

Введение

В сложившихся условиях нестабильной экономической обстановки в Российской Федерации увеличивается количество физических лиц, которые по разным причинам не способны нести бремя кредитной нагрузки. Институт несостоятельности (банкротства) в нашей стране призван осуществлять социально-правовую реабилитацию граждан, учитывая при этом баланс интересов должников и кредиторов. На текущий момент актуальным для российского законодательства остается вопрос формирования единого правового подхода к реализации принципов и норм Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ в целях защиты личных интересов должника-гражданина.

Доктрина и практика применения норм законодательства о несостоятельности (банкротстве) в Российской Федерации уже не раз становились предметом пристального изучения ученых. Автором в настоящей статье проанализированы основные доктринальные подходы к пониманию сущности процедуры несостоятельности в России, в том числе позиция Витрянского В.В., указанная в очерке «Я бы ввел лет на пять мораторий на подготовку любых изменений в законодательство о банкротстве» [Витрянский, 2012], и мнение Бешпоева М.И., предложенное в научном труде «Тенденции развития института банкротства: движение от репрессии – к реабилитации должника» [Бешпоев, 2015].

Основные направления развития законодательства о банкротстве граждан проанализированы автором на основе трудов Алферова В.Н. [Алферов, 2016], Кораева К.Б. [Кораев, 2016], Щербачевой Л.В. [Щербачева, 2020].

Основной задачей автора в предложенной работе стали выявление прогрессивных положений процедуры несостоятельности гражданина в зарубежных странах и их анализ на основе изучения позиций Шишмаревой Т.П. [Шишмарева, 2015], Чистиковой Д.М. [Чистикова, 2020] Веджижевой Ф.И. [Веджижева, 2024] Мжельской И.В. [Мжельская, 2018; Мжельская, 2018], группы авторов Петровой Р.Е., Ревинной В.В., Бегичевой Е.В., Родькиной Н.Л. [Петрова, Ревина, Бегичева, Родькина, 2021], Матюшенко А.А. [Матюшенко, 2021], Смирных А.Г. [Смирных, Амелин, 2018].

Особый интерес для автора представляет работа Бусыгина А.А. [Бусыгин, 2023], в которой автор рассматривает основные пробелы законодательства, регулирующего институт внесудебного банкротства в Российской Федерации – одного из наиболее перспективных направлений развития института банкротства в целом.

Кроме того, значимые для настоящего исследования положения содержатся в статье «Приоритеты современной концепции законодательства о несостоятельности (банкротстве): движение в направлении реабилитации должника и сохранения бизнеса» [Королев, 2021], в которой автор проводит сравнительно-правовой анализ положений закона о банкротстве Беларуси на примере стран Европы, стран Азиатского континента и Индии.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью устранения пробелов законодательства России о несостоятельности (банкротстве) граждан посредством внедрения более гибких и эффективных инструментов реализации права граждан на финансовую реабилитацию, посредством внедрения прогрессивных методов банкротства, апробированных на основе законодательства ряда зарубежных стран.

Научная новизна настоящего исследования заключается в исследовании широкого спектра зарубежных правовых систем на примере правовых систем США, Германии, Новой Зеландии и Латвии для выявления эффективных инструментов реабилитации граждан-должников и

определения возможности адаптации этих инструментов к российским условиям. Это позволило автору выявить преимущества и недостатки российского законодательства в сравнении с международными практиками и предложить рекомендации по совершенствованию отечественного правового регулирования.

Цель исследования – путем применения сравнительного анализа норм законодательства ряда иностранных государств о несостоятельности (банкротстве) физических лиц дать правовое заключение о возможности применения ключевых позиций зарубежного законодательства в правовых реалиях России в целях совершенствования законодательного регулирования процедуры банкротства граждан в нашей стране.

Задачи исследования: провести всесторонний сравнительно-правовой анализ различных зарубежных подходов к проведению процедуры несостоятельности должников, оценить эффективность конкретных мероприятий и процедур несостоятельности на примере ряда зарубежных стран, выделить факторы, способствующие успешному восстановлению платежеспособности граждан, такие как доступность кредитных продуктов, наличие специализированных консультаций и услуг по финансовому оздоровлению, особенности налоговой политики государства и пр.

Теоретическая значимость заключается в возможности последующего использования выводов и результатов данного научного исследования для критического исследования института банкротства в Российской Федерации, включая правовой, социальный и экономический компоненты системы несостоятельности (банкротства) граждан. В результате проведенного исследования сформированы предложения по внедрению конкретных изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации, направленные на повышение доступности и эффективности реабилитационных процедур для граждан, находящихся в состоянии финансовой несостоятельности.

Практическая значимость настоящего исследования выражается в выявлении пробелов и недостатков действующего законодательства о банкротстве граждан, предложении конкретных путей улучшения нормативно-правового регулирования института несостоятельности (банкротства) граждан в Российской Федерации. Результаты проведенного исследования позволят разработать конкретные законодательные инициативы, направленные на создание эффективных реабилитационных механизмов, учитывающих интересы всех участников процесса – кредиторов, должников и общества в целом, позволят повысить качество правового регулирования гражданско-правовых отношений в сфере несостоятельности граждан, снизить социальную напряженность, защитить имущественные права сторон и способствовать созданию справедливого и сбалансированного механизма разрешения долговых споров.

Основная часть

Методология настоящего научного исследования заключается в проведении комплексного сравнительного анализа отдельных положений законодательства о несостоятельности граждан зарубежных стран и российский путем использования общеправовых и специальных методов научного исследования, таких как метод синтеза и анализа, сравнительно-правовой метод.

Процедура несостоятельности (банкротства) граждан в Российской Федерации сегодня является одним из наиболее востребованных экономико-реабилитационных правовых механизмов, направленных на восстановление платежеспособности должника и защиту интересов кредиторов. Так, согласно сведениям статистического релиза, опубликованного на

официальном портале Федресурса РФ, количество процедур реализации имущества в отношении граждан в первом полугодии 2024 г. составило 191 557. Показатель вырос на 17,6% в сравнении с первым полугодием 2023 г. Количество процедур внесудебного банкротства возросло с 5 134 дел в 2023 г. до 25 325 в 2024 г. Показатель возрос более чем на 300%. Кроме того, необходимо, на наш взгляд, учитывать, что возрастает количество сложных дел, с величиной задолженности, превышающей порой несколько миллионов рублей.

Данная тенденция проистекает из социально-восстановительной ориентации института банкротства в Российской Федерации, предоставляющей гражданину, добросовестно исполнявшему свои кредитные обязательства, но попавшему в затруднительное финансовое положение, права на списание задолженности перед кредитором в полном объеме непогашенной части задолженности [Алферов, 2016]. Такой подход российского законодателя к реабилитации финансово неграмотных граждан с одной стороны может рассматриваться как гуманный жест со стороны государства. В большинстве подобных случаев на практике суды списывают должникам задолженность в полном объеме, оставляя кредиторов без малейшего шанса на погашение хотя бы части задолженности по кредитным обязательствам (в качестве примера автор полагает целесообразным привести Определение Арбитражного суда Самарской области от 25.10.2024 г. по делу № А55-5012/2024). А она в 2023 году составила, ни много ни мало, 437,13 млрд рублей в 285,8 тыс. завершенных делах.

Механизм сохранения баланса между интересами должников и кредиторов в разных странах обусловлен историческими особенностями и целью банкротства, определенных законодательством. Направленность процедуры несостоятельности физических лиц в системе банкротства Российской Федерации, по нашему мнению, ориентирована на должника и обусловлена наличием выраженного комплекса мер, нацеленного на реабилитацию гражданина в обществе и восстановление его платежеспособности без наложения негативных последствий на него в будущем.

Что же касается законных интересов кредиторов, которые должны соблюдаться в балансе с личными правами должника, то тут возникает пробел в правовом регулировании процедуры несостоятельности должника-гражданина. О существовании недостатков в системе реализации процедуры банкротства должников высказывался в том числе Бештоев М.И., который полагает, что необходимо тщательно изучать каждую отдельную процедуру банкротства именно потому, что не каждый должник стремится ввести кредитора в заблуждение, просто его финансовая ситуация порой может оказаться «вне зоны контроля должника и его органов управления кризисными явлениями» [Бештоев, 2015].

Хотя некоторые элементы защиты законных интересов кредиторов в этой системе все-таки присутствуют, например право кредитора на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании гражданина-должника банкротом, право на получение удовлетворения требований из средств, аккумулированных в конкурсной массе должника, право на участие в собрании кредиторов должника и решении вопросов утверждения порядка, сроков, условий реализации имущества должника, перехода из процедуры реструктуризации долгов в процедуру реализации имущества должника и др., которые предусмотрены положениями Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)». Но они настолько минимальны, что порой встает вопрос о том, действительно ли можно назвать систему несостоятельности гражданина-должника в России – процедурой реабилитации.

Хотелось бы остановиться на тех механизмах, которые используются правоприменителем в целях сохранения баланса интересов всех участников банкротного дела, которые

рассматриваются Витрянским В.В. [Витрянский, 2012].

Так, элементарное ознакомление с процедурой банкротства должника-гражданина позволяет выделить основные процедуры, которые многими учеными в Российской Федерации причисляются к сугубо реабилитационным. Под реабилитационными процедурами банкротства автор предлагает понимать те этапы процесса, которые служат восстановлению платежеспособности должника-гражданина [Алферов, 2016].

Итак, исходя из основного принципа института несостоятельности (банкротства) физических лиц, можно выделить характерные признаки финансовой реабилитации на каждой стадии процедуры банкротства физического лица:

Первой процедурой, которая предусмотрена параграфом 1.1 главы 10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ, названа реструктуризация долгов гражданина. Особенность этой процедуры состоит в том, что ее целью служит проведение финансового анализа состояния должника, включающего в себя собирание финансовым управляющим сведений о доходах должника, его обязательных расходах (алименты, бремя содержания, выплата компенсаций), об имущественном положении, наличии в собственности предметов роскоши, иного движимого и недвижимого имущества. В случае, если финансовое положение должника окажется достаточно устойчивым, сам должник, кредитор или уполномоченный орган имеют право обратиться к финансовому управляющему с планом реструктуризации долга, который может занимать по длительности от 3 до 5 лет. При этом учитывается не просто размер дохода гражданина, а его ежемесячный доход за вычетом прожиточного минимума на него и лиц, находящихся на его иждивении. Однако следует учитывать, что введение процедуры реструктуризации долгов гражданина является обязательной стадией процедуры банкротства должника-физического лица в случае, если судом будет установлен достаточность дохода должника ежемесячно. С данным положением российского законодательства не согласен Кораев К.Б., по мнению которого целесообразно внесение изменений в законодательство о банкротстве в части учета воли должника на введение в отношении него указанной процедуры [Кораев, 2016].

Данные положения свидетельствуют о том, что некоторая справедливость по отношению к кредиторам все же достигается в реализации правовых инструментов процедуры реструктуризации долга в России. Аналогичный подход реализован в законодательстве Германии, где также применяется континентальный тип освобождения от долгов.

Процедура несостоятельности граждан предусмотрена институтом *Insolvenzordnung*, который регулирует порядок введения особой процедуры несостоятельности над имуществом потребителя, которая носит название *Verbraucherinsolvenzverfahren* (процедура несостоятельности потребителя) [Шишмарева, 2015, 284]. Здесь, если у гражданина отсутствует доход и имущество или его активы минимальны, государство предпринимает действия по восстановлению его платежеспособности. Гражданину назначается доверительный управляющий, который проводит мероприятия по повышению доходов должника и частично погашает долг кредитора раз в год, первоначально погашая судебные расходы и иные текущие издержки. При этом процедура наблюдения за реабилитацией должника может длиться вплоть до 6 лет, и, если за это время или ранее должником будет погашено более 35% долгов, суд Германии, совместно с кредиторами, доверительным управляющим могут принять решение о об освобождении от остатка долга. Однако такая процедура наблюдения не может длиться менее 3 лет в любом случае [Чистикова, 2020].

Интересно, что в случае, если за максимальный срок (6 лет) прохождения процедуры

финансовое положение должника не изменится и он не погасит нужное количество долга, процедура прекращается без списания долга в полном объеме непогашенной его части [Шишмарева, 2015, 284]. Такой подход объективно защищает кредитную и банкротную систему Германии от наплыва недобросовестных должников, при этом гражданам Германии действительно предоставляется возможность выйти из долговой ямы, увеличив свою квалификацию и доходы, чтобы не попасть в аналогичную ситуацию в будущем.

На наш взгляд, подобный подход может, с одной стороны, показаться длительным и ресурсозатратным, с другой стороны, может неплохо увеличить финансовую грамотность граждан и их опыт в делах набора кредитных обязательств. При этом и интересы кредиторов будут защищаться пусть не в полном объеме, но значительно более эффективно, нежели сейчас.

Возвращаясь к особенностям процедуры банкротства в Российской Федерации, отметим, что при введении процедуры реструктуризации долгов гражданина ему не присваивают статус банкрота (что, как выясняется на практике, является достаточно веским критерием для дальнейшего развития человека в профессиональной среде). А также наступают последствия, предусмотренные ст. 213.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ, касающиеся моратория на удовлетворение требований кредиторов и уплаты обязательных платежей, наступления срока исполнения по обязательствам и др. А самое главное, при введении данной процедуры приостанавливается начисление процентов на просроченную задолженность, пеней и штрафов [Щербачева, 2020].

В ходе реализации этой процедуры гражданину-должнику дают возможность наверстать просрочку без начисления санкционных платежей, без ущемления его интересов, учитывая, что план реструктуризации долгов не обязательно должен учитывать внесение на погашение задолженности всего дохода должника, за вычетом прожиточного минимума, и платеж может быть согласован довольно комфортным для должника. План реструктуризации учитывает не только погашение основного долга, но и погашение процентов по кредиту, которые были предусмотрены изначально. Таким образом, материальные интересы кредиторов максимально охраняются, хотя только в определенных пределах и порядке: в пределах конкурсной массы, в перспективе несписания долга, выделения доли в общем имуществе, в перспективе оспаривания сделок и пр.

С точки зрения эффективности погашения требований кредиторов в наибольшем объеме интересен опыт Латвии. Закон о несостоятельности Латвии предусматривает положения, которые стимулируют должника к постоянному наращиванию своих доходов в целях наиболее быстрого выхода из процедуры банкротства. Такой эффект достигается путем установления жесткой взаимосвязи между следующими показателями: размер дохода, размер перспективного погашения задолженности, длительность процедуры реструктуризации [Веджижева, 2024]. Так, чем больше оказался доход гражданина, тем быстрее он сможет погасить 50% от задолженности, тем короче будет его процедура. При этом если доход должника позволяет погасить лишь 35% или 20% от совокупного долга, должник будет находиться в процедуре в течение от 1 года до 1,5 лет. Данные положения могли бы стать неплохим адаптивным дополнением к положениям Закона о банкротстве РФ, регулирующим порядок формирования плана реструктуризации долгов гражданина, позволив формировать такой план не только тем должникам, доход которых позволяет в пятилетний срок погасить задолженность перед кредитором в полном объеме, но и рассмотреть возможность применения правил к гражданам с более низким доходом в целях частичного погашения долга.

Однако в России, по статистике, довольно длительная процедура реструктуризации не

пользуется достаточной популярностью. Так, процедура реструктуризации долгов в первом полугодии 2024 г. была введена в 24 346 процедурах, что почти в 8 раз меньше, чем было введено реализаций имущества должника. Полагаем, это обусловлено тем, что не все граждане подходят под критерии утверждения плана реструктуризации из-за низкого или отсутствующего дохода, кроме того, многие видят процедуру реализации имущества много более выгодной и быстрой, особенно в случае отсутствия имущества в собственности у должника.

В сравнении с российским законодательством, закон о банкротстве граждан в США, предусматривающий аналог процедур реструктуризации долгов и реализации имущества должника, почти не оставляет должнику выбора, проходить процедуру финансовой реабилитации по гл. 13 "Adjustment of debts of an individual with regular income" или нет. Так, должник изначально обязуется представить в суд заявление о применении в отношении него процедуры несостоятельности с приложением сведений об его актуальных доходах за последний год, а также полный перечень обстоятельств его жизни, предусматривающих дополнительные расходы.

В каждом штате США существует понятие медианы среднемесячного дохода гражданина (Median Household Income by State 2024). Если доход должника превышает этот показатель, должник не имеет права обратиться в суд с заявлением о прохождении процедуры реализации имущества, равно как и в случае отсутствия у него какого-либо ликвидного имущества.

Полагаем важным обратить внимание на последнее условие отсутствия или наличия ликвидного имущества должника в достаточном размере: в Российской Федерации отсутствует такое положение в законе, и должники без имущества могут напрямую инициировать процедуру реализации имущества (Liquidation), минуя процедуру реструктуризации долгов, что, по нашему мнению, является существенным пробелом российского закона о банкротстве, потому как при отсутствии активов или имущества у должника полностью теряется смысл прохождения процедуры реализации, превращая этот этап в конвейер по списанию непосильной кредитной нагрузки в ущерб интересам кредиторов.

Также хочется подчеркнуть положение американского законодательства о банкротстве в части признания недобросовестности гражданина, если он обратится в суд за реализацией имущества, при этом имея доход выше средней медианы, что поводило бы ему успешно пройти процедуру реструктуризации [Мжельская, 2018]. Особенность заключается в презумпции недобросовестности гражданина, который обязан всесторонне доказать суду, что обладает доходом ниже медианной прямой, либо он обременен обязательными дополнительными расходами, что не позволит ему формировать конкурсную массу для расчетов с кредиторами.

Полагаем, внедрение подобной обязанности по доказыванию недостаточности размера своих доходов в Закон о банкротстве РФ может также положительно повлиять на эффективность прохождения процедуры банкротства граждан в нашей стране.

В Российской Федерации вторая процессуальная процедура в банкротстве граждан – это процедура реализации имущества должника. Несмотря на то, что она имеет некие общие черты с конкурсным производством, в правовом поле не может существовать понятия ликвидации гражданина-должника [Петрова, Ревина, Бегичева, 2021], поэтому очередная процедура служит попытке реабилитации финансового положения гражданина, но уже более радикальными методами.

Так, в данной процедуре предусмотрены такие механизмы, как аккумулялирование дохода должника финансовым управляющим, реализация имущества должника, формирование

конкурсной массы должника, из которой впоследствии будут частично или полностью погашены требования кредиторов и уполномоченного органа. Особенностью данной стадии банкротного дела является ограниченность процедуры по времени. Она может быть введена арбитражным судом на срок не более полугода. Предусмотрено продление процедуры только в крайнем случае, обоснованное проведением дополнительных мероприятий длительного характера (как, например, реализация имущества должника на торгах). Тем не менее, несмотря на признание за должником статуса банкрота, результатом этой процедуры служит, как правило, списание долгов в полном объеме. И часто при этом кредитор не получает и 1% погашения кредита.

Анализируя данные положения, на все 100% можно увериться в продолжительной направленности процедуры банкротства гражданина в Российской Федерации. Это имеет значительное негативное влияние на формирование экономико-финансовой системы страны. В данной процедуре на практике не только защищаются исключительно интересы должника, что противоречит принципу баланса интересов кредитора и должника, но и возникают последствия глобального характера, во-первых, потому, что должник абсолютно не приобретает никакой социальной ответственности, по сути, получая безвозмездный в большем количестве случаев капитал, так и не приобретает экономико-значимых знаний опыта по ведению дальнейшей своей жизни.

В этой связи мы полагаем значимым привести в пример систему «Fresh start» [Бусыгин, 2023], которая применяется сегодня в большинстве стран с континентальной и смешанной системами банкротства [Королев, 2021].

Так, американская модель Нового старта предполагает не только судебное участие в регулировании погашения задолженности должника перед кредиторами, но и, что самое, на наш взгляд, инновационное, обязует должника перед подачей заявления о банкротстве пройти информационный курс, похожий на тьюториал, который носит название кредитных консультаций с целью повышения финансовой грамотности населения и предполагает по окончании приобретение должником не только понимания последствий прохождения процедуры банкротства, но и навыков, которые пригодятся должнику после окончания процедуры, чтобы эффективно регулировать свои финансы. Таким образом, в США банкротство не является своего рода «punishment», давая возможность своим гражданам начать строить карьеру или бизнес с чистого листа, в отличие от российского законодательства, которым предусмотрена своего рода ответственность за неплатежеспособность и прохождение процедуры банкротства, которая закреплена в ст. 213.30 Закона о банкротстве (гражданин не имеет права занимать должности в органах управления юридических лиц и иных образований, иным образом участвовать в управлении такими организациями) [Матюшенко, 2021].

Положительный, по нашему мнению, опыт действительно эффективного прохождения банкротства можно наблюдать в правовой системе Испании, которая относится к странам с континентальной системой реализации института банкротства [Мжельская, 2018]. В основном порядок прохождения процедуры несостоятельности в Испании довольно универсальный. Однако хотелось бы обратить внимание на положение, согласно которому по завершении банкротства гражданина не предусмотрена возможность полного освобождения от долгов. Так, по завершении процедуры несостоятельности, если гражданин не справился с погашением задолженности согласно разработанному плану выплат, суд может продлить срок процедуры, однако суммарно процедура не может длиться более 5 лет, либо в случае отсутствия у должника достаточного дохода – долг может быть сокращен на 50%, но не списан полностью. Таким

образом, испанское государство достигает цель планомерного снижения кредитной нагрузки на должника, учитывая при этом интересы кредиторов.

По итогам 2024 г. в России правоприменительно, так же как и законодательно, становится очевидно: обременительная кредитная нагрузка на граждан растет в геометрических прогрессиях. Выявление того, что послужило причиной несостоятельности, целенаправленный умысел на приобретение непосильных кредитных обязательств как способ приобретения капитала или же отсутствие должного правового и экономического просвещения в нашей стране (просто глупость должника) становится очевидным уже при анализе каждой отдельно взятой процедуры (в смысле каждого рассматриваемого дела в арбитражном суде) на его первых этапах.

Однако законодательно в настоящих реалиях приходится учитывать и эквивалентный рост нагрузки на судебную систему России. Арбитражные суды сегодня рассматривают тысячи дел о несостоятельности граждан, что отвлекает огромный судейский и бюджетный ресурс. В целях сокращения количества дел о банкротстве граждан, проходящих через судебную систему Российской Федерации, Федеральным законом от 31.07.2020 № 289-ФЗ в Закон о банкротстве введен параграф 5 главы 10 «Внесудебное банкротство гражданина», на основании которого гражданин, чей доход и ликвидное имущество отсутствуют, может пройти процедуру списания долгов, не прибегая к судебному разбирательству через органы МФЦ. Опять же, на наш взгляд, данное нововведение, стремясь разгрузить судебную систему в России, никак не влияет на эффективность прохождения банкротства с целью сохранения баланса прав и законных интересов должников и кредиторов.

В этой связи мы считаем необходимым обратить внимание на схожую систему внесудебного банкротства, эффективно действующую в Новой Зеландии. Во многих странах сейчас свое развитие в той ли иной мере получает система упрощенного или внесудебного банкротства для людей, оставшихся без имущества и дохода. Разработана целая концепция с основными понятиями NINA (no income, no assets) или LILA (low income, low assets) [Смирных, Амелин, 2018]. Это так называемый Fresh Start новой версии. Его суть заключается в том, что Закон о банкротстве Новой Зеландии в главе 4 предусматривает упрощенную систему банкротства без необходимости обращения с соответствующим заявлением в суд. Этим занимается Служба Доверительного управления (Trustee Service), в которой услугу списания долгов предлагает доверительный управляющий. Он проверяет должника на соответствие следующим критериям: прохождение банкротства впервые, отсутствие имущественных активов, долг не должен превышать 50 тысяч долларов. В случае, если должник подходит под критерии, доверительный управляющий публикует соответствующее сообщение в едином информационном ресурсе, извещает всех кредиторов о необходимости приостановить принудительное взыскание с должника. Ключевым моментом при завершении процедуры является полное освобождение от долгов нерентабельного должника. Процедура может продлиться до 12 месяцев, и это не рекорд в том случае, если должник может вносить хотя бы минимальный платеж в счет погашения требований кредиторов.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, полагаем логичным заключить, что наше российское законодательство предусматривает довольно мягкую процедуру банкротства по отношению к должникам, что негативно сказывается на положении кредиторов и на финансовой системе

государства в целом. В этой связи нами проанализированы системы банкротства зарубежных стран, которые реализуют систему несостоятельности граждан наиболее успешно, и сделаны следующие выводы.

Во-первых, в большинстве законодательных систем зарубежных стран не предусмотрено списание долга без проведения мероприятий по социально-экономической реабилитации гражданина. Зачастую на доверительного или финансового управляющего законом накладывается обязанность по осуществлению контроля за трудовой деятельностью должника, организации курсов повышения квалификации и применению иных методов повышения уровня дохода должника.

Во-вторых, в современных реалиях необходимо проводить работу по просвещению граждан о последствиях принятия на себя непосильных кредитных обязательств, обучению навыку финансовой грамотности и помощи в расчете финансовой нагрузки в целях наложения ответственности на граждан за принятие ими решения о кредитовании и использовании иных финансовых инструментов займа.

В-третьих, на наш взгляд, прогрессивной системой банкротства граждан по праву может считаться система Fresh start, которая позволит гражданам заново формировать свою финансовую стабильность без каких-либо негативных последствий, включая ограничения по трудоустройству, возможность обращения в кредитные организации и даже общественное осуждение.

Наиболее позитивные аспекты такого иностранного опыта, такие как американский и латвийский Fresh start, принцип наибольшего удовлетворения требований кредитора в Испании и Латвии, упрощенная система банкротства NINA и LILA граждан в Новой Зеландии и др., представлены в настоящей работе в целях наиболее подробного изучения и внедрения в российское законодательство о банкротстве.

В итоге хотелось бы отметить, что у системы банкротства в России очень яркие и эффективные перспективы развития, наша страна уже стоит на пороге кардинальных изменений, что должно благотворно повлиять на экономику страны в целом в современных реалиях. Пусть банкротство перестанет быть на 100% доступным и лояльным к должникам, однако мы сможем избежать большого количества злоупотреблений на грани с преступными и повысить социальную и экономическую осведомленность граждан наравне с общим экономическим положением в стране.

Библиография

1. Алферов В.Н. Развитие реабилитационной направленности института банкротства России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. № 2 (26). С. 180-190.
2. Бештоев М.И. Тенденции развития института банкротства: движение от репрессии - к реабилитации должника // CPPM. 2015. № 5 (92). С. 62-75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-instituta-bankrotstva-dvizhenie-ot-repressii-k-reabilitatsii-dolzhnika> (дата обращения: 04.04.2025).
3. Бусыгин А.А. Баланс интересов сторон в процедуре внесудебного банкротства граждан // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2 (218). С. 133-135. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/balans-interesov-storon-v-protsedure-vnesudebnogo-bankrotstva-grazhdan> (дата обращения: 09.03.2025).
4. Ведзижева Ф.И. Сравнительный анализ процедур банкротства физических лиц в России и за рубежом // Вестник науки. 2024. № 10(79). Т. 4. С. 313-318. URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/18085> (дата обращения: 24.03.2025 г.).
5. Витрянский В.В. Я бы ввел лет на пять мораторий на подготовку любых изменений в законодательство о банкротстве // Вестник Федерального арбитражного суда Московского округа. 2012. № 1. С. 6-13. EDN ORNILB. URL: https://zakon.ru/discussion/2012/3/29/ya_by_vvel_let_na_pyat_moratorij_na_podgotovku_lyubyx_izmenenij_v_zako

- nodatelstvo_o_bankrotstve (дата обращения: 19.03.2025).
6. Кораев К.Б. Правовое регулирование процедуры реструктуризации долгов гражданина // Закон. 2016. № 7. С. 142-148.
 7. Королёв Ю.Ю. Приоритеты современной концепции законодательства о несостоятельности (банкротстве): движение в направлении реабилитации должника и сохранения бизнеса // Бизнес. Инновации. Экономика: сб. науч. ст. Вып. 5. Минск, 2021. С. 141-149.
 8. Матюшенко А.А. Особенности некоторых положений законодательства о банкротстве гражданина России и США // Наука через призму времени. 2021. № 9 (54). С. 33-36. URL: <https://naupri.ru/journal/2986> (дата обращения: 18.03.2025).
 9. Мжельская И.В. К вопросу банкротства граждан в зарубежной практике антикризисного управления на примере США // Проблемы и перспективы в международном трансфере инновационных технологий: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. 2018. С. 178-180.
 10. Мжельская И.В. О несостоятельности граждан в зарубежной практике на примере ряда стран Европейского Союза // Наука и научный потенциал - основа устойчивого развития общества: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. 2018. С. 209.
 11. Петрова Р.Е., Ревина В.В., Бегичева Е.В., Родькина Н.Л. Реабилитационный характер процедур банкротства: проблемы и перспективы реформирования // Мониторинг правоприменения. 2021. № 3(40). С. 40-45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reabilitatsionnyy-harakter-protsedur-bankrotstva-problemy-i-perspektivy-reformirovaniya> (дата обращения: 04.02.2025).
 12. Смирных А.Г., Амелин А.В. Упрощенное банкротство граждан. Почему нужно заимствовать опыт Новой Зеландии // Арбитражная практика для юристов. 2018. № 7(35). С. 54-61. EDN UULBKK.
 13. Чистикова Д.М. Несостоятельность (банкротство) физического лица в Германии и России // Наука и образование сегодня. 2020. № 2(49). С. 51-52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesostoyatelnost-bankrotstvo-fizicheskogo-litsa-v-germanii-i-rossii> (дата обращения: 09.03.2025).
 14. Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2015. 332 с.
 15. Щербачева Л.В. Реструктуризация долгов гражданина // Вестник Московского университета МВД России. 2020. С. 51-54. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/restrukturizatsiya-dolgov-grazhdanina> (дата обращения: 01.04.2025).

Rehabilitation procedures in the relations of insolvency of citizens in the legal system of the Russian Federation and in foreign countries

Viktoriya A. Evpryntseva

Postgraduate Student,
Samara State University of Economics,
443090, 141 Sovetskoi Armii str., Samara, Russian Federation;
e-mail: viktoriyapatrakova@yandex.ru

Abstract

The popularity and relevance of the insolvency (bankruptcy) procedure of individuals in the Russian Federation is steadily growing at the moment. The loyalty of the procedure to the debtor, the short time required to complete it, the ability to choose the procedure on their own, and the possibility of full debt relief are all criteria that attract citizens to use bankruptcy proceedings, often not in order to get rid of debts in a difficult situation. In this regard, the Russian Federation faces the need to monitor the effectiveness of the bankruptcy procedure for citizens in foreign countries. Thus, the analysis and borrowing of foreign experience in conducting insolvency proceedings, adopting the most positive aspects will allow the Russian legislator to create a unique quintessence of a legally established institutional process to free debtors from the burden of unsustainable credit obligations, taking into account the established balance of the debtor citizens themselves and their creditors. In

this case, the experience of the United States is interesting, where the institution of bankruptcy of citizens has its own unique form, which has been operating for more than a decade and passes through more than 70 million citizens per year. The experience of the countries of the former Soviet republics should also not be underestimated, since it combines the legacy of Soviet times and novels, dictated by modern realities. In this paper, we have analyzed and identified the most progressive and interesting provisions of the insolvency laws of a number of foreign countries for the Russian economic situation, which, in our opinion, are necessary for synthesizing a progressive and comprehensive bankruptcy system for individuals, while forming provisions for improving the legislation of the Russian Federation on the insolvency (bankruptcy) of individuals.

For citation

Evpryntseva V.A. (2025) Reabilitatsionnye protsedury v otnosheniyakh nesostoyatel'nosti grazhdan v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii i za rubezhom [Rehabilitation procedures in the relations of insolvency of citizens in the legal system of the Russian Federation and in foreign countries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 280-292.

Keywords

Bankruptcy of citizens, bankruptcy of individuals, debt restructuring procedure, German rehabilitation procedure, Latvian supervision procedure, Fresh start, debt relief procedure, citizen's dishonesty, non-debt cancellation, simplified bankruptcy system of New Zealand, out-of-court bankruptcy.

References

1. Alferov V.N. (2016) Razvitie reabilitatsionnoi napravlenosti instituta bankrotstva Rossii [Development of the rehabilitation focus of Russia's bankruptcy institute]. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie)* [MIR (Modernization. Innovation. Development)], 2 (26), pp. 180-190.
2. Beshtoev M.I. (2015) Tendentsii razvitiia instituta bankrotstva: dvizhenie ot repressii - k reabilitatsii dolzhnika [Trends in the development of the bankruptcy institute: moving from repression to debtor rehabilitation]. *SRRM*, 5 (92), pp. 62-75. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-instituta-bankrotstva-dvizhenie-ot-repressii-k-reabilitatsii-dolzhnika> [Accessed 04.04.2025].
3. Busygin A.A. (2023) Balans interesov storon v protsedure vnesudebnogo bankrotstva grazhdan [Balance of interests of the parties in the procedure of out-of-court bankruptcy of citizens]. *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2 (218), pp. 133-135. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/balans-interesov-storon-v-protsedure-vnesudebnogo-bankrotstva-grazhdan> [Accessed 09.03.2025].
4. Vedzizheva F.I. (2024) Sravnitel'nyi analiz protsedur bankrotstva fizicheskikh lits v Rossii i za rubezhom [Comparative analysis of personal bankruptcy procedures in Russia and abroad]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 10 (79), Vol. 4, pp. 313-318. Available at: <https://www.xn--80aacdammmnedcf8j.xn--p1ai/article/18085> [Accessed 24.03.2025].
5. Vitrianskii V.V. (2012) Ia by vvel let na piat' moratorii na podgotovku lyubykh izmenenii v zakonodatel'stvo o bankrotstve [I would introduce a five-year moratorium on preparing any amendments to bankruptcy legislation]. *Vestnik Federal'nogo arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga* [Bulletin of the Federal Arbitration Court of the Moscow District], 1, pp. 6-13. EDN ORNILB. Available at: https://zakon.ru/discussion/2012/3/29/ya_by_vvel_let_na_pyat_moratorij_na_podgotovku_lyubyx_izmenenij_v_zakonodatel'stvo_o_bankrotstve [Accessed 19.03.2025].
6. Koraev K.B. (2016) Pravovoe regulirovanie protsedury restrukturalizatsii dolgov grazhdanina [Legal regulation of the procedure for restructuring a citizen's debts]. *Zakon* [Law], 7, pp. 142-148.
7. Korolev Iu.Iu. (2021) Prioritety sovremennoi kontseptsii zakonodatel'stva o nesostoiatel'nosti (bankrotstve): dvizhenie v napravlenii reabilitatsii dolzhnika i sokhraneniia biznesa [Priorities of the modern concept of insolvency (bankruptcy) legislation: moving towards debtor rehabilitation and business preservation]. *Biznes. Innovatsii. Ekonomika: sb. nauch. st.* [Business. Innovation. Economy: Collection of Scientific Articles], Vol. 5, pp. 141-149. Minsk.
8. Matiushchenko A.A. (2021) Osobennosti nekotorykh polozhenii zakonodatel'stva o bankrotstve grazhdanina Rossii i

- SShA [Features of some provisions of the bankruptcy legislation for citizens in Russia and the USA]. *Nauka cherez prizmu vremeni* [Science through the Prism of Time], 9 (54), pp. 33-36. Available at: <https://naupri.ru/journal/2986> [Accessed 18.03.2025].
9. Mzhel'skaia I.V. (2018) K voprosu bankrotstva grazhdan v zarubezhnoi praktike antikrizisnogo upravleniia na primere SShA [On the issue of personal bankruptcy in foreign crisis management practice using the example of the USA]. *Problemy i perspektivy v mezhdunarodnom transferre innovatsionnykh tekhnologii: sb. st. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Problems and Prospects in the International Transfer of Innovative Technologies: Collection of Articles Based on the Results of the International Scientific-Practical Conference], pp. 178-180.
10. Mzhel'skaia I.V. (2018) O nesostoiatel'nosti grazhdan v zarubezhnoi praktike na primere riada stran Evropeiskogo Soiuzu [On the insolvency of citizens in foreign practice using the example of a number of European Union countries]. *Nauka i nauchnyi potentsial - osnova ustoichivogo razvitiia obshchestva: sb. st. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Science and Scientific Potential - the Basis for Sustainable Development of Society: Collection of Articles Based on the Results of the International Scientific-Practical Conference], pp. 209.
11. Petrova R.E., Revina V.V., Begicheva E.V., Rod'kina N.L. (2021) Reabilitatsionnyi kharakter protsedur bankrotstva: problemy i perspektivy reformirovaniia [Rehabilitation nature of bankruptcy procedures: problems and prospects for reform]. *Monitoring pravoprimeneniia* [Law Enforcement Monitoring], 3 (40), pp. 40-45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reabilitatsionnyy-harakter-protsedur-bankrotstva-problemy-i-perspektivy-reformirovaniia> [Accessed 04.02.2025].
12. Smirnykh A.G., Amelin A.V. (2018) Uproshchenoe bankrotstvo grazhdan. Pochemu nuzhno zaimstvovat' opyt Novoi Zelandii [Simplified bankruptcy of citizens. Why we need to borrow the experience of New Zealand]. *Arbitrazhnaia praktika dlia iuristov* [Arbitration Practice for Lawyers], 7 (35), pp. 54-61. EDN UULBKK.
13. Chistikova D.M. (2020) Nesostoiatel'nost' (bankrotstvo) fizicheskogo litsa v Germanii i Rossii [Insolvency (bankruptcy) of an individual in Germany and Russia]. *Nauka i obrazovanie segodnia* [Science and Education Today], 2 (49), pp. 51-52. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesostoyatel'nost-bankrotstvo-fizicheskogo-litsa-v-germanii-i-rossii> [Accessed 09.03.2025].
14. Shishmareva T.P. (2015) Institut nesostoiatel'nosti v Rossii i Germanii [The Insolvency Institution in Russia and Germany]. Moscow: Statut, 332 p.
15. Shcherbacheva L.V. (2020) Restrukturizatsiia dolgov grazhdanina [Restructuring of a citizen's debts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1, pp. 51-54. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/restrukturizatsiya-dolgov-grazhdanina> [Accessed 01.04.2025].

УДК 004.728.3:332.407.4

Идентификация цифрового имущества должника (способы выявления цифрового имущества)

Калинчук Павел Дмитриевич

Аспирант,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
наб. Канала Грибоедова, 30-32;
e-mail: pavel_kalinchuk@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается актуальная проблема идентификации цифрового имущества должника с целью повышения эффективности принудительного взыскания долгов и улучшения работы судебных органов. Раскрываются предпосылки возникновения данной проблемы в условиях стремительного развития информационных технологий и глобальной цифровизации экономики, а также указывается на необходимость разработки новых методологических подходов, позволяющих точно выявлять и оценивать цифровые активы должника. Методы исследования базируются на комплексном анализе современных информационных технологий, методов цифровой криминалистики и правового анализа. Применялись методы сравнительного правоведения, компьютерной экспертизы и анализа электронных следов. В качестве основных инструментов использовались программное обеспечение для мониторинга сетевой активности, алгоритмы поиска в базах данных, а также методики анализа метаданных, позволяющие установить происхождение и актуальное местоположение цифровых активов. Отдельное внимание уделялось интеграции результатов технического анализа с юридическими механизмами идентификации имущественных прав. Результаты исследования демонстрируют, что комплексное применение описанных методов позволяет существенно повысить точность выявления цифрового имущества должника. На основе проведенного анализа определены наиболее эффективные способы обнаружения активов в различных цифровых средах, включая облачные сервисы, мобильные приложения и блокчейн-системы. Выявлены ключевые проблемные области, связанные с недостаточным уровнем стандартизации электронных документов и сложностями верификации цифровых следов, что может негативно сказываться на результативности судебного разбирательства. Автором подчеркивается необходимость дальнейшей разработки законодательной базы, адаптированной к реалиям цифровой экономики, а также выработки общих стандартов для идентификации цифровых активов. Представленные в статье методологические подходы могут стать основой для создания специализированных инструментов, способных автоматизировать процесс выявления и оценки цифрового имущества на всех этапах судебного разбирательства. Таким образом, проведенное исследование вносит значительный вклад в развитие теоретических и практических аспектов правового регулирования цифровой экономики, открывая перспективы для дальнейших разработок в данной сфере.

Для цитирования в научных исследованиях

Калинчук П.Д. Идентификация цифрового имущества должника (способы выявления цифрового имущества) // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 293-307.

Ключевые слова

Идентификация, цифровое имущество, должник, способы, выявление.

Введение

Деятельность по выявлению цифрового имущества должников становится все более актуальной в современном правовом поле, особенно с учетом растущего количества финансовых операций, проходящих онлайн. При возникновении задолженностей и необходимости принудительного взыскания важно понимать, какие виды активов могут быть скрыты в цифровом пространстве и какие методы могут использоваться для их обнаружения вовремя. Цифровое имущество включает в себя криптовалюты, токены, внутриигровые ценности и иные виртуальные объекты, имеющие определенную стоимость на рынке. Многие должники полагают, что цифровые активы сложно отследить из-за децентрализованных механизмов и шифрования, но на практике специальные органы и эксперты обладают разнообразными методиками выявления и анализа таких объектов. В судебной практике все чаще встречаются дела, в которых скрытые криптовалютные счета должников играют ключевую роль в решении финансовых споров до вынесения вердикта. При этом важно учитывать, что виртуальные активы могут находиться не только на криптобиржах, но и в децентрализованных кошельках, не требующих верификации личности их владельца. Следовательно, работа судебных приставов и других уполномоченных лиц по розыску такого имущества требует глубоких знаний в области блокчейна, аналитики транзакций и специфических технических инструментов для мониторинга. Успешная идентификация цифровых активов основывается, среди прочего, на сотрудничестве государственных структур с частными аналитическими фирмами, имеющими доступ к необходимым инструментам отслеживания. Особую роль играет изучение публичных реестров транзакций блокчейна, которые хоть и анонимизированы, но все же сохраняют жесткую структуру, позволяющую связывать различные адреса и кошельки друг с другом. Блокчейн-эксперты могут отследить движение криптовалют и вывести цепочку транзакций, дойдя тем самым до предположительной личности владельца. Методы, связанные со служебной информацией, включают анализ IP-адресов при взаимодействии с определенными узлами сети, изучение метаданных обращения к определенным адресам криптовалютных кошельков и многое другое. Ситуация усложняется, если должник использует миксеры или анонимные криптовалюты, вроде Monero, которые затрудняют отслеживание. Несмотря на все эти преграды, существуют технические сервисы, помогающие выявлять следы даже в такой ситуации, поскольку любой перевод, в конечном счете, может пересекаться с серверами и точками хранения лог-файлов [Черных, 2023]. Таким образом, идентификация цифрового имущества должника должна проводиться комплексно и аккуратно, чтобы охватить максимальный спектр возможных источников информации. Многие эксперты сходятся во мнении, что без тесного взаимодействия с крупными биржами, провайдерами кошельков и специализированными аналитическими платформами качественный и точный розыск затруднен.

Цифровое имущество может принимать самые различные формы, начиная от более известных криптовалют, таких как Bitcoin и Ethereum, и заканчивая токенами на основе умных контрактов, которые используются для привлечения инвестиций или представляют собой права собственности на цифровые предметы коллекционирования. Когда возникает вопрос об их идентификации, одной из первых мер становится обращение к публичным клиентам и проводникам блокчейна, которые позволяют просмотреть историю транзакций по определенному адресу. Однако задача усложняется, когда владелец старается замаскировать свои операции, разбивая переводы на многочисленные мелкие суммы или пользуясь децентрализованными площадками, где счет может быть открыт без прохождения процедуры KYC. При этом наличие соответствующего законодательного регулирования в разных юрисдикциях порождает различные правовые коллизии, которые могут препятствовать получению необходимых сведений [Петраков, 2024]. Например, если должник использует платформу, расположенную в государстве с недостаточно прозрачным регулированием, то юридический запрос о предоставлении данных может остаться без ответа. Управление такими рисками во многом зависит от налаженных международных каналов обмена информацией и правовой помощи, которые дают возможность получать данные о транзакциях и идентификационных деталях. На практике органы, ответственные за исполнение судебных решений, часто обращаются к узкопрофильным организациям, которые имеют доступ к коммерческим инструментам анализа блокчейна, способным не только строить графы связей между адресами, но и отслеживать транзакции, проходящие через анонимайзеры. Кроме того, когда речь идет об идентификации цифрового имущества, не следует забывать про различные веб-сервисы, играющие роль кошельков, обменных пунктов и бирж. Именно через них большинство пользователей взаимодействуют с криптовалютами, оставляя при этом определенный цифровой след, включая адреса электронной почты, IP-логирования и другую информацию [Переломова, 2024]. Детальный анализ таких данных способен пролить свет на то, кем является владелец конкретного счета и какова динамика его финансовых операций. Определенные методы сопоставления публичных данных о транзакциях с информацией об активности в социальных сетях также используются для более точного расследования и розыска. В некоторых случаях представители правосудия и специалисты по кибербезопасности создают фальшивые аккаунты или совершают пробные транзакции с целью выявления паттернов поведения должника в цифровом пространстве. Сочетание технических инструментов и традиционных методик расследования, таких как опрос свидетелей и анализ документальных доказательств, позволяет создать комплексную картину и эффективно установить, где именно может быть спрятано цифровое имущество. С учетом того, что каждый год появляются все новые криптовалюты и токены со своей спецификой, эксперты в данной области должны постоянно повышать квалификацию и изучать изменения в цифровом ландшафте, который подвержен быстрым трансформациям.

Материалы и методы исследования

Одним из наиболее типичных способов скрыть цифровые активы является использование личных кошельков на специально настроенных устройствах, не постоянно подключенных к сети, или на аппаратных кошельках, которые хранятся в защищенном месте. Так как в этом случае для аналитика остается меньше возможностей отследить активность по сетевым отпечаткам, подход к поиску такого имущества должен включать в себя не только техническое, но и физическое исследование. Иногда должники записывают фразы для восстановления

кошельков или пароли в бумажных или цифровых блокнотах, которые скрывают в разных местах, пытаясь избежать обнаружения [Павлова, 2022]. Тем не менее следователи и судебные приставы могут обратиться к ручному обыску помещений, при котором изымаются электронные носители, и уже после их изучения можно выйти на данные о кошельках и транзакциях. Если должник совершал операции с использованием криптобирж, эти биржи могут предоставлять отчет о проведенных сделках, особенно если у них есть локальные представительства и они подчиняются требованиям местного законодательства. Преимуществом такой стратегии является возможность отслеживать движения активов и сопоставлять историю транзакций с идентификационными данными, предоставленными при регистрации аккаунта. Однако сложность заключается в том, что многие современные биржи предоставляют клиентам расширенные возможности по повышению анонимности, в том числе путем торговли без прохождения полной процедуры подтверждения личности. Существует также много платформ в сегменте P2P-обмена, где пользователи могут договариваться напрямую без посредника. Несистематизированные платформы типа локальных обменов или частных чатов в мессенджерах затрудняют идентификацию сторон сделки, хотя и оставляют косвенные цифровые следы. Эксперты по расследованиям часто анализируют и такие косвенные данные: банковские переводы на счета третьих лиц, упоминания о сделках в переписках, сообщения на форумах, указания на участие в определенных торговых группах. Все эти составляющие постепенно формируют доказательную базу, которая впоследствии может лечь в основу судебного иска или исполнительного производства. Принимая во внимание активное развитие технологий шифрования и безопасность аппаратных кошельков, стоит отметить, что границы анонимности для владельцев цифровых активов все же достаточно подвижны. Должники, полагающие, что их невозможно обнаружить, рискуют столкнуться с целым набором инструментов, используемых современными следователями, которые работают на стыке IT и права.

Для выявления цифрового имущества должника активно применяются аналитические платформы, специализирующиеся на трассировке криптовалютных транзакций. Они используют различные алгоритмы, включая методы кластеризации, позволяющие объединить несколько адресов в один пул, если имеется статистически значимое сходство в их транзакционном поведении [Коновальчук, Письмарова, 2023]. Такие инструменты способны сопоставлять анонимизированные данные с известными «метками» – кошельками крупных рынков, бирж, мошеннических схем или законопослушных провайдеров. Ведущие компании также сотрудничают с правительством и правоохранительными органами, предоставляя отчеты об отмывании средств, финансировании противоправных действий и иных формах злоупотребления криптовалютами. В ситуации, когда необходимо найти цифровое имущество конкретного должника, эти платформы помогают выявить связи между адресами и понять, к каким сервисам они принадлежат. Благодаря глобальному характеру блокчейн-сети, даже если должник перемещает средства через границы, сохраняются записи о каждой транзакции, что дает следователям дополнительные возможности для отслеживания. Вместе с тем стоит отметить, что недостаточное понимание принципов работы сети может привести к пробелам в расследовании. Например, если специалисты неверно интерпретируют данные и не учитывают комиссии или специфику транзакций мультиподписей, это может затруднить определение истинного владельца адреса. Кроме того, многие криптовалюты, ориентированные на конфиденциальность, такие как Zcash или Dash, частично скрывают сумму переводов и адреса отправителей. В таких случаях требуется применение более сложных методик, включая анализ трафика и исследование сетевых узлов, которые обрабатывают те или иные транзакции

[Batsutsa, 2023]. Очевидно, что использование подобных инструментов требует не только технического оборудования, но и квалифицированных кадров, хорошо знакомых с процедурой судебного взыскания и законодательством в сфере цифровых активов. Эффективность работы зависит от того, насколько быстро и профессионально будут приняты меры по обеспечению доказательств. Пока должник не перевел средства в трудно отслеживаемые анонимные зоны, есть шанс застать активы в месте, где они еще могут быть идентифицированы.

Результаты и обсуждение

Еще одним методом обнаружения цифрового имущества должников становится анализ их интернет-активности. Современные браузеры и мобильные устройства оставляют значительный объем информации о посещенных сайтах, загруженных приложениях, использовании VPN или Tor. Если должник входит в свой криптовалютный кошелек через браузер, то сведения об этом могут сохраниться в истории посещений, куках или кэше. Аналогичным образом, мобильные приложения для работы с криптовалютами, трейдинговые платформы и кошельки могут оставлять следы в логах операционной системы, особенно если пользователь не предпринимает специальных мер для удаления шифрования этих данных [Трофимов, 2022]. При проведении судебных расследований нередко проводится экспертиза личных компьютеров и телефонов должника. В рамках такой экспертизы может быть обнаружен не только сам факт использования конкретного приложения, но и сведения об идентификационных цепочках, используемых для авторизации. Иногда пользователь использует один и тот же адрес электронной почты, аккаунт в соцсетях или пароль для множества сервисов, что позволяет сопоставить различную информацию и вывести на поверхность наличие цифровых активов. Впрочем, должники, обладающие определенными техническими знаниями, могут применять инструменты шифрования и стирания данных, что усложняет процесс поиска. Однако и для таких случаев существуют специальные программные комплексы, способные восстанавливать удаленную информацию или проводить глубокое исследование диска на предмет фрагментов ранее существовавших файлов. Отдельное внимание эксперты уделяют социальным сетям, где пользователи часто публично или в частных сообщениях обсуждают особенности своих финансовых инвестиций, делятся успехами на биржах или говорят о новых проектах, в которые они вкладывают средства [Мороз, 2024]. При определенном стечении обстоятельств такие разговоры могут оказаться основанием для дальнейшего детального расследования, поскольку раскрывают дополнительные детали о количестве и типе цифровых активов.

Сложность в определении принадлежности цифрового имущества нередко связана с тем, что многие криптовалюты не требуют реальной привязки к личности пользователя. Теоретически любой человек может создать неограниченное количество кошельков и адресов без дополнительных затрат, затрудняя задачу определения, какой из них контролирует должник [Брагинец, 2023]. Однако практика показывает, что если пользователь регулярно взаимодействует с сервисами обмена или выводит криптовалюту в фиатные деньги, то на каком-то этапе он оставляет цифровой отпечаток. Ведь переводы на банковские счета уже проходят через традиционную финансовую систему, которая регулируется нормами противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. Когда судебные органы получают санкцию на проверку таких переводов, они могут проследить всю цепочку операций, от пользователя к бирже и обратно, что нередко ведет к обнаружению скрытых активов. Помимо этого, важно учитывать и человеческий фактор: некоторые должники, уверенные в своей анонимности, публично афишируют свои криптовалютные успехи, не задумываясь о

последствиях. Посты в соцсетях, участие в публичных мероприятиях, интервью в СМИ – все это может включать намеки на наличие значительных цифровых средств, что впоследствии стимулирует судебных приставов обратить пристальное внимание на данного человека. Другая ситуация может касаться тех, кто привлекает инвестиции через собственные проекты на блокчейне, выпускает токены или NFT. В таких случаях информация о кошельках, на которые поступают средства от инвесторов, обычно находится в открытых источниках, и остается только сопоставить ее с личностью эмитента или организатора. Специализированные форумы и каналы в мессенджерах могут также раскрыть определенные детали о деятельности должника, особенно если речь идет об обвинениях со стороны недовольных партнеров или клиентов. Любые упоминания о неисполнении обязательств или жалобы на мошенничество могут служить дополнительным поводом для детального расследования, в ходе которого всплывает реальный объем цифровых активов и пути их движения. Регулярно публикуемые в интернете обзоры и отчеты о деятельности крупных торговых площадок фиксируют статистику существенных транзакций, и в сочетании с добровольно или случайно обнародованными сведениями о ключах и кошельках должника эта статистика может раскрыть всю схему.

Чтобы эффективно выявлять цифровое имущество, юристы и правоохранительные органы нередко сотрудничают со специалистами в области компьютерной криминалистики. Эти эксперты проводят системный анализ электронных устройств, восстанавливая переписки, журналы активности и другие артефакты, которые могут указывать на использование конкретных кошельков. Важную роль играет анализ установленных приложений, а также поиски резервных копий ключей и файлов с конфиденциальными данными. Существует практика, когда при обыске у должника изымаются не только ноутбуки и смартфоны, но и любые носители информации: флешки, жесткие диски, облачные аккаунты. После соответствующего судебного разрешения эксперты могут расшифровать часть найденных данных и выявить следы использования криптовалют, особенно если должник использует стандартные программы или интерфейсы без дополнительного шифрования [Андреева, 2022]. В рамках развернутой экспертизы может также анализироваться сетевой трафик, если имеются логи о подключении к определенным узлам блокчейна. Отмечается, что в некоторых случаях для сокрытия цифровых активов должники пользуются виртуальными приватными серверами (VPS), расположенными за границей, а также всеми возможными методами анонимизации. Тем не менее даже эти действия не освобождают их от риска быть разоблаченными, поскольку любая операция в блокчейне так или иначе оставляет след. Свести его на нет крайне сложно, разве что прибегнуть к продвинутым методам микширования и использовать анонимные сети, но такой путь подразумевает значительные денежные и временные затраты. Кроме того, наличие подобных действий может само по себе служить косвенным доказательством, что должник пытается скрыть активы. В конечном счете, сотрудничество различных экспертов, от киберинженеров до традиционных сыщиков, позволяет сформировать комплекс мер, направленных на розыск цифровых активов и их последующую конфискацию или арест в интересах взыскателя. Также важно помнить о том, что методы и технологии не стоят на месте, и преступники постоянно ищут новые способы уйти от ответственности, создавая уникальные схемы перевода и хранения криптовалют. Поэтому развитие юридической практики и криминалистики в данной сфере является непрерывным процессом.

Существенное значение для поиска цифрового имущества имеет законодательная база, регулирующая деятельность криптобирж и других посредников. В странах, где существует четкое правовое поле для обращения криптовалют, компании обязаны проводить идентификацию клиентов и предоставлять информацию по запросу компетентных органов.

Такая практика упрощает процедуру розыска и изъятия активов, поскольку достаточно просто предоставить судебное решение и запросить у биржи данные счета и историю транзакций [Хромов, 2024]. Однако в ряде государств криптовалюта остается серой зоной, без четкой регуляции, что создает дополнительный барьер для международного сотрудничества. В подобных случаях судебные приставы могут использовать механизмы международного права, конвенции и договоры о правовой помощи, но успех операции во многом зависит от степени вовлеченности конкретной страны в глобальные процессы противодействия финансовым преступлениям. Более того, некоторые площадки работают на основе децентрализованных смарт-контрактов и совсем не хранят информацию о пользователях в централизованном виде. Это означает, что формально никто не контролирует кошельки участников кроме самих участников, а значит, законодательно воздействовать на такие платформы затруднительно. Тем не менее судебная практика постепенно развивается, и появляются случаи, когда суды признают юридическую силу тех или иных смарт-контрактов, а также накладывают санкции на разработчиков, которые способствовали отмыванию средств или содействовали уклонению от уплаты долгов. В долговых спорах усиливается тенденция к расширительному толкованию понятия имущества, включающему и цифровые активы, что дает судебным органам дополнительные основания для их розыска. При этом параллельно появляется все больше инструментов, позволяющих должникам скрывать свою активность, например использование одноразовых адресов, мультиподписей, atomic swap-площадок, где обмен криптовалютами происходит напрямую между кошельками сторон без посредников. Но, опять же, любая ошибка или невнимательность должника могут дать основание для последующего его разоблачения.

Инструментарий для обнаружения цифровых активов непрерывно совершенствуется. Появляются новые сервисы, способные автоматически анализировать огромные объемы данных о транзакциях в разных блокчейнах, выявляя подозрительные или связанные между собой адреса [Цветкова, 2023]. Дополнительно развиваются системы машинного обучения, которые по паттернам поведения могут определить принадлежность адресов одному человеку или группе лиц, даже если те пытаются маскироваться. В то же время, грамотные участники цифровой среды могут прибегать к комбинированным методам сокрытия, используя не только криптовалюты, но и токены, привязанные к реальным активам, либо переводя средства в закрытые экосистемы игровых платформ, где внутриигровая валюта или предметы могут иметь значительную стоимость. Подобные механизмы заметно усложняют работу правоохранительных органов, поскольку приходится исследовать новые ниши виртуальных экономик, где нет четкого регулирования или прозрачности. Аналогично, использование NFT, привязанных к цифровым объектам искусства или коллекционным предметам, может создавать путаницу в определении реальной стоимости и принадлежности. Определить владельца NFT можно через блокчейн, но сопоставить его с реальным человеком проблематично, если он не афишировал себя публично. Однако многие NFT-площадки все же требуют авторизации через социальные аккаунты или электронную почту, что дает надежду на возможность розыска, в случае если органы правопорядка получают доступ к соответствующим регистрационным данным. Технологические инновации идут рука об руку с усовершенствованием технического арсенала следователей, поэтому можно ожидать, что дальнейшие разработки будут еще эффективнее в идентификации даже самых сложных схем. Одновременно совершенствующиеся методы шифрования и появление новых протоколов приватности снова создают замкнутый круг, в котором стороны – следователи и должники – пытаются переиграть друг друга, используя достижения современных технологий.

Не менее важным фактором в поиске цифрового имущества остается человеческая ошибка.

Даже самый продвинутый специалист по криптовалютам может случайно оставить зацепку: быть геолокированным при доступе к кошельку, сохранить некорректно зашифрованный файл, случайно переслать приватный ключ или семя фразы в мессенджере. Такие проколы часто становятся решающими, когда дело доходит до судебных споров. Следователи изучают личную переписку в популярных приложениях для коммуникаций, обращают внимание на метаданные онлайн-файлообменников, где могут храниться резервные копии ключей, а также опрашивают родственников и знакомых должника для выяснения дополнительных деталей [Терсенов, 2024]. Сложность процесса заключается в том, что при выявлении цифровых активов необходимо доказать суду их принадлежность именно человеку, в отношении которого ведется производство. Недостаточно просто найти адрес в блокчейне и показать историю транзакций – требуется продемонстрировать связь между владельцем ключей и должником. В этом контексте часто применяются методы технологической экспертизы, допросы свидетелей, анализ переписки и банковских выписок, указывающих на факт пополнения или вывода средств с конкретного криптокошелька. Одновременно возникает проблема оценки стоимости цифровых активов, так как курс криптовалют может значительно колебаться. Для целей взыскания зачастую применяется средневзвешенный курс за определенный период, чтобы избежать претензий о том, что заемщик понес убытки из-за конвертации в неподходящий момент. Несмотря на все трудности, удачные примеры взыскания с помощью обнаружения криптоактивов уже есть в судебной практике. Эти прецеденты вносят ясность в правовое поле и подчеркивают, что скрыть цифровые активы на 100% крайне проблематично, если затрагиваются интересы правосудия и задействованы все доступные методы расследования.

Финансовые учреждения и банки тоже постепенно подключаются к механизму идентификации цифровых активов. Когда на счете у должника появляются регулярные зачисления с криптобирж, специалисты по комплаенсу могут начать внутреннее расследование, пытаясь выяснить природу таких транзакций. Если возникает подозрение на несоответствие поступающих средств декларируемой деятельности, банк может запросить дополнительные документы или даже временно заморозить счет до выяснения обстоятельств. Безусловно, это формирует дополнительный канал для органов, занимающихся взысканием долгов. Крупные банки внедряют инструменты мониторинга блокчейн-транзакций и анализаторов криптокошельков, которые автоматически сверяют данные о финансовой активности клиентов с базами находящихся в розыске адресов [Османова, 2023]. При выявлении нарушения или несоответствия банковские организации незамедлительно сигнализируют компетентным органам, что упрощает процесс розыска. Такое взаимодействие позволяет формировать более полную картину о реальном финансовом положении должника, учитывая его активы в цифровой сфере. В то же время законодатели разных стран пытаются разработать более четкие правила и требования к банкам и другим финансовым посредникам, обязывая их передавать данные о подозрительных транзакциях. Хотя конфиденциальность клиентов до определенной степени защищена законом о банковской тайне, она не является абсолютной и в случае судебных разбирательств банк обязан предоставить всю необходимую информацию. Однако это не означает, что сами банки без прямого запроса суда будут активно заниматься розыском цифровых активов. Роль банков скорее вспомогательная: они помогают фиксировать денежные потоки, связывая их с потенциальными криптовалютными операциями, что существенно облегчает задачу правоохранительных органов и судебных приставов.

Еще одним актуальным направлением является использование искусственного интеллекта для анализа пользовательской активности в сети. Алгоритмы могут изучать социальные медиаплатформы, публичные форумы, блоги, каналы мессенджеров и сопоставлять найденные

сведения с официальными данными о должнике. Если человек заявляет о своем финансовом положении одно, а в сети рассказывает или демонстрирует совсем другое, это может послужить поводом для дополнительной проверки [Нигматзянова, 2024]. Искусственный интеллект способен обрабатывать огромные объемы информации, включая тексты, изображения и даже видеоматериалы, пытаясь обнаружить намеки на использование криптовалют и иные формы цифровых активов. Иногда пользователи выкладывают скриншоты своих кошельков или транзакций, хвастаются приобретенными NFT или вступают в открытые дискуссии о новых инвестиционных возможностях. Все это может стать важным элементом доказательной базы, свидетельствующим о наличии у лица скрытых активов. Но, как и любой другой способ, анализ данных с помощью искусственного интеллекта требует правильной интерпретации итогов. Алгоритм может ошибаться, неверно сопоставлять разные аккаунты или выдавать ложноположительные результаты. Поэтому окончательные выводы в любом случае делает человек-эксперт, оценивая контекст и сопоставляя результаты с другими доказательствами. Параллельно улучшаются технологии приватности, позволяющие пользователям создавать анонимные профили, скрывать свой реальный IP-адрес и маскировать свою активность. Несмотря на это, органы правопорядка активно сотрудничают с провайдерами интернет-услуг, чтобы отслеживать подозрительные действия, связанные с криптовалютными переводами. В некоторых случаях устанавливаются фишинговые сайты или специальные ловушки, призванные побудить должника использовать свой кошелек, тем самым раскрывая его идентификационные данные.

Развитие рынка криптовалют и цифровых активов стимулирует рост количества консалтинговых компаний, специализирующихся на расследованиях, связанных с блокчейном. Они предлагают услуги комплексной проверки личности, проведение технической аналитики, оценку стоимости виртуальных активов и представительство в суде [Османова, 2023]. При этом каждая ситуация индивидуальна: в одних случаях достаточно проследить один-два перевода, чтобы выйти на главный кошелек должника, в других – приходится разворачивать масштабное расследование с привлечением экспертов из разных областей. Важно отметить, что сам по себе факт владения цифровым активом не является противозаконным; преследуются в первую очередь незаконные действия, такие как уклонение от уплаты долгов, укрывательство имущества или попытки отмывания денег. Судебные органы, принимая решение об обращении взыскания на цифровые активы, должны учитывать специфику их хранения и обращения, а также возможность конвертации в национальную валюту. Если удастся выявить кошельки должника и подтвердить, что они действительно принадлежат ему, суд может распорядиться о блокировке транзакций, передаче прав доступа кредитору или продаже активов с торгов. Иногда возникают ситуации, когда надо учесть интересы третьих лиц, если активы хранятся на совместном кошельке или если ими управляет доверенное лицо. Все эти юридические тонкости делают процесс взыскания цифровых активов более сложным, чем традиционных средств, но при этом порождают и новые возможности, ведь скорость операций в блокчейне и их международный характер также могут сыграть на руку взыскателю, если процесс организован грамотно. Многое зависит от уровня осведомленности и подготовки всех участников процесса, включая юристов, судебных приставов, технических специалистов и самих должников.

Строгие меры, такие как арест цифровых активов, тоже находят применение на практике. Принимается судебное постановление, в рамках которого приставы пытаются ограничить должника в возможности распоряжаться найденными счетами и кошельками. Тем не менее, в отличие от традиционных банковских счетов, арестовать криптокошелек намного сложнее. Фактически, если у должника есть приватный ключ, то даже при наличии запрета он может

перевести средства в другое место, и никто не сможет это отменить, если только у суда или приставов не окажется доступа к самому ключу. Поэтому в реальности часто применяется тактика обеспечения мер: попытаться как можно раньше обнаружить и заблокировать активы, пока должник не принял контрмеры. Некоторые биржи и сервисы охотно сотрудничают с органами правопорядка и выполняют судебные постановления, замораживая активы на счетах подозреваемого или должника. Но если речь идет о децентрализованных кошельках, то процедура лишается смысла, поскольку не существует центрального органа, который мог бы принудительно заморозить средства. Именно поэтому в рамках поисковых мероприятий особый упор делается на ранний этап, когда должник еще не успел скрыть или перевести активы. Бывают и ситуации, когда цифровой актив передается в качестве залога или используется для расчета с кредиторами по взаимному соглашению, что формально может упростить процедуру взыскания. Однако каждый такой случай требует тщательного правового анализа, чтобы не нарушить интересы других кредиторов и не выйти за рамки закона. В конечном итоге арест цифровых активов – это наиболее сложный вид исполнительных действий, требующий от судебных органов глубокого понимания технической среды и тесного взаимодействия с профессионалами.

Параллельно с правоприменительными органами важную роль в выявлении цифровых активов играют посредники, такие как адвокаты и частные детективы, специализирующиеся на финансовых расследованиях. Они могут в интересах кредитора проводить негласные проверки, анализировать публичные и полупубличные реестры, вступать в контакт со свидетелями и техническими специалистами. Как правило, такие действия осуществляются на ранних стадиях, до того как дело официально попадет в суд или к приставам. Цель – собрать максимальный объем информации о финансовом положении должника, в том числе о наличии у него криптовалют и иных цифровых активов. Результаты подобных частных расследований могут затем лечь в основу судебного иска. Адвокаты, знакомые со спецификой блокчейна, помогают грамотно оформить ходатайства и запросы в суд [Черных, 2023], хотя ключевой вызов – это необходимость доказать связь между цифровым адресом и реальным человеком. В ходе судебного процесса могут быть задействованы киберэксперты в качестве специалистов, дающих заключения о том, какие операции совершались с конкретного адреса, сколько там осталось средств, может ли владелец адреса являться должником. Важным инструментом становятся показания свидетелей, которые могут рассказать о разговорах, транзакциях, инвестиционных планах должника. Все это складывается в судебный пазл, результатом которого чаще всего становится либо добровольное погашение долга должником, осознавшим неотвратимость обнаружения своих активов, либо судебное постановление о взыскании. Конечно, в юридической практике бывают случаи, когда должник все же ускользает, если ему удастся грамотно и вовремя перевести криптоактивы в анонимные сети. Но подобное требует больших усилий и рисков, поэтому не каждый готов идти на такие крайние меры, которые к тому же могут привести и к уголовной ответственности.

Особое внимание исследователей привлекает взаимодействие цифровых и традиционных активов. К примеру, если должник одновременно ведет бизнес, в котором принимает оплату в криптовалюте, есть шанс отследить соответствующие счета или транзакции через бухгалтерские документы или отчеты. Кроме того, в некоторых юрисдикциях уже существуют требования декларировать владение криптовалютами и включать их в налоговые отчеты. Невыполнение подобных правил может быть расценено как налоговое преступление, дающее дополнительное основание для производства следственных действий. Когда долг серьезна, судебные исполнители могут исследовать не только личные счета человека, но

и счета компаний, связанных с ним, подозревая, что активы выводились через юридические лица. Если в ходе проверки выяснится, что компании, контролируемые должником, имеют криптокошельки, то они тоже могут стать объектом взыскания, если будет доказано, что средства фактически принадлежат должнику, а не самой компании. В конечном счете, современные технологии усложняют процесс сокрытия активов, так как оставляют множество следов, даже если кажутся анонимными. Интеллектуальные системы анализа данных, глобальная сеть обмена информацией между финансовыми учреждениями и доступность блокчейн-экспертиз выводят на новый уровень возможности по розыску имущества. В то же время практика показывает, что при должном уровне подготовки и изобретательности некоторые должники могут весьма эффективно замести следы, поэтому каждое дело требует индивидуального подхода. Сложность процесса не отменяет того факта, что количество успешных кейсов по идентификации цифрового имущества неуклонно растет, формируя правовую базу и повышая осведомленность всех сторон о возможностях и ограничениях новых технологий.

Практика применения инструментов допроса и сбора свидетельских показаний тоже оказывается эффективной. Часто близкое окружение должника обладает какими-то знаниями о его инвестициях, пусть и поверхностными. Родственники, друзья или партнеры могут упоминать о том, что человек когда-то рассказывал о своих криптовалютных вкладах, обсуждал курсовые колебания или делился планами купить недвижимость за биткоины. Эти сведения, даже если не дают прямых доказательств, становятся отправной точкой для технического анализа. Сам должник, особенно неподготовленный, может допустить оговорки в показаниях или документах, случайно раскрывающие детали владения цифровыми кошельками. Некоторые должники пытаются хранить криптоактивы через доверенных лиц или номинальных владельцев, однако и это не гарантирует полной безопасности. Любая финансовая операция оставляет следы в виде электронных переписок, договоров, упоминаний в социальных сетях, а иногда и в офлайн документах, если, к примеру, речь идет о заключении инвестиционных соглашений. Так или иначе, комбинируя методы классической оперативной работы с техническим анализом блокчейна, следователи могут добраться до истины. Значительной поддержкой в этом вопросе становятся новые образовательные программы и тренинги для сотрудников правоохранительных органов, где они получают базовые знания о криптовалютах, о механизмах транзакций и способах сокрытия. Без такого обучения даже самый способный следователь может не распознать косвенные признаки, указывающие на наличие цифровых активов. Поэтому в последние годы наблюдается тенденция к активному повышению компетенций судебных приставов и полицейских в области IT и блокчейна, что постепенно сокращает число нераскрытых случаев.

Интерес представляет и вопрос психологического воздействия на должника. Иногда, когда подозреваемый осознает, что следствие обладает достаточным набором инструментов и сведений, он сам решает пойти на соглашение и предоставить информацию о своих активах, чтобы избежать более серьезных последствий. Открытый диалог с уполномоченными органами, заключение мирового соглашения или соглашение о реструктуризации долга могут стать для должника привлекательными вариантами, если он понимает, что все равно будет найден. С другой стороны, судебная система стремится стимулировать такую открытость, иногда предлагая льготные условия или снижая штрафные санкции за добровольную выдачу информации. Однако это применимо не во всех случаях и зависит от тяжести нарушений и общей правовой политики государства. В любом случае методы выявления цифрового имущества должника продолжают развиваться, и автоматизация ряда процессов снижает

временные затраты на проведение расследований. Когда-то поиск криптобогатств казался неразрешимой задачей, но сегодня существуют компании и государственные службы, проходящие сертификацию и обучение и могущие за короткий срок проследить целую сеть транзакций. Конечно, чем более компетентен должник в вопросах кибербезопасности, тем труднее его найти, но абсолютной анонимности достичь трудно в условиях тотальной цифровизации. Практика показывает, что любые действия в интернете оставляют какую-то зацепку, будь то IP-адрес, устройство, социальные связи или финансовые транзакции. Кроме того, судебные органы активно осваивают новые методы давления, в том числе *freezing injunctions*, которые запрещают должнику совершать какие-либо действия с активами под угрозой уголовного наказания. Это повышает шансы на то, что активы будут сохранены до момента исполнения судебного решения или внесудебного урегулирования.

Отдельно стоит сказать, что само понятие цифрового имущества расширяется по мере появления новых технологий. Если ранее это в основном относилось к криптовалютам, сегодня под это определение можно подвести токены, различные права на цифровые объекты, внутриигровые ценности многопользовательских проектов и даже уникальные идентификаторы в блокчейн-приложениях. Для должников это открывает новые возможности скрыть свои активы, однако и инструменты розыска не отстают. Некоторые государственные органы инициируют создание собственных аналитических отделов, которые будут специализироваться на отслеживании движений в различных цифровых экосистемах. Эти отделы занимаются сбором больших данных, их обработкой и выявлением аномалий, которые могут свидетельствовать о попытках укрытия имущества. Не исключено, что в будущем мы увидим специализированные международные агентства или консорциумы, работающие именно в сфере отслеживания цифровых активов, поскольку трансграничная природа блокчейна требует глобальных ответов на вызовы. Вопрос стандартизации форматов отчетности и обмена данными между странами тоже встает на повестку дня, ведь эффективный розыск возможен только при условии оперативного взаимодействия всех заинтересованных сторон. Вместе с тем не нужно забывать об этической стороне вопроса: избыточное вторжение в цифровую жизнь человека может нарушать его права на приватность, особенно если дело касается только предполагаемого долга. Поэтому правовая система должна стремиться к балансу, обеспечивая защиту интересов кредиторов и общества в целом, но при этом не ущемляя без оснований личные свободы граждан. Только комплексный, сбалансированный подход позволит развивать цивилизованную практику поиска и идентификации цифровых активов, не скатываясь в беспредел или тотальную слежку.

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день существуют многочисленные способы выявления цифрового имущества должника, опирающиеся как на технические, так и на правовые и психологические инструменты. Исследуются блокчейн-транзакции, проводятся обыски и экспертизы электронных устройств, анализируется интернет-активность и банковская история, а в ряде случаев прибегают к помощи свидетелей или потенциальных соучастников. Хотя цифровая природа активов создает иллюзию анонимности, современные технологии вкупе с традиционными методами следственных действий показывают, что абсолютной невидимости достичь непросто. Развитие аналитических платформ, совершенствование международного правового сотрудничества и растущая компетенция правоохранителей делают процедуру розыска цифровых активов все более эффективной и целенаправленной. При должных усилиях

и знаниях со стороны юристов и приставов даже тщательные попытки скрыть криптовалюту и другие цифровые ценности могут быть раскрыты, а непрерывное совершенствование инструментов позволяет сохранять актуальность в условиях, когда технологический ландшафт постоянно меняется и адаптируется к новым вызовам. В конечном счете, кто владеет информацией – тот владеет ситуацией, и это правило как никогда верно в контексте идентификации цифрового имущества должника.

Библиография

1. Андреева Е.М. Правовая природа цифрового свидетельства // Право и экономика. 2022. № 11 (417). С. 34-38.
2. Брагинец А.Ю. Информационные объекты как имущество: опыт юрисдикций общего права и перспективы его имплементации в России // Закон. 2023. № 9. С. 111-123.
3. Коновальчук М.В., Письмарова М.А. О возможности правовой регламентации порядка изъятия и хранения цифровых прав как имущества, используемого в преступной деятельности // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2 (53). С. 128-133.
4. Мороз С.П. Цифровые активы как объект гражданских прав // Вестник Карагандинского университета. Серия Право. 2024. Т. 113. № 1. С. 94-105.
5. Нигматзянова Д.А. Некоторые аспекты универсального правопреемства цифровых финансовых активов в России // Нотариальный вестник. 2024. № 5. С. 27-33.
6. Османова Д.О. Цифровые активы в конкурсной массе должника // Право и цифровая экономика. 2023. № 2 (20). С. 34-42.
7. Павлова Д.А. Особенности правовой природы цифровых свидетельств // Юристъ Правоведъ. 2022. № 4 (103). С. 211-215.
8. Переломова О.С. Возможность и специфика раздела цифровых активов супругов и бывших супругов в некоторых зарубежных странах // Вестник Академии управления и производства. 2024. № 1. С. 311-320.
9. Петраков Н.А. Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав // Цивилист. 2024. № 1 (47). С. 62-69.
10. Терсенов М. А. Актуальные вопросы уголовно правовой оценки цифровых прав как предмета хищения чужого имущества // Право и управление. 2024. № 3. С. 359-363.
11. Трофимов А.А. Идентификация представителей в гражданском праве в цифровой среде // Власть Закона. 2022. № 3 (51). С. 229-236.
12. Хромов Е.В., Зябликов В.Ю. Хищение бестелесного имущества // Уголовное право. 2024. № 8 (168). С. 46-67.
13. Цветкова Е.С. Особенности оформления наследственных прав на цифровые активы // Наследственное право. 2023. № 3. С. 33-36.
14. Черных А.В. К вопросу о проблеме наследования, раздела и принудительной реализации цифровых прав // Наследственное право. 2023. № 3. С. 19-21.
15. Batsutsa V. On the question of the features of the acquisition and disposal of property rights to digital assets // Law herald. 2023. № 6. С. 153-162.

Identification of the debtor's digital assets (methods for detecting digital property)

Pavel D. Kalinchuk

Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University of Economics,
191023, 30-32 Kanala Griboedova emb.,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: pavel_kalinchuk@mail.ru

Abstract

The article addresses the pressing issue of identifying the debtor's digital assets in order to enhance the effectiveness of enforced debt recovery and improve the functioning of judicial authorities. The introduction reveals the prerequisites for the emergence of this problem in the context of the rapid development of information technologies and the global digitalization of the economy, while also emphasizing the need for new methodological approaches that enable the precise identification and valuation of the debtor's digital assets. The research methods are based on a comprehensive analysis of modern information technologies, digital forensic methods, and legal analysis. Comparative law, computer forensics, and electronic trace analysis methods were applied. Key tools included software for monitoring network activity, database search algorithms, and metadata analysis techniques that allow for establishing the origin and current location of digital assets. Special attention was paid to integrating the results of technical analysis with legal mechanisms for identifying property rights. The research findings demonstrate that the comprehensive application of the described methods significantly enhances the accuracy of detecting the debtor's digital assets. Based on the analysis conducted, the most effective methods for discovering assets in various digital environments—including cloud services, mobile applications, and blockchain systems—have been identified. Moreover, key problem areas were detected, such as the insufficient standardization of electronic documents and difficulties in verifying digital traces, which may negatively affect the outcomes of judicial proceedings. In the discussion, the author emphasizes the need for further development of a legislative framework adapted to the realities of the digital economy, as well as the formulation of common standards for the identification of digital assets. The methodological approaches presented in the article may serve as the basis for creating specialized tools capable of automating the process of identifying and evaluating digital property at all stages of judicial proceedings. Thus, the research makes a significant contribution to the development of both the theoretical and practical aspects of legal regulation of the digital economy, opening up prospects for further developments in this field.

For citation

Kalinchuk P.D. (2025) Identifikatsiya tsifrovogo imushchestva dolzhnika (sposoby vyyavleniya tsifrovogo imushchestva) [Identification of the debtor's digital assets (methods for detecting digital property)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 293-307.

Keywords

Identification, digital property, debtor, methods, detection.

References

1. Andreeva E.M. (2022) Pravovaia priroda tsifrovogo svidetel'stva [Legal nature of digital certificates]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 11 (417), pp. 34-38.
2. Braginets A.Iu. (2023) Informatsionnye ob"ekty kak imushchestvo: opyt iurisdiktsii obshchego prava i perspektivy ego implementatsii v Rossii [Information objects as property: experience of common law jurisdictions and prospects for its implementation in Russia]. *Zakon* [Law], 9, pp. 111-123.
3. Konoval'chuk M.V., Pis'marova M.A. (2023) O vozmozhnosti pravovoi reglamentatsii poriadka iz"iatiia i khraneniia tsifrovyykh prav kak imushchestva, ispol'zuemogo v prestupnoi deiatel'nosti [On the possibility of legal regulation of the procedure for seizure and storage of digital rights as property used in criminal activities]. *Vestnik Samarskogo iuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2 (53), pp. 128-133.
4. Moroz S.P. (2024) Tsifrovye aktivy kak ob"ekt grazhdanskikh prav [Digital assets as objects of civil rights]. *Vestnik*

-
- Karagandinskogo universiteta. Seriya Pravo [Bulletin of Karaganda University. Law Series], 113 (1), pp. 94-105.
5. Nigmatzianova D.A. (2024) Nekotorye aspekty universal'nogo pravopreemstva tsifrovyykh finansovykh aktivov v Rossii [Some aspects of universal succession of digital financial assets in Russia]. Notarial'nyi vĕstnik [Notarial Herald], 5, pp. 27-33.
 6. Osmanova D.O. (2023) Tsifrovye aktivy v konkursnoi masse dolzhnika [Digital assets in the debtor's bankruptcy estate]. Pravo i tsifrovaia ekonomika [Law and Digital Economy], 2 (20), pp. 34-42.
 7. Pavlova D.A. (2022) Osobennosti pravovoi prirody tsifrovyykh svidetel'stv [Features of the legal nature of digital certificates]. Iurist Pravoedĕ [Jurist Pravoved], 4 (103), pp. 211-215.
 8. Perelomova O.S. (2024) Vozmozhnost' i spetsifika razdela tsifrovyykh aktivov suprugov i byvshikh suprugov v nekotorykh zarubezhnykh stranakh [Possibility and specifics of the division of spouses' and former spouses' digital assets in some foreign countries]. Vestnik Akademii upravleniia i proizvodstva [Bulletin of the Academy of Management and Production], 1, pp. 311-320.
 9. Petrakov N.A. (2024) Kontseptsii tsifrovogo imushchestva kak ob'ekta grazhdanskikh prav [The concept of digital property as an object of civil rights]. Tsivilist [Civilist], 1 (47), pp. 62-69.
 10. Tersenov M.A. (2024) Aktual'nye voprosy ugovorno pravovoi otsenki tsifrovyykh prav kak predmeta khishcheniia chuzhogo imushchestva [Topical issues of criminal law assessment of digital rights as the subject of theft of another's property]. Pravo i upravlenie [Law and Governance], 3, pp. 359-363.
 11. Trofimov A.A. (2022) Identifikatsiia predstavitelei v grazhdanskom prave v tsifrovoi srede [Identification of representatives in civil law in the digital environment]. Vlast' Zakona [Power of Law], 3 (51), pp. 229-236.
 12. Khromov E.V., Ziablikov V.Iu. (2024) Khishchenie bestelesnogo imushchestva [Theft of intangible property]. Ugolovnoe pravo [Criminal Law], 8 (168), pp. 46-67.
 13. Tsvetkova E.S. (2023) Osobennosti oformleniia nasledstvennykh prav na tsifrovye aktivy [Features of formalizing inheritance rights to digital assets]. Nasledstvennoe pravo [Inheritance Law], 3, pp. 33-36.
 14. Chernykh A.V. (2023) K voprosu o probleme nasledovaniia, razdela i prinuditel'noi realizatsii tsifrovyykh prav [On the issue of inheritance, division and forced realization of digital rights]. Nasledstvennoe pravo [Inheritance Law], 3, pp. 19-21.
 15. Batsutsa V. (2023) On the question of the features of the acquisition and disposal of property rights to digital assets. Law herald, 6, pp. 153-162.
-

УДК 34**Эволюция права на имя и псевдоним в условиях межкультурной коммуникации и глобализации информационного пространства****Купцов Иван Михайлович**

Независимый эксперт,
Российская государственная библиотека,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
e-mail: vanyak1401@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию эволюции права на имя и псевдоним в условиях межкультурной коммуникации и глобализации информационного пространства. Обосновывается актуальность темы через призму исторического развития механизмов идентификации личности, начиная от прозвищ в племенных обществах до современных юридических норм. Особое внимание уделяется трансформации подходов к регулированию имени под влиянием культурных, религиозных и миграционных факторов, а также роли псевдонимов в творческой и публичной деятельности. Анализируются исторические источники, правовые документы и судебная практика, отражающие эволюцию систем именования. Исследуются примеры из средневековой Европы, процессы унификации норм в международном праве и влияние цифровизации на современные административные процедуры. Результаты исследования демонстрируют, что глобализация и развитие цифровых технологий радикально изменили подходы к праву на имя. Псевдонимы перестали быть исключительно инструментом творчества, превратившись в элемент коммерческой деятельности, онлайн-коммуникации и защиты персональных данных. Обсуждение затрагивает противоречия между правом на анонимность и необходимостью обеспечения безопасности, а также проблемы транслитерации имен в международном контексте. Подчеркивается, что современное право сталкивается с вызовами, связанными с балансом между универсализацией норм и сохранением культурного разнообразия. Авторы делают вывод о необходимости гармонизации законодательства, учитывающей как технологические инновации (цифровые идентификаторы, виртуальные пространства), так и этнокультурные традиции.

Для цитирования в научных исследованиях

Купцов И.М. Эволюция права на имя и псевдоним в условиях межкультурной коммуникации и глобализации информационного пространства // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 308-321.

Ключевые слова

Право на имя, псевдоним, межкультурная коммуникация, глобализация, цифровая идентичность.

Введение

Механизмы идентификации личности в различных обществах на протяжении веков неразрывно связаны с тем, как люди именуют и обозначают друг друга, ведь имя издавна выступало символом социальной принадлежности, семейных традиций и законного статуса. Потребность регулировать право на имя возникла практически одновременно с формированием первых правовых кодексов, поскольку важность уникального обозначения лица становится очевидной, когда речь заходит об охране собственности, заключении сделок и урегулировании разногласий. Однако в разные исторические периоды подход к праву на имя и право на псевдоним менялся под влиянием культурных особенностей, религиозных предписаний и процессов миграции. Например, в ранних внешне расширенных семьях в племенах использовались только прозвища, которые отражали черты характера или указывали на род деятельности человека [Большакова, Сальников, 2024]. На смену им с развитием городских общин пришли более формальные имена, а в дальнейшем, в связи с возникновением фамилий, право на имя приобрело юридическое измерение. Сложные системы регистрации и задокументированности стали основой для укрепления принципов защиты личности, в том числе закрепления официального имени во множестве документов.

В истории европейского права кодификация имени оказалась связана с наследственными вопросами и правом собственности, когда передавались титулы, земли и прочие владения. Точное указание имени было необходимо для подтверждения прав и обязанностей, а также для определения круга наследников. Позднее эти процессы формализовались, и по мере распространения письменной культуры имя приобретало не только юридическую, но и культурную ценность, отражая принадлежность к определенному сословию и подчеркивая социальный статус. В результате, право на изменение или дополнение своего имени оказалось значительно ограничено, а впоследствии, уже в Новое время, возникла потребность в правовом урегулировании псевдонимов, которые выступали средством самовыражения и решения разнообразных творческих задач. Использование псевдонимов в первую очередь практиковалось в литературной среде, где автор, скрываясь за вымышленным именем, стремился обезопасить себя от преследований, привлечь к своим трудам особое внимание или отделить личную жизнь от публичной [Иванова, Мылтыкбаев, 2020]. Со временем право использовать псевдоним трансформировалось в более обобщенное право на анонимность и конфиденциальность, в том числе при производстве художественной продукции.

Материалы и методы исследования

В древних цивилизациях, чья культура была преимущественно устной, вопрос о письменной фиксации имени был неактуален и люди чаще полагались на устные договоренности, традиции и сакральные смыслы. При этом само имя или прозвище могло менять значение в зависимости от контекста, и культурные нормы регулировали процесс наречения достаточно свободно. В условиях развития письменности и оседлого образа жизни формировалась государственная система, стремившаяся упорядочить систему именования, что особенно заметно при изучении документов, касающихся земельных сделок или охранных грамот для торговцев в средневековой Европе [Милушева, 2021]. Государства начали вводить обязательную регистрацию актов гражданского состояния, а также законодательно закреплять фамилии. Возникла и судебная практика, рассматривающая споры, связанные с именами, когда, к

примеру, семейные конфликты касались наследования, что делало право на имя более жестко определенным и сложным к изменению. Однако в отдельных регионах и культурах оставались традиции давать прозвища во взрослой жизни, отражающие значимые события или перемены в социальном статусе.

По мере роста межгосударственных связей и развития внешней торговли начала складываться практика использования различных вариантов имени в зависимости от конкретного культурного и экономического контекста. Нередко человек мог пользоваться одним именем или прозвищем в пределах своей этнической группы, а другим – при контактах с иностранцами, что частично предвосхищает идею псевдонима. Подобный подход упрощал коммуникацию и создавал предпосылки в формировании международного гражданского и торгового права, которое впоследствии переросло в современные многосторонние соглашения и конвенции, регулирующие признание и охрану прав личности на межгосударственном уровне [Сулейманов, 2023]. Однако долгое время такие процессы носили фрагментарный характер, а полная унификация норм, связанных с именами, так и не была реализована, поскольку каждая правовая система в значительной мере основывалась на культурных традициях и обычаях.

Результаты и обсуждение

С наступлением эпохи Просвещения правовая мысль в Европе стала стремиться к рациональному обоснованию всех сторон общественной жизни, в том числе и вопросов, касающихся фамилий и имен. Личность приобрела новое для того времени звучание как носитель прав и свобод, и законодательство некоторых стран начале XIX века отразило эти идеи, предоставив гражданам возможность менять имя в более упрощенном порядке. Однако параллельно возрастала роль государства как гаранта социального порядка, что выражалось во введении жестких правил регистрации, инструкции для чиновников о ведении реестров и других формальных процедур. Псевдонимы находили правовое признание преимущественно в творческих сферах, тогда как в деловой переписке и официальном документообороте подобное средство скрытия личности расценивалось неоднозначно [Петрова, 2020]. Тем не менее практика добровольного выбора псевдонима для публикации текстов, выступлений, художественных произведений ладно сочеталась с расширяющейся сферой издания газет и журналов.

В дальнейшем, с развитием конституционных принципов в различных странах, право личности на имя становилось неотъемлемым элементом гражданской идентификации. Сложились современные административные процедуры, позволяющие менять имя или фамилию по уважительным причинам, но, как правило, только через судебное разрешение или соответствующие постановления органов ЗАГС. Псевдонимы, с другой стороны, сформировались как часть имущественных и неимущественных авторских прав, защищаемых законодательством об интеллектуальной собственности [Королев, Лялина, 2023]. В некоторых государствах были разработаны отдельные нормы, регулирующие использование вымышленных имен на сцене, в литературе и кино, определяющие права и обязанности автора и способствующие охране персональных данных. Отметим также, что развитие средств массовой коммуникации и формирование публичной сферы сделало применение псевдонимов более распространенным, потому что знаменитости и публичные люди часто стремились избежать пристального внимания к своей частной жизни.

Межкультурная коммуникация в современном мире становится настолько интенсивной, что

правовая охрана имени и псевдонима выходит на международный уровень. Пересечения законов разных государств и международные договоренности обмениваются информацией, способствуя формированию глобальных баз данных, где фиксируются личности, их гражданский статус и права. В условиях глобализации имя перестает быть исключительно «внутренним» вопросом национального права, оно становится предметом международных соглашений о правах человека, идентификации и свободе самовыражения [Евсиков, 2022]. Особенно это актуально при регулировании вопросов миграции: беженцы, переселенцы и трудовые мигранты подчас сталкиваются со сложностями при регистрации своих имен, когда их транскрибируют на другой язык, а культурные особенности нового общества могут требовать упрощения или изменения имени. В итоге в международном правовом поле возникает задача обеспечить баланс между необходимостью идентификации личности и уважением к ее культурному наследию.

Псевдонимы в условиях глобализации перестали восприниматься исключительно как инструмент творческих людей. Теперь это и средство ведения бизнеса, когда владельцы брендов выступают под запоминающимся названием, и средство блогеров, предпочитающих публиковать контент под никами, а не под реальным именем. Анонимность в интернете, в том числе на международном уровне, защищается рядом правовых норм, но одновременно вызывает споры, поскольку открывает путь злоупотреблениям и правонарушениям. Законодательство вынуждено искать компромисс между правом человека на конфиденциальность, выражение мнений и необходимостью государств обеспечивать безопасность, особенно в условиях угроз киберпреступности и международного терроризма [Гуляева, 2022]. Таким образом, если в традиционной парадигме государственная регистрация имени несла функции контроля над населением и фиксации их прав, то в XXI веке охрана имени и псевдонима перерастает в вопрос глобального баланса свободы и ответственности.

Интернет-пространство породило новые формы культурной и правовой самопрезентации. Человек нередко ведет несколько аккаунтов на разнообразных платформах, используя различные варианты имени либо n-ое количество псевдонимов. Это может быть связано с разделением аудиторий по интересам, а может отражать стремление к обезличенной социализации. Переход к цифровому общению делает вопрос об аутентичности имени все более сложным. Нередко при регистрации на веб-сайтах требуется ввод реальных данных, и некоторые Государства пытаются установить жесткую идентификацию в сети. С другой стороны, гражданское общество и правозащитные организации указывают на угрозы свободе слова и праву на частную жизнь, выступая за сохранение или даже усиление анонимности [Ульбашев, 2020]. Такая двойственность отношении к псевдонимам в интернете очевидно отражает состояние современного законодательства, которое должно в равной степени предотвращать правонарушения и не ограничивать права законопослушных пользователей.

В этой связи важно упомянуть, что современная доктрина гуманитарного права делает акцент на защищенность персональных данных, поскольку раскрытие реального имени может повлечь за собой преследования по религиозным, политическим или иным мотивам. Множество случаев, когда люди, выступающие под псевдонимом, защищали свою частную жизнь и свободу самовыражения, обретает резонанс. Кроме того, борьба за сохранение культурной идентичности мигрантов или представителей малочисленных народов напрямую связана с возможностью сохранения национального имени, которое может не вписываться в стандарты нового государства пребывания [Затонский, 2023]. Право на имя в таких ситуациях складывается из множества факторов: стремления общества к унификации, наличия государственных процедур

упрощения записи и оформления документов, а также готовности международного сообщества признавать оригинальные формы имен.

Стоит отметить, что глобализация информационного пространства усиливает имитационные практики, и псевдм становится инструментом для введения в заблуждение или маркетинговой манипуляции. Появляются фальшивые аккаунты в соцсетях, пользователи сознательно выбирают похожие на знаменитостей псевдонимы, чтобы собирать аудиторию, а иногда и вымогать средства. Такие действия подпадают под различные статьи уголовного или гражданского законодательства, завися от терминов «мошенничество» или «введение в заблуждение» [Ясносокирский, 2022]. Тем не менее во многих странах нет четкого правового определения, что именно считать нарушением права на имя в условиях трансграничного обмена информацией. Одни законодатели пытаются ввести строгие меры, другие – осторожничают, соблюдая баланс между безопасностью и свободой.

Культурные различия в понимании имени усиленно проявляются в современном межнациональном обществе. Одни культуры гордятся сложносоставными именами, указывающими на место в родословной, другие предпочитают простую форму, которая легко произносится и запоминается. Псевдонимы иногда формируются на основе игровой трансформации настоящего имени, подчеркивают художественную индивидуальность или демонстрируют принадлежность к определенному субкультурному движению. В условиях миграции многие стараются адаптировать свое имя, чтобы упростить коммуникацию с окружающими, но при этом не потерять связь с родными традициями. Иногда для этих целей создается особый «двойник» имени, представляющий собою попытку транслитерации или упрощенную версию. В результате, право на имя и псевдоним становится отражением динамического характера межкультурного взаимодействия, когда люди активно ищут компромисс между самоидентификацией и необходимостью быть понятными окружающему миру.

Современные правовые исследования подчеркивают, что национальные законодательные системы редко успевают за темпами цифровых изменений. Появляется все больше кейсов, связанных с пользовательскими соглашениями крупных интернет-платформ, где закрепляется право компании требовать у пользователя реальное имя или, напротив, давать возможность создавать неограниченное число псевдонимов. Зачастую такие условия звучат в договорах-офертах, которые глобальные корпорации используют в отношениях со своими клиентами [Безбородов, Лихачев, Халафян, 2021]. При возникновении споров в международном контексте встает вопрос, по чьим законам разрешать конфликт: страны, где зарегистрирована компания, или страны, откуда пользователь осуществляет выход в сеть. Таким образом, правовая эволюция, касающаяся имен и псевдонимов, во все большей степени будет зависеть от наднациональных механизмов регулирования и судебной практики трансграничных споров.

Интересно проследить, как в киберпространстве, особенно в игровых онлайн-сообществах, возникает особая культура псевдонимов (никнеймов), где реальное имя человека может вообще нигде не фигурировать. Часто весь социальный капитал геймера, блогера, стримера, то есть репутация, доверие, фан-база, ассоциируются лишь с виртуальным прозвищем. Если данное прозвище кто-то попытается скопировать или использовать незаконно, возникает конфликт, который разрешается на основании пользовательских правил и внутренней модерации платформы, а иногда и через суд. Подобные дела не редки, когда речь идет о крупных киберспортивных турнирах или значительных рекламных контрактах, связанных с продвижением брендов. Тогда юридическая защита псевдонима воспринимается наравне с

защитой товарного знака, и исковые требования включают компенсации ущерба, причиненного копированием или незаконным использованием псевдонима [Рябошапченко, Жебровска, 2022]. Становится ясно, что цифровая эпоха преобразует базовые подходы к правам на имя, и нормативным органам предстоит находить новые решения.

Развитие электронной демократии, онлайн-петиции, проекты краудфандинга также способствуют тому, что люди участвуют в общественно-политических процессах без раскрытия своего настоящего имени. На одной стороне спектра такие инициативы повышают вовлеченность населения, позволяя голосам, опасаящимся репрессий или просто не желающим афишировать политические предпочтения, быть услышанными. С другой стороны, анонимность способна скрыть недобросовестных лиц, распространяющих ложную информацию или разжигающих вражду. В результате, правовое поле колеблется между стремлением стимулировать гражданскую активность и необходимостью сохранять прозрачность политических процессов [Солдаткина, 2021]. Право на псевдоним, таким образом, становится не только способом самовыражения, но и инструментом гражданского участия, что значительно расширяет его социальное значение.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что подчас само государство использует псевдонимы для защиты свидетелей, работающих с правоохранительными органами, скрывая их настоящие имена с целью обеспечения безопасности. Существует практика присвоения новых юридически действительных имен под программами защиты, когда очевидцы или потерпевшие в особо резонансных делах подвергаются значительной угрозе. В таких случаях государственные органы могут полностью изменить регистрационные данные лица, фактически создавая новую личность [Мартиросян, 2022]. Это один из крайних вариантов использования права на псевдоним в интересах общественной безопасности, при котором вопрос согласия лица на смену имени и конфиденциальности документов является определяющим для дальнейшего существования человека в обществе.

Говоря о межкультурной коммуникации, нельзя обойти вниманием вопрос транслитерации, когда имя, написанное на одном языке, преобразуется в символы другого языка. Это может происходить при переводе документов, при оформлении виз, покупке билетов на транспорт, записях в ИТ-системах. Зачастую один и тот же человек в разных базах данных может фигурировать с измененной одной или несколькими буквами, что приводит к путанице и потенциальным проблемам при проверках. В некоторых языках отсутствуют эквиваленты отдельных звуков, поэтому при транслитерации возникают приблизительные варианты, отличающиеся от оригинала [Затонский, 2023]. Сложности накапливаются, когда человек переезжает из страны в страну и обновляет документы, сталкиваясь с тем, что местное законодательство может вовсе не предусматривать некоторых буквенных сочетаний. Так возникает вопрос, считать ли такое изменение имени временной мерой или же это новая официальная форма. Отсюда и напряжение в правовом регулировании, когда государства пытаются сохранить уникальность имен своих граждан, и при этом соблюдать международные стандарты.

Современные медиа способствуют тому, что человек может обрести всемирную известность под вымышленным именем, причем это имя будет иметь больший вес, чем реальное. Эта тенденция касается не только артистов эстрады или кино, но и людей из различных профессиональных сообществ. Значимым становится следующее: к кому переходит право использовать псевдоним, если его первоначальный обладатель желает его оставить или кто-то претендует на раскрытый бренд? В правовой сфере возникают новые формы договоров,

когда имя или псевдоним рассматриваются как объект интеллектуальной собственности. Это включает лицензионные соглашения, уступки прав, а в некоторых случаях – судебный запрет на использование чужого псевдонима без согласия [Безбородов, Лихачев М.А., Халафян, 2021]. Показательно, что все больше музыкантов, писателей, спортсменов и других публичных фигур предпочитают защищать свое сценическое имя как товарный знак, дабы исключить недобросовестное копирование.

Если рассматривать вопросы взаимодействия культур через призму права на имя, становится видно, что в некоторых регионах мира существуют строгие требования к допустимым именам. К примеру, при регистрации новорожденного могут ограничить использование определенных символов или слов, которые считаются оскорбительными либо неуместными с точки зрения государственного языка. В некоторых странах даже устанавливаются справочники допустимых имен. Подобные ограничения иногда вызывают критику правозащитных организаций, считающих, что у родителей должно быть более широкое дискреционное право именовать своего ребенка. Сторонники жесткого регулирования, напротив, полагают, что государственная система должна защитить ребенка от возможной дискриминации из-за странного или слишком экзотического имени, а также взять на себя функцию сохранения культурного наследия [Евсиков, 2022]. Отсюда вытекает важность правильного баланса, ведь иногда под видом заботы о ребенке можно ограничивать разнообразие культурных традиций.

Миграционные процессы сегодня все чаще подталкивают государства к унификации норм, связанных с именами и псевдонимами, чтобы обеспечить удобство административных процедур и взаимодействия в рамках международных организаций. Однако выполнить это на практике непросто, поскольку каждая страна стремится сохранить собственную правовую традицию и учесть интересы большинства. В итоге множество систем, отвечающих за формальный учет личности, оказывается взаимно несогласованными, что может приводить к правовым коллизиям. Для решения таких проблем внедряются электронные идентификаторы или международные паспорта единого образца. При этом остро стоит вопрос о цифровой идентичности, которая в ряде случаев может опережать официальную: пользователь в сети известен под псевдонимом, имеющим гораздо большую социальную значимость, чем его реальное имя, зафиксированное в «офлайновых» документах [Ясносокирский, 2022]. Закрепление этих реальностей требует новых подходов в теории и практике права.

Иногда люди меняют имена, вдохновляясь поп-культурой или другими факторами, которые ранее не были характерными. Речь не только о том, что можно взять фамилию популярного артиста, но и о тенденции набирать короткие, звучные имена, соответствующие требованиям маркетинга и удобные для брендинга в социальных сетях. Глобальный мир продвигает идеалы универсального звучания, и некоторые стремятся обзавестись именем, легко произносимым представителями разных языков. С этим связан феномен «кросс-культурных» имен, которые состоят из элементов нескольких разных культур сразу [Ульбашев, 2020]. Такой гибрид отражает процесс глобальной интеграции, когда исторические корни уступают место практическим потребностям коммуникации. Однако зачастую такой шаг вызывает дискуссии внутри семей, столкновение традиционалистов и сторонников модернизации.

Социологи указывают, что псевдоним может выполнять функцию своеобразного эксперимента с идентичностью: человек, представляясь в сети или публикуя произведения под другим именем, дает себе право на альтернативное поведение, иной тон высказываний, недоступный в реальной жизни. Иногда подобная «смена маски» позволяет преодолеть

внутренние барьеры, а порой служит прикрытием для негативных проявлений. Юристы в такой ситуации оказываются перед вызовом: как отличать добросовестное желание скрыть настоящую личность, связанное с безопасностью или публичной ролью, от злонамеренного использования псевдонима в преступной деятельности. Нет единообразного решения, и суды в разных странах исходят из конкретных обстоятельств дела, соотнося защиту частной жизни и общественные интересы [Королев, Лялина, 2023]. Очевидно, что эволюция права на имя в данном аспекте требует развития правоприменительной практики, адаптированной к цифровой реальности.

Однако право на имя и псевдоним затрагивает не только личную и общественную сферу, но и имеет большое значение в коммерческой деятельности. Компании часто используют псевдонимы для выпуска новых товаров, проведения маркетинговых кампаний, где истинный изготовитель остается в тени. Это делается для тестирования рынка без риска нанести урон своей основной репутации. Кроме того, в сфере франчайзинга, когда предприятие распространяет свою сетевую модель, вопрос о праве на использование названия, логотипа и других элементов идентичности становится ключевым. Если посмотреть шире, то можем увидеть, как известные бренды порой продают лицензию на использование определенных имен, связанных с их репутацией. В случае споров судебные органы вынуждены учитывать не только национальные нормы торгового права, но и международные соглашения, регулирующие интеллектуальную собственность [Милушева, 2021]. Здесь псевдоним, как часть коммерческого обозначения, оказывается внутрисистемным компонентом транснациональных сделок.

Еще одно проявление межкультурной коммуникации – это судьба известных исторических личностей, чьи имена становятся культурными символами. Иногда названия мест, учреждений, творческих проектов формируются по аналогии с именами выдающихся писателей или общественных деятелей. Возникает вопрос, имеет ли семья покойного (или правопреемники) право запретить такое использование, если речь идет о псевдонимах или художественных образах, тесно связанных с культурным наследием. В некоторых юрисдикциях действуют законы о защите посмертной репутации, а в других это не урегулировано, и имя стало достоянием общественного пространства [Иванова, Мылтыкбаев, 2020]. Но если речь заходит о коммерческой эксплуатации образа, то судебные тяжбы могут длиться годами, повышая актуальность вопросов о том, насколько применимы нормы авторского права, товарных знаков или иных специализированных законов.

Иногда разные правовые системы конфликтуют, когда лицо пытается зарегистрировать псевдоним в качестве товарного знака, но этот псевдоним уже кем-то используется в другой стране. В таких ситуациях глобальные патентные ведомства проверяют сходство до степени смешения и при наличии коллизий могут отказать в регистрации. Между тем в другой юрисдикции этот же псевдоним может свободно использоваться. В итоге, чтобы защитить свое право, человек должен подавать заявки в каждую страну, что требует значительных ресурсов. Налицо проблема неравенства, когда только состоятельные лица способны отстаивать свои именные права в мировом масштабе [Сулейманов, 2023]. С ростом значимости интернета как новой среды обитания вопрос о глобальных механизмах охраны имен и псевдонимов получает острое звучание, ведь в сети стираются границы, и пользователи из любой точки планеты могут встретиться на одной площадке.

Дальнейшее усложнение правовой реальности связано с развитием технологий дополненной и виртуальной реальности, где пользовательские аватары могут иметь уникальные имена и визуальные образы. На этих платформах возможно появление параллельных экономик,

основанных на цифровых товарах и услугах. Привязка аватара к определенному псевдониму может обретать высокую стоимость, особенно если речь идет о популярной игре или метавселенной. И снова вырисовывается вопрос, как защитить такую ценность, если кто-то решит ее скопировать или присвоить. Регулирование подобных случаев лишь формируется в зачаточной стадии, и первые судебные процессы в разных странах либо идут по пути применения аналогий из законодательств об интеллектуальной собственности, либо изучают опыт крупных корпораций, уже столкнувшихся с данными вызовами [Гуляева, 2022]. Думается, что в ближайшем будущем право на псевдоним в виртуальных мирах станет еще более востребованным, поскольку население активнее уходит в цифровое пространство.

Среди юристов распространена точка зрения, что концепция «личного бренда» в современном мире все сильнее пересекается с правом на имя. Псевдоним здесь превращается в основу бренд-стратегии, включая дизайн логотипов, стиль коммуникаций, ценности и даже легенду, которую хотят донести до потребителей. В такой системе координат важно не только уметь придумать псевдоним, но и правильно закрепить за ним юридические права, оформить лицензионные соглашения, чтобы никто не смог воспользоваться репутацией и трудовыми результатами автора порочно. Наблюдается смешение коммерческих и личностных аспектов, когда человек, выбирая псевдоним, одновременно формирует и свою публичную идентичность, которая отражает его социальную или профессиональную функцию [Солдаткина, 2021]. Эта двойственная природа создает массу вопросов при разрешении споров, так как может потребоваться юридический анализ сразу по нескольким направлениям права: гражданского, интеллектуального, коммерческого, а нередко и международного.

Многие правовые системы традиционно исходили из предпосылки, что реальное имя дана человеку от рождения и отражает его подлинную личность, а псевдоним – лишь второстепенная опция. Но современная культурно-коммуникативная реальность подводит к выводу, что порой именно псевдоним становится «главным» именем человека, хотя у него по-прежнему есть официально зарегистрированное при рождении имя. Особенно характерно это для мира социальных сетей и шоу-бизнеса, где публичное лицо заслуживает известность, находится под прицелом внимания СМИ, зарабатывает ресурсы и формирует образ, базирующийся на вымышленном имени. Сам человек может воспринимать это имя псевдонимом вначале, а после превращать его в новую индивидуальную реальность [Петрова, 2020]. Следовательно, правовые нормы вынуждены более тонко подходить к установлению правового статуса псевдонима, учитывая реальные обстоятельства жизни носителя, чтобы защитить права как самого индивида, так и всех вовлеченных в коммуникацию партнеров.

Наиболее плодотворным видится применение в данной области принципов, заимствованных из прав человека, которые подчеркивают уникальность самоидентификации и приоритизируют свободный выбор личности. Вопрос только в том, где провести грань между легитимной сменой имени или использованием псевдонима и злоупотреблением этим правом. Критерии, определяющие добросовестность, могут разниться в зависимости от культурных традиций и конкретной правовой среды. Например, в одних юрисдикциях потребуются доказательства цели использования псевдонима, в других – предоставление документального согласия государственных органов, а в третьих может вовсе не существовать четкой регламентации [Большакова, Сальников, 2024]. Глобальный процесс миграции и цифровизации делает это противоречие все более острым, поскольку трансграничное общение ставит в равные условия людей с разными правовыми представлениями о праве и морали.

Рассуждая о межкультурной коммуникации, следует учитывать, что соглашения

относительно личных данных и имени часто опираются на международные структуры вроде ООН или региональные организации, такие как Совет Европы. Документы, регулирующие права беженцев, мигрантов и меньшинств, содержат положения об уважении к именам и традициям. Тем не менее соблюдение этих норм внутри отдельного государства оставляет простор для интерпретаций, и далеко не всегда право на сохранение оригинального имени исполняется в полной мере. Различия в языковых системах, национальные стандарты бюрократии и информационные системы, формирующие базы данных, могут игнорировать особенности записи. Отсюда проистекают сложности переподтверждения личности, особенно при втором или третьем переезде между странами [Мартиросян, 2022]. Такие люди рискуют столкнуться с тем, что их официальное имя превратится в различающиеся версии, которые потом трудно доказать как одну и ту же персону.

Помимо этого, в праве разных государств текстуально по-разному формулируются принципы, защищающие имя. В Германии конституционное право на имя трактуется сквозь призму защиты человеческого достоинства, а во Франции используются другие юридические конструкции, где уточненные статьи Гражданского кодекса регулируют изменение фамилии и имени только через особые процедуры. В России вопросы имени регулируются Семейным кодексом и соответствующими подзаконными актами, определяющими порядок регистрации актов гражданского состояния, а псевдонимы рассматриваются в плоскости авторского права. Разница в правовых культурах порождает несоответствия, когда гражданин одной страны хочет использовать псевдоним в другой, или когда многонациональная корпорация нанимает иностранного специалиста, уже известного под вымышленным именем. Становится очевидно, что для урегулирования таких транснациональных аспектов нужна не только гармонизация правовых норм, но и преодоление определенных этнокультурных стереотипов, существующих в сознании населения.

Если углубиться в социологические аспекты, становится видно, что люди часто не придают большого значения формальным сторонам имени, пока оно не начинает влиять на их социальные и экономические интересы. К примеру, в креативной сфере или в международной деятельности псевдоним может стать ключом к продвижению. Но в процессе оформления документов, получения виз или подписания контрактов неукоснительно требуется использовать официальную «юридическую» форму имени [Сулейманов, 2023]. Эта раздвоенность порождает трудности и психологические, и организационные. В числе таких трудностей – необходимость постоянно подтверждать, что ты и есть тот самый человек, у которого другое имя фигурирует в договорах. Со временем мы видим появления новых правовых инструментов, таких как нотариальное заверение псевдонима, но они не повсеместны, а значит, проблемы сохраняются.

Кроме того, особенностью межкультурной коммуникации становится то, что сам выбор имени или псевдонима может быть воспринят в другой культуре неоднозначно. Случается, что в одном языке слово или сочетание букв не несет отрицательных коннотаций, а в другом, напротив, может быть ругательным или оскорбительным. Многие компании перед выходом на новые рынки проводят лингвистические исследования, чтобы избежать таких казусов при выборе названия для бренда или продукта. Аналогично, физическое лицо, принимая псевдоним, может не догадываться, какие ассоциации он вызывает у носителей другого языка [Рябошапченко, Жебровская, 2022]. Право, защищающее свободу выбора имени, в таких случаях вынуждено соседствовать с нормами, препятствующими распространению экстремистской, враждебной или унижительной лексики. Это не всегда жесткие запреты, но может негативно сказываться на судьбе человека или компании, решивших использовать

сомнительное слово.

Технологические инновации, такие как системы распознавания лиц, биометрические паспорта и цифровые профили, создают непривычную для прошлого ситуацию, когда имя человека лишь часть сложного идентификационного комплекса. Взаимодействие глобальных баз данных автоматически связывает биометрию с информацией об имени и гражданском статусе, что приводит к новой реальности: даже если мы захотим сменить имя, системы распознавания лица продолжают относить нас к прежним базам данных. Возникает вопрос, имеет ли личность право «на забвение», которое коснется не только цифровых следов в интернете, но и официальных записей, связанных со старыми идентификаторами [Большакова, Сальников, 2024]. Заявляя о своей индивидуальности, мы все более оказываемся в поле жесткой регламентации, где псевдоним, хоть и используется, но автоматически привязывается к биометрическим метаданным, исключаяющим полную анонимность. Это тот самый новый поворот эволюции, о котором полвека назад и не помышляли законодатели.

Научные исследования по проблеме эволюции права на имя и псевдоним нередко затрагивают вопросы философии идентичности, утверждая, что правовые рамки – лишь одна сторона явления. Исторические и культурные факторы, психологические мотивы человека, технологии и политическая среда смешиваются в сложную мозаику. Адаптация к глобализации предполагает постоянную переработку собственных традиций и согласование их с мировыми трендами, что ведет к движению права в сторону универсализации ключевых положений, но при этом никто не гарантирует, что эта универсализация будет абсолютной [Иванова, Мылтыкбаев, 2020]. По всей видимости, право на имя и псевдоним всегда будет представлять собой сферу компромисса между индивидуальными потребностями, коллективными интересами и техническими реалиями. В этом и состоит его уникальность.

Некоторые специалисты предполагают, что через несколько десятилетий в ряде стран электронная идентичность станет важнее, чем имя, полученное при рождении. Пользователь будет взаимодействовать с госуслугами через цифровые токены и биометрию, а имя станет вторичным, необходимым лишь для формального этикета. С одной стороны, это может упростить многие процедуры, с другой – ставит под сомнение традиционное понимание имени как центрального элемента идентичности [Милушева, 2021]. Ясно, что такие сценарии влияют на право, в котором уже сегодня активно обсуждается термин «электронное резидентство» или «цифровой паспорт», способный объединять множество функций. Вопрос о том, какое место в этой схеме займут псевдонимы, покажет дальнейшая практика, но уже сейчас наблюдается существенный сдвиг в сторону признания разных форм онлайн-присутствия.

В любом случае исторические уроки говорят о том, что право на имя и псевдоним не является статичным, оно подвержено изменению под влиянием культурных сдвигов, научно-технического прогресса, глобального обмена информацией и достигнутого уровня свободы в обществе. Чем более общество толерантно к различию, чем выше уровень защищенности прав человека, тем большая автономия предоставляется гражданам в вопросе распоряжения собственным именем или выбором псевдонима. Однако вместе с тем растет и ответственность, поскольку злоупотребления анонимностью могут приводить к негативным последствиям. Поэтому задача правотворчества – не просто установить жесткие рамки, но и предложить механизм, позволяющий каждому человеку использовать свое имя, изменять его, создавать и применять псевдонимы, оберегая при этом интересы других и сохраняя общественное благо [Ульбашев, 2020]. Баланс между этими началами никогда не будет окончательно найден, он формируется заново в каждом новом поколении законов и судебных решений.

Заключение

Тенденции развития международного пространства указывают на дальнейшее укрепление роли права на имя и псевдоним как элементов защиты личной свободы и культурного разнообразия. Глобальная правовая система, объединяющая законодательные механизмы различных государств, уже не может игнорировать реалии планетарного масштаба: миллионы людей вступают в трансграничные взаимосвязи, формируют наднациональную общественность, и вопрос идентификации личности выходит за рамки локальных традиций. При этом право должно обучаться тонкому различению фальсификаций и добросовестного использования вымышленных имен, соблюдая интересы безопасного пространства для всех участников коммуникации [Евсиков, 2022]. Учитывая неравномерность развития стран, юристы сталкиваются с ситуацией, когда в одной части мира для использования псевдонима достаточно внутреннего решения, а в другой – нужен нотариально заверенный документ. Устранение подобных противоречий – важная задача будущих правовых реформ.

Таким образом, эволюция права на имя и псевдоним в условиях межкультурной коммуникации и глобализации информационного пространства демонстрирует сложную картину, в которой пересекаются исторические, культурные, технологические и правовые аспекты. Прошедший путь от племенных прозвищ и родовых имен до высокотехнологичных электронных идентификаторов наглядно показывает, насколько подвижным является само понятие «имя» в человеческом обществе. Если когда-то имя служило лишь легким знаком различения и привязки к роду, то сегодня оно может выражать личную свободу, общественный статус, творческое самовыражение, коммерческое продвижение и даже быть корпоративным активом. Правовые системы повсеместно двигаются по пути признания этой многогранности, но каждая культура и каждое государство остаются в своем темпе, порождая споры и коллизии, которые только стимулируют дальнейшее развитие правовой мысли. В итоге мы наблюдаем постоянный поиск золотой середины между универсализацией, позволяющей согласовать различные национальные режимы, и сохранением культурного разнообразия, которое делает мир богаче, а право – человечнее.

Библиография

1. Безбородов Ю.С., Лихачев М.А., Халафян Р.М. Об универсальности прав человека в доктрине и практике международного права (обзор конференции памяти профессора Г. В. Игнатенко) // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2021. № 5. С. 58-66.
2. Большакова В.М., Сальников В.П. Правовой тропой нового гуманизма: рефлексия над современной концепцией взаимодействия международного и внутригосударственного права // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 164-171.
3. Гуляева Е.Е. Правовой режим охраны генетической/геномной информации коренных народов и местных общин в международном праве // Международный правовой курьер. 2022. № 1. С. 6-24.
4. Евсиков К.С. Перспективы развития международного информационного права // Информационное право. 2022. № 1. С. 39-42.
5. Затонский В.А. Правовая культура, правовое пространство и государственно-правовая жизнь общества в условиях глобализации // Правовая культура. 2023. № 2 (53). С. 54-56.
6. Иванова К.А., Мылтыкбаев М.Ж. Свобода слова и право на доступ к информации в условиях формирования системы международной информационной безопасности // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 80-93.
7. Королев С.В., Лялина И.С. Интернет-право и кибербезопасность КНР // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 162-167.
8. Мартиросян А.Ж. Формирующиеся международное информационное право и система обеспечения международной информационной безопасности: теоретические векторы // Вестник ученых-международников. 2022. № 2 (20). С. 179-187.
9. Милушева Т.В. Информационная и правовая культура: вопросы соотношения // Правовая культура. 2021. № 3

- (46). С. 104-105.
10. Петрова Е.А. Действие принципов международного права в российской правовой системе // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 255-258.
11. Рябошапченко А.О., Жебровская К.А. International legal regulation of information relations at the current stage of the development of the information sphere // Прикарпатський юридичний вісник. 2022. № 2 (43). С. 91-95.
12. Солдаткина О.Л. Культура законотворчества в информационном праве // Правовая культура. 2021. № 2 (45). С. 118-119.
13. Сулейманов Б.Б. К вопросу о соотношении правовой культуры и правового пространства // Правовая культура. 2023. № 2 (53). С. 53-54.
14. Ульбашев А.К. The right to a name: back to the future // Digital Law Journal. 2020. Т. 1. № 3. С. 40-50.
15. Ясносокирский Ю. Международное информационное право как регулятор международных отношений в сфере информационно-коммуникационных технологий // International Affairs. 2022. Т. 68. № 3. С. 64-68.

The Evolution of the Right to a Name and Pseudonym in the Context of Intercultural Communication and Globalization of Information Space

Ivan M. Kuptsov

Independent Expert,
Russian State Library,
119019, 3/5, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vanyak1401@gmail.com

Abstract

This article examines the evolution of the right to a name and pseudonym in the context of intercultural communication and information space globalization. The study establishes the topic's relevance through the historical development of personal identification mechanisms, from tribal society nicknames to modern legal norms. Particular attention is paid to the transformation of name regulation approaches under the influence of cultural, religious and migration factors, as well as the role of pseudonyms in creative and public activities. The analysis incorporates historical sources, legal documents and judicial practice reflecting naming systems' evolution, including examples from medieval Europe, international law standardization processes, and digitalization's impact on modern administrative procedures. The findings reveal that globalization and digital technologies have fundamentally transformed approaches to naming rights, with pseudonyms evolving from purely creative tools into elements of commercial activity, online communication and personal data protection. The discussion addresses contradictions between anonymity rights and security requirements, along with challenges of name transliteration in international contexts. The study emphasizes contemporary law's struggle to balance norm standardization with cultural diversity preservation, concluding that legislative harmonization must account for both technological innovations (digital identifiers, virtual spaces) and ethnocultural traditions.

For citation

Kuptsov I.M. (2025) Evolyutsiya prava na imya i psevdonim v usloviyakh mezhkulturnoy kommunikatsii i globalizatsii informatsionnogo prostranstva [The Evolution of the Right to a Name and Pseudonym in the Context of Intercultural Communication and Globalization of Information Space]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 308-321.

Keywords

Right to a name, pseudonym, intercultural communication, globalization, digital identity

References

1. Bezbordov Iu.S., Likhachev M.A., Khalafian R.M. (2021) Ob universal'nosti prav cheloveka v doktrine i praktike mezhdunarodnogo prava (obzor konferentsii pamiati professora G. V. Ignatenko) [On the universality of human rights in the doctrine and practice of international law (review of the conference in memory of Professor G.V. Ignatenko)]. Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu iuridicheskomu zhurnalu [Electronic Supplement to the Russian Law Journal], 5, pp. 58-66.
2. Bol'shakova V.M., Sal'nikov V.P. (2024) Pravovaia tropoi novogo gumanizma: refleksiia nad sovremennoi kontseptsiei vzaimodeistviia mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava [The legal path of new humanism: reflection on the modern concept of interaction between international and domestic law]. Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law], 28 (2), pp. 164-171.
3. Guliaeva E.E. (2022) Pravovoi rezhim okhrany geneticheskoi/genomnoi informatsii korennykh narodov i mestnykh obshchin v mezhdunarodnom prave [Legal regime for the protection of genetic/genomic information of indigenous peoples and local communities in international law]. Mezhdunarodnyi pravovoikur'er [International Legal Courier], 1, pp. 6-24.
4. Evsikov K.S. (2022) Perspektivy razvitiia mezhdunarodnogo informatsionnogo prava [Prospects for the development of international information law]. Informatsionnoe pravo [Information Law], 1, pp. 39-42.
5. Zatonskii V.A. (2023) Pravovaia kul'tura, pravovoe prostranstvo i gosudarstvenno-pravovaia zhizn' obshchestva v usloviakh globalizatsii [Legal culture, legal space and state-legal life of society in the context of globalization]. Pravovaia kul'tura [Legal Culture], 2 (53), pp. 54-56.
6. Ivanova K.A., Myl'tykbayev M.Zh. (2020) Svoboda slova i pravo na dostup k informatsii v usloviakh formirovaniia sistemy mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti [Freedom of speech and the right to access information in the context of forming the system of international information security]. Pravoprimerenie [Law Enforcement], 4 (4), pp. 80-93.
7. Korolev S.V., Lialina I.S. (2023) Internet-pravo i kiberbezopasnost' KNR [Internet Law and Cybersecurity of the PRC]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGU A) [Kutafin University Bulletin (MSAL)], 2 (102), pp. 162-167.
8. Martirosian A.Zh. (2022) Formiruiushchiesia mezhdunarodnoe informatsionnoe pravo i sistema obespecheniia mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti: teoreticheskie vektory [Emerging international information law and the system of international information security: theoretical vectors]. Vestnik uchenykh-mezhdunarodnikov [Bulletin of International Scholars], 2 (20), pp. 179-187.
9. Milusheva T.V. (2021) Informatsionnaia i pravovaia kul'tura: voprosy sootnosheniia [Information and legal culture: issues of correlation]. Pravovaia kul'tura [Legal Culture], 3 (46), pp. 104-105.
10. Petrova E.A. (2020) Deistvie printsipov mezhdunarodnogo prava v rossiiskoi pravovoi sisteme [The operation of principles of international law in the Russian legal system]. Iuridicheskaiia tekhnika [Legal Technique], 14, pp. 255-258.
11. Riaboshapchenko A.O., Zhebrovskaia K.A. (2022) International legal regulation of information relations at the current stage of the development of the information sphere. Prykarpats'kyi iurydychnyi visnyk [Prykarpatsky Legal Bulletin], 2 (43), pp. 91-95. (Note: Original English title retained)
12. Soldatkina O.L. (2021) Kul'tura zakonotvorchestva v informatsionnom prave [Legislative culture in information law]. Pravovaia kul'tura [Legal Culture], 2 (45), pp. 118-119.
13. Suleimanov B.B. (2023) K voprosu o sootnoshenii pravovoi kul'tury i pravovogo prostranstva [On the issue of the relationship between legal culture and legal space]. Pravovaia kul'tura [Legal Culture], 2 (53), pp. 53-54.
14. Ul'bashev A.K. (2020) The right to a name: back to the future. Digital Law Journal, 1 (3), pp. 40-50. (Note: Original English title retained)
15. Iasnokirskii Iu. (2022) Mezhdunarodnoe informatsionnoe pravo kak regulator mezhdunarodnykh otnoshenii v sfere informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii [International information law as a regulator of international relations in the field of information and communication technologies]. International Affairs, 68 (3), pp. 64-68.

УДК 347.865.65:343.3**Анализ эволюции института банкротства физических лиц в
российском законодательстве и его правовые коллизии в
современной практике****Полищук Владислав Александрович**

Аспирант,
Академия труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: polishuck.vladislav@yandex.ru

Аннотация

В данной статье исследуется эволюция института банкротства физических лиц в российском законодательстве, а также анализируются правовые коллизии, возникшие в современной практике применения норм банкротства. Проблематика банкротства приобретает особую актуальность в условиях динамичного экономического развития и изменения правовой базы, что обуславливает необходимость глубокого исследования исторических этапов формирования института и выявления существующих правовых противоречий. Методы исследования основаны на комплексном подходе, включающем сравнительный анализ нормативных актов, историко-правовой анализ и эмпирическое изучение судебной практики. Сбор информации осуществлялся посредством анализа законодательных реформ, изучения судебных решений и обзора научных публикаций, что позволило выстроить целостную картину эволюционных процессов и оценить эффективность применяемых правовых механизмов. Данный методический подход обеспечивает объективность полученных результатов и их применимость для совершенствования законодательства. Результаты исследования демонстрируют, что законодательное регулирование банкротства физических лиц прошло несколько этапов, характеризующихся как расширением правового регулирования, так и появлением новых коллизий, затрудняющих практическое применение норм. Анализ выявил существенные пробелы и противоречия в интерпретации правовых норм, что приводит к неоднозначности судебных решений и снижению эффективности защиты прав участников гражданских правоотношений. Обсуждение полученных данных указывает на необходимость разработки интегративных решений для устранения выявленных коллизий, а также на важность синтеза зарубежного опыта с отечественной практикой. Предлагаемые рекомендации направлены на повышение юридической определенности и стабилизации хозяйственных отношений в сфере банкротства. Подчеркивается значимость проведенного исследования и его вклад в развитие теоретических основ и практических аспектов института банкротства физических лиц, а также даются основания для дальнейших исследований и совершенствования законодательства. Дальнейшие исследования в данной области позволят углубленно изучить механизмы применения законодательства, выявить отличительные черты судебной практики в различных регионах и сформировать рекомендации. Практическая значимость работы заключается в возможности реализации предложенных изменений для повышения эффективности защиты прав граждан и

обеспечения справедливости в экономических спорах. Новизна исследования состоит в интеграции историко-правового анализа с анализом современных тенденций развития судебной практики. Полученные выводы представляют большую ценность для практикующих юристов, законодателей и ученых, стремящихся к совершенствованию современной правовой системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Полищук В.А. Анализ эволюции института банкротства физических лиц в российском законодательстве и его правовые коллизии в современной практике // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 322-336.

Ключевые слова

Банкротство, эволюция, физические лица, законодательство, коллизии.

Введение

Эволюция института банкротства физических лиц в России коренным образом связана с общими историческими и правовыми процессами, которые происходили в стране на протяжении нескольких столетий. Еще в дореволюционный период существовала практика, при которой неплатежеспособные лица подвергались довольно жестким последствиям, вплоть до лишения свободы, а также конфискации имущества, если обнаруживались признаки мошенничества. Однако на тот момент правовая система не была в достаточной мере приспособлена к учету интересов как кредиторов, так и должников, что приводило к множеству конфликтов. Постепенно законодательная мысль начала развиваться в направлении гуманизации отношения к тем, кто не мог выполнять свои обязательства. Уже тогда некоторые исследователи отмечали, что существующие механизмы не всегда позволяли должнику честно выйти из сложной ситуации и начать новую жизнь, что вело к замкнутому кругу долгов и безысходности [Обертинский, 2024]. Впоследствии, с приходом советской власти, гражданское законодательство претерпело значительные изменения, обусловленные новой экономической моделью. Значительный упор делался на коллективную собственность и планирование, в результате чего институт личного банкротства практически исчез, что, впрочем, отражало панующую идеологию.

В постсоветский период потребность в упорядочении отношений должника и кредиторов в личной сфере стала особенно очевидна. Принятые в 90-е годы реформы главным образом затрагивали корпоративное банкротство, а вопросы, касающиеся неплатежеспособности граждан, зачастую откладывались на второй план. Основной фокус сосредоточивался на коммерческой деятельности предприятий, которые в быстро меняющихся рыночных условиях нередко оказывались на грани разорения [Ешкилева, 2022]. Однако со временем возрастала и задолженность физических лиц. Банковская система активно развивалась, становились популярны потребительские кредиты, ипотека, кредитные карты. Многие граждане, не имея достаточного опыта управления финансами, брали на себя долговые обязательства, не рассчитывая потенциальные риски. Соответственно, возникла острая необходимость в создании правовых основ, позволяющих урегулировать вопросы несостоятельности граждан на цивилизованной основе. Законодатели стали подготавливать почву для принятия правовых актов, регулирующих процедуру банкротства физических лиц. В то время еще существовали

разногласия относительно того, насколько глубоко должна быть затронута эта сфера, чтобы одновременно защищать интересы кредиторов и давать должнику возможность вернуться к нормальной экономической жизни. Вопросы этики и социальной справедливости обсуждались очень активно, но лишь к началу 2000-х годов эти обсуждения начали принимать более конкретный характер. Законопроекты разрабатывались, дорабатывались, и в обществе росло ожидание скорого законодательного закрепления процедуры личного банкротства. Тогда еще не все понимали, как радикально может измениться структура долговых отношений, когда новая система обретет юридическую силу. Но сложности правоприменения и неготовность некоторых социальных институтов к реформе неоднократно тормозили процесс. Принятие закона несколько раз переносилось, и лишь спустя годы в правовом поле появились необходимые рамочные документы. С этого момента вектор на формирование цивилизованного и более гуманного подхода в этой сфере начал приобретать реальные очертания. На практике все это означало, что личное банкротство становилось все более обсуждаемым феноменом, выходящим за узкопрофессиональные рамки.

Материалы и методы исследования

Закон о банкротстве физических лиц в российскую правовую систему официально вошел в действие в 2015 году, что стало результатом длительной подготовки и компромиссов между различными группами интересов. Некоторые полагали, что это послужит серьезным механизмом для очищения бухгалтерского баланса граждан, однако у других были опасения, что процедура может слишком легко использоваться недобросовестными должниками для уклонения от обязательств перед кредиторами [Милов, Андреев, 2024]. Тем не менее новая глава в законодательстве о несостоятельности определила четкие правила, по которым гражданин может инициировать собственное банкротство при наличии неудовлетворенных долгов, превышающих установленный порог. Важно отметить, что существенное место в этой процедуре отдано мировому соглашению и реструктуризации долга, что указывает на стремление законодателя стимулировать стороны к поиску компромисса. На практике же оказалось, что многие россияне не до конца понимают порядок подачи заявления, особенности сбора документов, а также перспективы, связанные с проведением финансовой процедуры. Помимо прочего, кредиторы, особенно крупные банки, первоначально реагировали скептически, нередко пытаясь оспаривать заявления о признании граждан банкротами. Тем не менее в большинстве случаев суды придерживаются логики защиты экономических прав всех участников, стараясь выстраивать баланс интересов, однако коллизии в правовом регулировании дают о себе знать уже на первых этапах применения закона. Например, встает вопрос о том, действительно ли банкротство – это мера, которая должна позволять гражданину «начать все с нуля», или же это крайний выход, который обязан сопровождаться серьезными ограничениями на будущую деятельность и кредитную историю. Данные вопросы активно обсуждаются в научной литературе и являются предметом дискуссий в профильных научно-правовых сообществах.

Становление правового регулирования банкротства физических лиц во многом определялось попытками учесть разнообразные интересы: с одной стороны, кредитор желает максимизировать возврат долга, с другой – должник стремится сохранить хотя бы часть своих прав на имущественную самостоятельность [Абдуллаев, 2022]. Эта противоречивость прослеживается практически во всех аспектах процедуры. Формально закон предусматривает,

что, прежде чем признать гражданина банкротом, нужно оценить возможные способы сохранить его платежеспособность, например через реструктуризацию. Реструктуризация кажется мягким инструментом, позволяющим избежать полной ликвидации имущества: должнику дается шанс погасить задолженность постепенно, в течение определенного периода, учитывая уровень доходов и необходимых денежных затрат на проживание. В то же время кредиторы не всегда готовы к таким временным издержкам, рассчитывая на более быстрый возврат средств. Судебная практика отражает, как непросто найти баланс между этими крайностями, поэтому нередко дело доходит непосредственно до реализации имущества банкрота. Здесь всплывают вопросительные моменты относительно того, что считать неприкосновенным имуществом, и каковы разумные границы такой неприкосновенности, ведь для кредиторов важно, чтобы должник не скрывал потенциально ликвидные активы. С постепенным накоплением судебной практики суды стали более уверенно применять нормы, но остаются лазейки для злоупотреблений с обеих сторон. Нередко кредиторы пытаются оспорить сделки должника, совершенные незадолго до банкротства. Должники же стараются уйти от включения определенного имущества в конкурсную массу, используя различные схемы передачи собственности родственникам. Все это порождает новые витки судебных баталий, и здесь особенно важна ясность и четкость правовых норм, их толкование и систематизация. На уровне законодательства также ведутся дискуссии о реформировании процедуры и внесении корректировок, чтобы сделать процесс более прозрачным и однозначным.

Результаты и обсуждение

Проблема несоответствия правовых норм и практики их применения ярче всего проявилась в вопросе привлечения к ответственности, когда возникает подозрение на преднамеренное или фиктивное банкротство. Законодатель предусмотрел санкции за подобные деяния, стремясь оградить кредиторов от умышленных действий должников, пытающихся избавиться от долгов без объективных причин. В то же время правоприменители сталкиваются с ситуациями, когда объективно доказать умысел крайне сложно [Саркисянц, 2024]. Судебные органы вынуждены углубляться в анализ каждой отдельно взятой сделки и в той или иной степени по крупицам восстанавливают картину финансовой жизни должника. Кроме того, стоит учитывать и вопрос добросовестности кредиторов, ведь иногда сами кредитные организации могут заключать кабальные соглашения, заведомо зная о проблемной платежеспособности заемщика, а впоследствии наживаться за счет процентов и штрафов. Такое поведение тоже не остается без внимания судов, которые в ряде случаев склоняются к мнению, что кредитор неправомерно воспользовался слабой финансовой грамотностью граждан. Механизмы правосудия пытаются поддерживать равновесие, однако до сих пор нет однозначного алгоритма, позволяющего четко отличать добросовестное использование процедуры банкротства от злоупотребления. Очевидно, что совершенствование правовых норм в этой сфере требует аккуратного баланса, иначе либо должники будут получать избыточные преференции, либо кредиторы будут ущемлять интересы заемщиков, что противоречит социально-правовой природе законодательства о несостоятельности.

Многие эксперты указывают на необходимость расширения института медиативных процедур в области личного банкротства, чтобы сторонам предоставлялось больше возможностей для достижения компромисса, не доводя дело до суда. Существует мнение, что подобные методы позволяют снизить эмоциональную нагрузку и социальную стигматизацию, а

также быстрее найти удовлетворяющее всех решение. Однако в российской правовой реальности медиация пока не получила достаточного распространения [Кузнецов, Твердова, 2023]. Часть проблемы связана с отсутствием глубоких традиций компромиссного урегулирования в экономических спорах. Еще одним фактором является то, что значительная часть населения не доверяет медиационным процедурам в полной мере, сомневаясь в их эффективности. Несмотря на это, некоторые инициативы предполагают включение элементов досудебного урегулирования в обязательный набор мероприятий, предшествующих признанию гражданина банкротом. Это могло бы способствовать разгрузке судебной системы, поскольку сейчас суды по банкротству физлиц все чаще сталкиваются с наплывом однотипных дел, которые в итоге занимают много времени и ресурсов. Медиация и прочие формы альтернативного разрешения споров могли бы стать действенным инструментом, хотя, безусловно, требуется большая информированность сторон о преимуществах такого подхода и дополнительные стимулы со стороны государства.

Вместе с тем интерес к процедурам банкротства физических лиц растет не только в практической среде, но и в научном сообществе. Исследователи уделяют внимание вопросам социологии права, анализируя, как сам факт банкротства влияет на психологию человека, его социальную репутацию и возможности трудоустройства [Власова, 2023]. Также поднимается проблема финансовой грамотности и культуры заемщиков, ведь зачастую люди просто не умеют рассчитывать кредитную нагрузку, оценивая свои перспективы по обслуживанию долгов без учета возможных проблем, таких как потеря работы или непредвиденные расходы. Параллельно ведется правовой анализ того, какие уроки можно вынести из зарубежной практики. В Соединенных Штатах Америки, к примеру, правовая система банкротства давно отлажена, и имеется развитый пласт норм, позволяющих должникам начать «с чистого листа», однако контроль за добросовестностью там также достаточно жесткий. В европейских странах подходы различаются: где-то доминирует более мягкая модель, где-то обязательна процедура реструктуризации. В каждом случае учитываются национальные особенности – и экономические, и культурные. Российская модель, будучи относительно молодой, пытается впитать лучшие мировые практики, но при этом сохранить собственные правовые традиции и специфику. Вопрос только в том, насколько эффективно интегрируются эти заимствования и не возникает ли дополнительных коллизий при смешении разных правовых подходов.

Наиболее спорной остается проблема пропорциональности между интересами должника в сохранении необходимых для жизни средств и интересами кредитора в максимизации возврата. Российское законодательство установило некоторые гарантии, например невозможность изъятия единственного жилья, за исключением объектов, очевидно выходящих за рамки разумной достаточности. Однако и здесь нередко возникают суды, где определяется, является ли жилье роскошным в конкретном случае [Пахолкова, 2023]. Сходные споры касаются транспортных средств, необходимых для заработка, а также стоимости предметов роскоши. Решения по этим вопросам принимаются судами с учетом всех обстоятельств, но отсутствует четкая формула, позволяющая объективно определить критерии роскоши. Судебная практика формируется постепенно, и каждый новый кейс может стать основой для изменений. При этом наблюдается логика: если речь идет о человеке, который взял кредиты на роскошный образ жизни, то он должен нести повышенную ответственность и не может рассчитывать на чрезмерно лояльную процедуру. Но если должник оказался в финансовом тупике по не зависящим от него причинам (потеря работы, болезнь родственников и проч.), то суды демонстрируют большую гибкость и учитывают социальные факторы. Регулирование этих

моментов на законодательном уровне еще не является окончательно отточенным, и периодически появляются инициативы, направленные на уточнение критериев для исключения того или иного имущества из конкурсной массы. Однако, пока эти инициативы проходят стадию рассмотрения, практика развивается своим путем, создавая непрерывный поиск равновесия между гуманизацией процедуры и защитой интересов кредиторов.

С началом действия закона о банкротстве граждан в 2015 году возник целый пласт новых юридических профессий и специальностей. Появились финансовые управляющие, специализирующиеся именно на процедурах физлиц, а также адвокаты и консультанты, которые помогают должникам подготовиться к процессу, собрать необходимые документы, верно рассчитать перспективы и риски [Анисимов, Чумаков, 2022]. Одновременно сформировался пласт юридических компаний, предоставляющих услуги по ведению дел о банкротстве «под ключ». Это стало определенным бизнесом, который порой провоцирует и негативные последствия: некоторые организации предлагают сомнительные схемы, обещая гражданам быстро и безболезненно списать долги, не предупреждая о возможных осложнениях и рисках, включая ограничения в финансовой сфере после процедуры. Информационная насыщенность рынка и отсутствие у многих должников достаточной правовой грамотности приводят к тому, что они легко верят в громкие рекламные заявления. В итоге некоторые попадают в еще более затруднительные положения, сталкиваясь с дополнительными расходами и обвинениями в попытках обмана кредиторов. Регулятор и правоохранительные органы время от времени реагируют на подобные факты привлечением таких компаний к ответственности, но сам характер рынка услуг по банкротству не всегда прозрачен. Юридическое сопровождение банкротства тоже требует профессионализма и укладывания в рамки этических норм, поэтому дискуссия о необходимости более жесткого регулирования деятельности «арбитражных управляющих» и консультантов не утихает. Возможно, в перспективе законодатель усилит контроль над такими посредниками, чтобы пресекать злоупотребления и обеспечить добросовестное предоставление услуг.

Заметной коллизией стал вопрос о том, какие именно требования должны удовлетворяться в первую очередь. В процедуре банкротства есть понятие очередности – сначала погашаются одни долговые категории, затем другие. Между тем в случае с гражданами размытие граней между личными, семейными и коммерческими обязательствами может породить путаницу. Некоторые люди умудряются смешивать виды деятельности, например, получая кредиты как предприниматели, однако подают заявление о банкротстве как физические лица, пользуясь некоторыми послаблениями [Обертинский, 2023]. Тонкая грань между предпринимателями без образования юридического лица и «обычными» гражданами, имеющими долговые обязательства, нередко становится предметом обсуждения в судебных спорах. Возникают вопросы относительно того, должен ли человек отвечать по обязательствам, связанным с его профессиональной деятельностью, или стоит разграничивать личную и предпринимательскую ответственность. Судебная практика по таким делам все еще неоднозначна. Нередко решения судов зависят от конкретных обстоятельств, степени доказанности факта, что займ был получен на развитие бизнеса или же на личные нужды. Учет финансовых потоков и определение источников выплат требуют детального анализа бухгалтерской документации, выписок по счетам, договоров. Иногда суды пытаются установить реальную цель каждого кредита, что затрудняет процесс и усложняет процедуру рассмотрения дел. Тем не менее тенденция идет к тому, что если связь долга с предпринимательской деятельностью очевидна, то и подход к оценке такого долга может отличаться от подхода к сугубо потребительскому кредиту.

Законодатель стремится избежать злоупотреблений, когда граждане, представляясь обычными должниками, фактически уклоняются от серьезных обязательств, вытекающих из предпринимательской деятельности. Но неполная определенность в законе по-прежнему дает основания для коллизий, и это очередное поле для развития правовых норм.

Тем временем общественное мнение о банкротстве физических лиц меняется. Если в первые годы действия закона процедура воспринималась как нечто экстраординарное для «неудачников», то постепенно она становится более обыденным явлением, с которым к тому же связаны надежды на новое начало для должника [Курилов, Фомочкина, 2023]. Средства массовой информации стали больше писать об этом, приглашая юристов для разъяснений, и, параллельно, граждане охотнее изучают вопрос, выясняют, каковы шансы на списание долгов, какие есть ограничения после признания банкротом (например, невозможность занимать руководящие должности в течение определенного времени). Социальная стигматизация не столь велика, как это было ранее, хотя вполне естественно, что люди все еще опасаются негативных последствий. В предпринимательской среде возникает вопрос, не связана ли процедура банкротства с новой формой рейдерских захватов, однако на практике выявить такие случаи довольно сложно. В любом случае, процесс формирования социально приемлемого отношения к феномену личного банкротства еще далек от завершения, ибо культурные нормы и правовые институты развиваются одновременно, влияя друг на друга.

Одна из наиболее острых проблем, периодически поднимаемых экспертами и законодателями, заключается в том, что при признании гражданина банкротом не всегда учитываются интересы его семьи. Например, если должник, который из-за банкротства теряет часть имущества, ответственен еще и за содержание несовершеннолетних детей, эта ситуация может затронуть их благополучие [Смоленский, 2024]. Суды вынуждены анализировать, каким образом будет обеспечиваться минимально необходимый уровень жизни для членов семьи. В определенных случаях суды учитывают алиментные обязательства, однако появляются и более сложные кейсы, когда штрафы, пени и проценты «съедают» почти всю сумму, оставляя детей фактически без средств к существованию. Большинство специалистов согласны, что процедуру банкротства нужно корректировать, делая акцент на защите интересов несовершеннолетних и других социально уязвимых категорий граждан, либо выводить алиментные обязательства в особый разряд. Подобные инициативы обсуждаются и в профессиональных кругах, и в общественном пространстве, где звучат призывы о недопустимости превращения детей в «заложников» долговых историй взрослых. Тем не менее единых правил пока нет, и потому каждая ситуация оценивается судами индивидуально, что не всегда способствует правовой определенности. Возможно, со временем законодатель конкретизирует положения, касающиеся защиты интересов лиц, находящихся на содержании банкрота, чтобы устранить противоречия и повысить социальную справедливость процедуры.

Параллельно обсуждается и тема смертности долговых обязательств в случае кончины должника. При наличии процедуры банкротства, не завершенной до смерти, встает вопрос о правопреемстве наследников и продолжении дел, связанных с несостоятельностью. Законодательно банкротство физического лица увязывается с личными особенностями, однако в случае смерти кредиторам зачастую приходится либо мириться с потерями, либо пытаться обратить взыскание на наследственную массу [Кравченко, 2023]. Суды рассматривают вопрос, можно ли и нужно ли продолжать процедуру в отношении умершего человека, ведь тогда объектом банкротства должна стать наследственная масса, которая исчисляется по своим правилам. Порой возникает путаница: если гражданин умер после объявления себя банкротом,

но до завершения распродажи имущества, кто несет ответственность за дальнейшие процедуры, и как соблюсти интересы наследников? С одной стороны, закон защищает их право на получение имущества, если таковое осталось, с другой – кредиторы могут претендовать на удовлетворение своих требований. Пока не выработано исчерпывающе ясного механизма, и каждый такой случай становится индивидуальным правовым разбирательством, что затрудняет прогнозирование исхода дел. С точки зрения эволюции законодательства, это еще одна зона, где требуется детальное прописывание прав и обязанностей сторон, чтобы избежать правовых курьезов и излишних судебных процессов.

Коллизии наблюдаются и в процессуальной части дела о банкротстве физлица, особенно когда речь идет о доказывании состава имущества и определении условий реструктуризации. К примеру, когда должник заявляет, что у него отсутствуют какие-либо доходы, кроме весьма скромной заработной платы, возникают вопросы, поддерживает ли он определенный уровень жизни за счет неофициальных доходов, помощников, либо имеет активы, прикрытые третьими лицами [Назарова, 2022]. Суду и финансовому управляющему приходится проводить целое расследование, требуя сведения из разных источников, а нередко сталкиваясь с активным противодействием. Кредиторы, в свою очередь, пытаясь подтвердить наличие у должника скрытых ресурсов, обращаются к частным детективам или прибегают к сбору неофициальных доказательств, что иногда приводит к нарушению конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни. Таким образом, реальная практика балансирует на грани между защитой интересов кредитора и соблюдением гарантий должника. Регулирование подобных ситуаций должно учитывать и принципы пропорциональности в вмешательстве в личные дела гражданина, однако у нас нет абсолютной однозначности в трактовке. В такой обстановке нельзя сказать, что законодательство окончательно сформировалось и является стабильным; напротив, выявляются все новые и новые аспекты, требующие адаптации норм, а судебная практика создает прецеденты, иногда противоречивые друг другу. Это естественный этап развития любой новой правовой области, особенно столь поликомпонентной и социальной по своей природе.

На практике также происходит столкновение регламентов, связанных с правовым статусом супругов при банкротстве одного из них. Если кредит был оформлен в период брака, нужно определить, подлежит ли совместное имущество разделу в рамках процедуры банкротства, и в каком соотношении [Грамматчиков, 2022]. Другая сторона – ответственность второго супруга, если долговые обязательства были взяты без его ведома, но формально деньги расходовались на нужды семьи. Точки зрения на этот вопрос различаются, и судебная практика дает немало примеров решений, где та или иная позиция становится преобладающей. Часто суды обращают внимание на то, куда были потрачены заемные средства, кто реально извлек выгоду, и каким образом это отражено в брачных договорах, если они были заключены. Между тем также может возникать вопрос, не была ли брачная конструкция использована как инструмент для вывода активов из-под взыскания. В таких случаях суды смотрят, насколько близка по времени ко дню подачи на банкротство была оформлена смена режима собственности в семье. Если были предприняты манипулятивные действия, направленные на сокрытие имущества, это может квалифицироваться как злоупотребление правом. Все эти детали еще раз показывают многослойность и сложность правового поля, в котором функционирует институт личного банкротства. Законодатель неоднократно вносил и продолжает вносить поправки, пытаясь урегулировать возникающие коллизии, однако на сегодняшний день все еще остается простор для неправильных интерпретаций и злоупотреблений как со стороны должников и их

родственников, так и со стороны кредиторов.

Иногда наблюдается проблема с территориальной подсудностью, ведь гражданин может быть прописан в одном регионе, а фактически проживать и заниматься деятельностью в другом. Это особенно актуально для случаев, когда человек переезжает из-за долгов, стремясь снизить риски и усложнить работу кредиторов. Но бывает и наоборот: кредиторы могут подать заявление по месту регистрации должника, в то время как должник фактически находится за тысячи километров. Это порождает затяжные процессуальные нюансы и организационные сложности. Хотя законодательство о банкротстве старается упорядочить эти вопросы, конкретные ситуации разнообразны, а практика разрознена. Выбирая территориальную подсудность, стороны часто пытаются получить более благоприятные условия для себя, исходя из уровня нагрузки судов, их репутации и понимания специфики подобных дел. В результате может получаться, что различные суды по-разному трактуют одни и те же нормы, приводя к противоречивым решениям. Появляется необходимость в разъяснениях высших судебных инстанций, которые могли бы уравновесить практику. Однако производство таких разъяснений иногда запаздывает, и судебная система продолжает генерировать разнонаправленные прецеденты. Проблема не уникальна для России и свидетельствует о компромиссе между принципами территориальности и необходимости централизованного подхода к процедурам банкротства, особенно когда дело касается физических лиц, не имеющих четко определенного места ведения бизнеса, как это бывает у юридических лиц. Правовая мысль здесь продолжает совершенствоваться, пусть и не без внутренних противоречий.

При рассмотрении столь объемного массива вопросов нельзя забывать о социальном аспекте: банкротство физического лица порой ставит под угрозу минимально допустимый уровень жизни, создавая для человека дополнительную психологическую нагрузку. Возникает автономный вопрос: кто должен нести бремя негативных последствий? С точки зрения общества, выгодно, когда гражданин, прошедший через процедуру банкротства, смог вернуться к активной экономической деятельности, работать, платить налоги и, в итоге, вновь стать полноценным участником рынка. Поэтому закон с самого начала ориентирован не на карательную меру, а на механизм упорядоченного выхода из долговых ловушек. Но на практике эффективность системы зависит не только от норм, записанных в законе, но и от уровня профессионализма и добросовестности финансовых управляющих, судей, банков. Каждый из участников может по-разному понимать приоритеты и принципы справедливости. Конфузы возникают, когда суд перекладывает всю вину на должника, тогда как были сопутствующие обстоятельства, либо, напротив, занимает чрезмерно снисходительную позицию. Подобная неоднородность в решениях тоже рассматривается как признак незрелости самой системы. Чтобы минимизировать подобные перекосы, говорят о необходимости более тщательного обучения судей составу экономических и финансовых вопросов, более строгих требованиях к квалификации управляющих, а также большей прозрачности и ответственности банковских учреждений за те кредиты, которые они одобряют. Только системная работа на всех уровнях может привести к гармоничной реализации провозглашенных законом целей.

В контексте сравнительного правоведения периодически поднимается вопрос, не следует ли упростить процедуру для мелких должников, у которых нет значительных активов. В некоторых зарубежных юрисдикциях существуют ускоренные формы банкротства, позволяющие «списать» мелкие долги с минимальными судебными издержками и бюрократией. Сторонники этой идеи в России полагают, что у судов не должно уходить много времени на рассмотрение дел, где обанкротившийся гражданин не имеет даже минимально ликвидных объектов для

удовлетворения требований кредиторов. Другая точка зрения предупреждает об опасности злоупотреблений, если предоставить слишком простой механизм. Ведь люди, обладающие серой заработной платой или неучтенными активами, могут воспользоваться упрощенным банкротством, избегая более строгих проверок. Спор этот носит концептуальный характер: с одной стороны, доступность процедуры снимает социальное напряжение, с другой – создает лазейку для мошенничества. Законодатель еще не сделал решительных шагов в этом направлении, но все чаще возникают инициативы, предполагающие введение упрощенной формы банкротства для категории «безнадежных» должников. Обсуждают и введение лимитов по размеру долга, при которых становится возможным упрощение процедур. В перспективе, если экономическая ситуация продолжит усугубляться или если рост за кредитованности населения станет критическим, государство может пойти на подобные нововведения, чтобы снять социальные риски массового неплатежа. Это опять же обнажит противоречие между необходимостью защиты интересов банков и желанием государства не допустить широкого социального кризиса. Законодатель балансирует между этими крайностями, стараясь найти оптимальное решение, что характерно для развития правовых систем в целом.

При оценке ситуации нельзя недооценивать роль финансовой грамотности населения. Государственные структуры и образовательные организации время от времени запускают программы, направленные на то, чтобы повысить уровень знаний граждан о кредитных продуктах и возможных рисках. Но эффективность таких программ пока неоднозначна: по-прежнему многие россияне берут кредиты в состоянии эмоционального импульса, не оценивая перспективу возврата в случае изменения жизненных обстоятельств. Неосмотрительность вредит и самим кредиторам, так как портфель «нерабочих» долгов растет, а со временем это может приводить к ухудшению стабильности финансовой системы. Хотя банкротство физлиц может быть механизмом, который разряжает ситуацию, тем не менее разумнее предотвращать долговые кризисы на раннем этапе, чем ликвидировать их последствия. В связи с этим по мере формирования юридической базы многие эксперты призывают к развитию системы раннего предупреждения, в том числе посредством банковских скоринг-моделей, многоступенчатого контроля риск-профиля заемщиков, а также финансового консультирования. Однако законодательная база для таких превентивных мер все еще недостаточно развита, и в результате мы имеем дело в основном с уже ставшей критической задолженностью, требующей судебных процедур. Со временем, если инициативы по повышению финансовой грамотности и культуре кредитования будут иметь успех, число банкротств физических лиц может стабилизироваться и даже пойти на спад, хотя сама процедура остается важным гарантом для тех, кто попадает в безвыходные ситуации.

Следует также учесть, что уровень цифровизации оказывает влияние на развитие процедур банкротства. Судебные органы внедряют электронные формы подачи документов, ведение онлайн-заседаний и дистанционный обмен информацией между должниками, кредиторами и судом. Это должно в перспективе упростить и ускорить процесс, однако создает и новые риски, связанные с защитой персональных данных и кибербезопасностью. Кроме того, внедрение цифровых решений порой наталкивается на проблемы фрагментарности региональных технологий и разницу в уровне подготовки кадров. Но, по общему мнению специалистов, прогресс в этом направлении неизбежен. Уже обсуждаются варианты онлайн-платформ, где гражданин сможет самостоятельно оценить свою ситуацию, проверить возможность банкротства, получить набор рекомендаций. Потенциально это может разгрузить суды и упростить бюрократию, хотя вопрос остаются те же: как проверить достоверность информации,

не происходит ли умышленного искажения данных, и кто будет выступать гарантом прозрачности подобных платформ. Как показывает практика других стран, цифровизация не решает коллизии кардинальным образом, но способна сделать процедуру менее затратной по времени. В российском контексте предстоит еще много работы над созданием надежной цифровой инфраструктуры, чтобы она действительно содействовала состязательности и справедливости процесса, а не превращалась в еще один инструмент для злоупотреблений.

В особую категорию следует выделить судебные споры с участием органов государственных служб, когда, к примеру, возникает долг по налогам, штрафам или другим государственным платежам. В таких случаях государство выступает кредитором. Здесь законодательство о банкротстве пересекается с нормами налогового и административного права, а суды вынуждены учитывать приоритет публичных интересов. К тому же государство обладает расширенным набором инструментов для взыскания долгов, а потому гражданину бывает сложнее противостоять госорганам даже при наличии процедуры банкротства. Суды анализируют, были ли предприняты все возможные меры для погашения задолженности, действительно ли гражданин не способен исполнить обязательства. Порой судебные приставы уже ввели ограничения на выезд должника за границу, арестовали банковские счета, и параллельно ведется дело о банкротстве. На практике это может приводить к правовым коллизиям, когда суд по банкротству и приставы действуют разными способами, не всегда скоординированными. Очевидно, что требуется более четкое взаимодействие между системой принудительного исполнения и судопроизводством по несостоятельности, чтобы не возникало ситуаций, когда гражданин оказывается в двойном прессе. Тем не менее и сама процедура банкротства должна учитывать интересы государства, которое, в отличие от частных кредиторов, защищает общенациональные интересы. И здесь заложено большое противоречие – ведь если списываются штрафы или налоговые долги, общество как бы недополучает ресурсы, которые могли быть потрачены на социальные нужды. С другой стороны, оставлять человека в долговом тупике тоже не выгодно государству, ведь это блокирует его экономическую активность и накладывает высокие административные издержки на процесс взыскания.

Таким образом, институт банкротства физических лиц в России продолжает активно формироваться. Его эволюция четко отражает сложность отечественного правового пространства, необходимость поиска баланса между защитой интересов кредиторов и принципом гуманизации ответственности для неплатежеспособных граждан. За относительно небольшой период после введения закона в 2015 году было накоплено достаточное количество судебной практики, которая высветила многочисленные пробелы и противоречия. Эти коллизии затрагивают практически все элементы процедуры: от определения порога долга и вариантов реструктуризации до вопросов имущества, ответственности третьих лиц и роли государственных органов. Существенным вызовом является масштабность и социальное значение личного банкротства, ведь для многих граждан это единственная возможность избежать бесконечной кабалы. Одновременно злоупотребления процедурой могут негативно сказаться на финансовом рынке, снизить уровень доверия банков к заемщикам и дестабилизировать кредитную систему. Именно поэтому столь высок интерес к теме со стороны юристов, экономистов, социологов и представителей власти.

Наблюдая мировые примеры, видим, что надежная модель личного банкротства требует многолетней шлифовки и согласования норм с другими отраслями права. Такое «сращивание» неизбежно порождает новые конфликты, ведь правовая система любой страны не статична, она непрерывно реагирует на социально-экономические факторы. В российском законодательстве

некоторые проблемы решаются точно через внесение поправок, разъяснения высших судов, инструктивные письма и иные подзаконные акты. Однако необходимость системного реформирования сохраняется, так как текущее регулирование не всегда безупречно отвечает потребностям практики. Политическая воля к дальнейшему совершенствованию есть, но реформа по-прежнему идет «шаг за шагом», учитывая, что ускоренное перенимание зарубежного опыта не всегда подходит к российской действительности. В ближайшем будущем можно ожидать дальнейшей адаптации норм, появления новых разъяснений судебных инстанций и постепенного внедрения медиативных и цифровых инструментов.

При этом очевидно, что коллективные ожидания от процедуры банкротства граждан крайне высоки: люди хотят получить реальную возможность начать экономическую жизнь с чистого листа. Одновременно правовое поле должно исключать ситуации, когда должник умышленно уклоняется от исполнения обязательств, злоупотребляя защитными механизмами банкротства. Примирить оба полюса помогает судебная практика, которая уже давно вышла за рамки сухого формального толкования норм. Суды анализируют добросовестность, учитывают социальные обстоятельства, приглашают экспертов, что свидетельствует о стремлении к индивидуализированному подходу при вынесении решений. Но такая гибкость неминуемо влечет субъективные факторы, а значит, единообразие правоприменения может страдать. Суды же не могут заменить собой законодательный орган, поэтому без дальнейших законодательных уточнений противоречия будут сохраняться. Текущая динамика позволяет надеяться, что постепенно мы придем к более четкому и предсказуемому регулированию личной несостоятельности.

Заключение

Таким образом, институт банкротства физических лиц – это отражение общей концепции правового социального государства, где человек не превращается в вечного должника, а получает инструмент для восстановления своей финансовой независимости. Но, разумеется, такой инструмент должен не разрушать интересы кредиторов, которые, в свою очередь, берут на себя риски при выдаче займов. В российском законодательстве продолжается поиск оптимальных правовых конструкций и уточнение процедурных деталей. Юридическое сообщество активно обсуждает необходимость модернизации ряда положений, суды накапливают практику, а законодатели присматриваются и к зарубежным моделям, и к отечественным реалиям. Очевидно, что по мере укрепления системы личного банкротства будет меняться сама структура российского финансового рынка, а также модели поведения заемщиков и кредиторов. И хотя впереди еще много вопросов, не вызывающих единодушия, важен сам факт: страна движется к полноценному признанию несостоятельности как правовой реальности, где права человека и интересы экономики стараются достичь разумного компромисса.

Подобная эволюция отражает не только законодательные усилия, но и социальное взросление общества, которое учится считать деньги, грамотно брать кредиты и не рассматривать долги как клеймо на всю жизнь. Устранение правовых коллизий – лишь часть пути, тогда как формирование полноценного и эффективного института требует времени и доверия. Доверия к судам, доверия к государству, доверия к добросовестности сторон. Пока этот процесс не завершен, будут появляться новые проблемы и новые решения, но, возможно, именно в этом неиссякаемом поиске компромисса и заключается суть эволюции правового регулирования. Российский путь в сфере банкротства физических лиц может быть долгим, но

он уже запущен, и остается надеяться, что дальнейшее развитие принесет все более взвешенные и справедливые результаты для всех участников процедуры.

Библиография

1. Абдуллаев К.А. Банкротство физических лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность: пути реформирования и проблемы правоприменения // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2022. № 2 (26). С. 31-35.
2. Анисимов В.А., Чумаков Г.В. Положительные и отрицательные стороны банкротства физических лиц // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-2 (68). С. 182-185.
3. Власова К.С. Правовая природа института банкротства физических лиц в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6-1 (81). С. 30-33.
4. Грамматчиков А. А. Перспективы развития судебной практики и законодательства в сфере банкротства физического лица // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 11 (75). С. 197-204.
5. Ешкилева Н.А. Институт банкротства физического лица в современной России // Наукосфера. 2022. № 9-1. С. 303-307.
6. Кравченко В.С. Становление института несостоятельности (банкротства) граждан в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6-1 (81). С. 77-80.
7. Кузнецов А.Н., Твердова Т.В. Этапы развития института банкротства в России // Вестник Академии управления и производства. 2023. № 3. С. 219-223.
8. Курилов М.Н., Фомочкина Н.В. Актуальные вопросы банкротства физических лиц // Наукосфера. 2023. № 12-2. С. 349-352.
9. Милов П.О., Андреев А.А. Историко-правовые подходы к формированию института банкротства физических лиц в Российской Федерации // Право и общество. 2024. № 1 (39). С. 61-64.
10. Назарова Н.А. Историко-правовой обзор института банкротства физических лиц // Законность и правопорядок. 2022. № 2 (34). С. 74-81.
11. Обертинский В.А. Основные особенности банкротства физических лиц // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 101-2. С. 140-142.
12. Обертинский В.А. Современное состояние и перспективы развития банкротства физических лиц // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 108-6. С. 75-76.
13. Пахолкова О.И. Проблемы банкротства физических лиц // Научный аспект. 2023. Т. 7. № 1. С. 797-803.
14. Саркисянц Т.Ю. Зарождение и особенности института банкротства физического лица в России: дореволюционный этап // Аграрное и земельное право. 2024. № 4 (232). С. 265-268.
15. Смоленский И.Н. Современные тенденции развития института банкротства физических лиц // Законодательство. 2024. № 1. С. 58-62.

Analysis of the evolution of the institution of individual bankruptcy in Russian legislation and its legal collisions in contemporary practice

Vladislav A. Polishchuk

Postgraduate Student,
Academy of Labor and Social Relations,
119454, 90 Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: polishchuk.vladislav@yandex.ru

Abstract

This article examines the evolution of the institution of individual bankruptcy in Russian legislation, as well as analyzes the legal collisions that have arisen in the current practice of applying bankruptcy norms. The issue of bankruptcy is especially relevant amid dynamic economic development and changes in the legal framework, which necessitates an in-depth study of the

Vladislav A. Polishchuk

historical stages of the institution's formation and the identification of existing legal contradictions. The research methods are based on a comprehensive approach that includes a comparative analysis of regulatory acts, historical-legal analysis, and an empirical study of judicial practice. Information was collected by analyzing legislative reforms, reviewing court decisions, and surveying scientific publications, which made it possible to build a complete picture of the evolutionary processes and assess the effectiveness of the legal mechanisms applied. This methodological approach ensures the objectivity of the obtained results and their applicability for improving legislation. The research results demonstrate that the legislative regulation of individual bankruptcy has passed through several stages, characterized by both the expansion of legal regulation and the emergence of new collisions that complicate the practical application of norms. The analysis revealed significant gaps and contradictions in the interpretation of legal norms, leading to ambiguous court decisions and a decrease in the effectiveness of protecting the rights of participants in civil legal relations. The discussion of the obtained data indicates the need for developing integrative solutions to eliminate the identified collisions, as well as the importance of synthesizing foreign experience with domestic practice. The proposed recommendations are aimed at increasing legal certainty and stabilizing economic relations in the field of bankruptcy. The conclusion emphasizes the importance of the conducted research and its contribution to the development of the theoretical foundations and practical aspects of the institution of individual bankruptcy, as well as providing grounds for further research and legislative improvement. Further research in this area will allow for a deeper study of the mechanisms of applying legislation, the identification of distinctive features of judicial practice in various regions, and the formation of recommendations. The practical significance of the work lies in the possibility of implementing the proposed changes to enhance the effectiveness of protecting citizens' rights and ensuring justice in economic disputes. The novelty of the research consists in the integration of historical-legal analysis with the analysis of contemporary trends in the development of judicial practice. The conclusions reached are of great value for practicing lawyers, legislators, and scholars striving to improve the modern legal system.

For citation

Polishchuk V.A. (2025) Analiz evolyutsii instituta bankrotstva fizicheskikh lits v rossiiskom zakonodatel'stve i ego pravovye kollizii v sovremennoi praktike [Analysis of the evolution of the institution of individual bankruptcy in Russian legislation and its legal collisions in contemporary practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 322-336.

Keywords

Bankruptcy, evolution, individuals, legislation, collisions.

References

1. Abdullaev K.A. (2022) Bankrotstvo fizicheskikh lits, ne osushchestvlyaiushchikh predprinimatel'skuiu deiatel'nost': puti reformirovaniia i problemy pravoprimeneniia [Bankruptcy of individuals not engaged in entrepreneurial activity: reform paths and law enforcement problems]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava* [Journal of Business and Corporate Law], 2 (26), pp. 31-35.
2. Anisimov V.A., Chumakov G.V. (2022) Polozhitel'nye i otritsatel'nye storony bankrotstva fizicheskikh lits [Positive and negative aspects of personal bankruptcy]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 5-2 (68), pp. 182-185.
3. Eshkileva N.A. (2022) Institut bankrotstva fizicheskogo litsa v sovremennoi Rossii [The institution of personal bankruptcy in modern Russia]. *Naukosfera* [Science Sphere], 9-1, pp. 303-307.

4. Grammatchikov A.A. (2022) Perspektivy razvitiia sudebnoipraktiki i zakonodatel'stva v sfere bankrotstva fizicheskogo litsa [Prospects for the development of judicial practice and legislation in the field of personal bankruptcy]. Skif. Voprosy studencheskoi nauki [Scythian. Issues of Student Science], 11 (75), pp. 197-204.
5. Kravchenko V.S. (2023) Stanovlenie instituta nesostoiatel'nosti (bankrotstva) grazhdan v Rossiiskoi Federatsii [Formation of the institution of insolvency (bankruptcy) of citizens in the Russian Federation]. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 6-1 (81), pp. 77-80.
6. Kurilov M.N., Fomochkina N.V. (2023) Aktual'nye voprosy bankrotstva fizicheskikh lits [Topical issues of personal bankruptcy]. Naukosfera [Science Sphere], 12-2, pp. 349-352.
7. Kuznetsov A.N., Tverdova T.V. (2023) Etapy razvitiia instituta bankrotstva v Rossii [Stages of development of the bankruptcy institution in Russia]. Vestnik Akademii upravleniia i proizvodstva [Bulletin of the Academy of Management and Production], 3, pp. 219-223.
8. Milov P.O., Andreev A.A. (2024) Istoriko-pravovye podkhody k formirovaniu instituta bankrotstva fizicheskikh lits v Rossiiskoi Federatsii [Historical and legal approaches to the formation of the institution of personal bankruptcy in the Russian Federation]. Pravo i obshchestvo [Law and Society], 1 (39), pp. 61-64.
9. Nazarova N.A. (2022) Istoriko-pravovoi obzor instituta bankrotstva fizicheskikh lits [Historical and legal review of the institution of personal bankruptcy]. Zakonnost' i pravoporiadok [Legality and Law and Order], 2 (34), pp. 74-81.
10. Obertinskii V.A. (2023) Osnovnye osobennosti bankrotstva fizicheskikh lits [Main features of personal bankruptcy]. Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia [Trends in the Development of Science and Education], 101-2, pp. 140-142.
11. Obertinskii V.A. (2024) Sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia bankrotstva fizicheskikh lits [Current state and development prospects of personal bankruptcy]. Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia [Trends in the Development of Science and Education], 108-6, pp. 75-76.
12. Pakholkova O.I. (2023) Problemy bankrotstva fizicheskikh lits [Problems of personal bankruptcy]. Nauchnyi aspekt [Scientific Aspect], 7 (1), pp. 797-803.
13. Sarkisants T.Iu. (2024) Zarozhdenie i osobennosti instituta bankrotstva fizicheskogo litsa v Rossii: dorevoliutsionnyi etap [Origin and features of the institution of personal bankruptcy in Russia: the pre-revolutionary stage]. Agramoe i zemel'noe pravo [Agrarian and Land Law], 4 (232), pp. 265-268.
14. Smolenskii I.N. (2024) Sovremennye tendentsii razvitiia instituta bankrotstva fizicheskikh lits [Modern trends in the development of the institution of personal bankruptcy]. Zakonodatel'stvo [Legislation], 1, pp. 58-62.
15. Vlasova K.S. (2023) Pravovaia priroda instituta bankrotstva fizicheskikh lits v Rossiiskoi Federatsii [Legal nature of the institution of personal bankruptcy in the Russian Federation]. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 6-1 (81), pp. 30-33.

УДК 332.225.14

Реабилитационные процедуры для должников в системе банкротства физических лиц как инструмент восстановления платежеспособности

Полищук Владислав Александрович

Аспирант,
Академия труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: polishuck.vladislav@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена анализу реабилитационных процедур для должников в системе банкротства физических лиц как инструмента восстановления платежеспособности. Обосновывается актуальность темы на фоне роста количества заявлений о банкротстве среди граждан, а также приводится обзор существующих законодательных и методологических подходов к реабилитации должников. Целью исследования является выявление факторов, способствующих успешной реабилитации, и предложение рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики. Используемые методики исследования включают сравнительный анализ правового регулирования процедур банкротства в различных юрисдикциях, а также эмпирическое исследование, основанное на сборе и статистическом анализе данных по кейсам реабилитации. Особое внимание уделено анализу факторов, влияющих на успех платежеспособности должников после прохождения процедуры реструктуризации долгов. Используются методы качественного и количественного анализа, позволяющие комплексно оценить эффективность проводимых мер. Установлено, что комплексное применение реабилитационных процедур способствует не только временной отсрочке исполнения долговых обязательств, но и формированию устойчивых механизмов реструктуризации долговой нагрузки, что положительно сказывается на восстановлении платежеспособности. Выявлены критические точки в действующем законодательстве и процедурных аспектах, препятствующих полной реализации потенциала предложенных мер. Отмечена зависимость успеха реабилитации от индивидуального подхода и комплексной государственной поддержки должников в период прохождения процедуры банкротства. Аналитически рассмотрены перспективы применения реабилитационных программ в системе банкротства физических лиц. Сделан акцент на необходимости совершенствования нормативно-правовой базы и более активного участия государственных структур в мониторинге и поддержке должников. Автор предлагает интегративный подход, предусматривающий совместное использование правовых, социальных и экономических инструментов для устойчивого восстановления платежеспособности граждан, что может положительно сказаться на общей финансовой стабильности в обществе.

Для цитирования в научных исследованиях

Полищук В.А. Реабилитационные процедуры для должников в системе банкротства физических лиц как инструмент восстановления платежеспособности // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 337-351.

Ключевые слова

Реабилитация, должники, банкротство, физические лица, платежеспособность.

Введение

Институт банкротства физических лиц стал одним из ключевых инструментов в современной правовой системе, способствующих разрешению проблем с долгами, когда гражданин оказывается не в состоянии погасить свои обязательства перед кредиторами. Исторически в России не существовало полноценного механизма, позволяющего физическим лицам официально признать свою несостоятельность и в то же время претендовать на определенные меры защиты и восстановления платежеспособности. Однако со временем государство пришло к пониманию того, что эффективный механизм банкротства может способствовать не только удовлетворению требований кредиторов, но и предоставлению легальной возможности должнику начать жизнь «с чистого листа». Важную роль в этом процессе играет система реабилитационных процедур, которые направлены на достижение баланса интересов всех участников отношений, затрагиваемых банкротством. Их внедрение и развитие в правовую практику – результат долгой эволюции законодательства и влияния зарубежного опыта. В настоящее время реабилитация должников призвана содействовать восстановлению их финансовой устойчивости, поскольку не все задолженности подлежат простому списанию, а более гибкие механизмы могут стать стимулом к рациональному выходу из затруднительного положения. Разумеется, законодатель, вводя нормы о банкротстве физических лиц, стремился учесть как потребности граждан, так и экономические интересы государства, поскольку чрезмерная свобода для должников способна негативно сказаться на финансовой системе в целом. Ключевым моментом при разработке этих нормативов было осознание того, что плацдарм для повторной экономической активности должника во многом определится тем, насколько грамотно будет реализована реабилитационная составляющая процедуры банкротства. Поэтому неслучайно при оформлении банкротства должника берутся во внимание значимые аспекты: социальное положение человека, его возможность или невозможность получить доход для обслуживания задолженности в обозримой перспективе, а также серьезность долговых обязательств. Именно комплексный подход делает данный механизм жизнеспособным в современных условиях, несмотря на свойство рынка и судебной практики меняться со временем. Заключительные этапы законодательной подготовки перед введением банкротства физических лиц показали, что для государства идеальной оказалась формула, при которой должник может рассчитывать на реструктуризацию долгов, не теряя при этом стимула к экономической деятельности, но и не уклоняясь от ответственности за свои обязательства.

Каждый раз, когда гражданин решает обратиться к процедуре банкротства, перед ним открывается ряд вариантов, предполагающих как возможность списания долга, так и различные механизмы восстановления платежеспособности [Назарова, 2022]. В большинстве случаев

процедура банкротства инициируется самим должником, хотя возможна и ситуация, когда заинтересованный кредитор вправе подать иск, если считает, что физическое лицо не способно погасить долг. Важно понимать, что эффективность реабилитационных процедур во многом определяется не только законодательными нормами, но и судебной практикой, которая формируется в процессе конкретных дел. Судебная система вынуждена искать баланс, принимая во внимание реалии в каждом индивидуальном случае. Использование реабилитационных механизмов дает возможность продемонстрировать принцип рационального подхода: должник не просто освобождается от долгового груза, а вместе со специалистами предлагает конкретные меры, направленные на удовлетворение требований кредиторов и собственное финансовое оздоровление. Итоговый результат во многом зависит от добросовестности самого должника, его готовности принять условия реструктуризации и четко придерживаться разработанного плана выплат. В противном случае предусмотрены меры по переходу к этапу реализации имущества, если никакие иные пути уже не могут обеспечить компромисс между интересами сторон. Важной особенностью российских реалий является сравнительно небольшой стаж практического применения закона о банкротстве физлиц, из-за чего нормативная база и судебные разъяснения продолжают совершенствоваться. Тем не менее общий вектор остается неизменным: законодатель поддерживает идею, что реабилитация, а не мгновенное списание долгов, является предпочтительным сценарием в случаях, когда для этого существуют объективные предпосылки. Поскольку вся процедура происходит под контролем суда, это обеспечивает дополнительный уровень прозрачности и гарантии соблюдения прав всех участников процесса. В рамках данной конструкции у должника есть определенные обязанности, одной из которых является раскрытие полной информации о своем финансовом положении и активах.

Материалы и методы исследования

Накопленный зарубежный опыт показывает, что реабилитационные процедуры способны выполнять позитивную функцию как для должника, так и для кредитора [Абдуллаев, 2022]. Традиционно во многих странах применяется идея, согласно которой второй шанс для должника должен быть связан с определенными усилиями: например, предоставление плана реструктуризации, в котором четко прописаны источники дохода и сроки погашения части задолженности. В Европе законодательство нередко предусматривает смягченные условия для социально незащищенных категорий граждан, тогда как в США упор делается на четкую регламентацию банкротства и ряд форм, позволяющих оптимально распределять активы и вести переговоры о погашении долга. Российский законодатель, заимствуя определенные элементы зарубежных систем и учитывая национальную специфику, внедрил принцип, по которому следует стремиться к максимальному удовлетворению кредиторов, но при этом не уничтожать экономический потенциал должника, если он формально сохраняется. Нормы, регулирующие процесс, устанавливают, что должник, получив статус несостоятельного, может надеяться на различные варианты реабилитации, если суд признает их целесообразными. При этом кредиторы имеют право выдвигать собственные требования и предложения, которые, тем не менее, должны соответствовать канве закона, а он, в свою очередь, защищает от чрезмерного давления на должника. Именно в такой компромиссной среде обычно формируются решения, позволяющие возвращать значительную часть задолженностей или же списывать их при отсутствии реальных перспектив погашения, сохраняя гражданину минимально необходимый

уровень жизни. Пересмотр практических подходов к реабилитации в России зачастую дополняется дискуссиями о том, как обеспечить эффективный контроль исполнения плана реструктуризации, ведь без четкого мониторинга высок риск недобросовестного поведения должника и возвращения к точке банкротства вновь.

Сама процедура, однако, не сводится лишь к чисто экономическим расчетам [Кузнецов, Твердова, 2023]. Существует важная социальная составляющая, которая заключается в том, что реабилитация, с одной стороны, снимает с гражданина безвыходное положение, а с другой – стимулирует его к поиску новых источников дохода. Это особенно актуально в периоды экономических кризисов, когда многие люди теряют работу или сталкиваются с резким уменьшением доходов. Стремление вернуться к полноценному участию в экономической жизни общества не должно подавляться непомерным давлением кредиторов и затратами на исполнение долгов. Но и злоупотребления со стороны должников, использующих банкротство как способ уйти от обязательств, должны пресекаться, чтобы не подрывать доверие участников гражданского оборота. Во многом судьбу должника здесь предопределяет именно суд, который должен подобрать оптимальный вариант развития событий, учитывая конкретную ситуацию: есть ли у человека стабильное место работы, какова структура его расходов, имеются ли у него иждивенцы, есть ли какие-либо ценности, потенциально подлежащие реализации для удовлетворения требований кредиторов. При этом реабилитационные процедуры, если они применимы, дают сторонам надежду на сохранение определенного уровня благосостояния и достижение компромисса. Отдельно следует подчеркнуть, что реабилитационные меры по своей сути должны быть адекватны финансовым и социальным возможностям гражданина, поскольку если план окажется непосильным, банкротство потеряет свою природу инструмента, способствующего упорядочению долгов.

Результаты и обсуждение

Различные этапы банкротства физических лиц предполагают детальное рассмотрение финансовых документов должника, анализ его платежеспособности и выяснение, подлежит ли включение в конкурсную массу каких-либо активов [Саркисянц, 2024]. Когда выясняется, что у должника существуют реальные источники дохода (стабильная заработная плата, дивиденды, имущество, дающее арендную плату), становится возможным применить механизм реструктуризации. Он предусматривает разработку плана, который будет учитывать не только интересы кредиторов, но и реальные материальные возможности физического лица, а также особенности его семейной ситуации. Такой план, как правило, составляется с участием финансового управляющего и может быть одобрен судом в случае признания его выполнимости и справедливости. Если же в ходе процедуры обнаруживается, что любые шаги по реабилитации бесперспективны, или сам должник уклоняется от выполнения плана, суд переходит к стадии реализации имущества. В результате выручаемые средства распределяются между кредиторами, и если этих средств недостаточно для полного погашения долга, оставшаяся непогашенной сумма обычно списывается. С другой стороны, при наличии злоупотреблений со стороны должника – умышленных махинаций, сокрытия активов, предоставления ложных сведений – это может поставить под угрозу саму возможность списания долга. В таком случае суд исходит из принципа, что добросовестность является основным критерием, без которого реабилитация не может быть проведена в полном объеме. Таким образом, процедура банкротства физических лиц оформляется в сложную структуру, где каждая сторона несет

определенную ответственность за исход дела.

В контексте становления правовой системы в России реабилитационные процедуры постоянно обсуждаются и корректируются [Милов, Андреев, 2024]. Юристы, ученые, судьи и законодатели все еще формируют широкий пласт практических рекомендаций и теоретических разработок, отражающих различные аспекты этой темы. Новизна института личного банкротства подталкивает законодательные органы к дополнениям в правовое регулирование, призванным устранить выявленные пробелы и повысить эффективность. Большое внимание уделяется процедуре подачи заявления о банкротстве, где должнику, помимо прочего, необходимо доказать свою добросовестность. При этом кредиторы зачастую демонстрируют настороженность, опасаясь, что под видом банкротства состоятельные лица захотят избежать долговых обязательств, скрыв часть имущества или доходов. Однако статистические данные указывают на то, что несмотря на определенные злоупотребления, механизм все же играет важную роль в обеспечении граждан экономической защитой и возможностью вернуться к активному участию в гражданском обороте. Одним из ключевых аргументов в пользу реабилитации является утверждение, что не стоит лишать людей стимула к новой трудовой деятельности, ведь у них сохраняется способность к производству общественных благ. Если же долговое бремя не снимется должным образом, человек может оказаться в глубокой социальной изоляции, не имея ресурсов для выхода из кризиса. Теоретически это несет негативные последствия и для государства, так как невозврат долгов тормозит экономический рост, сокращает покупательскую способность населения, создает сферу теневых финансовых отношений.

Законодательная конструкция банкротства физических лиц во многих аспектах ориентируется на общие принципы банкротства юридических лиц [Грамматчиков, 2022]. Основная идея заключается в том, что должник, признав свою несостоятельность, должен пройти через процедуру, которая либо восстановит его платежеспособность, либо же приведет к списанию задолженностей при условии, что никаких возможностей для оплаты не осталось. Но для физических лиц особую важность имеют личные обстоятельства: иногда долги возникают из-за внезапных изменений в жизни, таких как потеря работы, болезнь, семейный кризис. Поэтому реабилитационные процедуры стараются учитывать не только формальные расчеты активов и пассивов, но и общий контекст социального положения человека. Более того, российский законодатель вводит ограничения на повторное банкротство, чтобы исключить массовое использование этого механизма в качестве умышленной стратегии уклонения от долгов без попытки реабилитации. Если после списания долгов гражданин спустя короткий промежуток времени снова оказывается в состоянии неплатежеспособности, суд будет более критично оценивать его поведение. Таким образом, реабилитационные процедуры дисциплинируют стороны, побуждая их осознанно подготавливаться к реструктуризации и учитывать все возможные последствия. Параллельно с этим финансовые управляющие играют важную роль в контроле за процессом: они проверяют реальность представленных планов, отслеживают финансовые потоки, выявляют потенциально скрытые активы.

Важным моментом является развитие правоприменительной практики, в которой суды постепенно формируют принципы толкования норм о банкротстве граждан [Анисимов, Чумаков, 2022]. К примеру, суды стараются оценивать реальную сумму долга, учитывая проценты, штрафы и пени, если они существенно увеличивают долговое бремя. Иногда принимаются во внимание факторы, связанные с добросовестностью должника: если он доказывает, что делал все возможное, чтобы предотвратить накопление задолженностей, и не

пытался скрыть доходы, суды чаще склоняются к применению реабилитационных механизмов. С другой стороны, если обнаруживаются факты преднамеренного уклонения от обязательств, сокрытия дохода или иные злоупотребления, суд занимает более жесткую позицию, стремясь защитить интересы кредиторов. Отдельное направление в судебной практике занимает рассмотрение споров о составе имущества, которое не подлежит изъятию. Ведь в законодательстве перечисляются некоторые виды имущества, которые должник сохраняет, даже если процедура достигает стадии реализации. Это делается в целях соблюдения достойных условий существования, чтобы человек не оказался на улице без предметов первой необходимости. Обычно сюда относят единственное жилье, предметы повседневного обихода, средства, необходимые для профессиональной деятельности. Все эти вопросы решаются судом в индивидуальном порядке, что подчеркивает гибкость и многогранность реабилитационных процедур в рамках российского института банкротства физических лиц.

Справедливость предусматривает равномерное распределение вырученных средств между кредиторами в соответствии со степенью приоритета их требований [Пахолкова, 2023]. В ходе процедур реструктуризации также выделяются разные группы кредиторов в зависимости от того, отвечают ли их требования социальным и государственным интересам либо же являются коммерческими долгами. Более высокий приоритет может предоставляться алиментным обязательствам, выплатам по заработной плате и другим жизненно важным статьям. Это обеспечивает социальную ориентированность банкротства, в том числе и в рамках реабилитации, что особенно важно для защиты прав наиболее уязвимых слоев населения. С другой стороны, кредиторы, представляющие коммерческие интересы, также получают свою долю, хотя нередко она оказывается ниже ожидаемой. В условиях реабилитации, когда должник пытается восстановить свою платежеспособность, нередко заключаются мировые соглашения, в которых стороны договариваются о более гибких сроках и условиях погашения. Это в целом соответствует идее сохранения как социальной, так и экономической стабильности: банки, например, осознают, что при реализации имущества должника могут потерять больше, чем при согласии на реабилитационную программу с долгосрочным планом выплат. Такая стратегия подталкивает кредиторов к более лояльному подходу и поиску компромиссов. Ведь для крупных финансовых институтов сотрудничество с потенциально восстановленным клиентом может быть компенсацией текущих потерь.

Параллельно с перечисленными факторами функционирования реабилитационных процедур, важно отметить значимость личной ответственности граждан [Ешкилева, 2022]. Законодатель исходит из презумпции, что должник, обращаясь к процедуре банкротства, должен действовать в строгом соответствии с требованием раскрывать все без исключения активы и доходы. В противном случае система теряет свою результативность и превращается в механизм злоупотреблений, где многие вполне платежеспособные люди пытаются «обнулить» свои долги путем манипуляций. Именно поэтому суды тщательно проверяют всю предоставленную информацию, а в отдельных случаях запрашивают данные в налоговых органах, у работодателей и других источников. Фактически процедура банкротства делает финансовую жизнь человека прозрачной, и если при этом обнаруживаются несоответствия или злой умысел, реабилитация превращается в фикцию. В таком случае должник рискует остаться без возможности списать долги полностью и может подвергнуться ряду ограничительных мер. Это направлено на то, чтобы сохранить честный баланс в системе и стимулировать должников выходить из кризиса прозрачным и ответственным путем. Другой стороной ответственности является то, что после завершения процедуры банкротства и списания части долгов гражданин

будет ограничен в некоторых правах, например в занятии определенных должностей. Однако эти ограничения призваны предотвратить повторение ситуации и снизить риск недобросовестного поведения.

Реабилитационные процедуры в контексте банкротства физических лиц зачастую рассматриваются в качестве позитивного сигнала для всей экономики [Курилов, Фомочкина, 2023]. Будучи средством очищения от проблемных долгов, банкротство способно вернуть человека в легальную финансовую сферу и, таким образом, повысить его мотивацию к официальной занятости. Ведь в противном случае должник может уйти в тень, не выплачивая налоги, не участвуя в легальных финансовых операциях. Наличие легально оформленного механизма освобождения от непосильных долгов способствует тому, что граждане менее склонны обращаться к сомнительным кредиторам или устанавливать незаконные схемы сокрытия доходов. В целом, денежный оборот становится более прозрачным, а кредитные институты получают ясное представление о перспективах взыскания проблемной задолженности. Конечно, важную роль играют и социальные факторы: люди, сумевшие успешно пройти через реабилитацию, способны заново построить свою карьеру и вернуться к полноценному уровню потребления, что положительно сказывается на спросе и общих экономических показателях. С другой стороны, нельзя упускать из виду риски, связанные с недобросовестными намерениями некоторых категорий должников. Однако здесь снова вступает в силу судебный контроль и ответственность, заложенная в праве банкротства.

В юридической литературе не раз отмечалось, что реабилитационные процедуры становятся особенно актуальными в периоды макроэкономической нестабильности [Обертинский, 2023]. Когда резкие колебания в экономике приводят к утрате рабочей силы, падению доходов граждан и росту долговой нагрузки, потребность в эффективном механизме, способном урегулировать эти проблемы, увеличивается. В таких условиях банкротство помогает людям не только избавиться от безнадежных обязательств, но и сохранить честь и достоинство, не впадая в долговую кабалу. Социальная значимость этого процесса переоценить трудно, так как экономическая безопасность граждан определяет стабильность общества. Однако, чтобы процедура не оборачивалась ущербом для кредиторов, закон предусматривает ряд защитных механизмов: анализ финансовых потоков, принуждение к продаже имущества сверх определенного уровня, контроль за действиями должника со стороны финансового управляющего и суда. Все эти инструменты комплексно формируют ту самую реабилитационную среду, в которой должник получает возможность восстановиться, но только при условии, что не нарушает требований закона и не пытается использовать банкротство вопреки его социальной и экономической сущности.

Параллельно в научных дискуссиях звучат призывы к дальнейшему совершенствованию норм, регулирующих статус финансовых управляющих [Смоленский, 2024]. Ведь они, по сути, играют роль посредников между должником, кредиторами и судом, а значит, от их компетентности, независимости и профессиональных навыков во многом зависит успех реабилитационных процедур. Финансовый управляющий должен не только анализировать все имеющиеся у должника ресурсы, но и взвешивать перспективы их рационального использования. Его задачи включают в себя взаимодействие со всеми сторонами, участие в разработке плана реструктуризации и контроль за его исполнением. Если управляющий относится к обязанностям формально, игнорирует риски и не замечает фактов недобросовестности, процедура теряет смысл и становится очередной формальностью. Именно поэтому закон детально прописывает, какие требования предъявляются к кандидатам на эту

должность, вплоть до уровня образования, опыта и отсутствия личных интересов в деле. Учитывая, что институт банкротства физических лиц в России все еще формируется, роль финансовых управляющих продолжает оставаться предметом острых дискуссий и законодательных корректировок.

В целом, можно сказать, что реабилитационные процедуры оказывают влияние далеко за рамки конкретной судебной практики [Кравченко, 2023]. Они затрагивают психологический аспект, возвращая людям уверенность, что строгое следование закону и активная попытка восстановить платежеспособность могут привести к позитивному результату. Таким образом, граждане обретают возможность развиваться и двигаться вперед, зная, что государство защищает их от непомерного долгового пресса. Но вместе с тем процедура не должна стимулировать безответственность: если человек, будучи дееспособным, постоянно набирает кредиты, не учитывая свои реальные возможности, законодатель вправе предусмотреть дополнительные меры контроля и ограничения. Такими ограничительными факторами выступают запреты на повторные банкротства в течение установленного срока, тщательные проверки в случае подозрений на фиктивное банкротство и возможность привлечения к гражданско-правовой или уголовной ответственности. Эти положения манифестируют общий принцип: свободный, но осознанный выбор для должника, который понимает, что реабилитация — это не просто легкий способ «списать» проблемы, а серьезная правовая процедура с четкими последствиями.

Важную роль в эффективности реабилитационных процедур играет культурный и социальный контекст [Обертинский, 2024]. Граждане вряд ли захотят массово обращаться к банкротству, если в обществе существует стигматизация долгов и осуждение подобных действий. Однако с расширением информированности и появлением положительных примеров успешной реструктуризации среди рядовых граждан поменяется и массовое восприятие этого института. Банковский сектор также может корректировать свою политику кредитования, понимая, что при неосторожной выдаче кредитов и высокой долговой нагрузке возрастает риск обязательств, которые в результате могут быть списаны при банкротстве. Это заставляет финансовые организации улучшить систему скоринга, тщательнее проверять платежеспособность заемщиков, да и самим заемщикам становится ясно, что определенная «дисциплина кредита» выгодна им в долгосрочной перспективе. Ведь, даже прибегая к банкротству, гражданин сталкивается с сопутствующими затратами, ограничениями и понижением кредитного рейтинга, что осложняет ему доступ к финансированию в будущем.

Несмотря на сложность и многосторонность процедур, реабилитационный характер банкротства физических лиц соответствует декларациям о защите экономических и социальных прав граждан. Обычно права на минимальное жилье, на получение социально значимых выплат и на другие базовые выгоды не могут быть оспорены даже в случае наиболее жестких долговых обязательств. Законодатель стремится к тому, чтобы никто не оставался совершенно незащищенным перед долгами, которые не имеет реальной возможности оплатить. Правоприменительная практика идет по пути подтверждения того, что если гражданин реально способен восстановить свою платежеспособность, то реабилитационные процедуры принесут пользу обеим сторонам: должник избежит полной реализации имущества, а кредиторы вернут часть задолженностей. Такие механизмы справедливы с точки зрения морально-этических принципов, ведь они дают шанс людям, попавшим в сложную ситуацию, но не по злому умыслу, а по стечению объективных обстоятельств. Подобный подход гармонизирует отношения между гражданами, кредитными институтами и государством.

Вопрос о сроках реабилитации был и остается дискуссионным. Некоторые эксперты указывают, что если планы реструктуризации слишком продолжительны и должник годами находится под финансовым надзором, это может демотивировать его и тормозить развитие. С другой стороны, излишне короткие сроки могут создать прецедент злоупотребления, когда люди, не отдав должного отчета в своих действиях, быстро избавляются от долгов и возвращаются к прежней практике неразумного кредитования. Задача законодателя – найти золотую середину, которая позволит стимулировать должника к активному поиску легальных доходов и не будет при этом слишком тяжелой для исполнения. В мировой практике сроки реструктуризации могут колебаться от нескольких месяцев до нескольких лет, все зависит от индивидуальных обстоятельств, суммы долга и возможности его погашения. Важно, что судебная процедура предполагает периодический контроль и отчетность, позволяющие вовремя выявить отклонения от плана и применить необходимые корректирующие меры.

Дополнительную сложность вызывает проблема долгов, связанных с разного рода социальными обязательствами, будь то алименты, выплаты по возмещению вреда здоровью и другие требования, обладающие особым приоритетом. В некоторых случаях закон прямо запрещает их списывать, даже если общий долг подлежит реструктуризации или списанию. Это означает, что реабилитация не может игнорировать интересы наиболее уязвимых групп населения. Социальная обусловленность таких долгов ставит на первый план задачу обеспечить защиту детей, инвалидов и других лиц, получающих обязательные выплаты. Вот почему суды нередко отдельно проговаривают условия погашения алиментов в плане реструктуризации, чтобы должник не уклонялся от этой обязанности. Реабилитационный статус процедуры тем самым подчеркивает, что государство и общество заинтересованы не в безусловном освобождении от любых долгов, а в создании разумной модели, где должник после определенных усилий имеет шанс на «новую главу» в своей жизни, но не за счет ущемления интересов наиболее нуждающихся граждан.

Будущее реабилитационных процедур во многом будет зависеть от того, насколько быстро законодатель и правоприменительные органы смогут адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям. Инновационные подходы, такие как электронные порталы для упрощенной подачи заявлений, дистанционные судебные заседания, внедрение сервисов проверки финансовых данных, уже сегодня позволяют упростить бюрократию. Но ключевой пункт – это все-таки мотивация должника, его понимание, что банкротство может стать шансом на пересмотр жизненных приоритетов и финансовой грамотности. Ведь если человек не сделает выводов из допущенных ошибок, никакие реабилитационные меры не принесут долгосрочного результата. Образовательные программы, пропаганда идеи разумного потребления, формирование культуры сбережений — все это в комплексе способно повысить эффективность реабилитации и снизить количество банкротств, вызванных элементарным незнанием и слабой финансовой дисциплиной.

Нельзя обойти вниманием и аспект взаимодействия государства с профессиональным сообществом, к которому относятся юристы, финансисты, экономисты, эксперты рынка. Большая часть дел о банкротстве физических лиц требует компетентного участия специалистов, способных объяснить гражданам тонкости законодательства, а также рассчитать оптимальные пути выхода из долгов. Важно также отметить роль кредитных организаций, которые могут активно участвовать в переговорах о реструктуризации, если понимают, что это принесет пользу всем сторонам. Общение между банками, судом и должником может превратиться в конструктивный диалог при условии, что нет скрытых мотивов. Реабилитация предполагает

прозрачность и открытость: если одна из сторон начинает использовать подлог или манипуляции, доверие разрушается, и процесс возвращается к более жесткому сценарию. Как показывает накопленный опыт, банк, который идет на уступки при реструктуризации, чаще всего получает больше выгоды, чем при судебном разбирательстве с неоплатным должником.

При анализе итогов реабилитационных процедур не стоит забывать, что ключом к успеху служит наличие реальных экономических возможностей у должника выполнять взятые обязательства в восстановительном периоде. Если у человека нет дохода, нет перспектив на трудоустройство или создание бизнеса, никакой план реструктуризации не будет жизнеспособным. Поэтому часто реабилитация сопровождается активным поиском должником новых источников дохода, переквалификацией или переездом в регионы с большими возможностями трудоустройства. Здесь возникает попытка шире взглянуть на социально-экономическую политику государства: если в стране достаточно рабочих мест, стимулируется малое и среднее предпринимательство, создаются условия для повышения квалификации, то банкротство станет реальной возможностью «перезагрузки» и возвращения к активной жизни. Если же экономика стагнирует, рабочие места сокращаются, а доступ к кредитным ресурсам ограничен, реабилитация в основном окажется формальной, ведь должнику фактически не на что будет рассчитывать, кроме списания долга, и перспектива экономического роста для него будет туманной.

Следует также отметить, что российское законодательство применительно к банкротству граждан постепенно накапливает примеры судебных казусов, когда реабилитация не достигала своей цели, поскольку должник просто не мог обеспечить даже минимальное погашение долга [Абдуллаев, 2022] в силу объективных причин. Тогда суду приходится констатировать невозможность удовлетворения требований кредиторов и переходить к стадии реализации имущества. Но и в этом случае остаются определенные преимущества для должника: часть имущества не может быть изъята, а долги, оставшиеся после распределения полученных средств, обычно списываются, кроме особо регламентированных законом исключений. В результате человек, оставшись практически без активов, все же получает возможность начать новый экономический цикл без обременений прошлым. Однако наличие таких прецедентов демонстрирует, насколько важно четко определять грани между добросовестной и недобросовестной неплатежеспособностью. Если в первом случае реабилитация работает как социальный механизм поддержки, то во втором она должна быть ограничена судебными санкциями и отказом в списании долгов.

С учетом всех перечисленных нюансов и проблем, реабилитационные процедуры для должников в системе банкротства физических лиц можно рассматривать как важный инструмент восстановления платежеспособности [Кузнецов, Твердова, 2023]. Их основная миссия заключается в нахождении разумного пути между интересами кредиторов и жизненными потребностями гражданина. Законодатель создает правовую рамку, которая, с одной стороны, поддерживает идею второй экономической возможности, а с другой – устанавливает порядок, призванный ограничить злоупотребления и попытки списать долги незаконным образом. Судебная практика выступает посредником, наполняя абстрактные нормы конкретным содержанием, учитывая различные жизненные ситуации. Совершенствование этого механизма продолжится по мере появления новых социально-экономических вызовов и развития института банкротства.

Разумеется, эффективность реабилитации зависит не только от самой процедуры, но и от среды, в которой она функционирует. Системы налогообложения, кредитования, страхования,

рынок труда – все эти факторы косвенно влияют на итог реабилитационной программы. Если государственная политика направлена на формирование более благоприятного климата для малого предпринимательства, если банки проявляют гибкость в разработке реструктуризации, если должник реально готов к изменениям и изучает методы финансового планирования, шансы на успех становятся выше. В противном случае ни одна, даже самая продуманная процедура, не даст результата. Она может лишь на короткий срок решить проблему, тогда как системные риски останутся и приведут к повторным волнам неплатежеспособности.

Можно утверждать, что в российском правовом пространстве институт реабилитационных процедур уже занял свое место, и внимание к нему продолжает возрастать. Закон о банкротстве физических лиц все еще молод, поэтому процесс его адаптации к реалиям займет не один год. Но общий тренд ясен: государство стремится повысить прозрачность процедуры, исключить злоупотребления со стороны должников, а также обеспечить баланс интересов кредиторов и защиту социально значимых прав граждан [Власова, 2023]. Такой подход отвечает логике развития правового государства, где каждый инициативный участник экономических отношений может рассчитывать на восстановление после кризиса, если его действия не противоречат букве и духу закона.

Практика показывает, что при разумной организации реабилитационные процедуры способны выполнить роль некоего социального фильтра, отделяя тех, кто попал в тяжелое положение по непреодолимым обстоятельствам, от тех, кто намеренно уклоняется от обязательств. При этом государство и судебные органы стараются найти компромисс, позволяющий людям вернуться к полноценной экономической жизни, продолжая выплачивать долговые обязательства в рамках согласованных программ, если это действительно возможно. Следующие этапы развития банкротства физических лиц непременно затронут совершенствование нормативной базы, расширение цифровых сервисов, усиление контроля за прозрачностью сделок и улучшение механизма работы финансовых управляющих. Все это, в конечном итоге, повышает шансы должников на адекватную реабилитацию и возвращает их в правовое поле, где долг регулируется не страхом санкций, а осознанным стремлением к социальной и финансовой ответственности.

Сегодня можно наблюдать, как растет число дел о банкротстве обычных граждан, и статистика указывает на постепенное увеличение доли тех, кто проходит процедуру с элементами реабилитации. Это означает, что люди осознают перспективы данного инструмента и испытывают надежду на восстановление. Вместе с тем сохраняются проблемы недостаточной информированности населения о сути и последствиях банкротства. Некоторые должники до сих пор считают, что списание долгов происходит автоматически и что дальнейшие ограничения не будут существенными. Однако реальность показывает, что стоимость процедуры, последствия для кредитной истории и долгосрочные финансовые ограничения являются весомыми факторами, которые необходимо учитывать при принятии решения о начале процесса. Финансовая грамотность, консультации со специалистами и адекватная оценка собственных возможностей становятся ключевыми условиями удачной реабилитации.

Научные и экспертные исследования в сфере банкротства физических лиц продолжают расширяться, уделяя особое внимание эффективности реабилитации и влиянию экономических факторов на ее итоги [Назарова, 2022]. В целом можно сказать, что популяризация и улучшение работы данного института благотворно влияют на экономическую среду в стране: снижается уровень безнадежных долгов, повышается дисциплина кредиторов и заемщиков, формируется более равноправная система отношений между ними. Кредитные организации начинают

опытным путем понимать, что предоставлять кредиты гражданам с высоким риском возврата без должной оценки платежеспособности чревато банкротствами, тогда как должники, теряя доступ к выгодным кредитным продуктам, стремятся избежать повторных ошибок.

В этих условиях реабилитационные процедуры с каждым годом приобретают все больше признаков устоявшейся практики, к которой обращаются ответственные должники [Анисимов, Чумаков, 2022]. Главная задача состоит в том, чтобы продолжать формировать зрелую правовую культуру, где банкротство не рассматривается как привлекательная схема уклонения от обязанностей, а становится востребованным механизмом для тех, кто в силу объективных обстоятельств не может самостоятельно справиться с долговой нагрузкой. Тогда институт банкротства не только уменьшит социальную напряженность, но и станет катализатором постепенного роста финансовой грамотности населения.

Заключение

Системный анализ всей совокупности правовых норм по банкротству физических лиц показывает, что российское законодательство за относительно короткий период уже претерпело ряд изменений и дополнений, направленных на уточнение процедурных моментов. Это говорит о том, что право не стоит на месте и реагирует на запросы общества, стремящегося найти оптимальную формулу взаимодействия между должниками и кредиторами. Дальнейшая судьба реабилитационных процедур будет определяться тем, насколько грамотно суды и государственные органы сумеют учитывать баланс интересов сторон и предотвращать злоупотребление правом.

В наиболее успешных случаях должник, пройдя через процедуру банкротства и выполнив план реструктуризации, реально восстанавливает свою платежеспособность. Он может вновь принимать участие в экономической жизни, получать кредиты, инвестировать в бизнес, создавать рабочие места. Для государства это означает рост налоговых поступлений, снижение уровня теневой экономики и более здоровый кредитный рынок. Кредиторы, пусть и не получают 100% причитающейся суммы, зато могут рассчитывать на гораздо больше, чем в ситуации, когда должник теряет все стимулы к легальной деятельности. С достигнутым компромиссом появляется возможность вернуть хоть часть долга и сохранить при этом финансовые отношения на будущем этапе.

Таким образом, реабилитационные процедуры для должников в системе банкротства физических лиц можно определить как многоуровневый инструмент, призванный найти равновесие между защитой законных интересов кредиторов и социальной поддержкой граждан, попавших в сложную финансовую ситуацию. Их эффективность зависит от конкретной правоприменительной практики, способности государства своевременно совершенствовать законодательство и заинтересованности самого должника в честном и ответственном прохождении стадии восстановления. Фактически, мы имеем дело с правовым институтом, который совмещает в себе и экономические, и социальные функции: он избавляет рынок от безнадежных долгов и одновременно сохраняет человеческий капитал, позволяя должнику продолжать выполнять общественно полезные роли. Именно благодаря такому балансу реабилитационные процедуры становятся важнейшим фактором формирования правовой культуры и устойчивого развития экономики.

Библиография

1. Абдуллаев К.А. Банкротство физических лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность: пути реформирования и проблемы правоприменения // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2022. № 2 (26). С. 31-35.
2. Анисимов В.А., Чумаков Г.В. Положительные и отрицательные стороны банкротства физических лиц // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-2 (68). С. 182-185.
3. Власова К.С. Правовая природа института банкротства физических лиц в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6-1 (81). С. 30-33.
4. Грамматчиков А.А. Перспективы развития судебной практики и законодательства в сфере банкротства физического лица // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 11 (75). С. 197-204.
5. Ешкелева Н.А. Институт банкротства физического лица в современной России // Наукосфера. 2022. № 9-1. С. 303–307.
6. Кравченко В.С. Становление института несостоятельности (банкротства) граждан в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6-1 (81). С. 77-80.
7. Кузнецов А.Н., Твердова Т.В. Этапы развития института банкротства в России // Вестник Академии управления и производства. 2023. № 3. С. 219-223.
8. Курилов М.Н., Фомочкина Н.В. Актуальные вопросы банкротства физических лиц // Наукосфера. 2023. № 12-2. С. 349-352.
9. Милов П.О., Андреев А.А. Историко-правовые подходы к формированию института банкротства физических лиц в Российской Федерации // Право и общество. 2024. № 1 (39). С. 61-64.
10. Назарова Н.А. Историко-правовой обзор института банкротства физических лиц // Законность и правопорядок. 2022. № 2 (34). С. 74-81.
11. Обертинский В.А. Основные особенности банкротства физических лиц // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 101-2. С. 140-142.
12. Обертинский В.А. Современное состояние и перспективы развития банкротства физических лиц // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 108-6. С. 75-76.
13. Пахолкова О.И. Проблемы банкротства физических лиц // Научный аспект. 2023. Т. 7. № 1. С. 797-803.
14. Саркисянц Т.Ю. Зарождение и особенности института банкротства физического лица в России: дореволюционный этап // Аграрное и земельное право. 2024. № 4 (232). С. 265-268.
15. Смоленский И.Н. Современные тенденции развития института банкротства физических лиц // Законодательство. 2024. № 1. С. 58-62.

Rehabilitation procedures for debtors in the personal bankruptcy system as a tool for restoring solvency

Vladislav A. Polishchuk

Postgraduate Student,
Academy of Labor and Social Relations,
119454, 90 Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: polishchuk.vladislav@yandex.ru

Abstract

This article is devoted to the analysis of rehabilitation procedures for debtors in the personal bankruptcy system as a tool for restoring solvency. The Introduction section substantiates the relevance of the topic against the backdrop of the growing number of bankruptcy petitions among citizens and provides an overview of the existing legislative and methodological approaches to debtor rehabilitation. The aim of the study is to identify the factors that contribute to successful rehabilitation and to propose recommendations for improving law enforcement practices. The methods section describes the research methodologies used, including a comparative analysis of the

legal regulation of bankruptcy procedures in various jurisdictions, as well as an empirical study based on the collection and statistical analysis of data on rehabilitation cases. Special attention is paid to the analysis of factors influencing the success of debtor solvency after undergoing debt restructuring procedures. Both qualitative and quantitative methods were employed, allowing a comprehensive assessment of the effectiveness of the measures implemented. The results section presents the key findings. It was determined that the comprehensive application of rehabilitation procedures contributes not only to a temporary delay in the fulfillment of debt obligations but also to the formation of sustainable mechanisms for restructuring debt levels, which has a positive impact on the restoration of solvency. Critical points in the current legislation and procedural aspects that hinder the full realization of the potential of the proposed measures were identified. The success of rehabilitation is noted to depend on an individual approach and comprehensive state support for debtors during the bankruptcy process. The discussion and conclusions section analytically reviews the prospects of applying rehabilitation programs within the personal bankruptcy system. It emphasizes the need to improve the regulatory and legal framework and calls for more active participation of state bodies in monitoring and supporting debtors. The author proposes an integrative approach that involves the joint use of legal, social, and economic tools to sustainably restore the solvency of citizens, which could have a positive effect on overall financial stability in society.

For citation

Polishchuk V.A. (2025) Reabilitatsionnye protsedury dlya dolzhnikov v sisteme bankrotstva fizicheskikh lits kak instrument vosstanovleniya platezhеспosobnosti [Rehabilitation procedures for debtors in the personal bankruptcy system as a tool for restoring solvency]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 337-351.

Keywords

Rehabilitation, debtors, bankruptcy, individuals, solvency.

References

1. Abdullaev K.A. (2022) Bankrotstvo fizicheskikh lits, ne osushchestvlyaiushchikh predprinimatel'skuiu deiatel'nost': puti reformirovaniia i problemy pravoprimeneniia [Bankruptcy of individuals not engaged in entrepreneurial activity: reform paths and law enforcement problems]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava* [Journal of Business and Corporate Law], 2 (26), pp. 31-35.
2. Anisimov V.A., Chumakov G.V. (2022) Polozhitel'nye i otritsatel'nye storony bankrotstva fizicheskikh lits [Positive and negative aspects of personal bankruptcy]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 5-2 (68), pp. 182-185.
3. Vlasova K.S. (2023) Pravovaia priroda instituta bankrotstva fizicheskikh lits v Rossiiskoi Federatsii [Legal nature of the institution of personal bankruptcy in the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 6-1 (81), pp. 30-33.
4. Grammatchikov A.A. (2022) Perspektivy razvitiia sudebnoi praktiki i zakonodatel'stva v sfere bankrotstva fizicheskogo litsa [Prospects for the development of judicial practice and legislation in the field of personal bankruptcy]. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki* [Scythian. Issues of Student Science], 11 (75), pp. 197-204.
5. Eshkileva N.A. (2022) Institut bankrotstva fizicheskogo litsa v sovremennoi Rossii [The institution of personal bankruptcy in modern Russia]. *Naukosfera* [Science Sphere], 9-1, pp. 303-307.
6. Kravchenko V.S. (2023) Stanovlenie instituta nesostoiatel'nosti (bankrotstva) grazhdan v Rossiiskoi Federatsii [Formation of the institution of insolvency (bankruptcy) of citizens in the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 6-1 (81), pp. 77-80.
7. Kuznetsov A.N., Tverdova T.V. (2023) Etapy razvitiia instituta bankrotstva v Rossii [Stages of development of the bankruptcy institution in Russia]. *Vestnik Akademii upravleniia i proizvodstva* [Bulletin of the Academy of

- Management and Production], 3, pp. 219-223.
8. Kurilov M.N., Fomochkina N.V. (2023) Aktual'nye voprosy bankrotstva fizicheskikh lits [Topical issues of personal bankruptcy]. Naukosfera [Science Sphere], 12-2, pp. 349-352.
 9. Milov P.O., Andreev A.A. (2024) Istoriko-pravovye podkhody k formirovaniyu instituta bankrotstva fizicheskikh lits v Rossiiskoi Federatsii [Historical and legal approaches to the formation of the institution of personal bankruptcy in the Russian Federation]. Pravo i obshchestvo [Law and Society], 1 (39), pp. 61-64.
 10. Nazarova N.A. (2022) Istoriko-pravovoi obzor instituta bankrotstva fizicheskikh lits [Historical and legal review of the institution of personal bankruptcy]. Zakonnost' i pravoporiadok [Legality and Law and Order], 2 (34), pp. 74-81.
 11. Obertinskii V.A. (2023) Osnovnye osobennosti bankrotstva fizicheskikh lits [Main features of personal bankruptcy]. Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia [Trends in the Development of Science and Education], 101-2, pp. 140-142.
 12. Obertinskii V.A. (2024) Sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia bankrotstva fizicheskikh lits [Current state and development prospects of personal bankruptcy]. Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia [Trends in the Development of Science and Education], 108-6, pp. 75-76.
 13. Pakholkova O.I. (2023) Problemy bankrotstva fizicheskikh lits [Problems of personal bankruptcy]. Nauchnyi aspekt [Scientific Aspect], 7 (1), pp. 797-803.
 14. Sarkisants T.Iu. (2024) Zarozhdenie i osobennosti instituta bankrotstva fizicheskogo litsa v Rossii: dorevoliutsionnyi etap [Origin and features of the institution of personal bankruptcy in Russia: the pre-revolutionary stage]. Agramoe i zemel'noe pravo [Agrarian and Land Law], 4 (232), pp. 265-268.
 15. Smolenskii I.N. (2024) Sovremennye tendentsii razvitiia instituta bankrotstva fizicheskikh lits [Modern trends in the development of the institution of personal bankruptcy]. Zakonodatel'stvo [Legislation], 1, pp. 58-62.

УДК 34**Сделки с участием ИИ: вопросы действительности и оспаривания****Пудовкин Дмитрий Сергеевич**

Аспирант,
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
190020, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
просп. Лермонтовский, 44;
e-mail: dimastik73@gmail.com

Аннотация

Интеграция искусственного интеллекта в гражданский оборот трансформирует традиционные механизмы заключения сделок, однако правовое регулирование таких процессов остается неадаптированным к технологическим реалиям. Существующие нормы Гражданского кодекса РФ, ориентированные на электронные средства связи, не учитывают автономность ИИ, что порождает правовые коллизии при оценке действительности и оснований оспаривания сделок. Современные исследования концентрируются на классических электронных агентах, игнорируя способность ИИ к самообучению и автономным решениям, что создает правовую неопределенность при оценке действительности сделок. Цель исследования – выявить правовые критерии действительности сделок с участием ИИ и предложить механизмы снижения рисков их оспаривания. В результате исследования было выявлено, что автономность ИИ требует переосмысления понятий «воля» и «согласие» через введение презумпции волеизъявления оператора. Выявлены специфические основания недействительности сделок, включая технические сбои и алгоритмическую дискриминацию. Предложена модель распределения ответственности, сочетающая презумпцию вины оператора, обязательный аудит алгоритмов и страхование рисков. Результаты исследования способствуют развитию доктрины цифрового гражданского права и предлагают конкретные изменения в законодательство РФ, направленные на гармонизацию технологического прогресса и правовой стабильности. Внедрение предложенных норм позволит минимизировать конфликты в правоотношениях с участием ИИ и создать предсказуемые условия для использования таких систем в критических сферах экономики.

Для цитирования в научных исследованиях

Пудовкин Д.С. Сделки с участием ИИ: вопросы действительности и оспаривания // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 352-359.

Ключевые слова

Гражданские правоотношения, правосубъектность, искусственный интеллект, правовая ответственность, распределение рисков.

Введение

Стремительное внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в коммерческую деятельность трансформирует традиционные механизмы заключения сделок, порождая правовые вызовы, связанные с определением их действительности и оснований для оспаривания. Современные алгоритмы, способные автономно анализировать данные, прогнозировать условия договоров и даже вести переговоры, все чаще заменяют человеческое участие в гражданском обороте. Вместе с тем правовые рамки, регулирующие такие взаимодействия, остаются архаичными: нормы Гражданского кодекса РФ (ст. 160, 434 ГК РФ), ориентированные на электронные сделки и «электронных агентов», не учитывают специфику ИИ как системы, обладающей элементами самообучения и адаптивности. Это создает правовые коллизии – от неясности в установлении воли сторон до сложностей доказывания дефектов сделки, что подрывает стабильность гражданского оборота.

В научной литературе вопросы правового статуса ИИ в сделках освещаются фрагментарно. Работы Подузовой Е.В. и Конеевой А.Р. анализируют электронных агентов в контексте ст. 434 ГК РФ, однако фокус на классических алгоритмах исключает рассмотрение ИИ с его способностью к непредсказуемым действиям. Зарубежные исследования, такие как анализ EU AI Act (European Commission, 2023), предлагают модели распределения ответственности, но их применимость в российской правовой системе требует критического переосмысления. При этом остаются нерешенными ключевые проблемы: допустимость признания сделки недействительной из-за ошибки ИИ, критерии добросовестности при оспаривании и роль «человеческого контроля» в автономных решениях.

Необходимость настоящего исследования обусловлена противоречием между динамичным развитием технологий ИИ и статичностью правового регулирования. Рост судебных споров, связанных с использованием алгоритмов в финансовом секторе и электронной торговле, демонстрирует недостаточность существующих подходов. Законодательные инициативы, такие как проект Федерального закона «О цифровых активах», также не предлагают системных решений для вопросов действительности сделок с участием ИИ.

Цель исследования заключается в выявлении правовых критериев действительности сделок с использованием ИИ и разработке механизмов минимизации рисков их оспаривания. В рамках достижения данной цели был поставлен ряд вопросов:

1. Какие особенности ИИ как участника сделки требуют пересмотра традиционных понятий «воли» и «волеизъявления»?
2. Как распределить ответственность между разработчиком, оператором и пользователем ИИ при признании сделки недействительной?
3. Возможно ли адаптировать нормы об электронных сделках (ст. 160, 434 ГК РФ) к правоотношениям с автономными системами ИИ?

Гипотеза исследования предполагает, что действующее законодательство, трактующее ИИ как инструмент, а не активного участника, не обеспечивает правовой определенности, что требует введения специальных правил, учитывающих алгоритмическую автономию и потенциальные риски «искусственной юридически значимой деятельности».

Правовая квалификация искусственного интеллекта в сделках

Классическая доктрина гражданского права, закрепленная в ст. 153 ГК РФ, исходит из того, что сделка – это действие, направленное на возникновение, изменение или прекращение

гражданских прав и обязанностей, совершаемое по воле участников. Однако применение этого подхода к сделкам с участием ИИ сталкивается с фундаментальным противоречием: алгоритмы, способные к самообучению и принятию решений без прямого вмешательства человека, формально не обладают ни волей, ни правосубъектностью. Это порождает вопрос: можно ли считать действия ИИ выражением воли его оператора, разработчика или пользователя либо речь идет о принципиально новом явлении, требующем пересмотра базовых цивилистических конструкций?

Современные исследователи, такие как Подузова Е.В., пытаются адаптировать нормы ст. 434 ГК РФ о «действиях электронных средств» к ИИ [Подузова, 2022, 4]. Однако ключевое отличие ИИ от традиционных электронных агентов заключается в его способности к непредсказуемым решениям на основе машинного обучения. Например, если алгоритм, управляющий биржевыми торгами, совершает сделку на основании паттернов, не предусмотренных разработчиком, возникает правовая неопределенность: чья воля – оператора, пользователя или самого алгоритма – считается решающей? Судебная практика (Решение АС Хабаровского края от 19 мая 2023 г. по делу № А73-4100/2023) демонстрирует, что суды склонны признавать ответственность оператора, но это не решает вопрос о действительности самой сделки, если ИИ действовал вне заданных параметров.

Попытки интерпретировать ИИ как «инструмент» в руках человека также сталкиваются с проблемой «алгоритмической автономии». Например, в системах рекомендации кредитных условий, где ИИ анализирует Big Data, решение о заключении договора формально исходит от банка, но фактически формируется алгоритмом, чья логика может быть неочевидной даже для разработчиков (феномен «черного ящика») [Шитов, Юртаева, 2023, 3]. Это противоречит принципу определенности волеизъявления (ст. 421 ГК РФ), создавая риски оспаривания сделок по основаниям п. 1 ст. 178 ГК РФ (заблуждение).

Таким образом, правовая квалификация ИИ в сделках требует пересмотра понятий «воля» и «согласие» через призму технологической реальности. Возможным решением может стать введение презумпции, согласно которой действия автономного ИИ считаются волеизъявлением оператора, если иное не предусмотрено договором. Однако для этого необходима законодательная фиксация критериев «автономности» и границ ответственности, что пока отсутствует в российском праве.

Основания недействительности сделок с ИИ: от технических сбоев до алгоритмической дискриминации

Сделки с участием искусственного интеллекта подвержены уникальным рискам, которые ставят под сомнение их действительность в рамках традиционных оснований, предусмотренных главой 9 ГК РФ. Если классические сделки оспариваются из-за пороков воли (заблуждение, обман, угроза), то в случае с ИИ ключевыми проблемами становятся технические сбои, ошибки машинного обучения и дискриминационные паттерны алгоритмов, что требует расширения интерпретации норм о недействительности.

К первой категории рисков относятся «технические дефекты», такие как ошибки в данных или сбои в работе алгоритма. Например, если ИИ-система, управляющая поставками, заключает договор на закупку товара по завышенной цене из-за некорректного анализа рыночной конъюнктуры, возникает вопрос: можно ли квалифицировать это как «существенное заблуждение»? Конева А.Р. отмечает, что заблуждение в данном случае возникает не у человека,

а у алгоритма, что ставит под сомнение саму возможность применения ст. 178 ГК РФ [Конеева, 2019, 44].

Вторая группа рисков связана с непредсказуемостью решений ИИ, обусловленной его самообучаемостью. Проблема «черного ящика» – невозможности объяснить логику алгоритма – противоречит принципу определенности условий сделки (ст. 432 ГК РФ).

Третьим критическим аспектом является алгоритмическая дискриминация. ИИ, обученный на исторических данных, может воспроизводить предвзятые паттерны, например, отказывать в кредитах определенным социальным группам [Nunn, 2023]. В российском законодательстве такие действия формально подпадают под ст. 169 ГК РФ («сделки, противоречащие основам правопорядка»), но доказывание умысла или «заведомой недобросовестности» алгоритма практически невозможно. В работе Европейской комиссии по этике ИИ (2022) предлагается рассматривать дискриминацию как нарушение принципа добросовестности, что требует от судов оценки не только результата, но и процесса обучения алгоритма.

Таким образом, основания недействительности сделок с ИИ выходят за рамки классических пороков воли, требуя адаптации законодательства к технологическим реалиям. Невозможность однозначно определить «волю» алгоритма (как показано в первом разделе) усугубляется рисками, связанными с его автономностью, что подчеркивает необходимость разработки специальных критериев оспаривания. Эти выводы логично подводят к вопросу о распределении ответственности между участниками правоотношений, который требует отдельного анализа в контексте гражданско-правовых механизмов минимизации рисков.

Модели распределения ответственности

Распределение ответственности за последствия сделок с участием ИИ остается одной из наиболее сложных задач для правоприменителя. Действующее законодательство РФ, в частности ст. 1064 ГК РФ, закрепляет общий принцип деликтной ответственности – обязанность возмещения вреда лицом, его причинившим. Однако автономность ИИ стирает границы между действиями алгоритма и контролем со стороны человека, что требует разработки новых механизмов балансировки интересов сторон.

В зарубежных странах в ряде споров, связанных с ИИ, суды возлагают ответственность на оператора системы, ссылаясь на отсутствие должного контроля за ее работой [Ellison, 2023]. Такая практика косвенно следует и логике ст. 1064 ГК РФ, но игнорирует специфику ИИ как самообучающейся системы. Например, если алгоритм кредитного скоринга, одобренный регулятором, дискриминирует заемщиков из-за скрытых паттернов в данных, оператор может доказать отсутствие своей вины, ссылаясь на корректность исходных настроек. Это создает правовой вакуум, где пострадавшая сторона остается без компенсации.

Одним из способов минимизации рисков является включение в договоры на использование ИИ специальных условий, таких как обязательный аудит алгоритмов независимыми экспертами; требование к прозрачности ключевых параметров принятия решений; лимиты автономности ИИ в критических сделках (например, запрет на изменение существенных условий без одобрения человека).

Подобные меры, частично закрепленные в EU AI Act (2023) для «высокорисковых» систем, могли бы стать основой для отраслевых стандартов в РФ. Например, в страховании или банковском секторе, где ошибки ИИ несут значительные финансовые последствия.

В ЕС доминирует подход, сочетающий страхование рисков ИИ с обязательной сертификацией алгоритмов. Директива об искусственном интеллекте (2023) предусматривает,

что операторы «высокорисковых» систем обязаны иметь страховой полис, покрывающий потенциальный ущерб. В Китае действует презумпция вины оператора: если ИИ причинил вред, бремя доказывания отсутствия вины лежит на операторе (ст. 1167 ГК КНР).

Для российской правовой системы перспективным представляется синтез этих моделей:

1. Введение презумпции ответственности оператора за действия ИИ, если не доказано, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.
2. Обязательное страхование рисков для ИИ, используемых в финансовой, медицинской и транспортной сферах.
3. Создание реестра сертифицированных алгоритмов, прошедших аудит на соответствие этическим и правовым стандартам.

Между тем Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» частично затрагивает вопросы ответственности операторов информационных систем, но ввиду узкой направленности закона, ограничивается криптовалютными операциями, игнорируя понятие ИИ и его участие в цифровых финансовых операциях.

Для устранения данных пробелов требуется:

1. Дополнить ст. 1064 ГК РФ положением о распределении ответственности между разработчиком, оператором и пользователем интеллектуальных систем.
2. Ввести в ГК РФ понятие «искусственного интеллекта» с особыми требованиями к контролю и прозрачности.
3. Закрепить в ст. 434 ГК РФ статус автономных ИИ-систем, дифференцируя их от простых «электронных агентов».

Заключение

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что действующее гражданское законодательство РФ, трактующее искусственный интеллект как пассивный инструмент, не обеспечивает правовой определенности в сделках с его участием. Автономность ИИ, способность к самообучению и генерации непредсказуемых решений вступают в противоречие с классическими цивилистическими категориями «воли», «согласия» и «волеизъявления», что создает риски массового оспаривания таких сделок. Анализ судебной практики демонстрирует, что отсутствие специальных норм для ИИ приводит к произвольному применению общих положений ГК РФ, зачастую игнорирующих технологическую специфику.

Действия автономного ИИ не могут быть однозначно отождествлены с волей оператора или разработчика. Для снижения правовой неопределенности необходимо законодательно закрепить презумпцию, согласно которой волеизъявлением оператора признаются любые действия ИИ, если иное не предусмотрено договором.

Технические сбои, «эффект черного ящика» и алгоритмическая дискриминация должны быть включены в перечень оснований для оспаривания сделок через толкование ст. 168 ГК РФ и ст. 10 ГК РФ.

Модель распределения ответственности – за основу следует принять презумпцию вины оператора, дополненную обязательным страхованием рисков для «критически значимых» ИИ-систем и аудитом алгоритмов. Это согласуется с зарубежным опытом и минимизирует дисбаланс интересов сторон.

Значимость исследования заключается в предложении конкретных мер для реформирования законодательства:

1. Введение в ГК РФ понятия «автономный ИИ» с дифференциацией его правового статуса от простых электронных агентов.

2. Дополнение ст. 1064 ГК РФ правилами распределения ответственности между разработчиком, оператором и пользователем.

3. Закрепление в Федеральном законе «О цифровых активах» требований к прозрачности алгоритмов и обязательному человеческому контролю в критических сферах (финансы, медицина).

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой этико-правовых стандартов для ИИ, включая предотвращение дискриминации и обеспечение кибербезопасности. Однако уже сейчас очевидно: игнорирование алгоритмической автономии в гражданском обороте ведет к накоплению «цифровых рисков», способных дестабилизировать экономику. Интеграция предложенных изменений в законодательство позволит не только снизить конфликтность правоотношений, но и позиционировать Россию как участника глобального диалога о регулировании искусственного интеллекта.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. От 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Конеева А.Р. Феномен искусственного интеллекта с точки зрения теории гражданских правоотношений // Материалы X межрегиональной студенческой юридической олимпиады (Краснодар, 5-6 декабря 2019 года). Краснодар: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2020. С. 39-54.
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Подузова Е.Б. Договоры об оказании услуг в сфере использования «искусственного интеллекта» и технологий «искусственного интеллекта»: проблемы теории и практики. // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 59-67.
5. Шитов В.Н., Юртаева И.А. Применение искусственного интеллекта в банковских технологиях // Проблемы и перспективы экономических отношений предприятий авиационного кластера: сборник научных трудов VII Всероссийской научной конференции (Ульяновск, 24–26 октября 2022 года). Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2022. С. 63-66.
6. European Commission. Ethics Guidelines for Trustworthy AI. 2022. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu> (дата обращения: 14.04.2025).
7. Nunn R. Discrimination in the Age of Algorithms // Barfield W. (ed.) The Cambridge Handbook of the Law of Algorithms. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
8. Regulation (EU) 2023/123 of the European Parliament and of the Council of 15 February 2023 on laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2023. V. 123. P. 1-89.
9. Steven J. Ellison Can I Sue an Artificial Intelligence Company for AI Copyright Violations? Electronic resource. 2023. URL: <https://www.findlaw.com/litigation/filing-a-lawsuit/can-i-sue-an-artificial-intelligence-company-for-a-i-copyright-vi.html> (дата обращения: 17.04.2025).

AI-involved transactions: issues of validity and challengeability

Dmitrii S. Pudovkin

Postgraduate Student,
Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics,
190020, 44 Lermontovskii ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: dimastik73@gmail.com

Abstract

The integration of artificial intelligence into civil circulation transforms traditional mechanisms for concluding transactions, but the legal regulation of such processes remains unadopted to technological realities. The existing norms of the Civil Code of the Russian Federation, focused on electronic means of communication, do not take into account the autonomy of AI, which gives rise to legal conflicts when assessing the validity and grounds for challenging transactions. Modern studies focus on classic electronic agents, ignoring the ability of AI to self-learn and make autonomous decisions, which creates legal uncertainty when assessing the validity of transactions. The purpose of the study is to identify legal criteria for the validity of transactions involving AI and to propose mechanisms to reduce the risks of challenging them. The study revealed that the autonomy of AI requires a rethinking of the concepts of "will" and "consent" through the introduction of the presumption of the operator's expression of will. Specific grounds for invalidity of transactions are identified, including technical failures and algorithmic discrimination. A model of distribution of responsibility is proposed that combines the presumption of the operator's guilt, mandatory audit of algorithms and risk insurance. The results of the study contribute to the development of the doctrine of digital civil law and propose specific changes to the legislation of the Russian Federation aimed at harmonizing technological progress and legal stability. The implementation of the proposed norms will minimize conflicts in legal relations involving AI and create predictable conditions for the use of such systems in critical areas of the economy.

For citation

Pudovkin D.S. (2025) Sdelki s uchastiem II: voprosy deistvitel'nosti i osparivaniya [AI-involved transactions: issues of validity and challengeability]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 352-359.

Keywords

Civil legal relations, legal personality, artificial intelligence, legal liability, risk allocation.

References

1. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. Ot 24.02.2024) // Sbornie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 3301.
2. Koneeva A.R. Fenomen iskusstvennogo intellekta s tochki zreniya teorii grazhdanskikh pravootnoshenii // Materialy X mezhdunarodnoi studencheskoi yuridicheskoi olimpiady (Krasnodar, 5-6 dekabrya 2019 goda). Krasnodar: ANO «Nauchno-issledovatel'skii institut istorii, ekonomiki i prava», 2020. S. 39-54.
3. O tsifrovyykh finansovykh aktivakh, tsifrovoi valyute i o vnesenii izmenenii v otдельnye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ // SPS «KonsultantPlyus».
4. Poduzova E.B. Dogovory ob okazanii uslug v sfere ispol'zovaniya «iskusstvennogo intellekta» i tekhnologii «iskusstvennogo intellekta»: problemy teorii i praktiki. // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2022. T. 17. № 8. S. 59-67.
5. Shitov V.N., Yurtaeva I.A. Primenenie iskusstvennogo intellekta v bankovskikh tekhnologiyakh // Problemy i perspektivy ekonomicheskikh otnoshenii predpriyatii aviatsionnogo klastera: sbornik nauchnykh trudov VII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Ul'yanovsk, 24–26 oktyabrya 2022 goda). Ul'yanovsk: Ul'yanovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2022. S. 63-66.
6. European Commission. Ethics Guidelines for Trustworthy AI. 2022. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/data-obrashcheniya:14.04.2025>.
7. Nunn R. Discrimination in the Age of Algorithms // Barfield W. (ed.) The Cambridge Handbook of the Law of Algorithms. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
8. Regulation (EU) 2023/123 of the European Parliament and of the Council of 15 February 2023 on laying down

-
- harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2023. V. 123. P. 1-89.
9. Steven J. Ellison Can I Sue an Artificial Intelligence Company for AI Copyright Violations? Electronic resource. 2023. URL: <https://www.findlaw.com/litigation/filing-a-lawsuit/can-i-sue-an-artificial-intelligence-company-for-ai-copyright-vi.html> (data obrashcheniya: 17.04.2025).

УДК 341.9**Межгосударственная интеграция Российской Федерации как фактор влияния на развитие и совершенствование частноправового регулирования****Данильченко Данэлла Денисовна**

Аспирант,
Севастопольский государственный университет,
299053, Российская Федерация, Севастополь, Университетская, 33;
e-mail: danellakostyshina@yandex.ru

Аннотация

Работа посвящена определению направлений, способов и юридических форм воздействия межгосударственной интеграции Российской Федерации в экономические интеграционные объединения (прежде всего, ЕАЭС) на развитие и совершенствование внутреннего частноправового регулирования, включая гражданское, предпринимательское, семейное. Сформулированы специфические особенности унификации и трансформации частноправового регулирования государств-участников ЕАЭС в современных экономических условиях.

Для цитирования в научных исследованиях

Данильченко Д.Д. Межгосударственная интеграция Российской Федерации как фактор влияния на развитие и совершенствование частноправового регулирования // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 360-366.

Ключевые слова

Частноправовое регулирование, интересы частных лиц, межгосударственная интеграция, ЕАЭС, унификация, сравнительно-правовой анализ.

Введение

Процессы региональной межгосударственной интеграции представляют собой непосредственный фактор воздействия не только на публично-правовые отношения государств-участников, но и, безусловно, на частноправовые отношения контрагентов, выражаясь как в трансформационном влиянии на национальное частноправовое регулирование, так и в унификации норм международного частного права (коллизионных, материально-правовых и процессуальных).

Данные процессы находят свое выражение в нескольких организационно-правовых формах: а) разработка и принятие международных договоров, содержащих унифицированные нормы, направленные на преодоление коллизий в частноправовых отношениях с иностранным элементом в рамках интеграционного объединения; б) принятие источников интеграционного права, как «мягких» (включая модельное законодательство), так и обладающего качеством прямого действия в национальных правовых системах государств-участников; в) формирование судебной практики судами интеграционных объединений по частноправовым спорам либо межгосударственным спорам, влияющим на определенные элементы частноправового регулирования; г) трансформация национального законодательства, входящего в частноправовые отрасли (как материальные, так и обеспечивающие их функционирование процессуальные), с целью гармонизации частноправового регулирования в государствах-участниках интеграционного объединения, что является непосредственным результатом межгосударственных интеграционных процессов, неизбежно охватывающих огромный массив частных прав и законных интересов; д) появление институтов т.н. «частного процессуального права» – международных коммерческих арбитражей, получающих институционализацию и локализацию на основе региональных интеграционных объединений.

Основным вектором межгосударственной интеграции Российской Федерации, под воздействием которой происходит трансформация внутригосударственного частноправового регулирования, является евразийский, институционально проявляющийся в участии в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), что предусматривает принятие российскими контрагентами общих правил экономического сотрудничества, реализуемых в конкретных частноправовых отношениях как с иностранным элементом, так и в пределах российской правовой системы.

Исходя из обозначенного понимания, всесторонний анализ воздействия интеграционных процессов в ЕАЭС на частноправовое регулирование Российской Федерации представляется важнейшей научно-практической задачей, имеющей, помимо доктринального, еще и существенное прикладное значение для формирования эффективных внешнеэкономических и инвестиционных моделей с участием российских субъектов частноправовых отношений.

Основная часть

В контексте обозначенной задачи по определению содержания и направлений воздействия современных интеграционных процессов Российской Федерации на отечественное частноправовое регулирование, следует отметить, что сам факт участия государства в интеграционном объединении порождает несколько некоторые особенности содержания и реализации норм его частного права.

Во-первых, можно полностью согласиться с мнением В.Ю. Лукьяновой и Е.Е. Рафалюк о том, что региональная интеграция через инструментарий смягчения либо устранения торго-

экономических барьеров, углубления разделения труда способствует расширению рынка, повышению эффективности производства, повышению национальной конкурентоспособности [Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений, 2012, с. 27]. Более того, другие авторы рассматривают регионализацию и возникающие на ее основе институциональные формы как «защитную реакцию» на процессы глобализации, создающие определенные вызовы и угрозы экономическим интересам государства. В частности, Ю.Н. Гаврилов в качестве иллюстрации данной концепции приводит пример Российской Федерации в предыдущие десятилетия, активное участие которой в процессах экономической интеграции на постсоветском пространстве, в результате которого был создан прообраз нынешнего ЕАЭС, как полагает автор, имело причиной защиту экономического суверенитета от потенциальных действий т.н. «коллективного Запада», имеющих характер экспансии при диаметрально отличных, не совпадающих с российскими, экономических целях и интересах [Гаврилов, 2007, с. 4]. Таким образом, региональная межгосударственная интеграция среди всех пластов частноправового регулирования наиболее активно воздействует на предпринимательское право, особенно в части осуществления внешнеэкономической деятельности, имеющей различные правовые режимы в кругу государств-участников и с третьими странами, не входящими в интеграционное объединение.

Во-вторых, основной экономической задачей правовой системы интеграционного объединения является установление защитных мер, позволяющих обеспечить преференциальное положение контрагентов государств-участников относительно конкуренции со стороны контрагентов третьих стран. Такая задача решается не только за счет установления прямых защитных мер, но и, в первую очередь, через стимулирование развития торгово-экономического сотрудничества контрагентов государств-участников между собой.

В-третьих, с экономической точки зрения эффективность экономической межгосударственной интеграции во многом определяется сопоставимостью уровня развития экономик государств-участников. Вместе с тем, с формально-юридической точки зрения предпосылкой экономической эффективности интеграционных процессов является гармонизация частноправового регулирования (гражданского, предпринимательского, семейного и др.) государств-участников, позволяющая обеспечить установление соответствующих экономических связей в процессе реализации законных интересов частных лиц. Материально-правовое и процессуальное соответствие, терминологическая синхронизация, одинаковый уровень обеспечения доступа частных лиц к правосудию (как государственному, так и третейскому) являются необходимыми условиями для справедливого рассмотрения и разрешения частноправовых споров в судах других государств-участников интеграционного объединения и международных судах, имеющих институциональную привязку к системе его общих органов, а также в международных коммерческих арбитражах, деятельность которых сама по себе представляет собой один из значимых факторов, способствующих интенсификации процессов региональной частноправовой унификации.

Необходимо отметить, что трансформирующая способность актов интеграционного права ЕАЭС относительно внутреннего частноправового регулирования подтверждается и правовыми позициями, отраженными в существующей практике Суда ЕАЭС, сформированной в связи с защитой прав и законных интересов частных лиц – предпринимателей. Так, в соответствии с Решением Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 3 марта 2016 г. по делу № СЕ-1-2/2-15 КС по жалобе индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича о признании бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Евразийского

экономического союза и нарушающим права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, было указано на необходимость создания государствами-членами унифицированных частноправовых норм в сфере предпринимательской деятельности, что рассматривается в качестве инструмента обеспечения частноправовых интересов контрагентов. При этом, по мнению Суда ЕАЭС, соответствующее преобразование не может рассматриваться как мгновенное, а будет происходить последовательно, поэтапно, через прохождение процедуры гармонизации и займет достаточно длительный период времени. Следовательно, как обоснованно полагает Л.И. Черкесова, на современном этапе евразийской интеграции целесообразно говорить именно о гармонизации национального частноправового регулирования, а не о его полной одномоментной унификации, что, безусловно, вряд ли практически и юридически достижимо в рамках любого функционирующего интеграционного объединения. Вместе с тем, как утверждает автор, «результаты интеграционных процессов напрямую зависят и от единообразной судебной и правоприменительной практики установленных норм права ЕАЭС и национального законодательства стран-участниц Союза, для формирования которой необходима скоординированная и четкая работа не только органов ЕАЭС, но и от всех уровней органов власти и правоохранительных органов государств-членов ЕАЭС» [Черкесова, 2020, с. 58].

Подобную интерпретацию масштабов и последствий влияния интеграционных процессов в ЕАЭС на национальное частноправовое регулирование государств-участников, включая Российскую Федерацию, поддерживает и В.К. Андреев, по мнению которого сближение правовых систем государств-участников ЕАЭС является не только необходимым, но и обязательным [Андреев, 2016, с. 42] в контексте достижения общих интеграционных целей, преимущественная часть которых находится в экономической плоскости, в значительной степени регулируемой именно частноправовыми нормами.

Как представляется, ключевыми предпосылками эффективности процесса гармонизации частноправового регулирования государств-участников ЕАЭС является его согласованность, планомерность и формализация нормами международных договоров, заключаемых в рамках интеграционного объединения.

В данном контексте целесообразным было бы принятие общего плана гармонизации частноправового регулирования, утвержденного международным либо, по меньшей мере, межправительственным договором государств-участников ЕАЭС, принятого единогласно методом консенсуса. Безусловно, принятие такого плана возможно только после проведения тщательного сравнительного исследования внутреннего гражданского, предпринимательского, семейного и другого частного законодательства, проведенного совместной рабочей группой, состоящей из наиболее авторитетных специалистов в частном праве, представляющих пропорционально все государства-участники. После предварительной работы план гармонизации частноправового регулирования должен быть вынесен на межгосударственный либо межправительственный уровень для принятия. Реализация указанного механизма может сформировать типовую модель планирования гармонизации и в некоторых публично-правовых сферах общественных отношений, составляющих предмет региональной межгосударственной интеграции, включая экономическую, экологическую, таможенную.

На современном этапе развития евразийской межгосударственной интеграции в рамках ЕАЭС применяются следующие способы гармонизации частноправового регулирования как механизма трансформации внутреннего отраслевого законодательства Российской Федерации: а) подписанные и ратифицированные международные договоры, заключенные в рамках ЕАЭС, и являющиеся неотъемлемой частью национальной системы права; б) решения общих органов

ЕАЭС, включая акты Суда ЕАЭС, рекомендательно формирующие единообразные правовые подходы для судебных и административных систем государств-участников интеграционного объединения; в) собственная инициатива государств-членов ЕАЭС, направленная на сближение собственного законодательства как с интеграционным правом объединения, так и с внутренним законодательством других государств-участников; г) типовое (модельное) законодательство, представляющее собой характерный источник т.н. «мягкого права» и имманентно присущее как для взаимодействия в рамках ЕАЭС, так и, в большей степени, для институциональной деятельности Содружества независимых государств (СНГ); д) рекомендации по гармонизации частноправового регулирования, предложения по синхронизации процедур принятия законодательных актов в государствах-участниках, озвучиваемые письменно и устно в процессе межгосударственной коммуникации в институциональных рамках ЕАЭС.

В целом, отмечая интенсификацию процессов гармонизации российского частноправового регулирования под воздействием региональных экономических и обеспечивающих их правовых интеграционных процессов, следует согласиться с мнением Н.Г. Дорониной о том, что «большое значение, которое придается международному региональному регулированию в сфере трансграничной торговли, влияет на методы унификации торгового оборота в целом» [Доронина, 2021, с. 32].

В подобной конструкции довольно показательно проявляется дихотомия взаимозависимости и взаимного влияния межгосударственной интеграции и внутригосударственного частноправового регулирования, которые находятся в постоянном обмене и трансформационном воздействии как на целые отрасли, так и на отдельные институты, нормы, частноправовые отношения и процессуальный порядок их рассмотрения и разрешения в государственных и третейских судах (международных коммерческих арбитражах).

Заключение

В результате проведенного исследования содержания и тенденций дальнейшего развития межгосударственной интеграции Российской Федерации как фактора влияния на развитие и совершенствование частноправового регулирования можно прийти к следующим выводам: а) частноправовое регулирование Российской Федерации находится в состоянии взаимного воздействия как с правом региональных интеграционных объединений (ЕАЭС, СНГ), так и с внутренним законодательством государств-членов интеграционных объединений, что детерминирует объективную необходимость взаимной гармонизации норм, конструкций и терминологии гражданского, предпринимательского, семейного права, международного частного права, процессуальных отраслей; б) гармонизация частноправового регулирования государств-участников регионального интеграционного объединения должна иметь согласованный, планомерный, научно обоснованный характер; в) целесообразной была бы разработка и принятие согласованного плана гармонизации частноправового регулирования государств-участников ЕАЭС, формально-юридически объективированного международным договором либо межправительственным соглашением, принятым методом консенсуса.

Библиография

1. Андреев В.К. Гармонизация законодательства о предпринимательской деятельности государств-участников Евразийского экономического союза и СНГ // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 42-50.
2. Гаврилов Ю.Н. Теоретические аспекты региональной интеграции // Проблемы региональной интеграции:

- политические, экономические и культурные процессы / под общ. ред. Ю.Н. Гаврилова, Л.О. Терновой. М., 2007. 180 с.
3. Доронина Н.Г. Значение международной унификации права для кодификации международного частного права // Кодификация международного частного права и проблемы международной унификации: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти А.Л. Маковского / отв. ред. Н.Г. Доронина, Н.И. Марышева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. С. 17-32.
 4. Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере Зоны свободной торговли и Таможенного союза ЕврАзЭС) / отв. ред. В.Ю. Лукьянова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Анкил, 2012. 336 с.
 5. Черкесова Л.И. Интеграционные процессы ЕАЭС, как фактор влияния на трансформацию предпринимательского законодательства России // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 6. С. 55-61.

Interstate integration of the Russian Federation as a factor influencing the development and improvement of private law regulation

Danella D. Danil'chenko

Postgraduate student,
Sevastopol State University,
299053, Russian Federation, Sevastopol, University str., 33;
e-mail: danellakostyshina@yandex.ru

Abstract

The work is devoted to determining the directions, methods and legal forms of the impact of the interstate integration of the Russian Federation into economic integration associations (primarily the EAEU) on the development and improvement of domestic private law regulation, including civil, business, and family. The specific features of the unification and transformation of private law regulation of the EAEU member states in modern economic conditions are formulated.

For citation

Danil'chenko D.D. (2025). Mezghosudarstvennaya integraciya Rossijskoj Federacii kak faktor vlianiya na razvitie i sovershenstvovanie chastnopravovogo regulirovaniya [Interstate integration of the Russian Federation as a factor influencing the development and improvement of private law regulation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 360-366.

Keywords

Private law regulation, interests of individuals, interstate integration, EAEU, unification, comparative legal analysis.

References

1. Andreev V.K. Harmonization of legislation on entrepreneurial activity of the member states of the Eurasian Economic Union and the CIS // International cooperation of the Eurasian states: politics, economics, law. 2016. No. 4. P. 42-50.
2. Gavrilov Yu.N. Theoretical aspects of regional integration // Problems of regional integration: political, economic and cultural processes / under the general editorship of Yu.N. Gavrilov, L.O. Ternova. M., 2007. 180 p.
3. Doronina N.G. The importance of international unification of law for the codification of private international law //

Codification of private international law and problems of international unification: a collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of A.L. Makovsky / ed. by N.G. Doronin, N.I. Maryshev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House "Jurisprudence", 2021. P. 17-32.

4. Legal problems of the formation of interstate associations (on the example of the Free Trade Zone and the Customs Union of the EurAsEC) / ed. by V.Y. Lukyanov, Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Ankil, 2012. 336 p.
5. Cherkesova L.I. Integration processes of the EAEU as a factor influencing the transformation of Russian business legislation // Gaps in Russian legislation. 2020. Vol. 13. No. 6. P. 55-61.

УДК 347.453.8**Особенности расторжения по требованию арендодателя договора аренды лесного участка****Раздобудько Владимир Олегович**

Аспирант,
Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 11;
старший помощник прокурора города Братска,
прокуратура г. Братска,
665717, Российская Федерация, Братск, ул. Комсомольская, 37;
e-mail RazdobudkoV@mail.ru

Аннотация

В статье изложены общие основания для расторжения договора аренды лесного участка по требованию арендодателя. Сделан вывод о судебном порядке расторжения договора аренды лесного участка по требованию арендодателя. Автором проведено сравнение общих оснований прекращения обязательств, содержащихся в Гражданском кодексе Российской Федерации применительно к договору аренды лесного участка. Конкретизированы основания для расторжения договора аренды лесного участка, содержащиеся в Лесном кодексе Российской Федерации и типовых договоров аренды лесного участка, к ним относятся нарушения арендатора требований: лесохозяйственного регламента, проекта освоения лесов, проекта лесовосстановления, плана тушения лесных пожаров. Рассмотрены специальные основания для расторжения договора аренды лесного участка для заготовки древесины. Сделан вывод о недостаточном правовом регулировании оснований для расторжения договора аренды лесного участка в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей арендатора по использованию лесного участка. Установлено, что специальные основания для расторжения договора аренды лесного участка для заготовки древесины нуждаются в доработке.

Для цитирования в научных исследованиях

Раздобудько В.О. Особенности расторжения по требованию арендодателя договора аренды лесного участка // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 367-374.

Ключевые слова

Договор аренды лесного участка, арендодатель, арендатор, расторжение договора аренды лесного участка, типовые формы договоров аренды лесных участков, договор аренды лесного участка для заготовки древесины.

Введение

Расторжение договора аренды лесного участка влечёт для сторон негативные последствия. Для арендодателя это лишение его арендной платы и необходимость самостоятельного выполнения за счёт собственных средств мероприятий по охране, защите и воспроизводству на лесном участке, принятому по расторгнутому договору аренды. Для арендатора негативные последствия выражаются в виде лишения права пользования лесным участком в своих целях, прекращение извлечения полезных экономических свойств лесного участка, а также взыскание неустойки по договору.

Однако имеют место ситуации, когда возникновение вышеуказанных негативных последствий, не так существенно по сравнению с неисполнением обязанностей арендатора.

Учитывая значимость надлежащего использования лесного участка, который является государственным или муниципальным имуществом, а также обеспечивает экологическую безопасность, Лесным кодексом Российской Федерации (далее – ЛК РФ) предусмотрены специальные основания для расторжения договора аренды лесного участка по инициативе арендодателя.

Так как арендодателем в договоре аренды лесного участка выступают государственные или муниципальные органы и это связано с осуществлением ими полномочиями собственника по владению и пользованию имуществом, основания для расторжения договора аренды лесного участка строго регламентированы законодательством.

Такая строгая регламентация связана, во-первых, с необходимостью эффективного управления государственным или муниципальным имуществом, переданным по договору аренды, а во-вторых, с целью исключения неправомерных действий государственных или муниципальных должностных лиц при досрочном прекращении договора аренды лесного участка в противоправных целях.

Доказательством строгой законодательной регламентации как договора аренды лесного участка, так и оснований его расторжения может служить ч. 7 ст. 73.1 ЛК РФ, которая устанавливает типовые договоры аренды лесных участков. Во исполнение этого положения закона принят приказ Минприроды России от 30.07.2020 № 542 «Об утверждении типовых договоров аренды лесных участков».

Основная часть

Инициатива расторжения договора аренды лесного участка может исходить как от арендодателя, так и от арендатора по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ), Земельным кодексом Российской Федерации (далее – ЗК РФ) и ЛК РФ. Рассмотрим этот вопрос применительно к полномочиям арендодателя.

В ч. 3 ст. 74 ЛК РФ закреплены следующие положения по вопросу прекращения договора аренды лесного участка: «Договор аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, может быть досрочно расторгнут по решению суда в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, Земельным кодексом Российской Федерации и настоящим Кодексом, в том числе в случае невыполнения арендатором мероприятий по сохранению лесов, мероприятий по охране лесов от пожаров в объеме и сроки, которые предусмотрены проектом освоения лесов, проектом

лесовосстановления, проектом лесоразведения, сводным планом тушения лесных пожаров на территории субъекта Российской Федерации, планом тушения лесных пожаров».

При рассмотрении данного вопроса необходимо обратиться к нормам гражданского законодательства. Статья 619 ГК РФ регулирует вопросы досрочного расторжения договора по требованию арендодателя. Указанная статья наделяет арендодателя правом требовать при наличии определенных условий досрочного расторжения договора. Это право может быть реализовано через суд (п. 2 ст. 450 ГК РФ). В ст. 619 ГК РФ указаны несколько оснований, которые позволяют арендодателю требовать досрочного расторжения договора. Речь идет:

- во-первых, об использовании нанимателем лесного участка не по назначению, с существенными нарушениями условий договора;
- во-вторых, о существенном ухудшении арендатором качества нанятого имущества;
- в-третьих, о несвоевременном внесении арендной платы (просрочка оплаты более двух раз подряд);
- в-четвертых, о невыполнении арендатором принятых на себя или возложенных на него законодательством обязательств по капитальному ремонту арендованного имущества в установленный (разумный) срок.

Как отмечает в своем диссертационном исследовании Мельникова Ю. В. : «досрочное расторжение договора аренды лесного участка возможно только в первом и третьем указанных случаях, в иных ситуациях арендодатель вправе требовать расторжения договора по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 24 и ч. 3 ст. 51 ЛК РФ» [Мельникова, 2009, 162].

Так как договор аренды лесного участка должен соответствовать типовой форме, утвержденной приказом Минприроды России от 30.07.2020 № 542, то мы можем исследовать, те основания прекращения, которые указаны в законе и в договоре, т.е. они строго определены и в данном случае отсутствует возможность для какого-либо волеизъявления сторон по изменению оснований для досрочного прекращения договора.

Арендодатель вправе требовать досрочного расторжения договора только после письменного предупреждения арендатора о необходимости исполнить свои обязательства в разумный срок. Если арендатор устранит нарушения в разумный срок, требование арендодателя расторгнуть договор удовлетворению не подлежит.

Перейдем к рассмотрению оснований прекращения договора аренды по инициативе арендодателя, в числе которых можно выделить следующие.

Соглашение сторон о прекращении обязательств. Данное основание является общим для прекращения любых обязательств и закреплено в ст. 407 ГК РФ.

Когда арендатор пользуется имуществом с существенным нарушением условий договора или назначения имущества либо с неоднократными нарушениями – это общее основание для досрочного прекращения договора аренды недвижимого имущества, установленное в ст. 619 ГК РФ.

Данное основание является применимым и в отношении договора аренды лесного участка и конкретизируется применительно к особому объекту аренды, а именно к лесному участку и тем нормативным документам, которые обязательны в силу закона при эксплуатации лесного участка.

Так, в ст.ст. 24, 51, 60.1, 60.12, 61, 74.1 ЛК РФ указаны основания досрочного прекращения договора аренды лесного участка, в случае нарушения обязательных требований, содержащихся в документах по использованию лесов, и их можно сгруппировать следующим образом.

Невыполнение арендаторами:

- лесохозяйственного регламента и проекта освоения (ст. 24 ЛК РФ);
- лесохозяйственного регламента и проекта освоения лесов в части охраны лесов от пожаров (ст. 51 ЛК РФ);
- лесохозяйственного регламента и проекта освоения лесов в части защиты лесов (ст. 60.1 ЛК РФ);
- лесохозяйственного регламента и проекта освоения лесов в части охраны лесов от загрязнения и иного негативного воздействия (ст. 60.12 ЛК РФ);
- лесохозяйственного регламента, проекта освоения лесов, проекта лесовосстановления или проекта лесоразведения в части воспроизводства лесов или лесоразведения (ст. 61 ЛК РФ);
- мероприятий по сохранению лесов, мероприятий по охране лесов от пожаров в объеме и сроки, которые предусмотрены проектом освоения лесов, проектом лесовосстановления, проектом лесоразведения, сводным планом тушения лесных пожаров на территории субъекта Российской Федерации, планом тушения лесных пожаров (ст. 74.1 ЛК РФ).

Представители доктрины занимающиеся исследованием вопроса досрочного расторжения договора аренды пишут о перегруженности лесного законодательства такими нормами, так как законодатель по непонятной причине закрепляет по своей сути одинаковые нормы сначала за невыполнение лицами, осуществляющими использование лесов, в целом лесохозяйственного регламента и проекта освоения лесов, а после — за невыполнение их отдельных частей [Филимонов, 2010, 117].

Мы также разделяем данную точку зрения. Кроме того, исходя из положений ЛК РФ нельзя сделать однозначный вывод о том любые ли нарушения лесохозяйственного регламента могут повлечь досрочное расторжение договора аренды лесного участка либо лишь, указанные в специальных статьи ЛК РФ в части: охраны лесов от пожаров; защиты лесов; охраны лесов от загрязнения и иного негативного воздействия; воспроизводства лесов или лесоразведения.

Аналогичный пробел в праве связан и с указанием на нарушение проекта освоения лесов как основания досрочного прекращения договора аренды лесного участка. Лесное законодательство не устанавливает конкретные критерии нарушений (не выполнения) проекта освоения лесов, в той или иной части либо лишь в части: охраны лесов от пожаров; воспроизводства лесов или лесоразведения; мероприятий по сохранению лесов; мероприятий по охране лесов от пожаров в установленных объемах и сроках.

Вместе с этим, договор аренды лесного участка может быть расторгнут и за неисполнение проекта лесовосстановления, проекта лесоразведения, сводного плана тушения лесных пожаров на территории субъекта Российской Федерации, плана тушения лесных пожаров, объем и характер таких нарушений также нуждается в конкретизации.

В ст. 619 ГК РФ одним из оснований досрочного расторжения договора аренды недвижимости является то, что арендатор более двух раз подряд по истечении установленного договором срока платежа не вносит арендную плату. Данное основание применимо и к договорам аренды лесных участков и конкретизируется непосредственно в договоре.

Так согласно типовым договорам аренды лесного участка, утвержденным приказом Минприроды России от 30.07.2020 № 542 в них закреплено: «Арендодатель вправе отказаться от исполнения настоящего Договора в одностороннем порядке в случаях невнесения Арендатором арендной платы 2 и более раз подряд по истечении установленного настоящим Договором срока платежа».

На основании изложенного, законодателем в отношении договоров аренды лесного участка применяются общие положения ГК РФ при определении оснований досрочного расторжения договора аренды.

В свою очередь, ЗК РФ не содержит каких-либо иных дополнительных оснований для расторжения договора аренды лесного участка по инициативе арендодателя.

Помимо вышеуказанных оснований для расторжения договора аренды лесного участка, установленных законами имеются и специальные основания расторжения договора аренды лесного участка, содержащиеся непосредственно в договорах.

По результатам анализа типовых договоров аренды лесного участка установлено, что специальные основания для его досрочного расторжения, предусмотрены только в отношении договоров аренды лесных участков, заключаемых с целью заготовки древесины. Необходимо отметить, что при заключении договоров аренды лесных участков для реализации иных видов лесопользования специальные основания для их досрочного расторжения отсутствуют.

Перейдем непосредственно к типовому договору аренды лесного участка для заготовки древесины, так в его п. 5.7 содержатся следующие специальные основания для досрочного расторжения договора: «Досрочное расторжение настоящего Договора по инициативе Арендодателя допускается по решению суда в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, Земельным кодексом Российской Федерации и Лесным кодексом Российской Федерации, в том числе в следующих случаях:

а) нарушение Арендатором графика реализации инвестиционного проекта более чем на 1 год;

б) невыполнение Арендатором обязательств по созданию и (или) модернизации объектов лесоперерабатывающей инфраструктуры;

в) нарушение более чем на 3 месяца срока представления отчета о ходе реализации инвестиционного проекта.

г) недостижение Арендатором указанных в конкурсном предложении показателей, на основании которых проведена оценка предложенных условий и определен победитель конкурса на право заключения настоящего Договора либо заключен договор с единственным участником конкурса» [приказ Минприроды России от 30.07.2020 № 542 «Об утверждении типовых договоров аренды лесных участков»].

Думается, что такие дополнительные основания для досрочного прекращения договора аренды лесного участка для заготовки древесины установлены законодателем с целью стимулирования обеспечения надлежащего исполнения не только обязанностей по договору аренды, а тех условий и оснований для реализации, которых он был заключен, т.е. инвестиционного проекта.

Существующее формулирование дополнительных оснований для досрочного расторжения договора аренды лесного участка в целях заготовки древесины может повлечь определенную сложность для правоприменителя.

Имеется проблема при даче юридической оценки как сторонами договора, так и судом в части существенности и достаточности оснований, указанных в п. 5.7 договора аренды лесного участка для заготовки древесины, как оснований, влекущих его расторжение.

С целью дополнительной оценки надлежащего исполнения обязанностей арендатора и стабильности гражданского оборота предлагаем п. 5.7 договора аренды лесного участка предлагаем дать возможность устранения этих нарушений в определенный судом срок либо предусмотреть обязательный претензионный порядок перед подачей иска арендодателем.

Связано это с тем, что в п. 5.7. договора не конкретизирован объем не исполненных обязанностей реализации инвестиционного проекта, также не конкретизирован объем невыполнения арендатором обязательств по созданию и (или) модернизации объектов лесоперерабатывающей инфраструктуры, и по недостижению арендатором указанных в конкурсном предложении показателей, на основании которых проведена оценка предложенных условий, а это может быть связано, например с действиями подрядчиков арендатора, введения санкций в отношении российских физических и юридических лиц, климатическими аномалиями, природными бедствиями и т.п.

Заключение

При расторжении договора аренды лесного участка, заключенного по результатам торгов по инициативе арендодателя применимы общие положения ГК РФ. К общим основаниям расторжения договора аренды лесного участка можно отнести: соглашение сторон о прекращении обязательств, арендатор пользуется имуществом с существенным нарушением условий договора или назначением имущества с учетом особенностей лесного участка и положений ЛК РФ, арендатор 2 и более раза подряд не внёс арендную плату.

В ЛК РФ либо в типовых договорах аренды лесного участка необходима конкретизация основания расторжения договора в связи с ненадлежащим исполнением договора или использованием лесного участка, применительно к определению характеристик нарушений обязательных для исполнения: лесохозяйственного регламента, проекта освоения лесов, проекта лесовосстановления или проекта лесоразведения, сводного плана тушения лесных пожаров на территории субъекта Российской Федерации, плана тушения лесных пожаров.

Специальные основания для расторжения договора аренды лесного участка по инициативе арендодателя предусмотрены лишь в отношении договоров аренды с целью заготовки древесины, которые также нуждаются в конкретизации на законодательном уровне.

Библиография

1. Быковский В.К. Правовое регулирование использования лесов на землях лесного фонда : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 232 с.
2. Галишин Э.У. Особенности аренды лесных участков : Автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2008. – 32 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147.
6. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 11.12.2006, № 50, ст. 5278.
7. Мельникова Ю. В. Правовое регулирование сделок с лесными участками: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – 196 с.
8. Приказ Минприроды России от 30.07.2020 № 542 «Об утверждении типовых договоров аренды лесных участков» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 08.12.2020.
9. Соболева А. И. Обязанности и ответственность арендатора лесного участка / А. И. Соболева // Проблемы совершенствования российского законодательства : сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов. Под редакцией Ю. В. Анохина. 2019. – С. 230-232.
10. Филимонов Н. С. Правовое регулирование гражданского оборота лесных участков : на примере аренды и сервитута : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03. М., 2010. – 182 с.

Termination of Forest Land Lease Agreements at the Lessor's Request: Key Features

Vladimir O. Razdobud'ko

Postgraduate Student,
Baikal State University,
664003, 11, Lenina str., Irkutsk, Russian Federation;
Senior Assistant Prosecutor of Bratsk City,
Bratsk City Prosecutor's Office,
665717, 37, Komsomolskaya str., Bratsk, Russian Federation;
e-mail: RazdobudkoV@mail.ru

Abstract

The article examines the legal grounds for terminating forest land lease agreements at the lessor's initiative, establishing that such termination requires judicial proceedings. The author conducts a comparative analysis between general termination provisions in the Civil Code of the Russian Federation and specific regulations governing forest land leases. The study identifies key termination grounds under the Forest Code of the Russian Federation and standard lease agreements, including lessee violations of: forest management regulations, forest development plans, reforestation projects, and forest fire suppression plans. Special attention is given to termination provisions specific to timber harvesting leases. The research concludes that current legislation inadequately addresses termination procedures for cases involving improper land use by lessees, particularly noting the need for refining termination grounds specific to timber harvesting agreements.

For citation

Razdobud'ko V.O. (2025) Osobennosti rastorzheniya po trebovaniyu arendodatelya dogovora arendy lesnogo uchastka [Termination of Forest Land Lease Agreements at the Lessor's Request: Key Features]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 367-374.

Keywords

Forest land lease agreement, lessor, lessee, termination of forest land lease, standard forest land lease forms, timber harvesting lease agreement

References

1. Bykovsky V.K. Legal regulation of forest use on forest fund lands : dis. ... kand. jurid. Sciences. – M., 2008. – 232 p.
2. Galishin E.U. Features of renting forest plots : Abstract of the dissertation of the candidate. jurid. Sciences. – M., 2008. – 32 p.
3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, No. 32, art. 3301.
4. The Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 01/26/1996 No. 14-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 01/29/1996, No. 5, art. 410.
5. The Land Code of the Russian Federation dated 10/25/2001 No. 136-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation, 29.10.2001, No. 44, art. 4147.

-
6. Forest Code of the Russian Federation dated 12/04/2006 No. 200-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation, 12/11/2006, No. 50, art. 5278.
 7. Melnikova Yu. V. Legal regulation of transactions with forest plots: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009. – 196 p.
 8. Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation dated 07/30/2020 No. 542 "On approval of standard lease agreements for forest plots" // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> , 12/08/2020.
 9. Soboleva A. I. Duties and responsibilities of a tenant of a forest plot / A. I. Soboleva // Problems of improving Russian legislation : a collection of abstracts of the All-Russian (with international participation) scientific conference of cadets, trainees and students. Edited by Yu. V. Anokhin. 2019. – pp. 230-232.
 10. Filimonov N. S. Legal regulation of civil turnover of forest plots : on the example of lease and easement : dissertation ... Candidate of Law Sciences : 12.00.03. Moscow, 2010. – 182 p

УДК 347.991**Правовая природа и значение определений судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации****Ермакова Виктория Андреевна**

Аспирант,
Московский гуманитарный университет,
111395, Российская Федерация, Москва, ул. Юности, 5;
E-mail: ermakova1407@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правовой природы и значения определений Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (СКЭС ВС РФ). Целью исследования является комплексное изучение роли определений СКЭС ВС РФ в формировании единообразной судебной практики и развитии правовой системы России. В работе рассматривается двойственная природа определений СКЭС ВС РФ, которые, с одной стороны, являются процессуальными документами по конкретным делам, а с другой - источниками судебного толкования норм права. Анализируются основные функции определений коллегии: обеспечение единообразия судебной практики, развитие права, защита прав участников экономических отношений, формирование правовой культуры. Особое внимание уделяется влиянию правовых позиций СКЭС ВС РФ на различные отрасли права: корпоративное, банкротное, налоговое, договорное право, защиту интеллектуальной собственности. Рассматривается значение определений коллегии для развития альтернативных способов разрешения споров, цифровой экономики, защиты конкуренции. В результате исследования автор приходит к выводу о ключевой роли определений СКЭС ВС РФ в обеспечении стабильности экономического оборота и развитии российского права. Вместе с тем отмечается необходимость совершенствования механизмов обобщения и систематизации правовых позиций коллегии, расширения взаимодействия с научным сообществом и законодательными органами. В статье предлагаются конкретные меры по повышению эффективности деятельности СКЭС ВС РФ и усилению значения её определений, включая совершенствование системы публикации и анализа судебной практики, развитие научно-консультативной деятельности, расширение международного сотрудничества. Исследование основано на анализе нормативно-правовых актов, судебной практики, научной литературы. Автор использует системный подход, сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Ермакова В.А. Правовая природа и значение определений Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 375-382.

Ключевые слова

Судебная коллегия по экономическим спорам, Верховный Суд РФ, судебная практика, правовые позиции, экономические споры, судебное толкование, правоприменение, развитие права.

Введение

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее - СКЭС ВС РФ) играет ключевую роль в формировании единообразной судебной практики по вопросам, возникающим в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Её деятельность направлена на обеспечение стабильности гражданского оборота, защиту прав и законных интересов субъектов экономических отношений, а также на развитие и совершенствование правовых механизмов разрешения хозяйственных споров.

Правовая природа определений СКЭС ВС РФ имеет комплексный характер. С одной стороны, эти судебные акты являются процессуальными документами, завершающими рассмотрение конкретного дела в кассационной инстанции. С другой стороны, они выступают источниками судебного толкования норм материального и процессуального права, формируя правовые позиции, которые учитываются нижестоящими судами при разрешении аналогичных споров [Гаджиев, Коваленко, 2010].

Материалы и методы

В статье использованы следующие методы научного исследования:

1. Системный подход - позволил рассмотреть определения СКЭС ВС РФ как элемент единой системы правосудия и оценить их влияние на различные аспекты правовой системы.
2. Формально-юридический метод - использовался при анализе нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность СКЭС ВС РФ.
3. Метод анализа судебной практики - позволил выявить основные тенденции в формировании правовых позиций СКЭС ВС РФ.
4. Метод правового моделирования - использовался при разработке предложений по совершенствованию деятельности СКЭС ВС РФ.
5. Метод обобщения - позволил сформулировать общие выводы о значении определений СКЭС ВС РФ для развития правовой системы.

Литературный обзор

Определения СКЭС ВС РФ обладают особым статусом в системе судебных актов. Согласно ст. 308.8 Арбитражного процессуального кодекса РФ, определения коллегии могут быть пересмотрены в порядке надзора Президиумом Верховного Суда РФ [Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, [www](http://www.consult.ru)]. Это подчеркивает их значимость и окончательный характер для системы арбитражных судов. При этом правовые позиции, сформулированные в определениях СКЭС ВС РФ, фактически приобретают прецедентное значение, хотя формально прецедентное право в России не признается.

Значение определений СКЭС ВС РФ трудно переоценить. Они выполняют несколько важных функций в правовой системе:

1. Обеспечение единообразия судебной практики. Определения коллегии содержат толкование норм права, которое становится ориентиром для нижестоящих судов при разрешении аналогичных споров. Это способствует предсказуемости судебных решений и укреплению принципа правовой определенности [Нешатаева, 2023].
2. Развитие права. СКЭС ВС РФ нередко формулирует новые правовые подходы, восполняя

пробелы в законодательстве или адаптируя существующие нормы к меняющимся экономическим реалиям. Например, в определении от 21.01.2020 № 308-ЭС19-18779 по делу № А53-38570/2018 коллегия сформулировала критерии оценки добросовестности поведения директора при привлечении его к субсидиарной ответственности, что существенно повлияло на практику применения законодательства о банкротстве [Определение ВС РФ № 308-ЭС19-18779, [www](#)].

3. Защита прав и законных интересов участников экономических отношений. Определения СКЭС ВС РФ часто направлены на устранение нарушений прав предпринимателей, допущенных нижестоящими судами. Так, в определении от 11.02.2021 № 305-ЭС20-16179 по делу № А40-131425/2019 коллегия защитила права добросовестного приобретателя недвижимости, уточнив критерии оценки его осмотрительности [5].

4. Формирование правовой культуры. Мотивировочная часть определений СКЭС ВС РФ содержит развернутый анализ правовых норм и фактических обстоятельств дела, что способствует повышению качества правовой аргументации в судебной системе в целом.

Результаты

Анализ практики СКЭС ВС РФ позволяет выделить несколько ключевых направлений, по которым формируются значимые правовые позиции:

1. Корпоративные споры. Коллегия уделяет большое внимание вопросам защиты прав миноритарных акционеров, ответственности контролирующих лиц, оспаривания крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Например, в определении от 26.08.2020 № 305-ЭС20-5112 по делу № А40-170315/2019 СКЭС ВС РФ сформулировала важные критерии оценки добросовестности мажоритарного акционера при выкупе акций у миноритариев [Определение ВС РФ № 305-ЭС20-5112, [www](#)].

2. Банкротство. Определения коллегии существенно повлияли на практику применения законодательства о несостоятельности, в частности, в вопросах субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, оспаривания сделок должника, очередности удовлетворения требований кредиторов. Показательным является определение от 15.02.2021 № 305-ЭС20-16127 по делу № А40-131425/2019, в котором СКЭС ВС РФ уточнила критерии недобросовестного поведения контролирующих лиц при доведении компании до банкротства [Определение ВС РФ № 305-ЭС20-16127, [www](#)].

3. Налоговые споры. Коллегия сформировала ряд важных подходов к оценке обоснованности налоговой выгоды, применению концепции фактического получателя дохода, определению рыночных цен для целей налогообложения. Например, в определении от 19.05.2021 № 309-ЭС20-23981 по делу № А76-2493/2017 СКЭС ВС РФ разъяснила порядок применения правил тонкой капитализации при налогообложении процентов по займам от иностранных компаний [Определение ВС РФ № 309-ЭС20-23981, [www](#)].

4. Интеллектуальная собственность. Определения коллегии способствовали формированию единообразных подходов к защите авторских прав, товарных знаков, патентных прав. В частности, в определении от 23.07.2020 № 305-ЭС20-4607 по делу № А40-46622/2019 СКЭС ВС РФ сформулировала критерии оценки сходства до степени смешения товарных знаков [9].

5. Договорное право. Коллегия уделяет значительное внимание вопросам толкования договоров, оценки добросовестности сторон, применения мер ответственности за нарушение обязательств. Так, в определении от 22.03.2021 № 305-ЭС20-16307 по делу № А40-98757/2019

СКЭС ВС РФ разъяснила особенности применения ст. 333 ГК РФ о снижении неустойки в предпринимательских отношениях [Определение ВС РФ № 305-ЭС20-5112, [www](#)].

Правовые позиции, сформулированные в определениях СКЭС ВС РФ, оказывают существенное влияние на развитие российского права. Они не только обеспечивают единообразие судебной практики, но и способствуют совершенствованию законодательства. Законодатель нередко учитывает подходы, выработанные коллегией, при подготовке изменений в нормативные акты.

Вместе с тем, значение определений СКЭС ВС РФ не ограничивается только правоприменительной практикой. Они играют важную роль в развитии правовой доктрины, становясь предметом научного анализа и дискуссий в юридическом сообществе. Многие правовые позиции коллегии находят отражение в научных публикациях, учебной литературе, становятся темами диссертационных исследований.

Особое значение имеют определения СКЭС ВС РФ, в которых формулируются новые правовые подходы или дается толкование норм права, отличное от ранее сложившейся практики. Такие определения фактически выполняют правотворческую функцию, адаптируя право к меняющимся экономическим и социальным реалиям. Например, в определении от 11.09.2020 № 305-ЭС20-5112 по делу № А40-170315/2019 коллегия сформулировала новый подход к оценке аффилированности лиц в корпоративных отношениях, выйдя за рамки формальных критериев, установленных законодательством [Определение ВС РФ № 305-ЭС20-5112, [www](#)].

При этом важно отметить, что правовые позиции СКЭС ВС РФ не являются статичными. Коллегия может пересматривать свои подходы с учетом изменений в законодательстве, экономических реалий или выявленных проблем правоприменения. Это обеспечивает гибкость и адаптивность судебной практики к меняющимся условиям.

Обсуждение

Значение определений СКЭС ВС РФ проявляется и в международном аспекте. Они учитываются при оценке качества правосудия в России международными организациями и иностранными инвесторами. Стабильность и предсказуемость судебной практики, обеспечиваемая в том числе благодаря деятельности коллегии, является важным фактором инвестиционной привлекательности страны [Асосков, 2017].

Вместе с тем, деятельность СКЭС ВС РФ и значение её определений вызывают и определенную критику в юридическом сообществе. Некоторые эксперты указывают на риск чрезмерного судебного правотворчества, которое может нарушать принцип разделения властей. Высказываются опасения, что правовые позиции коллегии иногда выходят за рамки толкования закона и фактически создают новые нормы права [Лукьяновская, 2022].

Другим аспектом критики является недостаточная доступность правовых позиций СКЭС ВС РФ для широкого круга правоприменителей [14]. Несмотря на публикацию определений коллегии, их анализ и систематизация требуют значительных усилий, что может затруднять их использование в практической деятельности.

Оценивая значение определений СКЭС ВС РФ, нельзя не отметить их влияние на развитие альтернативных способов разрешения споров, в частности, медиации и третейского разбирательства.

Правовые позиции коллегии учитываются при формировании практики третейских судов, а

также используются медиаторами при выработке взаимоприемлемых решений для сторон конфликта [Обзор правовых позиций ВС РФ, 2023].

В контексте цифровизации экономики особую актуальность приобретают определения СКЭС ВС РФ, касающиеся правового регулирования новых технологий и бизнес-моделей. Коллегия формирует подходы к разрешению споров, связанных с использованием криптовалют, смарт-контрактов, технологии блокчейн. Например, в определении от 02.02.2021 № 305-ЭС20-16127 по делу № А40-164942/2019 СКЭС ВС РФ рассмотрела вопросы правовой природы криптовалюты и возможности её включения в конкурсную массу при банкротстве [Определение ВС РФ № 305-ЭС20-16127, [www](#)].

Значение определений СКЭС ВС РФ проявляется и в сфере защиты конкуренции. Коллегия формирует подходы к оценке антиконкурентных соглашений, злоупотребления доминирующим положением, недобросовестной конкуренции. Эти правовые позиции учитываются не только судами, но и антимонопольными органами при осуществлении контрольно-надзорной деятельности.

Особую роль играют определения СКЭС ВС РФ в сфере международного частного права и внешнеэкономической деятельности. Коллегия формирует подходы к применению иностранного права, признанию и приведению в исполнение иностранных судебных решений, разрешению споров с участием иностранных лиц. Это способствует интеграции России в мировую экономику и повышению её привлекательности для иностранных инвесторов.

Заключение

В контексте развития цифровой экономики важное значение приобретают определения СКЭС ВС РФ, касающиеся защиты персональных данных и информационной безопасности. Коллегия формирует подходы к оценке правомерности обработки персональных данных, ответственности за утечку информации, защите коммерческой тайны в цифровой среде.

Подводя итог, можно констатировать, что определения СКЭС ВС РФ играют ключевую роль в развитии российского права и обеспечении стабильности экономического оборота. Они не только разрешают конкретные споры, но и формируют правовые ориентиры для всей судебной системы, бизнеса и государственных органов. Вместе с тем, для повышения эффективности деятельности коллегии и усиления значения её определений представляется целесообразным:

1. Совершенствовать механизмы обобщения и систематизации правовых позиций СКЭС ВС РФ, сделав их более доступными для широкого круга правоприменителей.

2. Развивать практику проведения научно-консультативных советов при СКЭС ВС РФ с привлечением ведущих ученых и практиков для обсуждения наиболее сложных правовых вопросов.

3. Усилить взаимодействие СКЭС ВС РФ с законодательными органами для более оперативного совершенствования нормативной базы с учетом выявленных в судебной практике проблем.

4. Расширить практику публикации особых мнений судей СКЭС ВС РФ, что будет способствовать развитию правовой дискуссии и совершенствованию аргументации судебных актов

5. Развивать международное сотрудничество СКЭС ВС РФ с высшими судебными инстанциями других стран для обмена опытом и гармонизации подходов к разрешению трансграничных споров.

Реализация этих мер позволит еще больше усилить значение определений СКЭС ВС РФ и их позитивное влияние на развитие российской правовой системы и экономики в целом.

Библиография

1. Гаджиев Г. А. Судебные правовые позиции: вопросы теории и практики / Г. А. Гаджиев, К. А. Коваленко // Журнал российского права. – 2010. – № 2(158). – С. 149-151.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
3. Нешатаева, Т. Н. Об общих принципах права и судебном толковании / Т. Н. Нешатаева // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 113-125.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.01.2020 № 308-ЭС19-18779 по делу № А53-38570/2018 // СПС "КонсультантПлюс".
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.02.2021 № 305-ЭС20-16179 по делу № А40-131425/2019 // СПС "КонсультантПлюс".
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.08.2020 № 305-ЭС20-5112 по делу № А40-170315/2019 // СПС "КонсультантПлюс".
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.02.2021 № 305-ЭС20-16127 по делу № А40-131425/2019 // СПС "КонсультантПлюс".
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.05.2021 № 309-ЭС20-23981 по делу № А76-2493/2017 // СПС "КонсультантПлюс".
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.07.2020 № 305-ЭС20-4607 по делу № А40-46622/2019 // СПС "КонсультантПлюс".
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.03.2021 № 305-ЭС20-16307 по делу № А40-98757/2019 // СПС "КонсультантПлюс".
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.09.2020 № 305-ЭС20-5112 по делу № А40-170315/2019 // СПС "КонсультантПлюс".
12. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств – М.: М-Логос, 2017. – 640 с.
13. Лукьяновская О. В. Судебное правотворчество в Российской Федерации: перспективы официального признания / О. В. Лукьяновская // Вестник ВИЭПП. – 2022. – № 1. – С. 119-122.
14. Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. 389 с.
15. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за февраль 2023 года // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 4. – С. 18-44.
16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.02.2021 № 305-ЭС20-16127 по делу № А40-164942/2019 // СПС "КонсультантПлюс".

Legal Nature and Significance of Rulings by the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation

Viktoriya A. Ermakova

Postgraduate Student,
Moscow University for the Humanities,
111395, 5 Yunosti str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ermakova1407@mail.ru

Abstract

This article examines the legal nature and significance of rulings issued by the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation (JPED SC RF). The study aims to comprehensively analyze the role of these rulings in establishing uniform judicial practice

and developing Russia's legal system. The research explores the dual nature of JPED SC RF rulings, which serve both as procedural documents for specific cases and as sources of judicial interpretation of legal norms. The article analyzes the Panel's key functions: ensuring consistency in judicial practice, legal development, protection of economic actors' rights, and formation of legal culture. Special attention is given to the impact of JPED SC RF legal positions on various branches of law, including corporate, bankruptcy, tax, contract law, and intellectual property protection. The study also considers the rulings' significance for developing alternative dispute resolution methods, digital economy, and competition protection. The findings highlight the crucial role of JPED SC RF rulings in maintaining economic stability and advancing Russian law. However, the author identifies the need to improve mechanisms for systematizing the Panel's legal positions and enhancing collaboration with academic and legislative institutions. The article proposes specific measures to increase the effectiveness of JPED SC RF and strengthen the authority of its rulings, including: improving publication and analysis systems for judicial practice, developing scientific advisory functions, and expanding international cooperation. The research employs systematic, comparative legal, and formal legal methods, drawing on analysis of regulatory acts, judicial practice, and scholarly literature.

For citation

Ermakova V.A. (2025) *Pravovaya priroda i znachenie opredeleniy Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Legal nature and significance of rulings by the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 375-382.

Keywords

Judicial Panel for Economic Disputes, Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice, legal positions, economic disputes, judicial interpretation, law enforcement, legal development

Referens

1. Gadzhiev G. A. Judicial legal positions: issues of theory and practice / G. A. Gadzhiev, K. A. Kovalenko // *Journal of Russian Law*. – 2010. – № 2(158). – Pp. 149-151.
2. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated 07/24/2002 (as amended on 07/01/2021) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 07/29/2002. No. 30. Art. 3012.
3. Neshataeva, T. N. On general principles of Law and Judicial Interpretation / T. N. Neshataeva // *Journal of Russian Law*. – 2023. – Vol. 27, No. 3. – pp. 113-125.
4. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01/21/2020 No. 308-ES19-18779 in case No. A53-38570/2018 // SPS ConsultantPlus.
5. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/11/2021 No. 305-ES20-16179 in case No. A40-131425/2019 // SPS ConsultantPlus.
6. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/26/2020 No. 305-ES20-5112 in case No. A40-170315/2019 // SPS "ConsultantPlus".
7. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/15/2021 No. 305-ES20-16127 in case No. A40-131425/2019 // SPS "ConsultantPlus".
8. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/19/2021 No. 309-ES20-23981 in case No. A76-2493/2017 // SPS ConsultantPlus.
9. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/23/2020 No. 305-ES20-4607 in case No. A40-46622/2019 // SPS ConsultantPlus.
10. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/22/2021

-
- No. 305-ES20-16307 in case No. A40-98757/2019 // SPS "ConsultantPlus".
11. Ruling of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11.09.2020 No. 305-ES20-5112 in case No. A40-170315/2019 // SPS "ConsultantPlus".
12. Asoskov A.V. Conflict of laws regulation of contractual obligations, Moscow: M-Logos, 2017, 640 p.
13. Lukyanovskaya O. V. Judicial law-making in the Russian Federation: prospects for official recognition / O. V. Lukyanovskaya // Bulletin of the RESP. – 2022. – No. 1. – pp. 119-122.
14. Zagainova S.K. Judicial acts in the mechanism of judicial power implementation in civil and arbitration proceedings. Moscow: Volters Kluwer, 2007. 389 p.
15. Review of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on private law issues for February 2023 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2023. – No. 4. – pp. 18-44.
16. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.02.2021 No. 305-ES20-16127 in case No. A40-164942/2019 // SPS "ConsultantPlus".

УДК 34**Сравнительный анализ правовой системы России и Китая в области государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним****Батуева Эржена Цыденжаповна**

Кандидат юридических наук,
Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления,
670013, Российская Федерация,
Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В;
e-mail: erzhenabatueva@mail.ru

Лю Цытун

Аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9;
e-mail: diana_zitong@mail.ru

Аннотация

В статье проанализирована практика, а также основные тенденции в развитии системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним на примере Российской Федерации и Китайской народной республики. Изучены вопросы правового регулирования оборота и возникновения вещных прав в отношении объектов недвижимого имущества. Через призму законодательного сравнения, исследовано понятие недвижимого имущества на примере двух мировых правовых порядков. Выявлены общие положения и особенности в установлении подходов к регулированию отношений в области признания вещных прав и проведении их государственной регистрации, совершения отдельных видов сделок. Правовой институт государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним рассматривается как основа определения имущественной политики и обеспечения благосостояния общества в целом. Проведенный сравнительный анализ законодательства, а также практики его применения, с учетом существующего общественно-политического строя двух стран, позволяет на современном этапе экономического развития определить институт государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним как важный элемент в управлении имущественным оборотом и обеспечении формирования бюджетных отношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Батуева Э.Ц., Лю Цытун. Сравнительный анализ правовой системы России и Китая в области государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 383-390.

Ключевые слова

Нед вижимое имущество, право собственности, государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Введение

2023 год являлся знаменательным событием для российской системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним – прошло 25 лет со дня ее создания. Отправным началом построения современного института государственной регистрации прав на недвижимость в Российской Федерации, наряду с положениями статей 130, 131 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), являлось принятие 21.07.1997г. Федерального закона за №122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» (утратил силу), [www](http://www.fedlaw.ru)], вступившего в силу с 31 января 1998 года (далее – Закон о регистрации прав). На рубеже 90-х годов и по настоящее время для развития системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, в части ее правового регулирования и непосредственной защиты гражданских прав участников имущественного оборота, законодателем сделаны разительные изменения. Во-первых, на начальном этапе системе была придана особая значимость, обозначенная как то, что «она является единственным доказательством существования зарегистрированного права и при этом может быть оспорена только в судебном порядке». Реализованы четкие механизмы упорядочивания способов фиксации вещных прав на недвижимое имущество.

Основная часть

Отмечая в целом прошедший период времени, нужно сказать, что он сопровождался динамичным развитием законодательства в сфере оборота недвижимого имущества, трансформацией института и выстраиванием нового подхода. Закон о регистрации прав в 2017 году сменил Федеральный закон от 13.07.2015г. за №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости», [www](http://www.fedlaw.ru)], который вступил в силу с 1 января 2017 года. Документ, как сохранил основные постулаты предыдущего документа, так и привнес новеллы. В результате, российским законодателем сконструирована целостная система в части регистрации прав и проведения кадастрового учета объектов недвижимости, выстроена система уполномоченного регистрирующего органа, заложен фундамент для стабильного развития межведомственного взаимодействия, уведомительного порядка для внесения данных, электронизации сферы имущественного оборота, а также формирования и ведения верифицированного и с гармонизированного Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН).

Одними из основных принципов российской системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним являются публичность и достоверность, провозглашенные в свое время в положениях части 1 статьи 8.1 ГК РФ, а также актуальность (действительность) данных государственного реестра. Концентрированное наполнение указанных принципов сопряжено с необходимостью обеспечения «легитимационной функции» [Бевзенко, 2019] регистрации прав. Записи о вещных правах, об ограничениях (обременениях)

прав, содержащиеся в ЕГРН, в отношении конкретного субъектного состава создают для неограниченного круга лиц необходимость соблюдения и не нарушения зарегистрированного титула.

Аналогичный подход сложился и в системе регистрации прав на недвижимое имущество в Китайской Народной Республике (КНР). Как отмечалось Ш. Чэнь, «правовой основой для создания системы государственной регистрации недвижимости и утверждения принципа публичной достоверности реестра недвижимости является принцип разделения перехода вещного права и его основания» [Чэнь, 2023]. Положениями статей 209, 214, 215, 311 Гражданского кодекса КНР¹ (ГК КНР) установление, изменение, передача и прекращение прав на недвижимость имеют силу, если они зарегистрированы в соответствии с законом; без соответствующей регистрации, права считаются не возникшими, за исключением предусмотренных случаев (например, собственность, относящаяся к государственным природным ресурсам, может не регистрироваться). Нормативно в КНР система урегулирована Временным положением о государственной регистрации недвижимости, утв. приказом Государственного совета КНР от 24.11.2014г. за №656 (далее – Временное положение), вступившим в силу с 1 марта 2015 года. В 2007 году был принят Закон о собственности КНР, который в рамках единой системы недвижимости устанавливал обязательный регистрационный учет прав и сделок. На сегодняшний день документ утратил силу, большая часть его положений сохранена в действующем ГК КНР.

Согласно статье 2 Временного положения под недвижимым имуществом понимаются земельные участки, морские территории, дома, деревья и другие объекты недвижимости. Статьей 5 документа предусмотрено, что права на недвижимость, подлежащие регистрации, включают: коллективную собственность на землю; собственность на жилые объекты, леса и лесные деревья; права подрядного использования земель (пахотные земли, лесные и сенокосные угодья и т.п.); права под использование земель под застройку, на использование жилищных участков и морских территорий; сервитутное, залоговое право и другие права на недвижимость, которые должны быть зарегистрированы по закону.

В целом в Китае закреплена государственная собственность на землю. Согласно статье 8 Закона от 26.08.2019г. «Об управлении земельными ресурсами Китайской Народной Республики» [Закон КНР «Об управлении земельными ресурсами», [www](http://www.gov.cn)], в коллективной собственности крестьян находятся сельхозземли, остальные – в публичном владении. Градация осуществляется на сельские и городские: сельские земли принадлежат коллективным фермерским хозяйствам, а все городские – государству [Хейфец, 2017]. Тем самым, земля в Китае не предмет частного владения. Как отмечалось Алексеенко А.П.: «Гражданину может принадлежать дом, расположенный на земле, но не сама земля. Поэтому в ГК КНР широко используется узурфрукт, как право пользования, владения и извлечения прибыли в отношении чужого недвижимого или движимого имущества» [Алексеенко, 2021].

В КНР законодательный акцент сделан на регистрации вещного права не публичного владения. За вопросы оформления недвижимости и унификации ее объема, правил и процедур отвечает единый орган [Ван Лимин, 2019]. 07.05.2014г. главное управление Министерства

¹ Гражданский кодекс Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. – URL: 中华人民共和国民法典_滚动新闻_中国政府网 (www.gov.cn). Действующий ГК КНР это первый в истории Китая кодифицированный документ, принят 28.05.2020г. Всекитайским собранием народных представителей, вступил в силу с 01.01.2021г.

земель и ресурсов КНР издало «Уведомление о присоединении Бюро регистрации недвижимости к Департаменту по управлению кадастров» и создало единое Бюро регистрации недвижимости. В 2018 году Министерство земель и ресурсов КНР было переименовано в Министерство природных ресурсов КНР. На текущий момент Бюро регистрации недвижимости функционирует в составе Министерства природных ресурсов КНР и имеет представительства в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения.

В Российской Федерации также действует единый федеральный орган исполнительной власти, в ведении которого находятся вопросы в сфере кадастрового учета и государственной регистрации прав на недвижимое имущество – это Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) [Постановление Правительства РФ №457, [www](#)]. Ведомство имеет в структуре территориальные органы, которые представлены во всех регионах Российской Федерации. В настоящее время Росреестр находится в прямом подчинении Правительства РФ [Постановление Правительства РФ №457, [www](#)].

В отличие от Гражданского кодекса РФ, который называют «экономической конституцией», Гражданский кодекс КНР определяют как «акт о правах человека или основной закон общества» [Се Хунфэй, 2017]. Например, Гражданский кодекс КНР предусматривает так называемую регистрацию «исправлений» недвижимости (действия регистрирующего органа по исправлению ошибочных записей, содержащихся в реестре недвижимости, на основании заявлений от правообладателя или иных заинтересованных лиц), регистрацию возражений (действия регистрирующего органа по внесению в реестр недвижимости записи о возражении против зарегистрированного права) и предварительную регистрацию (статьи 220, 221 ГК КНР). В случае достижения заинтересованными сторонами соглашения о продаже или приобретении жилой или иной недвижимости, то для гарантии реализации права собственности имеется возможность обратиться за предварительной регистрацией в соответствующий регистрационный отдел. По результату устанавливается ограничение по распоряжению недвижимостью без соответствующего согласия. Срок действия 90 дней, в течение которого должно быть подано заявление на регистрацию права. После истечения указанного срока, предварительная регистрация утрачивает силу (статья 221 ГК КНР). Согласно статье 232 ГК КНР требуют оформления права на недвижимое имущество, которые не осуществлены в соответствии с правовыми актами (речь о документах народного суда, арбитражных учреждений, решений об экспроприации, наследовании).

На текущий момент в Российской Федерации отношения, связанные с оформлением прав на недвижимое имущество и сделок с ним, тесно сопряжены с тенденциями цифровизации. Указанное включает как процесс подачи заявлений о проведении учетно-регистрационных действий, так и непосредственное рассмотрение и обработку заявок уполномоченным органом с полным отказом от формирования бумажного архивного фонда. Последнее сопряжено с проектом «стоп-бумага», поступательно реализуемым Росреестром, в том числе в рамках государственной программы «Национальная система пространственных данных». Процесс цифровизации не остался в стороне и в Китае: регистрацию недвижимости можно осуществить двумя способами: онлайн и офлайн (но в отдельных случаях имеются свои особенности). Например, в Пекине, если недвижимость коммерческая, то потребуется выбрать один из трех методов обработки: онлайн-обработку, онлайн-обработку с офлайн-проверкой и офлайн-обработку. Для некоммерческой недвижимости на выбор имеется только два метода: онлайн-обработка с офлайн-проверкой и офлайн-обработка [Онлайн-платформа регистрации недвижимости Пекина, [www](#)]. Процесс регистрации недвижимости в Китае в целом однороден.

В случае офлайн-обработки документов необходимо подать документы через комплексное окно зала регистрации недвижимости в административном районе, оплатить сбор и получить свидетельство о праве собственности. Относительно онлайн-обработки, например, на сайте Пекинской комиссии по муниципальному планированию и природным ресурсам функционирует онлайн-платформа для регистрации недвижимости в Пекине. Процесс подачи онлайн-заявок для проведения регистрации недвижимости разделен на четыре этапа:

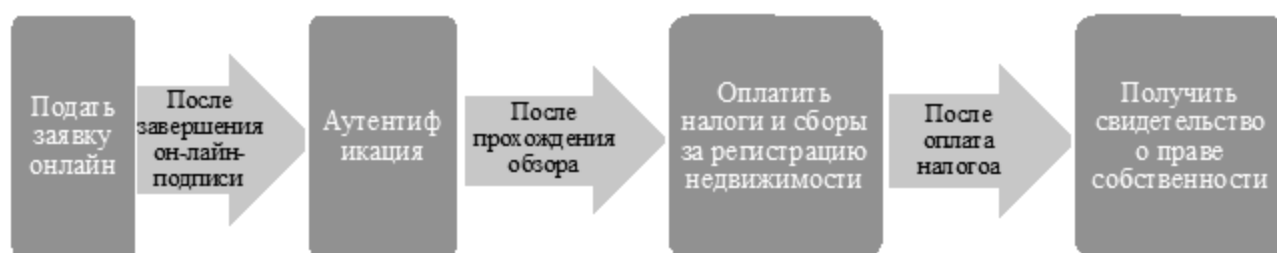

Рисунок 1 - Процесс подачи онлайн-заявок для проведения регистрации недвижимости

Шаг 1. Подача заявки онлайн: «Пекинская онлайн-платформа регистрации недвижимости» (<https://bdc.ghzrzyw.beijing.gov.cn/eo/wizard/mainMenu>).

Физические лица для входа используют Мини-программу «Jingtong» в Wechat, юридические лица - «Единую онлайн-аутентификацию личности для юридических лиц» или электронную бизнес-лицензию, в процессе применяется онлайн подписание.

Шаг 2. Аутентификация личности: на данном этапе осуществляется формирование заявления о регистрации и отправка его на рассмотрение.

Шаг 3. Оплата налогов и сборов за регистрацию недвижимости: через модуль сервисной платформы уплачиваются налоговые сборы, осуществляется загрузка платежного документа.

Шаг 4. Получение свидетельства о праве собственности.

Относительно процедуры проведения государственной регистрации прав на недвижимое имущество в КНР, обращают на себя внимание статьи ГК КНР, согласно которым устанавливаются общие документарные требования и заявительный характер. Подробнее состав раскрывается в статье 16 Временного положения. Статьей 9 Инструкции для исполнения правил регистрации недвижимости от 01.01.2016г. (в редакции 2024 года), утв. приказом Министерства земельных и природных ресурсов №63 [Инструкция по регистрации недвижимости КНР, www] (далее – Инструкция), даны дополнительные разъяснения. Например, в случае покупки коммерческой недвижимости в Пекине с подачей заявления онлайн, потребуются приложить книгу регистрации семьи покупателя (хукоу — иначе как прописка по месту регистрации проживания), письмо-обязательство по одновременной передаче коммунального обеспечения: воды, электричества, газа, кабельного телевидения и т. п.

Статьей 212 ГК КНР определены обязанности уполномоченного органа, включающие проверку представленных заявителем документов. Подробное содержание проводимых проверок оговорено в Инструкции. Публично, до внесения сведений о регистрации права в реестр (за исключением сведений, связанных с государственной тайной), органом путем размещения на официальном сайте, а также в специально назначенных местах (например, по месту нахождения недвижимости), оглашается о планируемом совершении регистрационного действия. Размещаемая информация имеет срочность - не менее 15 рабочих дней. При не поступлении по истечении обозначенного срока возражений, осуществляется внесение

сведений о регистрации права в реестр. Свидетельство о праве на недвижимое имущество скрепляется специальной регистрационной печатью органа регистрации недвижимости. Последнее имеет отличие от российской правовой системы - с 01.01.2017г. в качестве документа, подтверждающего проведенную государственную регистрацию прав, является выписка из ЕГРН (документ пришел на смену ранее выдаваемым свидетельствам).

Согласно статье 20 Временного положения общий срок проведения регистрации прав в КНР составляет в течение 30 рабочих дней со дня принятия заявления о регистрации. Исходя из этого, различные регионы по всей стране имеют возможность корректировки сроков. Например, срок обработки в Пекине электронных заявлений составляет до двух рабочих дней, при условии поступления налогового сбора. Обязательная уплата установлена статьей 223 ГК КНР и взимается фиксировано, вне зависимости от площади, объема или цены недвижимости. «Уведомление Министерства финансов Национальной комиссии по развитию и реформам о стандартах сбора за регистрацию недвижимости и других соответствующих вопросах» устанавливает единые правила о стандартах сбора за регистрацию недвижимости в Китае. Так, стандартный размер налогового сбора за регистрацию жилой недвижимости составляет 80 юаней, а стандартная плата за регистрацию нежилой недвижимости составляет 550 юаней [Уведомление Минфина КНР, [www](http://www.mof.gov.cn)]. Вопросы уплаты государственной пошлины за проведение государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним регулируются в Российской Федерации налоговым законодательством. В частности, Налоговым кодексом РФ установлены размеры в зависимости от вида совершаемого действия. Более того, с 1 января 2025 года введена государственная пошлина за проведение действий по государственному кадастровому учету (ранее процедуры не предполагала платности). Также, в отличие от КНР сроки проведения регистрации прав в среднем могут достигать до 3-х рабочих дней.

Заключение

Таким образом, независимо от территориальной принадлежности и мирового правопорядка, вопросы оформления прав на недвижимое имущество подвергаются систематизации и урегулированию в любой стране мира, как важный экономический элемент и благосостояния общества и государства в целом. В Российской Федерации и Китайской Народной Республике присутствует общность позиций в формировании подходов в построении института оформления вещных прав в части их обязательной государственной регистрации. Несмотря на имеющиеся различия в возникновении и урегулировании вопросов частной собственности, тем не менее имеются идентичные процедурные составляющие по фиксации прав на недвижимое имущество.

Библиография

1. Алексеенко А.П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 199-211.
2. Багаев В. Последовательные и простые законодательные решения обеспечат защиту прав и имущественных интересов граждан [Интервью с А.И. Бутовецким] // Закон. 2021. № 11. С. 8 – 14.
3. Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127 - 169; № 12. С. 68 — 115.
4. Бевзенко Р.С. Основные направления изменения законодательства о регистрации прав на недвижимое имущество в связи с внедрением технологии распределенных реестров: взгляд цивилиста // Закон. 2018. № 2. С. 126-132.
5. Ван Лимин. Гражданское право. 6-е изд. М.: Издательство Китайского университета Жэньминь, 2019. С. 214. (

- 王利明. 民法 (第七版). 北京: 中国人民大学出版社, 2019: 214).
6. Вербицкая Ю.О. Понятие недвижимости сквозь призму градостроительного права // Закон. 2023. N 12. С. 167 – 176.
7. Миннигулова Д.Б., Мусина А.И. Правовой режим предоставления государственной услуги в электронном виде: на примере государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Российская юстиция. 2019. № 10. С. 15 – 18.
8. Се Хунфэй. Создание «Основного закона» общества в Китае - ход кодификации гражданского права // Народная законность. 2017. № 10. С. 7 [谢鸿飞. 铸造中国社会的“基本法”: 中国民法典的编纂历程. 人民法治, 2017(10):7-9.].
9. Хейфец Е.Е. Современная система земельно-правовых отношений и налогов на недвижимость в Китае // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 5. С. 19-33.
10. Ш. Чэнь. Принцип разделения в механизме передачи вещного права в Китае // Правоведение. 2023. № 3. С. 343-374.

Comparative Analysis of the Legal Systems of Russia and China in the Field of State Registration of Real Estate Rights and Transactions

Erzhena Ts. Batueva

PhD in Law,
East Siberia State University of Technology and Management,
670013, 40V, Klyuchevskaya str., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: erzhenabatueva@mail.ru

Liu Zitong

PhD Student,
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: diana_zitong@mail.ru

Abstract

The article analyzes the practice and main trends in the development of the system of state registration of rights to real estate and transactions with it, using the examples of the Russian Federation and the People's Republic of China. The issues of legal regulation of the turnover and emergence of property rights in relation to real estate objects are examined. Through the prism of legislative comparison, the concept of real estate is studied in the context of two global legal systems. Common provisions and peculiarities in establishing approaches to regulating relations in the recognition of property rights and their state registration, as well as the execution of certain types of transactions, are identified. The legal institution of state registration of rights to real estate and transactions with it is considered as the basis for determining property policy and ensuring the welfare of society as a whole. The conducted comparative analysis of legislation and its application, taking into account the existing socio-political systems of the two countries, allows us to define the institution of state registration of rights to real estate and transactions with it as an important element in the management of property turnover and the formation of budgetary relations at the current stage of economic development.

For citation

Batueva E.Ts., Liu Zitong (2025). Sravnitelny analiz pravovoy sistemy Rossii i Kitaya v oblasti gosudarstvennoy registratsii prav na nedvizhimoe imushchestvo i sdelok s nim [Comparative analysis of the legal systems of Russia and China in the field of state registration of real estate rights and transactions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 383-390.

Keywords

Real estate, property rights, state registration of real estate rights and transactions.

References

1. Alekseenko A.P. (2021) Kharakternye cherty Grazhdanskogo kodeksa KNR [Characteristic features of the Civil Code of the PRC]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 12, pp. 199-211.
2. Bagaev V. (2021) Posledovatelnye i proste zakonodatelnye resheniya obespechat zashchitu prav i imushchestvennykh interesov grazhdan [Sequential and simple legislative solutions will ensure the protection of rights and property interests of citizens] [Interview with A.I. Butovetsky]. *Zakon* [Law], 11, pp. 8-14.
3. Bevzenko R.S. (2019) Kommentariy k st.8.1 Grazhdanskogo kodeksa RF [Commentary to Article 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 11, pp. 127-169; 12, pp. 68-115.
4. Bevzenko R.S. (2018) Osnovnye napravleniya izmeneniya zakonodatelstva o registratsii prav na nedvizhimoe imushchestvo v svyazi s vnedreniem tekhnologii raspredelennykh reestrov: vzglyad tsivilista [Main directions of changes in legislation on real estate rights registration in connection with the introduction of distributed ledger technology: a civilist's view]. *Zakon* [Law], 2, pp. 126-132.
5. Wang Limin. (2019) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. 6th ed. Moscow: Renmin University of China Press, p. 214. (王利明. 民法 (第七版). 北京: 中国人民大学出版社, 2019: 214).
6. Verbitskaya Yu.O. (2023) Ponyatie nedvizhimosti skvoz prizmu gradostroitel'nogo prava [The concept of real estate through the prism of urban planning law]. *Zakon* [Law], 12, pp. 167-176.
7. Minnigulova D.B., Musina A.I. (2019) Pravovoy rezhim predostavleniya gosudarstvennoy uslugi v elektronnom vide: na primere gosudarstvennogo kadastravogo ucheta i (ili) gosudarstvennoy registratsii prav na nedvizhimoe imushchestvo i sdelok s nim [Legal regime for the provision of public services in electronic form: on the example of state cadastral registration and (or) state registration of rights to real estate and transactions with it]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 10, pp. 15-18.
8. Xie Hongfei. (2017) Sozdanie "Osnovnogo zakona" obshchestva v Kitae - hod kodifikatsii grazhdanskogo prava [Creating the "Basic Law" of society in China - the progress of civil law codification]. *Narodnaya zakonnost* [People's Legality], 10, p. 7 [谢鸿飞. 铸造中国社会的"基本法": 中国民法典的编纂历程. 人民法治, 2017(10):7-9].
9. Kheyfets E.E. (2017) Sovremennaya sistema zemelno-pravovykh otnosheniy i nalogov na nedvizhimost v Kitae [Modern system of land-legal relations and real estate taxes in China]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii* [Property Relations in the Russian Federation], 5, pp. 19-33.
10. Chen S. (2023) Printsip razdeleniya v mekhanizme peredachi veshchnogo prava v Kitae [The principle of separation in the mechanism of transfer of property rights in China]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 3, pp. 343-374.

УДК 34

Исторический аспект правового регулирования интеллектуальной собственности

Аламова Светлана Мухаметовна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского и предпринимательского права,
Университет управления «ТИСБИ»,
420012, Российская Федерация, Казань, ул. Мушгари, 13;
e-mail: sm-alamova@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию исторического аспекта правового регулирования интеллектуальной собственности, отражающему ключевые этапы её формирования и развития. Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого понимания историко-правовых основ авторского права, без чего невозможно формирование эффективной и сбалансированной современной системы правового регулирования в условиях цифровизации и трансформации творческой деятельности. Акцентируется внимание на необходимости исторического анализа для понимания закономерностей развития института интеллектуальной собственности, включая влияние социокультурных, экономических и идеологических факторов, а также проявление цикличности и неравномерности государственно-правового развития, что позволяет более глубоко осмыслить формирование современного авторского права. В рамках исследования последовательно раскрывается эволюция авторского права в Англии, Франции, Германии и России. Показано, что становление института авторского права в каждом из указанных государств происходило под влиянием различных социально-экономических и политико-правовых факторов. Показано, как изменялись подходы к соотношению личных неимущественных и имущественных прав авторов, а также степень участия государства в регулировании отношений в сфере авторского права на различных этапах развития правовой системы. Делается вывод о значимости исторического подхода для совершенствования современных правовых механизмов, обеспечивающих защиту результатов интеллектуальной деятельности в условиях цифровизации. Методологически исследование основывается на историко-правовом и сравнительно-правовом методах, а также анализ гражданско-правовых конструкций. Такой подход позволяет проследить эволюцию правового регулирования интеллектуальной собственности в различных правовых порядках, выявить общие закономерности, адаптировать правовые механизмы к условиям цифровизации и способствовать гармонизации международных отношений в области интеллектуальной собственности.

Для цитирования в научных исследованиях

Аламова С.М. Исторический аспект правового регулирования интеллектуальной собственности // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 391-400.

Ключевые слова

Интеллектуальная собственность, авторское право, антропоцентризм, автор, советское право, эволюция законодательства.

Введение

Разделяя антропоцентрический подход к гражданскому праву, обоснованный в трудах выдающегося отечественного цивилиста конца XIX – начала XX веков И.А. Покровского, утверждаем, что центральной фигурой предпринятого нами исследования является человек-творец, уникальная личность, пользующаяся свободой творчества и проявления инициативы при создании литературных, художественных, научных и технических произведений [Маслова, 2021, с. 46].

В свою очередь, всякое творчество зависит от содержания человеческих интересов, которые расширяются по мере развития личности и общества. Понимание не только индивидуальной, но и общественной ценности личности творца и его произведений с течением времени приводит к осознанию того неопровержимого факта, что наряду с предоставлением возможностей для индивидуального творчества важно обеспечить также и охрану его результатов. Итогом систематизации этих идей в юридических нормах стало право интеллектуальной собственности в его современном виде, которому предшествовала длительная эволюция.

В такой интерпретации исторический аспект правового регулирования интеллектуальной собственности представляет собой взаимосвязанные и взаимообусловленные направления исследования норм права, защищающих результаты литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества.

Под историческим аспектом подразумевается анализ эволюции принципов и норм, регулирующих охрану и защиту интеллектуальной собственности, а также рассмотрение влияния исторических событий, культурных и социальных изменений на формирование законодательства в данной области.

В методологическом плане исследование исторического аспекта сосредоточено на ретроспективе и имеет несколько значительных преимуществ, так как позволяет выстроить своего рода логические мосты между прошлым, настоящим и будущим.

Во-первых, в процессе анализа исторического контекста правового регулирования интеллектуальной собственности достигается более адекватное понимание того, как и почему были сформированы современные нормы и концепции. Это знание не только углубляет осознание важности охраны прав творцов и инновационных идей, но и позволяет избежать повторения ошибок, допущенных в прошлом. Таким образом, обращение к истории становится ключевым элементом для более эффективного применения и совершенствования существующих правовых механизмов.

Во-вторых, исторический контекст демонстрирует, как правовые системы эволюционировали в ответ на изменения в обществе, науке и технологиях, что приобретает особую актуальность при нарастающих темпах цифровизации, наблюдаемых с середины XX столетия. Знание исторических закономерностей позволяет разрабатывать более эффективные стратегии адаптации к новым вызовам, создавать новые или обновлённые механизмы защиты интеллектуальной собственности, ориентированные на цифровые формы создания и распространения контента, а также учитывающие разнообразие платформ и технологий,

меняющих прежние правила, что является значимым также и с точки зрения юридического прогнозирования.

В-третьих, осознание исторических аспектов развития правового регулирования способствует гармонизации международных отношений в области интеллектуальной собственности. Осведомлённость об эволюции различных подходов и практик, применяемых в разных странах, оптимизирует выработку общих стандартов и эффективных решений проблемы нарушения интеллектуальных прав на международном уровне. Это может быть достигнуто, в том числе, посредством создания единой правовой базы, учитывающей культурное и экономическое разнообразие современного мира.

Таким образом, исторический аспект акцентирует внимание на хронологическом развитии и эволюции норм правового регулирования.

Основная часть

Согласно линейным представлениям о всеобщем историко-правовом развитии, одной из ключевых закономерностей данного процесса является влияние социокультурных, экономических и идеологических факторов на правовую сферу. Изменения в праве могут происходить и происходят под воздействием

- социокультурных факторов (так, становление права в древних обществах во многом определялось религиозными, этическими и традиционными нормами);
- экономических факторов (например, переход от аграрного к индустриальному обществу в Новое время обусловил трансформацию правовых институтов, появление новых отраслей права для регулирования экономических отношений);
- идеологических факторов (в частности, развитие либеральных, социалистических и националистических идей в Новое и Новейшее время оказало существенное влияние на формирование конституционного, административного, социального права в различных странах) [Графский, 2007, с. 6-7].

Согласно циклическим представлениям, развиваемым в рамках теории цивилизаций, развитие общества и государства подчинено нескольким фундаментальным закономерностям, в их числе

- 1) цикличность и ритмичность:
 - развитие подчиняется циклическим закономерностям и характеризуется чередованием фаз роста, расцвета, кризисов и трансформаций;
 - наблюдаются устойчивые ритмы, повторяющиеся колебания в динамике различных сфер жизни;
- 2) взаимосвязь и взаимообусловленность элементов:
 - изменения в одной сфере (например, технологической или социально-политической) вызывают трансформации в других областях;
 - все компоненты находятся в системном единстве, выступают как целостность взаимосвязанных компонентов;
- 3) неравномерность и многовариантность:
 - темпы и характер государственно-правового развития неодинаковы, что обуславливает неравномерность и многообразие в сфере правопорядка;
- 4) важность духовной составляющей:
 - наука, культура, ценности играют ключевую, определяющую роль в функционировании

и трансформации жизни общества и государства [Кузык, Яковец, 2006].

Как видим, в линейном и циклическом представлении находит своё выражение интересующий нас исторический аспект исследования правового регулирования интеллектуальной собственности.

Институт авторского права регулирует исключительное право на воспроизведение в копиях и распространение литературных, музыкальных или художественных произведений. Цель института – обеспечить автору и его правопреемникам имущественную выгоду от повторного использования произведения. Отдельные нормы института определяют условия, при которых автор может извлекать эту выгоду.

Авторское право возникло в результате изобретения книгопечатания и развития гравирования в XV веке. Механическое воспроизведение пришло на смену трудоёмкому и затратному ручному копированию, способствуя снижению стоимости книг и расширению их доступности. Это обусловило необходимость правового регулирования, направленного на защиту интересов типографов и издателей, которые стали добиваться предоставления им привилегий в виде исключительных прав на печать отдельных сочинений либо определённых категорий книг.

Постепенно первоначальная идея защиты интересов типографской и издательской деятельности уступила место осознанию необходимости охраны имущественных прав самих авторов. Уже в 1556 году издатели и книготорговцы были объединены в корпорацию Stationers' Company, которой было поручено осуществление предварительной цензуры, что фактически закрепило монополию на издание книг за членами корпорации. Отмена предварительной цензуры и провозглашение свободы печати в 1694 году способствовали интенсивному развитию литературной деятельности и росту авторских гонораров [Карпухина, 2024, с. 33].

Существенным этапом в формировании авторского права стало принятие в 1709 году так называемого Статута королевы Анны (Statute of Anne), который впервые закрепил исключительное право автора на произведение сроком на 14 лет с возможностью продления ещё на 14 лет в случае, если автор оставался в живых к моменту истечения первоначального срока охраны [Ястребова, 2007, с. 201].

Во Франции идея защиты авторского права сформировалась в ходе борьбы парижских издателей за монополию против провинциальных издателей. Парижские издатели начали защищать свою монополию, ссылаясь на преемство от авторов, чьи права основаны на труде, а не на королевской привилегии. Этот аргумент оказался выгодным для наследников авторов, которые заявляли о своих правах по истечении сроков издательских привилегий. Королевский совет в 1777 г. санкционировал победу авторского права над издательским, что стало важным этапом в развитии правовой охраны результатов интеллектуального труда [Лебедь, 2010, с. 104-105].

В Германии антагонизма между издателями и авторами не было. Здесь уже в XVI в. появились привилегии, которые интересовали издателей больше, чем современные им авторы. Авторский гонорар, хотя и ничтожный, появился уже в XVI в., а в XIX в. книжное дело сосредоточилось в руках издателей. Вознаграждение за использование произведения, хотя и носившее символический характер, упоминается в источниках указанного периода [Соколова, 2011, с. 104]. Стремление к общему законодательству для всей Германии привело сначала к постановлению 1837 г., послужившему основой для территориальных законов, а в 1870 г. – к изданию общего для всей Германии закона об авторском праве: Закона о праве литературных, художественных, музыкальных и драматических произведений, принятого в 1870 году для

Северогерманского союза (Gesetz, betreffend das Urheberrecht an Schriftwerken, Abbildungen, musikalischen Kompositionen und dramatischen Werken) [Победоносцев, 2002, с. 699-700].

В России до XVIII в. не было защиты авторского права. Впервые притязание на защиту своих изданий предъявила Академия наук в 1732 г. Авторский гонорар появился только с Пушкиным. Первый закон об авторском праве – Цензурный устав 1828 г. с приложением Положения о правах сочинителей – действовал до 1857 г., когда срок защиты был продлён с 25 до 50 лет [Володькова, 2019, с. 48].

В течение XIX века авторское право превратилось в сложный правовой институт. Не осталось сомнений в его необходимости для обеспечения авторов, а задачей законодательства стало примирение притязаний авторов и их преемников с интересами народного просвещения и развития литературы и искусства [Тимофеева, 2019, с. 391].

Развитие доктринального подхода, отражавшего доминирующие в обществе воззрения на природу и назначение интеллектуальной собственности, усматривается в работе нашего современника И.А. Панкеева, в сферу профессиональных интересов которого входит авторское право для журналистов [Панкеев, 2011]. В статье, посвящённой историческому анализу эволюции российского авторского права в XX веке, названный автор изучает формирование отношения государства к интеллектуальной собственности в советский период, а также исследует причинно-следственные связи, повлиявшие на современное состояние сферы интеллектуальной деятельности.

При этом выделены следующие исторические периоды:

1. Дореволюционное законодательство:

– Закон 1911 г. был подготовлен в течение 14 лет, что сравнимо с длительностью подготовки 4-й части Гражданского кодекса РФ, посвящённой правам на результаты интеллектуальной деятельности;

– Закон «Об авторском праве» 1911 г. был прогрессивным и опережал нормативные акты западноевропейских государств;

– Закон 1911 г. предусматривал охрану авторского права на протяжении всей жизни автора и 50 лет после его смерти;

– на основе этого закона были заключены двусторонние соглашения об охране авторского права с рядом европейских стран.

2. Советский период – 1917–1991 годы:

– после Октябрьской революции 1917 г. дореволюционное законодательство было отменено;

– ряд декретов и постановлений правительства (1917–1919 гг.) ограничивал права авторов и их наследников, устанавливая государственную монополию в сфере интеллектуальной собственности;

– государство разрывало прямые имущественные отношения между издателями и наследниками, присваивая себе функцию распределения финансов;

– в советский период Декреты и Постановления 1917–1919 гг. трактовались как направленные на обеспечение интересов народа, заботу об авторах и наследниках, но фактически они лишали авторов и наследников возможности распоряжаться своей интеллектуальной собственностью;

– Постановление ЦИК и Совнаркома СССР «Об основах авторского права» 1925 г. устанавливало единое регулирование в этой сфере на территории СССР;

– Постановления ВЦИК и Совнаркома РСФСР 1926 и 1928 гг. об авторском праве,

изданные в развитие общесоюзного Постановления 1925 года, частично возвращались к утраченным традициям, увеличивая срок действия авторского права;

- государство планомерно вытесняло частный сектор из издательского дела, вводя особый разрешительный режим для частных издательств;

- Постановление 1928 г. об авторском праве содержало прогрессивные нормы, но сохраняло возможность государственной монополии на перевод и принудительный выкуп авторских прав.

- Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. на протяжении 43 лет был основой для регулирования авторских правоотношений.

3. Современный период:

- были приняты Закон «Об авторском праве и смежных правах» 1993 года, а также 4-я часть Гражданского кодекса РФ 2008 года, направленные на приведение российского законодательства в соответствие с международными нормами;

- Закон 1993 г. значительно усовершенствовал правовое регулирование в сфере авторского права, восстанавливая отечественную цивилистическую традицию;

- 4-я часть ГК РФ 2008 г. продолжила развитие законодательства об интеллектуальной собственности, в том числе в связи с присоединением России к Всемирной Торговой Организации (далее также – ВТО).

Таким образом, в результате сравнительного анализа дореволюционного законодательства об авторском праве и нормативных актов советского периода установлено, что после Октябрьской революции 1917 года произошло резкое ограничение прав авторов и их наследников, утверждение государственной монополии в сфере издательской деятельности. Декреты и постановления первых лет советской власти фактически отменяли институт авторского права, передавая произведения в распоряжение государства.

Отмечается, что в советский период наблюдалось доминирование государственной собственности и формирование нигилистического отношения к частной, в том числе интеллектуальной, собственности, что привело к значительному замедлению развития страны в данном направлении.

Анализируются нормативные акты, регулировавшие авторские правоотношения в 1920-1960-е годы. Показано, что на протяжении длительного времени государство сохраняло за собой возможность принудительного выкупа авторских прав, а также устанавливало широкие пределы свободного использования произведений без согласия правообладателей.

Лишь к концу XX века Россия вернулась к нормам дореволюционного законодательства в сфере авторского права, интегрировав национальное законодательство в соответствии с международными стандартами. Вместе с тем отмечается, что правовой нигилизм и государственный монополизм в советский период негативно сказались на общественном отношении к интеллектуальной собственности и технико-юридическом качестве соответствующих правовых институтов. Современное законодательство призвано восстановить традиции, в том числе обеспечить надлежащую правовую защиту интеллектуальной собственности.

Полагаем, что всё изложенное позволяет сделать общий вывод, что развитие авторского права в России в XX веке характеризовалось противоречивыми тенденциями, преодоление которых потребовало длительного времени и сохраняет актуальность в современных условиях.

В кругу значимых литературных источников по проблемам эволюции институтов права интеллектуальной собственности назовём также монографическое исследование Д.А. Братуся

[Братусь, 2018].

В названной книге прежде всего подчёркивается динамичное развитие современной жизни, связанное с высокими технологиями, информационными потоками и борьбой за инновации. Основу этого прогресса составляет стремительный рост знаний, их практическое применение. В этих условиях особую актуальность приобретает развитие авторского права, которое сталкивается с двумя противоречивыми тенденциями:

с одной стороны, это стремление правообладателей всеми средствами защитить свои интеллектуальные права;

с другой стороны, это движение за «свободную культуру» и отмену авторского права в цифровую эпоху.

По мнению Д.А. Братуся, терминологической основой интеллектуальных прав является авторское право, поэтому изучение его истоков и природы имеет фундаментальное значение [Братусь, 2018, с. 19].

В этой связи возникает вопрос о правомерности постановки вопроса об авторском праве применительно к Древнему Риму, учитывая отсутствие развитой правовой системы в то время. Обосновывая несколько методологических подходов к исследованию (философский, логико-семантический, исторический, системный аспекты), автор убедительно доказывает, что именно античная идея авторства, имеющая множество конкретных воплощений в дошедших до нас памятниках, стала прообразом правовых механизмов защиты авторских прав, которые появились в последующие исторические эпохи [Братусь, 2018, с. 79].

Так, в Древнем Риме и Древней Греции уже существовали определённые представления и идеи, связанные с авторским правом, хотя они ещё не были оформлены в виде чёткой правовой системы [Матвеев, 2016, с. 33]. Античные философы, писатели, юристы активно обсуждали вопросы, касающиеся творчества, оригинальности произведений, авторства, защиты от плагиата и т.п., что указывает на зарождение концепции авторского права в древности. В античной литературе и философии содержатся элементы, предвосхищающие современные представления об авторском праве – идеи о неприкосновенности произведений, признании авторства, а также о защите от незаконного использования творений. Например,

Геродот (около 484–425 гг. до н.э.) постоянно обращает внимание на фактор авторства, подчеркивает первенство творцов;

Платон (около 427–347 гг. до н.э.) рассуждает о необходимости знать, что представляет собой каждое отдельное произведение, чтобы не впасть в ошибку;

Аристотель (384–322 гг. до н.э.) отмечает, что большинство лучше судит о музыкальных и поэтических произведениях;

Диоген Лаэртский (около 3 века н.э.) выступает как убеждённый сторонник очищения творчества от плагиата, укрепления духовности;

Цицерон (106–43 гг. до н.э.) многократно использует понятие «произведение», раскрывая разные его значения в контексте искусств, природы, Вселенной;

Саллюстий (около 86–35 гг. до н.э.) упоминает «произведения искусства» в контексте рассуждений об аморальности роскоши;

Светоний (приблизительно 69–122 гг. н.э.) характеризует произведение императора Клавдия как «весьма учёное»;

Плутарх (около 46–120 гг. н.э.) высказывает мнение, что лёгкость и быстрота исполнения не дают произведению долговечности и художественного совершенства;

Тацит (около 56–120 гг. н.э.) свидетельствует об уникальности изображения богини Венеры

Пафосской.

Исследуя этические основы авторского права в античности, Д.А. Братусь подчёркивает, что в Древнем мире авторские отношения регулировались преимущественно на основе этических и нравственных норм, а не юридических институтов. Идея авторства была тесно связана с принципом калокагии – единства добра и красоты, который являлся ключевым для античной эстетики. Признание и защита творческих достижений основывались на общественном восприятии произведения как «нравственного свершения» автора, а не на формальных юридических механизмах. Этические категории, такие как справедливость, добрая совесть и репутация творца, играли первостепенную роль в становлении авторских отношений в античную эпоху [Братусь, 2018, с. 157].

В целом актуальность и перспективность изучения истоков авторского права в древнем мире обусловлена тем, что античность, будучи ближе к первобытным истокам человеческой цивилизации, может дать важные ключи к пониманию природы творчества и авторства. Обращение к этическим и нравственным основам, лежащим в основе античных авторских отношений, может способствовать преодолению крайностей в современном восприятии авторского права, связанных с его чрезмерной коммерциализацией. Подчёркивается, что именно этические начала были фундаментальной основой регулирования авторских отношений в древнем мире, в отличие от современного доминирования экономических факторов [Братусь, 2018, с. 40].

Заключение

Таким образом, этико-исторический метод исследования, предлагаемый в монографии Д.А. Братусь, открывает новые перспективы для осмысления сущности и перспектив развития авторского права. По нашему мнению, на основе исследования Д.А. Братуся можно сделать общий вывод, что правовое оформление авторства развивалось по мере возрастания уважения к авторскому труду в античном обществе.

Библиография

1. Маслова, И.С. Творческая личность как субъект права в трудах И.А. Покровского // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2021. — № 1. — С. 44–47.
2. Графский, В.Г. Всеобщая история права и государства: учебник для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2007. — 752 с.
3. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2-х т. / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. М.: Ин-т экономических стратегий, 2006. Т. 1. 768 с.
4. Карпухина, А.Д. Историко-правовой анализ защиты авторских прав в Великобритании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2024. — № 3 (103). — С. 30–37.
5. Ястребова, Е.Ю. От «Статута королевы Анны» (1710 г.) к Бернской конвенции (1886 г.): историко-правовой аспект развития авторского права в Западной Европе // Управленческое консультирование. — 2007. — № 2. — С. 200–206.
6. Лебедь, В.В. Творческие произведения как объекты французского авторского права // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2010. — № 2. — С. 104–115.
7. Соколова, Т.В. Основные этапы становления и развития немецкой терминологии авторского права как науки // Омский научный вестник. — 2011. — № 2 (96). — С. 102–105.
8. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. — М.: Статут, 2002. — 800 с.
9. Володькова, Е.Н. Становление и развитие авторского права в Российской империи // Закон и право. — 2019. — № 9. — С. 47–49.
10. Тимофеева, А.А. Авторское право в России: историко-правовой аспект // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — № 4 (29). — С. 390–392.

11. Панкеев, И.А. Российское авторское право XX века в нормативных актах // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2011. — № 3. — С. 29–38.
12. Братусь, Д.А. Авторское право и Древний Рим: исторический фундамент этической концепции / вступ. слово проф. Б.М. Гонгало. — М.: Статут, 2018. — 288 с.
13. Матвеев, А.Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2016. — 460 с.

Historical Aspect of Legal Regulation of Intellectual Property

Svetlana M. Alamova

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil and Business Law,
TISBI University of Management,
420012, 13, Mushtari str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: sm-alamova@mail.ru

Abstract

This article examines the historical development of intellectual property law, tracing its key evolutionary stages. The study's relevance stems from the need to understand the historical-legal foundations of copyright law, which is essential for developing an effective and balanced modern regulatory system amid digital transformation and evolving creative practices. The research emphasizes how historical analysis reveals patterns in intellectual property development, including the impact of socio-cultural, economic and ideological factors, as well as the cyclical and uneven nature of legal evolution. The study systematically explores copyright development in England, France, Germany and Russia, demonstrating how each jurisdiction's unique socio-economic and political-legal context shaped its approach. Particular attention is given to evolving conceptions of authors' moral versus economic rights and varying degrees of state involvement at different historical stages. The findings underscore the importance of historical perspective for improving contemporary legal mechanisms that protect intellectual creations in the digital age. Methodologically, the research employs historical-legal and comparative-legal analysis of civil law frameworks, enabling identification of common evolutionary patterns and facilitating adaptation of legal mechanisms to digital challenges while promoting international harmonization of intellectual property regulation.

For citation

Alamova S.M. (2025) Istoricheskiy aspekt pravovogo regulirovaniya intellektualnoy sobstvennosti [Historical Aspect of Legal Regulation of Intellectual Property]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 391-400.

Keywords

Intellectual property, copyright law, anthropocentrism, author, Soviet law, legal evolution

References

1. Maslova, I.S. Creative Personality as a Subject of Law in the Works of I.A. Pokrovsky // North Caucasus Legal Bulletin.

-
2021. No 1. Pp. 44–47.
2. Graftsky, V.G. General History of Law and State: Textbook for Universities. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Norma, 2007. 752 p.
 3. Kuzik, B.N., Yakovets, Y.V. Civilizations: Theory, History, Dialogue, Future. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Institute for Economic Strategies, 2006. 768 p.
 4. Karpukhina, A.D. Historical and Legal Analysis of Copyright Protection in the United Kingdom // Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No 3 (103). Pp. 30–37.
 5. Yastrebova, E.Yu. From the “Statute of Queen Anne” (1710) to the Berne Convention (1886): Historical and Legal Aspect of Copyright Development in Western Europe // Management Consulting. 2007. No 2. Pp. 200–206.
 6. Lebed, V.V. Creative Works as Objects of French Copyright Law // Law. Higher School of Economics Journal. 2010. No 2. Pp. 104–115.
 7. Sokolova, T.V. Main Stages of Formation and Development of German Copyright Terminology as a Science // Omsk Scientific Bulletin. 2011. No 2 (96). Pp. 102–105.
 8. Pobedonostev, K.P. Course of Civil Law. Part One: Patrimonial Rights. Moscow: Statut, 2002. 800 p.
 9. Volodkova, E.N. Formation and Development of Copyright Law in the Russian Empire // Law and Rights. 2019. No 9. Pp. 47–49.
 10. Timofeeva, A.A. Copyright Law in Russia: Historical and Legal Aspect // Baltic Humanitarian Journal. 2019. No 4 (29). Pp. 390–392.
 11. Pankeev, I.A. Russian Copyright Law of the 20th Century in Regulatory Acts // Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism. 2011. No 3. Pp. 29–38.
 12. Bratus, D.A. Copyright and Ancient Rome: Historical Foundation of the Ethical Concept / Introductory word by Prof. B.M. Gongalo. Moscow: Statut, 2018. 288 p.
 13. Matveev, A.G. System of Copyrights in Russia: Normative and Theoretical Models: Doctoral Dissertation in Law. Moscow, 2016. 460 p.
-

УДК 34**Криптовалюта, цифровая валюта и цифровые активы: проблемы соотношения и правового регулирования****Роженцева Арина Павловна**

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Пугина Варвара Ивановна

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Гайдук Вячеслав Александрович

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Юркевич Эвелина Александровна

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Носик Дмитрий Евгеньевич

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Корчагин Анатолий Георгиевич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского права,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Аннотация

Современный этап цифровой трансформации затрагивает все сферы жизни, включая правовую систему. Это приводит к усложнению правового регулирования, которое теперь должно учитывать не только появление новых видов общественных отношений, но и их качественное изменение – новые формы взаимодействия, участников и объектов регулирования. Особую сложность представляют отношения, возникающие и функционирующие без прямого участия человека, а также процессы, развивающиеся автономно, вне зависимости от человеческой воли. В настоящее время существует целый ряд цифровых отношений, остро нуждающихся в правовом регулировании, в том числе отношения, связанные с оборотом цифровых активов. Однако их специфика, связанная с технологической сложностью и динамичностью развития, создает серьезные препятствия для эффективного правового воздействия.

Для цитирования в научных исследованиях

Роженцева А.П., Пугина В.И., Гайдук В.А., Юркевич Э.А., Носик Д.Е., Корчагин А.Г. Криптовалюта, цифровая валюта и цифровые активы: проблемы соотношения и правового регулирования // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 401-410.

Ключевые слова

Криптовалюта, цифровые активы, цифровые права, объекты гражданских прав.

Введение

На сегодняшний день правовой статус криптовалют в большинстве стран мира остается нечетким и неурегулированным. Россия в этом вопросе не стала исключением – формирование нормативной базы в данной области происходит медленно и непоследовательно.

Первое официальное упоминание о криптовалютах появилось в 2014 году, когда Банк России выпустил информационное письмо, где впервые обратил внимание на биткоин как на «виртуальную валюту». Однако регулятор сразу занял осторожную позицию, указав на спекулятивную природу операций с криптоактивами и их возможное использование в незаконной деятельности. Хотя прямое определение «денежных суррогатов» в документе не применялось, общий тон сообщения явно отражал скептическое отношение государства к цифровым валютам [Информационное письмо Банка России от 27.01.2014 г., [www](http://www.cbr.ru)].

Эта позиция сохранилась и в 2017 году, несмотря на то, что к тому времени многие страны уже осознали экономические перспективы крипторынка и начали активно разрабатывать механизмы его регулирования. В то время как мировая практика двигалась в сторону поиска

баланса между контролем и развитием инноваций, российские власти продолжали придерживаться консервативного подхода [Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203, [www](#)].

Основное содержание

Следует отметить, что информационные письма Банка России не имеют силы нормативно-правовых актов и носят исключительно рекомендательный характер. Однако в условиях правового вакуума в сфере регулирования цифровых активов многие суды и правоохранительные органы начали использовать эти разъяснения в качестве ориентира при принятии решений. Аналогичную позицию поддержали и другие государственные структуры.

Такая практика привела к серьезным проблемам в защите прав владельцев криптовалют. В большинстве случаев судебные иски, связанные с цифровыми активами, оставались без удовлетворения. Российские суды на протяжении нескольких лет последовательно отказывали в правовой защите операций с криптовалютами, ссылаясь на позицию ЦБ: «Поскольку криптовалюта не признается объектом гражданских прав, она не может быть защищена законом» [Апелляционное определение СК по гражданским делам Ульяновского областного суда от 31 июля 2018 г. по делу № 33-3142/2018, [www](#)]. Подобный подход создал значительные правовые риски для участников цифрового рынка и инвесторов.

В российской судебной практике сложился устойчивый подход к вопросу о правовом статусе криптовалют. Многочисленные решения судов различных инстанций свидетельствуют о единообразном понимании проблемы: отсутствие специального правового регулирования делает операции с цифровыми активами крайне рискованными для их владельцев [Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.07.2018 по делу № А57-21957/2017, [www](#); Решение Арбитражного суда Саратовской области от 21.04.2021 по делу № А57-15876/2020, [www](#)].

Преобладающая судебная позиция заключается в том, что действующее законодательство не содержит норм, регулирующих оборот виртуальных валют. Суды последовательно отказывают в правовой защите операций с криптовалютами, мотивируя это отсутствием их признания в качестве объектов гражданских прав. Подобный подход прослеживается как в практике судов общей юрисдикции, так и в арбитражных спорах.

Особого внимания заслуживает устойчивость этой позиции на протяжении последних лет. Несмотря на стремительное развитие крипторынка и появление новых форм цифровых активов, судебная практика остается консервативной. При этом единичные случаи признания криптовалют объектами права лишь подчеркивают противоречивость ситуации.

Следует отметить, что даже положительные для владельцев цифровых активов решения [Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 г. по делу № 09АП-16416/2018, [www](#)] зачастую остаются неисполнимыми. Отсутствие нормативного регулирования создает непреодолимые технические и правовые барьеры для их реализации, что сводит на нет их практическое значение.

Казалось бы, ситуация должна была кардинально измениться после принятия Закона о цифровых финансовых активах (ЦФА). Однако, как будет продемонстрировано ниже, ожидаемых преобразований не последовало – более того, в отдельных аспектах правовое регулирование стало еще более противоречивым.

Согласно закону, цифровая валюта – это совокупность электронных данных (цифрового

кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам [Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ, [www](http://www.rosstat.gov.ru)].

Ключевое отличие цифровых валют от цифровых финансовых активов заключается в отсутствии обязанного лица (эмитента), перед которым держатель мог бы предъявлять требования. Это означает, что цифровая валюта не признается законным платежным средством. Более того, сам термин "валюта" в данном контексте является скорее данью устоявшейся терминологии (по аналогии с «криптовалютой»), чем точным юридическим определением.

Законодательство допускает использование цифровой валюты в качестве средства платежа исключительно по соглашению сторон сделки. При этом для российских юридических лиц и физических лиц-резидентов установлен прямой запрет на принятие цифровой валюты в качестве оплаты за товары, работы или услуги (часть 5 статьи 14 Закона о ЦФА). Таким образом, несмотря на формальное признание цифровых валют платежным инструментом, их практическое применение в этом качестве существенно ограничено законодательными барьерами.

Проведенный анализ законодательных положений выявляет существенные проблемы в сфере защиты прав владельцев цифровых активов в России.

Прежде всего, закрепленное в законе определение цифровой валюты не в полной мере отражает природу криптовалют. Ключевая проблема заключается в указании на обязательства оператора или узлов системы перед пользователями, тогда как большинство существующих криптовалют функционируют в децентрализованном режиме без какого-либо контролирующего оператора, а участники сети не несут формальных обязательств перед держателями активов. Как справедливо отмечает М.М. Долгиева, законодательное определение, обладая чрезмерно широкой формулировкой, не соответствует ключевым характеристикам криптовалют [Долгиева, 2021].

Подобная законодательная неточность создает существенную правовую неопределенность. На практике это может привести к ситуациям, когда суды будут отказывать в защите прав владельцам криптовалют, аргументируя это тем, что положения Закона о ЦФА регулируют цифровые валюты, но не распространяются на конкретные криптовалютные активы. Такая перспектива создает значительные риски для участников цифрового рынка, оставляя их без четких правовых гарантий.

Следует отметить, что еще до принятия рассматриваемого закона в научной литературе неоднократно подчеркивалось различие между понятиями «криптовалюта» и «цифровая валюта».

Интересно, что первоначальная редакция законопроекта, принятая Госдумой в первом чтении, содержала термин «криптовалюта» [Проект Федерального закона № 419059-7, [www](http://www.rosstat.gov.ru)], однако во втором чтении он был заменен на «цифровая валюта» [Проект Федерального закона N 419059-7, [www](http://www.rosstat.gov.ru)]. По всей видимости, такая замена произошла под влиянием критики со

стороны Совета при Президенте РФ по кодификации гражданского законодательства, который впоследствии в своем заключении положительно оценил исключение из проекта «спорных терминов» – «криптовалюты», «майнинга», «смарт-контрактов» и других [Экспертное заключение по проекту федерального закона № 419059-7, www].

Однако остается неясным, какие именно преимущества имеет термин «цифровая валюта» по сравнению с «криптовалютой», особенно учитывая возникающие при этом терминологические сложности. Как справедливо отмечал Н.И. Матузов, избыточное терминологическое разнообразие лишь затрудняет понимание правовых категорий [Матузов, Малько, 1997].

Важно отметить, что многие положения закона, регулирующие выпуск и обращение цифровых валют, применяются только к активам, связанным с российской юрисдикцией. В частности, под выпуском цифровой валюты в России понимается деятельность с использованием российской интернет-инфраструктуры или оборудования, расположенного на территории страны. Это означает, что такие популярные криптовалюты, как биткоин или эфир, фактически выпадают из сферы регулирования данного закона. В то же время некоторые общие положения, включая само определение цифровой валюты, теоретически могут применяться и к иностранным криптовалютам, несмотря на отмеченные выше терминологические расхождения.

Подобная законодательная конструкция вызывает вопросы относительно изначальных целей регулятора: предполагалось ли регулировать исключительно российские цифровые валюты или же законодатель стремился развести правовые режимы криптовалют и цифровых валют как схожих, но не идентичных активов.

Ряд экспертов полагает, что подобное ограниченное регулирование стало компромиссным решением после резкой критики бизнес-сообщества. Первоначальные инициативы, фактически запрещавшие все криптовалюты, не подпадающие под национальное регулирование, включая их добычу и оборот, вызвали опасения массового оттока майнинговых мощностей за рубеж. Однако принятый компромиссный вариант также нельзя считать эффективным: с одной стороны, российская юрисдикция остаётся непривлекательной для майнеров из-за слабой правовой защиты, с другой – государство не получило действенных инструментов регулирования этого сегмента экономики [Плешанова, 2020].

Третья существенная проблема связана с правовой природой цифровых валют. В отличие от цифровых финансовых активов, которые закон прямо относит к категории цифровых прав (ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА), цифровые валюты не имеют четкого правового статуса, что создает значительные юридические сложности, несмотря на тот факт, что до принятия ФЗ № 259-ФЗ большинство правоведов полагали, что криптовалюты должны входить в состав цифровых прав [Ефимова, 2019].

Ключевая правовая неопределенность заключается в следующем:

- цифровые валюты не включены в перечень цифровых прав;
- они не могут быть отнесены к цифровым финансовым активам, так как не соответствуют их законодательному определению;
- их квалификация как совокупности электронных данных (информации) проблематична, поскольку информация исключена из перечня объектов гражданских прав еще в 2006 году;

Это создает парадоксальную ситуацию: с одной стороны, ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА прямо допускает совершение гражданско-правовых сделок с цифровыми валютами, с другой – их

правовая природа остается неопределенной, что ставит под вопрос саму возможность таких сделок [Амелин, Чаннов, 2023].

Частичным решением проблемы стало признание цифровых валют имуществом в узких целях (например, в исполнительном производстве или при противодействии отмыванию денег). Однако такой ограниченный подход, как уже отмечалось в научной литературе, существенно снижает уровень правовой защиты владельцев цифровых активов, создавая избирательный правовой режим для одного и того же объекта в разных правоотношениях [Чаннов, 2021].

Подобная дифференциация правового статуса одного и того же объекта в зависимости от сферы правоприменения представляет собой нетипичное явление для российской правовой системы. Как заметил А.А. Ситник, цифровые валюты в этом контексте напоминают «кота Шредингера» — они одновременно признаются и не признаются имуществом в различных правовых ситуациях [Ситник, 2020].

Если для научного сообщества такая правовая двойственность может представлять теоретический интерес, то на практике она создает существенные проблемы. Яркий пример: в процедурах банкротства кредиторы теоретически могут требовать включения цифровых валют в конкурсную массу, тогда как при разделе имущества супругов эти же активы остаются вне правового поля. Подобная избирательность правового регулирования приводит к явной несбалансированности в защите прав участников различных правоотношений.

Заключение

Таким образом, существуют ярко выраженные системные противоречия в правовом регулировании цифровых валют в России: законодатель, с одной стороны, допускает гражданско-правовые сделки с цифровыми валютами (ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА), с другой — не признает их полноценными объектами гражданских прав, что создает правовую неопределенность в вопросах квалификации, защиты прав владельцев и привлечения к ответственности за противоправные действия, требуя скорейшего комплексного законодательного урегулирования для устранения существующих коллизий и соответствия вызовам цифровой экономики.

Библиография

1. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2023. 256 с.
2. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023.
3. Апелляционное определение СК по гражданским делам Ульяновского областного суда от 31 июля 2018 г. по делу № 33-3142/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Долгиева М.М. Легализация криптовалюты: судебная практика // Законность. 2021. № 3. С. 51-56.
5. Долгиева М.М. Легализация криптовалюты: судебная практика // Законность. 2021. № 3. С. 51.
6. Ефимова Л.Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 23-31.
7. Ефимова Л.Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 23.
8. Матузов Н.И. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 232.
9. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1997. 672 с.
10. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
11. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СПС «КонсультантПлюс».
12. О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

- Федерации: экспертное заключение по проекту федерального закона № 419059-7 (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 29.11.2018 № 182-3/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
13. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона № 419059-7 (ред., подготовленная ко II чтению 21.07.2020). URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 25.05.2025).
 14. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
 15. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон "" от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
 16. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона № 419059-7 (ред., подготовленная ГД ФС РФ ко II чтению 21.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
 17. О цифровых финансовых активах: проект Федерального закона № 419059-7 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018). – URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 25.05.2025).
 18. О цифровых финансовых активах: проект Федерального закона № 419059-7 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
 19. Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности Биткойн: информационное письмо Банка России от 27.01.2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».
 20. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.
 21. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р // СПС «КонсультантПлюс».
 22. Плешанова О.П. Канун великого перелома // Закон. 2020. № 12. С. 142-150.
 23. Плешанова О.П. Канун великого перелома // Закон. 2020. № 12. С. 142.
 24. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.07.2018 по делу № А57-21957/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
 25. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 г. по делу № 09АП-16416/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
 26. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 21.04.2021 по делу № А57-15876/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
 27. Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. № 11. С. 105-113.
 28. Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 105.
 29. Чаннов С.Е. Цифровые права и цифровые валюты как объекты правового регулирования // Информационное право. 2021. № 2. С. 14-21.
 30. Чаннов С.Е. Цифровые права и цифровые валюты как объекты правового регулирования // Информационное право. 2021. № 2. С. 14.
 31. Экспертное заключение по проекту Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 29.11.2018 № 182-3/2018). URL: <http://privlaw.ru> (дата обращения: 25.05.2025).

Cryptocurrency, digital currency and digital assets: problems of correlation and legal regulation

Arina P. Rozhentseva

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Varvara I. Pugina

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Vyacheslav A. Gaiduk

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Evelina A. Yurkevich

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Dmitrii E. Nosik

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Anatolii G. Korchagin

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Business Law,
Law School of Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Abstract

The current stage of digital transformation affects all spheres of life, including the legal system. This leads to the complication of legal regulation, which must now take into account not only the emergence of new types of social relations, but also their qualitative change - new forms of interaction, participants and objects of regulation. Of particular complexity are relations that arise and function without direct human participation, as well as processes that develop autonomously,

regardless of human will. Currently, there are a number of digital relations that are in dire need of legal regulation, including relations related to the circulation of digital assets. However, their specificity, associated with technological complexity and the dynamism of development, creates serious obstacles to effective legal influence.

For citation

Rozhentseva A.P., Pugina V.I., Gaiduk V.A., Yurkevich E.A., Nosik D.E., Korchagin A.G. (2025) Kriptovalyuta, tsifrovaya valyuta i tsifrovye aktivy: problemy sootnosheniya i pravovogo regulirovaniya [Cryptocurrency, digital currency and digital assets: problems of correlation and legal regulation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 401-410.

Keywords

Cryptocurrency, digital assets, digital rights, objects of civil rights.

References

1. Amelin R.V., Channov S.E. (2023) Evolution of law under the influence of digital technologies: monograph. Moscow: Norma, INFRA-M Publ.
2. Amelin R.V., Channov S.E. (2023) Evolution of law under the influence of digital technologies. Moscow: Norma: INFRA-M Publ.
3. Appellate ruling of the Civil Division of the Ulyanovsk Regional Court dated July 31, 2018 in case No. 33-3142/2018. SPS "ConsultantPlus".
4. Channov S.E. (2021) Digital rights and digital currencies as objects of legal regulation. *Information law*, 2, pp. 14-21.
5. Channov S.E. (2021) Digital rights and digital currencies as objects of legal regulation. *Information law*, 2, pp. 14.
6. Decision of the Arbitration Court of the Saratov Region dated April 21, 2021 in case No. A57-15876/2020. SPS "ConsultantPlus".
7. Dolgieva M.M. (2021) Legalization of cryptocurrency: judicial practice. *Legality*, 3, pp. 51-56.
8. Dolgieva M.M. (2021) Legalization of cryptocurrency: judicial practice. *Legality*, 3, p. 51.
9. Efimova L.G. (2019) Cryptocurrencies as an object of civil law. *Business and law*, 4, pp. 23-31.
10. Efimova L.G. (2019) Cryptocurrencies as an object of civil law. *Business and law*, 4, p. 23.
11. Expert opinion on the draft Federal Law No. 419059-7 "On Digital Financial Assets" (adopted at a meeting of the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation on November 29, 2018 No. 182-3/2018). Available at: <http://privlaw.ru> (date of access: May 25, 2025).
12. Matuzov N.I. (1997) Theory of state and law: course of lectures / edited by N.I. Matuzov, A.V. Malko. Moscow.
13. Matuzov N.I., Malko A.V. (1997) Theory of state and law: course of lectures. 2nd ed., revised. and add. M.: Jurist Publ.
14. On approval of the program "Digital Economy of the Russian Federation": order of the Government of the Russian Federation dated 28.07.2017 No. 1632-r (2017). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 32. Art. 5138.
15. On approval of the program "Digital Economy of the Russian Federation": Order of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r. SPS Consultant.
16. On digital financial assets and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: expert opinion on draft federal law No. 419059-7 (adopted at a meeting of the Council under the President of the Russian Federation for Codification and Improvement of Civil Legislation on 29.11.2018 No. 182-3/2018. SPS Consultant.
17. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: draft Federal Law No. 419059-7 (as amended for the 2nd reading on 21.07.2020). Available at: <http://sozd.duma.gov.ru> [Accessed 25.05.2025].
18. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law of 31.07.2020 № 259-FZ (2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 31 (Part I). Art. 5018.
19. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law dated 31.07.2020 № 259-FZ. SPS Consultant.
20. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: draft Federal Law № 419059-7 (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation for the 2nd reading on 21.07.2020). SPS Consultant.
21. On digital financial assets: draft Federal Law No. 419059-7 (as amended, adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the first reading on 22.05.2018). SPS Consultant.

-
22. On digital financial assets: draft Federal Law № 419059-7 (as amended, adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the 1st reading 22.05.2018). Available at: <http://sozd.duma.gov.ru> (date of access: 25.05.2025).
 23. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation of 05/09/2017 No. 203 (2017). Collection of Legislation of the Russian Federation.. No. 20. Art. 2901.
 24. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation of 05/09/2017 No. 203. SPS Consultant.
 25. On the use of "virtual currencies" in transactions, in particular Bitcoin: information letter of the Bank of Russia dated 27.01.2014. SPS Consultant.
 26. Pleshanova O.P. (2020) The Eve of the Great Grinding. Law, 12, pp. 142-150.
 27. Pleshanova O.P. (2020) The Eve of the Great Grinding. Law, 12, P. 142.
 28. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated May 15, 2018 in case No. 09AP-16416/2018. SPS Consultant.
 29. Resolution of the Twelfth Arbitration Court of Appeal dated July 31, 2018 in case No. A57-21957/2017. SPS Consultant.
 30. Sitnik A.A. Digital currencies: problems of legal regulation. Actual problems of Russian law, 11, pp. 105-113.
 31. Sitnik A.A. (2020) Digital currencies: problems of legal regulation. Actual problems of Russian law, 11, p. 105.

УДК 34**Цифровые права как объекты гражданских прав****Роженцева Арина Павловна**

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Пугина Варвара Ивановна

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Гайдук Вячеслав Александрович

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Юркевич Эвелина Александровна

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Носик Дмитрий Евгеньевич

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Корчагин Анатолий Георгиевич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского права,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правовой природы цифровых прав в российском гражданском законодательстве, введенных в 2019–2020 гг. (ст. 141.1 ГК РФ, законы о цифровых финансовых активах и инвестиционных платформах). Автор рассматривает дискуссионные вопросы, связанные с узким и противоречивым определением цифровых прав, их отграничением от утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов, а также проблемами оборотоспособности и верификации прав в информационных системах.

Для цитирования в научных исследованиях

Роженцева А.П., Пугина В.И., Гайдук В.А., Юркевич Э.А., Носик Д.Е., Корчагин А.Г. Цифровые права как объекты гражданских прав // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 411-418.

Ключевые слова

Цифровые права, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, гражданское законодательство, информационные системы, объекты гражданских прав, цифровая экономика.

Введение

Современный этап технологического прогресса существенно преобразует экономические и правовые институты, что требует соответствующей модернизации нормативно-правовой базы. Эти изменения затронули и российское гражданское законодательство, что нашло отражение в ряде значимых поправок. В частности, с 1 октября 2019 года вступила в действие статья 141.1 ГК РФ «Цифровые права» [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 51ФЗ, 1994], введенная Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ [Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ, [www](http://www.rosstat.gov.ru)]. Данная новация была направлена на создание правовых основ для регулирования общественных отношений в условиях цифровой трансформации, включая последующее принятие специальных законов о цифровых финансовых активах и инвестиционных платформах [Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ, [www](http://www.rosstat.gov.ru)].

Признание цифровых прав в качестве самостоятельного вида объектов гражданских прав подтверждается их включением в перечень объектов гражданских прав, предусмотренный статьей 128 ГК РФ, наряду с такими традиционными объектами, как безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги. Однако сформулированное законодателем определение цифровых прав вызвало значительные научные дискуссии среди специалистов в области гражданского права, которые не утихают до настоящего времени. Это связано с

недостаточной проработанностью их правовой природы и содержания, что создает определенные сложности в правоприменительной практике.

Основное содержание

В научной литературе преобладает обоснованная критика законодательного закрепления цифровых прав как объекта гражданских прав. Как отмечают многие исследователи, включая Л.А. Новоселову, используемая в ГК РФ терминология вызывает серьезные вопросы. В частности, термин «цифровое право» применяется в значении технического понятия («токен, связанный с имущественным правом»), при этом содержание самого права остается нераскрытым. Такой подход демонстрирует узкое, ограниченное понимание цифровых прав законодателем, что создает значительные трудности как в теоретическом осмыслении данного правового института, так и в правоприменительной практике [Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ, [www](http://www.rosstat.gov.ru)].

Среди научных позиций заслуживает внимания подход С.В. Сарбаша, который, признавая дискуссионность концепции цифровых прав, подчеркивает ее преемственность с традиционными цивилистическими конструкциями. В его интерпретации цифровое право представляет собой не самостоятельный вид прав, а лишь новую форму выражения существующих правовых категорий (вещных, обязательственных, корпоративных или исключительных прав). При этом цифровизация рассматривается исключительно как способ оформления правоотношения, не затрагивающий его материального содержания.

Данная позиция находит поддержку среди ведущих цивилистов. Б.М. Гонгало и Л.А. Новоселова также отмечают терминологическую неточность законодателя, указывая, что используемое понятие «цифровое право» может вводить в заблуждение, создавая иллюзию появления принципиально нового вида субъективных прав. По их мнению, речь идет лишь об инновационном способе фиксации прав, который модифицирует некоторые свойства закрепляемых прав, но не изменяет их правовую природу [Гонгало, Новоселова, 2019].

М.А. Рожкова разделяет позицию о недостаточной проработанности соответствующей дефиниции в Гражданском кодексе РФ. Исследователь справедливо отмечает, что введение любого нового правового понятия должно преследовать конкретные цели правоприменительного характера. Однако в данном случае, по мере разработки сопутствующих нормативных актов, изначальная целесообразность введения термина «цифровые права» была утрачена, что делает его существование в действующей редакции ГК РФ избыточным и неоправданным [Рожкова, 2020].

Анализ положений Гражданского кодекса РФ показывает, что законодатель использует узкую трактовку термина «цифровые права». Согласно ст. 141.1 ГК РФ, к ним относятся только те обязательственные и иные права, которые прямо названы цифровыми в законе. При этом их содержание и условия реализации должны определяться правилами информационной системы, соответствующей установленным законодательным требованиям.

Законодательное определение содержит три ключевых ограничения: необходимость прямого указания в законе, привязка к правилам информационной системы и обязательное соответствие этой системы законодательным критериям. Такая конструкция существенно ограничивает круг прав, которые могут быть отнесены к цифровым, устанавливая для них специальный правовой режим.

Законодательство устанавливает специальный режим обращения цифровых прав, предусматривая их осуществление, распоряжение и ограничение исключительно в рамках соответствующей информационной системы без необходимости привлечения третьих лиц (ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ), при этом обладателем права признается лицо, имеющее возможность им распоряжаться согласно правилам системы, за исключением прямо предусмотренных законом случаев (ч. 3 ст. 141.1 ГК РФ), а переход прав по сделке происходит без согласия обязанного лица, что свидетельствует о законодательном ограничении оборотоспособности цифровых прав в рамках специально созданных для этого информационных систем и отличает их от традиционных обязательственных правоотношений.

Современное законодательство, в частности вступивший в силу 1 января 2020 года Закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ, закрепляет понятие утилитарных цифровых прав, к которым относятся: (1) право требования передачи вещи, (2) право требования исключительных или лицензионных прав на результаты интеллектуальной деятельности, (3) право требования выполнения работ или оказания услуг (ч. 1 ст. 8). При этом такие права приобретают статус утилитарных цифровых только при их первоначальном возникновении на основании договора, заключенного через инвестиционную платформу в соответствии с установленными правилами (ч. 3 ст. 8). Законодатель исключил из категории утилитарных цифровых прав требования, связанные с имуществом, сделки с которым требуют государственной регистрации и/или нотариального удостоверения (ч. 2 ст. 8), что позволяет рассматривать цифровую фиксацию как новый, наряду с традиционными, способ удостоверения имущественных прав в условиях цифровой экономики.

Однако представленная концепция вступает в противоречие с положениями статьи 128 ГК РФ, где цифровые права указаны как отдельная разновидность имущественных прав наравне с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. А.В. Асосков обоснованно отмечает, что законодатель фактически ввел новый способ фиксации имущественных прав, существующий параллельно с бездокументарными ценными бумагами [Новоселова и др., 2019]. В то же время Б.М. Гонгало и Л.А. Новоселова аргументируют, что для признания нового самостоятельного объекта гражданских прав необходимы особые качественные характеристики, требующие установления специального правового режима. При этом исследователи подчеркивают, что обособленный статус цифровых прав обусловлен именно их уникальным способом учета и подтверждения - посредством информационных систем, где правообладателем признается лицо, имеющее техническую возможность распоряжения правом благодаря доступу к такой системе [Гонгало, Новоселова, 2019].

В развитие положений статьи 141.1 ГК РФ был принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах», вступивший в силу 1 января 2021 года (с отдельными исключениями). Данный нормативный акт вводит дополнительную категорию цифровых прав – цифровые финансовые активы, которые определяются как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Законодатель четко разграничил две категории цифровых активов: утилитарные цифровые права (исключающие денежные требования) и цифровые финансовые активы (не распространяющиеся на вещи, работы, услуги и объекты интеллектуальной собственности).

При этом с 1 января 2021 года в рамках обновленной редакции статьи 8 Закона об инвестиционных платформах предусмотрены: 1) возможность приобретения и отчуждения цифровых финансовых активов, а также цифровых прав, включающих одновременно утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы, в инвестиционной платформе; 2) возможность осуществления сделок с утилитарными цифровыми правами через оператора обмена цифровых финансовых активов.

Однако Закон о цифровых финансовых активах устанавливает ограничения для кредитных организаций, запрещая им выступать операторами инвестиционных платформ. Как справедливо отмечает А.Ю. Лисицын, действующее регулирование создает правовые основания для организации в рамках единых информационных систем обращения различных видов цифровых активов, включая как привязанные к денежным обязательствам, так и обеспеченные физическими активами [Лисицын, 2020].

Анализ положений статьи 141.1 ГК РФ и статьи 8 Закона об инвестиционных платформах выявляет существенную проблему гражданско-правового регулирования цифровых прав, неоднократно отмечаемую в научной литературе. Речь идет о законодательном ограничении, согласно которому осуществление, распоряжение и ограничение цифровых прав возможно исключительно через информационную систему без обращения к третьим лицам.

Как справедливо отмечает С.В. Сарбаш, данная норма вызывает вопросы относительно правовой природы таких прав, поскольку субъекты гражданских правоотношений традиционно могут реализовывать свои права различными способами - как с использованием информационных систем, так и без них: "Я уже приводил пример с договором банковского счета, где у человека есть альтернатива: то ли взаимодействовать с банком посредством соответствующих программ, то ли отправиться в отделение банка. Разве мои права во втором случае перестают быть оформлены цифровым образом? Ведь в банке у владельца не потребуют ничего, кроме паспорта, но права как были в цифровой форме, так и остались. Почему законодатель ограничивает наши возможности? Или имелось в виду не это?"

Возникает правовая неопределенность в отношении того, является ли цифровая форма обязательным условием существования самого права или представляет собой лишь один из возможных способов его реализации.

При этом ряд специалистов в области гражданского права, в частности Б.М. Гонгало и Л.А. Новоселова, не только не усматривают противоречий в данной законодательной формулировке, но и рассматривают указанное ограничение как существенный отличительный признак цифровых прав, подчеркивая особенность их системы учета, которая характеризуется отсутствием традиционного посредника, ответственного за передачу прав и достоверность учетных данных, что принципиально отличает их от других объектов гражданских прав [Новоселова и др., 2019].

В научной литературе отмечаются и другие проблемные аспекты регулирования цифровых прав. В частности, А.В. Семенов обращает внимание на содержащееся в законодательном определении разделение понятий «осуществление» и «распоряжение» цифровыми правами. Такой подход вызывает вопросы, поскольку традиционно в цивилистике осуществление права

включает в себя и возможность распоряжения им. Данная нормативная конструкция может свидетельствовать о попытке законодателя пересмотреть устоявшиеся доктринальные подходы к соотношению этих правомочий.

Ряд исследователей подвергают обоснованной критике законодательную конструкцию статьи 141.1 ГК РФ, отмечая терминологическую противоречивость в определении цифровых прав. В частности, указывается на некорректное отождествление понятий «информационные системы» и «цифровые системы» в контексте регулирования цифровых прав. Как справедливо отмечает А.В. Нестеров, хотя законодатель сделал важный шаг в легализации цифровых правоотношений, базовые понятия цифровой экономики (такие как «цифровая система», «цифровой документ», «цифровой продукт») остаются юридически неопределенными. Это создает существенные сложности в правоприменительной практике и затрудняет понимание сущности цифровых прав профессиональным юридическим сообществом [Нестеров, 2020].

Заключение

Таким образом, ведение в гражданское законодательство норм о цифровых правах вызвало значительное количество дискуссий и нерешенных вопросов, которые потребуют дальнейшего осмысления и правового регулирования по мере накопления практики разрешения споров в цифровой сфере. Специфика регулирования цифровых прав в России проявляется в существенном ограничении круга признаваемых цифровых прав по сравнению с зарубежными юрисдикциями, что создает пробелы в регулировании новых форм частноправовых отношений. Вместе с тем сам факт законодательного закрепления цифровых прав следует оценивать положительно, поскольку это свидетельствует о попытке законодателя адаптировать правовую систему к вызовам цифровой экономики.

Несмотря на обоснованную критику формулировок и содержания норм о цифровых правах, их появление в Гражданском кодексе РФ представляет собой важный шаг в развитии частноправового регулирования цифровых отношений. Хотя законодательное регулирование не всегда успевает за стремительными изменениями в цифровой сфере, включение цифровых прав в систему объектов гражданских прав создает основу для дальнейшего совершенствования законодательства в условиях глобальной цифровизации экономики и общественных отношений.

Библиография

1. Гонгало Б.М., Новоселова Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179-192.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238-239.
3. Лисицын А.Ю. Новое законодательство о цифровых финансовых активах: перспективы для банковского бизнеса // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. 2020. № 4. С. 4-17.
4. Нестеров А.В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1 (07). С. 11-16.
5. Новоселова Л.А. и др. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31-54.
6. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.
7. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

8. Рожкова М.А. Цифровые права (digital rights) – что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? // Закон.ру. 2020. 17 августа. URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni (дата обращения: 25.05.2025).

Digital rights as objects of civil rights

Arina P. Rozhentseva

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Varvara I. Pugina

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Vyacheslav A. Gaiduk

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Evelina A. Yurkevich

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Dmitrii E. Nosik

Master Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Anatolii G. Korchagin

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Business Law,
Law School of Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the legal nature of digital rights in Russian civil legislation introduced in 2019–2020 (Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, laws on digital financial assets and investment platforms). The author examines controversial issues related to the narrow and contradictory definition of digital rights, their distinction from utilitarian digital rights and digital financial assets, as well as problems of marketability and verification of rights in information systems.

For citation

Rozhentseva A.P., Pugina V.I., Gaiduk V.A., Yurkevich E.A., Nosik D.E., Korchagin A.G. (2025) Tsifrovyye prava kak ob'ekty grazhdanskikh prav [Digital rights as objects of civil rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 411-418.

Keywords

Digital rights, utilitarian digital rights, digital financial assets, civil legislation, information systems, objects of civil rights, digital economy.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on December 21, 2021) (1994). *Rossiyskaya Gazeta*.. December 8. No. 238-239.
2. Gongalo B.M., Novoselova L.A. (2019) Is there a place for "digital rights" in the system of civil law objects. *Perm Legal Almanac*, 2, pp. 179-192.
3. Lisitsyn A.Yu. (2020) New legislation on digital financial assets: prospects for the banking business. *Settlements and operational work in a commercial bank*, 4, Pp. 4-17.
4. Nesterov A.V. (2020) On digital rights and objects of digital rights. *Law and digital economy*, 1 (07), pp. 11-16.
5. Novoselova L.A. et al. (2019) Digital rights as a new object of civil law. *Law*, 5, pp. 31-54.
6. On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: federal law of 18.03.2019 No. 34-FZ. *Official Internet portal of legal information*. Available at: www.pravo.gov.ru.
7. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law of 31.07.2020 No. 259-FZ. *Official Internet portal of legal information*. Available at: www.pravo.gov.ru.
8. Rozhkova M.A. (2020) Digital rights – what are they and are they needed in the Civil Code? *Zakon.ru*. August 17. Available at: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovyye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni [Accessed 05.25.2025].

УДК 347.51**Некоторые вопросы применения подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»****Сафин Талгат Ильнарович**

Аспирант,
кафедра гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, наб. Канала Грибоедова, 30-32;
e-mail: talgat.safin.1998@gmail.com

Аннотация

В статье показано, что Устанавливая субсидиарную ответственность в банкротстве для лиц, «извлекавших выгоду» от взаимоотношений с должником, который имеет признаки объективного банкротства, законодатель оставляет без должного внимания ключевые аспекты данной правовой конструкции. На сегодняшний день отсутствует четкое определение понятия «выгодоприобретатель», что вызывает множество вопросов у практикующих юристов и участников гражданского оборота. Верховный Суд РФ предоставляет лишь абстрактные разъяснения, которые не охватывают все возможные ситуации, возникающие на практике. Это создает значительный риск привлечения к ответственности добросовестных участников, которые не имели намерения причинять ущерб кредиторам. Неопределенность в правоприменении может привести к произвольным решениям со стороны судов и правоохранительных органов, что, в свою очередь, подрывает стабильность и предсказуемость гражданского оборота. Таким образом, отсутствие конкретизации выгодоприобретателя не только затрудняет правоприменение, но и создает предпосылки для нарушения конституционных прав граждан, что требует внимательного анализа и доработки законодательства в данной области.

Для цитирования в научных исследованиях

Сафин Т.И. Некоторые вопросы применения подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 419-428.

Ключевые слова

Принцип формальной определенности закона, «извлечение выгоды», вывод активов должника, субсидиарная ответственность в банкротстве, пробелы в законе, проблемы доказывания.

Введение

Подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве устанавливает правило, согласно которому «пока не доказано иное, предполагается, что лицо являлось контролирующим должника лицом, если это лицо... извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации». При этом значение понятия «извлечение выгоды» законодатель не разъясняет. В Постановлении Пленума от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» Верховный Суд РФ приводит понятные примеры договоров на заведомо невыгодных для должника условиях, с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом, сделок с созданием такой системы организации предпринимательской деятельности, которая направлена на перераспределение доходов должника в пользу других лиц из аффилированной с ним группы компаний. Но эти примеры не позволяют обозначить генеральные правила, способные конкретизировать фигуру выгодоприобретателя как субъекта субсидиарной ответственности. Конституционный Суд РФ не стал оценивать конкретность содержания понятия «извлечение выгоды», а сместил акцент на цель включения подпункта 3 пункта 4 статьи 61.10 в Закон о банкротстве («указанное положение служит обеспечению как определенности понятия «контролирующее должника лицо», так и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения») (Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 « 657-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Хайчук Натальи Олеговны на нарушение конституционных прав ее несовершеннолетних детей подпунктом 3 пункта 4 и пунктом 5 статьи 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). Вопрос наличия статуса выгодоприобретателя у лица, выступавшего звеном в цепочке недействительных сделок (по выводу активов должника), оставлен Конституционным Судом РФ без рассмотрения в Определении от 21.11.2022 № 3118-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Ресурс-Медиа" на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации и подпунктом 3 пункта 4 статьи 61.10 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"».

Введенное Постановлением № 53 ограничение действия нормы только случаями извлечения «существенной выгоды» (относительно масштабов деятельности должника), с одной стороны, оставляет незначительные злоупотребления безнаказанными (фактически ограничиваясь реституцией), а с другой стороны, не дает разъяснений по сделкам, критически для должника важным. Понятно, что Верховный Суд РФ, устанавливая признак существенности, имел в виду способность сделки повлиять на объективное банкротство должника, но здесь мы рассматриваем вопрос в контексте необходимости полноценного информирования о существенных признаках объективной стороны правонарушения. Стоимость выведенного актива формально таким признаком являться может, но представляется концептуально неправильным формировать мышление участников оборота, допускающего совершение мелких и средних правонарушений. С.С. Алексеев прав, соглашаясь с тем, что отсутствие должным образом установленного состава правонарушения влечет за собой гражданскую безответственность [Алексеев, 2010, 477-478].

Приведенное в том же постановлении толкование термина «выгода» (как «увеличение (сбережения) активов») в силу своей широты научного и практического интереса не представляет. Как указывает Конституционный Суд РФ, «негативный эффект от использования

законодателем неопределенного понятийного аппарата усиливается произвольным толкованием этих понятий правоприменительными органами» [Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля, [www](http://www.konstitutsionnyy-sud.ru)].

Основная часть

Не останавливаясь на безвозмездных сделках в пользу выгодоприобретателя (где получение выгоды очевидно), отметим, что в целях квалификации действий выгодоприобретателя по подпункту 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве грамматически имеются все основания для широкого понимания понятия «выгода». Конституционный Суд РФ устанавливает грамматическое толкование в качестве исходной точки интерпретации закона, указывая, что «толкование грамматическое (буквальное, лингвистическое; «правило явного смысла» / «the plain meaning rule»), предлагает исходить из общепринятых значений используемых понятий при условии, что конечный результат при таком толковании не будет абсурден (так называемый «порог абсурдности» / «absurdity limit»)» [там же].

Так, например, получение выгодоприобретателем имущества от должника (в счет ранее возникшего долга) по соглашению от отступном под определение понятия «извлечение выгоды» вполне подходит. В случае, если такого погашения задолженности по отступному не произойдет, по результатам рассмотрения судом дела о банкротстве (как показывает практика) полного исполнения обязательств должника скорее всего не случится. По официальной статистике, непривилегированные кредиторы банкротства в среднем взыскивают по 6% от номинала долга [Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса, [www](http://www.frs.ru)]. Получая по отступному (пусть даже через суррогат исполнения) 100% задолженности, кредитор очевидно, выгоду от сделки получает.

При этом нельзя не отметить проявленную законодателем чрезмерную лапидарность в регулировании вопроса. Как справедливо отмечает Д.В. Дождев, «в общественном сознании право совпадает с формами его фиксации и выражения – позитивным правом (законом)» [Дождев, 2021, 8], законы обеспечивают определенность права, исключая произвол» [Дождев, 1996, с. 84]. Встречая в законе слово «выгода», далеко не каждый кредитор (принимая отступное в счет долга) посчитает себя выгодоприобретателем. Факт просрочки (а она бывает значительной), очевидные неудобства, продажа с дисконтом и дополнительные расходы, связанные с реализацией предмета отступного, в понимании такого кредитора чаще всего свидетельствуют об убыточности сделки, но не о получении выгоды. Конечно, как писал О.С. Иоффе, «гражданский закон не может быть абсолютно беспробельным» [Иоффе, 2003, 154]. С ним соглашается С.С. Алексеев, который, в свою очередь, отмечает, что «право по самой своей природе... "обязано быть живым" – немедленно и адекватно реагировать на разнообразные жизненные ситуации. Закон же, при всех его достоинствах, в том числе его способности с помощью нормативных обобщений охватывать множество жизненных обстоятельств настоящего и будущего, не в состоянии, все же, давать в каждое данное мгновение идеальный, математически отработанный типизированный эталон (норму) для решения развивающихся отношений, для нередко непредсказуемых, порой уникальных ситуаций в нашей бурной, непрестанно меняющейся жизни. История при всех замечательных образцах законодательного искусства еще не знает ни одного примера закона, который в полной мере, по всем пунктам отвечал бы требованиям «живого права», смог бы и «на сейчас» и на будущее давать точные, исчерпывающие ответы на все вопросы. Не знает и, по моему

убеждению, в идеале никогда не будет знать» [Алексеев, 1999, 117].

Но, представляется, что в рассмотренном нами примере, когда кредитор подпадает не просто под реституцию, а оплачивает требования всего реестра кредиторов должника (пункт 1 статьи 61.11 Закона о банкротстве), лаконичность законодателя все же оправданна быть не может. Тот же С.С. Алексеев отмечает следующее: «Текст закона должен выразить непростые, нередко весьма сложные юридические понятия. Вместе с тем законы пишутся для людей. Вот и приходится законодателю, добиваясь максимальной строгости и точности юридических понятий, одновременно стремиться к доходчивости, простоте и ясности изложения» [Алексеев, 1999, 112]. Относительно понятий оценочных следует согласиться с И.В. Горбашевым, который объясняет их изобилие (в том числе в банкротном праве) спецификой частноправового регулирования, нуждающегося в гибких подходах к различным правовым ситуациям [Горбашев, 2018, 154-202]. Как отмечает С.А. Степанов, ««пробелы», например, в гражданском праве – сама его сущность, выражающаяся в стремлении частного права к все большим «свободным зонам»» [Степанов и др., 2001, 329]. Х. Коциоль развивает эту мысль, отмечая, что «частное право представляет собой очень сложную систему, а факты, которые должны быть приняты законодателем во внимание для целей регулирования, многочисленны. По этой причине задача законодателя чрезвычайно трудна, и он на постоянной основе вынужден принимать решения о том, как наилучшим образом разработать положение закона. Европейские законодатели, как правило, используют в этом отношении два различных метода: с одной стороны, жесткие, детализированные нормы, с другой – общие, эластичные нормы, задача конкретизации которых возлагается на суды» [Коциоль, 2016, 246-267]. Однако к определению понятия «выгода» второй подход сложно признать допустимым. Выполняющая превентивную [Суханов, 2019, 521] функцию деликтного права (по модели «карательной сверхкомпенсационной защиты» [Карапетов, 2016, 292-293]) субсидиарная ответственность в банкротстве (та ответственность, которая не погашается даже при личном банкротстве гражданина по абзацу 1 пункта 6 статьи 213.28 Закона о банкротстве) не должна предполагать чрезвычайно широкую неконкретизированную диспозицию, фактически полностью передающую вопрос к дискреции суда (особенно в ситуации, когда, по справедливому замечанию В.Г. Голубцова [Голубцов, 2020, 248-273], на судебское усмотрение фактически передан и вопрос установления момента объективного банкротства должника, с датой которого связаны повышенные риски выгодоприобретателя по несению субсидиарной ответственности). В одном из дел Верховный Суд РФ распространил и без того максимально емкий по своему содержанию термин выгода на «выгоду потенциальную» (не только фактически полученную) (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2020 № 307-ЭС19-18723(2,3) по делу № А56-26451/2016).

При этом следует признать, что не всегда расширительное толкование приводит к решениям несправедливым. Так, в Определении от 06.08.2018 Верховный Суд РФ обоснованно привлек к субсидиарной ответственности лицо, получившее выгоду лишь «косвенно» (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757(2,3) по делу N А22-941/2006). В другом случае на уровне абстрактных разъяснений пункта 7 Постановления № 53 субъект признан выгодоприобретателем на основании единичной сделки по выводу «существенного актива должника», тогда как грамматически использованные в подпункте 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве слова «извлекало выгоду» (не «извлекло», а именно «извлекало») предполагают процесс длящийся, который можно толковать как намерение законодателя присваивать статус «контролирующих должника лиц» только тем,

кто контролирует должника на некоей постоянной основе. Последнее предположение противоречит существу законодательного регулирования и обосновано отвергается О.Р. Зайцевым [Видеозапись заседания «Банкротного клуба» от 03.12.2020, www]. Однако очевидно справедливое некоторых случаях широкое понимание понятия «выгода» конституционных и доктринальных требований к определенности положений нормативных актов об ответственности не снимает. Устанавливая «Методологические аспекты конституционного контроля», решением от 19.10.2021 Конституционный Суд РФ приходит к выводу, что «в сфере частноправовых отношений... поддержание принципа формальной определенности закона, предполагающего определенность и конкретность его предписаний, позволяет обеспечить стабильность и предсказуемость в сфере гражданского оборота, высокий уровень взаимного доверия между субъектами экономической деятельности». В том же решении, а также в других своих актах, высший суд конституционной юстиции ссылается на принцип формальной определенности, как на общеправовой (Постановления Конституционного Суда РФ от 04.06.2015 № 13-П; от 05.02.2007 № 2-П; Определения Конституционного Суда РФ от 02.04.2009 N 471-О-П; от 16.12.2008 № 1054-О-П; от 03.07.2018 № 1676-О). С.С. Алексеев называет его «важнейшим свойством права» [Алексеев, 999, 37], отмечая, что «недаром право называют «правом». Основное значение этого крупного института в жизни людей заключается в том, чтобы, как говорил философ, определять дозволенное и недозволенное, т.е. определять юридические возможности людей, свободу поведения тех или иных субъектов» [там же, 29-30].

Отмечая неоднозначность (недосказанность) нормы в качестве неизбежного препятствия адекватному уяснению установленных законом правил (создающего предпосылки для их произвольного применения (Постановление Конституционного Суда РФ от 12.11.2024 № 51-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 30.1 и иных положений о подсудности Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Подольского городского суда Московской области»), Конституционный Суд РФ подчеркивает, что механизм правового регулирования должен быть понятен субъектам правоотношений из содержания самого законоположения (или системы находящихся с ним в очевидной взаимосвязи других норм) (Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.2023 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.Е. Бахирева»). Фридрих Карл фон Савиньи писал, что «[к]ждый закон предназначен для того, чтобы установить природу правоотношения, т.е. высказать какую-либо мысль (будь она простой или сложной), благодаря чему существование этого правоотношения будет защищено от ошибки и произвола. И если указанная цель должна быть достигнута, то эту мысль должны четко и полностью понимать те, кто соприкасается с этим правоотношением» [Савиньи, 2011, 390]. Указывая на недопустимость нарушения фундаментальных конституционных принципов, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26.11.2020 № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» декларирует, что «равенство всех перед законом и судом и равноправие могут быть обеспечены лишь при условии единообразного понимания и применения правовой нормы всеми правоприменителями», что «двусмысленность содержания правовой нормы допускает возможность неограниченного правоприменительного усмотрения, с неизбежностью ведет к произволу, а значит, к нарушению и принципа равенства, и принципа верховенства закона». «Не следует забывать, – пишет С.С. Алексеев, – что речь идет о понятии правонарушения, которое

должно давать ему всестороннюю характеристику» [Алексеев, 2010, 478].

Предусмотренное подпунктом 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве основание для привлечения выгодоприобретателя к субсидиарной ответственности предполагает такое условие, как «извлечение выгоды». При этом закон не конкретизирует, является ли такое извлечение (само по себе) правонарушением (в контексте данной статьи). Из буквального прочтения нормы следует, что не является. Толковый словарь Даля толкует слово «извлекать» и в позитивном контексте [Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, [www](http://www.ruslang.ru)]. Ничего предосудительного не видят в юридическом факте «извлечения прибыли» и нормы ГК РФ. Являясь, к примеру, коммерческой организацией (самая распространенная в обороте организационно-правовая форма), выгодоприобретатель выступает в обороте юридическим лицом, преследующим извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности по пункту 1 статьи 50 ГК РФ. Абсурдно ожидать от участников гражданского оборота стремления совершать убыточные сделки. Устанавливая такой признак в качестве конституирующего (и единственного), законодатель, очевидно, не считает подобное «извлечение» действием противоправным. Аналогичный подход мы видим в пункте 1 статьи 1107 ГК РФ, где извлечение дохода признается не просто действием правомерным, но иногда даже желательным и обязательным («лицо, которое неосновательно получило или сберегло имущество, обязано возвратить или возместить потерпевшему все доходы, которые оно извлекло или должно было извлечь из этого имущества с того времени, когда узнало или должно было узнать о неосновательности обогащения»).

Говоря о выгоде, получаемой в результате совершения сделок по выводу активов должника, А.Х. Гольстейн справедливо отмечает, что «очень редко окажется, чтобы должник из одной злобы к кредитору распродает свое имущества. Отчуждает он его с той целью, чтобы самому воспользоваться выгодой. Это ближайшая его цель» [Гольмстен, 2019, 485]. Такое понятное утверждение основывается на том факте, что ни должник, ни стоящий за ним конечный бенефициар не заинтересованы в обогащении посторонних лиц. На практике такими выгодоприобретателями становятся подконтрольные лица того же конечного бенефициара, находящиеся с ним в сговоре сторонние покупатели или законопослушные участники оборота (от которых должник получает рыночное встречное предоставление (чаще в денежной форме), незамедлительно выводимое с банковских счетов должника в пользу структур конечного бенефициара) (По аналогии можно сослаться на правовую позицию Верховного Суда РФ по спорам о субординации, где «наиболее вероятной причиной» действий конечного бенефициара признается использование им, как лицом, контролирующим обе стороны сделки, «преимуществ своего положения» (пункт 4 «Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц»)).

Соглашаясь с утверждением А.Х. Гольстейна о преимущественно недопустимо эгоистическом поведении неплатежеспособных должников, не желающих платить по своим обязательства и совершающих сделки по отчуждению имущества исключительно к собственной выгоде, не можем не отметить, что ориентация правоприменителя исключительно на такой подход будет:

а) демотивировать законопослушных участников гражданского оборота исполнять обязательства (в ситуациях, когда их банкротство не кажется неизбежным).

б) подвергать субсидиарной ответственности тех добросовестных кредиторов, которые принимают исполнение от добросовестного должника.

Заключение

Очевидно, что подобные негативные последствия крайне нежелательны и законодателем в виду не имелись. Здесь нельзя не сослаться на обсуждавшуюся среди представителей доктрины вполне убедительную правовую позицию, согласно которой «при толковании необходимо остановиться на той мысли, которая нашла себе выражение в самой норме, и не доискиваться воли творца ее, которого мы не знаем и психический мир которого нам недоступен» [Шершеневич, 2017, 66]. Если в реальной практике (пусть и нечасто) имеет место законопослушное поведение, правопорядок не должен его уничтожать. Нельзя не согласиться с И.В. Горбашевым в том, что чрезвычайно сложно «изложить языком закона или судебного акта, чтобы не задеть невиновных» [Горбашев, 2018, 154-202] то правило, которое устанавливает субсидиарную ответственность выгодоприобретателя в банкротстве. Но в результате неполноты законодательного регулирования такая ответственность сегодня может быть возложена и на добросовестных участников гражданского оборота. Комментируя подобные случаи С.С. Алексеев прав, утверждая, что «самое страшное, губительное здесь заключается в том, что недостатки законов и все негативное, что с ними сопряжено, ... – находит оправдание в том, что все эти недостатки, негативы - «мелочи», которыми во имя достоинств закона, его верховенства и нерушимости принципа законности можно и пренебречь» [Алексеев, 2000, 89]. Мы солидарны с О.В. Гутниковым, который пишет: «Безусловно, кредиторам юридического лица необходимо предоставлять эффективную правовую защиту от злонамеренных действий учредителей (участников) юридического лица, обмана и мошенничества с их стороны» [Гутников, 2022, 48-67]. Характеризуя «главную задачу права», Я.М. Магазинер исходит из того, что «право бессильно парализовать всякое единичное нарушение нормы: его задача – организовать массовое поведение» [Магазинер, 2006, 115]. В нашем случае такая организацией осуществляется через упрощение процедур привлечения к субсидиарной ответственности (в том числе посредством введения презумпции виновности «выгодоприобретателя») (пункт 10 статьи 61.11 и подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве). Законодатель дает участникам оборота недвусмысленный сигнал о неизбежной наказуемости сделок по выводу активов должника. Но эта понятная потребность правопорядка наказывать правонарушителей не должна лишать защиты тех, кто таковыми не является. «Конечная цель права, по мысли Р. Йеринга, – защита конкретных интересов» [Карапетов, 2010, 48]. «Право без защиты – не право», подтверждает К.И. Скловский, указывая на фундаментальное значение данного принципа [Скловский, 2004, 14].

Библиография

1. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000.
2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999.
3. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+Справоч. том]. Том 1: Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. М.: Статут, 2010.
4. Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%202024.pdf>.
5. Видеозапись заседания «Банкротного клуба» от 03.12.2020. Цикл онлайн-мероприятий «Субсидиарная ответственность в разрезе презумпций». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7A4ZwEYqNAw>.
6. Голубцов В.Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 248-273.

7. Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А.Г. Смирных. М.: Издание книг. ком, 2019.
8. Горбашев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 154-202.
9. Гутников О.В. Субсидиарная ответственность в корпоративных правоотношениях: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 48-67.
10. Дождев Д.В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Т. 1: Право, справедливость, юридическая наука. Добросовестность. Вещные права и владение. Статья Понятие справедливости (aequitas) в римской правовой традиции. М.: Статут, 2021.
11. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов; под редакцией В.С. Нерсесянца. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1996.
12. Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)». Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Иоффе О.С. Избранные труды. Том 5. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
14. Карапетов А.Г. Политика и догматика гражданского права: исторический очерк // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 4. С. 48.
15. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016.
16. Коциоль Х. Гибкая система – золотая середина в законодательстве и доктрине. // Вестник гражданского права. 2016. № 6. С. 246-267.
17. Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права; отв. ред. А.К. Кравцов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
18. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. 1 ; пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011.
19. Скловский К.И. Работа адвоката по обоснованию и оспариванию добросовестности в гражданский спорах. М.: ЛексЭст, 2004.
20. Степанов С.А. и др. (ред.) Цивилистические записки. Межвузовский сборник научных трудов. М.: Статут, 2001.
21. Суханов Е.А. (ред.) Гражданское право: учебник в 4 т. 2-е изд. перераб. и доп. Т. 1: Общая часть. Автор комментария А.А. Ягельницкий. М.: Статут, 2019. С. 521.
22. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. URL: <https://slovardalja.net/>
23. Шершеневич Г.Ф. Избранное. В 6 т. Т. 5: Учебник русского гражданского права; вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут. 2017.

Some issues of application of subparagraph 3 of paragraph 4 of the Article 61.10 of the Federal Law "On insolvency (bankruptcy)"

Talgat I. Safin

Postgraduate Student,
Department of Civil and Corporate Law,
Saint Petersburg State University of Economics,
191023, 30-32 Kanala Griboedova emb.,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: talgat.safin.1998@gmail.com

Abstract

Establishing subsidiary liability in bankruptcy for individuals who have "benefited" from relationships with a debtor showing signs of objective bankruptcy, the legislator neglects key aspects of this legal construct. Currently, there is no clear definition of the term "beneficiary," which raises numerous questions for practicing lawyers and participants in civil circulation. The Supreme Court of the Russian Federation provides only abstract clarifications that do not cover all possible

Talgat I. Safin

situations arising in practice. This creates a significant risk of holding accountable honest participants who had no intention of causing harm to creditors. The uncertainty in law enforcement may lead to arbitrary decisions by courts and law enforcement agencies, which, in turn, undermines the stability and predictability of civil turnover. Thus, the lack of clarification regarding beneficiaries not only complicates law enforcement but also creates conditions for violating the constitutional rights of citizens, necessitating careful analysis and refinement of legislation in this area.

For citation

Safin T.I. (2025) Nekotorye voprosy primeneniya podpunkta 3 punkta 4 stat'i 61.10 Federal'nogo zakona "O nesostoyatel'nosti (bankrotstve) " [Some issues of application of subparagraph 3 of paragraph 4 of the Article 61.10 of the Federal Law "On insolvency (bankruptcy)"]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 419-428.

Keywords

Principle of formal certainty of the law, "benefit extraction", withdrawal of assets of the debtor, subsidiary liability in bankruptcy, gaps in the law, problems of proof.

References

1. Alekseev S.S. (1999) Law: ABC – Theory – Philosophy: Experience of a Comprehensive Study. Moscow: Statut., pp. 29-30, 37, 112.
2. Alekseev S.S. (2000) Law on the Threshold of a New Millennium: Some Trends in Global Legal Development – Hope and Drama of the Modern Era. Moscow, Statut Publ., pp. 89, 117.
3. Alekseev S.S. (2010) Collected Works. In 10 volumes [+Reference volume]. Volume 1: Civil Law: Works from 1958–1970. Moscow: Statut Publ.
4. Bankruptcy in Russia. Statistical Bulletin of the Federal Resource. Available at <https://download.fedresurs.ru/news/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%202024.pdf>.
5. Dozhdev D.V. (1996) Roman Private Law: a textbook for universities; edited by V.S. Nersesyants. Moscow: INFRA -M-NORMA.,
6. Dozhdev D.V. (2021) The European Tradition of Private Law: Studies in Roman and Comparative Law: in 2 volumes. Volume 1: Law, Justice, Legal Science. Good Faith. Property Rights and Possession. Article The Concept of Justice (aequitas) in the Roman Legal Tradition. Moscow: Statut Publ.
7. Explanatory dictionary of the living Great Russian language by V.I. Dahl. Available at: <https://slovardalja.net>.
8. Golmsten A.Kh. (2019) The doctrine of the creditor's right to refute legal acts committed by the debtor to his detriment in modern legal literature / edited by A.G. Smirnykh. Moscow: Publishing books. Com Publ.,
9. Golubtsov V.G. (2020) Subsidiary liability of persons controlling the debtor: evolution of legislative approaches. Bulletin of Perm University. Legal sciences, 2, pp. 248-273.
10. Gorbachev I.V. (2018) On some substantive aspects of bringing to subsidiary liability in the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. Bulletin of civil law, 4, pp. 154-202.
11. Gutnikov O.V. (2022) Subsidiary liability in corporate legal relations: problems and prospects. Journal of Russian law, 7, pp. 48-67.
12. Information of the Constitutional Court of the Russian Federation "Methodological Aspects of Constitutional Review (for the 30th Anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation)". Approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10/19/2021. SPS Consultant.
13. Ioffe O.S. (2003) Selected Works. Volume 10. Liability under Soviet civil law. St. Petersburg: Legal Center Press Publ.
14. Karapetyan A.G. (2010) Politics and Dogmatics of Civil Law: Historical Essay. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 4, p. 48.
15. Karapetyan A.G. (2016) Economic Analysis of Law. Moscow: Statut Publ.
16. Kotsiol H. (2016) Flexible System – the Golden Mean in Legislation and Doctrine. Bulletin of Civil Law, 6, pp. 246-267.
17. Magaziner Ya.M. (2006) Selected Works on the General Theory of Law. St. Petersburg: Legal Center Press Publ.
18. Savigny F.K. von. (2011) The System of Modern Roman Law. Vol. 1 / Translated from German. G. Zhigulina; edited

Some issues of application of subparagraph 3 of paragraph ...

- by O. Kutateladze, V. Zubar. Moscow: Statut Publ.
19. Shershenevich G.F. (2017) Selected. In 6 volumes. Volume 5: Textbook of Russian civil law; introduction, compiled by: P.V. Krashennnikov. Moscow: Statut Publ.
 20. Sklovsky K.I. (2004) The work of a lawyer on substantiating and challenging good faith in civil disputes. Moscow: LexEst Publ.
 21. Stepanov S.A. et al. (eds.) (2001) Civilistic notes. Interuniversity collection of scientific papers. Moscow: Statut Publ.
 22. Sukhanov E.A. (ed.) (2019) Civil law: textbook in 4 volumes. 2nd ed. revised and enlarged. Vol. 1: General part. Commentary by A.A. Yagelnitsky. Moscow: Statut Publ.
 23. Video recording of the meeting of the "Bankruptcy Club" dated 03.12.2020. Cycle of online events "Subsidiary liability in the context of presumptions". Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7A4ZwEYqHAw>).

УДК 347.131.222**Материальные аспекты исковой давности****Грицук Александр Андреевич**

Аспирант,
юридический факультет,
Московский финансово-промышленный университет "Синергия",
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский проспект, 80, стр. 1;
e-mail: gritsalekc@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются материально-правовые аспекты института исковой давности в российском гражданском праве. Актуальность темы обусловлена значимостью данного института для стабильности гражданского оборота и необходимостью систематизации материальных аспектов исковой давности. Целью исследования выступает комплексный анализ материально-правовой природы исковой давности и выявление тенденций правоприменительной практики в данной сфере. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой методы, системный анализ нормативных актов и судебной практики. В результате исследования выявлены ключевые материально-правовые характеристики исковой давности, проанализированы основания течения, приостановления и перерыва сроков, систематизированы материально-правовые последствия истечения срока исковой давности. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования и правоприменительной практики в отношении материальных аспектов исковой давности.

Для цитирования в научных исследованиях

Грицук А.А. Материальные аспекты исковой давности // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 429-441.

Ключевые слова

Исковая давность, материальные аспекты, гражданское право, срок, правовая защита, пресекательные сроки, правоотношения.

Введение

Институт исковой давности занимает особое место в системе гражданского права, выступая важнейшим фактором стабильности гражданского оборота и определенности правоотношений. Как отмечает А. В. Тихонова, «исковая давность является одним из важнейших институтов гражданского права, который обеспечивает стабильность и определенность имущественных и иных отношений» [Тихонова, *www*, с. 295]. Материально-правовые аспекты исковой давности остаются предметом научных дискуссий, что обусловлено как теоретической значимостью данного института, так и его непосредственным влиянием на защиту субъективных гражданских прав.

Современное развитие экономических отношений, усложнение форм взаимодействия субъектов гражданского оборота, а также необходимость обеспечения баланса интересов участников правоотношений делают проблематику материальных аспектов исковой давности особенно актуальной. Данный институт выполняет не только дисциплинирующую функцию, побуждая управомоченных лиц своевременно обращаться за защитой нарушенного права, но и обеспечивает правовую определенность, предотвращая неограниченно долгое существование спорных правоотношений.

Практическая и теоретическая значимость правовых аспектов, связанных с исковой давностью, находит широкое отражение в материалах судебной практики. Особую актуальность представляют вопросы исчисления начального момента давностного срока, обстоятельства, влекущие его приостановление или прерывание, а также юридические последствия, наступающие по истечении установленного периода. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «правильное применение сроков исковой давности, с одной стороны, способствует реализации принципа правовой определенности, а с другой — обеспечивает защиту добросовестных участников гражданских правоотношений» [Нестолый, 2022, с. 71].

Настоящее исследование сфокусировано на комплексном анализе материально-правовой природы института исковой давности с целью выявления и структурирования ключевых признаков, обуславливающих его практическое применение. Исследовательская работа охватывает следующие основные направления: раскрытие сущности и юридического положения исковой давности в современном гражданском праве; детальное рассмотрение материально-правового содержания давностных сроков; выявление материально-правовых эффектов, возникающих при истечении сроков давности; изучение правоприменительной практики судов в контексте использования норм об исковой давности.

Материалы и методы исследований

В качестве методологического фундамента работы использована совокупность как общих научных, так и специальных юридических методов исследования. В работе использованы формально-юридический метод, позволивший проанализировать нормативное содержание института исковой давности; сравнительно-правовой метод, применяемый для сопоставления исковой давности с иными правовыми конструкциями; системный анализ, обеспечивший целостное восприятие материальных аспектов исковой давности во взаимосвязи с иными правовыми явлениями.

Использование диалектического метода позволило рассмотреть исковую давность как динамично развивающееся правовое явление, обусловленное взаимосвязью экономических,

социальных и правовых факторов. Исторический метод дал возможность проследить эволюцию научных взглядов на материально-правовые аспекты исковой давности и выявить тенденции развития данного института.

Нормативную базу исследования составляют положения Гражданского кодекса Российской Федерации, в частности ст. 195-208 ГК РФ, регламентирующие институт исковой давности [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая), [www](#)]. Существенное значение для исследования имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», в котором разъясняются вопросы применения соответствующих норм [Постановление Пленума ВС РФ № 43, [www](#)].

Эмпирическую основу исследования составляют материалы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и арбитражных судов по вопросам применения норм об исковой давности. Анализ судебных актов позволяет выявить тенденции в толковании и применении норм об исковой давности, а также проблемные аспекты правоприменительной практики.

Результаты и обсуждения

В российском гражданском законодательстве, а именно в статье 195 Гражданского кодекса, содержится официальное определение исковой давности, трактующее её как временные рамки, отведенные субъекту для реализации права на судебную защиту при его нарушении. Однако такая нормативная формулировка не охватывает всего спектра материально-правовых характеристик данного правового института.

Е. В. Белякович, исследуя концептуальные подходы к пониманию правовых сроков, отмечает: «Исковая давность представляет собой особую правовую конструкцию, интегрирующую временной и материально-правовой элементы, что обуславливает ее уникальное положение в системе правовых средств» [Белякович, 2020, с. 5]. Данное положение подчеркивает дуалистическую природу исковой давности, проявляющуюся в единстве временного и материально-правового аспектов.

По своей правовой природе исковая давность относится к материально-правовым институтам, что неоднократно подчеркивал Верховный Суд РФ. Несмотря на тесную связь с процессуальными институтами, исковая давность регулирует именно материальные правоотношения, определяя временные пределы возможности принудительной защиты нарушенного субъективного права.

Материально-правовой характер исковой давности проявляется в следующих аспектах:

- 1) регулирование нормами материального, а не процессуального права;
- 2) тесная связь с субъективным материальным правом;
- 3) влияние на возможность принудительной защиты права, а не на само право;
- 4) применение по заявлению стороны в споре, а не по инициативе суда;
- 5) оказание влияния на материальные правоотношения, а не только на процессуальные.

Б. М. Гонгало выделяет следующие признаки исковой давности: «1) устанавливается нормами материального права; 2) связана с субъективным материальным правом; 3) обеспечивает возможность принудительной защиты права; 4) имеет императивный характер; 5) применяется судом только по заявлению стороны в споре» [Гонгало, 2021, с. 122]. Данная систематизация признаков позволяет более полно определить материально-правовую природу исковой давности.

Для ясного сравнения целесообразно применить таблицу, которая демонстрирует сроки, используемые в иных учреждениях гражданского права.

Таблица 1 - Соотношение исковой давности с иными сроками в гражданском праве

Критерий	Исковая давность	Пресекательные сроки	Процессуальные сроки
Правовая природа	Материально-правовой институт	Материально-правовой институт	Процессуальный институт
Функции	Обеспечение определенности правоотношений, дисциплинирование участников гражданского оборота	Прекращение субъективного права	Регламентация процессуальных действий
Последствия истечения	Утрата права на принудительную защиту по заявлению ответчика	Прекращение самого субъективного права	Утрата права на совершение процессуального действия
Возможность восстановления	Возможно при наличии уважительных причин	Как правило, невозможно	Возможно при наличии уважительных причин
Применение судом	Только по заявлению стороны спора	По собственной инициативе суда	По собственной инициативе суда

Как видно из таблицы, исковая давность обладает рядом уникальных характеристик, отличающих ее от иных сроков в гражданском праве. При этом, как отмечает Г. И. Кулешова, «исковая давность в современном гражданском праве характеризуется материально-правовой сущностью при наличии процессуальных аспектов ее применения» [Кулешова, 2023, с. 267].

Особое значение для понимания материально-правовой природы исковой давности имеет правильное определение ее целей и функций. К основным целям данного института можно отнести:

- предоставление защиты интересов тех, кто действует добросовестно и в соответствии с законом.

К функциям исковой давности относятся:

- дисциплинирующая (побуждающая сторону обратиться за защитой);
- стабилизирующая (обеспечивающая устойчивость гражданских отношений);
- защитная (предотвращающая возникновение необоснованных требований с течением времени);
- доказательственная (устраняющая сложности с доказательствами, обусловленные временными обстоятельствами).

Наиболее проблематичным аспектом в механизме действия исковой давности является идентификация начального момента течения срока. Согласно положениям статьи 200 Гражданского кодекса, отсчёт срока начинается с момента, когда истец получил сведения о нарушении своих прав или мог получить подобные сведения. Более того, законодатель установил предельный срок подачи исков в десять лет для дел, связанных с защитой нарушенных прав.

Д. В. Лоренц, исследуя приобретение недвижимого имущества по давности владения, отмечает: «Определение начального момента течения исковой давности является ключевым материально-правовым аспектом, который напрямую влияет на возможность реализации права на защиту» [Лоренц, 2020, с. 191]. Действительно, именно от правильного определения начала течения срока зависит эффективность применения данного института.

В процессе судебных разбирательств часто возникают определённые затруднения, относящиеся к моменту начала течения срока исковой давности. Это обусловлено как субъективными обстоятельствами, влияющими на понимание истцом факта нарушения его прав, так и объективными обстоятельствами, указывающими на момент, в который истец обязан был осознать происшествие нарушения. Судебная практика в данном случае руководствуется принципом разумной осмотрительности, согласно которому субъекты гражданских отношений обязаны соблюдать надлежащие меры для охраны собственных прав.

В Постановлении № 43, изданном Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 29.09.2015, указывается, что отсчет срока исковой давности следует вести с того момента, когда у потерпевшей стороны появилась действительная возможность выявить факт нарушения своих прав. В пятом пункте данного Постановления акцентируется внимание на том, что при вычислении срока исковой давности следует брать во внимание уровень разумной осмотрительности и заботливости, требуемый от истца, а также от каждого участника гражданского оборота, действующего в своих интересах.

Особого внимания заслуживает изучение материально-правовых обстоятельств, влекущих приостановление или перерыв исковой давности. При этом приостановление давностного срока обусловлено существованием объективных факторов, препятствующих реализации права на защиту. По мнению А. И. Нечаева: «Институт приостановления течения срока исковой давности имеет материально-правовую природу, поскольку направлен на обеспечение баланса интересов участников гражданского оборота, предоставляя управомоченному лицу дополнительные гарантии защиты права при наличии объективных препятствий» [Нечаев, 2021, с. 34].

Статья 202 ГК РФ устанавливает исчерпывающий перечень оснований приостановления течения срока исковой давности, к которым относятся:

- 1) чрезвычайные и непреодолимые обстоятельства (непреодолимая сила);
- 2) нахождение истца или ответчика в составе Вооруженных Сил РФ, переведенных на военное положение;
- 3) установление отсрочки исполнения обязательств (мораторий);
- 4) приостановление действия закона или иного правового акта, регулирующего соответствующее отношение;
- 5) установление новых оснований в соответствии с законом.

В противоположность приостановлению, перерыв исковой давности наступает вследствие совершения должником активных действий, которые можно расценить как признание существующего долга. В соответствии со ст. 203 ГК РФ течение срока исковой давности прерывается совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга.

Особое внимание следует уделить влиянию правопреемства на течение сроков исковой давности. В соответствии с п. 1 ст. 201 ГК РФ перемена лиц в обязательстве не влечет изменения срока исковой давности и порядка его исчисления. Данный факт служит подтверждением материально-правовой сущности института исковой давности, поскольку течение срока обусловлено объективно существующими обстоятельствами, а не персональными характеристиками участников правоотношений.

Для наглядного представления оснований изменения течения срока исковой давности представим соответствующую схему.

Как видно из схемы, существует целый комплекс материально-правовых оснований, влияющих на течение срока исковой давности. При этом каждое из оснований имеет свои

особенности и правовые последствия. О. В. Степанов подчеркивает: «Материально-правовой характер института исковой давности проявляется в том, что основания начала, приостановления, перерыва и восстановления срока связаны именно с материально-правовыми юридическими фактами» [Степанов, 2022, с. 403].

Рисунок 1 - Схема оснований изменения течения срока исковой давности

Важно отметить, что основания приостановления и перерыва течения срока исковой давности имеют различную правовую природу, что обуславливает и различные правовые последствия:

- с момента прекращения приостанавливающих обстоятельств возобновляется течение исковой давности. Неистекшая часть срока автоматически удлиняется до шести месяцев. Специальное правило применяется к коротким срокам давности (шесть месяцев и менее): их оставшаяся часть увеличивается до изначально установленного срока;

- при перерыве течения срока исковой давности течение срока начинается заново, а время, истекшее до перерыва, в новый срок не засчитывается.

В соответствии с п. 1 ст. 199 ГК РФ требование о защите нарушенного права принимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности. Вместе с тем, истечение срока исковой давности при условии заявления об этом стороны в споре является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске.

После истечения срока давности право сохраняется, но теряет возможность судебной защиты - в этом заключается основной юридический эффект данного института. Такое последствие принципиально отличается от результата истечения пресекательного срока, когда право прекращается полностью.

По мнению Г. Нестолия, «Сегодняшняя интерпретация исковой давности основывается на том, что истечение срока не ведет к прекращению самого субъективного права, а лишь лишает его судебной защиты» [Нестолий, 2022, с. 69]. Данное положение еще раз подтверждает материально-правовой характер института исковой давности.

Сроки исковой давности не аннулируют наличие требования, сохраняющего свою силу даже по истечении установленного времени (ст. 206 Гражданского кодекса Российской Федерации). В случае выполнения обязательства должником возврат уплаченной суммы оказывается невозможным, если сроки исковой давности были истечены.

В соответствии с позицией высшей судебной инстанции, изложенной в Постановлении Пленума ВС РФ № 43 от 29.09.2015 (пункт 25), окончание срока исковой давности в отношении основного обязательства не затрагивает существование обеспечительных мер, включая залог, поручительство и удержание. Ключевым моментом здесь является правомочие судебных органов применить последствия давностного срока. Пункт 2 статьи 199 Гражданского кодекса Российской Федерации утверждает, что суд вправе применять данный институт исключительно по просьбе участников процесса. Такой подход свидетельствует о материально-правовом характере срока исковой давности, поскольку инициатор использования данного механизма остается на стороне истца, а суд не обязан применять его с формальной стороны.

При изучении применения давностных сроков в контексте возмещения убытков, причиненных генеральным директором, К. Г. Киктенко отмечает: «Материально-правовые последствия истечения срока исковой давности различаются в зависимости от характера нарушенного права и вида правоотношения» [Киктенко, 2021, с. 98]. На основании данного положения можно структурировать юридические последствия истечения давностного срока, что отражено в нижеследующей таблице.

Таблица 2 - Материально-правовые последствия истечения срока исковой давности

Категория правоотношений	Последствия истечения срока исковой давности
Вещные правоотношения	Утрата возможности виндикации имущества; возможность приобретения права собственности по давности владения
Обязательственные правоотношения	Утрата права требовать принудительного исполнения обязательства; сохранение права на добровольное исполнение
Корпоративные правоотношения	Невозможность оспаривания решений органов управления; ограничение возможности взыскания убытков с руководителей
Наследственные правоотношения	Утрата права на принятие наследства, невозможность оспаривания завещания
Правоотношения интеллектуальной собственности	Ограниченные возможности защиты исключительных прав; невозможность взыскания компенсации за нарушение

Данные таблицы классифицируют правовые эффекты истечения давностного срока в

соответствии с различными типами обязательств. Общий аспект, характерный для всех видов обязательств, состоит в том, что истечение срока не означает утрату субъективного права, а лишь исключает возможность его судебной защиты.

Особое значение имеет вопрос о соотношении исковой давности и давности владения. В соответствии со ст. 234 ГК РФ, лицо, добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество. Д. В. Лоренц указывает: «Материально-правовые последствия истечения срока исковой давности создают предпосылки для приобретения права собственности по давности владения, поскольку собственник утрачивает возможность эффективной виндикации имущества» [Лоренц, 2020, с. 193].

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что материально-правовые аспекты исковой давности остаются предметом многочисленных споров ввиду их значительной комплексности. Особенно это касается вопросов определения начала течения срока исковой давности.

Верховный Суд РФ в Определении от 15.03.2022 г. № 41-КГ21-47-К4 указал: «Для правильного исчисления срока исковой давности необходимо установить момент, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, и такой момент устанавливается судом на основании оценки конкретных обстоятельств дела» [Определение ВС РФ № 41-КГ21-47-К4, [www](#)]. Данная позиция подтверждает материально-правовую природу исковой давности, связывающую течение срока с юридическими фактами.

Важным аспектом применения исковой давности является вопрос о приостановлении течения срока. В Определении от 10.06.2021 г. № 306-ЭС21-733 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ сформулировала следующую позицию: «Приостановление течения срока исковой давности в связи с обстоятельствами непреодолимой силы должно оцениваться с учетом реальной возможности лица обратиться за судебной защитой» [Определение ВС РФ № 306-ЭС21-733, [www](#)]. Данная позиция подчеркивает материально-правовую природу института приостановления течения срока исковой давности.

На фоне эпидемиологической ситуации, вызванной COVID-19, аспекты приостановления течения срока исковой давности приобрели особую актуальность. Различные ограничительные меры, введенные для борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции, были признаны судами обстоятельствами непреодолимой силы, влекущими приостановление течения срока исковой давности. Данное обстоятельство демонстрирует адаптивный характер правового регулирования исковой давности и его способность адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям.

Существенный интерес представляет судебное толкование норм о восстановлении пропущенного срока давности. Согласно позиции Арбитражного суда Волго-Вятского округа, выраженной в Постановлении № Ф01-5037/2022 от 12 октября 2022 года: «Восстановление пропущенного срока исковой давности возможно только для физических лиц и только при наличии уважительных причин пропуска срока, связанных с личностью истца» [Постановление АС Волго-Вятского округа № Ф01-5037/2022, [www](#)]. Приведенное толкование подчеркивает материально-правовую сущность механизма восстановления давностного срока. Верховный Суд РФ в ряде определений сформулировал позицию о том, что по требованиям участников хозяйственного общества о взыскании убытков с директора течение срока исковой давности начинается с момента, когда участник узнал или должен был узнать о действиях, которые

привели к возникновению убытков у общества. Существенно, что наличие статуса участника не означает автоматического знания обо всех транзакциях, совершаемых руководящим лицом.

Существенное значение имеет практика применения норм об исковой давности в отношении требований о применении последствий недействительности ничтожной сделки. В соответствии с п. 1 ст. 181 ГК РФ срок исковой давности по требованию о применении последствий недействительности ничтожной сделки составляет три года. Отсчет срока давности берет начало с момента реализации условий недействительной в силу ничтожности сделки. Для лиц, не являющихся непосредственными участниками соглашения, установлен особый порядок: временной отрезок начинается исчисляться с даты фактического или предполагаемого получения ими сведений о выполнении условий ничтожного договора.

Динамика судебных споров, связанных с применением норм об исковой давности, демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению, что свидетельствует о практической значимости рассматриваемого института.

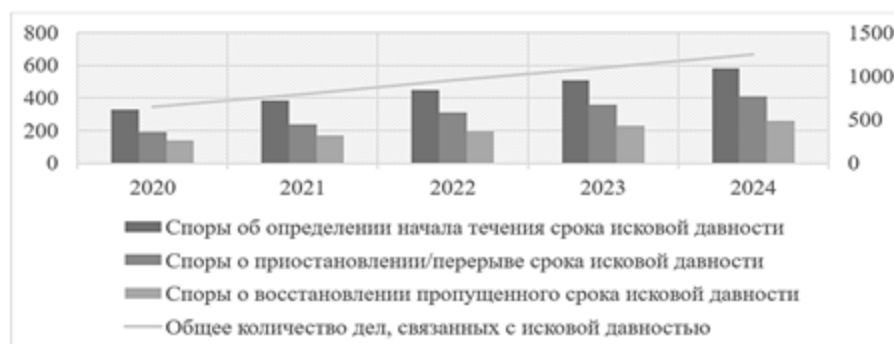

Рисунок 2 - Динамика судебных споров, связанных с применением норм об исковой давности за 2020-2024 гг.

Приведенный график демонстрирует увеличение количества судебных споров, связанных с применением норм об исковой давности, что подтверждает практическую значимость данного института и необходимость его дальнейшего исследования.

Анализ правоприменительной практики показывает, что суды при рассмотрении вопросов исковой давности все чаще обращаются к материально-правовой природе данного института, исследуя не только формальные аспекты его применения, но и оценивая фактические обстоятельства дела с учетом баланса интересов участников гражданского оборота. Это свидетельствует о развитии института исковой давности в направлении более гибкого и дифференцированного подхода к защите субъективных гражданских прав.

Отдельного внимания заслуживает проблематика исчисления срока исковой давности по требованиям о периодических платежах. Н. Н. Штыкова отмечает: «В судебной практике сформировались новые тенденции расчета срока исковой давности по периодическим платежам, основанные на принципе индивидуального исчисления срока по каждому платежу» [Нечаев, 2021, с. 18]. Данный подход соответствует материально-правовой природе исковой давности, поскольку связывает течение срока с конкретным нарушением обязательства по внесению периодического платежа.

Проведенное исследование материальных аспектов исковой давности позволяет сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Как институт материального права, исковая давность очерчивает временной период, в

течение которого допустима принудительная защита нарушенного права. О материально-правовой природе данного института свидетельствуют следующие признаки: непосредственная связь с материальным субъективным правом, материально-правовое регулирование и способность влиять на возможность принудительного осуществления права.

2. Юридические факты, которые инициируют исчисление исковой давности, служат основой для определения её начала, остановки, возобновления и прерывания. Главное значение при этом приобретает момент осознания лицом факта нарушения своих прав либо предполагаемое осознание этого факта.

3. Влияние истекшего срока давности на юридические отношения различается в зависимости от характера обязательств, при этом базовая концепция сохраняет свою силу: окончание периода давности не прекращает существование материального права, а лишь создает препятствие для его принудительной реализации через судебные инстанции.

4. Исследование судебных решений выявляет ряд сложностей в практическом применении положений об исковой давности, в частности, при установлении момента начала течения срока и исследовании обстоятельств его приостановления либо перерыва. Противоречивость судебной практики свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Е. В. Белякович справедливо отмечает: «Совершенствование института исковой давности должно идти по пути уточнения материально-правовых оснований течения срока и дифференциации последствий его истечения в зависимости от характера правоотношений» [Белякович, 2020, с. 4]. Данное положение может служить ориентиром для дальнейшего развития законодательства об исковой давности.

В качестве конкретных предложений по совершенствованию правового регулирования можно выделить следующие:

1. Целесообразно более четко закрепить в законодательстве критерии определения момента, когда лицо должно было узнать о нарушении своего права, что позволит устранить существующие в судебной практике противоречия.

2. Необходимо расширить перечень оснований приостановления течения срока исковой давности, включив в него современные обстоятельства, объективно препятствующие защите нарушенного права, такие как технологические сбои информационных систем, кибератаки, временная недоступность государственных информационных ресурсов и иные подобные обстоятельства.

3. Следует дифференцировать правовые последствия истечения срока исковой давности в зависимости от вида правоотношений, что позволит более эффективно обеспечивать баланс интересов участников гражданского оборота.

4. Уточнение норм, касающихся восстановления пропущенного срока исковой давности, с конкретизацией уважительных причин, связанных с истцом, способствует достижению единого подхода в судебной практике.

5. Целесообразно установить дифференцированные сроки исковой давности для отдельных видов требований, учитывая специфику соответствующих правоотношений и особенности защиты нарушенных прав.

Реализация указанных предложений позволит повысить эффективность применения норм об исковой давности, обеспечить баланс интересов участников гражданского оборота и способствовать стабильности гражданских правоотношений.

Заключение

Проведенное исследование материальных аспектов исковой давности позволяет сделать вывод о том, что данный институт имеет сложную правовую природу, сочетающую в себе временной и материально-правовой элементы. Исковая давность выступает важнейшим фактором стабильности гражданского оборота, обеспечивая определенность правоотношений и дисциплинируя их участников.

Материальные аспекты исковой давности проявляются в ее влиянии на субъективное материальное право, в основаниях течения срока, в правовых последствиях его истечения. При этом исковая давность не прекращает само субъективное право, а лишь лишает его принудительной судебной защиты.

Выявление начала отсчета срока давности выступает центральным элементом при реализации прав и законных интересов. В связи с быстрым прогрессом цифровых технологий и распространением электронной документации, этот вопрос нуждается в тщательном теоретическом изучении и юридических реформированиях.

Обзор актуальной судебной практики свидетельствует: при разрешении споров о пропуске сроков давности правоприменители ориентируются не только на нормативные предписания, но и стремятся обеспечить равновесие законных интересов контрагентов в имущественном обороте. Такой подход отражает модернизацию временных ограничений на судебную защиту в направлении более эластичного и индивидуализированного механизма охраны частноправовых притязаний.

В последнее время в законодательстве и судебной практике произошли значительные изменения по вопросам исковой давности. Обусловлено это потребностью в более чёткости определения материально-правовой основы её течения и различении последствий истечения сроков в зависимости от специфики конкретных юридических отношений.

Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным анализом материальных аспектов исковой давности в отдельных видах правоотношений, а также с изучением влияния цифровизации гражданского оборота на применение норм об исковой давности. Это позволит сформулировать конкретные предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики, отвечающие современным условиям развития общества и экономики.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Российская газета. – 05.10.2015. – № 223.
3. Белякович, Е. В. О концептуальных подходах к пониманию категории «правовой срок» (часть 1) / Е. В. Белякович // Российский судья. – 2020. – № 4. – С. 3–9.
4. Белякович, Е. В. О концептуальных подходах к пониманию категории «правовой срок» (часть 2) / Е. В. Белякович // Российский судья. – 2020. – № 5. – С. 3–8.
5. Гонгало, Б. М. Признаки исковой давности и их отражение в законе / Б. М. Гонгало // Ex Jure. – 2021. – № 3. – С. 120–129.
6. Киктенко, К. Г. Исковая давность при взыскании убытков с генерального директора / К. Г. Киктенко // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 6. – С. 97–101.7. Кулешова, Г. И. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве / Г. И. Кулешова // Вестник науки. – 2023. – Т. 5, № 10 (67). – С. 265–271.

8. Лоренц, Д. В. Приобретение недвижимого имущества по давности владения: новые правила исчисления сроков / Д. В. Лоренц // Закон. – 2020. – № 12. – С. 189–200.
9. Нестолий, В. Г. Современное движение понятия исковой давности в российском праве / В. Г. Нестолий // Пролог: журнал о праве. – 2022. – № 4 (36). – С. 68–75.
10. Нечаев, А. И. Влияние правопреемства на течение сроков исковой давности / А. И. Нечаев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 11. – С. 33–35.
11. Степанов, О. В. Некоторые аспекты состояния и совершенствования института исковой давности в российском гражданском праве / О. В. Степанов // Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Душанбе, 28 окт. 2022 г. – Душанбе : РТСУ, 2022. – С. 402–405.
12. Тихонова, А. В. Понятие и значение срока исковой давности / А. В. Тихонова // Молодой ученый. – 2020. – № 51 (341). – С. 295–298. – URL: <https://moluch.ru/archive/341/76734/> (дата обращения: 01.04.2025).
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.03.2022 г. № 41-КГ21-47-К4 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.06.2021 г. № 306-ЭС21-733 по делу № А65-38210/2019 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
15. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.10.2022 г. № Ф01-5037/2022 по делу № А79-11014/2021 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

Material Aspects of Limitation Periods

Aleksandr A. Gritsuk

Postgraduate Student,
Law Faculty,
Moscow University of Industry and Finance "Synergy",
125190, 80, bld. 1, Leningradsky Prospect, Moscow, Russian Federation;
e-mail: gritsalekc@yandex.ru

Abstract

The article examines substantive legal aspects of the limitation period institution in Russian civil law. The study's relevance stems from this institution's importance for civil transaction stability and the need to systematize its material aspects. The research aims to comprehensively analyze the substantive legal nature of limitation periods and identify trends in judicial practice. The methodological framework includes formal-legal and comparative legal methods, along with systematic analysis of regulatory acts and court decisions. The study reveals key substantive characteristics of limitation periods, analyzes grounds for their computation, suspension, and interruption, and systematizes legal consequences of their expiration. The author proposes improvements to legal regulation and judicial practice regarding material aspects of limitation periods.

For citation

Gritsuk A.A. (2025) Materialnye aspekty iskovoy davnosti [Material Aspects of Limitation Periods]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 429-441.

Keywords

Limitation period, substantive aspects, civil law, time limit, legal protection, preclusive time limits, legal relations

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/24/2023) (as amended and supplemented, intro. effective from 01.10.2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/29/2015 No. 43 (as amended on 06/22/2021) "On certain issues related to the application of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the limitation period" // Rossiyskaya Gazeta. – 05.10.2015. – № 223.
3. Belyakovich, E. V. On conceptual approaches to understanding the category "legal term" (part 1) / E. V. Belyakovich // Russian judge. 2020. No. 4. pp. 3-9.
4. Belyakovich, E. V. On conceptual approaches to understanding the category "legal term" (part 2) / E. V. Belyakovich // Russian judge. – 2020. – No. 5. – pp. 3-8.
5. Gongalo, B. M. The signs of the statute of limitations and their reflection in the law / B. M. Gongalo // Ex Jure. – 2021. – No. 3. – pp. 120-129.
6. Kiktenko, K. G. Limitation period in the recovery of losses from the General Director / K. G. Kiktenko // Bulletin of Arbitration Practice. – 2021. – No. 6. – pp. 97-101.7. Kuleshova, G. I. Limitation period in modern domestic and foreign civil law / G. I. Kuleshova // Bulletin of Science. – 2023. – Vol. 5, No. 10 (67). – pp. 265-271.
8. Lorenz, D. V. Acquisition of immovable property by prescription: new rules for calculating time limits / D. V. Lorenz // Law. – 2020. – No. 12. – pp. 189-200.
9. Nestoliy, V. G. The modern movement of the concept of limitation period in Russian law / V. G. Nestoliy // Prologue: journal of Law. – 2022. – № 4 (36). – Pp. 68-75.
10. Nechaev, A. I. The influence of succession on the limitation period / A. I. Nechaev // Arbitration and civil procedure. – 2021. – № 11. – pp. 33-35.
11. Stepanov, O. V. Some aspects of the state and improvement of the statute of limitations in Russian civil law / O. V. Stepanov // The national legal system of the Republic of Tajikistan and the CIS countries: analysis of trends and prospects for development : proceedings of the X International Scientific and Practical Conference, Dushanbe, October 28, 2022 – Dushanbe : RTSU, 2022. – pp. 402-405.
12. Tikhonova, A.V. The concept and meaning of the limitation period / A.V. Tikhonova // Young Scientist. – 2020. – № 51 (341). – Pp. 295-298. – URL: <https://moluch.ru/archive/341/76734/> / (date of access: 04/01/2025).
13. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/15/2022 No. 41-KG21-47-K4 [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus.
14. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/10/2021 No. 306-ES21-733 in case No. A65-38210/2019 [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus.
15. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 12.10.2022 No. F01-5037/2022 in case No. A79-11014/2021 [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus.

УДК 34**Особенности концессионных соглашений в контексте мировой юридической практики****Будылина Алеся Олеговна**

Адъюнкт,
Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
129110, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Садовая, 14;
e-mail: budylina_alesya@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности концессионных соглашений как формы государственно-частного партнерства. Автор анализирует основные характеристики и принципы концессий, а также их роль в развитии инфраструктуры и предоставлении общественных услуг. Особое внимание уделяется изучению опыта различных стран в применении концессионных механизмов и выявлению общих тенденций и проблем. Статья представляет интерес для исследователей в области частно-правовых наук, юристов-практиков, занимающихся вопросами государственно-частного партнерства, а также для органов государственной власти и местного самоуправления, ответственных за разработку и реализацию концессионной политики. Автор статьи проводит сравнительный анализ законодательных норм, регулирующих концессионные соглашения в разных странах, выявляя общие черты и различия в подходах к определению прав и обязанностей сторон, установлению сроков действия соглашений, регулированию финансовых аспектов и обеспечению гарантий для инвесторов. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению практических примеров реализации концессионных проектов в различных отраслях, таких как транспорт, энергетика, водоснабжение и водоотведение, здравоохранение и образование. Автор выделяет успешные практики и выявляет проблемы, с которыми сталкиваются участники концессионных отношений. Таким образом, статья представляет собой комплексное исследование особенностей концессионных соглашений в контексте мировой юридической практики, которое может служить основой для дальнейшего изучения и развития данного института в России и других странах.

Для цитирования в научных исследованиях

Будылина А.О. Особенности концессионных соглашений в контексте мировой юридической практики // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 442-447.

Ключевые слова

Анализ юридических практик, гарантии для инвесторов, государственно-частное партнерство, законодательные нормы, концессионные соглашения, международное право, общественные услуги, правовое регулирование, сравнительно-правовой анализ, тенденции развития.

Введение

Концессия, как специфическая форма взаимодействия государства с предпринимателем, применялась в различные исторические периоды и является одной из первых форм договорных отношений. Прообразом концессии (от латинского *concessio* – разрешение, уступка, льгота) – являлся откуп, то есть передача государством за определенную плату и на определенных условиях права взимать налоги и другие государственные доходы. Откуп применялся в условиях натурального хозяйства, неразвитости кредита, финансовых затруднений государства, слабости коммуникаций. Принято считать, что концессия как договор на передачу в управление частным лицам принадлежащих государству объектов инфраструктуры за определенную плату возникла еще в Древнем Риме. Там муниципии (самоуправляющиеся общины) практиковали заключение концессий на объекты транспортной инфраструктуры (порты, почтовые станции), объекты торговли и сферы услуг (рынки, бани) [Практика применения концессионных соглашений, 2014, с. 4].

Основное содержание

В России система откупов активно применялась со времен Петра Первого. В 1717 г. в концессию были предоставлены берега рек Уны и Шлины для строительства мельниц. В 1869 г. англичанин Джон Юз получил концессию на строительство металлургического завода в Донбассе. А в 1897-1901 гг. в рамках концессионного соглашения между Россией и Китаем была построена Китайско-восточная железная дорога (КВЖД). В 1920 г. Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР принял декрет «О концессиях», в соответствии с которым в годы НЭПа был реализован ряд инфраструктурных проектов с участием зарубежного капитала. В 1923-1937 гг. действовал Главный концессионный Комитет при СНК СССР – ведомство, занимавшееся предоставлением концессий иностранным физическим и юридическим лицам для торговой и производственной деятельности. Им было рассмотрено более 2200 заявок и более 10 % из них были реализованы. Самыми активными концессионерами были немцы (35,3%), за ними следовали англичане, потом американцы и французы [Практика применения концессионных соглашений, 2014, с. 4].

Что касается публично-частного партнерства как явления, то в широких кругах оно известно под названием *Public Private Partnership (PPP)*. Появилось оно в Великобритании в начале 90-х гг. прошлого века и связано с реализацией новой концепции управления государственной собственностью посредством привлечения частного финансирования. Впоследствии идея публично-частного партнерства распространилась в Европе, США, Австралии, Канаде и других странах. Появление и распространение различных форм и видов публично-частного партнерства были связаны с кризисом государственного финансирования общественно значимых инфраструктурных проектов, стремлением государств привлечь частные средства для их инвестирования и разделить инвестиционные риски, связанные с реализацией проектов, между государством и бизнесом. Использование подобной формы сотрудничества государства и бизнеса позволяет экономить значительные бюджетные средства благодаря частным вложениям, внедрять технические новшества, имеющиеся у бизнеса, отвлекать государство от непосредственного участия в производстве, концентрируя его усилия на организационных и контрольных функциях. В связи с возникновением и развитием практики публично-частного партнерства взаимоотношения между государством и бизнесом в зарубежных странах

складывались по-разному. Можно выделить две основные модели таких взаимоотношений: британскую и французскую [Попондопуло, 2016, с. 51].

«Английская» концессионная схема была впоследствии воспринята большинством англосаксонских стран при регулировании концессионных отношений. Отличительной чертой «английской» концессионной схемы является высокий уровень самостоятельности концессионера при создании и эксплуатации объекта концессии. По общему правилу, к отношениям сторон из концессионного соглашения применяются принципы частного (контрактного) права. Вместе с тем, публичная власть регулирует верхний предел тарифов, по которым концессионер оказывает услуги населению, а также в пределах, установленных законодательством, контролирует исполнение концессионером его обязательств по исполнению концессионного соглашения. В англосаксонских странах концессионное соглашение считается договором *sui generis* [Багдасарова, 2009, с. 17].

«Французская» концессионная схема была впоследствии воспринята во многих странах романского права, в частности, в Германии, Бельгии, Швейцарии, Испании, Португалии, Греции, Италии; странах с правовой системой смешанного типа, например, в Аргентине, Венесуэле; а также в бывших французских колониях, в частности, в Марокко, Тунисе и т. д.

Во Франции, как и в странах влияния французского права (в том числе в вышеприведенных), концессионный договор рассматривается как административный или публичный.

Таким образом, отличительной чертой «французской» концессионной схемы, в отличие от «английской», всегда являлся выраженный приоритет публично-правовых начал при регулировании концессионных отношений (с обязательным соблюдением принципа равенства имущественных интересов концессионера и концедента). Начиная с 1970 г., во Франции и, соответственно, в странах влияния французского права, наблюдается эволюция регулирования концессионных отношений, заключающаяся в уменьшении доминирующей роли государства при регламентации концессий. Во второй главе диссертационной работы данный вопрос рассматривается более подробно [Багдасарова, 2009, с. 18].

В современном мире концессионные соглашения становятся все более популярным инструментом для привлечения частных инвестиций в развитие инфраструктуры и предоставления общественных услуг. Они представляют собой особую форму государственно-частного партнерства, при которой государство передает частному сектору право на эксплуатацию и управление определенными объектами или услугами на определенный срок.

Концессионные соглашения имеют ряд особенностей, которые отличают их от других форм государственно-частного партнерства. Во-первых, они предполагают передачу частному партнеру не только права на эксплуатацию объекта, но и ответственности за его строительство, модернизацию и обслуживание. Это позволяет государству сосредоточиться на своих основных функциях, а частному партнеру – использовать свои знания и опыт для повышения эффективности и качества предоставляемых услуг. Во-вторых, концессионные соглашения обычно заключаются на длительный срок, что позволяет частному партнеру получать стабильную прибыль от эксплуатации объекта и инвестировать в его развитие. Однако это также требует от государства тщательного планирования и прогнозирования потребностей в инфраструктуре и услугах. В-третьих, концессионные соглашения предусматривают четкое разделение рисков и обязанностей между государством и частным партнером. Государство сохраняет контроль над стратегическими аспектами проекта, такими как определение целей и стандартов качества, а частный партнер берет на себя ответственность за оперативное управление и финансирование.

Таким образом, концессионные соглашения представляют собой эффективный инструмент для развития инфраструктуры и предоставления общественных услуг, который позволяет сочетать преимущества государственного регулирования и частного управления.

В разных странах существуют свои особенности регулирования концессионных соглашений. В некоторых государствах действуют специальные законы и нормативные акты, которые определяют порядок заключения, исполнения и прекращения таких соглашений. В других странах концессионные соглашения регулируются общими положениями гражданского и административного права. В мировой практике можно выделить несколько основных моделей концессий: Модель оператора предполагает, что частный партнер осуществляет эксплуатацию объекта и получает вознаграждение за счет платы, взимаемой с пользователей услуг. Эта модель часто используется в сфере коммунальных услуг, таких как водоснабжение и водоотведение, электроснабжение, газоснабжение и т. д. Модель строительства подразумевает, что частный партнер строит объект инфраструктуры и передает его государству после завершения строительства. Государство выплачивает частному партнеру вознаграждение в виде единовременной суммы или периодических платежей. Эта модель применяется при строительстве дорог, мостов, тоннелей и других объектов транспортной инфраструктуры. Модель управления означает, что частный партнер управляет объектом инфраструктуры от имени государства и получает вознаграждение в виде процента от доходов, полученных от эксплуатации объекта. Эта модель может использоваться в различных отраслях, включая здравоохранение, образование, культуру и спорт. Выбор модели концессии зависит от целей и задач проекта, а также от особенностей законодательства и практики государственно-частного партнерства в конкретной стране.

Таким образом, в разных странах концессионные соглашения имеют свои особенности, которые отражают специфику законодательства, экономической ситуации и политических традиций [Варнавский, 2008, с. 112].

В США концессии часто используются для строительства и эксплуатации объектов транспортной инфраструктуры, таких как дороги, мосты и тоннели. При этом важную роль играют государственные органы, которые контролируют процесс заключения и исполнения соглашений. Частные компании берут на себя ответственность за строительство и обслуживание объектов, получая вознаграждение в виде платы за проезд или других платежей от государства [Белицкая, 2015, с. 47].

Великобритания также активно использует концессии для развития инфраструктуры. Здесь особое внимание уделяется прозрачности и открытости процесса заключения соглашений, а также контролю за их исполнением со стороны государственных органов. Важную роль играют независимые эксперты, которые оценивают качество предоставляемых услуг и эффективность использования государственных средств.

Во Франции концессии широко применяются в сфере коммунальных услуг, таких как водоснабжение и водоотведение, электроснабжение и газоснабжение. Государство устанавливает стандарты качества и контролирует их соблюдение, а частные компании обеспечивают эксплуатацию и модернизацию объектов инфраструктуры.

Россия также постепенно внедряет концессии в свою практику государственно-частного партнерства. Однако здесь существуют определенные проблемы, связанные с несовершенством законодательства и отсутствием опыта у государственных органов и частных компаний [Минаков, 2020; Батиевская и др., 2023]. Тем не менее, концессии становятся все более популярными в различных отраслях, включая транспорт, энергетику, здравоохранение и образование.

Заклучение

Таким образом, можно сделать вывод, что концессии являются эффективным инструментом для развития инфраструктуры и предоставления общественных услуг в разных странах. Они позволяют сочетать преимущества государственного регулирования и частного управления, обеспечивая высокое качество и эффективность предоставляемых услуг.

Библиография

1. Багдасарова А.В. Концессионное соглашение в гражданском праве России и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2009. 32 с.
2. Белицкая А.В. Государственно-частное партнерство: понятие, содержание, принципы // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 3. С. 45-50.
3. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. Теория и практика. М.: Наука, 2008. 340 с.
4. Минаков А.В. Оценка современного состояния финансовой устойчивости бюджетной системы России [Электронный ресурс] // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 3. – С. 45. - URL: <https://esj.today/PDF/69ECVN320.pdf> (дата обращения: 22.07.2024).
5. Попондопуло В.Ф. Законодательство о публично-частном партнерстве: цели и предмет регулирования, основные понятия // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом. Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции (Москва, 25 апреля 2016 г.). М.: Юстицинформ, 2016. С. 51.
6. Право и экономическое развитие: актуальные вопросы: Монография / В.Б. Батиевская, М.В. Келехсаева, Т.Е. Ситыхова [и др.]; гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2023. – 196 с.
7. Практика применения концессионных соглашений для развития региональной инфраструктуры в России. – М.: Центр развития государственно-частного партнерства, 2014. 56 с.

Features of Concession Agreements in the Context of Global Legal Practice

Alesya O. Budylina

Adjunct Professor,
Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
129110, 14, Bolshaya Sadovaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: budylina_alesya@mail.ru

Abstract

The article examines the features of concession agreements as a form of public-private partnership. The author analyzes the key characteristics and principles of concessions, as well as their role in infrastructure development and the provision of public services. Particular attention is paid to studying the experience of various countries in implementing concession mechanisms and identifying common trends and challenges. The article is of interest to researchers in private law, legal practitioners specializing in public-private partnerships, as well as government and local authorities responsible for developing and implementing concession policies. The author conducts a comparative analysis of legislative norms governing concession agreements in different countries, identifying commonalities and differences in approaches to defining the rights and obligations of parties, establishing agreement terms, regulating financial aspects, and ensuring investor guarantees. Special focus is given to practical examples of concession projects in various sectors, such as

Alesya O. Budylina

transportation, energy, water supply and sanitation, healthcare, and education. The author highlights successful practices and identifies challenges faced by participants in concession relationships. Thus, the article presents a comprehensive study of the features of concession agreements in the context of global legal practice, which can serve as a basis for further research and development of this institution in Russia and other countries.

For citation

Budylna A.O. (2025) Osobennosti kontsessyonnykh soglasheniy v kontekste mirovoy yuridicheskoy praktiki [Features of Concession Agreements in the Context of Global Legal Practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 442-447.

Keywords

Legal practice analysis, investor guarantees, public-private partnership, legislative norms, concession agreements, international law, public services, legal regulation, comparative legal analysis, development trends.

References

1. Bagdasarova A.V. Concession agreement in the civil law of Russia and foreign countries: abstract of the dissertation. ... Candidate of Law Sciences, Moscow, 2009. 32 p.
2. Belitskaya A.V. Public-private partnership: concept, content, principles // *Business, management and law*. 2015. No. 3. pp. 45-50.
3. Varnavskiy V.G. Public-private partnership. Theory and practice. Moscow: Nauka Publ., 2008. 340 p.
4. Minakov A.V. Assessment of the current state of financial stability of the budget system of Russia [Electronic resource] // *Bulletin of Eurasian Science*. 2020. Vol. 12. No. 3. – P. 45. - URL: <https://esj.today/PDF/69ECVN320.pdf> (date of reference: 07/22/2024).
5. Popondopulo V.F. Legislation on public-private partnership: objectives and subject of regulation, basic concepts // *Current problems of business and corporate law in Russia and abroad. Collection of scientific articles of the III International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 25, 2016)*. Moscow: Justicinform, 2016. p. 51.
6. Law and economic development: topical issues: A monograph / V.B. Batievskaya, M.V. Kelekhsaeva, T.E. Sitokhova [et al.]; chief editor E.V. Fomin. – Cheboksary: Wednesday Publishing House, LLC, 2023. 196 p.
7. The practice of applying concession agreements for the development of regional infrastructure in Russia. Moscow: Center for the Development of Public-Private Partnership, 2014. 56 p.

УДК 34**Правовые проблемы и гарантии защиты прав членов семьи в условиях международной миграции на примере Российской Федерации и Республики Перу****Васкес Гуанучи Сабрина Натали Шаэль**

Аспирант,
Юго-западный государственный университет,
305040, Российская Федерация, Курск, ул. 50 лет Октября, 94;
e-mail: sabrinanashvg@gmail.com

Аннотация

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу правовых проблем и гарантий защиты прав членов семей в контексте международной миграции на примере Российской Федерации и Республики Перу. Работа выявляет общие для обеих стран вызовы, несмотря на различия в их историческом развитии и законодательных системах. Центральное внимание уделяется трудностям, с которыми сталкиваются семьи мигрантов: сложности воссоединения, бюрократические препоны при признании транснациональных браков и семейных отношений, ограниченный доступ к социальным услугам (медицина, образование, жилье), риски дискриминации, а также специфические угрозы правам детей и уязвимость к домашнему насилию. Исследование использует сравнительно-правовой метод для анализа национальных законодательств России и Перу, а также их соответствия международным стандартам в области прав человека и семейного единства. Рассматриваются практические аспекты реализации прав, включая проблемы правоприменения, эффективность государственных механизмов, роль неправительственных организаций и доступность правовой помощи. Особый акцент делается на коллизиях, возникающих из-за различий в правовых системах стран происхождения и приема, сложности легализации документов и отсутствия унифицированных международных соглашений между РФ и Перу. Результаты исследования демонстрируют наличие существенных пробелов в защите семей мигрантов в обеих странах. В России отмечены трудности с получением полной информации о социальных правах и бюрократическая сложность процедур, в Перу – проблемы интеграции трудовых мигрантов из соседних стран и их доступа к поддержке. Выявлены общие проблемы: дискриминация, уязвимость женщин и детей, риск безгражданства детей, а также негативное влияние нелегального статуса на целостность семьи. Подчеркивается недостаточная эффективность существующих механизмов предотвращения насилия и обеспечения экономических прав через трудоустройство. В заключение авторы обосновывают необходимость гармонизации национальных законодательств России и Перу с международными стандартами, упрощения бюрократических процедур для воссоединения семей и легализации статуса. Ключевыми рекомендациями являются развитие двусторонних соглашений о правовой помощи, усиление роли специализированных юридических клиник и НКО, повышение правовой грамотности мигрантов, а также внедрение комплексных программ социальной адаптации.

Исследование подчеркивает, что устойчивое решение проблем защиты прав семей мигрантов требует комплексного подхода, сочетающего безопасность границ с гуманитарными принципами и международным сотрудничеством.

Для цитирования в научных исследованиях

Васкес Гуанучи Сабрина Натали Шаэль. Правовые проблемы и гарантии защиты прав членов семьи в условиях международной миграции на примере Российской Федерации и Республики Перу // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 448-459.

Ключевые слова

Международная миграция, защита прав семьи, сравнительное правоведение, воссоединение семей, Российская Федерация.

Введение

Международная миграция, являясь многоуровневым процессом, затрагивает не только экономические и социальные аспекты, но и правовые вопросы, связанные с обеспечением гарантий защиты прав человека. Она оказывает существенное влияние на судьбы миллионов людей, в том числе на семейные отношения, подвергая членов семьи дополнительным рискам в чужой стране. Одним из ключевых факторов, определяющих качество защиты прав мигрантов, выступает именно правовое регулирование как на национальном, так и на международном уровне, ведь в условиях постоянного увеличения трансграничных перемещений кажется крайне важным обеспечить устойчивые гарантии для сохранения целостности семьи и соблюдения принципа семейного единства. В российском и перуанском правовых пространствах, несмотря на различия в историческом развитии и законодательной базе, встречаются общие проблемы, связанные с оформлением семейных отношений, воссоединением семей и защитой прав детей. Рациональное решение данных вопросов предполагает адекватную правовую политику и совершенствование законодательных норм, создающих надежные механизмы правовой поддержки. Этот подход лежит в основе концепции гуманного отношения к мигрантам, поскольку семья выступает одним из фундаментальных институтов общества и требует тщательно продуманных мер защиты еще на этапе выезда из страны происхождения.

Правительства разных стран создают законодательные положения, направленные на обеспечение семьи обязательным пакетом прав и возможностей для интеграции в принимающем государстве, однако практика показывает, что не все эти нормы применяются в полной мере. Перечень проблем, возникающих при реализации права на семью, может существенно варьироваться в зависимости от социально-экономического и политического фона в выбранном государстве. Например, одним из наиболее острых вопросов в этом контексте считаются браки, заключенные с участием иностранных граждан, поскольку бюрократические процедуры порой затрудняют быструю легализацию и признание подобных союзов. Помимо этого, нередко мигранты сталкиваются со стереотипами и предубеждениями, что затрудняет процесс получения легального статуса их супругов и детей [Имомова, Давлатов, 2020]. При этом отсутствие единых сформулированных стандартов международного согласия на уровне региональных или межрегиональных соглашений осложняет проблему взаимного признания документов, подтверждающих родственные отношения. В Российской Федерации эти вопросы урегулированы отделом ЗАГС, который ориентирован на проверки и формальное

подтверждение обстоятельств, однако наличие двойного гражданства, а также использование поддельных документов осложняют сам процесс признания брака и отцовства или материнства. В Перу же, имеющем собственные традиции и форматы миграционной политики, также возникают коллизии между законодательством в сфере регистрации актов гражданского состояния и нормами, установленными в странах, откуда приезжают мигранты.

Материалы и методы исследования

Фундаментальным принципом защиты прав членов семьи мигранта на международной арене является право на воссоединение. Это право, закрепленное целым рядом международных договоров и соглашений, должно обеспечивать возможность супругам, детям, а иногда и другим близким родственникам проживать совместно с мигрантом в стране приема [Давлатов, 2018]. Однако, сталкиваясь с необходимостью оформления разрешений и легальной регистрации, многие семьи испытывают трудности, обусловленные длительностью процедур и сложностью документальных требований. В некоторых случаях государственные органы рассматривают получение визы для родственников как потенциальную угрозу нелегальной иммиграции, из-за чего ресурсами государства создаются дополнительные барьеры в проезде и оформлении документов. Российская Федерация и Республика Перу, стремясь защитить интересы своей нации и обеспечить безопасность границ, могут ужесточать требования к миграции, что порой негативно сказывается на судьбах законных семей мигрантов. При этом особой группе рисков подвержены те члены семьи, которые не обладают достаточными юридическими знаниями или финансовыми ресурсами, чтобы отстоять свое право. Поиск компромисса между защитой национальных интересов и соблюдением принципа семейного единства – одна из ключевых задач правовой политики государств, ориентированных на международную кооперацию и гуманистические принципы.

Признание браков и семейных отношений в контексте миграции зачастую напрямую связано с иммиграционным статусом одного из супругов. Когда брак оформлен на территории одного государства, а семейная пара проживает в другом, встает вопрос о признании данного брака и регулировании его правовых последствий, включая вопросы алиментов, опеки и наследования. Особое значение приобретает проблема транснациональных браков, когда сами супруги являются гражданами разных стран [Кутина, 2014]. Если российское законодательство в подобных ситуациях опирается на международные договоры и принципы коллизионного права, то перуанская система нередко сталкивается с пробелами в правовом регулировании, особенно когда речь идет о мигрантах из государств, не имеющих с Перу двусторонних соглашений о правовой помощи. Трудности могут возникать при получении необходимых юридических документов, требующих перевода, легализации и апостилирования. В ситуациях, когда законодательство одной из стран не признает определенной формы супружеских отношений, вопрос транснационального брака усложняется неоднозначностью статуса такой семьи. При этом дети, рожденные в такой семье, часто являются гражданами разных государств или имеют право на получение двойного гражданства, что также влечет за собой необходимость тщательного разрешения правовых коллизий.

Результаты и обсуждение

Важнейшую роль в защите членов семьи в условиях международной миграции играет система социальной поддержки и доступ к социальным услугам. В России законодательство

гарантирует определенный перечень социальных прав для иностранных граждан, имеющих официальный статус, однако на практике многие мигранты не обладают полномасштабной информацией о своих возможностях, а также не всегда знают о процедурах оформления пособий и выплат. В Перу ситуация осложняется тем, что международная миграция часто бывает связана с мигрантами из сопредельных государств, которые традиционно перемещаются в поисках работы, и не имеют полноценного статуса, позволяющего претендовать на социальную поддержку [Неделькоб 2013]. Одновременно существуют общественные стереотипы, рассматривающие мигрантов как экономических конкурентов, что создает скрытое напряжение и препятствует полноценной интеграции членов семьи в общество принимающей страны. При этом крайне важным является обеспечение прав на медицинское обслуживание, на образование и жилищное обеспечение. Реализация этих прав напрямую связана с тем, насколько национальная правовая система приспособлена к особенностям современных миграционных процессов. Если государство стремится к тому, чтобы мигранты и их семьи вносили позитивный вклад в общество, то оно вынужденно принимать комплекс мер для социальной адаптации людей, включая развитие специальных программ интеграции. В этом контексте основным инструментом нередко выступают межведомственные соглашения на уровне федеральных и региональных органов, позволяющие создавать обширные комплексные механизмы помощи.

В вопросах защиты прав членов семьи в условиях международной миграции большое значение придается предотвращению дискриминации и обеспечению равных возможностей независимо от национальности, вероисповедания или языка. Законодательство России предполагает систему гарантий, при которой граждане и иностранные граждане могут рассчитывать на определенный уровень защиты от дискриминационных действий [Кучурина, 2012]. Однако реальная практика показывает, что трудности возникают на уровне повседневных контактов мигрантов с органами власти, работодателями и образовательными учреждениями. Порой игнорирование прав мигрантов объясняется бюрократической неопределенностью или неосведомленностью самих граждан о законодательных нормах. В Перу борьба с дискриминацией мигрантов столкнулась с культурными предрассудками, связанными с историческими процессами миграции, когда множественные этнические группы пытались сохранить самобытность, но в то же время сталкивались с напряжением при взаимном общении. Члены семей, особенно женщины и дети, могут быть уязвимыми к проявлениям насилия и притеснений, что ставит задачу расширения возможностей для правовой защиты, включая доступ к правовой помощи и информационным ресурсам. Важную роль могут играть неправительственные организации, помогающие найти адвокатов, консультировать по вопросам получения вида на жительство и оказывать поддержку в судопроизводстве. Тем не менее одной из проблем является недостаточное финансирование таких организаций, а также отсутствие системных механизмов взаимодействия между ними и государственными органами.

В рамках правового регулирования международной миграции существенное значение имеет вопрос защиты детей и обеспечения их права на семью. Дети, переезжающие вместе с родителями в другую страну, нуждаются в особых гарантиях, связанных с сохранением их идентичности, доступом к образованию и медицинским услугам, а также юридическим признанием их статуса [Проблемы обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов субъектов семейных правоотношений, 2008]. В Российской Федерации законодательство более детально прорабатывает механизмы защиты несовершеннолетних, предусматривая обязательство органов опеки и попечительства следить за условиями воспитания детей мигрантов. В Перу обязанности по защите детей нередко возлагаются на специальные госучреждения и общественные фонды, однако уровень их ресурсов и подготовки

кадров может различаться в зависимости от региона. Кроме того, осложнение в получении документов для детей мигрантов порождает риск появления так называемых лиц без гражданства или детей, находящихся в подвешенном состоянии из-за отсутствия юридического оформления в стране пребывания. Своевременное решение этих вопросов препятствует появлению проблем при достижении ребенком совершеннолетия, поскольку без должной регистрации он может быть лишен прав на образование, медицинские услуги и социальные льготы. Таким образом, законодательная система обеих стран встает перед необходимостью гармонизировать процедуры оформления и стимулы для легального нахождения семьи в пределах государства.

Особое внимание стоит уделить проблеме домашнего насилия в семье мигрантов, ведь правовая система обязана реагировать на такие деяния независимо от правового статуса пострадавшего [Давлатов, 2021]. В Российской Федерации предусмотрена административная и уголовная ответственность за насильственные действия в отношении членов семьи, однако мигранты, опасаясь потери легального статуса или столкновения с правоприменительными органами, могут не обращаться за помощью. Аналогичная картина наблюдается и в Перу, где женщины-мигрантки часто сталкиваются с дискриминацией и отсутствием информированности о своих правах. Если правовая культура в обществе недостаточно развита, пострадавшие могут испытывать недоверие к правоохранительным органам, что приводит к замалчиванию фактов насилия. В результате правовая защита превращается в формальность, а реальные проблемы внутри семьи остаются нерешенными. Для изменения этой ситуации необходимо повышение уровня правовой грамотности, создание доступных механизмов конфиденциальных обращений в правоохранительные органы и формирование системы поддержки для пострадавших. Только комплексный подход, включающий работу с психологами, юристами и социальными службами, способен обеспечить реальную защиту и помочь предотвратить рецидивы насилия в мигрантских семьях.

Говоря о гарантиях защиты прав членов семьи, следует упомянуть и право на труд, поскольку экономическая состоятельность семьи является одним из ключевых факторов ее стабильности. Мигрантам в России и Перу нередко приходится сталкиваться со стесненными условиями при поиске работы, дискриминационным отношением некоторых работодателей и нехваткой надлежащих документов, подтверждающих квалификацию [Ефимова Ю.В., Ларина, 2020]. Все это влияет на способность семьи обеспечивать себя материально, а значит, и на уровень жизни детей и других родственников. Государственная политика, нацеленная на создание легальных каналов трудоустройства для иностранных граждан, должна сопровождаться возможностями профессионального обучения, переоформления дипломов и другими мерами по интеграции мигрантов на рынок труда. В противном случае, мигранты могут оказаться в серой экономической зоне, где их юридические права не будут обеспечены, а участники рынка труда не будут заинтересованы в их защите. Формирование благоприятного климата для трудоустройства способствует более эффективной адаптации семьи и снижению социальной напряженности. Вместе с тем необходимо помнить, что миграция – это процесс, затрагивающий не только взрослое население, но и детей, которые нуждаются в стабильном финансировании своей учебы и социальных нужд. Лишь совокупный подход к вопросам занятости и семье поможет обеспечить полноценное участие мигрантов в жизни принимающего сообщества.

Интеграция мигрантов в новую культурную среду может идти разными путями: через усвоение языка, знакомство с традициями и включение в общественные институты страны прибытия. Однако этот процесс должен быть двусторонним, ведь и государство, и общество

также обязаны быть готовыми принять новых жителей, помогая им адаптироваться, а не только требовать соблюдения формальных правил [Лапочкина, 2018]. Для семей мигрантов такой двусторонний характер интеграции особенно важен, поскольку именно близким людям требуется особая поддержка на этапе звена между родиной и новой средой. В России есть примеры успешных интеграционных программ, где школы предлагают детям мигрантов дополнительные занятия по русскому языку и истории, а муниципалитеты поддерживают проекты по межкультурному диалогу. В Перу также могут работать инициативы, нацеленные на вовлечение мигрантов в местные сообщества, но их реализация зачастую затрудняется социально-экономическими проблемами регионов. Семья в этом контексте становится ядром сохранения культурной идентичности и основой для постепенного встраивания в жизнь принимающей страны. При наличии благоприятной миграционной политики, которая учитывает специфику семейной миграции, процесс интеграции может протекать с меньшими конфликтами и потерями, обеспечивая стабильность и социальное благополучие.

Несмотря на различия между Россией и Перу в законодательстве и культурно-исторических особенностях, обе страны формируют общую проблематику в сфере защиты прав членов семьи мигрантов. В Перу, несомненно, большую роль играют внутренние миграционные потоки из сельских регионов в города, которые создают предпосылки для пересечения границ даже внутри страны, что схоже с российской внутренней миграцией между регионами [Ефремов, 2009]. В обоих случаях усилия государства направлены на создание правовых механизмов, регламентирующих порядок регистрации, получения разрешений на работу и доступ к социальной сфере. Однако комплексный контроль, учитывающий интересы семей, не всегда получается выстроить в силу несовершенства механизмов межведомственного взаимодействия. Порой разрозненность нормативных актов создает ситуации двоякого толкования, что приводит к недоразумениям при оформлении документов и установлении прав и обязанностей. Для преодоления подобных сложностей важно совершенствовать законодательство, проводя анализ правоприменительной практики и используя опыт других стран, уже имеющих проверенные временем модели защиты.

Вопросы правовой помощи мигрантам, особенно связанной с семейными делами, рассматриваются юристами как сложный сегмент, требующий специальной подготовки и знания норм международного права. В условиях, когда семья может иметь многонациональный состав, а споры возникают вследствие столкновения правовых норм двух или более стран, чрезвычайно трудно найти оперативное решение без участия компетентных специалистов [Безруков А.В., Иксанов И.С., Исаева А.А., Федорова, 2022]. В России существует сеть консультативных центров, которые могут предоставлять правовую информацию, однако они не всегда доступны в отдаленных регионах, куда часто направляются мигранты в поисках работы. В Перу также есть инициативы по созданию юридических консультаций для мигрантов, но они могут испытывать нехватку финансирования и специалистов. В результате множество вопросов, связанных с семейными конфликтами, разводами, установлением опеки или оформлением наследства, оказывается нерешенными, а члены семьи сталкиваются с неопределенностью и юридической уязвимостью. Создание специализированных правовых клиник, ориентированных на мигрантов, может стать эффективным решением, если они будут работать в тесном сотрудничестве с государственными органами и общественными организациями. Это позволит не только оперативно оказывать помощь, но и систематизировать получаемый опыт, выявляя самые частые проблемы и формируя предложения по корректировке законов и нормативных актов.

Другим аспектом, накладывающим отпечаток на судьбу семей мигрантов, выступает

проблема незаконной миграции, которая может привести к тому, что семья оказывается в положении нелегалов на территории чужого государства [Симонова, 2016]. Страх депортации и наказания иногда вынуждает мигрантов скрывать свое местонахождение, а дети при этом оказываются в условиях отсутствия формального статуса, не имея доступа к образованию и медицинским услугам полной мере. Для государственных органов проблема незаконной миграции состоит в том, чтобы найти баланс между применением санкций к правонарушителям и обеспечением гуманитарной помощи семьям, которые оказались в безвыходном положении. В России введены квоты на трудовых мигрантов, а также процедуры оформления патентов, и нарушение правил въезда или пребывания может караться административными мерами. В Перу также существует система контроля за миграционными потоками, предусматривающая выдачу соответствующих разрешений и механизм проверки. Вместе с тем ограничения, введенные государствами с целью сдерживания нелегальной миграции, зачастую отражаются и на законопослушных гражданах, которые сталкиваются с усложненными бюрократическими процедурами. Это может удлинять сроки оформления документов и в целом создавать напряженную атмосферу, мешающую интеграции семей. Тем не менее некоторые страны стараются ввести механизмы легализации для тех, кто доказал свою социальную и экономическую пригодность, сохраняя семьям возможность оставаться вместе и избежать процедур депортации.

Одним из правовых инструментов, обеспечивающих защиту семей мигрантов, являются международные соглашения о взаимной правовой помощи. Когда между государствами заключена соответствующая конвенция, решение таких вопросов, как выдача свидетельств о браке, рождении детей или установление алиментов, упрощается [Давлатов, 2022]. Если же соглашение между Россией и Перу отсутствует или имеет ограниченный характер, правовая процедура усложняется, поскольку необходимо обращаться к нормам международного частного права, которые не всегда полноценно детализируют процесс признания и исполнения судебных решений в другой стране. Помимо этого, возникает необходимость в переводе и легализации документов, выполнении дополнительных требований к формам и срокам подачи, что может быть серьезным препятствием для семей мигрантов, не владеющих языком. Ориентируясь на политику интеграционного взаимодействия, государства могут содействовать созданию более гибких механизмов обмена правовой информацией, что упростит разрешение конфликтов, связанных с семейными отношениями. В условиях активного развития миграции практика показывает, что двусторонние соглашения, а также региональные объединения содействуют более оперативному и эффективному обеспечению прав членов семьи. Нередко этот вопрос выходит за рамки чисто правового поля и становится предметом дипломатических переговоров, учитывающих взаимные интересы государств.

Вопрос об адаптации миграционной политики к меняющимся условиям международных отношений также затрагивает гуманитарные аспекты, связанные с беженцами и вынужденными переселенцами. При возникновении экстренных ситуаций, когда миграция носит массовый характер, семьи особенно уязвимы и нуждаются в особых мерах, позволяющих сохранить их единство [Краснова, 2016]. Помимо того, и в России, и в Перу проблемы внутренне перемещенных лиц нередко осложняются отсутствием достаточных центров временного размещения и нехваткой ресурсов для социального сопровождения. В таких случаях гибкость правовой системы и наличие четких инструкций для государственных органов по действиям в условиях чрезвычайной миграции имеют первостепенное значение. Если государство не способно своевременно реагировать на волны миграции, то пострадавшими оказываются прежде всего семьи, где родители не могут самостоятельно обеспечить безопасность и

нормальное физическое развитие детей. Перу сталкивалось с подобными ситуациями в связи с политическими и экономическими потрясениями в соседних странах, а в российском контексте значительную роль сыграли периоды повышения напряженности в сопредельных регионах. Решение таких проблем лежит в плоскости международного сотрудничества и выработки единых стандартов расселения, документирования и социальной поддержки семейных групп.

Достижение компромисса между суверенным правом государства регулировать миграцию и международными обязательствами по защите прав человека требует реформы национальных правовых систем. В России существует миграционное законодательство, позволяющее выдавать разрешения на временное проживание и вид на жительство, причем в некоторых случаях приоритет отдается семьям, уже имеющим связи с российскими гражданами [Рамазан, 2024]. Перу также периодически вносит изменения в законодательство, стремясь упорядочить миграционные потоки и создать благоприятные условия для интеграции. Однако бюрократия в оформлении статуса, проверка подлинности документов и ограниченные сроки действия визовых разрешений часто превращают процесс легализации в длительное и затратное мероприятие, недоступное для некоторых категорий семей. Правозащитные организации указывают на необходимость упрощения регулятивных процедур, если речь идет о воссоединении супругов и детей, чтобы избежать нарушения принципа охраны семейной жизни. Государственные органы могут использовать современные информационные технологии для ускорения обмена данными и устранения пробелов в документации, однако этот путь требует существенных инвестиций и политической воли.

Проблема разрыва семей вследствие депортации одного из супругов выходит на первый план, когда выясняется, что один из членов семьи не имеет законных оснований для пребывания в стране, тогда как другой действует в рамках легального статуса. С правовой точки зрения подобная ситуация порождает конфликты между правом государства на изгнание нарушителя и интересами семьи ребенком, нуждающимся в обоих родителях [Имомова, Давлатов, 2020]. В некоторых случаях суды принимают во внимание интересы ребенка и разрешают отсрочку депортации, чтобы семья могла урегулировать положение. Однако такие случаи чаще единичны, и гарантии защиты семьи остаются слабо выраженными. Иногда супруг-иностранец предпочитает скрываться, что в конечном счете препятствует нормальной социальной жизни и доступу к медицинским услугам. В условиях растущей глобализации подобные проблемы становятся все более распространенными, и правовые системы вынуждены искать механизмы снижения разрушительных последствий для семьи. Примером могут служить определенные положения международных конвенций, призывающих государства учитывать интересы детей при принятии решений о высылке. Но все еще сохраняется расхождение между нормами международного права и внутренней практикой государственного регулирования миграции.

Значимость научных исследований в области правовых проблем семейной миграции с каждым годом возрастает, поскольку это даёт возможность выявлять пробелы в правовой системе и предлагать пути их устранения [Лапочкина, 2018]. Как российские, так и перуанские исследователи анализируют эффективность законодательных мер, выявляют факторы, снижающие уровень интеграции мигрантов, и разрабатывают рекомендации для международного сотрудничества. Научная дискуссия помогает развивать комплексный подход к миграции, в котором учитываются не только экономические, но и социальные, культурные и нравственные аспекты, имеющие непосредственное отношение к семейным отношениям. В частности, изучение судебной практики демонстрирует, что даже при наличии формальных правовых норм решения сильно зависят от субъективной оценки судей и компетентности адвокатов. Миграционные процессы настолько многообразны, что эффективная защита семьи

должна предусматривать широкий спектр инструментов, от правовой информации до создания специализированных институтов медиации в транснациональных семейных конфликтах. Универсального решения не существует, зато возможно комплексное взаимодействие правоведов, социологов и экономистов, ориентированное на итоговый рост благосостояния и стабильности семей мигрантов.

Заключение

Наконец, одним из стратегических путей решения описанных проблем может стать выработка новых международных стандартов, требующих от государств систематической защиты прав семьи во всех аспектах миграционного процесса [Неделько, 2013]. Российская Федерация, имея опыт ужесточения законодательства и одновременно внедрения интеграционных программ, способна предложить модель сочетания безопасности и гуманизма. С другой стороны, Перу, будучи страной, много лет открытой для миграции из соседних регионов, вносит в мировой дискурс свой опыт реагирования на беженцев и трудовых мигрантов. Интеграция законодательных систем двух государств, обсуждение на международных площадках и обмен практиками могут способствовать формированию единых рекомендаций, облегчающих судьбу семейных мигрантов и повышающих эффективность правоприменения. В долгосрочной перспективе это приведет к более устойчивым формам международной миграции, в рамках которой семьи будут иметь надежные гарантии сохранения своих прав. Механизмы реализации могут включать закрепление положений о защите семей в национальном законодательстве, разработку двусторонних соглашений и подключение межгосударственных организаций для мониторинга выполнения принятых обязательств.

Таким образом, правовые проблемы и гарантии защиты прав членов семьи мигрантов, что видно на примерах Российской Федерации и Республики Перу, складываются в сложную, но решаемую задачу, требующую постоянного внимания со стороны законодателя, исполнительной власти и общества [Кучурина, 2012]. Достижение оптимального баланса между государственными интересами и международными обязательствами возможно при условии комплексного подхода, который учитывает специфические особенности внутригосударственного регулирования, историческое наследие, а также многомерную природу миграционных процессов. Комбинация социальных, культурных, экономических и правовых инструментов способна создать условия, когда семья мигранта не будет ущемлена в своих правах, а государства получат обоснованные меры контроля над миграционными потоками. В конечном итоге это благоприятно отразится на качестве жизни и местных жителей, и приезжих, укрепив основы толерантности и обеспечив социальную стабильность интернету информации о современном мире. Без всесторонней защиты семьи не может быть эффективной миграционной политики, способной удовлетворить требования современности и интересы будущих поколений.

Библиография

1. Безруков А.В., Иксанов И.С., Исаева А.А., Федорова А.П. Защита права мигрантов на семейную жизнь в странах Северной Европы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 225-232.
2. Давлатов Х.Х. Анализ основных положений Международной конвенции ООН о защите прав всех трудящихся - маргинантов и членов их семей от 18 декабря 1990 года // Законодательство. 2021. № 1 (41). С. 138-141.
3. Давлатов Х.Х. Международно-правовое регулирование вопросов защиты прав трудящихся-маргинантов и членов их семей в рамках ООН и СНГ: сравнительно-правовой анализ // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2018. № 3. С. 243-248.

4. Давлатов Х.Х. Особенности деятельности ООН в области защиты прав трудящихся-мигрантов // Юридический вестник. 2022. № 3 (11). С. 65-69.
5. Ефимова Ю.В., Ларина Л.А. Правовое регулирование международной организации по миграции в рамках защиты прав личности // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 20-летию принятия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. М., 2020. С. 195-199.
6. Ефремов А.А. Международно-правовая защита семьи // Международно-правовые чтения. Бирюков П.Н. Воронеж. 2009. С. 61-65.
7. Имомова Н.М., Давлатов Х.Х. Проблемы реализации международно-правовых норм в области защиты прав трудящихся-мигрантов и членов их семей // Юридический вестник. 2020. № 3 (3). С. 130-134.
8. Краснова Т.В. Защита родительских прав в многонациональных семейных отношениях // Правовые аспекты гармонизации межнациональных отношений. Материалы II Тюменского международного форума. 2016. С. 316-324.
9. Кутина В.П. Международный и российский опыт правового регулирования защиты прав детей в семье // Ответственность должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов ребенка, причинение ему вреда. Защита несовершеннолетних от насилия: сборник статей. Материалы междисциплинарного межведомственного круглого стола (16 декабря 2014 г.). СПб., 2014. С. 52-56.
10. Кучурина Д.А. Влияние международного права на совершенствование российского законодательства о защите детей, оставшихся без попечения родителей // Актуальные проблемы современного международного права: материалы X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко. 2012. С. 387-391.
11. Лапочкина Е.П. О необходимости ратификации Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 года // Труды Оренбургского института Московской государственной юридической академии. 2018. № 36. С. 33-36.
12. Неделько И.А. Защита прав трудовых мигрантов и членов их семей: международно-правовой аспект // Пантюхин И.В. (ред.) Юридическая наука и практика: история и современность: сборник материалов I Международной научно-практической конференции. 2013. С. 285-288.
13. Проблемы обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов субъектов семейных правоотношений: материалы Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПбАУЭ, 2008. 248 с.
14. Рамазан А.Е. Право на семейную жизнь в контексте международной миграции // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2024. № 1 (76). С. 266-272.
15. Симонова С.В. Воссоединение семей как вектор современной миграционной политики: проблемы внедрения и перспективы совершенствования // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4 (65). С. 53-61.

Legal problems and guarantees for the protection of family members' rights in the context of international migration: the example of the Russian Federation and the Republic of Peru

Vasquez Guanuchi Sabrina Natali Shael

Postgraduate Student,
Southwestern State University,
305040, 94 50 let Oktyabrya str., Kursk, Russian Federation;
e-mail: sabrinanashvg@gmail.com

Abstract

This study is devoted to a comprehensive analysis of the legal problems and guarantees for the protection of the rights of family members in the context of international migration, using the example of the Russian Federation and the Republic of Peru. The paper identifies challenges common to both countries, despite differences in their historical development and legislative

systems. Central attention is paid to the difficulties faced by migrant families: issues of reunification, bureaucratic obstacles in recognizing transnational marriages and family relationships, limited access to social services (healthcare, education, housing), risks of discrimination, as well as specific threats to children's rights and vulnerabilities to domestic violence. The research employs a comparative legal method to analyze the national legislations of Russia and Peru, as well as their compliance with international standards in human rights and family unity. Practical aspects of the implementation of rights are considered, including problems in law enforcement, the effectiveness of state mechanisms, the role of non-governmental organizations, and the accessibility of legal assistance. Special emphasis is placed on the conflicts that arise from differences between the legal systems of the countries of origin and those of the receiving states, the complexities of document legalization, and the absence of unified international agreements between the Russian Federation and Peru. The results of the study demonstrate significant gaps in the protection of migrant families in both countries. In Russia, difficulties in obtaining complete information regarding social rights and the bureaucratic complexity of procedures are noted; in Peru, challenges include the integration of labor migrants from neighboring countries and their access to support. Common issues identified include discrimination, the vulnerability of women and children, the risk of children becoming stateless, and the negative impact of illegal status on family cohesion. It is emphasized that the effectiveness of existing mechanisms to prevent violence and ensure economic rights through employment is inadequate. In conclusion, the authors argue for the need to harmonize the national legislations of Russia and Peru with international standards, to simplify bureaucratic procedures for family reunification and status legalization. Key recommendations include the development of bilateral legal assistance agreements, strengthening the role of specialized legal clinics and NGOs, enhancing the legal literacy of migrants, and implementing comprehensive social adaptation programs. The study underscores that a sustainable solution to the issues of protecting the rights of migrant families requires a comprehensive approach that combines border security with humanitarian principles and international cooperation.

For citation

Vasquez Guanuchi Sabrina Natali Shael (2025) Pravovye problemy i garantii zashchity prav chlenov sem'i v usloviyakh mezhdunarodnoi migratsii na primere Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Peru [Legal problems and guarantees for the protection of family members' rights in the context of international migration: the example of the Russian Federation and the Republic of Peru]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 448-459.

Keywords

International migration, protection of family rights, comparative law, family reunification, Russian Federation.

References

1. Bezrukov AV, Iksanov IS, Isaeva AA, Fedorova AP. (2022) Protection of the right of migrants to family life in the countries of Northern Europe. *Bulletin of Tomsk State University*, 476, pp. 225-232.
2. Davlatov H.H. (2022) Features of the UN activities in the field of protecting the rights of marginalized workers. *Legal Bulletin*, 3 (11), pp. 65-69.
3. Davlatov H.H. (2021) Analysis of the main provisions of the UN International Convention on the Protection of the Rights of All Marginalized Workers and Members of Their Families of December 18, 1990. *Legislation*, 1 (41), pp. 138-141.

4. Davlatov H.H. (2018) International legal regulation of issues of protecting the rights of marginalized workers and members of their families within the framework of the UN and the CIS: comparative legal analysis. *Bulletin of the Tajik National University. Series of socio-economic and social sciences*, 3, pp. 243-248.
5. Efimova Yu.V., Larina L.A. (2020) Legal regulation of the international organization for migration in the framework of protecting individual rights. *Actual problems of international cooperation in the fight against crime: Proc. Int. Conf. Moscow*, pp. 195-199.
6. Efremov A.A. (2009) International legal protection of the family. *International legal readings. Biryukov P.N. Voronezh*, pp. 61-65.
7. Imomova N.M., Davlatov H.Kh. (2020) Problems of implementation of international legal norms in the field of protection of the rights of marginalized workers and their families. *Legal Bulletin*, 3 (3), pp. 130-134.
8. Krasnova T.V. (2016) Protection of parental rights in multinational family relations. *Legal aspects of harmonization of interethnic relations. Materials of the II Tyumen International Forum*, pp. 316-324.
9. Kuchurina D.A. (2012) The Impact of International Law on Improving Russian Legislation on the Protection of Children Left Without Parental Care. *Current Issues of Modern International Law: Proceedings of the X Annual All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Professor I.P. Blishchenko*, pp. 387-391.
10. Kutina V.P. (2014) International and Russian experience of legal regulation of the protection of children's rights in the family. *Responsibility of officials and citizens for violation of the rights and legitimate interests of the child, causing harm to him. Protection of minors from violence: a collection of articles. Materials of the interdisciplinary interdepartmental round table (December 16, 2014)*. St. Petersburg., pp. 52-56.
11. Lapotchkina E.P. (2018) On the Need to Ratify the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, 1990. *Proceedings of the Orenburg Institute of the Moscow State Law Academy*, 36, pp. 33-36.
12. Nedelko I.A. (2013) Protection of the Rights of Labor Migrant Workers and Members of Their Families: International Legal Aspect. In: Pantyukhin I.V. (ed.) *Legal Science and Practice: History and Modernity: Collection of Materials of the I International Scientific and Practical Conference*, pp. 285-288.
13. *Problems of ensuring the implementation and protection of rights, freedoms and legitimate interests of subjects of family legal relations: materials of the International scientific and practical conference (2008)*. St. Petersburg: Publishing house of SPbAUE.
14. Ramazan A.E. (2024) The right to family life in the context of international migration. *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 1 (76), pp. 266-272.
15. Simonova S.V. (2016) Family reunification as a vector of modern migration policy: problems of implementation and prospects for improvement. *Actual problems of Russian law*, 4 (65), pp. 53-61.

УДК 34**Переквалификация гражданско-правовых договоров с самозанятыми в трудовые по инициативе налоговых органов****Буслаева Оксана Борисовна**

Кандидат юридических наук, старший преподаватель,
кафедра правового регулирования экономической деятельности,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: okvirat@gmail.com

Аннотация

Проблема квалификации отношений между компаниями и лицами, оказывающими услуги либо выполняющими работы в данных компаниях, не нова. Вопрос о необходимости переквалифицировать договоры гражданско-правового характера в трудовые урегулирован отечественным законодательством и неоднократно становился предметом судебного разбирательства в рамках трудового спора. При этом ранее всегда завуалированные под гражданско-правовые трудовые отношения являлись следствием прямого интереса работодателя – отсутствие необходимости нести бремя обеспечения трудовых гарантий. В то же время работодатели и ранее выступали в качестве налогового агента при уплате НДФЛ, а также обязаны были уплачивать страховые взносы на медицинское и пенсионное страхование. Однако после появления статуса самозанятого в отечественном регулировании значительно увеличилось число случаев обращения в суд налоговыми органами с целью изменить основание отношений компании и физического лица с требованием уплаты доначисленных налогов, а также страховых взносов. На наш взгляд, данная практика не всегда справедлива и заслуживает рассмотрения под углом защиты права человека выбирать ту форму занятости, которую он пожелает, если она не нарушает закон.

Для цитирования в научных исследованиях

Буслаева О.Б. Переквалификация гражданско-правовых договоров с самозанятыми в трудовые по инициативе налоговых органов // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 460-469.

Ключевые слова

Самозанятые, свобода труда, трудовые отношения, договор гражданско-правового характера, фискальный интерес, налоговые отношения.

Введение

Отечественное законодательство, регулирующее занятость населения, в последние годы все больше обращается лицом к работнику. Советское наследие в сфере трудового права оказало существенное положительное влияние на современное трудовое законодательство. Запрет на подмену трудовых отношений гражданско-правовыми появился в ТК РФ впервые, поскольку в эпоху нерыночных отношений такая норма в советском законодательстве была неактуальна. Не умаляя значения данной нормы для работника, в данной статье попробуем взглянуть на проблему разграничения указанных правоотношений с точки зрения свободы волеизъявления сторон, в первую очередь работника. Нет сомнений, что обманутый работник, которому предлагали трудоустройство в соответствии с ТК РФ, оказавшийся исполнителем по договору ГПХ, должен быть защищен, при этом бремя доказывания для него должно реализовываться исходя из принципа *in favorem*. Судебная практика высших инстанций по трудовым спорам о переквалификации договора оказания услуг / подряда подтверждает данный тезис [Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2023 № 16-КГ23-4-К4; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2023 № 58-КГ22-15-К9; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2023 № 58-КГ22-14-К9]. В то же время, осознавая фактическую невозможность каждого работника прибегнуть к законным способам защиты (неграмотность большинства населения в правовых вопросах, низкая осведомленность о способах защиты), законодатель снижал привлекательность договора ГПХ для работодателя. С 1 января 2023 г. исполнители по договорам гражданско-правового характера подлежат обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, а до этого они в полной мере были охвачены иными видами обязательного социального страхования (медицинское, пенсионное, от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний) [Гусева, 2023, 24]. Склонность потенциального работодателя заключать договор гражданско-правового характера после необходимости не только удерживать НДФЛ, но и уплачивать страховые взносы, существенно снизилась. Выгоды от возможности не оплачивать ежегодный отпуск нивелировались потенциальной опасностью понести ответственность в соответствии со ст. 5.27 КоАП РФ. В связи с данными обстоятельствами количество споров о признании договора гражданско-правового характера трудовым стало снижаться. Но после введения эксперимента по применению налога на профессиональный доход ситуация изменилась. Увеличение количества споров о переквалификации договоров ГПХ в трудовые было обусловлено введением в 2019 году специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», который дает возможность исполнителю (работнику) уплачивать 4% с доходов, полученных от физических лиц, и 6% с доходов, полученных от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Основное содержание

По данным Росстата, количество занятых лиц в России в феврале 2025 г. составляет 73,80 миллиона человек. На февраль 2025 г. 12 694.576 лиц зарегистрированы в качестве граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» [ЕМИСС: государственная статистика, www.fedstat.ru]. Многие кампании

стали привлекать для выполнения работ или услуг именно самозанятых граждан, сотрудничество с которыми дает бизнесменам ряд преимуществ. Кроме того, сотрудничая с самозанятыми, организации получают возможность отказаться от сомнительных схем и серых зарплат. Для самозанятого такой вариант отношений также может быть более интересным, чем трудоустройство по трудовому договору. В первую очередь, это преференция в виде налоговой выгоды – возможность уплачивать налоги с оплаты его труда на 7% меньше, а также получить от заказчика в качестве гонорара те средства, которые были бы направлены на уплату страховых взносов.

Стоит отметить, что в п. 8 ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» установлен запрет на получение дохода в качестве самозанятого от оказания (выполнения) физическими лицами услуг (работ) по гражданско-правовым договорам при условии, что заказчиками услуг (работ) выступают работодатели указанных физических лиц или лица, бывшие их работодателями менее двух лет назад. Такое ограничение, с одной стороны, защищает работника, с другой стороны, неочевидной, ограничивает свободу труда. Часть 1 статьи 37 Конституции РФ устанавливает важнейший принцип свободы труда, указывая на то, что каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Нельзя забывать, что труд – это деятельность человека, направленная на создание материальных и нематериальных благ и существующая не только в рамках трудовых отношений. И установление запрета в течение двух лет вступать в гражданско-правовые отношения с бывшим работодателем есть не что иное, как ограничение работника в свободе выбора сферы занятости. Также присутствует запрет на применение режима «Налог на профессиональный доход» в трудовых отношениях, то есть если работник оформлен у работодателя, с ним не может быть дополнительно заключен договор ГПХ. С 22 февраля 2021 г. заказчиков, использующих труд самозанятых, обязали подавать соответствующие сведения в налоговые органы [Приказ Минфина России от 31.12.2020 № 343н, www.rosfin.ru]. У контролирующих фискальных органов сложился механизм, в соответствии с которым при наличии сомнений в виде отношений между заказчиком и исполнителем заказчик привлекается к налоговой ответственности за сокрытие трудовых отношений под гражданско-правовыми с последующим взысканием недоимки, штрафов и пени за нарушение налогового законодательства. И цель данной деятельности совершенно ясна: защита фискального государственного интереса, а не защита прав работников. Однако нормы ТК РФ в части запрета подмены одних отношений другими адресованы работнику, интересам работника, защите его прав. И тут нельзя не согласиться с мнением, высказанным в научной литературе, о том, что «фактическая сущность преобладающего объема юридических норм о труде на федеральном и региональном уровнях регулирования сводится к разграничению интересов работника и работодателя, но не в ключе их собственных интересов, а с позиций нужд общества и государства, возможность самоопределения для субъектов трудового правоотношения существенно ограничена» [Демидов, 2020, 7]. Исходя из буквы закона, налоговая инспекция должна проверять соответствие реальной деятельности предпринимателя и самозанятого нормам налогового права, в котором установлен ряд указанных выше запретов, их нарушение и должно становится предметом надзорной реакции. Отечественное законодательство не выделяет четких критериев, по которым необходимо разграничивать работника и независимого подрядчика (исполнителя). Налоговые органы взяли на себя полномочия по переквалификации гражданско-правовых отношений в трудовые, используя основания, во многом схожие с теми,

которые были выработаны Верховным судом РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2018 № 15 [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15, [www](#)]: достижение сторонами соглашения о личном выполнении работником определенной, заранее обусловленной трудовой функции в интересах, под контролем и управлением работодателя; подчинение работника действующим у работодателя правилам внутреннего трудового распорядка, графику работы (сменности); обеспечение работодателем условий труда; выполнение работником трудовой функции за плату; устойчивый и стабильный характер этих отношений, подчиненность и зависимость труда, выполнение работником работы только по определенной специальности, квалификации или должности, наличие дополнительных гарантий работнику. Возникает сомнение, насколько компетентны налоговые органы выяснять вопросы соответствия отношений указанным критериям. Тем более что для переквалификации необходимо установить комплексность признаков и выявить конкретные особенности реализации услуг или работ в каждом случае индивидуально, поскольку, например, личный характер труда как деятельности, которая может реализоваться не только в трудовых отношениях, относится не только к предмету трудового договора. Цивилисты пишут о личном характере договора оказания услуг, тем самым отграничивая его от договора подряда [Вольвач, 2023, 25]. Тезис относительно оплаты не результата труда, а самого процесса выполнения трудовой функции как исключительный элемент трудовых отношений также может быть подвергнут критике. Если сравнивать с договором подряда, данное утверждение верно, но если проводить параллель с договором оказания услуг, то и там, и там мы обнаружим оплату процесса труда, а не конечного результата.

Судебная практика свидетельствует о поддержке арбитражными судами налоговых органов. В Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26 марта 2024 г. № Ф01-463/24 по делу № А29-2726/2023 суд согласился с налоговым органом, установив, что в договорах об оказании услуг с самозанятыми не были согласованы объем работ и конечный результат. График работы исполнителей подчинялся графику работы заказчика в составе бригады его работников. В Постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2024 № 15АП-1543/2024 по делу № А53-18339/2023 судом установлен факт одинаковой квалификации рабочих, что также предполагает относительно единый временной промежуток выполнения ими задания [Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2024 № 15АП-1543/2024 по делу № А53-18339/2023, [www](#)]. Интересно, что во всех приведенных примерах из судебной практики спор по своей природе не был трудовым. Истцом выступал заказчик по договору ГПХ, а ответчиком – налоговые органы РФ, которые в досудебном порядке переквалифицировали договор оказания услуг/выполнения работ с самозанятым в трудовой договор с вытекающими последствиями в виде привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения, а именно доначисления налога, штрафов и пени. При этом сами работники в данных спорах не участвуют (что вызывает определенные вопросы, поскольку в случае переквалификации договора у них возникает законный интерес требовать компенсации за неиспользованный отпуск, за сверхурочную работу, работу в выходные дни и моральный вред). На наш взгляд, необходимо привлекать в процесс работника, в отношении которого налоговой переквалифицирован договор из ГПХ в трудовой, а также представителей Роструда. Арбитражный суд не вправе рассматривать трудовой спор, но в то же время решение арбитражного суда будет являться преюдициальным для потенциального разбирательства в суде общей юрисдикции относительно взыскания с работодателя компенсации за неиспользованный отпуск и морального вреда.

В соответствии с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в пункте 2.2 Определения от 19 мая 2009 г. № 597-О-О, в целях предотвращения злоупотреблений со стороны работодателей и фактов заключения гражданско-правовых договоров *вопреки намерению работника заключить трудовой договор*, а также достижения соответствия между фактически складывающимися отношениями и их юридическим оформлением федеральный законодатель предусмотрел возможность признания в судебном порядке наличия трудовых отношений между сторонами, формально связанными договором гражданско-правового характера, и установил, что к таким случаям применяются положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права [Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 597-О-О, [www](http://www.kdsud.ru)]. Конституционный суд прямо указывает на необходимость установления воли работника в намерении заключить именно трудовой договор. Однако лицу может быть выгоднее заключить договор ГПХ, имея статус самозанятого именно исходя из особенностей налоговой нагрузки. Представим, что работник трудится дистанционно в должности юриста, выполняет поручения работодателя по текущей деятельности организации в установленные работодателем сроки. Имеет ли он право оказывать такие услуги, используя статус самозанятого? Очевидно, да, поскольку услуга выполняется лично с использованием его профессиональных знаний. Ему установлена заработная плата 100000 р., 13% будет удерживаться работодателем и уплачиваться в бюджет в счет НДФЛ. При этом сам работодатель уже из своей прибыли посчитает 30% от 100000 р. и исполнит свою обязанность по уплате страховых взносов. Затраты работодателя составят 130000 р., работник получит 87000 р. Если представить, что заключен не трудовой договор, а договор ГПХ с самозанятым, то при тех же затратах заказчика исполнитель получит не 87 000 р., а 122 200 р., поскольку налог составит не 13%, а 6%, решение же о необходимости уплаты страховых взносов принимает исполнитель самостоятельно, поскольку на данный момент их уплата для самозанятого (в отличие от ИП) является добровольной. Таким образом, выгода для исполнителя очевидна, что еще более вызывает недоумение при отсутствии возможности выражения его мнения в суде. Схожей точки зрения придерживается Осипова С.В., отмечая, что важным условием межотраслевой переквалификации гражданско-правового договора в трудовой является учет мнения исполнителя. Если он не желает вступать с заказчиком (принципалом, комитентом и т. д.) в трудовые отношения, то переквалификация не должна производиться [Осипова, 2018, 102].

И в данной ситуации мы встречаем совершенно определенную коллизию. Нормы трудового законодательства, запрещающие маскировку трудовых отношений под гражданскими, имеют своей целью в первую очередь защиту трудовых прав работника как слабой стороны в правоотношениях, реализацию принципа *in favorem* в трудовом праве. Но в случае, когда обе стороны заключают договор возмездного оказания услуг, при этом не нарушая нормы законодательства о специальном налоговом режиме (исполнитель не работал ранее у заказчика, в договоре не указаны обязательства, определяющие распорядок дня и т.д.), допустимо ли вмешательство органов государственной власти в частные дела данных субъектов гражданских правоотношений? Желание налоговых органов увеличить налоговую нагрузку объяснимо, но огромное количество дел в суде, где налоговая отстаивает (часто успешно) право на привлечение к налоговой ответственности за неуплату налогов в связи с неверной, по мнению налоговой, квалификацией отношений между субъектами, похоже на злоупотребление правом. Использование законных способов уменьшения налоговой нагрузки предпринимателя не должно становиться предметом налоговой проверки.

Интересен опыт зарубежных законодателей относительно баланса защиты трудовых прав и свободы предпринимательской деятельности. В США данные моменты урегулированы Законом о справедливых трудовых стандартах (FLSA). В указанном нормативно-правовом акте содержатся нормы относительно двух категорий лиц: работников и независимых подрядчиков. С 1940-х годов Министерство труда и американские суды применяли «тест экономической действительности», чтобы определить, является ли лицо наемным работником или независимым подрядчиком, основываясь на широком понимании занятости. Выяснялось, находится ли работник в реальной экономической зависимости от работодателя в плане организации труда (и, следовательно, является наемным работником) или занимается бизнесом для себя (и, следовательно, является независимым подрядчиком). 11 марта 2024 года вступила в силу поправка, где указано, что все критерии разграничения работника и независимого подрядчика не имеют заранее определенного веса и рассматриваются с учетом экономической деятельности лица. Необходимо выяснять, может ли подрядчик работать на других заказчиков, его инициативность и самостоятельность в принятии решений относительно заключений новых контрактов. В поправке 2024 года утверждено шесть факторов, которые необходимо учитывать при определении свойства отношений между заказчиком и исполнителем: 1) возможность получения прибыли или убытков в зависимости от управленческих навыков; 2) инвестиции работника и потенциального работодателя; 3) степень постоянства трудовых отношений; 4) характер и степень контроля; 5) степень, в которой выполняемая работа является неотъемлемой частью бизнеса потенциального работодателя; 6) навыки и инициатива исполнителя. При этом указанным факторам не присваивается заранее определенный вес и каждому фактору уделяется отдельное внимание. Такой подход признает, что независимые подрядчики играют важную роль в экономике США, и обеспечивает последовательный подход для тех предприятий, которые привлекают (или желают привлечь) независимых подрядчиков, а также для тех, кто желает работать в качестве независимых подрядчиков [Employee or Independent Contractor Classification Under the Fair Labor Standards Act, www.dhs.gov].

В законодательстве Австрии подход к вопросу разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений несколько отличается от российского. Несмотря на высокие стандарты соблюдения социальных прав, в Австрии нет отдельного кодифицированного акта, регулирующего отношения между работником и работодателем, трудовые отношения регламентированы Гражданским кодексом Австрии 1811 года, а также рядом отдельных нормативно-правовых актов (Закон о наемных работниках; Конституционный закон о труде; Закон о ежегодном отпуске; Закон о рабочем времени; Закон об охране материнства; Закон о равном обращении; Закон о судах по трудовым и социальным вопросам; Закон об охране труда). В австрийском законодательстве существует «свободный трудовой договор» (Freier Dienstvertrag), предметом которого является предоставленное по договору право распоряжаться рабочей силой партнера, т.е. его готовность предоставлять услуги, которые определены с точки зрения вида деятельности в течение определенного периода времени. Характерной чертой свободного трудового договора является то, что он не имеет такой степени личной зависимости, которая привела бы к квалификации в качестве «подлинного» трудового договора. Работник не берет на себя обязательство выполнить определенную работу или добиться определенного результата. Скорее, он обязан только предоставить свой труд в распоряжение партнера по договору в течение определенного периода времени. «Подлинный» договор об оказании услуг или трудовой договор в значении § 1151 Гражданского кодекса Австрии характеризуется, прежде всего, личной зависимостью работника, т.е. его подчинением функциональным

полномочиям работодателя, что проявляется в организационных связях, в частности, в отношении рабочего времени, места работы и контроля. В судебных спорах относительно квалификации договора чаще всего предпочтение отдается доводу о личной зависимости работника. Верховный суд Австрии в решении по делу 9ObA43/20v от 22.20.20 [Rechtsinformationssystem des Bundes (RIS), [www](http://www.ris.bundesjustiz.at)] отметил, что в целом характеристиками, свидетельствующими о наличии личной зависимости, являются, прежде всего, обязательность выполнения работы, особенно в отношении рабочего времени, места работы и поведения, связанного с работой, личные трудовые обязанности работника, внешняя специфика работы, экономический успех которой зависит от работодателя, функциональная интеграция услуги в структуру указаний работодателя. Свободный трудовой договор отличается возможностью самостоятельно определять порядок выполнения работы, то есть без привязки к определенному рабочему времени и тем указаниям, которые являются основополагающими для подлинного трудового договора. Однако само по себе обязательство предоставлять регулярные постоянные услуги не противоречит существу свободного трудового договора.

Заключение

Подводя итог данному исследованию, стоит отметить в качестве вывода, что в российской практике, несмотря на высокий стандарт защиты прав работника, присутствует очевидное злоупотребление фискальных органов свободой труда личности, ограничение предпринимателей в выборе вариантов привлечения исполнителей. Исходя из изложенного выше, напрашивается необходимость установления в законе (не в информационных письмах и подзаконных нормативных актах ФНС РФ и Минфина РФ, не путем анализа судебной практики) подробных критериев разграничения. Понятие самозанятого лица используется в налоговом праве, однако невозможно не обратить внимание на сложившуюся ситуацию, когда налоговые органы злоупотребляют своими полномочиями в части переквалификации отдельных договоров ГПХ, где в действительности для этого нет законных оснований: заказчик не пытается уменьшить налогооблагаемую базу за счет самозанятых, а использует законные средства оптимизации налоговой нагрузки, в свою очередь, самозанятый заинтересован в самостоятельной предпринимательской деятельности, которая ему разрешена в соответствии с федеральным законодательством о налоге на профессиональный доход. К сожалению, статистика споров с налоговыми органами не выглядит оптимистично с точки зрения налогоплательщика: налоговая служба рассказывает об успехах своей деятельности в судах на официальном сайте: 80 % споров с налоговой решается в пользу государства [Официальный сайт ФНС РФ, [www](http://www.fns.gov.ru)]. При этом успех дел по переквалификации гражданско-правовых договоров в судах общей юрисдикции по инициативе работника не такой очевидный: судя по судебной статистике в городе Москве средний процент выигранных дел около 30 (в 2019 г. из 170 исков удовлетворено 50) [Клепалова, Незнамов, Щербакова, 2019, 84].

Библиография

1. Вольвач Я.В. Правовые подходы к определению совокупности признаков, характеризующих личный характер обязательства юридического лица // Право и экономика. 2023. № 2. С. 26-32.
2. Гусева Т.С. Российская система социального обеспечения при изменении структуры занятости населения: проблемы правового регулирования // Социальное и пенсионное право. 2023. № 1. С. 22-26.
3. Демидов Н.В. Верховенство публично-правовых начал в отрасли трудового права России // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 6-9.

4. ЕМИСС: государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61226> (дата обращения: 01.02.2025)/
5. Клепалова Ю.И., Незнамов А.В., Щербакова О.В. Презумпция трудового характера отношений в свете тенденций развития судебной практики // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3. С. 79-103.
6. О внесении изменений в приказ Министерства финансов Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 173н: приказ Минфина России от 31.12.2020 № 343н (зарегистрировано в Минюсте России 11.02.2021 № 62457) // СПС «КонсультантПлюс».
7. О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей - физических лиц и у работодателей - субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 597-О-О // СПС КонсультантПлюс
9. Осипова С.В. Гражданско-правовые договоры, связанные с трудом, и трудовой договор // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-dogovory-svyazannye-s-trudom-i-trudovoy-dogovor> (дата обращения: 19.08.2024).
10. Официальный сайт ФНС РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn29/news/activities_fts/5897040/?ysclid=m02ec0zsyt23828492 (дата обращения 02.02.2025).
11. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2024 № 15АП-1543/2024 по делу № А53-18339/2023 // СПС КонсультантПлюс.
12. Employee or Independent Contractor Classification Under the Fair Labor Standards Act. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2024/01/10/2024-00067/employee-or-independent-contractor-classification-under-the-fair-labor-standards-act> (дата обращения: 02.02.2025).
13. Rechtsinformationssystem des Bundes (RIS). Решение Верховного суда Австрии в решении по делу 9ObA43/20v от 22.20.20. URL: https://ris.bka.gv.at/Dokument.wxe?Abfrage=Justiz&Dokumentnummer=JJT_20201125_OGH0002_009OBA00043_20V0000_000&Suchworte=RS0021306 (дата обращения 02.02.2025).

Retraining of civil law contracts with the self-employed into labor contracts initiated by tax authorities

Oksana B. Buslaeva

PhD in Law,
Senior Lecturer of the Department of Legal Regulation
of Economic Activity,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: okvirit@gmail.com

Abstract

The problem of classifying relations between companies and individuals providing services or performing work in these companies is not new. The issue of the need to reclassify civil law contracts as labor contracts is regulated by domestic legislation and has repeatedly become the subject of legal proceedings within the framework of a labor dispute. At the same time, previously, labor relations veiled as civil law were always a consequence of the direct interest of the employer - the absence of the need to bear the burden of providing labor guarantees. At the same time, employers previously acted as a tax agent when paying personal income tax, and are also obliged to pay insurance premiums for medical and pension insurance. However, the number of cases of tax authorities going to court to change the basis of relations between a company and an individual with a requirement to

pay additional taxes, as well as insurance premiums, has increased significantly. In our opinion, this practice is not always fair and deserves to be considered from the angle of protecting a person's right to choose the form of employment that he or she wants, if it does not violate the law.

For citation

Buslaeva O.B. (2025) Perekvalifikatsiya grazhdansko-pravovykh dogovorov s samozanyatymi v trudovye po initiative nalogovykh organov [Retraining of civil law contracts with the self-employed into labor contracts initiated by tax authorities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 460-469.

Keywords

Self-employed, freedom of labor, labor relations, civil law contract, fiscal interest, tax relations.

References

1. Demidov N.V. (2020) Verkhovenstvo publichno-pravovykh nachal v otrasli trudovogo prava Rossii [Supremacy of public law principles in the branch of Russian labor law]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Labor Law in Russia and Abroad], (1), 6-9.
2. *EMISS: gosudarstvennaya statistika* [Unified Interdepartmental Statistical Information System: state statistics]. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/61226> [Accessed 01.02.2025].
3. *Employee or Independent Contractor Classification Under the Fair Labor Standards Act*. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2024/01/10/2024-00067/employee-or-independent-contractor-classification-under-the-fair-labor-standards-act> [Accessed 02.02.2025].
4. Guseva T.S. (2023) Rossiiskaya sistema sotsial'nogo obespecheniya pri izmenenii struktury zanyatosti naseleniya: problemy pravovogo regulirovaniya [Russian system of social security under changing population employment structure: problems of legal regulation]. *Sotsialnoe i Pensionnoe Pravo* [Social and Pension Law], (1), 22-26.
5. Klepalova Yu.I., Neznamov A.V., Shcherbakova O.V. (2023) Prezumptsiya trudovogo kharaktera otnoshenii v svete tendentsii razvitiya sudebnoi praktiki [Presumption of the labor nature of relations in the light of trends in the development of judicial practice]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa* [Bulletin of Civil Procedure], (3), 79-103.
6. primeneni sudami zakonodatel'stva, reguliruyushchego trud rabotnikov, rabotayushchikh u rabotodatelei - fizicheskikh lits i u rabotodatelei - sub"ektov malogo predprinimatel'stva, kotorye otneseny k mikropredpriyatiyam: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.05.2018 № 15 [On the application by courts of legislation regulating the labor of employees working for employers - individuals and for employers - small business entities classified as micro-enterprises: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 29, 2018 No. 15]. (2018) *SPS "KonsultantPlyus"* [SPS Consultant].
7. vnesenii izmenenii v prikaz Ministerstva finansov Rossiiskoi Federatsii ot 29 dekabrya 2014 g. № 173n: prikaz Minfina Rossii ot 31.12.2020 № 343n (zaregistrovano v Minyuste Rossii 11.02.2021 № 62457) [On amendments to the order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated December 29, 2014 No. 173n: Order of the Ministry of Finance of Russia dated December 31, 2020 No. 343n (registered with the Ministry of Justice of Russia on February 11, 2021 No. 62457)]. (2020) *SPS "KonsultantPlyus"* [SPS Consultant].
8. *Ofitsial'nyi sait FNS RF* [Official website of the Federal Tax Service of the Russian Federation]. Available at: https://www.nalog.gov.ru/m29/news/activities_fts/5897040/?ysclid=m02ec0zsyt23828492 [Accessed 02.02.2025].
9. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 19 maya 2009 g. № 597-O-O [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 19, 2009 No. 597-O-O]. (2009) *SPS "KonsultantPlyus"* [SPS Consultant].
10. Osipova S.V. (2018) Grazhdansko-pravovye dogovory, svyazannye s trudom, i trudovoi dogovor [Civil law contracts related to labor and an employment contract]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], (3). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-dogovory-svyazannye-s-trudom-i-trudovoy-dogovor> [Accessed 19.08.2024].
11. Postanovlenie Pyatnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 19.03.2024 № 15AP-1543/2024 po delu № A53-18339/2023 [Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated March 19, 2024 No. 15AP-1543/2024 in case No. A53-18339/2023]. (2024) *SPS "KonsultantPlyus"* [SPS Consultant].
12. *Rechtsinformationssystem des Bundes (RIS)*. Reshenie Verkhovnogo suda Avstrii v reshenii po delu 9ObA43/20v ot 22.20.20 [Decision of the Supreme Court of Austria in case 9ObA43/20v dated 22.20.20]. Available at: https://ris.bka.gv.at/Dokument.wxe?Abfrage=Justiz&Dokumentnummer=JIT_20201125_OGH0002_009OBA0004_3_20V0000_000&Suchworte=RS0021306 [Accessed 02.02.2025].

-
13. Volvach Ya.V. (2023) Pravovye podkhody k opredeleniyu sovokupnosti priznakov, kharakterizuyushchikh lichnyi kharakter obyazatel'stva yuridicheskogo litsa [Legal approaches to defining the set of features characterizing the personal nature of the obligation of a legal entity]. Pravo i Ekonomika [Law and Economics], (2), 26–32.

УДК 34**Дефекты оказания медицинских услуг по профилю
«пластическая хирургия»: виды и причинно-следственная связь с
качеством проведенной пластической операции****Ястремский Иван Анатольевич**

Адвокат,

Адвокатская контора "Пелевин и партнеры",

филиал ННО "Ленинградская областная коллегия адвокатов",

191187, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6А;

e-mail: ur-fin@mail.ru

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ дефектов оказания медицинских услуг в сфере пластической хирургии. Автор систематизирует виды дефектов по степени их опасности и возможным последствиям для пациентов, устанавливая четкую причинно-следственную связь между качеством оказания медицинской помощи и результатами пластических операций. Особое внимание уделяется правовым аспектам проблемы: автор обосновывает необходимость законодательного закрепления понятия "дефект медицинской помощи" как ненадлежащего осуществления диагностики или лечения, повлекшего неблагоприятный исход. В работе предлагается ввести специальные правовые нормы, регламентирующие процедуры выявления и характеристики дефектов медицинской помощи для обеспечения единообразного толкования данного понятия в правоприменительной практике. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что наличие или отсутствие дефектов медицинской помощи должно рассматриваться как ключевой критерий оценки качества оказания медицинских услуг в пластической хирургии. Автор анализирует различные виды дефектов - от технических ошибок при проведении операции до недостатков послеоперационного наблюдения, устанавливая их взаимосвязь с негативными последствиями для пациентов.

Для цитирования в научных исследованиях

Ястремский И.А. Дефекты оказания медицинских услуг по профилю «пластическая хирургия»: виды и причинно-следственная связь с качеством проведенной пластической операции // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 470-475.

Ключевые слова

Пластическая хирургия, медицинские услуги, дефекты медицинской помощи, качество медицинской помощи, врачебные ошибки, осложнения после операций, медицинское право, ответственность врачей, стандарты медицинской помощи.

Введение

Качество медицинской помощи, т.е. соответствие обязательным или обычно принятым в медицинской профессии требованиям - важнейшая составляющая российской системы здравоохранения. Однако в настоящее время участились случаи ненадлежащего оказания клиниками медицинской помощи. Соответственно, в судах увеличилось количество дел, связанных с последствиями неудачных пластических операций.

На сегодня нормативное определение «дефект медицинской помощи» отсутствует, что препятствует ее оценке [Куранов, 2014]. Юридически этот термин близок к понятию «ненадлежащая медицинская помощь». Следовательно, дефект медицинской помощи, по сути, есть нарушение правил ее оказания [Данилов, 2021].

Основная часть

Дефекты медицинских услуг в пластической хирургии относятся к действиям или бездействию пластического хирурга до, во время или после медицинской процедуры, которые непосредственно причиняют пациенту предотвратимый вред, боль, травму или дальнейшие осложнения. Другими словами, это включает в себя все формы некачественной медицинской помощи и небрежного обращения, которые не соответствуют приемлемым стандартам медицинской практики и приводят к незначительному, умеренному или серьезному ущербу пациенту.

Данные дефекты могут выражаться в: неспособности диагностировать или постановке неверного диагноза заболевания, неназначении или непроведении необходимых медицинских обследований, неправильном или ненадлежащем назначении лечения или лекарств, хирургических ошибках.

На взгляд автора, имеется настоятельная потребность закрепить в законе определение понятия «дефект медицинской помощи» как ненадлежащее осуществление диагностики, лечения пациента, а также особенности его выявления и характеристику для единообразного толкования этого понятия.

Анализ судебной практики показывает, что основными причинами дефектов являются недостаточная квалификация и опыт врача, преувеличение им своих возможностей, отсутствие необходимого оборудования, медицинских изделий, их нехватка, несоблюдение обязательных требований к оказанию медицинской помощи, слабая организация лечебного процесса [Матейкович, Матейкович, 2021].

Дефекты медицинских услуг могут привести к различным осложнениям, которые являются разрушительными и травмирующими физически и эмоционально для пациента. Важно установить, что действия хирурга являются прямой причиной причиненного вреда, травмы или осложнений, а не виной пациента или они вызваны каким-либо основным заболеванием.

При этом далеко не во всех случаях дефект медицинской помощи, включая врачебную ошибку, приводит к осложнениям, т.е. ухудшению состояния здоровья пациента. В свою очередь, осложнения могут возникнуть и при надлежащем лечении - из-за несовершенства медицины и неполноты накопленных научных знаний, анатомических особенностей пациента или его индивидуальных реакций на лекарственные препараты [Кратенко, 2024].

Причинение вреда здоровью пациента клиникой пластической хирургии вследствие некачественно оказанных медицинских услуг является основанием возмещения в полном

объеме убытков, понесенных пациентом, при доказанности противоправности действия (бездействия) клиники (ее персонала), вреда (ущерба) пациенту, причинно-следственной связи между ними.

Важно установить, что действия хирурга являются прямой причиной причиненного вреда, травмы или осложнений, а не виной пациента или они вызваны каким-либо основным заболеванием. Также следует отграничивать дефекты медицинской услуги от индивидуальных особенностей реакции организма на медицинское вмешательство [Фомина, 2022].

К наиболее распространенным дефектам медицинских услуг относятся:

1. Диагностические дефекты.

Это неправильный диагноз, его не постановка и несвоевременная диагностика.

2. Ошибки при приеме лекарств.

Это назначение неверной дозы лекарства или неправильного лекарства, не учет наличия у пациента аллергии на лекарство. Прием слишком высокой дозы может повлечь передозировку, слишком низкой - недостаточное лечение или его отсутствие.

3. Хирургические дефекты.

Это, например, операция не в том месте, где следует, или неправильный тип операции, оставление инструментов внутри пациента.

4. Ошибки анестезии.

Это несоблюдение анестезиологом уровней и количества кислорода и лекарств.

5. Неполучение информированного согласия пациента.

Оно дается пациентом после получения от врача информации о сути медицинского вмешательства, его рисках, преимуществах, наличии альтернативных вариантов лечения.

6. Неправильное оформление медицинской документации.

Ошибки в документации могут привести к неправильному назначению или введению лекарственного средства из-за неправильной и неполной информации, которая была задокументирована.

7. Дефекты общения.

Отсутствие или недостаток должной коммуникации между пациентами и врачами, другими медицинскими работниками может привести к получению неправильного лечения или к его неполучению. Например, врач может не диагностировать заболевание или назначить неправильное лекарство.

8. Инфекции.

Инфекции возникают, если клиника не соблюдает установленные санитарно-эпидемиологические требования.

В зависимости от степени их опасности можно выделить следующие виды дефектов:

1. Медицинские деликты. Это противоправное виновное нарушение правил медицины, причиняющее вред и влекущее за собой юридическую ответственность.

2. Медицинские казусы. Они не зависят от воли лица и лишены элемента вины. Медицинские казусы классифицируются на медицинские ошибки и несчастные случаи.

Несчастный случай в медицине – это негативный результат медицинского вмешательства, который нельзя было предвидеть и предотвратить. Например, это аллергическая реакция пациента на использованное лекарственное средство, при отсутствии у врача информации о наличии данной аллергии.

Медицинская ошибка - это неумышленное ненадлежащее оказание медицинской помощи, повлекшее неблагоприятный исход медицинского вмешательства, который можно было

избежать. Такая ошибка связана с добросовестным заблуждением врача и обусловлена недостатком знаний и навыков, недостаточной квалификацией, опытом врача.

В широком смысле термин «медицинская ошибка» относится к предотвратимому неблагоприятному событию (т.е. вреду, причиненному медицинским обслуживанием). Примеры медицинских ошибок включают, но не ограничиваются ими, неоправданные диагностические процедуры, непредвиденные побочные эффекты медицинских вмешательств или лекарств, нежелательные или неправильные хирургические решения и их последствия, лечение, не подкрепленное доказательствами его эффективности.

Медицинские ошибки часто являются результатом сочетания индивидуальных, системных и коммуникативных факторов, включая условия труда, высокую загруженность врачей, влияние новых технологий и т.п.

3. Дефекты без причинения вреда здоровью пациента.

Деликты в сфере здравоохранения также различаются в зависимости от формы вины.

1. Умышленные деликты.

Например, если врач проводит операцию пациенту без его согласия.

2. Деликты по небрежности.

Они связаны с несоблюдением установленных требований к оказанию медицинской помощи. Это может быть неверный диагноз, несвоевременная диагностика, хирургические ошибки.

3. Деликты строгой ответственности.

Эти деликты предполагают ответственность независимо от наличия вины. Например, если пациенту причинен вред неисправным медицинским устройством, производитель может быть привлечен к строгой ответственности за травмы.

Наличие или отсутствие дефектов медицинской помощи есть один из основных критериев оценки ее качества. Дефект является своего рода антиподом качеству медицинской помощи. Выявление судебно-медицинскими экспертами дефекта медицинской помощи влечет вывод о ненадлежащем качестве ее оказания.

Важным аспектом безопасности пациентов является сокращение числа дефектов медицинской помощи. Для обеспечения общественной безопасности и укрепления доверия пациентов важно работать над предотвращением и минимизацией дефектов и созданием более безопасной среды.

Заключение

Забота о безопасности пациента служит показателем качества медицинской помощи. Безопасность пациента означает отсутствие причинения вреда пациенту, вследствие неправильного диагноза, ошибок во время медицинских процедур, побочных эффектов лекарств и т.д. Таким образом, предотвращение или минимизация вреда здоровью представляет собой минимальную предпосылку для получения высококачественной медицинской помощи.

Библиография

1. Данилов Е.О. Юридическая квалификация дефектов медицинской помощи // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 123 - 138.
2. Кратенко М.В. Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование). М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. 240 с.

3. Куранов В.Г. Понятие качества медицинской услуги: гражданско-правовой аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26).
4. Матейкович М.С., Матейкович Е.А. Юридическая характеристика медицинских ошибок и минимизация рисков их совершения // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 61 - 77.
5. Фомина В.Г. Причинно-следственная связь в делах, связанных с возмещением вреда, причиненного ненадлежащим оказанием медицинских услуг // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 140 - 150.

Defects in Plastic Surgery Medical Services: Types and Causal Relationships with Surgical Outcomes

Ivan A. Yastremskii

Attorney,
Pelevin & Partners Law Office,
Branch of Leningrad Regional Bar Association,
191187, 6A, Gagarinskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ur-fin@mail.ru

Abstract

This article presents a comprehensive analysis of medical service defects in plastic surgery, systematically categorizing them by severity and potential patient consequences while establishing clear causal relationships between healthcare quality and surgical outcomes. The author focuses particularly on legal aspects, advocating for legislative recognition of "medical care defects" as improper diagnostic or treatment procedures leading to adverse outcomes. The study proposes implementing specific legal standards to regulate defect identification and characterization processes, ensuring uniform interpretation in legal practice. Findings demonstrate that the presence or absence of medical care defects should serve as a key quality assessment criterion for plastic surgery services. The analysis covers various defect types - from technical surgical errors to postoperative care deficiencies - and their correlation with negative patient consequences.

For citation

Yastremskii I.A. (2025) Defekty okazaniya meditsinskikh uslug po profilyu "plasticheskaya khirurgiya": vidy i prichinno-sledstvennaya svyaz s kachestvom provedennoy plasticheskoy operatsii [Defects in Plastic Surgery Medical Services: Types and Causal Relationships with Surgical Outcomes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 470-475.

Keywords

Plastic surgery, medical services, medical care defects, healthcare quality, medical errors, postoperative complications, medical law, physician liability, medical care standards.

References

1. Danilov E.O. Legal qualification of defects in medical care // Actual problems of Russian law. 2021. No. 5. pp. 123 - 138.
2. Kratenko M.V. Harm in medical intervention: problems of compensation and prevention (comparative legal research).

Ivan A. Yastremskii

-
- M.: NORM, INFRA-M, 2024. 240 p.
3. Kuranov V.G. The concept of quality of medical services: a civil law aspect // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2014. № 4 (26).
 4. Mateikovich M.S., Mateikovich E.A. Legal characteristics of medical errors and minimizing the risks of their commission // Journal of Russian Law. 2021. No. 9. pp. 61-77.
 5. Fomina V.G. Causal relationship in cases related to compensation for damage caused by improper provision of medical services // Actual problems of Russian law. 2022. No. 12. pp. 140-150.

УДК 34**О некоторых особенностях мировых систем исполнительного производства и их сравнительно-правовой анализ****Карданова Диана Мухамедовна**

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Северо-Кавказская государственная академия,
369001, Российская Федерация, Черкесск, ул. Ставропольская, 36;
e-mail: dianka.kardanova.00@mail.ru

Аннотация

В данной статье проводится сравнительный анализ правоприменительной практики и законодательства в области принудительного исполнения судебных и иных решений в Российской Федерации и зарубежных странах. Сделан вывод о том, что, оценивая эффективность какой-либо из систем принудительного исполнения, необходимо учитывать исторические традиции, особенности конституционного строя и многое другое, поскольку от этого зависит и сама целесообразность реформирования правовой системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Карданова Д.М. О некоторых особенностях мировых систем исполнительного производства и их сравнительно-правовой анализ // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 476-480.

Ключевые слова

Исполнительное производство, система принудительного исполнения, судебный пристав, кредитор, должник.

Введение

Каждая страна мира имеет свой специфический подход к системе мер принудительного исполнения. Этот подход может быть продиктован историей отдельно взятого государства, особенностями его становления, ментальностью населения и т.д. Однако мы не можем не согласиться – образованные в каждом из этих государств органы принудительного исполнения решают в целом схожие задачи.

Исполнительное производство представляет собой одну из важнейших стадий на пути к восстановлению нарушенных или ущемленных прав, свобод и охраняемых законом интересов.

Необходимо признать, что пока ни в одном из государств не удалось без применения мер принуждения достичь массового добровольного исполнения гражданами и организациями судебных актов. Иначе говоря, до настоящего момента по крайней мере добровольная уступка денежных средств или имущества должником не обратилась в неотъемлемый атрибут правовой культуры. То есть чаще всего разрешение имущественных споров происходит путем упорной борьбы должников и взыскателей. Именно это является причиной создания в различных странах, независимо от их экономической или военной мощи, специальных служб.

По нашему мнению, очень важно изучение правоприменительной практики, а также институтов и отраслей законодательства зарубежных стран. Это позволит путем анализа сравнения выявить достоинства и недостатки множества систем принудительного исполнения и определить целесообразность адаптации их к российской правовой действительности.

Также, вопреки активному реформированию, увеличению затрат на функционирование и организацию исполнительного производства, действующей в России остается одна из главных проблем органов принудительного исполнения: в среднем по стране около половины судебных и иных актов не находят своего исполнения. Это значительно подрывает авторитет и престиж судебной власти в Российской Федерации.

В свете всего вышеизложенного особую актуальность приобретает поиск оптимальной модели организации принудительного исполнения. «Опыт, накопленный в этой сфере другими государствами, безусловно, способен обогатить законодательство России, тем самым повысив качество работы службы судебных приставов» [Кропачев, 2010].

Основная часть

Крайне значимым на сегодняшний день является сравнение множества моделей построения, организации и функционирования различных институтов гражданской юрисдикции, в том числе и исполнительного производства. Такая значимость носит как научный, так и чисто прагматический характер.

Уже в течение нескольких последних лет было проведено множество конференций и круглых столов, в том числе и на международном уровне, на которых основной темой обсуждений являлась важность своевременного, полного и правильного исполнения судебных решений и подчеркивалось, что от этого зависит и авторитет судебной власти, и эффективное развитие гражданского оборота. Ведь невозможно говорить о состоятельности правовой системы страны без надлежащего исполнения судебных решений.

Сильная система принудительного исполнения воздействует определенным образом на участников экономической деятельности и тем самым делает более выгодным правомерное, законное поведение.

Чтобы определить тенденции развития мировых систем принудительного исполнения, мы должны рассмотреть их классификацию.

Подразделяют все системы принудительного исполнения на централизованные и нецентрализованные; а органы принудительного исполнения делятся на судебно-ориентированные, ориентированные на исполнение через судебного исполнителя, административные и смешанные [Хесс, 2021].

В разных странах органы принудительного исполнения могут относиться: к судебной ветви власти; к исполнительной ветви власти; и к исполнительной, и к судебной ветви власти (смешанная модель) [Воронов, 2008].

При судебной модели так называемые судебные исполнители либо являются должностными лицами при суде, либо функция принудительного исполнения сама по себе возложена на суды. Эта модель действует в Дании, Германии, на Кипре, в Испании и ряде других стран.

В Германии субъектом, который осуществляет исполнение судебных актов, является судебный исполнитель (если это не отнесено непосредственно к компетенции суда). В случаях, предусмотренных законом, когда исполнение относится к компетенции суда, исполнительное производство осуществляется специальной категорией работников – регистраторами суда, которые имеют сертификат, на основании которого они и исполняют соответствующие решения судов. Но некоторые полномочия здесь все же принадлежат органам исполнительной власти [Воронов, 2008].

Например, исполнением актов, имеющих отношение к недвижимости, занимается служба поземельного кадастра.

В соответствии с Конституцией Испании, судебная власть осуществляется в любой форме только трибуналами и судами, а также распространяется на исполнение судебных актов.

В отдельных государствах органы принудительного исполнения юрисдикционных актов относятся к исполнительной ветви власти – в основном к органам юстиции. Такая модель получила распространение в большинстве стран СНГ, Швеции, Турции, Словении, Словакии, Хорватии [Ярков, 2018].

В Словакии, например, кредитор сам вправе решать, куда ему обратиться для исполнения судебного решения – либо в суд, либо к судебному исполнителю (назначается министром юстиции). Процедура исполнения в обоих случаях различна, однако, по статистике, чаще люди все же обращаются к судебным исполнителям (по причине большей эффективности и оперативности). Исходя из этого, можно сделать вывод, что Словакия – страна, в которой одновременно действуют обе системы исполнения, однако все же большее предпочтение отдается исполнению юрисдикционных актов судебными исполнителями.

В некоторых странах, а именно во Франции, Германии, Албании, Эстонии, Испании, нотариально удостоверенные соглашения составляют большую часть исполнительных документов. Кроме того, в Хорватии нотариусам предоставляется право осуществлять определенные действия в случае обращения взыскания на акции.

Смешанная модель принудительного исполнения сложилась в Англии. В современной Англии не существует отдельно интегрированной организации, которая занималась бы исполнением решений суда. Ранее эту функцию осуществлял шериф совместно со своими помощниками и бейлифами [Гладышев, 2012].

Сейчас же бейлифы независимы от шерифа и подчинены окружному суду графства. Таким образом, приказы и решения судов графств исполняют бейлифы, а приказы и решения Высокого суда – шериф и его помощники.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что, оценивая эффективность какой-либо из систем принудительного исполнения, необходимо учитывать исторические традиции, особенности конституционного строя и многое другое, ведь от этого зависит и сама целесообразность реформирования правовой системы.

Библиография

1. Воронов Е.Н. Место органов принудительного исполнения судебных решений в механизме государства // Исполнительное право. 2008. № 2.
2. Гладышев С.И. Исполнительное производство Англии. М., 2012. 223 с.
3. Кропачев Н.М. Принудительное исполнение актов судов и иных органов. // Полномочия должностных лиц при осуществлении исполнительных действий. 2010.
4. Хесс Б. Системы принудительного исполнения // Ван Рее Р., Узелач А., Аболонин В.О., Ярков В.В. (ред.) Исполнительное производство: традиции и реформы: пер. с англ. М., 2021.
5. Ярков В.В. Основные мировые системы принудительного исполнения // Лесницкая Л.Ф. (ред.) Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов. М., 2018.

On some features of the world's enforcement systems and their comparative legal analysis

Diana M. Kardanova

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of civil law and procedure,
North Caucasian State Academy,
369001, 36 Stavropol'skaya str., Cherkessk, Russian Federation;
e-mail: dianka.kardanova.00@mail.ru

Abstract

This article provides a comparative analysis of law enforcement practice and legislation in the field of compulsory execution of judicial and other decisions in the Russian Federation and foreign countries, as well as a proposal for ways and means of improving this area. It is concluded that when assessing the effectiveness of any of the enforcement systems, it is necessary to take into account historical traditions, features of the constitutional system and much more, since the very feasibility of reforming the legal system depends on this.

For citation

Kardanova D.M. (2025) O nekotorykh osobennostyakh mirovykh sistem ispolnitel'nogo proizvodstva i ikh sravnitel'no-pravovoi analiz [On some features of the world's enforcement systems and their comparative legal analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 476-480.

Keywords

Enforcement proceedings, enforcement system, bailiff, creditor, debtor.

References

1. Gladyshev S.I. (2012) *Ispolnitel'noe proizvodstvo Anglii* [Enforcement Proceedings in England]. Moscow.
2. Khess B. (2021) *Sistemy prinuditel'nogo ispolneniya* [Enforcement Systems]// Van Ree R., Uzelach A., Abolonin V.O., Yarkov V.V. (red.) *Ispolnitel'noe proizvodstvo: traditsii i reformy: per. s angl.* [Enforcement Proceedings: Traditions and Reforms: trans. from English] Moscow.
3. Kropachev N.M. (2010) *Prinuditel'noe ispolnenie aktov sudov i inyykh organov*. [Enforcement of Acts of Courts and Other Bodies]. *Polnomochiya dolznostnykh lits pri osushchestvlenii ispolnitel'nykh deistvii* [Powers of Officials in the Implementation of Enforcement Actions].
4. Voronov E.N. (2008) *Mesto organov prinuditel'nogo ispolneniya sudebnykh reshenii v mekhanizme gosudarstva* [The Place of Enforcement Bodies of Court Decisions in the State Mechanism]. *Ispolnitel'noe parvo* [Executive Law], 2.
5. Yarkov V.V. (2018) *Osnovnye mirovye sistemy prinuditel'nogo ispolneniya* [The Main World Systems of Enforcement]. In: Lesnitskaya L.F. (ed.) *Problemye voprosy grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessov* [Problematic Issues of Civil and Arbitration Processes]. Moscow.

УДК 343.98**Анализ предмета преступного посягательства как элемента криминалистической характеристики присвоения и растраты в бюджетной организации****Неклюдов Даниил Александрович**

Аспирант,
Тульский государственный университет,
300012, Российская Федерация, Тула, просп. Ленина, 92;
e-mail: adnekludov@mail.ru

Аннотация

В большинстве современных научных работ, посвященных вопросам раскрытия и расследования определенных видов преступлений, методические рекомендации предваряются описанием криминалистической характеристики соответствующего вида преступлений. Статья 160 УК РФ, предусматривающая ответственность за посягательства на чужое имущество путем присвоения или растраты, относится к преступлениям в сфере экономики. В целях формирования научной базы для дальнейших криминалистических исследований и разработки практических рекомендаций необходимо комплексно исследовать все элементы криминалистической характеристики данного вида преступления. Одним из ключевых элементов криминалистической характеристики является объект (предмет) преступного посягательства. Его роль в криминалистическом анализе преступлений обусловлена прежде всего тесной взаимосвязью с личностью преступника и его характеристикой. Потребность в чем-либо, будучи осознанной, направляет внимание лица на конкретный объект (предмет), который становится его преступной целью. Объект (предмет) преступного посягательства также имеет важное значение для разработки эффективных методов расследования и предотвращения преступлений. Понимание взаимосвязи между объектом (предметом) и личностью преступника позволяет создать более точные профили потенциальных правонарушителей и разработать стратегии, направленные на предотвращение конкретных видов преступлений. Таким образом, анализ объекта (предмета) преступного посягательства является важным инструментом в арсенале криминалистики, позволяющим глубже понять механизмы совершения преступлений и разработать эффективные меры по их расследованию и предотвращению.

Для цитирования в научных исследованиях

Неклюдов Д.А. Анализ предмета преступного посягательства как элемента криминалистической характеристики присвоения и растраты в бюджетной организации // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 481-488.

Ключевые слова

Анализ, объект (предмет) преступного посягательства, присвоение и растрата, элемент криминалистической характеристики.

Введение

Механизмом развития любого общества и государственности является кооперация труда, которая представляет собой систему трудовых отношений, объединяющую исполнительные и производственные процессы в целях получения конечного результата совместного труда. В настоящее время самым масштабным примером кооперацией труда являются бюджетные организации, выполняющие свои функции за счет федерального, регионального и муниципального бюджета. Деятельность бюджетных организаций целиком и полностью направлена на социальное и экономическое развитие страны, внутреннюю и внешнюю безопасность, а также улучшение качества жизни граждан и достижение своих национальных интересов. Одним из криминогенных последствий развития данной социально-экономической системы, основанной на социализации трудовых процессов в бюджетных организациях, является присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ) [Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996]. Согласно статистике МВД России, за 2024 год было зарегистрировано более 105 тысяч преступлений экономической направленности, 8,5% которых приходится на присвоение и растрату [Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года, [www](http://www.mvd.ru)]. Данное преступление не только негативно влияет на качество и степень выполняемых перед организацией задач, но и подрывает всю экономическую безопасность государства.

Основная часть

Статья 160 УК РФ, предусматривающая ответственность за посягательства на чужое имущество путем присвоения или растраты, относится к преступлениям в сфере экономики.

Присвоение представляет собой изъятие и обособление чужого имущества, вверенного виновному, с последующим обращением его в свою пользу путем установления незаконного владения.

Растрата определяется как незаконное и безвозмездное расходование (продажа, потребление, дарение, передача в аренду и т. п.) чужого имущества, которое было вверено виновному для осуществления служебных полномочий.

Основы теории криминалистической характеристики преступлений были заложены в первой половине – середине XX века учеными П.И. Люблинским, А.Н. Колесниченко и Л.А. Сергеевым. С тех пор и до сегодняшнего дня эта теория служит информационной базой для разработки частных методик расследования и подтверждает свою значимость.

Криминалистическая характеристика преступлений представляет собой совокупность данных о типичных признаках определенного вида преступлений, знание которых позволяет методически правильно организовать расследование и, в частности, определить типовые следственные версии. Эта информация является важным инструментом в работе следователя или дознавателя, она позволяет выстроить логичную схему расследования: от потерпевшего и особенностей объекта посягательства к установлению личности преступника.

Так, согласно мнению ученых-криминалистов А.Е. Гучка, Г.А. Шумака, криминалистика призвана изучать в первую очередь все материальное, что образует структуру системы преступления. В том числе материалы и предмет преступного посягательства, который имеет свойство закономерно формировать следы при совершении преступления, по которым может быть получена информация об объектах, оставивших данные следы, и обстоятельствах

следообразования [Тимофеева, 2020].

Одним из ключевых элементов криминалистической характеристики является объект (предмет) преступного посягательства. Его роль в криминалистическом анализе преступлений обусловлена прежде всего тесной взаимосвязью с личностью преступника и его характеристикой. Потребность в чем-либо, будучи осознанной, направляет внимание лица на конкретный объект (предмет), который становится его преступной целью [Бессонов, 2014].

Объект (предмет) преступного посягательства также имеет важное значение для разработки эффективных методов расследования и предотвращения преступлений. Понимание взаимосвязи между объектом (предметом) и личностью преступника позволяет создать более точные профили потенциальных правонарушителей и разработать стратегии, направленные на предотвращение конкретных видов преступлений.

Таким образом, анализ объекта (предмета) преступного посягательства является важным инструментом в арсенале криминалистики, позволяющим глубже понять механизмы совершения преступлений и разработать эффективные меры по их расследованию и предотвращению.

Выбор объекта (предмета) преступного посягательства обусловлен особенностями личности преступника, включая его психическое состояние, психологические свойства, жизненный опыт и увлечения, специфику работы, финансовое положение, образование и т.п. Это позволяет понять, какие факторы влияют на формирование преступных намерений и выбор конкретного объекта (предмета) для совершения преступления. Кроме того, предмет посягательства позволяет установить взаимосвязь с дальнейшими целями преступника.

Объект (предмет) преступного посягательства выступает в качестве определяющего фактора при выборе способа совершения противоправного деяния. Этот способ представляет собой совокупность конкретных приемов, орудий и средств, которые используются для реализации замысла и достижения преступной цели. Например, целью может быть получение определенного предмета в свое распоряжение, избавление от материальных затрат или достижение морального удовлетворения.

Объект (предмет) преступления также влияет на выбор обстановки преступления. Это включает в себя определение места и времени совершения преступления. Например, время суток, графика работ сотрудников, особенности производственных процессов, метеорологические условия и т.п. Все это создает контекст, в котором происходит противоправное деяние, и помогает понять его мотивы и цели.

Подчеркивая вышесказанное, отметим, объект (предмет) преступного посягательства представляет интерес для криминалистического исследования в силу следующих аспектов:

Во-первых, он тесно связан с личностью преступника, поскольку, как правило, выступает целью его противоправной деятельности, определяет мотив деяния.

Во-вторых, объект (предмет) посягательства предопределяет способ совершения деяния и обстановку, например, если объект представляет собой материальные ценности, находящиеся под охраной, то преступник может использовать более изощренные способы проникновения, такие как взлом с применением специальных инструментов, подкуп охраны, и выберет удобное ему время и место, где и когда эти ценности наиболее доступны и безопасны для изъятия.

В-третьих, на объекте (предмете) посягательства остаются следы, которые указывают на реализацию механизма преступления. Это могут быть физические улики, такие как отпечатки пальцев, следы обуви или транспортных средств, а также биологические следы, например, ДНК.

Предметом преступного посягательства при хищении может быть любое имущество.

Согласно ст. 128 ГК РФ, под имуществом понимаются вещи, включая наличные и безналичные денежные средства, ценные бумаги и иное имущество [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая), 1994]. Наличные и безналичные денежные средства как предмет преступного посягательства имеют наибольший приоритет для преступников в виду того, что могут использоваться для приобретения материальных благ, использоваться как накопления или рефинансирования в преступный оборот. Стоит отметить и особый статус безналичных денежных средств ввиду того, что они являются имуществом, но не являются вещью, так как существуют лишь в виде записи в бухгалтерских документах банка. Данное свойство определяет специфику их изъятия и обращения в пользу преступника [Савченко, 2021].

Стоит выделить часто встречающиеся на практике объекты (предметы) посягательства присвоения и растраты в бюджетной организации:

1. Денежные средства. Наличные и безналичные. Преступник использует свое служебное положение или доступ к денежным средствам для совершения хищения. Так, в соответствии с Приговором Подольского городского суда Московской области от 20 июня 2024 г. по делу № 1-372/2024, ФИО, занимая должность главного бухгалтера бюджетного учреждения, используя свое служебное положение, в одном из эпизодов, заполучив доступ к электронной цифровой подписи руководителя и криптоключ к системе «Электронный бюджет», осуществила вход в системы «1С зарплата и кадры», «1С бухгалтерия и системы», в которых сформировала электронное платежное поручение, на основании которого безналичными платежами излишне перечислила денежные средства в размере 3780500,00 рублей, принадлежащие бюджетному учреждению, на свой собственный банковский счет [Приговор Подольского городского суда Московской области от 20 июня 2024 г. по делу № 1-372/2024].

2. Имущество, вверенное преступнику. Имущество, которое было передано лицу в силу его служебного положения или полномочий. Так, в соответствии с Приговором Целинного районного суда Республики Калмыкия от 27 июня 2022 г. по делу № 1-45/2022, ФИО, занимая должность начальника хозяйственного отдела, в силу занимаемой должности имел доступ к имуществу, принадлежащему бюджетному учреждению. Примерно в 21:00 из корыстных побуждений путем свободного доступа зашел в свой служебный кабинет и похитил цифровую технику, часть из которой он установил в своем домовладении, а часть, с целью получения денежных средств, реализовал через ломбард и знакомых, своими действиями ФИО причинил ущерб учреждению на сумму 308715,72 рублей [Приговор Целинного районного суда Республики Калмыкия от 27 июня 2022 г. по делу № 1-45/2022].

3. Иные предметы посягательства, которые являются собственностью организации. Например, государственные субсидии, гранты и иные формы поддержки, имущественные права, недвижимость (здания, земельные участки) и иное имущество, находящиеся на балансе организации. Так, в соответствии с Приговором Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики – Чувашии от 24 июля 2019 г. по делу № 1-262/2019, в одном из эпизодов ФИО, занимающий должность директора бюджетного учреждения, в силу занимаемой должности, по своему личному усмотрению, незаконно предоставил в безвозмездное пользование недвижимое имущество своим знакомым, являющееся муниципальной собственностью, и осуществлял в полном объеме оплату коммунальных услуг и иных услуг по затратам за содержание и использование помещений, фактически находящихся в его личном пользовании и пользовании его знакомых, за счет средств муниципального бюджета, чем причинил ущерб учреждению на сумму более 222 840,08 рублей [Приговор Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики – Чувашии от 24 июля 2019 г. по делу № 1-262/2019].

Анализ позволяет сформулировать несколько выводов о типичных сведениях об объектах (предметах) посягательства присвоения и растраты:

1. Родовые и видовые признаки объекта (предмета) посягательства. Это позволяет определить, к какой группе относится преступление и какие методы расследования могут быть наиболее эффективными.

2. Характеристики объекта (предмета), которые влияют на способ совершения преступления и механизм следообразования. Например, физические свойства предмета могут определять, какие следы остаются после преступления, и выстроить гипотезу о вероятных способах совершения.

3. Особенности взаимодействия преступника с объектом (предметом) посягательства. Это помогает понять, какие действия преступник совершал до, во время и после совершения преступления, что может привести к его идентификации и доказательству вины.

4. Значение объекта (предмета) для преступника и потерпевшей стороны. Понимание мотивов и целей преступника, связанных с объектом посягательства, поможет выявить и связать все аспекты преступления.

5. Влияние объекта (предмета) на выбор места, времени и способа совершения преступления. Анализ этой информации может помочь определить закономерности и тенденции в совершении преступлений данного вида.

В зависимости от предмета посягательства, преступник выбирает способ своих действий, сам вид преступления. Стоит отметить, что в контексте присвоения и растраты в бюджетной организации именно предмет является системообразующим для других элементов криминалистической характеристики преступления. В механизме преступления данная связь прослеживается через отношения субъекта к предмету. Верным можно считать утверждение А.А. Гнедковой, в частности, что субъект преступления является источником взаимодействия с другими материальными объектами, а само взаимодействие происходит за счет действий субъекта [Гнедкова, 2018].

Стоит отдельно выделить взаимосвязь детерминантных связей элементов криминалистической характеристики:

1. Предмет взаимосвязан с лицом, совершившим преступление, первоочередным, обуславливая мотив деяния.

2. Предмет определяет способ и обстановку совершения преступления, в частности приемы, средства, орудия, место, время и т.д.

3. Предмет несет на себе следы реализации механизма преступления и его сокрытия.

4. Свойства предмета и его признаки позволяют сузить направления поиска информации, круг лиц, среди которого целесообразен поиск преступника и очевидцев.

Важно отметить, что изучение предмета посягательства должно осуществляться с учетом специфики каждого конкретного случая. Это означает, что необходимо учитывать такие факторы, как характер имущества, его стоимость, способ его использования, систему учета, движение объекта, специфические особенности, правовой статус и т.д. Только такой подход позволит получить наиболее точную и объективную картину преступления и принять правильные решения в ходе расследования.

В криминалистике предмет преступного посягательства связывают, прежде всего, с имущественными преступлениями, хотя в уголовно-правовой доктрине большинство исследователей выделяют данный элемент по всем преступлениям. Описание предмета преступного посягательства в криминалистической характеристике чаще всего сводится к описи похищенного имущества. Нельзя не согласиться, что в таком случае предмет посягательства

значительно теряет свою значимость как элемент криминалистической характеристики преступления, которая в первую очередь должна быть основой для выдвижения следственных версий. Однако стоит подчеркнуть, что анализ предмета посягательства выполняет ключевую роль в проведении расследования, сборе доказательной базы и, прежде всего, он отражает способы действий преступника.

В подтверждение вышесказанному отметим мнение Е.В. Чиненова, который утверждает, что чем полнее будут установлены и восприняты все признаки предмета преступного посягательства и их особенности, чем точнее в присущих им связях, отношениях раскроются значимые оценочные данные, тем в более полной мере будет выполнено основное предназначение криминалистической характеристики преступлений – выступать основанием выдвижения следственных версий, источником установления фактических обстоятельств расследуемого события [Чиненов, 2022].

Эффективность выявления и раскрытия преступлений, связанных с присвоением и растратой в бюджетной организации, во многом зависит от понимания сотрудником правоохранительных органов всей совокупности бюджетных процедур и хозяйственно-финансовых операций в учреждении, а установление полной картины преступления невозможно без понимания предмета посягательства.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что предмет преступного посягательства не только тесно связан с личностью преступника, но и определяет мотив деяния, способ совершения, обстановку, первоочередность документов, подлежащих изучению, выбор криминалистических приемов и средств для установления истины, а также привлечения соответствующих специалистов к участию в следственных действиях.

Кроме того, установление предмета посягательства играет двоякую роль: входит в предмет доказывания как признак объективной стороны состава преступления и одновременно является средством обнаружения, проверки и оценки других доказательств.

Установление предмета посягательства помогает определить размер ущерба, причиненного преступлением, что важно для квалификации содеянного и индивидуализации наказания. Также это способствует выявлению всех соучастников и установлению их роли в совершении преступления.

При расследовании присвоения и растраты в бюджетной организации необходимо учитывать особенности этой сферы деятельности. Важно исследовать финансово-хозяйственные операции, связанные с предметом хищения, и установить связь между объектом посягательства и преступником.

Библиография

1. Бессонов А.А. Объект (предмет) преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений // Вестник КИГИ РАН. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-predmet-prestupnogo-posyagatelstva-kak-element-kriminalisticheskoy-harakteristiki-prestupleniy> (дата обращения: 03.05.2025).
2. Гнедкова А.А. Закономерности механизма преступления // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2018. № 4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonomernosti-mehanizma-prestupleniya> (дата обращения: 24.04.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года //

- Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 03.02.2025).
5. Приговор Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики – Чувашии от 24 июля 2019 г. по делу № 1-262/2019.
 6. Приговор Подольского городского суда Московской области от 20 июня 2024 г. по делу № 1-372/2024.
 7. Приговор Целинного районного суда Республики Калмыкия от 27 июня 2022 г. по делу № 1-45/2022.
 8. Савченко М.М. Правовая природа безналичных и электронных денег как предмета преступных посягательств // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2(55). С. 244-250. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.235. EDN PNVXBZ.
 9. Тимофеева Е.А. Предмет преступного посягательства должностных хищений, совершаемых в организациях собственников // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2020. № 2(48). С. 11-16. EDN KNKRQK.
 10. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 11. Чиненов Е.В. Предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2(47). С. 50-57. EDN JKVTPC.

Analysis of the subject of a crime offense as an element of criminalistic characteristics of embedding and waste in a budgetary organization

Daniil A. Neklyudov

Postgraduate Student,
Tula State University,
300012, 92 Lenina ave., Tula, Russian Federation;
e-mail: adnekludov@mail.ru

Abstract

In most modern scientific works devoted to the issues of solving and investigating certain types of crimes, methodological recommendations are preceded by a description of the forensic characteristics of the corresponding type of crime. Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for encroachment on someone else's property by misappropriation or embezzlement, applies to crimes in the economic sphere. In order to form a scientific basis for further forensic research and develop practical recommendations, it is necessary to comprehensively study all elements of the forensic characteristics of this type of crime. One of the key elements of the forensic characteristics is the object (subject) of the criminal encroachment. Its role in the forensic analysis of crimes is due primarily to the close relationship with the personality of the criminal and his characteristics. The need for something, being conscious, directs the attention of a person to a specific object (subject), which becomes his criminal goal. The object (subject) of the criminal encroachment is also important for the development of effective methods of investigation and prevention of crimes. Understanding the relationship between the object (subject) and the personality of the criminal allows us to create more accurate profiles of potential offenders and develop strategies aimed at preventing specific types of crime. Thus, the analysis of the object (subject) of a criminal offense is an important tool in the arsenal of forensic science, allowing us to better understand the mechanisms of crime and develop effective measures for their investigation and prevention.

For citation

Neklyudov D.A. (2025) Analiz predmeta prestupnogo posyagatel'stva kak elementa kriminalisticheskoi kharakteristiki prisvoeniya i rastraty v byudzhethnoi organizatsii [Analysis of the subject of a crime offense as an element of criminalistic characteristics of embedding and waste in a budgetary organization]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 481-488.

Keywords

Analysis, subject matter of the crime, misappropriation and embezzlement, element of criminalistic characteristics.

References

1. Bessonov A.A. (2014) Ob"ekt (predmet) prestupnogo posyagatel'stva kak element kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii [The object (subject) of criminal encroachment as an element of the forensic characteristics of crimes]. *Vestnik KIGI RAN* [Bulletin of KIGI RAS], 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-predmet-prestupnogo-posyagatel'stva-kak-element-kriminalisticheskoy-kharakteristiki-prestupleniy> [Accessed 03 May 2025].
2. Chinenov E.V. (2022) Predmet prestupnogo posyagatel'stva kak element kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii ekonomicheskoi napravlenosti, sovershaemykh na zheleznodorozhnom transporte i ob"ektakh transportnoi infrastruktury [The subject of criminal encroachment as an element of the forensic characteristics of economically motivated crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities]. *Vestnik Sibirskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2(47), pp. 50-57. EDN JKVTPC.
3. Gnedkova A.A. (2018) Zakonomernosti mekhanizma prestupleniia [Patterns of the crime mechanism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Iu. Vitte. Seriya 2: Iuridicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Witte University. Series 2: Legal Sciences], 4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonomernosti-mekhanizma-prestupleniya> [Accessed 24 April 2025].
4. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya): feder. zakon № 51-FZ ot 30.11.1994 (red. ot 08.08.2024) [Civil Code of the Russian Federation (Part One): fed. law No. 51-FZ of 30.11.1994 (as amended on 08.08.2024)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, No. 32, st. 3301.
5. Kratkaiia kharakteristika sostoiianiia prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za ianvar' – dekabr' 2024 goda [Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2024]. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> [Accessed 03 February 2025].
6. Prigovor Novocheboksarskogo gorodskogo suda Chuvashskoi Respubliki – Chuvashii ot 24 iulia 2019 g. po delu № 1-262/2019 [Verdict of the Novocheboksarsk City Court of the Chuvash Republic - Chuvashia dated July 24, 2019 in case No. 1-262/2019].
7. Prigovor Podol'skogo gorodskogo suda Moskovskoi oblasti ot 20 iunia 2024 g. po delu № 1-372/2024 [Verdict of the Podolsk City Court of the Moscow Region dated June 20, 2024 in case No. 1-372/2024].
8. Prigovor Tselinnogo raionnogo suda Respubliki Kalmykii ot 27 iunia 2022 g. po delu № 1-45/2022 [Verdict of the Tselinny District Court of the Republic of Kalmykia dated June 27, 2022 in case No. 1-45/2022].
9. Savchenko M.M. (2021) Pravovaia priroda bezzhlichnykh i elektronnykh deneg kak predmeta prestupnykh posyagatel'stv [Legal nature of non-cash and electronic money as a subject of criminal encroachments]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law], 2(55), pp. 244-250. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.235. EDN PNVXBZ.
10. Timofeeva E.A. (2020) Predmet prestupnogo posyagatel'stva dolzhnostnykh khishchenii, sovershaemykh v organizatsiiakh sobstvennikov [The subject of criminal encroachment in official embezzlements committed in organizations of owners]. *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy* [Issues of Criminology, Criminalistics and Forensic Examination], 2(48), pp. 11-16. EDN KNKRQK.
11. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon № 63-FZ ot 13.06.1996 (red. ot 21.04.2025) [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 21.04.2025)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, No. 25, st. 2954.

УДК 343.98**Определение ключевых структурных элементов
криминалистической характеристики присвоения и растраты,
основанные на корреляционных связях****Неклюдов Даниил Александрович**

Аспирант,
Тульский государственный университет,
300012, Российская Федерация, Тула, просп. Ленина, 92;
e-mail: adnekludov@mail.ru

Аннотация

Цифровизация общества и стремительное развитие технологий создают новые вызовы для криминалистической науки. Глобализационные процессы формируют качественно новую криминогенную среду, где традиционные методы расследования преступлений требуют существенной модификации и развития. Современная криминалистическая характеристика представляет собой адаптивную систему, ее развитие является ключевым фактором эффективности раскрытия и расследования преступлений. Компаративный анализ научных концепций относительно структуры криминалистической характеристики выявляет методологический пробел, выраженный в отсутствии унифицированного подхода к определению количества криминалистически значимых признаков. Эмпирические исследования и теоретический анализ позволяют констатировать, что существующая парадигма формирования структуры криминалистической характеристики требует существенной модификации. Принципиальным представляется отказ от формализованного подхода к определению количества структурных элементов в пользу функциональной модели, базирующейся на оценке корреляционных зависимостей между элементами структуры. Целью данной работы является изучение механизмов возникновения корреляционных связей элементов криминалистической характеристики, что позволит усовершенствовать методику расследования преступлений, предусмотренных статьей 160 УК РФ. Предметом исследования выступают корреляционные связи между элементами криминалистической характеристики, которые оказывают влияние на эффективность раскрытия и расследования указанных преступлений. В рамках исследования применялись методы анализа и синтеза, что позволило выявить взаимосвязи между элементами криминалистической характеристикой. Использование системного подхода обеспечило целостное восприятие исследуемого явления, а анализ практических примеров позволил проверить эффективность предложенных методик на практике.

Для цитирования в научных исследованиях

Неклюдов Д.А. Определение ключевых структурных элементов криминалистической характеристики присвоения и растраты, основанные на корреляционных связях // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 489-496.

Ключевые слова

Структура, криминалистическая характеристика, элементы, корреляционные связи, присвоение и растрата.

Введение

Преступления, связанные с присвоением и растратой (160 УК РФ) [Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996], представляют собой значительную угрозу экономической безопасности общества. Они наносят ущерб как отдельным организациям, так и государству в целом, что делает их своевременное и эффективное расследование важной задачей для правоохранительных органов. Одним из ключевых инструментов в раскрытии и расследовании преступлений, установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, является криминалистическая характеристика. Ее сущность, по мнению С.И. Земцовой, представляет информационную модель, содержащую совокупность сведений, полученных на основе анализа и систематизации судебно-следственной практики и имеющих значение для эффективного раскрытия и расследования преступлений [Земцова, 2019]. Важность исследования механизмов корреляционных связей в криминалистической характеристике этих преступлений обусловлена необходимостью повышения эффективности их раскрытия. Понимание взаимосвязей между различными элементами преступления, такими как мотивы, способы и следы, способствует более точному построению версий и успешному их расследованию.

Основная часть

С.В. Ганеева в своих трудах подчеркивает, что «корреляционные зависимости между элементами криминалистической характеристикой имеют практическое значение для следственной практики, которые, как правило, носят закономерный характер и могут быть выражены в количественных показателях» [Ганеева, 2024]. В криминалистике термин «корреляция» обозначает взаимодействия между компонентами криминалистической характеристики преступления, такими как мотив, способ совершения, следы преступления, личность преступника и иных элементов. Эти связи позволяют выстраивать предположения о характере и динамике преступлений, а также разрабатывать стратегии их расследования. При этом обстановка совершения присвоения или растраты может варьироваться в зависимости от вида, характера и тяжести преступления, а также от личности и мотивов преступника. Таким образом, комплексный анализ всех этих факторов способствует более точному пониманию и прогнозированию поведения преступника.

На формирование корреляционных связей в криминалистике влияют различные факторы, такие как сложность преступления, количество доступной информации и точность собранных данных. Чем больше данных доступно для анализа, тем точнее можно установить взаимосвязи между элементами преступления. А.Н. Калюжный в своем исследовании отмечает, что установленные корреляционные связи элементов криминалистической характеристики могут установить возникающие связи, а при наличии одного из элементов с вероятностью утверждать о наличии другого, а также выявлять способность одного элемента влиять на содержание другого [Калюжный, 2019].

Важно отметить, что в зависимости от вида преступления, формы вины, с которой они совершаются, и отдельных его признаков содержание отдельных элементов информативно для

криминалистической характеристики одного вида преступления и малоинформативно для другого. Таким образом, разнообразие факторов необходимо учитывать для более полного понимания преступных действий и их взаимосвязей.

Понятие корреляционных связей в криминалистике начало формироваться во второй половине XX века. Метод «обнаружения корреляции» в криминалистическую характеристику ввел Л.Г. Видонов, он представляет собой расчет процентов, количественно характеризующих частоту встречаемости тех или иных криминалистически значимых признаков преступления. Именно количественная сторона, ставящаяся исследователями на первый план в понятии «корреляция», отличает связи в криминалистической характеристике от связей в механизме преступления [Мигунова, Толстоуцкий, 2020].

Современные теоретические подходы к анализу корреляционных связей в криминалистике основываются на интеграции математических и статистических методов с криминалистическим анализом. Основная цель этих подходов заключается в выявлении закономерностей и взаимосвязей между элементами преступления, такими как предмет посягательства, способ совершения, обстановка и т.д. Это не только способствует формулированию гипотез о возможных обстоятельствах преступления, но и позволяет подтверждать их с высокой степенью вероятности. В этом контексте данные о типичных способах совершения преступлений имеют важное значение, особенно в случаях, связанных с присвоением и растратой. Анализ этих методов способствует более глубокому пониманию механизмов преступной деятельности и повышает эффективность расследования.

Применение факторного анализа для установления статистического метода корреляционных связей, с одной стороны, решает вопрос о наличии или отсутствии линейных статистических связей, а с другой – не решает предметных вопросов. Так, по мнению В.Ю. Толстоуцкого, применение факторного анализа не является методом, результаты которого могут быть применены в практической работе следователя, но результаты его структуры могут натолкнуть на мысль о других, более глубоких и конкретных связях [Толстоуцкий, 2014].

Это особенно актуально при изучении сложных многокомпонентных явлений, таких как преступные сети или организованные группы. Исследования показывают, что механизм преступления, включающий в себя элементы обстановки, способов и других составляющих, находится в постоянном движении и развитии. Верным можно считать утверждение А.А. Гнедковой, в частности, что субъект преступления является источником взаимодействия с другими материальными объектами, а само взаимодействие происходит за счет действий субъекта [Гнедкова, 2018]. Эти изменения отражаются в следах, оставшихся на участниках события и объектах окружающей среды. Регрессионный анализ, в свою очередь, позволяет прогнозировать вероятные сценарии развития событий, основываясь на выявленных закономерностях.

Применение корреляционных связей особенно актуально в условиях ограниченного времени и ресурсов. Например, установление связи между предметом посягательства и способом помогает сузить круг подозреваемых и быстрее выйти на след преступника. Внедрение современных технологий, таких как анализ больших данных, значительно упрощает процесс выявления корреляционных связей. Это позволяет следователям использовать данные из различных источников для создания более точных и обоснованных версий расследования.

В настоящее время в литературе предложено более сорока определений криминалистической характеристики преступления. Часть содержит в себе тот или иной перечень элементов, существенных, по мнению автора, для характеристики [Грибунов,

Назырова, 2020].

В целях рассмотрения конкретного вида преступления, за счет включения избыточных элементов, не обладающих существенной криминалистической информативностью, детерминирует снижение оперативности и качества криминалистического исследования, что негативно отразится на дальнейшей результативности следственного процесса в целом.

Таким образом, оптимизация структуры криминалистической характеристики должна осуществляться посредством системного анализа взаимосвязей между ее элементами и их практической релевантности для формирования полной и актуальной криминалистической характеристики присвоения и растраты в бюджетных организациях.

Учитывая, что преступление рассматривается в контексте исключительно бюджетных организаций, данным исследованием предлагается взять за основу криминалистической характеристики «семизначную формулу», которой, по мнению П.И. Люблинским, прибегали древние римляне, в целях установления истины, а именно: что, где, когда, каким-образом, с чьей помощью, почему, кто» [Крылов, 1984].

Примерами установления и использования корреляционной связи элементов в конкретном преступлении могут выступать:

1. Корреляционная связь между предметом преступного посягательства и сферой финансово-хозяйственной деятельности учреждения. Например, присвоение материальных ценностей, связанных с выполнением определенных работ или поручений.

2. Корреляционная связь между способом совершения преступления и видом присвоенного имущества. Например, присвоение неучтенного имущества или замаскированное присвоение имущества, стоящего на балансе.

3. Корреляционная связь между обстоятельствами совершения преступления и личностными характеристиками преступников. Например, хищение, совершенное группой лиц или единолично.

4. Корреляционная связь между личностной характеристикой преступника и его профессиональными навыками. Например, присвоение денежных средств, совершенное лицом, обладающими специальными знаниями в области финансов или системы бухгалтерского учета в учреждении.

6. Корреляционная связь между личностными характеристиками преступника и его мотивацией. Например, стремление к личному обогащению или желание отомстить работодателю.

7. Корреляционная связь между качественной и количественной характеристикой предмета посягательства и способом совершения преступления. Например, характер предмета не позволяет совершить присвоение группой лиц или единолично.

Подобные корреляционные связи элементов криминалистической характеристики требуют глубокого изучения, анализа, систематизации и последующей разработки на его основе методических рекомендаций и основой для научной базы.

Установление корреляционных связей между элементами криминалистической характеристики преступления о присвоении и растрате в бюджетной организации значительно ускоряет процесс расследования. Это позволяет следователям сосредоточиться на наиболее вероятных версиях, исключая ложные, и эффективно использовать имеющиеся ресурсы.

Современные методики расследования преступлений, связанных с присвоением и растратой, традиционно основываются на сборе доказательств, опросе свидетелей и анализе финансовой документации. В 2024 году в России было зарегистрировано более 105 тысяч

преступлений экономической направленности, 8,5% которых приходится на присвоение и растрату, что подчеркивает необходимость совершенствования методов [Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года, [www](#)]. Применение корреляционного анализа может повысить раскрываемость, что делает актуальным внедрение новых технологий и аналитических подходов в практику.

Заключение

Внедрение современных технологий, таких как анализ больших данных, дополнительно упрощает выявление этих связей, что делает расследование более целенаправленным и результативным. Анализ результатов больших данных определяется через синонимичный ряд понятий установления смысла, понимания, объяснения, установления причинно-следственной связи, теорий, целей, формирования гипотез и предположений [Алферов, 2023]. Стоит отметить, что перспектива развития данного инструмента не ограничиваются лишь методическими рекомендациями для эффективного расследования, а раскрывает сущность возникновения умысла, планирования способов подготовки, совершения, сокрытия, раскрывают типовые обстоятельства, типичные материальные следы, мотивацию, механизм преступления, а также сможет найти свое отражение в разработке мер противодействия и устранения уязвимых аспектов в большей части бюджетных учреждений и в будущем снизить количество преступлений экономической направленности.

По мнению А.Ю. Головина, современные технологии, в том числе технологии искусственного интеллекта, представляются перспективными в целях изучения преступной деятельности отдельных групп и видов, формирующейся на основе криминалистических значимых признаков – статистическо-корреляционная характеристика преступлений [Головин, 2024].

Кроме того, перспективным направлением является исследование международного опыта в области применения корреляционных связей в криминалистике. Это позволит разработать универсальные подходы, которые могут быть адаптированы для использования в различных правовых системах.

Библиография

1. Алферов О.Л. большие данные в юридической деятельности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-v-yuridicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 24.04.2025).
2. Ганеева С.В. К вопросу о понятии и значении криминалистической характеристики преступления // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-znachenii-kriminalisticheskoy-harakteristiki-prestupleniya> (дата обращения: 24.04.2025).
3. Гнедкова А.А. Закономерности механизма преступления // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2018. № 4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonomemosti-mehanizma-prestupleniya> (дата обращения: 24.04.2025).
4. Головин А.Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике: задачи, которые необходимо решить // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-kriminalistike-zadachi-kotorye-neobhodimo-reshit> (дата обращения: 24.04.2025).
5. Грибунов О.П., Назырова Н.А. Эволюция взглядов на понятие и структуру криминалистической характеристики преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-na-ponyatie-i-strukturu-kriminalisticheskoy-harakteristiki-prestupleniy> (дата обращения: 24.04.2025).
6. Земцова С.И. Содержание криминалистической характеристики преступления как предмет научной дискуссии //

- Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 2(73). С. 25-29. EDN ZNWCEJ.
7. Калюжный А.Н. Использование корреляционных зависимостей между личностными свойствами преступников и потерпевших в установлении обстоятельств совершения посягательств, направленных на свободу личности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-korrelyatsionnyh-zavisimostey-mezhdu-lichnostnymi-svoystvami-prestupnikov-i-poterpevshih-v-ustanovlenii-obstoyatelstv> (дата обращения: 24.04.2025).
 8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> (дата обращения: 03.02.2025).
 9. Крылов И.Ф. Криминалистическая характеристика и ее место в системе науки криминалистики и в вузовской программе // криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М.: Всесоюзный ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. 32 с
 10. Мигунова Т.Л., Толстолуцкий В.Ю. Криминалистическое содержание статистического понятия «корреляционные связи» // Научные труды молодых учёных: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Пенза, 23 февраля 2020 года). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. С. 67-71. EDN TQTSPW.
 11. Толстолуцкий В.Ю. Значение количественной стороны корреляционных связей в криминалистической характеристике преступлений // Научные проблемы водного транспорта. 2014. № 41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-kolichestvennoy-storony-korrelyatsionnyh-svyazey-v-kriminalisticheskoy-harakteristike-prestupleniy> (дата обращения: 24.04.2025).
 12. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Identification of basic structural elements of the criminalistic characteristics of embezzlement based on correlations

Daniil A. Neklyudov

Postgraduate Student,
Tula State University,
300012, 92 Lenina ave., Tula, Russian Federation;
e-mail: adnekludov@mail.ru

Abstract

The digitalization of society and the rapid development of technology create new challenges for forensic science. Globalization processes are forming a qualitatively new criminogenic environment, where traditional methods of crime investigation require significant modification and development. Modern criminalistic characteristics represent an adaptive system, its development is a key factor in the effectiveness of crime detection and investigation. A comparative analysis of scientific concepts regarding the structure of criminalistic characteristics reveals a methodological gap expressed in the absence of a unified approach to determining the number of criminalistically significant features. Empirical research and theoretical analysis allow us to state that the existing paradigm of forming the structure of criminalistic characteristics requires significant modification. It is fundamental to abandon the formalized approach to determining the number of structural elements in favor of a functional model based on an assessment of the correlations between the elements of the structure. The purpose of this work is to study the mechanisms of occurrence of correlations of elements of criminalistic characteristics, which will improve the methodology for investigating crimes provided for in Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation. The subject of the study is the correlations between the elements of criminalistic characteristics that

Daniil A. Neklyudov

affect the effectiveness of the detection and investigation of these crimes. As part of the study, methods of analysis and synthesis were used, which made it possible to identify the relationship between the elements of a forensic characteristic. The use of a systematic approach provided a holistic perception of the phenomenon under study, and the analysis of practical examples allowed us to test the effectiveness of the proposed methods in practice.

For citation

Neklyudov D.A. (2025) Opreделение klyuchevykh strukturnykh elementov kriminalisticheskoi kharakteristiki prisvoeniya i rastraty, osnovannye na korrelyatsionnykh svyazyakh [Identification of basic structural elements of the criminalistic characteristics of embezzlement based on correlations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 489-496.

Keywords

Structure, criminalistic characteristics, elements, correlations, appropriation and embezzlement.

References

1. Alferov O.L. (2023) Bol'shie dannye v iuridicheskoi deiatel'nosti [Big data in legal activities]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativnyi zhurnal* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 4, State and Law: Abstract Journal], 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-v-yuridicheskoy-deyatelnosti> [Accessed 24 April 2025].
2. Ganeva S.V. (2024) K voprosu o poniatii i znachenii kriminalisticheskoi kharakteristiki prestupleniia [On the concept and significance of forensic characteristics of crime]. *Voprosy rossiiskoi iustitsii* [Issues of Russian Justice], 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-znachenii-kriminalisticheskoy-kharakteristiki-prestupleniya> [Accessed 24 April 2025].
3. Gnedkova A.A. (2018) Zakonomernosti mekhanizma prestupleniia [Patterns of the crime mechanism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Iu. Vitte. Seriya 2: Iuridicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Witte University. Series 2: Legal Sciences], 4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonomernosti-mekhanizma-prestupleniya> [Accessed 24 April 2025].
4. Golovin A.Iu. (2024) Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v kriminalistike: zadachi, kotorye neobkhodimo reshit' [Artificial intelligence technologies in forensics: tasks to be solved]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniia* [Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings], 2 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-kriminalistike-zadachi-kotorye-neobkhodimo-reshit> [Accessed 24 April 2025].
5. Gribunov O.P., Nazyrova N.A. (2020) Evoliutsiia vzgliadov na poniatie i strukturu kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii [Evolution of views on the concept and structure of forensic characteristics of crimes]. *Izvestiia TulGU. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki* [News of Tula State University. Economic and Legal Sciences], 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-na-ponyatie-i-strukturu-kriminalisticheskoy-kharakteristiki-prestupleniy> [Accessed 24 April 2025].
6. Kaliuzhnyi A.N. (2019) Ispol'zovanie korrelyatsionnykh zavisimostei mezhdu lichnostnymi svoistvami prestupnikov i poterpevshikh v ustanovlenii obstoiatel'stv soversheniia poshiagatel'stv, napravlennykh na svobodu lichnosti [Use of correlation dependencies between personal characteristics of offenders and victims in establishing circumstances of crimes against personal freedom]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 12 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-korrelyatsionnykh-zavisimostey-mezhdu-lichnostnymi-svoystvami-prestupnikov-i-poterpevshikh-v-ustanovlenii-obstoyatelstv> [Accessed 24 April 2025].
7. Kratkaia kharakteristika sostoiianiia prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za ianvar' – dekabr' 2024 goda [Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2024]. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328> [Accessed 03 February 2025].
8. Krylov I.F. (1984) Kriminalisticheskaiia kharakteristika i ee mesto v sisteme nauki kriminalistiki i v vuzovskoi programme [Forensic characteristics and its place in the system of forensic science and university curriculum]. *Kriminalisticheskaiia kharakteristika prestuplenii: sb. nauch. tr.* [Forensic Characteristics of Crimes: Collection of Scientific Works], pp. 32. Moscow: Vsesoiuznyi in-t po izucheniiu prichin i razrabotke mer

- preduprezhdeniia prestupnosti.
9. Migunova T.L., Tolstolutsii V.Iu. (2020) Kriminalisticheskoe soderzhanie statisticheskogo poniatiiia «korreliatsionnye sviazi» [Forensic content of the statistical concept "correlation relationships"]. *Nauchnye trudy molodykh uchenykh: sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Penza, 23 fevralia 2020 goda)* [Scientific Works of Young Scientists: Collection of Articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Penza, February 23, 2020)], pp. 67-71. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Iu.). EDN TQTSPW.
 10. Tolstolutsii V.Iu. (2014) Znachenie kolichestvennoi storony korreliatsionnykh svyazei v kriminalisticheskoi kharakteristike prestuplenii [Significance of the quantitative aspect of correlation relationships in forensic characteristics of crimes]. Nauchnye problemy vodnogo transporta [Scientific Problems of Water Transport], 41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-kolichestvennoy-storony-korrelyatsionnyh-svyazey-v-kriminalisticheskoy-harakteristike-prestupleniy> [Accessed 24 April 2025].
 11. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon № 63-FZ ot 13.06.1996 (red. ot 21.04.2025) [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 21.04.2025)]. Sbranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, No. 25, st. 2954.
 12. Zemtsova S.I. (2019) Soderzhanie kriminalisticheskoi kharakteristiki prestupleniia kak predmet nauchnoi diskussii [Content of forensic characteristics of crime as a subject of scientific discussion]. Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2(73), pp. 25-29. EDN ZNWCEJ.

УДК 343.9**Основные причинные комплексы совершения преступлений
сексуальной направленности****Попова Татьяна Николаевна**

Соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
подполковник полиции,
заместитель начальника отдела ИАО СИКЦ МВД России
и Республики Южная Осетия,
Российский государственный университет правосудия,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69;
e-mail: tas.popova2002@yandex.ru

Аннотация

В статье на основе проведенного автором научного исследования на базе исправительных учреждений представлен сравнительный анализ личностных особенностей преступников, совершивших сексуальные преступления группой лиц, и личности преступника, совершившего сексуальное преступление, отбывающих наказание за совершенные преступления. Сделан вывод о необходимости дальнейшего формулирования наиболее эффективных мер, направленных на нейтрализацию и последующее устранение выявленных причин и условий, способствующих совершению сексуальных преступлений. Для достижения этих целей необходима последовательная и эффективная деятельность всех правоохранительных органов, общественных организаций, которая, в свою очередь, требует качественного совершенствования системы профилактики сексуальных преступлений.

Для цитирования в научных исследованиях

Попова Т.Н. Основные причинные комплексы совершения преступлений сексуальной направленности // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 497-505.

Ключевые слова

Преступление, девиантное поведение, детерминанты, исправительное учреждение, виктимологические характеристики, рецидив, сексуальные преступления.

Введение

В науке криминологии изучение преступности, ее состояния, динамики, особенностей различных видов преступлений, выявление причин и условий преступности является первоначальным этапом криминологического исследования для последующего анализа личности преступника и организации борьбы с преступностью. Вопросам анализа криминогенной обстановки, ситуации в России в целом и ее отдельных регионов, причин и условий, которые могут способствовать совершению преступлений, уже посвящено немалое количество публикаций. Но при этом данное обстоятельство не лишает возможности рассматривать подходы по определению причин и условий, способствующих совершению сексуальных преступлений.

В соответствии со статистикой МВД РФ, половые преступления являются самостоятельным видом преступлений и имеют свое численное отражение. Поэтому анализ основных причин данной категории преступлений очень важен как для понимания самой проблемы, так и для организации превентивной работы, оказания соответствующей помощи жертвам, а главное – для расследования и раскрытия преступлений сексуальной направленности.

Основная часть

В качестве основных групп, способствующих проявлению этого опасного явления, можно выделить четыре группы: социально-экономическая; моральная; психолого-личностная; физиологическая.

Одной из основных причин, способствующих совершению преступлений сексуальной направленности, может выступать именно социально-экономическая составляющая. Нынешнее состояние социально-экономической сферы в нашей стране может в наибольшей степени провоцировать свершение преступлений сексуальной направленности. Колоссальное увеличение разницы в уровне доходов между разными социальными слоями общества может провоцировать совершение данных преступлений.

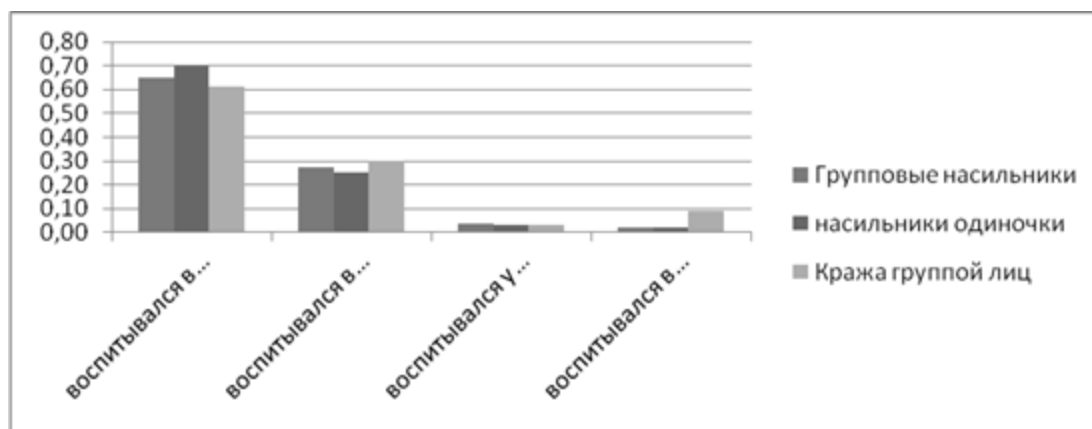

Рисунок 1 – Различия средних показателей семейного положения в группах испытуемых

Так, К.В. Вишне вский и Т.В. Варчук считают, что «произошедшая в конце 20 века массовая маргинализация и люмпенизация России повлекла падение уровня жизни, разрыв традиций, социальных связей, утрату ценностных ориентаций; в конечном итоге негативные процессы

привлекли к массовой бездуховности, аномии и десоциализации» [Варчук, Вишевский, 2008].

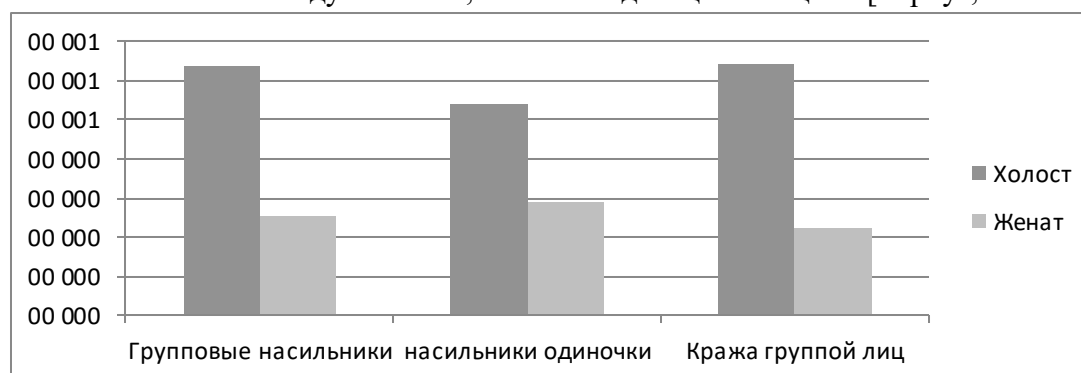

Рисунок 2 – Различия средних по казателей воспитания в группах испытуемых

Согласно исследованию 320 уголовных дел по данным категориям, большинство из 320 осужденных, совершивших не только сексуальные преступления как группой лиц, так и в одиночку, но и групповые преступления по статье 158 УК РФ, имеют ярко выраженную девиантность поведения. При этом мы рассматриваем данное понятие как термин, обозначающий отклонение от социальных норм. Согласимся с Я.И. Гилинским, что девиантность имеет не сколько общих обоснований, которые проявляются в четырех основных факторах:

1. Причинно-следственная связь как одно из проявлений взаимосвязи между элементами социальной системы, то есть социальные системы более сложны, вероятностны, нелинейны и стохастичны.
2. Социальные девиации, которые выступают как искусственный конструкт, не имеющий качественной определенности в реальной действительности.
3. Проявления девиантности различны по содержанию, что нет и не может быть единой причины возникновения.
4. Имеются обстоятельства, наличие которых делает более или менее вероятным девиантное поведение, а его форма зависит от случайностей или индивидуальных особенностей субъекта.

То есть мы можем говорить, что девиация есть отклонение, которое всегда проявляется в поведении, отражая социальную сторону функционирования личности. Для обозначения такого отклоненного поведения всегда существует большой тезаурус, который будет отражать многообразие поведенческих форм, с одной стороны, и семантическую диффузию или «отсутствие качественной определенности» – с другой. Особенно это касается разнообразных форм сексуального поведения, которые в любом обществе находятся в аффектогенном поле. Следует также отметить, что еще в свое время М. Фуко связывал понятие сексуальности с формированием новых социальных институтов религиозной исповеди, образования, медицинского контроля и лечения, правосудия в отношении сексуальных отклонений.

Э. Дюркгейм первым высказал точку зрения, что общество есть особая реальность, не сводимая к отдельным индивидам. Любая система определялась им как единицы, ее составляющие, и отношения между ними. И на основе его идей А. Рэдклифф-Браун рассматривал социальную систему как состоящую из: 1) социальных структур; 2) социальных обычаев и институтов; 3) специфических образов мыслей, чувств, связанных с социальными нормами по ведению в обществе.

Основываясь на ранее выдвинутых идеях, мы определили, что одной из причин девиантного поведения в сфере сексуальных отклонений выступает социальное неблагополучие.

Проведенное нами исследование позволило прийти к выводу, что большая часть преступников, совершивших половые преступления, относятся к маргинальным слоям общества.

«Не сама по себе бедность, а стремительный скачек от достатка к бедности, к отсутствию возможности удовлетворить свои потребности способствует совершению преступления» [Гишинский, 2009].

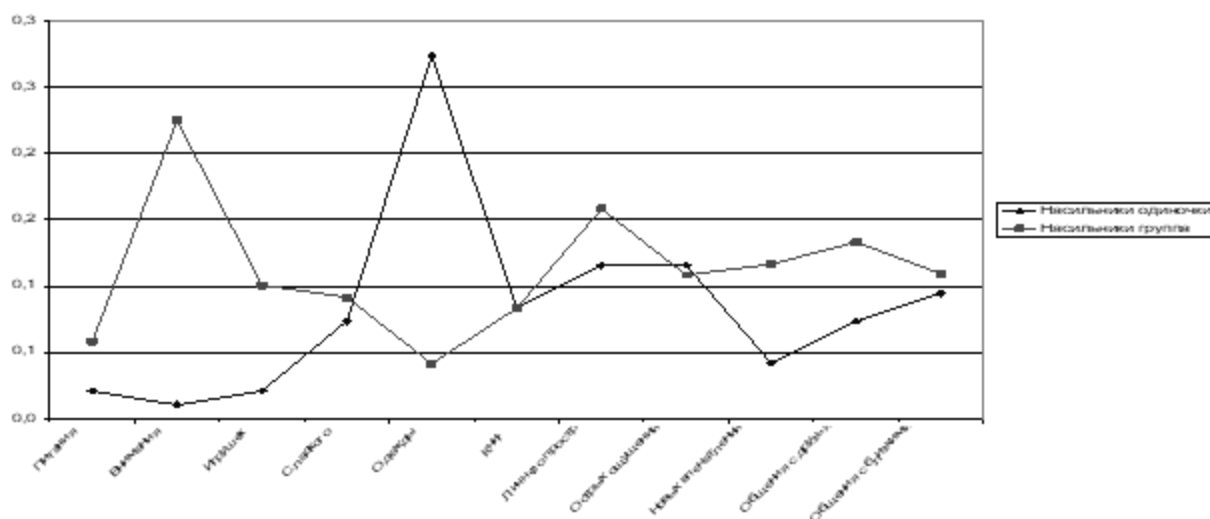

Рисунок 3 – Средние частоты самооценки «дефицитов детства» в разных группах испытуемых

В ходе проведенного исследования также было установлено, что в 17% случаев совершенных преступлений сексуальной направленности проявляется еще одной причина, которая порождает рост преступлений сексуальной направленности, – это миграция.

Во всех случаях установлено, что это были граждане Узбекистана, Киргизии, Таджикистана. Данные граждане прибыли на территорию Российской Федерации, имели временную регистрацию и не имели постоянного дохода.

О проблеме миграционной преступности сексуального характера свидетельствуют и последние события, происходящие в странах Европы. Особенно огромное количество преступлений было выявлено в Германии, Великобритании. Из показаний потерпевших этих стран стало известно, что большинство насильников – выходцы из Азии [Азиатская банда изнасиловала 1400 детей в Роттерме, [www](#); Чем обернулось гостеприимство: мигранты атакуют немцев, [www](#)].

В большинстве случаев совершение данной категории преступлений мигрантами обусловлено особенностями их социального общества, в котором они росли, их менталитетом. В ходе исследования также установлено наличие как косвенной, так и прямой агрессии к другим конфессиям, национальностям.

Вторая группа, лежащая в основе совершения преступлений сексуальной направленности, – это моральная. В ходе проведения анкетирования и беседы с осужденными установлено, что сильная деформация большей части опрашиваемых в духовно-нравственной сфере обусловлена развалом системы правового и нравственного воспитания подрастающего поколения, бурной пропагандой насилия в СМИ, распространенностью представления о нормальности

применения насилия при разрешении конфликтов. Так, в ходе исследования установлено, что 67% осужденных имеют не первую судимость. 78% первую судимость получили в возрасте 15-16 лет. Кроме этого, в большинстве случаев провоцирует «моральное обнищание» бедность, безработица, обострение социального неравенства, безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних, миграция, отсутствие надлежащего контроля со стороны правоохранительных органов за местами пребывания лиц, которые ведут антиобщественный образ жизни.

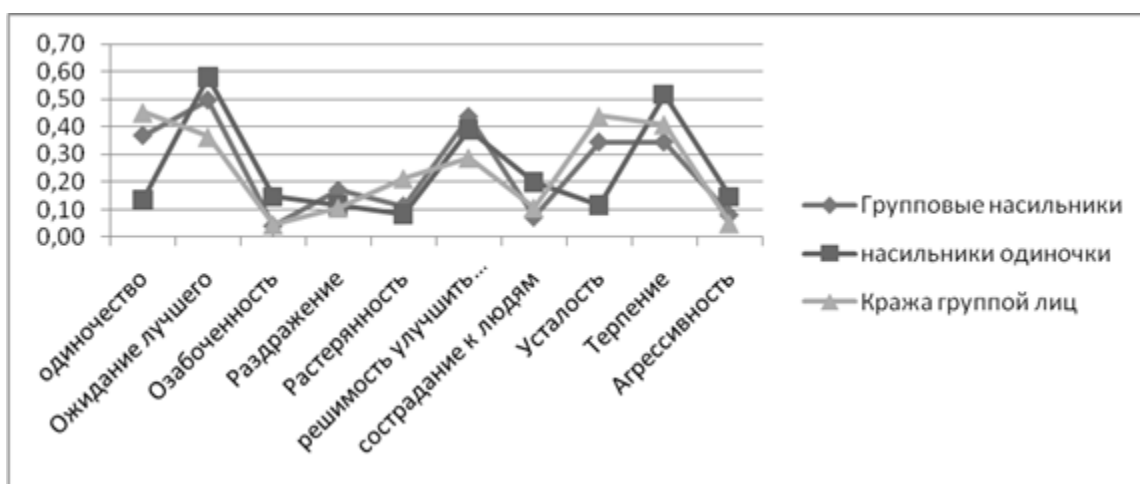

Рисунок 4 – Различия средних показателей состояний, испытывающих осужденными в группах испытуемых

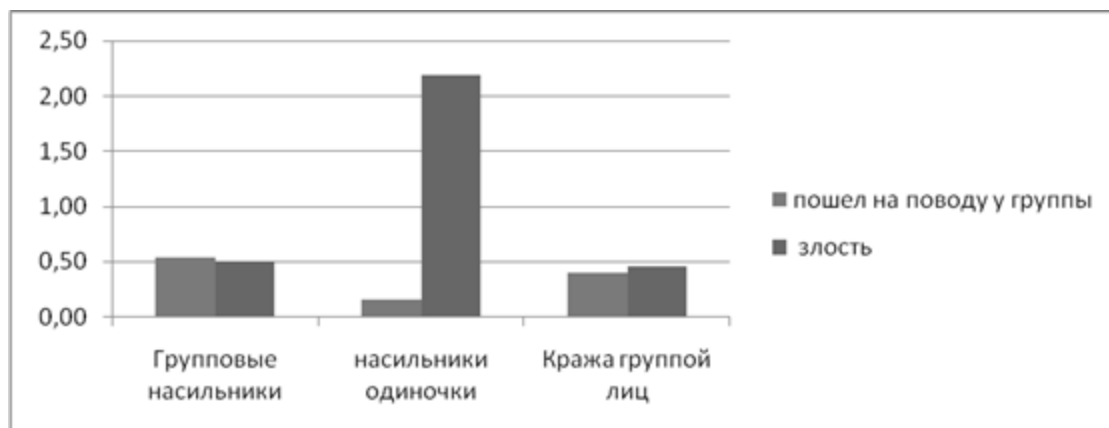

Рисунок 5 – Различия средних показателей причин совершения преступлений в группах испытуемых

Проведенное нами исследование показало, что в 19% случаев жертвами преступлений становились несовершеннолетние из неблагополучных семей. Общественная жизнь меняется, что обуславливает изменение преступности того или иного вида. Трансформация половой морали в российском обществе обусловлена, по мнению А.П. Дьяченко, теми условиями, как урбанизация, ослабление социального контроля в связи с миграцией населения, слабый контроль за СМИ, общедоступностью Интернета.

Понятно, что именно комплекс общесоциальных причин порождает условия,

способствующие явно й дезинтеграции и асоциализации личности, конечно, очень важны биофизические причины человека, обуславливающие по ведение сексуальных преступников, и работать надо непосредственно над ними. Если рассматривать графики динамики причинно-следственных комплексов у лиц, совершивших преступления, предположительно порождающих совершение преступлений, то видно, что в большинстве случаев графики всех трех категорий преступников (одиночек-насильников, групповых насильников, групповой кражи) очень схожи, с незначительными отклонениями. То есть мыслят, думают все категории преступников одинаково, и, соответственно, исходная составляющая, провоцирующая и порождающая совершение преступления, – одна.

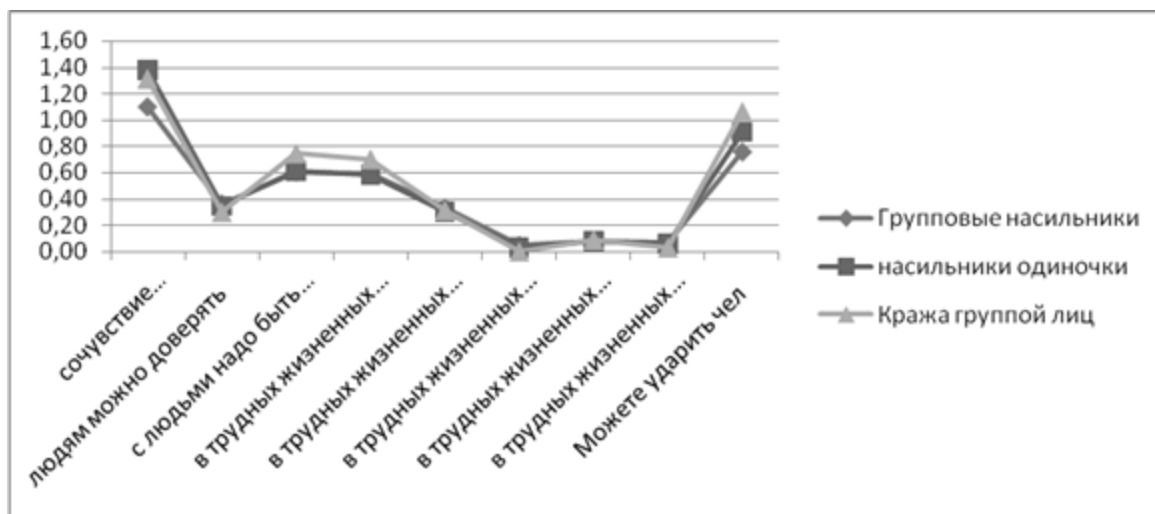

Рисунок 6 – Различия средних показателей отношения к окружающим людям в группах испытуемых

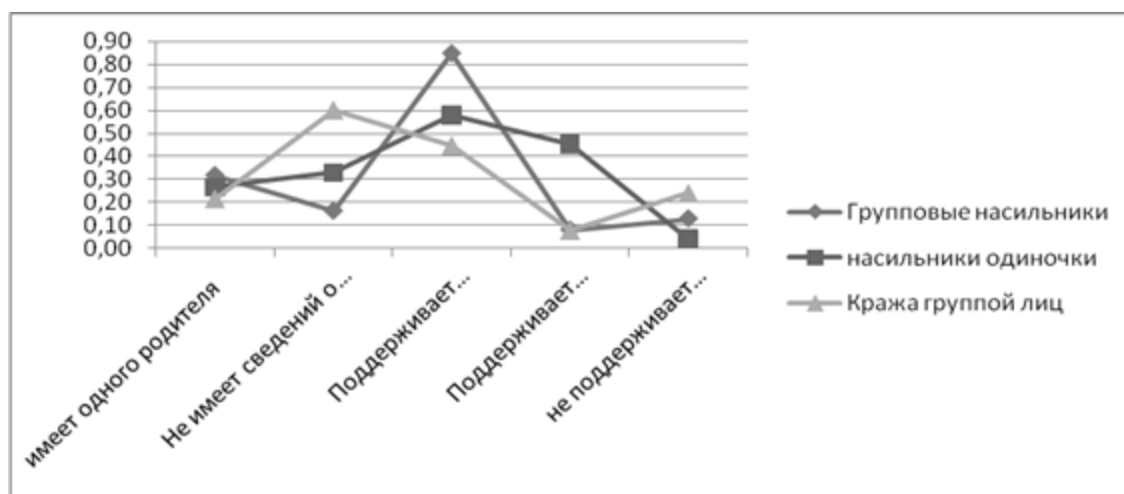

Рисунок 7 – Различия средних показателей взаимоотношений в близкими людьми в группах испытуемых

Наличие причин и условий, способствующих совершению преступлений сексуальной направленности, не означает фатальной неизбежности совершения преступлений. Данные причины и условия в определенной степени подлежат регулированию, нейтрализации и

устранению.

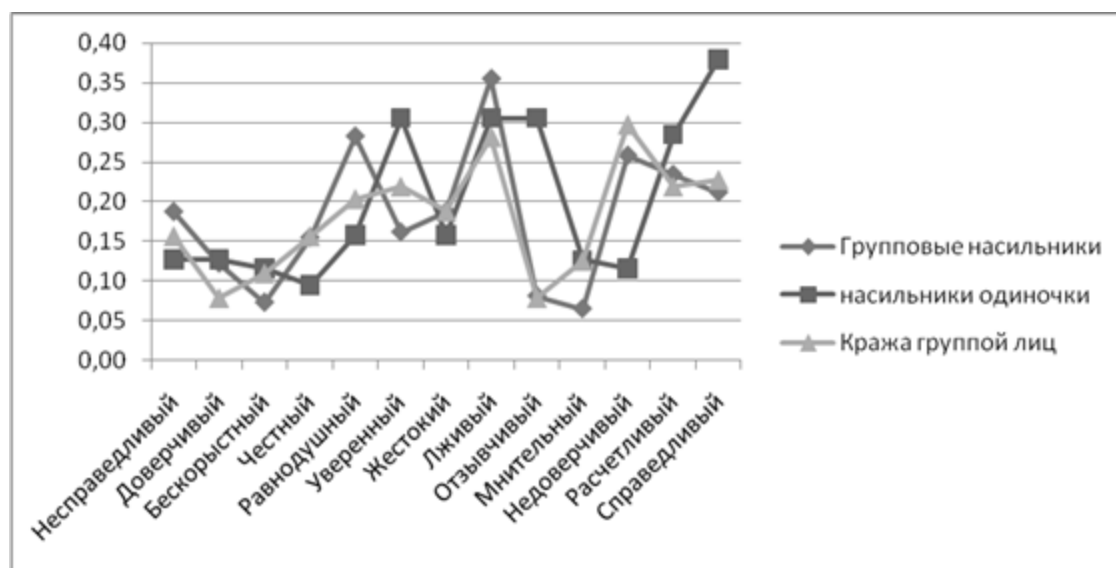

Рисунок 8 – Различия средних показателей качества, со ответствующих большинству осужденных в группах испытуемых

Заключение

Необходимо дальнейшее формулирование наиболее эффективных мер, направленных на нейтрализацию и последующее устранение выявленных причин и условий, способствующих совершению сексуальных преступлений. Более того, для достижения этих целей не обходима последовательная и эффективная деятельность всех правоохранительных органов, общественных организаций, которая, в свою очередь, требует качественного совершенствования и профилактики мер, направленных на предотвращение совершения сексуальных преступлений.

Библиография

1. Азиатская банда изнасиловала 1400 детей в Роттереме. URL: <https://ru-crazy-news.livejournal.com/254313.html>.
2. Варчук Т.В., Вишевский К.В. Виктиломология: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, За кон и право, 2008. 191 с.
3. Гилинский Я.И. Криминология : теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2009. 189 с.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2020 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19655871>.
5. Чем обернулось гостеприимство: мигранты атакуют немцев. URL: <https://newsland.com/user/4297655637/content/chem-obernulos-gostepriimstvo-migranty-atakuiut-nemtsev/4993658>.
6. Schauer F. Causation theory and the causes of sexual violence //American Bar Foundation Research Journal. – 1987. – Т. 12. – №. 4. – С. 737-770.
7. Smallbone S., Rayment-McHugh S. Sexual crimes //Handbook of crime prevention and community safety. – Routledge, 2017. – С. 439-453.
8. Kerstetter W. A. Gateway to justice: Police and prosecutorial response to sexual assaults against women //J. Crim. L. & Criminology. – 1990. – Т. 81. – С. 267.
9. Cho S. Y. An Analysis of Sexual Violence–The Relationship between Sex Crimes and Prostitution in South Korea //Asian Development Perspectives (ADP). – 2018. – Т. 9. – №. 1. – С. 12-34.
10. Wikström P. O. H. et al. Activity fields and the dynamics of crime: Advancing knowledge about the role of the environment in crime causation //Crime Opportunity Theories. – Routledge, 2017. – С. 391-423.

The main causal complexes of sexual crimes

Tat'yana N. Popova

PhD in Law,
Police Lieutenant Colonel,
Deputy Head of the Department IAO SIC
of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Republic South Ossetia,
Russian State University of Justice,
117418, 69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tas.popova2002@yandex.ru

Abstract

The article analyses the research of the author on the basis of corrections and based on the study of personality in a comparative analysis of the personality characteristics of perpetrators of sexual offences by a group of persons and the identity of the perpetrator of a sexual crime, a punishment for crimes committed. A conclusion has been made on the need for further formulation of the most effective measures aimed at neutralizing and subsequently eliminating the identified causes and conditions that contribute to the commission of sexual crimes. To achieve these goals, consistent and effective activity of all law enforcement agencies and public organizations is necessary, which, in turn, requires qualitative improvement of the system of prevention of sexual crimes.

For citation

Popova T.N. (2025) Osnovnye prichinnye komplekсы soversheniya prestuplenii seksual'noi napravlenosti [The main causal complexes of sexual crimes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 497-505.

Keywords

Crime, deviant behavior, determinants, correctional facility, victimological characteristics, recidivism, sexual crimes.

References

1. Aziatskaia banda iznasilovala 1400 detei v Rotereme [Asian gang raped 1400 children in Rotherham]. Available at: <https://ru-crazy-news.livejournal.com/254313.html> [Accessed 24 April 2025].
2. Chem obemulos' gostepriimstvo: migranty atakuiut nemtsev [How hospitality turned out: migrants attack Germans]. Available at: <https://newsland.com/user/4297655637/content/chem-obemulos-gostepriimstvo-migranty-atakuiut-nemtsev/4993658> [Accessed 24 April 2025].
3. Gilinskii Ia.I. (2009) *Kriminologiya: teoriia, istoriia, empiricheskaya baza, sotsial'nyi kontrol'* [Criminology: theory, history, empirical base, social control], 2nd ed. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press Publ.
4. Kratkaia kharakteristika sostoiianiia prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za ianvar' 2020 goda [Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January 2020]. Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19655871> [Accessed 24 April 2025].
5. Varchuk T.V., Vishevskii K.V. (2008) *Viktinologiya: uchebnoe posobie* [Victimology: textbook]. Moscow: Iuniti-Dana, Zakon i pravo, 191 p.
6. Schauer, F. (1987). Causation theory and the causes of sexual violence. *American Bar Foundation Research Journal*, 12(4), 737-770.
7. Smallbone, S., Rayment-McHugh, S. (2017). Sexual crimes. In *Handbook of crime prevention and community safety*

-
- (pp. 439-453). Routledge.
8. Kerstetter, W. A. (1990). Gateway to justice: Police and prosecutorial response to sexual assaults against women. *Journal of Criminal Law Criminology*, 81, 267.
 9. Cho, S. Y. (2018). An analysis of sexual violence: The relationship between sex crimes and prostitution in South Korea. *Asian Development Perspectives*, 9(1), 12-34.
 10. Wikström, P. O. H., et al. (2017). Activity fields and the dynamics of crime: Advancing knowledge about the role of the environment in crime causation. In *Crime Opportunity Theories* (pp. 391-423). Routledge.

УДК 34

Использование цифровых технологий с искусственным интеллектом в борьбе с киберпреступностью в России и зарубежом

Сиракян Аркадий Рашимович

Кандидат юридических наук,
заместитель директора Института государства и права
Сургутского государственного университета,
628412, Российская Федерация, Сургут, просп. Ленина, 1;
e-mail: Sirakanyan_ar@surgu.ru

Аннотация

В статье исследуются современные методы применения цифровых технологий и искусственного интеллекта для противодействия киберпреступности в России и зарубежом. Рассматриваются ключевые инструменты, используемые правоохранительными органами, включая системы анализа больших данных, распознавания образов и предиктивной аналитики. Анализируются преимущества искусственного интеллекта, включая скорость обработки информации и автоматизацию рутинных задач, а также проблемы, связанные с ошибками алгоритмов, вопросами конфиденциальности и необходимостью правового регулирования. В статье приводятся мнения ученых относительно использования цифровых технологий со встроенным интеллектом и дается авторское мнение по данному вопросу. Приводятся примеры реальных кейсов, где технологии помогли раскрыть преступления, и обсуждаются перспективы развития ИИ-инструментов в контексте национальной кибербезопасности. Статья предназначена для специалистов в области цифровой криминалистики, правоохранительных органов и всех, кто интересуется технологическими аспектами борьбы с киберпреступностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Сиракян А.Р. Использование цифровых технологий с искусственным интеллектом в борьбе с киберпреступностью в России и зарубежом // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 506-515.

Ключевые слова

Искусственный интеллект, киберпреступность, криминалистика, анализ больших данных, машинное обучение, российские ИИ-технологии.

Введение

В условиях стремительной цифровизации общества киберпреступность становится одной из ключевых угроз национальной безопасности. Традиционные методы борьбы с цифровыми преступлениями зачастую оказываются недостаточно эффективными из-за высокой динамики развития атакующих технологий. В этой связи применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) открывает новые возможности для обнаружения, предотвращения и расследования киберпреступлений. Все это обуславливает актуальность данной темы. В данной статье рассматриваются современные технологии на основе ИИ, применяемые в России для противодействия киберугрозам, анализируются их преимущества и ограничения, а также перспективы дальнейшего развития.

Основная часть

Чтобы проникнуться данной проблемой, необходимо вернуться к истокам, вспомнить о самом зарождении киберпреступности в России, которое началось в конце 1980-х – начале 1990-х годов, параллельно с развитием компьютерных технологий и распространением Интернета. В связи с этим необходимо выделить следующие этапы зарождения киберпреступности в России:

1. 1980-е – начало 1990-х годов. Первые хакеры. В СССР компьютерные технологии развивались в основном в научных и военных кругах, но с появлением персональных компьютеров (например, «Электроника БК-0010», ZX Spectrum) появились первые энтузиасты-программисты. В то же время создавались первые вирусы («Пентагона», «Вася»), но отметим, что они создавались скорее из любопытства, чем для преступных целей.

2. 1990-е годы. Расцвет хакерства и первые преступления. С распадом СССР и появлением коммерческих интернет-провайдеров (например, «Релком», «Демос») начали формироваться первые хакерские группы. Уже в этот период происходили взломы банковских систем, кража данных кредитных карт (например, группа хакеров из Санкт-Петербурга, взломавшая Citibank в 1994 году и похитившая \$10 млн) [Подстава века или таинственная история взлома Ситибанка, [www](#)]

3. 2000-е годы. Профессионализация киберпреступности. С развитием Интернета и электронных платежей (WebMoney, Яндекс.Деньги) появились новые виды мошенничества: фишинг (создание поддельных сайтов для кражи данных); кардинг (торговля украденными данными карт); ботнеты (сети зараженных компьютеров для DDoS-атак и рассылки спама).

4. 2010-е годы – настоящее время.

По данным FBI Internet Crime Report [Internet Crime Complaint Center (IC3), [www](#)] за 2023-2024 годы, мировой ущерб от киберпреступлений превысил \$23 млрд (рост на 40% с 2022 года). Interpol сообщает о +300% росте фишинговых атак с 2020 года. Самые частые преступления (по Verizon DBIR 2024): фишинг (35% атак), утечки данных из-за уязвимостей ПО (27%), Ransomware (атаки выросли на 45% в 2023).

Киберпреступность в России, как и во всем мире, демонстрирует устойчивый рост: по данным МВД РФ, количество преступлений в цифровой среде увеличивается на 15–20% ежегодно. В 2024 году в России зафиксированы 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Это составляет примерно 40% от общего числа противоправных деяний. Такие данные в конце января 2025 года обнародовало МВД РФ. В отчете ведомства говорится, что в 2024 году общее количество

киберпреступлений в России увеличилось на 13,1% по сравнению с предыдущим годом. При этом в ИТ-сфере совершены 369,3 тыс. тяжких и особо тяжких противоправных деяний, что на 7,8% больше в годовом исчислении. В значительной степени этот фактор повлиял на рост в 2024 году общего числа тяжких и особо тяжких преступлений на 4,8% [Статистика киберпреступности в российских регионах: данные МВД за 2024 год», [www](#)].

Основными угрозами остаются фишинг, DDoS-атаки, распространение вредоносного ПО, утечки персональных данных и атаки на критическую инфраструктуру.

Традиционные методы защиты, такие как сигнатурный анализ и правила-based системы, не справляются с новыми видами атак, требующими оперативного реагирования. Внедрение ИИ позволяет автоматизировать процессы обнаружения аномалий, прогнозирования угроз и принятия решений в реальном времени.

В настоящее время в России активно внедряются цифровые технологии с ИИ в борьбе киберпреступлениями. Разберем реальные кейсы от ПАО Сбер, Лаборатории Касперского, ПАО Ростелекома, МВД и ФСБ России, Роскомнадзора.

Сбербанк активно борется с мошенничеством через NLP и «киберград» [Открытая NLP-модель для классификации ESG-рисков, [www](#)]. NLP (Natural Language Processing, обработка естественного языка) – это направление ИИ, которое занимается взаимодействием компьютеров и человеческого языка. NLP позволяет машинам понимать, анализировать, генерировать и интерпретировать текстовую и устную речь. КиберГрад – это инновационная система защиты от киберугроз, разработанная Сбербанком на базе ИИ и машинного обучения (ML). Она предназначена для обнаружения и предотвращения мошеннических операций в реальном времени, а также анализа цифровых угроз. Например, по последней доступной статистике, Система «Киберград» на базе ИИ: анализирует более 1 млн операций ежедневно; снизила успешные мошеннические транзакции на 37% (2023); распознает голосовые фишинговые звонки (точность 92%). А с помощью ИИ на основе NLP для блокировки фишинга: в 2023 году выявлено 12,8 тыс. поддельных сайтов; автоматически блокирует более 90% SMS-сообщений с мошенническими ссылками.

Лаборатория Касперского активно применяет ИИ для обнаружения неизвестных угроз. Для этих целей был разработан Kaspersky MLAD (Machine Learning Anomaly Detection) [Kaspersky Machine Learning for Anomaly Detection, [www](#)] – это продвинутая система защиты от кибератак на основе машинного обучения (ML). Она предназначена для обнаружения сложных и ранее неизвестных угроз, которые не выявляются традиционными сигнатурными методами. По данным Лаборатории Касперского, данная система обнаруживает 65% новых вредоносных программ без сигнатур, а также используется в «КиберЩите Ростелекома» для защиты госучреждений. По доступной статистике за 2024 год, заблокировано 1,2 млн атак на российские компании, а также зафиксировано снижение ложных срабатываний на 40% по сравнению с традиционными методами.

ПАО Ростелеком также активно внедряет ИИ в свои системы. Киберзащита Ростелекома [Ростелеком усилил киберзащиту технологических процессов, [www](#)] – это комплекс технологических решений и сервисов, предоставляемых компанией ПАО «Ростелеком» (включая дочернюю структуру Solar Security) для обеспечения информационной безопасности государственных и коммерческих организаций России. Из основных направлений действия киберзащиты можно выделить:

1. Solar JSOC (Центр мониторинга и реагирования на кибератаки). Он обеспечивает круглосуточный мониторинг угроз. В 2024 году обработал свыше 1,5 млн инцидентов (данные

Solar Security).

2. Защита критической инфраструктуры (КИИ) посредством реализации требований 187-ФЗ от 26.07.2017 «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: защита энергосистем (например, «Россети») и киберизоляция объектов ТЭК.

ФСБ и МВД в расследовании киберпреступлений используют Систему «Помор» – это разработанный ФСБ России программно-аналитический комплекс для мониторинга и противодействия киберугрозам, включая расследование преступлений в даркнете и противодействие терроризму. С помощью этой системы анализируются darknet-форумы и Telegram-каналы. За 2023-2024 годы эта система помогла обнаружить канал утечки данных из МФЦ (1,2 млн записей), ликвидировать DDoS-ботнет из 17 тыс. камер наблюдения, раскрыть схемы обнала через криптовалюты (на 4,3 млрд руб.).

Роскомнадзор использует ИИ для автоматической блокировки запрещенного контента с помощью ИИ-системы «Отис» [ЕСИА, www] – это разработанная Роскомнадзором автоматизированная платформа для мониторинга и блокировки запрещенного контента в Интернете с использованием ИИ. Система названа в честь Отиса – первого в мире робота-полицейского (из фантастического рассказа Айзека Азимова), что символизирует ее «надзорную» функцию. Данная система ежедневно проверяет более 200 тыс. интернет-страниц. По известным данным, в 2024 году заблокировала 320 тыс.

ресурсов с запрещенным контентом. Точность распознавания экстремистских материалов – 89%.

Помимо вышеперечисленных систем, в частности ресурсов «Помор» и «Отис», российские следователи активно используют и иные виды цифровых технологий со встроенным ИИ. Для распознавания лиц в следствии активно применяют систему «Видеоаналитика» [Computer Vision Video Content Analysis Машинное (компьютерное) зрение Системы видеоаналитики, www] – это программно-аппаратный комплекс, использующий технологии ИИ и компьютерного зрения для автоматического анализа видеопотоков в реальном времени. Данная система выполняет множество функций: распознавание объектов (лица, транспортные средства, поведение людей), детекция событий (нарушение периметра, кражи в магазинах, ДТП). Также «видеоаналитика» используется в системе «безопасный город», по последней имеющейся статистике, к 2024 году распознал более миллиона нарушений правил дорожного движения. Отметим, что данной системой пользуется сеть «Магнит», после ее внедрения количество краж в магазинах снизилось на 30%. Необходимо отметить, что кроме явных плюсов использование данной системы имеет и отрицательные последствия.

Органы внутренних дел также внедряют в свою работу систему для прогнозирования преступлений. Система «Предикативная полиция» [«Особое мнение» нейросетей. Как с криминалом борются алгоритмами к ужасу правозащитников, www] — это технология на основе ИИ и анализа больших данных, которая прогнозирует места, время и вероятность совершения преступлений до их возникновения. Она помогает правоохранительным органам упреждающе распределять ресурсы (патрули, оперативные группы) для предотвращения преступности. Данная система в настоящее время только тестируется в некоторых районах Москвы и Санкт-Петербурга, но уже сейчас сообщаются о положительных тенденциях. После использования данного ресурса наблюдается снижение уличной преступности на 15-20%, раскрытие серийных краж благодаря анализу геоданных.

На сегодняшний день органами МВД разрабатываются системы «Клон» и «Конъюнктура» [МВД РФ привлечет ИИ к поиску преступников, www] — это разрабатываемые МВД России платформы для прогнозной аналитики и управления правоохранительной

деятельностью на основе искусственного интеллекта. Данные ресурсы постепенно интегрируются в различные базы МВД, в систему «Безопасный город» и социальные сети. С помощью этой системы смогут прогнозировать возможности рецидива у освобожденных заключенных.

При расследовании преступлений, в частности, криминалистами используется система «Криминалист-ИИ» [Нейронное дело: как ИИ помогает в борьбе с преступностью, [www](#)]. Данная система обрабатывает отпечатки пальцев и ищет совпадения в базе данных всего за две секунды (вместо двух часов, когда это делают вручную). Также активно используется система «Фоторобот 5.5» [МВД: ИИ-система поиска серийных преступников и создания фотороботов, [www](#)], которая генерирует фото подозреваемого по описанию свидетелей с помощью GAN-сетей.

В настоящее время ИИ-технологии активно используют правоохранительные органы при расследовании преступлений. Приведем некоторые из них. В марте 2025 года МВД и ФСБ задержали 15 человек, причастных к созданию инфраструктуры связи, использовавшейся для телефонного мошенничества [Борьба с телефонным мошенничеством, [www](#)]. Министерство цифрового развития Республики Татарстан приступило к тестированию системы видеонаблюдения с искусственным интеллектом для выявления закладчиков наркотиков на улицах Казани, о чем стало известно 5 ноября 2024 года [Выявление в Казани закладчиков наркотиков с помощью ИИ-камер, [www](#)]. В 2020 г. в России был задержан подозреваемый в хищении бюджетных средств благодаря системе «Криминалист», которая анализирует данные из разных госсистем, а также открытых источников [Нейронное дело: как ИИ помогает в борьбе с преступностью, [www](#)].

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в расследование преступлений вызывает активные дискуссии среди ученых, юристов и правозащитников. Приведем ключевые мнения экспертов из разных стран, отражающие как преимущества, так и риски этой технологии. Профессор Andrew Ng (Стэнфорд, США) высказывается положительно о внедрении ИИ в расследование преступлений: «ИИ может анализировать тысячи часов видеозаписей за минуты, находить связи между преступлениями и даже предсказывать зоны повышенной криминальной активности. Это революция для полицейской работы» [Выступление на конференции AI in Law Enforcement (2023): Stanford HAI – AI in Policing, [www](#)]. Также в поддержку использования ИИ высказался Доктор Marcus Peter Francis du Sautoy (Оксфорд, Великобритания), подметив, что «машинное обучение помогает выявлять паттерны в финансовых преступлениях, которые человек просто не заметит. Например, отмывание денег через криптовалюты» [Isaacson, 2022]. В том числе ряд ученых высказываются негативно на тему внедрения ИИ в расследование преступлений. Например, Профессор Joy Buolamwini (MIT, США) считает, что «ИИ-алгоритмы, обученные на предвзятых данных, усиливают расовую дискриминацию. Например, системы распознавания лиц чаще ошибаются с темнокожими людьми». В качестве факта он приводит исследование MIT Media Lab (2023) показало, что ошибки распознавания у афроамериканцев — до 34% против 1% у белых [Исследование по bias в распознавании лиц (MIT Media Lab), [www](#)]. Российский ученый, д.ю.н., профессор, советник МВД РФ, Овчинский В.С. также с настороженностью высказывается относительно данного вопрос – «Сегодня с технологией ИИ много проблем: она ненадежна, часто очень хрупка в том смысле, что системы ИИ могут хорошо работать в некоторых контекстах, а затем часто могут довольно серьезно выйти из строя в других» [Владимир Овчинский: Мощь искусственного интеллекта, [www](#)].

Существует множество высказываний ученых со всего мира относительно использовании ИИ-технологий в расследовании преступлений. Одна половина ученых считает внедрение

подобных систем спасением, другая же группа ученых высказывается против активного использования ИИ-технологий, ссылаясь на то, что еще нет достаточного регулирования применения подобных ресурсов. Полагаем, что мнения обеих групп ученых имеет право на существования. В использовании цифровых технологий, в которых встроен ИИ, есть как положительные, так и отрицательные стороны. Нам представляется, что внедрение искусственного интеллекта в работу правоохранительных органов дает значительные преимущества, ускоряя раскрываемость преступлений и повышая точность анализа данных, например:

1. ИИ анализирует тысячи часов видеозаписей, миллионы транзакций, переписки в соцсетях за минуты, что человеку не под силу.
2. Распознавание лиц, голоса, отпечатков пальцев, анализ метаданных, на примере деанонимизации в Darknet – там, где человеческий мозг бессилён, ИИ находит закономерности.
3. Алгоритмы предсказывают «горячие точки» преступности на основе исторических данных.
4. ИИ находит скрытые связи между преступниками, анализируя финансовые потоки (отмывание денег, мошенничество) и цепочки сообщений.
5. ИИ не подвержен усталости, эмоциям или предвзятости (если алгоритм правильно обучен).

Хотя искусственный интеллект значительно улучшает работу правоохранительных органов, его применение связано с серьезными рисками и недостатками, а поэтому необходимо выделить ключевые, важные, на наш взгляд, нюансы:

1. Алгоритмы могут ошибаться из-за некачественных данных или ограниченного обучения. Например: В США система Facial Recognition ошибочно идентифицировала невиновных (случай с Робертом Уильямсом в Детройте) [В США зафиксировано первое ошибочное задержание из-за технологии распознавания лиц, [www](#)].
2. ИИ обучается на исторических данных, которые могут содержать дискриминационные паттерны. Например, Система COMPAS (США) чаще рекомендовала арест для темнокожих подозреваемых [Судебная система США годами использовала программу-расиста, [www](#)].
3. Массовый сбор данных (камеры, биометрия, анализ переписок) создает риски, такие как утечки персональных данных и злоупотребление со стороны властей.
4. Проблемы с легитимностью и ответственностью. Можно ли доверять ИИ-доказательствам? Кто отвечает за ошибку? Разработчик, полиция или государство?
5. Зависимость от технологий и «ленивые следователи». Снижение критического мышления: сотрудники могут слепо доверять ИИ, упуская альтернативные версии;
6. Уязвимость к кибератакам. Взлом ИИ-систем может привести к фальсификации улик (например, deepfake-видео) или манипуляции данными (подмена результатов распознавания);
7. Высокая стоимость и неравный доступ. Внедрение ИИ требует больших затрат – не все регионы/страны могут позволить себе передовые системы. Например, в России «умные» камеры есть в Москве, но отсутствуют в малых городах.

Следует констатировать факт, что искусственный интеллект стал неотъемлемой частью современной криминалистики, предлагая революционные возможности, но одновременно создавая новые вызовы для общества. Главный парадокс заключается в том, что чем совершеннее технологии, тем острее встают такие вопросы, как где граница между помощью следователю и подменой человеческого суждения? Кто контролирует тех, кто контролирует алгоритмы?

Чтобы активно и безопасно внедрять ИИ-технологии в расследование реальных дел, на наш

1. Подготовка квалифицированных специалистов для работы с современными системами. В России для борьбы с киберпреступностью было учреждено Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. Но на данный момент существует острая нехватка кадров не только в этом отделе, но и в целом в системе МВД РФ [В МВД оценили дефицит сотрудников в 172 тыс. человек, [www](#)]. В настоящее время большинство вузов в России по направлению подготовки «Юриспруденция» выпускают специалистов с общими познаниями в данной отрасли, существует нехватка узконаправленных специалистов. Для решения проблемы необходимо, на наш взгляд, открыть дополнительные кафедры, специальность, на которых будут обучать специалистов расследованию киберпреступлений и применению для этой цели ИИ-технологий. Ввести дополнительные курсы в специализированных вузах по борьбе с киберпреступностью либо уделить особое внимание данной теме в рамках практических занятий по дисциплине «Криминалистика».

3. Установление прозрачности использования ИИ-технологий. Алгоритмы должны быть объяснимыми, а не «черными ящиками».

Заключение

Таким образом, технологии со встроенным искусственным интеллектом – это как мощный микроскоп в руках криминалиста. Сам по себе он не хорош и не плох – все зависит от того, кто, как и зачем его использует. Будущее расследований – не в слепом доверии алгоритмам, а в их разумной интеграции при сохранении человеческого контроля.

Библиография

1. Борьба с телефонным мошенничеством. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%91%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D0%B0_%D1%81_%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC_%D0%BC%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%BC (дата обращения: 09.04.2025).
2. В МВД оценили дефицит сотрудников в 172 тыс. человек. URL: <https://expert.ru/news/v-mvd-otsenili-defitsit-sotrudnikov-v-172-tys-chelovek/> (дата обращения: 09.04.2025).
3. В США зафиксировано первое ошибочное задержание из-за технологии распознавания лиц. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4391519> (дата обращения: 09.04.2025).
4. Владимир Овчинский: Мощь искусственного интеллекта. URL: <https://izborsk-club.ru/23996> (дата обращения: 09.04.2025).
5. Выступление на конференции AI in Law Enforcement (2023): Stanford HAI – AI in Policing. URL: <https://hai.stanford.edu/news/how-ai-changing-law-enforcement> (дата обращения: 09.04.2025).
6. Выявление в Казани закладчиков наркотиков с помощью ИИ-камер. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%B2_%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%BA%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC_%D0%BC%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%BC (дата обращения: 09.04.2025).

- В5 (дата обращения: 09.04.2025).
7. ЕСИА. URL: <https://info.gosuslugi.ru/articles/%D0%95%D0%A1%D0%98%D0%90/> (дата обращения: 09.04.2025).
8. Исследование по bias в распознавании лиц (MIT Media Lab). URL: <http://gendershades.org/> (дата обращения: 09.04.2025).
9. МВД РФ привлечет ИИ к поиску преступников. URL: <https://itspeaker.ru/news/mvd-rf-privlechets-ii-k-poisku-prestupnikov/> (дата обращения: 09.04.2025).
10. МВД: ИИ-система поиска серийных преступников и создания фотороботов. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82:%D0%9C%D0%92%D0%94:%D0%98%D0%98-%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%D0%BF%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0_%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%B8_%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D1%84%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 09.04.2025).
11. Нейронное дело: как ИИ помогает в борьбе с преступностью. URL: <https://iz.ru/1569903/alena-svetunkova/neironnoe-delo-kak-ii-pomogaet-v-borbe-s-prestupnostiu> (дата обращения: 09.04.2025).
12. «Особое мнение» нейросетей. Как с криминалом борются алгоритмами к ужасу правозащитников. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5941548> (дата обращения: 09.04.2025).
13. Открытая NLP-модель для классификации ESG-рисков. URL: <https://developers.sber.ru/portal/products/esgify> (дата обращения: 09.04.2025).
14. Подстава века или таинственная история взлома Ситибанка. URL: <https://habr.com/ru/companies/macloud/articles/552866> (дата обращения: 14.04.2025).
15. Ростелеком усилил киберзащиту технологических процессов. URL: <https://www.company.rt.ru/press/news/d472870/> (дата обращения: 09.04.2025).
16. Статистика киберпреступности в российских регионах: данные МВД за 2024 год». URL: <https://www.ec-rs.ru/blog/novosti/statistika-kiberprestupnosti-v-rossiyskikh-regionakh-dannye-mvd-za-2024-god/#:~:text=%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D0%B2%202024%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83%20%D0%B2,%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%8E%D1%82%20%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D0%B7%D0%BB%D0%BE%D1%83%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2> (дата обращения: 09.04.2025).
17. Судебная система США годами использовала программу-расиста. URL: <https://mir24.tv/news/16261623/sudebnaya-sistema-ssha-godami-ispolzovala-programmu-rasista> (дата обращения: 09.04.2025).
18. Computer Vision Video Content Analysis Машинное (компьютерное) зрение Системы видеоаналитики. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8B_%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8 (дата обращения: 09.04.2025).
19. Internet Crime Complaint Center (IC3). URL: <https://www.ic3.gov/> (дата обращения: 09.04.2025).
20. Isaacson W. The Code Breaker. 2022. P. 560. URL: <https://www.labirint.ru/books/965920>.
21. Kaspersky Machine Learning for Anomaly Detection. URL: <https://mlad.kaspersky.ru/> (дата обращения: 09.04.2025).

Using digital technologies with artificial intelligence in the fight against cybercrime in Russia and abroad

Arkadii R. Sirakanyan

PhD in Law,
Deputy Director of the Institute of State and Law
of Surgut State University,
628412, 1 Lenina str., Surgut, Russian Federation;
e-mail: Sirakanyan_ar@surgut.ru

Abstract

The article research modern methods of using digital technologies and artificial intelligence to counter cybercrime in Russia and abroad. The key tools used by law enforcement agencies, including big data analysis, pattern recognition, and predictive analytics systems, are reviewed. The advantages of artificial intelligence are analyzed, including the speed of information processing and automation of routine tasks, as well as problems related to algorithm errors, privacy issues and the need for legal regulation. The article presents the opinions of scientists regarding the use of digital technologies with embedded intelligence and provides the author's opinion on this issue. Examples of real-world cases where technology has helped solve crimes are given, and prospects for the development of AI tools in the context of national cybersecurity are discussed. The article is intended for specialists in the field of digital forensics, law enforcement agencies and anyone interested in the technological aspects of combating cybercrime.

For citation

Sirakanyan A.R. (2025) Ispol'zovanie tsifrovyykh tekhnologii s iskusstvennym intellektom v bor'be s kiberprestupnost'yu v Rossii i zarubezhom [Using digital technologies with artificial intelligence in the fight against cybercrime in Russia and abroad]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 506-515.

Keywords

Artificial intelligence, forensic science, criminalistics, big data analysis, machine learning, Russian AI technologies.

References

1. *Bor'ba s telefonnykh moshennichestvom* [Fight against telephone fraud] (2025). Tadviser. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%91%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D0%B0_%D1%81_%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC_%D0%BC%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%BC [Accessed 09 April 2025].
2. V MVD otsenili defitsit sotrudnikov v 172 tys. chelovek [Ministry of Internal Affairs estimated staff shortage at 172 thousand people] (2025). *Expert*. Available at: <https://expert.ru/news/v-mvd-otsenili-defitsit-sotrudnikov-v-172-tys-chelovek/> [Accessed 09 April 2025].
3. V SShA zafiksirovano pervoe oshibochnoe zaderzhanie iz-za tekhnologii raspoznavaniia lits [First erroneous arrest due to facial recognition technology recorded in the USA] (2025). *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4391519> [Accessed 09 April 2025].
4. Vladimir Ovchinskii: Moshch iskusstvennogo intellekta [Vladimir Ovchinsky: The Power of Artificial Intelligence] (2025). *Izborsk Club*. Available at: <https://izborsk-club.ru/23996> [Accessed 09 April 2025].
5. *Vystuplenie na konferentsii AI in Law Enforcement (2023): Stanford HAI – AI in Policing* [Speech at the conference AI in Law Enforcement (2023): Stanford HAI – AI in Policing] (2023). Stanford HAI. Available at: <https://hai.stanford.edu/news/how-ai-changing-law-enforcement> [Accessed 09 April 2025].
6. *Vyivleniye v Kazani zakladchikov narkotikov s pomoshch'yu II-kamer* [Detection of drug dealers in Kazan using AI cameras] (2025). Tadviser. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%B2_%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5 [Accessed 09 April 2025].
7. *ESIA* [Unified Identification and Authentication System] (2025). Gosuslugi. Available at: <https://info.gosuslugi.ru/articles/%D0%95%D0%A1%D0%98%D0%90/> [Accessed 09 April 2025].
8. *Issledovanie po bias v raspoznavanii lits* (MIT Media Lab) [Study on bias in facial recognition (MIT Media Lab)] (2025). *MIT Media Lab*. Available at: <http://gendershades.org/> [Accessed 09 April 2025].

9. MVD RF privlechet II k poiskam prestupnikov [Ministry of Internal Affairs of Russia will involve AI in searching for criminals] (2025). *ITSpeaker*. Available at: <https://itspeaker.ru/news/mvd-rf-privlechet-ii-k-poisku-prestupnikov/> [Accessed 09 April 2025].
10. MVD: II-sistema poiska seriinykh prestupnikov i sozdaniia fotorobotov [Ministry of Internal Affairs: AI system for searching serial criminals and creating facial composites] (2025). *Tadviser*. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82:%D0%9C%D0%92%D0%94:_%D0%98%D0%98-%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0_%D0%BF%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0_%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%B8_%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D1%84%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2 [Accessed 09 April 2025].
11. Neironnoe delo: kak II pomagaet v bor'be s prestupnost'iu [Neural case: how AI helps in the fight against crime] (2025). *Izvestia*. Available at: <https://iz.ru/1569903/alena-svetunkova/neironnoe-delo-kak-ii-pomogaet-v-borbe-s-prestupnostiu> [Accessed 09 April 2025].
12. «Osoboe mnenie» neirosetei. Kak s kriminalom boriutsia algoritmi k uzhasu pravozashchitnikov ["Minority Report" of neural networks. How algorithms fight crime to the horror of human rights activists] (2025). *TASS*. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/5941548> [Accessed 09 April 2025].
13. Otkrytaia NLP-model' dlia klassifikatsii ESG-riskov [Open NLP model for ESG risk classification] (2025). *SberDev*. Available at: <https://developers.sber.ru/portal/products/esgify> [Accessed 09 April 2025].
14. Podstava veka ili tainstvennaia istoriia vzloma Sitibanka [The setup of the century or the mysterious story of Citibank's hack] (2025). *Habr*. Available at: <https://habr.com/ru/companies/macloud/articles/552866> [Accessed 14 April 2025].
15. Rostelekom usilil kiberzashchitu tekhnologicheskikh protsessov [Rostelecom strengthened cybersecurity of technological processes] (2025). *Rostelecom*. Available at: <https://www.company.rt.ru/press/news/d472870/> [Accessed 09 April 2025].
16. Statistika kiberprestupnosti v rossiiskikh regionakh: dannye MVD za 2024 god [Cybercrime statistics in Russian regions: Ministry of Internal Affairs data for 2024] (2024). *EC-RS*. Available at: <https://www.ec-rs.ru/blog/novosti/statistika-kiberprestupnosti-v-rossiiskikh-regionakh-dannye-mvd-za-2024-god/#:~:text=%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D0%B2%2024%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83%20%D0%B2,%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%8E%D1%82%20%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D0%B7%D0%BB%D0%BE%D1%83%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2> [Accessed 09 April 2025].
17. Sudebnaia sistema SShA godami ispol'zovala programmu-rasista [US judicial system used a racist program for years] (2025). *Mir24*. Available at: <https://mir24.tv/news/16261623/sudebnaya-sistema-ssha-godami-ispolzovala-programmu-rasista> [Accessed 09 April 2025].
18. Computer Vision Video Content Analysis Mashinnoe (komp'iuternoe) zrenie Sistemy videoanalitiki [Computer Vision Video Content Analysis Machine (computer) vision Video analytics systems] (2025). *Tadviser*. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8B_%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8 [Accessed 09 April 2025].
19. Internet Crime Complaint Center (IC3) (2025). *FBI*. Available at: <https://www.ic3.gov/> [Accessed 09 April 2025].
20. Isaacson W. (2022). *The Code Breaker*. Available at: <https://www.labirint.ru/books/965920> [Accessed 09 April 2025].
21. Kaspersky Machine Learning for Anomaly Detection (2025). *Kaspersky*. Available at: <https://mlad.kaspersky.ru/> [Accessed 09 April 2025].

УДК 343.1**Информационные технологии и специальные компетенции
следователя при производстве процессуальных действий****Храпенкова Евгения Юрьевна**

Аспирант,

Красноярский государственный аграрный университет,
660049, Российская Федерация, Красноярск, просп. Мира, 90;
e-mail: Sosna_evgeniya@mail.ru

Бертовский Лев Владимирович

Доктор юридических наук,

Красноярский государственный аграрный университет,
660049, Красноярский край, город Красноярск, просп. Мира, 90;
e-mail: bg11980@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы и перспективы применения информационных технологий в деятельности следователя при осуществлении процессуальных действий. Анализируются правовые пробелы в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, касающиеся цифровых доказательств, а также недостаточная регламентация процедур изъятия, хранения и аутентификации электронной информации. Сделан вывод о необходимости институциональной трансформации следственной практики в условиях цифровизации уголовного судопроизводства.

Для цитирования в научных исследованиях

Храпенкова Е.Ю., Бертовский Л.В. Информационные технологии и специальные компетенции следователя при производстве процессуальных действий // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 516-525.

Ключевые слова

Информационные технологии, следователь, цифровые доказательства, уголовный процесс, специальные компетенции, криминалистика, законодательство, УПК РФ.

Введение

Растущая цифровизация общественной и частной жизни напрямую повлияла на системы уголовного правосудия, требуя глубокой трансформации процессуальных механизмов и методов расследования. В Российской Федерации эта трансформация выявила серьезные несоответствия между существующими нормами уголовного судопроизводства и оперативными реалиями, с которыми сталкиваются следователи, работающие в технологически насыщенной среде. Поскольку цифровые следы становятся ключевыми элементами в раскрытии преступной деятельности, роль следователя должна выйти за рамки юридических знаний и включить ряд специализированных цифровых компетенций. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) обеспечивает правовую основу для следственных действий, включая обыск, выемку и сбор доказательств [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ, [www](http://www.legal-act.ru)]. Однако многие его положения, в частности статьи 82, 182 и 183 УПК РФ, по-прежнему основаны на предположениях о материальных, вещественных доказательствах. Эти статьи не содержат достаточных указаний по работе с цифровыми носителями, зашифрованными файлами или данными, хранящимися на иностранных серверах. Например, статья 82 УПК РФ регулирует хранение и копирование вещественных доказательств, но не требует криминалистического сохранения метаданных или хэш-аутентификации, которые имеют решающее значение для поддержания целостности электронных доказательств [там же].

Основная часть

Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет общие принципы управления информацией и доступа к ней [Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ, [www](http://www.legal-act.ru)], но не устраняет процессуальный разрыв в отношении цифровых доказательств в уголовных расследованиях. Как отмечали в своем анализе профессор Сергей Васильевич Зуев и Анатолий Игоревич Зазулин, интеграции следователя, обладающих знаниями в сфере информационных технологий, в среду уголовного судопроизводства, эта нормативная фрагментация оставляет следователей без единой методологии работы с цифровыми доказательствами, что подрывает как законность, так и эффективность [Зуев, Зазулин, 2024].

С практической точки зрения использование информационных технологий в следственных действиях требует расширения квалификации следователя. По словам В.С. Качур, цифровые технологии являются не вспомогательными инструментами, а важнейшими компонентами современной процессуальной работы. Теперь от следователей ожидают выполнения задач, связанных с облачными сервисами, криминалистикой мобильных устройств и анализом цифровых коммуникаций в рамках рутинных процедур [Качур, 2019]. Это ожидание подразумевает профессиональный стандарт, который нынешняя система институционального обучения часто не обеспечивает.

Риски, связанные с недостаточной цифровой компетентностью, не являются теоретическими. Как утверждает Н.Ю. Волосова в своем исследовании этических последствий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, некритическое использование цифровых инструментов без юридического и технического понимания ставит под угрозу процессуальную легитимность всего расследования [Волосова, 2023]. Поэтому следователи

должны понимать как техническое функционирование таких инструментов, так и их процессуальные ограничения, гарантируя, что ни один элемент процесса сбора доказательств не подрывает права подозреваемых или целостность судебного надзора.

Одной из главных проблем является отсутствие обязательных протоколов цифровой судебной экспертизы. Хотя такие стандарты, как ГОСТ Р 58296-2018, содержат руководящие принципы криптографической защиты и анализа цифровых доказательств [ГОСТ Р 58296-2018 «Информационные технологии. Криптографическая защита информации. Методики проведения экспертизы информационных систем», [www](#)], они остаются необязательными в рамках уголовного судопроизводства. Следовательно, допустимость таких доказательств часто зависит от дискреционных решений отдельных следователей или региональной практики, а не от единых правовых стандартов.

Процедурные формальности, связанные с обыском и изъятием, особенно уязвимы при применении к цифровым доказательствам. Поскольку УПК РФ не регламентирует извлечение информации из зашифрованных устройств или удаленных хранилищ, следователи могут полагаться на импровизированные методы или непроверенные программные решения. Это вносит существенную неопределенность в процессуальный статус доказательств. Более того, как указано в постановлении Правительства № 2040 о создании федеральной информационной системы «Правосудие», цифровые коммуникационные платформы все чаще используются в уголовном судопроизводстве [Постановление Правительства РФ от 03.12.2020 № 2040, [www](#)], однако они работают без единых протоколов аутентификации и защиты от подмены личности.

В практике российского уголовного судопроизводства на протяжении последних лет поднимается вопрос о допустимости применения психофизиологических исследований с использованием полиграфа в качестве доказательств. Верховный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях указывает на то, что результаты тестирования с применением полиграфа не соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном процессе. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, доказательствами признаются полученные в установленном законом порядке сведения, имеющие значение для уголовного дела и подвергшиеся проверке. Между тем полиграф не обеспечивает объективных и воспроизводимых результатов, его данные подвержены влиянию внешних и субъективных факторов, а методика не обладает достаточной научной верифицированностью. В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и в позиции судов кассационной инстанции подчеркивается, что заключения по итогам тестирования на полиграфе не могут рассматриваться в качестве экспертных заключений, поскольку не соответствуют критериям научности, воспроизводимости и допустимости доказательственной информации в рамках статьи 74 УПК РФ.

Данную правовую позицию иллюстрирует один из наиболее резонансных судебных процессов последних лет – уголовное дело в отношении бывшего губернатора Хабаровского края Сергея Ивановича Фургала, осужденного в 2023 году к 22 годам лишения свободы по обвинению в организации убийств предпринимателей в 2004–2005 годах. В ходе предварительного расследования по инициативе следователя по особо важным делам Юрия Буртового было назначено комплексное психолого-лингвистическое исследование с применением компьютерных программ LVA (Layered Voice Analysis, Израиль) и FaceReader (Нидерланды), анализирующих голос и мимику обвиняемого. В результате анализа были выявлены сотни так называемых «индикаторов неискренности», которые легли в основу экспертного заключения. Однако данная практика вызвала масштабную критику со стороны

научного и экспертного сообщества. Заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики РГУП Т.В. Моисеева отметила, что используемые методики не имеют нормативного закрепления в российской системе судебных экспертиз и не прошли достаточной научной апробации. Адвокаты Фургала и ряд юристов подчеркнули, что подобные эксперименты с применением иностранных технологий не могут быть признаны допустимыми доказательствами, поскольку они не отвечают требованиям ни Закона о государственной судебно-экспертной деятельности, ни положениям УПК РФ, ни научному консенсусу о допустимости таких методов в уголовном процессе.

Таким образом, пример дела Фургала С.И. подтверждает правомерность критики в адрес практики использования полиграфа и других аналогичных методов в качестве доказательств. В отсутствие научной верификации, утвержденной методологии и единых стандартов оценки любые данные, полученные с применением полиграфа или визуально-эмоционального анализа, могут быть рассмотрены только как ориентировочная информация, но не как надлежащее доказательство в уголовном процессе.

В своей диссертации «Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности» профессор, доктор юридических наук Лев Владимирович Бертовский обосновывает необходимость выделения в криминалистике самостоятельного объекта – преступного нарушения правил экономической деятельности, охватывающего как правомерную, так и запрещенную хозяйственную деятельность, сопровождающуюся нарушением нормативных предписаний. Автор предлагает собственное определение этой категории преступлений и строит теоретическую модель, объединяющую уголовно-правовые, криминалистические и процессуальные аспекты. Он указывает на то, что данная группа преступлений обладает высоким уровнем латентности, а действующие методы выявления и расследования не обеспечивают их эффективного преследования. Особое внимание уделяется разработке криминалистической характеристики таких преступлений, включающей типичные способы совершения, слеодообразующие обстоятельства, личности правонарушителей, а также применяемые способы инсценировки и методы сокрытия. В диссертации вводятся и раскрываются новые научные понятия – «криминальный продукт» (материальный результат преступной экономической деятельности) и «криминалистическая инсценировка» как дезинформационная система, направленная на введение следствия в заблуждение. Автор разрабатывает методику выявления и фиксации таких объектов, предлагает типовую информационную модель расследования дел данной категории и дает рекомендации по тактике следственных действий. Значительная часть исследования посвящена вопросам сравнительного криминалистического анализа и построения общих методик расследования, применимых к различным видам экономических преступлений. Работа профессора Л.В. Бертовского представляет собой комплексное исследование, направленное на совершенствование как теоретической базы криминалистики, так и практики выявления, фиксации и доказывания преступлений, связанных с нарушением установленных правил экономической деятельности.

Еще один уровень сложности возникает, когда следователи используют искусственный интеллект при анализе допросов или поведенческом профилировании. А.А. Емелина, пишущая о будущем искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, подчеркивает, что, хотя такие технологии могут повысить эффективность процесса, они остаются нерегулируемыми с точки зрения допустимости и требуют тщательной этической и методологической калибровки [Емелина, 2024]. Отсутствие законодательной ясности относительно того, являются ли выводы,

полученные с помощью искусственного интеллекта, вспомогательной информацией или фактическими доказательствами, налагает на следователя тяжелое бремя по интерпретации и применению таких инструментов законным образом.

Принцип процессуальной прозрачности также требует переосмысления в контексте цифровых расследований. Профессоры Л.А. Шестакова и М.Е. Кочнев отмечают, что использование цифровых технологий без надлежащей доказательной документации часто приводит к нарушениям прав обвиняемых и подрывает доказательную ценность критически важных данных [Шестакова, Кочнев, 2024]. Поэтому следователи должны гарантировать, что сбор, передача и хранение цифровой информации регистрируются таким образом, чтобы обеспечить прослеживаемость и внешнюю проверку.

Институциональные последствия значительны. Следователи должны действовать как юристы-практики и технические операторы одновременно, понимая цифровые протоколы связи, инструменты судебной визуализации и децентрализованные информационные системы [Приказ Следственного комитета РФ от 19.12.2022 № 91, [www](#)]. Однако, как показывает практика, такие приказы не обеспечивают достаточного исполнения и оставляют место для непоследовательного толкования и неравномерной реализации.

Подводя итог, можно сказать, что использование информационных технологий в процессуальных действиях является не вопросом удобства, а структурной необходимостью. Правовая система должна развиваться, чтобы предоставлять точные указания по работе с цифровыми доказательствами, а следователи должны быть оснащены междисциплинарными компетенциями, которые соответствуют этой новой реальности. Без такой трансформации процессуальные действия с использованием цифровых следов будут по-прежнему юридически хрупкими и технически неадекватными, что снизит как эффективность расследования, так и процессуальную справедливость.

Взаимодействие процессуальной системы с цифровой реальностью не просто подразумевает использование передовых инструментов, но и фундаментально меняет структуру и логику следственной деятельности. Следователь больше не ограничен традиционными правовыми категориями доказательств и должен работать в преходящей, нематериальной области, где данные не статичны, а динамичны, часто децентрализованы и уязвимы для несанкционированного изменения. Поскольку цифровые следы становятся все более распространенными в качестве источников доказательств, их надлежащее получение, интерпретация и документирование требуют обновленных процессуальных гарантий и пересмотренной институциональной стратегии. Ключевым препятствием остается отсутствие обязательных процессуальных норм, касающихся аутентификации и сохранения электронных данных. Хотя существующее законодательство допускает копирование и хранение цифровых материалов во время следственных действий [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ, [www](#)], оно не предписывает конкретных методов сохранения их доказательной ценности, таких как криминалистическая визуализация или применение хэш-алгоритмов для обеспечения целостности данных. Хотя существуют национальные стандарты криптографической защиты и цифровой экспертизы [ГОСТ Р 58296-2018, [www](#)], они не интегрированы в процессуальное право, оставляя следователей без последовательного или обязательного протокола. В результате допустимость цифровых доказательств часто зависит от того, обладает ли отдельный следователь достаточными техническими знаниями и удовлетворяет ли документация общим требованиям надежности и проверяемости.

Процессуальная уязвимость возрастает в контексте удаленных следственных действий, которые быстро становятся нормой из-за развития официальных цифровых платформ. Несмотря на введение федеральной системы судебной информации [Постановление Правительства РФ от 03.12.2020 № 2040, [www](#)], многие процессуальные сценарии остаются лишь слабо регулируемы. Например, хотя видеодопрос разрешен, действующая правовая база не дает четких инструкций по обеспечению проверки личности участника, безопасной передаче аудиовизуального контента или поддержанию цепочки процессуального контроля во время удаленного взаимодействия. Эта непоследовательность ставит под угрозу надежность результатов и увеличивает риск процессуальных проблем на более поздних этапах.

Юридический формализм в цифровых контекстах оказывается недостаточным, когда технологические условия кардинально меняют метод и среду действия. Поиск и изъятие данных, хранящихся в распределенных сетях или зашифрованных форматах, не могут проводиться в соответствии с теми же процедурами, которые применяются к физическим помещениям или объектам. Следователям часто приходится проводить быструю техническую оценку сложных систем без какой-либо предварительной подготовки, полагаясь либо на внешних специалистов, либо на недостаточные общие знания. Такая зависимость от неформального принятия решений приводит к процессуальному неравенству и увеличивает вероятность нарушения прав. Действующие правовые нормы не обязывают присутствовать судебных экспертов во время изъятия электронной информации, а также не требуют технических протоколов для записи таких операций [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ, [www](#); Приказ Следственного комитета РФ от 19.12.2022 № 91, [www](#)].

Усугубляет проблему отсутствие законодательного определения таких категорий, как цифровой след, метаданные или виртуальная инфраструктура, несмотря на их частую процессуальную значимость. Отсутствие таких определений препятствует формированию устойчивой практики толкования в следственных органах, судах и экспертных учреждениях. Без общего юридического языка и методологии цифровые доказательства подвержены фрагментации, противоречивым оценкам и непоследовательному применению процессуальных гарантий. Следователи сталкиваются со значительными трудностями при внедрении данных с онлайн-платформ, облачных хранилищ или служб обмена сообщениями в уголовное судопроизводство. Действующие нормы не в полной мере регулируют способы, с помощью которых эти данные могут быть запрошены, извлечены и аутентифицированы. Институциональный ответ должен начинаться с профессиональной реформы. Роль следователя требует перестройки не только с точки зрения квалификации, но и с точки зрения процессуальной ответственности. Техническая компетентность больше не может рассматриваться как вспомогательный актив; она должна быть интегрирована в необходимое ядро следственной подготовки. Выполнение процессуальных действий в цифровой среде – это не просто юридический процесс, это также технический акт, требующий знания архитектуры системы, судебно-медицинского программного обеспечения и конкретных уязвимостей, связанных с цифровой средой. Без этого процессуальные результаты становятся произвольными и уязвимыми для юридической недействительности.

Внедрение алгоритмических систем в следственную работу еще больше усложняет нормативную среду. Инструменты искусственного интеллекта для поведенческого анализа, семантического сравнения текстов или распознавания личности все чаще используются на предварительных этапах расследования. Однако в настоящее время ни одна процессуальная

норма не определяет их правовой статус и не устанавливает критерии приемлемости их результатов [Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ, [www](#); Емелина, 2024; Волосова, 2023]. Это ставит следователей в шаткое положение, когда они могут использовать такие системы для принятия решений, но не могут четко установить доказательную обоснованность этих результатов в суде. Такая ситуация создает не только процессуальную неопределенность, но и стратегический риск, поскольку результаты дела могут зависеть от нерегулируемых и непрозрачных технологических процессов. Этические и правовые проблемы также возникают в связи со сбором данных с цифровых платформ. Растущая зависимость от социальных сетей, служб личных сообщений и удаленных баз данных требует строгого соблюдения как национальных законов об информации, так и международных стандартов конфиденциальности и пропорциональности [Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ, [www](#)]. Следователи должны гарантировать, что их действия оправданы, необходимы и соразмерны тяжести предполагаемого преступления. Однако такую пропорциональность трудно оценить в отсутствие точных процессуальных правил, регулирующих доступ к цифровой информации и объем допустимого вторжения в частную цифровую среду.

Заключение

Усилия по решению обозначенных выше проблем должны включать скоординированную законодательную реформу. Процессуальное право должно включать конкретные положения о цифровых доказательствах: включая их изъятие, судебно-медицинское сохранение, аутентификацию и представление в суде. Технические стандарты не могут оставаться в области рекомендаций — они должны стать обязательными процессуальными инструментами, признанными и требуемыми для всех следователей, работающих с цифровыми данными. Кроме того, юридическое образование и профессиональная подготовка должны отражать этот сдвиг. Без оснащения следователей необходимыми междисциплинарными навыками процессуальное право останется оторванным от оперативных требований современного уголовного расследования.

Эволюция следственной практики больше не является вопросом институциональной модернизации, — это конституционный императив. Достоверность процессуальных результатов, права обвиняемых и авторитет судебных постановлений зависят от способности следователей выполнять действия, которые не только юридически обоснованы, но и технологически компетентны. Пока правовая система не примирит свою нормативную структуру с реалиями цифровой преступности и доказательств, процессуальное правосудие останется уязвимым к техническому устареванию и нормативной недостаточности. Таким образом, трансформация роли следователя является не факультативным нововведением, а основополагающим условием легитимности современного уголовного процесса.

Библиография

1. Бертовский Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Моск. гос. юрид. акад., 2005. 577 с.
2. Верховный Суд Российской Федерации. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 2 февраля 2023 г. № 19-УД22-34-А3 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.04.2025).
3. Волосова Н.Ю. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве и формирование новой этики правосудия // Международная ассоциация содействия правосудию. 2023. URL: <https://www.iaaj.net/node/3360> (дата обращения: 02.04.2025).

4. ГОСТ Р 58296-2018 «Информационные технологии. Криптографическая защита информации. Методики проведения экспертизы информационных систем» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2025).
5. Емелина А.А. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном процессе // Law Afterknown: право за гранью обыденного: материалы III Международного молодежного юридического форума (Тюмень, 16–18 мая 2024 г.) Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 222–228.
6. Зуев С.В., Зазулин А.И. IT-следователь в цифровой среде уголовного судопроизводства // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 48–54.
7. Качур В.С. Информационные технологии в следственной деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4. С. 123–130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-sledstvennoy-deyatelnosti> (дата обращения: 02.04.2025).
8. Коммерсантъ. «Суд поддакивает машине»: дело Сергея Фургала пополнилось заключением по мимике и голосу // Коммерсантъ. 2021. № 133. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4829033> (дата обращения: 10.04.2025).
9. О федеральной государственной информационной системе «Правосудие»: постановление Правительства РФ от 03.12.2020 № 2040 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2025).
10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 04.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2025).
11. Об утверждении Инструкции по организации видеозаписи следственных действий: приказ Следственного комитета РФ от 19.12.2022 № 91 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2025).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 12.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.04.2025).
13. Шестакова Л.А., Кочнев М.Е. Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве РФ // Юридический аналитический журнал. 2024. Т. 19. № 1. С. 15–25.

Information technologies and special competencies of the investigator in the production of procedural actions

Evgeniya Yu. Khrapenkova

Postgraduate Student,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
660049, 90 Mira ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: Sosna_evgeniya@mail.ru

Lev V. Bertovskii

Doctor of Law,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
660049, 90 Mira ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: bg11980@yandex.ru

Abstract

The article explores the challenges and prospects of using information technologies by investigators in the execution of procedural actions. It examines the legal gaps in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning digital evidence, as well as the insufficient regulation of procedures for the seizure, storage, and authentication of electronic information. The article concludes that institutional transformation of investigative practice is essential in the context of criminal justice digitalization.

For citation

Khrapenkova E.Yu., Bertovskii L.V. (2025) Informatsionnye tekhnologii i spetsial'nye kompetentsii sledovatelya pri proizvodstve protsessual'nykh deistvii [Information technologies and special competencies of the investigator in the production of procedural actions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 516-525.

Keywords

Information technologies, investigator, digital evidence, criminal procedure, special competencies, criminalistics, legislation, CPC RF.

References

1. Bertovskii L.V. (2005) Problemy teorii i praktiki vyyavleniia i rassledovaniia prestupnogo narusheniia pravil ekonomicheskoi deiatel'nosti: dis. ... d-ra iurid. nauk [Problems of Theory and Practice of Detection and Investigation of Criminal Violations of Economic Activity Rules: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow: Moscow State Legal Academia.
2. Emelina A.A. (2024) Perspektivy ispol'zovaniia iskusstvennogo intellekta v ugovnom protsesse [Prospects for Using Artificial Intelligence in Criminal Proceedings]. In: Law Afterknown: pravo za gran'iu obydenno: materialy III Mezhdunarodnogo molodezhnogo iuridicheskogo foruma (Tiumen', 16–18 maia 2024 g.) [Law Afterknown: Law Beyond the Ordinary: Proceedings of the III International Youth Legal Forum (Tyumen, May 16–18, 2024)]. Tyumen: TiumGU-Press Publ., pp. 222-228.
3. Federal'nyi zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 04.07.2023) «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiakh i o zashchite informatsii» [Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 (as amended on July 4, 2023) "On Information, Information Technologies and Information Protection"]. SPS «KonsultantPlius» [SPS Consultant]. Available at: <https://www.consultant.ru> [Accessed: 01.04.2025].
4. GOST R 58296-2018 «Informatsionnye tekhnologii. Kriptograficheskaiia zashchita informatsii. Metodiki provedeniia ekspertizy informatsionnykh sistem» [GOST R 58296-2018 "Information Technology. Cryptographic Information Protection. Methods for Conducting Information Systems Expertise"]. SPS «KonsultantPlius» [SPS Consultant]. Available at: <https://www.consultant.ru> [Accessed: 01.04.2025].
5. Kommersant". (2021) «Sud poddakivaet mashine»: delo Sergeia Furgala popolnilos' zakliucheniem po mimike i golosu ["The Court Nods Along with the Machine": The Case of Sergei Furgal Supplemented with a Conclusion on Facial Expressions and Voice]. Kommersant" [Kommersant], 133. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4829033> [Accessed: 10.04.2025].
6. Kachur V.S. (2019) Informatsionnye tekhnologii v sledstvennoi deiatel'nosti [Information Technologies in Investigative Activities]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Pravo [Bulletin of Tver State University. Series: Law], 4, pp. 123–130. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-sledstvennoy-deyatelnosti> [Accessed: 02.04.2025].
7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 03.12.2020 № 2040 «O federal'noi gosudarstvennoi informatsionnoi sisteme "Pravosudie"» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 2040 of December 3, 2020 "On the Federal State Information System 'Justice'"]. SPS «KonsultantPlius» [SPS Consultant]. URL: <https://www.consultant.ru> [Accessed: 01.04.2025].
8. Prikaz Sledstvennogo komiteta RF ot 19.12.2022 № 91 «Ob utverzhdenii Instruksii po organizatsii videozapisi sledstvennykh deistvii» [Order of the Investigative Committee of the Russian Federation No. 91 of December 19, 2022 "On Approval of the Instruction on Organizing Video Recording of Investigative Actions"]. SPS «KonsultantPlius» [SPS Consultant]. Available at: <https://www.consultant.ru> [Accessed: 01.04.2025].
9. Shestakova L.A., Kochnev M.E. (2024) Problemy i perspektivy ispol'zovaniia tsifrovyykh tekhnologii v ugovnom sudoproizvodstve RF [Problems and Prospects of Using Digital Technologies in Criminal Proceedings of the Russian Federation]. Iuridicheskii analiticheskii zhurnal [Legal Analytical Journal], 19(1), pp. 15-25.
10. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 12.10.2023) [Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on October 12, 2023)]. SPS «KonsultantPlius» [SPS Consultant]. Available at: <https://www.consultant.ru> [Accessed: 01.04.2025].
11. Verkhovnyi Sud Rossiiskoi Federatsii. (2023) *Opredelenie Sudebnoi kollegii po ugovnym delam ot 2 fevralia 2023 g. № 19-UD22-34-A3* [Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of February 2, 2023 No. 19-UD22-34-A3]. SPS «KonsultantPlius» [SPS Consultant]. Available at: <https://www.consultant.ru> [Accessed: 16.04.2025].

-
12. Volosova N.Yu. (2023) Perspektivy ispol'zovaniia iskusstvennogo intellekta v ugovnom sudoproizvodstve i formirovanie novoi etiki pravosudiia [Prospects for Using Artificial Intelligence in Criminal Proceedings and the Formation of a New Ethics of Justice]. Mezhdunarodnaia assotsiatsiia sodeistviia pravosudiiu [International Association for Promoting Justice]. Available at: <https://www.iuaj.net/node/3360> [Accessed: 02.04.2025].
 13. Zuev S.V., Zazulin A.I. (2024) IT-sledovatel' v tsifrovoi srede ugovnogo sudoproizvodstva [IT-Investigator in the Digital Environment of Criminal Proceedings]. Pravoporiadok: istoriia, teoriia, praktika [Law and Order: History, Theory, Practice], 2(41), pp. 48–54.

УДК 343.988**Криминологический анализ личности жертвы мошенничества,
совершаемого с использованием сети Интернет****Ховатов Антон Анатольевич**

Адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России,
198206, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1;
e-mail: anton-khovatov98@mail.ru

Аннотация

В настоящее время в России наблюдается устойчивая тенденция к росту преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Эта динамика подтверждает актуальность исследования вопросов, касающихся предупреждения мошенничеств, совершаемых с использованием сети Интернет. В представленной статье автор анализирует личность жертвы мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет, и вырабатывает криминологический портрет потерпевшего от данного преступления. Автором резюмируется, что анализ личности жертвы является отправным началом и обязательным элементом системы виктимологической профилактики мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет.

Для цитирования в научных исследованиях

Ховатов А.А. Криминологический анализ личности жертвы мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 526-533.

Ключевые слова

Личность жертвы, мошенничество, сеть Интернет, информационные технологии, виктимологическая профилактика.

Введение

Согласно статистическому отчету МВД России о состоянии преступности в России за январь – декабрь 2024 года, в 2024 году было зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года, [www](http://www.fedstat.ru)]. Статистика также указывает на устойчивый ежегодный рост числа подобных преступлений. Так, за период с января по декабрь 2024 года их количество увеличилось на 13,1% по сравнению с тем же периодом 2023 года.

Указанные сведения отражают острую проблему несостоятельности существующей системы предупреждения преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, поскольку данные преступления имеют ежегодную тенденцию к росту.

Мошенничество является одним из распространенных преступлений в сфере информационных технологий (далее – ИТ). Использование различных систем и программ, в том числе и сети Интернет, делает ИТ удобным инструментом для осуществления преступного умысла при совершении мошеннических действий.

Рассматривая проблему предупреждения мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выявлена необходимость в разработке системы виктимологической профилактики мошенничеств, совершаемых с использованием сети Интернет, поскольку именно она является одной из основ снижения роста совершаемых преступлений данного вида.

Основная часть

Отечественная криминология говорит о виктимологии с двух позиций: как о науке, изучающей личность жертвы преступления, характер и содержание ее поведения, нравственно-психологический облик потерпевшего, роль жертвы в механизме преступного поведения [Вишневецкий, 2010, 211]; или как об одном из направлений (отраслей) криминологии. Необходимо подчеркнуть, что сегодня, вне зависимости от точки зрения на данную проблематику, российские исследователи единодушно признают важность виктимологических исследований.

Виктимология фокусируется на изучении количественных и качественных, статистически значимых характеристик виктимизации, а также на индивидуальной предрасположенности к становлению лица в роли жертвы преступления, то есть на неспособности избежать или эффективно противостоять преступному посягательству в ситуациях, где это объективно представлялось возможным.

Виктимология интересуется происхождением, личностью, характером, полом, возрастом, психическим состоянием, духовными свойствами, физическими признаками жертвы и ее семейными, профессиональными и общественными отношениями. Особенно она стремится к тому, чтобы выяснить роль жертвы в ситуации, предшествующей совершению преступления, и ее вклад в генезис преступления [Мумаев, 2007, 51].

Повышение эффективности виктимологической профилактики мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет, в первую очередь требует анализа личности жертвы данного преступления, поскольку проведение профилактических мер невозможно без

понимания облика потерпевшего.

С целью определения «портрета» личности жертвы мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет, целесообразным представляется исследовать количественные показатели о половозрастных характеристиках, об уровне образования и семейном положении потерпевших от совершения мошенничества с использованием сети Интернет. Для этого были проанализированы статистические сведения о мошенничестве, совершаемом с использованием сети Интернет, на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области с 2020 по 2024 год¹, полученные из Информационного центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также изучены материалы 180 уголовных дел, находящихся в производстве дознания и следственных подразделений ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Пол. Согласно статистическим сведениям о мошенничестве, совершаемом с использованием сети Интернет, на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области с 2020 по 2024 год было 89333 потерпевших от совершения данного преступления. При этом соотношение мужчин и женщин составило 44% и 56% соответственно.

Также последние 5 лет наблюдается характерное преобладание и стабильная динамика роста количества потерпевших женского пола (рис. 1).

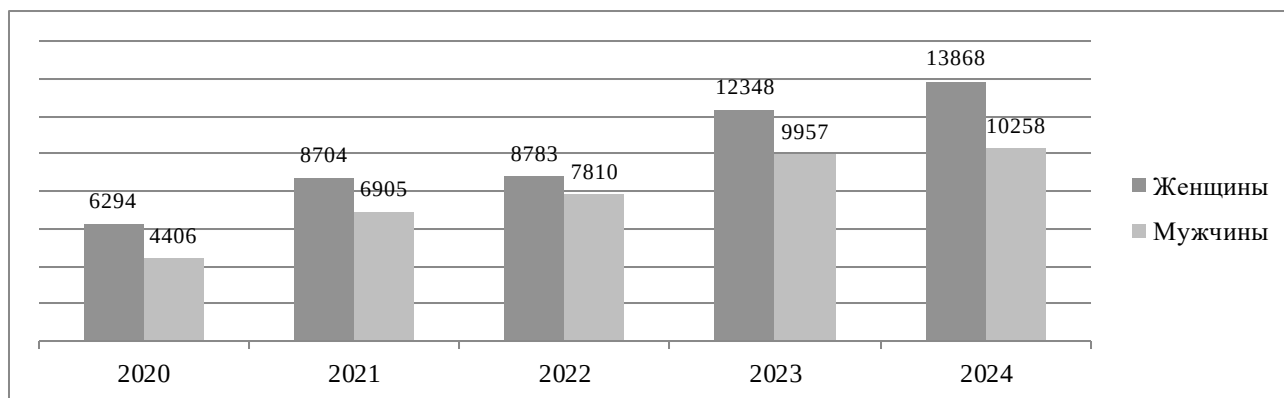

Рисунок 1 – Количество потерпевших женского и мужского пола от мошенничества, совершенного с использованием сети Интернет, на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области с 2020 по 2024 год

Преобладание женщин среди жертв подобных преступлений может быть связано с большей эмоциональностью, а также с повышенной активностью женщин как покупателей в интернет-магазинах, где оплата часто осуществляется прямыми переводами между физическими лицами.

Возраст. Указанный аспект личности потерпевших наиболее наглядно отражен автором в виде диаграммы на рисунке 2.

Исходя из представленных на диаграмме данных, большинство потерпевших (33554 человек) от данного преступления с 2020 по 2024 год имели возраст от 30 до 49 лет. Более того, суммарное количество потерпевших в возрасте от 25-29 лет и 30-49 лет составляет 41219 человек, или 46,1% от общего числа потерпевших всех возрастных категорий. Причинами

¹ Статистические данные получены в ходе профессиональной деятельности автора на основании запроса № 411 от 27.03.2025.

виктимизации этих возрастных категорий могут быть:

1. Высокая экономическая активность этой группы населения, поскольку они часто используют различные сервисы по покупке и продаже товаров и услуг в сети Интернет, а также практически ежедневно осуществляют переводы денежных средств.

2. Повышенная мобильность и постоянный стресс, связанные с современным ритмом жизни. Потерпевшие данной возрастной категории ввиду отсутствия времени, наличия высокой рабочей нагрузки и иных причин менее внимательно относятся к проверке безопасности и надежности интернет-ресурсов, а также продавцов и покупателей в сети Интернет, стараясь минимизировать время, которое может быть затрачено на осуществление транзакции.

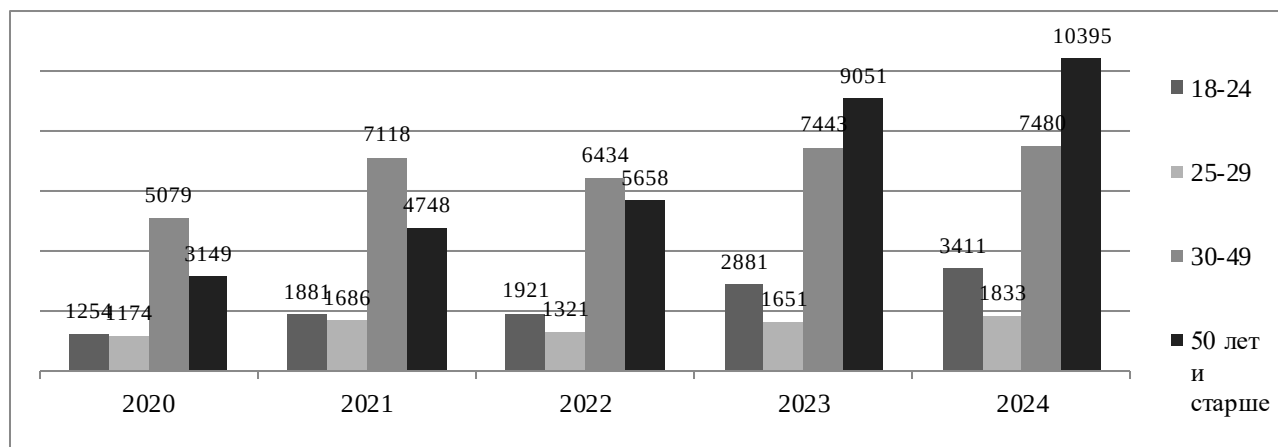

Рисунок 2 – Возраст потерпевших от мошенничества, совершенного с использованием сети Интернет, на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области с 2020 по 2024 год

Данные, представленные на рисунке 2, указывают на то, что в 2023-2024 годах наблюдается существенный рост числа потерпевших возрастом от 50 и старше. Более того, в 2023-2024 годах наибольшее количество потерпевших от данного преступления относилось именно к возрастной категории от 50 лет и старше.

Следует отметить, что виктимизация данной возрастной категории происходит несмотря на то, что данной группе населения, менее склонной к импульсивным решениям, имеющей серьезный жизненный опыт, стремящейся сохранить привычный образ жизни, все же приходится сталкиваться с современными информационно-телекоммуникационными технологиями, которые поглощают практически все сферы жизнедеятельности общества и возрастные категории граждан. Как правило, потерпевшие данной возрастной группы недавно познакомились с особенностями функционирования и использования сети Интернет и в связи с этим относятся менее внимательно к интернет-ресурсам и более доверчиво к иным пользователям сети Интернет, нежели представители иных возрастных категорий.

Возрастная категория от 18 до 24 лет характеризуется тем, что у молодежи в данном возрасте уже есть собственный доход, хотя зачастую небольшой. Они проявляют высокую социальную активность, постоянно используют социальные сети и осведомлены об особенностях функционирования информационно-телекоммуникационных систем. В этой связи данная возрастная категория имеет относительно низкий уровень виктимности и менее подвержена мошенничеству, совершаемому с использованием сети Интернет. Однако, несмотря

на то, что количество потерпевших возрастной категории от 18 до 24 лет составляет всего 12,7% от общего числа потерпевших, за последние 5 лет количество потерпевших данной возрастной категории имеет стабильную динамику к росту. Это может быть продиктовано желанием представителей данной возрастной группы сэкономить или удовлетворить потребности, которые, как правило, возникают именно в этом жизненном периоде.

К примеру, большинство фактов совершения мошенничества с использованием сети Интернет в отношении граждан в возрасте с 18 до 24 лет происходит по следующей мошеннической схеме. Молодой человек, желая приобрести определенный товар или услугу, находит сайт в сети Интернет или группу в социальной сети, в которой искомый товар или услуга продается дешево или ниже рыночной стоимости. Для того чтобы приобрести данный товар или услугу, ему нужно осуществить предоплату или полную оплату путем осуществления денежного перевода на указанные мошенником банковские реквизиты. После того как лицо перевело денежные средства, а желаемый товар или услуга не были получены, человек осознает, что стал жертвой мошенников. Как правило, для совершения мошенничества злоумышленники создают заведомо ложные объявления на торговых онлайн-площадках (Авито; Юла и т.д.), сайты в сети Интернет или группы в социальных сетях несуществующих магазинов одежды, рассылают сообщения в социальных сетях о бесплатных или дешевых услугах (к примеру, предложения с бесплатной фотосессией с необходимостью оплаты или предоплаты бронирования фотостудии)².

Возрастная группа потерпевших от 14 до 17 лет имеет наименьшую виктимность (0,3% от общего числа потерпевших), поскольку представители данной возрастной категории, как правило, не имеют собственных денежных средств и банковских карт, а крупные финансовые операции проводятся их родителями или под их руководством.

Образование. Социальная ценность личности во многом определяется уровнем ее образования. Образование формирует жизненные установки, ценностные ориентации, мотивацию, цели, привычки, модели поведения и способы реагирования на различные жизненные ситуации. В этой связи невозможно исследование личности потерпевшего без обращения к его уровню образования.

В 2024 году Банком России был проведен опрос 429063 физических лиц о степени удовлетворенности населения уровнем безопасности финансовых услуг, оказываемых организациями кредитно-финансовой сферы (далее – опрос Банком России) [Кибермошенничество: портрет пострадавшего, www]. По результатам данного опроса были предложены отдельные характеристики портрета пострадавшего от кибермошенничества. По результатам опроса жертва от кибермошенничества имела следующий уровень образования: высшее образование – 32,4%; среднее образование – 42,7%; начальное образование – 24,9%.

Наличие среднего или среднего профессионального образования у большинства потерпевших от мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет, также подтверждается данными полученными в ходе ознакомления с материалами 180 уголовных дел, находящихся в производстве следственных подразделений и подразделений дознания ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в 2025 году.

² Сведения получены в ходе ознакомления с материалами 180 уголовных дел, находящихся в производстве следственных подразделений и подразделений дознания ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в 2025 году.

Результаты опроса и данные материалов уголовных дел сходятся с мнением исследователей-криминологов о том, что одного только факта получения высшего образования самого по себе недостаточно для снижения виктимности [Камко, 2020, 101]. Уровень образования не может быть главенствующим звеном в определении виктимности той или иной группы населения. Это обуславливается еще и тем, что специфика совершения рассматриваемого мошенничества и наиболее распространенные мошеннические схемы направлены на неопределенный круг граждан и могут охватывать всевозможные сферы интересов граждан вне зависимости от имеющегося образования. Исследование уровня образования потерпевших от мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет, дает возможность сделать вывод о необходимости проведения профилактических мероприятий по снижению виктимности населения от мошенничеств в сфере высоких технологий в образовательных учреждениях как начального, так и среднего и высшего уровней.

Род деятельности (социальное положение). Согласно статистическим сведениям о мошенничестве, совершаемом с использованием сети Интернет, на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области с 2020 по 2024 год, потерпевшие на момент совершения данного преступления являлись: рабочими – 44,3%; лицами без постоянного источника дохода – 18,4%; учащимися или студентами – 3,5%; служащими коммерческой или иной организации – 3,3%.

Также по результатам опроса Банком России 46,2% пострадавших от мошенничества имели средний уровень дохода.

Данное распределение указывает на очевидную взаимосвязь в возрасте потерпевших и их роде деятельности, поскольку наиболее экономически активная часть населения от 25 до 49 лет, которая располагает постоянным источником доходов, являясь официально трудоустроенными, осуществляет большинство финансовых операций и покупок с помощью сети Интернет, тем самым наиболее подвержена совершению в отношении них мошенничества.

Заключение

Таким образом, проведя анализ личности жертвы данного преступления, представляется возможным сформулировать криминологический портрет потерпевшего от мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет. Это, как правило, лицо женского пола (56%), возрастом от 25 до 49 лет (46,1%), имеющее среднее или среднее профессиональное образование, а также постоянный источник доходов, осуществляющее трудовую деятельность на рабочих специальностях.

Выработанный в ходе анализа криминологический портрет личности потерпевшего от мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет, подтверждается результатом опроса 429063 физических лиц, проведенного в 2024 году Банком России. Согласно нему, в 2024 году жертвами мошенников чаще всего становились работающие женщины со средним уровнем дохода и средним образованием, которые проживают в городе и имеют постоянную занятость [Кибермошенничество: портрет пострадавшего, www.fsb.ru].

Благодаря анализу личности жертвы мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет, становится ясным портрет лица, имеющего большую индивидуальную предрасположенность к виктимизации от данного преступления. Понимание портрета «жертвы» является отправным началом системы криминологической профилактики мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет, и дает возможность

выработать актуальные индивидуально-профилактические меры прикладного характера, которые помогут защитить граждан от данного мошенничества.

Библиография

1. Вишневецкий К.В. Место виктимологической теории в криминологии / К. В. Вишневецкий // Общество и право. 2010. № 1(28). С. 208-213.
2. Камко А.С. Предупреждение мошенничества с использованием телекоммуникационных и компьютерных сетей: дисс. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2020. 228 с.
3. Кибермошенничество: портрет пострадавшего. URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024 (дата обращения 15.05.2025).
4. Мумаев С.М.С. Понятие виктимологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2007. № 2. С. 48-52.
5. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> (дата обращения: 13.05.2025).

Criminological analysis of the identity of the victim of fraud committed using the Internet

Anton A. Khovатов

Postgraduate Student,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, 1 Letchika Pilyutova atr., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: anton-khovatov98@mail.ru

Abstract

Currently, there is a steady upward trend in crimes committed using information and telecommunication technologies in Russia. This dynamic confirms the relevance of the study of issues related to the prevention of fraud committed using the Internet. In the presented article, the author analyzes the identity of the victim of fraud committed using the Internet and develops a criminological portrait of the victim of this crime. The author summarizes that the analysis of the victim's identity is the starting point and an essential element of the victimological prevention system for fraud committed using the Internet.

For citation

Khovатов A.A. (2025) Kriminologicheskii analiz lichnosti zhertvy moshennichestva, sovershaemogo s ispol'zovaniem seti Internet [Criminological analysis of the identity of the victim of fraud committed using the Internet]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 526-533.

Keywords

The identity of the victim, fraud, the Internet, information technology, victimological prevention.

References

1. Kamko A.S. (2020) Preduprezhdenie moshennichestva s ispol'zovaniem telekommunikatsionnykh i komp'iuternykh setei. Dokt. Diss. [Prevention of Fraud Using Telecommunication and Computer Networks: Doct. Diss.]. Vladivostok.
2. Kibermoshennichestvo: portret postradavshogo [Cyber Fraud: Portrait of the Victim]. Available at: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024 [Accessed: 15.05.2025].
3. Mumaev S.M.S. (2007) Poniatie viktimologii [The Concept of Victimology]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Iuridicheskie nauki [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences], 2, pp. 48-52.
4. Sostoianie prestupnosti v Rossii za ianvar' – dekabr' 2024 goda [State of Crime in Russia for January – December 2024] Available at: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> [Accessed: 13.05.2025].
5. Vishnevetskii K.V. (2010) Mesto viktimologicheskoi teorii v kriminologii [The Place of Victimological Theory in Criminology]. Obshchestvo i pravo [Society and Law], 1(28), pp. 208-213.

УДК 34**Риски и профилактика профессиональной
деформации сотрудников оперативного отдела
уголовно-исполнительной системы****Кряжева Светлана Геннадьевна**

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: kryazheva_sg@mail.ru

Москвитина Мария Михайловна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: moskvitina.m.m@fsin.gov.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В представленном материале рассматриваются риски профессиональной деформации, возникающие у сотрудников оперативных отделов уголовно-исполнительной системы в процессе их профессиональной деятельности. Уточняется понятийно-категориальный аппарат термина «профессиональная деформация», определяются детерминирующие факторы, способствующие развитию данного явления, анализируется специфика возникающих изменений личности. Предлагаются стратегии и методы профилактики профессиональной деформации, направленные на поддержание профессиональной компетентности, эмоциональной устойчивости и общего благополучия сотрудников оперативных подразделений УИС. Описываются основные последствия профессиональной деформации в работе оперативного сотрудника, подчеркивается необходимость комплексного подхода в проведении профилактических мероприятий, включающих в себя мероприятия кадрового, воспитательного и психологического характера. Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника должна начинаться с повышения качества профессионально-психологического отбора кандидатов на эту должность, определяя степень профессиональной пригодности будущего работника, и продолжаться на всех этапах несения им службы. В статье подчеркивается особая роль руководителя в профилактике профессиональной деформации подчиненных сотрудников,

определяются основные направления деятельности, способствующие эффективной профилактике данного явления.

Для цитирования в научных исследованиях

Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Слабкая Д.Н. Риски и профилактика профессиональной деформации сотрудников оперативного отдела уголовно-исполнительной системы // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 534-542.

Ключевые слова

Профессиональная деформация; уголовно-исполнительная система, оперуполномоченный оперативного отдела; профессиональная деятельность; деформация личности; профессионально-психологический отбор; руководитель.

Введение

Профессиональная деятельность в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) предъявляет особые требования к профессионализму сотрудников, учитывая их образовательный и культурный уровень, развитие коммуникативных и морально-нравственных качеств, а также нервно-психической устойчивости [Красинская, 2019]. Профессия оперативного сотрудника уголовно-исполнительной системы не является исключением.

Деятельность сотрудников оперативных отделов УИС сопряжена с высоким уровнем стресса, конфликтными ситуациями, моральной и физической нагрузкой. Специфика работы, включающая необходимость взаимодействия с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, а также постоянное столкновение с криминальной средой, создает предпосылки для развития профессиональной деформации. Профессиональная деформация представляет собой комплекс негативных изменений личности, возникающих под воздействием длительного выполнения профессиональных обязанностей. Эти изменения могут проявляться в различных формах, включая эмоциональное выгорание, цинизм, деперсонализацию, снижение профессиональной мотивации и развитие негативных установок.

Основная часть

Основным направлением деятельности оперативных подразделений учреждений и органов УИС является выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания, а одними из главных задач, стоящими перед оперативными сотрудниками, являются: укрепление правопорядка и предотвращение роста преступности в пенитенциарной системе, обеспечение личной безопасности осужденных, персонала данных учреждений и иных лиц, а также повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности [Кряжева, 2023].

Работая в сложных, часто «экстремальных» условиях, оперативный сотрудник должен не только эффективно справляться с ними, но и качественно выполнять свои профессиональные обязанности. Именно поэтому к профессионально важным качествам, способствующим эффективному выполнению оперативной деятельности, принято относить: инициативность, развитые интеллектуальные, волевые и коммуникативные способности, организованность, эмоциональная устойчивость, стрессоустойчивость, физическая выносливость, пониженный

уровень тревожности и др. Поскольку служебная деятельность сопровождается физическим и эмоциональным напряжением, сотрудникам УИС необходимо обладать достаточным уровнем развития психологических и психофизиологических качеств, выражающимся в сформированности их эмоциональной устойчивости [Мешкова, 2025].

Но, вместе с тем, даже при наличии всех перечисленных выше качеств существует вероятность их изменения или деформирования ввиду влияния самой этой профессиональной деятельности. В таких случаях говорят о профессиональной деформации.

Профессиональная деформация – это усвоение субъектом профессиональной деятельности качеств, склонностей и навыков, которые отрицательно сказываются на выполнении им своих профессиональных обязанностей. Кроме того, профессиональная деформация оказывает влияние и на жизнедеятельность субъекта, не связанную с выполнением им своих трудовых функций, влияет на особенности восприятия и поведение его в обычной жизни, на его ценностные ориентиры, нравственные установки. В целом, деформация затрагивает образ мышления и стиль общения [Кулакова и др. 2014].

Можно выделить следующие факторы, способствующие профессиональной деформации личности оперуполномоченного:

- факторы, обусловленные спецификой профессиональной деятельности (детальная регламентация деятельности, наличие властных полномочий, корпоративность, длительное и частое общение с лицами, поддерживающими криминальную субкультуру и др.);
- факторы, связанные с особенностями личности специалиста и его профессиональной подготовленностью (недостаточный профессиональный опыт и профессиональная подготовленность, признаки дезадаптации, недоразвитие профессионально важных качеств др.).

Среди субъективных предпосылок, порождающих профессиональную деформацию личности оперуполномоченного, важное место занимает его нравственное и культурное развитие [Безносков, 2008]. Именно низкий нравственный и культурный уровень создает психологическую предрасположенность к появлению и закреплению деформированных качеств. А.Р. Ратинов утверждал, что эти качества необходимо формировать еще на раннем этапе становления профессиональной деятельности сотрудника силовых структур, расширяя круг его интересов, способствуя устойчивости его нравственных убеждений, а также делая акцент на повышение общекультурного уровня развития сотрудника [Ратинов, 2008].

Деятельность оперуполномоченного оперативного отдела, которая, как уже ранее было отмечено, связана с достаточно сложными условиями службы, также сопровождается дефицитом времени, физическими нагрузками, ненормированным рабочим днем, конфликтными ситуациями и вынужденным общением с подозреваемыми, обвиняемыми или недобросовестными свидетелями. Данные обстоятельства, безусловно, могут детерминировать возникновение серьезных последствий, а также способствовать формированию первых признаков профессиональной деформации, к которым можно отнести:

- систематическая невнимательность;
- шаблонность мышления, проявляющаяся в рассуждениях и действиях;
- формализм в выполнении своих должностных обязанностей;
- равнодушие и безразличие к людям и их судьбам;
- правовой нигилизм;
- злоупотребление и необоснованное использование служебных полномочий в собственных интересах;

- карьеризм или стремление выслужиться перед руководством любой ценой;
- повышенная подозрительность, недоверчивость и др.

Необходимо отметить, что такое качество как подозрительность, являясь одной из наиболее важных составляющих профессиональной деятельности оперуполномоченного, при чрезмерном проявлении может становиться признаком профессиональной деформации. Оперуполномоченный, страдающий предубеждениями, часто не способен беспристрастно исполнять служебные обязанности, что может приводить к предвзятости, необъективности и, в конечном счете, к нагнетанию как социально-психологической обстановки в среде осужденных, так и расшатыванию взаимоотношений в коллективе сотрудников. Подобная ситуация может становиться причиной нарушений дисциплины, а в дальнейшем привлечению к ответственности невиновных лиц.

Существуют и иные виды грубых ошибок в оперативной работе, которые могут быть вызваны профессиональной деформацией:

- ошибки, связанные с выбором неверной линии поведения оперативным сотрудником и направлений работы;
- ошибки психофизиологического характера;
- ошибки в установлении психологического контакта с подозреваемым, обвиняемым, осужденными или иными лицами вплоть до его полного отсутствия.

Последний вид ошибок часто связан как с незнанием основных закономерностей общения, так и с невнимательностью к индивидуальным личностным особенностям допрашиваемых.

Безусловно, при выполнении своих профессиональных обязанностей оперуполномоченному оперативного отдела необходимо иметь знания о психологических особенностях преступников разных категорий, специфике совершенных ими преступлений, психологических чертах, которые могли сыграть наиболее существенную роль в совершении преступления. Разумеется, в рамках уголовного процесса могут и должны изучаться не все психологические особенности обвиняемого, а только имеющие принципиальное значение для уголовного дела. Однако обвинительные заключения должны все же составляться с учетом требований о всестороннем изучении личности обвиняемого, а не содержать в себе только формальные выводы.

Особенное внимание должно уделяться личности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных анализу фактов, связанных с различными периодами развития их личности, с особенностями социально-психологического климата в их семье и школе, со складывающимися отношениями между несовершеннолетним обвиняемым и его сверстниками, учителями, родными, а также с фактами участия несовершеннолетнего в каких-либо неформальных группах.

Именно при появлении признаков профессиональной деформации индивидуальным особенностям личности подозреваемых, обвиняемых и осужденных уделяется все меньше внимания, что может приводить к нарушению прав граждан, отказу гражданам в их законных требованиях, формализму в работе. Согласно исследованию ФКУ НИИ ФСИН России еще в 2014 году было установлено, что профессиональное выгорание и как следствие деформация сотрудников воспитательных колоний является одним из факторов, способствующих усвоению ими элементов криминальной субкультуры [Кулакова и др., 2015]. То есть вместо профилактики и борьбы с данным феноменом сотрудник становится его носителем.

Главным в организации профилактических мероприятий является необходимость заблаговременного выявления первых признаков профессиональной деформации и их

своевременная коррекция. Профессиональная деформация не является неотвратимой и лучше поддается коррекции на ранних стадиях формирования [Дедкова, 2019]. Степень профессиональной деформации зависит, прежде всего, от личностных особенностей субъекта и от объективных условий, в которых он осуществляет свою трудовую деятельность.

Профилактика профессиональной деформации должна начинаться с повышения качества отбора кандидатов на эту должность, определяя степень профессиональной пригодности будущего сотрудника. Кроме того, профилактические мероприятия должны продолжаться и на всех последующих этапах несения службы уже действующими сотрудниками, включая в себя мониторинг социально-психологического климата в рабочих коллективах, проведение психологических и воспитательных мероприятий с сотрудниками на начальных этапах профессионального формирования, способствуя их успешной социально-психологической адаптации, а также с сотрудниками, уже имеющими признаки профессиональной деформации.

При этом профилактическая работа должна строиться не только с самим сотрудником, но и, по возможности, с его непосредственным социальным окружением (семья, коллеги и т.д.). Устойчивый, сплоченный коллектив и отсутствие серьезных проблемных вопросов в семейной сфере – это важные условия первичной профилактики профессиональной деформации.

Особую роль в проведении профилактической работы играет руководитель. Именно от деятельности руководителей, от примера, подаваемого своим сотрудникам, часто зависит степень деформированности их подчиненных. Именно поэтому они должны понимать не только сущность данного явления, но и представлять себе его последствия, связанные не только с единичными сотрудниками, но и с показателями деятельности отделов в целом.

Руководителем могут использоваться следующие мероприятия по профилактике профессиональной деформации личного состава:

- своевременное выявление и нивелирование проблемных вопросов в деятельности своих подчиненных сотрудников;
- создание устойчивого благоприятного социально-психологического климата в коллективе сотрудников;
- организация качественного профессионально-психологического отбора кандидатов на службу;
- организация мероприятий по удержанию высококвалифицированных специалистов;
- организация приемлемых условий труда;
- участие в личной жизни сотрудников, помощь в решении трудных жизненных ситуаций, включая и те, что не связаны с их непосредственной трудовой деятельностью;
- контроль за соответствием уровня квалификации сотрудников с занимаемой ими должностями;
- проведение индивидуальной и групповой воспитательной работы с сотрудниками, направленной на развитие у них общей и профессиональной культуры;
- создание у подчиненных сотрудников установки на сознательное соблюдение моральных и этических принципов и норм поведения;
- организация активного отдыха и культурно-массовых мероприятий для сотрудников и др.

Интересно отметить, что, согласно исследованию, приведенному в статье Л. В. Мешковой, была выявлена взаимосвязь между профессиональной деформацией и особенностями ценностно-регулятивной сферы личности сотрудников оперативных подразделений УИС, а также отмечено стремление сотрудников опираться на внешние ресурсы при утрате личностного

потенциала в процессе профессиональной деформации [Мешкова, 2024], что звучит достаточно оптимистично.

Заключение

Таким образом, профилактика профессиональной деформации должна включать в себя мероприятия кадрового, воспитательного и психологического характера, а организация эффективной правовой и социально-психологической работы должна начинаться еще на этапе отбора кандидатов на службу и продолжаться на всех этапах несения службы действующими сотрудниками, включая в себя своевременный мониторинг социально-психологического климата в рабочих коллективах, проведение мероприятий с сотрудниками на начальных этапах профессионального формирования, а также с сотрудниками, уже имеющими признаки профессиональной деформации.

Библиография

1. Безносков С. П. Профессиональная деформация личности. СПб., 2008.
2. Воробьева, М. А. Профессиональная деформация специалистов и ее профилактика / М. А. Воробьева // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 2. – С. 22-27. – EDN TROLAD.
3. Габараев, А. Ш. Реализация профессионального воспитания в учреждениях уголовно-исполнительной системы, на примере осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества / А. Ш. Габараев, А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Педагогический журнал. – 2020. – Т. 10, № 4-1. – С. 167-173. – DOI 10.34670/AR.2020.82.56.025. EDN VMWEXO.
4. Дедкова Е. В. Профессиональная деформация личности следователя и пути ее преодоления // Психология личности. Сборник научных трудов. Магнитогорск, 2019. С. 194-200.
5. Карнаухова, А. О. Профессиональные деформации личности сотрудников УИС с разным стажем службы / А. О. Карнаухова // Молодой ученый. – 2017. – № 1(135). – С. 399-404. – EDN XIFIUP.
6. Красинская Е. С. Профессиональная деформация личности и факторы, вызывающие ее развитие у сотрудников следственных подразделений органов внутренних дел // Modern science. 2019. № 6-1. С. 105-108.
7. Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е. Изучение личности пожизненно осужденного как условие эффективной оперативно-розыскной профилактики [Электронный ресурс]// Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 127-142. DOI:10.17759/psylaw.2023130210
8. Кулакова С. В., Фадеева К. Ф., Мешкова Л. В., Чурилова И. А. Психологические аспекты развития профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы // Психология управления в органах внутренних дел: становление методологии и помощь практике : Сборник материалов международной научно-практической конференции, Москва, 15 декабря 2014 года. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. – С. 115-121.
9. Кулакова С. В., Фадеева К. Ф., Москвитина М. М., Дикопольцев Д. Е. Профессиональное выгорание как один из факторов, способствующих усвоению сотрудниками воспитательных колоний элементов криминальной субкультуры // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний : Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров Н.А. Стручкова и М.П. Мелентьева, Рязань, 24 апреля 2015 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2015. – С. 278.
10. Мешкова Л. В. Обусловленность эмоциональной устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы особенностями их профессиональной деятельности // Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования : Сборник статей круглого стола, Москва, 26 декабря 2024 года. – Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2025. – С. 147-150.
11. Мешкова, Л. В. Взаимосвязь профессиональной деформации и ценностно-регулятивной сферы личности сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы // Антропология. – 2024. – № 2(14). – С. 43-47.
12. Новиков, А. В. Особенности психологической подготовленности сотрудников уголовноисполнительной системы к выполнению профессиональных обязанностей / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2020. – Т. 9, № 3-1. – С. 63-68. – DOI 10.34670/AR.2020.48.97.007. – EDN TJSXEX.

13. Психолого-педагогическое противодействие процессу профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы / С. В. Кулакова, А. В. Новиков, А. Н. Панфилов, Д. Н. Слабкая ; Казанский федеральный университет. – Москва : ФКУ НИИ ФСИН России, 2018. – 191 с. – ISBN 9875990424487. – EDN YPYEPB.
14. Слабкая, Д. Н. Педагогические меры профилактики влияния деструктивных молодежных субкультур на несовершеннолетних лиц / Д. Н. Слабкая, А. В. Новиков // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12, № 6-2. – С. 1007-1014. – DOI 10.34670/AR.2022.27.77.131. – EDN LIXNFU.
15. Шляпина, С. Ф. Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности: факторы и повышение квалификации как мера профилактики / С. Ф. Шляпина // ЦИТИСЭ. – 2023. – № 4(38). – С. 468-478. – DOI 10.15350/2409-7616.2023.4.43. – EDN HBIOLQ.

Risks and Prevention of Professional Deformation Among Operational Department Staff in the Penal System

Svetlana G. Kryazheva

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kryazheva_sg@mail.ru

Mariya M. Moskvitina

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: moskvitina.m.m@fsin.gov.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

This study examines the risks of professional deformation among operational staff in the penal system during their professional activities. The research clarifies the conceptual framework of "professional deformation," identifies determining factors contributing to its development, and analyzes specific personality changes. The authors propose prevention strategies and methods aimed at maintaining professional competence, emotional stability, and overall well-being of operational department personnel. The paper describes the main consequences of professional deformation in operational work and emphasizes the need for a comprehensive preventive approach incorporating personnel management, educational, and psychological measures. Prevention should begin with improving professional-psychological selection of candidates to assess their suitability and continue

throughout their service. The study highlights supervisors' crucial role in preventing professional deformation among subordinates and outlines key preventive measures.

For citation

Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Slabkaya D.N. (2025) Riski i profilaktika professional'noi deformatsii sotrudnikov operativnogo otdela ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Risks and Prevention of Professional Deformation Among Operational Department Staff in the Penal System]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 534-542.

Keywords

Professional deformation; penal system; operational department officer; professional activity; personality deformation; professional-psychological selection; supervisor

References

1. Beznosov S. P. Professional'naya deformatsiya lichnosti. SPb., 2008.
2. Vorob'eva, M. A. Professional'naya deformatsiya specialistov i ee profilaktika / M. A. Vorob'eva // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2015. – № 2. – S. 22-27. – EDN TROLAD.
3. Gabaraev, A. Sh. Realizatsiya professional'nogo vospitaniya v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, na primere osuzhdennykh knakazaniyam, ne svyazannymy izolatsiej ot obshchestva / A. Sh. Gabaraev, A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Pedagogicheskij zhurnal. – 2020. – T. 10, № 4-1. – S. 167-173. – DOI 10.34670/AR.2020.82.56.025. – EDN VMWEXO.
4. Dedkova E. V. Professional'naya deformatsiya lichnosti sledovatelya i puti ee preodoleniya // Psihologiya lichnosti. Sbornik nauchnykh trudov. Magnitogorsk, 2019. S. 194-200.
5. Karnauhova, A. O. Professional'nye deformatsii lichnosti sotrudnikov UIS s raznym stazhem sluzhby / A.O. Karnauhova // Molodoj uchenyj. – 2017. – № 1(135). – S. 399-404. – EDN XIFIUP.
6. Krasinskaya E. S. Professional'naya deformatsiya lichnosti i faktory, vyzyvayushchie ee razvitie u sotrudnikov sledstvennykh podrazdelenij organov vnutrennih del // Modern science. 2019. № 6-1. S. 105-108.
7. Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopol'cev D.E. Izuchenie lichnosti pozhiznenno osuzhdennogo kak uslovie effektivnoj operativno-rozysknoj profilaktiki [Elektronnyj resurs] // Psihologiya i pravo. 2023. Tom 13. № 3. C. 127-142. DOI:10.17759/psylaw.2023130210
8. Kulakova S. V., Fadeeva K. F., Meshkova L. V., Churilova I. A. Psihologicheskie aspekty razvitiya professional'noj deformatsii sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Psihologiya upravleniya v organah vnutrennih del: stanovlenie metodologii i pomoshch' praktike : Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 15 dekabrya 2014 goda. – Moskva: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2014. – S. 115-121.
9. Kulakova S. V., Fadeeva K. F., Moskvitina M. M., Dikopol'cev D. E. Professional'noe vygoranie kak odin iz faktorov, sposobstvuyushchih usvoeniyu sotrudnikami vospitatel'nykh kolonij elementov kriminal'noj subkul'tury // Aktual'nye problemy ugolovno-ispolnitel'nogo prava i ispolneniya nakazaniy : Materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati professorov N.A. Struchkova i M.P. Melent'eva, Ryazan', 24 aprelya 2015 goda. Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2015. – S. 278.
10. Meshkova L. V. Obuslovlennost' emocional'noj ustojchivosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy osobennostyami ih professional'noj deyatel'nosti // Ekstremal'naya psihologiya i pedagogika: sovremennye tendencii i perspektivnye issledovaniya : Sbornik statej kruglogo stola, Moskva, 26 dekabrya 2024 goda. – Tver': FKU NIIT FSIN Rossii, 2025. – S. 147-150.
11. Meshkova, L. V. Vzaimosvyaz' professional'noj deformatsii i cennostno-regulyativnoj sfery lichnosti sotrudnikov operativnykh podrazdelenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Antropogogika. – 2024. – № 2(14). – S. 43-47.
12. Novikov, A. V. Osobennosti psihologicheskoy podgotovlennosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy k vypolneniyu professional'nykh obyazannostej / A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Psihologiya. Istoriiko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. – 2020. – T. 9, № 3-1. – S. 63-68. – DOI 10.34670/AR.2020.48.97.007. – EDN TJSXEX.
13. Psihologo-pedagogicheskoe protivodejstvie processu professional'nogo vygoraniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy / S. V. Kulakova, A. V. Novikov, A. N. Panfilov, D. N. Slabkaya ; Kazanskij federal'nyj universitet. – Moskva : FKU NII FSIN Rossii, 2018. – 191 s. – ISBN 9875990424487. – EDN YPYEPB.

-
14. Slabkaya, D. N. Pedagogicheskie меры профилактики влияния деструктивных молодежных субкультур на несовершеннолетних лиц / D. N. Slabkaya, A. V. Novikov // Pedagogicheskij zhurnal. – 2022. – Т. 12, № 6-2. – С. 1007-1014. – DOI 10.34670/A.R.2022.27.77.131. – EDN LIXNFU.
 15. Shlyapina, S. F. Emotsional'noe vygoranie v professional'noj deyatel'nosti: faktory i povyshenie kvalifikacii kak mera профилактики / S. F. Shlyapina // CITISE. – 2023. – № 4(38). – С. 468-478. – DOI 10.15350/2409-7616.2023.4.43. – EDN HBIOLQ.

УДК 34**Криминалистические аспекты процесса доказывания адвоката-защитника****Макевнин Александр Иванович**

Соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
кафедра криминалистики и правовой информатики,
Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: smakevnin83@mail.ru

Аннотация

В статье раскрываются криминалистические аспекты процесса доказывания в деятельности адвоката-защитника по уголовным делам. Особое внимание автором уделено криминалистическим методам и тактикам, используемым адвокатом при формировании и проверке защитительной версии, оценке допустимости и относимости доказательств, а также критической экспертизе материалов следствия. Анализируются ключевые проблемы криминалистического характера, связанные с ограничениями адвоката в применении криминалистических приемов из-за отсутствия принудительных полномочий и низкого доверия к доказательствам, собранным стороной защиты. Автор подчеркивает важность криминалистических знаний и умений защитника для обеспечения состязательности уголовного процесса, раскрывает пути повышения эффективности адвокатской деятельности путем внедрения современных криминалистических рекомендаций и методов. Предлагаются конкретные изменения в законодательстве и тактические подходы для усиления криминалистической составляющей в адвокатской практике.

Для цитирования в научных исследованиях

Макевнин А.И. Криминалистические аспекты процесса доказывания адвоката-защитника // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 543-552.

Ключевые слова

Криминалистика, адвокат-защитник, доказывание, состязательность, уголовное судопроизводство, экспертиза, правовой статус, тактика защиты.

Введение

Криминалистические аспекты участия адвоката-защитника в процессе доказывания в современных условиях приобретают особую актуальность. Нормы статьи 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ, 2001] декларируют принцип состязательности и равноправия сторон, что предполагает наличие у адвоката формально одинакового набора возможностей по сбору и проверке доказательств, сопоставимых с полномочиями стороны обвинения. На практике, однако, механизм реализации права адвоката на самостоятельный сбор доказательств (ст. 86 УПК РФ) сталкивается с рядом препятствий: отсутствием принудительных полномочий, недоверием органов предварительного следствия к «адвокатским доказательствам» и сложностями при привлечении квалифицированных специалистов. В научной литературе продолжаются дискуссии относительно того, насколько криминалистика должна включать в свой предмет профессионально-адвокатские аспекты, ведь исторически данная наука ориентировалась, прежде всего, на деятельность органов следствия и другие государственные институты. Однако сегодня становится очевидным, что единство закономерностей сбора, исследования и использования доказательств дает основания рассматривать криминалистику как область знаний, имеющую равное значение как для стороны обвинения, так и для стороны защиты.

Гипотеза исследования заключается в том, что внедрение и развитие криминалистических приемов и методик в адвокатской практике способны существенно повысить качество правосудия в уголовном процессе, поскольку расширяют доказательственную базу стороны защиты и обеспечивают более полную реализацию принципа состязательности.

Цель исследования заключается в том, чтобы показать, как использование криминалистических знаний и навыков может усилить позицию адвоката-защитника в процессе доказывания, а также выявить практические и законодательные пути совершенствования института адвокатского расследования и участия защитника в уголовном судопроизводстве.

Для достижения поставленной цели использовался комплекс общенаучных и частнонаучных методов исследования, включающий системно-структурный подход, метод сравнительно-правового анализа, анализ судебной практики.

Представленная автором статья показывает, что криминалистические аспекты в деятельности адвоката-защитника имеют фундаментальное значение для обеспечения равноправия сторон и состязательности в уголовном процессе. Результаты проведенного исследования могут стать основой для дальнейших научно-практических дискуссий и способствовать улучшению качества правосудия при рассмотрении уголовных дел.

Обсуждение результатов

Криминалистические аспекты процесса доказывания адвоката-защитника представляют собой сложный и многоуровневый феномен, отражающий сущность состязательного принципа уголовного судопроизводства, заложенного как в Конституции Российской Федерации [Конституция Российской Федерации, 2020], так и в нормах УПК РФ. Суть рассматриваемого вопроса заключается в том, что адвокат-защитник, обладая формально закрепленными правами и обязанностями, действует в условиях, когда органам предварительного следствия и

прокуратуры предоставлен более широкий набор возможностей по сбору и проверке доказательств. При этом право адвоката самостоятельно собирать доказательства, закрепленное в части 3 статьи 86 УПК РФ, нередко сталкивается с проблемами практического характера, препятствующими полноценному осуществлению функции защиты.

Так, принцип состязательности, декларированный в статье 15 УПК РФ, предполагает формирование равных правовых возможностей для обеих сторон, однако в российской правоприменительной практике адвокатская деятельность по сбору и представлению доказательств до сих пор нередко воспринимается в суде и органами следствия как производная и менее значимая по сравнению с доказательственной деятельностью стороны обвинения. Одна из причин заключается в том, что следователь, дознаватель и прокурор наделены властными полномочиями по истребованию документов, проведению следственных действий, назначению экспертиз, применению мер процессуального принуждения. Адвокат, будучи свободным в формировании собственной тактики защиты, тем не менее поставлен в узкие рамки, обусловленные статусом защитника, необходимостью действовать исключительно в интересах доверителя и одновременно придерживаться правовых и этических норм, закрепленных как в УПК РФ, так и в Федеральном законе от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ, 2022].

Криминалистическая сущность адвокатского участия в доказывании во многом определяется способностью адвоката-защитника выявлять, фиксировать, исследовать и правильно интерпретировать фактические данные, которые могут иметь оправдательное значение или, как минимум, способствовать смягчению ответственности обвиняемого. Научно-практический интерес здесь вызывают различные вопросы адвокатской работы, а именно, структура защитительной версии, механизм сбора доказательств, оценка достоверности полученной информации, использование специальных знаний при заказе альтернативных экспертиз. Криминалистика, будучи наукой о закономерностях собирания, исследования и использования доказательств, предоставляет определенную методическую базу, которой адвокат может пользоваться для того, чтобы грамотно выстроить стратегию и тактику защиты. Однако, как указывает О.Я. Баев, до сих пор остается дискуссионным вопрос о том, насколько целесообразно выделять в рамках криминалистики отдельное направление, посвященное именно профессиональной деятельности защитника [Баев, 2017, 93]. Одни авторы полагают, что адвокатское участие в доказывании не может считаться объектом криминалистической науки, поскольку цели стороны защиты отличаются от целей стороны обвинения [Бормотова, 2012, 265]. Другие указывают на необходимость методической систематизации криминалистических приемов, которые применяются защитниками при сборе и анализе доказательств, ссылаясь на то, что в криминалистике изучаются общие закономерности процесса раскрытия истины, которые применимы и в рамках защиты [Джумагулова, Калбаев, 2020, 190].

Как указывает Р.С. Белкин, оценка позиции адвоката-защитника в состязательном судопроизводстве показывает, что основной стратегией данной деятельности является противодействие версии обвинения в той части, в которой она не соответствует реальным фактам или не подкреплена надлежащими доказательствами [Белкин, 2001, 237]. Стратегия противодействия базируется на нескольких общих положениях. Во-первых, адвокат стремится выявить несостоятельность обвинительных аргументов, указывая на ошибки следствия (например, при проведении опознания, обыска или выемки). Во-вторых, защитник выстраивает собственную версию, доказывая отсутствие состава преступления, непричастность доверителя

к инкриминируемому деянию или наличие обстоятельств, смягчающих вину. При этом важнейшую роль играет фиксация контр доказательств, то есть адвокат должен не просто предъявить суду фактические данные, но и обеспечить их допустимость и относимость в соответствии со статьями 74–89 УПК РФ, регламентирующими процесс доказывания и правила оценки доказательств.

Криминалистические аспекты здесь наиболее явно прослеживаются в том, как адвокат выстраивает линию опровержения улик, собранных следствием. Применение криминалистических знаний адвокатом напрямую связано с оценкой вещественных доказательств, следов преступления, протоколов следственных действий, заключений экспертов и показаний свидетелей. Например, если сторона обвинения в обоснование вины ссылается на результаты дактилоскопической экспертизы, адвокат-защитник обязан проанализировать методику ее проведения, соответствие исследованных отпечатков установленным методическим стандартам, наличие у экспертного учреждения необходимых лицензий и квалифицированных специалистов. То же самое касается и почерковедческой, трасологической, биологической и других разновидностей экспертиз. Адвокат, исходя из принципов криминалистической идентификации, может указывать на недопустимость выводов, если, к примеру, следователь не обеспечил достаточный объем образцов для сравнительного исследования или если применялась методика, не имеющая надлежащего научного обоснования. Такие замечания при правильном юридическом обосновании и грамотной аргументации способны существенно изменить обвинительную версию. В качестве примеров можно привести Апелляционное постановление Курского областного суда Курской области от 20 февраля 2020 г. по делу № 1-45/2019 [Апелляционное постановление Курского областного суда Курской области от 20 февраля 2020 г. по делу № 1-45/2019, [www](#)], Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда Краснодарского края от 8 апреля 2024 г. по делу № 22-1822/2024 [Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда Краснодарского края от 8 апреля 2024 г. по делу № 22-1822/2024, [www](#)] и др.

Существенное значение приобретает вопрос об адвокатском расследовании, возможность которого прямо вытекает из положений УПК РФ о праве защитника собирать доказательства путем получения объяснений, запроса характеристик, предметов и иных документов, а также путем привлечения специалистов для консультаций и заключений. Однако реализация этого права на согласованной со всеми доступными фактическими данными и непротиворечивой относительно закона. Однако проверка версии сопряжена с особыми трудностями, поскольку адвокат не располагает полномочиями принудительного характера. В результате некоторые вопросы версии защиты могут остаться недостаточно изученными на предварительном следствии, их приходится раскрывать уже в суде путем заявления ходатайств о допросе новых свидетелей, истребовании дополнительных материалов и т.д. Однако даже в таком случае суды достаточно часто отказывают в удовлетворении таких ходатайств стороны защиты. В качестве примера можно привести Апелляционное постановление Сосновского районного суда Тамбовской области от 6 июля 2020 г. по делу № 10-2/2020 [Апелляционное постановление Сосновского районного суда Тамбовской области от 6 июля 2020 г. по делу № 10-2/2020, [www](#)].

Практика показывает, что важнейшей составляющей криминалистической деятельности адвоката является умение участвовать в производстве следственных действий, инициированных стороной обвинения. Адвокат должен тщательно следить за процессуальным порядком их проведения, чтобы при выявлении нарушений своевременно заявить ходатайство об

исключении недопустимых доказательств. Нередко именно процессуальные нарушения при проведении допросов, обысков, выемок, предъявлений для опознания дают защитнику значительный простор для обоснованной критики итоговых результатов следствия. Так, при проверке протокола допроса адвокат может указывать на несоблюдение требований статей 164–166 УПК РФ, на искажение содержания показаний, на неполный учет обстоятельств, способствующих объективной оценке действий подозреваемого или обвиняемого. В качестве примера можно привести Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 24 мая 2023 г. по делу № 22-865/2023 [Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 24 мая 2023 г. по делу № 22-865/2023, [www](#)].

При этом адвокат, выстраивая собственную криминалистическую тактику, способен выступать инициатором ходатайств о проведении повторной или дополнительной экспертизы, если считает, что заключение эксперта по делу не отражает всей полноты исследования. В такого рода ходатайствах защитник должен грамотно мотивировать свое требование, ссылаясь на недостатки методики исследования, на необходимость предоставления эксперту дополнительных материалов или образцов. Суд или следователь в соответствии с УПК РФ обязан рассмотреть такое ходатайство и принять решение, которое либо удовлетворит просьбу стороны защиты, либо откажет ей с указанием причин. В случае отказа адвокат имеет право обжаловать такое решение, если считает, что оно противоречит интересам клиента и препятствует всестороннему и объективному рассмотрению дела. В качестве примера можно привести Апелляционное постановление Белгородского областного суда от 5 октября 2020 г. по делу № 3/10-43/2020 [Апелляционное постановление Белгородского областного суда от 5 октября 2020 г. по делу № 3/10-43/2020, [www](#)].

Еще одним важным вопросом является взаимодействие адвоката со специалистами и экспертами. Согласно положениям УПК РФ и Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат-защитник вправе привлекать специалистов для консультаций, оценки доказательств, подготовки заключений, которые могут быть представлены в суд. Указанное особенно актуально, когда речь идет о сложных для восприятия судом технических, медицинских, экономических или иных специальных вопросах, требующих детальной экспертизы. В рамках криминалистической деятельности адвоката подобное взаимодействие дает возможность внедрять сложные научно-технические методы исследования, обеспечивать альтернативную оценку собранных следствием улик. Нередко заключения специалистов, работающих по просьбе адвоката, становятся убедительным контрдоводом против выводов экспертов, привлеченных стороной обвинения.

Существенной криминалистической проблемой является и отстаивание адвокатом той позиции, которую выбранная подзащитным стратегия может диктовать независимо от мнения самого защитника. Нередки ситуации, когда обвиняемый или подсудимый настаивает на версии, вызывающей сомнения у адвоката. Фактически в подобном случае защитнику необходимо искать компромисс между своими представлениями об оптимальной стратегии и волей доверителя, ведь Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и соответствующие нормы профессиональной этики запрещают адвокату выступать против позиции своего клиента. Права адвоката здесь ограничены, он обязан разъяснить подзащитному возможные последствия выбранной линии поведения, однако не может действовать вразрез с волей клиента. С

криминалистической точки зрения это означает, что формирование и проверка версии защиты иногда идут вразрез с личным убеждением адвоката. В качестве примера можно привести Кассационное определение Верховного суда РФ от 25 июля 2024 г. по делу № 129-УД24-4-А1 [Кассационное определение Верховного суда РФ от 25 июля 2024 г. по делу № 129-УД24-4-А1, [www](#)], в котором обвиняемый заявил ходатайство о допросе дополнительных свидетелей по характеристике его личности, но адвокат не поддержал это ходатайство, оставив его разрешение на усмотрение суда.

Криминалистический анализ процесса доказывания адвоката-защитника отражает и важность этических критериев. Адвокат не вправе вводить суд в заблуждение намеренно фальсифицированными доказательствами. Соблюдение принципов адвокатской этики обеспечивает сохранение доверия к институту адвокатуры в целом. Если защитник будет активно использовать заведомо ложные доказательства, добывать материалы противозаконными методами, то это не только нарушит права других участников процесса, но и повлечет за собой ухудшение репутации адвокатского сообщества, а впоследствии может дискредитировать саму идею состязательности [Герасимов, Беляков, Гусаков, Драпкин, 1994, с.372].

Особо показательно участие защитника в судебном следствии. На этой стадии именно адвокатская активность во многом определяет полноту исследования обстоятельств дела, поскольку суд, выполняя роль арбитра, не обязан по собственной инициативе восполнять те пробелы, которые могли возникнуть на предварительном следствии. Адвокатское искусство здесь заключается в том, чтобы правильно формулировать вопросы допрашиваемым лицам, опровергать изобличающие доводы прокурора, своевременно заявлять возражения против незаконных действий или вопросов, а также вносить предложения о допросе новых свидетелей или приобщении новых доказательств. Все эти вопросы имеют прямое отношение к криминалистической тактике защиты. Каждое действие адвоката может быть продиктовано объективным анализом уязвимостей в позиции обвинения и возможностями, которые предоставляет процесс для раскрытия альтернативной картины событий. При этом грамотно построенная адвокатом тактика зачастую может свести на нет даже формально убедительные доводы стороны обвинения, если последние противоречат специальным научным знаниям или противоречивы сами по себе [Гутник, 2022, 32].

В этой связи особое значение приобретает проблема включения в предмет криминалистики вопросов, связанных с профессиональной деятельностью защитника. С одной стороны, классическая криминалистика исторически была ориентирована преимущественно на нужды следствия, полицию и иные правоохранительные органы. С другой стороны, в современных условиях и в соответствии с принципом состязательности, закрепленным в Конституции РФ и в УПК РФ, адвокат не только «пассивно» реагирует на действия обвинения, но и сам становится активным субъектом, способным применять криминалистические знания для достижения защитительных целей. Проблема заключается в том, что криминалистика изучает закономерности установления истины, а функция адвоката – отстаивание прав и законных интересов подзащитного, иногда вопреки первоначальным выводам следствия. Тем не менее это несоответствие целей вовсе не исключает необходимости использования адвокатом приемов и методов криминалистики, ведь объективность доказательственного материала и научная обоснованность экспертных данных являются универсальными категориями, одинаково важными и для обвинения, и для защиты.

Заключение

Таким образом, криминалистические аспекты процесса доказывания адвоката-защитника представляют собой комплекс методических, тактических и организационных вопросов, прямо влияющих на исход уголовного дела. Основными проблемами, решение которых требует дальнейшей разработки, остаются обеспечение равноправия сторон на стадии досудебного расследования, укрепление правового статуса адвоката при проведении им собственного исследования, и совершенствование порядка, позволяющего защитнику инициировать альтернативные экспертизы. Кроме того, стоит рассмотреть более детально практику участия защитника в следственных действиях, проводимых следователем или дознавателем.

Очевидно, что достижение полноценной состязательности и, соответственно, расширение криминалистических возможностей адвоката в процессе доказывания требуют комплексных изменений. Во-первых, целесообразно рассмотреть вопрос о внесении поправок в УПК РФ, которые бы конкретизировали порядок «адвокатского расследования». Эффективной мерой может стать введение обязательного ответа на адвокатские запросы от государственных органов, должностных лиц и иных организаций в пределах их компетенции. При уклонении от ответа или незаконном отказе должны устанавливаться конкретные процессуальные санкции. Такой подход обеспечит равномерное распределение правомочий по сбору сведений и укрепит реальное равноправие сторон. Во-вторых, возможно введение в УПК РФ нормы, позволяющей адвокату-защитнику по согласованию со следователем выступать инициатором следственных действий, если для этого имеются разумные основания. В-третьих, требуется увеличение гарантий по обеспечению независимых экспертиз. Законодательно должно закрепляться право адвоката (при наличии согласия доверителя) на получение необходимых образцов для сравнительного исследования напрямую из-под юрисдикции органов расследования.

Немалую роль могут сыграть и тактические приемы, рекомендуемые к использованию адвокатами. Так, уже на досудебном этапе целесообразно максимально активизировать участие в сборе сведений, а именно, своевременно подавать ходатайства о допросе новых свидетелей и проведении дополнительных следственных действий, добиваться приобщения к материалам дела тех документов, которые подтверждают версию защиты. Адвокату стоит больше использовать возможности самостоятельного опроса лиц, не привлекаемых официально в качестве свидетелей, опираясь на данные цифровой среды (видеозаписи, переписка в социальных сетях, электронная почта), которые при должной верификации также могут иметь доказательственное значение. На судебной стадии необходимо активно работать с механизмами повторных и дополнительных экспертиз, проводить скрупулезный анализ методик, используемых государственными экспертами, и при обнаружении несоответствий указывать на недопустимость или недостаточную доказательственную силу полученных результатов.

Необходимы и внутренние усилия адвокатского сообщества по повышению уровня профессиональной подготовки в части криминалистических знаний. Адвокатам целесообразно развивать системные навыки взаимодействия со специалистами в области судебных экспертиз, электронных технологий и оперативно-розыскных мероприятий, принимать участие в семинарах и тренингах, посвященных криминалистической тактике.

Таким образом, решение обозначенных проблем видится в совокупном совершенствовании уголовно-процессуального законодательства (с упором на расширение прав адвоката и устранение пробелов в регламентации адвокатского расследования), в активной тактике

защиты, учитывающей все достижения криминалистики, а также в укреплении профессиональных знаний адвокатского корпуса в целом.

практике затрудняется отсутствием у адвоката полномочий проводить следственные действия, таких как обыск, выемка или допрос с принуждением к явке. Адвокатский опрос лиц, владеющих сведениями, имеющими значение для дела, всегда носит добровольный характер, поэтому сбор доказательств защитником оказывается менее эффективным в сравнении с возможностями органов следствия. Кроме того, у участников стороны обвинения часто имеется предубеждение относительно «адвокатских доказательств», вследствие чего такие доказательства могут восприниматься как второстепенные и требующие дополнительной проверки. Тем не менее адвокат, обладающий хорошей криминалистической подготовкой, может максимально использовать ресурсы, предоставленные законом, формируя необходимую версию на основе самостоятельных материалов [Хмыров, 2005, 63].

Немаловажным представляется и процесс выдвижения самой версии защиты. С точки зрения криминалистики версия есть обоснованное предположение о природе, механизме и обстоятельствах исследуемого события. Если сторону обвинения зачастую интересует версия, указывающая на виновность конкретного лица, то сторона защиты рассматривает обстоятельства, позволяющие опровергнуть обвинение или смягчить оценку произошедшего. При построении версии адвокат учитывает собранные органами следствия материалы, а также сведения, полученные в ходе самостоятельной работы. Версия должна быть логичной,

Библиография

1. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 24 мая 2023 г. по делу № 22-865/2023. URL: <http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&id Card=106271>.
2. Апелляционное постановление Белгородского областного суда от 5 октября 2020 г. по делу № 3/10-43/202.0. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QFdH7uHeK4gf/>.
3. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда Краснодарского края от 8 апреля 2024 г. по делу № 22-1822/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zk2MwSYzU1WT/>.
4. Апелляционное постановление Курского областного суда Курской области от 20 февраля 2020 г. по делу № 1-45/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/42Q5gEmQcIJ8/>.
5. Апелляционное постановление Сосновского районного суда Тамбовской области от 6 июля 2020 г. по делу № 10-2/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AexxU8HZZkHP/>.
6. Баев О.Я. Криминалистика. Лекционный курс: учебное пособие. М.: Юстиция, 2017. 372 с.
7. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: Юнити, 2001. 837 с.
8. Бормотова Л.В. Криминалистические аспекты уголовно-процессуальной деятельности защитника // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. № 1(33). С. 264-266.
9. Герасимов И.Ф., Беляков А.А., Гусаков А.Н., Драпкин Л.Я. Криминалистика. М.: Высшая школа, 1994. 527 с.
10. Гутник О.В. Особенности доказательственной деятельности адвоката в российском уголовном процессе // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы X Международной научно-практической конференции. Симферополь: Типография «Ариал», 2022. С. 31-33.
11. Джумагулова Ч.Б., Калбаев Б.А. К вопросу об участии адвоката-защитника в процессе расследования преступлений // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6(186). С. 189-194.
12. Кассационное определение Верховного суда РФ от 25 июля 2024 г. по делу № 129-УД24-4-А1. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2388252.
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
14. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
16. Хмыров А.А. Косвенные доказательства в уголовных делах. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 247 с.

Criminalistic aspects of the defense attorney's proof process

Aleksandr I. Makevnin

Applicant,
Department of criminalistics and legal informatics,
Kuban State University,
350040, 149 Stavropol'skaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: smakevnin83@mail.ru

Abstract

The article reveals the criminalistic aspects of the evidentiary process in the activities of a defense lawyer in criminal cases. The author pays special attention to the forensic methods and tactics used by the lawyer in the formation and verification of the defense version, the assessment of the admissibility and relevance of evidence, as well as a critical examination of the investigation materials. The article analyzes the key problems of a forensic nature related to the limitations of a lawyer in the use of forensic techniques due to the lack of coercive powers and low confidence in the evidence collected by the defense. The author emphasizes the importance of forensic knowledge and skills of a defender to ensure the competitiveness of the criminal process, reveals ways to increase the effectiveness of advocacy through the introduction of modern forensic recommendations and methods. Specific legislative changes and tactical approaches are proposed to strengthen the criminalistic component in the practice of law.

For citation

Makevnin A.I. (2025) Kriminalisticheskie aspekty protsessa dokazyvaniya advokata-zashchitnika [Criminalistic aspects of the defense attorney's proof process]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 543-552.

Keywords

Criminalistics, defense attorney, evidence, adversarial, criminal proceedings, expertise, legal status, defense tactics.

References

1. The appeal ruling of the Ulyanovsk Regional Court dated May 24, 2023 in case No. 22-865/2023. URL: <http://www.ulobsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=106271>
2. Appeal decision of the Belgorod Regional Court dated October 5, 2020 in case No. 3/10-43/202.0. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QFdH7uHeK4gf/>.
3. The appeal decision of the Krasnodar Regional Court of the Krasnodar Territory dated April 8, 2024 in case No. 22-1822/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zk2MwSYzU1WT/>.
4. The appeal decision of the Kursk Regional Court of the Kursk region dated February 20, 2020 in case No. 1-45/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/42Q5gEmQcIJ8/>.
5. Appeal decision of the Sosnovsky District Court of the Tambov region dated July 6, 2020 in case No. 10-2/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AexxU8HZZkHP/>.
6. Baev O.Ya. Criminalistics. Lecture course: textbook. Moscow: Justitia, 2017. 372 p.
7. Belkin R.S. Course of criminalistics. Moscow: Unity, 2001. 837 p.
8. Bormotova L.V. Criminalistic aspects of the criminal procedural activity of the defender // Proceedings of the Orenburg State Agrarian University. 2012. No. 1(33). pp. 264-266.
9. Gerasimov I.F., Belyakov A.A., Gusakov A.N., Drapkin L.Ya. Criminalistics. Moscow: Higher School, 1994. 527 p.

-
10. Gutnik O.V. Features of evidentiary activity of a lawyer in the Russian criminal process // Criminal proceedings: procedural theory and criminalistic practice: proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. Simferopol: Printing house "Arial", 2022. pp. 31-33.
 11. Dzhumagulova Ch.B., Kalbaev B.A. On the issue of the participation of a defense lawyer in the process of investigating crimes // Law and the state: theory and practice. 2020. No. 6(186). pp. 189-194.
 12. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 25, 2024 in case No. 129-UD24-4-A1. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2388252
 13. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11, article 1416.
 14. About advocacy and advocacy in the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 05/31/2002 (as amended on 04/22/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 23. Art. 2102.
 15. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 No. 174-FZ (as amended on 04/21/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I) 4921-
 16. Khmyrov A.A. Indirect evidence in criminal cases. St. Petersburg: Law Center Press, 2005. 247 p.

УДК 343.3/.7

Сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, предусматривающего ответственность за незаконное обращение отходов и(или) опасных веществ

Наумов Вячеслав Викторович

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации им. В.Я. Кикотя,
117997, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 12;
e-mail: crilaw@yandex.ru

Щепотьев Александр Викторович

Кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры финансов и менеджмента,
Тульский государственный университет,
300012, Российская Федерация, Тула, просп. Ленина, 92;
e-mail: shepotevsv@mail.ru

Аннотация

В статье содержатся результаты сравнительного уголовно-правового анализа законодательства Российской Федерации (статьи 247 УК РФ) и Китайской Народной Республики (статьи 338 УК КНР), которые предусматривают ответственность за незаконное обращение (оборот) опасных отходов и веществ. Исследование включает подробную характеристику объективных и субъективных признаков данных составов преступлений с учетом соответствующих судебных разъяснений и толкований. В заключении показано, что отечественная практика возмещения вреда, причиненного экологическими преступлениями, оставляет желать лучшего. Полагаем, что принятие на вооружение отечественными законодателями и правоприменителями дополнительных мер финансовых рестрикций к виновным в совершении экологических преступлений, положительно сказалось бы не только на возможностях восстановления окружающей среды, но и усилению превентивной составляющей уголовно-правового запрета.

Для цитирования в научных исследованиях

Наумов В.В., Щепотьев А.В. Сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, предусматривающего ответственность за незаконное обращение отходов и(или) опасных веществ // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 553-562.

Ключевые слова

Окружающая среда, оборот/обращение, отходы, опасные вещества, скрытые обязательства.

Введение

Современное потребление обществом производимой продукции является крайне нерациональным, а доля так называемой продукции «Zero Waste» (концепция продукта с полностью безотходным потреблением/производством) даже в самых развитых странах не превышает 5-8% от общего объема. Современное общество экономически развитых стран нацелено на устойчивое развитие экономики, выраженное в достижении гармоничного баланса между экономикой (максимизация прибыли бизнеса), природой (сохранение природы и решение важных экологических задач человечества) и людьми (обеспечение потребностей каждого человека, ликвидация голода и увеличения продолжительности жизни) [Сычева, Сычева, 2024]. Однако достижение баланса интересов бизнеса и природы на данном этапе развития человечества затруднительно: далеко не все субъекты производства в различных странах нацелены на соблюдение природоохранных мероприятий на должном уровне. Более 90% от всего производства и потребления на земле составляют различные отходы. В Российской Федерации ежегодно образуется более 70 млн тонн отходов с приростом около 3%, при общем уровне переработки не более 7%. Китайская Народная Республика ежегодно производит более 250 млн тонн отходов (до 2013 года Китай также и активно импортировал отходы из других стран) при общем уровне переработки около 50% отходов и планомерном сокращении их производства.

Основная часть

Природоохранная деятельность важна для любого государства. Именно поэтому все страны (в большей или меньшей степени) на законодательном уровне заставляют промышленные предприятия соблюдать экологические нормы, принимая соответствующие нормативно-правовые акты. С точки зрения действующего бизнеса, соблюдение природоохранных правил, с экономической точки зрения приводит к необходимости нести дополнительные расходы, т.е. соблюдение норм экологического законодательства является скрытым обязательством [Shchepot'ev, Fedorova, 2021].

Российское уголовное законодательство устанавливает в части 1 статьи 247 УК РФ ответственность за производство запрещенных видов опасных отходов, а также за обращение опасных веществ и отходов с нарушением соответствующих правил. При этом названные деяния должны создать реальную угрозу «причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде».

Абзац первый статьи 338 китайского уголовного закона предусматривает запрет незаконного оборота загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов при наступлении серьезного загрязнения окружающей среды, причинении вреда жизни и здоровью людей либо значительного имущественного ущерба государственной или частной собственности.

В целом, рассматриваемые диспозиции статей 247 УК РФ и 338 УК КНР имеют определенные сходства, однако предмет преступления, описанный в статье 338 китайского уголовного закона, раскрыт более широко. При этом диспозиция статьи 247 отечественного уголовного закона вызывает в научном сообществе широкое обсуждение. Ряд исследователей полагает, что часть 1 статьи 247 УК РФ содержит альтернативные действия и предметы [Голубев, 2022, с. 267]. Другие указывают на два обособленных состава преступления -

дихотомию конструкции диспозиции: первый предусматривает ответственность исключительно за производство именно запрещенных видов отходов; а второй – за обращение радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов соответственно [Дубовик, 1998, 138, 151]. При первичном рассмотрении составов преступлений, содержащихся в главы 26 УК РФ, в том числе статьи 247, следует отметить проблему конструкции составов отечественных экологических преступлений.

Традиционно в отечественной уголовно-правовой науке объектом нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов определяют экологическую безопасность окружающей среды. Предмет является альтернативным – это «запрещенные виды опасных отходов», а также радиоактивные, бактериологические, химические вещества и отходы. При этом, первые законодатель относит к производству, вторые – к обращению.

В статье 338 УК Китая объектом преступления является национальная система защиты окружающей среды, объединяющая окружающую среду и рациональное природопользование. Следует отметить «гибридные» свойства объекта преступления, объединяющего воедино ценность, подлежащую уголовно-правовой охране, и, предмет преступления в нашем понимании. Обозначение предмета как обособленного признака в уголовном праве Китая отсутствует. В этом контексте интерес представляет дискуссионное определение предмета преступления, состав которого предусмотрен в статье 247 УК РФ, сформулированное Н.А. Лопашенко – конкретные правила охраны окружающей среды, которые нарушает виновный [Лопашенко, 2017, 181].

Остановимся подробнее на предметах анализируемых составов преступлений.

В отечественных нормативных правовых актах встречается как минимум три различных определения отходов. Итак, на уровне федерального законодательства¹ признаки отходов раскрываются посредством практически полного дублирования положений Базельской конвенции. Ключевые признаки отходов – наличие определенных физических свойств предмета материального мира, способ их образования и обязательное требование об удалении.

Иная трактовка применяется в межгосударственном стандарте ГОСТ 30772-2001, и дополняется в национальном стандарте РФ ГОСТ Р 53691-2009. Стандарты содержат иные признаки отходов, раскрываемые через юридический термин «продукция» (статья 136 ГК РФ). Дается указание на ее виды – остатки продукции, дополнительная продукция. Способ образования частично совпадает с указанным в первом определении – процесс некой хозяйственной деятельности. При этом делается оговорка о том, что полученные остатки или дополнительные продукты не являются конечной производственной целью (не относятся к конечному продукту) и не используются в связи с этой деятельностью, но могут относиться к сырью иного производственного цикла или потребления с учетом стандартов, технических условий и пр. Третий – «гибридный» вариант понятия отходы используется в национальном стандарте менеджмента окружающей среды ГОСТ Р ИСО 14050-2009. Его признаки – физические свойства (то есть вещества или предметы), желание владельца или требование законодательства об удалении, и указание на способ такового – утилизацию инертных

¹ Абзац 2 статьи 1 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» содержит следующее понятие отходов - «вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению»... За исключением донного грунта, вскрышных и вмещающих горных пород.

компонентов (частей) и/или удаления опасных составляющих. Отходами может быть признан техногенный объект (вещество, материал, изделие, предмет), сформировавшийся в результате антропогенной деятельности, который из-за несоответствия требованиям нормативных правовых актов не может иметь последующего применения. И это уже четвертое определение рассматриваемого понятия. Кроме того, существуют еще и отходы, обращение которых составляет самостоятельный предмет правового регулирования, – радиоактивные отходы, биологические отходы, медицинские отходы, вещества, разрушающие озоновый слой (за исключением случаев, если такие вещества являются частью продукции, утратившей свои потребительские свойства), выбросы вредных веществ в атмосферу, сбросы вредных веществ в водные объекты. И это, не считая отдельных видов отходов, которые, при всем многообразии разобщенных отечественных нормативных актов, не представляется возможным вообще идентифицировать по классу опасности (например, строительный мусор).

Напомним, что в части 1 статьи 247 УК РФ в обозначении свойств предмета преступления указывается «вид опасных отходов», в отраслевых нормах речь идет об «опасных свойствах отходов»² с их разделением на «классы опасности»³. При этом термин «запрещенные» по отношению к опасным отходам в нормативных правовых актах вовсе не находит своего отражения⁴. Полагаем, что законодатель мог иметь в виду противоправный характер производства подобных отходов – в нарушение установленных норм и правил, и использование термина «незаконное» по отношению к их производству и обороту было бы более целесообразным.

Проведенный юридический анализ диспозиции статьи 247 УК РФ и отраслевых регулирующих норм в сфере обращения опасных отходов и веществ способствовал изобличению комплексной проблемы всей главы 26 УК России – «бланкетности» диспозиций соответствующих уголовно-правовых норм. Отдельно следует выделить проблему рассогласованности терминологии – правовую полисемию, царящую в сфере общего регулирования поведения участников экологических правоотношений. При установившейся неразрывной связи между правовой охраной общественных отношений уголовно-правовыми методами и качеством регулирования этих общественных отношений, не трудно заметить эффективная охрана может быть только при должном регулировании поведения. На наш взгляд, определяющим признаком юридического термина должно быть его фиксированное содержание, которое всегда позволяет без искажения или двусмысленности передавать правовую информацию адресату.

В связи с этим представляет интерес действующее законодательство «Поднебесной», в котором для точного, односложного и исчерпывающего определения предмета преступления,

² Например, токсичность, взрывоопасность, способность к самовозгоранию, высокой реакционной способностью, канцерогенность, наличие возбудителей инфекционных заболеваний или других установленных документально опасных свойств. Анализ действующих отечественных нормативных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что синонимом «опасные» отходы является термин «токсичные», а в китайском законодательстве «токсичные» отходы – это «ядовитые» отходы.

³ Указанные вещества и предметы – отходы I-IV классов опасности (чрезвычайно опасные (I), высокотоксичные (II), умеренно опасные (III) и малоопасные (IV).

⁴ Следует заметить, что в ст. 6.35, 8.2 КоАП РФ говорится просто об отходах производства и потребления без указания на их запрещенность и опасность. Два последних признака могут быть использованы для разграничения административно-правового деликта и рассматриваемого преступления.

предусмотренного статьей 338 УК КНР, разработаны и применяются Национальный список опасных отходов, идентифицируемых в соответствии с Национальными стандартами и методами определения таковых, а также приложение к Стокгольмской конвенции о стойких органических веществах (загрязняющие вещества, например, содержащие тяжелые металлы – свинец, ртуть, мышьяк и т.п.). Не вдаваясь в терминологические подробности, отметим отсутствие правовой полисемии в китайском законодательстве в области установления порядка обращения с опасными отходами и веществами, а также подробных разъяснениях Верховного народного суда и Верховной прокуратуры КНР по вопросам, касающимся предмета преступления по статьям 338 и 339 соответственно. Безусловно, данный положительный опыт законотворчества и правоприменения заслуживает внимания. В качестве аналогии достаточно удачных примеров конкретизации предмета преступления в отечественной практике следует указать, в частности, Постановления Правительства РФ от 29.12.2007 № 964 или от 31.10.2013 № 978 и т.п.

Деяние объективной стороны преступления по части 1 статьи 247 УК России законодателем закреплено в альтернативной форме, как и предмет преступления. С одной стороны, отечественный законодатель обозначил технологический процесс или хозяйственную деятельность, в результате которой и образуются «запрещенные виды опасных отходов» [Голубев, 2022, 276; Дубовик, 1998, 142]. При этом Э.Н. Жевлаков убежден, что подобное технологическое производство всегда связано с неким накоплением/хранением отходов, что также образует состав данного преступления [Жевлаков, 1997, 97]. С другой стороны, законодатель называет конкретные действия, образующие противоправное обращение (то есть в нарушение соответствующих правил и нормативов) с радиоактивными, бактериологическими, химическими веществами и отходами. Выделяются транспортировка, хранение, захоронение и иное обращение (освобождение от вредных примесей, штабелирование, утилизация и т.п.). Не ясным представляет возможность включения сброса отходов в состав понятия обращение.

Сравнительный правовой анализ уголовного закона КНР свидетельствует о том, что объективную сторону статьи 338 образуют действия (сброс, выброс, размещение, хранение, захоронение и т.п. отходов и веществ в земле, воде или атмосфере повлекшее серьезное загрязнение окружающей среды), нарушающие рассмотренные выше национальные правила «Поднебесной». Речь также идет именно о незаконных действиях, которые имеют альтернативный характер, как и в российском уголовном законе.

Иной незаконный оборот предметов преступления по статье 338 УК Китая – перекачивание, перелив, выпуск, распыление, сброс и слив загрязняющих веществ, а также выброс отходов и других опасных веществ в окружающую среду с помощью речных и морских судов, воздушных судов, платформ или любых транспортных средств, а также иные действия, направленные на обращение с отходами способом, превышающим национальные стандарты, установленные в сфере защиты окружающей среды в «Поднебесной». В судебной практике при определении преступности действий в первую очередь следует установить, нарушают ли они национальные правила или отраслевые стандарты защиты окружающей среды; находятся ли источник загрязнения в контакте с компонентами природной среды; существует ли реальная опасность загрязнения или какой именно вред фактически был причинен загрязнением.

Следует отметить, что на основании статьи 96 китайского уголовного закона нарушением государственных правил признается нарушение законов и нормативных правовых актов, принятых Всекитайским собранием народных представителей и его Постоянной комиссией, административных правил и предписаний, а также решений и распоряжений, которые были

изданы Государственным советом КНР. Таким образом, необходимые законы и правила, нарушение которых является основанием привлечения к уголовной ответственности по статье 338 УК Китая, не включают ведомственные и местные (региональные) правила.

Большинство российских криминалистов отмечают специфическую и недостаточно продуманную конструкцию объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 247 УК России, в частности, указывая и на возможные последствия преступного деяния [Голубев, 2022, 283; Лавыгина, 2003, 83; Романова, 2001, 65]. Несмотря на то, что Пленум Верховного Суда РФ в п. 6 постановления от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» представил общую характеристику реальной угрозы (то есть такой степени развития действительности, которая предполагает наличие предпосылок, способных в своем развитии породить определенное явление), каких-либо критериев установления ее наличия не раскрывает.

В связи с этим отметим важность еще одной отечественной проблемы – недостаточная полнота и качество судебного толкования по вопросам применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за экологические преступления. Существующие разъяснения Верховного Суда РФ не в полной мере способствуют обоснованной квалификации преступлений в экологической сфере, корректному разграничению смежных составов преступлений и административных деликтов. В связи с этим возникает и вопрос о том, охватываются ли статьей 247 УК России случаи загрязнения отдельных компонентов природной среды, охраняемые другими смежными нормами главы 26 УК РФ? Напомним, российский уголовный закон для защиты отдельных компонентов окружающей среды от ее загрязнения использует значительное количество норм – статьи 250-252, 254 УК РФ и др., которые являются специальными нормами по отношению к части 2 статьи 247 УК РФ. При этом, невозможно с твердой уверенностью утверждать, что в России количественный показатель перерос в качественный.

Еще одной проблемой отечественной правоприменительной практики является разъяснение одних оценочных понятий через другие (например, «массовая гибель», «существенный вред здоровью»⁵). Подобные неточности и огрехи не способствуют формированию единообразной практики применения норм.

Толкование серьезного загрязнения окружающей среды в КНР позволяет сделать вывод о том, что таковое имеет место при наличии следующих обстоятельств достаточных для возбуждения уголовного дела и привлечения виновного к ответственности: отравления людей, носящее массовый характер, когда в результате загрязнения окружающей среды пострадали более 30 человек (то есть прямо указывается нижняя количественная граница (предел) пострадавших); необходимость эвакуации более 5 тысяч человек из зоны загрязнения; отключение централизованных источников питьевой воды на уровне населенного пункта «чжень» (поселок волостного уровня) или более крупной административно-территориальной единицы, на срок превышающий 12 часов и т.д. Отметим скрупулезную проработанность

⁵ Во-первых, высказывается мнение о том, что определить, какой тяжести вред будет причинен в результате нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов, вряд ли практически возможно. Во-вторых, использование оценочного понятия «существенный» нарушает терминологическое единство в отражении физического вреда в уголовном законе, в частности в гл. 16 УК РФ. В ч. 2 статьи 247 УК РФ преступное по следствие указано в виде причинения вреда здоровью человека без какой-либо конкретизации его тяжести.

признаков, характеризующих преступные последствия по статье 338 УК КНР.

«Серьезно загрязняющими» окружающую среду признаются лица, привлеченные более двух раз к административным наказаниям за незаконные действия с опасными отходами и загрязняющими веществами в течение двух лет. Обозначенный срок – «в течение двух лет» – рассчитывается как временной интервал между датой вступления в силу решения об административном наказании за первое из противоправных деяний и датой совершения соответствующего преступного деяния.

Часть 2 статьи 247 УК РФ содержит квалифицирующие признаки, дифференцируя ответственность в зависимости от тяжести наступивших последствий (загрязнение, отравление или заражение природной среды, причинение вреда здоровью человека, массовую гибель животных) и места совершения преступления (совершение деяния в зоне экологического бедствия или чрезвычайной экологической ситуации). В части 3 статьи 247 УК РФ указывается на причинение смерти по неосторожности либо массовое заболевание людей.

В области дифференциации уголовной ответственности также стоит отметить достаточно интересный опыт китайского нормотворчества. Отметим, что к последствиям основного состава преступления, предусмотренного статьей 338 УК КНР, помимо уже охарактеризованного серьезного загрязнения окружающей среды, относятся причинение вреда здоровью различной степени тяжести, а также ущерба государственной или частной собственности; квалифицированного – последствия загрязнения окружающей среды, которые отличаются повышенной общественной опасностью и масштабом (особо тяжкие последствия). Например, при загрязнении земельных ресурсов особо тяжким признается загрязнение, при котором существенно или необратимо разрушаются полезные (потребительские) свойства – «основные функции» следующих категорий земель: основных сельскохозяйственных угодий, лесных угодий защитного или специального назначения на площади, превышающей 15 акров; других сельскохозяйственных угодий на площади, превышающей 30 акров или прочих земель на площади, превышающей 60 акров.

В целом, отечественному уголовному законодательству в сфере противодействия экологическим преступлениям и статье 247 УК РФ, в частности, присуща и проблема дифференциации ответственности.

Субъективную сторону состава преступления, предусмотренного статьей 247 УК РФ, образует умысел. Субъект рассматриваемого преступления по УК России специальный – физическое вменяемое лицо, обязанное соблюдать соответствующие правила и нормативы.

Субъектом преступления, предусмотренного статьей 338 УК Китая, может быть не только физическое, но и юридическое лицо. Полагаем, что невозможно обойти вниманием и проблему уголовной ответственности юридических лиц в отечественной уголовно-правовой доктрине. При этом, среди российских ученых ширится количество тех, которые поддерживают возможность установления уголовной ответственности для юридических лиц. Однако многие исследователи относятся к числу утилитарных и возражают против такой возможности.

Отметим, что в ходе расследований преступлений и судебном процессе, в том числе по экологическим правонарушениям, используются результаты соответствующих судебных экспертиз, которые показывают и определяют величину причиненного ущерба [Щепотьев, Федорова, 2023]. Результаты судебных экспертиз активно используются в следственной и судебной практике по экологическим преступлениям в России и КНР [Наумов, Калининская, 2024].

Возвращаясь к уголовно-правовому регулированию вопросов оборота отходов в КНР,

отметим установление исключительно умышленной формой вины по статье 338 УК КНР на основании межведомственного протокола Верховного народного суда, Верховной народной прокуратуры, Министерства общественной безопасности, Министерства юстиции и Министерства экологии и окружающей среды. Справедливости ради следует указать, что достаточно продолжительное время в КНР преступление, предусмотренное статьей 338, могло совершаться виновным как умышленно, так и по неосторожности.

Отметим и высокий уровень детализации вопросов доказывания субъективной стороны статьи 338 УК Китая в соответствующих разъяснениях. В частности, если подозреваемый или обвиняемый «не в состоянии предоставить разумного объяснения» при наличии одного из следующих обстоятельств, то следует рассматривать содеянное как умышленное преступление: отсутствие или неиспользование обязательных специальных сертифицированных средств предотвращения и контроля загрязнения либо их использование не в соответствии со спецификациями (предназначением); продолжение производственной или хозяйственной деятельности, приводящей к выбросу загрязняющих веществ после получения приказа отдела экологической защиты об ограничении соответствующей деятельности или приостановлении производства; фальсификация данных систем мониторинга и объективного контроля загрязнения окружающей среды и т.д.

Интерес представляет рассмотрение вопросов соучастия и прикосновенности при совершении преступления, предусмотренного статьей 338 УК РФ, сотрудниками юридического лица. В этих целях судебно-следственная практика Китая выделяет две категории персонала хозяйствующего субъекта – «непосредственно ответственное лицо» и «иной ответственный персонал».

Заключение

Напомним, что согласно положениям статьи 338 китайского уголовного закона лицо, совершившее это преступление, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до 3 лет или арестом, а также одновременно или в качестве самостоятельного наказания в виде штрафа; а те же деяния, повлекшие наступление особо тяжких последствий («особо серьезному загрязнению окружающей среды»), – наказываются лишением свободы на срок от 3 до 7 лет и штрафом. Часть 1 статьи 247 УК России предусматривает максимально возможный срок лишения свободы до 2 лет; часть 2 – лишение свободы до 5 лет, а часть 3 – лишение свободы до 8 лет (безальтернативно). Возможность применения штрафа в качестве дополнительного наказания в отечественном УК не предусмотрена. В целом, отечественная практика возмещения вреда, причиненного экологическими преступлениями, оставляет желать лучшего. Полагаем, что принятие на вооружение отечественными законодателями и правоприменителями дополнительных мер финансовых рестрикций к виновным в совершении экологических преступлений, положительно сказалось бы не только на возможностях восстановления окружающей среды, но и усилению превентивной составляющей уголовно-правового запрета.

Библиография

1. Голубев С.И. Уголовно-правовое обеспечение экологической безопасности (законодательные и доктринальные основы, классификация видов экологических преступлений и характеристика составов): дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2022. 499 с.
2. Дубовик О.Л. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской

- Федерации. М., 1998. 352 с.
3. Жевлаков Э.Н. Уголовно-правовая охрана природной среды в Российской Федерации. М., 1997. 247 с.
 4. Лавыгина И.В. Экологические преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 188 с.
 5. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. М., 2017. 526 с.
 6. Наумов В.В., Калининская Я.С. Особенности уголовной ответственности за незаконную охоту и истребление редких и находящихся на грани вымирания диких животных по УК КНР // Современное право. 2024. № 12. С. 132-135. DOI: 10.25799/NI.2024.38.80.027. EDN UOXKBS.
 7. Романова Н.Л. Понятие и система экологических преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2001. 219 с.
 8. Сычева И.В., Сычева Н.А. Методологические аспекты распространения принципов устойчивого развития на объекты социальной инфраструктуры регионов // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28. № 5. С. 81-98. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.6. EDN IQVJTR.
 9. Щепотьев А.В., Федорова Т.А. Особенности определения стоимостных показателей посредством судебной экспертизы в ходе судебного разбирательства в процессе определения величины убытков // Финансы: теория и практика. 2023. Т. 27. № 2. С. 183-191. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-2-183-191. EDN TUQFJF.
 10. Shchepot'ev A.V., Fedorova T.A. Taking informal liabilities into account when valuing a company // Academy of Strategic Management Journal. 2021. Vol. 20. No. 3. P. 1-11. EDN UVHDDW.

Comparative analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China, providing for liability for illegal handling of waste and/or hazardous substances

Vyacheslav V. Naumov

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya,
117997, 12 Akademika Volgina str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: crilaw@yandex.ru

Aleksandr V. Shchepot'ev

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Finance and Management,
Tula State University,
300012, 92 Lenina ave., Tula, Russian Federation;
e-mail: shepotevsv@mail.ru

Abstract

The article contains the results of a comparative criminal law analysis of the legislation of the Russian Federation (Articles 247 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the People's Republic of China (Articles 338 of the Criminal Code of the People's Republic of China), which provide for liability for illegal handling (trafficking) of hazardous wastes and substances. The study includes a detailed description of the objective and subjective features of these crimes, taking into account the relevant judicial explanations and interpretations. In conclusion, it is shown that the domestic practice of compensation for damage caused by environmental crimes leaves much to be desired. We believe that the adoption by domestic legislators and law enforcement agencies of

additional financial restrictions against those responsible for environmental crimes would have a positive impact not only on the possibilities of restoring the environment, but also on strengthening the preventive component of the criminal law ban.

For citation

Naumov V.V., Shchepot'ev A.V. (2025) *Sravnitel'nyi analiz ugolovno go zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki, predusmatrivayushchego otvetstvennost' za nezakonnoe obrashchenie otkhodov i(ili) opasnykh veshchestv* [Comparative analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China, providing for liability for illegal handling of waste and/or hazardous substances]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 553-562.

Keywords

Environment, turnover/circulation, waste, hazardous substances, hidden obligations.

References

1. Dubovik O.L. (1998) Environmental crimes. Commentary on Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow.
2. Golubev S.I. (2022) Criminal-legal support of environmental safety (legislative and doctrinal foundations, classification of types of environmental crimes and characteristics of the compositions). Dcot. Diss. Kazan.
3. Lavigina I.V. (2003) Environmental crimes: criminal-legal characteristics and problems of liability. Doct. Diss. Irkutsk.
4. Lopashenko N.A. (2017) Environmental crimes: criminal-legal analysis. Moscow..
5. Naumov V.V., Kalininskaya Ya.S. (2024) Features of criminal liability for illegal hunting and extermination of rare and endangered wild animals under the Criminal Code of the People's Republic of China. *Modern Law*, 12, pp. 132-135. DOI: 10.25799/NI.2024.38.80.027. EDN UOXKBS.
6. Romanova N.L. (2001) Concept and system of environmental crimes. Doct. Diss. Irkutsk.
7. Shchepot'ev A.V., Fedorova T.A. (2023) Features of determining cost indicators by means of forensic examination during trial in the process of determining the amount of losses. *Finance: Theory and Practice*, 27(2), pp. 183-191. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-2-183-191. EDN TUQFJF.
8. Shchepot'ev A.V., Fedorova T.A. (2021) Taking informal liabilities into account when valuing a company. *Academy of Strategic Management Journal*, 20 (3), pp. 1-11. EDN UVHDWW.
9. Sycheva I.V., Sycheva N.A. Methodological aspects of extending the principles of sustainable development(2024) to social infrastructure facilities of regions. *Problems of territorial development*, 28(5), p. 81-98. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.6. EDN IQVJTR.
10. Zhevlakov E.N. (1997) Criminal-legal protection of the natural environment in the Russian Federation. Moscow.

УДК 34**Законодательные парадигмы в механизме уголовной политики России первой четверти XXI века****Павлычев Михаил Михайлович**

Кандидат юридических наук,
Судья,
Краснодарский краевой суд,
350063, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красная, 8;
e-mail: mikhailevich@mail.ru

Аннотация

Автор осуществил концептуальное исследование современного содержания уголовной политики с точки зрения доктринального ее обоснования сквозь призму анализа смысловой наполняемости законодательных парадигм. В статье представлено дополнительное обоснование модели механизма уголовной политики, определено место названных концептуальных подходов к ее формированию. Особое место занимает систематизация и содержательный анализ законодательных парадигм, как основы уголовной политики России настоящего периода. На основе изучения взглядов отечественных ученых-правоведов определены направления изменения уголовной политики, равно как и содержания законодательных парадигм ее определяющих. Автором представлен критический взгляд на современное состояние уголовного закона, определены пути оптимизации его содержания на основе учета рассматриваемых парадигм. В статье уделено внимание вопросам корректировки уголовной политики в условиях новых реалий существования социума, цифровизации и глобализации.

Для цитирования в научных исследованиях

Павлычев М.М. Законодательные парадигмы в механизме уголовной политики России первой четверти XXI века // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 563-575.

Ключевые слова

Законодательная парадигма, уголовная политика, доктрина, предупреждение, национальная идентичность, сближение правовых систем, нестабильность уголовного закона.

Введение

Доктрина уголовной политики основывается на концепте парадигмы. Несмотря на изначально теоретическое значение указанной категории, в современной правовой реальности различают непосредственно доктринальную парадигму уголовного права и законодательную.

Законодательная парадигма отражает официальную воззренологическую платформу и показывает, какие деяния порождает виртуальный мир и что они влекут за собой [Кирсанов, Булавина, 2021]. Приблизившись к четверти XXI столетия, общество все более отчетливо осознает необходимость пересмотра уголовной политики в целом и глобальной модернизации уголовного закона, в частности. Справедлив в этом аспекте вывод К. А. Кирсанова и М. А. Булавина о том, что доминирующая законодательная парадигма в настоящее время эволюционирует в новую, которая связана со становлением цивилизации знания риска, формированием базовых основ шестого технологического уклада и отвечает принципам последнего [Кирсанов, Булавина, 2021]. В силу сказанного особое значение приобретает установление содержания законодательных парадигм, присущих уголовному праву России. К таковым следует отнести следующие парадигмы: 1) стабильности уголовного закона; 2) сохранения национальной идентичности; 3) сближения правовых систем; 4) рационального использования уголовного закона как социального инструмента; 5) предупреждения преступлений. Обратимся к установлению содержания каждой из них.

Основная часть

Среди законодательных парадигм особое место занимает парадигма *стабильности уголовного закона*. Следует констатировать, что в единстве и борьбе с категорией «динамизм права» она составляет основу современной уголовной политики, поскольку призвана обеспечить формирование в обществе стабильной системы уголовно-правовых запретов, влекущее за собой установление правопорядка. Стабильное право призвано упорядочивать жизнь общества, служить стабилизации общественных отношений, обеспечению стабильности других социальных и правовых явлений [Дуюнов, 2014].

Основы стабильности уголовного закона закреплены в ст. 1 и 3 УК РФ, однако законотворческая практика за весь период с момента принятия УК РФ 1996 г. свидетельствует об обратном. Стабильность права означает его устойчивость, относительную постоянность, нежелательность частых, тем более поспешных, непродуманных и противоречивых изменений [Дуюнов, 2014]. Однако только первые два года действия УК РФ 1996 г. не были ознаменованы внесением в него каких-либо новелл. К сожалению, с 1998 г. по 2024 г. каждый год отличался неоднократной практикой дополнений и изменений УК РФ (1998-1999 гг. – принято 6 подобных законов; 2000–2003 гг. – 18; 2004–2007 гг. – 15; 2008–2011 гг. – изменения вносились 47 раз; 2012–2015 гг. – 40; 2016–2019 гг. – 39; 2020–2023 гг. – 3 раза). В течение 2024 г. было принято 8 таких законов [Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ и др.]. Со времени принятия УК РФ неизменными остались только 49 статей закона, что составляет 13,6% от их количества [Курсаев, 2021]. Представители отечественной уголовно-правовой науки вполне обоснованно негативно оценивают обозначенную тенденцию *гипернестабильности* уголовного закона [Сергеев, 2018]. Еще в 2010 г. ряд неравнодушных ученых в открытом письме призвали прекратить порочную практику его необоснованной новеллизации [Ошибки в Уголовном кодексе, 2010]. Однако, к сожалению, не были услышаны законодателем. Справедлив в свете

сказанного вывод А. Э. Жалинского, что многочисленные законодательные новеллы в уголовном праве представляют собой самостоятельную системную проблему [Жалинский, 2015]. Поэтому трудно согласиться с нейтральной оценкой чрезмерной законодательной активности, высказываемой рядом авторов. Так, по мнению М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина изменений в УК РФ вносится немало, но при этом ни качество самого уголовного права, ни его эффективность, ни содержание и результаты правоприменительной и правотворческой деятельности, по своей сути, не меняются [Бабаев, Пудовочкин, 2014]. Вместе с тем нарушение парадигмы «стабильности уголовного закона» формирует такие проблемы, как непроработанность законодательного описания вновь криминализуемых деяний (недопустимое казуистичное описание либо избыточное использование оценочных категорий), нарушение стройной системы построения Особенной части УК РФ; игнорирование принципов дифференциации уголовной ответственности и т.п. На это обращено внимание и другими учеными-правоведами, которые отмечают, что в целях исключения мнимых и реальных пробелов уголовно-правовые запреты становятся все более аморфными, что проявляется в отсутствии четких правовых терминов и требований к гражданам [Курсаев, 2021]. Многочисленные изменения, вносимые в УК РФ за период его действия, влекут усложнение его структуры и приводят к потере системности [Липинский, Малько, Иванов, Маркунин, 2023]. Недостатки в законодательном регулировании порождают дисфункциональность уголовно-правового запрета и обуславливают состояние аномии [Липинский, Малько, Иванов, Маркунин, 2023]. Л. Д. Гаухман называет нестабильность УК РФ угрозой разрушения правопорядка и приводит пять основных негативных последствий регулярного внесения изменений в закон: 1) несоблюдение такового гражданами вследствие его нестабильности, обуславливающей неосведомленность об уголовно-правовом запрете; 2) длительное неприменение новых норм уголовного права правоохранительными органами и судами до формирования практики вышестоящих судов; 3) осложнение обучения уголовному праву в результате быстрого устаревания учебной литературы; 4) затруднение научного творчества по специальностям криминального цикла; 5) порождение неуважения к закону в обществе [Гаухман, 2014].

Солидарную позицию высказывает А. И. Коробеев, указывая, что для современной российской уголовной политики характерно отсутствие явно выраженной цели, что приводит к бессистемности и разнонаправленности изменений и дополнений уголовного закона [Коробеев, 2019].

Следовательно, на современном этапе формирования отечественной уголовной политики первоочередной задачей выступает формирование модели изменений уголовного закона, которая бы соответствовала выработанным наукой принципам криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации. Назрела острая необходимость в развитии концепции криминологической экспертизы проектов изменений и дополнений в УК РФ, равно как и законодательного закрепления обязательности ее осуществления. Стабильность уголовно-правовых норм является самостоятельной ценностью, так как свидетельствует о том, что преступным может быть объявлено только такое деяние, которое будет опасным с точки зрения уголовной политики на протяжении длительного времени [Курсаев, 2021]. Уголовный закон, только сохраняя свою исключительность по характеру государственного принуждения, сможет подтвердить свой авторитет, будет органично вписываться в систему правового государства и восприниматься обществом как необходимый инструмент противодействия преступлениям.

Говоря о стабильности уголовного закона, нельзя отрицать и другого его принципа – *разумного динамизма*. Безусловно, стабильность права и законодательства не предполагает их

неизменности. Уголовный закон не может оставаться неизменным, поскольку является «зеркалом» уголовной политики и обязан соответствовать социальным и политическим реалиям. Вместе с тем следует присоединиться к авторам, которые ратуют за пересмотр текущей модели уголовного нормотворчества [Сергеев, 2018] и создание такой, которая обеспечит формирование необходимых новелл и изменений, прекратит практику политизации закона. Как важнейшие социальные регуляторы и «стражи правопорядка» право и закон призваны обеспечивать простор прогрессивным начинаниям и устанавливать в «нужном» месте и должным образом заслон всему, что этому препятствует [Дуюнов, 2014]. Однако динамизм уголовного закона не может превалировать над его стабильностью, поскольку в его основе лежат устоявшиеся правовые институты и концепты, например, такие как «юридические признаки преступления и наказания»; «основание уголовной ответственности»; «цели наказания»; «дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация наказания»; «структура уголовно-правовой нормы» и т.п. Нестабильность уголовного закона – прямой путь к аномии и правовому нигилизму. В силу сказанного следует подчеркнуть, что в новых условиях существенных социальных, геополитических и внутривнутриполитических изменений в качестве основной парадигмы современной уголовной политики должна выступать «стабильность уголовного закона в сочетании с разумным его динамизмом».

Второй парадигмой уголовного закона России выступает парадигма *сохранения национальной идентичности*. Уголовное законодательство РФ провозглашает исключительную юрисдикцию РФ в отношении преступных деяний, совершенных на ее территории, а также за ее пределами, но направленных против интересов РФ либо гражданина РФ или постоянно проживающего в РФ лица без гражданства, а также в случаях, предусмотренных международным договором РФ или иным документом международного характера (ч. 2 ст. 12 УК РФ). Среди источников уголовного права ч. 2 ст. 1 УК РФ называет нормы международного права. Вместе с тем в целях сохранения суверенитета, а также целостности и преемственности уголовного закона принцип приоритета юрисдикции РФ должен оставаться незыблемым. По мнению В. Ф. Цепелева, «на глобальном и региональном уровнях разрабатывается и реализуется соответствующими субъектами ... уголовная политика мирового сообщества и отдельных регионов», которая должна осуществляться «при сохранении государственного суверенитета и недопустимости вмешательства во внутренние дела государств» [Цепелев, 2009]. Следует поддержать вывод, что признаваемый любым правовым государством приоритет международного права над национальным иногда приводит к неоправданной формализации положений отдельных нормативных актов страны, что не всегда отвечает ее внутренним интересам [Цепелев, 2009]. Особенно ярко это проявилось в период с 2022 г. Ранее тоже проявлялась политика «двойных стандартов» на уровне международного правоприменения (Международный уголовный трибунал по Югославии (1993–2017 гг.), Международный уголовный трибунал по Руанде (1994–2015 гг.), правовая оценка действий Израиля на территории Палестины в 2024 г.). Все это отчетливо иллюстрирует недопустимость отказа на современном этапе от уголовно-правового суверенитета. Г. И. Богуш справедливо указывает: «При имплементации конвенционных норм ТУП (транснационального уголовного права) следует стремиться не к максимальной унификации национально-правовых определений составов преступлений (что, наоборот, характерно для МУП), а к максимальному учету особенностей национальной правовой системы, «встраиванию», трансформации в нее международных норм, не обладающих прямым действием. Только таким образом может быть обеспечено выполнение государствами своих международных обязательств» [Богуш, 2009]. По мнению А. В. Наумова, развитие уголовного права должно происходить и происходит с учетом

соответствующих международно-правовых актов. Это является свидетельством процесса сближения уголовного права различных правовых систем (европейского континентального, общего, социалистического и др.). Вместе с тем здесь не может быть какой-то универсальности [Наумов, 2013]. Поэтому категорически нельзя поддержать предложения части либерально настроенных авторов о готовности к разрушению национальной правовой (в том числе уголовно-правовой) идентичности в целях «соответствия общемировым стандартам и ценностям». В то же время нельзя отрицать и того факта, что неполитизированные нормы международного права о криминализации транснациональных преступлений формируют почву для необходимого сближения правовых систем современности и создания основы противодействия международным проявлениям преступности. Универсализация уголовно-правовых систем современности создает своеобразную матрицу для дальнейшего прогрессивного развития национального уголовного права [Алауханов, 2010]. Совершенно обоснованным представляется и вывод О.Н. Библика о том, что при криминализации деяний международное право должно иметь приоритет перед национальным уголовным законодательством только тогда, когда речь идет о защите общечеловеческих ценностей. Во всех иных случаях криминализация деяний, которая предусматривается международно-правовыми нормами, должна проводиться с учетом особенностей культуры государства (принцип культурного суверенитета), что предполагает приоритет национального законодательства [Библик, 2015]. В этой связи не имеют под собой почвы и являются архаичными призывы о полном игнорировании норм международного права при конструировании национального уголовного законодательства. В данном случае необходимо руководствоваться принципами разумности и целесообразности с учетом национальных правовых традиций и интересов.

Третья парадигма современного уголовного закона – парадигма *«сближения правовых систем»*. Она не является антиподом ранее рассмотренной парадигмы *«сохранения национальной идентичности»*, а напротив, органично дополняет и развивает ее.

Несмотря на существенные изменения на уровне международных взаимоотношений России со странами Европы, Австралии и Северной Америки в период с 2022 по 2024 гг. разумная унификация права под эгидой ООН и иных международных образований остается неизменным вектором развития современной цивилизации. Между тем, имплементация международных норм в национальное законодательство должна осуществляться рационально, с учетом национальных интересов России. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин в свое время подчеркивал, что «главной проблемой, с которой столкнулся Конституционный Суд в своей работе, является необходимость одновременного решения двух не всегда легко сочетаемых задач: гармонизации российской правовой системы с общеевропейским правовым пространством, с одной стороны, и защиты собственной конституционной идентичности – с другой» [Зорькин, [www...](#)].

Опыт предыдущих лет отчетливо свидетельствует о позитивном влиянии международного сотрудничества в сфере противодействия преступности, в том числе и в части обновлении положений отечественного уголовного закона. Обращает на себя внимание, что те новеллы, которые сочетаются с научной парадигмой российского уголовного права, были органично вплетены в систему уголовно-правовых запретов. К таковым в специальной литературе вполне справедливо относят криминализацию обещания посредничества во взяточничестве, подкупа иностранных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций, получения сексуальных услуг несовершеннолетнего, публичного оправдания идеологии и практики терроризма, незаконного оборота медицинских препаратов; ужесточение

ответственности за изготовление и оборот порнографических материалов с участием несовершеннолетнего; частичный возврат конфискации имущества как меры уголовной ответственности [Цай, 2016].

Вместе с тем нельзя не согласиться с учеными, выступающими за ограничение бесконтрольного проникновения положений международного права в систему уголовного закона России. В этой связи обоснованы призывы А. Э. Жалинского о необходимости формирования политики государства в вопросе установления пределов отечественного уголовно-правового регулирования. По мнению автора, «крайне необходимо совместными усилиями заинтересованных лиц разработать ориентирующие позиции российской уголовно-правовой власти, адаптированные к реальному содержанию юрисдикционных конфликтов и в полной мере реализующие признаваемые ею принципы» [Жалинский, 2015]. В полной мере следует солидаризироваться с позицией О. Н. Ведерниковой, считающей, что имплементации в отечественное законодательство подлежат только те положения международного права, которые согласуются с принципами российской правовой системы [Ведерникова, 2005].

Думается, что современное уголовное право должно оставаться вне столь нестабильной политической конъюнктуры. Законодатель при конструировании уголовно-правовых норм обязан исходить из цели обеспечения безопасности как на глобальном общемировом уровне, особенно в части деятельности наднациональных криминальных корпораций или преступных правительств, так и на национальном уровне, обеспечивая формирование унифицированных подходов к противодействию международным, транснациональным преступлениям. Игнорирование предложенного принципа в условиях новых реалий цифрового постинформационного общества приведет к искажению обоснованной парадигмы «сближения правовых систем» и обусловит нарушение мирового правопорядка, что в итоге ослабит уже созданную систему противодействия названным преступлениям.

Неотъемлемой парадигмой современной уголовной политики выступает *рациональное использование уголовного закона как социального инструмента*. Как отмечает И. Я. Козаченко, уголовное право представляет собой социальную ценность, духовную реальию, выступающую своеобразным лакмусом, отражающим, с одной стороны, нравственную прочность общественных устоев против напора зла преступности, с другой – суровую необходимость и милосердные способы борьбы с преступными проявлениями уголовно-правовыми средствами [Козаченко (ред.), 2008]. Для отечественной законодательной практики традиционным выступает отнесение уголовного закона к крайней форме государственного реагирования на факты наиболее общественно опасных правонарушений – преступлений. В уголовно-правовой доктрине аксиоматично понимание того, что каждый акт криминализации должен сопровождаться социальным и научным обоснованием ее необходимости [Кудрявцев, 2017]. Криминализация должна опираться на критерии, связанные с определением сравнительной общественной опасности тех или иных видов преступлений [Волкова, 2022]. Именно в этой связи ряд учёных высказываются о несовершенстве нормотворческой практики, которая заключается в осуществлении необоснованной криминализации без необходимых предпосылок [Брыка, Хаперская, 2019]. Н. А. Лопашенко отмечает, что «законодателем вводятся новые нормы, но никакого смысла в этом нет» [Нестабильность уголовного закона, www...]. Нередко в стремлении показать якобы стремление к криминальной безопасности россиян законодатель вводит новые составы преступлений, но при этом указанные новеллы не подкреплены криминологическим обоснованием, не получают экспертных оценок. Между тем, в теории уголовного права аксиоматично понимание того, что появление новых составов преступлений должно основываться на принципах сбалансированности и быть вынужденным, когда иными

мерами противодействия нельзя противостоять новой криминальной угрозе. Несмотря на то, что глава государства на протяжении последних 20 лет провозглашает вектор на гуманизацию уголовного закона, изменения, вносимые в него, нередко свидетельствуют об обратном. Так, впервые задача гуманизации уголовного законодательства и системы исполнения наказаний была поставлена в послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 18 апреля 2002 г. [Послание Президента РФ, 2002] 20 февраля 2025 г. в ходе встречи с судьями судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов президент России В. В. Путин вновь озвучил идею продолжения гуманизации уголовного законодательства и совершенствования судебной практики. Он отметил, что главной задачей является не только смягчение наказания, но и создание таких условий, которые позволят правосудию действовать более гуманно, с учетом индивидуальных обстоятельств каждого дела [Путин поручил..., www...].

По мнению А. И. Коробеева, действующий уголовный закон отражает репрессивное начало в уголовной политике России начала XXI в. Он приводит следующую статистику: по состоянию на 1 января 2019 г. полная или частичная криминализация в УК РФ была осуществлена 333 раза, а актов декриминализации – всего 109 [Коробеев, 2019]. Безусловно, часть их них имела под собой обоснования, но в большей мере – таковое отсутствовало. Ярким примером подобного выступает криминализация в 2024 г. организации деятельности по представлению в налоговые органы Российской Федерации и (или) сбыту заведомо подложных счетов-фактур и (или) налоговых деклараций (расчетов) (ст. 173³ УК РФ). Долгие годы в научных кругах обосновывается проблема избыточной криминализации экономических преступлений [Вестов, Шамьенов, 2021], но законодатель вновь отсутствие системы предупреждения правонарушений в экономической сфере стремится восполнить криминализацией. Подобный подход в корне не верен и ведет лишь к разбалансированности уголовной политики, формирует новые факторы коррупциогенности.

Пределы вторжения в уголовное законодательство должны опираться на экспертные оценки, а не на мнение отдельных лиц в руководстве страны и руководстве правоохранительных органов [Лопашенко, 2015]. Несомненно обоснованным в этой связи видится вывод о том, что современная российская уголовная политика строится на свободе отступления от классических принципов уголовного права, использовании уголовно-правового запрета как способа решения социальных проблем, расширении масштабов репрессивности законотворческой и правоприменительной практики, превалировании режима скоростной динамики нормативного реагирования в ответ на возникновение законодательного повода, в том числе на конъюнктурные и даже случайные события, снижении уровня требований к качеству принимаемых законодательных актов, дисбалансе между санкциями и общественной опасностью преступления [Бабаев, Пудовочкин, 2020]. Анализируя причины подобных законодательных решений, В. К. Дуюнов отмечает, что они являются результатом причины субъективного порядка: забвение или незнание, а может и сознательное игнорирование при подготовке многочисленных законодательных новелл субъектами правотворчества лежащих в основании уголовного права важнейших исходных положений, касающихся социального назначения, целей и задач, а также базовых, важнейших принципов, выработанных всей историей развития отечественного уголовного права и имеющих обязательное значение для всякого реформирования законодательства, которые никак нельзя игнорировать ни при совершенствовании законов, ни при их применении, настолько они важны [Дуюнов, 2014].

Следовательно, пренебрежение парадигмой рационального использования уголовного закона как социального инструмента формирует пробелы в целостности как уголовной

политики в целом, так и политики уголовно-правового противодействия отдельным видам преступлений. Пренебрежение основополагающими постулатами уголовно-правовой теории в законодательной практике влечет дисбаланс уголовно-правового регулирования, не позволяет формироваться системе межотраслевого взаимодействия, что в конечном итоге формирует фрагментарность правового поля. Особо следует подчеркнуть высокий коррупциогенный потенциал, создаваемый указанной законодательной практикой.

Парадигма предупреждения преступлений также выступает основополагающей парадигмой современной уголовной политики. Однако в отличие от ранее рассмотренных она в большей мере связана с вопросами не криминализации, а пенализации. Как полагает Д. А. Шестаков, существуют следующие парадигмы противодействия преступности: психолого-воспитательная, социальная, репрессивная и реститутивная [Шестаков, 2006]. По мнению Д. М. Гаджиева, все они сводятся к единому знаменателю – предупреждение преступности [Гаджиев, 2023] – с уточнением, что уголовно-правовое противодействие направлено на предупреждение преступлений, а такое социальное явление, как преступность, предупредить невозможно, следует лишь стремиться к установлению социального контроля над ней. В целом следует присоединиться к данному выводу. Действительно, уголовный закон существует не как самоцель, он имеет достаточно определенное прикладное назначение – снизить число преступлений, совершаемых в обществе, посредством реализации общей и частной превенции. В ч. 1 ст. 2 УК РФ среди задач уголовного закона четко обозначена такая, как предупреждение преступлений. Причем провести четкий водораздел между охранительной задачей и задачей предупреждения преступлений на примере уголовного закона провести достаточно проблематично. В этой связи представляется интересным предложение, высказанное А. И. Бойцовым, о «билатеральном» содержании названных задач, т.е. их органичной симметрии [Бойцов, 1996]. На это косвенно указывает и содержание УК РФ. Так, категория «предупреждение» содержится в тексте следующих норм УК РФ: при определении целей назначения наказания (ч. 3 ст. 43 УК РФ); при регламентации отсрочки отбывания наказания (ч. 2 ст. 82 УК РФ); отмены отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ч. 2 ст. 82¹); содержания принудительных мер воспитательного воздействия (п. «а» ч. 2 ст. 90 и ч. 1 ст. 91); описании принудительных мер медицинского характера (ст. 98); при регламентации освобождения от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией (примечание к ст. 122), за участие в подготовке террористического акта (примечание к ст. 205); при описании состава разглашения данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ). Таким образом, совершенно очевидно, что уголовный закон следует обозначенной парадигме, ставя во главу угла задачу предупреждения преступлений. Другой вопрос, как эти нормативные установления реализуются на практике. Многие авторы отмечают неэффективность уголовного закона [Бадамшин, Черепашкин, 2012]. Среди основных причин низкого предупредительного воздействия уголовного закона на уровне частной превенции в настоящее время следует выделить: осуществление пенализации криминализованных деяний без учета мотива совершенного преступлений (например, санкции ст. 228 УК РФ); назначение наказания на основе формального подхода к требованиям ст. 60 УК РФ; неприменение альтернативных наказанию мер уголовно-правового воздействия (например, ст. 82¹ УК РФ); широкое судебское усмотрение.

Нельзя поддержать тех авторов, которые ратуют за ужесточение уголовной политики, якобы, в целях повышения ее эффективности. Так, по мнению К.А. Сыч, «... в процессе исполнения наказаний юридически исправить осужденного, полагаясь только на средства

принудительно-карательного воздействия, можно лишь в значении устрашения, когда страх потерять свободу или иное социальное благо является более сильной мотивацией по сравнению с криминальной мотивацией» [Сыч, 2023]. Полагаем, что никаких объективных оснований отказываться от выведенного еще Ч. Беккариа постулата о том, что не строгость наказания, а его неотвратимость и справедливость должны стать залогом эффективности уголовного закона [Беккариа, 1806], не существует. Совершенно справедлив в этом аспекте вывод о том, что «... механизм противодействия преступности, сориентированный преимущественно на уголовно-репрессивные средства и методы, устарел» [Лесников, 2005].

Законодатель при формировании уголовно-правовых норм обязан исходить из парадигмы предупреждения преступлений, иначе само уголовное законодательство становится фикцией либо инструментом политических репрессий, что недопустимо в цивилизованном обществе и правовом государстве.

Заключение

Резюмируя осуществленный анализ законодательных парадигм в механизме уголовной политики России первой четверти XXI в., необходимо подчеркнуть, что следование обозначенным парадигмам есть необходимое условие формирования и органичного отображения в уголовном законе уголовной политики, отвечающей новым реалиям существования социума, цифровизации и глобализации. Условность уголовной политики России предопределена тем, что законодатель нередко игнорирует основные ее парадигмы, следуя политизированным интересам и конъюнктурным обстоятельствам. В силу сказанного можно заключить, что назрела острая необходимость в разработке целостной концепции уголовной политики Российской Федерации на основе таких законодательных парадигм, как: 1) стабильность уголовного закона при разумном его динамизме; 2) сохранение национальной идентичности; 3) сближение правовых систем; 4) рациональное использование уголовного закона как социального инструмента; 5) предупреждение преступлений.

Библиография

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 28.1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2024 № 406-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 29 мая 2024 г. № 111-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 12 июня 2024 № 133-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 25 октября 2024 г. № 350-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 18.04.2002 // Российская газета. 2002. 19 апреля.
11. Алауханов Е.О. Проблемы соотношения национального уголовного права с международным уголовным правом // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Российского конгресса уголовного права (27–28 мая 2010 г.). М.: Проспект, 2010. С. 10.
12. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014. С. 142.
13. Бадамшин И.Д., Черепашкин А.С. К вопросу о понятии и условиях эффективности уголовно-правовых норм // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. № 3. Т. 5.
14. Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1806. [8], VIII, 17-200 с.
15. Бибик О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: автореф. дис. ... д-

- ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 13.
16. Богуш Г.И. Транснациональное уголовное право // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сб. материалов 6-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2009. С. 478–483.
17. Бойцов А.И. Уголовный закон: субстанциональный, атрибутивный и нормативный аспекты действия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1996. С. 8.
18. Брыка И.И., Хаперская К.С. Уголовно-правовая политика и криминализация/декриминализация уголовного закона // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 2. С. 154.
19. Ведерникова О.Н. О состоянии преступности в стране и мире, криминоглобалистике и антиглобализме // Российский криминологический взгляд. 2005. № 2. С. 82-91.
20. Вестов Ф.А., Шамьенов Н.Р. Перспективы декриминализации преступлений субъектов экономической деятельности // Эксперт: теория и практика. 2021. № 4 (13). С. 46–51.
21. Волкова О. В. Реализация уголовной политики путем криминализации и декриминализации отдельных преступных посягательств // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 518.
22. Гаухман Л. Д. Нестабильность уголовного законодательства как угроза разрушения правопорядка // Труды Института государства и права РАН. 2014. № 3. С. 87-88.
23. Гаджиев Д.М. Понятие, парадигма и цели противодействия преступности, дифференциация мер предупреждения // Научные высказывания. 2023. №22 (46). С. 122-128.
24. Дуюнов В.К. Стабильность и динамизм в уголовном законодательстве // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции / редсовет: Г.А. Русанов и др.; под ред. Ю.Е. Пудовочкина (г. Москва, 26 апреля 2013 г.). М., 2014. С. 56.
25. Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. / сост. К.А. Барышева, О.Л. Дубовик, И.И. Нагорная, А.А. Попов; отв. ред. О.Л. Дубовик. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2015. Т. 2. Уголовное право. С. 421.
26. Жалинский А.Е. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2015. С. 172.
27. Зорькин В.Д. Проблемы реализации Конвенции о правах человека. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72>.
28. Кирсанов К.А., Булавина М.А. Цивилизационное законодательство: часть третья – новопарадигматические поиски // Либерально-демократические ценности. 2021. № 3. URL: <https://liberal-journal.ru/PDF/10UNLD321.pdf>.
29. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 236-237.
30. Кудрявцев В.Н. Закон. Поступок. Ответственность. М. 2017. С. 100.
31. Курсаев А.В. Критерии деформации стабильности уголовного права // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 124-128.
32. Курсаев А.В. Отрицательные аспекты новеллизации уголовного закона // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 600-606.
33. Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России: Методологические, правовые и организационные основы: дис. ... д-ра. юрид. наук М., 2005. С. 79.
34. Липинский Д. А., Малько А. В., Иванов А. А., Маркунин Р. С. Изменение уголовного закона как причина его дисфункциональности и проявления юридической аномии // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 4. С. 33.
35. Лопашенко Н.А. Уголовная политика по принципу «чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2015. № 1. С. 48.
36. Лопашенко Н.А. Эффективное уголовное законодательство: утопия, иллюзия или нереализованные возможности? // Заседание Санкт-Петербургского криминологического клуба на тему «Криминология закона». URL: http://sartraccc.m/i.php?filename=Conference%2Foverview_krim_zak.htm&oper=read_file
37. Малько А.В., Костенко М.А. Юридическая техника в правотворческой политике // Правотворческая политика в современной России / Под ред. А.В. Малько. М. 2016. С. 103.
38. Маркунцов С.А. Новеллизация российского уголовного закона: цифры и факты. М. 2019. С. 74-75.
39. Наумов А. В. Содержание и пределы модернизации концепции наказания (в контексте истории и современности) // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3 (82). С. 41.
40. Нестабильность уголовного закона. В Верховном Суде РФ эксперты назвали присущие уголовному и уголовно-процессуальному законам недостатки. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/nestabilnost-ugolovnogo-zakona/>.
41. Ошибки в Уголовном кодексе // Российская газета. 2010. 10 июня.
42. Подройкина И. А., Кругликова Д. А. Вопросы целесообразности введения новых составов в российское уголовное законодательство // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 1(46). С. 358-362.
43. Путин поручил продолжить гуманизацию уголовного законодательства России. URL: <https://dzen.ru/a/Z7mG7IztJzWMaXZ7>.
44. Сергеев Д.Н. Законотворчество в системе уголовно -правового регулирования // Вестник Пермского

- университета. Юридические науки. 2018. № 39. С. 125-133.
45. Сизова В.Н. Эффективность российского уголовного законодательства (теоретико-прикладной анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012.
46. Сплавская Н. В. К вопросу об эффективности действия российского уголовного законодательства // Государство и право в XXI веке. 2017. № 1. С. 41.
47. Сыч К.А. Доминирующие парадигмы наказания и иных принудительных мер уголовного права в контексте их развития // Человек: преступление и наказание. 2023. № 4. Т. 31. С. 519.
48. Титаев К., Четверикова И. Избыточная криминализация экономической деятельности в России: как это происходит и что с этим делать. М., 2017.
49. Уголовное право Общая часть: учебник / отв ред И.Я. Козаченко. М.: Норма, 2008. С. 19.
50. Цай К.А. Уголовно-правовая парадигма как основа для формирования теоретического фундамента уголовной политики России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). С. 143.
51. Цепелев В.Ф. Международное сотрудничество государств в сфере борьбы с преступностью // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 448.
52. Шестаков Д.А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменившемся мире. СПб, 2006. С. 242.

Legislative Paradigms in the Mechanism of Russia's Criminal Policy in the First Quarter of the 21st Century

Mikhail M. Pavlychev

PhD in Law,
Judge,
Krasnodar Regional Court,
350063, 8, Krasnaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: mikhail_pavlychev@mail.ru

Abstract

The author conducts a conceptual study of the contemporary content of criminal policy through doctrinal justification, analyzing the substantive content of legislative paradigms. The article provides additional substantiation for the model of criminal policy mechanism and identifies the place of these conceptual approaches in its formation. Particular attention is given to the systematization and substantive analysis of legislative paradigms as the foundation of Russia's current criminal policy. By examining the views of domestic legal scholars, the study outlines directions for changes in criminal policy and the content of the legislative paradigms that define it. The author offers a critical perspective on the current state of criminal law and identifies ways to optimize its content based on the considered paradigms. The article also addresses the need to adjust criminal policy in light of new societal realities, digitalization, and globalization.

For citation

Pavlychev M.M. (2025) *Zakonodatel'nye paradigmy v mekhanizme ugovnoyi politiki Rossii pervoi chetverti XXI veka* [Legislative Paradigms in the Mechanism of Russia's Criminal Policy in the First Quarter of the 21st Century]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 563-575.

Keywords

Legislative paradigm, criminal policy, doctrine, crime prevention, national identity, convergence of legal systems, instability of criminal law.

References

1. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of April 18, 2002. Rossiyskaya Gazeta, April 19, 2002.
2. Alauhanov, E.O. (2010). Problems of correlation between national criminal law and international criminal law. In Scientific foundations of criminal law and globalization processes (p.10). Prospekt.
3. Babaev, M.M., & Pudovochkin, Yu.E. (2014). Problems of Russian criminal policy (p. 142). Prospekt.
4. Badamshin, I.D., & Cherepashkin, A.S. (2012). On the concept and conditions of effectiveness of criminal law norms. Problem Analysis and State Management Design, 5(3).
5. Beccaria, C. (1806). On crimes and punishments. I. Glazunov Publishing.
6. Bibik, O.N. (2015). Cultural dimension of criminal law and criminological research [Doctoral dissertation abstract] (p. 13). Yekaterinburg.
7. Bogush, G.I. (2009). Transnational criminal law. In Criminal law: Development strategy in the 21st century (pp. 478 - 483).
8. Boitsov, A.I. (1996). Criminal law: Substantive, attributive and normative aspects of operation [Doctoral dissertation abstract] (p. 8). Saint Petersburg.
9. Bryka, I.I., & Khaperskaya, K.S. (2019). Criminal law policy and criminalization/decriminalization of criminal law. Legal Paradigm, 18(2), 154.
10. Criminal Law. General Part (2008). (I.Ya. Kozachenko, Ed.) (p. 19). Norma.
11. Duyunov, V.K. (2014). Stability and dynamism in criminal legislation. In Current problems of the theory and practice of criminal law application (p. 56).
12. Errors in the Criminal Code. Rossiyskaya Gazeta, June 10, 2010.
13. Federal Law No. 111-FZ of May 29, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
14. Federal Law No. 133-FZ of June 12, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
15. Federal Law No. 218-FZ of August 8, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
16. Federal Law No. 340-FZ of October 2, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
17. Federal Law No. 350-FZ of October 25, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
18. Federal Law No. 383-FZ of November 9, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
19. Federal Law No. 406-FZ of November 23, 2024 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 28.1 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". ConsultantPlus Legal Database.
20. Federal Law No. 64-FZ of March 23, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
21. Federal Law No. 79-FZ of April 6, 2024. ConsultantPlus Legal Database.
22. Gadzhiev, D.M. (2023). Concept, paradigm and goals of crime prevention, differentiation of preventive measures. Scientific Statements, 22(46), 122-128.
23. Gauhman, L.D. (2014). Instability of criminal legislation as a threat to the destruction of law and order. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 3, 87-88.
24. Instability of criminal law. Experts in the Supreme Court of the Russian Federation named the shortcomings inherent in criminal and criminal procedure laws. <https://www.advgazeta.ru/novosti/nestabilnost-ugolovnogo-zakona/>
25. Kirsanov, K.A., & Bulavina, M.A. (2021). Civilizational legislation: Part three - new paradigmatic searches. Liberal-Democratic Values, 3. <https://liberal-journal.ru/PDF/10UNLD321.pdf>
26. Korobeev, A.I. (2019). Russia's criminal law policy: From genesis to crisis (pp. 236-237). Yurlitinform.
27. Kudryavtsev, V.N. (2017). Law. Act. Responsibility (p. 100).
28. Kursae, A.V. (2021). Criteria for deformation of criminal law stability. Bulletin of Economic Security, 5, 124-128.
29. Kursae, A.V. (2021). Negative aspects of criminal law novellization. Legal Technique, 15, 600-606.
30. Lesnikov, G.Yu. (2005). Criminal policy of modern Russia: Methodological, legal and organizational foundations [Doctoral dissertation] (p. 79). Moscow.
31. Lipinsky, D.A., et al. (2023). Changes in criminal law as a cause of its dysfunctionality and manifestations of legal anomie. Science. Society. State, 11(4), 33.
32. Lopashenko, N.A. (2015). Criminal policy on the principle of "what would you like?", or criminal law as a means of solving all problems. Moscow University Law Bulletin, 1, 48.
33. Lopashenko, N.A. Effective criminal legislation: Utopia, illusion or unrealized opportunities? http://sartraccc.m/i.php?filename=Conference%2Foverview_krim_zak.htm&oper=read_file
34. Mal'ko, A.V., & Kostenko, M.A. (2016). Legal technique in law-making policy. In Law-making policy in modern Russia (p. 103).

35. Markuntsov, S.A. (2019). Novellization of Russian criminal law: Figures and facts (pp. 74-75).
36. Naumov, A.V. (2013). Content and limits of modernization of the concept of punishment (in the context of history and modernity). *Man: Crime and Punishment*, 3(82), 41.
37. Podroikina, I.A., & Kruglikova, D.A. (2019). Issues of advisability of introducing new offenses into Russian criminal legislation. *Business. Education. Law*, 1(46), 358-362.
38. Putin instructed to continue the humanization of Russia's criminal legislation. <https://dzen.ru/a/Z7mG7IztJzWMaXZ7>
39. Sergeev, D.N. (2018). Lawmaking in the system of criminal law regulation. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 39, 125-133.
40. Shestakov, D.A. (2006). Criminology. New approaches to crime and criminality. Criminogenic laws and criminological legislation. *Combating crime in a changing world* (p. 242). Saint Petersburg.
41. Sizova, V.N. (2012). Effectiveness of Russian criminal legislation (theoretical and applied analysis) [Candidate dissertation abstract]. Nizhny Novgorod.
42. Splavskaya, N.V. (2017). On the issue of the effectiveness of Russian criminal legislation. *State and Law in the 21st Century*, 1, 41.
43. Sych, K.A. (2023). Dominant paradigms of punishment and other coercive measures of criminal law in the context of their development. *Man: Crime and Punishment*, 31(4), 519.
44. Titaev, K., & Chetverikova, I. (2017). Excessive criminalization of economic activity in Russia: How it happens and what to do about it.
45. Tsai, K.A. (2016). Criminal law paradigm as the basis for forming the theoretical foundation of Russia's criminal policy. *Current Problems of Russian Law*, 11(72), 143.
46. Tsepelev, V.F. (2009). International cooperation of states in the fight against crime. In *International criminal justice: Contemporary issues* (p. 448). Institute of Law and Public Policy.
47. Vedernikova, O.N. (2005). On the state of crime in the country and the world, criminoglobalistics and anti-globalism. *Russian Criminological View*, 2, 82-91.
48. Vestov, F.A., & Shamienov, N.R. (2021). Prospects for decriminalization of crimes by economic entities. *Expert: Theory and Practice*, 4(13), 46-51.
49. Volkova, O.V. (2022). Implementation of criminal policy through criminalization and decriminalization of certain criminal offenses. *Issues of Russian Justice*, 17, 518.
50. Zhalinsky, A.E. (2015). Criminal law awaiting changes: Theoretical and instrumental analysis (p. 172). *Prospekt*.
51. Zhalinsky, A.E. (2015). Selected works: In 4 vols. Vol. 2. Criminal law (p. 421). Higher School of Economics Publishing House.
52. Zorkin, V.D. Problems of implementation of the Human Rights Convention. <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72>

УДК 34**Проблема исполнения приговоров международных трибуналов
в отношении осужденных за военные преступления****Новиков Алексей Валерьевич**

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права,

Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

профессор кафедры частного права,

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,

614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Галушкин Владимир Викторович

Старший преподаватель,

Департамент математики,

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,

125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80/1;

e-mail: super-club@mail.ru

Аннотация

Статья анализирует ключевые проблемы исполнения приговоров международных трибуналов (таких как МТБЮ, МТР, СССЛ), фокусируясь на постсудебном этапе. На примере кейсов, таких как дело Дражена Эрдемовича, раскрываются противоречия между глобальными целями правосудия и практикой отбывания наказания. Основные вызовы включают географическое неравенство условий содержания (от скандинавских тюрем до африканских учреждений), двойные стандарты досрочного освобождения, отсутствие специализированных программ реабилитации для военных преступников и ограниченные возможности постпенитенциарного мониторинга. Показано, что различия в сроках наказания между трибуналами обусловлены правовыми рамками, составом преступлений (геноцид, преступления против человечности) и статусом подсудимых. Особое внимание уделено дисбалансу в реинтеграции осуждённых: от успешной адаптации в новых странах до публичной реабилитации в регионах конфликтов. Авторами показано, что отсутствие единых стандартов, прозрачности и учета региональных особенностей совершения преступлений ставит под сомнение легитимность международного правосудия. В заключение предложены системные реформы: унификация условий содержания, создание специализированных реабилитационных программ, вовлечение жертв в процесс и внедрение постреабилитационного контроля.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Галушкин В.В. Проблема исполнения приговоров международных трибуналов в отношении осужденных за военные преступления // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 576-583.

Ключевые слова

Международные трибуналы, исполнение приговоров, постсудебный этап, досрочное освобождение, реабилитация осуждённых, географическое неравенство, реинтеграция, геноцид, преступления против человечности, международное правосудие, гуманизация наказания, постпенитенциарный мониторинг.

Введение

26 августа 1998 года 27-летний боснийский хорват Дражен Эрдемович стал первым осуждённым за международные преступления, переданным для отбывания наказания в иностранное пенитенциарное учреждение — норвежскую тюрьму строгого режима. После освобождения через три года он и его семья, получившие новые идентичности в рамках программы защиты свидетелей, переселились в одну из стран Северной Европы. Этот случай выявил ключевые проблемы постсудебного этапа работы международных трибуналов: осуждённые за военные преступления, геноцид и преступления против человечности часто отбывают наказание за пределами своих стран, а после освобождения сталкиваются с трудностями реинтеграции, репатриации или переселения в третьи государства.

Основное содержание

По состоянию на июль 2013 года Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), Международный трибунал по Руанде (МТР) и Специальный суд по Сьерра-Леоне (СССЛ) вынесли обвинительные приговоры в отношении 121 лица. Наибольшее число осуждённых пришлось на МТБЮ - 69 человек, МТР - 44, и СССР - 8. Существенные различия в строгости наказаний между трибуналами объясняются правовыми рамками, составом преступлений и статусом подсудимых. Например, Устав СССР исключал пожизненное заключение, что компенсировалось длительными сроками, тогда как в МТР 84% осуждённых были признаны виновными в геноциде, который традиционно влечет максимальные наказания. В МТБЮ, напротив, преобладали преступления против человечности (52%) и военные преступления (44%), включая менее тяжкие деяния, а основными фигурантами на начальных этапах становились рядовые исполнители. Это привело к значительному разрыву в санкциях: средние сроки составили 14.84 лет для МТБЮ, 21.9 лет для МТР и 37 лет для СССР.

К 2013 году 45% осуждённых (55 человек) уже вышли на свободу, 84% из них — досрочно. Однако исполнение приговоров остаётся сложной задачей, усугубляемой несовершенством правовых механизмов. Создатели уставов трибуналов сосредоточились на судебных процедурах, практически не регулируя пенитенциарный этап. Например, МТБЮ исключил страны бывшей Югославии из списка мест отбывания наказания из-за конфликтов, а МТР формально разрешил передачу осуждённых в Руанду, но на практике этого не произошло. Причины включали риски побегов, несоответствие тюрем стандартам и гуманитарные

опасения. Даже современная тюрьма Мпанга в Руанде, соответствующая международным требованиям, использовалась преимущественно для осуждённых ССЛ, тогда как ключевые осуждённые, такие как Чарльз Тейлор отбывали срок в Великобритании.

Процедура назначения страны исполнения приговора возлагалась на президентов трибуналов, руководствовавшихся внутренними правилами. Выбор государства критически влиял не только на условия содержания, но и на доступ к досрочному освобождению. Хотя условно-досрочное освобождение регулировалось законодательством страны-исполнителя, требовалось одобрение трибунала с учётом следующих критериев: тяжести преступления, практики обращения с аналогичными заключёнными, признаков реабилитации и сотрудничества с обвинением. Эти критерии стали предметом критики из-за «двойного учёта» факторов. Например, помощь следствию могла как смягчить первоначальный приговор, так и ускорить досрочное освобождение. Особую сложность представляла специфика ССЛ: отсутствие права на пожизненное заключение компенсировалось экстремально длительными сроками, что повышало роль механизмов досрочного освобождения и усугубляло дисбаланс между наказанием и реабилитацией.

Исполнение приговоров напрямую влияет на восприятие легитимности трибуналов. Условия содержания, практика досрочного освобождения и дальнейшая судьба осуждённых формируют наследие этих институтов, определяя уровень доверия к системе. Несмотря на декларативное отсутствие иерархии между категориями преступлений, приговоры за геноцид были строже, что отражает не только юридические особенности, но и социально-политический контекст. Завершающая стадия уголовного процесса, хотя и остаётся наименее изученной, критически важна для оценки эффективности международного правосудия, балансируя между принципом справедливости и практическими ограничениями глобальной юрисдикции.

Ограниченный доступ к семейным контактам и неравные возможности для временного освобождения не только влияют на психическое состояние осуждённых, но и создают дисбаланс в их шансах на реинтеграцию. География исполнения приговора превращается в фактор, сопоставимый по значимости с тяжестью преступления. Например, во Франции один из заключённых не получал визитов родственников более четырёх лет из-за финансовых и бюрократических барьеров, а в Руанде посещения разрешены раз в год. Попытки смягчить изоляцию, такие как увеличение продолжительности встреч или кратковременные прогулки остаются редкими исключениями.

Реабилитация, декларируемая как цель международного правосудия, сталкивается с системными ограничениями. В Норвегии осуждённые формально имеют доступ к тем же программам, что и местные преступники — курсам по управлению агрессией или борьбе с зависимостями. Однако языковой барьер, содержание в тюрьмах строгого режима и отсутствие специализированных методик снижают эффективность ресоциализации. Проблема усугубляется отсутствием инструкций от трибуналов: тюрьмы действуют на своё усмотрение, применяя меры, рассчитанные на обычных правонарушителей. Например, программы, акцентирующие индивидуальную ответственность, игнорируют коллективную вину или наличие деструктивной идеологии, характерные для преступлений против человечности.

Система досрочного освобождения демонстрирует также неравенство в отношении военных преступников. В странах вроде Франции или Финляндии освобождение возможно после отбытия половины срока, в Норвегии или Швеции — двух третей, тогда как в Мали и Бенине

правила отсутствуют. Трибуналы, руководствуясь критериями тяжести преступлений, реабилитации и сотрудничества с обвинением, создают двойные стандарты. Сотрудничество со следствием, как в случае Дражена Эрдемовича, освобождённого МТБЮ после трёх лет из пяти, не только смягчает приговор, но и ускоряет досрочное освобождение. При этом ключевым барьером остаётся тяжесть преступлений: ни один из 14 осуждённых МТР за геноцид не был освобождён к 2013 году, тогда как Миомир Стакич, приговорённый к 40 годам, вышел на свободу после двух третей срока благодаря участию в реабилитационных программах.

Подобная несогласованность ставит под вопрос легитимность международного правосудия. Решения о смягчении режима остаются субъективными и слабо мотивированными. Непрозрачность процесса, географические дисбалансы и неадекватность реабилитационных механизмов формируют системные ограничения: даже при желании измениться осуждённые не получают ресурсов для реинтеграции. Это не только подрывает принцип справедливости, но и превращает исполнение приговоров в метафору системного кризиса — конфликта между глобальными целями правосудия и локальными реалиями, где логистика и безопасность преобладают над гуманитарными целями.

После освобождения судьбы осужденных складываются крайне неравномерно. Одни, как Дражен Эрдемович, интегрируются в новые сообщества при поддержке программ защиты свидетелей. Другие возвращаются в публичное пространство: Биляна Плавшич, встреченная в Сербии правительственным самолётом, получила офис в сенате, а Веселин Шљиванчанин, бывший майор югославской армии, выпустил книгу, оправдывающую свои действия. Эти примеры контрастируют с теми, кто сталкивается с изоляцией и экономическими трудностями, как Мирослав Квочка, лишенный пенсии и работы, или пытается избежать репатриации. Геополитический контекст играет ключевую роль: в разделенной бывшей Югославии осужденные часто воспринимаются как герои в своих этнических общинах, тогда как в Руанде хуту избегают возвращения из-за риска дискриминации.

Для преодоления кризиса требуются системные реформы: унификация критериев досрочного освобождения, создание независимых комиссий для мониторинга реабилитации и вовлечение жертв в процесс. Без стандартов и прозрачности международное правосудие рискует остаться инструментом, где механическое соблюдение сроков и география исполнения приговора значимее, чем восстановление справедливости. Современная практика, балансирующая между наказанием и гуманностью, продолжает ставить под сомнение универсальность международного права, превращая его в мозаику противоречивых локальных подходов.

Отсутствие постпенитенциарного мониторинга со стороны международных трибуналов усугубляет системные проблемы. Не отслеживая судьбы освобождённых, институты не могут оценить риски рецидива или успешность реинтеграции, что порождает двойные стандарты. Лица, осужденные за преступления против человечности, становятся «медийными фигурами» в одних обществах, как Биляна Плавшич в Сербии, и изгоями — в других, как Мирослав Квочка в Боснии. Этические дилеммы обнажаются, когда отсутствие раскаяния, как у Веселина Шљиванчанина, оправдывающего свои действия, противоречит публичной реабилитации. Раннее освобождение таких фигур ставит под вопрос баланс между правом и моралью, подрывая доверие к международному правосудию.

Ключевой вызов заключается в неразработанности механизмов исполнения приговоров.

Назначение стран отбывания наказания часто определяется политической конъюнктурой, а не прозрачными критериями, создавая вопиющее неравенство условий. Осужденные за аналогичные преступления оказываются в принципиально разных реалиях: от скандинавских тюрем с акцентом на ресоциализацию до африканских учреждений, где доминирует изоляция. Реабилитация, декларируемая как цель, остаётся недостижимой целью — программы для обычных правонарушителей игнорируют специфику идеологически мотивированных злодеяний. Оценка «успешности» сводится к формальностям: посещению курсов или примерному поведению, не отражающим глубину раскаяния. Эта поверхностность усугубляется отсутствием постреабилитационного контроля: освобожденные исчезают из поля зрения трибуналов, их судьбы варьируются от возвращения в политику до вынужденной эмиграции.

Практика досрочного освобождения после двух третей срока, ставшая де-факто нормой, подрывает принципы возмездия и превенции. Общество жертв справедливо сомневается: может ли считаться наказанием срок, завершающийся до рассмотрения апелляции? Риски усугубляются тем, что Международный уголовный суд повторяет ошибки *ad hoc* трибуналов, сохраняя отсутствие единых стандартов. Например, МТБЮ освобождал 93% ходатайствующих, а МТР — лишь 62%, что отражает географическую предвзятость.

Преодоление кризиса требует системных реформ. Унификация условий содержания, разработка специализированных реабилитационных программ и внедрение постпенитенциарного мониторинга необходимы для восстановления доверия. Однако без фундаментальных исследований долгосрочного воздействия приговоров на реинтеграцию и процессы примирения реформы останутся половинчатыми. Современное международное правосудие стоит на перепутье: останется ли оно инструментом символического возмездия или трансформируется в систему, гарантирующую справедливость для жертв и подлинное исправление преступников. Этот выбор определит, станет ли идея глобального правопорядка практикой или утопией.

Заключение

Исполнение приговоров международных трибуналов, несмотря на их значимость в борьбе с безнаказанностью за военные преступления, геноцид и преступления против человечности, обнажило глубокие системные противоречия. С одной стороны, передача осуждённых в страны с прогрессивными пенитенциарными системами, как в случае Дражена Эрдемовича, отбывавшего срок в Норвегии, демонстрирует попытки совместить наказание с ресоциализацией. Норвежские тюрьмы, ориентированные на уважение человеческого достоинства и низкий уровень рецидивов, становятся примером гуманного подхода. С другой стороны, отсутствие специализированных программ для военных преступников, языковые барьеры и шаблонные реабилитационные методики сводят эти усилия к формальности, не затрагивая идеологическую подоплёку их действий.

Ключевой вызов постсудебного этапа — неравенство условий содержания и досрочного освобождения. География исполнения приговора превращается в фактор, сопоставимый по значимости с тяжестью преступления. Например, в Норвегии освобождение возможно после отбытия двух третей срока, тогда как в Руанде даже современная тюрьма Мпанга,

соответствующая международным стандартам, не гарантирует аналогичных возможностей. Это порождает дисбаланс: осужденные за схожие преступления оказываются в принципиально разных условиях.

Реабилитация, декларируемая как цель международного правосудия, остаётся фикцией. Программы, разработанные для обычных правонарушителей, игнорируют коллективную вину и идеологическую обработку, характерные для преступлений против человечности. Тюремные администрации, как признают сами сотрудники, не обладают компетенциями для работы с такими осуждёнными. Ситуацию усугубляет отсутствие постпенитенциарного мониторинга: судьбы освобождённых, будь то интеграция Эрдемовича под новой идентичностью или публичная реабилитация Биляны Плавшич в Сербии, выпадают из поля зрения трибуналов. Это не только усиливает риски рецидива, но и подрывает доверие к системе, особенно когда отсутствие раскаяния, как у Веселина Шљиванчанина, оправдывающего свои преступления, контрастирует с досрочным освобождением.

Преодоление кризиса требует системных реформ. Унификация стандартов содержания и досрочного освобождения, исключая географическую предвзятость, должна стать приоритетом. Не менее важно создание специализированных реабилитационных программ, направленных на деконструкцию идеологий ненависти, и независимых комиссий для оценки прогресса осужденных с участием жертв. Постреабилитационный мониторинг, обеспечивающий прозрачность и контроль над реинтеграцией, поможет снизить риски возврата к насилию.

Опыт Норвегии доказывает, что баланс между безопасностью и гуманизмом возможен. Однако без фундаментальных изменений международное правосудие рискует остаться инструментом символического возмездия. Чтобы стать гарантом справедливости, система должна воспринимать исполнение приговоров не как финальную стадию, а как часть непрерывного процесса восстановления общества — там, где наказание служит не только возмездию, но и примирению.

Библиография

1. Ahmad N., Rahim F., Ariffin D. I. Legal Challenges of Prosecuting War Crimes and Crimes Against Humanity: A Comparative Analysis of Islamic Law and Modern International Law //Manchester Journal of Transnational Islamic Law & Practice. – 2024. – Т. 20. – №. 3.
2. Dinstein Y., Tabory M. (ed.). War Crimes in International Law: Published Under the Auspices of the Buchmann Faculty of Law, Tel Aviv University. – BRILL, 2023.
3. Marchesi D. The War Crimes of Denying Judicial Guarantees and the Uncertainties Surrounding Their Material Elements // Israel Law Review. – 2021. – Т. 54. – №. 2. – С. 174-204.
4. McDonald G. K. The international criminal tribunals: crime and punishment in the international arena //ILSA J. Int'l & Comp. L. – 2000. – Т. 7. – С. 667.
5. Meron T. Reflections on the prosecution of war crimes by international tribunals //American Journal of International Law. – 2006. – Т. 100. – №. 3. – С. 551-579.
6. Schabas W. A. Sentencing by international tribunals: a human rights approach //Duke J. Comp. & Int'l L. – 1996. – Т. 7. – С. 461.
7. Wald P. M. Punishment of war crimes by international tribunals //Social Research: An International Quarterly. – 2002. – Т. 69. – №. 4. – С. 1125-1140.
8. Owoche A. G., Aidonojie P. A. An examination of the rationale for the law against international crimes //KIU Interdisciplinary Journal of Humanities and Social Sciences. – 2024. – Т. 5. – №. 2. – С. 212-227.
9. Bassiouni M. C. Crimes against humanity in international criminal law. – BRILL, 2023.
10. Lescure K., Trintignac F. International Justice for Former Yugoslavia: The Workings of the International Criminal Tribunal of the Hague. – BRILL, 2023. – Т. 20.

The Problem of Enforcement of International Tribunal Judgments Regarding War Crimes Convicts

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Vladimir V. Galushkin

Senior Lecturer,
Department of Mathematics,
Moscow University of Industry and Finance "Synergy",
125190, 80/1, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: super-club@mail.ru

Abstract

The article examines key challenges in enforcing judgments of international tribunals (such as ICTY, ICTR, SCSL), focusing on the post-sentencing phase. Through case studies like Dražen Erdemović's, it reveals contradictions between global justice objectives and actual penal practices. Major issues include geographic disparities in detention conditions (from Scandinavian prisons to African facilities), double standards in early release, lack of specialized rehabilitation programs for war criminals, and limited post-penitentiary monitoring capabilities. The study demonstrates how sentencing discrepancies between tribunals stem from legal frameworks, crime classifications (genocide, crimes against humanity), and defendants' status. Particular attention is paid to reintegration imbalances – ranging from successful adaptation in new countries to public rehabilitation in conflict regions. The authors prove that absent unified standards, transparency, and consideration of regional crime contexts undermines international justice legitimacy. The conclusion proposes systemic reforms: standardizing detention conditions, developing specialized rehabilitation programs, involving victims in the process, and implementing post-rehabilitation controls.

For citation

Novikov A.V., Galushkin V.V. (2025) Problema ispolneniya prigovorov mezhdunarodnykh tribunalov v otnoshenii osuzhdennykh za voennye prestupleniya [The Problem of Enforcement of International Tribunal Judgments Regarding War Crimes Convicts]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 576-583.

Aleksei V. Novikov, Vladimir V. Galushkin

Keywords

International tribunals, judgment enforcement, post-sentencing phase, early release, convict rehabilitation, geographic disparity, reintegration, genocide, crimes against humanity, international justice, humanization of punishment, post-penitentiary monitoring.

References

1. Ahmad, N., Rahim, F., & Ariffin, D. I. (2024). Legal challenges of prosecuting war crimes and crimes against humanity: A comparative analysis of Islamic law and modern international law. *Manchester Journal of Transnational Islamic Law & Practice*, 20(3).
2. Bassiouni, M. C. (2023). *Crimes against humanity in international criminal law*. Brill.
3. Dinstein, Y., & Tabory, M. (Eds.). (2023). *War crimes in international law*. Brill.
4. Lescure, K., & Trintignac, F. (2023). *International justice for former Yugoslavia: The workings of the International Criminal Tribunal of the Hague* (Vol. 20). Brill.
5. Marchesi, D. (2021). The war crimes of denying judicial guarantees and the uncertainties surrounding their material elements. *Israel Law Review*, 54(2), 174-204. <https://doi.org/10.1017/S002122372100009X>
6. McDonald, G. K. (2000). The international criminal tribunals: Crime and punishment in the international arena. *ILSA Journal of International & Comparative Law*, 7, 667.
7. Meron, T. (2006). Reflections on the prosecution of war crimes by international tribunals. *American Journal of International Law*, 100(3), 551-579. <https://doi.org/10.1017/S000293000002693>
8. Owoche, A. G., & Aidonojie, P. A. (2024). An examination of the rationale for the law against international crimes. *KIU Interdisciplinary Journal of Humanities and Social Sciences*, 5(2), 212-227.
9. Schabas, W. A. (1996). Sentencing by international tribunals: A human rights approach. *Duke Journal of Comparative & International Law*, 7, 461.
10. Wald, P. M. (2002). Punishment of war crimes by international tribunals. *Social Research: An International Quarterly*, 69(4), 1125-1140.

УДК 34**Правовое регулирования доступа осужденных к высшему образованию в контексте эволюции пенитенциарной системы США****Новиков Алексей Валерьевич**

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

профессор кафедры частного права,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Галушкин Владимир Викторович

Старший преподаватель,
Департамент математики,

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80/1;

e-mail: super-club@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется проблема доступа осужденных к высшему образованию в контексте эволюции пенитенциарной системы США. Анализируется противоречие между карательной и реабилитационной парадигмами, особенно после отмены федерального финансирования образовательных программ в 1994 году. На примере успешных университетских инициатив (Бостонского университета, Бард-колледжа и Университета Сент-Луиса) демонстрируется, что тюремное образование снижает рецидивизм на 43% и обеспечивает экономию до \$5 на каждый вложенный доллар. Особое внимание уделяется институциональным барьерам, включая законодательные ограничения, социальную стигматизацию и проблемы постпенитенциарной реинтеграции. Доказывается, что образовательные программы трансформируют пенитенциарную среду, сокращают системные издержки и способствуют формированию восстановительной модели правосудия.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Галушкин В.В. Правовое регулирования доступа осужденных к высшему образованию в контексте эволюции пенитенциарной системы США // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 584-593.

Ключевые слова

Тюремное образование, рецидивизм, реабилитация заключенных, Пелл-гранты, пенитенциарная система, социальная реинтеграция, восстановительное правосудие, образовательные программы, экономическая эффективность, карательная парадигма.

Введение

Дискуссия о предоставлении лицам, отбывающим уголовное наказание, возможности получения высшего образования традиционно фокусируется на аспекте социальной справедливости, при этом критики данного подхода задаются вопросом: почему лица, нарушившие закон, должны получать преимущества, недоступные для многих законопослушных граждан. Хотя эмпирические исследования, подтверждающие, что образовательные программы способствуют снижению уровня рецидивизма на 43%, эмоционально окрашенные аргументы продолжают преобладать в общественной дискуссии. Вместе с тем современные исследования и практический опыт ведущих университетских программ свидетельствуют о том, что польза такого подхода выходит далеко за рамки индивидуальной ресоциализации и имеет системный характер.

Основной проблемой в данной сфере остается ограниченный доступ к высшему образованию как для заключенных, так и для лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Поскольку значительная часть этой категории лиц происходит из социально уязвимых групп с низким уровнем доходов, самостоятельная оплата обучения для них зачастую невозможна. Ситуацию усугубляет законодательное регулирование, в частности *Закон о контроле над насильственными преступлениями и правоприменении* (1994), который лишил заключенных права на получение федеральных образовательных грантов. Кроме того, после освобождения бывшие осужденные сталкиваются с институциональной стигматизацией: многие высшие учебные заведения отказывают им в зачислении, опасаясь репутационных и юридических рисков, что ограничивает их шансы на реинтеграцию в общество.

Основное содержание

Исторически развитие образовательных программ в пенитенциарных учреждениях США отражает противостояние двух концепций — карательной и реабилитационной. Если в 1990-е годы доминировала логика ужесточения наказания, то в настоящее время растет понимание того, что инвестиции в образование заключенных способствуют не только их ресоциализации, но и снижению уровня преступности в долгосрочной перспективе, что в приведет к оптимизации государственных расходов.

Отмена федерального финансирования образовательных программ для заключенных посредством Пелл-грантов в 1994 году представляет собой характерный пример доминирования карательной парадигмы над реабилитационными подходами в американской пенитенциарной системе. Несмотря на наличие убедительных эмпирических данных, свидетельствующих о значительном снижении уровня рецидивизма и последующей экономии бюджетных средств благодаря образовательным программам не влияют на законодательные решения. Центральным аргументом противников финансирования выступал тезис о «несправедливости» предоставления образовательных возможностей лицам, осужденным за уголовные преступления, в условиях ограниченного доступа к высшему образованию для законопослушных граждан. Эта политическая

тенденция, характерная для криминологического дискурса 1990-х годов, привела к практически полной ликвидации системы высшего образования в исправительных учреждениях США.

В последние десятилетия наблюдается постепенная трансформация данного подхода, обусловленная двумя ключевыми факторами: экспоненциальным ростом расходов на содержание пенитенциарной системы и накоплением значительного массива эмпирических данных, подтверждающих эффективность образовательных программ как инструмента ресоциализации. В данном контексте особый интерес представляет Программа образования в пенитенциарных учреждениях (Prison Education Program, PEP) Бостонского университета - основанная в 1972 году и наиболее масштабная академическая инициатива подобного рода в Соединенных Штатах. Уникальность данной программы заключается в ее институциональной устойчивости - несмотря на отмену федерального финансирования, она продолжает успешно функционировать в трех исправительных учреждениях.

В настоящее время программа предлагает исключительно программы бакалавриата, тогда как до законодательных изменений 1994 года существовала возможность получения и магистерской степени. Тем не менее, программа демонстрирует значительные количественные показатели: с момента основания более 180 заключенных получили степени бакалавра. Эти показатели свидетельствуют не только о востребованности образовательных программ среди осужденных, но и подтверждают их институциональную жизнеспособность даже в условиях ограниченного финансирования.

Первоначально существенным институциональным барьером для потенциальных участников программы выступало требование наличия как минимум годичной академической подготовки на уровне колледжа. Однако в последние годы благодаря привлечению дополнительного финансирования через грантовые механизмы и установлению партнерских отношений с профильными организациями удалось разработать эффективную систему подготовки абитуриентов.

Методологическая уникальность программы PEP проявляется в ее содержательной ориентации. В отличие от большинства аналогичных проектов, в рамках данной программы практически исключается обсуждение криминального опыта участников, вместо этого акцент делается на углубленном изучении литературных памятников, исторических процессов и философских доктрин. Такой академико-центричный подход позволяет осужденным осуществлять рефлексию личного опыта через призму универсальных культурных и интеллектуальных традиций, что создает прочный фундамент для последующей социальной реинтеграции. Как подчеркивают преподаватели программы, в условиях традиционной пенитенциарной системы заключенные зачастую не столько «развиваются как личности, сколько совершенствуются как преступники», и PEP целенаправленно работает над изменением данной траектории развития.

Важно отметить, что программа сознательно дистанцируется от узкопрагматической парадигмы. Хотя эмпирически подтверждено, что получение высшего образования существенно повышает показатели постпенитенциарной занятости, способствует снижению уровня рецидивизма и улучшает управляемость тюремного контингента, концептуальная цель PEP формулируется значительно шире - формирование социально ответственных субъектов, обладающих развитым критическим мышлением, через реализацию полноценного академического образовательного процесса.

Схожие методологические принципы реализуются в программе Бард-колледжа (Bard Prison Initiative, BPI), учрежденной в 1999 году и ставшей еще одной успешной моделью

пенитенциарного образования. Начав с реализации отдельных учебных курсов в 2001 году, BPI в настоящее время предлагает заключенным полный цикл высшего образования - от программ младшего специалиста до степени бакалавра. Данный опыт демонстрирует возможность обеспечения качественного высшего образования в условиях пенитенциарных учреждений даже при отсутствии масштабной государственной поддержки, опираясь на академические традиции и профессиональную мотивацию преподавательского состава.

Программа Бард-колледжа (BPI) демонстрирует инновационную модель академического взаимодействия, устанавливая уникальные образовательные связи между осужденными и учащимися основного кампуса. Регулярные образовательные визиты волонтеров, включающие подготовительные занятия и междисциплинарные мастер-классы, создают в условиях пенитенциарного учреждения особое образовательное пространство, концептуально определяемое организаторами как «альтернативное пространство», полностью основанное на принципах гуманитарного образования. Эта практика выполняет двоякую функцию: с одной стороны, существенно обогащает учебный процесс, с другой - способствует преодолению социальных барьеров между заключенными и гражданским обществом.

Методологическая основа BPI, представляет собой принципиально новый образовательный подход. В отличие от традиционных моделей, сочетающих элементы идеологической индоктринации, программа предлагает глубокое погружение в исторические контексты и философские парадигмы, лежащие в основе конституционного устройства. Такой методологический выбор позволяет развивать у обучающихся способность к критическому мышлению, понимание сложных социальных механизмов и рефлексивное отношение к правовым институтам. Особую значимость данный подход приобретает в условиях институциональной изоляции, где традиционно преобладают редукционистские модели восприятия социальной реальности.

Стратегическая цель программы, заключающаяся в подготовке к успешной ресоциализации через развитие социальной компетентности, реализуется через три взаимосвязанных методологических принципа. Во-первых, это принцип ненасильственной педагогики, исключающий манипулятивные практики в процессе морального самоопределения. Во-вторых, принцип антропоцентризма, предполагающий безусловное признание человеческого достоинства каждого участника образовательного процесса. В-третьих, принцип структурного анализа, направленный на развитие навыков критического осмысления социальных институтов. Эти принципы позволяют преодолеть традиционную пенитенциарную дихотомию «субъект-объект наказания» и способствует формированию более комплексного понимания природы девиантного поведения, механизмов социальной реинтеграции и роли образования в процессе исправления. Эмпирические исследования подтверждают, что такой подход значительно повышает эффективность постпенитенциарной адаптации и способствует снижению уровня рецидивизма.

Развиваясь в том же концептуальном русле, программа Университета Сент-Луиса представляет собой синтез лучших практик Бард-колледжа и Бостонского университета, дополненных инновационными элементами. Основанная в 2007 году, эта инициатива уделяет особое внимание вовлечению тюремного персонала в образовательный процесс, что создает более благоприятную среду для реализации академических целей. Находясь на начальной стадии развития, программа уже получила одобрение университетского руководства.

Программа Университета Сент-Луиса по предоставлению высшего образования заключенным представляет собой органичное сочетание академических традиций, социальной миссии и современных педагогических подходов.

Ключевой особенностью программы является ее инклюзивная образовательная среда, которая принципиально отличается от традиционных моделей активным вовлечением тюремного персонала в учебный процесс. Такой подход не только создает более благоприятные условия для обучения, но и получил признание на университетском уровне.

С академической точки зрения программа прошла значительную эволюцию: от первоначальных теологических курсов до текущего уровня младшего специалиста, с планами по расширению до полноценных программ бакалавриата по востребованным специальностям. Такой постепенный рост позволяет оптимально подготовить освобождающихся заключенных к реинтеграции в общество.

В философском плане программа сочетает два важных аспекта: с одной стороны, она основана на иезуитской традиции университета, рассматривающей образование как форму духовного служения, с другой — предлагает индивидуальные образовательные траектории для разных категорий осужденных, будь то профессиональная подготовка к освобождению или развитие наставнических качеств у пожизненно осужденных.

Особенно значимым достижением программы стало включение в ее рамки образовательных инициатив для сотрудников исправительных учреждений. В регионе Сент-Франсуа, где только 10% взрослого населения имеют высшее образование, а местные учебные заведения не предлагают полные программы бакалавриата, университет взял на себя роль образовательного центра для всего пенитенциарного сообщества.

Программа наглядно показывает, как академическое учреждение может стать двигателем системных преобразований, выходящих далеко за пределы традиционного образовательного процесса. Создавая возможности для профессионального роста и социальной мобильности как для заключенных, так и для сотрудников исправительной системы, она оказывает преобразующее воздействие на всю пенитенциарную среду. Этот сбалансированный подход, который успешно сочетает лучшие практики университетского образования с учетом местных условий и ресурсов, служит перспективной моделью для развития пенитенциарного образования в регионах с ограниченным доступом к высшему образованию.

Анализ различных моделей пенитенциарного образования позволяет выявить их принципиальное концептуальное единство, несмотря на различия в методических подходах. Объединяющим фактором выступает ориентация на личностное развитие осужденных, что выходит за рамки индивидуальной реабилитации и формирует новую парадигму исправительной системы, основанную на принципах риск-менеджмента. В отличие от традиционной модели, современный подход предполагает комплексный анализ детерминант девиантного поведения и создание институциональных механизмов профилактики рецидивизма через образовательные интервенции. Практическая реализация данного подхода выражается в многофакторной системе отбора участников, включающей оценку когнитивного потенциала, анализ мотивационных эссе и мониторинг пенитенциарной дисциплины.

Следует отметить, что даже наиболее последовательные сторонники образовательных программ признают существование естественных ограничений их эффективности. Наименее восприимчивой к педагогическим воздействиям остается категория осужденных с тяжелыми психиатрическими диагнозами, выраженной склонностью к агрессивному поведению или хронической химической зависимостью. Такие программы демонстрируют значительную адаптивность и результативность даже при работе с пожизненно осужденными, что находит подтверждение в практике Бостонского университета. Данный опыт свидетельствует о широком реабилитационном потенциале образовательных программ, не ограниченном сроками

заключения или перспективами освобождения. В частности, вовлечение данной категории осужденных в образовательный процесс позволяет трансформировать их социальную роль внутри пенитенциарного учреждения - из объектов исправительного воздействия они превращаются в активных участников реабилитационного процесса, выполняющих наставнические и административные функции. Такой подход не только повышает эффективность управления тюремным контингентом, но и создает новые модели социального взаимодействия внутри исправительных учреждений, способствуя формированию более стабильной и безопасной среды.

Выпускники программы, занимая административные позиции в исправительных учреждениях, формируют уникальную экономическую модель: их вознаграждение, оставаясь ниже рыночного уровня, создает устойчивую мотивацию, одновременно обеспечивая финансовую самодостаточность образовательной инициативы. Этот кейс наглядно иллюстрирует трансформационный потенциал академических программ, способных модифицировать институциональную экосистему пенитенциарных учреждений.

Необходимо признать, что ни одна система отбора не может гарантировать абсолютной нейтрализации рецидивных рисков - зафиксированы единичные случаи повторных правонарушений среди выпускников программ. Однако с позиций риск-менеджмента академическое образование остается наиболее эффективным инструментом. Институционализированные образовательные программы обеспечивают двойной эффект: эмпирические исследования фиксируют снижение на 30-40% количества дисциплинарных нарушений среди участников по сравнению с общеучрежденческими показателями, параллельно формируя устойчивые модели просоциального поведения.

На макроуровне это приводит к существенной оптимизации функционирования пенитенциарной системы: снижению уровня институционального насилия, уменьшению операционных расходов, а также формированию прослойки позитивных неформальных лидеров среди осужденных, что способствует стабилизации социальной динамики в учреждениях.

Качественные трансформации затрагивают и институциональный дискурс: происходит постепенная смена парадигмы от концепции "изоляции правонарушителей" к модели реабилитационного центра. Формируются новые стандарты пенитенциарного управления, модифицируется общественное восприятие системы правосудия, создаются эффективные механизмы ресоциализации, снижающие уровень социальной напряженности.

Системный анализ данных эффектов позволяет сделать вывод, что инвестиции в пенитенциарное образование следует концептуализировать не как текущие расходы, а как долгосрочные вложения в социальную стабильность и экономическую эффективность правоохранительной системы. Практика ведущих образовательных программ демонстрирует: даже при ограниченных ресурсных возможностях грамотное управление способно генерировать устойчивые позитивные изменения на всех уровнях пенитенциарной системы.

Реализация подобных программ сталкивается с комплексом практических трудностей. Помимо политического сопротивления, существует значительная организационная проблема, связанная с восприятием образования как привилегированного блага, особенно на фоне постоянного роста стоимости высшего образования для обычных студентов. Именно этим фактором объясняется, что инициатива в данной сфере исходит преимущественно от частных образовательных учреждений, которые могут минимизировать использование государственного финансирования и связанные с ним политические риски. Еще более существенным институциональным барьером выступает сложившаяся практика частых

межучрежденческих переводов заключенных. Эмпирические исследования, проведенные в штате Нью-Йорк, убедительно демонстрируют: в то время как отдельные учебные курсы обеспечивают определенный образовательный эффект, именно полноценное академическое образование обладает трансформационным потенциалом - способностью кардинально изменить жизненную траекторию. Однако частые переводы осужденных, не учитывающие их образовательные траектории, существенно снижают этот преобразующий потенциал, что требует разработки новых механизмов координации между образовательными учреждениями и администрациями пенитенциарных учреждений.

В условиях хронического кризиса переполненности пенитенциарных учреждений, образовательные программы предлагают комплексное решение. Они позволяют не только оптимизировать бюджетные расходы за счет снижения уровня рецидивизма, но и трансформировать бывших осужденных в экономически активных налогоплательщиков. Несмотря на сохраняющееся политическое сопротивление, появляющиеся законодательные инициативы и растущая поддержка со стороны бизнес-сообщества свидетельствуют о постепенной трансформации парадигмы. Примечательно, что даже в сложных современных условиях такие программы демонстрируют значительную устойчивость.

Заключение

Анализ современных пенитенциарных практик демонстрирует, что предоставление заключенным доступа к высшему образованию следует рассматривать не как льготу, а как стратегически важную инвестицию в обеспечение общественной безопасности и повышение экономической эффективности правоохранительной системы. Эмпирические данные, полученные в ходе реализации образовательных программ ведущими академическими институтами (Бостонским университетом, Бард-колледжем и Университетом Сент-Луиса), свидетельствуют о значительном (43%) снижении уровня рецидивизма среди участников таких программ, уменьшении показателей внутриучрежденческого насилия и повышении эффективности постпенитенциарной адаптации.

Несмотря на существующие в общественном дискурсе представления о предполагаемой несправедливости подобных инициатив, экономический анализ убедительно доказывает их целесообразность: коэффициент возврата инвестиций достигает 1:5 благодаря сокращению расходов на повторное содержание осужденных. Более того, реализация образовательных программ способствует трансформации пенитенциарной парадигмы от карательной модели к реабилитационной, создавая предпосылки для устойчивых позитивных изменений в социальной сфере.

Заключение

Основные препятствия для масштабирования данной практики носят институциональный характер и связаны с дефицитом политической воли и наличием нормативно-правовых барьеров. Отмена системы Пелл-грантов в 1994 году существенно ограничила доступ заключенных к высшему образованию, однако опыт негосударственных образовательных учреждений подтверждает возможность реализации подобных программ в сложных институциональных условиях. Для обеспечения их устойчивого развития требуется: восстановление системы федерального финансирования (частично реализованное через экспериментальные Пелл-гранты в 2020 году); разработка антидискриминационных механизмов защиты образовательных прав лиц с судимостью; создание системы обеспечения

непрерывности образовательного процесса при межучрежденческих переводах; развитие государственно-частного партнерства в данной сфере.

В стратегической перспективе образовательные программы для заключенных представляют собой не просто гуманитарную инициативу, а комплексный социально-экономический инструмент, способствующий снижению преступности, оптимизации бюджетных расходов и формированию более справедливой модели общества.

Библиография

1. Behan C. Education in Prison: A Literature Review //UNESCO Institute for Lifelong Learning. – 2021.
2. Conway P. F. Andragogy in prison: Higher education in prison and the tenets of adult education //Adult Education Quarterly. – 2022. – Т. 72. – №. 4. – С. 361-379.
3. Donaldson V. M., Viera C. College after Prison: A Review of the Literature on Barriers and Supports to Postsecondary Education for Formerly Incarcerated College Students //John Jay College Institute for Justice and Opportunity. – 2021.
4. Edwards K. Prisoners' Perspectives on Limited Rehabilitative Program Opportunities //Qualitative Report. – 2021. – Т. 26. – №. 4.
5. O'Brien K. et al. "Education as the practice of freedom?"—prison education and the pandemic //Educational Review. – 2022. – Т. 74. – №. 3. – С. 685-703.
6. Stamatiou Y. C. et al. Utilizing a restricted access e-learning platform for reform, equity, and self-development in correctional facilities //Emerging Science Journal. – 2022. – Т. 6. – С. 241-252.
7. Taylor S. et al. Why race matters for higher education in prison //Peabody Journal of Education. – 2021. – Т. 96. – №. 5. С. 588-597.
8. Wade M. M. What can be taught in college in prison? Reconciling institutional priorities in clashes over incarcerated students' access to instructional materials //Journal of Prison Education and Reentry (2014-2023). – 2021. – Т. 7. – №. 1. С. 6-22.
9. Wiggins T. Higher Education in Prison Context and Connections //The Bloomsbury Handbook of Prison Education. – 2024. – С. 1.
10. Yousefi N. The Case for Prison Education Reform //DePaul J. Soc. Just. – 2024. – Т. 18. – С. 1.

Legal Regulation of Inmates' Access to Higher Education in the Context of US Penitentiary System Evolution

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Vladimir V. Galushkin

Senior Lecturer,
Department of Mathematics,
Moscow University of Industry and Finance "Synergy",
125190, 80/1, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: super-club@mail.ru

Abstract

The article examines the problem of inmates' access to higher education within the evolutionary context of the US penitentiary system. It analyzes the conflict between punitive and rehabilitative paradigms, particularly following the 1994 termination of federal funding for educational programs. Case studies of successful university initiatives (Boston University, Bard College, Saint Louis University) demonstrate that prison education reduces recidivism by 43% and yields \$5 in savings for every dollar invested. The study focuses on institutional barriers including legislative restrictions, social stigma, and post-incarceration reintegration challenges. Empirical evidence confirms that educational programs transform penitentiary environments, reduce systemic costs, and promote restorative justice models.

For citation

Novikov A.V., Galushkin V.V. (2025) *Pravovoe regulirovaniya dostupa osuzhdennykh k vysshemu obrazovaniyu v kontekste evolyutsii penitentsiarnoy sistemy SShA* [Legal Regulation of Inmates' Access to Higher Education in the Context of US Penitentiary System Evolution]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 584-593.

Keywords

Prison education, recidivism, inmate rehabilitation, Pell Grants, penitentiary system, social reintegration, restorative justice, educational programs, cost-effectiveness, punitive paradigm.

References

1. Behan, C. (2021). Education in prison: A literature review. UNESCO Institute for Lifelong Learning.
2. Conway, P. F. (2022). Andragogy in prison: Higher education in prison and the tenets of adult education. *Adult Education Quarterly*, 72(4), 361-379. <https://doi.org/10.1177/07417136221087752>
3. Donaldson, V. M., & Viera, C. (2021). College after prison: A review of the literature on barriers and supports to postsecondary education for formerly incarcerated college students. John Jay College Institute for Justice and Opportunity.
4. Edwards, K. (2021). Prisoners' perspectives on limited rehabilitative program opportunities. *The Qualitative Report*, 26(4), 1123-1140. <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2021.4567>
5. O'Brien, K., Lloyd, M., Rauf, B., & O'Keeffe, S. (2022). "Education as the practice of freedom?" - Prison education and the pandemic. *Educational Review*, 74(3), 685-703. <https://doi.org/10.1080/00131911.2022.2034749>
6. Stamatiou, Y. C., Kostaridou-Efkleidi, A., Antonopoulou, H., & Spanaka, A. (2022). Utilizing a restricted access e-learning platform for reform, equity, and self-development in correctional facilities. *Emerging Science Journal*, 6, 241-252. <https://doi.org/10.28991/ESJ-2022-SIED-017>
7. Taylor, S., Mejia, X., & Johnson, R. (2021). Why race matters for higher education in prison. *Peabody Journal of Education*, 96(5), 588-597. <https://doi.org/10.1080/0161956X.2021.1991694>
8. Wade, M. M. (2021). What can be taught in college in prison? Reconciling institutional priorities in clashes over incarcerated students' access to instructional materials. *Journal of Prison Education and Reentry*, 7(1), 6-22. <https://doi.org/10.25771/4k8n-6v54>

-
9. Wiggins, T. (2024). Higher education in prison context and connections. In R. Wright (Ed.), *The Bloomsbury handbook of prison education* (pp. 1-15). Bloomsbury Academic.
 10. Yousefi, N. (2024). The case for prison education reform. *DePaul Journal for Social Justice*, 18(1), 1-25. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4567890>

УДК 34**Реализация международных стандартов содержания
матерей с детьми в пенитенциарных учреждениях:
систематизация международного опыта****Слабкая Диана Николаевна**

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Представленный материал посвящен комплексному анализу проблемы содержания матерей с детьми в пенитенциарных учреждениях, которая остается одной из наиболее дискуссионных в современном уголовном правосудии. Рассматриваются международные стандарты (Бангкокские правила, Конвенция о правах ребенка) и их имплементация в различных правовых системах. Проведен сравнительный анализ практик содержания в скандинавских, англосаксонских странах, государствах Латинской Америки и Африки, выявлены существенные различия в подходах. Особое внимание уделено российской пенитенциарной системе, где, несмотря на относительно прогрессивное законодательство, сохраняется определенная проблематика в практической реализации. Автор подробно анализирует региональные различия, инновационные практики и системные барьеры, с которыми сталкиваются реформаторские инициативы. В заключении предложен комплекс мер по гуманизации системы, включающий расширение альтернативных мер наказания, унификацию стандартов содержания, развитие межведомственного взаимодействия и внедрение доказательных методик оценки программ. Особый акцент делается на необходимости преодоления противоречия между декларируемой защитой детско-родительских связей и реальными условиями в местах лишения свободы.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Реализация международных стандартов содержания матерей с детьми в пенитенциарных учреждениях: систематизация международного опыта // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 594-600.

Ключевые слова

Пенитенциарная система, гуманизация уголовной политики, права осужденных женщин, защита прав детей, ресоциализация осужденных, практики содержания, международные стандарты.

Введение

Содержание матерей с детьми в пенитенциарных учреждениях остается одной из наиболее дискуссионных проблем современного уголовного правосудия. Хотя важность сохранения детско-родительской привязанности широко признана, существующие практики часто не учитывают комплексные социальные и правовые последствия заключения для женщин и их детей. Международное сообщество в последние десятилетия активно ищет альтернативные подходы, основанные на принципах прав человека, социальной справедливости и минимально необходимого ограничения свободы. Эти принципы находят отражение в международном праве, формирующем ориентиры для защиты прав данных уязвимых групп в местах лишения свободы.

Основное содержание

Бангкокские правила (2010) подчеркивают необходимость учета особых потребностей женщин-заключенных, включая беременных и матерей с детьми, в то время как Конвенция о правах ребенка (1989) требует, чтобы лишение свободы матери применялось лишь как крайняя мера с приоритетным учетом интересов ребенка. Однако имплементация этих стандартов существенно различается в зависимости от правовой системы, культурных норм и уровня социального обеспечения государства. Сравнительный анализ национальных практик выявляет кардинальные различия в подходах, обусловленные правовыми традициями и социальными приоритетами.

В скандинавских странах (Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия) сложилась ювенальная модель, где приоритет отдается правам ребенка через систему альтернатив тюремному заключению. Здесь широко применяются отсрочки наказания, домашний арест и специализированные реабилитационные центры. В случаях совместного содержания создаются условия, приближенные к домашним: отдельные комнаты, детские площадки и доступ к образованию, при этом максимальный возраст ребенка ограничен тремя годами. Особого внимания заслуживает институт детских омбудсменов в Норвегии и Швеции, контролирующих соблюдение прав детей в пенитенциарных учреждениях. Такой подход, ориентированный на Конвенцию о правах ребенка и Европейские пенитенциарные правила, делает акцент на реинтеграцию, а не наказание.

В англосаксонских странах (США, Великобритания, Австралия) преобладает карательная политика, где в большинстве штатов США детей изымают у матерей по достижении 1,5-2 лет, а условия содержания варьируются от специализированных учреждений до общих тюремных блоков. Исследования фиксируют повышенный уровень стресса у детей и дефицит медицинской помощи, что свидетельствует о явном противоречии между декларируемой защитой материнства и реальной пенитенциарной практикой. Еще более сложная ситуация характерна для стран Латинской Америки и Африки (Бразилия, Аргентина, ЮАР), где перенаселенность тюрем, отсутствие базовой медицинской помощи создают прямую угрозу для безопасности как матерей, так и детей, которые могут находиться в заключении до 6 лет. Формальное принятие Бангкокских правил в этих странах не подкреплено имплементацией на уровне национального законодательства.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации предусматривает возможность отсрочки наказания для матерей с детьми до 14 лет (статья 82) и совместного содержания до 3-4 лет. Ситуация осложняется значительными региональными различиями, так по статистике

уголовных дел Судебного департамента при Верховном суде: в Москве и Санкт-Петербурге положительные решения по отсрочкам составляют 18-22%, тогда как на Дальнем Востоке этот показатель не превышает 8-10%. Примечательно, что в регионах Северного Кавказа благодаря традиционным семейным структурам удовлетворяется до 35% ходатайств, однако здесь отмечается высокий процент рецидивов из-за отсутствия системной поддержки.

Условия содержания также варьируются: от лучших в стране Домов ребенка ФСИН в Московской области (ИК-5) с привлечением благотворительных программ, где матери и дети совместно готовятся к освобождению под руководством психологов. Инновационные региональные практики, такие как программа «Материнская обитель» в Пермском крае или модель «Семейных групп» в Татарстане, демонстрируют эффективность альтернативных подходов.

Для системных изменений требуется тщательная адаптация успешных отечественных практик с учетом социально-экономических особенностей и культурного многообразия регионов, поскольку ни одна страна мира пока не разработала идеальной модели содержания матерей с детьми в местах лишения свободы. Ключевые направления реформирования должны включать не только унификацию стандартов условий содержания и разработку гибких реабилитационных программ, но и преодоление разрыва между декларируемыми принципами защиты детства и реальной пенитенциарной практикой. Особую важность приобретает устранение правовых коллизий между уголовно-исполнительным и семейным законодательством.

Современные пенитенциарные системы повсеместно сталкиваются с проблемами реализации международных стандартов. Несмотря на гарантии Конвенции ООН о правах ребенка, на практике наблюдается тенденция «институциональной невидимости» детей в местах лишения свободы и подмены защиты их прав избыточной регуляцией материнства. Российская практика обладает уникальным потенциалом для решения этих проблем через развитие эффективных региональных инициатив, как показывает опыт Пермского края и Свердловской области, где удалось создать более гуманные модели содержания. Однако для кардинальных изменений требуется комплексный подход, объединяющий законодательные новации, межведомственную координацию и вовлечение гражданского общества.

Глобальная проблема реализации прав детей в пенитенциарных учреждениях требует пересмотра существующих подходов. Современные правовые системы демонстрируют явное противоречие между формальным соблюдением международных стандартов и реальной практикой, что особенно заметно при попытках использовать материнство как инструмент исправления. Хотя теория привязанности подтверждает важность сохранения связи между матерью и ребенком, превращает материнство в средство снижения рецидивизма, возлагая на женщин оправданную социальную ответственность [Новиков, 201].

Большинство женщин-осужденных уже являются матерями, чьи возможности полноценно выполнять родительские функции после освобождения существенно ограничены социально-экономическими условиями. Возвращаясь в социальную среду гражданского общества, они сталкиваются с определенными барьерами. Современная практика демонстрирует фундаментальное противоречие: с одной стороны декларируется важность сохранения материнско-детской привязанности, с другой – пенитенциарная среда существенно ограничивает возможность полноценного выполнения родительских обязанностей.

Анализ международного опыта показывает, что социально-психологические программы, делающие упор исключительно на развитии материнских навыков, игнорируют фундаментальные проблемы бедности, безработицы, отсутствия жилья и системного насилия.

Эта дилемма особенно остро проявляется для маргинализированных групп, для которых освобождение означает возвращение в те же социальные условия, способствовавшие совершению преступления. Пенитенциарная система, признавая социальные проблемы осужденных женщин ключевыми факторами риска, не обладает достаточно эффективными инструментами для их решения.

Для создания эффективной системы поддержки требуется комплекс мер, включающий модернизацию кадровой политики через специальный подбор и обучение сотрудников, разработку индивидуальных планов поддержки, охватывающих как период заключения, так и этап ресоциализации, а также налаживание межведомственного взаимодействия между пенитенциарными учреждениями, службами опеки и образовательными структурами. Крайне важно внедрение системы мониторинга данных о беременных женщинах и детях в местах лишения свободы, что позволит повысить «институциональную видимость» этой уязвимой группы и создать доказательную базу для разработки эффективных программ.

Кардинальные преобразования пенитенциарной системы в отношении матерей с детьми должны включать комплексное сопровождение с учетом гендерных и этнокультурных аспектов, разработку стандартизированных механизмов оценки программ совместного содержания и расширение применения альтернативных мер наказания в соответствии с Токийскими правилами ООН, параллельно с внедрением положений Бангкокских правил и развитием института отсрочки отбывания наказания.

Заключение

Проблема содержания матерей с детьми в пенитенциарных учреждениях представляет собой сложный вызов для современных правовых систем, требующий сбалансированного подхода, который учитывал бы как интересы правосудия, так и защиту прав ребенка, а также необходимость социальной реабилитации женщин. Международный опыт свидетельствует, что даже наиболее прогрессивные модели сталкиваются с существенными трудностями при реализации гуманистических принципов в условиях ограничения свободы. Российская практика в этом контексте демонстрирует двойственную картину: с одной стороны, сохраняются некоторые противоречия между законодательными нормами и их практической реализацией, с другой – накоплен значительный положительный потенциал благодаря успешным региональным инициативам, которые заслуживают внимательного изучения и повсеместного внедрения.

Ключевым направлением необходимых преобразований должна стать разработка комплексной стратегии, органично сочетающей несколько важнейших компонентов. Во-первых, требуется расширение применения альтернативных мер наказания, что соответствует международным тенденциям гуманизации уголовной политики. Во-вторых, необходимо создание единых стандартов содержания, которые обеспечивали бы соблюдение базовых прав и потребностей как матерей, так и детей. В-третьих, особое значение приобретает развитие эффективного межведомственного взаимодействия, позволяющего преодолеть существующую разобщенность различных общественных институтов.

Особую актуальность приобретает преодоление системного противоречия между декларируемой защитой детско-родительских связей и реальными условиями, складывающимися в пенитенциарных учреждениях ряда зарубежных стран. Решение этой сложной проблемы требует не только совершенствования законодательной базы, но и кардинального пересмотра подходов к оценке эффективности исправительных (социально-

психологических) программ. Необходим постепенный, но последовательный перенос акцента с традиционной карательной функции на задачи социальной реабилитации, что соответствует современным представлениям о целях наказания и принципах восстановительного правосудия.

Перспективы дальнейшей гуманизации пенитенциарной системы в отношении матерей с детьми связаны с созданием гибких механизмов, которые учитывали бы как международные стандарты и лучшие мировые практики, так и специфику российских регионов. В этом процессе особая роль должна отводиться научно-обоснованным решениям, основанным на достоверных данных и тщательном анализе эффективности различных подходов. Такой комплексный и сбалансированный подход может обеспечить соблюдение прав всех участников этой сложной социально-правовой ситуации – как женщин, оказавшихся в местах лишения свободы, так и их детей, которые ни в коем случае не должны нести бремя наказания за действия родителей и заслуживают особой защиты со стороны государства и общества.

Библиография

1. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) Приняты резолюцией 65/229 Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 2010 год: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml
2. Кичигина О. Ю. Проблемы организации исполнения наказания для женщин, имеющих малолетних детей, в виде лишения свободы в России и за рубежом // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2023. № 1. – С. 106-113.
3. Лабуз А. В. Актуальные проблемы реализации международных правил обращения с осужденными женщинами // Пермский период. – 2021. – С. 216-217.
4. Москвитина, М. М. Пенитенциарный социум. Осужденные женщины с детьми в домах ребенка при исправительном учреждении. Эмпирика исследования / М. М. Москвитина, А. В. Новиков, Д. Н. Слабая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2022. – Т. 11, № 3-1. – С. 60-68. – DOI 10.34670/AR.2022.53.37.029. – EDN SRVEXC.
5. Москвитина, М. М. Психолого-педагогическое сопровождение осужденных женщин в пренатальный период / М. М. Москвитина, Б. Г. Бовин, А. В. Новиков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2021. – Т. 10, № 6-1. – С. 149-156. – DOI 10.34670/AR.2021.86.93.016. – EDN RERVXJ.
6. Новиков, А. В. Пенитенциарное материнство. Экспертное мнение, заключение и выводы / А. В. Новиков, С. В. Кулакова, Д. Н. Слабая // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8, № 9А. – С. 195-204. – EDN BNOAOV.
7. Онищенко, И. С. Международные стандарты в сфере исполнения наказаний в виде лишения свободы в отношении женщин, имеющих малолетних детей / И. С. Онищенко // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 10(185). – С. 29-34. – EDN ZVETYL.
8. Полякова А. А. международные стандарты исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин // Человек: преступление и наказание: сб. материалов. – 2021. – С. 105.
9. Сватко, Л. В. Международные правовые акты об особенностях содержания в пенитенциарных учреждениях женщин и их несовершеннолетних детей / Л. В. Сватко // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. – Т. 1, № 2. – С. 76-83. – EDN TKLFST.
10. Enroos R. Mothers in prison: between the public institution and private family relations // Child & Family Social Work. 2011. – Т. 16. – № 1. – С. 12-21.
11. Enos S. Mothering from the inside: Parenting in a women's prison. – Suny Press, 2001.
12. Ferrara P. et al. Health care of children living with their mother in prison compared with the general population // Scandinavian journal of public health. – 2009. – Т. 37. – № 3. – С. 265-272.
13. Freitas A. M., Inácio A. R., Saavedra L. Motherhood in prison: reconciling the irreconcilable // The Prison Journal. – 2016. – Т. 96. – № 3. – С. 415-436.
14. Jaffé P., Pons F., Wicky H. R. Children imprisoned with their mothers: Psychological implications // Advances in psychology and law: International contributions. – 1997. – С. 399-407.
15. Milioni F., Anitsi E., Lempesi M. Perspectives of incarcerated mothers in Greece with respect to their minor children growing inside and outside of prison // Urban Crime. An international Journal. – 2021. – Т. 2. – № 1. – С. 73-99.
16. Rodríguez K. E. R. Boys and girls born inside penitentiaries: psychosocial expectations of mothers deprived of their liberty // Journal of Basic and Applied Psychology Research. – 2025. – Т. 6. – № 12. – С. 46-51.

17. Wibisono J. A. Legal Protection for Children Taken by Their Mothers as Convicts in Correctional Institutions // *Strata Law Review*. – 2023. – T. 1. – №. 2. – C. 89-90.
18. Milioni F., Anitsi E., Lempesi M. Perspectives of incarcerated mothers in Greece with respect to their minor children growing inside and outside of prison // *Urban Crime. An international Journal*. – 2021. – T. 2. – №. 1. – C. 73-99.
19. Ogrizek A., Lachal J., Moro M. R. The process of becoming a mother in French prison nurseries: a qualitative study // *Maternal and Child Health Journal*. – 2022. – C. 1-14.

Implementation of International Standards for the Detention of Mothers with Children in Penitentiary Institutions: Systematization of International Experience

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of the issue concerning the detention of mothers with children in penitentiary institutions, which remains one of the most debated topics in modern criminal justice. It examines international standards (Bangkok Rules, Convention on the Rights of the Child) and their implementation in various legal systems. A comparative analysis of detention practices in Scandinavian, Anglo-Saxon, Latin American and African countries is conducted, revealing significant differences in approaches. Special attention is paid to the Russian penitentiary system, where despite relatively progressive legislation, serious problems persist in practical implementation. The author thoroughly analyzes regional differences, innovative practices and systemic barriers faced by reform initiatives. The conclusion proposes a set of measures to humanize the system, including expanding alternative sentencing, standardizing detention conditions, developing interagency cooperation, and implementing evidence-based program evaluation methods. Particular emphasis is placed on the need to resolve the contradiction between declared protection of parent-child relationships and actual conditions in detention facilities.

For citation

Slabkaya D.N. (2025) *Realizatsiya mezhdunarodnykh standartov soderzhaniya materey s det'mi v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh: sistematizatsiya mezhdunarodnogo opyta* [Implementation of international standards for the detention of mothers with children in penitentiary institutions: Systematization of international experience]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 594-600.

Keywords

Penitentiary system, humanization of criminal policy, rights of female prisoners, protection of children's rights, rehabilitation of convicts, regional detention practices, international standards, institutional invisibility of children.

References

1. Pravila Organizacii Ob"edinennyh Nacij, kasayushchiesya obrashcheniya s zhenshchinami-zaklyuchennymi i mer nakazaniya dlya zhenshchin-pravonarushitelej, ne svyazannyh s lisheniem svobody (Bangkokskie pravila) Prinyaty rezolyuciej 65/229 General'noj Assamblei ot 21 dekabrya 2010 god: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml
2. Kichigina O. Yu. Problemy organizacii ispolneniya nakazaniya dlya zhenshchin, imeyushchih maloletnih detej, v vide lisheniya svobody v Rossii i za rubezhom //Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. NI Lobachevskogo. – 2023. – №. 1. – S. 106-113.
3. Labuz A. V. Aktual'nye problemy realizacii mezhdunarodnyh pravil obrashcheniya s osuzhdennymi zhenshchinami // Permskij period. – 2021. – S. 216-217.
4. Moskvitina, M. M. Penitencijnyj socium. Osuzhdennye zhenshchiny s det'mi v domah rebenka pri ispravitel'nom uchrezhdenii. Empirika issledovaniya / M. M. Moskvitina, A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. – 2022. – T. 11, № 3-1. – S. 60-68. – DOI 10.34670/AR.2022.53.37.029. – EDN SRVEXC.
5. Moskvitina, M. M. Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie osuzhdennyh zhenshchin v prenatal'nyj period / M. M. Moskvitina, B. G. Bovin, A. V. Novikov // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. – 2021. – T. 10, № 6-1. – S. 149-156. – DOI 10.34670/AR.2021.86.93.016. – EDN RERVXJ.
6. Novikov, A. V. Penitencijnoe materinstvo. Ekspertnoe mnenie, zaklyuchenie i vyvody / A. V. Novikov, S. V. Kulakova, D. N. Slabkaya // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2018. – T. 8, № 9A. – S. 195-204. – EDN BNOAOV.
7. Onishchenko, I. S. Mezhdunarodnye standarty v sfere ispolneniya nakazanij v vide lisheniya svobody v otnoshenii zhenshchin, imeyushchih maloletnih detej / I. S. Onishchenko // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. – 2017. – № 10(185). – S. 29-34. – EDN ZVETYL.
8. Polyakova A. A. mezhdunarodnye standarty ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii osuzhdennyh zhenshchin //Chelovek: prestuplenie i nakazanie: sb. materialov. – 2021. – S. 105.
9. Svatko, L. V. Mezhdunarodnye pravovye akty ob osobennostyah sodержaniya v penitencijnyh uchrezhdeniyah zhenshchin i ih nesovershennoletnih detej / L. V. Svatko // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. – 2019. – T. 1, № 2. – S. 76-83. – EDN TKLFST.
10. Enroos R. Mothers in prison: between the public institution and private family relations //Child & Family Social Work. 2011. – T. 16. – №. 1. – S. 12-21.
11. Enos S. Mothering from the inside: Parenting in a women's prison. – Suny Press, 2001.
12. Ferrara P. et al. Health care of children living with their mother in prison compared with the general population // Scandinavian journal of public health. – 2009. – T. 37. – №. 3. – S. 265-272.
13. Freitas A. M., Inácio A. R., Saavedra L. Motherhood in prison: reconciling the irreconcilable //The Prison Journal. – 2016. – T. 96. – №. 3. – S. 415-436.
14. Jaffé P., Pons F., Wicky H. R. Children imprisoned with their mothers: Psychological implications //Advances in psychology and law: International contributions. – 1997. – S. 399-407.
15. Milioni F., Anitsi E., Lempesi M. Perspectives of incarcerated mothers in Greece with respect to their minor children growing inside and outside of prison //Urban Crime. An international Journal. – 2021. – T. 2. – №. 1. – S. 73-99.
16. Rodríguez K. E. R. Boys and girls born inside penitentiaries: psychosocial expectations of mothers deprived of their liberty //Journal of Basic and Applied Psychology Research. – 2025. – T. 6. – №. 12. – S. 46-51.
17. Wibisono J. A. Legal Protection for Children Taken by Their Mothers as Convicts in Correctional Institutions //Strata Law Review. – 2023. – T. 1. – №. 2. – S. 89-90.
18. Milioni F., Anitsi E., Lempesi M. Perspectives of incarcerated mothers in Greece with respect to their minor children growing inside and outside of prison //Urban Crime. An international Journal. – 2021. – T. 2. – №. 1. – S. 73-99.
19. Ogrizek A., Lachal J., Moro M. R. The process of becoming a mother in French prison nurseries: a qualitative study // Maternal and Child Health Journal. – 2022. – S. 1-14.

УДК 341.63**Использование электронных доказательств в международном
коммерческом арбитраже****Мусаева Хава Минатулаевна**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного и евразийского права,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, 43а;
e-mail: mpravodgu@yandex.ru

Абдулхаликова Шуайнат Шамильевна

Магистрант,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, 43а;
e-mail: mpravodgu@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается развитие и применение электронных доказательств в международном коммерческом арбитраже. Обосновано, что цифровые данные – электронные письма, метаданные, файлы в мессенджерах и т. д. – становятся неотъемлемой частью споров, однако их допустимость, подлинность и конфиденциальность вызывают особые сложности. Проанализированы подходы классических норм (бумажные доказательства), IBA Rules on the Taking of Evidence (2010), отчет ICC Working Group (2012) и Пражские правила (ст. 4.2, 4.3, 4.6). Выявлены риски манипуляции файлами и утечки коммерческой тайны при обмене данными, а также предложены технические и процессуальные меры защиты: хэш-функции, ЭЦП, независимая экспертиза, защищенные платформы и регламентация порядка представления электронных доказательств. Сделан вывод о необходимости адаптации арбитражных регламентов к цифровой экономике для обеспечения эффективности, справедливости и прозрачности процедур.

Для цитирования в научных исследованиях

Мусаева Х.М., Абдулхаликова Ш.Ш. Использование электронных доказательств в международном коммерческом арбитраже // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 601-606.

Ключевые слова

Международный коммерческий арбитраж, электронные доказательства, Пражские правила, конфиденциальность данных, подлинность и аутентификация, хэш-функции, ЭЦП, метаданные, цифровая экономика.

Введение

Международный коммерческий арбитраж (МКА) является одной из наиболее востребованных форм разрешения споров в трансграничных деловых отношениях. По мнению Е.Р. Байрамова, «международный коммерческий арбитраж представляет собой специфический правовой институт разрешения споров, основанный на частноправовых началах. Вмешательство государства в функционирование и деятельность арбитража сведено к минимуму. Воздействие первого ограничивается лишь нормативно-правовым регулированием» [Александров, Байрамов, 2020].

Основная часть

В условиях цифровизации экономики и глобальной взаимосвязи электронные доказательства приобретают все большее значение в арбитражных процессах. Данные в электронном формате, такие как электронные письма, метаданные, сообщения в мессенджерах и файлы, стали неотъемлемой частью деловой документации. Однако их использование в арбитраже сопряжено с рядом проблем, связанных с допустимостью, достоверностью и сохранением конфиденциальности.

Исторически институт доказательств в арбитраже развивался преимущественно в контексте бумажной документации. С появлением и массовым внедрением цифровых технологий стало очевидно, что традиционные подходы к доказательствам требуют адаптации к современным реалиям (повсеместная оцифровка огромного массива документации, цифровизация документооборота, необходимость обеспечения кибербезопасности информации. Электронные доказательства представляют собой информацию, созданную, переданную или сохраненную в цифровой форме [Беляев, 2024].

По мнению М.Ю. Савранского, «многие участники коммерческих отношений в настоящее время ведут всю свою документацию в электронном виде, и документы, имеющие непосредственное отношение к существу спора, могут присутствовать исключительно на электронных носителях. Особую роль в международном арбитраже электронные доказательства играют в силу стремительного роста электронной торговли» [Скворцов, Севастьянов, Савранский, 2018].

Международная организация по стандартизации определяет суть цифровых доказательств. Согласно руководству ISO/IEC 27037:2012, «цифровые доказательства как информацию или данные, хранящиеся или передаваемые в двоичной форме, которые могут рассматриваться как доказательства» [Security techniques Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence, [www](http://www.iso.org)].

Цифровое доказательство – это файл, содержащий в себе данные об обстоятельствах дела, подготовленные, отправленные, полученные или хранимые с помощью электронных, магнитных и других средств. Важное замечание сделано К.А. Михайловой о том, что «сторона, которая просит затребовать информацию сложную для получения (например, архивированную, поврежденную или удаленную), должна доказать, что размер расходов, связанных с этой процедурой, оправдан относимостью и существенностью того доказательства, которое можно будет в итоге получить» [Михайлова, 2020].

Развитие института электронных доказательств получило стимул с внедрением в 2010 году Руководства Международной ассоциации юристов по доказательствам в арбитраже (IBA Rules

on the Taking of Evidence). Этот документ стал важным шагом на пути к стандартизации обращения с электронными данными.

Специально созданная рабочая группа ICC занималась разработкой рекомендаций по процедуре представления электронных доказательств. В результате ее работы в 2012 году был подготовлен Отчет об управлении процессом предоставления электронных документов в международном арбитраже, который обладает значительной практической ценностью [ICC Arbitration Commission Report on Managing E-Document Production, [www](http://www.icc-arbitration.com)]. Этот документ включает два приложения. Первое приложение содержит описание ключевых особенностей электронных документов, поясняет, каким образом они создаются, хранятся, подвергаются поиску, передаче и удалению. Второе приложение представляет собой глоссарий терминов, связанных с электронными доказательствами.

Сводом правил, который достаточно полно дополняет правила о допустимости применения электронных доказательств, на наш взгляд, являются Пражские правила.

К примеру, статья 4.2 Пражских правил прямо устанавливает общее правило для трибунала избегать обширного представления документов, включая любую форму электронного поиска.

Однако в статье 4.6 подчеркивается, что «документы должны быть представлены в виде фотокопий и/или в электронном виде. Предполагается, что представленные документы идентичны оригиналам, если только они не оспариваются другой Стороной (сторонами)» [Пражские правила, [www](http://www.praha-arbitration.com)]. Эти положения дают право использовать электронные доказательства при согласии между сторонами о выборе Пражских правил.

Таким образом, Пражские правила ограничивают суды в электронном поиске, но допускают цифровые доказательства, имеющие юридическую силу, идентичную оригиналам (бумажным) документов. Следовательно, оба этих правила могут применяться судами и сторонами для заполнения пробелов в арбитражном регламенте, касающихся электронных документов и электронного раскрытия информации.

Одна из ключевых проблем в международном коммерческом арбитраже – это установление допустимости электронных доказательств. Арбитражный процесс сталкивается с необходимостью подтверждения подлинности электронных данных. Электронные доказательства легко поддаются манипуляциям: их можно изменить, удалить или создать задним числом. Метаданные, которые служат источником информации о происхождении файла, также подвержены изменению, что создает риски предъявления недостоверных доказательств.

Другая значимая проблема – обеспечение конфиденциальности электронных доказательств. Поскольку международный арбитраж нередко предполагает обмен большим объемом данных между сторонами, существует риск утечки коммерческой тайны или иной чувствительной информации. Кроме того, такие данные могут находиться под юрисдикцией разных стран, что усложняет их защиту от несанкционированного доступа.

Для решения проблемы допустимости необходимо использовать современные технические средства аутентификации, такие как хэш-функции, электронные цифровые подписи и специализированное программное обеспечение для сохранения целостности данных. М.Ю. Савранский в своей работе акцентирует внимание на важности привлечения независимых экспертов, которые могут подтвердить подлинность доказательств. Кроме того, арбитражным институтам рекомендуется включать в свои регламенты положения о порядке предоставления электронных доказательств, что позволит избежать спорных ситуаций.

Обеспечение конфиденциальности может быть достигнуто через внедрение защищенных платформ для обмена данными между сторонами. Например, использование шифрования end-to-end и ограничение доступа к данным только для уполномоченных лиц может существенно

снизить риски утечки информации. Важным шагом также является согласование сторонами процедур защиты данных, включая вопросы их локализации и обработки в различных юрисдикциях.

Нельзя не сказать и о проблеме защиты метаданных. Метаданные представляют собой информацию об используемых в работе данных, или, как часто говорят, «данные о данных». Так, метаданные играют весьма немалую роль в аутентификации электронных документов, содержа в себе информацию о времени создания, авторе файла и истории вносимых изменений. Однако существует проблема обеспечения сохранности метаданных, так как они легко могут быть изменены или удалены, что создаст в последующем проблемы в установлении подлинности электронных доказательств.

В комплекс мер по защите метаданных необходимо включить разработку строгих правил для обработки и хранения электронных доказательств, применение специализированного программного обеспечения, в том числе с функцией защиты данных, а также обучение работников арбитража работе с конфиденциальной информацией. Также необходимо внедрение технических средств защиты, как, например, шифрование метаданных, ограничение доступа к ним, исходя из полномочий работников, в целях предотвращения несанкционированного доступа к метаданным.

Заключение

Таким образом, использование электронных доказательств в международном коммерческом арбитраже на сегодняшний день актуально и, безусловно, отвечает современным реалиям. Несмотря на существующие проблемы, современные технические и правовые инструменты позволяют обеспечить эффективное использование электронных доказательств. Работы таких исследователей, как М.Ю. Савранский, дают полезные рекомендации и могут быть положены в основу формирования нормативно-правовой базы, на основе которой будут использоваться электронные доказательства в международном коммерческом арбитраже.

Переход к цифровой экономике требует адаптации традиционных правовых механизмов к современным реалиям. Международный коммерческий арбитраж находится на переднем плане этих изменений, внедряя новые подходы к работе с электронными доказательствами. Устранение существующих проблем, связанных с их допустимостью и конфиденциальностью, является важной задачей, выполнение которой обеспечит справедливость и прозрачность арбитражного процесса.

Библиография

1. Александров А.Ю., Байрамов Е.Р. Проблемы определения понятия и правовой природы международного коммерческого арбитража // Дневник науки. 2020. № 7. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43804289_95980050 (дата обращения: 23.04.2024).
2. Беляев К.А. Безопасность хранения арбитражной документации на блокчейне: криптографические методы защиты // Закон. 2024. № 5. С. 90 (дата обращения: 18.03.2025).
3. Михайлова К.А. Электронные доказательства в международном коммерческом арбитраже // Вестник науки и образования. 2020. № 15. С. 77 – 79
4. Пражские правила. URL: <https://praguerules.com/upload/medialibrary/443/44329e359e3111b0abca6f3b1be20412.pdf> (дата обращения: 25.04.2024).
5. Сковорцов О.Ю., Севастьянов Г.В., Савранский М.Ю. Международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2018. 521 с.
6. Что такое Арбитраж? Искусственный интеллект и исчезающий человеческий арбитр». URL: <https://blogs.law.ox.ac.uk/business-law-blog/blog/2020/06/what-arbitration-artificial-intelligence-and-vanishing->

- human (дата обращения: 22.04.2024).
7. Эриашвили Н.Д. Международный коммерческий арбитраж. Понятие, виды, правовая природа // Юридические науки. 2021. № 2. С. 252-255.
8. Bible v. United Student Aid Funds, Inc. URL: <https://harvardlawreview.org/print/vol-129/bible-v-united-student-aid-funds-inc> (дата обращения: 25.04.2024).
9. Security techniques Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence. URL: <https://www.iso.org/standard/44381.html> (дата обращения: 23.04.2024).

Use of electronic evidence in international commercial arbitration

Khava M. Musaeva

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of International and Eurasian Law,
Dagestan State University,
367000, 43a Magometa Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: mpravodgu@yandex.ru

Shuainat Sh. Abdulkhalikova

Master's Student,
Dagestan State University,
367000, 43a Magometa Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: mpravodgu@yandex.ru

Abstract

The article examines the development and application of electronic evidence in international commercial arbitration. It is substantiated that digital data – emails, metadata, files in instant messengers, etc. – are becoming an integral part of disputes, but their admissibility, authenticity and confidentiality pose particular challenges. The article analyzes approaches of classical norms (paper evidence), IBA Rules on the Taking of Evidence (2010), the ICC Working Group report (2012) and the Prague Rules (Articles 4.2, 4.3, 4.6). The article identifies risks of file manipulation and leakage of trade secrets during data exchange, and proposes technical and procedural protection measures: hash functions, digital signatures, independent examination, secure platforms and regulation of the procedure for presenting electronic evidence. It is concluded that it is necessary to adapt arbitration rules to the digital economy to ensure the efficiency, fairness and transparency of procedures.

For citation

Musaeva Kh.M., Abdulkhalikova Sh.Sh. (2025) Ispol'zovanie elektronnykh dokazatel'stv v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe [Use of electronic evidence in international commercial arbitration]. Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 601-606.

Keywords

International commercial arbitration, electronic evidence, Prague Rules, data privacy, authenticity and authentication, hash functions, digital signature, metadata, digital economy.

References

1. Aleksandrov A.Yu., Baimarov E.R. (2020) Problemy opredeleniia poniatiia i pravovoi prirody mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha [Problems of Defining the Concept and Legal Nature of International Commercial Arbitration]. Dnevnik nauki [Science Diary], 7. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43804289_95980050 [Accessed: 23.04.2024].
2. Beliaev K.A. (2024) Bezopasnost' khraneniia arbitrazhnoi dokumentatsii na blokcheine: kriptograficheskie metody zashchity [Security of Storing Arbitration Documentation on Blockchain: Cryptographic Protection Methods]. Zakon [Law], 5, p. 90.
3. *Bible v. United Student Aid Funds, Inc.* Available at: <https://harvardlawreview.org/print/vol-129/bible-v-united-student-aid-funds-inc> [Accessed: 25.04.2024].
4. Eriashvili N.D. (2021) Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh. Poniatie, vidy, pravovaia priroda [International Commercial Arbitration. Concept, Types, Legal Nature]. Iuridicheskie nauki [Legal Sciences], 2, pp. 252-255.
5. International Organization for Standardization (ISO). (2012) *ISO/IEC 27037:2012 Information technology – Security techniques – Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence*. Available at: <https://www.iso.org/standard/44381.html> [Accessed: 23.04.2024].
6. Mikhailova K.A. (2020) Elektronnye dokazatel'stva v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe [Electronic Evidence in International Commercial Arbitration]. Vestnik nauki i obrazovaniia [Bulletin of Science and Education], 15, pp. 77–79.
7. Prazhskie pravila o effektivnom provedenii arbitrazha v mezhdunarodnykh sporakh [Prague Rules on the Efficient Conduct of Proceedings in International Arbitration]. Available at: <https://praguerules.com/upload/medialibrary/443/44329e359e3111b0abca6f3b1be20412.pdf> [Accessed: 25.04.2024].
8. Skvortsov O.Yu., Sevast'ianov G.V., Savranskii M.Yu. (2018) Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh [International Commercial Arbitration]. Moscow: Statut Publ.
9. What takoe Arbitrazh? Iskusstvennyi intellekt i ischezaiushchii chelovecheskii arbit» [What is Arbitration? Artificial Intelligence and the Vanishing Human Arbitrator]. Available at: <https://blogs.law.ox.ac.uk/business-law-blog/blog/2020/06/what-arbitration-artificial-intelligence-and-vanishing-human> [Accessed: 22.04.2024].

УДК 34**Дело судна «Волга» и дело «Хошинмару» в контексте исследования вопроса задержания иностранных судов в исключительной экономической зоне****Абгарян Джульетта Рубеновна**

Кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры государственного и муниципального управления,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 80;
e-mail: jetta.ab@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопроса задержания иностранных судов в исключительной экономической зоне на примере двух дел Международного трибунала по морскому праву, где Российская Федерация участвует как в качестве истца, так и в качестве ответчика. В статье дается общая характеристика компетенции Трибунала на рассмотрения споров о незамедлительном освобождении задержанных судов. При этом отмечается, что данная компетенция является исключительной компетенцией Трибунала. Проводятся различия между концепциями территориального моря и исключительной экономической зоны. Затем идет рассмотрение двух дел: дело «Волга» и дело «Хошинмару». Констатируется, что нового привнес Трибунал в вопросы определения разумности размера залога для освобождения судов.

Для цитирования в научных исследованиях

Абгарян Д.Р. Дело судна «Волга» и дело «Хошинмару» в контексте исследования вопроса задержания иностранных судов в исключительной экономической зоне // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 607-613.

Ключевые слова

Международное право, залог, материальное обеспечение, Международный трибунал по морскому праву, дело «Волга», дело «Хошинмару», Конвенция ООН 1982 г.

Введение

Споры в отношении задержания иностранных судов в исключительной экономической зоне занимают важное место в юриспруденции Международного трибунала по морскому праву. Кроме того, что эти споры — самые многочисленные, в них, как правило, часто затрагиваются расхождения сторон в толковании тех или иных положений Конвенции ООН по морскому праву (далее – Конвенция) [Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, [www](#)], так что Трибуналу нередко приходится прибегать к их толкованию, и его судебная функция не ограничивается механическим приложением измерителя к имеющимся фактам [Абгарян, 2015].

Компетенция на рассмотрение споров о незамедлительном освобождении задержанных судов возложена на Международный трибунал по морскому праву ст. 292 Конвенции ООН по морскому праву, которая озаглавлена «Незамедлительное освобождение судна и экипажа» [Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, [www](#)].

А.Л. Колодкин и В.Н. Гуцуляк справедливо называют незамедлительное освобождение судна и экипажа, установленное ст. 292 Конвенции [Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, [www](#)], важнейшей новеллой в международном праве [Колодкин, Гуцуляк, 2008, с. 188], потому что ни в одном международном договоре, принимавшемся ранее, не было обязательства отпускать задержанное судно после внесения залога. Тот факт, что именно данное полномочие Трибунала используется государствами чаще всего, свидетельствует о совершенно верном решении составителей Конвенции [Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, [www](#)], о том, что эта мера действительно содействует беспрепятственному осуществлению свободы судоходства.

Идея незамедлительного освобождения задержанных судов и экипажей появилась как способ уравнивания интересов прибрежных и неприбрежных государств относительно деятельности в исключительной экономической зоне — новом изобретении в международном праве. Но, как видно из приведенных выше формулировок, она применима и к событиям в территориальном море.

Задержание или арест иностранного судна в пределах собственной территории, каковым является территориальное море, — это мера, принимаемая сувереном в пределах своего территориального верховенства, для пресечения нарушений установленного им правопорядка. Данное положение не может вызвать возражений в силу того же понятия территориального верховенства, составляющего общепризнанный принцип международного права. «Территориальный суверен подчиняет своей верховной власти все организации и лица, находящиеся в пределах государства», — читаем мы в изданном почти полвека назад Курсе международного права [Верещагин, Ганюшин, Жуков и др., 1967, с. 124]. Значит, прибрежное государство вправе принимать меры для поддержания установленного правопорядка. Недаром в Конвенции прямо предусмотрено право прибрежного государства проводить расследование в отношении судна, находящегося в порту, то есть во внутренних водах (ст. 220 (1)), и в территориальном море (пп. 2, 3, 5, 6 той же ст. 220) [Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, [www](#)].

Однако отметим, что в той же ст. 220 наряду с территориальным морем упоминается и исключительная экономическая зона [Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, [www](#)]. Между тем, правовая регламентация исключительной экономической зоны появилась в ходе Третьей Конференции ООН по морскому праву как компромисс между стремлением некоторых развивающихся стран установить 100- или даже 200-мильные территориальные воды, где была бы исключена любая иностранная деятельность, и интересами

других государств, прежде всего судоходных и ведущих рыбный промысел вдали от собственных берегов. Из-за серьезных расхождений в трактовке происхождения и сущности статуса исключительной экономической зоны различными группами государств на III Конференции в текст Конвенции не было включено четкого определения правового статуса исключительной экономической зоны. Отсутствие такой статьи в Конвенции привело к тому, что в международной практике и доктрине по-разному толкуются некоторые вопросы, связанные с понятием и значением исключительной экономической зоны [Верецагин, Ганюшин, Жуков и др., 1967, с. 100-101; Горшков, 1985, с. 75-77; Скаридов, 2021, с. 39].

Такая неясность и недоработанность весьма важной категории морских пространств не могли не породить множества споров, в частности, относительно правомерности принятия прибрежным государством мер принуждения в отношении иностранных судов. Задержание иностранного судна в зоне юрисдикции прибрежного государства правомерно лишь в том случае, если оно действительно нарушает законы и правила, вытекающие из полномочий прибрежного государства, установленных Конвенцией [Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, [www](http://www.un.org/ru/avp/)].

Итак, рассмотрим вышеуказанные дела.

Дело о судне «Волга»

Российское судно «Волга» [The "Volga" Case (Russia v. Australia) (Prompt Release), Judgment of December 23, 2002, 6 Int'l Trib. L. of the Sea Rep. of Judgments Advisory Opinions and Orders. 10-41. 2002.] было арестовано в 2000 г. властями Австралии по обвинению в незаконной рыбной ловле в австралийской рыболовной зоне. Российская Федерация направила в Трибунал ходатайство об освобождении «Волги» и его команды, назвав при этом условия освобождения, установленные Австралией, недопустимыми и неразумными в соответствии с Конвенцией [Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, [www](http://www.un.org/ru/avp/)].

Австралия просила Трибунал отклонить ходатайство, назвав установленный залог разумным с учётом обстоятельств дела. В качестве особых обстоятельств, оправдывающих высокую сумму залога, Австралия указала истощение запасов в южной части Индийского океана того вида рыбы (патагонского клыкача), для сохранения которого Австралия принимает специальные меры защиты и лов которого производился траулером «Волга».

В решении от 23 декабря 2002 г. Трибунал принял во внимание озабоченность Австралии и признал сумму залога в 1,920,000 австралийских долларов, запрашиваемую в качестве залога за освобождения судна, разумной в контексте ст. 292 Конвенции [The "Volga" Case (Russia v. Australia) (Prompt Release), Judgment of December 23, 2002, 6 Int'l Trib. L. of the Sea Rep. of Judgments Advisory Opinions and Orders. 10-41. 2002].

Дело «Волги» примечательно тем, что оно было первым (и на сегодняшний день единственным) делом, в котором был установлен залог в форме банковского обязательства. Кроме того, встал вопрос о дополнении залога условием оборудования траулера «Волга» системой определения местонахождения судна (VMS). Австралия настаивала на том, что включение дополнительных нематериальных условий может рассматриваться как часть залога или другого материального обеспечения в целях Конвенции. Трибунал, однако, постановил, что это противоречит целям и задачам ст. 292 [Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, [www](http://www.un.org/ru/avp/)].

Некоторые специалисты считают такое решение не вполне корректным. Они задают вопрос: должен ли трибунал следовать букве Конвенции или Статута Трибунала, или его духу, т.е.

учитывать причины, по которым принимаются те или иные положения [Escher, 2006, p. 324]? Трибунал на этот вопрос не отвечает, и даже не рассматривает его. В решении прямо сказано, что залог должен иметь форму гарантии, предоставленной банком, действующим на территории задержавшего судно государства, или его банком-корреспондентом.

Здесь, если обратиться к фактическим обстоятельствам дела, то следует изложить следующее. Владельцем судна является компания Олберс. Данная компания зарегистрирована в России с офисом в г. Москва, Димитровское шоссе, д. 153. Итак, 7 февраля 2002 г. судно было взято на abordаж австралийскими военными. На судно высадился персонал с австралийского военного вертолета в Южном океане. В момент высадки с вертолета на борт судно находилось в открытом море. Пока российское судно находилось во внутренних водах, территориальном море, прилегающей зоне или в исключительной экономической зоне Австралии, не поступало ни одного требования или приказа со стороны какого-либо судна или самолета, находящегося на государственной службе Австралии. А также до высадки военных никаких сообщений о нарушениях от австралийской стороны не поступало. Теперь что касается в отношении уголовного преследования и залога. Примерно 5 марта 2002 г. капитан рыбной ловли, лоцман рыбной ловли и старший помощник капитана («Офицеры») были обвинены в преступлениях согласно австралийскому законодательству в связи с деятельностью судна в Южном океане, а затем были заключены под стражу. Примерно 16 марта 2002 г. капитан умер в больнице, находясь под присмотром и под стражей австралийских властей. Здесь важно отметить следующее, что несмотря ни на какие обстоятельства дела и на какие аргументы, приводимые со стороны Российской Федерации, Трибунал рассмотрел здесь только и единственное это нормативное регулирование таких вопросов, как влияние законности задержание судна в открытом море на размер залога, а также критерии установления разумного залога для освобождения судна и его экипажа [Колдаева, 2021, с. 101-103].

Дело «Хошинмару»

В деле «Хошинмару» [The "Hoshinmaru" Case (Japan v. Russian Federation), Prompt Release, Judgment of 6 August 2007, p. 18] рассматривался также вопрос о разумности залога. 6 июля 2007 г. Япония подала в трибунал заявление о рассмотрении дела о задержании рыболовного судна «Хошинмару» властями Российской Федерации по обвинению в нарушении национального законодательства о рыбной ловле в исключительной экономической зоне России. 13 июля, спустя больше 5 недель после задержания судна, Россия установила залог в размере 25 млн. руб. (около 980,000 долл. США) и заявила, что назначение залога отменяет необходимость обращения в Трибунал о незамедлительном освобождении судна, а потому иск Японии должен быть признан неприемлемым.

Япония объявила сумму залога неразумной и не соответствующей требованиям ст. 292 Конвенции [Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, www]. Позиции сторон также разошлись по вопросу задержания вместе с судном его команды и капитана. В решении от 6 августа 2007 г. трибунал подтвердил ранее вынесенное решение относительно разумности залога или другого материального обеспечения и, помимо прочего, заявил, что не считает разумным устанавливать залог, исходя из максимальной суммы штрафа, который может быть наложен на судовладельца или капитана, равно как и устанавливать залог, исходя из возможной конфискации судна с учётом обстоятельств дела. Сумма залога должна быть соразмерна серьёзности вменяемого нарушения. Таким образом, трибунал признал сумму залога, установленную Российской Федерацией, неразумной, и постановил незамедлительно

освободить «Хошинмару» вместе с уловом на борту после уплаты залога или другого обеспечения, определённого трибуналом, а также незамедлительно и без каких-либо условий освободить капитана и команду судна. Трибунал определил сумму залога в 10 млн. руб. (около 390,000 долл. США) [The "Hoshinmaru" Case (Japan v. Russian Federation), Prompt Release, Judgment of 6 August 2007,]. 16 августа 2007 г. Российская Федерация получила залог; судно с командой были освобождены в тот же день.

Вопрос о конфискации в деле «Томимару»

Дело «Томимару» [The "Tomimaru" Case (Japan v. Russian Federation), Prompt Release, Judgment of 6 August 2007, p. 74] было инициировано Японией в тот же день, что и дело «Хошинмару», и тоже касалось задержания рыболовного судна Российской Федерацией по обвинению в нарушении национального рыболовного законодательства в её исключительной экономической зоне. В этом деле Трибуналу пришлось рассматривать болезненный вопрос о последствиях конфискации рыболовного судна – меры, предусмотренной законодательством в сфере организации охраны окружающей среды и природных ресурсов многих государств. Команде было позволено покинуть Российскую Федерацию задолго до подачи Японией заявления в Трибунал об освобождении судна.

Компетентный российский суд принял решение о конфискации судна, и поэтому Россия заявила, что поданное Японией ходатайство не имеет объекта. В своём решении от 6 августа 2007 г. Трибунал выразил мнение, что решение о конфискации исключает предварительный характер задержания судна, лишая процедуру ходатайства о незамедлительном освобождении объекта. При этом, однако, он также отметил недопустимость принятия решений, лишаящих судовладельца права обращения за доступными внутренними средствами правовой защиты, или лишаящих государство флага возможности добиваться незамедлительного освобождения судна в рамках Конвенции.

Далее Трибунал подчеркнул, что решение о конфискации судна не мешает ему рассматривать ходатайство о незамедлительном освобождении судна до тех пор, пока процессуальные действия во внутренних судах задержавшего судно государства не завершены. Трибунал обратил внимание на то, что решение Верховного суда Российской Федерации, поддержавшего решение суда низшей инстанции о конфискации «Томимару», исчерпывает процедуры, доступные во внутренних судах. Соответственно, Трибунал постановил, что ходатайство Японии больше не имеет объекта, и поэтому Трибунал не может выносить по нему какое-либо решение.

Незамедлительное освобождение как временная охранительная мера. Дело «Арктик Санрайз»

Данное дело привлекает внимание тем, что незамедлительное освобождение судна было предписано Трибуналом в качестве одной из временных охранительных мер.

Ледокол «Арктик Санрайз» плавает под флагом Нидерландов и эксплуатируется международной неправительственной организацией «Гринпис». Судно было задержано властями Российской Федерации в пределах исключительной экономической зоны РФ после того, как активисты «Гринпис» сделали попытку взобраться на платформу под флагом РФ, нарушив зону безопасности этой платформы.

Закключение

Содержание предписания о незамедлительном освобождении судна «Арктик Санрайз» можно назвать типовым, так как оно не отличается от других таких же предписаний: незамедлительно освободить судно и весь задержанный персонал после внесения залога или иного финансового обеспечения Нидерландами в размере 3.600 000 евро в виде банковской гарантии.

Библиография

1. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/ (дата обращения: 12.03.2024).
2. Абгарян Д.Р. Практика международного трибунала по морскому праву: Дисс. ... к.ю.н. – М., 2015. – 147 с.
3. Колдаева В.А. Критерии определения разумности залога для освобождения судна на примере дела «Волга» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4-2. – С. 101-103
4. Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н. Незамедлительное освобождение судов и экипажей в практике Международного трибунала по морскому праву // Международное право и национальные интересы Российской Федерации. Liber amicorum в честь Чрезвычайного и Полномочного посла, профессора Олега Николаевича Хлестова. – М.: Восток – Запад, 2008. – С. 188.
5. Курс международного права в шести томах. Т. III. Основные институты и отрасли современного международного права. Т. 3 / [А.Н. Верещагин, Б.В. Ганюшин, Г.П. Жуков и др.]. – М.: Наука, 1967. – 451 с.
6. Международное морское право: Справочник / под ред. Г.С. Горшкова [Г.С. Горшков, Г.А. Глазунов, В.С. Князев и др.]. – М.: Воениздат, 1985. – 430 с.
7. Мировой океан и международное право. Правовой режим морских прибрежных пространств / Отв. ред.: Мовчан А.П., Янков А.; Редкол.: Бараболя П.Д., Виноградов С.В., Даниленко Г.М., Кунц О., Миронова С.В., Симонидерс Я., Скалова Л.В., Сперанская Л.В., Шинкарецкая Г.Г. – М.: Наука, 1987. – 228 с.
8. Скаридов А.С. Правовое обеспечение профессиональной деятельности. Морское право: Учебник для СПО. – М.: Юрайт, 2021. – 355 с.
9. The "Arctic Sunrise" Case (Kingdom of the Netherlands v. Russian Federation).
10. The "Hoshinmaru" Case (Japan v. Russian Federation), Prompt Release, Judgment of 6 August 2007, ITLOS Reports, 2005-2007. – P. 18.
11. The "Tomimaru" Case (Japan v. Russian Federation), Prompt Release, Judgment of 6 August 2007, ITLOS Reports, 2005-2007. – P. 74.
12. The "Volga" Case (Russia v. Australia) (Prompt Release), Judgment of December 23, 2002, 6 Int'l Trib. L. of the Sea Rep. of Judgments Advisory Opinions and Orders. 10-41. 2002. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.itlos.org/start2_en.html (дата обращения: 12.03.2024).
13. Escher A.-K. Release of Vessels and Crews before the International Tribunal for the Law of the Sea // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2006. Vol. 18. – P. 324.

The Case of the "Volga" and the "Hoshinmaru" Case in the Context of Studying the Detention of Foreign Vessels in the Exclusive Economic Zone

Dzhul'etta R. Abgaryan

PhD in Law, Lecturer,
Department of State and Municipal Administration,
Moscow University of Industry and Finance "Synergy",
125190, 80, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russian Federation;
e-mail: jetta.ab@gmail.com

Abstract

The article examines the issue of detaining foreign vessels in the exclusive economic zone through the prism of two cases before the International Tribunal for the Law of the Sea, where the Russian Federation participated both as plaintiff and defendant. The study provides an overview of the Tribunal's jurisdiction over prompt release cases of detained vessels, noting that this jurisdiction falls within the Tribunal's exclusive competence. The analysis distinguishes between the legal concepts of territorial sea and exclusive economic zone. The article then examines two landmark cases: the "Volga" case and the "Hoshinmaru" case, focusing particularly on the Tribunal's contribution to establishing reasonable bond criteria for vessel release.

For citation

Abgaryan D.R. (2025) Delo sudna "Volga" i delo "Khoshinmaru" v kontekste issledovaniya voprosa zaderzhaniya inostrannykh sudov v isklyuchitelnoi ekonomicheskoi zone [The Case of the "Volga" and the "Hoshinmaru" Case in the Context of Studying the Detention of Foreign Vessels in the Exclusive Economic Zone]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 607-613.

Keywords

International law, bond, security, International Tribunal for the Law of the Sea, "Volga" case, "Hoshinmaru" case, 1982 UN Convention.

References

1. United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) (concluded in Montego Bay on 10.12.1982) (as amended dated 07/23/1994) [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/ (date of reference: 03/12/2024).
2. Abgaryan D.R. The practice of the International Tribunal for the Law of the Sea: Dissertation ... Candidate of Law–Moscow, 2015. 147 p.
3. Koldaeva V.A. Criteria for determining the reasonableness of a pledge for the release of a vessel on the example of the Volga case // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. No. 4-2. – pp. 101-103
4. Kolodkin A.L., Gutsulyak V.N. Immediate release of ships and crews in the practice of the International Tribunal for the Law of the Sea // International law and the national interests of the Russian Federation. The freedom of a friend in the couple of a Primary and full-scale person, Oleg Nikolevich prossor. – M.: East – West, 2008. – p. 188.
5. Course of international law for the population Vol. Chapter III. The main institutes and branches of modern international law. Vol. 3 / [A.N. Vereshchagin, B.V. Ganyushin, G.P. Zhukov and others]. Moscow: Nauka Publ., 1967. – 451 p.
6. International maritime law: Handbook / edited by G.S. Gorshkov [G.S. Gorshkov, G.A. Glazunov, V.S. Knyazev, and others]. Moscow: Voenizdat, 1985. – 430 pages.
7. The world ocean and international law. Legal regime of marine coastal spaces / Ed.: Movchan A.P., Yankov A.A.; Editors: Barbolya P.D., Vinogradov S.V., Danilenko G.M., Kunch O., Mironova S.V., Simoniders Ya., Skal L.V., Ispanskaya L.V., Tsinkaretskaya G.G. – M.: Nauka, 1987. – 228 p.
8. Skaridov A.S. Legal support of professional activity. Maritime law: A textbook for the Law of the Sea. Moscow: Yurait, 2021. 355 p.
9. The case of Arctic Sunrise (Kingdom of the Netherlands v. the Russian Federation).
10. The case of Hoshinmaru (Japan v. the Russian Federation), Immediate Release, Judgment of 6 August 2007, ITLOS Reports, 2005-2007. – Page 18.11.
- The case of Tomimaru (Japan v. the Russian Federation), Immediate Release, Judgment of August 6, 2007, ITLOS Reports, 2005-2007. – p. 74.
12. The Volga case (Russia v. Russia. Australia) (Immediate Publication), Judgment of December 23, 2002, 6 international judicial decisions, advisory opinions and orders of the Maritime Commission. 10-41. 2002. [electronic resource]. – URL: http://www.itlos.org/start2_en.html (date of reference: 03/12/2024).
13. Escher A.-K. Release of ships and crews at the International Tribunal for the Law of the Sea // International Journal of Maritime and Coastal Law. 2006. Volume 18. – P. 324.

УДК 347.9**Использование упрощенных процедур как одна из тенденций развития международного коммерческого арбитража****Романов Андрей Александрович**Управляющий партнер,
Консультационная группы «Верно»доцент,
кафедрм гражданского права и процесса,Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,

690922, Российская Федерация, Приморский край, о. Русский, п. Аякс, 10;

e-mail: andrey.romanov@vernogroup.ru

Корнева Кристина АлексеевнаАссистент,
кафедрм гражданского права и процесса,Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,

690922, Российская Федерация, Приморский край, о. Русский, п. Аякс, 10;

e-mail: korneva.ka@dvfu.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается применение упрощенных процедур при рассмотрении споров в международном коммерческом арбитраже. В работе проведен сравнительный анализ условий и особенностей упрощенного производства на основе регламентов ведущих зарубежных арбитражных институций, таких как ICC, LCIA и SIAC, а также в соответствии с нормами отечественного законодательства. Особое внимание уделено критериям использования ускоренных процедур, включая цену иска, сложность дела и согласие сторон. Автор подчеркивает, что упрощенные процедуры становятся важным инструментом повышения эффективности арбитража, позволяя сократить сроки разбирательства и снизить судебные издержки. В статье также рассматриваются возможные ограничения и риски, связанные с ускоренным производством, такие как обеспечение процессуальных гарантий и соблюдение принципа состязательности. Актуальность темы обусловлена растущим спросом на гибкие и экономичные механизмы разрешения споров в условиях глобализации международной торговли. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования нормативной базы и практики применения упрощенных процедур в арбитраже для обеспечения баланса между оперативностью и справедливостью судопроизводства.

Для цитирования в научных исследованиях

Романов А.А., Корнева К.А. Использование упрощенных процедур как одна из тенденций развития международного коммерческого арбитража // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 614-620.

Ключевые слова

Международный коммерческий арбитраж, третейское разбирательство, суд, спор, арбитраж, разрешение споров, ускоренное производство, упрощенное производство, сокращенное производство.

Введение

Очевидное преимущество международного коммерческого арбитража усматривается в том, что арбитраж представлен в форме упрощенной, но признаваемой достаточной, арбитражной процедуры [Асосков, Бело, Вилкова и др., 2013]. Невозможность оспаривания решения по существу дела также помогает эффективнее и быстрее разрешить спор, чем осуществление судопроизводства в государственной судебной системе. Таким образом, известная скорость рассмотрения дел коммерческим арбитражем или третейским судом, а также окончательность постановляемого ими по делу решения более привлекают стороны международного контракта нежели чем достаточно продолжительное рассмотрение дел в государственных судах с возможностью последующего неоднократного обжалования судебного акта, постановленного по хозяйственному или экономическому спору [Романов, 2023]. Вышесказанное позволяет утверждать об упрощенном порядке рассмотрения споров в международном коммерческом арбитраже в сравнении с разбирательством в государственных судах. Такая упрощенность в общем виде являет собой преимущество данного правового института, поскольку в арбитраж обращаются стороны, которые не хотят затягивать решение спора, этот спор может быть сложнее, чем типичный гражданский спор между субъектами хозяйственных отношений [Lim, Но, Paparinskis, 2018]. Как правило, он осложнен иностранным элементом, что, однако, не является обязательным требованием. Данные обстоятельства вынуждают стороны обращаться к более профессиональным арбитрам, которые уже имеют опыт работы со спорами необходимой категории.

Основная часть

Несмотря на общую упрощенность международного коммерческого арбитража, все же следует отметить, что существуют арбитражные механизмы, призванные ускорить разбирательство. Эти механизмы представлены в различных формах. К ним относятся:

- институциональные правила для «ускорения» разбирательства;
- Пражские правила, как руководящие принципы, упрощающие работу с доказательствами в арбитраже;
- решения, вынесенные в упрощенном порядке.

В настоящем исследовании рассмотрим институциональные правила для «ускоренного» арбитража, которые получили широкое признание в международной практике. Эти процедуры предполагают жесткие временные рамки, сопровождающие каждый этап процесса и возможность отказаться от устного слушания, то есть некую рационализацию разбирательства, соответствующую принципу процессуальной экономии.

Проведя ретроспективный анализ, мы определим, что возможность обращения к упрощенным процедурам в третейском разбирательстве была введена Арбитражным регламентом Международной торговой палаты ICC Парижа, который вступил в силу 1 марта

2017 года [Сысуев, 2022].

Чтобы воспользоваться данной опционной новеллой, стороны должны были бы согласиться разрешать арбитражные разбирательства посредством так называемого «ускоренного арбитража», процедурные правила которого направлены на обеспечение скорейшего прекращения споров.

При этом ускоренная процедура может быть применена при соблюдении следующих условий:

- Арбитражное соглашение согласовано после даты вступления регламента Международной торговой палаты ICC в силу (т. е. после 1 марта 2017 года);
- Стоимость спора не превышает 2 000 000,00 долларов США;
- Стороны не включили в арбитражное соглашение пункт о неприменении ускоренной процедуры (по сути, не отменяющий использование ускоренной процедуры);
- Стороны прямо предусмотрели применение ускоренной процедуры в арбитражной оговорке или договорились о ее применении на более позднем этапе.

Ход ускоренной процедуры может выглядеть следующим образом. Для успешного проведения ускоренной процедуры можно использовать несколько стратегий и мер:

- Составление процессуального приказа (служебного документа), то есть документа, определяющего условия полномочий арбитров;
- Согласование запрета на формулирование новых требований, за исключением некоторых случаев;
- Проведение «конференцию по управлению разбирательством» или организационного совещания в срок 15 дней с момента передачи дела в арбитраж;
- Разрешение спора, ограничившись изучением документов, предоставленных сторонами, без проведения слушаний, свидетельских показаний или экспертных заключений;
- Ограничение количество допустимых состязательных документов сторон;
- Вынесение решения по спору в течение 6 месяцев с момента проведения «конференции по управлению разбирательством» или организационного совещания.

Определив истоки упрощенной процедуры, не менее важно обратиться к национальному регулированию проведения упрощенной процедуры арбитражного разбирательства.

При проведении арбитражного разбирательства с местом арбитража в РФ подлежат применению положения закона РФ от 7 июля 1993 г. N 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», где в п.1 ст.24 сказано, что при условии соблюдения любого иного соглашения сторон третейский суд принимает решение о том, проводить ли устное слушание дела для представления доказательств или для устных прений либо осуществлять разбирательство только на основе документов и других материалов. Однако, кроме того случая, когда стороны договорились не проводить устного слушания, третейский суд должен провести такое слушание на сообразной стадии арбитражного разбирательства, если об этом просит любая из сторон. Сама статья имеет название «Слушание и разбирательство по документам», что и свидетельствует об упрощенном порядке рассмотрения.

В ст.19 ФЗ от 29.12.2015 N 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ» указано, что при условии соблюдения положений настоящего закона стороны могут по своему усмотрению договориться о процедуре арбитража. При отсутствии договоренности третейский суд может с соблюдением положений настоящего закона осуществлять арбитраж таким образом, какой он посчитает надлежащим, в том числе в отношении определения допустимости,

относимости и значения любого доказательства. Т. е. состав арбитража самостоятельно может определить необходимую процедуру.

Обобщенно, упрощенные процедуры в международном коммерческом арбитраже синонимичны ускоренному производству. Таким образом, вся сущность международного коммерческого арбитража может сводиться к упрощенному разбирательству, которое помимо сокращенных сроков находит свое выражение в:

- Возможности определения процедуры арбитража; (в т. ч. ускоренной и чрезвычайной);
- Выбора регламента;
- Выбора арбитров;
- Выбора места арбитража;
- Выбора процессуального графика.

Сокращение продолжительности рассмотрения дела - основная цель введения ускоренного (упрощенного) производства [Михеев, 2017]. Этот тезис также применим к институту международного коммерческого арбитража, в котором одним из способов такого сокращения является введение механизма эффективного взаимодействия сторон и арбитража, направленного на стимулирование использования такого порядка. Интерес представляет порядок такого взаимодействия, учитывая, что процедура ведения дела по упрощенному (ускоренному) порядку регламентами не детализирована, помимо вышеуказанных норм двух законов РФ об арбитраже [Константинов, 2021]. При этом автономия воли сторон в определении процедуры не является неограниченной. Процедура должна соответствовать обязательным правилам и требованиям публичной политики законодательства страны, в которой проводится арбитражное разбирательство. Согласованная процедура также должна учитывать положения международных арбитражных конвенций, которые направлены на обеспечение справедливого арбитражного разбирательства, например требования Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958г.

Все арбитражные разбирательства проводятся по-разному, опираясь на регламенты арбитражных институций. За некоторыми важными исключениями арбитраж, как правило, более неформален, чем судебное разбирательство. Дискреция в процедурных вопросах предполагает выбор способа назначения арбитров, организационное совещание, согласование процессуального графика, раунд обмена состязательными документами.

Как видим, упрощенный порядок в международном коммерческом арбитраже предполагает упрощение процедуры разрешения спора. Однако упрощение процедуры не исключает соблюдение фундаментального процессуального принципа - принципа состязательности. Это проявляется в том, что при разрешении спора по упрощенной процедуре стороны принимают участие в форме собирания, представления и раскрытия доказательств, а состав арбитража, в свою очередь, их рассматривает и оценивает, определяя весомость доказательств, используя при этом принцип беспристрастности и нейтралитета.

Однако дальнейшая регламентация исходит из правил конкретной арбитражной институции, компетентной на рассмотрение спора.

Несомненно, арбитр может принять решение исходя из обстоятельств дела, рассмотреть спор по обычной процедуре либо ходатайствовать о продлении срока, предусмотренного при ускоренном порядке. При введении в регламенты ускоренной процедуры разрешения споров это учитывалось. Однако представляется, что продление срока разрешения спора по ускоренной процедуре при упрощении процесса должно быть не как правило, а как исключение. Некоторые

регламенты продление срока связывают с наличием исключительных обстоятельств [Арбитражный регламент ICC. [www...](#)], в случае необходимости [Правила арбитража международных коммерческих споров. [www...](#)], а также по уважительной причине [Регламент Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии. [www...](#)]. Арбитр должен аргументировать, что эти обстоятельства имеют место. Это возможно, по-нашему мнению, только предоставив ответственному лицу, которое принимает решение о продлении срока, все данные, связанные с подготовкой по делу.

Ускорение процесса как тенденция к упрощенному производству явление не новое, оно продолжает свое формирование и развитие в настоящее время. Заимствование, преимущество поможет заполнить пробелы, преодолеть неясности при применении упрощенной формы в международном коммерческом арбитраже. В России базовой основой этой идеи является опыт зарубежных международных арбитражных институтов, а также российские правовые традиции использования несложных процедур при рассмотрении дел.

Приказом от ТПП РФ № 6 от 11 января 2017 года утверждены правила арбитража международных коммерческих споров, вступивших в силу с 27 января 2017 года, где предусмотрено ускоренное арбитражное разбирательство.

Особенность ускоренного арбитражного разбирательства в МКАС при ТПП РФ состоит в том, что с учетом обстоятельств дела третейский суд может посчитать целесообразным проведение одного устного слушания, в этом случае последующие устные слушания не проводятся, споры рассматриваются единоличным арбитром на основании только письменных доказательств в срок, не превышающий 120 дней. Кроме того, ускоренное разбирательство может быть продолжено и в том случае если в процессе слушания дела стороны в установленный срок изменят исковые требования, и сумма предъявленных требований превысит установленный эквивалент в 50000 долларов США.

Специалистами продолжается поиск путей совершенствования и развития процедур рассмотрения и разрешения споров в международном коммерческом арбитраже. Вслед за профессором Сандерсом обсуждаются вопросы действия упрощенных процедур в рамках арбитражного разбирательства, их соотношения с принятыми правилами рассмотрения и разрешения споров в арбитраже, а также перспективы признания и приведения в исполнение итоговых решений с учетом положений Нью-Йоркской конвенции 1958 г. Прорабатываются механизмы проведения арбитража «только по документам» (documents-only arbitration) [Абесадзе, Андреева, Ануров и др., 2018].

Заключение

В заключение необходимо отметить, что упрощенное производство в международном коммерческом арбитраже ввиду своей эффективности будет все более востребовано. Такую тенденцию нужно не только сохранить, но и способствовать её активному развитию и совершенствованию.

Библиография

1. Константинов, А. А. Взаимодействие состава арбитража со сторонами при ускоренном порядке разрешения споров в международном коммерческом арбитраже // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. N 7. с. 41–45.
2. Международный коммерческий арбитраж: Учебник / С.А. Абесадзе, Т.К. Андреева, В.Н. Ануров и др.; отв. ред.

- Т.А. Лунаева; науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Редакция журнала "Третейский суд"; М.: Статут, 2018. Вып. 9. 965 с.
3. Михеев, П. В. Ускоренные производства в гражданском судопроизводстве: вопросы терминологии // Вестник гражданского процесса. 2017. N 5. С. 207–242.
4. Новые горизонты международного арбитража: сборник статей / А.В. Асосков, Фредерик Бело, Н.Г. Вилкова и др.; под ред. А.В. Асоскова, Н.Г. Вилковой, Р.М. Ходыкина. М.: Инфотропик Медиа, 2013. Вып. 1. 384 с.
5. Романов, А.А. Коммерческий арбитраж в России на современном этапе / А. А. Романов // Арбитражный и гражданский процесс. - 2023. - № 6. с. 30–33.
6. Сысеев, Т.В. Некоторые тренды развития арбитражной процедуры // Третейский суд. 2022. N 1. с. 38 - 40
7. International Investment Law and Arbitration Chin Leng Lim, Jean Ho, Martins Paparinskis Cambridge University Press, 26 apr. 2018

The Use of Simplified Procedures as a Trend in International Commercial Arbitration Development

Andrei A. Romanov

Managing Partner,
Consulting Group "Verno";
Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ayaks Settlement, Russky Island, Primorsky Krai, Russian Federation;
e-mail: andrey.romanov@vernogroup.ru

Kristina A. Korneva

Assistant,
Department of Civil Law and Procedure,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ayaks Settlement, Russky Island, Primorsky Krai, Russian Federation;
e-mail: korneva.ka@dvfu.ru

Abstract

This article examines the application of simplified procedures in international commercial arbitration dispute resolution. The study provides a comparative analysis of the conditions and features of expedited proceedings based on the rules of leading foreign arbitration institutions such as ICC, LCIA, and SIAC, as well as under Russian legislation. Particular attention is paid to the criteria for using expedited procedures, including claim value, case complexity, and party consent. The authors emphasize that simplified procedures are becoming an important tool for enhancing arbitration efficiency by reducing proceedings duration and lowering costs. The article also explores potential limitations and risks associated with expedited proceedings, such as ensuring procedural safeguards and maintaining adversarial principles. The topic's relevance stems from the growing demand for flexible and cost-effective dispute resolution mechanisms in the context of international trade globalization. The conclusion highlights the need for further improvement of the regulatory

framework and practice of simplified arbitration procedures to balance efficiency and procedural fairness.

For citation

Romanov A.A., Korneva K.A. (2025) Ispolzovanie uproshchennykh protsedur kak odna iz tendentsiy razvitiya mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha [The Use of Simplified Procedures as a Trend in International Commercial Arbitration Development]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 614-620.

Keywords

International commercial arbitration, arbitration proceedings, court, dispute, arbitration, dispute resolution, expedited procedure, simplified procedure, summary procedure.

References

1. Konstantinov, A. A. Interaction of the arbitral tribunal with the parties in an expedited dispute resolution procedure in international commercial arbitration // Arbitration and civil procedure. 2021. N 7. pp. 41-45.
2. International commercial arbitration: Textbook / S.A. Abesadze, T.K. Andreeva, V.N. Anurov et al.; ed. edited by T.A. Lunaev; scientific editors O.Y. Skvortsov, M.Y. Savransky, G.V. Sevastyanov. 2nd ed., revised St. Petersburg: Editorial Board of the journal "Arbitration Court"; M.: Statute, 2018. Issue 9. 965 p.
3. Mikheev, P. V. Accelerated proceedings in civil proceedings: issues of terminology // Bulletin of Civil Procedure. 2017. N 5. pp. 207-242.
4. New horizons of international arbitration: a collection of articles / A.V. Asoskov, Frederik Belo, N.G. Vilкова et al.; edited by A.V. Asoskov, N.G. Vilкова, R.M. Khodykin. Moscow: Infotropik Media, 2013. Issue 1. 384 pages.
5. Romanov, A.A. Commercial arbitration in Russia at the present stage / A. A. Romanov // Arbitration and civil procedure. 2023. - No. 6. pp. 30-33.
6. Sysuev, T.V. Some trends in the development of arbitration procedure // Arbitration Court. 2022. N 1. pp. 38-40
7. International Investment Law and Arbitration Chin Leng Lim, Jean Ho, Martins Paparinskis Cambridge University Press, April 26, 2018

УДК 34**Международно-правовой анализ некоторых обязательств государств-участников Договора Пелиндаба****Нуцалханов Гамзат Нуцалханович**

Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин,
Северо-Кавказский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
368000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Амет-Хана Султана, 9;
e-mail: gamzat940@mail.ru

Аннотация

Предметом данной статьи являются обязательства государств-участников Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке. Задача написания данной статьи состоит в комплексном исследовании содержания Договора Пелиндаба. Методология исследования основывается на формально-юридическом анализе международно-правовых актов. Автор приходит к выводу о том, что в Договоре Пелиндаба содержатся подробные положения об использовании ядерной энергии в мирных целях; положения, касающиеся запрещения вооруженного нападения на ядерные установки; нормы о физической защите ядерных материалов, установок и оборудования согласно не только Конвенции о физической защите ядерного материала, но и рекомендациям и руководящим принципам, разработанных для этой цели МАГАТЭ.

Для цитирования в научных исследованиях

Нуцалханов Г.Н. Международно-правовой анализ некоторых обязательств государств-участников Договора Пелиндаба // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 621-630.

Ключевые слова

Договор, ядерное оружие, безопасность, разоружение, нераспространение, зона, свободная от ядерного оружия.

Введение

В соответствии со статьей 8 Договор Пелиндаба никоим образом не препятствует использованию ядерной науки и техники в мирных целях. Стороны Договора обязуются в индивидуальном порядке и совместно поощрять использование ядерной науки и техники в интересах социально-экономического развития. Для этого они обязуются создавать и укреплять механизмы сотрудничества на двустороннем, субрегиональном и региональном уровнях. Договор также рекомендует использование программы помощи в рамках МАГАТЭ и, в этой связи, укрепление сотрудничества в рамках Африканского регионального соглашения о сотрудничестве в исследованиях, разработках и подготовке кадров, связанных с ядерной наукой и техникой (AFRA) [Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке, [www...](#)].

Основная часть

Анализируя данное положение Договора, следует отметить что, те немногие африканские государства, которые проявили интерес к атомным электростанциям и исследовательским реакторам, были обескуражены высокими затратами, а также последствиями Чернобыля. Кроме того, сегодняшние реалии таковы, что только в четырех государствах (Южная Африка, Египет, Алжир и Ливия) имеются программы, требующие применения гарантий. Из четырех стран только Южная Африка располагает атомными электростанциями, а также полным ядерным топливным циклом.

Несмотря на эту ситуацию, интересы африканских государств в ядерной энергетике заключаются в том факте, что некоторые из них являются основными источниками ядерного топлива. Например, четыре государства (Южная Африка, Намибия, Нигер и Габон) производят уран на коммерческой основе. Кроме того, несколько африканских государств извлекли выгоду из использования ядерной науки и техники в сельском хозяйстве, медицине, консервировании пищевых продуктов, животноводстве, гидрологии и горнодобывающей промышленности. Поэтому неудивительно, что в Договоре содержатся подробные положения об использовании ядерной энергии в мирных целях, которых нет ни в Договоре Тлателолко, ни в Договоре Раротонга. Участники Пелиндабского договора не желают налагать на себя какие-либо ограничения, которые могут препятствовать деятельности, разрешенной и осуществляемой в других регионах в целях экономического и социального развития. Именно с этой целью статья 8 Договора предусматривает, что стороны будут принимать меры по содействию «индивидуальному и коллективному» использованию ядерной науки и технологии для экономического и социального развития [Griffith, 2008].

Ключевую роль в продвижении мирного применения ядерной науки и технологий в Африке играет Африканская комиссия по ядерной энергии (AFCONE), которая выступает инструментом для осуществления деятельности, допустимой в интересах экономического и социального развития африканских государств. Обязанности AFCONE, которые в некоторой степени аналогичны обязанностям Агентства по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке (OPANAL), заключаются в следующем:

- 1) Содействие использованию ядерной энергии в мирных целях под полномасштабными гарантиями МАГАТЭ.
- 2) Поощрение сторон к полному использованию программы помощи, предоставляемой в рамках МАГАТЭ. Это включает атомные электростанции, исследовательские реакторы,

а также использование ядерных технологий в сельском хозяйстве, медицине, консервировании пищевых продуктов, животноводстве и т.д.

- 3) Поощрение региональных программ сотрудничества в области мирного использования ядерной науки и техники. Именно в связи с этим в 1990 году МАГАТЭ было учреждено AFRA. Пятнадцать африканских государств уже являются членами AFRA. Как того требуют условия Договора о ЗСЯО в Африке, AFCONE будет получать ежегодные отчеты о деятельности AFRA от МАГАТЭ.
- 4) Содействие международному сотрудничеству с заинтересованными внезональными государствами и организациями. В соответствии с этим положением Договора AFCONE может устанавливать контакты о сотрудничестве с заинтересованными государствами, а также с OPANAL, ABACC и другими подобными агентствами, AFCONE будут приветствовать сотрудничество с любым государством, которое может оказать помощь в использовании ядерных технологий в целях развития.
- 5) Обеспечение того, чтобы радиоактивные отходы, образующиеся в гражданской ядерной промышленности, не сбрасывались в пределах зоны применения Договора.
- 6) Обеспечение того, чтобы экспорт урана осуществлялся в практических целях и под гарантиями МАГАТЭ.

Как и в случае с Договорами Тлателолко и Раротонга, статья 9 Договора Пелиндаба обязывает каждую сторону в течение 18 месяцев после ратификации Пелиндабского договора заключить всеобъемлющее соглашение о гарантиях с МАГАТЭ в целях контроля за осуществлением всех видов деятельности по использованию ядерной энергии в мирных целях в строгом соответствии с мерами нераспространения, с тем чтобы гарантировать ее использование исключительно в мирных целях.

Кроме того, каждая сторона Договора обязана не предоставлять исходный или специальный расщепляющийся материал, либо оборудование или материал, специально предназначенные или подготовленные для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала в мирных целях, любому государству, не обладающему ядерным оружием, если на него не распространяется всеобъемлющее соглашение о гарантиях, заключенное с МАГАТЭ. Гарантии МАГАТЭ будут применяться ко всем исходным или расщепляющимся материалам в рамках всей мирной ядерной деятельности на территории стороны, независимо от того, находится ли она под ее юрисдикцией или осуществляется под ее контролем в других местах.

Каждая сторона обязана включать в свой ежегодный отчет AFCONE копию «общих выводов» самого последнего доклада МАГАТЭ о его инспекционной деятельности на территории соответствующей стороны. Стороны обязаны незамедлительно уведомлять AFCONE о любых изменениях в этих выводах. Информация, предоставленная стороной, не должна полностью или частично раскрываться, или передаваться третьим сторонам без явно выраженного согласия соответствующей стороны. Каждая сторона обязана применять полномасштабные гарантии МАГАТЭ при поставке исходных материалов для государств, не обладающих ядерным оружием.

С закрытием двух обогатительных фабрик Южной Африки в африканской зоне не будет никакой деятельности по повторной переработке или обогащению. При этом, было бы возможно включить юридический запрет на такую чувствительную к защите жизни деятельность (в соответствии с все еще невыполненным соглашением между Южной Кореей и Северной Кореей, которое запрещает переработку отработавшего топлива и обогащение урана)

и, таким образом, создать прецедент для других регионов, таких как Ближний Восток [Fischer, 1995/1996].

Согласно статье 10 Договора каждая сторона обязуется обеспечить максимальную безопасность и эффективную физическую защиту ядерных материалов, установок и оборудования для предотвращения их хищения или несанкционированного использования и работ с ними. В этих целях каждая Сторона, в частности, обязуется применять меры физической защиты, эквивалентные мерам, предусмотренным в Конвенции о физической защите ядерного материала и в рекомендациях и руководящих принципах, разработанных для этой цели МАГАТЭ. Тем самым, данная статья Договора предлагает инновационный и полезный прецедент для других договоров о безъядерных зонах [Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке, www.iaea.org].

В качестве обязательства, отсутствующего в других региональных договорах, статья 11 Договора Пелиндаба обязывает каждую сторону «не осуществлять, не поддерживать и не поощрять любые действия, имеющие целью вооруженное нападение - с применением обычных или иных средств - на ядерные объекты в зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке». Включение этого обязательства в другие потенциальные договоры о безъядерных зонах стало бы важной мерой укрепления доверия, особенно на Ближнем Востоке, где такие атаки уже имели место [Spector, Ohlde, 2005].

Нормы статьи 12 Пелиндабского договора о проверке и контроле являются тщательно разработанными и призваны гарантировать, что стороны не участвуют в тайных программах создания ядерного оружия. Положения также гарантируют, что будут ответные меры, если будет установлено, что сторона нарушает свои обязательства. Система проверки отражает региональные условия, существовавшие в 1995 году, когда ассамблеей глав государств ОАЕ был принят Пелиндабский договор. Эти обстоятельства включали тот факт, что 51 африканское государство является участником ДНЯО и, следовательно, подпадает под действие полномасштабных гарантий МАГАТЭ по типу ДНЯО. Только два африканских государства - Ангола и Джибути - пока не являются участниками ДНЯО, и у них нет известных ядерных объектов и видов деятельности. Кроме того, ни одно из Африканских государств, за исключением Южной Африки, не обладают техническими возможностями, промышленной базой или экономической мощностью для создания ядерных взрывных устройств. Только Южная Африка обладает значительной атомной промышленностью. Действительно, на статью 6 Пелиндабского договора оказал влияние тот факт, что впервые в ЗСЯО должна была быть включена сторона, обладающая потенциалом создания ядерного оружия.

Методы проверки соблюдения договора указаны в Статье 6, 9, 12-15 и приложения II-IV. Они включают следующее:

- Международная проверка демонтажа и уничтожения любого ядерного потенциала для производства ядерных установок (статья 6);
- Проверка мирного использования и гарантий МАГАТЭ (статья 9 и приложение II);
- Институциональные механизмы обеспечения соблюдения (Статьи 12 и 14 и приложение III);
- Процедура рассмотрения жалоб и урегулирования споров (статья 15 и приложение IV);
- Отчеты и обмен информацией (статья 13).

Кроме того, статья 12 Договора учреждает Африканскую комиссию по ядерной энергии (AFCONE), о которой было упомянуто в настоящем разделе в контексте мирного использования ядерной энергии на африканском континенте. При этом, AFCONE осуществляет надзор за

исполнением Договора и обеспечение его соблюдения. Комиссия в составе 12 членов отвечает за сопоставление отчетов, предоставленных сторонами, организацию консультаций и созыв совещаний по любому возникающему вопросу осуществления Договора, рассматривает применение гарантий МАГАТЭ, ведет процедуру рассмотрения жалоб. Очередная сессия комиссии проводится раз в год, но при необходимости проводятся внеочередные сессии для рассмотрения жалоб и урегулирования споров [Fischer, 1995/1996].

Пелиндабский договор предусматривает процедуру обмена информацией и докладами между сторонами (статья 13 Договора). С этой целью стороны обязаны представлять AFCONE ежегодные отчеты о своей ядерной деятельности и любых других вопросах, касающихся Договора. Кроме того, стороны также обязаны незамедлительно сообщать AFCONE о любом значительном событии, влияющем на осуществление Договора. AFCONE отвечает за сопоставление обменов данными и их распространение среди сторон. Наконец, как мы отмечали ранее, Договор позволяет AFCONE запрашивать у МАГАТЭ информацию о ежегодном отчете деятельности Африканского регионального соглашения о сотрудничестве в области исследований, разработок и подготовки кадров, связанных с ядерной наукой и технологиями (AFRA).

Пелиндабский договор учреждает Конференцию участников, в состав которой входят представители всех сторон. Хотя это высший орган, созданный в соответствии с Договором, его функции довольно ограничены.

Депозитарий Договора (т.е. Генеральный секретарь ОАЕ) обязан созвать первую Конференцию участников как можно скорее после вступления Договора в силу, чтобы, среди прочего, избрать членов AFCONE. Дальнейшие совещания Конференции участников проводятся по мере необходимости (по крайней мере, каждые два года). Другие функции Конференции участников включают утверждение бюджета AFCONE и шкалы взносов, подлежащих уплате сторонами.

Решения, касающиеся поправок к Договору, будут приниматься большинством в две трети сторон либо путем направления письменного сообщения AFCONE или через Конференцию, созываемую с согласия простого большинства, такие поправки вступят в силу для всех сторон после ратификации большинством сторон [Turianskyi, 2022].

31 марта 2022 года Совет мира и безопасности Африканского союза провел свое 1071-е заседание, посвященное осуществлению Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке (Пелиндабский договор). Участники совещания призвали международные и региональные субъекты к совместным действиям по осуществлению усилий по ядерному разоружению и нераспространению.

С 17 по 18 мая 2022 года в штаб-квартире Африканского союза (АС) в Аддис-Абебе, Эфиопия, проходила 5-я очередная сессия Конференции государств-участников Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке (Пелиндабский договор). Целью Сессии было содействие универсализации Пелиндабского договора [NTI, www...].

Последующие статьи Договора посвящены заключительным положениям. К Договору Пелиндаба не могут применяться оговорки, он имеет неограниченный срок действия и остается в силе бессрочно. Согласно статье 18 Договор вступает в силу после сдачи на хранение депозитарию 28-ой ратификационной грамоты, что произошло 15 июля 2009 года. Для государства, которое присоединится после этой даты, Договор вступит в силу в день сдачи им на хранение своей ратификационной грамоты. Те подписавшие Договор стороны, которые пока не ратифицировали его (10 государств), но являются участниками Венской конвенции о праве

международных договоров, обязаны в соответствии с этой Конвенцией воздерживаться от любых действий, противоречащих целям Пелиндабского договора. Эта процедура позволяет государствам, которые считают невозможным немедленное присоединение, отложить свое присоединение к Договору, не откладывая вступление Договора в силу [Bandarra, Prys-Hansen, van Wyk, Dawood, Herz, Hassid, 2022].

Пелиндабский договор содержит, по существу, те же положения о выходе, что и ДНЯО. Согласно статье 20 выход из Договора допустим, если сторона решит, что исключительные обстоятельства, связанные с предметом Договора, поставили под угрозу её высшие интересы. Данная процедура осуществляется путем направления депозитарию за 12 месяцев уведомления.

Неотъемлемой частью Договора Пелиндаба являются Приложения и Протоколы к нему.

Если участник Договора еще не заключил стандартного соглашения о гарантиях, предусмотренного ДНЯО, с МАГАТЭ, то в соответствии с Приложением 2 каждая сторона принимает все соответствующие шаги для обеспечения того, чтобы данное соглашение вступило для него в силу не позднее чем через восемнадцать месяцев после даты вступления в силу для этой стороны Договора. Потенциальными сторонами, которые эксплуатируют ядерные установки и за которыми будет наблюдать МАГАТЭ, являются Алжир, Египет, Гана, Ливия, Заир и Южная Африка. В Приложении 3 кратко излагаются состав, структура, задачи и процедура голосования в AFCONE [Medeiros, 1996].

Как и в Договоре Раротонга, Приложение 4 Договора Пелиндаба предусматривает довольно сложную процедуру рассмотрения жалоб и урегулирования споров. Пелиндабский договор описывает ряд шагов, которые должна предпринять сторона, подозревающая, что другая сторона или участник Протокола III к Договору нарушает свои обязательства.

Во-первых, заявитель обязан довести предмет жалобы до сведения обвиняемой стороны, предоставив 30 дней для дачи объяснений и возможное решение вопроса. На этом первом этапе особое внимание уделяется элементу «от государства к государству», который включает двусторонние консультации и разъяснения, а также «технические визиты», которые должны быть согласованы сторонами. При переходе к техническим визитам консультации эквивалентны национальным техническим инспекциям друг друга. Полезность положения Пелиндабского договора, касающегося технических визитов, будет зависеть, в частности, от уровня технического потенциала, особенно в ядерной области, соответствующих государств [Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке, www...].

Во-вторых, если вопрос не будет решен, жалоба может быть подана в AFCONE, который затем предоставляет обвиняемой стороне еще 45 дней для предоставления объяснений. Участники переговоров по договору надеялись, что консультаций, технических визитов и усилий AFCONE в большинстве случаев будет достаточно для урегулирования предмета жалобы. Если усилия AFCONE не приведут к разрешению проблемы, и если AFCONE сочтет, что в жалобе содержится «достаточное содержание», чтобы оправдать инспекцию территории обвиняемой стороны, то AFCONE может обратиться к МАГАТЭ с просьбой провести такую инспекцию как можно скорее. AFCONE может также создать свои собственные инспекционные механизмы.

Решение AFCONE о необходимости проведения инспекции МАГАТЭ является обязательным для заинтересованной стороны, и у нее нет права на отказ.

В-третьих, ожидается, что МАГАТЭ, как только поступит запрос от AFCONE, соберет свою инспекционную группу и проведет инспекцию. AFCONE может назначить представителей для сопровождения инспекционной группы МАГАТЭ. Представители обвиняемой стороны также

могут сопровождать инспекционную группу. Во время инспекции группа находится под руководством МАГАТЭ. Поскольку это своего рода вызов инспекции на месте, обвиняемая сторона обязана предоставить инспекторам МАГАТЭ необходимые привилегии и иммунитеты, а также полный и свободный доступ ко всей соответствующей информации и местам на своей территории. Однако ожидается, что инспекторы будут должным образом учитывать внутреннее законодательство соответствующей стороны. МАГАТЭ обязано как можно скорее сообщить AFCONE о своих выводах в письменной форме, изложив свою деятельность и соответствующие факты, и информацию [Mendenhall, 2020].

В-четвертых, после получения отчетов об инспекциях от МАГАТЭ AFCONE (1) представит отчет всем сторонам, (2) проведет совещание, чтобы решить, нарушает ли обвиняемая сторона свои обязательства по договору (именно AFCONE определяет соблюдение в первую очередь), и (3) если AFCONE считает, что имеет место нарушение договора, для дальнейшего обсуждения этого вопроса будет созвана внеочередная сессия Конференции участников. На внеочередной сессии стороны могут вынести соответствующие рекомендации стороне, нарушившей свои обязательства, и перед ОАЕ (которая является высшим политическим органом в Африке), помимо этого, Пелиндабский договор предусматривает, что ОАЕ может передавать такие вопросы о несоблюдении на рассмотрение вышестоящих органов, таких как Совет Безопасности ООН [Taha, 2021].

Наконец, любой спор, возникающий в связи с толкованием Договора, подлежит разрешению путем переговоров, обращения в AFCONE или с помощью другой процедуры, согласованной сторонами, которая может включать обращение в арбитражную коллегия или Международный суд.

К Договору Пелиндаба прилагаются три Протокола. Протоколы I и II, которые открыты для подписания пятью признанными государствами, обладающими ядерным оружием, касаются негативных гарантий безопасности т.е. обязательства не применять ядерное оружие и не угрожать его применением против сторон и с обязательством не проводить никаких ядерных испытаний в этой зоне. Протокол II был подписан Китаем, Францией, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами в апреле 1996 года, а Российской Федерацией - в ноябре 1996 года. Китай (6 сентября 1996 г.), Франция (31 июля 1997 г.), Соединенное Королевство (27 февраля 2001 г.) и Российская Федерация (11 марта 2011 г.) ратифицировали Протокол. Ратификация США находится на рассмотрении, но Протоколы I и II были представлены в Сенат США для ратификации в мае 2011 г. При ратификации сделанные при подписании оговорки подтвердила Великобритания. Протокол III касается внезональных государств (Франции и Испании), которые имеют территории в зоне, и возлагает на них де-юре или де-факто международную ответственность за применение определенных конкретных статей Договора к таким территориям, т.е. статей 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10. Участники Протокола III также обязаны обеспечить применение к таким территориям гарантий, указанных в приложении II к Договору. Протокол III был подписан Францией 11 апреля 1996 года и ратифицирован 31 июля 1997 года. Испания не подписывала и не ратифицировала Протокол III.

Заключение

Таким образом, в завершении настоящего параграфа можно сделать следующие выводы.

В Договоре Пелиндаба содержатся подробные положения об использовании ядерной энергии в мирных целях, которых нет ни в Договоре Тлателолко, ни в Договоре Раротонга. Роль

МАГАТЭ, AFCONE, AFRA, внезональных государств, которые являются передовыми в области ядерных технологий, будет иметь решающее значение для мирного использования ядерных технологий в Африке.

Другой уникальной особенностью Пелиндабского договора является положение, касающееся запрещения вооруженного нападения на ядерные установки. С этой целью каждая сторона обязуется не предпринимать, не помогать и не поощрять никаких действий, направленных на вооруженное нападение обычными или иными средствами на ядерные установки в ЗСЯО Африке.

В целях физической защиты ядерных материалов, установок и оборудования для предотвращения их хищения или несанкционированного использования и работ с ними каждая Сторона, в частности, обязуется применять меры физической защиты, эквивалентные мерам, предусмотренным в Конвенции о физической защите ядерного материала и в рекомендациях и руководящих принципах, разработанных для этой цели МАГАТЭ. Тем самым, данная статья Договора предлагает инновационный и полезный прецедент для других договоров о безъядерных зонах.

В качестве обязательства, отсутствующего в других региональных договорах, статья 11 Договора Пелиндаба обязывает каждую сторону «не осуществлять, не поддерживать и не поощрять любые действия, имеющие целью вооруженное нападение - с применением обычных или иных средств - на ядерные объекты в зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке». Включение этого обязательства в другие потенциальные договоры о безъядерных зонах стало бы важной мерой укрепления доверия, особенно на Ближнем Востоке, где такие атаки уже имели место.

Приложение 4 Договора Пелиндаба предусматривает довольно сложную процедуру рассмотрения жалоб и урегулирования споров. Пелиндабский договор описывает ряд шагов, которые должна предпринять сторона, подозревающая, что другая сторона или участник Протокола III к Договору нарушает свои обязательства.

Библиография

1. Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/pelindaba.pdf (дата обращения: 01.03.2025)
2. Griffith B. African Nuclear-Weapon-Free Zone Nears Realization // *Arms Control Today*, Vol. 38, No. 4 (MAY 2008), p. 44.
3. Ogunbanwo S. The Treaty of Pelindaba: Africa Is Nuclear-Weapon-Free // *Security Dialogue*, Vol. 27, No. 2 (JUNE 1996), pp. 185-200.
4. Fischer D. The Pelindaba Treaty: Africa Joins the Nuclear-Free World // *Arms Control Today*, Vol. 25, No. 10 (December 1995/January 1996), pp. 9-14.
5. L. Spector, A. Ohlde. Negative Security Assurances: Revisiting the Nuclear-Weapon-Free Zone Option // *Arms Control Today*, Vol. 35, No. 3 (APRIL 2005), pp. 13-19.
6. Turianskyi Y. Safety and Security of Nuclear Facilities and Materials in Africa // *South African Institute of International Affairs* (Aug. 1, 2022).
7. URL: <https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/african-nuclear-weapon-free-zone-anwzfz-treaty-pelindaba-treaty/> (дата обращения 01.03.2025)
8. L. Bandarra, M. Prys-Hansen, J. van Wyk, L. Dawood, M. Herz, N. Hassid. Africa's Nuclear Abolitionism, Prohibition, and the Global Nuclear Order: Trends and Prospects // *Global South Perspectives on a Global Ban on Nuclear Weapons:: A Comparative Approach*, German Institute of Global and Area Studies (GIGA) (Jul. 1, 2022).
9. Evan S. Medeiros. African Nuclear-Weapon-Free-Zone Treaty Signed By 43 Countries // *Arms Control Today*, Vol. 26, No. 3 (April 1996), p. 22-25.
10. Mendenhall E. Nuclear-Weapon-Free Zones and Contemporary Arms Control // *Strategic Studies Quarterly*, Vol. 14, No. 4 (WINTER 2020), pp. 122-151.

11. Taha H. Normative framework and peaceful uses of nuclear energy // Egypt's Quest for a Nuclear Future, South African Institute of International Affairs. Jan. 1, 2021.

International Legal Analysis of Certain Obligations of States Parties to the Pelindaba Treaty

Gamzat N. Nutsalkhanov

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of State-Legal Disciplines,
North Caucasus Institute (Branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia),
368000, 9, Amet-Khan Sultan str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gamzat940@mail.ru

Abstract

This article examines the obligations of States Parties to the African Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty (Pelindaba Treaty). The study provides a comprehensive analysis of the Treaty's provisions through formal-legal methodology of international legal instruments. The author concludes that the Pelindaba Treaty contains detailed provisions on peaceful uses of nuclear energy; prohibitions against armed attacks on nuclear installations; and norms concerning physical protection of nuclear materials, installations, and equipment - in accordance not only with the Convention on the Physical Protection of Nuclear Material but also with guidelines and recommendations developed by the IAEA for this purpose.

For citation

Nutsalkhanov G.N. (2025) Mezhdunarodno-pravovoy analiz nekotorykh obyazatelstv gosudarstv-uchastnikov Dogovora Pelindaba [International Legal Analysis of Certain Obligations of States Parties to the Pelindaba Treaty]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 621-630.

Keywords

Treaty, nuclear weapons, security, disarmament, non-proliferation, nuclear-weapon-free zone

References

1. Treaty on the African Nuclear-Weapon-Free Zone. (1996). https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/pelindaba.pdf (Accessed: March 1, 2025).
2. Griffith, B. (2008, May). African Nuclear-Weapon-Free Zone Nears Realization. *Arms Control Today*, *38*(4), 44.
3. Ogunbanwo, S. (1996, June). The Treaty of Pelindaba: Africa Is Nuclear-Weapon-Free. *Security Dialogue*, *27*(2), 185-200.
4. Fischer, D. (1995/1996, December/January). The Pelindaba Treaty: Africa Joins the Nuclear-Free World. *Arms Control Today*, *25*(10), 9-14.
5. Spector, L., & Ohlde, A. (2005, April). Negative Security Assurances: Revisiting the Nuclear-Weapon-Free Zone Option. *Arms Control Today*, *35*(3), 13-19.
6. Turianskyi, Y. (2022, August 1). Safety and Security of Nuclear Facilities and Materials in Africa. South African Institute

of International Affairs.

7. African Nuclear-Weapon-Free Zone (ANWFZ) Treaty (Pelindaba Treaty). (n.d.). Nuclear Threat Initiative. <https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/african-nuclear-weapon-free-zone-anwfz-treaty-pelindaba-treaty/> (Accessed: March 1, 2025).
8. Bandarra, L., Prys-Hansen, M., van Wyk, J., Dawood, L., Herz, M., & Hassid, N. (2022, July 1). Africa's Nuclear Abolitionism, Prohibition, and the Global Nuclear Order: Trends and Prospects. German Institute of Global and Area Studies (GIGA).
9. Medeiros, E. S. (1996, April). African Nuclear-Weapon-Free-Zone Treaty Signed By 43 Countries. *Arms Control Today*, *26*(3), 22-25.
10. Mendenhall, E. (2020, Winter). Nuclear-Weapon-Free Zones and Contemporary Arms Control. *Strategic Studies Quarterly*, *14*(4), 122-151.
11. Taha, H. (2021, January 1). Normative Framework and Peaceful Uses of Nuclear Energy. South African Institute of International Affairs.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
 - substantive (to reflect the main content of an article and research results);
 - structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.